«Русскій Архивъ» будетъ издаваться въ 1891 году.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1890

9.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1890.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ОСЬМОЙ.

1890.

3.

„РУССКІЙ АРХИВЪ“ выходитъ двѣнадцатью выпусками въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ особую книгу, съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ. Азбучный указатель личныхъ именъ, въ концѣ третьей книги,—общій для всего годоваго изданія: Римская цифра означаетъ книгу, Арабская—страницу.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

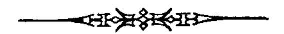
Петромъ Бартеневымъ.

Чтò было—быльемъ поросло.

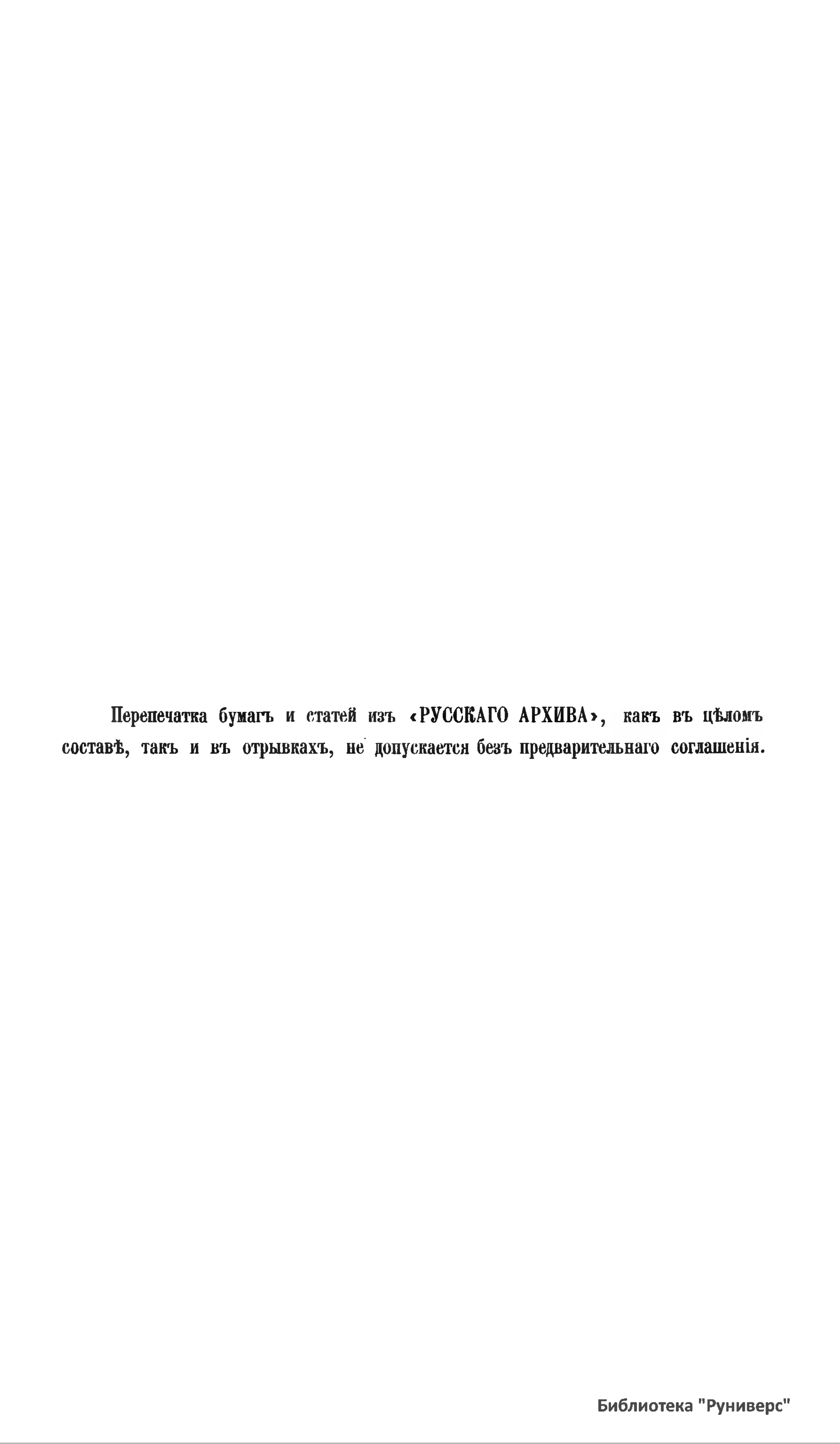
Народная поговорка.

1890.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1890.

ТАЙНАЯ ПЕРЕПИСКА О ПРЕДПОЛАГАВШЕМСЯ БРАКѢ НАПОЛЕОНА ПЕРВАГО СЪ ВЕЛИКОЮ КНЯЖНОЮ АННОЮ ПАВЛОВНОЮ.

1809—1810 годы.

Современная историческая наука уже выяснила тѣсную причинную связь между неудачею Наполеона въ сватовствѣ за младшую изъ сестеръ императора Александра I и отказомъ его утвердить конвенцію, заключенную съ Русскимъ дворомъ уполномоченнымъ его Коленкуромъ, въ силу которой онъ обязывался не только не возстановлять королевства Польскаго, но и самое имя Польши и Поляковъ не употреблять впредъ въ публичныхъ актахъ, а также не расширять предѣловъ великаго герцогства Варшавскаго на счетъ бывшихъ Польскихъ областей. По справедливому замѣчанію С. М. Соловьева, дѣло объ означенной конвенціи было основною причиною уничтоженія Тильзитскаго союза, а слѣдовательно и исходною точкою недоразумѣній, приведшихъ къ отечественной войнѣ 1812 года. Но сущность довѣрительныхъ переговоровъ оставалась доселѣ тайною. Историкъ консульства и имперіи Тьеръ не нашелъ во Французскихъ архивахъ относящейся до сего переписки и считалъ ее истребленною во время отступленія Французовъ отъ Москвы, либо по занятіи Парижа союзными арміями. Авторъ новѣйшаго изслѣдованія о разводѣ Наполеона I-го, г. Вельшингеръ, также не пользовался этою перепискою.

Два года тому назадъ мнѣ удалось открыть эти бумаги въ одномъ изъ дополнительныхъ томовъ Русскаго отдѣла Парижскаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ *). Съ тѣхъ поръ издатель писемъ Талейрана къ Наполеону, г. Бертранъ, обнародовалъ часть ея въ журналѣ «Le Correspondant». Но главные документы приведены г. Бертраномъ съ значительными пропусками именно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя представляютъ наибольшее историческое значеніе, свидѣтельствуя о соотношеніи между отказомъ въ рукѣ Великой Княжны и рѣшеніемъ императора Французовъ не ратификовать конвенцію о Польшѣ.

Печатая нынѣ полностью въ *Русскомъ Архивѣ* въ точномъ переводѣ эту переписку о сватовствѣ, веденную по приказанію Наполеона

---

*) Archives du Ministère des affaires étrangères de France, Russie, supplément 17.

между Французскимъ министромъ внѣшнихъ сношеній Шампаньи (герцогомъ Кадорскимъ) и посломъ императора Французовъ при Русскомъ дворѣ Коленкуромъ (герцогомъ Виченцскимъ), переписку дополненную нѣсколькими другими историческими документами, относящимися къ тому же предмету, я имѣю въ виду освѣтить одинъ изъ важнѣйшихъ и доселѣ наименѣе извѣстныхъ эпизодовъ исторіи Русской политики въ XIX столѣтіи. Міровыя послѣдствія этого эпизода сказались въ побѣдоносной борьбѣ 1812 года и въ окончательномъ торжествѣ императора Александра I-го надъ Наполеономъ.

Бумаги эти такъ убѣдительно краснорѣчивы сами по себѣ, что ни въ какихъ поясненіяхъ не нуждаются.

Первая мысль о скрѣпленіи союза политическаго, заключеннаго съ Франціей, союзомъ родственнымъ съ Наполеономъ, возникла въ умѣ императора Александра еще въ Тильзитѣ и тогда же была сообщена имъ новому другу и союзнику. Наполеонъ, еще не помышлявшій о разводѣ съ Жозефиной Богарнэ, принялъ къ свѣдѣнію заявленіе Русскаго императора, но отложилъ исполненіе его на неопредѣленное время. Изъ пяти сестеръ Государя двѣ старшія, Александра и Елена Павловны, скончались вскорѣ по выходѣ, первая за палатина Венгерскаго эрцгерцога Іосифа, вторая—за великаго герцога Мекленбургъ-Шверинскаго; третья сестра, Марія Павловна, съ 1803 года была въ замужествѣ за наслѣднымъ герцогомъ Саксенъ-Веймарскимъ; самой младшей, Аннѣ Павловнѣ, едва минуло 12 лѣтъ. Супругою императора Французовъ могла, стало быть, сдѣлаться въ 1807 году только четвертая, любимая сестра Александра, 19-тилѣтняя красавица, великая княжна Екатерина Павловна.

Такое намѣреніе Государя пришлось не по душѣ вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, вообще враждебно относившейся къ сближенію съ Франціей. Потерявъ надежду выдать дочь-невѣсту за императора Австрійскаго Франца I, августѣйшая мать, вслѣдъ за подписаніемъ Тильзитскаго мира, возложила на графа Головкина довѣрительное порученіе пріискать для великой княжны Екатерины жениха въ одномъ изъ древнихъ царственныхъ домовъ Западной Европы, указавъ ему предпочтительно на Австрійскихъ эрцгерцоговъ Карла или Іоанна и на наслѣднаго принца Баварскаго Лудвига. Но, посѣтивъ Вѣну и Мюнхенъ, чрезвычайный посланецъ императрицы Маріи убѣдился, что не можетъ быть и рѣчи о вступленіи католическихъ принцевъ въ бракъ съ Русскою княжной иначе какъ подъ условіемъ перемѣны ею вѣры, а потому начатые имъ переговоры остались безъ послѣдствій.

Годъ спустя, во время свиданія въ Эрфуртѣ, Наполеонъ поручилъ Талейрану поднять съ императоромъ Александромъ вопросъ о бракѣ съ его сестрою, въ виду уже рѣшеннаго развода съ Жозефиной. Извѣстно двуличное поведеніе Французскаго дипломата, который, вмѣсто того чтобы отстаивать своего повелителя, всячески старался, изъ личнаго нерасположенія къ нему, возбудить противъ него недовѣріе Русскаго государя. При такихъ условіяхъ понятно, что Государь, самъ

успѣвшій охладѣть къ Наполеону, далъ отвѣтъ неопредѣленный и уклончивый, ссылаясь на предоставленное завѣщаніемъ императора Павла императрицѣ-матери исключительное право распоряжаться судьбою ея дочерей. По возвращеніи Александра Павловича въ Петербургъ, туда вызванъ былъ одинъ изъ ближайшихъ Нѣмецкихъ свойственниковъ императорскаго дома, принцъ Георгій Ольденбургскій и въ самомъ началѣ 1809 года обвѣнчанъ, въ присутствіи короля и королевы Прусскихъ, съ великою княжною Екатериною Павловной.

Между тѣмъ Испанскій походъ и послѣдовавшая за нимъ война съ Австріей вынудили императора Французовъ отложить еще на цѣлый годъ исполненіе намѣренія о разводѣ. Осуществлено оно было лишь по заключеніи Шёнбрунскаго мира. За три недѣли до состоявшагося по сему поводу сенатскаго постановленія, Французскій министръ внѣшнихъ сношеній отправилъ въ Русскую столицу нарочнаго курьера съ слѣдующею депешею, имъ самимъ составленною и зашифрованною.

I.

Шампаньи—Коленкуру.

Парижъ, 10 (22) Ноября 1809 г.

Господинъ посолъ. Вамъ извѣстны настоянія, давно уже предъявляемыя императору лицами, наиболѣе преданными его особѣ и великимъ интересамъ его династіи. Представленія эти долго оставались безплодными. Однако я имѣю поводъ предполагать, что, по зрѣломъ обсужденіи положенія Франціи и своего семейства, императоръ скоро рѣшится, наконецъ, на разводъ. Намѣреніе свое его величество открылъ мнѣ одному, въ виду необходимости приказать мнѣ написать вамъ настоящее письмо, которое я шифровалъ самъ.

Слухи о разводѣ дошли въ Эрфуртѣ до свѣдѣнія императора Александра, который, повидимому, упомянулъ о нихъ въ бесѣдѣ съ императоромъ и самъ сказалъ ему, что княжна Анна въ его распоряженіи (que la princesse Anne était à sa disposition). Императоръ желаетъ, чтобы вы откровенно и просто возбудили этотъ вопросъ съ императоромъ Александромъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Я имѣю основаніе думать, что императоръ, побуждаемый къ тому всей Франціей, помышляетъ о разводѣ. Могу ли я донести, что онъ въ правѣ разсчитывать на вашу сестру? Прошу ваше величество поразмыслить о томъ два дня и сообщить мнѣ свой отвѣтъ не какъ Французскому послу, а какъ человѣку, преисполненному ревности ко благу обѣихъ династій. Я не обращаюсь къ вамъ съ формальнымъ предложеніемъ, а лишь ходатайствую о довѣрительномъ сообщеніи мнѣ вашихъ намѣреній. Рѣшаюсь на такое дѣйствіе, потому что, привыкнувъ ввѣрять вашему величеству всѣ мои помыслы, не опасаюсь быть когда-либо поставленъ вами въ неловкое положеніе“.

Ни подъ какимъ предлогомъ не заводите о томъ рѣчи съ графомъ Румянцовымъ и, послѣ этого разговора, равно какъ и послѣ того, который

имѣетъ послѣдовать, вы, два дня спустя, сами позабудьте совершенно о настоящемъ моемъ сообщеніи.

Вамъ останется извѣстить насъ о качествахъ молодой княжны и въ особенности о времени, когда она можетъ быть матерью: ибо при нынѣшнихъ разсчетахъ разность въ шесть мѣяцевъ уже имѣетъ значеніе.

Мнѣ нѣтъ надобности напоминать вашему превосходительству о необходимости соблюдать строжайшую тайну: вы сами почувствуете, въ чемъ заключается вашъ долгъ предъ его величествомъ.

*

О важномъ значеніи, какое придавали своему запросу Наполеонъ и министръ его, свидѣтельствуетъ письмо, сопровождавшее шифрованную депешу герцога Кадорскаго къ герцогу Виченцскому.

II.

Шампаньи—Коленкуру.

Парижъ, 12 (24) Ноября 1809 г.

Господинъ посолъ. Прилагаемая къ письму сему депеша касается важнаго предмета, соблюденіе коего въ тайнѣ крайне необходимо для его величества императора. Его величество желалъ, чтобы я самъ зашифровалъ ее, что́ и было исполнено мною. Императоръ предлагаетъ и вамъ расшифровать ее самому, какого бы труда это вамъ ни стоило и сколько бы вамъ ни потребовалось для того времени. Такое же наставленіе преподается вамъ на счетъ вашего отвѣта на означенную депешу. Онъ долженъ быть шифрованъ вами же, и предупредите меня, дабы и я расшифровалъ его самъ. Предлагаю, вамъ, по моему примѣру, придерживаться способа шифрованія наиболѣе облегчающаго расшифровку.

*

Курьеръ Жарлэ, которому поручено было доставить обѣ бумаги Коленкуру въ Петербургъ, выѣхалъ изъ Парижа 13 (25) Ноября. Въ Декабрѣ отправленъ другой курьеръ съ слѣдующими письмами.

III.

Шампаньи—Коленкуру.

Парижъ, 1 (13) Декабря 1809 г.

Господинъ посолъ. Я извѣстилъ васъ о намѣреніяхъ императора шифрованнымъ письмомъ моимъ отъ 10 (22) Ноября. Съ тѣхъ поръ сюда прибылъ вице-король *). Императрица, сознавая величіе обстоятельствъ и крайнюю потребность государства, первая облегчила разводъ. По всѣмъ вѣроятностямъ, въ будущую Пятницу постановленіе Сената изречетъ расторженіе брака императора въ силу обоюднаго согласія. Императрица со-

*) Евгеній Богарнэ, вице-король Итальянскій, пасынокъ Наполеона.

хранитъ свое званіе, титулъ и приличный удѣлъ. Въ томъ положеніи, которое вы, милостивый государь, занимаете на вашемъ мѣстѣ, императоръ вполнѣ полагается на васъ относительно того, что̀ должно быть сдѣлано; а потому вамъ предстоитъ поступать, соображаясь съ нижеслѣдующими тремя положительными данными:

1) Императоръ, въ томъ случаѣ, если вы не имѣете предъявить возраженій, которыя могли бы измѣнить его мнѣніе, отдаетъ прежде всего предпочтеніе сестрѣ Русскаго императора;

2) здѣсь дороги минуты, ибо все это есть дѣло политики, а потому императоръ спѣшитъ обезпечить свои великіе интересы дѣтьми;

3) условіямъ не придается никакой важности, даже тѣмъ, которыя касаются вѣроисповѣданія.

Такимъ образомъ вы, въ настоящую минуту, располагаете полною свободой, дабы вести себя съ требуемою обстоятельствами осторожностью и подвигаться впередъ, если окажется нужнымъ, безъ дальнѣйшихъ отлагательствъ. А потому было бы крайне прискорбно, если бы отвѣтъ вашъ на это письмо оставилъ насъ въ неизвѣстности. Даже если настоящему дѣлу не суждено состояться (вслѣдствіе ли собранныхъ вами свѣдѣній, относительно которыхъ императоръ полагается на васъ, или по причинѣ нерасположенія Русскаго двора) главное—возможность идти впередъ, коль скоро это будетъ признано нужнымъ. Во всѣхъ вашихъ соображеніяхъ исходите изъ основнаго начала, что хотятъ имѣть дѣтей. Объясняйтесь же и дѣйствуйте согласно этому письму, которое продиктовано мнѣ императоромъ. Его величество вполнѣ полагается на васъ, зная вашу смётку (tact) и преданность вашу его особѣ.

Полковникъ Горголи*) будетъ отправленъ въ Понедѣльникъ, въ тотъ день, когда документы появятся въ Монитёрѣ. Императоръ непремѣнно желаетъ знать ранѣе конца Января, на что̀ ему можно разсчитывать.

IV.

Шампаньи—Коленкуру.

Парижъ, 5 (17) Декабря 1809 г.

Герцогъ. Сегодняшній *Монитёръ*, который я имѣю честь препроводить при семъ, докажетъ вамъ необходимость скораго и рѣшительнаго отвѣта на мои два шифрованныя письма, отъ 10 (22) Ноября и 1 (13) Декабря. Императоръ ждетъ его съ нетерпѣніемъ.

Событіе, сообщенное *Монитёромъ*, побудило меня обратиться къ Французскимъ агентамъ съ циркуляромъ, который я счелъ долгомъ отправить также къ вамъ; но въ одномъ только *Монитёрѣ* вы почерпнете офиціальное сообщеніе, которое имѣете сдѣлать.

---

*) Находившійся въ Парижѣ флигель-адъютантъ Александра, позднѣе Петербургскій оберъ-полицеймейстеръ (зять Рибаса). П. Б.

Флигель-адъютантъ полковникъ Горголи былъ задержанъ въ Парижѣ до второй половины (конца) Декабря. Отпуская его, Наполеонъ вручилъ ему письмо на имя императора Александра, въ которомъ ясно отражается тревожное состояніе духа Французскаго владыки.

V.

Наполеонъ—Александру I.

Парижъ, 19 (31) Декабря 1809 г.

Государь братъ мой. Я получилъ вторую ноту канцлера Румянцова; она опечалила меня. Къ чему возвращаться снова къ дѣламъ, порѣшеннымъ моимъ письмомъ изъ Вѣны? Я провозгласилъ предъ лицомъ Европы чувства мои не только о Варшавскомъ герцогствѣ, но даже и о Валахіи и Молдавіи. Послѣ всего этого я не понимаю, чего хотятъ еще? Я не могу уничтожать химеры, ни бороться съ облаками. Предоставляю вашему величеству разсудить самому, кто изъ насъ, я или вы, ведетъ болѣе рѣчь въ смыслѣ союза и дружбы? Начать сомнѣваться значитъ позабыть Эрфуртъ и Тильзитъ. Соблаговолите ли ваше величество одобрить это изліяніе?

Коленкуръ извѣщаетъ, что ваше величество въ Москвѣ. Вы неутомимы. Я провелъ нѣсколько времени въ уединеніи и былъ истинно опечаленъ тѣмъ, чтó интересы моей монархіи вынудили меня совершить. Вашему величеству извѣстна вся моя привязанность къ императрицѣ.

Ваше Величество не дозволите ли мнѣ сослаться на герцога Виченцскаго по всему, чтò я имѣю вамъ сказать о моей политикѣ и истинной дружбѣ? Онъ не въ состояніи выразить вамъ, какъ бы я того желалъ, всѣ чувства, мною къ вамъ питаемыя.

Первый Французскій курьеръ Жарлэ оставался въ дорогѣ менѣе трехъ недѣль и прибылъ въ Петербургъ на двадцатый день по отъѣздѣ изъ Парижа, а именно 2 (14) Декабря *). Императора Александра не было въ Сѣверной столицѣ: онъ находился въ Москвѣ, откуда возвратился 15 (27). На другой же день Коленкуръ испросилъ и получилъ отъ него аудіенцію. О довѣрительныхъ бесѣдахъ съ Государемъ онъ донесъ Шампаньи слѣдующими письмами.

VI.

Коленкуръ—Шампаньи.

С.-Петербургъ, 24 Декабря 1809 (5 Января 1810 г.)

Герцогъ. 16 (28) Декабря я исполнилъ приказанія, переданныя мнѣ вашимъ превосходительствомъ въ шифрованномъ письмѣ отъ 10 (22) Ноября. Императоръ хорошо принялъ мое сообщеніе. „Чтó до меня касается, то это вполнѣ мнѣ пригодно", сказалъ онъ мнѣ. „Мысль эта мнѣ даже улыбается, признаюсь вамъ откровенно. По мнѣнію моему, сестра моя

---

*) Сличи наше предположеніе о томъ, что Александръ Павловичъ нарочно уѣхалъ изъ Твери въ Москву, чтобы затянуть переговоры съ Франціей. (Р. Архивъ 1877, III, 230). Отлично зная нравъ Наполеона (какъ видно изъ помѣщенныхъ ниже бесѣдъ его съ княземъ Чарторижскимъ), онъ игралъ на возгорѣвшемся династическомъ самолюбіи тайнаго врага своего. П. Б.

не можетъ желать лучшаго какъ для себя самой, такъ и для дѣлъ вообще. Но вспомните, что́ я говорилъ вамъ въ Эрфуртѣ: законъ, а также послѣдняя воля моего отца, предоставляютъ матери моей свободное и полное распоряженіе устройствомъ судьбы дочерей; а ея мысли не всегда согласуются съ моими желаніями, ни съ политикой, ни даже съ благоразуміемъ. Когда я въ былое время говорилъ императору о желаніи Европы, равно какъ и истинныхъ друзей и вѣрныхъ слугъ его, чтобы его династія утвердилась потомствомъ, онъ отвѣчалъ мнѣ лишь въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Я думалъ, что онъ не раздѣляетъ вашихъ мыслей, а потому и не дѣлалъ ничего. Но такъ какъ съ тѣхъ поръ я ничего не подготовилъ, то и не могу дать вамъ нынѣ же отвѣтъ. Еслибы дѣло зависѣло отъ меня, то вы заручились бы моимъ словомъ прежде, чѣмъ оставить мой кабинетъ; потому что, повторяю, мысль эта улыбается мнѣ. Я подумаю и сообщу вамъ желаемый отвѣтъ, но надо дать мнѣ по меньшей мѣрѣ десять дней сроку".

18 (30) я получилъ записку отъ графа Румянцова съ просьбой посѣтить его. (Мы провели съ нимъ весь вечеръ наканунѣ по дѣлу о конвенціи.) „Не министръ говоритъ съ вами", сказалъ онъ мнѣ; „забудьте, что вы посолъ, а я министръ Императора; забудемъ и тотъ разговоръ, что́ станемъ вести. Императоръ передалъ мнѣ ваши слова. Въ свое время онъ повѣдалъ мнѣ и то, что́ было сказано въ Эрфуртѣ. Онъ хочетъ, чтобы я побесѣдовалъ съ вами". Видя, что я ему не отвѣчаю, министръ продолжалъ: „Прежде всего Императору необходимо знать: то что́ вы ему говорили, составляетъ ли предметъ желаній вашего министерства или самаго государя? Въ послѣднемъ случаѣ, мы должны постараться удовлетворить ему, и того хочетъ Императоръ. Но если это только желаніе министерства, то вамъ извѣстно положеніе Императора, нравъ его матери и ея нескромность. Такимъ образомъ, не имѣя возможности объясняться съ нею, потому что она склонна къ безконечнымъ кондиціямъ, Императоръ не можетъ дать вамъ отвѣтъ, какъ бы онъ того ни желалъ и какъ ни заманчивой представляется ему эта мысль. Что́ до меня касается, то признаюсь вамъ откровенно: я держусь инаго мнѣнія. Для меня бракъ—камень на нашемъ пути. Справьтесь съ исторіей: вы увидите, что браки чаще охлаждали союзы, нежели скрѣпляли ихъ. Неудовольствіе на жену выражается и на ея семьѣ. Это политическое замѣшательство, а никакъ не выгода. Въ качествѣ сторонника союза, въ качествѣ человѣка, посвятившаго жизнь свою этой системѣ, я бы предпочелъ, чтобы данный вопросъ вовсе не возбуждался". Я отклонилъ продолженіе бесѣды, сказавъ ему въ отвѣтъ, что довѣрчиво говорилъ Императору, но что довѣрительное сообщеніе, которое онъ счелъ нужнымъ сдѣлать, ставитъ меня въ затруднительное положеніе, какъ ни велико довѣріе, питаемое мною къ графу Румянцову.

Во второмъ разговорѣ съ его величествомъ 22 Декабря (3 Января), онъ сообщилъ мнѣ о затрудненіи, причиняемомъ ему настоящимъ дѣломъ, вслѣдствіе нескромности его матери. „Нельзя ничего рѣшить, не заговоривъ", сказалъ мнѣ Императоръ; „а между тѣмъ нельзя также и говорить въ

виду нескромностей, ибо нѣтъ еще ничего положительнаго". Такъ какъ я уже получилъ вашу депешу отъ 1 (13), то и высказался положительнѣе, даже настойчивѣе. Я посѣтовалъ на затрудненіе, въ которое поставило меня сообщеніе, сдѣланное графу Румянцову, безъ предупрежденія меня. Императоръ отвѣчалъ: „Онъ нашъ общій другъ. Вы его знаете: признаніе это умретъ вмѣстѣ съ нимъ. Съ вами говорилъ не министръ. Нужно же мнѣ было довѣриться кому-нибудь. Онъ единственный человѣкъ, заслуживающій моего довѣрія". Еще ранѣе Императоръ говорилъ мнѣ о вѣроисповѣданіи, на каковой вопросъ я уклонился отъ отвѣта. Онъ сказалъ, что я непремѣнно долженъ объясниться по этому предмету; ибо онъ самъ не властенъ дозволить какое-либо отступленіе или даже согласиться на таковое. „Вы знаете", прибавилъ онъ, „наши предразсудки; я не въ силахъ ихъ устранить, и сама императрица Екатерина не посмѣла посягнуть на нихъ, какъ ни сильно было желаніе ея устроить бракъ съ королемъ Шведскимъ". Онъ повторилъ мнѣ все, что̀ произошло по этому случаю. Я отвѣчалъ согласно разрѣшенію вашего превосходительства, что въ этомъ не представится ни малѣйшихъ затрудненій. „Но по означенному вопросу", возразилъ мнѣ Императоръ, „нужно будетъ дать письменное обязательство, дабы она имѣла при себѣ священника и домашнюю церковь. Дадите ли вы его?" Я отвѣчалъ утвердительно.

Въ бесѣдѣ нашей Императоръ далъ мнѣ понять, что сожалѣетъ о томъ, что съ нимъ не объяснились ранѣе, что̀ дало бы возможность либо заблаговременно подготовить дѣло, либо помолвить великую княгиню Екатерину, которая по возрасту болѣе подходила бы къ императору. „Когда въ былое время заговорили о томъ въ публикѣ", продолжалъ императоръ Александръ, „она первая высказала, что такъ и должно быть, если сдѣлаютъ ей предложеніе. Умъ ея, характеръ, возрастъ, все было бы пригоднѣе для васъ. Для той, которую вы хотите, я сдѣлаю все, что́ въ моей власти". Императоръ говорилъ мнѣ о мнѣніи Румянцова, утверждая, что не раздѣляетъ его вполнѣ; что онъ расположенъ въ пользу этого дѣла, хотя и не скрываетъ отъ себя всѣхъ мелкихъ семейныхъ дрязгъ, которыя могутъ произойти по причинѣ характера матери, до такой степени превратившей дочерей своихъ въ зависимыя отъ нея существа, что даже выданныя уже нѣсколько лѣтъ за мужъ пишутъ къ ней ежедневно. „Признаюсь вамъ", сказалъ онъ мнѣ, „что, при нынѣшнихъ нашихъ отношеніяхъ, я предпочелъ бы, чтобы этотъ вопросъ не возбуждался вовсе". „Впрочемъ", прибавилъ онъ шутя, „въ затрудненіи окажутся дипломаты. Вы сдѣлаете дѣло, и не вамъ на него жаловаться. Что́ до меня, то я счастливъ буду, если новыя узы свяжутъ меня съ императоромъ, и во всякомъ случаѣ я явлюсь его союзникомъ и другомъ". Сверхъ того онъ сказалъ мнѣ, что по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ вице-король Итальянскій поступилъ въ данномъ случаѣ какъ нельзя благоразумнѣе и безкорыстнѣе по отношенію къ императору. Вашему превосходительству извѣстно изъ Придворнаго Альманаха, что Великая Княжна Анна вступаетъ въ шестнадцатый годъ лишь завтра

26 Декабря (7 Января). Это точно. Она высока ростомъ для своего возраста и болѣе развита чѣмъ обыкновенно бываетъ въ этой странѣ, такъ какъ по словамъ лицъ, посѣщающихъ дворъ ея матери, она вполнѣ сформирована физически вотъ уже цѣлые пять мѣсяцевъ. Ростъ ея, станъ, все указываетъ на это. Она высока для своихъ лѣтъ, у нея прекрасные глаза, нѣжное выраженіе лица, любезная и пріятная наружность и хоть она не красавица, но взоръ ея вполнѣ полонъ доброты. Нравъ ея тихъ и, говорятъ, очень скроменъ. Добротѣ ея отдаютъ предпочтеніе предъ умомъ. Въ этомъ отношеніи она совершенно отличается отъ сестры своей, слывшей высокомѣрной и рѣшительной. Какъ всѣ великія княжны, она прекрасно воспитана и образована. Она уже умѣетъ держать себя, какъ подобаетъ принцессѣ, и обладаетъ тактомъ и увѣренностью, необходимыми при дворѣ.

Общее замѣчаніе: кровь текущая въ жилахъ членовъ императорской семьи живѣе, чѣмъ у Русскихъ. Если вѣрить придворной хроникѣ, природа въ нихъ развивается рано. Сыновья вообще походятъ на мать, дочери—на императора Павла. Чтó же касается до ихъ сложенія, то у княженъ какъ внѣшній видъ, такъ и темпераментъ сухи. Великая княжна Анна составляетъ исключеніе изъ правила. Подобно братьямъ она походитъ на мать. Все обѣщаетъ, что она унаслѣдуетъ ея походку и формы. Извѣстно, что императрица и понынѣ, несмотря на свои 50 лѣтъ, представляетъ изъ себя готовую форму для отливки дѣтей (un moule à enfants).

VII.

Коленкуръ—Шампаньи.

С.-Петербургъ, 25 Декабря 1809 г. (6 Января 1810 г.).

Императоръ, отъ котораго я только что пріѣхалъ, сказалъ мнѣ, что проситъ еще десять дней сроку, ибо изъ деликатности хочетъ говорить лишь отъ своего имени и какъ о проектѣ, который можетъ быть вызванъ нынѣшними обстоятельствами. Мать его благосклонно приняла его сообщеніе. Она написала къ дочери своей въ Тверь, чтобы узнать ея мнѣніе *). Курьеръ долженъ прибыть туда сегодня. Императоръ доволенъ первымъ пріемомъ, оказаннымъ его запросу. Императрица довольна содержаніемъ Монитёра отъ 5 (17), который я послалъ Императору. Оно произвело хорошее впечатлѣніе. Императоръ, говоря мнѣ, что довѣряетъ мнѣ эти подробности какъ другу (потому что онѣ не касаются сущности дѣла) повторилъ, что желаетъ осуществленія, что сдѣлаетъ все отъ него зависящее, что ему дорого доказать императору Наполеону, какъ онъ лично къ нему привязанъ. Онъ думаетъ, что отвѣтъ изъ Твери будетъ согласенъ съ его жела-

*) Къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, проживавшей въ Твери, гдѣ мужъ ея принцъ Георгій Ольденбургскій занималъ должность генералъ-губернатора.

ніемъ, судя по тому, что́ было ею сказано въ прошломъ году за свой счетъ. Онъ можетъ въ этомъ случаѣ только вести переговоры, такъ какъ актъ, предоставляющій матери его распоряженіе судьбою дѣтей, былъ положенъ во время коронаціи императора Павла на престолъ Московскаго Собора. Предразсудки связываютъ ему руки, но множество признаковъ наводятъ на мысль, что Императрица раздѣляетъ его мнѣніе. Все пока происходитъ отъ его имени, какъ еслибы рѣчь шла лишь о томъ, чтобы освѣдомиться о рѣшеніи на случай предъявленія запроса. Онъ обѣщалъ мнѣ соблюдать ненарушимѣйшую тайну. „Я оберегаю", сказалъ онъ, „достоинство императора Наполеона, также какъ бы я хотѣлъ, чтобы оберегали и мое достоинство въ подобномъ случаѣ. Если дѣло не состоится, то не подлежитъ сомнѣнію, что никто никогда не заговоритъ о немъ; ибо гр. Румянцовъ—единственное посвященное въ тайну лицо, и она умретъ съ нимъ, какъ и со мной. Имп. Наполеонъ пока еще не связанъ ничѣмъ, даже передо мною".

Въ обществѣ много толкуютъ о разводѣ. Общее мнѣніе указываетъ на Великую Княжну, и это помогаетъ Императору, ибо имѣетъ большое значеніе для Императрицы, которая опасается болѣе упрековъ со стороны общества, чѣмъ отъ своего сына. Я стану слѣдить за происходящимъ, и ваше превосходительство будете извѣщены въ точности. Слава и счастіе моего повелителя отвѣчаютъ вамъ за мое усердіе и вѣрность. Я Французъ; но я былъ ему преданъ прежде, чѣмъ онъ осыпалъ меня почестями и щедротами. Я не буду первымъ неблагодарнымъ въ моей семьѣ.

*

Одновременно съ двумя шифрованными письмами Коленкуръ отправилъ въ Парижъ на утвержденіе Наполеона и заключенную имъ тогда же, а именно 25 Дек. 1809 г. (6 Янв. 1810 г.) конвенцію о Польшѣ, дававшую полное удовлетвореніе требованіямъ, предъявленнымъ С.-Петербургскимъ кабинетомъ Парижскому. Коленкура немало смущало при этомъ совпаденіе этого акта съ предложеніемъ руки императора Французовъ Русской Великой Княжнѣ, на которое Наполеонъ требовалъ отвѣта въ двухдневный срокъ, Александръ же обѣщалъ отвѣчать черезъ десять дней, и по истеченіи ихъ просилъ еще десятидневнаго срока. Смущеніе посла явно сказывается въ третьемъ нешифрованномъ письмѣ его къ министру внѣшнихъ сношеній, въ которомъ онъ касается вскользь обоихъ вопросовъ въ ихъ взаимной связи.

VIII.

Коленкуръ—Шампаньи.

С.-Петербургъ, 25 Декабря 1809 г. (6 Января 1810 г.).

Герцогъ. Обѣ прилагаемыя шифрованныя депеши предназначаются для личнаго свѣдѣнія вашего превосходительства и не должны быть довѣрены канцеляріи. Предлагаю вамъ начать со второй.

Будучи новичкомъ въ дипломатической карьерѣ, я почту себя счастливымъ, если его величество императоръ останется доволенъ конвенціей. Во

всѣхъ отношеніяхъ я имѣю поводъ быть довольнымъ моими сношеніями съ дворомъ и съ министерствомъ. Сдается мнѣ, что замедленіе нѣкоторыхъ дѣлъ происходитъ дѣйствительно только отъ указанныхъ причинъ.

Здѣсь очень довольны, по крайней мѣрѣ мнѣ твердятъ это, и я знаю, тоже говорятъ и другимъ.

Я имѣлъ честь писать нѣсколько времени назадъ его величеству объ испрашиваемомъ мною пособіи. Меня извѣщаютъ изъ Парижа, увѣряя, что говорилъ это герцогъ Ровигскій *), будто я буду отозванъ. Я не придаю ни малѣйшей вѣры этой доброй вѣсти; ибо всѣ, кто интересуется мною, молчатъ, а я считаю себя слишкомъ вѣрнымъ слугой моего повелителя, дабы настаивать на этомъ. Но какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ, возвращусь ли я или останусь здѣсь, необходимо придти мнѣ на помощь. Я бы не просилъ, еслибы не испытывалъ нужды. Это стоитъ мнѣ слишкомъ большихъ усилій, и императоръ знаетъ, что я не изъ тѣхъ людей, которые торгуются изъ-за службы. Поступая такъ, я оказалъ бы къ нему неуваженіе и унизилъ бы самъ себя. Курьеръ графа Румянцова отправляется завтра. Я на дняхъ сильно страдалъ грудью, при изнурительной лихорадкѣ, но дѣла́ не испытали замедленія.

Я приказалъ переписать мною зашифрованныя депеши; ибо, признаюсь вашему превосходительству, что плохо пишу цифры. Но это не представляетъ неудобства, потому что составилъ ихъ я самъ, и что переписчикъ незнакомъ съ шифромъ.

Въ обществѣ не знаютъ еще объ актахъ 7 (19) Декабря. Я передамъ Монитёръ только завтра. Впрочемъ здѣсь много занимаются этимъ событіемъ, которое въ письмахъ изъ Парижа изображается близкимъ.

Примите, ваше превосходительство, съ выраженіемъ благодарности за возвращеніе мнѣ г. Рюминьи, увѣреніе и проч.

P. S. Г. Лажаръ все еще очень боленъ. Онъ на ногахъ четыре дня и затѣмъ проводитъ четыре дня въ постели. Не смотря на это, онъ готовится исполнить приказанія вашего превосходительства. Онъ отличный слуга вашего департамента.

Зная, что увижу Императора сегодня, я задержалъ курьера, имѣвшаго отбыть вчера.

*

Подписанная Коленкуромъ и графомъ Румянцовымъ конвенція была слѣдующаго содержанія.

IX.

Его величество императоръ Всероссійскій и его величество императоръ Французовъ, король Италіи, покровитель Рейнскаго союза и медіаторъ союза Швейцарскаго, побуждаемые желаніемъ непоколебимо утверждать миръ материка и желая отнять у Англіи (которая всегда и въ особенности въ теченіе послѣднихъ лѣтъ выказывала себя отъявленнымъ врагомъ материка) всякую надежду нарушить снова его спокойствіе, рѣшили не только

*) Генералъ Савари, герцогъ Ровигскій, министръ полиціи.

еще болѣе скрѣпить узы союза, столь счастливо соединяющаго обѣ имперіи, но и содѣйствовать всѣми возможными средствами упроченію его, дабы содѣлать его нерушимымъ. Вслѣдствіе сего ихъ императорскія величества сочли нужнымъ дружественно уговориться, чтобы заранѣе устранить единственныя причины безпокойства, которыя могли бы ослабить ихъ единеніе, и положить конецъ опаснымъ мечтаніямъ, которыя могутъ быть еще поддержаны въ сердцахъ бывшихъ Поляковъ химерическою надеждою на признаніе королевства Польскаго; будучи впрочемъ твердо убѣждены, что въ интересѣ этихъ народовъ слѣдуетъ обезпечить ихъ покой и повиновеніе тѣмъ правительствамъ, коимъ они принадлежатъ. Съ этою цѣлью избрали уполномоченными его величество императоръ Всероссійскій—графа Румянцова и его величество императоръ Французовъ—герцога Виченцскаго, которые, въ силу дозволенія своихъ государей, условились въ нижеслѣдующихъ статьяхъ:

Ст. 1. Королевство Польское никогда не будетъ возстановлено.

Ст. 2. Высокія договаривающіяся стороны обязуются наблюдать за тѣмъ, чтобы наименованія *Польша* и *Поляки* не примѣнялись никогда ни къ одной изъ частей, составлявшихъ прежде это королевство, ни къ жителямъ ихъ, ни къ войскамъ и чтобы они исчезли навсегда изъ всѣхъ офиціальныхъ или гласныхъ актовъ, какого бы рода тѣ ни были.

Ст. 3. Княжественные ордена, принадлежавшіе бывшему Польскому королевству, будутъ уничтожены и никогда впредъ не могутъ быть возстановлены.

Ст. 4. Никто изъ бывшихъ Поляковъ, нынѣ подданныхъ его величества императора Всероссійскаго, не можетъ быть впредъ принятъ на службу е. в. короля Саксонскаго, какъ герцога Варшавскаго; и по взаимности, никто изъ подданныхъ е. в. короля Саксонскаго или герцога Варшавскаго не можетъ быть принятъ на Русскую службу.

Ст. 5. Устанавливается, какъ твердое и непреложное правило, что Варшавское герцогство не можетъ впредъ получить никакого земельнаго приращенія на счетъ одной изъ частей, составлявшихъ бывшее Польское королевство.

Ст. 6. Не будутъ впредъ признаваемы смѣшанные подданные (sujets mixtes) между Россіей и герцогствомъ Варшавскимъ. Лицамъ, считавшимся таковыми, будетъ дарованъ срокъ въ двѣнадцать мѣсяцовъ со дня обмѣна ратификацій настоящаго акта, дабы заявить о подданствѣ, въ коемъ они желаютъ оставаться, и трехгодичный срокъ для отчужденія ихъ имуществъ въ той части, отъ которой они отрекутся.

Ст. 7. Е. в. императоръ Французовъ король Италіи обязуется устроить приступленіе е. в. короля Саксонскаго къ вышеизложеннымъ условіямъ и гарантируетъ приведеніе ихъ въ исполненіе.

Ст. 8. Настоящая конвенція будетъ ратификована высокими договаривающимися сторонами и ратификаціи обмѣнены въ С.-Петербургѣ въ продолженіе пятидесяти дней или ранѣе, если то окажется возможнымъ.

Составлено въ С.-Петербургѣ, 21 Декабря 1809 г. (2 Января 1810 г.).

Подписали: графъ *Румянцовъ*. Коленкуръ герцогъ *Виченцскій*.

Прошло нѣсколько недѣль томительнаго ожиданія, въ продолженіе которыхъ Коленкуръ написалъ два новыя донесенія въ Парижъ.

X.

Коленкуръ—Шампаньи.

С.-Петербургъ, 3 (15) Января 1810 г.

Герцогъ. Настоящая депеша отдастъ отчетъ вашему превосходительству лишь въ томъ, чтó Императоръ сказалъ мнѣ 29 (10). Онъ говорилъ о трудности ведомыхъ имъ переговоровъ, „тѣмъ бóльшихъ“, выразился онъ, „что, возбуждая вопросъ лишь отъ моего имени и оберегая въ этомъ отношеніи достоинство императора, согласно данному вами обѣщанію, я не могу торопить отвѣтомъ, какъ самъ того бы желалъ, потому что не могу приступить къ дѣлу положительнымъ образомъ, ибо не желаю, чтобы могли подумать, что у васъ имѣли такое намѣреніе, еслибы дѣло не состоялось“. Разсуждаютъ объ этомъ по три часа ежедневно. Основанныя на слухахъ донесенія полиціи—всѣ въ пользу дѣла. Это производитъ впечатлѣніе на Императрицу-мать. Она даже заговорила о томъ съ генералъ-губернаторомъ. „Это было бы такъ выгодно для страны и для всего міра, что всѣ этого желаютъ“, отвѣчалъ тотъ.

Отвѣтъ изъ Твери былъ тотъ именно, котораго ожидали. „Еслибы въ былое время“, пишутъ оттуда, „рѣчь зашла обо мнѣ, я бы поступила такъ, какъ заявила тогда; я не могу думать иначе за другую“.

Императоръ торопитъ, говоря, что онъ долженъ быть поставленъ въ возможность дать отвѣтъ, еслибы случилось, что съ нимъ о томъ заговорили. Разсуждаютъ сверхъ чаянія, но остаются пока въ нерѣшимости. Политическія выгоды повидимому признаны, но возраженія касаются возраста. Соглашаются, что Великая Княжна уже видимо развита физически (nubile), что были тому явные, хотя и легкіе, признаки. Приводятъ примѣръ двухъ старшихъ сестеръ: палатины Венгерской, умершей, говорятъ отъ того, что вышла замужъ слишкомъ рано, а также принцессы Мекленбургской. Спрашиваютъ: можетъ ли императоръ Наполеонъ имѣть дѣтей? Императоръ Александръ отвѣчаетъ утвердительно.

Императоръ говорилъ мнѣ о церковномъ бракѣ. Онъ спросилъ, расторгнутъ ли онъ? Я отвѣчалъ, что это ненужно, такъ какъ имѣлъ мѣсто бракъ гражданскій. Императоръ сказалъ, что дѣлаетъ всевозможное, дабы убѣдить. „Я служу императору Наполеону какъ другъ. Если я успѣю, то увѣряю васъ, что буду думать, что имѣлъ успѣхъ въ самыхъ трудныхъ переговорахъ; потому что мнѣ предстоитъ ратовать не противъ доводовъ, противопоставляя имъ другіе, а противъ женскаго ума, и самаго неразумнаго. Я не отчаеваюсь, потому что считаю дѣло выгоднымъ для всѣхъ, потому что оно еще болѣе скрѣпитъ союзъ. Я не испытываю въ томъ надобности, но буду счастливъ увѣренностью, что и преемники мои станутъ уважать мое дѣло. Они будутъ союзниками вашей династіи, какъ самъ я союзникъ ея великаго основателя“.

Императоръ сказалъ мнѣ также, что станетъ очень настаивать на пользѣ государства (la raison d'état). Я посовѣтовалъ ему представить мысль объ этомъ бракѣ въ связи съ эпохою самою главною, а также самою счастливою для Европы; ибо онъ можетъ состояться какъ разъ въ то время, когда оборотъ принятый дѣломъ въ Испаніи, а быть можетъ и миръ съ Англіей соединятъ эти два великія событія и призовутъ на эту эпоху благословенія вселенной. Императору понравилась эта мысль, и онъ сказалъ мнѣ, что доводы эти дѣйствительно произведутъ наибольшее впечатлѣніе, но что необходимо еще подождать немного времени.

Императоръ повѣдалъ мнѣ, что герцогъ Ровигскій посѣтилъ Лабенскаго *), у котораго онъ, какъ утверждаютъ, никогда не бывалъ прежде, что онъ говорилъ съ нимъ о Великой Княжнѣ и спросилъ его сколько ей лѣтъ, а также запросилъ свѣдѣнія о ней и объ ея наружности. Все это озадачило консула, который, прибавили мнѣ, затрудняясь отвѣтомъ, кинулся къ послу и разсказалъ ему обо всемъ.

XI.

Коленкуръ—Шампаньи.

С.-Петербургъ, (9) 21 Января 1810 г.

Герцогъ. Такъ какъ ничего еще не рѣшено, то я отдаю отчетъ вашему превосходительству о томъ, чтó произошло со времени отправленія письма моего отъ 3 (15) Января. 8 (20) Императоръ соизволилъ повѣдать мнѣ снова усилія свои съ цѣлью вызвать рѣшеніе. По прежнему онъ имѣлъ ежедневныя совѣщанія. Императрица не противится въ сущности, но въ тоже время, вслѣдствіе естественнаго склада своего характера, она не выходитъ изъ нерѣшительности. Нѣжный возрастъ, который въ началѣ вызывалъ нѣкоторыя сомнѣнія, пересталъ даже быть затрудненіемъ, выдвигаемымъ впередъ. Распрашиваютъ о выгодахъ, имѣющихъ произойти для Россіи, для союза, для спокойствія вселенной, для всеобщаго мира, который желали бы видѣть въ связи съ этимъ бракомъ. Одобряютъ обряды развода, даже хвалятъ ихъ. Словомъ, повидимому начинаютъ склоняться въ пользу проекта; но вслѣдствіе уже помянутой нерѣшительности характера и той женственной слабости, которая мнитъ избѣжать затрудненія въ счастливомъ выборѣ откладывая его—ни на что не рѣшаются.

Императоръ, въ той же мѣрѣ какъ и прежде, не говоря иначе какъ отъ своего имени и внося во все обѣщанную сдержанность, удовольствовался тѣмъ, что, дабы дать почувствовать необходимость рѣшенія, показалъ новую депешу князя Куракина **), передающую о слухахъ распространенныхъ въ Парижѣ; но такъ какъ они не имѣютъ никакого оффиці-

---

*) Русскій консулъ въ Парижѣ.

**) Русскій посолъ при Французскомъ дворѣ.

альнаго значенія, то и не положили конца колебаніямъ. Тогда онъ сталъ настаивать уже не какъ сынъ, а какъ императоръ. На всѣ его слова Императрица проявляла совершенно тоже во всѣхъ отношеніяхъ настроеніе и скорѣе *за* чѣмъ *противъ*; но въ этотъ разъ она вымолвила, что для принятія рѣшенія нужно, чтобы послѣдовало предложеніе. Императрица говорила съ графомъ Румянцовымъ въ тѣхъ же выраженіяхъ, чтó и съ Императоромъ. Она такъ мало догадывается, что мысль эта исходитъ отъ Тюльерійскаго кабинета, что бесѣдовала о ней съ нѣсколькими лицами какъ о городскомъ слухѣ. Здѣсь хотя и не знаютъ ничего положительнаго, но отвѣчаютъ на ея вопросы, что не слѣдуетъ колебаться, если будетъ сдѣлано предложеніе Великой Княжнѣ. Фельдмаршалъ Гудовичъ сказалъ тоже самое великой княгинѣ Екатеринѣ, которую онъ посѣтилъ и которая заговорила съ нимъ о Монитёрѣ отъ 6 (17), полученномъ въ Москвѣ за два дня до его отъѣзда. Это производитъ тѣмъ лучшее впечатлѣніе, что нерѣшительность и проволочка вызываются, повидимому, именно значеніемъ, которое придаютъ всеобщему одобренію.

Императрица сказала графу Румянцову: „Я вижу, что всѣ расположены въ пользу этого брака и что, если бы у всѣхъ спросили мнѣнія, всякій отвѣчалъ бы: да".—„Такъ и я думаю, Государыня", отвѣчалъ онъ. Каково бы ни было его мнѣніе, онъ въ добромъ смыслѣ говорилъ съ Императрицею и повидимому прямодушно служитъ Императору, который желаетъ успѣха. На настоянія Императора, твердившаго ей, чтò же мнѣ отвѣчать, если меня запросятъ? Императрица сказала: „Что мы чувствительны къ выбору и даже имъ польщены; потомъ попросите нѣсколько дней для отвѣта".

Императоръ, соблаговолившій сообщить всѣ эти подробности мнѣ лично, какъ выразился онъ, а равно и желаніе свое видѣть это предположеніе осуществленнымъ, изволилъ прибавить, что онъ прибѣгнетъ къ новымъ и твердымъ настояніямъ, дабы вызвать скорое рѣшеніе. Все происходитъ отъ его имени, такъ что никто и не воображаетъ, что вопросъ былъ возбужденъ даже между нимъ и мною. Я имѣлъ честь сказать Императору, что, судя по намѣреніямъ, обнаруживаемымъ Императрицей, я считаю себя въ правѣ уполномочить его пойдти даже немного далѣе, если уже необходимо довѣрительное сообщеніе съ его стороны, дабы побудить ее къ принятію рѣшенія. Императоръ отвѣчалъ мнѣ, что предпочитаетъ—не будучи увѣренъ въ расположеніи своей матери—вполнѣ оградить самолюбіе императора Наполеона, что на это потребуется еще нѣсколько дней, но что для успѣха выгодно не слишкомъ торопить Императрицу, а для императора Наполеона важно, чтобы тайна была соблюдена, если не удастся дѣло.

По всѣмъ признакамъ самолюбіе Императрицы польщено этою идеей, которую она считаетъ пока лишь выраженіемъ общественнаго настроенія. Конечно Императрица почувствовала бы непріятность, увидавъ другую вступающую вмѣсто дочери ея на Французскій престолъ; но таковъ ужъ ея нравъ, что когда по всѣмъ признакамъ она готова даже съ удовольствіемъ дать свое согласіе, на него все еще нельзя разсчитывать.

Я предложилъ Императору показать Императрицѣ, дабы возбудить въ ней довѣріе къ его словамъ и поторопить ее, то, что́ пишетъ князь Куракинъ о визитѣ Лабенскому. Императоръ не согласился со мною.

Не повторяю вашему превосходительству всего, что́ я сказалъ Императору и твержу ему при всякомъ удобномъ случаѣ съ цѣлью убѣдить его внести нѣсколько болѣе твердости (un peu plus de nerf) въ объясненія съ его матерью. Всякое обсужденіе съ нею не легко: мелкія соображенія всегда берутъ верхъ надъ крупными, и она пользуется случаемъ, дабы возвратить себѣ вліяніе, хотя бы только по внѣшности.

P. S. Узнаю сейчасъ, что въ депешѣ князя Куракина говорится о бракѣ, какъ о дѣлѣ условленномъ письменнымъ актомъ въ Эрфуртѣ. Здѣсь не хотятъ воспользоваться этимъ писаніемъ, дабы подѣйствовать на Императрицу; боятся—говорятъ мнѣ—неблагопріятнаго впечатлѣнія, если дать ей понять, что вопросъ былъ возбужденъ безъ ея вѣдома.

*

Между тѣмъ, въ С.-Петербургъ прибылъ изъ Парижа флигель-адъютантъ Горголи и привезъ Государю приведенное выше письмо Наполеона. Александръ Павловичъ тотчасъ же отвѣчалъ въ самыхъ довѣрчивыхъ и дружественныхъ выраженіяхъ, но въ письмѣ своемъ ни единымъ словомъ не коснулся щекотливаго вопроса о бракѣ.

XII.

Александръ—Наполеону *).

Государь братъ мой. Спѣшу отвѣчать на письмо полученное мною отъ вашего величества чрезъ Горголи. Не только не сержусь за вашу откровенность, но благодарю васъ за нее и умѣю цѣнить побужденія, ее вызвавшія. Вотъ мое объясненіе. Соблаговолите припомнить разстояніе, отдѣляющее Парижъ отъ Петербурга. Въ то время когда были написаны ноты, упоминаемыя вашимъ величествомъ, заявленія, сдѣланныя вами Законодательному Корпусу, не дошли еще сюда, и всѣ бумаги, даже оффиціальныя, были наполнены выраженіями: Польша и Поляки. Прекрасная рѣчь вашего величества, рѣчь вашего министра внутреннихъ дѣлъ и актъ по повелѣнію вашему, подписанный герцогомъ Виченцскимъ, вполнѣ положили конецъ моимъ опасеніямъ, истекавшимъ впрочемъ изъ высокой цѣны придаваемой мною нашему союзу и поддержанію во всей его силѣ дѣла, учиненнаго въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ. Надѣюсь, что ваше величество убѣдитесь отнынѣ, что я не имѣю инаго желанія какъ упрочить нашъ союзъ и что поэтому стремленія мои совершенно удовлетворены. Вашему величеству угодно было сообщить мнѣ о томъ, что́ вынудили васъ сдѣлать интересы вашей монар-

*) Подлиннаго письма я не нашелъ ни во Французскихъ, ни въ нашихъ архивахъ. На своеручномъ черновомъ, хранящемся въ С.-Петербургскомъ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ, числа не выставлено. По содержанію письмо относится къ половинѣ (концу) Января 1810 г.

хіи и о причиненной вамъ тѣмъ печали. Прошу васъ вѣрить, что я отнесся къ сему съ живѣйшимъ участіемъ и вполнѣ вошелъ въ ваше положеніе. Все что́ касается особы вашего величества крайне близко моему сердцу, и вы убѣдитесь въ томъ при всѣхъ случаяхъ моей жизни. Искренно желаю вамъ счастія и никогда не буду въ состояніи выразить, какъ бы того хотѣлъ, всѣ мною къ вамъ питаемыя чувства. За симъ и проч.

Но дѣло о бракѣ по прежнему не подвигалось, и Александръ подъ разными предлогами продолжалъ откладывать со дня на день, съ одной недѣли на другую, столь нетерпѣливо ожидаемый Коленкуромъ окончательный отвѣтъ.

XIII.

Коленкуръ—Шампаньи.

С.-Петербургъ, 18 (30) Января 1810 г.

Герцогъ. Отдаю послѣдовательно отчетъ вашему превосходительству о ходѣ переговоровъ, который продолжаетъ быть медленнымъ. Князь Куракинъ снова пишетъ чрезъ г. Горголи, какъ если бы онъ считалъ бракъ дѣломъ давно рѣшеннымъ. Онъ увѣрнетъ, что нѣсколько лицъ говорили ему о томъ, но не оффиціально и что это нравится публикѣ. Онъ пишетъ, что отвѣчаетъ вопрошающимъ, что Великая Княжна слишкомъ молода, но что такъ много разговору, что въ неизвѣстности онъ и самъ не знаетъ, что́ отвѣчать.

Императоръ показалъ мнѣ довѣрительное письмо, писанное княземъ Куракинымъ къ Императрицѣ-матери. Онъ доноситъ ей о ходящихъ слухахъ, о важности значенія, придаваемаго этой идеѣ въ обществѣ; но такъ какъ онъ не получилъ по этому поводу ни малѣйшаго извѣщенія, даже полу-оффиціальнаго, то онъ и не можетъ думать, чтобы слухи имѣли основаніе. Онъ пишетъ, какъ человѣкъ, полагающій, что если дѣло и условлено, то Императрица-мать ничего о немъ не знаетъ, а потому онъ гораздо менѣе утвердителенъ, чѣмъ въ своей депешѣ. Онъ говоритъ только это съ тѣмъ, кто заводитъ съ нимъ разговоръ; онъ ссылается на юность Великой Княжны. Онъ ни слова не упоминаетъ о Лабенскомъ и не вдается ни въ какія размышленія. Онъ прилично отзывается объ императорѣ и императрицѣ и о сожалѣніи, съ которымъ она принесла тяжкую жертву. Онъ выражается объ этомъ весьма хорошо. Онъ присовокупляетъ, что императрицу жалѣютъ, хотя и съ радостью останавливаются на мысли, что у императора будутъ дѣти. Онъ говоритъ объ этихъ слухахъ такъ неопредѣленно, что письмо его, на которое Императоръ разсчитывалъ, дабы побудить Императрицу принять рѣшеніе, вызвало въ ней еще бо́льшую нерѣшительность. Посылая это письмо Императору, Императрица написала, что докажетъ ему, что пока еще нѣтъ ничего кромѣ розсказней (on dit), что остается еще много времени для размышленія и что торопиться не зачѣмъ. Императоръ соблаговолилъ показать мнѣ и эту записку.

Г. Горголи повторяетъ все, чтò онъ слышалъ въ Парижѣ. Онъ можетъ разсказать обо всемъ. Императрица-мать много его разспрашивала. Онъ сказалъ ей, что всѣ хотятъ осуществленія брака, даже въ Германіи и что тамъ вѣрятъ въ успѣхъ. Привезенныя имъ письма, равно какъ и разсказы его, утверждаютъ эти вѣсти въ обществѣ. Въ полицейскихъ донесеніяхъ Императору генералъ-губернаторъ говоритъ, что въ публикѣ больше уже не сомнѣваются, хотя собственно не знаютъ ничего. Самъ онъ, по словамъ Императора, говоритъ какъ человѣкъ сочувствующій дѣлу. Слухъ о бракѣ до того распространенъ, что многіе разговариваютъ о немъ со мною. Утверждаютъ, что онъ составляетъ общій предметъ разговоровъ при дворѣ и въ городѣ.

На балу, данномъ въ день имянинъ царствующей Императрицы, Императрица-мать снова удвоила свое вниманіе ко мнѣ. Это было замѣчено. Графъ Румянцовъ повѣдалъ мнѣ, что она впервыя отозвалась ему обо мнѣ съ похвалою; что, наконецъ, она спросила его, не говорилъ ли я ему о томъ, какъ она обошлась со мной въ день праздника Крещенія 6 (18) Января. На балѣ 12 (24) Императоръ сказалъ мнѣ, что ничего еще не достигъ, но что онъ подогрѣвалъ всѣми способами (qu'il chauffait de toute manière); что ему пріятно твердить мнѣ, что онъ такъ желаетъ успѣха; что если бы дѣло зависѣло отъ него, то оно состоялось бы немедленно. Я настаивалъ предъ Императоромъ, чтобы онъ, наконецъ, заговорилъ тономъ государя (de finir pour parler en maître) и принялъ какое ни есть рѣшеніе. Я далъ ему понять непристойность этихъ вѣчныхъ проволочекъ и въ заключеніе отвѣчалъ на сказанныя имъ любезности, что я не сомнѣваюсь болѣе въ успѣхѣ дѣла, коль скоро онъ берется быть посломъ посла предъ своею матерью. „Императоръ Наполеонъ“ (былъ его отвѣтъ) можетъ быть увѣренъ, что я служу ему, какъ и вы: сердцемъ и душою“

Съ графомъ Румянцовымъ я соблюдаю предписанную мнѣ сдержанность. Но онъ иногда разсказываетъ мнѣ нѣкоторыя своеобразныя подробности, которыя подтверждаютъ—если это только не условлено между ними—то, чтó говоритъ мнѣ Императоръ. Императрица сказала на дняхъ графу Румянцову: „Многіе ошибаются во мнѣніи моемъ объ императорѣ Наполеонѣ. Я мать и желала бы, чтобы сыновья мои походили на него не только какъ на великаго полководца, но какъ на государственнаго человѣка. Нельзя лучше управлять. Она громко выхваляла у себя порядокъ развода. Сверхъ того она сказала графу, что требуемый императоромъ отвѣтъ тѣмъ менѣе настоятеленъ, что гражданское уложеніе устанавливаетъ двухлѣтній срокъ послѣ развода для вторичнаго вступленія въ бракъ. Онъ отвѣчалъ, что въ государственномъ вопросѣ уложеніе не обязательно для государя. Императрица не приняла этого во вниманіе. Всѣ до того желаютъ, чтобы дѣло состоялось, что, на основаніи простыхъ общественныхъ слуховъ, нѣсколько старыхъ министровъ и вельможъ заговорили о немъ, такъ что это дошло до ея свѣдѣнія. Если будетъ сдѣлано предложеніе, говорили они, то надо его принять. Императрица знаетъ это и пови-

димому очень тому рада въ душѣ. Она не можетъ это скрыть, а все же не рѣшается.

*

Наконецъ въ концѣ Января (началѣ Февраля) послѣдовалъ со стороны Александра вѣжливый, но рѣшительный отвѣтъ.

XIV.

Коленкуръ—Шампаньи.

С.-Петербургъ, 24 Января (5 Февраля) 1810 г.

Герцогъ. Императоръ съ твердою настойчивостью потребовалъ отвѣта, и я имѣю честь донести вашему превосходительству о томъ, что̀ онъ мнѣ сказалъ 23-го (4-го). Возрастъ—единственное препятствіе къ браку, усматриваемое Императрицею-матерью. Несчастный примѣръ ея двухъ старшихъ дочерей не дозволяетъ ей согласиться на него ранѣе двухъ лѣтъ. Великая Княжна Анна не должна, подобно сестрамъ своимъ Маріи и Екатеринѣ, выдти замужъ ранѣе восемнадцати лѣтъ. Императрица польщена этою идеей, сказалъ мнѣ еще Императоръ; но никакой доводъ не могъ побудить ее разстаться съ боязнью подвергнуть опасности жизнь дочери, выдавъ ее замужъ слишкомъ рано. Императоръ Александръ присовокупилъ, что Императрицѣ, какъ и всѣмъ извѣстно, что императоръ Наполеонъ помышляетъ объ этомъ бракѣ; что онъ все дѣло велъ отъ своего имени, согласно данному мнѣ обѣщанію; что, убѣдясь въ невозможности измѣнить это материнское рѣшеніе, онъ не пошелъ далѣе, находя, что императоръ Наполеонъ, какъ и онъ самъ, не созданы, чтобы испрашивать или принимать милость; что самолюбіе обоихъ императоровъ не позволяетъ настаивать на предметѣ, который желаютъ выдать имъ за благодѣяніе (faveur), тогда какъ онъ былъ бы таковымъ для молодой дѣвушки. Повторяю вашему превосходительству собственныя слова Императора. Онъ прибавилъ, что союзъ, какъ и дружба, были и безъ того прямодушны и тѣсны; что онъ надѣется, что настоящее затрудненіе ничего въ нихъ не измѣнитъ; что съ своей стороны ему нѣтъ надобности въ новой связи, дабы быть преданнымъ его величеству; что онъ сожалѣетъ, что дѣло не устроилось, какъ того желали, какъ онъ самъ хотѣлъ, потому что эта связь болѣе всякой другой доказала бы Англіи, что союзъ неразрывенъ и что миръ Европы не можетъ быть впредъ нарушенъ. Онъ прибавилъ также, что его величество спѣшитъ и обязанъ спѣшить; что, объявивъ Европѣ о желаніи своемъ имѣть дѣтей, онъ не можетъ и не долженъ ждать; что самъ онъ сожалѣетъ, что вынужденъ ограничиться заявленіемъ ему пожеланій счастья; что, не имѣвъ возможности отдать ему въ залогъ дружбы одну изъ сестеръ своихъ, онъ станетъ воспитывать братьевъ въ сочувствіи къ союзу и къ общимъ пользамъ обоихъ государствъ; что великій князь Константинъ уже вполнѣ усвоилъ эти начала; что онъ цѣнитъ выгоды систе-

мы и что младшіе братья его, возрастомъ своимъ предназначенные быть его преемниками, такъ какъ у него нѣтъ дѣтей, будутъ воспитаны въ тѣхъ же самыхъ чувствахъ.

Мнѣ показалось, чте Императоръ не сожалѣетъ о необходимости отречься отъ этой мысли, но въ убѣжденіи, что нельзя измѣнить таковое рѣшеніе его матери, онъ повторилъ мнѣ уже прежде сказанное о правахъ ея на дочь, которыя связали бы ему руки, даже въ томъ случаѣ, если бы онъ захотѣлъ ее приневолить. Онъ прибавилъ, что она, какъ и всѣ, была польщена мыслію, что намѣчена была Великая Княжна, что все было подходяще въ этомъ предпочтеніи, единственнымъ препятствіемъ которому служилъ лишь въ настоящую минуту возрастъ. Онъ снова повторилъ мнѣ, что переговаривалъ объ этомъ вопросѣ какъ бы отъ себя и до такой степени оберегалъ все, чтб могло казаться истекающимъ отъ его величества или отъ меня, что никому не можетъ и въ голову придти, чтобъ объ этомъ шла рѣчь. „Въ семъ отношеніи императоръ Наполеонъ можетъ положиться на мою деликатность, равно какъ и на дружбу", сказалъ мнѣ Императоръ Александръ: „даже имя его не было произнесено всуе". Императоръ прибавилъ, что брака желали всѣ сословія, какъ и онъ самъ; что князь Куракинъ въ частномъ письмѣ къ графинѣ Ливенъ, сообщая только о слухахъ распространенныхъ во Франціи, косвенно давалъ понять сопряженныя съ тѣмъ выгоды; что графиня Ливенъ высказывалась за бракъ и искала расположить Императрицу въ его пользу, но что ничто не въ силахъ было измѣнить рѣшеніе его матери, умъ и характеръ которой сложенъ такъ, что нельзя расчитывать на обращеніе ея къ другому мнѣнію.

Императоръ казался мнѣ въ достаточной мѣрѣ недовольнымъ своею матерью. Онъ показалъ мнѣ нѣсколько записокъ ея къ нему по этому предмету, въ томъ самомъ смыслѣ, о которомъ онъ мнѣ сообщалъ, а я доносилъ. Въ заключеніе онъ сказалъ: „Мать моя никогда не знаетъ, чтб я дѣлаю и, какъ подданная, узнаётъ о дѣлахъ лишь когда они сдѣланы. Не будучи въ данномъ случаѣ ничѣмъ обязанъ ея снисходительности ко мнѣ, я считаю себя въ правѣ не измѣнять обычая и быть свободнымъ отъ всякаго рода признательности". Императоръ сказалъ мнѣ, наконецъ, что мысль его величества о скрѣпленіи союза бракомъ съ его сестрой создала для него и для Россіи долгъ, который онъ поспѣшитъ выплатить при первомъ случаѣ, но что онъ желаетъ, чтобы таковой случай представился, дабы онъ могъ лично и на дѣлѣ выразить ему, въ какой мѣрѣ онъ можетъ положиться на него и какъ самое это обстоятельство возбуждаетъ въ немъ желаніе дать ему лишнее доказательство приверженности.

Судя по видѣннымъ мною письмамъ и по тому, чтб я могъ замѣтить въ бесѣдахъ, рѣчи Императрицы всегда были пристойны. Возрастъ являлся великимъ препятствіемъ настоящей минуты; но еслибы предложеніе было сдѣлано и даже принято, то все же возникли бы затрудненія по духовному вопросу о первомъ бракѣ, который не считаютъ здѣсь расторгнутымъ по недѣйствительности развода въ силу нашихъ законовъ, еслибы бракъ былъ

заключенъ до истеченія двухлѣтняго срока. Вотъ что я могъ заключить изъ нѣсколькихъ фразъ Императора и графа Румянцова. Великая Княжна нрава слишкомъ тихаго и подчиненнаго, чтобы съ пользою содѣйствовать Императору и помогать ему въ устраненіи затрудненія. Самъ Императоръ имѣлъ ли бы достаточно твердости, чтобы не послушаться матери, даже въ подробностяхъ? Она не можетъ имѣть вліянія на дѣла, она его и не имѣетъ: но потому-то она и противодѣйствуетъ Императору, насколько это ей доступно. Великая Княжна за всѣмъ обращалась бы къ матери, которая по естественному расположенію пріумножила бы затрудненія, въ особенности при этихъ обстоятельствахъ. Настоящія подробности, какъ и тѣ, что́ я ранѣе сообщалъ вашему превосходительству, разъяснятъ ему положеніе дѣла и уволятъ меня отъ всякаго другаго сужденія. Императоръ продолжаетъ ли еще хотѣть брака? Долженъ ли я снова положить желѣзо въ огонь? Въ настоящую минуту почти невозможно отдать себѣ ясный отчетъ о рѣшеніи Императрицы, потому что даже приближенные ея думаютъ, что она расположена въ пользу брака до той степени, что графиня Ливенъ, наставница и ближайшая подруга Императрицы, стояла, если вѣрить слухамъ, за бракъ, такъ что показала какъ Императору, такъ и Императрицѣ полученное ею отъ князя Куракина письмо, причемъ сильно настаивала, чтобы бракъ состоялся. Императрица не показывала графинѣ письма, полученнаго ею отъ князя Куракина. Притворялась ли она со всѣми? Съ ея нравомъ и привычками это нелегко.

*

Несмотря на полученный отказъ, Коленкуръ не унывалъ, какъ видно изъ слѣдующаго его донесенія, писаннаго двѣ недѣли спустя.

XV.

Коленкуръ—Шампаньи.

С.-Петербургъ, 6 (18) Февраля 1810 г.

Герцогъ. Въ обществѣ все еще много толкуютъ о бракѣ. Повторяю вашему превосходительству, что въ немъ не сомнѣваются. Нѣсколько лицъ приближенныхъ къ Императрицѣ-матери, даже нѣкій графъ Головкинъ, котораго видѣли когда-то въ Мюнхенѣ по дѣлу о бракѣ наслѣднаго принца, а затѣмъ въ Вѣнѣ (какъ я въ свое время доносилъ вашему превосходительству), говорилъ о томъ одной особѣ, чрезъ которую, онъ былъ увѣренъ, что сказанное имъ дойдетъ прямо до меня. По словамъ его, Императрица-мать совершенно противна этому намѣренію, но она покорится, если Императоръ скажетъ: „я такъ хочу“. Онъ увѣряетъ, что Императоръ, сообщая ей о распространенныхъ слухахъ, тщетно побуждалъ ее, не далѣе какъ наканунѣ отъѣзда г. Чернышова *). Послѣ нѣсколькихъ колебаній,

*) Флигель-адъютантъ императора Александра, отправленный въ Парижъ.

одобривъ даже обрядъ развода, она въ концѣ концовъ ополчилась бы (elle se serait en définitive gendarmée) противъ мысли выдать дочь свою за разведеннаго государя: то была бы лишь западня, поставленная императоромъ Наполеономъ Россіи; случайность, уступать которой не слѣдуетъ; еслибы императоръ Наполеонъ дѣйствительно хотѣлъ вступить въ бракъ, онъ заблаговременно подготовилъ бы его; онъ не надѣлалъ бы Императору Александру много непріятностей изъ-за Поляковъ. Бракъ государя не совершается въ двадцать четыре часа; онъ подготовляется задолго вѣжливыми пріемами, взаимными любезностями; дружественныя слова раздались лишь послѣ развода; о чувствахъ къ Россіи заявили лишь одновременно съ разводомъ. Вотъ что говорится къ Гатчинѣ. Въ концѣ концовъ, Императрицу представляютъ крайне нерасположенною къ браку. Говорятъ, что она противилась волѣ Императора какъ нельзя больше, такъ что даже возбуждала его гнѣвъ. Со времени отъѣзда Чернышова Императоръ не отвѣчалъ ни на одно изъ ея писемъ. Между тѣмъ припѣвъ каждаго: „если Императоръ захочетъ, то дѣло сдѣлается". Императрица желаетъ, быть можетъ, увѣрить всѣхъ приближенныхъ, что она уступила принужденію. Мысль эта довольно распространена. Вообще, въ публикѣ держится мнѣніе, что Императоръ стоитъ за дѣло, но Императрица - противъ него. Императрицѣ приписываютъ слѣдующія слова: „Императоръ Наполеонъ нимало мальски не дорожитъ Россіей. Настоящій союзъ порожденъ обстоятельствами, съ цѣлью парализовать Сѣверъ, пока самъ онъ порабощаетъ Югъ".—„Великая Княжна Анна" (говорятъ также), дѣвушка тихая, добрая, чрезвычайно добрая, отличающаяся болѣе своими душевными качествами, нежели умомъ, не имѣющая нрава сестры своей, которая, на такомъ разстояніи и въ соединеніи съ нравомъ императора Наполеона, по крайней мѣрѣ представила бы ручательство за свое счастье или за обращеніе его съ нею и за родъ вліянія, которое она могла бы пріобрѣсти. Эта же не представляетъ ни одного изъ означенныхъ преимуществъ, ни для себя, ни для Россіи, и будетъ только покорною и добродѣтельною супругой; она, быть можетъ, и наскучитъ. Если черезъ нѣсколько лѣтъ она не понравится, развѣ это не породитъ неудобства вмѣсто выгоды для союза? Если у императора Наполеона не будетъ дѣтей (какъ это и вѣроятно, потому что онъ не имѣлъ ихъ даже отъ своихъ любовницъ), не придерется ли онъ къ этому предлогу, дабы удалить отъ себя государыню, которая по принципу никогда не согласится на что-либо подобное тому, что̀ произошло въ Швеціи, когда родился Густавъ IV-й. Это послѣднее замѣчаніе было также сдѣлано Императору, который повторилъ мнѣ его, какъ одну изъ многихъ трудностей приходящихъ въ голову его матери.

Я сильно подогрѣвалъ Императора (j'ai fortement chauffé l'Empereur) въ промежутки между отправленіями моихъ курьеровъ, а также и съ тѣхъ поръ. Я сказалъ все, что́ можно вообразить, дабы вызвать рѣшеніе, наконецъ все что́ говоритъ въ пользу этого брака, что́ касается выгодъ, которыя проистекли бы отъ него для Европы и въ особенности для Россіи.

Императоръ, казалось, мыслилъ такъ же какъ и я; но онъ подъ обаяніемъ матери. Я велъ переговоры со сдержанностью подходящею къ его нраву и къ обстоятельствамъ. Я долженъ признать истину, что всегда находилъ его убѣжденнымъ согласно моимъ желаніямъ: хотящимъ брака и расположеннымъ переговариваться о немъ, но повторяющимъ, что онъ не можетъ принудить мать свою. Онъ все еще сознаетъ выгоды этого брака; въ глубинѣ души онъ его желаетъ, но трудности пугаютъ его. Императоръ откровенно далъ мнѣ понять, что смерть императора Павла, актъ предоставляющій Императрицѣ распоряжаться судьбою дочерей, все это связываетъ ему въ данномъ отношеніи руки предъ нею, и вынуждаетъ къ снисходительности, которой онъ не соблюдаетъ въ другихъ отношеніяхъ, такъ какъ она не имѣетъ и никогда не будетъ имѣть никакого вліянія на дѣла. Она мутитъ (tracasse) во дворцѣ, въ семейныхъ дѣлахъ; но она безсильна внѣ этого тѣснаго круга. „Нужно терпѣніе"—сказалъ мнѣ императоръ.— „Я былъ почтительнымъ сыномъ моего несчастнаго отца; такимъ же остаюсь я и предъ матерью, во всемъ что̀ касается семейныхъ дѣлъ". Это вызвало продолжительное объясненіе. Я исходилъ изъ положенія, что онъ желаетъ брака какъ государственнаго дѣла выгоднаго для Россіи, успокоительнаго для Европы, страшнаго для Англіи, наконецъ, какъ дѣла нравящагося націи столько же, сколько и чувству питаемому Императоромъ къ моему повелителю; а потому у него должно быть довольно мужества, чтобы отдать приказаніе. Я доказалъ Императору, который согласился со мною, что это—вопросъ государственный, гораздо болѣе чѣмъ семейный. „Ваша мать"—сказалъ я—„не могла бы принудить васъ объявить кому нибудь войну?"— „Конечно нѣтъ", отвѣчалъ Императоръ. „Какъ же можетъ она помѣшать вамъ скрѣпить величайшій, полезнѣйшій союзъ изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ? Если это политическое дѣло, полезное, даже выгодное, можете ли вы, какъ государь, взвѣшивать на однихъ и тѣхъ же вѣсахъ неудовольствіе матери, хотя бы въ продолженіе сорока восьми часовъ, съ благомъ всего свѣта? Развѣ это значитъ не имѣть вліянія на Ваше Величество, когда мѣшаютъ вамъ совершить дѣло, которое поразило бы міръ, стало бы вѣнцомъ зданія и содѣяло бы счастіе вашего союзника? Видно, Императрица болѣе грозная, болѣе внушительная сила, чѣмъ Франція и Россія вмѣстѣ, коль скоро прихоть ея перевѣшиваетъ интересы той и другой". Это произвело впечатлѣніе и подготовило болѣе настойчивыя представленія, если таковыя мнѣ будутъ предписаны, но пока еще не побудило Императора заговорить другимъ тономъ. Я прибавилъ, что все здѣшнее общество желаетъ брака, какъ и онъ самъ. „Да", отвѣчалъ мнѣ Императоръ. „Императрица"—продолжалъ я—„женщина желающая показаться принужденной; въ глубинѣ души ей хочется, чтобы Ваше Величество сказали, что такова ваша воля и тѣмъ поставили бы ее въ согласіе съ ея такъ называемыми убѣжденіями. Почему не дать этого удовлетворенія, если всѣ того хотятъ, если всѣ ей то совѣтуютъ, а Ваше Величество считаете бракъ полезнымъ? Можетъ ли Императрица воспрепятствовать ему? Наконецъ, если

бы дѣло шло о войнѣ или мирѣ, сказала ли бы она Вашему Величеству: „Ведите войну, потому что я одна не хочу возвести дочь свою на первый престолъ въ мірѣ!“ „Нѣтъ“, сказалъ Императоръ. Я продолжалъ: „И такъ все зависитъ только отъ Вашего Величества. Развѣ она—судья побужденій Вашего Величества, развѣ вы не можете объявить ей вашу волю?“—„Но вѣдь и она не могла бы мнѣ сказать, что не хочетъ, если бы возрастъ былъ достаточенъ“, отвѣчалъ Императоръ Александръ. „Если бы императоръ Наполеонъ“—продолжалъ онъ—„подготовилъ дѣло заранѣе и далъ болѣе времени, все это произошло бы иначе. Если бы вы и я подготовили дѣло издавна или даже теперь, а императоръ развелся лишь черезъ годъ или черезъ восемнадцать мѣсяцевъ, Великая Княжна почти достигла бы возраста, когда можно уже имѣть дѣтей безъ опасности для себя, и тогда пришлось бы подчиниться необходимости (il aurait bien fallu que cela fût). Если бы она была старше, если бы согласились подождать ея, неужели вы думаете, что я не заговорилъ бы другимъ языкомъ? Въ моемъ положеніи, что́ могу я сказать матери досѣлѣ оплакивающей утрату двухъ дочерей, потому что обѣ были выданы замужъ въ слишкомъ юныхъ лѣтахъ? Сестра моя, конечно, была бы очень счастлива; такая участь можетъ ли быть сравнена съ чѣмъ либо существующимъ въ иномъ мѣстѣ, съ однимъ изъ этихъ глупыхъ браковъ заключенныхъ другими? Какъ и вы, я сознаю́ эти выгоды; я сознаю́ ихъ и какъ Русскій и какъ государь. Въ виду возраста сестры моей и строптиваго нрава моей матери, повторяю вамъ (въ сознаніи того, что́ довлѣетъ достоинству и величію престола) то чѣмъ обязанъ я предъ довѣріемъ и дружбой императора Наполеона, а также съ откровенностью вносимою мною въ разговоры съ вами, потому что я считаю васъ другомъ обладающимъ достаточнымъ тактомъ, дабы не придавать откровенности моей того характера, который должна имѣть, въ вашихъ донесеніяхъ, довѣрительная бесѣда государя. Повторяю же, въ виду препятствія представляемаго возрастомъ, я нахожу, что было бы унизительно для императора и для меня сдѣлать въ настоящую минуту предложеніе моей матери съ цѣлью вызвать перемѣну въ ея рѣшеніи. Самолюбіе ея было бы польщено, она извлекла бы для себя пользу, а мы не достигли бы ничего“. Мнѣ показалось, что Императоръ убѣжденъ, что всѣ настоянія останутся тщетными и что воззрѣнія его матери на это дѣло стали едва ли не неумѣстными. Онъ показался мнѣ крайне недовольнымъ ею, будучи убѣжденъ, что никто не въ состояніи заставить ее отказаться отъ двухлѣтняго срока. Мнѣніе это не зависитъ ли отъ какого-либо внутренняго затрудненія, которое предвидятъ и котораго опасаются, вѣроятнѣе, чѣмъ отъ идеи дѣйствительнаго противодѣйствія? Вопросъ этотъ рѣшить трудно, но на такую мысль наводятъ нравъ Императора и привычное его поведеніе въ семейной средѣ. Захотятъ ли у насъ побудить Императора сдѣлать новую попытку, попробовать сказать: *я такъ хочу*? Довѣріе, коимъ онъ меня удостоиваетъ, позволяетъ мнѣ сказать ему все. Какъ ни спѣшно дѣло, это ничего не прибавитъ къ тому, что́ я уже имѣлъ честь ему повторить, въ видѣ

личнаго моего мнѣнія, въ такомъ довѣрительномъ разговорѣ, который даетъ возможность всему придать видъ участія и довѣрія; но въ такомъ случаѣ, необходимо, чтобы запросъ былъ офиціальный. Повидимому, здѣсь опасаются его. Все это можетъ ли подѣйствовать на упрямую женщину?

Еслибъ даже удалось убѣдить Императора сказать: *я такъ хочу!* сомнѣваюсь, чтобы сказалъ онъ эти слова тономъ настолько внушительнымъ, чтобы предупредить жалобы, упреки, наконецъ чтобы рѣшить дѣло. Императоръ бываетъ ли внушителенъ со своими министрами и генералами? Нѣтъ. Будетъ ли онъ болѣе внушителенъ съ матерью? На это нельзя разсчитывать. Будучи упоренъ въ своемъ рѣшеніи, онъ боится принять его. Его пріемы ласковые и добрые сгладятъ суть дѣла, и слезы семьи его побѣдятъ его прежде чѣмъ онъ заговоритъ. Онъ будетъ побѣжденъ заранѣе одною мыслью о неуспѣхѣ. Слѣдуетъ ли выставить впередъ министра? Сомнительно, чтобъ удалось внушить ему рѣшимость взяться за дѣло, хотя въ концѣ довѣрительныхъ переговоровъ онъ и оказалъ содѣйствіе Императору (какъ говорили мнѣ о томъ и онъ, и Его Величество). Сомнительно, чтобы онъ проникся мыслью объ этомъ бракѣ. По словамъ его, бракъ скорѣе препятствіе, чѣмъ благо, во всѣхъ союзахъ. Я уже донесъ это вашему превосходительству. Съ тѣхъ поръ онъ въ подтвержденіе своего мнѣнія сталъ ссылаться на исторію. Итакъ, слѣдуетъ разсчитывать на одного только Императора, который хочетъ и желаетъ, кажется, этого брака, но который болѣе всего опасается вліянія, которое присвоитъ себѣ мать его во все продолженіе приготовленій къ бракосочетанію. Онъ убѣжденъ, что она вызоветъ затрудненія, дабы расширить свои требованія, что ему придется раздать много милостей, дать мѣста многимъ лицамъ, чтобы одолѣть малѣйшую трудность, что она назначитъ цѣну за все. Таково было съ самаго начала и мнѣніе графа Румянцова. Повидимому Императоръ раздѣляетъ его нынѣ и опасается этого болѣе всего. Императрица-мать безсильна въ дѣлахъ: это—фактъ; но она служитъ помѣхой во всемъ чтб до нея касается. Все чтб окружаетъ Императора, даже царствующая Императрица—ненавидятъ ее; она въ тягость всѣмъ, и Императору болѣе чѣмъ кому другому; но онъ не приневолитъ ея ни въ чемъ, чтб относится до нея лично. Вотъ каково, герцогъ, положеніе дѣлъ. Разумѣется, виновенъ тотъ, кто не успѣлъ въ дѣлѣ такой важности; но оправданіемъ мнѣ служитъ убѣжденіе, что невозможно было достигнуть бо́льшаго. Нужно ли снова возбудить дѣло? Поручитъ ли его императоръ мнѣ? Я готовъ и не буду болѣе считать себя побѣжденнымъ съ того дня какъ императоръ найдетъ, что можно одержать побѣду; но дабы сдѣлать эту попытку, нужно говорить офиціальнымъ языкомъ. До сихъ поръ дѣло велось довѣрительно и съ однимъ только Императоромъ. Императрица, какъ и всѣ прочіе, не подозрѣваетъ, что было произнесено хотя бы одно слово. Въ этомъ отношеніи приказанія Императора были исполнены съ вѣрностью и деликатностью хорошо мнѣ въ немъ извѣстными. Петербургъ былъ только эхомъ Парижа. Это могло подать Императрицѣ поводъ думать, что дворъ мой возъимѣлъ эту мысль.

Она сказала Императору и графу Румянцову, что ей, кажется, не сказали всего; но, какъ мнѣ повторяли, ее увѣрили въ противномъ, и я расположенъ этому вѣрить, потому что все что̀ проникло наружу указывало лишь на волю императора Александра и нимало не упоминало о какомъ-либо запросѣ съ нашей стороны. По словамъ лицъ, ее окружающихъ, Императрица думаетъ, что будетъ еще сдѣлано предложеніе. Полагаютъ, что она откажетъ; большинство того мнѣнія, что она захочетъ быть приневолена. Достанетъ ли на то мужества у Императора? Не ручаюсь за это. Мнѣ сообщили о двухъ предъявляемыхъ ею возраженіяхъ. Первое, что Греческое вѣроисповѣданіе не позволяетъ выходить замужъ за разведеннаго. Декларація оффиціальности устраняетъ это затрудненіе. Второе возраженіе—мнимое обѣщаніе царствующему герцогу Кобургскому выдать за него Великую Княжну по достиженіи ею восемнадцати лѣтъ. Было такое же обстоятельство, если только это правда, и съ Баваріей, что̀ не помѣшало Великой Княгинѣ Екатеринѣ вступить въ бракъ съ принцемъ Ольденбургскимъ. Слѣдовательно, и это препятствіе пало бы само собой. Я въ первый разъ слышу объ этомъ обстоятельствѣ; впрочемъ, оно дошло до меня чрезъ лицо, которое могло его знать. Таково, герцогъ, донесеніе мое о всемъ, что̀ было сказано со времени моихъ послѣднихъ депешъ. Довѣрительныя сообщенія Императора наставили меня на путь, и я говорилъ лишь какъ частное лицо, отвѣчающее на его довѣріе. Такъ какъ курьеръ уѣхалъ, то это будетъ приписано мнѣ лично. Нынѣ, полагая, что ваше превосходительство достаточно извѣщены обо всемъ, я стану хранить молчаніе и ждать приказаній, если вы имѣете преподать мнѣ таковыя по настоящему предмету.

*

Пока въ Петербургѣ колебались, въ Парижѣ приняли рѣшеніе тотчасъ по полученіи первыхъ извѣстій объ уклончивыхъ отвѣтахъ императора Александра Коленкуру. Французскій курьеръ привезъ туда первыя два донесенія посла по дѣлу о бракѣ, а также подписанную имъ съ графомъ Румянцовымъ конвенцію 17 (29) Января. Два дня спустя, министръ внѣшнихъ сношеній увѣдомлялъ о томъ герцога Виченскаго слѣдующимъ письмомъ.

XVI.

Шампаньи—Коленкуру.

Парижъ, 19 (31) Января 1810 года.

Господинъ посолъ. Я передалъ императору письмо, съ коимъ ваше превосходительство обратились къ нему и которое вы нарочито препоручили мнѣ письмомъ отъ 19 (22) Декабря, сопровождавшимъ первое *). Я нашелъ его величество убѣжденнымъ въ основательности вашихъ требованій и надѣюсь имѣть скоро возможность извѣстить васъ о новомъ доказательствѣ его къ вамъ благоволенія. Я также представилъ его величеству

---

*) Этимъ письмомъ Коленкуръ ходатайствовалъ о выдачѣ ему денежнаго пособія.

ваши шифрованныя письма отъ 24 и 25 Декабря (5 и 6 Января). Желательно имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія. Надѣемся получить ихъ съ вашимъ слѣдующимъ курьеромъ. Они необходимы, чтобы поставить насъ въ возможность, ознакомясь съ обстоятельствами дѣла, принять рѣшеніе.

Мы знаемъ, что въ Австріи, въ Саксоніи и другихъ странахъ стремятся къ той же цѣли. Думаю, что съ ближайшимъ курьеромъ я буду въ состояніи написать вамъ съ бо́льшею подробностью по поводу этого письма; курьеръ этотъ будетъ вѣроятно г. Прево.

*

Между тѣмъ подоспѣли два дальнѣйшія донесенія Коленкура, разсѣявшія послѣднюю надежду Наполеона на успѣшный исходъ дѣла въ Россіи. Въ намѣреніяхъ его произошелъ крутой переворотъ. Уязвленный въ своемъ самолюбіи императоръ Французовъ отрекся отъ мысли о Русскомъ бракѣ и взоры свои обратилъ на Австрійскую эрцгерцогиню, которую давно уже предлагалъ ему Вѣнскій дворъ. Одновременно онъ, подъ довольно-несущественными предлогами, отказалъ въ ратификаціи конвенціи о Польшѣ.

XVII.

Шампаньи—Коленкуру.

Парижъ, 24 Января (5 Февраля) 1810 года.

Господинъ посолъ. Спѣшу увѣдомить ваше превосходительство о томъ, что̀ составляло предметъ моихъ шифрованныхъ писемъ отъ 10 (22) Ноября и 1 (13) Декабря и вашихъ отвѣтовъ на нихъ отъ 24 и 25 Декабря (5 и 6 Января). Императоръ удивляется, что не имѣетъ болѣе свѣжихъ извѣстій о дѣлѣ столь высокой важности, ходъ котораго онъ обязанъ ускорить въ силу всѣхъ соображеній. Нѣсколько дней тому назадъ его величество собралъ совѣтъ, дабы обсудить въ немъ это дѣло, рѣшенія коего вся Франція ждетъ съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ *). Мнѣнія въ совѣтѣ раздѣлились между Великою Княжною Анной и эрцгерцогиней Луизой. Въ обществѣ разногласіе это вызывается условіемъ о вѣроисповѣданіи. Даже тѣ, которые придаютъ ему наименѣе значенія, не могутъ однако свыкнуться съ мыслью, что императрица не будетъ принимать участія въ церковныхъ обрядахъ рядомъ съ императоромъ. Вы знаете, до какой степени присутствіе ихъ при богослуженіи популярно во Франціи и что именно въ эти минуты государь всего чаще показывается народу. Пребываніе иностраннаго священника представляетъ еще бо́льшее неудобство, и обязаться договоромъ принять такого человѣка, независимаго по своему званію, въ жилищѣ нашихъ монарховъ, является какъ бы актомъ, я не скажу вассальнымъ, но по меньшей мѣрѣ подчиненнымъ по отношенію къ правительству, налагающему такое условіе, въ особенности, когда само оно не обязуется подчиниться ему при одинаковыхъ обязательствахъ.

Письмо это было дописано до сихъ поръ, герцогъ, когда курьеръ Драгонъ вручилъ мнѣ ваши письма о томъ же предметѣ отъ 3 (15) и 9 (21).

*) О засѣданіи этого совѣта—превосходная страница у Тьера. П. Б.

Я тотчасъ же прервалъ мою депешу, дабы расшифровать вашу, каковую я только что представилъ императору. Его величество былъ пораженъ, узнавъ, что физическое развитіе молодой княжны сказалось пока лишь въ легкихъ признакахъ. Онъ знаетъ, что между этою минутою и временемъ, когда молодая дѣвушка можетъ стать матерью, проходитъ иногда нѣсколько лѣтъ, и такимъ образомъ онъ опасается, какъ бы ему не пришлось оставаться, быть можетъ, три года безъ надежды имѣть дѣтей. Онъ въ особенности удивленъ продолжительностью срока отвѣта, столько разъ вами потребованнаго, и не понимаетъ, отчего не выражаются предъ вами болѣе положительнымъ образомъ, коль скоро Императрица-мать, повидимому, обѣщаетъ согласіе, а Великая Княгиня Екатерина, къ которой она обратилась за совѣтомъ, вполнѣ расположена въ пользу этого брачнаго союза? Такое промедленіе странно не согласуется съ преданностью, заявляемою Австріей и съ выражаемою ею предупредительностью. Завтра его величество намѣренъ созвать совѣтъ, дабы выйдти изъ неизвѣстности, истекающей изъ обстоятельствъ. Время не терпитъ, импера оръ нетерпѣливо желаетъ удовлетворить желанію Франціи. Его величест о хорошо помнитъ, что въ Эрфуртѣ говорили ему о великой княжнѣ Аннѣ; но почти мѣсячное промедленіе въ доставленіи вамъ отвѣта достаточно, чтобы—я не скажу освободить его отъ всякаго обязательства (такъ какъ таковаго вовсе не существуетъ), но не стѣснять его болѣе долгомъ вѣжливости, налагаемымъ на него дружбою къ императору Александру. Впрочемъ то что̀ высказалъ объ этомъ бракѣ графъ Румянцовъ, мнѣніе его, которое императоръ Александръ повидимому не совсѣмъ о̀твергаетъ,—оставляетъ еще больше простору для выбора его величества. Я долгомъ счелъ, герцогъ, увѣдомить васъ о такомъ положеніи дѣла и съ этою цѣлью отправилъ къ вамъ курьера Фортье, которому приказалъ ѣхать нынче же.

XVIII.

Шампаньи—Коленкуру.

Парижъ, 27 Января (8 Февраля) 1810 г.

Господинъ посолъ. Какъ я уже имѣлъ честь увѣдомить васъ, его величество собралъ въ ночь съ 25 на 26 Января (съ 6 на 7 Февраля) чрезвычайный совѣтъ, состоявшій изъ короля Голландскаго, вице - короля Италійскаго, кардинала Феша, высшихъ сановниковъ, президентовъ сената и законодательнаго корпуса. Его величество приказалъ прочесть переписку, относившуюся до его брака, и ваши письма отъ 24 и 25 Декабря (5 и 6 Января) и 3 (15) и 9 (21) Января прочитаны были цѣликомъ. Въ тоже время сообщено было о предложеніи сдѣланномъ Австріей и объ ея живыхъ настояніяхъ. Совѣтъ рѣшилъ почти единогласно, что императоръ долженъ сочетаться бракомъ съ эрцгерцогинею Австрійскою. Голоса въ ея пользу были мотивированы: 1) возрастомъ ея, болѣе 18 лѣтъ; увѣренностью, что вотъ уже три года какъ она достигла полнаго физическаго развитія,

тогда какъ пятнадцатилѣтняя молодая дѣвушка, которая, судя по вашему письму, далеко еще не развита, не можетъ быть даже поставлена въ сравненіе съ нею; 2) ея вѣроисповѣданіемъ. Показалось невозможнымъ, въ силу договора, допустить во Франціи священника иностранной вѣры, не считающей въ имперіи ни одного послѣдователя, каковой священникъ имѣлъ бы отправлять свои требы въ самомъ дворцѣ государя. Условіе это было сочтено за равносильное подчиненному отношенію, которое оскорбило бы націю. Выставлены на видъ неудобства религіи, у которой свой особый календарь, и неблаговидность для императрицы предаваться увеселеніямъ карнавала, послѣ окончанія его для всей Франціи, и не дѣлить съ императоромъ торжества Новаго года. Было сказано, что нѣтъ примѣра въ исторіи великихъ монархій, чтобы договоръ возводилъ на престолъ государыню, исповѣдующую вѣру отличную отъ вѣры ея супруга, и обезпечивалъ ей свободное и независимое отправленіе ея обрядовъ. Наконецъ, милостивый государь, я не могу скрыть отъ васъ, что совѣтъ былъ оскорбленъ обнаруженнымъ Россіей недостаткомъ предупредительности. „Какъ"—говорили члены совѣта—„16 (28) императору сдѣлано было сообщеніе о возведеніи послѣдней изъ его сестеръ на первый престолъ въ мірѣ и о выдачѣ ея за человѣка, на котораго устремлены взоры вселенной и котораго столь же трудно, сколько и нѣтъ надобности характеризовать, и вдругъ многочисленныя отсрочки, представляющіяся лишь уловками, дабы избѣжать отвѣта! 16 (28) потребованы были десять дней для передачи отвѣта; 25 Декабря (6 Января) еще десять дней; 4 (16) ничего не было сказано. Императоръ Наполеонъ, потворствуя изъ дружбы слабости императора Александра, ждалъ еще; но 8 (20) заговорили лишь для того, чтобы объявить о неопредѣленной отсрочкѣ! Она-то и составляетъ оскорбленіе. Развѣ можно отлагать такимъ образомъ осуществленіе желаній 50 милліоновъ людей и счастіе главы имперіи, рѣшителя судебъ Европы? Подобныя подробности являются болѣе неумѣстными, чѣмъ отказъ. Отказъ могъ имѣть уважительныя причины. Могли обусловить его юностью княжны, могли сказать, что боятся подвергнуть ее участи сестеръ ея, палатины и принцессы Мекленбургской, которыя, какъ полагаютъ, погибли отъ того, что вышли слишкомъ рано замужъ; наконецъ, можно было основать отказъ на какомъ-либо семейномъ намѣреніи, сообщенія коего нельзя было бы потребовать. И такъ отсрочка показалась хуже отказа. Не имѣла ли она цѣлью внушить мысль, что Франція придаетъ этому союзу чрезвычайную цѣну? И какъ могли не знать, что императоръ, отдавая предпочтеніе великой княжнѣ, могъ быть побужденъ къ тому лишь дружбою своей къ императору Александру, что онъ придалъ бы племени этого государя новый блескъ, утвердивъ имѣвшаго произойти отъ этого брака на Югѣ Европы и возведя его на первый престолъ въ мірѣ? А потому найдено, что, если императоръ слишкомъ удовлетворялъ всѣмъ обязанностямъ, возлагаемымъ на него дружбой къ государю, который столько же другъ его какъ и союзникъ, то ему не отвѣчали взаимностью.

Таковы, милостивый государь, мнѣнія совѣта. Въ дѣйствительности,— и то что́ я вамъ говорю, предназначается для личнаго вашего свѣдѣнія,— императоръ считаетъ себя вправѣ быть недовольнымъ императоромъ Александромъ не за отказъ, а за отсрочки, благодаря которымъ потеряно столько драгоцѣннаго времени; а оно не было бы потеряно въ томъ случаѣ, если бы вмѣсто того чтобы исполнить желаніе стольких милліоновъ людей и успокоить ихъ относительно ихъ будущности, рѣчь шла бы лишь о прекращеніи настоящаго томительнаго положенія его величества (la monotonie de l'entretien actuel de s. m.). При такихъ обстоятельствахъ обязаны были предъ императоромъ дать ему отвѣтъ въ продолженіе тридцати шести часовъ, или, самое крайнее, двухъ дней, каковой срокъ и былъ указанъ въ первомъ моемъ письмѣ.

Въ совѣтѣ не придали вѣры ни этой перепискѣ съ Тверью, ни рѣчамъ Императрицы-матери, которая и хочетъ, и не хочетъ. Во Франціи привыкли къ управленію волею болѣе твердою; а потому и находятъ, что императоръ Александръ не долженъ былъ позволить остановить себя этою нерѣшительностью, или уже если онъ такъ мало умѣетъ заставить исполнять свою волю, то не слѣдуетъ дорожить его союзомъ. Мнѣніе графа Румянцова также произвело сильное впечатлѣніе, равно какъ и склонность Императора усвоить себѣ оное, и когда сличили эту холодность съ усердіемъ правительства и народа Австрійскаго, усердіемъ равно проявляющимся во всѣхъ областяхъ этой монархіи и во всѣхъ классахъ общества, то нашли, что незачѣмъ болѣе колебаться.

По окончаніи совѣта я написалъ князю Шварценбергу *), чтобы пригласить его пріѣхать ко мнѣ, и подписалъ съ нимъ договоръ о бракѣ императора съ эрцгерцогиней Маріей-Луизой. Россія не воспользовалась обстоятельствомъ, крайне для нея важнымъ. Вина въ томъ падаетъ не на императора. Нужно также сознаться, что, по мѣрѣ того какъ наступала рѣшительная минута, мы были живѣе прежняго поражены соображеніемъ о возрастѣ и о различіи вѣроисповѣданія. Какое разстояніе, въ виду преслѣдуемой цѣли, между пятнадцатью и болѣе чѣмъ восемнадцатью годами! И сколько неудобствъ сопряжено съ отдаленіемъ, которое можетъ возникнуть между двумя супругами, вслѣдствіе двухъ различныхъ вѣроисповѣданій, въ одинаковой мѣрѣ исключительныхъ, въ особенности когда одно изъ нихъ, обремененное обрядами и предразсудками, вполнѣ чуждо имперіи! Мыслимо ли, чтобы подруга жизни императора и государыня Франціи не исповѣдывала вѣры ни своего супруга, ни даже кого-либо изъ его подданныхъ?

Вы отправитесь къ Императору и сообщите ему объ этихъ событіяхъ, объясняя ихъ: 1) препятствіями, предъявленными Россіей, которыя вы не станете приписывать императору Александру, но которыя, тѣмъ не менѣе, имѣли то неудобство, что продлили неизвѣстность до настоящей минуты о

---

*) Австрійскому послу въ Парижѣ.

бракѣ, что́ могло бы совершиться нынѣ же, еслибы только захотѣли поторопиться; 2) незрѣлымъ возрастомъ Великой Княжны и замѣчаніемъ, сдѣланнымъ относительно причины преждевременной смерти эрцгерцогини-палатины и принцессы Мекленбургской; 3) требованіемъ относительно Греческаго священника, которое сочтено неисполнимымъ.

Въ результатѣ — Австрійскій бракъ, который ничего не измѣнитъ въ политикѣ. Вамъ поручается дать въ томъ самое положительное увѣреніе. Мы склонны полагать, что онъ придастъ еще болѣе силы нашему союзу съ Россіей. Онъ побуждаетъ насъ еще болѣе желать его усиленія и, быть можетъ, что къ этой политической связи присоединятся со временемъ и связи семейныя, которыя уже не будутъ представлять неудобство, усмотрѣнное въ настоящемъ случаѣ. Какъ много сожалѣлъ императоръ, что поспѣшили выдать великую княгиню Екатерину за принца, который не могъ ни быть ея достоинъ, ни доставить Россіи какую-либо выгоду.

Внесите мягкость, сдержанность, осторожность въ ваши сообщенія. Сопровождайте ихъ приличными увѣреніями; они не будутъ опровергнуты. Удаляйте все, что́ можетъ оскорбить, но дайте понять, что, испросивъ у васъ двѣ отсрочки, по десяти дней каждая, заговорить съ вами 8 (20) и не назначить болѣе срока для отвѣта — показалось уловкой, вынудившей насъ принять рѣшеніе. Императоръ не намѣренъ заключать политической связи. Не изъ политическихъ видовъ разошелся онъ съ женщиною, которую любилъ болѣе всего. Единственною цѣлью его было пріобрѣсть то, чего она не могла ему дать, наслѣдника престола, и цѣль эта, чуждая внѣшней политикѣ, не внесетъ никакого измѣненія въ ту политику, коей онъ слѣдовалъ до сихъ поръ. Черезъ два дня я напишу вамъ о конвенціи, которую вы подписали. Мы были завалены дѣлами въ послѣднее время. Я хотѣлъ прежде всего сообщить что́ произошло, дабы въ Петербургѣ узнали о томъ только отъ васъ.

Какое впечатлѣніе произвела при Русскомъ дворѣ вѣсть о предстоящей женитьбѣ Наполеона на Австрійской эрцгерцогини, видно изъ слѣдующаго донесенія Французскаго посла.

XIX.

Коленкуръ—Шампаньи.

Петербургъ, 14 (26) Февраля 1810 года.

Герцогъ. Я получилъ 11 (23) депешу, отправленную мнѣ вашимъ превосходительствомъ 26 Января (7 Февраля) чрезъ курьера Фортье, а курьеръ Жарлэ вручилъ мнѣ третьяго дня депешу отъ 27 (8). До пріѣзда этихъ двухъ курьеровъ, прибылъ курьеръ къ графу Румянцову съ письмами отъ 28 (9). Онъ поспѣшилъ дать мнѣ знать о послѣднихъ успѣхахъ, одержанныхъ арміей въ Испаніи. Хотя 11 (23) истекалъ срокъ, назначенный для обмѣна ратификацій конвенціи, и я не имѣлъ что́ отвѣчать на вопросы, которые онъ непремѣнно предъявилъ бы мнѣ по этому предмету (такъ

ікъ ваше превосходительство не снабдили меня приказаніемъ), то я и не чела нужнымъ воздержаться отъ обычнаго посѣщенія его, ибо я бываю него едвали не каждый день. Онъ дѣйствительно выразилъ мнѣ немного удивленія по поводу того, что, не взирая на прибытіе курьера, я не имѣлъ ничего сообщить ему о конвенціи. Затѣмъ онъ мнѣ сказалъ, что князь Куракинъ пишетъ, что нѣсколько разъ, но напрасно, пытался онъ видѣться съ вашимъ превосходительствомъ, дабы переговорить съ вами по сему предмету, что наконецъ онъ рѣшился написать вамъ, и что вы просто ему отвѣчали, что конвенція находится еще на разсмотрѣніи императора; что остальная часть письма заключала лишь разныя извѣстія изъ Петербурга и нѣсколько вѣжливыхъ увѣреній. Князь Куракинъ присовокупляетъ также, что ваше превосходительство были у него, дабы переговорить съ тѣхъ поръ о бракѣ его величества съ эрцгерцогинею Австрійскою, причемъ онъ снова заговорилъ съ вами о конвенціи, и тогда ваше превосходительство сказали ему (хотя и предупредивъ его, чтобы онъ не считалъ вашихъ словъ офиціальными), что императоръ не можетъ принять на себя обязательства въ томъ, что никогда не будетъ рѣчи о возстановленіи Польши, но просто обѣщаетъ, что ничего не сдѣлаетъ, дабы вызвать оное.

Сообщивъ мнѣ эти подробности, канцлеръ присовокупилъ, что конвенція—ничто безъ этой статьи; что ее-то и требовала всегда Россія, а императоръ самъ провозгласилъ предъ лицомъ Европы въ рѣчи своей законодательному корпусу; ваше же превосходительство часто повторяли это князю Куракину и писали ему самому. „Конечно", сказалъ онъ, „императоръ Наполеонъ имѣетъ какой-либо поводъ къ неудовольствію противъ насъ, о которомъ мы ничего не знаемъ. Но со времени Тильзита развѣ онъ не имѣлъ доказательствъ честности, съ которою мы исполняемъ наши обязательства? Развѣ мы не предупреждали даже его желаній при всѣхъ обстоятельствахъ? Развѣ не шли постоянно въ направленіи союза, не смотря на всѣ препятствія, разсѣянныя по нашему пути? Если императоръ дорожитъ еще этимъ союзомъ, то съ каждымъ днемъ будетъ все болѣе и болѣе убѣждаться, что таковой хотя и выгоденъ для Россіи, но не менѣе выгоденъ и для Франціи; онъ почувствуетъ, что это единственный союзъ, который можетъ дѣйствительно обезпечить покой Европы и въ особенности имѣть вѣское значеніе противъ Англіи".

Говоря со мною о бракѣ эрцгерцогини, графъ Румянцовъ сказалъ мнѣ: „Мы рады ему. Мы ни въ чемъ не завидуемъ Австріи и не имѣемъ противъ нея никакого повода къ неудовольствію, такъ что все чтó обезпечиваетъ спокойствіе ея и въ тоже время всей Европы, можетъ быть намъ только полезнымъ".

Я видѣлся съ Императоромъ вчера поутру. Онъ показалъ мнѣ второе письмо князя Куракина. То чтó въ немъ относится до эрцгерцогини, изложено въ смыслѣ окончанія письма вашего превосходительства отъ 27 (8). Императоръ сказалъ мнѣ по этому поводу: „Поздравьте императора со сдѣланнымъ имъ выборомъ. Онъ хочетъ имѣть дѣтей. Вся Франція этого

желаетъ. Рѣшеніе, имъ принятое, и есть самое предпочтительное. Въ связи этой для Австріи и Европы залогъ мира, и въ этомъ смыслѣ я также очень радъ тому, чтó случилось“.

Его величество прибавилъ затѣмъ: „А вѣдь хорошо, что возрастъ сестры моей остановилъ насъ здѣсь! Если бы я не ограничился сообщеніемъ проекта брака отъ моего имени, и какъ о дѣлѣ, къ которому вы не причастны, каковы были бы послѣдствія? Чтó сталось бы съ нами, если бы я проявилъ меньше осторожности относительно моей матери, если бы я меньше уважалъ ея права? Какими упреками она не была бы въ правѣ меня осыпать? Съ какими упреками не пришлось бы мнѣ обратиться къ вамъ? Промедленіе, на которое вы сѣтовали тогда, было, значитъ, дѣломъ благоразумія“.

Императоръ повторилъ мнѣ нѣсколько разъ въ продолженіе этого разговора, что ясно, что мы вели переговоры на обѣ стороны: потому что невозможно было бы заключить и подписать бракъ 28 Января (9 Февраля) и назначить князя Невшательскаго для отправленія за эрцгерцогиней (какъ ваше превосходительство и сами сказали князю Куракину) безъ того, чтобы было писано въ Вѣну до пріѣзда курьера, привезшаго вмѣстѣ съ конвенціей извѣстіе о первомъ и второмъ разговорѣ его со мной по сему предмету. Онъ сказалъ мнѣ еще нѣсколько разъ, что почитаетъ себя счастливымъ, что возрастъ остановилъ его и что онъ дѣйствовалъ съ такою осторожностью; что какъ здѣсь, такъ и въ Эрфуртѣ, не онъ возымѣлъ мысль о бракѣ, что съ нимъ заговорили о немъ; что онъ сознавалъ его выгоды, но что когда онъ вмѣшался въ дѣло, то только въ качествѣ друга императора и съ оговоркой, налагаемой на него этою дружбою. Онъ присовокупилъ, что хотя лично онъ и имѣетъ поводъ къ жалобамъ, но жаловаться не будетъ, ибо все это осталось между нимъ и мною; что, напротивъ, онъ радъ Австрійскому браку, какъ самому приличному изъ всѣхъ, во всѣхъ отношеніяхъ, и что онъ отъ души поздравляетъ его величество. Императоръ далъ мнѣ понять по вопросу о вѣроисповѣданіи (о которомъ ваше превосходительство говорили также съ княземъ Куракинымъ), что такъ какъ онъ представляется нынѣ неодолимымъ препятствіемъ, въ виду того, что у насъ знали, что религіозные предразсудки Русскихъ не позволяли Государю уступить въ этомъ пунктѣ, то и не слѣдовало говорить, что это не составитъ затрудненія.

Я все настаивалъ на промедленіи въ отвѣтѣ Его Величества, и въ особенности на подобіи отказа со стороны Россіи, наконецъ на всемъ, чтó предписали мнѣ ваше превосходительство. Императоръ и министръ кажутся мнѣ дѣйствительно довольными бракомъ съ эрцгерцогиней. Я слышалъ, что Императрица-мать менѣе довольна, что она не могла скрыть этого и что это не послѣднее ея сожалѣніе.

Что же касается до конвенціи, то Императоръ повторилъ мнѣ почти тоже, чтó сказалъ мнѣ канцлеръ. Онъ напомнилъ мнѣ, что она не заключаетъ въ себѣ ничего болѣе, и даже напротивъ гораздо менѣе чѣмъ тѣ

пункты, на которыхъ онъ настаивалъ съ самаго начала, которые онъ продиктовалъ мнѣ самъ и на которые было изъявлено согласіе. Онъ прибавилъ въ весьма пространныхъ выраженіяхъ, болѣе пространныхъ чѣмъ слова его министра: „Право на моей сторонѣ. Въ томъ, чего я требую, нѣтъ ни честолюбія ни замысловъ о расширеніи, ни желанія нарушить покой вселенной. Впрочемъ существуетъ ли причина отказа въ томъ, чтó было такъ торжественно обѣщано? Слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ (независимо отъ того ратификуютъ или нѣтъ) отвѣчать въ опредѣленный срокъ, въ особенности когда посылаютъ нѣсколько курьеровъ. Это святое дѣло".

Я долгомъ считаю отправить этого курьера къ вашему превосходительству, дабы отдать отчетъ о впечатлѣніи произведенномъ здѣсь донесеніемъ князя Куракина.

Женитьба императора Французовъ на Австрійской эрцгерцогинѣ видоизмѣняла всю политическую систему, установленную въ Тильзитѣ и скрѣпленную въ Эрфуртѣ. Союзъ съ Австріей долженъ былъ замѣнить союзъ съ Россіей и мало по малу повести къ охлажденію, затѣмъ и къ разрыву съ нею. Ничего иного и не имѣли въ виду императоръ Францъ и министръ его графъ Меттернихъ, назойливо предлагая Наполеону руку Маріи-Луизы. Но въ этомъ не хотѣли сознаться въ Парижѣ, по крайней мѣрѣ не съ разу.

Переговоры о бракѣ съ Русскимъ дворомъ заключились слѣдующею депешею Французскаго министра внѣшнихъ сношеній.

XX.

Шампаньи—Коленкуру.

Парижъ, 5 (17) Марта 1810 г.

Господинъ посолъ. Его величество императоръ не безъ чрезвычайнаго удивленія услыхалъ о жалобахъ и въ особенности о предположеніяхъ высказанныхъ въ С.-Петербургѣ по поводу его вступленія въ бракъ. Если о нихъ зайдетъ еще рѣчь, послѣ того какъ доѣдетъ до васъ настоящій курьеръ, то вы должны отвѣчать съ твердостью императору Александру и графу Румянцову, что нужно вовсе не знать императора, чтобы заподозрить, что велись двойные переговоры; что императоръ не знаетъ, чтó такое договоры на извѣстный случай; что онъ слишкомъ могучъ, дабы позволить господствовать надъ собою обстоятельствамъ или посторонней волѣ; и сами вы, милостивый государь, можете напомнить, что когда 16 (28) Декабря вы попросили отвѣта въ двухдневный срокъ, вамъ упомянули сначала о десятидневной отсрочкѣ, по истеченіи которой попросили другую такую же отсрочку, за которою послѣдовало еще нѣсколько такихъ же, такъ какъ только 24 Января (5 Февраля) вы получили окончательный отвѣтъ. Но первыя ваши письма уже давали предвидѣть этотъ отвѣтъ, хотя онѣ и оставляли нѣкоторую неизвѣстность, которую обстоятельства обращали въ необычайно-таинственную. Онѣ ясно извѣщали, что Императоръ не властенъ въ семьѣ своей и что онъ не держитъ обѣщаній данныхъ въ Эрфур-

тѣ. Не смотря на все, только по прибытіи вашего втораго курьера, привезшаго письма ваши отъ 3 (15) и 9 (21) Января, императоръ принялъ рѣшеніе созвать 25 Января (6 Февраля) совѣтъ, установившій его выборъ. Съ Австріей не было начато никакихъ переговоровъ. Лишь утромъ 26 Января (7 Февраля) я въ первый разъ заговорилъ съ Австрійскимъ посломъ объ этомъ бракѣ. Но Вѣнскій дворъ, предупрежденный собственными интересами и пожеланіями своего народа, задумалъ просить этого союза, какъ только сталъ извѣстенъ разводъ. Онъ снабдилъ своего посла тайными наставленіями на этотъ случай. Наставленія эти имѣли общій смыслъ. Они предписывали сдѣлать все, что́ могло вызвать и упрочить эту связь. Они внушили послу достаточно довѣрія, чтобъ побудить его подписать актъ, на который онъ вовсе не былъ уполномоченъ, такъ что императоръ Австрійскій узналъ о бракѣ своей дочери изъ самаго акта, которымъ опредѣлялись его условія. Вотъ почему актъ этотъ совсѣмъ и не упоминаетъ о полномочіи князя Шварценберга, поименованнаго въ ней въ качествѣ посла, а не уполномоченнаго, и странность этой формы вызвала въ Вѣнскомъ дворѣ желаніе подписать въ Вѣнѣ новый договоръ въ обычной формѣ, что́ и было впослѣдствіи условлено.

Я вдался въ эти долгія подробности, о коихъ вы и не подозрѣвали, какъ точный раскащикъ событія, извѣстнаго мнѣ во всѣхъ обстоятельствахъ. Переговоры, начатые поутру, окончились къ вечеру. Это дословно вѣрно, какъ вѣрно и то, что имъ не предшествовало никакихъ внушеній, которыя могли бы ихъ вызвать. Рѣшеніе императора было внезапно; предусмотрительность Вѣнскаго двора позволила привести его немедленно въ исполненіе.

Замѣчаніе, сдѣланное вамъ о вѣроисповѣданіи, не имѣетъ большаго основанія. Императоръ не придавалъ особаго значенія тому, что императрица будетъ исповѣдывать иную вѣру чѣмъ онъ. Но были сдѣланы сильныя возраженія касательно непристойности и опасности имѣть священника иностраннаго вѣроисповѣданія проживающаго въ его дворцѣ и вполнѣ отъ него независимаго, и одно это обстоятельство, предъявленное вамъ за необходимое условіе, найдено императоромъ представляющимъ много неудобствъ.

Нератификованная Наполеономъ конвенція о Польшѣ канула въ воду. Въ концѣ 1810 года Австрійская интрига окончательно успѣла разсорить союзные дворы, С.-Петербургскій и Парижскій. Русскій тарифъ съ одной стороны, захватъ Французами Ольденбурга съ другой, привелъ ихъ къ явному разрыву. Въ 1812-мъ году Русскій народъ побѣдоносно отразилъ предводимое Наполеономъ вторженіе въ его предѣлы двадцати народностей Запада. Истинный смыслъ и значеніе войны за освобожденіе Германіи и Европы отъ Французскаго господства—доселѣ еще неизслѣдованная страница Русской исторіи.

С. Татищевъ.

*

Сущность выше помѣщенной переписки извѣстна нашимъ читателямъ изъ статьи: «Посольство князя Алексѣя Борисовича Куракина къ Наполеону Первому», напечатанной въ «Русскомъ Архивѣ» 1877 года (III, 230 и слѣд.). Въ статьѣ этой приведена выдержка изъ «Исторіи» Тьера съ подробностями положенія дѣлъ и тогдашней политической обстановки.

Послѣ внезапнаго брака Наполеона съ Маріей-Луизой, Александръ Павловичъ очутился въ положеніи довольно затруднительномъ. Ему пришлось выразить торжественно удовольствіе, яко бы причиненное ему этимъ бракомъ, и онъ отправилъ съ поздравленіемъ въ Парижъ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, князя А. Б. Куракина *). Предлогомъ для того, что это чрезвычайное посольство поручалось министру внутреннихъ дѣлъ, выставлено было желаніе ближе познакомиться съ устройствомъ Парижской полиціи.

Издаваемая нынѣ тайная переписка о несостоявшемся бракѣ тогдашняго владыки Запада съ Русскою великою княжною чрезвычайно важна по отношенію къ Александру Павловичу, показывая, въ какомъ затруднительномъ положеніи приходилось ему находиться и какъ, для того чтобы выпутаться изъ политическихъ осложненій, онъ долженъ былъ прибѣгать ко всевозможнымъ уловкамъ. Намъ кажется, что онъ отлично понималъ несообразность подобнаго брака и пугался тѣхъ соотношеній, которыя могли отъ него возникнуть. Можетъ быть, онъ даже и не вѣрилъ его возможности, уже тогда предвидя неизбѣжность борьбы съ Наполеономъ и вполнѣ разгадавъ, какой это былъ человѣкъ. Его переговоры съ Коленкуромъ наглядно изображаютъ намъ удивительно-тонкое искусство Александра Павловича въ тогдашней дипломатической игрѣ. Вспомнимъ Записки графини Эдлингъ, которой повѣрялъ онъ свои сокровенныя думы.

Читателямъ любопытно будетъ узнать, какія бесѣды въ тоже самое время велъ Александръ Павловичъ съ княземъ Адамомъ Чарторижскимъ. Подкладкою сношеній съ Наполеономъ былъ все-таки вопросъ Польскій. П. Б.

---

*) Это былъ младшій братъ нашего посла въ Парижѣ, князя Александра Борисовича.

ТРИ БЕСѢДЫ СЪ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ ПАВЛОВИЧЕМЪ О ДѢЛАХЪ ПОЛЬСКИХЪ.

1809—1810.

Изъ Записокъ князя Адама Чарторижскаго [1].

I.

12 Ноября 1809.

Императоръ принялъ меня сегодня и слегка извинился, что со дня на день откладывалъ позвать меня къ себѣ, о чемъ я просилъ его. „Простите меня—тотчасъ сказалъ я—что всякій разъ мнѣ приходится надоѣдать Вамъ и говорить о лицахъ пострадавшихъ или имѣющихъ жалобы; такой предметъ разговора всегда непріятенъ". Его Величество спросилъ меня, въ чемъ дѣло. Тогда я сталъ говорить ему о запрещеніяхъ на имѣнія Поляковъ, вступившихъ на службу въ герцогствѣ Варшавскомъ. Императоръ тотчасъ перебилъ меня, сказавъ, что обстоятельства принудили его къ этимъ мѣрамъ, на которыя онъ рѣшился, внявъ единогласному мнѣнію своихъ министровъ и что впрочемъ поступки Поляковъ требовали съ его стороны таковой строгости: еще недавно посолъ его доносилъ изъ Парижа про живущихъ тамъ Поляковъ, что они, будучи Русскими подданными, позволяютъ себѣ всякаго рода колобродства и неумѣстные отзывы, заслуживающіе строгаго правительственнаго возмездія.

— У меня не было намѣренія—отвѣчалъ я—обсуждать этотъ предметъ по отношенію къ тому, какъ Русское правительство сочтетъ должнымъ дѣйствовать; но, кажется, могу я замѣтить Вашему Величеству, что недавно изданный указъ не согласуется съ строгими предписаніями справедливости. Во первыхъ, признано было существованіе смѣшанныхъ подданныхъ, и въ числѣ ихъ находились лица, на имѣнія которыхъ наложено запрещеніе за то, что они поступили въ иностранную службу; нечего, стало-быть, винить ихъ, что, живучи въ Галиціи или въ Польшѣ, они по-

---

[1]) Парижское изданіе 1887 года, часть 2-я, 207—234. Въ это время князь Чарторижскій занималъ уже только должность попечителя Виленскаго университета. П. Б.

ступили въ таможнюю службу [1]). Кромѣ того, указъ не можетъ имѣть обратнаго дѣйствія для лицъ, не предупрежденныхъ о томъ, что они не могли сдѣлать то, что̀ они сдѣлали. Прежде чѣмъ наказывать, слѣдуетъ предупредить и назначить срокъ, съ котораго начнутся взысканія, установленныя правительствомъ.

Его Величество отвѣчалъ мнѣ, что онъ дѣйствительно намѣревался опредѣлить срокъ для всѣхъ поступившихъ на службу до изданія указа.

Я настойчиво представлялъ Императору о чрезмѣрности и даже безполезности такихъ мѣръ, которыя, не достигая цѣли, ведутъ только къ разоренію. Всякому дворянину Россійской имперіи присвоено право вступать въ иностранную службу, безъ наложенія запрещенія на его имущество: ибо, если онъ по несчастію лишится его самъ, то оно переходитъ къ его наслѣдникамъ. За что же одни Поляки будутъ исключеніемъ?

Императоръ могъ возразить лишь ссылкою на обстоятельства, когда изъятія предписываются государственною безопасностью. Онъ говорилъ, что Поляки своими дѣйствіями вызвали эту мѣру и что онъ послѣдовалъ единогласному мнѣнію министровъ.

— Я нимало не удивляюсь, что министры вовсе не подумали о бѣдствіи стольких семействъ; но я надѣялся, что Императоръ чувствуетъ иначе и что онъ прикажетъ остановить разореніе. Впрочемъ, мнѣ неизвѣстно, въ чемъ можно попрекнуть Поляковъ: всѣ они желали принадлежать вамъ и всякій разъ испытывали отказъ.

Разговоръ на минуту замялся, и я постарался перевести его на Новосильцова, по поводу недавняго доноса, сдѣланнаго на него и на меня. Замѣтивъ, куда я клоню рѣчь, Императоръ тотчасъ перервалъ меня, сказавъ, что это дѣло прошлое, что въ немъ я замѣшанъ лишь стороною и прямо не участвовалъ, тогда какъ Новосильцовъ позволилъ себѣ самые необычайные отзывы, въ мѣстѣ общественномъ, именно въ гостинницѣ. Дѣло въ томъ, что увѣряли, будто Новосильцовъ за однимъ обѣдомъ обсуждалъ письмо, передъ тѣмъ полученное Его Величествомъ отъ Наполеона. Императоръ обнаружилъ сильное раздраженіе. Я защищалъ Новосильцова какъ могъ; но все было напрасно... [2]).

Повидимому, Императоръ не совсѣмъ понималъ разницу во мнѣніи моемъ и Новосильцова о письмѣ Наполеона. Я разъяснилъ ему, что Но-

---

[1]) Смѣшанные подданные, sujets mixtes, т. е. Поляки жившіе въ одной части бывшаго Польскаго королевства и владѣвшіе имѣніями въ другой. Это была уловка, выдуманная Поляками для поддержанія мысли о Польскомъ единствѣ. П. Б.

[2]) Въ подлинникѣ точки. Н. Н. Новосильцовъ, живучи долго въ Англіи, привыкъ

восильцовъ судилъ объ этомъ письмѣ, какъ Русскій и находилъ, что оно пришло очень къ стати и устранитъ собою всякое опасеніе; тогда какъ я, по причинамъ вполнѣ противоположнымъ и какъ Полякъ, читалъ это письмо съ сожалѣніемъ. По этому поводу Императоръ спросилъ, извѣстна ли мнѣ депеша Шампаньи, прибавивъ, что она еще гораздо сильнѣе письма̀. Я отвѣчалъ, что депеши не читалъ, но слышалъ о содержаніи ея и что мнѣ горько знать, что Императоръ сдѣлался теперь открытымъ врагомъ и главнымъ гонителемъ Польскаго народа и Польскаго имени; что Польша покинута единственно изъ желанія сдѣлать угодное ему, что всѣ надежды ея пропали, и что онъ простеръ свою враждебность даже до желанія, чтобы имя Польши было вычеркнуто изъ исторіи.

Императоръ защищался, говоря, что винить слѣдуетъ не его, что личныя его чувства не измѣнились и что я ихъ давно знаю, что онъ связанъ обязанностями своего положенія и что, находясь во главѣ Русской имперіи, никто не дѣйствовалъ бы иначе. Я возражалъ, что въ этомъ дѣлѣ я не могу раздѣлять двухъ качествъ, соединенныхъ въ его особѣ, что самъ онъ признавалъ возстановленіе Польши возможнымъ не только безъ нарушенія блага Россіи, но даже къ великой ея выгодѣ, посредствомъ соединенія обѣихъ коронъ на его главѣ. Императоръ отвѣчалъ, что все это могло быть, но такъ какъ соединеніе это неисполнимо, то слѣдовало избрать иной путь. Я тотчасъ замѣтилъ, что не понимаю его доводовъ; что, коль скоро считаешь дѣло полезнымъ, то берешься за него не съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же оставить, но готовишь средства къ его исполненію и по возможности направляешь къ тому ходъ событій; что я не стану больше разбирать, имѣлись ли для того благопріятныя обстоятельства; что такъ какъ они пропущены, то нужно теперь ожидать лучшихъ, готовить будущее и дѣйствовать такъ, чтобы ничего не испортить; что прежде всего не слѣдуетъ разорять народъ и наносить ему раны жестокими мѣрами. Императоръ опустилъ глаза и уторопленно сказалъ мнѣ: „Если бы можно было по крайней мѣрѣ надѣяться, что хоть нѣкоторая часть Поляковъ возвратится, и быть увѣрену, что они не всегда будутъ поступать также!...“

— Я не вижу, что́ было сдѣлано для пріобрѣтенія расположенія Поляковъ, отвѣчалъ я. Надо быть справедливымъ. Ссылаюсь на Ваше Ве-

---

къ возліяніямъ застольнымъ, которыя развязывали ему языкъ. Говорятъ, что позднѣе, уже при Николаѣ Павловичѣ, въ Петербургскомъ Англійскомъ клубѣ онъ пустился въ присядку, что̀ конечно не мѣшаетъ ему оставаться въ памяти потомства съ именемъ человѣка очень умнаго, честнаго и вполнѣ государственнаго. П. Б.

личество: Вы сами знаете, что̀ вытерпѣла эта страна. Что́ можетъ быть возмутительнѣе дѣйствія трехъ державъ съ Польшею? [1]) И можно ли удивляться, что мысль о возстановленіи воспламеняетъ всѣхъ Поляковъ и единитъ ихъ между собою? Теперь льстятъ себя надеждою, что, по заключеніи мира [2]), восторгъ этотъ охладѣетъ; но я сужу иначе, и по моему мнѣнію, здѣшнія торжественныя заявленія о томъ, что надежды Поляковъ оказались совершенно несбыточны, скорѣе приносятъ пользу Наполеону, такъ какъ все что́ тутъ есть ненавистнаго для Поляковъ припишется Вамъ. Теперь для всякаго будетъ явно, что, лишь уступая настояніямъ Вашего Величества и не желая войны съ Россіею, Наполеонъ сдѣлалъ уступку по такой статьѣ, отъ которой иначе онъ никогда бы не отказался и которая не выходитъ у него изъ головы. Подобный образъ дѣйствій только ожесточитъ Польскія сердца. Строгости довершатъ дѣло, и они раздражаютъ тѣмъ болѣе, что совершаются именемъ государя, которому Поляки были бы готовы предаться. Наполеонъ съ своей стороны дремать не станетъ. Въ то время, какъ здѣсь только и рѣчи, что о преслѣдованіяхъ, онъ постарается всякаго рода обѣщаніями и лестью изгладить дурное понятіе, которое на нѣкоторое время могло составиться о немъ.

Не слѣдуетъ воображать, прибавилъ я, что заявленія его будутъ вездѣ одни и тѣже. Ваше Величество лучше нежели кто нибудь знаете, какъ ловко умѣетъ онъ вести рѣчи, совершенно не похожія одна на другую. Случай къ тому въ особенности представляется теперь, когда, какъ увѣряютъ, онъ посылаетъ Польскую армію въ Испанію. Онъ съумѣетъ сказать Полякамъ, что эта послѣдняя услуга, которой онъ отъ нихъ требуетъ, что имъ предоставляется средство довершить свое обученіе военному искусству, что послѣ этого ничто не воспрепятствуетъ ему исполнить ихъ желанія, что до сихъ поръ онъ удержанъ былъ отъ того лишь въ силу необходимости, и что причиною тому вѣчный врагъ—Россія. Подобными рѣчами Наполеонъ изгладитъ дурное впечатлѣніе, произведенное его дѣйствіями, и словамъ его повѣрятъ, потому что ими польщена будетъ надежда народа, тѣмъ болѣе, что съ другой стороны не только ничего не дѣлается для противовѣса, а происходитъ все, чтобы усилить вліяніе Наполеона.

---

[1]) Путаница въ понятіяхъ, которою хитрый Полякъ уловлялъ своего собесѣдника, происходила только отъ того, что къ слову *Польша* онъ не прибавлялъ подобающаго ей слова *бывшая*. А она перестала *быть* единственно по винѣ тѣхъ же Чарторижскихъ съ братьею, угнетавшихъ мѣстное населеніе и продававшихъ родину сосѣднимъ государямъ. П. Б.

[2]) Т. е. мира Франціи съ Австріей, послѣ котораго къ Варшавскому герцогству присоединена отъ Австріи часть бывшей Польши, а Россія получила Бѣлостокскую область. П. Б.

Въ отвѣтѣ своемъ Императоръ прежде всего напомнилъ мнѣ про тѣ чувства, которыя выражалъ онъ мнѣ по поводу дѣйствій трехъ державъ относительно Польши Онъ сказалъ мнѣ, что, по его мнѣнію, съ той именно поры начались бѣдствія, которымъ въ настоящее время подвергнута Европа; но что это непоправимо, что онъ не видитъ никакого способа исполнить занимавшую его нѣкогда мысль о Польшѣ, что возможно лишь отдѣльное устройство находящихся нынѣ подъ его властью губерній, но что и тутъ о многомъ придется подумать, а главное, очень многіе будутъ противъ такого устройства.—Я отвѣчалъ Императору, что очень хорошо помню про чувства, которыя онъ высказалъ мнѣ относительно Польши; что имено эта широта (libéralisme) его чувствъ, какъ онъ можетъ припомнить, и была первою причиной той связи, которой онъ меня удостоилъ, что я не могу судить о затрудненіяхъ, о которыхъ онъ говоритъ, и не знаю, заходила ли когда нибудь у него съ Наполеономъ рѣчь о таковомъ намѣреніи.—„По моему", сказалъ я, „тутъ единственное затрудненіе въ противодѣйствіи Наполеона, и потому именно любопытствую я узнать, случалось ли Вашему Величеству, въ многократныхъ вашихъ бесѣдахъ съ этимъ государемъ, касаться когда либо даннаго предмета. По отвѣту Наполеона можно бы судить, какъ онъ о томъ думаетъ".

Императоръ отвѣчалъ мнѣ довольно неопредѣлительно, сказавъ, что въ послѣднее время, во время войны съ Австріей, обо всемъ этомъ была рѣчь и, какъ бы не договаривая, прибавилъ: „Наполеонъ никогда бы не согласился на что либо подобное, потому что единственною его мыслью было имѣть всегдашнее вліяніе на Поляковъ, властвовать надъ ними и заставлять ихъ служить его намѣреніямъ".

— Я не знаю чтó сказать—замѣтилъ я — о дарованіи особаго существованія и устройства областямъ, которыя въ настоящее время принадлежатъ Россіи. Конечно, въ сущности это хорошо; но нечему дивиться, что этому будутъ противодѣйствовать, и даже больше, нежели возстановленію всей Польши. Чтò бы ни говорили и какой бы видъ ни приняли современныя обстоятельства, я стою на своемъ (и Ваше Величество когда-нибудь вспомните о томъ), что необходимо прибѣгнуть къ этому средству, что на немъ основано обезпеченіе (sûreté) Россіи; но я очень опасаюсь, что будетъ уже поздно, когда сознàютъ необходимость этого.—Императоръ ограничился замѣчаніемъ, что конечно, въ случаѣ войны съ Франціей, ему будетъ кстати объявить себя королемъ Польскимъ, съ тѣмъ, чтобы привлечь къ себѣ умы. Я отвѣчалъ, что тогда будетъ уже пропущено время. Такъ какъ бесѣда слишкомъ затянулась, то я не захотѣлъ продолжать ее.

II.

26 Декабря 1809 *).

Я попросилъ у Императора нѣсколькихъ минутъ бесѣды и написалъ ему, что желаю поговорить съ нимъ о продолженіи моего истекавшаго отпуска. Черезъ нѣсколько дней, проходя съ обѣда отъ своей матери, онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ, чтобы я побывалъ у него завтра, и что ему также нужно поговорить со мною. Я заключилъ, что будетъ рѣчь о новыхъ измѣненіяхъ въ устройствѣ Государственнаго Совѣта, предметѣ толковъ придворныхъ и городскихъ. Не зная, чтó имѣетъ въ виду Императоръ и чтó онъ можетъ мнѣ предложить, я нѣсколько безпокоился, такъ какъ вовсе не весело выслушивать предложенія монарха, имѣя всѣ причины не принимать этихъ предложеній.

На другой день я поѣхалъ во дворецъ и, послѣ довольно продолжительнаго ожиданія, меня ввели къ Его Величеству. Сначала Императоръ спросилъ меня, чего я желаю. Я напередъ сказалъ ему о разныхъ дѣлахъ, а потомъ попросилъ, чтобы онъ благоволилъ продолжить мнѣ мой отпускъ. „Я думалъ“, сказалъ Императоръ, „что вы располагаете остаться въ Петербургѣ дольше, и что въ такомъ случаѣ вамъ, можетъ быть, слѣдовало бы приступить къ болѣе дѣятельному служенію“. По этому поводу онъ мнѣ сказалъ, что Государственный Совѣтъ получаетъ новое образованіе, что дѣятельность его расширится, что для устройства его приняты за образецъ учрежденія государствъ, болѣе благоустроенныхъ, какъ Франція и Англія; что онъ раздѣлилъ Совѣтъ на четыре департамента (военный, внутренній, финансовъ и законовъ), и что мѣсто въ семъ послѣднемъ имѣлъ онъ въ виду для меня; что кромѣ того будетъ общее собраніе Совѣта для обсужденія дѣлъ, послѣ того какъ они были разсмотрѣны въ департаментахъ, но что ему въ особенности нужны работники въ сихъ послѣднихъ.

Я отвѣчалъ Его Величеству, что чрезвычайно почтенъ довѣріемъ, которое угодно ему оказать мнѣ, но что онъ самъ знаетъ причины моей просьбы объ отпускѣ: преклонныя лѣта моихъ родителей, съ которыми я долго находился въ разлукѣ, мое здоровье, страдающее отъ Петербургской погоды, вкусы и навыки, усвоенные мною во время продолжительнаго удаленія отъ дѣлъ. Императоръ сказалъ мнѣ, что не думалъ стѣснять меня

*) Т.-е. по возвращеніи Государя изъ Москвы и въ самый разгаръ переговоровъ между графомъ Румянцовымъ и Коленкуромъ о соглашеніи съ Наполеономъ относительно Поляковъ. П. Б.

и нарушать заведенный мною образъ жизни, прибавляя, что имѣлъ въ виду мой отъѣздъ, но полагалъ, что я отложу его до хорошаго времени года. Я отвѣчалъ, что до наступленія онаго я имѣлъ намѣреніе пожить въ Вильнѣ, гдѣ мое присутствіе необходимо для устройства дѣлъ Университета. Императоръ сказалъ мнѣ, что до той поры обнародуется новое устройство Совѣта, и что я тогда самъ увижу, какъ мнѣ поступить, и на выраженное мною опасеніе, что тогда отъѣздъ мой можетъ показаться нѣсколько неприличнымъ, успокоилъ меня увѣреніемъ, что въ этомъ важности нѣтъ и что я всегда могу взять отпускъ.

Его Величество объявилъ мнѣ, что всѣ строгія мѣры, принятыя противъ Поляковъ, будутъ отмѣнены, что это уже рѣшено, но состоится лишь черезъ нѣсколько недѣль, что повода къ этимъ мѣрамъ больше не имѣется, и что теперь онъ можетъ быть покоенъ. Я поблагодарилъ его и спросилъ, почему именно почитаетъ онъ себя обезпеченнымъ относительно Польскихъ дѣлъ, не вслѣдствіе ли только рѣчи Монталивѐ [1]), или по другой причинѣ, какъ напр. по обязательству [2]) не думать больше о возстановленіи Польши.

Изъ разговора съ канцлеромъ я дѣйствительно узналъ, что объ этомъ шли переговоры между двумя кабинетами, и я замѣтилъ Императору, что въ такомъ случаѣ ему придется самому взять на себя подобное же обязательство, и что тогда онъ свяжетъ себѣ руки. Императоръ уклонился отъ отвѣта и просто сказалъ, что не было рѣчи о томъ, чтὸ я думаю.

Мнѣ показалось, что онъ опасался, чтобы я не проникнулъ истины, потому ли что это могло ему повредить, или вслѣдствіе недовѣрія, овладѣвшаго имъ въ дѣлѣ, относительно котораго, какъ онъ зналъ, мои цѣли не одинаковы съ его.

Разговоръ нѣсколько замялся и перешелъ на преобразованіе Совѣта, на предстоявшій выборъ людей, и въ этомъ случаѣ, какъ и въ стольких другихъ, я замѣтилъ, что Императоръ давалъ себя обманывать представ-

---

[1]) Рѣчь эта приведена въ докладѣ, представленномъ Законодательному Корпусу 1-го Декабря 1809 года, *о положеніи* (Французской) *Имперіи*. Въ ней было сказано: „Герцогство Варшавское увеличилось частью Галиціи. Императору легко было присоединить къ этому государству всю Галицію, но онъ не хотѣлъ сдѣлать ничего такого, чтὸ могло бы обезпокоить его союзника, Россійскаго Императора. Почти вся Галиція прежняго раздѣла оставлена во власти Австріи. Его Величество никогда не имѣлъ въ виду возстановленія Польши. Сдѣланное имъ для новой Галиціи внушено ему не столько политикой, сколько честью: онъ не могъ оставить населеніе, показавшее такое усердіе къ Франціи, на отмщеніе неумолимому государю“.

[2]) Т.-е. по обязательству, принятому Франціей: конвенція съ Коленкуромъ въ эти самые дни была подписана. П. Б.

ляемыми ему донесеніями, и что его сужденія о лицахъ, которыхъ приходилось ему назначать, были очень не вѣрны. Не трудно было также замѣтить въ немъ желаніе расположить въ свою пользу общее мнѣніе и пробужденную недавнимъ путешествіемъ въ Москву потребность своеземства (popularité).

Онъ съ усмѣшкою сказалъ мнѣ, что многіе, не давая себѣ отчета въ названіяхъ, воображаютъ, что преобразованный Совѣтъ будетъ народнымъ представительствомъ, какъ будто возможно такое представительство не по выбору самой страны, а зависимое отъ монархической власти. „Главное мое желаніе", продолжалъ онъ, „покой внѣшній, съ возможностью заняться исключительно внутренними дѣлами. Преобразованіе Совѣта—первый шагъ къ другимъ, болѣе существеннымъ перемѣнамъ, относительно которыхъ мои мысли нисколько ни измѣнились".—Я выразилъ сомнѣніе насчетъ затруднительности выполненія, и Его Величество отвѣчалъ, что съ помощью времени и настойчивости можно пойти очень далеко. Не знаю, не имѣлъ ли онъ въ виду заманить меня, чтобы я охотнѣе подался на то, что́ онъ мнѣ предлагалъ, выслушавъ отъ него, что онъ продолжаетъ держаться прежнихъ мыслей, которыя столь часто бывали предметомъ нашихъ разговоровъ. Нерѣдко онъ именно съ такою цѣлью ведетъ бесѣду, угощая, такъ сказать, собесѣдника тѣми блюдами, которыя считаетъ его любимыми.

Затѣмъ разговоръ, какъ будто самъ собою, перешелъ къ Польскимъ дѣламъ. Императоръ сталъ меня расправшивать о нихъ.

— Совершившіяся событія—сказалъ я его Величеству—отодвинули настроеніе умовъ на пятнадцать лѣтъ назадъ. Было время, когда, сложившимися обстоятельствами, какъ будто наложенъ былъ пластырь на раны, нанесенныя Полякамъ, и они почувствовали, можетъ быть, нѣкоторое облегченіе. Явилась возможность надежды на возстановленіе ихъ страны, существованіе ихъ какъ будто упрочивалось. Теперешній случай разбередилъ полузатянувшуюся рану, и она снова сочится.

Полагаютъ, что надежды могли ослабѣть вслѣдствіе послѣдняго мира съ Австріей, вслѣдствіе поведенія Французовъ и извѣстныхъ писемъ и депешъ Наполеона, разгласившихся повсюду. Еслибы это была правда, объ этомъ бы можно многое сказать; нравственное состояніе не сдѣлалось бы, тѣмъ не менѣе, снова такимъ, какимъ оно было пятнадцать лѣтъ назадъ. Впрочемъ имѣется Варшавское герцогство, значительно увеличенное послѣ войны и способствующее къ поддержанію патріотическихъ чувствъ. Это словно призракъ прежней Польши, неотразимо дѣйствующій на всякаго, кто почитаетъ эту разрушенную страну своимъ настоящимъ отече-

ствомъ. Словно является тѣнь дорогаго покойника съ увѣреніями, что скоро воскреснетъ и будетъ къ намъ самъ покойникъ.

— Итакъ, продолжалъ я, Ваше Величество не должны удивляться тому, какъ относятся къ вамъ всѣ Поляки. Прошу васъ позабыть, что вы Государь, и выслушать меня во имя тѣхъ человѣческихъ чувствъ, которыя были первою причиною моей привязанности къ Вамъ. Ваше Величество, конечно, помните, какимъ прибылъ я сюда. Вы благоволили одобрить мои побужденія и могли видѣть, что съ тѣхъ поръ я не перемѣнился. Возвратившись изъ Италіи, я ни малѣйше не думалъ о вступленіи въ службу. Ваше Величество можете это припомнить. Я долго не соглашался на Вашъ призывъ и главнѣйше потому, что положеніе мое, какъ Поляка, могло оказаться слишкомъ щекотливымъ и слишкомъ труднымъ. Предчувствіе мнѣ говорило, что могутъ возникнуть обстоятельства, когда выгоды страны моей очутятся въ противорѣчіи съ выгодами моей службы. Ваше Величество мнѣ отвѣчали, что ничего подобнаго не предвидѣлось, а въ противномъ случаѣ я всегда буду имѣть время поступить какъ найду приличнымъ. Нынѣ не скрываю отъ Вашего Величества, что общее дѣйствіе, производимое на всѣхъ моихъ соотечественниковъ обстоятельствами и существованіемъ Варшавскаго герцогства, неизбѣжно простерлось и на меня, и я не могу не принимать живѣйшаго участія во благѣ моей страны. По моему, человѣкъ, не привязанный къ своему отечеству есть человѣкъ презрѣнный. Отказываться отъ своей вѣры, своихъ родныхъ, своей страны, одинаково гнусно въ глазахъ моихъ. Эти чувства у меня врожденныя; воспитаніе укрѣпило ихъ, и я никогда не перемѣню ихъ. Сверхъ того въ этой новой странѣ у меня братъ, сестры и все мое семейство и, признаюсь Вашему Величеству, что это одна изъ причинъ, побуждающихъ меня не вмѣшиваться ни въ какія здѣшнія дѣла. Мои дѣйствія чисты, прямы и искренни; но я хочу, чтобы таковы же были мои чувства и помышленія. Я счастливъ возможностью обращаться къ Императору съ полною откровенностью и говорить съ нимъ безъ всякой утайки. Первая моя цѣль сохранить собственное уваженіе; затѣмъ и уваженіе людей, которыхъ я привыкъ любить и почитать. Охотно соглашаюсь, чтобы Ваше Величество, если обстоятельства такъ сложатся, приказали отобрать мои имѣнія и разстрѣлять меня: я останусь къ тому равнодушенъ, лишь бы, отдавая такое приказаніе, вы отдали и мнѣ справедливость (que Votre Majesté me rende justice) и знали, что я все-таки человѣкъ порядочный (galant homme), всегда говорившій вамъ правду и никогда васъ не обманувшій".

Императоръ казался доволенъ и сказалъ мнѣ, что никогда во мнѣ не обманывался, всегда отдавалъ мнѣ справедливость, что умѣетъ оцѣнить сказанное мною, и что такой способъ объясняться съ нимъ дѣлаетъ мнѣ честь. На минуту онъ оставался въ раздумьи; потомъ, какъ бы очнувшись, онъ сказалъ: „Чтобы уладить все это, нѣтъ инаго средства, какъ наша прежняя мысль объ устройствѣ и отдѣльномъ существованіи Польскаго королевства въ связи съ Россіею. Надо подождать, продолжалъ Императоръ, чтобы Австрія сдѣлала какую-нибудь глупость и вызвала новый разрывъ съ Франціей; тогда можно будетъ найти способъ сговориться съ Наполеономъ и дать вознагражденіе Саксонскому королю". Онъ прибавилъ, что покамѣстъ хорошо бы дѣйствовать въ этомъ смыслѣ относительно областей, принадлежащихъ въ настоящее время Россіи, и принять титулъ великаго герцога Литовскаго; но что, имѣя передъ собою столь искуснаго противника, каковъ Наполеонъ, онъ боится возбудить въ немъ подозрѣніе и вызвать его на противодѣйствіе Россіи тѣмъ же путемъ, а такъ какъ онъ человѣкъ ловкій, то подвергаешься опасности остаться назади.

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ я спросилъ Его Величество, не касался ли онъ когда-нибудь этого предмета во время частыхъ бесѣдъ своихъ съ Наполеономъ. Я нерѣдко заговаривалъ съ нимъ объ этомъ, чтобы провѣрить ходившіе о томъ разные слухи. Императоръ всякій разъ отвѣчалъ уклончиво. Теперь онъ положительно сказалъ мнѣ, что предметъ этотъ ни разу не былъ обсуждаемъ между нимъ и Наполеономъ; что въ Тильзитѣ Наполеонъ отзывался очень легко обо всемъ относящемся до Польши и Поляковъ, а въ Эрфуртѣ было слишкомъ много дѣла, чтобы заняться этимъ. Я выразилъ Его Величеству сожалѣніе, что онъ не воспользовался случаемъ развѣдать, какъ думаетъ объ этомъ Наполеонъ.

— Впрочемъ, сказалъ я, нельзя не подивиться искусству, съ которымъ Наполеонъ заставляетъ вѣрить идущимъ отъ него самымъ противоположнымъ мнѣніямъ и соображеніямъ; ибо извѣстно, что рядомъ съ отзывами, о которыхъ вы мнѣ сказали, съ посылкою депешъ и произнесеніемъ рѣчей, оскорбительныхъ для Поляковъ и долженствующихъ привести ихъ въ отчаяніе, онъ, не менѣе того, успѣлъ распространить между нами убѣжденіе, что не только выгоды Польши у него на сердцѣ, но что онъ питаетъ особенное чувство расположенія къ нашему народу. Его почитали чуждымъ всякой благоволительности и думающимъ только о томъ, что̀ можетъ способствовать видамъ его честолюбія; и однако ему удалось увѣрить Поляковъ, что онъ ихъ любитъ, желаетъ имъ добра и видитъ въ нихъ истинныхъ друзей своихъ. Для возбужденія восторга, ему

стоитъ только напечатать какую-нибудь газетную статью и послать въ Варшаву одного изъ своихъ Польскихъ адъютантовъ, который, всюду принятый въ обществѣ, станетъ повторять какія-нибудь слова Наполеона, или разсказывать какой-нибудь завлекательный историческій анекдотъ. Этимъ живутъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и затѣмъ является новый посланецъ подогрѣвать умы".—Его Величество, какъ бы вполнѣ соглашаясь съ этимъ, перервалъ меня словами: „Ахъ, что́ вы мнѣ говорите! Этого еще ничего; а я знаю изъ вѣрнаго источника, что, приказавъ Монталивѐ произнести рѣчь, онъ говорилъ вашимъ соотечественникамъ совсѣмъ противное и, оживляя ихъ надежды всякаго рода объясненіями и обѣщаніями, хотѣлъ сгладить дурное впечатлѣніе, которое должно было произвести на нихъ извѣстное мѣсто въ этой рѣчи".

Его Величество прибавилъ, что это человѣкъ, для котораго всѣ средства хороши, лишь бы они доводили до его цѣли. Слыша съ нѣкотораго времени въ Петербургскомъ обществѣ много толковъ о томъ, что Наполеону грозитъ умоповрежденіе, что онъ подверженъ припадкамъ падучей болѣзни, я спросилъ Императора, такъ ли это. „Никогда, отвѣчалъ Императоръ, Наполеонъ не сойдетъ съ ума; это невозможно, и думающіе такъ вовсе его не знаютъ. Это человѣкъ, сохраняющій хладнокровіе и спокойствіе головы посреди наибольшихъ волненій; его вспышки имѣютъ въ виду другихъ, и всего чаще онъ прибѣгаетъ къ нимъ изъ разсчета. Онъ ничего не дѣлаетъ, не предусмотрѣвъ и не сообразивъ всего. Тѣ изъ его поступковъ, которые кажутся насильственными и дерзкими, суть плоды холоднаго разсчета. Онъ любитъ повторять, что ко всякой вещи надо сначала умѣть примѣниться, что никакихъ затрудненій не существуетъ, коль скоро найденъ настоящій способъ дѣйствія, что лишь бы найти его, тогда остальное пустяки; но что, съ другой стороны, не слѣдуетъ предпринимать самаго малѣйшаго начинанія, не уловивъ способа къ его осуществленію, потому что тогда все испортишь и ни до чего не достигнешь. О здоровьи его пустыя росказни: здоровье его наилучшее; онъ никогда не бываетъ боленъ и недомогаетъ лишь отъ желчи, которая вошла внутрь и отъ которой его лечили. Нѣтъ человѣка неутомимѣе его и выносливѣе въ трудѣ; но ему нуженъ сонъ, хотя бы въ перемежку, и онъ долженъ спать, по крайней мѣрѣ, восемь часовъ въ сутки. Онъ не краснорѣчивъ ни на словахъ, ни на письмѣ; я слышалъ, какъ онъ диктовалъ письма, слогомъ обрывчатымъ и несвязнымъ"... Его Величество говорилъ потомъ про разводъ и про дѣла Испанскія. Сіи послѣднія, по его словамъ, суть великое испытаніе для Наполеона, но онъ съ ними справится; а по поводу

развода замѣтилъ, что во Франціи умѣютъ всякому дѣлу сообщить великую точность и вести его съ отмѣннымъ приличіемъ.

Размышляя обо всей этой бесѣдѣ, я нахожу, что Императоръ сохранилъ ко мнѣ нѣкоторое благорасположеніе, но не особенно желаетъ удержать меня и не очень искрененъ относительно всего, что̀ я ему представлялъ. Онъ имѣетъ видъ человѣка замкнутаго и скрытнаго, и по видимому эти свойства усвоены имъ окончательно; въ отношеніи же ко мнѣ онъ, можетъ быть, стѣсняется по особымъ причинамъ [1]). Я сомнѣваюсь, чтобы въ настоящее время сердце его было доступно какому-либо особенно живому чувству, тѣмъ болѣе, что по природѣ онъ не имѣетъ въ томъ надобности. Очевидно, что Наполеона онъ знаетъ лучше, чѣмъ кто-либо. Онъ убѣжденъ, что ему нечего на него полагаться. Но очевидно также, что Наполеонъ продолжаетъ властвовать надъ его умомъ и что онъ его весьма боится. Императоръ пріучилъ всѣхъ своихъ приближенныхъ отыскивать во всѣхъ его рѣшеніяхъ не то, что̀ въ нихъ заявлено, и мнѣ приходится сдѣлать тоже по поводу его общихъ рѣшеній относительно Поляковъ. Въ прежнихъ моихъ бесѣдахъ съ нимъ онъ по видимому едва выслушивалъ мои замѣчанія; и невѣроятно, чтобы онъ вдругъ перемѣнился въ мнѣніи, тогда какъ побужденій показаться великодушнымъ было столько же и теперь, какъ и тогда, и я ему представлялъ именно тѣже доводы, въ согласіи съ которыми онъ меня увѣрялъ. И такъ я склоненъ подозрѣвать, что мѣры снисхожденія внушены ему вовсе не тѣмъ, что онъ можетъ быть совершенно спокоенъ, а напротивъ у него возникли опять причины безпокойства, которыя онъ почиталъ устраненными послѣ Вѣнскаго мира. Указаніемъ, кажется мнѣ, служитъ слово, которое онъ проронилъ о рѣчи Монталивѐ. Кромѣ того, я узналъ потомъ, что Французскій посолъ, до сихъ поръ совершенно равнодушно относившійся къ крутымъ мѣрамъ противъ лицъ, поступившихъ на службу въ герцогствѣ, началъ говорить о томъ съ большимъ участіемъ и горячностью, отзываясь, что онъ долженъ по этому предмету объясниться съ здѣшнимъ правительствомъ, — очевидное слѣдствіе новыхъ полученныхъ имъ приказаній. Возможно также, что Польскимъ дѣламъ помогла поѣздка Императора въ Москву, гдѣ общественное мнѣніе, сверхъ его ожиданія, оказалось умѣреннѣе. Его конечно удивили отзывы стараго канцлера [2]) и графа Маркова, въ особенности сего послѣдняго, который до сихъ поръ держался совсѣмъ другихъ мнѣній.

---

[1]) Можетъ быть, это намекъ на отношенія къ М. А. Нарышкиной. П. Б.

[2]) Остермана. П. Б.

Сказать правду, къ словамъ Императора объ этомъ предметѣ и о томъ, что для Россіи выгодно устройство Польскихъ дѣлъ, прибавлять нечего. Въ этомъ отношеніи убѣжденіе Его Величества опредѣлительно; но что̀ же дальше? Дѣло не подвинется, пока сами обстоятельства не сложатся такъ, что здѣшнему правительству ничего не останется, какъ согласиться. При малѣйшей помѣхѣ, предположеніе, повидимому наилучше обдуманное, будетъ брошено. Здѣсь все щекотливо и ненадежно; потому что нельзя много полагаться на того, кто будетъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

III.

5 Апрѣля 1810.

Я давно не видалъ Его Величества. Недѣли три тому назадъ онъ внезапно позвалъ меня къ себѣ. Я привелъ ему на память нѣкоторыя частныя дѣла, и въ тоже время данное имъ мнѣ обѣщаніе даровать прощеніе всѣмъ лицамъ, которыя подверглись строгостямъ въ Польскихъ губерніяхъ. По частнымъ дѣламъ онъ былъ очень сговорчивъ; относительно же прощенія сказалъ, что дастъ его согласно обѣщанію, но что надо подождать нѣкоторыхъ отвѣтовъ изъ Парижа. Послѣ этихъ словъ я тотчасъ догадался, что онъ позвалъ меня нарочно, чтобы поговорить о предметѣ, который столько уже разъ обсуждался между нами и всегда безплодно. Его Величество скоро завелъ рѣчь о Польскихъ дѣлахъ и сказалъ, что даровать прощеніе значитъ впустить въ страну людей, на которыхъ нельзя разсчитывать, что онъ всегда желалъ пріобрѣсти расположеніе жителей, но что трудно узнать, какъ этого достигнуть, потому что, при легкомысліи, никакая мѣра не можетъ считаться надежною. Я отвѣчалъ, что это, пожалуй, отчасти справедливо; но доводъ, заявляемый имъ, невѣренъ; что Поляки не по легкомыслію обнаруживаютъ малую склонность идти на приманки Русскаго правительства, а напротивъ по настойчивости въ любви къ родинѣ и въ желаніи видѣть всѣ части ея соединенными. Тогда Императоръ сталъ говорить мнѣ о соединеніи подъ особымъ управленіемъ восьми Польскихъ губерній и спросилъ, какъ я полагаю, можно ли разсчитывать на жителей этихъ губерній.—Я отвѣчалъ, что не могу ничего сказать и что мнѣ надо подумать. Тѣмъ не менѣе я выразилъ удивленіе, зачѣмъ Его Величество продолжаетъ о томъ думать, въ виду соглашенія, заключаемаго съ Франціей. Мнѣ было извѣстно, что это соглашеніе имѣло цѣлью уничтожить всѣ Польскія надежды, и я полагалъ, что Наполеонъ отказался утвердить оное. Нѣсколько смутившись, Его Величество отвѣчалъ, что это вовсе не такъ, что Шампаньи хотѣлъ помѣстить въ трактатъ

выраженія и статьи, устраняющія даже имя Польское, но что Его Величество отмѣнилъ эти статьи, и что соглашеніе, въ этомъ измѣненномъ видѣ, снова отправлено въ Парижъ.

Мнѣ было ясно, что Императоръ не желалъ объясниться со мною объ этомъ предметѣ. Провожая меня, онъ спросилъ, когда могу я дать отвѣтъ на сдѣланный имъ вопросъ. Я затруднился. Съ одной стороны, какую было предъявить ему надежду на успѣшность дѣйствія? Съ другой, сколько неудобствъ и опасностей для меня самого принять участіе въ какихъ-либо предположеніяхъ? Это значило воздвигать алтарь противъ алтаря и подвергать нашу страну возможности междоусобія. Являясь пособникомъ этихъ запоздалыхъ вождѣленій Императора, со всѣхъ сторонъ должно было ожидать затрудненій и препятствій, безъ всякой возможной надежды. Однако надо было отвѣчать какъ изъ приличія, такъ и потому, что въ виду сомнительной будущности, было бы глупо обрывать окончательно нить, которая, при измѣнившихся обстоятельствахъ, могла еще быть драгоцѣнною.

И такъ, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, я снова явился къ Императору и передалъ ему записку, въ которой изложилъ мое посильное мнѣніе о вопросѣ. Я не преминулъ заявить Его Величеству о крайнемъ моемъ затрудненіи, въ виду незнакомства съ тѣмъ, что́ происходило и готовилось въ политическомъ мірѣ. Я сказалъ ему, что не торопился моимъ пріѣздомъ, полагая, что тѣмъ временемъ получено будетъ какое-нибудь извѣстіе изъ Парижа; что, сверхъ того, я принялъ въ соображеніе частую перемѣну во взглядѣ Императора на Польскія дѣла сообразно обстоятельствамъ, именно по моемъ возвращеніи сюда и послѣ заключенія мира, и что я не удивлюсь, если и теперь онъ будетъ судить иначе. Императоръ отвѣчалъ мнѣ, что если онъ казался перемѣнчивымъ, то это происходило единственно отъ того, что этихъ дѣлъ онъ никогда не раздѣлялъ съ главною своею мыслію, которую трудно привести въ исполненіе, и что эта трудность всегда останавливала его на пути. О соглашеніи съ Франціей онъ мнѣ не сообщилъ ничего положительнаго, но сказалъ, что получилъ его изъ Парижа въ измѣненномъ видѣ. Говоря это, онъ, какъ бы невзначай, развернулъ лежавшую у него на столѣ депешу, давая чувствовать, что онъ самъ не знаетъ нужно ли показывать ее мнѣ, но увѣренъ, что, пробѣгая глазами депешу вмѣстѣ съ нимъ, по ея содержанію (не имѣвшему никакого отношенія къ нашему разговору) я увижу, какъ малоуважителенъ къ нему императоръ Французовъ. То была депеша Шампаньи къ Коленкуру: министръ писалъ послу, что онъ передалъ своему государю поздравленіе Россійскаго императора по поводу его бракосочетанія. На-

полеонъ благодарилъ за такой знакъ памяти со стороны его союзника и друга и сказалъ, что немедленно отправитъ посланца возвѣстить ему объ этомъ событіи *).

Не безъ нѣкотораго смущенія Императоръ, не читая дальше, свернулъ депешу, сказавъ мнѣ, что это ничего не значитъ, что у него имѣются другія депеши отъ Шампаньи, въ которыхъ по прежнему содержатся всевозможныя увѣренія относительно Польши, но что этимъ фразамъ нельзя давать вѣры и что онѣ не помѣшаютъ ему проводить мысль, которую онъ мнѣ довѣрилъ. Я началъ тогда читать мою записку, но Императоръ въ самомъ началѣ перервалъ меня, замѣтивъ, что не на случай только войны, а вообще для пріобрѣтенія любви со стороны Поляковъ, онъ думаетъ что-либо сдѣлать въ ихъ пользу. За тѣмъ онъ продолжалъ слушать мое чтеніе очень внимательно и не произнося ни слова. Только въ самомъ концѣ, гдѣ я говорю, что время уже пропущено, онъ замѣтилъ: „Вы конечно разумѣете 1805-й годъ и мое тогдашнее пребываніе въ Пулавахъ. Я теперь самъ вижу, что это было время благопріятное, можетъ быть единственное: тогда можно было сдѣлать то что̀ теперь будетъ сопряжено съ великими затрудненіями; но не слѣдуетъ забывать, что противъ насъ была бы вся Прусская армія“. Императоръ нѣсколько разъ, въ теченіе этой бесѣды, признавался въ сдѣланной ошибкѣ, и потому я не позволилъ себѣ говорить настойчиво, а ограничился замѣчаніемъ, что второй очень благопріятный случай представляла послѣдняя война съ Австріей, когда для Россіи легко было потребовать возстановленія Польши. „Это значило бы провозгласить совершенное разрушеніе Австріи“, сказалъ Императоръ. „Тѣмъ не менѣе вѣрно—прибавилъ я—что тогдашній образъ дѣйствій никуда не годился: Австрію вовсе не спасли, а отдали ее въ руки Франціи; Наполеону не угодили, а для Россіи не получено никакой существенной выгоды“.

Окончивъ мое чтеніе, я извинился еще разъ въ томъ, что могъ представить лишь общія соображенія и не сдѣлалъ вывода. Я не могъ, на этотъ разъ, сказать больше; потому что меня оставляли въ невѣдѣніи о томъ, что̀ происходило, и я не зналъ настроенія умовъ въ Польскихъ губерніяхъ. Тамъ только, на самомъ мѣстѣ, можно было судить о томъ, какъ примутъ предложеніе, идущее со стороны Россіи, и какимъ образомъ бороться съ всемогущимъ вліяніемъ Наполеона. „О нѣтъ, сказалъ Импера-

---

*) Кто былъ этотъ посланецъ, не знаемъ. Отправленный съ поздравленіемъ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ прибылъ въ Парижъ 1 (13) Мая 1810 (См. „Р. Архивъ“ 1877, III, 236). П. Б.

торъ, и не будучи на мѣстѣ, можно знать, что думаютъ въ губерніяхъ и въ герцогствѣ. Оно сводится къ немногимъ словамъ: Поляки пойдутъ и за дьяволомъ, если дьяволъ поведетъ ихъ къ возстановленію ихъ отечества. Впрочемъ, я доволенъ вашею запискою; она будетъ мнѣ полезна въ размышленіяхъ, занимающихъ меня уже такъ давно. Я всячески искалъ способовъ къ осуществленію моего желанія и не пришелъ ни къ чему удовлетворительному. Самое главное затрудненіе въ вознагражденіи Саксонскаго короля, которое немыслимо безъ новаго ущерба этому бѣдному королю Прусскому".

Я замѣтилъ Его Величеству, что самое главное затрудненіе - имѣть согласіе Франціи и, добившись его, все остальное будетъ легко устроить. Императоръ согласился, прибавивъ, что Наполеона занимаетъ не столько благо Польши, какъ возможность ею пользоваться на случай, когда онъ вздумаетъ вести войну съ Россіей, что ему выгодно не допускать измѣненія въ теперешнемъ положеніи дѣлъ, дабы въ случаѣ нужды имѣть въ своемъ распоряженіи заготовленные имъ способы. Относительно же Варшавскаго герцогства Императоръ признавалъ весьма естественнымъ, что тамошніе Поляки не желаютъ отдаваться Россіи, такъ какъ, принимая въ разсчетъ силы обѣихъ державъ, дарованіе и опытность генераловъ и войскъ и великую вѣроятность побѣды Наполеона во всякой войнѣ, они не могутъ подвергать себя опасности лишиться плода многолѣтнихъ своихъ усилій. Я вполнѣ согласился съ этимъ взглядомъ. Тогда Императоръ сталъ передавать мнѣ въ подробностяхъ свои мысли. Между прочимъ, онъ спросилъ меня, нельзя ли будетъ поднять притворную войну съ герцогствомъ, въ которой, по сдѣланному соглашенію, Русскія войска заняли бы такое положеніе, чтобы, соединившись съ войсками Польскими, они могли противоборствовать Французамъ, и тогда бы всѣ желанія Поляковъ исполнились. Трудность выполнить такое химерическое начинаніе была слишкомъ очевидна, и во всякомъ случаѣ приходилось все-таки воевать съ Наполеономъ, безъ надежности въ успѣхѣ.

Передавая мнѣ одну за другою всѣ эти мысли, Императоръ вдругъ спросилъ, не была ли бы достигнута желанная цѣль, если бы допустить образованіе Польскаго королевства изъ герцогства и Галиціи, съ тѣмъ чтобы Поляки, подданные Россіи, имѣли позволеніе уѣзжать туда на службу, какъ въ свою страну. Замѣтивъ, что меня озадачила эта мысль, Императоръ прибавилъ, что удовлетворенные такимъ образомъ Поляки сдѣлались бы спокойны и не враждебны Россіи; что Франція, по устраненіи этого яблока раздора между нею и Россіей, не имѣла бы повода къ войнѣ съ

Россіею; словомъ, это значило бы произвести ампутацію, избавиться отъ болѣзни, вмѣсто того чтобы придумывать, какъ отъ нея вылѣчить. По пріемамъ его рѣчи я догадывался, что эта мысль могла быть внушена ему Французскимъ посломъ, что во всякомъ случаѣ она обсуждалась и что Императоръ, предпочитая дурное худшему, былъ не прочь согласиться на такое предложеніе, обставивъ его благовидными предлогами. Впрочемъ это только моя догадка.

Въ заключеніе Императоръ сказалъ, что еще займется этимъ предметомъ и желаетъ, чтобы я, съ своей стороны, поискалъ нити къ выходу. Я отвѣчалъ, что вовсе не желаю охлаждать благое расположеніе Его Величества, но поистинѣ не знаю, какъ мнѣ тутъ быть; что, по моему мнѣнію, необходимо тотчасъ же приступить къ мѣрамъ, изложеннымъ въ представленной мною запискѣ *), что нынѣшній годъ, кажется, мнѣ долженъ составить эпоху и что онъ не пройдетъ безъ важныхъ событій, болѣе важныхъ и рѣшительныхъ, нежели тѣ, коихъ мы были свидѣтелями. Императоръ перебилъ меня и сказалъ, ударяя съ чувствомъ на словахъ, что этотъ годъ еще пройдетъ тихо, такъ какъ Наполеонъ занятъ очень своимъ бракомъ, но что въ будущемъ году надо ждать рѣшительнаго оборота событій. „Теперь половина Апрѣля, замѣтилъ онъ; слѣдовательно это будетъ черезъ девять мѣсяцевъ“. Говоря мнѣ это, и вообще въ продолженіе всей бесѣды, Императоръ глядѣлъ строго и вдумчиво, чтó мнѣ напомнило про суровые его взгляды въ дни Аустерлица. Видимо онъ утомленъ и обезсиленъ. Я замѣтилъ въ немъ большую тревогу, великое желаніе уладить Польскія дѣла, какъ бы то ни было, и готовность съ своей стороны сдѣлать для того все возможное. Онъ нѣсколько разъ какъ бы извинялся передо мною, говоря, безъ моего вызова, о томъ, что въ 1805 году всего удобнѣе было осуществить дѣло. Не знаю, таково ли его убѣжденіе, или онъ говорилъ только, чтобы меня задобрить. Я простился съ Его Величествомъ въ большой неувѣренности на счетъ того, чтó можетъ произойти.

*) Кажется, что эта записка князя Чарторижскаго о настроеніи умовъ въ нашихъ губерніяхъ бывшей Польши (см. выше стр. 53 и 54) до сихъ поръ не издана. П. Б.

ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРСТВО КНЯЗЯ А. А. СУВОРОВА ВЪ ПРИБАЛТІЙСКОМЪ КРАѢ.

1848—1861 [1]).

Въ его мысляхъ и самъ Богъ былъ не властенъ.
Рижскіе старовѣры.

«Управлять Балтійскимъ краемъ очень трудно и въ тоже время очень легко; все зависитъ отъ того, какъ понимать слово *управлять*. Если управлять—значитъ быть дѣятельнымъ представителемъ государственнаго начала и проводникомъ его требованій, то должность генералъ-губернатора въ Ригѣ одна изъ самыхъ трудныхъ и неблагодарныхъ».

«Въ Балтійскомъ краѣ борятся законъ съ юридическими традиціями и общее законодательство имперіи съ провинціальнымъ; борятся два вѣроисповѣданія, изъ коихъ одно считается господствующимъ во всей имперіи, а другое считаетъ себя господствующимъ (Landeskirche) въ томъ краѣ; борятся три народности: господствующая по оффиціальной терминологіи, господствующая на самомъ дѣлѣ, и подавленная; наконецъ, тяжутся городская аристократія съ городскимъ пролетаріатомъ и обезземеленные крестьяне съ землевладѣльцами. Въ этихъ борьбахъ и тяжбахъ жизнь всего края».

«Оттого самыя обыкновенныя дѣла управленія до крайности усложняются и принимаютъ размѣры вопросовъ политическихъ, церковныхъ, народныхъ или сословныхъ, затрогивающихъ самые щекотливые интересы цѣлыхъ вѣроисповѣданій, корпорацій, даже цѣлыхъ націй. Въ Москвѣ, Петербургѣ или Одессѣ, генералъ-губернаторъ не встрѣчаетъ ничего подобнаго.—Далѣе, по принятому въ краѣ порядку дѣлопроизводства, всѣ возникающіе вопросы, споры и недоразумѣнія немедленно переносятся въ область историческаго права и обростаютъ множествомъ ссылокъ на документы, не всегда достовѣрные, часто темные и обыкновенно допускающіе самыя разнообразныя толкованія. Для Рус-

---

[1]) По архивнымъ документамъ, опубликованнымъ въ книгѣ: Deutsch-Protestantische Kämpfe in den Baltischen Provinzen Russlands. Leipzig. 1888.

скаго, неспеціалиста по этой части, трудно даже усвоить себѣ мѣстную юридическую терминологію, выработанную вѣками для выраженія понятій, нигдѣ въ Россіи не встрѣчающихся. Чтобы не заблудиться въ этомъ лабиринтѣ, необходима юридическая подготовка, которая, къ сожалѣнію, не пріобрѣтается ни командованіемъ гвардейскимъ полкомъ, ни пріемомъ рекрутовъ, ни бѣглыми осмотрами по разнаго рода порученіямъ. Чтобы охранить независимость взгляда и воли, не подчиниться одностороннимъ вліяніямъ и не уклониться отъ борьбы съ провинціализмомъ въ его анти-государственныхъ притязаніяхъ, нужно болѣе чѣмъ обыкновенное представительство и умѣніе орудовать властью, нужно въ добавокъ гражданское мужество, въ полномъ значеніи слова...»

«Но эта незаманчивая обстановка главнаго мѣстнаго начальника мгновенно измѣняется, какъ только онъ берется за управленіе въ другомъ значеніи этого слова. Трудности исчезаютъ, недоразумѣнія уясняются; оказывается, что все напередъ придумано, разрѣшено и написано (хотя и не совсѣмъ чистымъ Русскимъ языкомъ), а ему, счастливому представителю власти, остается только подписывать.... Приходится ли отвѣчать на щекотливый вопросъ изъ Петербурга, или ѣхать туда, чтобы отстаивать какое-нибудь произведеніе мѣстныхъ законодателей— его начиниваютъ, подогрѣваютъ, наставляютъ, и все-таки отпускаютъ въ путь не одного, а приставивъ къ нему надежнаго руководителя, который будетъ выручать его въ случаи надобности и въ тоже время повсюду прославлять его популярность. Чего же лучше? Обыкновенно бываетъ такъ, что вновь назначенный генералъ-губернаторъ пріѣзжаетъ съ твердымъ намѣреніемъ управлять въ настоящемъ смыслѣ слова, и мало по малу, нечувствительно, переходитъ къ противоположной системѣ, то-есть подпадаетъ въ колею своихъ предшественниковъ... Еще нѣсколько мѣсяцевъ—и настоящимъ начальникомъ края дѣлается мѣстный ландмаршалъ (предводитель дворянства), ландратъ или губернаторъ изъ ландратовъ, а генералъ-губернаторъ превращается въ его чиновника по особымъ порученіямъ, на котораго возлагается обязанность повторять и проводить въ Петербургъ то, что́ внушается въ Ригѣ. Можно смѣло сказать, что съ 1847 года государственное начало не имѣло въ Балтійскомъ краѣ ни одного серьезнаго представителя (генералъ-губернатора)... Повторяю: быть адвокатомъ провинціальныхъ воззрѣній легко и пріятно; но разъ, принявъ эту роль, надобно держаться ея послѣдовательно, какъ дѣлалъ князь Суворовъ» [2]).

Мы позволили себѣ привести эту выдержку изъ «Окраинъ Россіи» незабвеннаго Ю. Ѳ. Самарина, ибо въ мѣткихъ выраженіяхъ и художественной формѣ этотъ первѣйшій изслѣдователь нашихъ Балтійскихъ дѣлъ излагаетъ всю программу ген.-губернаторской дѣятельности Суворова. Затѣмъ, представляя вѣрное объясненіе изложенныхъ въ настоящемъ очеркѣ ошибокъ и промаховъ князя, Ю. Ѳ. Самаринъ въ тоже время указываетъ и на смягчающія обстоятельства, которыя необ-

---

[2]) Ю. Самаринъ. Окраины Россіи. Вып. I, стр. 135. Прага 1868,

ходимо имѣть въ виду для безпристрастнаго приговора надъ его 14-лѣтнимъ управленіемъ трехъ Прибалтійскихъ губерній.

I.

Князь А. А. Суворовъ, прибывшій въ Ригу 18 Марта 1848 года, уже въ первые дни своего генералъ-губернаторства заявилъ себя совершеннымъ противникомъ системы своего предмѣстника Е. А. Головина и горячимъ ходатаемъ за сохраненіе извѣстныхъ Балтійскихъ привилегій [3]). Въ томъ же 1848 г., во всеподданнѣйшемъ отчетѣ, отнесся онъ къ нимъ въ такихъ словахъ: «Въ послѣдніе годы часто упоминаемо было о сопротивленіи Германской народности и о враждѣ Германскаго (!) населенія противъ Россіи. Я же постоянно руководствовался мыслію, что съ точки зрѣнія правительства Германская народность въ Балтійскихъ губерніяхъ окончательно заключена (должна бы быть) въ предѣлахъ домашняго быта и что стародавнія Германскія учрежденія и должностное употребленіе Нѣмецкаго языка, историческое наслѣдство края, съ присоединеніемъ его къ Россіи, должно бы было утратить народностное (sic) значеніе. Какими бы побужденіями ни руководствовалось въ томъ и другомъ данномъ случаѣ мѣстное Нѣмецкое населеніе, я считаю удобнѣйшимъ *оставлять* встрѣчаемыя противодѣйствія офиціально на уровнѣ (?) сословныхъ или частныхъ явленій. Напротивъ того, офиціальное признаніе ихъ народностными (sic) придало бы имъ, сколько мнѣ кажется, значеніе и единство, котораго онѣ нынѣ не имѣютъ» [4]).

Таковымъ profession de foi, можно сказать не ошибаясь, руководствовался князь Суворовъ въ продолженіе всего своего управленія Прибалтійскими губерніями. Мы увидимъ, какъ страшно ошибался одинъ ревнитель Русскаго дѣла, писавшій ему изъ Москвы (псевдонимомъ) и выражавшій надежду что, «внукъ знаменитаго героя, любившаго Россію, какъ мать родную, возстановитъ честь Русскаго имени въ краѣ облагодѣтельствованномъ Россіей и платящемъ ей черной неблагодарностію.» Въ этомъ письмѣ, между прочимъ выражена увѣренность, что князь Суворовъ вразумитъ лютеранъ, что ихъ вѣроисповѣданіе принадлежитъ лишь къ числу терпимыхъ въ имперіи.

Вѣроятно, по поводу этихъ словъ Балтійскій патріотъ, авторъ поименованной нами Нѣмецкой книги, съ торжествомъ восклицаетъ:

---

[3]) По поводу назначенія Суворова генералъ-губернаторомъ Балтійскихъ губерній одно высокопоставленное лицо выразилось: „Сколь велика должна быть любовь Императора къ Лифляндцамъ, Эстляндцамъ и Курляндцамъ, когда онъ далъ имъ такого генералъ-губернатора, какъ князь Суворовъ“. Lifländische Beiträge I.

[4]) Тамъ же, стр. 144.

«Князь Суворовъ уже съ первыхъ дней своего управленія показалъ, что не былъ намѣренъ слѣдовать совѣтамъ Русскихъ ультровъ. Онъ разрушилъ однимъ ударомъ все сдѣланное Филаретомъ».

Находясь еще на пути въ свою резиденцію, генералъ-губернаторъ уже поспѣшилъ высказать, чему его научили въ Петербургѣ Мейндорфъ и Паленъ съ компаніей. На границѣ Рижскаго уѣзда орднунгсрихтеръ началъ рапортовать ему на Русскомъ языкѣ; князь Суворовъ замѣтилъ ему: «зачѣмъ вы не говорите на вашемъ родномъ Нѣмецкомъ языкѣ?» Одно это слово, мгновенно разнесшееся по всему краю, ниспровергало все, что было сдѣлано съ большими усиліями для того, чтобы упрочить офиціальное первенство Русскаго языка.

По пріѣздѣ въ Ригу, князь Суворовъ не отправился въ соборъ, гдѣ его ожидало духовенство, и тѣмъ выказалъ неуваженіе къ родной ему православной вѣрѣ. «Въ первое Воскресенье, прійдя въ домовую церковь свою почти къ причастному стиху, онъ во все остальное время службы безостановочно говорилъ въ глазахъ всего народа съ генераломъ Яфимовичемъ о сдачѣ своего полка.

Вслѣдъ за тѣмъ, въ Благовѣщенье, онъ отправился въ приходскую церковь къ архіерейскому богослуженію, но потомъ, какъ бы для того, чтобы искупить это, въ тотъ же день вечеромъ поѣхалъ en gala въ театръ смотрѣть «Свадьбу Фигаро», за что и встрѣченъ былъ со стороны Нѣмцевъ громомъ рукоплесканій.

Князь Суворовъ былъ съ визитомъ у всѣхъ городскихъ пасторовъ и не удостоилъ посѣщеніемъ ни однаго Русскаго священника, хотя они и были представлены ему епископомъ.

На первомъ пріемѣ просителей въ присутствіи многихъ лицъ, жаждавшихъ услышать первыя слова сановника приближеннаго къ Государю, подвернулась князю Суворову принявшая православіе Еврейка; она просила слѣдуемыхъ ей по закону 30 рублей. Князь Суворовъ, впервыя узнавшій о существованіи такого закона, выбранилъ Еврейку «неприличными словами».

За Еврейкой слѣдовали четыре православныхъ крестьянина изъ Латышей, съ жалобой на притѣсненія помѣщиковъ. «Были ли вы у архіерея?» спросилъ ихъ князь. Латыши отвѣчали, что были, но сейчасъ же добавили, что преосвященный отозвался невозможностію вмѣшиваться въ подобное (чисто-гражданское) дѣло, и самъ послалъ ихъ къ генералъ-губернатору.

Князь Суворовъ разгнѣвался и велѣлъ передать имъ черезъ переводчика слѣдующее:

— «Скажите этимъ милымъ дѣтямъ православія, что если они ищутъ небесныхъ благъ, то шли бы къ своему нѣжному отцу, архіерею; когда же заботятся о мірскихъ дѣлахъ, то не смѣли бы ходить

къ нему, такъ какъ въ подобномъ разѣ (sic), я не только не исполню ихъ просьбы, но даже накажу ихъ».

Затѣмъ предстали передъ расходившагося правителя наши старообрядцы съ просьбой освободить ихъ сыновей отъ рекрутства.

«Какія у васъ сыновья, сказалъ онъ имъ, когда у васъ собачьи свадьбы? Отыщите родословную вотъ этого кобеля моего!»

Во время управленія князя Суворова, всѣ Русскія замужнія женщины «старой вѣры» писались въ бумагахъ «блудными дѣвками», а дѣти ихъ—«дѣтьми блудныхъ дѣвокъ».

Просматривая списокъ тѣхъ, кому надо бы сдѣлать визитъ, князь Суворовъ сказалъ: «нынче заѣдемъ и къ блудной дѣвкѣ». Въ такихъ словахъ отозвался онъ о старовѣркѣ-купчихѣ Поповой, пользовавшейся большимъ вліяніемъ среди своихъ единовѣрцевъ. Можетъ быть, онъ поѣхалъ къ ней ради тѣхъ же Нѣмцевъ, въ глазахъ которыхъ госпожа Попова стояла гораздо выше того лица, которое имѣло для нихъ значеніе лишь какъ противника Русскаго дѣла.

Можно себѣ легко представить, какъ все это горько было представителю православія въ краѣ, епископу Филарету (Гумилевскому). Его сѣтованія выразились въ письмѣ къ А. В. Горскому: «Новый начальникъ края привезъ съ собою много гостинцевъ Нѣмецкихъ.... Мои здѣшнія обстоятельства день отъ дня не легче.... Князь Суворовъ, не смотря на то, что внукъ знаменитаго любовью ко всему Русскому человѣка, до крайности страненъ въ своемъ усердіи къ Нѣмцамъ. Назвать ли его Лютеранскимъ генералъ-суперинтендентомъ или только человѣкомъ, для котораго важны однѣ звѣзды, не знаю. Безпрестанно твердитъ, что онъ Русскій съ ногъ до головы, а насмѣхается надъ всѣмъ Русскимъ и унижаетъ Русскихъ открыто; твердитъ, что имѣетъ глубокое чувство правды, а покровительствуетъ лютеранизмъ и преслѣдуетъ православіе при всѣхъ удобныхъ и неудобныхъ случаяхъ».... [5]).

Защищаясь отъ упрека въ томъ, что духовенство мѣшается въ свѣтскія дѣла, Филаретъ писалъ кн. Суворову: «Съ своей стороны вполнѣ остаюсь увѣреннымъ что в. с—ть, при свойственной вамъ любви къ правдѣ, когда будете имѣть время собственнымъ опытомъ узнать положеніе здѣшнихъ дѣлъ и отношенія лицъ, дойдете до полной увѣренности въ томъ, какъ и во многомъ другомъ, что сомнѣніе относительно сего предмета было плодомъ только стороннихъ внушеній. Еслибы

---

[5]) „Русскій Архивъ“ 1887 г. № 10. Подобный этому отзыву находимъ въ письмѣ Филарета къ протоіерею Назаревскому: „На дняхъ мнѣ случилось видѣть одно лицо возвратившееся изъ Петербурга и привезшее оттуда такой отзывъ о к. С. выродокъ, позоръ Русскому имени“. („Русскій Вѣстникъ“ 1883 г. II, 770).

не необходимость заставила, никогда не дозволилъ бы я моей совѣсти даже и того, чтобы увѣрять вашу с—ть въ нежеланіи моемъ и подчиненнаго мнѣ духовенства касаться дѣлъ чужихъ. Тогда какъ убѣжденъ я и убѣжденъ до того, что страдаю, что дѣла православія находятся въ растройствѣ и требуютъ долгаго времени и трудовъ, чтобы устроить ихъ, неблагоразумно оставлять свое и брать на себя чужое. Тогда какъ священники находятся въ такомъ положеніи, что каждое ихъ слово готовы перетолковать въ другомъ смыслѣ, каждому поступку дать другое значеніе, священникамъ остается употреблять слишкомъ много времени и труда, чтобы предохранять себя отъ несовѣстливой зоркости соглядатаевъ» [6]. Это намекъ на Валуева, котораго Филаретъ называлъ врагомъ и гонителемъ православія, Полякомъ съ примѣсью Нѣмца. («Православное Обозрѣніе» 1886 г. Іюль, стр. 455) [7].

Оправдательное письмо Филарета дало князю Суворову поводъ снова упрекать епископа въ томъ, что «готовность священника выслушивать просьбы крестьянъ ободряетъ послѣднихъ ожидать отъ своихъ пастырей болѣе чѣмъ одни духовныя пособія и на поприщѣ гражданскаго быта болѣе чѣмъ одни совѣты; что недовѣріе къ другимъ властямъ (?), возбужденное мнимымъ открытіемъ новаго судебнаго пути, постепенно превращается въ пренебреженіе къ нимъ, а въ этомъ пренебреженіи заключается первый шагъ къ непокорности и самоуправству». «Ваше преосвященство, оправдывался князь, сами изволите согласиться, что, руководствуясь этимъ убѣжденіемъ, я обязанъ, по долгу возложеннаго на меня званія, принимать всѣ зависящія отъ меня мѣры къ отклоненію зла... Я глубоко уважаю тѣ чувства христіанскаго состраданія къ ближнему, которыми ваше преосвященство были руководимы; но на мнѣ лежитъ должностная обязанность не увлекаться подобными чувствами и озабочиваться безпристрастнымъ и безусловнымъ (!) соблюденіемъ дѣйствующаго закона. Я не отрицаю общаго *недоброжелательства лютеранъ къ новоправославнымъ* (!); я допускаю, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ строгость закона упадаетъ на сихъ послѣднихъ безъ снисходительности (!), нерѣдко *оказываемой лютеранамъ*....»

Противъ предположенія Филарета, что нѣкоторыя лица (не указанныя ближе) искажаютъ истину и дозволяютъ себѣ неблагонамѣренные происки, князь возражалъ, что онъ, «къ сожалѣнію не можетъ отрицать этихъ происковъ», но увѣрялъ, что тѣ лица, которыя съ самаго пріѣзда его въ край упорнымъ искаженіемъ истины противодѣйствуютъ добросовѣстнымъ стараніямъ его, которыя усиливаются, вселяютъ не-

[6]) Тамъ же.

[7]) Мать покойнаго П. А. Валуева была ур. Фелькерзамъ, а вторая супруга Вакульская. П. Б.

довѣріе къ нему въ единовѣрныхъ и единокровныхъ его соотечественникахъ.... что всѣ эти лица не принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыхъ онъ признаетъ благонадежными исполнителями воли правительства и которымъ полагаетъ себя въ правѣ оказывать довѣріе» *). «Неблагонадежными исполнителями воли правительства» по всему вѣроятію, казались князю Суворову почтенные Русскіе дѣятели: Я. Н. Ханыковъ, графъ Д. Н. Толстой, Ю. Ѳ. Самаринъ.— Здѣсь кстати можно обратить вниманіе читателя на совершенно нерусскія выраженія и обороты рѣчи, встрѣчающіеся въ письмахъ князя Суворова. Одно изъ двухъ: или князь думалъ и писалъ на Нѣмецкомъ языкѣ, или письма его сочинялись и переводились въ генералъ-губернаторской канцеляріи Нѣмцемъ; напр. выраженіе «должностная обязанность» — буквальный переводъ Нѣмецкаго слова «Dienstpflicht».

Необдуманные поступки князя Суворова съ православными Латышами и старовѣрами не могли не произвести въ городѣ большаго впечатлѣнія: насколько одна сторона ликовала, настолько другая негодовала. Извѣстясь о томъ, князь почувствовалъ, что онъ пересолилъ. Въ извиненіе, онъ увѣрялъ архіерея, что «не говорилъ ничего дурнаго противъ православія»; ссылался на свидѣтеля, генерала Яфимовича, который присутствовалъ при пріемѣ прошеній, но вмѣсто того, чтобы стараться загладить свою ошибку, онъ только «гнѣвался на то, что разносятъ по городу слова, сказанныя имъ на *конфиденціальномъ языкѣ*, т. е. на Французскомъ.

Препирательства генералъ-губернатора съ епископомъ Филаретомъ кончились, какъ извѣстно, перемѣщеніемъ послѣдняго въ Харьковъ, въ Ноябрѣ 1848 года. Князь Суворовъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ Государя, Филаретъ же въ это время лишился покровительства оберъ-прокурора графа Протасова.

Не удовлетворившись одержанной надъ Филаретомъ побѣдой, князь Суворовъ распространилъ свою месть на бывшаго ученика и дѣятельнаго помощника его, протоіерея В. Г. Назаревскаго. Вслѣдъ за своимъ архипастыремъ Назаревскій оставлялъ Ригу и, разставаясь съ любившими его Русскими людьми, сказалъ прощальное слово на текстъ «Пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы»; это, конечно, былъ намекъ на судьбу Филарета.

На третій день по произнесеніи проповѣди, явился къ о. Назаревскому полицейскій чиновникъ и объявилъ ему отъ имени князя Суворова, что еслибъ онъ не былъ лицо духовное, *слѣдовало бы его отправить на гауптвахту*; но такъ какъ онъ лицо духовное, то чтобы ни-

*) „Р. Архивъ“ 1887 г. статьи И. С. Листовскаго.

куда не выходилъ изъ квартиры до рѣшенія дѣла о проповѣди высшимъ начальствомъ, такъ какъ его свѣтлость уже донесъ о семъ Св. Синоду [9]). Къ квартирѣ Назаревскаго были приставлены жандармы.

Прибалтійскій генералъ-губернаторъ въ своемъ доношеніи Синоду, между прочимъ, писалъ: «15 Января произнесена въ архіерейской домовой церкви соборнымъ ключаремъ протоіереемъ Владиміромъ Назаревскимъ рѣчь, которая съ быстротою распространилась по городу и произвела сильное и пагубное впечатлѣніе не только на всѣхъ (?) православныхъ, но и на всѣхъ иновѣрцевъ.... Я умалчиваю о выходкахъ лично противъ меня направленныхъ, онѣ не въ первый разъ произносятся (?) и какъ прежде, такъ и нынѣ я оставляю ихъ совершенно безъ вниманія. Не коснусь въ подробности и тѣхъ выраженій, коими православный священникъ вызывалъ православныхъ на нравственную брань (?) противъ иновѣрцевъ, внушалъ имъ недовѣріе къ согражданамъ своимъ и не только требовалъ отъ православныхъ чадъ своихъ удаляться отъ всѣхъ иновѣрцевъ, но чтобы они въ томъ же духѣ воспитывали дѣтей своихъ. Я въ этихъ рѣчахъ не обвиняю лично о. Владиміра (къ чему же жандармовъ?): онъ дѣйствовалъ въ духѣ, внушенномъ ему бывшими его начальниками, расположеніе коихъ онъ симъ путемъ полагалъ еще болѣе утвердить за собою. Онъ долженъ былъ возстать (?) противъ словъ мира и любви христіанской, провозглашаемыхъ въ храмахъ Божіихъ и внѣ оныхъ начальникомъ его, епископомъ Рижскимъ. Въ немощи своей протоіерей Назаревскій воспользовался отъѣздомъ мѣстнаго преосвященнаго для произнесенія рѣчи, наполненной наставленіями *противными наставленіямъ* викарнаго его начальника [10]), несогласными ни съ дѣйствіями, ни съ чувствами кротости и христіанской любви мѣстнаго преосвященнаго. Тутъ является, по моему мнѣнію, главнѣйшая вина протоіерея Назаревскаго, вина неоправдываемая никакой дисциплиною ни гражданскою, ни духовною». Далѣе князь Суворовъ жалуется, что слово было произнесено въ домовой церкви епископа [11]); что, восхваляя двухъ бывшихъ Рижскихъ епископовъ (Иринарха и Филарета), Назаревскій умолчалъ о настоящемъ и заключилъ свою рѣчь желаніемъ, чтобы православные въ Лифляндіи получили архипастыря подобнаго Иринарху и Филарету [12]). Въ заключеніе князь, усматривая въ Наза-

---

[9]) „Р. Архивъ“ 1887, X, 295.—Въ Февралѣ того же 1849 года Ю. Ѳ. Самаринъ посаженъ въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости.

[10]) Нынѣшняго митрополита Кіевскаго Платона.

[11]) Очень небольшая церковь, гдѣ протоіерей Назаревскій, при архіереяхъ и безъ нихъ, нѣсколько уже лѣтъ говорилъ проповѣди и притомъ безъ всякой цензуры, такъ какъ самъ былъ цензоромъ проповѣдей всего Рижскаго духовенства. Слышало рѣчь эту, по объясненію Назаревскаго, „менѣе сотни лицъ“.

[12]) Уцѣлѣвшій отрывокъ рѣчи Назаревскаго въ „Русск. Вѣстн.“ 1883 г. Февраль.

ревскомъ «орудіе, употребленное личными недругами какъ его, такъ и преосвященнаго [13]), предоставлялъ усмотрѣнію об.-прокурора Св. Синода, можетъ ли остаться настоящій случай безъ послѣдствій и не слѣдуетъ ли со всею строгостію сдѣлать внушеніе (?) всѣмъ духовнымъ лицамъ въ Лифляндіи о непреступленіи предѣловъ подчиненности и права произнесенія рѣчей, имѣющихъ предметомъ разсмотрѣніе офиціальныхъ дѣйствій правительства и начальствующихъ лицъ» [14]).

Какъ извѣстно, «строгое взысканіе», опредѣленное протоіерею Назаревскому Синодомъ, состояло первоначально въ запрещеніи ему священнодѣйствовать и заключеніи въ одинъ изъ Псковскихъ монастырей. Затѣмъ, послѣ полугодоваго пребыванія въ сырой и холодной кельѣ, былъ онъ отправленъ на родину въ Тульскую губернію, на должность приходскаго священника, «впрочемъ съ особымъ надзоромъ». Затѣмъ протоіерей Назаревскій, по ходатайству митрополита Филарета, былъ переведенъ въ Москву.

«Несмотря на недовѣріе высокопоставленныхъ лицъ, восклицаетъ съ торжествомъ Нѣмецкій панегиристъ Суворова, князь въ борьбѣ со своими противниками остался побѣдителемъ!» Трудно догадаться о «недовѣріи» какихъ именно «высокопоставленныхъ лицъ» говоритъ авторъ; но есть основаніе предполагать, что взглядъ кн. Суворова на дѣло православія въ Прибалтійскомъ краѣ находилъ сильную поддержку въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Когда, по возвращеніи графа Бобринскаго, посланнаго для изслѣдованія этого дѣла, обсуждался вопросъ о совращеніи изъ православія и о смѣшанныхъ бракахъ въ совѣтѣ, въ которомъ участвовали духовникъ Государя протопресвитеръ Бажановъ, кн. С. Н. Урусовъ, гр. Валуевъ, гр. Адлербергъ, великіе князья и канцлеръ А. М. Горчаковъ: то по разсказу сего послѣдняго [15]) «почти всѣ присутствовавшіе склонились на сторону князя Суворова»; а свѣтлѣйшій князь Горчаковъ предлагалъ ни болѣе ни менѣе какъ приравнять Прибалтійскій край къ Финляндіи, предоставивъ ему полную свободу совѣсти и исповѣданія.

Слѣдствіемъ совѣщаній совѣта, по словамъ того же князя Горчакова, было предписаніе «епископамъ (?) нашимъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, чтобы они смотрѣли тамъ сквозь пальцы на то, посылаютъ ли Латыши дѣтей своихъ креститься по православному или жела-

---

[13]) Т. е. Платона, бывшаго викарія Рижской эпархіи. П. Б.

[14]) Къ исторіи православія въ Прибалтійскомъ краѣ („Русскій Архивъ“ 1887 года, вып. 10-й).

[15]) Р. Старина 1883 г. Октябрь, стр. 175.—Надо припомнить читателю, что канцлеръ князь А. М. Горчаковъ былъ сыномъ Нѣмки Ферзенъ и воспитался въ семьѣ перваго ея супруга Сакена, чѣмъ объясняются многія стороны его дѣятельности, въ особенности

ютъ ихъ отдать въ лютеранство». «Въ послѣдствіи времени, закончилъ канцлеръ свою бесѣду объ этой матеріи съ редакторомъ «Рус. Старины», въ этомъ краѣ предоставлена была свобода выбора исповѣданія для дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ [16]). «Я тогда же предложилъ туже свободу распространить и для прочихъ областей Россіи, но предложеніе это не встрѣтило Высочайшаго одобренія». Прибавимъ, что подобнымъ же взглядомъ на распространеніе православія въ Прибалтійскомъ краѣ руководствовался гр. Валуевъ, въ бытность его министромъ внутреннихъ дѣлъ. Дѣло распространенія православія равнялось по его понятію «преслѣдованію инославныхъ исповѣданій». La chose est jugée, говорилъ онъ. По его мнѣнію свобода совѣсти для Балтійскихъ губерній могла быть прочно утверждена только тогда, если свобода совѣсти станетъ общимъ государственнымъ принципомъ. Впрочемъ эта оговорка не мѣшала ему съ особой похвалой отзываться о готовности генералъ-губернатора гр. Шувалова «споспѣшествовать вѣроисповѣднымъ интересамъ Лифляндіи, Курляндіи и Эстляндіи». Графъ Валуевъ, постоянно совѣтовавшій «оставить эти губерніи въ покоѣ и предоставить имъ свободу дѣйствій», оказался вѣрнымъ усвоителемъ руководящихъ началъ своего бывшаго начальника князя Суворова. Недаромъ Балты привыкли считать графа Валуева «своимъ человѣкомъ» [17]).

Слѣдуя за дальнѣйшими переферіями вѣроисповѣднаго вопроса въ Прибалтійскомъ краѣ, нельзя не замѣтить, что отмѣна предбрачныхъ подписокъ. Мѣра эта 15 Марта 1865 г. повлекла за собой множество важныхъ затрудненій, требовала исполненія только со стороны православнаго духовенства, лютеранскому же духовенству про нее даже не объявляли. Слѣдовало ожидать отъ сего послѣдняго, что, не зная дѣйствительныхъ границъ новой мѣры, оно могло придавать ей обратное значеніе, т.-е. начать присоединять къ лютеранству дѣтей уже крещенныхъ по православному обряду, или склонять къ совращенію въ лютеранство взрослыхъ людей. Но когда по ходатайству гр. Шувалова содержаніе мѣры 15 Марта 1865 г. было объявлено лютеранскому духовенству чрезъ мѣстныя консисторіи, оно стало домогаться такихъ измѣненій въ дѣйствующихъ постановленіяхъ, которыя бы позволяли лютеранскимъ пасторамъ оказывать духовную помощь (хотя временно) тѣмъ лицамъ, кои фактически состоятъ уже внѣ всякой связи

при раздачѣ мѣстъ съ большими окладами и съ возможностью выслуживаться одними оказательствами.

[16]) Baltische Monatschrift 1890, Heft 3.

[17]) Извѣстно, что отмѣненныя въ 1865 г. предбрачныя подписки (реверсы) были возстановлены Высочайшимъ повелѣніемъ 8 Августа 1885 (оно объявлено 27 Іюля 1886 г.(; и дѣйствіе 67 ст. X т. Св. Зак. распространено на Балтійскія губерніи.

съ православною церковью, и до тѣхъ поръ именно, пока «вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ (!) окажется возможнымъ разрѣшать имъ *формальный переходъ въ лютеранскую вѣру*». Когда это домогательство было рѣшительно отвергнуто правительствомъ, то генеральная консисторія заявила, что объявленное высочайшее повелѣніе 15 Марта 1865 года «ввело мѣстныхъ пасторовъ въ недоумѣніе относительно того, могутъ ли они крестить и обучать дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ, не подвергаясь за то законной отвѣтственности». Въ этихъ видахъ издана была министромъ внутреннихъ дѣлъ въ Январѣ 1866 года инструкція протестантскому духовенству Остзейскихъ губерній. Этой инструкціей, между прочимъ, установлялось такое новое правило или законъ: «дитя, крещенное лютераниномъ по нуждѣ, записывается въ лютеранскія метрическія книги, хотя православная церковь не лишается права считать его принадлежащимъ къ ней». На основаніи этого правила, всѣ почти дѣти, рожденныя отъ смѣшанныхъ браковъ, заключенныхъ до отмѣны предбрачныхъ подписокъ, окрещивались, подъ предлогомъ болѣзни и слабости, по лютеранскому обряду, и всѣ протесты православнаго духовенства оставались безъ послѣдствій. Генералъ-губернаторъ Альбединскій, въ своей всеподданнѣйшей запискѣ, признаетъ, что онъ «оставлялъ пасторовъ безъ преслѣдованія, кромѣ случаевъ почему-либо особенно рѣзкихъ или получившихъ большую огласку» (!), но не отрицаетъ, что «принятая имъ за правило снисходительность *не остановила попытокъ лютеранскаго духовенства къ пропагандѣ и злоупотребленію закономъ*[18]).

Пагубныя послѣдствія мѣры 15 Марта 1865 года и упомянутая снисходительность генералъ-губернаторовъ сказались, какъ извѣстно, въ многочисленномъ переходѣ Латышей и Эстовъ изъ православія въ лютеранство.

II.

Доставленіе изъ Лифляндской евангелической консисторіи департаменту иностр. вѣроисповѣданій одного послужнаго списка на Нѣмецкомъ языкѣ побудило министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго предписать, чтобы впредъ подобныя бумаги писались на Русскомъ языкѣ. Вмѣстѣ съ симъ объявлено было Высочайшее повелѣніе 28 Іюля 1847 года, которымъ предписывалось опредѣлить переводчиковъ во всѣ губернскія консисторіи и принять мѣры для неотложнаго введенія во всѣхъ Прибалтійскихъ губерніяхъ Русскаго дѣлопроизводства. Но генералъ-губернаторъ Головинъ, желавшій немедленно исполнить Высочай-

[18]) Изъ всеподданнѣйшей записки 1868 г. ген.-губ. Альбединскаго.

шую волю, встрѣтилъ въ Балтахъ такой рѣшительный отпоръ, что вынужденъ былъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за свое трехлѣтнее управленіе просить объ отсрочкѣ названной мѣры. Указомъ 7 Іюня 1849 г. повелѣно было предоставить министру внутреннихъ дѣлъ *опредѣлить окончательный срокъ* для введенія Русскаго дѣлопроизводства. Князь Суворовъ поспѣшилъ воспользоваться этой отсрочкой, дабы, какъ онъ выразился, защитить отъ угрожающихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ право Прибалтійскихъ губерній. А когда министръ сталъ отъ него требовать рѣшительнаго отвѣта на вопросъ: къ какому сроку можно ожидать осуществленія предположенной правительствомъ мѣры и что̀ должно сдѣлать для ускоренія дѣла, то генералъ-губернаторъ рѣшился обратиться, 4 Ноября 1849 года, непосредственно къ Государю съ представленіемъ такого содержанія. «Мой предмѣстникъ, генералъ Головинъ, въ Августѣ 1847 года, предписалъ гражданскимъ губернаторамъ, чтобы всѣ вѣдомства, учрежденныя на основаніи Свода Законовъ, вели свои журналы, протоколы и переписку съ начальствомъ исключительно на Русскомъ языкѣ. Однакожъ губернскія правленія всѣхъ трехъ губерній не замедлили указать на затрудненія, предстоящія при осуществленіи этой мѣры. Это дѣло было препровождено въ Правительствующій Сенатъ, который потребовалъ моего заключенія, указомъ отъ 19 Іюня 1848 года. Въ представленномъ мною Правительствующему Сенату рапортѣ объяснялъ я, что мой предмѣстникъ, вѣроятно, полагалъ, что веденіе протоколовъ, журналовъ, а также переписки съ коронными присутственными мѣстами не было нововведеніемъ, или что оно было слѣдствіемъ изъявленія особой воли Вашего Величества, но мѣрой истекающей изъ указаній существующихъ законовъ. Таковое мнѣніе моего предмѣстника я раздѣлять не могу. Еслибы предписаніе ввести въ дѣлопроизводство Русскій языкъ было основано на высочайшей Вашего Величества волѣ, то, конечно, всѣ присутственныя мѣста молча привели бы его въ исполненіе; но въ предлежащемъ случаѣ не были препровождены на заключеніе министра юстиціи и Сената ни заявленія губернскихъ правленій, ни протестъ Курляндскаго губернскаго прокурора. Существующіе же законы, по моему мнѣнію, даютъ право коронным присутственнымъ мѣстамъ Остзейскихъ губерній производить свои дѣла *на Нѣмецкомъ языкѣ*. На семъ основаніи имѣлъ я честь представить Правительствующему Сенату, что, по мнѣнію моему, слѣдовало бы ограничиться предписаніемъ вести переписку на Русскомъ языкѣ лишь съ высшими правительственными учрежденіями и съ тѣми вѣдомствами, которыя переписываются сами на этомъ языкѣ. Обязать же безусловно названныя вѣдомства уже съ настоящаго времени вести свои журналы и все внутреннее дѣлопроизводство

исключительно на Русскомъ языкѣ было бы при настоящихъ средствахъ не только затруднительно, но и принесло бы дѣлу вмѣсто пользы *вредъ.* Министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Перовскій сообщилъ Правительствующему Сенату, что Вашему Величеству угодно было утвердить собственноручной резолюціей мнѣніе генерала Головина относительно срока введенія Русскаго языка въ коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ согласно съ постановленіемъ Свода Законовъ. Въ виду высочайшей воли Вашего Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что вопросъ о введеніи Русскаго языка въ коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ не можетъ подлежать сомнѣнію и потому предоставилъ министру внутреннихъ дѣлъ привести высочайшую волю Вашего Величества въ исполненіе и назначить срокъ для введенія исключительно Русскаго языка въ дѣлопроизводство коронныхъ присутственныхъ мѣстъ. Вслѣдствіе сего министръ внутреннихъ дѣлъ истребовалъ списокъ всѣхъ членовъ и чиновниковъ коронныхъ присутственныхъ мѣстъ Остзейскихъ губерній и, по разсмотрѣніи онаго, пришелъ къ такому заключенію: «Что̀ касается членовъ, то они, при обсужденіи вопроса о языкѣ, не могутъ быть приняты въ разсчетъ, ибо Русскій языкъ не можетъ быть имъ чуждъ, такъ какъ не только вся переписка коронныхъ присутственныхъ мѣстъ съ высшими правительственными инстанціями, но и значительная часть внутренняго дѣлопроизводства происходитъ на Русскомъ языкѣ. Относительно же прочихъ служащихъ въ тѣхъ вѣдомствахъ г. министръ полагаетъ, что въ настоящую минуту по крайней мѣрѣ $^1/_3$ ихъ должна владѣть Русскимъ языкомъ, такъ какъ значительная часть дѣла уже производится на этомъ языкѣ. Не раздѣляя этого взгляда на дѣла, считаю долгомъ всеподданнѣйше заявить, что изъ того обстоятельства, что языкъ чиновнику *не чуждъ,* еще никакъ не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ въ состояніи на этомъ языкѣ вести переписку. Для того чтобы вести переписку и быть способнымъ излагать дѣла въ протоколахъ и журналахъ на какомъ-либо языкѣ, необходимо основательное знаніе онаго. Переписка же съ высшими правительственными инстанціями въ настоящее время почти всегда производится съ помощью переводовъ, а отпуски съ исходящихъ бумагъ подшиваются къ Нѣмецкимъ актамъ. Остальные доводы г. министра внутреннихъ дѣлъ опровергаются слѣдующими по этому вопросу, собранными мною, данными. По мнѣнію г. министра, должны обладать достаточными свѣдѣніями для Русскаго дѣлопроизводства всѣ члены, и не менѣе одной трети всѣхъ канцелярскихъ чиновниковъ. Въ дѣйствительности же оказалось, что изъ 125 членовъ не болѣе 54 владѣютъ достаточно Русскимъ языкомъ, а изъ 343 канцелярскихъ чиновниковъ не болѣе 80 лицъ. Слѣдовательно не *всѣ члены* имѣютъ достаточное

знаніе для производства дѣлъ на Русскомъ языкѣ, но менѣе чѣмъ половина ихъ, а изъ прочихъ чиновниковъ не «одна треть, а менѣе чѣмъ одна четвертая» [19]).

Насколько показанныя Суворовымъ цифры заслуживаютъ довѣрія, можно видѣть изъ слѣдующаго способа повѣрки знанія Русскаго языка Нѣмецкими чиновниками. Когда служащимъ въ канцеляріи Лифляндскаго гражданскаго губернатора, предложено было отмѣтить свое знаніе Русскаго языка на листѣ, на которомъ вписаны были ихъ имена, и находились три рубрики съ надписями «знаетъ, недостаточно знаетъ, совершенно не знаетъ»: то даже и тѣ чиновники изъ Нѣмцевъ, которые достатачно владѣли Русскимъ языкомъ, отмѣчали себя въ рубрикѣ незнающихъ. Самъ начальникъ ихъ, извѣстный фонъ Эттингенъ, владѣвшій Русскимъ языкомъ въ такой степени, что иногда исправлялъ Русскій слогъ въ бумагахъ, составленныхъ Русскими чиновниками, послужилъ имъ примѣромъ, записавъ себя въ рубрику «совершенно незнающихъ». Вотъ такими-то сомнительнаго качества свѣдѣніями князь Суворовъ считалъ возможнымъ морочить Государя и Петербургское правительство!

«Затѣмъ — продолжаетъ князь — г. министръ внутреннихъ дѣлъ ссылается на данныя, доставленныя ему министромъ народнаго просвѣщенія, начиная съ 1845 года, т.-е. съ того срока, съ котораго всѣмъ кончившимъ курсъ въ училищахъ Остзейскаго края знаніе Русскаго языка обращено въ обязанность и которыхъ ежегодно, въ продолженіи четырехъ лѣтъ, среднимъ числомъ 78 лицъ, можно было бы употребить въ канцеляріи Прибалтійскихъ губерній».

«Безъ сомнѣнія приведенныхъ около 300 лицъ было бы вполнѣ достаточно для замѣщенія всѣхъ канцелярскихъ должностей въ коронныхъ учрежденіяхъ, еслибы только всѣ эти лица безъ исключенія вступали на государственную службу. Но въ дѣйствительности такъ не бываетъ: бóльшая часть окончившихъ курсъ дворянъ избираетъ, или намѣрена избрать, военное поприще, или вступаетъ на выборныя дворянскія должности; лица же прочихъ сословій—на городскую службу, занимаются адвокатурой или избираютъ тотъ родъ занятій, которыя доступны имъ по ихъ происхожденію. Самая незначительная часть ихъ вступаетъ въ государственную службу уже по той причинѣ, что въ Остзейскихъ губерніяхъ эта служба менѣе обезпечена, чѣмъ служба въ сословныхъ учрежденіяхъ [20]). Сверхъ того слѣдуетъ замѣтить, что свѣдѣнія въ языкѣ, удовлетворяющія на испытаніяхъ въ учебномъ заведе-

---

[19]) Нынѣ оказывается, что большинство Нѣмцевъ только прикидывалось незнающимъ Русскаго языка и заговорило по-русски, когда убѣдились, что увертки не удаются.

[20]) Прибавимъ: благодаря различнаго рода практиковавшимся „акциденціямъ“ т.-е. совмѣщенію нѣсколькихъ должностей.

ніи, не доставляютъ способности свободно и правильно выражаться въ оффиціальной бумагѣ. Г. министръ народнаго просвѣщенія, къ которому я отнесся, въ прошломъ году, касательно недостаточнаго знанія Русскаго языка въ Остзейскихъ губерніяхъ, сообщилъ мнѣ, что лично онъ убѣжденъ въ несомнѣнныхъ успѣхахъ распространенія Русскаго языка въ Балтійскомъ краѣ въ продолженіи послѣднихъ 15 лѣтъ. По мнѣнію гр. Уварова всякая дальнѣйшая принудительная мѣра въ настоящее время принесла бы этому дѣлу болѣе вреда, чѣмъ пользы (?!). Можно удовлетвориться и медленнымъ распространеніемъ Русскаго языка тамъ, гдѣ онъ не есть родной, не языкъ семейства и общественной жизни, лишь бы ходъ дѣла совершался правильно, какъ бы самъ собою. Графъ Уваровъ имѣлъ счастіе повергнуть свое мнѣніе на Высочайшее мнѣніе Вашего Величества».

«Осмѣливаюсь доложить Вашему Императорскому Величеству, что таковое сужденіе г. министра основано вполнѣ на практическомъ взглядѣ на предметъ и добросовѣстномъ изученіи положенія дѣлъ въ краѣ, а потому и могло бы послужить руководствомъ при введеніи Русскаго языка въ коронныхъ учрежденіяхъ. Не насильственно навязанное и неопрометчивое введеніе Русскаго языка непремѣнно приведетъ, хотя къ медленнымъ, но несомнѣннымъ результатамъ. Для достиженія сей цѣли можно удовлетвориться единственно слѣдующей мѣрой: повелѣть впредъ не опредѣлять въ коронныя учрежденія лицъ, не обнаруживающихъ достаточныхъ свѣдѣній для производства дѣлъ на Русскомъ языкѣ».

Предложенная кн. Суворовымъ система постепенности свидѣтельствуетъ о совершенномъ его незнакомствѣ съ служебными порядками, существовавшими въ Балтійскомъ краѣ [21]). При необыкновенной усидчивости Нѣмецкихъ чиновниковъ на своихъ должностяхъ (въ губернскомъ правленіи одной изъ Прибалтійскихъ губерній и по сіе время обрѣтается чиновникъ, служащій болѣе полстолѣтія въ этомъ вѣдомствѣ), выжидательная мѣра оставалась бы на практикѣ совершенно безъ примѣненія: ибо, по незнанію Русскаго языка, большинствомъ служащихъ, приходилось бы изъ года въ годъ отсрочивать введеніе Русскаго дѣлопроизводства, что̀ и продѣлывалось Балтами до нашихъ дней. Затѣмъ лица съ слабымъ знаніемъ Русскаго языка вновь поступающія въ вѣдомство, гдѣ господствовалъ Нѣмецкій языкъ, при неотмѣнѣ Нѣмец-

---

[21]) Впрочемъ, и послѣ своего 14-тилѣтняго генералъ-губернаторства, князь не лучше зналъ порученныя его управленію губерніи. Въ бытность свою Петербургскимъ гласнымъ, на губернскомъ земскомъ собраніи 1869 года, онъ провозгласилъ, что „ему, какъ бывшему генералъ-губернатору губерній Остзейскихъ и С.-Петербургской, очень хорошо извѣстно, что предмѣстья г. Нарвы отчасти заселены Шведами“ (?). Повидимому, генералъ-губернаторъ не умѣлъ отличить Финновъ отъ Шведовъ.

каго дѣлопроизводства, конечно въ скоромъ времени забывали бы то немногое, что̀ вынесено ими изъ школы.

Далѣе князь Суворовъ доносилъ: «Оказалась бы необходимость замѣстить новыми лицами болѣе $^3/_4$ изъ всѣхъ канцелярскихъ чиновниковъ, въ случаѣ если Вашему Величеству угодно было бы повелѣть ввести Русскій языкъ къ извѣстному сроку въ коронныхъ учрежденіяхъ. Слѣдствіемъ подобной мѣры была бы отставка болѣе чѣмъ 300 лицъ. Лишая средствъ къ жизни такое число чиновниковъ и ихъ семейства, правительство найдется вынужденнымъ озаботиться о людяхъ, посвятившихъ себя гражданской службѣ съ разрѣшенія правительства и имѣвшихъ обезпеченное положеніе общества, на основаніи правилъ, которыя до 1847 года не оспаривались ни мѣстнымъ, ни высшимъ начальствомъ. Не всѣ уволенные отъ службы чиновники будутъ въ состояніи найти для своего пропитанія другія занятія. Нельзя не опасаться, что съ удаленіемъ всѣхъ тѣхъ, кто не можетъ доказать свое основательное знаніе Русскаго языка, явится классъ людей изъ нѣсколькихъ сотъ, которые, ни въ чемъ невиновные (?), обратятся въ нищихъ [22]).

«Въ моемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ отъ 8 Апрѣля 1848 года, имѣлъ я счастіе доложить Вашему Императорскому Величеству, что распространеніе употребленія Русскаго языка будетъ предметомъ моихъ постоянныхъ попеченій, но что для достиженія цѣли и не причиняя дѣлу вреда, избѣгая рѣзкаго переворота, я считаю возможнымъ замѣщать должности въ присутственныхъ мѣстахъ лицами съ достаточнымъ знаніемъ Русскаго языка лишь тогда, когда откроются для нихъ вакансіи. Въ настоящее время осмѣливаюсь представить на всемилостивѣйшее благоразсужденіе Вашего Императорскаго Величества нижеслѣдующее. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ Остзейскихъ губерніяхъ, въ присутственныхъ мѣстахъ, учрежденныхъ на основаніи общегосударственныхъ законовъ, Русскій языкъ долженъ господствовать также, какъ и во всѣхъ прочихъ губерніяхъ имперіи, но что въ отклоненіи отъ этого правила и существованіи настоящаго способа дѣлопроизводства слѣдуетъ обвинять тѣхъ, которые вводили и организовали эти вѣдомства. Такъ какъ правительство не впало въ эту ошибку по отношенію къ другимъ частямъ управленія, наприм. къ таможенному и почтовому вѣдомству, банку, то дѣла производятся въ нихъ на Рус-

---

[22]) Что-то не слыхать, чтобы мѣра, возбудившая въ умѣ князя Суворова столько опасеній, т. е. Русское дѣлопроизводство, введенное въ настоящее время во всѣхъ вѣдомствахъ Остзейскаго края безъ исключенія, пустило по міру (an den Bettelstab gebracht) кого-либо изъ служащихъ, какъ печаловались Балты.

скомъ языкѣ безъ всякаго затрудненія. Я имѣю счастіе вторично сослаться на мнѣніе министра народнаго просвѣщенія, уже доведенное до свѣдѣнія Вашего Величества, что мѣры понудительныя въ Остзейскомъ краѣ, съ цѣлію наверстать столѣтнія упущенія, принесутъ болѣе вреда, нежели пользы. Генералъ-губернатору, который въ продолженіе своего трехлѣтняго управленія не принималъ для введенія Русскаго языка въ присутственныхъ мѣстахъ никакихъ мѣръ, не могли не быть извѣстны затрудненія, сопряженныя съ осуществленіемъ его предположеній. Въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ генералъ Головинъ представлялъ благоусмотрѣнію Вашего Императорскаго Величества опредѣлить срокъ для введенія Русскаго языка,—предложеніе, отъ отвѣтственности за которое онъ былъ освобожденъ. Когда я вступилъ въ управленіе краемъ, то былъ пораженъ недостаткомъ лицъ, основательно знавшихъ Русскій языкъ, о чемъ и донесъ 8 Апрѣля 1848 года Вашему Императорскому Величеству. Этотъ недостатокъ существуетъ и по сіе время, и съ 1845 г., т.-е. съ того времени, какъ знаніе Русскаго языка сдѣлалось обязательнымъ для всѣхъ кончающихъ учебный курсъ въ Остзейскомъ краѣ, незамѣтно, чтобы для исправленія онаго были употреблены съ успѣхомъ какія-либо средства. Изъ отчетовъ, представленныхъ правительственными мѣстами, оказывается, что поступившихъ въ оныя на службу, по окончаніи курса въ гимназіяхъ или по юридическому и филологическому факультету, оказалось въ Лифляндіи всего 20 лицъ, въ Курляндіи 5 и столько же въ Эстляндіи, а всего 30 лицъ».

«На основаніи изложенныхъ соображеній и данныхъ, осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить Вашему Величеству»:

1) «Всемилостивѣйше соблаговолить для окончательнаго введенія Русскаго дѣлопроизводства въ присутственныхъ мѣстахъ Остзейскаго края назначить опредѣленный срокъ».

2) «Высочайше повелѣть, чтобы уже съ настоящаго времени присутственныя мѣста производили переписку на Русскомъ языкѣ съ высшими правительственными учрежденіями, а также со всѣми тѣми, дѣла которыхъ ведутся не на Нѣмецкомъ языкѣ».

3) «Высочайше повелѣть генералъ-губернатору Остзейскихъ губерній наблюсти, чтобы впредъ на всѣ должности членовъ и высшихъ канцелярскихъ чиновниковъ были опредѣляемы преимущественно лица, обладающія достаточнымъ знаніемъ Русскаго языка.»

На всеподданнѣйшій отчетъ князя Суворова, препровожденный Государемъ Императоромъ въ Комитетъ Министровъ, воспослѣдовало въ 1850 году такое Высочайше утвержденное заключеніе: 1) «Подтвердить губернскимъ правленіямъ и всѣмъ короннымъ присутственнымъ мѣстамъ Остзейскихъ губерній, чтобы переписку на Русскомъ языкѣ вели

они не только съ высшими и общими государственными учрежденіями, управленіями и вѣдомствами внутреннихъ губерній, но со всѣми вѣдомствами и лицами, находящимися въ Остзейскихъ губерніяхъ»[23]).

2) «Обязать генералъ-губернатора наблюсти за тѣмъ, чтобы впредъ на должности членовъ и высшихъ канцелярскихъ чиновниковъ коронныхъ присутственныхъ мѣстъ были опредѣляемы преимущественно лица съ такими свѣдѣніями въ Русскомъ языкѣ, которыя были бы въ состояніи производить дѣла на этомъ языкѣ».

3) «Съ 1 Января 1858 года, т.-е. когда начавшіе свое высшее (?) образованіе въ гимназіяхъ и университетахъ Дерптскаго учебнаго округа въ настоящую минуту должны окончить свой курсъ ученія, опредѣлять въ должности, какъ членовъ, такъ и канцелярскихъ чиновниковъ коронныхъ присутственныхъ мѣстъ, исключительно лицъ, знающихъ Русскій языкъ основательно и могущихъ производить дѣла на этомъ языкѣ».

4) «Когда число такихъ служащихъ во всѣхъ коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ, по мнѣнію высшаго мѣстнаго начальства, окажется достаточнымъ, то оное имѣетъ войти съ особымъ представленіемъ о назначеніи положительнаго и рѣшительнаго срока, начиная съ котораго дѣлопроизводство должно происходить исключительно на Русскомъ языкѣ.»

Министръ внутреннихъ дѣлъ, сообщая князю Суворову это Высочайшее повелѣніе, добавилъ: «Въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Комитета Министровъ выражена рѣшительная надежда, что князь, которому хорошо (?) извѣстны намѣренія правительства, не только будетъ по возможности содѣйствовать осуществленію оныхъ, но еще главнѣйше потщится обратить вниманіе обывателей и преимущественно дворянъ Остзейскаго края на пользу [24]) и необходимость основательнаго изученія Русскаго языка и сверхъ сего особенно озаботится о распространеніи онаго среди учащагося юношества, которое готовится къ поступленію на государственную службу.»

Въ какой мѣрѣ князь Суворовъ оправдалъ ожиданія министра, можно судить по тѣмъ препирательствамъ между начальниками Прибалтійскихъ губерній и городскими головами и дворянскими предводителями, которыя происходили въ наши дни.

---

[23]) Какъ отнеслись присутственныя мѣста къ Высочайшему повелѣнію, можно судить по тому, что даже по прошествіи 25 лѣтъ одна Балтійская Казенная Палата, съ своимъ Русскимъ управляющимъ во главѣ, продолжала сноситься на Нѣмецкомъ языкѣ съ Городской Управой.

[24]) Начиная съ царствованія императрицы Елисаветы, правительство постоянно указывало Балтамъ на эту пользу; но они „обратили на нее вниманіе" лишь вслѣдствіе рѣшительныхъ мѣръ послѣдняго времени.

Такъ какъ генералъ-губернаторъ находилъ, что Высочайшее повелѣніе будетъ исполнено, когда нѣкоторая часть Прибалтійскихъ присутственныхъ мѣстъ станетъ вести Русскую переписку, хотя съ тѣми учрежденіями, въ которыхъ дѣла производятся на Русскомъ языкѣ, то министръ Бибиковъ въ Іюлѣ 1853 года пожелалъ узнать отъ него, что̀ между тѣмъ совершено во исполненіе Высочайшаго повелѣнія отъ 3 Января 1850 года. Въ отвѣтѣ князя Суворова было указано на то, что въ коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ одной Лифляндской губерніи оказалось въ продолженіе года 34,606 исходящихъ бумагъ на Русскомъ языкѣ противъ 81,284 Нѣмецкихъ.

Возбудившій столько опасеній срокъ 1 Января 1858 года не успѣлъ еще наступить, какъ послѣдовала кончина императора Николая Павловича; а по прошествіи немногихъ недѣль по восшествіи на престолъ Александра II-го, при докладѣ объ обстоятельствахъ этого вопроса, генералъ-адъютанту Бергу удалось, съ помощью князя Суворова, исходатайствовать на неопредѣленное время совершенную отсрочку исполненія Высочайшаго повелѣнія 1850 года.

Дѣленіе присутственныхъ мѣстъ на коронныя и провинціальныя находилъ князь Суворовъ, согласно съ мнѣніемъ господствующимъ у Балтовъ, вполнѣ произвольнымъ и видѣлъ въ этомъ нарушеніе *конституціи* (?) края.

При пріемникѣ князя Суворова баронѣ Ливенѣ (1861—1864) были затерты всякіе слѣды закона 1850 г. о языкѣ, и въ администраціи Прибалтійскихъ губерній, по словамъ всеподданнѣйшаго отчета генералъ-губернатора Альбединскаго (1868), «господствовали такой духъ и такія лица, съ которыми борьба становилась не подъ силу.»

Во главѣ Балтійской опозиціи стоялъ упомянутый Лифляндскій гражданскій губернаторъ Ѳ. Эттингенъ. Всѣ должности управленія генералъ-губернатора были постепенно занимаемы Дерптскими студентами, бо̀льшая часть которыхъ не только совершенно не знала Русскаго языка, но и относилась непріязненно ко всему Русскому.

Графъ Шуваловъ, въ свое короткое генералъ-губернаторство, совершенно случайно узналъ о существованіи закона 1850 года. Въ еще менѣе продолжительное управленіе Прибалтійскими губерніями графа Баранова можно было ожидать осуществленія закона о Русскомъ дѣлопроизводствѣ.

Въ виду такихъ обстоятельствъ, выгодно сложившихся для Балтовъ, Лифляндское дворянство имѣло дерзость въ адресѣ на Высочайшее имя просить объ отмѣнѣ законовъ 1850 г. и 1867 г., и не смотря на то, что генералъ-губернаторъ объявилъ ему, что Государь Императоръ не изволитъ принять никакихъ ходатайствъ, въ какой бы формѣ они ни

были выражены, о смягченіи повелѣній 1850 и 1867 годовъ [25]), этотъ адресъ стараніями отправившагося въ столицу Эттингена дошелъ до высочайшаго воззрѣнія...

Лучшимъ объясненіемъ настроенія умовъ того времени по отношенію къ закону о языкѣ служитъ дерзкій урокъ, преподанный генералъ-губернатору Ревельскимъ магистратомъ. Когда генералъ-адъютантъ Альбединскій по какому-то частному долговому обязательству послалъ въ магистратъ предложеніе, писанное по-русски, то магистратъ указалъ ему въ своемъ на Нѣмецкомъ языкѣ писанномъ отвѣтѣ на 25 п. капитуляціи 29 Сентября 1710 г., которымъ установлено, чтобы «никакого языка кромѣ Нѣмецкаго въ губернской и городской канцеляріи, такожде въ судахъ, не употреблять.»

III.

На второмъ году царствованія императора Александра II-го, осенью 1856 года, дворянство Лифляндское и Эстляндское подняло вопросъ о вѣроисповѣданіи дѣтей, происшедшихъ изъ смѣшанныхъ браковъ и стало домогаться о распространеніи силы Финляндскаго закона 20 Марта 1820 года на Прибалтійскія губерніи, желая, чтобы таковыя дѣти были окрещены и воспитаны въ религіи ихъ отца. Несмотря на то, что всеподданнѣйшій адресъ дворянства былъ оставленъ безъ послѣдствій, князь Суворовъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ, въ Февралѣ 1858 г., подкрѣпилъ ходатайство дворянства, упомянувъ о настоятельной необходимости установить права евангелической лютеранской церкви въ Прибалтійскихъ провинціяхъ и просилъ сдѣлать уступки по вопросу о смѣшанныхъ бракахъ. Его ходатайство было встрѣчено въ столицѣ взрывомъ негодованія, такъ что князь счелъ необходимымъ, для оправданія своего взгляда на этотъ вопросъ, распространить во враждебныхъ ему кружкахъ составленную имъ оправдательную записку. Въ этой запискѣ, ссылаясь на п. 10-й Ништадтскаго мирнаго договора, князь увѣряетъ, что, «онъ вовсе не просилъ о томъ, дабы лютеранское вѣроисповѣданіе, въ губерніяхъ, составляющихъ часть Россійской Имперіи, было признано господствующимъ, а провелъ онъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ лишь ту мысль, что иниціатива въ дѣлѣ коренныхъ реформъ принадлежитъ исключительно самодержавной власти и зависитъ отъ мудрости и милости Его Императорскаго Величества. «Я не дерзаю, писалъ онъ,

[25]) Указъ 1850 г., по выраженію Комитета Министровъ, пришедшій въ забвеніе по нераченію гражданскаго управленія, былъ подтвержденъ при Александрѣ Второмъ 1 Іюня 1867 года.

ходатайствовать о перемѣнѣ существующихъ по этимъ предметамъ постановленій, но независимо (?) отъ рѣшительнаго признанія неприкосновенности сего правила, считалъ я непремѣннымъ долгомъ вѣрноподданнаго представить на всемилостивѣйшее усмотрѣніе выводы изъ опыта, пріобрѣтеннаго въ продолженіе моего 10-лѣтняго управленія Остзейской областью,—плодъ наблюденій, могущій въ данномъ случаѣ облегчить правительству принятіе той или другой мѣры, нерѣдко считающейся безъ всякаго основанія (?) опасной или несовременной.»

Къ всеподданнѣйшему отчету князя Суворова приложена была просьба всемилостивѣйше дозволить часть этого отчета изъять отъ обычнаго порядка производства дѣлъ, присовокупляя, что «онъ имѣетъ счастіе представлять на Высочайшее усмотрѣніе вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ не какъ генералъ-губернаторъ, но какъ слуга, который исполняетъ въ отношеніи къ своему государю долгъ вѣрноподданнаго.»

Любопытны доводы, съ помощью которыхъ генералъ-губернаторъ отстаивалъ свою точку зрѣнія въ предлежащемъ вопросѣ. «Въ настоящее время, пишетъ онъ въ своемъ отчетѣ, какъ распоряженія правительства, такъ и отношенія частныхъ лицъ между собою достаточно сблизили и ознакомили другъ съ другомъ настоящихъ Русскихъ людей съ Русскими (?) лютеранами для того, чтобы тѣмъ и другимъ дать возможность признать и оцѣнить взаимно личныя хорошія стороны. Если въ настоящее время ихъ еще раздѣляетъ какая загородка, то слѣдуетъ ее объяснить тѣмъ чувствомъ нерѣшительности, которое овладѣваетъ исповѣдующихъ лютеранскую вѣру при желаніи вступить въ бракъ съ православными—дѣйствіе, сопровождаемое клятвеннымъ обѣщаніемъ именемъ дѣтей, происшедшихъ отъ такого брака, отречься отъ вѣры ихъ отцовъ.» «Фанатизмъ религіозный чуждъ какъ православнымъ, такъ и лютеранамъ (?), и можно съ вѣроятностію предположить, что, въ случаѣ свободнаго заключенія смѣшанныхъ браковъ, дѣти отъ нихъ происшедшія будутъ окрещены почти въ одинаковомъ числѣ по обряду православной и лютеранской церкви; такъ что могущая произойти съ одной стороны убыль будетъ достаточно вознаграждена большимъ числомъ браковъ, заключенныхъ между лицами Русскаго происхожденія и лютеранами [26]). Таковые браки непремѣнно должны имѣть благодѣтельное вліяніе на общее отечество, посредствомъ обоюднаго распространенія образованія обоихъ языковъ, обмѣна мыслей и пополненія элементами недостающими у одной національности такими, которые преобладаютъ у другой.»

---

[26]) Замѣчательный индиферентизмъ къ дѣлу распространенія православія въ устахъ генералъ-губернатора губерній съ иновѣрнымъ населеніемъ!

«Наконецъ, дозволеніе свободнаго заключенія смѣшанныхъ браковъ, продолжаетъ князь, можетъ содѣйствовать исчезновенію того подавляющаго чувства, которое не могло не обнаружиться вслѣдствіе различія существующаго въ этомъ отношеніи между губерніями ввѣренными моему управленію и Финляндіей, пріобрѣтенной отъ Швеціи, также какъ и Лифляндія и Эстляндія. Дарованная Финляндіи свобода совѣсти содѣйствуетъ возникновенію вреднаго принципа безнравственныхъ правилъ и заставляетъ прибѣгать къ окольнымъ путямъ—переселяться изъ одной части Имперіи въ другую (въ Финляндію) съ исключительной цѣлью обойти законъ, избавиться отъ силы и послѣдствій тягостнаго для родителей обязательства крестить дѣтей своихъ по православному обряду.»

Какъ мы видѣли, ходатайства по этому вопросу Суворова не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ. Не смотря на то, Балтійскіе заправители всѣхъ сословій, при всякомъ удобномъ случаѣ, не переставали подымать его вновь и наконецъ своими происками въ столицѣ достигли того, что 23 Марта 1861 года была составлена коммиссія, которой поручено было разсмотрѣть (или какъ выражается авторъ указанной выше Нѣмецкой брошюры) «констатировать утвержденное право на свободу совѣсти въ Остзейскихъ провинціяхъ и противорѣчащіе этому праву законы имперіи».

Членами этой коммиссіи состояли: предводители дворянства Эстляндскаго графъ Кейзерлингъ, Лифляндскаго Ав. фонъ-Эттингенъ и ихъ землякъ, директоръ департамента иностранныхъ исповѣданій графъ Сиверсъ, подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ Валуева. Весьма естественно, что труды коммиссіи съ подобнымъ личнымъ составомъ не могли не отзываться извѣстнымъ направленіемъ и представленные на высочайшее усмотрѣніе, осенью того же года, не получили дальнѣйшаго хода.

Но не прошло послѣ того и четырехъ лѣтъ, какъ Балтійско-лютеранскому краю удалось выхлопотать отмѣну закона о предбрачныхъ обязательствахъ: 15 Марта 1865 г. состоялось замѣчательное въ стольких отношеніяхъ высочайшее повелѣніе «о крещеніи дѣтей, рождающихся отъ смѣшанныхъ браковъ въ Лифляндіи».

Какъ извѣстно, высочайшее повелѣніе 15 Марта 1865 года было отмѣнено 8 Августа 1885 г., и благополучно царствующій Государь Императоръ приказать соизволилъ распространить на Прибалтійскія губерніи дѣйствіе ст. 67, часть I, X т. Св. Зак. Когда же дворянство одной изъ этихъ губерній рѣшилось просить черезъ Коммиссію Прошеній всеподданнѣйше о возстановленіи *попранныхъ* правъ лютеранской церкви, то частнымъ письмомъ отъ г.-а. Рихтера было ему сообщено, что «Государю Им-

ператору благоугодно было выразиться, что подобныя жалобы дворянства не могутъ быть имъ принимаемы».

Таковыми взглядами и убѣжденіями по отношенію къ двумъ важнѣйшимъ рычагамъ государственнаго объединенія:—православію и Русскому языку, руководствовался за время своего 14-лѣтняго управленія Прибалтійскимъ краемъ князь А. А. Суворовъ.

Конечно, въ наши дни преобладанія во внутренней политикѣ народныхъ началъ надъ космополитизмомъ, нельзя не удивляться общественной и административной дѣятельности главнаго начальника трехъ губерній, идущей въ очевидный разрѣзъ съ государственнымъ благомъ. Но приговоръ надъ Суворовымъ не долженъ быть лишенъ смягчающихъ обстоятельствъ. Воспитанный за границей, прибывшій въ отечество 19-ти лѣтнимъ юношей, какъ увѣряютъ, даже позабывшимъ свой родной языкъ, князь былъ представителемъ того страннаго времени, когда сторонниковъ народныхъ началъ подвергали надзору и ссылкѣ, когда разумная внутренняя политика для многихъ представителей центральнаго правительства была «темна вода въ облацѣхъ», а пріобрѣтеніе популярности среди Балтійскаго баронства и забота о томъ что̀ скажетъ о ихъ дѣятельности заграничная печать—стояли у насъ на первомъ планѣ. Личности, подобныя очерченному нами генералъ-губернатору Прибалтійскихъ губерній, въ тотъ періодъ шатанія умовъ, какъ бы отуманенныхъ внезапными реформами, были не рѣдкостью на высшихъ административныхъ мѣстахъ. Судя по отзывамъ Финляндской печати, подобными же принципами (исключительное радѣніе о мѣстныхъ интересахъ съ приниженіемъ всего истиннаго Русскаго) руководствовались и на другомъ берегу Балтійскаго моря. Если бы пріемники князя Суворова не отступали (хотя и не всегда по своей доброй волѣ) отъ его программы, то, по всему вѣроятію, мы на мѣстѣ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи, въ настоящую минуту увидѣли бы, по справедливому замѣчанію Самарина— Остзейскую Финляндію.

Князю Суворову, говоритъ одинъ изъ его Нѣмецкихъ панегиристовъ, «не суждено было совершенно залечить раны, нанесенныя странѣ предшествующими семью годами...... Но это было не отъ недостатка доброй воли съ его стороны. Во всякомъ случаѣ, все это нисколько не умаляетъ его права на глубочайшую признательность Остзейцевъ, заслуженную по истинѣ благожелательнымъ управленіемъ князя» [27]).

А между тѣмъ, въ преданіяхъ мѣстнаго Русскаго старообрядства Суворовское управленіе приравнивается къ временамъ великихъ гоненій на христіанство, въ родѣ Деоклитіанова!

А. Чумиковъ.

Ревель, Іюнь 1890.

---

[27]) Livländische Beiträge, I, 88—89.

ВЪ ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ПРЕДЪИДУЩЕЙ СТАТЬѢ.

Въ тридцатыхъ годахъ, когда главными дѣятелями по внутреннему управленію были у насъ графъ Бенкендорфъ и Уваровъ, правительство начало посылать молодыхъ людей для довершенія образованія въ Германію, и вскорѣ на университетскихъ нашихъ каѳедрахъ и въ образованныхъ кружкахъ полились одушевленныя рѣчи объ «Аѳинахъ новѣйшаго времени», объ абсолютномъ тождествѣ, въ которомъ сливаются воедино вѣра и наука, о всемірномъ, общечеловѣческомъ духѣ, нашедшемъ для себя наиболѣе прозрачную форму въ Германскомъ племени и въ послѣдней его философіи. Вспомнимъ Грановскаго, у котораго лучшія, наиболѣе одушевленныя лекціи посвящены бывали Реформаціи. Казалось, что въ Германіи найденъ долго томившій человѣчество секретъ свободы вѣрованія и свободы изслѣдованія. Сила этого вліянія Германской науки такъ была велика, что даже такъ называемые Славянофилы, эти адаманты Русскаго начала въ цивилизаціи, далеко не чужды были Германской философіи, какъ повидимому ни чуждались они ея.

Люди искренняго христіанскаго благочестія и вмѣстѣ глубокой преданности просвѣщенію, въ которыхъ то и другое сливалось въ одну чистую струю, были глубокими чтителями Германскаго духа и сами казались лучшими представителями его (Жуковскій напр.). Въ высшихъ образованныхъ кругахъ стало какъ будто модою, во имя истинной вѣры, отрѣшаться отъ частныхъ требованій и правилъ церкви, сполна относя ихъ къ условнымъ нуждамъ общества, подчиняя ихъ усмотрѣнію государства, и возноситься на высоту общехристіанскихъ вѣрованій. Лютеранство казалось съ этой точки наиболѣе близкимъ къ «Христіанизму».

Среди этого увлеченія Германскою философіей и лютеранствомъ, когда Лютерова реформація даже въ учебникахъ исторіи заняла одно

изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, простому народу Прибалтійскаго края суждено было неожиданно повернуть медаль предъ глазами Русскаго общества обратною стороною. Это было первое возбужденіе Эстонскихъ и Латышскихъ массъ къ православію. Образованное Русское общество и правительство приглашалось посмотрѣть на народный бытъ въ Прибалтійскомъ краѣ, на которомъ всего ближе и удобнѣе должны были отразиться благодѣянія возвышенныхъ идей. До того времени въ нашемъ обществѣ существовали смутныя понятія объ этихъ массахъ и о цѣломъ краѣ. Господство Нѣмецкаго языка и лютеранство представляли тутъ передовой постъ Германіи. Петръ Великій радовался, что будетъ имѣть въ Прибалтійскомъ краѣ своихъ «мастеровъ» всякаго дѣла; теперь гордились тѣмъ, что имѣютъ въ немъ свою Германскую философію. Молодые люди, не имѣвшіе возможности довершить образованіе въ самой Германіи, стремились въ Дерптскій университетъ и здѣсь приникали къ тайнамъ новаго міровоззрѣнія. Обратная сторона медали открывала однако профанацію идей, такъ льстившихъ воображенію. Она такъ противуположна была теоріи абсолютнаго, что ее безъ дальнѣйшихъ разсужденій признали за поддѣлку и клевету. Съ рвеніемъ, точно службу принося Богу, высокообразованныя лица ополчались на подавленіе народнаго движенія(1845—1846). Православіе, какъ главный предметъ этого движенія, становилось для поклонниковъ новыхъ идей символомъ насилія и обмана совѣсти.

Но силою подавленное движеніе, спустя четыре года, вновь открылось и притомъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ и въ болѣе опредѣленныхъ формахъ. Оно ясно теперь говорило, что *лютеранство только покровительствовало и пособляло обезземеленію и угнетенію крестьянъ и въ тоже время пренебрегало потребностями народной совѣсти и религіознаго чувства*; *что народъ, разоренный и лишенный духовнаго питанія, бѣжитъ отъ своихъ опекуновъ и проситъ хлѣба тѣлеснаго и духовнаго у Русскаго Царя, ищетъ единенія съ Россіей и съ Русскимъ народомъ*. Вновь и съ большей силой стали подавлять это новое движеніе. «Голосъ толпы невѣжественной, грубой, враждебной культурѣ», твердили приверженцы новыхъ идей. Но уже появились и противные голоса—изъ скромной дотолѣ, но самостоятельной, Русской среды. Это голосъ народа, долгими вѣками связаннаго съ своими господами, свои люди въ странѣ, на которыхъ всего естественнѣе было бы осуществлять идеи культуры и свободы совѣсти... Люди самыхъ противуположныхъ воззрѣній, непосредственно наблюдавшіе это народное движеніе и возбужденный по поводу его въ средѣ помѣщиковъ и пасторовъ фанатизмъ, сходились въ убѣжденіи, что этотъ фанатизмъ вовсе не

имѣетъ религіознаго характера, что лютеранство выступаетъ въ этомъ дѣлѣ единственно, какъ орудіе германизаціи Эстовъ и Латышей, что оно борется съ православіемъ только въ тѣхъ видахъ, чтобы оградить народъ отъ стремленія къ Россіи. Этого не скрывали сами представители страны—дворяне, устраняя отъ себя подозрѣніе въ религіозномъ фанатизмѣ и прикрывая свои дѣйствія заботами о порядкѣ, объ огражденіи собственности, о противудѣйствіи соціалистическимъ попыткамъ. Не сокрушеніе о религіозномъ заблужденіи народа въ этомъ движеніи, не стараніе пособить ему въ его темнотѣ, но чувство оскорбленной гордости дышетъ во всѣхъ дѣйствіяхъ и заявленіяхъ пасторовъ по поводу стремленія народа къ православію. «На насъ смотритъ вся лютеранская Европа», говорили пасторы въ коллективномъ прошеніи на высочайшее имя, въ Генварѣ 1846-го года, послѣ синодальнаго собранія въ Ригѣ. Въ этой же просьбѣ въ первый разъ выражено было *недовольство закономъ о смѣшанныхъ бракахъ, на томъ основаніи, что онъ вноситъ въ среду лютеранскаго населенія «посторонніе элементы»*. Дворянство и пасторы тѣсно соединялись въ своихъ чувствахъ противъ православія, какъ силы наиболѣе препятствующей германизаціи края и независимости его отъ Русскаго государственнаго вліянія.

Императоръ Николай Павловичъ, мудрый политикъ и глубокій христіанинъ, еще тотчасъ послѣ подавленія перваго движенія къ православію, обратилъ вниманіе на крайнюю неудовлетворительность духовнаго питанія для народа со стороны лютеранскаго духовенства и выразилъ искреннее желаніе поднять образованіе и нравственность въ этомъ духовенствѣ, чтобы усилить религіозное вліяніе его на народъ. Онъ повелѣлъ обсудить и представить ему проектъ учрежденія Духовной Лютеранской Академіи для высшаго богословскаго образованія и спеціально-религіознаго воспитанія будущихъ пасторовъ. Но эта высокая забота Императора неожиданно встрѣтила рѣшительное противудѣйствіе со стороны самого лютеранскаго духовенства. Оставить *лютеранство въ томъ же положеніи служебнаго орудія гражданскимъ стремленіямъ дворянства*, щадить даже самыя невѣжественныя религіозныя секты за ихъ вѣрность этимъ притязаніямъ и за охрану невѣжественнаго народа отъ симпатіи къ Россіи—вотъ рѣшительный отвѣтъ Остзейскаго представительства, гражданскаго и духовнаго, на царскія заботы. Тогда Николай Павловичъ начерталъ на всеподданнѣйшемъ докладѣ по этому дѣлу министра народнаго просвѣщенія графа Уварова знаменитую свою резолюцію: «Въ дѣла иностранныхъ исповѣданій намъ мудрено вмѣшиваться. Такъ и въ семъ случаѣ мы могли только указать на то, что̀ считаемъ полезнымъ для блага Евангелическаго исповѣданія. Но

когда изъ непонятныхъ видовъ сами они сему противудѣйствуютъ, то остается предоставить волѣ Божіей дальнѣйшій ходъ этого дѣла. Кто знаетъ, можетъ быть, неисповѣдимый Промыслъ направляетъ невидимой рукой сію церковь къ разрушенію, и тогда никакая сила не остановитъ стремленія народа къ православію. Должно только все такъ подготовить къ тому, чтобы церковь наша была готова принять новыхъ чадъ. Для того уже всѣ духовныя книги и служебники переводятся на мѣстные языки. 23-го Апрѣля 1843 г.».

Второе движеніе Эстовъ и Латышей къ православію застало Николая Павловича непоколебимымъ въ этомъ его рѣшеніи. Онъ остался вѣренъ ему до конца. Онъ ясно видѣлъ, что́ скрывается подъ воплями дворянства и пасторовъ о стѣсненіяхъ для лютеранской церкви въ Прибалтійскомъ краѣ и, покровительствуя православному движенію, въ тоже время принималъ рѣшительныя мѣры къ измѣненію гражданскихъ условій края, противныхъ государственнымъ интересамъ. Твердая рука его умѣла держать въ должныхъ отношеніяхъ къ этому дѣлу всѣхъ исполнителей его воли и устраняла всѣ просьбы дворянства и пасторовъ о льготахъ, всѣ ихъ указанія на права и привиллегіи. «*Съ ослушниками моей воли поступать какъ съ бунтовщиками*», приказывалъ онъ тѣмъ, кто поставленъ былъ отъ него блюсти это дѣло.

Къ сожалѣнію, грозныя тучи, собиравшіяся въ то время надъ Европой и угрожавшія Россіи, заставили Императора отвлечь свое вниманіе отъ внутреннихъ дѣлъ Россіи и посвятить его исключительно внѣшнимъ дѣламъ. Роковая борьба разразилась, наконецъ, долгою тяжелою войною, конца которой уже не довелось видѣть Государю. Всѣмъ этимъ обстоятельствомъ не могли не воспользоваться поборники интересовъ Прибалтійскаго дворянства и лютеранскихъ пасторовъ. Зная непреклонную волю Государя и не дерзая открыто противиться ей, они втайнѣ подготовляли возможность перемѣны въ направленіи дѣлъ. Уже первый ревностный исполнитель этой воли, Рижскій генералъ-губернаторъ Головинъ, часто спотыкался среди окружавшихъ его интригъ. Состоявшій все время при немъ П. А. Валуевъ, воспитанный въ новыхъ идеяхъ культуры и религіи, ревниво слѣдилъ за исполненіемъ каждой мѣры въ пользу православія, тщательно охраняя въ немъ интересы, по его мнѣнію, цивилизаціи и свободы совѣсти. Не разъ Рижскій православный епископъ выражалъ свое недоумѣніе и свою скорбь (въ перепискѣ съ оберъ-прокуроромъ Св. Синода) по поводу мнѣній и дѣйствій Валуева.

Съ назначеніемъ на должность Рижскаго г.-губернатора князя Александра Аркадіевича Суворова, внутренняя работа въ средѣ поборниковъ мѣстныхъ интересовъ пошла дѣятельнѣе. Преданный новымъ идеямъ, впечатлительный и порывистый, Суворовъ легко и скоро увлекся окружавшею его интригою. Едва прибывъ въ край, еще не успѣвъ оглядѣться вокругъ себя, онъ уже призналъ въ душѣ своей все дѣло православія Эстовъ и Латышей обманомъ, а все дѣло дворянства и духовенства естественнымъ плодомъ насилія религіозной совѣсти. Это именно убѣжденіе онъ выражалъ въ тогдашней своей перепискѣ съ оберъ-прокуроромъ Св. Синода, графомъ Протасовымъ, объясняя подъ угломъ его все тогдашнее положеніе православныхъ. Онъ не зналъ мѣры въ обвиненіяхъ епископа Филарета, главнаго радѣтеля православія Эстовъ и Латышей, объяснялъ всѣ его дѣйствія іезуитизмомъ и макіавелизмомъ и добился перемѣщенія его изъ Риги. Это было первое, хотя и скрытное тогда, торжество поборниковъ цивилизаціи и Остзейскихъ притязаній.

Личный характеръ князя Суворова, воспитаннаго въ правилахъ Швейцарскаго кальвинизма, человѣка безспорно религіознаго, но слабаго въ правилахъ церкви, хотя сердечно болѣвшаго отъ всего, чтó казалось ему профанаціей живой вѣры и насиліемъ надъ религіозною совѣстью, указалъ наконецъ поборникамъ Остзейскихъ интересовъ ту почву для своихъ домогательствъ, на которой они, по крайней мѣрѣ въ будущемъ, могли получить твердую поддержку. «Обманъ народа для увлеченія его въ православіе», «насиліе совѣсти въ удержаніи его въ православіи» — вотъ болѣе и болѣе, хотя и втайнѣ, распространяемые тогда толки и внушенія. Прямымъ выводомъ изъ этихъ положеній было разрѣшеніе народу обратнаго перехода въ лютеранство.

Пока живъ былъ императоръ Николай Павловичъ, эти толки и внушенія не достигали своихъ намѣреній: никто не осмѣливался предъ Государемъ выступить съ ходатайствомъ о разрѣшеніи перехода изъ православія въ лютеранство. Тѣмъ временемъ втайнѣ прилагались старанія, чтобы поднять и развить всѣ лютеранскія учрежденія въ краѣ, напротивъ изубожить все православное: быстро развивались лютеранскіи школы, умножились религіозныя изданія для народа, благоустроялись кирхи, а вмѣстѣ съ тѣмъ медленно подвигалась постройка церквей и православныхъ школъ, значительное большинство церквей помѣщалось въ сараяхъ, амбарахъ и т. п., переводъ необходимѣйшихъ богослужебныхъ книгъ остался безъ всякаго успѣха, цен-

зура православныхъ изданій окончательно утверждена, по старанію самого князя Суворова, за лютеранскимъ цензурнымъ комитетомъ.

«Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ». Въ землѣ, завоеванной Русскою кровью, происходило нѣчто такое, чему нѣтъ примѣровъ въ исторіи. Не даромъ въ Ревелѣ, въ рыцарской залѣ, вмѣстѣ съ бюстами Плетенберга и Паткуля, красуется бюстъ князя А. А. Суворова.

Съ новымъ царствованіемъ наступило время широкаго простора для новыхъ идей какъ въ обществѣ, такъ и въ правительственныхъ сферахъ. Положеніе дѣлъ въ Прибалтійскомъ краѣ сразу измѣнилось. Что́ до сего времени выростало подъ спудомъ, то теперь разомъ выступило наружу. Въ томъ же 1855 году должность Лифляндскаго генералъ-суперъ-интендента занялъ пасторъ Вальтеръ, одинъ изъ самыхъ дерзкихъ противниковъ православія и Русскаго государственнаго вліянія въ краѣ, высланный изъ него въ 1847 году. Еще въ должности приходскаго пастора онъ, и съ церковной каѳедры, и въ оффиціальныхъ объясненіяхъ утверждалъ, что «изъ всѣхъ присоединившихся къ Греческо-Русской вѣрѣ не знаетъ ни одного, который при переходѣ имѣлъ бы въ виду что-либо иное, кромѣ земныхъ выгодъ». Теперь онъ рѣшительно поставилъ вопросъ объ обманѣ народа и насиліи надъ совѣстію его и настаивалъ на безусловномъ дозволеніи ему вернуться въ лютеранство. На дворянскихъ ландтагахъ, въ засѣданіяхъ лютеранскихъ консисторій, съ церковныхъ каѳедръ, въ оффиціальной перепискѣ, всюду твердилось о томленіи народа, обманомъ вовлеченнаго въ православіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, теперь открыто пошли старанія, чтобы довести народъ до дѣйствительнаго томленія. Разомъ и усиленно выступили всѣ тѣ мотивы, которые въ прежнее царствованіе пробовались по одиночкѣ: прекращена постройка церквей и школъ, не появлялось вновь ни одной богослужебной книги и ни одного религіознаго изданія въ православномъ духѣ, послѣдовали неумолимыя требованія повинностей въ пользу пасторовъ, и вопросъ о возстановленіи ихъ, по ходатайству князя Суворова, получилъ ходъ въ законодательномъ порядкѣ; православныхъ крестьянъ всюду утѣсняли въ хозяйствѣ, преслѣдовали укорами и насмѣшками, наконецъ даже исходатайствовано воспрещеніе принимать дѣтей народа въ Рижскую Духовную Семинарію и допускать ихъ къ священному сану. Рядомъ съ этимъ истощеніемъ духовной пищи, убожествомъ духовныхъ пріютовъ, преслѣдованіями и униженіемъ, происходили внушенія, что вся эта тягота есть кара Божія за отступничество отъ вѣры своихъ предковъ и что умилостивить Бога можно только возвращеніемъ въ лютеранство.

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ своемъ за 1857-й годъ Суворовъ изобразилъ мрачными красками присоединеніе Эстовъ и Латышей къ православію въ 1845 и 1846 годахъ и ходатайствовалъ о пересмотрѣ всѣхъ законовъ, касающихся лютеранской церкви въ Прибалтійскомъ краѣ и ея отношеній къ православной церкви. Государю Императору благоугодно было передать эту часть отчета князя Суворова на разсмотрѣніе Комитета Министровъ. Комитетъ Министровъ не нашелъ однако въ доводахъ генералъ-губернатора основанія для пересмотра означенныхъ законовъ, и потому ходатайство его оставлено безъ удовлетворенія.

Вскорѣ за тѣмъ повелѣно учредить комиссію подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ (Ланскаго) изъ предводителей дворянства, Эстляндскаго—графа Кайзерлинга и Лифляндскаго—барона Эттингена и директора департамента иностранныхъ исповѣданій—графа Сиверса (дѣлопроизводитель Павелъ Антоновичъ Шульцъ).

Предъ открытіемъ дворянскаго Лифляндскаго ландтага, 9 Марта 1864 г., генералъ-суперъ-интендентъ Вальтеръ произнесъ къ членамъ его, собравшимся въ Якубъ-Кирхѣ для молебствія, рѣчь, въ которой убѣждалъ ихъ крѣпко помнить, что они *протестанты* по религіи и *Нѣмцы* по національности, что въ ихъ *краѣ господствующею церковію должна быть протестантская, а господствующею народностію Нѣмецкая.* Далѣе онъ развивалъ мысль, что къ какой бы національности ни принадлежали предки того или другаго изъ нихъ, — въ средѣ Лифляндскихъ рыцарей и землевладѣльцевъ на *Лифляндской почвѣ не можетъ и не должно быть другихъ элементовъ, кромѣ Нѣмецкихъ*; между ними нѣтъ ни Эстовъ, ни Латышей, ни Шведовъ, ни Ливовъ, ни наконецъ Русскихъ, въ Лифляндіи могутъ и должны быть только Нѣмцы и т. д. Это говорилъ тотъ самый представитель лютеранской церкви въ Лифляндіи, который впервыя своими стараніями вызвалъ вопросъ объ угнетеніяхъ совѣсти и о свободѣ ея, впервыя возбудилъ просьбы со стороны крестьянъ о дозволеніи вернуться въ лютеранство и наиболѣе рѣзко всюду твердилъ о томленіи народа, обманомъ вовлеченнаго въ православіе. По высочайшему повелѣнію Вальтеръ высланъ изъ края и дѣлу угрожала опасность полнаго пораженія. Но министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ Государю Императору, что настоящій случай нисколько не объясняетъ настроенія православныхъ массъ въ Лифляндіи и просилъ Его Величество, для убѣжденія въ дѣйствительности такого положенія дѣла, командировать на мѣсто свиты Его Величества генералъ-маіора, графа Бобринскаго. На мѣстѣ употреблены были старанія къ тому, чтобы получилось должное

впечатлѣніе для этого. Толпы народа, давно уже брошеннаго на произволъ помѣщиковъ, являлись, подъ охраною мѣстной дворянской полиціи, къ графу Бобринскому съ заявленіями о желаніи ихъ возвратиться въ лютеранство. Незнакомый ни съ народомъ, ни съ оригинальными условіями края, но горячо проникнутый новѣйшими идеями, поспѣшно посѣтивши всего только два уѣзда, графъ быстро проникся убѣжденіемъ, что «изъ числа 140 тысячъ православныхъ, числящихся по оффиціальнымъ даннымъ въ Лифляндіи, едва $^{1}/_{10}$ часть можетъ быть дѣйствительно исповѣдуетъ православную вѣру» и что «остальные никогда душею не были православными» и молятъ о разрѣшеніи вернуться въ лютеранство, по крайней мѣрѣ дозволить дѣтей ихъ крестить въ лютеранскую вѣру. Графъ признавалъ отношеніе правительства и православной церкви къ народному движенію 1845 и 1846 годовъ «оффиціальнымъ обманомъ», удержаніе народа въ православіи—насиліемъ надъ его совѣстію, унизительнымъ для православной церкви и вреднымъ для правительства...

Повторяемъ: свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ, и поблагодаримъ судьбу за то, что подобные примѣры *своей-земли-несвоеземства* нынѣ уже невозможны. Православіе широкою волною разливается по Прибалтійскому краю, и не далѣе, какъ 23 Іюля нынѣшняго 1890 года освящена новая православная домовая церковь въ имѣніи барона Мейндорфа, Кегелѣ, въ томъ самомъ, гдѣ еще не такъ давно (въ губернаторство г. Поливанова) воздвигнутъ былъ памятникъ Лютеру.

ИЗЪ ПИСЕМЪ А. Ө. ВОЕЙКОВА КЪ В. М. ПЕРЕВОЩИКОВУ [1]).

1.

Письмо ваше, милое и доброе какъ душа ваша, сердечно меня порадовало. И такъ, я могу надѣяться, что вы станете отъ времени до времени украшать мой журналъ своими полезными и пріятными сочиненіями. Итакъ, у меня будетъ сотрудникъ благонамѣренный и знатокъ языка отечественнаго. Не смѣю ни требовать, ни напоминать вамъ о вашемъ обѣщаніи: мнѣ извѣстно, какъ вы заняты и лекціями, и сухими переводами оффиціальныхъ бумагъ университетскихъ. Нѣмецкіе профессора плодовиты; съ ужасомъ вспоминаю о томъ лихорадочномъ времени, когда сія обязанность на мнѣ лежала. Какъ они распишутся, такъ и не уймешь! Говоря о томъ, что буйный студентъ выбилъ два зуба у педеля, они ссылаются на Аристотеля и, увѣдомляя министра о томъ, что обрушился сарай на Домѣ [2]), витійствуютъ, какъ будто дѣло идетъ о взятіи Рима Галлами!?! Совѣтую вамъ окуривать себя послѣ каждаго такого занятія.

С.-Петербургъ 1824. 7 Ноября.

2.

23 Іюня 1825. Царское Село.

Не удивляйтесь безсовѣстности, съ которой въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ не перестаю кричать подъ вашимъ профессорскимъ окномъ: подайте Христа ради! Журналисты и портные народъ нахальный. Говорятъ, будто бы и Гречъ, будучи простымъ учителемъ гимназіи, краснѣлъ, хотя изрѣдка; увѣряютъ, будто бы у Булгарина, обдиравшаго оклады въ Испаніи съ образовъ, рука дрожала; а теперь, сдѣлавшись журналистомъ,

---

[1]) В. М. Перевощиковъ былъ въ то время профессоромъ Русской Словесности въ Дерптскомъ университетѣ, а предмѣстникъ его по этой каѳедрѣ А. Ө. Воейковъ (род. 1773 † 1839) жилъ въ Петербургѣ и издавалъ съ 1822 по 1826 годъ журналъ „Новости Литературы", а съ 1821 по 1828 годъ „Русскій Инвалидъ". Подлинныя письма получены нами отъ дочери В. М. Перевощикова, Вѣры Васильевны Павловой. П. Б.

[2]) Гора въ Дерптѣ.

Подъ ножъ и лучшій другъ и братъ,
Коль имя можно вставить въ строку.

Да здравствуетъ же сія благочестивая чета, доказывающая, что въ Россіи неограниченная терпимость бездѣльниковъ и отмѣна висѣлицы!

Порадуйте меня подаркомъ, если возможно къ 15-му Іюля, или къ 1-му Августу.

Министръ народнаго просвѣщенія съ сильнѣйшимъ восторгомъ разсказывалъ мнѣ о цвѣтущемъ по всѣмъ частямъ состояніи Дерптскаго университета; хвалилъ профессоровъ и образъ преподаванія и доволенъ духомъ студентовъ. Директоръ его канцеляріи кн. Платонъ Александровичъ Шихматовъ также увѣряетъ меня, что онъ съ большою пользой и пріятностью провелъ свое время въ Дерптѣ. Поздравляю васъ отъ души. Я совѣтовалъ Шишкову съѣздить въ Казань [3]), но онъ не хочетъ портить крови.

3.

18 Іюля 1825. Царское Село.

Поцѣлуйте за меня хорошенькую ручку милостивой государыни Екатерины Максимовны [4]) и облобызайте веселенькихъ дѣточекъ вашихъ. Мои ростутъ не по годамъ, а по часамъ и укрѣпляются на вольномъ Царскосельскомъ воздухѣ. Моя Александра Андреевна часто хвораетъ: въ началѣ Іюня сдѣлала тяжкую болѣзнь, а въ Іюлѣ даже опасную. Теперь опять, какъ будто ни въ чемъ не была: румяна и весела, и рѣзва, и неосторожна, и издерживаетъ здоровье, какъ мотъ деньги. У насъ нынѣшній годъ очень весело: Великая Княгиня Александра Өеодоровна живетъ въ Царскомъ Селѣ и почти противъ нашего дома. Крещеніе новорожденной Великой Княжны происходило съ царскимъ великолѣпіемъ. 470 особъ обѣдало у Государя. Жаль, что дождливая погода не благопріятствовала празднику. Теперь Александра Андреевна сбирается на Петергофскій, которому нѣтъ въ мірѣ подобнаго: совершенно Армидинъ садъ! Тысячи фонтановъ, освященные разноцвѣтными огнями, море воды внизу—и море огня надъ головою. Столѣтнія аллеи, великолѣпныя бронзовыя статуи и 50 тыс. гуляющихъ въ лучшихъ богатыхъ нарядахъ.

Прощайте, нѣтъ, не прощайте! Порадую васъ вѣсточкой. Инквизиторъ Магницкій въ полной опалѣ у министра народнаго просвѣщенія, который, наконецъ, удостовѣрился, что сей человѣкъ или сумасшедшій изувѣръ, или безчеловѣчный гонитель всего умнаго, доб-

---

[3]) Гдѣ попечителемъ былъ Магницкій.

[4]) Супруга В. М. Перевощикова, урожденная Княжевичъ.

раго, изящнаго, возвышеннаго. Безпрестанные доносы на журналистовъ и писателей, безпрестанное настояніе, чтобы бывшаго министра князя Голицына судить уголовнымъ судомъ, открыли глаза и Шишкову, и князю Шихматову, человѣку благонамѣренному и просвѣщенному. Не желая зла Магницкому, очень можно пожелать, чтобъ ему обстригли когти и связали ручки.

Жуковскій получилъ орденъ Св. Владимира 3-й степени.

4

16 Января 1826. С.-Петербургъ.

Съ 26-го Ноября мы прожили въ двѣ недѣли до 1-го Января цѣлое столѣтіе, ужасное и прошедшими страхами, и ожиданіями страшнѣйшаго. Многіе изъ насъ, даже моя терпѣливая, полная надежды на Бога и вѣры въ Бога Александра Андреевна сказаза: Il n'y a plus d'avenir pour nos enfants [5]). Если мы, жены и дѣти наши живы, и Россія не рухнула въ пропасть: то тѣмъ мы обязаны единственно неустрашимости и присутствію молодаго нашего Императора. Онъ передъ глазами нашими сдѣлался великаномъ и совершилъ чудеса, какихъ многіе цари не сдѣлали во многіе годы царствованія. Мы надѣемся отставки Магницкаго, Рунича и другихъ и загражденія устъ инквизитора Фотія; надѣемся законовъ, облегченія податей, уменьшенія войскъ и позволенія гулять, танцовать, мыслить и писать. Нѣтъ дня, котораго бы Государь не ознаменовалъ чѣмъ-нибудь полезнымъ и мудрымъ.

5.

17 Марта 1826. С.-Петербургъ.

Въ минувшую Суботу мы опустили въ землю священные остатки Благословеннаго. Въ то мгновеніе, какъ гробъ, опустившись, сталъ на землѣ — всѣ отъ Императора до послѣдняго прапорщика по какому-то внутреннему движенію упали ницъ и пробыли нѣсколько секундъ въ семъ положеніи. Глубокая тишина царствовала въ соборѣ. Въ это же время внѣ церкви совсѣмъ другое поразило глаза печальныхъ Россіянъ зрѣлище: крѣпость отъ пушечной пальбы покрылась густымъ дымомъ, сквозь который мелькали огни ружейные; вдругъ дунулъ сильный вѣтеръ, дымъ свился и улетѣлъ; крѣпость снова явилась въ блескѣ, и золотой шпиль Петропавловскаго собора засіялъ ярче прежняго.

---

[5]) У нашихъ дѣтей нѣтъ больше будущности.

6.

6 Апрѣля 1826, С.-Петербургъ.

У насъ небосклонъ не проясняется: Н. М. Карамзинъ опасно болѣнъ безпрерывными нарывами на легкомъ и такъ похудѣлъ, что его узнать нельзя. Медики называютъ эту болѣзнь vomica. Онъ сбирается года на два въ Италію; но страшно, что онъ уѣдетъ въ другую сторону, идѣ же нѣтъ ни плача, ни воздыханія. Нашъ несравненный Жуковскій также тяжело болѣнъ и также сбирается покинуть насъ на цѣлое будущее лѣто; его посылаютъ медики въ Эмсъ на воды. Онъ думаетъ черезъ двѣ-три недѣли пуститься въ путь. Отъ запущеннаго сильнаго гемороя крови льютъ изъ него, какъ изъ женщины; это разслабило всю систему, и оказалась не только склонность къ водяной, но уже и всякіе признаки. Эти двѣ жизни драгоцѣнны не для насъ — его семейства, но для царя и отечества. У нихъ нѣтъ сыновъ, нѣтъ слугъ вѣрнѣе, усерднѣе и просвѣщеннѣе. Они видятъ вещи и случаи въ истинномъ ихъ видѣ и съ настоящей точки зрѣнія. Дай Господи, чтобы выздоровѣли! Жуковскій поѣдетъ черезъ Дерптъ.

На дняхъ вышло великолѣпное изданіе басенъ Крылова, Такой типографической роскоши, изящества, вкуса на святой Руси видомъ не видано, слухомъ не слыхано. Правда, и деньги хороши: 30 р. за экземпляръ, т. е. за одну книжку!

На этой же недѣлѣ выступятъ на сцену міра и «Сѣверные Цвѣты», столь давно ожидаемые. Могу за нихъ ручаться, что они благовоніемъ, яркостью красокъ и выборомъ цвѣтовъ не уступаютъ прошлогоднему букету. Да такъ и должно! Они обязаны заставить насъ не жалѣть о покойной «Полярной Звѣздѣ», померкшей въ бурномъ мракѣ.

7.

22 Ноября 1826, С.-Петербургъ.

Вчера слушалъ я трагедію «Борисъ Годуновъ», соч. А. С. Пушкина. Это чудо, это образецъ силы, ужаса, высокаго и великаго! Русь ничего не имѣла подобнаго въ драматическомъ родѣ. Прочтите сіи строки поэту Языкову, онъ затрепещетъ отъ восторга и соревнованія. Между прочимъ Лжедмитрій говоритъ нареченной своей невѣстѣ Маринкѣ:

Тѣнь Іоаннова меня усыновила,
Димитріемъ меня изъ гроба нарекла!

Есть еще другая новая трагедія стихами же «Ермакъ», соч. молодаго человѣка Хомякова, превосходная!

Вѣкъ Екатерины былъ славенъ, Александровъ еще славнѣе. Николаевъ, по всему, что́ видимъ и слышимъ, будетъ еще славнѣйшимъ. Гнѣдичъ будетъ печатать свой переводъ Гомеровой *Иліады*; Козловъ издалъ уже прекрасный метрическій переводъ Байроновой *Абидосской Невѣсты* и готовитъ образцовую, можно сказать, дивную поэму: *Княгиня Долгорукая.* Пушкинъ творитъ двѣ новыя трагедіи: *Дмитрій Самозванецъ* и *Царь Василій Ив. Шуйскій.* Жаль, что соловей Жуковскій ничего не пишетъ и Крыловъ лѣнится, обжирается и дряхлѣетъ.

8.

26 Февраля 1827. С.-Петербургъ.

Неужели вашъ университетъ не выпишетъ для своей библіотеки моего Славянина? Это будетъ мнѣ оскорбительно—не въ смыслѣ тридцатирублелюбія, но въ смыслѣ честолюбія. Мнѣ весьма было бы лестно видѣть Дерптскій университетъ въ числѣ получающихъ мой военно-литературный журналъ. Покажите это письмо г. Эверсу или Моргенштерну. Я бы могъ подарить университету экземпляръ; но это значило бы *хвостовить*. Н. М. Языковъ обѣщалъ матушкѣ Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ [6]) стиховъ для моего Славянина; если увидите матушку, то попросите ее, чтобы изволила напомнить поэту Языкову. Для меня это весьма драгоцѣнные подарки!

9.

3 Ноября 1827. С.-Петербургъ.

Поздравляю университетъ Дерптскій съ Эрдманомъ. Я имѣлъ честь быть его сослуживцемъ и умѣю цѣнить его ученость, его умъ и, еще болѣе, его благородный характеръ. Празднуйте, торжествуйте: вашъ попечитель—не гонитель, не притѣснитель; онъ безсмертенъ въ лѣтописяхъ Дерптскаго университета. Священный гласъ народа обѣщаетъ намъ кн. Ливена въ министры просвѣщенія; тогда и мы заликуемъ, заторжествуемъ, станемъ марать бумаги въ сотеро болѣе, нежели теперь. Онъ позволитъ намъ мыслить. До тѣхъ поръ будемъ сидѣть у моря и ждать погоды. О, еслибъ Государь въ самомъ дѣлѣ соизволилъ, на мѣсто одряхлѣвшаго Шишкова, возвесть въ м. пр. князя Ливена: сколько бы мы благословляли сіе назначеніе! Вы спрашиваете меня о Славянинѣ. Стану продолжать его.—Гнѣдичъ опасно боленъ грудью, почти чахоткою и уволенъ на годъ въ отпускъ; онъ поселился въ

---

[6]) Тещѣ Воейкова, ур. Протасовой, жившей въ Дерптѣ, гдѣ зять ея И. Ф. Мойеръ былъ ректоромъ университета.

Одессѣ. Возвратясь въ Питеръ, тотчасъ приступитъ къ печатанію Иліады. Что̀ новаго въ нашей литературѣ? Полевой прибавляетъ еще 12-ть картинокъ Парижскихъ модъ и, слѣдовательно, въ 24-хъ книжкахъ Моск. Телеграфа будетъ заключаться 36 модныхъ картиночекъ: какое важное сокровище для ума, сердца и воображенія Россіянъ, нашихъ соотечественниковъ! Сверхъ того будутъ выходить модно-художественныя прибавленія къ М. Тел.; въ нихъ будутъ сообщены драгоцѣнныя изобрѣтенія и усовершенствованія по части великой науки мебелей, экипажей и узоровъ кружевныхъ, блондовыхъ и другихъ. Неутомимый Б. М. Ѳедоровъ, который 13-ти лѣтъ отъ роду уже издавалъ журналъ «Кабинетъ Аспазіи», выдастъ въ 1828 году три альманаха, а именно: *Памятникъ Музъ, дѣтскій и азбучный;* продолжитъ журналъ: *Новая дѣтская библіотека* и приступитъ къ изданію новой газеты, подъ названіемъ *С.-Петербургскій Дневникъ.* Гречева Рос. грамматика поспѣла; поспѣли ли деньги у Русскихъ родителей, наставниковъ, бабушекъ и матушекъ? Пусть же ихъ сыплютъ въ его карманъ, гробъ столькихъ тысячъ, сотенъ тысячъ, хотѣлъ я сказать. Сіи рубли уже никогда къ субскрибентамъ не возвращаются и пересылаются прямо въ Weinhandlung, сирѣчь въ винный погребокъ. Прощайте; съ вами я всегда заболтаюсь.

Слова текутъ рѣкою,
Въ бесѣдѣ съ тѣмъ кого мы любимъ всей душою.

Мои [1]) пишутъ отъ 11 Октября ст. ст. изъ Страсбурга. Я послалъ имъ туда денегъ и два письма. Скажите это матушкѣ.

---

[1]) Т. е. жена Александра Андреевна, ур. Протасова (Свѣтлана) и три малолѣтнія дочери, отправившіяся въ чужіе края.

ДВА ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА КЪ В. И. ТУМАНСКОМУ.

1.

Буря, кажется, успокоилась; осмѣливаюсь выглянуть изъ моего гнѣзда [1]. Милый мой Туманскій, у меня до тебя просьба; надѣюсь, что не откажешься оказать мнѣ истинное одолженіе. Вотъ въ чемъ дѣло: за нѣсколько дней передъ моимъ отъѣздомъ изъ Одессы, Савеловъ и я играли у Лучича [2]; Лучичъ проигралъ мнѣ 900 р., изъ коихъ 300 заплатилъ мнѣ на другой же день, а остальныя 600 перевелъ на Савелова, который и согласился. При моемъ внезапномъ отъѣздѣ я занялъ эти 600 р. у кн. Вяземской [3], съ согласія же Савелова; послѣ узнаю, что онъ отрекается отъ своего долгу. Деньги пропали, такъ и быть; но боюсь, чтобъ это не перетолковали мои пріятели, которыхъ у меня много, и всѣ охотники до толковъ. Разскажи это просто, par manière de conversation [4], Лучичу. Онъ человѣкъ честной и вѣрно не солжетъ въ дѣлѣ, касающемся до чести. Повторяю, что денегъ этихъ мнѣ не нужно, и что даже возиться съ Савеловымъ я не намѣренъ [5]. Отпиши мнѣ отзывъ Лучича, вотъ и все.—Объ Одессѣ кромѣ газетныхъ извѣстій я ничего не знаю. Напиши мнѣ что нибудь о себѣ. Скажу тебѣ, что я совершенно одинъ. Царь позволилъ мнѣ ѣхать во Псковъ для операціи моего аневризма, и Моэръ хотѣлъ ко мнѣ пріѣхать; но я просилъ его не безпокоиться и, думаю, не тронусь изъ моей деревни. Друзья мои за меня хлопотали противъ воли моей и, кажется, только испортили мою участь. Что ты? Что твоя поэзія? Изрѣдка и слишкомъ рѣдко, попадаются мнѣ твои стихи. Сдѣлай милость не забывай своего таланта; боюсь, чтобъ проза жизни твоей не одолѣла поэзіи души. *Дѣвушка вл.* [6]) *поэту* прелесть! *Сидя съ авторами* одно нехорошо. Не такъ-ли?

---

[1]) Письмо это писано 13 Августа 1824 года изъ Михайловскаго, куда Пушкинъ мѣсяца за полтора передъ тѣмъ былъ сосланъ.

[2]) Кто такіе Савеловъ и Лучичъ—намъ неизвѣстно.

[3]) Княгиня Вѣра Өедоровна Вяземская, супруга писателя.

[4]) Мимоходомъ, въ разговорѣ.

[5]) Въ изданномъ письмѣ Пушкина къ князю П. А. Вяземскому (Сентябрь 1824) читаемъ: „Я думалъ, что ты давно получилъ отъ Льва Сергѣевича 600 р., украденные Савеловымъ.

[6]) Стихи В. И. Туманскаго: „Дѣвушка влюбленному поэту“.

Со мной ведете-ль разговоры,
Вамъ замѣчательнѣй всего
Ошибки слога моего;
Безъ выраженья ваши взоры.

Кланяйся всѣмъ бывшимъ моимъ товарищамъ, свидѣтельствую свое почтеніе В. Д. и А. И. [1]) Прощай, мой милый. 13 Авг.

Адресъ мой: въ Опочку, въ село Тригорское. Ея Высокоб. Прасковьѣ Александр. Осиповой.

2.

Милый мой Туманскій. Ты вѣрно ко мнѣ писалъ, потому что вѣрно меня любишь по старому, но я не получалъ отъ тебя строчки. Ужъ не почта ли виновата? Справься и возьми свои мѣры.—На всякій случай пиши на имя *Погодина къ книгопродавцу Ширяеву въ Москву.* Кстати: надѣюсь на тебя какъ на каменную стѣну. Погодинъ ничто иное, какъ *имя, звукъ пустой*—духъ же я, т. е. мы всѣ православные. Подкрѣпи насъ прозою своею и утѣшь стихами [2]).—Прощай, пришли *Одессу*, мой отрывокъ.

А. П.

Нельзя-ли чего отъ Левшина [3])?

*

Эти два письма сообщены въ „Русскій Архивъ“ графомъ Г. А. Милорадовичемъ, который издалъ ихъ отдѣльною тетрадкою въ Черниговѣ (1890) и въ примѣчаніяхъ къ нимъ сообщаетъ, что, вѣроятно, другія письма Пушкина къ В. И. Туманскому сохраняются въ с. Апанасовкѣ, Гадяцкаго уѣзда, въ имѣніи М. В. Туманскаго, гдѣ Василій Ивановичъ Туманскій умеръ въ 1860 году.

---

[1]) Александру Ивановичу Казначееву, тогда правителю канцеляріи Одесскаго генералъ-губернатора, въ которой Пушкинъ числился на службѣ вмѣстѣ съ В. И. Туманскимъ.

[2]) Это письмо должно быть отнесено къ концу 1826 года, когда Пушкинъ принялъ живое участіе въ журналѣ М. П. Погодина „Московскомъ Вѣстникѣ“, начавшемъ выходить съ 1827 года.

[3]) Алексѣя Ираклiевича, служившаго тогда въ Одессѣ.

ИЗЪ ПИСЬМА КНЯЗЯ В. А. ЧЕРКАСКАГО КЪ М. В. ЮЗЕФОВИЧУ.

Милостивый государь

Михаилъ Владимировичъ!

Повинной головы и мечъ не сѣчетъ, говоритъ наша стародавняя, коренная Русская пословица. Неужели вы захотите быть менѣе великодушнымъ, чѣмъ нашъ великодушный народъ и откажитесь принять мою повинную милостиво и кротко? Не хочу этому вѣрить; и потому, не измышляя себѣ лукавыхъ оправданій, являюсь на вашъ судъ, заранѣе увѣренный въ снисходительномъ вниманіи судіи. Не желаю впрочемъ прослыть и болѣе виновнымъ, чѣмъ я есмь въ дѣйствительности.

Любезное письмо ваше отъ прошлаго 24 Ноября я въ самомъ дѣлѣ получилъ не такъ скоро, какъ бы я могъ и желалъ бы. Причины тому могли быть и вѣроятно были самыя многоразличныя. Иванъ Сергѣевичъ *), какъ я узналъ отъ него теперь въ Москвѣ, переслалъ его мнѣ своевременно въ чужіе края; но такъ какъ я блуждалъ между Чехи и Лехи, среди Бадена, Парижа, Мюнхена, Праги и Берлина, то и письмо ваше, не заставъ меня тамъ, куда было адресовано, странствовало долго и очень долго изъ одного города въ другой. Не удивляюсь, если и въ родныхъ предѣлахъ оно возбудило любопытство охотниковъ до чтенія изъ числа чиновниковъ нѣкоторыхъ вѣдомствъ. Какъ бы то ни было, ко мнѣ въ руки попалось письмо ваше уже не задолго до выѣзда моего изъ Берлина обратно въ Россію, и затѣмъ увы! пролежало у меня въ портфелѣ до днесь, ежедневно возбуждая во мнѣ безплодныя угрызенія... Впрочемъ и самый вопросъ, вами предлагаемый, принадлежитъ къ числу труднѣйшихъ или, лучше сказать, наищекотливѣйшихъ. Признаюсь вамъ съ полною откровенностію: онъ уже многократно былъ задаваемъ мнѣ разными лицами, по поводу разныхъ частныхъ случаевъ, и я до сихъ поръ избѣгалъ по возможности давать на него положи-

---

*) Аксаковъ.

тельный и категорическій общій отвѣтъ. Съ вами я въ настоящую минуту позволю себѣ быть и яснѣе, и положительнѣе. Искренно радуюсь случаю нынѣ, черезъ посредство ваше, бесѣдовать и съ Г. П. Галаганомъ и иными общими нашими друзьями. Прошу и ихъ и вашего снисхожденія.

Вы конечно спросите прежде всего: да что за тонкости такія и хитрости? И почему, казалось бы, когда предлагается вопросъ первостепенной практической важности, почему не отвѣчать на него просто ясно, положительно, безъ разныхъ мыслей и т. д.?...

Почему? А вотъ почему.

Вопросъ, вами предлагаемый, въ существѣ, въ отвлеченіи, не можетъ конечно получить двоякаго разрѣшенія. Онъ можетъ быть разрѣшенъ лишь такъ, какъ разрѣшаете его вы и какъ разрѣшаютъ его вмѣстѣ съ вами и «Московскія Вѣдомости». Немыслимо и безразсудно со стороны государства связывать другъ съ другомъ глухою петлею два жгучихъ вопроса—религіозный и народный, изъ которыхъ каждый, взятый въ отдѣльности, въ данную минуту и при данныхъ обстоятельствахъ, можетъ оказаться довольно сильнымъ, чтобы потрясти и—пожалуй—взорвать какой нибудь уголъ въ государственномъ зданіи. Точно также, съ другой стороны, прошло то время, когда можно было болѣе или менѣе безнаказанно налагать на цѣлое общество, на народъ цѣлаго государства, требованіе какого бы то ни было правовѣрія. Въ наше время, когда религіозное сознаніе и чувство вновь заговорили въ человѣчествѣ съ почти неслыханною силою и потребность искренней религіозной жизни, хотя и скрывалась подъ самыми разнообразными видами и формами, однако бьетъ живымъ ключемъ во всѣхъ общественныхъ слояхъ, и когда между тѣмъ всѣ почти существующія церковныя учрежденія (establishments) или видимо хилѣютъ или ожидаютъ и требуютъ себѣ обновленія,—въ такое время, говорю я, остается государству лишь одно: ему слѣдуетъ, не попирая легкомысленно церковно-государственныхъ преданій, но и щадя человѣческую совѣсть, осторожно и зорко направлять свое плаваніе для пріискиванія себѣ того неоткрытаго и неизвѣданнаго еще никѣмъ пролива, который связываетъ собою два повидимому такъ рѣзко разобщенныхъ міра—новый и старый.

Итакъ съ одной стороны—свобода совѣсти въ дѣлѣ церковномъ и взаимное освобожденіе церкви и государства, съ другой—разобщеніе

вопросовъ религіознаго и народнаго: вотъ тѣ два существенныхъ основанія новой церковно-государственной жизни, которыя (я готовъ вполнѣ признать это) составляютъ необходимое условіе прочнаго ея нынѣ утвержденія и правильное развитіе которыхъ настоятельно требуется не одною лишь теоріею, но и самыми практическими условіями современной политической жизни. И при томъ скажу болѣе: осуществить одну изъ этихъ задачъ, пренебрегая или упуская изъ виду другую, столько же невозможно на дѣлѣ, сколько и въ отвлеченіи немыслимо. Въ другихъ словахъ: прикажите Латинскому ксендзу или лютеранскому пастору или магометанскому муллѣ произносить свои проповѣди и молитвы на Русскомъ языкѣ и добейтесь этого отъ одного изъ нихъ, отъ многихъ или отъ большинства, но не обезпечьте въ немъ вмѣстѣ съ тѣмъ чувства и сознанія свободнаго отправленія религіозной и церковной жизни: и самый успѣхъ вашъ, если онъ ограничится этимъ однимъ, не принесетъ пользы, не оставитъ по себѣ прочнаго слѣда и смоется первымъ враждебнымъ движеніемъ мѣстной духовной жизни, оставивъ по себѣ лишь память еще одного лишняго, ненавистнаго, деспотическаго дѣйствія.

Вы видите, какъ ни сложна предлагаемая вами задача, а я не затрудняюсь расширить и усложнить ее еще болѣе, въ томъ убѣжденіи и въ той увѣренности, что для разрѣшенія задачъ сложныхъ и коренныхъ, онѣ необходимо должны быть обнимаемы во всей ихъ многообразной и многотрудной полнотѣ. Затѣмъ отъ той степени разумности и силы воли, которою обладаетъ власть разрѣшающая, будетъ зависѣть болѣе или менѣе удачное умѣніе ея временно суживать свою задачу, никогда однако не упуская изъ виду ея полнаго объема и общихъ условій ея разрѣшенія.

Не забудьте впрочемъ, что и въ томъ видѣ, въ какомъ я понимаю предстоящую задачу, она не была бы еще исчерпана вполнѣ, если бы шло дѣло только объ одной терпимости относительно иновѣрныхъ церквей. Послѣдній вопросъ является въ существѣ лишь вопросомъ детальнымъ, которому должно быть предпослано еще другое, несравненно важнѣйшее дѣло—освобожденіе отъ вѣковыхъ государственныхъ путъ самой мнимо-господствующей православной церкви, или лучше сказать—взаимное освобожденіе государства и православной церкви: ибо безъ этого, по крайнему моему разумѣнію, немыслима надлежащая, хотя бы и ограниченная, свобода прочихъ церквей, и невозможно никакое прочное улучшеніе въ многочисленныхъ церковно-народныхъ и церковно-національныхъ вопросахъ въ Россіи. Вы видите и конечно живо пой-

мете, какъ разростается такимъ образомъ первоначальная наша задача, и сколькими новыми элементами она вновь обогащается.

Въ истинѣ или несправедливости всего вышеизложеннаго мы съ вами должны прежде всего условиться. Если все сказанное преувеличено или въ корнѣ своемъ несправедливо, то далѣе незачѣмъ и слѣдовать тому, кто въ этомъ убѣжденъ; остается только, не развлекаясь слишкомъ общею постановкою вопроса, съузить свое дѣло одною задачею принужденія Латинскаго ксенза кое-какъ бормотать въ костелѣ по-русски и, такъ или иначе достигая сегодня удачи, завтра неудачи, идти своимъ эмпирическимъ путемъ къ постоянному продолжительному черпанію (не рѣшаюсь сказать—къ постепенному исчерпыванію) внезапно усмотрѣннаго, но уже давно и явно предстоящаго Данаева колодца. Такъ и дѣлаютъ нѣкоторые изъ нашихъ администраторовъ, ободряемые и поощряемые полуслѣпотою многихъ передовыхъ мыслителей.

Между тѣмъ какъ бы казалось и имъ самимъ не задать себѣ вопроса—если не о конечной цѣли и конечномъ результатѣ своихъ добросовѣстныхъ, но слишкомъ отрывочныхъ дѣйствій, то хотя бы, по крайней мѣрѣ, объ условіяхъ и трудностяхъ предпринимаемаго ими дѣла въ разныхъ мѣстностяхъ, въ разныхъ средахъ? Вѣдь уже и эти соображенія могли бы вѣроятно легко навести на мысль о томъ, что вопросъ сложнѣе чѣмъ онъ на первый разъ кажется, что онъ слѣд. требуетъ болѣе глубокаго изученія и разнообразнаго примѣненія въ различныхъ случаяхъ. Такъ напр. можно бы спросить—одинаково ли легко ввести Русскую проповѣдь и богослуженіе въ Латинскомъ костелѣ, и притомъ въ юго-западномъ и въ сѣверо-западномъ краѣ, среди Русскаго или среди Жмудскаго народонаселенія, или въ лютеранской киркѣ съ Нѣмецкимъ или съ Латышскимъ приходомъ, или въ Еврейской синагогѣ, или даже наконецъ, какъ приходится дѣйствовать напримѣръ самой православной іерархіи среди едва открытыхъ ею нынѣ языческихъ племенъ восточной Россіи, также мало обученыхъ грамотѣ, какъ и господствующее, побѣдоносное Русское племя, но поэтому самому незнающихъ и никакого другаго языка, кромѣ своего мѣстнаго дикаго нарѣчія?.. Вѣдь всѣ эти вопросы и многіе другіе состоятъ между собою въ тѣсной связи; всѣ они нынѣ на очереди, и всѣмъ имъ не повредило бы, быть можетъ, разрѣшеніе систематическое, въ общемъ духѣ, хотя бы и съ допущеніемъ неизбѣжныхъ отступленій въ случайныхъ и временныхъ подробностяхъ дѣла.

Упоминаю обо всѣхъ этихъ особенностяхъ отчасти уже и потому, что, по моему крайнему разумѣнію, даже самый простой, ограниченный,

практическій вопросъ введенія Русскаго языка въ Латинскую проповѣдь едва ли можетъ быть разрѣшенъ *совершенно* однообразно въ вашемъ юго-западномъ краѣ и въ краѣ сѣв.-зап., хотя бы даже и въ чисто-Русскихъ его мѣстностяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, какіе главные факторы, вліяющіе болѣе или менѣе на дѣйствительное введеніе въ дѣйствіе означенной мѣры? И какія при исполненіи ея могутъ быть предъявляемы опасенія?

Опасенія эти касаются главнымъ образомъ, какъ извѣстно, предполагаемой или хотя бы даже только возможной склонности нѣкоторой части населенія, еще недавно обращенной изъ Римско-католической или изъ Греко-Уніатской вѣры, возвратиться въ Латинскіе костелы и къ Р.-Кат. богослуженію, коль скоро Русская проповѣдь, огласивъ Римскій костелъ, сгладила бы нынѣ существующее рѣзкое различіе, отдѣляющее послѣдній отъ православной церкви съ ея Славянскимъ богослуженіемъ и общепонятною, Русскою, хотя подчасъ и нѣсколько лѣнивою проповѣдью. Этого рода опасеніе, не лишенное, какъ мнѣ кажется, нѣкотораго основанія для сѣв.-зап. края, очевидно не можетъ имѣть примѣненія въ бо́льшей по кр. мѣрѣ части Кіевскаго края, гдѣ ни католичество, ни унія не могли оставить въ народѣ столь глубокихъ слѣдовъ, гдѣ притомъ и само Р.-Кат. духовенство и костелы менѣе многочислены, гдѣ наконецъ народный Русскій духъ и православныя преданія сильнѣе, живѣе, дѣйствительнѣе.

Съ другой стороны, главные элементы, вліяніе которыхъ на исполненіе предполагаемаго мѣропріятія должно быть принимаемо во вниманіе, суть, кромѣ народа, еще и само Римско-Католическое духовенство, высшее и низшее.

Если православное народонаселеніе, какъ выше сказано, представляетъ далеко благопріятнѣйшую почву на Югѣ, чѣмъ въ сѣв.-зап. краѣ, то едвали не слѣдуетъ тоже самое сказать и о народонаселеніи Р.-Католическомъ.

(Съ черноваго подлинника сообщеннаго въ 1879 году супругою князя В. А. Черкаскаго, княгинею Екатериною Алексѣевной Черкаскою).

ПИСЬМО ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ КЪ ГРАФУ П. В. ЗАВАДОВСКОМУ.

(1777).

Письмо твое и съ приложеніями я получила въ Пятницу. За увѣреніе о вѣрности и привязанности благодарствую, ни мало о томъ не сумнѣваясь. Будь увѣренъ, что навсегда отмѣнно къ тебѣ пребуду расположена. О пріѣздѣ предаю въ вашу волю; наипаче же успокой свой духъ и будь здоровъ и веселъ, и я совѣтую слѣдовать совѣту С. Р. Воронцова переводить Тацита или же упражняться Россійской Гисторіею [1]). Его письма къ вамъ возвращаю. Они отмѣннымъ духомъ и слогомъ написаны [2]).

Дабы князь Гр. Ал. [3]) былъ съ тобою по прежнему, о семъ приложить стараніе нетрудно; но самъ способствуй. Двоякости въ томъ не прибудетъ; напротиву того, приближатся умы обо мнѣ единакого понятія и тѣмъ самымъ ближе другъ къ другу находящіеся, нежели сами понимаютъ. Зависть и клевету, равно какъ и гоненія, привыкла держать въ оковахъ. И такъ будь покоенъ. Обѣщанный перстень пришлю;

---

[1]) Получивъ образованіе въ Оршѣ, въ Іезуитскомъ училищѣ и довершивъ его въ Кіевской Духовной Академіи, графъ Завадовскій зналъ полатини и погречески. Слогъ его писемъ отзывается классицизмомъ.—Гораздо позднѣе, будучи министромъ народнаго просвѣщенія, онъ выразилъ свою любовь къ Русской исторіи, устроивъ при Московскомъ Университетѣ Общество Исторіи и Древностей.

[2]) Читатели „Архива Князя Воронцова“ оцѣнятъ вѣрность этихъ словъ Екатерины, которыя можно отнести вообще къ письмамъ графа Семена Романовича. Сохранились-ли его письма къ графу Завадовскому?

[3]) Т. е. князь Потемкинъ, въ то время уже находившійся въ тайномъ бракѣ съ Екатериной (по нашимъ соображеніямъ, съ осени 1774 года).

о семъ уже І. І. Бец(кому) приказано. Въ прочемъ домъ твой [1]) обще съ тобою въ памяти и защищеніи моемъ пребываютъ и пребудутъ.

(Сообщено въ спискѣ княземъ С. М. Воронцовымъ).

Біографія графа П. В. Завадовскаго съ его портретомъ помѣщена въ „Русскомъ Архивѣ" 1883 года, а его письма въ XII-й книгѣ „Архива Князя Воронцова", гдѣ разсѣяны намеки на личныя отношенія его къ Екатеринѣ. Близость Завадовскаго къ Государынѣ продолжалась около полугода, но лѣтомъ 1777 года, передъ пріѣздомъ въ Петербургъ Густава III-го, онъ уѣхалъ въ Малороссію. „Напрасно мнятъ излѣчить меня разлукою: я поѣду и пріѣду на подобіе уязвленнаго еленя, который бѣжитъ и продирается сквозь лѣса густые, но вонзенная стрѣла всегда въ боку и не упадаетъ", писалъ онъ въ то время въ Италію другу своему, графу С. Р. Воронцову.

Екатерина сдержала слово, данное графу Завадовскому въ этомъ письмѣ: онъ до конца оставался у нея „въ памяти и защищеніи".

Князь Чарторижскій въ Запискахъ своихъ очень вѣрно изображаетъ графа Завадовскаго (стр. 329) „Онъ пристрастился къ Екатеринѣ и былъ очень несчастливъ, когда его отстранили. Оба друга его, Безбородко и Воронцовъ, старались внушить ему философскія мысли. Въ видѣ утѣшенія его обогатили и даже щедрѣе, нежели другихъ любимцевъ, потому что Екатерина признавала въ немъ отличныя достоинства".

---

[1]) Домъ этотъ, на Большой Морской, принадлежитъ нынѣ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ.

ГРАФЫ ВОРОНЦОВЫ, ОТЕЦЪ И СЫНЪ.

(1801).

Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ писалъ 5 Мая н. с. 1801 г. (т. е. послѣ ужасовъ Павловскаго царствованія и по воцареніи Александра Павловича) пріятелю своему барону Николаи про своего сына, будущаго князя фельдмаршала, котораго онъ только что отправилъ въ Россію.

Ce garçon ne manque pas de jugement, et il est d'un bon caractère; mais il est jeune, sans aucune expérience du monde et des hommes. Élevé dans un pays où l'homme est dans toute sa dignité, il sera choqué de la dégradation de l'homme dans celui où il va. Il est très-franc, et toute injustice l'indigne et le révolte. Il aura peut-être assez de prudence pour ne pas exprimer en paroles les sentiments que lui inspireront les injustices et les bassesses qu'il verra faire; mais sa physionomie faira voir l'intérieur de son âme! Pourvu qu'il s'en tient à ça, je suis content; car j'aime mieux qu'il ne fasse pas fortune que de le savoir faux et dissimulé. C'est ce qui ne lui arrivera pas, et c'est la raison pourquoi j'ai résisté pendant les derniers 12 ou 13 mois aux pressantes sollicitations de mon frère de l'envoyer en Russie, ayant appris à cette époque plusieures anecdotes, qui me prouvèrent que la malheureuse Russie gémissait sous la tyrannie la plus atroce et la plus extravagante. Mon pauvre Michel aurait été envoyé au Kamtchatka.

Съ любезнаго дозволенія баронессы Софіи Егоровны Николаи, выписано нами изъ архива барона Николаи, хранящагося въ приморской усадьбѣ Монрепо, подъ Выборгомъ. П. Б.

ДЖЕМАЛЪ-ЭДДИНЪ,

старшій сынъ Шамиля.

На дняхъ, дѣлая справки въ историческихъ изданіяхъ, я встрѣтилъ въ „Запискахъ“ покойнаго Григорія Ивановича Филипсона неточность (Русскій Архивъ 1884, II, 331), которую считаю нравственнымъ для себя долгомъ исправить, какъ касающуюся чести одного изъ моихъ умершихъ товарищей. Рѣчь идетъ о сынѣ Шамиля, который выданъ былъ аманатомъ генералу Граббе въ 1839 г. при взятіи Ахульго. Въ Запискахъ Филипсона говорится, что „послѣ переговоровъ, Шамиль, давъ своего сына, самъ бѣжалъ; а сынъ его остался въ нашихъ рукахъ, или, лучше сказать, оставался въ нашихъ рукахъ, потому что теперь (когда писались Записки) онъ—Турецкій паша и въ войну 1877 и 1878 гг. командовалъ противу насъ конницей въ Азіятской Турціи, вмѣстѣ съ Муссою Кизидуховымъ, бывшимъ у насъ въ чинѣ генералъ-маіора“.

Сказанное Филипсономъ объ участіи въ послѣдней войнѣ сына Шамиля относится не до старшаго его сына Джемалъ-Эддина, выданнаго въ 1839 году аманатомъ генералу Граббе, а до втораго сына его, Кази-Магомы, который служилъ прежде въ собственномъ Его Величества конвоѣ, а потомъ поступилъ въ Турецкую службу и получилъ извѣстность ничѣмъ болѣе, какъ безграмотными, лживыми и хвастливыми письмами къ защитнику Баязетской крѣпости, столь извѣстному капитану Штоквицу.

Что же касается до старшаго сына Шамиля, то мнѣ, какъ служившему съ нимъ не только въ одномъ полку, но и въ одномъ эскадронѣ, судьба его отчасти извѣстна. По разсказамъ Джемала, когда онъ былъ выданъ Граббе, мальчикомъ лѣтъ 10-ти, и его везъ на сѣдлѣ казачій урядникъ, то на конвой, его сопровождавшій, напали посланные отцомъ его горцы, и въ перестрѣлкѣ одною изъ пуль онъ былъ раненъ въ руку у самой кисти; знакъ отъ этой раны у него остался навсегда. По прибытіи въ Петербургъ, онъ былъ помѣщенъ въ 1-й кадетскій корпусъ, а по выходѣ оттуда лѣтомъ 1849 года поступилъ корнетомъ въ уланскій Его Высочества В. К. Михаила Павловича полкъ, что́ нынѣ 38-й Владимирскій драгунскій. Полкъ этотъ въ то время стоялъ въ Варшавѣ, и въ немъ были

офицеры изъ горцевъ. Въ тогдашнихъ уланскихъ и гусарскихъ полкахъ было по нѣскольку человѣкъ горцевъ, воспитывавшихся въ кадетскихъ корпусахъ или служившихъ въ конвоѣ юнкерами и носившихъ въ полкахъ до извѣстнаго срока свою народную одежду. Я вышелъ изъ полка ранѣе Джемала и потому дальнѣйшихъ о немъ подробностей передать не могу, кромѣ того, что въ послѣдствіи онъ служилъ въ Варшавѣ, въ мусульманскомъ конвоѣ князя Паскевича, и затѣмъ въ Мартѣ 1855 года размѣненъ на княгинь Чавчавадзе и Орбеліани и ихъ дѣтей, взятыхъ въ плѣнъ братомъ его Кази-Магомою въ Кахетіи, въ Цинондалахъ. Недолго Джемалъ прожилъ у отца въ Веденѣ; лишенный той обстановки, съ которой онъ уже привыкъ въ Россіи, онъ зачахъ и умеръ.

Викторъ Герцыкъ.

1890 года, Апрѣля 12 дня.
Муромъ.

УСЫ ВЪ ИНЖЕНЕРНОМЪ ВѢДОМСТВѢ.

Въ 7 книжкѣ „Русскаго Архива“ сего года помѣщенъ разсказъ А. Н. Андреева про усы инженеровъ путей сообщенія, подъ заглавіемъ: „Маіоръ Стуартъ и Институтка“. Въ этомъ разсказѣ названъ Стуартъ только что выпущеннымъ офицеромъ и товарищемъ автора. Въ спискѣ лицъ, выпущенныхъ изъ Института Путей Сообщенія, изданномъ отъ Министерства въ 1883 году, показано, что А. Н. Андреевъ произведенъ въ прапорщики въ 1845 г., а Стуартъ произведенъ въ этотъ чинъ въ 1828 году.

Объ усахъ г. Андреевъ говоритъ, что при Александрѣ Первомъ офицеры носили усы изъ франтовства. При Аракчеевской дисциплинѣ въ Александровское время едва ли можно даже предположить, чтобы могли носить усы тѣ, кому это не было предоставлено; а предоставлено это было только кавалеріи. Вскорѣ послѣ восшествія на престолъ императора Николая приказано было носить усы всей арміи. Тогдашній главноуправляющій путями сообщенія герцогъ Александръ Виртемберскій, у котораго усы очень дурно росли, ходатайствовалъ о неношеніи усовъ и, по разсказамъ современниковъ, состоялся тогда такой приказъ: неслужащимъ инвалидамъ *) и корпусу Путей Сообщенія усовъ не носить.

Теперь о Стуартѣ. Поступивъ въ институтъ въ 1839 году, я засталъ Стуарта маіоромъ и репититоромъ въ институтѣ. Не помню въ 1839 году въ концѣ, или въ 1840-мъ Стуартъ женился на дочери директора Елисаветинскаго института дѣвицъ Бистромъ. Разсказывали, что императоръ

---

*) Тогда существовалъ такой родъ войска, называемый „неслужащими инвалидами“.

Николай, посѣщая институтъ и узнавъ, что дочь директрисы невѣста, спросилъ ее: дитя мое, что́ я могу для васъ сдѣлать? и, услышавъ отъ нея просьбу: „дозвольте моему жениху носить усы", наградилъ ее нелестнымъ эпитетомъ. Г-жа Яковлева, совоспитанница дѣвицы Бистромъ, въ своихъ Запискахъ, помѣщенныхъ въ Историческомъ Вѣстникѣ 1888 года, разсказываетъ, что просьба дѣвицы Бистромъ была обращена къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, и нелестный эпитетъ сказанъ былъ ею. Но, какъ бы то ни было, свадьба Стуарта не доставила усовъ инженерамъ Путей Сообщенія.

Усы даны имъ совсѣмъ по другому поводу. Въ 1848 году генералъ Дестремъ *) былъ отпущенъ на четыре мѣсяца въ чужіе края и, по примѣру всѣхъ ѣхавшихъ въ то время за границу, отпустилъ бороду. По возвращеніи борода была конечно сбрита; но онъ, за неимѣніемъ переднихъ зубовъ, затруднялся выбрить усы, явился къ графу Клеймихелю въ усахъ, объяснилъ ему свое затрудненіе и просилъ разрѣшенія ему носить усы. При докладѣ объ этомъ императоръ Николай приказалъ всѣмъ носить усы, и приказъ этотъ былъ отданъ въ такой обычной формѣ:

„Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ всѣмъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія и Строительнаго Отряда и нижнимъ чинамъ сего корпуса носить усы". (Приказъ 2 Сентября 1848 года № 154).

Г. Тифлисъ.

Инженеръ тайный совѣтникъ

Николай Палибинъ

*) Послѣдній изъ Французскихъ инженеровъ, выписанныхъ при образованіи Института Путей Сообщенія.

ОБЪ АВТОБІОГРАФІИ ГЕРЦОГА ЛЕЙХТЕНБЕРГСКАГО.

Въ Майской книжкѣ „Русской Старины" нынѣшняго года помѣщена любопытная, къ сожалѣнію краткая, автобіографическая записка Его Императорскаго Высочества герцога Николая Максиміліановича Лейхтенбергскаго, князя Романовскаго, подъ заглавіемъ: „Очеркъ моего дѣтства и юношества". Это старшій внукъ Императора Николая Павловича, сынъ любимой его дочери, родившійся 23 Іюля 1843 года на Сергіевской дачѣ своей матери, Великой Княгини Маріи Николаевны, близъ Петергофа.

Величавый образъ дѣда всего двумя-тремя чертами, но отлично очерченъ даровитымъ внукомъ. „По принятому обычаю", говоритъ онъ, „какъ при мнѣ и моихъ братьяхъ, такъ и вообще при дѣтяхъ Великихъ Князей, состояли (съ самаго ранняго возраста) дядьки, заслуженные унтеръ-офицеры, большею частію герои 1828—1829 годовъ, перваго Польскаго возстанія и Кавказа. Они постоянно сопровождали насъ на прогулкахъ и наблюдали за нами во время игръ". Герцогъ съ сердечною теплотою вспоминаетъ про своего дядьку Котелкина, съ которымъ онъ чуть не по слогамъ, въ теченіи двухъ зимъ, прочиталъ два тома Робинзона Крузе въ Русскомъ переводѣ. Это постоянное, съ младенчества, общеніе съ коренными Русскими людьми, конечно, служило благодѣтельнымъ противовѣсомъ для иноземныхъ вліяній. Мы убѣждены, что въ самомъ Николаѣ Павловичѣ, благодаря такому общенію и ежедневной бесѣдѣ съ гвардейцами, этимъ цвѣтомъ нашего простонародья, развились чудесная любовь его къ Россіи, сознаніе ея величія и потребность беззавѣтнаго ей служенія.

„Въ 1855 году, восемнадцатаго Февраля", пишетъ герцогъ, „насъ подняли и повезли въ Зимній дворецъ. Вся семья была собрана въ передней комнатѣ, предшествовавшей спальнѣ Государя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рабочему кабинету. Одна только Императрица Александра Өеодоровна и Цесаревичъ Александръ Николаевичъ неотлучно находились въ его комнатѣ. Онъ потребовалъ къ себѣ поочередно всѣхъ, и всѣмъ сказалъ нѣсколько словъ. Благословляя насъ, онъ сказалъ: „Служите вѣрно!"

Слова и завѣтъ вполнѣ историческіе!

Любопытно, что, по приказанію Николая Павловича, герцогъ учился по-гречески. Преподававшій ему этотъ языкъ, мой незабвенный наставникъ и благодѣтель Каэтанъ Андреевичъ Коссовичъ, съ любовью вспоминалъ про эти уроки.

Русскому читателю дорого перечисленіе профессоровъ, о дружескихъ связяхъ съ которыми герцогъ такъ симпатически говоритъ въ концѣ своей записки. Онъ называетъ, между прочимъ, нынѣшняго министра финансовъ И. А. Вышнеградскаго и Н. И. Кокшарова, и большое вліяніе на свое умственное развитіе приписываетъ академику Н. Н. Зинину (химику).

Къ сожалѣнію, записка напечатана небрежно: такъ, славное своими костоправами мѣстечко подъ Штутгардомъ названо *Капштадтомъ*, а знаменитый приморскій дворецъ въ Ревелѣ *Лихтентальскимъ*. П. Б.

К. А. Коссовичъ и А. С. Хомяковъ.

Выше мы упомянули о К. А. Коссовичѣ. При имени этого необыкновеннаго человѣка какъ-то свѣтлѣетъ на душѣ и пробуждаются теплыя, сердечныя воспоминанія въ каждомъ, кто имѣлъ возможность его знать. Знали же его многіе, такъ какъ онъ долго служилъ въ Москвѣ преподавателемъ Греческаго языка во 2-й гимназіи, потомъ при Императорской Публичной библіотекѣ и, наконецъ, профессоромъ Восточныхъ языковъ въ Петербургскомъ университетѣ. Съ братомъ своимъ Игнатіемъ составилъ онъ и издалъ большой Греческій словарь. Въ классицизмѣ этихъ людей не было ничего претящаго, застегнутаго и отупляющаго. Въ преподаваніи ихъ прежде всего усвоивался древній писатель, и первое мѣсто отводилось чтенію, граматика же служила только повѣркою прочтеннаго, и оттого древность изучалась въ всей поучительной простотѣ и красотѣ своей. Въ 1851 году покойный А. С. Хомяковъ далъ К. А. Коссовичу возможность съѣздить на Лондонскую выставку, запастись книгами по Восточнымъ языкамъ и войти въ сношенія съ Англійскими санскритологами. На каждой пріобрѣтенной за границею книгѣ написано рукою Коссовича: *Благодѣяніе А. С. Хомякова*; а первую книгу, изданную имъ по кончинѣ Хомякова (Четыре статьи изъ Зендавесты. Спб. 1861) онъ посвятилъ его памяти. Посвященіе написано по-латини; оно заключаетъ въ себѣ, въ краткихъ словахъ, превосходную характеристику Хомякова. Вотъ переводъ этого посвященія.

Блаженной памяти

Алексѣя Степановича Хомякова,

Который къ семейству, друзьямъ, отечеству, даже родственнымъ народамъ и ко всему человѣчеству искреннюю, никогда не завидующую чужому величію любовь питалъ.

Коего единственная и притомъ непримиримая ненависть на все дурное, на все человѣчности противное, на все нерадивое обращена была.

—

Коего жизни направленіе, равно и нравъ, явили собою славный нѣкій памятникъ неповрежденной правды, безкорыстія и чистѣйшаго цѣломудрія.

—

Который къ разысканію божественныхъ и человѣческихъ дѣлъ величайшую настойчивость и мудрѣйшую опытность душевную прилагалъ.

—

Возвышенной поэзіи даромъ отличался и таковой не унизилъ.

—

Вмѣщавшему въ себѣ столько добродѣтелей и столько ума, одинаково доступнаго и дорогаго для простецовъ и для ученыхъ.

—

Всегдашнему источнику благодѣянія и тонкой шутливости, утѣшенію Музъ и таковому же друзей и тѣмъ не менѣе неукоснительному послѣдователю строгой воздержности.

—

Суровой судьбой въ среднемъ возрастѣ отъ трудовъ восхищенному

—

Скорбящимъ авторомъ

*

посвящается.

По кончинѣ Коссовича встрѣтили мы въ газетахъ извѣстіе о Польскомъ его происхожденіи. Это невѣрно. К. А. Коссовичъ былъ Бѣлоруссъ изъ города Слуцка и, будучи студентомъ Московскаго университета, перешелъ изъ уніатства въ православіе. П. Б.

Маркизъ Веракъ.

Le marquis de Vérac et ses amis. 1768—1858. Paris. 1890. 8°.

Подъ этимъ заглавіемъ внукъ маркиза Верака († 1858), бывшаго у насъ Французскимъ посломъ въ прошломъ столѣтіи (1779), графъ Руже напечаталъ воспоминанія о своемъ дѣдѣ и нѣкоторыя бумаги его. Въ этой книгѣ между прочимъ читаемъ, что маркизъ привезъ съ собою великолѣпную карету для того, чтобы въ ней совершить торжественный пріѣздъ на первое представленіе Сѣверной Семирамидѣ. Осмистекольный кузовъ поддерживался четырьми геніями изъ серебра, подушки и обивка были изъ голубаго бархата, затканнаго серебряными узорами. Слухъ о необыкновенной каретѣ разошелся по Петербургу. Екатерина приказала освѣдомиться подъ рукой, не уступитъ ли ей маркизъ эту карету и не согласится ли пріѣхать въ придворной. Маркизъ отвѣчалъ, что послѣ перваго пріѣзда карета къ ея услугамъ. Полагаясь на свою память, маркизъ не написалъ привѣтственной рѣчи и захотѣлъ сказать ее съ привычной ему развязностью; но Ека-

терина приняла его съ такимъ выраженіемъ величія, что онъ невольно смутился, и нѣсколько разъ обрывался на первыхъ же словахъ: Государыня, король мой государь... Три раза начиналъ онъ свою рѣчь этими словами, и въ замѣшательствѣ на нихъ останавливался Екатерина улыбнулась и въ дополненіе произносимыхъ словъ прибавила: лучшій изъ моихъ друзей, господинъ посолъ. (Madame, le roi mon maître... Est le meilleur de mes amis, monsieur l'ambassadeur). Такъ отомстила она маркизу Вераку за несогласіе уступить ей карету.

Острословія.

1.

Про одного изъ своихъ преемниковъ по управленію Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, покойный графъ Валуевъ, охотникъ до краснаго словца и знаменитый витіеватостью рѣчей своихъ, выразился такъ: C'est un homme qui a su faire une gondole de ce qui pour moi était une galère (этотъ человѣкъ съумѣлъ обратить въ легкую лодку то, чтó для меня было галерою, т. е. каторгою).

2.

Петербургскому свѣтскому обществу памятны почтенныя старыя дѣвицы сестры Смирновы. По матери своей онѣ были знатнаго рода. Онѣ жили гостепріимно, и въ теченіи многихъ лѣтъ у нихъ собирались представители какъ служебной іерархіи, такъ и вообще образованности. Напр. князя П. А. Вяземскаго онѣ звали просто Петрушей. Внезапно домъ ихъ закрылся для многочисленныхъ посѣтителей. Дѣло въ томъ, что они имѣли слабость пріобрѣсти какихъ-то ненадежныхъ акцій и дать денегъ знаменитой игуменьи матери Митрофаніи. Кто-то спросилъ у Ѳ. И. Тютчева, чтó сталось со Смирновыми. Онъ отвѣчалъ: Elles ont perdu à la baisse, т. е. онѣ разорились отъ пониженія курса и отъ игуменьи.

3.

Когда князь Черкаскій былъ Московскимъ городскимъ головою, Московская дума подала всеподданнѣйшій адресъ политическаго содержанія (чтó и повело потомъ князя Черкаскаго къ выходу въ отставку). Ѳ. И. Тютчевъ сказалъ объ этомъ адресѣ: On ne saurait dire où finit l'adresse et où commence la maladresse, т. е. не знаешь, гдѣ кончается (или куда мѣтитъ) адресъ (ловкость), и гдѣ начинается неловкость.

О запискахъ Горбачевскаго.

Въ „Новомъ Времени" недавно напечатано, что у одного изъ Петербургскихъ книгопродавцевъ распродаются рѣдкія гравюры и каррикатуры, собранныя въ теченіи многихъ лѣтъ покойнымъ О. И. Квистомъ. (Къ сожалѣнію не означено, у какого именно книгопродавца). Это извѣстіе напомнило мнѣ случайную мою встрѣчу съ Оскаромъ Ильичемъ Квистомъ,

въ Іюлѣ 1882 года. Намъ довелось ѣхать въ одной коляскѣ въ Петергофъ. Мы не были знакомы другъ съ другомъ; но Квистъ, знавшій, что я издаю „Русскій Архивъ", заявилъ, что давно искалъ моего знакомства и намѣревался заѣхать ко мнѣ въ Москвѣ, для того, чтобы взглянуть на рукопись, незадолго передъ тѣмъ мною напечатанную (во 2-й книгѣ „Русскаго Архива" 1882 г.), подъ заглавіемъ „Записки неизвѣстнаго". — „Судя по слогу этихъ Записокъ", сказалъ онъ, „я начинаю думать, не принадлежатъ ли они извѣстному декабристу Горбачевскому. У меня много писемъ его къ родной его сестрѣ, моей матери. Стоило бы только сличить подлинникъ Записокъ съ этими письмами, чтобы удостовѣриться въ моемъ предположеніи". Случилось, что подлинникъ этотъ находился въ Петербургѣ. Я на другой же день поѣхалъ съ нимъ къ О. И. Квисту, и по сличеніи несомнѣнно оказалось, что эти любопытныя и важныя записки, писанныя черезъ много лѣтъ послѣ событій, хладнокровно и трезво, дѣйствительно писаны Горбачевскимъ. Подобно Запискамъ Басаргина (въ 1-й книгѣ сборника „Девятнадцатый Вѣкъ"), эти записки принадлежатъ къ числу лучшихъ историческихъ показаній о той эпохѣ. Къ сожалѣнію, тогдашнее министерство (1882), злобясь на Каткова и не желая показать этого, назначило *вообще для всѣхъ Московскихъ изданій* особаго цензора, и первое Московское изданіе, попавшее ему въ руки, была 2-я книга „Русскаго Архива". Ревность неофита увлекла его дальше мѣры и, прежде чѣмъ подыскать цензурную виновность „Московскихъ Вѣдомостей", онъ накинулся на тѣни прошлаго, такъ что Записки Горбачевскаго были задержаны и во многихъ мѣстахъ урѣзаны, что̀ стоило издателю продолжительныхъ безплодныхъ объясненій и двухмѣсячныхъ хлопотъ.—Бумаги Горбачевскаго, находившіяся у племянника его, О. И. Квиста, служатъ отличнымъ дополненіемъ къ этимъ запискамъ умнаго и даровитаго Декабриста, который оставилъ по себѣ добрую память въ Сибири.

Сохранились ли эти бумаги и у кого именно? П. Б.

ПОПРАВКА.

Въ письмѣ князя Воронцова къ графу Бенкендорфу не вѣрно напечатано имя помѣщицы Новороссійскаго края, у которой жестоко наказывали беременныхъ крестьянокъ. Это была Наталья Дмитріевна *Акацатова*, вышедшая позднѣе за Итальянскаго князя Корсини. (Къ ней перешли богатыя Херсонскія помѣстья графовъ Текелли). П. Б.

Строгановъ.

19-го Генваря. Графъ Александръ Сергѣевичъ, двоюродной братъ матери моей, дѣйствительной тайной совѣтникъ перваго класса. Такъ какъ они оба съ женой своей въ разномъ видѣ имѣютъ право на нѣсколько строкъ въ семъ Календарѣ, но при томъ жили розно и розно скончались оба, то и я буду говорить о нихъ не вообще, а о каждомъ лицѣ особо, и помѣщу здѣсь графа одного.

Графъ былъ человѣкъ доброй, по разуму сего слова въ нынѣшнемъ вѣкѣ, не дѣлалъ зла, но не умѣлъ и добра сдѣлать иначе, какъ по сильному на себя вліянію и крайнему домогательству. Онъ такъ былъ слабъ въ характерѣ, что не смѣлъ ничего отказать, но никогда бы не хватился самъ собственнымъ своимъ побужденіемъ ни дать, ни помочь, ни услужить. Для тѣхъ, кои хотѣли пользоваться его благодѣяніями, надлежало быть безпрестанно при немъ и докучать просьбами, и онъ готовъ былъ все отдать; но отлучись на день за сто верстъ, и онъ забылъ. Сіе свойство его я самъ имѣлъ случай испытать. Онъ меня принималъ очень ласково, потому что меня любила и отличала madame la Ville aux Clères, о которой говорено въ другомъ мѣстѣ. Дочь ея была его фавориткой, и онъ не смѣлъ ей ни въ чемъ противорѣчить. Видя, что старуха меня отличаетъ, и онъ обходился со мной прекрасно. Когда я женился, онъ меня возилъ. въ качествѣ отца посаженаго, изъ города на Каменный островъ, къ вѣнцу, въ парадѣ, и принялъ въ этомъ случаѣ искреннее участіе, потому что я вѣнчался у Двора, дарилъ жену мою и далъ большой пиръ. Это все еще было должное по родству и по стариннымъ обычаямъ. Но вотъ гдѣ начались особенныя его къ намъ милости. Лѣтомъ онъ живалъ на дачѣ близъ города. Жена тамъ захотѣла провести хорошее время года и просила у него помѣщенія. Онъ отвелъ намъ особенный флигель и полюбилъ насъ. Всякій день мы были вмѣстѣ, и онъ такъ къ намъ привыкъ, что не могъ разстаться. Жена моя склонила его по Воскресеньямъ давать публичныя гулянья: онъ согласился, весь городъ сталъ къ нему съѣзжать-

ся; потомъ явились пѣсенники, шатры, подъ коими всякой сбродъ иностранной приходилъ плясать; роговая музыка, шлюбочныя катанья, маленькіе театры, словомъ дача сія сдѣлалась мѣстомъ очаровательнымъ. Мы цѣлое лѣто тамъ проводили съ большимъ удовольствіемъ. Все это по милости жены моей, которая приставала къ нему безпрестанно: „Mais, mon oncle, faites nous danser; donnez nous une fête!“ *), а бѣдной графъ хочетъ или нѣтъ, но дѣлаетъ, чего отъ него требуютъ. Во время моего похода жена также цѣлое лѣто провела у него на той же дачѣ, и онъ угождалъ ей всячески. Пришлось намъ ѣхать въ Пензу, на воеводство: онъ насъ совсѣмъ забылъ, бросилъ и ни въ какомъ случаѣ жизни моей я не видалъ отъ него послѣ ни малѣйшаго вниманія. И это называлось въ наше время: „добрый человѣкъ!“ По зимамъ, въ городскомъ его домѣ, всегда бывали театры; жена и я, мы его непремѣнные актеры. Тутъ въ первой разъ она отважилась сыграть Нину и плѣнила весь городъ игрой. Изъ всѣхъ охотницъ, кои послѣ ея являлись на сцену въ той же роли, ни одна, вѣря молвѣ всей публики, такъ удачно ея не сыграла, какъ Евгенія, почему съ тѣхъ поръ и называлась, для отличія отъ прочихъ княгинь Долгорукихъ, „la princesse Nina“. Мы много разыгрывали въ домѣ графскомъ піесъ и провербовъ, и вообще, во время молодости нашей, провели большую часть оной въ его сообществѣ наипріятнѣйшимъ образомъ. Тѣмъ только онъ и будетъ жить долго въ памяти моей. Впрочемъ, онъ могъ иногда оказывать намъ услуги гораздо существеннѣе театральныхъ забавъ; но мы стыдились ихъ домогаться, а онъ никогда не догадывался быть кстати полезенъ.

Струйской.

31-го Іюля. Николай Еремѣевичъ. Со всѣмъ этимъ семействомъ я донынѣ пріятельски знакомъ и особенной долженъ похвалиться дружбой жены его, нынѣшней вдовы, Александры Петровны. Самъ онъ былъ оригиналъ въ своемъ родѣ. Онъ пользовался прекраснымъ имѣніемъ, хлѣбопашеннымъ въ Пензѣ и, по случаю моей службы въ той сторонѣ, я съ

*) Но, дядюшка, дайте намъ потанцовать; устройте намъ праздникъ.

начала, по наслышкѣ, возжелалъ изъ любопытства узнать его, какъ человѣка необыкновеннаго и подлинно нашелъ такимъ. Оставя службу прапорщикомъ гвардіи и пристрастившись къ стихотворству, онъ имѣлъ у себя собственную свою вольную типографію и въ ней отпечатывалъ всѣ свои сочиненія. Тисненіе его было доведено до наилучшаго въ то время въ Россіи искусства. Онъ подносилъ Екатеринѣ разные свои труды, и она изволила красотой изданья хвастать даже предъ чужестранными посланниками, дабы они видѣли, что за 1000 верстъ отъ столицы, въ глуши, подъ скипетромъ ея процвѣтаютъ искусства и художества, а ему неоднократно, для вящшаго одобренія, посылывала перстни брилліантовые въ подарокъ. О качествѣ самихъ твореній его я умолчу, изъ уваженія къ пріязни; онъ мнѣ подарилъ всѣ свои произведенія, собранныя въ одной книжкѣ въ 4-ку нaряднаго изданія и множество другихъ отдѣльными тетрадками. Все, что́ онъ ни сочинилъ, у меня было и хранится донынѣ, какъ рѣдкость; я вывезъ кучу писемъ его къ себѣ изъ Пензы, потому что онъ меня полюбилъ и, живучи отъ губернскаго города во ста верстахъ, часто переписывался со мной. Страненъ былъ въ образѣ жизни, въ обращеніи, въ одеждѣ, въ правилахъ, во всемъ. Домъ его въ деревнѣ былъ высокъ и огроменъ; въ немъ, на самомъ верху, онъ отвелъ себѣ кабинетъ и назвалъ его Парнасомъ. Тамъ онъ предавался своимъ вдохновеніямъ піитическимъ. Этотъ кабинетъ заваленъ былъ всякой всячиной и представлялъ живое подобіе хаоса. Я никогда не забуду, какъ однажды, увлеченъ будучи имъ самимъ туда, съ однимъ товарищемъ моимъ дорожнымъ, для выслушанія новой какой-то его піесы, онъ съ такимъ восторгомъ и жаромъ читалъ, что схватилъ внезапно моего товарища, рядомъ съ нимъ сидѣвшаго, за ляшку и такъ плотно, что тотъ вздрогнулъ и закричалъ; а Струйской, не внемля ничему, продолжалъ чтеніе свое, какъ человѣкъ въ изступленіи. Много бы можно было разсказать о немъ истинно чудеснаго, но здѣсь дѣло идетъ не о его исторіи, а объ моихъ отношеніяхъ. Я къ нему пріѣзжалъ разъ съ женой, и онъ, показывая ей свою типографію, вдругъ при ней велѣлъ тиснуть стихи, сочиненные имъ на ея пріѣздъ и поднесъ ей

экземпляръ, отпечатанный на атласѣ, который до сихъ поръ у меня хранится. Также и мнѣ онъ поднесъ елегію, узнавъ о кончинѣ отца моего. Сочиненный мною тогда „Каминъ“ былъ у него напечатанъ и очень исправно, такъ какъ и пѣсенка, посвященная мною женѣ моей, которую онъ тиснулъ на атласѣ, и та у меня цѣла. Сіи двѣ піесы означаютъ въ высшей степени его ко мнѣ усердіе; ибо онъ, кромѣ собственныхъ своихъ стиховъ, ничего не любилъ печатать чужого на станкахъ своихъ; онъ на типографію свою не жалѣлъ никакихъ расходовъ, и это составляло главную его издержку, а стихи единственное его занятіе. Никогда не ѣзжалъ въ города и все жилъ въ своей Рузаевкѣ, которая заслуживала вниманіе отдѣлкой и красивостью своей въ лѣтнее время. Этотъ человѣкъ столько меня полюбилъ и такъ обходился со мной просто, откровенно, что мнѣ грѣшно было бы и по смерти его не быть къ памяти его признательнымъ. Я часто и нынѣ любуюсь на весьма сходный гипсовый слѣпокъ его лица и фигуры въ медальонѣ, гдѣ онъ очень живо изображенъ, и думаю, будто вижу его еще передъ собой, со всѣми его восторгами и въ піитическомъ изступленіи. Начавъ съ нимъ знакомство изъ однаго любопытства, какъ сказано выше, я гораздо прочнѣе и дружественнѣе послѣ него свелъ оное съ женой его и семействомъ; онъ оставилъ послѣ себя человѣкъ девять дѣтей обоего пола.—Вдова его, Александра Петровна, урожденная Озерова, женщина совсѣмъ другихъ склонностей и характера: тверда, благоразумна, осторожна, она соединяла съ самымъ хорошимъ смысломъ пріятныя краски городскаго общежитія, живала и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, любила людей, особенно привязавшись къ кому либо дружествомъ, сохраняла всѣ малѣйшія отношенія съ разборчивостью прямо примѣрной въ наше время. Мать моя въ старости и я донынѣ обязаны бывали ей многократно разными пріятными услугами, которыя грѣхъ забыть. Такъ, на примѣръ, однажды она, замѣтя, что дочери мои учатся играть на старинныхъ клавикордахъ, потому что я не имѣлъ средствъ скоро собраться купить хорошихъ, купила будто для своихъ дочерей прекрасное фортепіано и, подъ предлогомъ, что до зимы ей нельзя будетъ

перевезти ихъ въ Пензенскую деревню, просила насъ взять ихъ къ себѣ и продержать до тѣхъ поръ, какъ она за ними пришлетъ. Этому прошло уже близъ 20 лѣтъ, она не поминала объ нихъ, и инструментъ обратился въ мою собственность. Можно всякому подарить, но съ такой нѣжностью едва ли дано всѣмъ одолжать другого. Все ея обращеніе съ нашимъ домомъ прекрасно, заочно всегда къ намъ пишетъ, бываетъ ли сама въ Москвѣ, всегда посѣтитъ и раздѣлитъ съ нами время; до́ма въ деревнѣ строгая хозяйка и мастерица своего дѣла, въ городѣ не скряга, напротивъ щедра и расточительна. Я признаюсь, что мало женщинъ знаю такихъ, о коихъ обязанъ бы я былъ говорить съ такимъ чувствомъ усердія и признательности, какъ объ ней. Изъ всего ея семейства, сынъ ея старшій, лучшій мой пріятель, и знакомство мое съ нимъ обратилось въ дружескую связь, которая, думаю, никогда не разорвется; я и прочихъ дѣтей ея люблю, но не такъ коротко съ ними сошелся, какъ съ Юріемъ Николаевичемъ. Когда вспомнишь подобныя отношенія въ жизни, твердыя, постоянныя, основанныя на чемъ-то нравственномъ и не воздушномъ, то не хотя о нихъ долго заговоришься: такъ и я пространно побесѣдовалъ о Струйскихъ, находя въ этомъ чистое, сердечное удовольствіе. Что́ пріятнѣе простой искренней дружбы? Мнѣ случилось изъ одного побужденія благодарности, будучи свободнымъ по отставкѣ моей изъ Владимира, съѣздить, побывавъ въ моей Нижегородской деревнѣ, къ ней въ Рузаевку со всѣмъ моимъ семействомъ. Тамъ я недѣлю у нихъ прожилъ, по народному нарѣчью, какъ у Христа за пазушкой. Сколько ихъ я обрадовалъ этимъ, столько самъ былъ доволенъ. Вошедши въ домъ и переступя порогъ, я съ слезами обнялъ Александру Петровну. Столько лѣтъ не бывши въ этомъ селеніи, съ какимъ удовольствіемъ нашелъ я все въ покояхъ, все до послѣдней бездѣлки, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ что́ стояло при покойномъ. Казалось, никто послѣ него тутъ не шевелился. Казалось, я вчера только выѣхалъ оттуда. Это такъ живо мнѣ напомнило не Струйскаго одного, но время тогдашнее, мою молодость, блаженный вѣкъ Екатерины; словомъ, отъ всѣхъ ощущеній, кои вкрались мгновенно

въ мою душу, брызнули у меня слезы, и я долго не могъ спокойно вступить съ домашними въ посторонній разговоръ. Такія минуты глубоко врѣзываются въ умъ и сердце.

Ступишинъ.

18-го Декабря. Въ этотъ день нѣкогда разсудилось императору Павлу подписать указъ объ отставкѣ моей изъ вице-губернаторовъ и отъ службы вовсе, а вслѣдъ за тѣмъ уничтожилась и Пензенская губернія, раздѣлясь, какъ Польша, по разнымъ окрестнымъ областямъ; самъ же городъ губернской, Пенза, наименованъ уѣзднымъ. При семъ воспоминаніи кинемъ послѣдній взоръ на тамошній край и мое жилище и поговоримъ о бывшемъ во все время моей службы губернаторомъ г-нѣ Ступишинѣ.

Иванъ Алексѣевичъ, генералъ-поручикъ армейской. По смерти генералъ-губернатора Пензенскаго и Нижегородскаго Ребиндера, онъ сдѣлался главнымъ начальникомъ губерніи. Пять лѣтъ я съ нимъ жилъ и служилъ вмѣстѣ въ лучшее время моей жизни. Чтó мнѣ сказать объ немъ? Хвалить его? Языкъ не поворится. Бранить? Долгъ христіанской запрещаетъ. Онъ уже умеръ. Мало говорить о немъ трудно: онъ чрезвычайное имѣлъ вліяніе на судьбу мою, и настоящую тогда, и грядущую. Много говорить опять трудно; ибо противъ воли загорится желчь и вырвется худое слово; но разсуждать не есть еще судить. И такъ постараюсь выпутаться изъ этого затрудненія и разскажу просто только важные случаи, въ коихъ онъ имѣлъ участіе. Съ начала онъ сошелся со мной очень хорошо и полюбилъ даже меня горячо, всякой день хотѣлъ быть со мной; я самъ, на первыхъ порахъ, заѣхавши въ Пензу, одинъ безъ жены, осенью, имѣя 27 лѣтъ отъ роду, повадился всякой день къ нему ѣздить, потому что у него жена была пригожа, и я сталъ строить ей куры. Пріѣздъ жены моей нѣсколько остудилъ мой пламень и я чаще былъ дóма, нежели у нихъ. Это убавило съ обѣхъ сторонъ внезапное пристрастіе, и мы похолоднѣе начали обращаться; но все еще сѣрая кошка, какъ говорится, между насъ не пробѣжала. Ступишинъ былъ упрямъ, своенравенъ и вмѣстѣ

всегда руководимъ другими, потому что у него черепъ былъ крѣпокъ, но голова слаба; мы были совершенно разныхъ свойствъ: согласіе между нами не могло продолжиться. Чиновники въ губерніяхъ всегда старались ссорить губернатора съ вице-губернаторомъ; эта глупая тогдашняя система во всѣхъ провинціяхъ именовалась политикой. Замѣтили, что губернаторъ оказываетъ ко мнѣ довѣренность, отличаетъ меня и любитъ; боясь, чтобъ я не вырвалъ его изъ рукъ у тѣхъ, кои привыкли уже владѣть имъ, искали многіе удобнаго времени насъ поссорить, дабы въ мутной водѣ еще легче было ловить рыбу. Ступишинъ вздумалъ править мои имянины, 8-го Мая, далъ обѣдъ и пиръ; я взаимно праздновалъ его имянины у себя въ домѣ, 25-го Мая, и далъ ему спектакль. Играли приказные и живущіе у меня офицеры какую-то фарсу, которую я, въ проказливую минуту, сочинилъ для смѣха. Имя ея одно уже означало качество произведенія: „Трагилирогарфія"; клянусь (дѣло прошлое), что у меня въ умѣ не было тогда кощунствовать на счетъ Ступишина, но раздуватели провинціальныхъ ссоръ вздумали его увѣрить, что я эту піесу сочинилъ на него. Почему же? Тамъ сказано было объ одномъ комическомъ лицѣ, что онъ плѣшивой супостатъ о трехъ этажахъ. Вздоръ! Но ему протолковали вымышленной иносказательной смыслъ. „Вы безъ волосъ, вы генералъ-поручикъ, т.-е. въ третьемъ классѣ, ergo супостатъ этотъ вы". Довольно для заключенія.

„Сомнѣніе его тревожить начало́,
Наморщились его и харя, и чело".

Успѣхъ достигнутъ. Ступишинъ укусилъ ядовитое яблоко, разсердился и сталъ мнѣ грубить дерзко и явно. Я не попятился и твердо возражалъ ему. Упорство зажгло ссору горячѣе; жолчь перешла въ бумаги; наконецъ мы такъ раздражились другъ противъ друга, что верховному правительству довелось разнимать насъ, и ссора наша дошла до подножія царскаго престола; самъ Сенатъ уже тяготился нашимъ междоусобіемъ. Сколько жь я на мѣстѣ терпѣлъ разныхъ оскорбленій, и глупыхъ и чувствительныхъ, объ этомъ и напоминать не хочется! Злоба въ упрямомъ характерѣ люта́. Ступишинъ

не удовлетворился маловажными на меня нападками: онъ настроилъ противъ меня пьянаго и бѣшенаго дворянина, которой атаковалъ меня въ самой присутственной моей камерѣ и, найдя меня въ беззащитномъ положеніи (ибо тогда ѣзжали къ должности во фракахъ), нанесъ мнѣ оскорбленіе, о которомъ писано въ другомъ мѣстѣ (см. лит. У, имя Улыбышевой). Ступишинъ все эту сцену покровительствовалъ, не далъ мнѣ никакой обороны, поставилъ меня въ необходимость пожаловаться Государынѣ. Присланъ секретарь Сената изслѣдовать дѣло; донесли Государынѣ, что я соблазнилъ жену этого дворянина и похитилъ ее у него; обстоятельство увеличено, отравлено, искажено. Я съ нею былъ въ перепискѣ, это правда; но она давно была розно съ мужемъ и разведена съ нимъ отцомъ своимъ, а не мной; да и мужъ бы ея ни за чью интригу съ ней не вступился, естьли бъ не былъ подстрекаемъ моими врагами, а шайкой ихъ предводительствовалъ самъ губернаторъ. Это дѣло обратилось мнѣ въ крайнее предубѣжденіе; обидчикъ отданъ подъ судъ, но судъ при Ступишинѣ норовилъ ему и ничего не дѣлалъ. За эту исторію при Екатеринѣ я лишенъ Владимирскаго креста, которой назначенъ мнѣ былъ Капитуломъ. При Павлѣ дошло дѣло сіе до ревизіи его, и онъ обидчика простилъ, а меня выгналъ изъ службы: слѣдовательно, я все потерялъ, что́ можно было потерять, въ политическомъ моемъ состояніи. Одному Ступишину я былъ этимъ обязанъ, и простить мертвое тѣло его долженъ по христіански, но забыть не могу до послѣдняго издыханія. Время все уноситъ; скоро перемѣнились и мои обстоятельства. По случаю поставки хлѣба изъ Пензы въ Петербургъ, велѣно было мнѣ, вообще съ губернаторомъ, заняться сей операціей. Ему хотѣлось имѣть дѣло съ подрядчиками, а я предлагалъ хозяйственныя распоряженія. Хлопотъ больше для насъ, говорилъ я, но больше пользы для казны. Губернаторъ меня не послушался. Казенная Палата съ нимъ согласилась, я записалъ мой голосъ. Онъ представленъ Сенату съ жалобой на меня, что я препятствую дѣлу царскому и не повинуюсь начальству. Сенатъ любилъ подряды, присталъ къ сторонѣ губернатора, и меня опубликовали по всему государству печатными указами, какъ чело-

вѣка надменнаго и непокорнаго власти. Но, между тѣмъ, на контрактъ надлежало исходотайствовать монаршее соизволеніе. Екатерина, увидя высокія цѣны, прогнѣвалась и приказала подрядъ отставить, а губернатору и мнѣ объявить, что ежели мы не приведемъ этой поставки въ умѣренное состояніе, то и онъ, и я будемъ отрѣшены отъ мѣстъ. Тутъ я, увидя себя вдвойнѣ наказаннымъ, и гнѣвомъ Государыни, и публикаціей Сената, рѣшился все прописать Екатеринѣ въ жалобномъ письмѣ и просить ея защиты противъ самовластія ея чиновъ и судовъ. Прошеніе мое получило желаемой успѣхъ, и скоро потомъ губернаторъ безъ просьбы отставленъ и даже безъ пенсіи. И такъ мнѣ уже послѣ него довелось и караванъ отправлять, и губернію съ рукъ его снимать. Не говоря о тысячѣ жестокихъ минутъ, которыя я подъ начальствомъ его вытерпѣлъ въ теченіе пяти лѣтъ, довольно замѣтить два уважительные случая, здѣсь упомянутые, чтобъ простить мнѣ ту злобу, которую я въ правѣ былъ къ нему питать во всю жизнь его; однако я старался всегда умѣрять мои поступки, по пословицѣ: „лежачаго не бьютъ!“ Губернію снимая, я нашелъ хаосъ и въ собственной его канцеляріи, и въ Губернскомъ Правленіи; однако, стараясь испорченное поправить, я никуда на него никакой бумаги не послалъ и смѣнилъ его безъ всякаго шума и протеста. Потомъ, когда я былъ самъ губернаторомъ въ Владимирѣ, и онъ проѣзжалъ въ Пензу изъ Москвы, я къ нему явился на квартиру и почтилъ старость его рапортомъ. Онъ былъ доволенъ до крайности, и тутъ-то признался мнѣ (но поздно: „снявши голову, по волосамъ не плачутъ“), что онъ меня не зналъ, что онъ виноватъ передо мной и что злые люди его смутили; но зло было сдѣлано, и уже онъ не могъ поправить пагубныхъ его послѣдствій. Я понынѣ еще стражду отъ Пензенской моей службы. Всему этому былъ причиной Ступишинъ. Онъ умеръ. Я долженъ все забыть или, по крайней мѣрѣ, не распространяться въ укоризнахъ, напоминая его имя. Довольно сказано, чтобъ читатель могъ видѣть и судить, въ какое тяжелое отношеніе я попалъ съ этимъ человѣкомъ. Не приведи только, Господи, впередъ имѣть съ упрямыми дураками дѣло!

Ступишина.

19-го Декабря Агнія Дмитріевна, жена вышеписаннаго генералъ-губернатора, и объ ней поговорить надо особо: женщина молодая, пригожая, жеманная, но безъ всякаго воспитанія. Такою я ее узналъ. И гдѣ бы она могла образоваться? Отецъ ея былъ подъячій, не дослужившійся до офицерскаго чина, которой дошелъ до него, когда уже онъ умеръ. Мать ея, пронырливая женщина, умѣла какъ-то пробиться въ люди и, замѣтивши скудоуміе своего зятя, когда онъ прибылъ управлять Пензой изъ Польши, расположила свои замыслы на него такъ удачно и проворно, что онъ, поволочившись за дочерью ея, наконецъ почти насильно принужденъ былъ на ней жениться, чѣмъ возвысилась судьба и тещи его. Съ тѣхъ поръ она начала̀ гласно и явно заправлять имъ, и онъ былъ весь въ ихъ рукахъ. Узнавши эту губернаторшу въ лучшемъ цвѣтѣ ея лѣтъ, съ личикомъ заманчивымъ, я не искалъ очарованія разговорнаго въ бесѣдѣ съ ней, я плѣнялся наружностью и точилъ ей любовныя побаски, которыя подстрекали самолюбіе г-жи Ступишиной; и такимъ образомъ я нѣсколько мѣсяцевъ, доколѣ не вспыхла между мужемъ ея и мной самая жаркая ссора, былъ прилежнымъ ея обожателемъ. Сказавши, говоря о мужѣ ея, все что́ кипѣло у меня на сердцѣ, я не распространяюсь на собственный ея счетъ; еще менѣе говорить намѣренъ о матери, потому что она была женщина самаго низкаго презрѣнія достойная, но съ удовольствіемъ вспомню здѣсь анекдотъ, который позабавитъ читателя. Губернаторъ, желая приблизить или, можетъ быть, по совѣту женщинъ своихъ, покорить меня себѣ, вызвался въ дѣлахъ важныхъ давать мнѣ свои совѣты; я, не узнавъ еще его и довѣряя его лѣтамъ и опытности, былъ этому очень радъ, и въ одинъ вечеръ, имѣя важный процессъ по Палатѣ между казенными поселянами, пріѣхалъ къ нему потолковать объ немъ и привезъ свои бумаги. Онъ былъ одинъ и не занятъ. Тотчасъ я вошелъ въ матерію и заговорилъ о тяжбѣ. Читаю, изъясняю и все еще не могу добиться никакого его мнѣнія. Замѣтить надобно, что онъ, служа очень долго въ

арміи, охотникъ былъ большой до военныхъ ученій и полковыхъ сумятицъ. Не знаю, отъ чего, а какъ-то кстати пришлось ему вспомнить что-то похожее на драку, о которой повѣствовалось въ выпискѣ моей при межеваніи крестьянъ. Остановя вдругъ мое чтеніе, онъ мнѣ говоритъ: „Вы вѣрно слыхали о Цорндорфской баталіи?“ — „Слыхалъ, сударь“, отвѣчалъ ему я, читавши дѣеписаніе Семилѣтней войны. „Позвольте же, я вамъ разскажу подобной этому случай“, и вотъ началась реляція баталіи. Не довольствуясь разсказомъ, онъ разсудилъ въ лицахъ представить мнѣ сраженіе: воспламенился, вскочилъ и началъ ставить стулья въ комнатѣ въ боевой порядокъ, образуя положеніе войска. „Тутъ, говорилъ онъ“, стоялъ я съ полкомъ, а тамъ поставленъ былъ полкъ Нотебурской. Станьте, пожалуйте, на минуту!“ Всталъ и я, принялся за стулъ, которой изображалъ пѣхотной полкъ въ дѣлѣ. Между тѣмъ онъ еще ставилъ стулья, еще крестилъ ихъ разными именами и въ гостиной у себя приготовлялъ планъ нападенія. Изъ этой комнаты двери были растворены въ спальню, а оттуда сквозила уборная Агніи Дмитріевны, въ которой она сидѣла за пяльцами; я благополучно, оставя его устраивать деревянныя колонны, легонько вошелъ въ спальню и прокрался къ губернаторшѣ, съ которой началъ перебивать. Съ доброй полчаса я былъ тутъ забытъ и сраженью не занадобился, но вдругъ потребовался мой Нотебурской полкъ, и Ступишинъ, не найдя меня у стула, прибѣжалъ къ намъ и съ досадой, оборотясь ко мнѣ: „Куда же вы дѣвались? Пойдемте: я вамъ покажу, какъ баталія происходила. До вашего полка доходитъ дѣло“. Принужденъ я съ нимъ воротиться, но тѣмъ временемъ кто-то пріѣхалъ, и слуга установилъ стулья по мѣстамъ. Ступишинъ долго не нашелся, чѣмъ встрѣтить гостя, и не могъ выйти изъ своего рыцарскаго смущенія; а я, подхватя мои выписки, насилу дошелъ до кареты, въ которую бросившись, захохоталъ во все горло и, до дома ѣхавши, смѣялся какъ безумный. Вотъ съ какимъ начальникомъ я обязанъ былъ имѣть всякой день интересныя сношенія. О, этой баталіи я вѣчно не забуду, и она меня всегда развеселитъ.

Сухтеленъ.

7-го Марта. Генералъ-маіоръ, очень любезный молодой человѣкъ, съ которымъ я лишь познакомился, то и полюбились мы другъ другу. Все располагаетъ въ его пользу: правила, разумъ, чувства и поступки; мы съ нимъ цѣлую зиму проводили въ Москвѣ въ довольно пріятномъ сообществѣ. Онъ до стиховъ охотникъ, я также. Это насъ тѣснѣе еще соединило и, по разлукѣ съ нимъ, я получилъ отъ него стихотворную Французскую піесу. которую онъ, сочиня, разсудилъ посвятить мнѣ. Вотъ все, что́ я могу до нынѣ сказать объ немъ. Увидимъ со временемъ, чѣмъ увеличится эта статья, и какъ долго продлится отношеніе столь добровольно и охотно начатаго между нами знакомства.

Тавастъ.

27-го Ноября. Шведской штабъ-офицеръ. Знакомство мое съ нимъ началось и кончилось въ Шведскомъ походѣ. Послѣ Саватайпольскаго сраженія, которое одержано было 24-го Мая, до самаго замиренія, воспослѣдовавшаго въ началѣ Августа, безпрестанныя были сношенія военныхъ властей нашихъ съ Шведскими, и вся переписка Игельстромова съ Армфельдомъ должна была доходить къ нему черезъ Хрущова, генерала того деташамента, которой стоялъ на границѣ, имянно въ Саватайполѣ и въ которомъ служилъ я съ своей ротой. Хрущову, для доставленія сихъ писемъ, нуженъ былъ офицеръ, знающій иностранной языкъ: жребій палъ на меня, и я почти каждую недѣлю посыланъ былъ съ трубачемъ на Шведскіе форпосты. Тутъ-то я и познакомился съ Тавастомъ, и мы такъ хорошо свыклись между собою, что во все лѣто, когда ѣзжалъ къ нимъ я на переговорку, вызывалъ Таваста, а когда онъ пріѣзжалъ въ нашъ корпусъ съ отвѣтомъ, то спрашивалъ меня. Мнѣ до сихъ поръ памятенъ весь обрядъ нашихъ свиданій: его взводъ заѣдетъ ко мнѣ въ тылъ, мой къ нему также, оба взведутъ курки и въ этомъ положеніи стоятъ, пока мы толкуемъ. Сперва это приводило меня въ

какой-то ужасъ, отъ котораго я старался сокращать наши бесѣды; но потомъ мы такъ къ этому пустому церемоніалу привыкли, что иногда доброй часъ, ходя между взводами, какъ въ залѣ, взадъ да впередъ, о всякой всячинѣ разговаривали. Я съ удовольствіемъ вспоминаю и теперь наши тогдашнія свиданія. Однажды мнѣ случилось очень тяжко быть обмануту моимъ генераломъ и совершенно противъ воли его. Онъ узналъ, что нашъ флотъ линейной разбилъ Шведской и захотѣлъ этой славной побѣдой покичиться передъ Шведами, тотчасъ меня верхомъ съ нарядной свитой отправилъ сказать объ этомъ въ ихъ лагерь и велѣлъ примѣтить, какъ эта вѣсточка на нихъ подѣйствуетъ. Я пріѣхалъ, вызвалъ Таваста и съ торжественнымъ видомъ объявилъ ему о новыхъ успѣхахъ нашего войска; Тавастъ, выслушавъ меня со всею скромностью, отвѣчалъ мнѣ на мое самохвальство, что онъ уже объ этомъ знаетъ; да также извѣстно имъ и то, что на другой день нашей побѣды король ихъ также атаковалъ самъ лично нашъ гребной флотъ подъ командой принца Нассау и такъ его разбилъ, что однихъ плѣнныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ до 150 человѣкъ у него на завтра обѣдали. Это меня такъ поразило, что я не зналъ, чтó сказать и, внутренно браня генерала за такую глупую посылку, возвратился домой, стыдясь и богатыхъ своихъ чепраковъ, и великолѣпной свиты. Пріѣхавши назадъ и войдя въ ставку Хрущова, засталъ уже его за столомъ съ генераломъ Ферзеномъ, которой, безъ меня пріѣхавши, разсказалъ ему объ этой неудачѣ Русскаго флота, вознаградившей Шведскую, претерпѣнную ими на канунѣ. Тавастъ не солгалъ, все было справедливо. Хрущовъ, не давши мнѣ рта разинуть, понялъ смущеніе лица моего и закричалъ: „Все знаю, все знаю! Жаль, что похвастались не въ часъ.“ Эта поѣздка едва мнѣ не сдѣлалась пагубной, потому что я, услышавъ такую ужасную вѣсть отъ Таваста, хотѣлъ доказывать ему, что это быть не можетъ, вошелъ въ горячій споръ и естьлибъ онъ не былъ благоразумнѣе и разсудительнѣе меня, то можетъ быть мы бы тутъ же, въ виду нашихъ трубачей мирныхъ, открыли между собой поединокъ. Тавастъ только пожалѣлъ о фанфаронствѣ моего генерала и принялъ участіе

искреннее въ моемъ замѣшательствѣ, которое долго, однако же, меня не возбуждало снова ѣхать въ Шведской лагерь. По замиреніи я уже нигдѣ не видалъ Таваста въ Шведскомъ войскѣ при королѣ, и чаятельно мы никогда другъ друга не встрѣтимъ.

Танеевъ.

19-го Февраля. Василій Михайловичъ. Губернскій предводитель Владимирской губерніи, человѣкъ, съ которымъ я, кромѣ службы, никакой не имѣлъ связи; но, при слѣдствіи генерала Ильина, онъ такой благородной оказалъ противъ меня поступокъ, котораго я никогда не забуду. Генералъ требовалъ дворянскаго обо мнѣ свидѣтельства; г. Танеевъ не только самъ, но и соглася на то всѣхъ прочихъ предводителей, подписалъ мнѣ бумагу такого содержанія, какого она требовалась въ видѣ для меня самомъ пріятномъ, и потому я почитаю себя ему на всегда обязаннымъ. Хотя сіе свидѣтельство не принесло мнѣ по дѣлу никакой пользы и даже въ верхнихъ судилищахъ не было ни разсматриваемо, ни уважено, тѣмъ не меньше, однако, я не долженъ лишить ни г. Танеева моей признательности, ни благороднаго его поступка достойной похвалы.

Таптыковъ.

7-го Генваря. Николай Михайловичъ, Пензенской помѣщикъ, отставной дворянинъ, человѣкъ отмѣнныхъ правилъ и достоинствъ. Я ни съ кѣмъ изъ мущинъ въ Пензенской губерніи не былъ такъ друженъ, какъ съ нимъ, часто посѣщалъ его въ деревнѣ, и онъ иногда нарочно для меня пріѣзжалъ въ Пензу на цѣлую зиму, ежедневно бывалъ у насъ, часто даже и стоялъ въ моемъ домѣ. Во время моей ссоры съ губернаторомъ, никто такъ жарко не защищалъ меня въ публикѣ, какъ онъ, никто не продолжалъ такъ постоянно знакомства со мной, какъ онъ, нельзя было никому заставить его промѣнять нашъ домъ на чей другой. Будучи веселаго свойства, онъ раздѣлялъ съ нами всѣ наши игры и забавы. Въ случаяхъ щекотливыхъ, по преимуществу лѣтъ

его передъ моими, онъ давалъ мнѣ всегда благоразумнѣйшіе совѣты. Онъ говаривалъ красно, и я никогда не умѣлъ опровергать его доводовъ, ни быть съ нимъ въ несогласіи, даже въ общемъ разговорѣ о какомъ бы то ни было нравственномъ или политическомъ предметѣ. Онъ мастеръ былъ убѣждать и сильное пріобрѣлъ вліяніе на мой образъ мыслей. Такая дружеская связь между нами не ограничилась моимъ Пензенскимъ пребываніемъ: онъ и по отставкѣ моей велъ со мной, до кончины своей, переписку, которая приносила мнѣ и въ Москвѣ большое удовольствіе. Наѣзжая иногда въ столицу, всегда бывалъ у насъ такимъ же образомъ, какъ и въ Пензѣ, не мѣняясь ни въ пріязни, ни въ обхожденіи. Въ бытность мою въ Володимерѣ, онъ и туда раза два къ намъ пріѣзжалъ и по нѣскольку дней гостилъ у насъ. Впрочемъ, ему никогда не было до меня дѣла, ни тутъ, ни тамъ, и я безъ всякихъ стороннихъ видовъ пользовался его дружелюбіемъ. Къ несчастію, онъ скоро скончался скоропостижно, но мнѣ донынѣ его жаль, какъ самаго ближняго человѣка. Потерю такого искреннаго пріятеля можно по времени легче чувствовать, но забыть Таптыкова было бы для меня непростительно.

Таракановы.

10-го Февраля. Сегодня нѣкогда родился у меня сынъ Петръ. Вспомнилъ уважительнѣйшее лицо тогдашняго времени на нашемъ пиршествѣ, мать крестную младенца, Александру Михайловну Тараканову, супругу Дмитрія Михайловича, издавна преданнаго къ нашему дому. По стариннымъ связямъ отца моего, по немъ сдѣлалась намъ и жена его знакома. Онъ былъ малой доброй, любезной; но, признаюсь, что мнѣ не такъ пріятно приводить себѣ на память его, какъ жену: ибо, не смотря на всю любовь его ко мнѣ и хорошіе съ нами поступки, онъ поставилъ меня въ тяжкую необходимость вести съ нимъ судъ въ 1000 руб., которыя велѣно было наконецъ ему мнѣ заплатить. Я принужденъ былъ тягаться съ нимъ, потому что онъ утверждалъ, будто бы я его поклепалъ; доходило до стыда; я доказалъ, что его не заслуживаю. Вотъ въ чемъ дѣло. Когда я былъ въ Пензѣ вицъ-

губернаторомъ, Таракановъ командовалъ тамъ же карабинернымъ полкомъ; извѣстно, что тогда это стоило вотчины. Онъ у насъ былъ въ домѣ ежедневно на прiятельской ногѣ и взялся, по просьбѣ моей, заказать для насъ такой же дорожной серебрянной сервизъ столовой, какой видали мы у него. Цѣна ему поставлена 4 тысячи серебренниковъ въ Москвѣ; сдѣланъ договоръ. Я, продавши женины бриліанты, всю сумму, за нихъ вырученную, а именно 5 тыс., перевелъ Тараканову. Посуда поспѣла. Надлежало кончить разсчетъ; онъ, приславши его ко мнѣ, по отставкѣ уже моей, выносилъ въ итогѣ своей рукой 4 тысячи, а въ письмѣ почиталъ себя со мною квитъ. Я писалъ, что за нимъ еще моя тысяча, и просилъ на деньги росписки до времени; но онъ стоялъ въ своемъ и, не платя ихъ, не соглашаясь даже и на росписку, писалъ формально, что я на него насчитываю лишній долгъ. Это принудило меня разбираться съ нимъ судомъ, и я наконецъ, по переводу черезъ третье лицо, получилъ за него въ тысячу рублей облигацію, у промѣна которой потерялъ напрасной убытокъ. Тогда онъ не имѣлъ уже полку и спутался въ дѣлахъ своихъ. Не смотря на сей не очень хорошій поступокъ, я всегда отзовусь довольнымъ его съ нами ласковымъ обращеніемъ. Когда мы жили вмѣстѣ въ Пензенской губерніи, онъ, командуя полкомъ, доставлялъ намъ разныя удовольствія и охотникъ былъ давать пиры, на которыхъ мы всегда бывали первые его гости. Ему вздумалось однажды (ибо онъ всегда былъ очень проказливъ) записать двухлѣтняго ребенка моего Александра въ свой полкъ въ рейтары. Мы забавлялись его дѣтскимъ карабинернымъ мундиромъ; потомъ онъ произвелъ его въ кадеты, и оттуда онъ уже попалъ въ сержанты въ гвардію; слѣдовательно первымъ начальникомъ сына моего въ службѣ былъ Таракановъ, и первый онъ посвятилъ его въ солдаты. Изъ одной этой диковинки я долженъ помнить его; ибо никто, кромѣ моего сына, въ царство Екатерины не былъ записанъ въ напольной полкъ въ рядовые. Но на проказы трудно было сыскать кого нибудь удалѣе Тараканова: онъ этимъ прославился и подъ старость бѣдной сошелъ съ ума. Жена его, Александра Михайловна, была дама умная, смѣтливая, старѣе его лѣтами и гораздо

осмотрительнѣе. Когда жена моя родила въ Пензѣ сына Петра, котораго мы тамъ же и похоронили, то, не имѣя никого при себѣ изъ родныхъ, я пригласилъ ее окрестить новорожденнаго что́ она исполнила съ княземъ Сергѣемъ Васильевичемъ Долгорукимъ, Пензенскимъ помѣщикомъ, а потому, воспоминая Петрушу, я не могу забыть и Тараканова семейства. И мужъ, и жена скончались бездѣтные, и память ихъ принадлежитъ къ отношеніямъ моимъ Пензенскаго пребыванія.

Татищева.

25-го Февраля. Марья Степановна, дочь генерала Ржевскаго и моя двоюродная сестра. По смерти матери ея, тетки моей родной, батюшка, раздѣля всѣхъ трехъ сестеръ, въ качествѣ опекуна меньшой, доставилъ ей своимъ распоряженіемъ до 500 душъ крестьянъ вмѣсто 300, кои ей доставались, и призрѣлъ ее у себя въ домѣ, она у насъ жила до замужества своего и изъ нашего дома вышла за Татищева. Бывало, я всякой вечеръ игрывалъ съ ней въ пикетъ, и привыкъ ее съ тѣхъ поръ называть „ma cousine o! Маша“, что́ и теперь между нами ведется, хотя мы уже и сами не только не ребята, но и дѣтей въ ребятахъ уже не имѣемъ. Знакомство между нами послѣ свадьбы ея было всегда какъ-то непрочно: то мы поссоримся такъ круто, что года три другъ къ другу въ домъ не ѣздимъ, то мы помиримся и такъ тѣсно сойдемся, что другъ безъ друга обойтиться не можемъ; но мы взаимно уже къ этимъ перемѣнамъ привыкли, и они на меня никакого дѣйства не производятъ. Болѣе сказать мнѣ объ ней нечего.

Телѣгинъ.

4-го Марта. Михайла Петровичъ, человѣкъ умной и съ отличными свѣдѣніями, женѣ моей племянникъ родной; по этому мы и ознакомились. Охота писать стихи, общая намъ обоимъ, сдѣлала насъ пріятелями: онъ часто писывалъ ихъ ко мнѣ, а я къ нему; его не печатаютъ, потому что онъ не хочетъ, а изъ моихъ одно посланіе къ нему находится въ моихъ книгахъ. Вотъ все основаніе нашей связи. Всякое лѣто, когда я живу въ деревнѣ, я что нибудь сочиню и къ нему

доставлю; подобныхъ произведенiй у меня нѣсколько хранится, но они не выдержатъ цензуры и потому лежатъ до времени подъ спудомъ. Знакомства, доставляемыя намъ симпатiей склонностей, вкусовъ и упражненiй, суть самыя прочныя и надежныя, и я думаю, ничто не разстроитъ существующей между нами прiязни. Музы до этого не допустятъ.

Терентьичъ.

21-го Сентября. Звали его Александромъ. Крѣпостной нашъ слуга, которому я далъ свободу и которой, не смотря на то, остался въ моемъ домѣ. Онъ попеременно былъ дядька всѣхъ моихъ четырехъ сыновей, съ двумя старшими ѣздилъ въ чужiе краи, жилъ при нихъ три года въ Геттингенскомъ университетѣ и воротился съ ними въ Россiю. Я не видывалъ раба столь усерднаго къ господамъ своимъ. Простительно ли забывать такiя заслуги въ человѣкѣ, какого бы онъ ни былъ низкаго разряда? Не порода, а сердце дѣлаетъ насъ благородными. Терентьевичъ мой истинное тому доказательство, и я многихъ бояръ не осмѣлюсь сравнять въ качествахъ души съ симъ достопочтеннымъ служителемъ. Кстати о немъ сегодня и рѣчь, для имянинъ сына моего, Дмитрiя, при которомъ онъ находился въ услугахъ, во время его ученiя въ пансiонѣ пастора Кроненберга.

Тихомировъ.

20-го Iюля. Въ сей день домовой праздникъ въ нашемъ лѣтнемъ убѣжищѣ Александровѣ: мысленно туда переношусь, воспоминаю всѣхъ лежащихъ тамъ сродниковъ жены моей и съ сугубымъ вздохомъ останавливаюсь на могилѣ сего бѣднаго человѣка.

Дмитрiй Романовичъ, прiятное эпизодическое лицо въ моей жизни. Онъ родился въ духовномъ званiи, обучался въ семинарiи Владимирской, тамъ примѣтили въ немъ необыкновенныя способности, онъ самъ отъ натуры прилеженъ былъ къ ученiю, и его замучили школьными трудами до того, что

онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ учителемъ, потерялъ зрѣніе и отъ несчастнаго случая зашибъ ногу, которую уврачевать въ тамошнемъ мѣстѣ никто или не умѣлъ, или, по бѣдности его, не хотѣлъ; и такъ онъ остался во всю жизнь свою хромъ и слѣпъ, двигаясь на костыляхъ. Въ такомъ несчастномъ положеніи лишился почти хлѣба насущнаго; потерявъ всѣ средства пріобрѣтать его трудами, онъ пріютился въ погостѣ Ильи Пророка, къ которому мы, по Шуйскому имѣнію, прихожане. Тутъ отъ благотвореній нѣкоторыхъ сосѣдей былъ призрѣнъ и не оставленъ. Пріѣзжая ежегодно въ лѣтнее время въ ту деревню, я съ нимъ ознакомился, часто возилъ его къ себѣ и бесѣдовалъ съ нимъ. Я въ немъ нашелъ благородныя правила выше его состоянія, чувствительность характера отличную и умъ украшенный многими полезными познаніями. Войдя съ нимъ въ ближайшее отношеніе пріязни, узналъ, что онъ, будучи учителемъ въ семинаріи, жилъ вмѣстѣ съ знаменитымъ сыномъ Фортуны Сперанскимъ, которому и преподавалъ нѣкоторые уроки. Я читалъ многія письма того, писанныя къ нему уже во время его случая у Двора, по которымъ должно было надѣяться, что Тихомировъ никогда оставленъ не будетъ. Однако же, во оправданіе пророческой сентенціи: „Не надѣйтеся на князи, ни на сыны человѣческія“, Тихомировъ, кромѣ писемъ Сперанскаго, ничего отъ него не получилъ существеннаго; дошло дѣло до того, что онъ его и совсѣмъ бросилъ. Я осмѣлился привесть его на память Сперанскому, писалъ объ немъ и не получилъ никакого отзыва. Ясно, что Сперанскій уже забылъ объ немъ, по искреннему произволу сердца не быть ему полезнымъ. Тогда я удвоилъ мои попеченія объ этомъ несчастномъ слѣпцѣ, еще тѣснѣе съ нимъ подружился, навѣщалъ его, бралъ къ себѣ въ деревню и проводилъ лѣтомъ столько времени съ нимъ, сколько могъ, дабы усладить горестное его уединеніе, которое онъ выносилъ мужественно и безъ ропота. Часто мы съ нимъ пѣвали обѣдню на крылосѣ нашего погоста. Недуги его день отъ дня увеличивались, и онъ, бѣдной, едва достигши 50 лѣтъ, скончался. Я его видѣлъ за сутки до смерти: онъ не могъ уже ни узнать меня, ни говорить со мной. Тѣло его погребено при погостѣ, и хотя на немъ не

воздвигнуто памятника, но я, при всякомъ посѣщеніи его могилы, дарю ему нѣсколько слезъ, въ воспоминаніе того усердія, съ которымъ расположенъ былъ къ нему живому и коимъ возвратно пользовался отъ него. Для достоинствъ нѣтъ породы; они драгоцѣнны во всякомъ человѣкѣ. Еще не умолчу черты его благонравія оказанной при самой кончинѣ. Онъ не хотѣлъ никакихъ писемъ Сперанскаго оставить послѣ себя и всѣ ихъ велѣлъ предать огню (чтó и исполнено), дабы спасти отъ упрековъ гордаго своего сотоварища.

Толстой.

20-го Сентября. Графъ Варѳоломей Васильевичъ. О немъ вспоминаю я только по верховой ѣздѣ, до которой поелику я не охотникъ, то и Толстой неважное занимаетъ мѣсто въ моемъ помышленіи. Когда онъ былъ молодъ, а я еще мальчикъ, онъ влюбился въ среднюю дочь Ржевскаго, мою двоюродную сестру, и искалъ на ней жениться. Поэтому онъ ѣзжалъ и къ намъ, стараясь всей роднѣ оказывать услуги. Тогда я учился въ манежѣ, и меня заставляли по улицамъ верхомъ ѣздить для скорѣйшей привычки. У Толстаго были двѣ старыя лошади, смирныя, точно по мнѣ и я, съ дозволенія его, то ту, то другую мучилъ по Москвѣ. Въ каждой день гулянья не было для меня никого интереснѣе Толстого, потому что онъ одинъ могъ доставить мнѣ способъ пощеголять на конѣ. Сватовство его не удалось, сестра за него не пошла, я пересталъ его конюшней пользоваться, и тѣмъ все наше знакомство рушилось. Какъ часто на пути жизни бездѣлка насъ сводитъ съ людьми, и бездѣлка другая разлучаетъ, да такъ, что и вспомнить знакомство послѣ нечѣмъ! Подобно и я съ Толстымъ послѣ того времени почти уже не встрѣчались нигдѣ на прежней пріятельской ногѣ, время отъ времени совсѣмъ сдѣлались другъ для друга посторонними.

Толстой.

15-го Генваря. Ѳедоръ Матвѣевичъ, родственникъ мой по батюшкѣ и нѣсколько времени близкой къ Екатеринѣ царедворецъ. Во всю жизнь мою я не находилъ людей пріятнѣйшаго ума, какъ Ржевской (см. лит. Р.) и этотъ Тол-

стой. Онъ имѣлъ остроту необыкновенную. О душѣ его разсуждать не могу. Кто знаетъ человѣка, токмо духъ, живущій въ немъ? Но объ умѣ судить можно. Онъ весь наружи, на языкѣ, во взорѣ, въ поступкахъ. Толстой былъ милъ, забавенъ, и когда говаривалъ, надобно было его по неволѣ слушать; я не испыталъ отъ него ни худа, ни добра, но столько плѣнялся его бесѣдой, что и до сихъ поръ живо его помню, и, сколько не встрѣчаю умницъ въ обществѣ, все Ржевскаго и Толстого не сыщу.

Матвѣй Ѳедоровичъ Толстой, сынъ его и мнѣ внучатной братъ. О, объ этомъ я также помню, но отзываться не могу съ похвалой. Онъ былъ далекъ отъ отца своего во всемъ, а паче въ умѣ. Мы съ нимъ были въ молодости хорошіе пріятели. Онъ женился на Кутузовой, по ней произошелъ въ чины и попалъ въ сенаторы. До самаго нашествія непріятеля въ Москву мы были между собой хорошо и пріятельски знакомы. Всесожженіе Москвы насъ поссорило. По счастью, мы съ тѣхъ поръ не видались, и онъ въ Петербургѣ скоро потомъ умеръ. Разскажу его поступокъ съ мной безъ всякаго своего заключенія, и пусть судятъ, имѣлъ ли я право отвергнуть его пріязнь и даже разорвать всякое съ нимъ знакомство. Какъ угрожалась Москва неминуемымъ своимъ рокомъ, Толстой и я, мы жили въ ней и видались почти всякой день. Арміей командовалъ еще Барклай; а Толстой, струся прежде многихъ, уже продавалъ серебро свое за полцѣны и собирался оставить Москву. Перемѣнились обстоятельства въ арміи, главнокомандующимъ надъ войскомъ наименованъ тесть его, Кутузовъ; и Толстой зачалъ тотчасъ фанфанировать, объявилъ мнѣ, что тесть его вѣрно не выдастъ столицы и что онъ изъ города никуда не выѣдетъ, да и мнѣ совѣтывалъ тоже сдѣлать. Я положился на его увѣренія и не предпринималъ ничего, какъ вдругъ Толстой, не сказавъ намъ ни слова, потихоньку выѣхалъ изъ Москвы и, такъ сказать, выдалъ меня живьемъ слѣпому случаю. По счастью, я успѣлъ еще собраться, и хотя съ потерей имущества, но наканунѣ Француза себя и семейство спасти отъ крайняго бѣдствія. Огорчился я такимъ обманомъ; но, стараясь все еще въ пользу его обратить мои заключенія, я полагалъ, что онъ

не смѣлъ объявить о своемъ отъѣздѣ, дабы не встревожить публики; ибо, зная, что онъ зять Кутузова, всякой могъ малѣйшее его движеніе принимать за правило для себя и нескромно огласить. Такъ размышляя о семъ, я не очень еще досадовалъ на Толстого; но когда послѣ войны, воротясь въ столицу, узналъ, что онъ всѣмъ родственникамъ своимъ, кромѣ насъ, о выѣздѣ своемъ перемолвилъ, совѣтуя и имъ собираться, тогда я увидѣлъ лживой его со мной поступокъ и очень радъ, что уже послѣ того мы съ нимъ не встрѣчались. Кажется, вспоминая о человѣкѣ по подобному отношенію, всего лучше замолчать и не распространять о немъ никакого разговора. Жена его была пригожа, мила, хорошаго тона, довольно союзна съ первой моей женой, и я ее прозвалъ, по короткости нашей, „внучатное безподобіе“.

Траубе.

30-го Іюля. Человѣкъ пронырливой и неблагодарной. Чтó можетъ быть хуже? Я не могу его забыть, потому что онъ множество причинилъ мнѣ хлопотъ и неудовольствій самыхъ чувствительныхъ. Исторія его начинается тѣмъ, что онъ въ домѣ тестя моего, Безобразова, жилъ долго безъ мѣста, голъ и оборванъ, имѣя, по милости его, крышку и хлѣбъ насущной. Когда жена моя послѣ перваго мужа овдовѣла, Траубе былъ въ домѣ у нея въ родѣ управителя и, пользуясь чиномъ армейскаго поручика, жилъ въ отставкѣ, не дѣлая ничего. По покровительству жены моей, еще до нашего союза, онъ втерся въ дворянскіе выборы и попалъ въ засѣдатели въ Шуйскій Земскій Судъ, когда въ ономъ былъ исправникомъ деверь жены моей, Пожарской. Тутъ онъ подобрался къ женѣ его и завелъ съ ней интригу. Когда я женился, протекція жены моей сдѣлалась еще уважительнѣе для Траубе, а я, считая его человѣкомъ преданнымъ всему дому Безобразовыхъ, старался всячески доставить ему хорошее мѣсто. Скончался Пожарской, онъ его замѣстилъ въ исправникѣ и не замѣшкался жениться на вдовѣ его. Тутъ-то онъ развернулъ свой характеръ, прибралъ ее къ рукамъ, притѣснилъ всѣхъ ея дѣтей, и заставилъ ихъ распырять по кор-

пусамъ и пансіонамъ, чтобъ, оставшись съ ней одному на просторѣ, удобнѣе владычествовать надъ ея имѣніемъ. Она имѣла изрядное состояніе; онъ всѣмъ началъ въ домѣ само-властно править, коснулся даже и имѣнья малолѣтныхъ Пожарскихъ, у которыхъ мать была опекунша, а я попечитель; я принужденъ былъ входить въ протесты, требовать на него удовольствія въ судахъ. Всѣ старанія мои были безуспѣшны, потому что, будучи въ отставкѣ, я уже не имѣлъ силы политической, а онъ имѣлъ самую дѣйствительную, т.-е. деньги, коими располагалъ все въ свою пользу, и загородился такъ крѣпко отъ всѣхъ, что теперь ни въ чемъ остановить его невозможно. Вотъ свойства и поступки негодяя Траубе, о которомъ я бы охотно забылъ, еслибъ не имѣлъ на глазахъ своихъ безпрестанно одну изъ несчастныхъ жертвъ его самовластія, и именно живущую въ сиротствѣ, въ нашемъ домѣ, среднюю дочь покойнаго Пожарскаго, Пашету (см. лит. П.).

Трубецкая.

3-го Октября. Княгиня Варвара Александровна. Семейство ея состояло изъ трехъ главныхъ лицъ: ея самой, мужа и деверя. Перваго звали княземъ Николаемъ Никитичемъ, послѣдняго княземъ Юріемъ. Я не коснусь ихъ исторій; она наполнена разныхъ и смутныхъ, и счастливыхъ обстоятельствъ Я о нихъ говорить буду только въ то время, которое приводитъ мнѣ на память самые веселые дни моей жизни. Они любили житьроскошно и весело, во вкусѣихъ были театръ, балъ, маскарадъ и всѣ вообще увеселенія; по зимамъ они жили въ Москвѣ. Тутъ мы игрывали комедіи, наряжались въ хари на балъ и всѣми забавами молодости наслаждались. Самое блистательнѣйшее зрѣлище была драма, сочиненная самой княгиней, подъ названіемъ: Эдуардъ и Эмма. Въ ней только были два лица; они назначены въ удѣлъ мнѣ и одной изъ родственницъ, и мы это произведеніе розыграли съ полнымъ успѣхомъ передъ всей Московской публикой. Въ лѣтнее время они живали въ подмосковной, называемой Очаково, въ 8-ми верстахъ отъ города. Путь близкой и всегда удобной. Тамъ ежедневныя происходили очарованія, разнородныя сельскія

пиршества: театры, иллюминаціи, фейерверки и все что̀ можетъ веселить умъ и чувства. Въ такомъ родѣ жизни я, учащая мои къ нимъ набѣги, не видалъ какъ время летитъ. Оно и подлинно летѣло. Съ ними жилъ въ одномъ и томъ же убѣжищѣ безсмертной нашъ піитъ, старецъ Херасковъ, которой, въ липовой рощѣ ходя задумавшись, вымышлялъ свои пѣсни въ то время, какъ въ регулярномъ саду вся фамилія Трубецкихъ предлагала гостямъ всякіе сюрпризы. Москва переносилась вся въ ихъ мирное и волшебное уединеніе. Такъ текла вся жизнь ихъ, но увы! теперь подъ старость они дорого платятъ за прежнія веселости: домъ разоренъ, Очаково уже не ихъ, Московское жилище сожжено Французами, а построить новаго нечѣмъ. Князь Юрій Никитичъ скончался, и супруги выбрались изъ Москвы въ Кострому, гдѣ и теперь живутъ въ нуждѣ, брошены всѣми и испытываютъ съ недугомъ лѣтъ ихъ всѣ недостатки физическаго бытія. Я не могу безъ чувства радости, смѣшеннаго съ горестью, вспомнить объ нихъ, переносясь въ прошедшее, и вообразить, обращая взоръ на настоящее. Княгиня Варвара Александровна женщина самаго твердаго характера, умна, любезна и пишетъ прекрасно; ей даже и стихотворство знакомо. Она была душа всего семейства. Я отъ нея получалъ неоднократно стихи, и самъ на нихъ отвѣчалъ стихами же; они всѣ собраны въ книгахъ моихъ, подъ названіемъ: Переписка съ княгиней Трубецкой. Когда третье изданіе ихъ было выпущено, я послалъ къ ней экземпляръ, на которой она мнѣ отвѣчала слогомъ пріятнымъ и философскимъ. Въ Очаковѣ былъ у нея кабинетъ въ саду, въ которомъ помѣщены вензеля всѣхъ занимающихся литературой. Въ томъ числѣ я имѣлъ удовольствіе найти и свое имя. Теперь все это руины, все мертво, все сгнило; одни Трубецкіе могли населять тамъ забавы, а послѣ нихъ Очаково сдѣлалось пустыней. Все это семейство имѣло какой-то даръ производить удовольствія и раздѣлять ихъ съ другими. Нѣтъ, я никогда не забуду тамошнихъ наслажденій! Это былъ храмъ любви, въ которомъ все горячило воображеніе, воспламеняло душу и облекало разумъ въ радужную ризу веселости. Восторги были ихъ стихія, жизнь, бытіе и воздухъ. Долго, долго я этой пустыни

не забуду и, бывая въ ней у другихъ владѣльцевъ, со мной связанныхъ давнишней пріязнью, не могу безъ слезъ вспомнить ни времени того, ни Трубецкихъ, творцевъ сего минутнаго рая въ вещественномъ мірѣ.

Тогда, чтобъ счастливымъ съ утра до ночи быть,
Довольно было день въ Очаковѣ прожить;
Тогда мои стихи съ вниманіемъ читали,
И что̀ въ нихъ чувствовалъ, со мною раздѣляли.
Теперь, оледенѣвъ, я чище сталъ писать;
Тогда, въ восторгѣ самъ, умѣлъ и восхищать.

Трубецкая.

6-го Октября. Княжна Наталья Сергѣевна, сестра родная г-жи Мальцовой (см. лит. М.). Я ей столькоже обязанъ, сколько и той за услугу или доброжелательство, оказанное мнѣ, когда дѣло шло о производствѣ пасынка моего въ офицеры; она приняла равномѣрно жаркое въ этомъ участіе, будучи съ нами знакома очень не коротко. Въ домѣ ея тогда квартировалъ генералъ Закревской, отъ котораго это зависило, и она въ одинъ день раза три приступала съ просьбой за сына жены моей, подавала записки, хлопотала какъ о собственномъ своемъ сынѣ, и все изъ одного чистаго желанія сдѣлать добро. Подобные поступки безсовѣстно забывать, и потому я навсегда обязанъ остался благодарностью симъ двумъ почтеннымъ и благотворительнымъ женщинамъ.

Трубецкой.

7-го Мая. Князь Сергѣй Никитичъ, отставной генералъ-поручикъ. Ни чье лицо меня такъ не поражало въ публикѣ какъ физіогномія этого князя: онъ имѣлъ въ чертахъ ея ближайшее сходство съ отцомъ моимъ. Въ ребячествѣ еще моемъ мимо ушей часто проходило, будто на это была и натуральная причина, приписанная дѣду моему; но не потому я здѣсь помѣщаю имя князя Трубецкаго, а для того, что онъ напоминаетъ мнѣ странную и романическую мою поѣздку въ

Нарву. Влюбясь въ Щербатову и неудачно, я разсудилъ протрястись въ кибиткѣ, чтобъ утолить волненія сердца или, лучше сказать, кипучей крови; на сей конецъ я бросился на перекидной въ Нарву посмотрѣть города и тамошнихъ пороговъ. Пріѣхавши туда, нашелъ князя Трубецкаго, которому, по какимъ-то политическимъ причинамъ, велѣно было тамъ жить. Онъ первой посѣтилъ меня и, узнавши сентиментальную причину моего набѣга, былъ такъ вѣжливъ, что возилъ меня по всему городу, все въ немъ любопытное показалъ и, проведя съ нимъ тамъ сутки, я, въ той же телѣгѣ, на перекладныхъ, возвратился домой. И такъ, воспоминая Щербатову, я вспомню тотчасъ Нарву, а съ Нарвой вмѣстѣ и князь Сергѣй Никитичъ является моему воображенію, въ которомъ безпрестанно мѣняется фантасмагорія разныхъ лицъ, съ коими я былъ въ связи по свѣту.

Турчанинова.

24-го Ноября. Александра Степановна, дама, съ которой я познакомился въ Пензѣ, тамошняя уроженка. Подобныхъ знакомствъ я имѣлъ очень много въ жизни, и ничего въ немъ не происходило такого, чтобъ заслуживало особеннаго моего замѣчанія; но объ ней говорю здѣсь исключительно для того, что она чрезвычайнымъ случаемъ подѣйствовала на мое воображеніе. Она нѣкогда рѣшилась, будучи въ Москвѣ, сѣсть въ воздушной шаръ съ воздухоплавательницей г-жей Гарнеренъ и подняться съ ней на воздухъ. Зрѣлище было всенародное, путешествіе ихъ удачно кончилось. Такая отвага сдѣлала Турчанинову извѣстной повсюду и, по необыкновенности случая, я рѣшился ее отличить отъ всѣхъ моихъ площадныхъ знакомствъ и дать ей мѣсто въ спискѣ тѣхъ людей, кои произвели во мнѣ какое либо горестное, или пріятное, но прочное, впечатлѣніе; а Турчанинову я, конечно, не забуду потому, что и понынѣ не могу безъ особеннаго удивленія представить себѣ такой рѣзкой опытъ неустрашимости въ женщинѣ.

Турчанинова.

9-го Марта. Анна Александровна, дѣвушка умная, ученая и которая имѣла нѣкогда случай оказать мнѣ пріятную услугу. Во время путешествія моего въ Одессу, не имѣя квартиры, я былъ адресованъ къ ней, и она меня очень благосклонно приняла, отдала мнѣ, безъ всякой платы, лучшій этажъ въ своемъ приморскомъ домѣ, изъ котораго я пользовался наипріятнѣйшими видами и наслаждался умѣреннымъ жаромъ. Во все краткое мое тамъ пребываніе она занимала меня своимъ пріятнымъ обществомъ, и я ей обязанъ многими средствами видѣть Одессу во всѣхъ ея красотахъ; ибо, живучи тамъ гражданкой, она доставляла мнѣ и знакомства полезныя для цѣли моей, и удобства разъѣзжать по окрестностямъ. Я нигдѣ потомъ съ ней не встрѣчался; но, любя тогдашнее мое странствованіе, какъ одно изъ успѣшнѣйшихъ моихъ намѣреній, я и о ней забыть не могу.

Тургеневъ.

5-го Февраля. Иванъ Петровичъ. Онъ служилъ въ званіи директора при Московскомъ университетѣ, но меня ужъ тамъ не засталъ; я ему, однакожъ, обязанъ первыми моими успѣхами въ литературѣ. Написавши двѣ піесы вь стихахъ подъ названіемъ: „Авось,“ и: „Въ послѣднемъ вкусѣ человѣкъ“, я ихъ роздалъ пріятелямъ своимъ въ рукописи; они дошли до свѣдѣнія г-на Тургенева, которой задралъ меня самымъ лестнымъ письмомъ и просилъ позволенія ихъ напечатать въ издаваемомъ тогда журналѣ. Я согласился и, какъ скоро они показались въ свѣтъ, то я сдѣлался публикѣ извѣстенъ. Удостоясь ея одобренія, сталъ продолжать труды мои въ стихотворствѣ. Теперь моихъ сочиненій вышли уже четыре книги, которыхъ можетъ бы я не написалъ безъ усерднаго расположенія Ивана Петровича къ моимъ первымъ произведеніямъ. И такъ могу ли я не вспомнить его, какъ виновника моей литературной славы, которую, впрочемъ, я самъ цѣню слишкомъ мало, чтобъ бояться нападковъ зависти?

Тутолминъ.

24-го Апрѣля. Тимоѳей Ивановичъ, главнокомандующій Москвою. Мужъ дѣятельной, умной, тонкой и самаго благосклоннаго со всѣми обращенія. Во время повсемѣстнаго ополченія онъ назначенъ областнымъ начальникомъ нѣсколькихъ сопредѣльныхъ съ столицей губерній, въ томъ числѣ и Владимирской. По сему обстоятельству я попалъ подъ его начальство и вошелъ съ нимъ въ непосредственное по дѣламъ службы отношеніе. Кромѣ признательности чистосердечной за хорошіе его со мной поступки, я обязанъ ему и той справедливостью, что онъ готовъ былъ оказывать всякія услуги всѣмъ чинамъ, отъ него зависящимъ. Сіе добродушное свойство его я испыталъ на себѣ опытомъ весьма замѣчательнымъ. Многіе гг. губернаторы, бывшіе тогда, наровнѣ со мной, подъ его управленіемъ, пожалованы орденомъ Св. Анны за скорое сооруженіе милиціи; нѣкоторые изъ нихъ были меня моложе въ чинахъ и должности. Это побудило меня отнести всю неудачу трудовъ моихъ къ Тутолмину, къ которому я, не чинясь, написалъ довольно жаркое письмо. Онъ отвѣчалъ мнѣ на оное коротко и скромно, приложилъ копію съ двухъ представленныхъ отъ него къ Государю обо мнѣ самыхъ лестныхъ рекомендацій гораздо прежде прочихъ, а въ то время, не упомянувъ мнѣ объ оныхъ, вынужденъ былъ письмомъ моимъ, въ оправданіе его обо мнѣ попеченія, дать мнѣ объ нихъ знать, дабы я не относилъ къ нему огорченій моихъ по службѣ и искалъ причины ихъ выше его. Я такъ былъ тронутъ симъ благороднымъ и нѣжнымъ его со мной поступкомъ, что, устыдясь моей горячности, просилъ у него извиненія въ моей подозрительной запальчивости и остался ему на всегда благодарнымъ. Не всякой начальникъ такъ кротко приметъ укоризну, да еще несправедливую, отъ лица подчиненнаго. Это возвысило чрезвычайно цѣну его въ глазахъ моихъ, и я помянутое письмо, со всѣми приложеніями, храню у себя донынѣ, дабы, прочитывая его иногда, не забывать тѣхъ чувствъ.

Улыбышева † 1837.

6-го Іюля. День вѣчно памятной, котораго желалъ бы, чтобъ заря никогда для меня не восходила.

Елисавета Александровна, женщина, которая весьма важно подѣйствовала на судьбу мою, и о которой, сколь ни болѣзненно мнѣ вспомнить, но я долженъ всю картину нашей связи здѣсь представить. Она была непригожа, но заманчива, молода, ухватки самыя соблазнительныя, пріятной разговоръ, хорошія поверхностныя познанія, умъ достаточной для общежитія, умѣла говорить и писать по-французски, начиталась романовъ, стихотвореній и мастерица была обольщать людей неопытныхъ. Таковой началъ я знать ее въ Пензѣ, гдѣ она, выдана будучи замужъ за пьянаго буяна, жила около деревень отца своего, добраго старичка Машкова, которой ее любилъ безъ мѣры. Въ бытность нашу въ Пензѣ, она какъ-то разсудила вмѣстѣ съ отцомъ пріѣхать на зиму въ городъ, и тутъ мы съ ней познакомились; она скоро подѣйствовала на мое воображеніе, и я къ ней пристрастился. Началась между нами интрига, но самая скромная и благопристойная. По строгой морали я ее оправдывать не стану, ибо она была замужемъ, а я женатъ; но любовь ничего не разбираетъ: голова моя была пылка, сердце ея также, мы скоро другъ друга проникли, и симпатія наша начинала похожа быть на романическое пристрастіе, которому я предался со всею неосторожностію быстраго моего характера. Многіе въ большомъ свѣтѣ судятъ о взаимной нашей связи съ крайнимъ для обоихъ предубѣжденіемъ и вывели изъ нея ужаснѣйшее преступленіе; я, не извиняя себя отнюдь, обязанъ, однакоже, отразить поклепы неосновательные. Во первыхъ, я съ Улыбышевой никогда не доходилъ до обращенія, толико вольнаго и свободнаго, чтобъ она, или я, имѣли случай нарушить самымъ дѣломъ супружескія наши обязанности; я счастливъ былъ взглядомъ, вздохомъ, запиской и ничего болѣе не требовалъ. По короткому нашему знакомству, мнѣ случилось одинъ разъ быть у нея въ деревнѣ; мужъ ея, безпрестанно пьяной, бурлилъ и возмущалъ все наше общество (а насъ

было много) разными непристойными явленіями; мы играли въ фанты, рѣзвилися, какъ водится въ деревенскихъ кругоренькахъ; довелось Елисаветѣ Александровнѣ, на выручку фанта, поцѣловать меня въ лобъ, и божусь, что я во все наше знакомство не имѣлъ другого преимущества. Я вспомнилъ острое слово Бомарше и сказалъ ей тихонько: „Ce baiser m'a été bien loin“ [1]). Глаза наши проникли въ сердце, и съ той минуты мы вошли въ рѣшительной союзъ любви взаимной. На другой день поутру узналъ я, что Елисавета Александровна во всю ночь не спала, будучи заперта мужемъ своимъ въ конуру, рядомъ съ его борзыми собаками, и вытерпѣла отъ него разныя недостойныя ругательства. Она и прежде нѣсколько разъ готова была съ нимъ разойтись, но всегда старались примирить ее съ мужемъ, хоть онъ, не любя ее, дорожилъ лишь ея имѣніемъ: за нею было 500 душъ, и онъ, вытрезвившись, падалъ къ ногамъ ея и клялся перемѣнить свой родъ жизни. Будучи въ этотъ разъ почти очевиднымъ свидѣтелемъ всѣхъ ея несчастій и воспламенясь досадой, я рѣшился отъ нихъ тотчасъ уѣхать, но старался быть ей полезнымъ и улучшить ея жребій. Не одно пристрастіе влекло меня къ тому, прошу мнѣ повѣрить, но и желаніе освободить женщину пріятную отъ тираніи мужа негоднаго и ея не стоющаго; словомъ, я вмѣнилъ себѣ въ обязанность, за несчастной ея поцалуй въ лобъ, защищать ее по древнему рыцарскому уставу „envers et contre tous“ [2]). Я уѣхалъ прямо къ ея отцу, разсказалъ ему, сколько удручена участь любимой его дочери, и возбудилъ въ немъ благородную ревность освободить ее отъ такого поноснаго ига рѣшительнымъ поступкомъ. Въ самомъ дѣлѣ, мои убѣжденія воздѣйствовали: старикъ прослезился, внялъ моему разсказу, поѣхалъ къ дочери, между тѣмъ какъ я воротился въ городъ, и гласно отецъ дочь увезъ отъ мужа, съ тѣмъ, чтобъ она жила у него и болѣе съ этимъ пьяницей не сходилась. Елисавета Александровна, освободясь отъ тяжкихъ узъ, довольна и спокойна въ домѣ родительскомъ, разсудила ко мнѣ писать бла-

[1]) Этотъ поцѣлуй для меня былъ вовсе не близокъ.

[2]) Передъ всѣми и противъ всѣхъ.

годарное письмо, на которое скоро получила мой отвѣтъ. Переписка между нами открылась частая. Чѣмъ сильнѣе мы хотѣли другъ друга увѣрить въ чувствѣ любви, тѣмъ пламеннѣе были наши выраженія и, начитавшись оба Calardeau и Дората, мы мѣнялись самыми пылкими грамотками. Такъ протекла зима, и приближались весенніе дни, открылся путь по деревнямъ. Елисавета Александровна хотѣла со мной видѣться, приглашала меня къ отцу въ деревню и, къ особенному моему несчастію, помѣстила какъ-то въ письмѣ своемъ извѣстной Французской стихъ, котораго я вѣчно не забуду: J'étais dans le néant avant de te connaître“ *); я загорѣлся, какъ пушечное ядро отъ рикошета, и посулилъ ей немедленно посѣщеніе. Въ самой вещи, не смотря на разлитіе рѣкъ и худыя еще дороги, я собрался и поѣхалъ къ ней. Бываютъ предчувствія. Я это испыталъ тогда. Отъѣхавши 12 верстъ отъ города, я что-то усумнился далѣе ѣхать, тѣмъ болѣе, что мнѣ подозрительно показалось усердіе исправника Пензенскаго, которой хотѣлъ непремѣнно выпроводить меня благополучно изъ своего уѣзда, подъ предлогомъ худыхъ дорогъ; но ему и многимъ другимъ было извѣстно (одинъ я только не зналъ), что отъ мужа Улыбышевой выставлены были на дорогѣ люди съ тѣмъ, чтобъ меня перехватить и нанесть мнѣ разныя оскорбленія, а, можетъ быть, и умертвить. Самъ Богъ спасъ меня отъ такого ужаса: я рѣшился воротиться домой, и отправилъ отъ себя гонца съ письмомъ, въ которомъ, чтобъ извинить явственнѣе мою нерѣшимость ѣхать на свиданіе, я употребилъ все, что́ страсть любовная можетъ внушить языку и перу, воспламененному воображеніемъ. Письмо было самое страстное; оно перехвачено тѣми подставленными людьми, и между тѣмъ шло ко мнѣ на встрѣчу отъ нея письмо, которое также перехвачено, и переписка наша такимъ образомъ очутилась въ рукахъ ея мужа. Скоро сдѣлалась интрига наша извѣстна всему городу и пронеслась повсюду съ шумомъ, а потому переписка наша прекратилась, и съ той поры я уже не имѣлъ никакого сношенія съ госпожей Улыбышевой до самой старости моей.

---

*) Ничтожна я была, пока тебя не знала.

Обратиться должно теперь къ состоянію моего семейства. Жена моя была беременна дочерью Антониной. Она ѣзжала всегда въ Москву родить и скоро послѣ Святой отправилась. Я оставался одинъ, исторія моя съ Улыбышевой разгласилась послѣ ея отъѣзда. Непріятели мои воспользовались ею и подстрекнули мужа ея сдѣлать мнѣ личную обиду, которую онъ и совершилъ въ Казенной Палатѣ, когда я выходилъ изъ присутствія. Будучи во фракѣ, я не могъ отразить его наглости; выходить съ бурлакомъ на поединокъ подло и несовмѣстно, ибо онъ этой чести не стоилъ, а съ каждымъ разбойникомъ, которой изъ-за угла броситъ камень въ голову, нельзя вѣдаться законами чести. Я принужденъ былъ принести жалобу Государынѣ, тѣмъ болѣе, что и самъ губернаторъ покровительствовалъ заговору. Присланъ оберъ-секретарь Сената изслѣдовать дѣло, представлены ему наши письма, и на вопросъ его о моемъ, моя ли рука, я отвѣчалъ утвердительно, что моя, а ѳ ея письмѣ сказалъ, что я не знаю, кто его писалъ и что сей вопросъ до меня не принадлежитъ. Только отъ меня и требовалось. Дѣло сіе потомъ производилось судебнымъ порядкомъ, и наша переписка сдѣлалась всѣмъ извѣстной. Къ умноженію непріятностей для меня, я обнаруживалъ въ моемъ письмѣ свободныя мысли на счетъ брака, занявъ ихъ у Мирабо и прочихъ возмутительныхъ писателей того времени во Франціи. Это прибавило заключеніе, что я присталъ къ Якобинской системѣ, что́ мнѣ сугубо въ послѣдствіи времени повредило. Изъ всего сказаннаго о семъ происшествіи, о которомъ я говорилъ потому только, что съ именемъ г-жи Улыбышевой не могу не вспомнить и его, всякой замѣтитъ, что, кромѣ романическаго пустословія и неосторожности, ничего не было въ связи моей съ этой женщиной, и что все происшествіе истекало отъ опрометчиваго нашего свойства и испорченнаго воображенія на счетъ чувствительности. Дорого я, однако, заплатилъ за сію интригу стыдомъ, котораго и лѣта омыть не могутъ, и разстройкой всей моей судьбы. Улыбышевъ скоро потомъ опился и умеръ; а вдова его, отдавъ дочь свою замужъ за Хрущова и не имѣя болѣе дѣтей, живетъ, съ зятемъ вмѣстѣ, въ Москвѣ и пользуется огромнымъ состояніемъ. Новыя об-

стоятельства ввели меня подъ старость въ новое съ ней отношеніе: дочь моя выдана за роднаго племянника того Хрущова. И такъ я, лѣтъ 25 не видавшись съ Елисаветой Александровной, опять нашелся въ обществѣ такомъ близкомъ съ ней; но мы рѣшились обходиться между собой очень холодно, какъ люди мало знакомые, и я стараюсь какъ можно рѣже съ ней видѣться. Замѣтить надобно здѣсь странную игру случая, что дочь моя, та самая, которой судьба судила меня опять свести съ Улыбышевой въ новое знакомство, родилась именно въ тотъ годъ, которой разорвалъ мое съ ней отношеніе и породилъ всѣ описанныя тревоги; радъ бы забыть ихъ, но онѣ такъ свѣжо памятны моему воображенію, что я и теперь, въ отдаленномъ времени, говоря объ нихъ, не могу удержать движенія досады на себя за такія глупыя и безобразныя погрѣшности. Впрочемъ, сколько бы я ни считалъ себя виноватымъ въ такомъ соблазнительномъ поведеніи, чего оправдывать никакъ не намѣренъ, мнѣ позволятъ, однакоже, замѣтить, что подобная интрига не должна была имѣть никакого вліянія на дѣла службы, что до публичнаго характера моего она не относилась нимало, что перехваченныя наши письма не должны были подвергаться ни слѣдствію, ни публичному суду: ибо ежели подобные проступки частнаго лица разбирать въ трибуналахъ, то едва ли кто спасется отъ общихъ со мной несчастій. А потому прошу всякаго обвиняющаго меня признаться, что во всемъ этомъ происшествіи поступлено со мной отъ правительства беззаконно, вопреки всѣмъ правиламъ гражданскаго благоустройства, и что, безъ личной на меня досады, я не могъ быть подверженъ тѣмъ озлобленіямъ, кои заставили меня вытерпѣть; ибо человѣкъ судиться долженъ въ дѣяніяхъ публичныхъ, но въ тайномъ поползновеніи сердца, кромѣ Бога, испытующаго наши совѣсти, никакой мірской законъ касаться насъ не можетъ и не долженъ.

Въ сочиненіяхъ моихъ напечатано одно только мое стихотвореніе, писанное мною на счетъ г-жи Улыбышевой, подъ названіемъ: „Посланіе къ Людмилѣ“.

Ушакова.

1-го Сентября. Молодая дѣвушка, которой я и назвать не умѣю, не бывши съ ней никогда знакóмъ. Странный случай заставилъ меня помнить объ ней. Помолвивъ при дворѣ на Смирной и участвуя въ веселыхъ и рѣзвыхъ обществахъ по загородныхъ дворцахъ Ихъ Высочествъ, я чуть-чуть не попалъ, по милости этой Ушаковой, въ самую непріятную сплетню, которая могла подѣйствовать на мое счастіе, отнявъ у меня Евгенію. Какъ-то случилось однажды, послѣ очень веселой и игривой вечеринки въ Павловскѣ, что гофъ-фурьеръ нашелъ на полу потерянной маленькой дамской портфель; въ немъ нашли записочку и мой силуетъ. Гофъ-фурьеръ тотчасъ заявилъ о сей пропажѣ, хозяйка нашлась; но насчетъ силуета моего пошли порядочные и забавные толки, которые не послужили бы къ чести моей, тогда какъ я искалъ руки дѣвицы Смирной и, будучи уже почти гласно женихомъ ея, затѣвалъ поволочиться за другой. Долго я безпокоился, не зная, какъ объяснится эта странность; наконецъ, открылась проказа барышни. За ней волочился одинъ придворный кавалеръ; ей хотѣлось возбудить въ немъ ревность, она не нашла лучшаго средства, какъ, нарисовавъ меня, умышленно бросить свою книжку, съ тѣмъ, чтобъ онъ, найдя ее, жарче воспламенился и не мучилъ ее длиннымъ ожиданіемъ его признанья; вмѣсто его попалась книжка къ гофъ-фурьеру и чуть-чуть не надѣлала мнѣ хлопотъ, которыя бы совершенно разстроили все счастье моей жизни, поссоря меня съ Евгеніей и лиша удовольствія владѣть ею. Бываютъ со всѣми забавныя приключенія, но такихъ, какое случилось со мной, почти никто другой не испыталъ въ своей жизни.

Феттеръ.

2-го Декабря. Иванъ Андреевичъ. Отецъ его былъ штабъ-лѣкарь и лѣчилъ весь нашъ домъ; у него было два сына. Когда Совере, мой учитель, собрался въ свою родину, онъ, по просьбѣ моего отца, взялъ ихъ съ собою на корабль и отвезъ въ Германской университетъ. Тамъ они воспитавшись, воро-

тились сами по себѣ въ Россію; одинъ изъ нихъ умеръ, а Иванъ остался живъ, былъ записанъ въ гвардію, отставленъ полевымъ офицеромъ и пріютился ко мнѣ, какъ я ѣхалъ въ Пензу. Тамъ онъ жилъ въ моемъ домѣ и, по желанію его, окрещенъ мною изъ лютеранскаго въ наше исповѣданіе. Я его опредѣлилъ къ мѣсту, потомъ женилъ на молодой дѣвушкѣ съ нѣкоторымъ достаткомъ; съ ней онъ прижилъ нѣсколько дѣтей и въ это время, какъ я служилъ въ Соляной Конторѣ, переведенъ въ смотрители на Балахонской заводъ. Нигдѣ и никогда онъ отъ меня не отставалъ. Во время моего губернаторства, онъ, съ женой и семействомъ, перебрался ко мнѣ въ Володимеръ, и тутъ я его пристроилъ къ Инвалидному дому, давъ ему мѣсто надзирателя; здѣсь онъ овдовѣлъ и, нѣсколько лѣтъ спустя, потомъ женился на племянницѣ родной второй жены моей, Александрѣ Ивановнѣ Пожарской, почему и сдѣлался уже изъ кліентовъ моихъ, такъ сказать, мой родственникъ. По отставкѣ моей онъ втерся въ исправники и, потерявъ мой надзоръ, началъ портиться, привыкъ гулять и пить и, разойдясь съ своей женою, слонялся нѣсколько времени по разнымъ уѣздамъ и привезенъ больной въ Москву, гдѣ въ больницѣ несчастнымъ образомъ жизнь кончилъ. Я въ немъ всегда принималъ участіе и жалѣлъ о его худомъ поведеніи, но, не имѣя уже на него такого бдительнаго и строгаго вліянія, не могъ воздержать его и съ болѣзнованіемъ узналъ о его смерти, которая была слѣдствіемъ безпорядочной жизни послѣ нашей разлуки.

Филадельфи.

1-го Мая. Иностранецъ, памятной мнѣ навсегда, потому что въ самомъ здоровомъ состояніи тѣла заставилъ меня испытать всѣ страданія, предваряющія смерть. Вотъ какъ это случилось. Онъ снималъ съ натуры лѣпные бюсты и мастерски ихъ отработывалъ. Появясь въ Володимеръ, далъ мнѣ идею сдѣлать мою куклу. Я согласился и позволилъ. Онъ не хотѣлъ при сей операціи имѣть свидѣтелей; но доброй мой Венцъ, наставникъ дѣтей моихъ, хотѣлъ непремѣнно быть тутъ при мнѣ, и за эту осторожность я весьма ему былъ

благодаренъ. День назначенъ, явился Филадельфи ко мнѣ въ кабинетъ, въ вечеру, въ прекрасной лѣтній день; растворъ алебастровой принесенъ въ корытѣ, я посаженъ въ тѣ самыя большія кресла, на которыхъ скончалась жена моя, отъ шеи до ногъ завязанъ простынями, и началась штукатурка живого человѣка. Онъ не догадался для воздуха дать мнѣ въ ротъ соломенки (а мнѣ это и въ голову не вошло), началъ кидать мнѣ въ лицо теплой алебастръ, котораго теплота доставляла мнѣ сперва пріятныя ощущенія, но по мѣрѣ, какъ составъ высыхалъ, я чувствовалъ себя какъ бы засыпаннаго землею. Залѣпилъ онъ мнѣ всѣ отверстія глаза, уши, ротъ, оставляя носъ для воздуха, но какъ и тотъ началъ замыкаться известкой, то я, теряя постепенно воздухъ, началъ ныть и дергать ногами. Тутъ Италіянецъ тотчасъ разрѣзалъ со лба корку, и отвалилась вся моя харя мгновенно; минуту позже, и я бы задохнулся. Я этого опыта никогда не забуду. Подлинно, лицо мое вылилось отмѣнно схоже; да и какъ иначе быть? Вся натура напечаталась на алебастрѣ; послѣ онъ выработалъ и образовалъ полную статую во весь ростъ, совершенно близко изображавшую меня, такъ что многіе по ночамъ ея пугались, особенно когда я приказывалъ ее выставить или въ домашній театръ, въ свою ложу, вмѣсто себя, во время зрѣлища, или на балѣ, въ залѣ, танцуя и проводя даму мимо моего истукана, сидящаго на креслахъ. Многіе, вмѣсто меня, кланялись ему; а иные, находя что-то мертвенное, боялись и входить въ ту комнату при освѣщеніи вечернемъ. Я отдалъ эту статую въ гимназію послѣ себя, и такъ какъ обыкновенно водится съ людьми, вышедшими изъ моды, ее, по отставкѣ моей, бросили, обломали, и теперь не осталось ни крошки. Я заплатилъ тогда на отдѣлку ея сто рублей г-ну Филадельфію и смѣло отвѣчаю, что самъ бы не взялъ тысячи съ художника за то, чтобъ въ другой разъ выдержать такую же съ нимъ аудіенцію. Долго послѣ оной я былъ въ страхѣ, чтобъ не потерять зрѣнія: ибо, для скорѣйшаго отъема съ лица маски, надобно было рѣсницы и брови смазать масломъ, и употребили на это какое-то самое душистое и сильное; только сутки двое послѣ отъ него у меня глаза горѣли, и я ощущалъ въ нихъ рѣзь, отъ которой боялся, что и лѣка-

ря меня не освободятъ. Но все прошло благополучно, и Филадельфи былъ въ торжествѣ, что такъ удачно представилъ меня въ кумирѣ.

Филатьева.

23-го Декабря. Софья Ивановна, дочь двоюродной сестры моей, княгини Урусовой, отъ перваго мужа ея, Кологривова, дѣвушка воспитанная въ монастырѣ, скромная, тихая и благонравная, искреннѣйшая подруга моей старшей дочери, покойной Маши. Она была замужемъ за Филатьевымъ и, приживъ съ нимъ нѣсколько дѣтей, въ молодости еще цвѣтущей скончалась. Союзъ дочери моей съ ней такъ былъ тѣсенъ, что она, написавши отрывками картину своихъ чувствъ и мыслей, разительнымъ слогомъ сердца, никому при кончинѣ не хотѣла рукописи своей довѣрить, кромѣ Софьи. Я бралъ ее читать и съ сугубымъ сожалѣніемъ видѣлъ въ ней статьи, означавшія высокость духа дочери моей и непоколюбимую твердость ея характера. Эта рукопись, сильно на меня подѣйствовавъ, никогда не изглядится изъ памяти моей, въ которой и Филатьева, по связи ея съ дочерью моей, вѣчно жить будетъ. Обѣ эти подруги живутъ теперь въ селеніяхъ небесныхъ; а мнѣ осталось въ удѣлъ оплакивать ту и другую неразлучно, какъ юныхъ жертвъ неумолимаго рока, похитившаго ихъ у свѣта, въ которомъ онѣ сотворены были и свое найти счастіе, и доставить его другимъ. Но Вѣчный такимъ чистымъ сердцамъ предназначаетъ всегда жилища неба, какъ говоритъ Соломонъ, да не лесть прельститъ душу его, или злоба измѣнитъ разума его.

*

24-го. Сегодня бывала имянинница Евгенія, существо безподобное на землѣ, ангельское за гробомъ! Я увѣренъ въ томъ всѣми моими чувствами. Сегодняшнее число было для меня 17 лѣтъ днемъ торжественнымъ всѣхъ радостей земныхъ, и вотъ столько же, что оно сообщаетъ сердцу моему одну духовную радость въ высшемъ степени ея въ человѣчествѣ. Такъ! Со времени кончины Евгеніи я день сей

посвятилъ одному Богу, давшему ее мнѣ и похитившему отъ взора моего на вѣки. Съ того времени я принялъ непреложное обѣтованіе причащаться божественной трапезы, по очищеніи грѣховъ покаяніемъ; и такъ я сегодня не существую въ мірѣ, я весь на небѣ! Я тамъ, гдѣ Евгенія! Я мысленно соединяюсь съ ней и, принявъ чашу спасенія, стремительно теку на гробъ ея. Тамъ, лобзая холодной камень, сокрывающій прахъ ея, проливаю умилительныя слезы глубокой печали. Жажду, жажду сокрыться тамъ же. Никто не представляется моему помышленію, все забыто около меня въ мірѣ. Кромѣ могилы ея нѣтъ предмета; кромѣ меня при ней нѣтъ существа во всей подсолнечной для моего воображенія. И оно, и умъ, и сердце, и духъ, все пригвождается ко кресту моихъ страданій, къ вмѣстилищу смертныхъ остатковъ Евгеніи. Весь я тутъ, но нигдѣ болѣе. Весь я въ ней, и никто участія во мнѣ не имѣетъ. Весь я въ небѣ, и земля ничѣмъ моимъ не владѣетъ! Того ради не выставлено подъ симъ числомъ ни чье имя стороннее, ни чье кромѣ Евгеніи, которую одну воспоминаю съ восторгомъ во всѣ минуты ея жизни, на всякомъ мѣстѣ общаго нашего пребыванія, въ бѣдахъ и въ радости, въ праздникъ и въ будни, въ чертогахъ и въ тѣснотѣ, въ изобиліи и въ убожествѣ, вездѣ, вездѣ, гдѣ я ни раздѣлялъ съ ней любовь, дыханіе и жизнь! И кто изъ смертныхъ, кто станетъ рядомъ съ сей женщиной, несравненной въ моихъ чувствахъ? Никто изъ земнородныхъ! Никто! Богъ и Евгенія!!! Все прочее чуждо мнѣ сегодня.

„Евгенія была изящность естества:
Семнадцать лѣтъ вкушалъ съ ней райскихъ дней блаженство,
Въ чертахъ ея лица зрѣлъ міра совершенство,
Въ чертахъ ея души зрѣлъ благость Божества!“

Такъ о ней разумѣлъ, такъ вѣщалъ, писалъ, печаталъ въ книгахъ, чеканилъ на монументахъ гибельныхъ, врѣзывалъ въ скрижаль души нетлѣнной; такъ чувствовалъ и чувствовать буду до послѣдняго моего издыханія!

Хвостовъ. † 1836.

16-го Сентября. Графъ Дмитрій Ивановичъ, ревностной, но несчастной писатель нашего времени. Онъ всякое сочиненіе свое доставляетъ мнѣ при благосклонныхъ письмахъ и, не удовлетворясь тѣмъ, разсудилъ на мое имя написать посланіе, на которое я отвѣтствовалъ ему такимъ же; но оно не попало въ послѣднее изданіе моихъ трудовъ. По сенаторству человѣкъ неважной, по стихотворству еще меньше, онъ сдѣлался предметомъ общей критики; но я не почитаю себя въ правѣ судить его въ этомъ родѣ, а жалѣю, что онъ безъ вдохновенія Аполлона пишетъ, какъ цеховой, стихи на всякой случай, какой бы ни повстрѣчался у двора, при дворѣ и для двора.

Херасковъ.

21-го Января. Михаилъ Матвѣевичъ. Мужъ, исполненный благихъ свойствъ ума, обогащенный познаніями, Несторъ нашего Парнаса, единственный создатель Россійской эпопеи, въ которой не было и нѣтъ ему совмѣстника. Онъ былъ кураторомъ Университета. Я въ его время обучался въономъ и пользовался его благоволеніемъ. Помню донынѣ одинъ краткій разговоръ мой съ нимъ о поэзіи. Я пріѣхалъ къ нему на поклонъ въ Очаковъ, подмосковную, въ которой онъ провождалъ время у сродниковъ своихъ, Трубецкихъ. Тогда мои стихи начинали печататься въ періодическихъ журналахъ, и одна книга уже вышла въ публику. Онъ сталъ объ ней разсуждать со мной и, давая мнѣ полезныя наставленія, раскритиковалъ всѣ мои труды, говоря, что у меня есть талантъ, но что я не прилежу, худо вырабатываю свои произведенія, не наблюдая правилъ прозодіи; словомъ, выслушалъ я цѣлую лекцію, послѣ которой, вдругъ и въ свободномъ порывѣ духа, съ улыбкой иронической, какъ будто надъ самимъ собой, произнесъ сей философъ: „При всѣхъ, однако, сихъ недостаткахъ, признаюсь, что я люблю васъ читать, и самыя бездѣлки мнѣ нравятся.“ Отвѣтъ мой былъ

рѣзокъ: „О! Естьли это такъ, милостивой государь, то я и поправиться не хочу. Мнѣ больше чести быть такимъ, какимъ я вамъ нравлюсь, нежели искать совершенства, котораго не найду и потерять преимущество, коимъ, по собственному вашему признанію, нынѣ пользуюсь.“ Я этого разговора съ Херасковымъ не забуду. Изъ онаго остается вывести слѣдующее заключеніе: что можно быть во всѣмъ правилахъ піитомъ и наскучить всѣмъ; тогда какъ другой, составя для себя оригинальную систему, напишетъ безъ утонченныхъ правилъ и плѣнитъ самаго искуснаго читателя.

Хилковъ.

20-го Апрѣля. Князь Михайла Петровичъ. Дѣтина немудрой, но мнѣ памятной по одной смѣшной проказѣ, въ которой дѣйствующими лицами были только мы двое. Онъ служилъ въ Семеновскомъ полку сержантомъ, а я адъютантомъ; часто видались, и онъ меня крайне полюбилъ. Когда бывало соскучится, никого нѣтъ: Хилковъ всегда готовъ раздѣлять со мной несносную минуту. Вздумалось мнѣ однажды, въ день моего рожденія, 7-го Апрѣля, съѣздить обѣдать одному за городъ, на Петергофскую дорогу, какъ можно далѣе. Я предложилъ ему раздѣлить со мной бесѣду; онъ согласился, и я ему сказалъ: „Станемъ, Хилковъ, въ этотъ день жить для себя!“ Наступилъ сказанной день, мы поѣхали въ коляскѣ. Чтó далѣе мы подавались въ дорогу, тѣмъ была она хуже и неприступнѣе; не забудьте, что въ началѣ Апрѣля около Питера вездѣ еще лежатъ снѣжныя горы. Отъѣхавши верстъ пятнадцать, мы стали ни туда ни сюда, ни впередъ нельзя было двинуться, ни назадъ подать коляски; ибо она врылась въ снѣжную глыбу по ступицу, а вытащить некому; за нами одинъ слуга. Итакъ, мы рѣшились шествовать домой пѣшкомъ, передрогли какъ собаки, устали какъ фельдъегерь, воротившійся изъ Сибири, и кое-какъ допнали къ себѣ домой около вечера, не ѣвши, не пивши. Дóма обѣда не готовили. Пока послали въ лавочку, пока намъ что-то состряпали, мы очень непріятно другъ на друга посматривали. Когда наѣлись, напились, отдохнули и согрѣлись, начали мы

надъ собой хохотать, какъ безумные. Хилковъ вмѣнялъ себѣ въ героической подвигъ пріязни, что онъ вытерпѣлъ такое изнеможеніе добровольно; а я смѣялся надъ нимъ, что онъ такъ оплошалъ и не увернулся отъ моей глупой поѣздки, подобно прочимъ, коихъ я приглашалъ, и никто не согласился со мной безъ нужды дурачиться. Хилковъ съ тѣхъ поръ и понынѣ помнитъ этотъ неудачной поѣздъ и часто говоритъ мнѣ: „Я знаю, чтó такое жить для себя, я выученъ.“ Пословица эта всегда меня разсмѣшитъ; не помню только, которой годъ моей жизни я такъ началъ, но думаю, что не самой еще благоразумной. Въ послѣдующіе за нимъ я живалъ очень часто для себя, но уже въ другомъ родѣ и гораздо удачнѣе; а Хилковъ только на ту пору и воспользовался моей пріязнью, какъ надобно было, живучи для себя, въ удовольствіе мое вытерпѣвъ всякое озлобленіе плоти и духа. Вотъ что значитъ усердіе съ простотой: будь Хилковъ поострѣе, такъ бы онъ не попалъ въ этотъ омутъ, изъ котораго мы пѣшкомъ улепетывали въ городъ, какъ добрые русаки, преслѣдуемые гончими. Чего на свѣтѣ не встрѣтится? Онъ думалъ, что мы сыграли роли Пилада и Ореста, а на дѣлѣ вышло, что я блажной повѣса, а онъ простофиля.

Хилковъ.

12-го Іюня. Князь Михайла Яковлевичъ *). Было время, что мы каждой день неразлучно видѣлись: онъ охотникъ былъ до музыки и до театровъ, оба мы были молоды и вертѣлись на юру большаго свѣта. Бывало, гдѣ я играю на театрѣ, тамъ вѣрно Хилковъ заправляетъ оркестромъ. Онъ прекрасной имѣлъ талантъ музыкальной на скрыпкѣ; гдѣ Хилковъ даетъ концертъ, тамъ я непремѣнно его заслушиваюсь; и такъ мы провели нѣсколько зимъ въ Москвѣ наипріятнѣйшимъ образомъ. Короткія наши знакомства были одни и тѣже, не говоря уже о нашемъ домѣ, въ которомъ онъ являлся, когда ни пришлютъ за нимъ. Сколько мы съ нимъ раздѣлили веселыхъ вечеровъ и лѣтнихъ, и зимнихъ! Сколько мы въ свой вѣкъ рѣзвились и въ невинныхъ забавахъ разставались, когда солнышко всходитъ! Много, много

*) Отецъ извѣстнаго въ наши дни князя Александра Михаиловича. П. Б.

случаевъ напоминаетъ мнѣ имя Хилкова, которые составляли прелесть жизни моей, какъ былъ я молодъ. Теперь мы оба ни на что не годимся: онъ удалился въ деревню, я уединяюсь въ городѣ, и мы уже другъ съ другомъ Богъ знаетъ сколько лѣтъ не видались. Все со временемъ проходитъ. Пѣснь моя справедлива: тяжело переживать тѣ опыты, которые насъ въ столь печальной истинѣ удостовѣряютъ.

Хлопова.

29-го Ноября. Анна Ивановна, молоденькая, хорошенькая дѣвушка, въ которую я влюбился въ театрѣ. Не прогнѣвайтесь, такъ случилось. Это дурачество продолжалось цѣлую зиму. Я къ нимъ не ѣздилъ, и только могъ видѣть ее въ театрѣ; ибо у матери ея была ложа годовая, а я былъ еще мальчикъ. Такъ какъ мнѣ не всегда давали денегъ, чтобъ платить всякой разъ за входъ въ театръ, то я нарочно пригонялъ къ тому времени, какъ бывалъ изъ театра разъѣздъ, заверну въ него и дожидаюсь ея въ коридорахъ. Тутъ, при выходѣ изъ ложи, встрѣчу ее, солгу, что я былъ въ партерѣ, возьму за руку и провожу до кареты, отпущу ей слова два о своей страсти, тяжело вздохну, пожму бѣлинькую ея рученку и, посадя въ карету, поскачу домой удивительно какъ счастливъ и цѣлой вечеръ тамъ отъ радости улыбаюсь. А когда не было театра, то я, зная гдѣ ихъ домъ, ѣзжалъ разъ по пяти въ сутки мимо, въ чаяніи увидѣть ее подъ окошкомъ. Амуръ мой такъ былъ простъ, что я не умѣлъ и этого разобрать, что зимой, за двойными окончинами, кои снѣгомъ занесло и морозомъ заиндивило, никакой барышни изъ кареты не разглядишь, ни самой Венеры. Такъ дурачился я и волочился за ней цѣлую зиму, послѣ никогда и нигдѣ ея не видалъ. Говоря о ея семействѣ, помѣщу здѣсь анекдотъ весьма любопытной на счетъ ея матери. Она женщина была добрая и, какъ думать надобно, проста въ обычаяхъ. Я былъ еще сущій ребенокъ и боленъ къ смерти, мать моя въ горяхъ страшныхъ. Одного сына терять ужасно! Пріѣзжаетъ какъ-то старушка Хлопова къ намъ съ визитомъ, застаетъ матушку въ отчаянныхъ слезахъ,

узнаётъ причину и предлагаетъ ей купить меня, говоря, что симъ средствомъ часто исцѣляются малолѣтныя дѣти. Суевѣріе пустое; но на что не согласится мать, которой жаль ребенка? Матушка меня продала, взяла за меня гривну. Чтó же вышло? Я дѣйствительно выздоровѣлъ и живу, слава Богу, шестой десятокъ; а бѣдная Хлопова, имѣвши четырехъ дочерей, всѣхъ перехоронила на возрастѣ, и одна осталась какъ перстъ (всѣ померли чахоткой). Та самая, въ которую я былъ влюбленъ, Анна, успѣла выйти замужъ и въ молодости умерла. Странной, но рѣдкой случай роковой! Когда послѣ того г-жа Хлопова видалась съ матушкой, всегда напоминала ей этотъ случай, говоря: „Ну ужъ сокомъ вышла мнѣ моя покупочка!“ Она, я думаю, бѣдная, болѣе и чаще вспоминала обо мнѣ, нежели я о любезной дочери ея, когда театры перестали быть для насъ мѣстомъ ежедневнаго свиданія.

Хованской

6-го Марта. Въ сіе число я нѣкогда прибылъ на губернаторство въ Володимеръ. Естественно упомянуть подъ онымъ о первомъ лицѣ, съ которымъ я свелъ въ городѣ знакомство.

Князь Сергій Николаевичъ, холостой, доброй малой; я засталъ его тутъ вице-губернаторомъ и жилъ съ нимъ очень дружно. Не обзаведясь еще своимъ хозяйствомъ и на первыхъ порахъ пріѣхавши одинъ, я стоялъ у него въ домѣ, и онъ старался доставить мнѣ всякое удовольствіе и разсѣяніе; потомъ мы ежедневно были вмѣстѣ и обращались между собой, какъ братья. Ни по службѣ, ни по общежитію не происходило у насъ не только ссоръ, ниже крупной размолвки. Мы подлинно показали публикѣ рѣдкой примѣръ, что двѣ сіи власти, губернаторъ и вице-губернаторъ, могутъ быть дружны и согласны, когда они одинаково благородно воспитаны и руководствуются равно правилами честности. Вездѣ сіи два лица ссорились, я самъ былъ подверженъ сему искушенію въ Пензѣ и скоро потомъ въ самомъ Володимерѣ; но съ Хованскимъ въ такомъ былъ согласіи, что никто и никакія усилія не могли разорвать онаго. Такое благосостояніе собственное наше имѣло большую и естественную связь

съ спокойствіемъ общимъ всей губерніи. Оно недолго продолжалось: мы съ годъ послужили вмѣстѣ, и Хованской переведенъ въ губернаторы въ Симбирскъ. Разлука прекратила наши отношенія, мы остались только знакомы; но пріязнь безъ пищи ежедневной рѣдко поддерживается: онъ шелъ своимъ путемъ, я своимъ, и мы нигдѣ уже не сошлись. Онъ женился, прижилъ нѣсколько дѣтей и скоро умеръ. Случаи, постигавшіе насъ взаимно въ службѣ нашей, были мнѣ назидательнымъ урокомъ и утвердили меня въ той непреложной истинѣ, что все на свѣтѣ суета. Будучи сперва подъ моимъ начальствомъ, онъ едва попалъ въ губернаторы, какъ сталъ меня обходить. Прежде меня ему дали столовыя деньги и ленту и хотя, признаюсь, самолюбіе мое отъ того страдало, но я благодарю Бога, что Онъ меня подобными искушеніями привелъ къ познанію тщетности всѣхъ тѣхъ отличій, кои воздымаютъ гордой духъ и кои я нынѣ чистосердечно презираю.

Хрущовъ.

24-го Мая. Незабвенный день Саватайпольскаго сраженія! Тебя ежегодно въ оной съ умиленіемъ вспомнитъ тогдашній доблественный герой, усерднѣйшій твой подчиненный.

Алексѣй Ивановичъ, генералъ-маіоръ, командовавшій отдѣльнымъ деташментомъ во время Шведскаго похода въ Саватайполѣ, гдѣ онъ одержалъ побѣду надъ Шведами, пришедшими атаковать его, подъ покровительствомъ любимца королевскаго, генерала Армфельда. Мы съ своимъ баталіономъ состояли подъ его командой и все лѣто провели у него въ Саватайполѣ. Онъ былъ очень обходителенъ и любезенъ, а ко мнѣ особенно милостивъ, чего я никогда не забуду. Онъ всячески старался дать мнѣ случай отличиться; но послѣ Саватайпольскаго сраженія, котораго мы не застали, онъ уже не имѣлъ никакой стычки съ непріятелемъ. Я всякой день бывалъ въ его обществѣ, и онъ принималъ во мнѣ усердное участіе. Во свидѣтельство его нѣжнаго обращенія со мной, приведу здѣсь одинъ опытъ. Роты моей солдатъ стоялъ у него на часахъ. Онъ зналъ, что я командую седьмой и замѣтилъ, что у часового ружье безъ кремня. Ни сло-

ва никому не сказавши, выждалъ моего посѣщенія и, пошедши со мной по лагерю гулять, остановился противъ солдата, взглянулъ на него, потомъ на меня, улыбнулся и сказалъ: „Пожалуста, братецъ, замѣть ротному командиру, чей караулъ сегодня, что у него часовые наряжаются къ генералу безъ кремней." Я понялъ тотчасъ этотъ вѣжливый выговоръ, который на меня стократно болѣе подѣйствовалъ, чѣмъ всякія досадительныя и колкія укоризны. Онъ вѣжливъ былъ даже и въ командѣ. Случилось намъ, въ ожиданіи непріятеля, которой рекогносцировалъ съ озера нашу позицію на лодкахъ, разставленнымъ быть въ боевой порядокъ по батареямъ; я стоялъ на берегу озера. Хрущову вздумалось дать мнѣ приказъ; онъ не кричалъ: „Гей! Ты такой-то, туда или сюда!" какъ дѣлали многіе, но весьма хладнокровно, подъѣхавши ко мнѣ верхомъ, сказалъ: „Господинъ капитанъ!" и потомъ отдалъ мнѣ свое повелѣніе. Никто не имѣлъ случая пожаловаться на его грубость, со всѣми былъ учтивъ и благопривѣтливъ. По замиреніи онъ взялъ меня съ собой въ Шведской лагерь и тамъ доставилъ мнѣ случай видѣть короля и быть на всѣхъ его полевыхъ праздникахъ. Послѣ Шведской войны я не видался съ нимъ нигдѣ почти, а онъ былъ потомъ употребленъ въ Польшѣ и, дослужась чина полнаго генерала, умеръ. Я сохраню во всю жизнь мою въ памяти милости его ко мнѣ и отличное вниманіе.

Цвѣтаевъ.

26-го Апрѣля. Алексѣй Алексѣевичъ. Молодой человѣкъ, которой жилъ у меня въ домѣ и въ Пензѣ, и въ Володимерѣ: тамъ онъ былъ сперва моимъ секретаремъ, потомъ виннымъ приставомъ, а здѣсь секретаремъ же и послѣ директоромъ училищъ. Въ Соляной Конторѣ служилъ при мнѣ столоначальникомъ. Онъ ко мнѣ былъ очень привязанъ; отецъ его нашъ приходскій священникъ въ Москвѣ. У него только было два сына. Алексѣй по службѣ вездѣ путешествовалъ со мною, и чрезъ долгое время я въ немъ имѣлъ хорошаго сотрудника въ дѣлахъ царскихъ и сотоварища въ моей домашней жизни; братъ его, Левъ, также хорошо былъ воспитанъ,

учился въ Университетѣ, ѣздилъ во Францію и теперь статскій совѣтникъ, профессоръ и кавалеръ, онъ обучалъ дѣтей моихъ Россійской грамотѣ; и братъ его большой, Алексѣй, также взятъ мною съ начала изъ Университета и, дослужась чина надворнаго совѣтника, сдѣлался гипохондрикомъ, почти помѣшался и въ жалкомъ состояніи умеръ. Памятной анекдотъ для меня въ отношеніяхъ моихъ съ нимъ тотъ, что когда я переѣзжалъ изъ Москвы въ Володимеръ на житье, то онъ ѣхалъ со мной въ коляскѣ и былъ свидѣтелемъ одинъ тогдашней неизреченной моей тоски, которая какъ бы предзнаменованіемъ была тѣхъ событій, кои меня проводили изъ Володимера. Подъѣзжая тогда къ границѣ Московской губерніи, я остановился, выскочилъ изъ коляски, поклонился до полу моей родинѣ и взялъ кусокъ земли ея, которую положилъ въ карманъ и съ собой довезъ въ Володимеръ. Одинъ Алексѣй Цвѣтаевъ это видѣлъ, и я не забуду никогда сего случая, слѣдовательно и того, при комъ оной произошелъ. Тотъ же Цвѣтаевъ, когда я удостоился званія почетнаго члена Университета, подносилъ мнѣ дипломъ, сопровождаемъ будучи всѣми чинами ученаго сословія въ Володимерѣ. Минута торжественная для тщеславія и которой я тогда насладился въ полномъ избыткѣ сего чувства.

Княгиня Циціанова.

18-го Февраля. Сегодня нѣкогда родилась первая дочь моя Марья. Воображеніе мое представляетъ мнѣ при семъ радостномъ случаѣ выше именованную особу.

Княгиня Варвара Егоровна, дама для меня незабвенная по одному только, но прекрасному ея съ нами поступку. Первая жена моя была съ ней знакома, и мы иногда ѣзжали обѣдать къ ней запросто. Случилось однажды Евгеніи, будучи беременной на сносяхъ, заиграться у нея въ карты; мука ее приняла неожиданно. Княгиня оказала ей всѣ нужныя услуги по ея положенію, довезла ее домой и была воспреемницей того ребенка, котораго жена благополучно въ ту же ночь родила. Это была Маша. Батюшка крестилъ ее съ княгиней, и она съ тѣхъ поръ всегда уважаема была въ на-

шемъ домѣ. Время разлуки нашей съ Москвой прекратило и нашу съ ней связь, и уже я потомъ нигдѣ ея не видалъ, а помнить буду, доколѣ проживу.

Цуриковъ.

14-го Февраля. Алексѣй Лаврентьевичъ. Офицеръ кирасирскаго полку, того самаго, которымъ командовалъ въ Варшавѣ дядя мой, баронъ Строгановъ. Его-то прислалъ онъ къ отцу моему на курьерскихъ съ патентомъ короля Польскаго для меня на чинъ полковника. Симъ случаемъ онъ съ нами ознакомился; батюшка его подарилъ, и онъ сдѣлался въѣзжъ въ нашъ домъ. Будучи слабаго сложенія, недолго жилъ, и мы, въ первой нашей молодости, лишились въ немъ хорошаго товарища въ домашней круговенькѣ. Всякой разъ, когда перебирая старыя свои бумаги, взгляну на Станиславовъ патентъ, то и Цурикова вспомню; а какъ описываемое происшествіе случилось именно сего числа, то здѣсь ему и мѣсто.

Чеботаревъ.

3-го Декабря. Харитонъ Андреевичъ, профессоръ Университета. Батюшка его узналъ еще въ молодости его: онъ былъ студентомъ и давалъ намъ уроки; онъ меня выучилъ Латинскому языку и доставилъ мнѣ случай слушать университетскія лекціи, которыя тогда преподавались въономъ по латыни. Чеботаревъ экзаменовалъ меня при вступленіи въ Университетъ и удостоилъ студенческаго званія; я продолжалъ у него обучаться и тамъ. Онъ сочинилъ ту рѣчь, которую я произнесъ съ каѳедры, въ торжественномъ собраніи по случаю рожденія нынѣшняго Императора. Всякой годъ послѣ экзаменовъ я удостоиваемъ былъ получать за успѣхи въ классѣ его какое нибудь награжденіе. Онъ со мной обходился, какъ человѣкъ искренно меня любившій. По его рекомендаціи я былъ наименованъ авскультантомъ Вольнаго Россійскаго Собранія, котораго онъ былъ членомъ; словомъ, я ему обязанъ какъ успѣхами моими въ образованіи по Университету, такъ и всѣми пріятными преимуществами, кои-

ми я въ ономъ отлично предъ другими пользовался. Онъ остался мнѣ хорошимъ наставникомъ и послѣ окончанія наукъ, посѣщалъ домъ нашъ, принималъ меня дружелюбно къ себѣ, по дѣламъ Владимирской гимназіи переписывался со мной просто, безъ этикетовъ, способствовалъ печатать разныя мои произведенія и до конца дней своихъ не перемѣнялъ пріятныхъ со мной поступковъ. Я часто посѣщалъ его въ параличномъ его недугѣ, и онъ со мной бесѣдовалъ непринужденно. Я съ сердечнымъ сокрушеніемъ узналъ о его кончинѣ и проводилъ гробъ его до Ваганьковскаго кладбища, на которомъ, когда бываю, всегда вспомню его и съ умиленіемъ помолюсь о упокоеніи души его.

Чемесовъ.

17-го Іюля. Ефимъ Петровичъ, бывшій нѣкогда воеводой въ Пензѣ, Зажиточной тамошній помѣщикъ, человѣкъ многосемейной, роскошной и тщеславной. Пріѣхавши туда на службу, я съ первымъ съ нимъ ознакомился, потому что одинъ изъ сыновей его служилъ въ мое время въ Семеновскомъ полку сержантомъ, и по этому я въѣхалъ прямо въ домъ къ отцу его; казенной слишкомъ былъ огроменъ для меня одного. Онъ очень гостепріимно удержалъ меня у себя до пріѣзда жены моей съ семействомъ, отвелъ мнѣ хорошіе покои и обходился со мной, какъ съ роднымъ. Я не могу понынѣ забыть такого доброхотства, тѣмъ болѣе достойнаго признательности, что г-нъ Чемесовъ не имѣлъ до меня никакой нужды, и тутъ нельзя было предполагать личной выгоды, а единственно проистекало оно отъ благосклоннаго его свойства, при маленькомъ тщеславіи. Онъ любилъ давать балы и пиры, я ихъ очень много отпраздновалъ въ его домѣ, и онъ, не смотря на ссору мою съ губернаторомъ, всегда обходился со мной ровно и хорошо, хотя былъ тому, по женѣ его, дядя родной. У меня есть въ рукописныхъ стихотвореніяхъ отрывокъ, въ которомъ говорится шутливымъ образомъ о Пензѣ и его воеводствѣ (оно никогда не выйдетъ въ свѣтъ). Ефимъ былъ плохой судья, плохой воевода, но доброй мужикъ, не зналъ ни одного слова иностраннаго, а влюбленъ

въ Вольтера. Не смотря на всѣ его прочіе недостатки, я его всегда буду помнить, какъ добраго человѣка, оказавшаго мнѣ, во время жительства моего въ Пензѣ, разныя пріятныя услуги, а пословицу его я очень часто приводилъ себѣ на память. Онъ сплошь говаривалъ губернатору, не обинуясь, когда тотъ, разсуждая о градоправительствѣ, сбивался съ толку: „Эхъ, ваше превосходительство, вѣдь городомъ-то править не рукавомъ трясти“. Много у него было подобныхъ выраженій собственно своихъ, которыя погрѣшали, можетъ быть, противъ чистоты отборнаго свѣтскаго разговора, но никогда не были въ раздорѣ съ здравымъ смысломъ.

Чернышовъ.

25-го Сентября. Графъ Григорій Ивановичъ, камергеръ при Екатеринѣ, сынъ знаменитаго вельможи того времени. Встрѣчаясь съ нимъ часто въ большомъ свѣтѣ, я пріобрѣлъ личное его знакомство и пріязнь. Тогда и то и другое имѣло нѣкоторую цѣну. Онъ мнѣ подарилъ множество Французскихъ книгъ, кои были у него вдвойнѣ и изъ которыхъ иныя съ его вензелями у меня донынѣ сохранились. По милости его я попалъ въ актеры ко двору; онъ заправлялъ этой забавой при дворѣ Ихъ Высочествъ и, услышавъ о моемъ талантѣ, расположилъ Великую Княгиню къ приглашенію меня въ ихъ труппу. Всѣ переговоры объ этомъ шли черезъ него, и я наконецъ завербовался. Говоря въ другомъ мѣстѣ о подробностяхъ сего случая, я уже здѣсь повторять ихъ не стану (см. лит. Б. Бенкендорфъ), а разскажу анекдотъ, которой именно относится къ Чернышову. По представленіи той драмы, которая дана была для сюрприза Великой Княгини, когда я переодѣвался изъ костюма въ свой кафтанъ, Чернышовъ прибѣжалъ ко мнѣ и торопливо извѣстилъ меня, что Ихъ Высочества приготовили мнѣ прекрасной подарокъ, которой тотчасъ и принесутъ. Признаюсь, что я до такого малодушія тронулся этимъ, что вдругъ заплакалъ, и Чернышовъ остался пораженъ. Я ему успѣлъ изъяснить, сколько это обидно и уничижительно для меня быть на ровнѣ съ артистами наемными, что я ожидалъ чести быть допущенъ въ общество Ихъ

Высочествъ, но что ежели сего имъ не угодно, то я тотчасъ же поѣду обратно домой, а подарка не только не приму, но, можетъ быть, въ первомъ движеніи съ грубостью отзовусь, и для того просилъ меня избавить отъ всякихъ хлопотъ и неудовольствій. Чернышовъ вошелъ въ мое положеніе, понялъ правильное мое оскорбленіе и, растрогавшись самъ моимъ замѣшательствомъ, побѣжалъ въ дворецъ, предупредилъ подарокъ, не допустилъ прислать его ко мнѣ, и очень скоро послѣ того пришелъ ко мнѣ Бенкендорфъ звать меня въ покои. Тутъ я отдохнулъ и, удостоясь быть Ихъ Высочествамъ представленъ, получилъ свободной входъ къ нимъ на всѣ публичныя ихъ приглашенія. Живучи по временамъ въ загородныхъ домахъ Великаго Князя и всегда играя комедіи съ Чернышовымъ, я сдѣлался съ нимъ коротко знакомъ, и связь наша продолжалась столько же, сколько театръ и забавы меньшаго двора. Потомъ мы разстались, разъѣхались въ разныя стороны, и короткость наша исчезла; но я и теперь, какъ вижусь съ нимъ, хотя и рѣдко, люблю вспоминать время моего съ нимъ знакомства, и, встрѣтившись, оба наслаждаемся воображеніемъ тѣхъ дней, въ которые были молоды.

Чириковъ.

27-го Мая. Николай Александровичъ. Молодой малой, сержантъ гвардіи въ одномъ полку со мной, какъ я былъ адъютантомъ, слѣдовательно иногда зависѣвшій отъ меня. Онъ былъ мнѣ хорошій пріятель, по равенству нашего возраста, и однажды, нарядя его на караулъ безъ очереди (потому что Ржевской, которой жилъ въ одномъ домѣ со мной, полѣнился выйти и сказался больнымъ), такъ его огорчилъ, что онъ пришелъ требовать отъ меня причины, почему онъ долженъ служить за другихъ. Исчезла пріязнь, и началась команда. Я рѣзко ему отвѣчалъ, что Ржевской, будучи боленъ, настоящая подъ нимъ очередь его. Къ несчастію, Ржевской мой тогда очень неосторожно забавлялся въ халатѣ на голубятнѣ и гонялъ турмановъ. Чириковъ его тамъ завидѣлъ и сказалъ: „Нѣтъ, онъ не боленъ, а гоняетъ голубей;“ я сталъ безъ оправданія и принужденъ былъ это поправить,

разумѣется, нарядя другого унтеръ-офицера, которой былъ не такъ смѣлъ, какъ Чириковъ, въ надеждѣ на мою пріязнь, и мы всѣ трое, онъ, Ржевской и я, благополучно остались дома и цѣлое утро прошалберили. Мелочной анекдотъ, но пріятно вспомнить его, потому что онъ указываетъ, какъ добродушно и просто молодые люди того вѣка обращались между собою: какое-то было между ими искренное братство, которое наполняло удовольствіемъ и жизнь домашнюю, и самую службу. Послѣ гвардіи я уже не имѣлъ случая съ нимъ видѣться, потому что онъ какъ-то несчастливо повредился въ умѣ и жилъ одинъ, запершись въ своихъ стѣнахъ, хотя имѣлъ жену и дѣтей и, овдовѣвши отъ первой, успѣлъ еще до сумашествія жениться на другой. Братъ его, Петръ, тотъ также служилъ подъ моимъ начальствомъ и ходилъ со мной въ походъ, которой весь отправилъ, будучи офицеромъ моей роты. Мы и съ нимъ жили очень согласно; однако между братомъ его Николаемъ и мной болѣе было короткости и дружества.

Шабанъ.

2-го Марта. Monsieur Chabane, Французъ. Во время войны съ Наполеономъ онъ взятъ былъ въ плѣнъ, служа унтеръ-офицеромъ гусарскимъ; а такъ какъ всѣ плѣнные препровождались во внутреннія Россійскія губерніи чрезъ Володимеръ, гдѣ мнѣ поручено было ихъ разсылать по привозѣ съ границъ въ разныя стороны, то и Шабана привезли съ собой господа штабъ-офицеры, плѣнные же, Lagrange и Ségur; потому что Шабанъ былъ старинной дворянинъ хорошей фамиліи, сынъ престарѣлаго генерала, мальчишка лѣтъ 19-ти, и по симъ уваженіямъ они взяли его подъ свое покровительство и везли его съ собою. На бѣду мальчикъ захворалъ и слегъ въ Володимерѣ горячкой; везти его далѣе было невозможно, не рискуя его уморить на пути. Товарищи его сжалились надъ нимъ, просили меня оставить его въ лазаретѣ, съ тѣмъ, чтобъ, по выздоровленіи, отправить къ нимъ. И такъ Шабанъ остался на моихъ рукахъ. За нимъ приставленъ былъ отъ меня особой присмотръ, лѣчили его и содержали наилучшимъ образомъ; натура помогла, и онъ на-

чалъ оправляться, но мнѣ жаль было послать его къ Сегюру на Вологду, потому что онъ былъ слабъ, и я позволилъ ему жить въ моемъ домѣ до совершеннаго выздоровленія. Между тѣмъ заключенъ миръ, и онъ уже не въ Вологду, а прямо на родину свою отъ меня отправленъ, и до границы провожалъ его офицеръ въ покойной бричкѣ, такъ что онъ никакого изнуренія, ни недостатка, испытать не могъ. Этотъ молодой человѣкъ, живучи въ моемъ домѣ, такъ сильно почувствовалъ цѣну оказанныхъ ему услугъ, что плакалъ, какъ дитя, прощаясь съ нами. Пріѣхавъ на границу, онъ меня благодарилъ письменно; мнѣ самому чрезвычайно его было жаль. Пусть посудятъ, какъ я удивился, когда годъ спустя и я начиналъ уже забывать о немъ, вдругъ получилъ изъ Парижа письмо отъ Шабана, въ которомъ онъ, воротясь на родину свою, снова благодарилъ меня, называлъ меня вторымъ отцомъ своимъ, избавителемъ отъ смерти, и въ томъ же письмѣ вся его семья, отецъ, мать, старуха-тетка, сестры, всѣ приписывали намъ чувствительнѣйшія свои благодаренія. Какъ забыть такого юношу и такихъ родителей! Они во всю жизнь мнѣ съ пріятностью вспоминаться станутъ, хотя я никогда ихъ не узна́ю и не увижу. Нѣтъ ничего благороднѣе благодарнаго сердца.

Шаликовъ.

4-го Іюля. Князь Петръ Ивановичъ, извѣстной сочинитель разныхъ романическихъ бездѣлокъ. Было время, въ которое я былъ съ нимъ очень пріятно знакомъ; онъ часто посѣщалъ нашъ домъ и неоднократно писывалъ на мое имя стихи, на которые я отвѣтствовалъ такими же: и его, и мои напечатаны. Онъ издавалъ журналъ и въ ономъ выхвалялъ мои сочиненія, моихъ дѣтей, все наше семейство. Это пристрастіе недолго продолжалось. Онъ, даже и въ Володимеръ ко мнѣ пріѣхавши, гостилъ у меня дни два, во время моего вдовства. Отставка моя его совсѣмъ противъ меня остудила: онъ пересталъ меня знать, ѣздить ко мнѣ, даже говорить со мной. Я ничему иному приписать не могу такого сильнаго поворота въ пріязни, какъ изгнанію моему изъ адресъ-ка-

лендаря, съ которымъ князь Шаликовъ пріученъ, можетъ быть, соображать свое знакомство, и потому мы теперь уже другъ другу вовсе сторонніе; но я всегда, съ признательностію къ его ласковости, вспомню подносимые мнѣ отъ него панегирики и съ удовольствіемъ представлю тѣ субботніе вечера, въ которые мы съ нимъ съѣзжались прочитывать его и мои стихи, приготовляя на каждую недѣлю новые. Всѣ сіи мелкія стихотворенія напечатаны въ книгахъ моихъ подъ названіемъ: „Мои Субботы."

Шапошниковъ.

9-го Іюля. Молодой мальчикъ, призрѣнный отцомъ моимъ и съ которымъ я прожилъ въ одномъ домѣ весь мой отроческой возрастъ. Онъ былъ родной племянникъ извѣстному въ исторіи Россійской Мировичу, сынъ родной сестры его, а потому былъ и несчастливъ. Его записали въ Университетъ, изъ котораго онъ безъ вѣсти пропалъ, и съ тѣхъ поръ мы никакого слуха объ немъ не имѣли. Видно, что самъ рокъ мстилъ ему за преступленіе дяди его, отнявъ у него всѣ способы устроить судьбу свою.

Шатофоръ.

22-го Іюля. День имянинъ покойной дочери моей, Маши, въ которой является мнѣ на мысль ея надзирательница.

Mademoiselle de Châteaufort, Француженка. Когда я овдовѣлъ и остался съ тремя дочерьми, изъ которыхъ старшей уже было 15 лѣтъ, мнѣ нужна была для надзора за ними мадамъ, и ее намъ отлично рекомендовали. Я ее принялъ; она прожила въ нашемъ домѣ сперва года четыре, и по кончинѣ Маши отошла, но такъ привыкла къ нашему семейству, что опять вступила въ мой домъ и жила года съ два, до тѣхъ поръ, какъ болѣзни принудили ее основать пребываніе свое въ Москвѣ, для способности лѣченья. Я о ней ничего не могу сказать, кромѣ хорошаго: женщина отмѣнно добрая, благонравная, но до излишества чувствитель-

ная, что́ и препятствовало часто ея благосостоянію. Характеръ ея былъ отмѣнно привязчивъ, но она не умѣла любить съ мѣрой и отъ того подвержена бывала разнымъ огорченіямъ. Я никогда не забуду услугъ ея и пребыванія при моихъ дочеряхъ; она особенно за старшей смотрѣла какъ мать, любила ее пристрастно и съ трудомъ переносила ея кончину. Къ особенной чести ея помѣщу здѣсь одинъ поступокъ: не всякая иноземка способна оказать подобной. Во время самыхъ сильныхъ непріязненныхъ дѣйствій нашего двора съ Французскимъ велѣно было всѣхъ выходцевъ той земли привесть къ присягѣ и взять съ нихъ клятвенное обѣщаніе, что они ни съ кѣмъ въ отечествѣ своемъ переписываться не станутъ. Мамзель Шатофоръ не могла быть изъята изъ сего правила, а поелику жила въ моемъ домѣ, при дѣтяхъ губернаторскихъ, слѣдовательно, для примѣра, я долженъ былъ первой выслать ее къ присягѣ: при мнѣ самомъ она дала подписку правительству въ узаконенной формѣ. Въ тотъ же день она, пришедши ко мнѣ, просила, чтобъ, вмѣсто 1000 рублей, кои получала въ годъ, я ей производилъ только 600 рублей: ибо, не имѣя уже возможности доставлять остальныхъ 400 р. въ Лотарингію къ матери своей и зная, что мнѣ, по собственнымъ недостаткамъ моимъ, тяжело ей платить тысячу, она можетъ удовлетвориться и половиной. Разумѣется, что я ея не послушался; но пусть скажутъ мнѣ: много ли людей ея состоянія будутъ въ возможности выдержать съ ней сравненіе въ такомъ благородномъ подвигѣ сердца? Нѣтъ! Я никогда ея не забуду и никогда не раскаюсь, что довѣрилъ сей почтенной женщинѣ воспитать племя Евгеніи, которое воспользовалось съ успѣхомъ и ученіемъ ея, и образованіемъ. Она и понынѣ принимаетъ участіе во всемъ, что́ касается до моего семейства и, когда недуги ея позволяютъ, посѣщаетъ насъ, сохраня къ намъ постоянную приверженность. Я вѣчно сожалѣть буду о томъ, что Богъ не далъ мнѣ способовъ быть ей ничѣмъ инымъ полезнымъ, какъ одной любовью и благодарностью весьма безплодной: ибо она не въ цвѣтущемъ состояніи находится, лишена будучи средствъ трудами своими улучшить оное.

Шаховская.

2-го Іюня. День рожденія матери моей, въ которой, вмѣстѣ съ ней, обязанъ вспомнить и тѣхъ, кои услаждали бремя жизни ея своими ласками и благотвореніями.

Княгиня Варвара Александровна, тетка мнѣ двоюродная, которой я обязанъ многими благодѣяніями, оказанными ею издавна всему нашему семейству, а особенно сыновьямъ моимъ, которые, будучи въ Петербургѣ на службѣ, ей одолжены уже нѣсколько лѣтъ пособіями, доставляющими имъ возможность жить въ тамошнемъ городѣ, на ряду съ сверстниками своими. При отъѣздѣ моемъ въ Володимеръ, она мнѣ прислала 1000 рублей въ подарокъ на дорогу, безъ которыхъ я едва могъ ли бы туда собраться. Тотчасъ по смерти матери моей, которой она производила ежегодной постоянной пенсіонъ, она прислала мнѣ то, чего матушка не успѣла получить. Это составляло слишкомъ 1000 рублей, и я ихъ употребилъ на возобновленіе домовой нашей церкви, разоренной послѣ Француза. Нужны ли дому деньги? Она въ нихъ никогда не отказывала. Надобно ли ея предстательство въ пользу дѣтей моихъ, къ сильнымъ лицамъ у Двора? Она готова хлопотать, просить и никогда ни въ чемъ не отказывалась. Подобныя обязательства кладутъ печать безчестія на челѣ того, кто ихъ забываетъ, и я до конца дней моихъ сохраню къ ней живѣйшую благодарность, какъ къ родственницѣ примѣрной и женщинѣ, одаренной превосходными качествами сердца, умѣющей добро творить прямо по Евангельскому слову, безъ чванства, укоризны и провозглашенія.

Шаховской.

13-го Августа. Князь Николай Григорьевичъ, человѣкъ низкой, трусоватой, которой весь свой вѣкъ посвятилъ на то, чтобъ устроить изъ людей своихъ труппу актеровъ и, ею забавляя Нижегородскую публику, составить себѣ доходъ. Выпустя въ свѣтъ мою оперу „Любовное Волшебство,“ я не смѣлъ и заикнуться ни въ которой столицѣ о томъ, чтобъ ее сыграли: она того не стоила, а, требуя большихъ издержекъ, конечно, обратилась бы въ накладъ содержателю теат-

ра. Но князь Шаховской этого не устрашился, купилъ ее, она была напечатана, заставилъ своего капельмейстера сдѣлать на нее музыку, нѣсколько сценъ выпустилъ, аріи иныя уничтожилъ, словомъ, обрѣзалъ ее по своему вкусу и въ такомъ видѣ началъ ее давать на Нижегородскомъ театрѣ. Къ счастію, она понравилась тамъ и навсегда попала въ его репертуаръ. Вотъ уже лѣтъ 20, какъ она написана, и все ее играютъ раза два зимой въ Нижнемъ, и одинъ разъ у Макарья, на ярмаркѣ. Мнѣ случилось дважды быть тамъ, и я съ жадностью дожидался объ ней афиши. При мнѣ ее представляли, я ее видѣлъ, самъ надъ собой не могъ нахохотаться. Откуда мнѣ такая горячка пришла въ голову? Публика ее любитъ, охотно смотритъ и бьетъ въ ладоши. Князь Шаховской прислалъ мнѣ, въ первыхъ порахъ ея появленія на сценѣ, раскрашенный съ разными аттрибутами, билетъ, на которомъ написано было: „Билетъ для входа въ Нижегородской театръ вездѣ.“ Я его получилъ въ Москвѣ и выжидалъ, какъ воронъ крови, случая имъ воспользоватся. Наконецъ онъ представился, я нанялъ домашнимъ своимъ ложу; а самъ, съ своимъ билетомъ необыкновеннымъ, не платя ни гроша за входъ, явился въ театръ. Мнѣ отвели кресла, на которыхъ я, сидя, любовался на свое дитя и чудился поминутно то актерамъ, то оркестру, то публикѣ, словомъ — посмѣшище. Это не мѣшаетъ мнѣ, однакоже, помнить о князѣ Шаховскомъ, какъ объ отцѣ крестномъ моего неуклюжаго ребенка, изъ котораго, по милости его, вышло что-то забавное, въ правду.

Шенигъ.

21-го Мая. День имянинъ падчерицы моей: ея уже нѣтъ на свѣтѣ. Вспомня ее, поговоримъ и о томъ, кто всячески желалъ ее спасти; но противъ рока нѣтъ силъ у человѣка.

Игнатій Ивановичъ, штабъ-лѣкарь, которой пользовалъ всѣхъ Безобразовыхъ, въ томъ числѣ и жену мою, когда она еще жила въ родительскомъ домѣ, и даже послѣ при всякомъ случаѣ, когда онъ бывалъ приглашаемъ. Я его зналъ давно, но короче съ нимъ сошелся въ Володимерѣ, гдѣ онъ имѣлъ маленькое помѣстье и жилъ въ ономъ, оставя практику. Онъ былъ ве-

селой и пріятной человѣкъ. Я одолженъ ему полезными совѣтами при врачеваніи меня отъ самой тяжелой болѣзни, отъ которой, за помощью Божіей, конечно освободился я прилежнымъ и рачительнымъ попеченіемъ гг. Бургарда и Шенига. Онъ никогда не отрекался помогать намъ, когдабъ его о томъ ни просили, и безъ малѣйшей корысти, изъ одной пріязни. Онъ сопровождалъ насъ въ Одессу, и туда и оттуда путешествовалъ вмѣстѣ съ нами. Тогда-то я съ нимъ очень коротко познакомился и, кромѣ пріятностей, ничѣмъ вспомнить его не могу. Къ сожалѣнію, онъ умеръ, и тѣ, которые у него лѣчились, потеряли большую опору; ибо онъ дѣла своего былъ мастеръ и удачно помогалъ многимъ.

Шереметева.

11-го Іюня. Прасковья Сергѣевна. Первое лицо женское, въ которое я влюбился. Мнѣ было восемь лѣтъ, думаю не больше, какъ она слишкомъ 20-ти шла замужъ за Балка. Она была первая красавица въ Москвѣ, а онъ дуренъ, какъ чортъ, старъ и ревнивъ; она часто меня, какъ ребенка, ласкала, сажала къ себѣ на колѣни и такъ меня пріучила къ себѣ, что я не отходилъ отъ нея, когда она насъ посѣщала. Увидя ее замужемъ, увидя, что къ ней ласкается прескаредной мущина (это было тогда, какъ они пріѣзжали молодые къ намъ обѣдать, въ нашу подмосковную, Волынское), я затрепеталъ, разсердился, чуть было не бросилъ въ него десертнаго ножа, и во весь тотъ день вытерпѣлъ такой ужасной поносъ, отъ котораго меня разъ 20-ть пронесло; боялись, чтобъ я не занемогъ порядочно. Такъ-то рано началъ разыгрываться мой темпераментъ и склонность моя влюбляться. Этотъ случай всегда будетъ мнѣ памятенъ.

Шереметевъ.

27-го Августа. Графъ Николай Петровичъ. Родъ и племя его напоминаютъ мнѣ такія плачевныя событія, которыя всегда меня выводятъ изъ спокойнаго положенія. Въ исторіи моей описано пространно, какъ отецъ его лишилъ мать отца

моего, а его сестру родную, всякаго достоянія законнаго, отнявъ у дома нашего до 4000 душъ. Здѣсь о семъ ни вспоминать, ни говорить не хочу. Въ сочиненіяхъ моихъ есть пьеса подъ названіемъ „Торжество Совѣсти“, въ которой я описалъ сіе фамильное происшествіе иносказательно. Графъ Николай Петровичъ самъ былъ человѣкъ низкой, скупой, тщеславной и во всѣхъ отношеніяхъ пустой. Настоящій сатрапъ, болѣе ничего. Онъ любилъ оперу, и у него свои люди ихъ играли, что́ водилось и при отцѣ его. Наслѣдственный вкусъ! Когда мы пріѣхали съ первой женой моей въ Москву, въ отпускъ изъ Питера, зимой, послѣ того какъ жена моя удачно сыграла тамъ Нину, графу захотѣлось, чтобъ мы эту оперу сыграли у него, дабы любимая его пѣвица, на которой онъ послѣ женился, Параша, наглядѣлась на игру жены моей и заняла бы ея искусства. Онъ тогда всячески ходилъ за нами, чтобъ мы его этимъ одолжили; батюшкѣ хотѣлось видѣть, какъ жена играетъ; другого случая не было. Желая сдѣлать ему угодное, мы рѣшились оказать это снисхожденіе графу и собрались у него на театрѣ сыграть Нину; но дабы быть въ этомъ дѣлѣ совершенными хозяевами и уничтожить всякое подозрѣніе, что мы изъ раболѣпнаго угожденія этому Крезу его тѣшимъ, мы постановили съ нимъ условіе, что роли раздадимъ сами тѣмъ, кому пожелаемъ. не заимствуя никого изъ тѣхъ, коихъ онъ сбирался предложить, и что двѣ трети билетовъ будутъ наши, а одна его; но и изъ тѣхъ онъ не властенъ былъ отдать ни одного безъ нашего свѣдѣнія. Такимъ образомъ, удержавъ за собой полное господство на его театрѣ, мы назначили репетиціи, во время которыхъ онъ самъ, сидя за фортепіаномъ, управлялъ оркестромъ. Наша труппа составлена была изъ нашего семейства: играли жена и сестра моя меньшая, я, Рукинъ и Яковлевъ. Хоры составлялись изъ графскихъ пѣвчихъ. Назначено дать Нину на масляницѣ, но вдругъ представляется новое и важное искушеніе: пріѣзжаетъ въ Москву князь Потемкинъ. Шереметевъ, какъ первый богачъ въ государствѣ, обязанъ дать ему праздникъ. Онъ уже готовъ былъ поподчивать его нашимъ зрѣлищемъ, но я имѣлъ уважительныя причины не согласиться на это и одержалъ побѣду. Сколько ни боролся самъ съ собой графъ

Шереметевъ, но принужденъ былъ не только не дать этого праздника Потемкину, но даже и билета не смѣлъ ему поднести. Въ самый день заговѣнья мы сыграли нашу оперу, и, несмотря на то, что для Потемкина былъ огромный балъ въ Благородномъ Собраніи; несмотря на то, что этотъ балъ былъ послѣдній зимній съѣздъ дворянства, театръ графской, помѣщавшій до полутораста зрителей, былъ наполненъ лучшими людьми въ городѣ: ни одного мѣста пустого не было, и графъ самъ правилъ музыкой. Опера представлена съ большимъ успѣхомъ; всѣ отъ жены моей были въ восхищеньи, а я радовался болѣе всего тому, что приносилъ сію жертву преданности отцу моему, котораго, любя чрезвычайно, хотѣлъ потѣшить, во что бы ни стало моему самолюбію, и признаюсь, что мнѣ очень было тяжело у графа на театрѣ играть комедію: ибо я, кромѣ чувствъ отвращенія и презрѣнія, ничего къ нему не питалъ во всю жизнь его.

Ширяевъ.

22-го Генваря. Книгопродавецъ, малый, доброй и ко мнѣ весьма усердной. Онъ издавалъ мои сочиненіи третьимъ тисненьемъ и не пожалѣлъ ничего къ украшенію онаго. Я получилъ за сіи деньги на 1000 р. книгъ, коими снабдилъ Владимирскую гимназію, въ силу сдѣланнаго мною акта въ ея пользу. Я не могу довольно нахвалиться его готовностью оказывать мнѣ всякія по части его услуги. Онъ охотно печатаетъ всякое мое произведеніе, даетъ мнѣ безъ платы читать разныя книги по моему выбору, и всякой годъ, въ первой день Генваря, даритъ меня календаремъ нряднымъ, а въ имянины всегда подноситъ какую-нибудь книгу. За то и я мимо его ничего своего не издаю, и что̀ публика знаетъ въ моихъ сочиненіяхъ, то вѣрно ей доставлено изъ лавки господина Ширяева и его трудами.

Шмицъ.

23-го Генваря. Московской медикъ. Я безъ ужаса не могу вспомнить этого человѣка. Онъ лѣчилъ меньшую дочь мою, Евгешу, и въ 14 дней я ея лишился. Не стану его осуждать, какъ доктора: ибо, не зная медицины, безразсуднымъ бы сдѣ-

лался, когда бы сталъ критиковать его врачеваніе. Пусть объ этомъ судятъ люди его ремесла. Но благонравіе и кротость суть качества общія всему человѣческому роду, имъ никто не обучался въ школѣ, а всякой приноситъ ихъ въ своей природѣ. У него, конечно, сердце чугунное. Онъ лѣчилъ дочь мою безъ всякаго сожалѣнія объ ней, хотя ей было только 19 лѣтъ, и въ этомъ возрастѣ умирать несносно. До сихъ поръ, да и во всю жизнь мою, я не вспомню безъ сотрясенія во всѣхъ нервахъ той ужасной минуты, въ которую онъ произнесъ послѣдній свой приговоръ и сообщилъ всѣмъ намъ, что ее спасти нельзя. Онъ это исполнилъ такъ холодно, сурово, какъ будто рѣчь шла о затравленномъ зайцѣ, да и о томъ охотникъ сталъ бы говорить съ бо́льшимъ жаромъ. О, дай Богъ никогда не впадать въ руки такого грубаго врача, каковъ Шмицъ! Дай Богъ не имѣть съ нимъ ни свиданья, ни дѣла! Вотъ человѣкъ, съ которымъ, признаюсь, не хотѣлъ бы я, по выраженію одного Германскаго профессора, ни хлѣба переломить, ни рюмки вина выпить вмѣстѣ.

Шувалова.

14-го Іюля. Графиня Катерина Петровна, мать графини Дидрихштейнъ, о которой говорено въ своемъ мѣстѣ (см. лит. Д.), дама уважительная и по лѣтамъ, и по чину, и по качествамъ своимъ, отмѣнно любезная въ простомъ и пріятельскомъ сообществѣ. Я имѣлъ счастіе сіе испытать, бывая принятъ ею очень милостиво и при мужѣ ея, и во время ея вдовства, любилъ часто посѣщать ихъ семейство. Мужъ ея былъ человѣкъ весьма начитанный и остроумной. Я съ удовольствіемъ слыхалъ и его стихи, и читанные имъ чужіе; онъ пристрастенъ былъ къ Французской поэзіи, особенно къ Вольтеру; онъ имѣлъ въ себѣ какую-то смѣсь высокаго и легкаго такъ, что нельзя не вспомнить живо и съ удовольствіемъ разныхъ примѣровъ сей рѣзкой противоположности. Однажды въ Петергофѣ, въ самой тотъ праздникъ, въ которой ему дали Андреевскую ленту, онъ, слоняясь со всѣми въ придворныхъ залахъ поутру, до выхода Екатерины, увидѣлъ меня и, съ особеннымъ какимъ-то тономъ дру-

жеской пріязни, предложилъ мнѣ погулять съ нимъ въ саду. Мы пошли въ густыя тѣнистыя аллеи, и тамъ на просторѣ, одинъ со мной, удаленъ отъ всѣхъ взоровъ, графъ Шуваловъ началъ декламировать Вольтеровы стихи, и именно эти:

„Ces hochets fastueux d'une caduque enfance."

Онъ съ такимъ жаромъ и чувствомъ произносилъ ихъ, что я, какъ простякъ, принялъ всю его декламацію за истину и ударился бы объ закладъ со всякимъ, когда узналъ, что на него надѣли голубую ленту, что онъ нимало этимъ не восхищенъ. Но какое было мое удивленіе, когда я пришелъ на квартиру къ нему поздравить съ царской милостью и увидѣлъ, что тотъ же самой мнимой философъ, графъ Шуваловъ, въ чаду отъ радости, бѣгалъ изъ угла въ уголъ, примѣривалъ всю свою гардеробу, чтобъ видѣть, къ какому цвѣту изъ его кафтановъ лучше пристанетъ голубая лента! Онъ былъ важенъ у дѣлъ, и вѣтренъ дома въ одно и тоже время; мнѣ пріятно было ѣздить къ нему насматриваться на чудесной контрастъ его поступковъ. Графиня была женщина гораздо характернѣе его; я преисполненъ былъ къ ней почтенья, и донынѣ съ удовольствіемъ привожу себѣ на память то время, которое я препровождалъ въ ихъ любезнѣйшемъ семействѣ. Тутъ науки, художества, стихи, театръ и все плѣняющее воображеніе похищало первое мѣсто въ разговорѣ, въ занятіяхъ и забавахъ. Такого дóма, каковъ былъ ихъ, въ нынѣшнее время отыскать трудно. Жаль для молодыхъ людей, потому что подобныя общества суть для нихъ самая лучшая практическая школа общежитія.

Шуваловъ.

12-го Генваря. Сегодня воспоминается учрежденіе Московскаго университета, и я, какъ ученикъ его, приличнымъ нахожу помѣстить подъ симъ числомъ нѣсколько словъ объ отношеніи моемъ къ знаменитому учредителю сего храма наукъ.

Иванъ Ивановичъ, нося на себѣ званіе главнаго куратора Университета, былъ на самомъ дѣлѣ истинный меце-

натъ его. Подъ его покровительствомъ я началъ въ ономъ обучаться; ибо онъ отвелъ отца моего отъ намѣренія послать меня образоваться въ чужіе края, показавъ большія невыгоды для Россіи отъ того, что дѣти ея рано спознакомливаются съ иностранными землями, не получивъ надлежащаго понятія о своей и привычки любить ее. Будучи школьникомъ, я перевелъ съ Французскаго на Русской языкъ сочиненіе г-на Мерсье, подъ названіемъ „Les songes philosophiques," и посвятилъ трудъ мой Шувалову, который принялъ его очень милостиво, несмотря на его посредственность, почтилъ меня весьма милостивымъ и лестнымъ письмомъ. Переводъ мой былъ дуренъ и остался такимъ; ибо я его не переправлялъ и послѣ. Трудъ сей и выборъ самой книги былъ еще не по моимъ силамъ. Но Шуваловъ принялъ жертву мою съ особенной благосклонностью, которую оказывалъ мнѣ и потомъ во всякое время. По смерти его я написалъ въ память ему стихи, кои напечатаны, и изъ нихъ видно, сколько я преданъ былъ сему достопочтенному протектору наукъ и любителю Россійскаго слова.

Шульгина.

7-го Ноября. Софья Алексѣевна, женщина неважная по чину, ибо она замужемъ за городничимъ Шуйскимъ, но милая и пріятная дама во всѣхъ отношеніяхъ, какъ супруга, какъ мать, какъ пріятельница. Воспитана бывши въ Вологдѣ, никогда не видавши большаго свѣта, она, по дарованіямъ природы, всегда готова представиться въ оной съ благонадежностью въ общихъ похвалахъ. Живучи ежегодно большую часть лѣта въ жениной деревнѣ, въ Шуйскомъ уѣздѣ, я пользуюсь часто ея бесѣдой. Кромѣ прелестей кроткаго нрава и образованнаго ума, я долженъ ей и мужу ея вообще уважительнымъ обязательствомъ. Когда Французы выгоняли насъ изъ Москвы, и я не имѣлъ другого убѣжища, кромѣ Шуи, она насъ приняла какъ родныхъ; мужу ея пришли на мысль маловажныя услуги, оказанныя мною ему въ то время, какъ, будучи губернаторомъ, я имѣлъ его подъ своимъ начальствомъ, и онъ, въ изъявленіе мнѣ своей благодарности, далеко

за предѣлы приличія одного, пожертвовалъ намъ своимъ домомъ и, имѣя возможность дорого его на ту пору отдать въ наймы, презрѣлъ всѣми выгодами расчета и просилъ насъ въ ономъ расположиться. Мы въ немъ прожили почти всю зиму того несчастнаго года. Она занималась дѣтьми нашими, когда мы отлучались, и имѣла объ нихъ такое попеченіе, какого только отъ родныхъ ожидать можно. По несчастію, сдѣлался нечаянно въ этомъ домѣ пожаръ, и загорѣлась крыша, тотчасъ весь городъ сбѣжался его отстаивать и отстояли, но безъ поправокъ въ немъ жить было нельзя. Они, стѣсня себя всячески въ своихъ казенныхъ покояхъ, отдали намъ лучшія комнаты и никакъ не допустили нанять въ городѣ квартиры. Во время сумятицы, когда загорѣлось, Софія Алексѣевна, будучи на сносяхъ брюхата, забывши, что она можетъ терять свою собственность, бросилась вытаскивать мои книги, бумаги, дабы спасти мою принадлежность и именно ту, которая нужнѣе была прочихъ. Какъ забыть подобные опыты искренняго усердія, на которое уже не было тогда ни причинъ, ни видовъ; ибо до меня имъ дѣла не было. И тѣмъ-то болѣе оно плѣняетъ, тѣмъ безсовѣстнѣе забыть его! Я написалъ въ ту зиму стихи подъ названіемъ „Плачъ надъ Москвою." Они напечатаны. Я ихъ посвятилъ Софіѣ Алексѣевнѣ и въ этомъ сочиненіи постарался изъявить ей и семейству ея ту благодарность, то трогательное чувство пріязни, какое навсегда буду питать въ душѣ своей, какъ совѣстной долгъ признательнаго сердца.

Шумилова.

20-го Ноября. День печали и тяжкихъ воспоминаній! Я лишился въ оной старшей дочери моей, Марьи, на 20-мъ году ея возраста.

Настасья Ивановна. Давнишнее и постоянное знакомство. Я узналъ ее въ Пензѣ; мужъ ея служилъ секретаремъ въ Казенной Палатѣ, и опытной работникъ въ гражданскомъ дѣлѣ: я имъ всегда и тамъ и послѣ былъ доволенъ. Супруги сіи къ намъ такъ привязались, что судьба ихъ почти неразлучна была съ моею. Настасья Ивановна, образованная

выше той сферы, въ которой, по чину мужа своего, находилась, сдѣлалась скоро въ Пензѣ домашней собесѣдницей жены моей, которая любила ее и цѣнила ея достоинства. Она прекрасно игрывала на театрѣ и въ этомъ искуствѣ служила намъ въ провинціи большимъ пособіемъ. По выѣздѣ моемъ оттуда, долго пропадала она у насъ изъ виду; но при водвореніи моемъ въ Владимирѣ, узнавши, что Шумиловъ потерялъ отъ пожаровъ всю собственность свою, состоявшую въ домѣ, и находится въ тѣсныхъ обстоятельствахъ, я предложилъ ему служить при мнѣ и, выписавши его изъ Пензы, въ штабъ-офицерскомъ уже чинѣ, опредѣлилъ его, послѣ Могилевскаго, на первой случай, къ себѣ въ секретари. Онъ съ женой своей перебрался въ эту губернію, и мы опять стали жить вмѣстѣ; но жены моей она уже не застала. По времени и тутъ, какъ въ Пензѣ, Настасья Ивановна участвовала въ нашихъ домашнихъ забавахъ и съ дочерью моей взрослой играла комедію съ успѣхомъ. Старой другъ, говорится, лучше новыхъ двухъ: такъ сбылось и съ нашимъ знакомствомъ; усердіе ихъ къ намъ и преданность вездѣ были одинаковы. Съѣздивши въ Питеръ, мнѣ посчастливилось Шумилова опредѣлить въ совѣтники въ Владимирское Губернское Правленіе и укоренить его въ городѣ на прочномъ мѣстѣ. Въ тоже самое время, возвращаясь оттуда, привезъ я дочь свою, Марью, такъ больную, что ее надобно было оставить въ Москвѣ лѣчиться: у нея открылась жестокая чахотка, отъ которой никакое искуство спасти ее не могло, и я ея лишился. Тутъ начались подвиги и не простыя уже услуги Настасьи Ивановны: она, узнавъ о болѣзни дочери моей, бросила мужа, дѣтей своихъ, прискакала въ Москву, остановилась въ нашемъ домѣ, ходила за моей Машей и до послѣдней минуты жизни была при ней безотлучно. Съ той поры я сталъ ее почитать, какъ женщину рѣдкой добродѣтели. Донынѣ, живучи въ Владимирѣ, они всегда къ намъ привержены: Настасья Ивановна по цѣлому лѣту иногда живетъ у насъ въ деревнѣ и дѣлитъ съ нами скучные осенніе вечера; когда же я въ городѣ, у меня нѣтъ другой квартиры, какъ ихъ домъ; словомъ, нѣтъ услугъ, какихъ бы мужъ и жена не старались въ запуски намъ ока-

зывать. При замужествѣ второй дочери моей, Вариньки, Шумилова прилетѣла изъ Владимира, шила, кроила ее приданое и всячески намъ угождала. Рѣдкіе, почтенные люди! Они пріобрѣли у меня въ сердцѣ собственность, не похищаемую ни временемъ, ни случаями—любовь и признательность до гроба!

Щербатовы.

31-го Октября. Князь Андрей Николаевичъ, супруга его княгиня Антонина Воиновна, изъ Полячекъ, племянница его, монастырка княжна Елисавета Павловна. О каждомъ изъ лицъ сего семейства я поговорю особо и пространно; ибо они всѣ вмѣстѣ составляли ближайшее и лучшее наше знакомство, во все время пребыванія нашего въ Петербургѣ, гдѣ въ ихъ домѣ мы бывали какъ въ своемъ.

Князь Андрей Николаевичъ служилъ сенаторомъ и жилъ безвыѣздно въ городѣ. Дядя мой, Строгановъ, былъ съ нимъ очень друженъ, и на это были потаенныя причины; впрочемъ, они совсѣмъ несходствовали характерами. Князь любилъ жену свою страстно, будучи гораздо ея старѣе, баловалъ ее, не смѣя ей слова сказать вопреки и, въ удовольствіе ея, принималъ по вечерамъ небольшой кругъ посѣтителей, изъ которыхъ иные изъ милости игрывали съ нимъ въ шашки. Всякой гость въ этомъ домѣ имѣлъ свой предметъ. Я, холостъ будучи еще, ознакомился съ ними, и не проходило дня, чтобъ я къ нимъ не завернулъ. Князь меня принималъ ласково, и вообще всѣ домашніе обращались со мной хорошо.

Княгиня была женщина молодая, пригожая и вдвое была бы милѣе, естьли бъ гордой характеръ и своенравіе неограниченное не портили прочихъ ея хорошихъ качествъ: она была до чрезвычайности горяча, опрометчива, неосторожна и за всякое слово не по ней готова была вспыхнуть, не смотря ни на что и ни на кого: случалось нерѣдко, что она, за столомъ сидя, кинетъ салфетку въ гостей и уйдетъ къ себѣ. Но когда она была въ хорошемъ духѣ, то дѣйствительно можно было въ нее влюбиться. Въ эту западню попалъ и

дядя мой, съ которымъ у нея была интрига. Тутъ ничего не происходило важнаго: одни взгляды и украдкой лобзанья составляли ихъ наслажденье, которому и я, какъ ближайшій наперсникъ дяди моего, иногда бывалъ свидѣтелемъ, особливо когда ихъ свиданья происходили у насъ самихъ. Княгиня была съ нами такъ дружна и коротка, что она, въ пристрастіи своемъ къ дядюшкѣ, отъ насъ не таилась, и по истинѣ надобно было ей простить сію преступную любовь, потому что мужъ ея такъ былъ старъ и непріятенъ, что она ни сердца, ни чувствъ дѣлить съ нимъ безъ отвращенія не могла. По сей-то связи и я съ женой былъ всегда ею принятъ съ отличной лаской; а князь, покорной слуга жены своей, не смѣлъ и скучать нами.

У меня, до женитьбы моей, свои были занозы въ этомъ домѣ. Княжна Елизавета Павловна, милая, достойная и любезная дѣвушка, меня такъ страстно плѣнила, что, не смотря на то, что ей было 30 лѣтъ, а мнѣ только 20, я хотѣлъ на ней жениться и такъ рѣшительно на это вознамѣрился, что самъ ей признался въ любви моей и просилъ руки ея. Я никогда не забуду тѣхъ благоразумныхъ совѣтовъ, коими она меня отвела отъ моего дурачества. Поблагодаря меня за честь, какъ водится, она представляла, что ни лѣта наши, ни положеніе, не дозволяютъ ей рѣшиться на союзъ столь неровной, что страсть моя пройдетъ, и тогда я буду скучать женщиной неровной мнѣ годами, а ее сдѣлаю несчастной на вѣкъ. Безъ грубости, желчи и досады, она мнѣ отказавъ, предложила, въ замѣнъ супружества, искреннѣйшую дружбу. По достоинствамъ ея, оно было для меня нужно и полезно; я принужденъ былъ симъ довольствоваться, однако не безъ волненій всѣ эти переговоры происходили между нами. Я не повѣрилъ искренности ея наставленій, логика ея мнѣ показалась подозрительной. Я искалъ другой причины ея отказу и, по недовѣрчивому моему свойству, скоро ее приревновалъ. Тогда-то, въ яромъ изступленіи любви страстной, я собрался было застрѣлиться, и дядя мой, привезя ко мнѣ лѣкаря, велѣлъ при себѣ кровь пустить, чѣмъ и остановили въ ней воспаленіе, отъ котораго я могъ угрожаемъ быть или повредиться, или вытерпѣть опаснѣйшую горячку. То и другое

меня миновало, но я долго былъ подъ строгимъ надзоромъ, какъ пришелъ въ себя и успокоились чувства. Такимъ образомъ княжна Щербатова важнѣйшую роль играла въ драмѣ моей жизни: изъ всѣхъ тѣхъ женщинъ, съ коими я находился въ связи донынѣ, я ее вѣчно не забуду. Скоро потомъ влюбился я въ Смирную, потому что я не могъ дня провести безъ страсти и, изъ особеннаго почтенія къ княжнѣ Щербатовой. не прежде сталъ свататься, какъ получа на то ея согласіе и услыша изъ устъ ея одобреніе моего выбора. Не имѣя средствъ жениться на ней самой, я хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, имѣть жену, достойную ея похвалъ. Можно ли далѣе отнести границы преданности и дружбы? Я расположился ненарушимо сохранить и то и другое къ этой безподобной дѣвушкѣ. Скоро ея очередь пришла перемѣнить состояніе: она вышла замужъ за полковника Поликарпова, съ которымъ я былъ пріятельски знако́мъ. Почти въ одно и тоже время совершилась наша свадьба и, по странному стеченію случая, мы даже нѣкоторое время, нанимая квартиры, жили въ одномъ домѣ: она въ верхнемъ, а мы въ нижнемъ этажѣ. Суеты и развлеченія новыхъ союзовъ не допустили насъ ни часто видѣться, ни съ прежней короткостью обращаться. Мы почти съ тѣхъ поръ совсѣмъ разстались, но доколѣ прожили Щербатовы, я и жена моя, мы всегда на одинаковой ногѣ были приняты въ ихъ домѣ, и я, пріѣзжая изъ Пензы въ Петербургъ, всегда бывалъ у нихъ первыхъ, прощался съ ними съ послѣдними. И они померли, и дядя мой, и жена моя скончались. Но дни того времени никогда не изгладятся изъ памяти мой. Изъ всѣхъ лицъ, кои составляли тогдашнія наши круговеньки, существуютъ донынѣ мое и несчастной Поликарповой. Она овдовѣла, имѣетъ дѣтей на возрастѣ, состарѣлась, живетъ въ Питерѣ и нѣсколько уже лѣтъ недвижима ногами. Бывая тамъ уже губернаторомъ Владимира, я всегда посѣщалъ ее и не могъ безъ слезъ видѣть въ томъ недужномъ положеніи, въ которое судьба ее поставила навсегда. До сихъ поръ я не могу слышать объ ней безъ живѣйшаго участія и увѣренъ, что чувства почтенія и приверженности моей къ ней сопутствовать будутъ мнѣ до гроба: такъ-то сильно дѣйствуетъ на насъ истинная добродѣтель. Во время

сей страсти я почувствовалъ первыя вдохновенія Аполлона, и самые первые мои стихи были привѣтствіе княжнѣ въ день имянинъ ея. Сколь они ни посредственны, я рѣшился напечатать ихъ въ моихъ книгахъ, дабы оставить памятникъ той счастливой эпохи моего бытія; ибо мы тогда только и счастливы въ мірѣ, когда мы сильно и горячо любимъ.

Юшкова *).

6-го Февраля. Анна Петровна. Романическая особа, родственница второй жены моей. Проѣзжая чрезъ деревню ея изъ Кіева домой, я у нея былъ очень пріятно угощаемъ, и съ удовольствіемъ провелъ тамъ сутки, занимаясь стихотворствомъ и прозою. Такъ я написалъ стишки подъ названіемъ „Мишинская долина"; они напечатаны; изъ нихъ видно, что я еще способенъ былъ къ минутнымъ восторгамъ. Юшкова одарена разными талантами, между прочими искуссно рисовала и, написавъ красками Мадону, подарила оную мнѣ. За сей подарокъ я благодарилъ ее въ стихахъ, и они напечатаны. Въ нихъ я обѣщался не разставаться съ Мадоной, но Французы посѣтили мой домъ, ограбили его и унесли картинку. Чтó въ свѣтѣ устоитъ противъ коловратности случаевъ? Но, потерявъ образъ, я не потерялъ памяти той, которая мнѣ его изъ пріязни подарила, и Мишинскую долину всегда вспомню, какъ точку земли, на которой я провелъ нѣсколько часовъ пріятно, беззаботно и свободно.

Язвицкой.

28-го Декабря. Молодой человѣкъ, вышедшій изъ духовнаго званія въ гражданское состояніе, уроженецъ города Коврова въ Владимирской губерніи, но я его тамъ уже не засталъ и не имѣлъ случая нигдѣ съ нимъ встрѣтиться. Счастье возвысило на нѣсколько времени жребій его, ибо онъ попалъ въ учители Россійскаго языка къ царствующей императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, но сей-то самой случай низринулъ его въ бездну жестойчайшихъ золъ. Онъ былъ энтузіастъ, воображеніе его увлекло за предѣлы разсудка. Онъ лишился

*) Въ замужествѣ Зонтагъ, извѣстная писательница. П. Б.

ума, и принуждены были запереть его въ домъ сумасшедшихъ, гдѣ онъ умножилъ число несчастныхъ жертвъ романическаго воображенія. Онъ заслужилъ особенную мою признательность и мѣсто въ этомъ Словарѣ неумѣреннымъ своимъ восторгомъ къ моимъ сочиненіямъ: все въ нихъ, все, безъ исключенія, ему нравилось. Онъ издалъ легенькой трактатъ о словесности, въ которомъ выписывалъ мои стихи, не выборомъ и отрывками, а можно сказать пудами. Онъ ознакомилъ съ лирою моею высокую свою ученицу и такимъ пристрастнымъ расположеніемъ къ моему стихотворству, котораго я, конечно, не заслужилъ, поставилъ меня въ обязанности сохранить, по крайней мѣрѣ, имя его въ памяти моей, когда судьба не дала мнѣ другихъ способовъ ни благодарности моей изъявить, ни быть ему въ чемъ-либо полезнымъ, а жалѣть о немъ буду всегда съ искреннимъ участіемъ.

Яковлева.

4-го Августа. Катерина Петровна, супруга бывшаго Орловскаго губернатора. Ни съ кѣмъ я такъ не обманулся въ самомъ себѣ, какъ съ ней при первой встрѣчѣ. Проѣзжая два раза Орелъ, я такъ много тамъ объ ней наслышался, что получилъ любопытство ее узнать, и чуть было дорого за него не заплатилъ. Судя по лѣтамъ моимъ, коихъ мнѣ слишкомъ 50, казалось мнѣ, что я никакой женщины уже бояться не долженъ, и въ этомъ увѣреніи слишкомъ дерзновенномъ я искалъ ее видѣть, чтобъ узнать, правильно ли она пріобрѣла тотъ восторгъ, съ которымъ говорили мнѣ многіе извѣстные люди отличнаго вкуса, образованія и съ тонкимъ разборомъ о пріятныхъ качествахъ ума ея и сердца. Это все зажгло во мнѣ желаніе самому оцѣнить ее. Я встрѣтился съ ней нечаянно въ одномъ знакомомъ домѣ, въ день гулянья, на улицѣ, на которой хозяева жили. Тутъ, пока гости, въ окошкахъ сидя, глядѣли на кареты и дрожки, я имѣлъ время ознакомиться съ нею. Вниманіе, оказанное мнѣ отъ нея въ такое разсѣянное время гульбою, расположило меня въ ея пользу. Съ полной благонадежностью на мои годы, я поѣхалъ къ ней, и какъ мужъ ея нанималъ квартиру такъ

близко отъ меня. что я могъ безъ труда и пѣшкомъ иногда къ нимъ завернуть, то я повадился очень часто посѣщать ее. Видѣться съ ней вошло для меня въ такую пріятную привычку, что я наконецъ каждой день пользовался этимъ удовольствіемъ, и нечувствительно такъ къ ней пристрастился, что скучалъ вездѣ, кромѣ ея общества. Этого для меня было все мало. Долго живши безъ восторговъ, къ коимъ я сроденъ, я искалъ взаимности въ такихъ, кои зарождаются въ самомъ сердцѣ, а не въ головѣ составляются отъ минутной фантазіи. Когда я не могъ ее видѣть, я къ ней писывалъ утреннія летучія записки, и получалъ всегда заманчивые отвѣты; наконецъ я ее прозвалъ волшебницей. Подлинно я ничего не видывалъ очаровательнѣе ея взора и всего обращенія съ нашимъ поломъ: она имѣла даръ плѣнять, и ей стоило только захотѣть чьего-либо знакомства, чтобъ тотъ, побывавши разъ и два, началъ безпрестанно къ ней ѣздить. Пристрастіе мое дошло до того, что я находилъ большое сходство между ею и покойной женой моей, и отъ того я еще болѣе и болѣе восхищался ею. Съ тѣхъ поръ полно на себя надѣяться; я увидѣлъ ясно, что ни въ какія лѣта человѣкъ ручаться за сердце свое не можетъ, когда встрѣтитъ предметъ, способный его пошевелить; но подобные огни обманчивы и не долго горятъ. Яковлева была соблазнительна, но холодна и любить не умѣла: одни глаза ея безъ сердца не могли долго владѣть мною, что́ и случилось и о чемъ я нимало не сожалѣю. Безпрестанно бывая и у нея, или съ нею въ другихъ мѣстахъ, я выучивалъ ея свойства и видѣлъ одно утонченное кокетство. Гдѣ есть искусство, тамъ тщетно искать чувства: пріязни искренней я не нашелъ, пристрастіе мое исчезло. Скоро, перемѣня квартиру, она стала жить далѣе отъ насъ; болѣзни мои, коимъ движеніе становилось противно, отучили меня отъ частыхъ посѣщеній. Меньше говоря съ ней, а холоднѣе размышляя объ ней же, я остался при одномъ хорошемъ съ ней знакомствѣ, которое, думаю, не прекратится никогда, но отъ котораго мнѣ уже опасаться будетъ нечего. Всегда отдамъ ей ту справедливость, о которой наслышался отъ многихъ, еще не знавши ее, что она удивительное имѣетъ мастерство обольщать; но,

узнавши въ обращеніи съ ней, какъ далеко можетъ заблуждаться умъ, когда сердце способно воспламеняться, я могъ предвидѣть, что г-жа Яковлева еще не послѣднее было звѣно въ кольцѣ моего бытія сердечнаго.

Яковъ.

25-го Іюля. Воспоминая о томъ, что сегодня праздновался день имянинъ матери моей, отдадимъ должную дань усердія лицу священному, предавшему землѣ смертные ея останки.

Іаковъ-священникъ нашей подмосковной, которая хотя уже не наша, но связи мои съ нимъ не разорвутся, доколѣ я живу. Онъ, не будучи духовникомъ матери моей, призванъ судьбой напутствовать ее въ послѣднія минуты жизни, и въ истинномъ христіанскомъ духѣ исполнилъ сію обязанность. Прежній постоянный духовникъ всего нашего семейства, протоіерей Гречищевъ, не за долго предъ концомъ матушкинымъ, умеръ; и такъ, когда постигла мать мою роковая минута, она должна была, живучи въ подмосковной, прибѣгнуть къ нему, какъ ближайшему священнику. Онъ ее исповѣдалъ, причастилъ, отпѣлъ тѣло ея, и я изъ Шуи поспѣлъ проводить, вмѣстѣ съ нимъ, гробъ ея до Донскаго монастыря. Онъ отъ самой церкви своей до обители, что́ составило 20 верстъ, шелъ пѣшкомъ изъ чистаго усердія, а я, во изъявленіе ему моей сильнѣйшей благодарности за сіи священныя минуты, самъ пошелъ къ нему на духъ. Какой опытъ можетъ болѣе доказать почтеніе, довѣренность и любовь къ служителю вѣры? Съ тѣхъ поръ онъ меня ежегодно исповѣдуетъ, и какъ я исполняю сей христіянскій долгъ обыкновенно въ Рождественскій постъ, къ 24 числу Декабря, то онъ безропотно пріѣзжаетъ ко мнѣ въ Москву и, причастя меня, возвращается домой. Такое отношеніе должно быть вѣчно и не подвержено никакому случайному измѣненію, въ чемъ я наиболѣе удостовѣряюсь, испытавъ благонравныя его качества, которыя привязали меня искренно къ нему навсегда.

Яньковы

26-го Декабря. Возвращаясь очень далеко въ жизни моей назадъ, я вспоминаю семейство Яньковыхъ. Отецъ мой былъ очень друженъ съ ихъ домомъ и такъ тѣсно связанъ пріязнью, что, по смерти отца и матери, дѣти ихъ, два сына и двѣ дочери, вошли имѣніемъ своимъ и сами собой въ полное батюшкино распоряженіе. Сыновья, Николай и Дмитрій, тотчасъ отданы въ кадетской корпусъ, а дѣвушки, Анна и Клеопатра, перевезены къ намъ въ домъ, въ которомъ жили и росли съ нами вмѣстѣ. Клеопатра была лучше лицомъ и потому понравилась мнѣ больше. Я былъ, въ сравненіи съ возрастомъ ея, еще мальчикъ; но это, по пылкому моему свойству, не помѣшало мнѣ въ нее влюбиться. Чтобъ показать, до какого степени разгорѣлся я къ ней страстью, скажу слѣдующее. Она чахла и постепенно видимымъ образомъ теряла всѣ жизненныя силы. Въ такомъ болѣзненномъ состояніи, живучи въ одномъ домѣ съ ней, я не выходилъ изъ ея комнаты, рѣзвился около ея, и малѣйшая невинная ея ласка приводила меня въ восторгъ, котораго ни понимать, ни унять я не умѣлъ. Наконецъ она лишилась жизни, и тѣло ея выставлено было въ особую комнату. Несмотря на то, что въ ребячествѣ человѣкъ способенъ очень бояться всего, а паче мертвеца, я украдкой по ночамъ хаживалъ къ ея гробу и съ жаромъ лобзалъ ея руки. Вотъ какъ сильно кровь моя волновалась и какъ я любилъ Клеопатру! Послѣ нея я не помню, чтобы я равнодушно приближился къ чьему-либо тѣлу; но здѣсь, обманутъ будучи румянцемъ молодости на лицѣ ея, котораго нескоро лишаются умирающіе чахоткой, я искалъ наслажденій чувствъ, прикасаясь къ мертвымъ ея останкамъ. Донынѣ, спустя слишкомъ сорокъ лѣтъ, я вспоминаю живо еще ея взоръ и наружныя прелести лица, и уповательно никогда уже не забуду.

О прочихъ членахъ сего семейства упомянуть долженъ, что каждой изъ нихъ съ безпредѣльнымъ уваженіемъ къ нашему дому обходился съ нами до послѣднихъ дней жизни.

Анна умерла недавно, оставшись дѣвушкой и живучи своимъ домомъ, ибо она имѣла порядочное состояніе. Братья, вышедши изъ корпуса, поженились и получили потомство. Одинъ остался Николай, а Дмитрій также умеръ. Жены ихъ и дѣти равно намъ преданы, и связь наша съ ними есть связь самая прочная, твердая и постоянная.

Ѳеоктистъ.

22-го Мая. Архіепископъ Курской, почтеннѣйшій и маститой старецъ. Я узналъ его въ проѣздъ мой чрезъ Бѣлгородъ, гдѣ онъ жилъ, когда путешествовалъ я въ Одессу. Онъ меня принялъ дружелюбно, обласкалъ меня, жену и всю нашу свиту, показывалъ мнѣ тамошнюю семинарію, изъ особеннаго къ намъ благоволенія служилъ для насъ обѣдню въ Дѣвичьемъ монастырѣ, и я истинно мало видалъ святителей, кои бы такъ дѣйствовали на чувства молящихся, какъ сей преклонной старецъ. Онъ, кажется, былъ весь въ Богѣ, не занимаясь ничѣмъ внѣшнимъ. Только тутъ и въ это время я его видѣлъ и бесѣдовалъ съ нимъ. Онъ былъ простъ въ обращеніи и благопривѣтливъ ко всѣмъ. По разлукѣ нашей знакомство поддержалось перепиской. Я къ нему писалъ иногда и отъ него получалъ благосклонныя грамотки. Судьба не судила мнѣ еще съ нимъ видѣться: онъ скоро умеръ отъ слабости силъ и престарѣнья. Ему было слишкомъ 80 лѣтъ. Я и нынѣ вспоминаю съ удовольствіемъ ту литургію, которую онъ священнодѣйствовалъ.

Принимается подписка на журналъ

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ и ПСИХОЛОГІИ

ПРИ УЧАСТІИ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Подъ редакціей профессора Московскаго университета Н. Я. Грота.

ИЗДАНІЕ А. А. АБРИКОСОВА.

ГОДЪ ВТОРОЙ

(съ ноября 1890 г.).

Важнѣйшее содержаніе первыхъ четырехъ книгъ журнала:

I. **Н. Грота**. О задачахъ журнала. — **Вл. Соловьева**. Красота въ природѣ. — **А. Козлова**. Размышленія, вызванныя неожиданнымъ голосомъ изъ области естествовѣдѣнія. — **Кн. С. Трубецкого**. О природѣ человѣческаго сознанія.— **Н. Шишкина**. Психофизическія явленія съ точки зрѣнія механической теоріи. — **Н. Ланге**. О дѣйствіи гашиша.—**В. Лесевича**. Религіозная свобода по эдиктамъ царя Асоки Великаго. -- **Хроника: Н. Грота**. Психологическій съѣздъ въ Парижѣ.— **С. Корсакова**. Психіатрическій съѣздъ въ Парижѣ.

II. **Э. Радлова**. Вольтеръ и Руссо.—**И. Иванцова**. Отношеніе между философіей и наукой.—**Л. Лопатина**. Положеніе этической задачи въ современной философіи.—**Н. Звѣрева**. Къ вопросу о свободѣ воли.—**Н. Грота**. Что такое метафизика.—**Н. Шишкина**. Психофизическія явленія съ точки зрѣнія механической теоріи.—**Д. Овсянико-Куликовскаго**. Очерки изъ исторіи мысли.—**Хроника: А. Токарскаго**. Гипнотическій съѣздъ въ Парижѣ.—**Н. Баженова**. Второй съѣздъ по криминальной антропологіи.

III. **О. Герасимова**. Очеркъ внутренней жизни Лермонтова по его произведеніямъ.—**В. Лютославскаго**. О значеніи и задачахъ исторіи философіи.—**Л. Лопатина**. Критика эмпирическихъ началъ нравственности. -- **И. Иванцова**. Воспоминанія о воззрѣніяхъ С. А. Усова на искусство. — **Н. Шишкина**. Психофизическія явленія съ точки зрѣнія механической теоріи.—**Кн. С. Трубецкого**. О природѣ человѣческаго сознанія.—**Общія характеристики: В. Розанова**. Важнѣйшія теченія русской философской мысли.—**А. Козлова**. Очеркъ жизни и философіи Лейбница.

IV. **Кн. Е. Трубецкого**. Политическіе идеалы Платона и Аристотеля въ ихъ всемірно-историческомъ значеніи.—**Э. Радлова**. Вольтеръ и Руссо.—**Л. Лопатина**. Нравственное ученіе Канта.—**А. Токарскаго**. Гипнотизмъ въ педагогіи.—**Н. Карѣева**. Свобода воли съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса.—**Н. Грота**. Жизненныя задачи психологіи.—**Н. Ланге**. Элементы воли.--**Общія характеристики: В. Розанова**. О борьбѣ съ Западомъ въ связи съ дѣятельностью одного изъ славянофиловъ.--**Н. Астафьева**. Нравственное ученіе Гр. Л. Толстого и его критики.—**Приложенія: Я. Колубовскаго**. Матеріалы для исторіи философіи въ Россіи.--Психологическое Общество.

Общая программа журнала: 1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи; въ понятія философіи и психологіи включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ,— опытная и физіологическая психологія, психопатологія. 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно - европейскихъ и русскихъ философовъ и психологовъ. 3) Общіе обзоры литературъ поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи и библіографія. 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знаній.

Журналъ будетъ выходить **ПЯТЬ** разъ въ годъ (вмѣсто 4 разъ): 1—10 ноября, января, марта, мая, сентября—книгами по 15—16 печатныхъ листовъ.

Условія подписки:

Съ 1 **ноября** 1890 г. по 1 **ноября** 1891 и съ 1 **января** 1891 г. по 1 **января** 1892 г. за **5** книгъ—**6** р. **50** к. съ дост. и пер. и **6** р. безъ доставки; за границу—**7** р. **50** к.

Съ 1 **ноября** 1890 г. по 1 **января** 1892 г. за **6** книгъ—**8** р. съ дост. и пер., и **7** р. **50** к. безъ дост.

Для подписчиковъ, пользующихся льготой (см. на оберткѣ), подписная плата на тѣ-же сроки: 1) 4 р. 50 к., 4 р. и 5 р.; 2) 6 р. и 5 р. 50 к.

Продажа отдѣльныхъ книгъ журнала производится въ конторѣ редакціи. Цѣна одной книги 1 р. 50 к.; московскимъ книгопродавцамъ дѣлается уступка 20%. Иногороднимъ высылается за 2 руб. Остающіеся экземпляры I-го года (4 книги) продаются у книгопродавцевъ и въ конторѣ редакціи по **6** р., съ перес. **7** р.

Подписка принимается: въ конторахъ редакціи (**Чистые пруды, д. Мейнгардтъ** и Новинскій бульваръ, д. Баженовой), въ редакціи журнала **„Русская Мысль“** и въ конторѣ типографіи **А. Гатцука** (Никитскій бульваръ, д. Гатцука); въ книжныхъ магазинахъ: **„Новаго Времени“** (въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ); **Н. П. Карбасникова** въ Москвѣ, Петербургѣ и Варшавѣ; **Н. Я. Оглоблина** въ Кіевѣ; **Е. Распопова** и **Бѣлаго** въ Одессѣ, и другихъ большихъ книжныхъ магазинахъ, а также въ конторѣ **Печковской** (Москва, Петровскія Линіи). **Иногороднымъ** просятъ адресовать подписку по возможности на имя конторы редакціи: **Москва, Чистые пруды, д. Мейнгардтъ.**

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Вышла 1 (5-я) ноябрьская книга.

СОДЕРЖАНІЕ:

Адресъ редакціи: Москва, Новинскій бульваръ, д. Котлярева.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1890 года.

(Годъ двадцать восьмой).

Русскій Архивъ въ 1890 году издается на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прежнія XXVII лѣтъ.

Двѣнадцать тетрадей „Русскаго Архива“ 1890 года составятъ три отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1890 году съ пересылкою и доставкою — **девять** рублей. Для Германіи—**одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ**, Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ), Колокольная, въ книжномъ складѣ Березовскаго и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“, для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся непригодными къ печати, „Русскій Архивъ“ отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1881, 1884, 1886, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **П. Бартеневъ.**

«Русскій Архивъ» будетъ издаваться въ 1891 году.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1890

10.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1890.

ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ӨЕОДОРОВНА.

VII *).

1783 — 1785.

Слухи о немилости Императрицы къ великокняжеской четѣ.—Дѣло Бибикова.— Стремленія партіи Панина.—Масонство Павла Петровича.—Разгромъ Панинской партіи и смерть Панина.—Замѣна Салтыкова гр. Мусинымъ-Пушкинымъ.—Заботы Маріи Өеодоровны о Павловскѣ.– Рожденіе Александры Павловны.—Гатчина.—Отношенія Екатерины ко внукамъ и внучкѣ, заботы ея о ихъ воспитаніи.—Семейныя невзгоды Маріи Өеодоровны: ея братья Людвигъ и Фридрихъ.

Съ возвращеніемъ Павла Петровича и Маріи Өеодоровны изъ-за границы и съ происшедшимъ за это время видимымъ улучшеніемъ ихъ отношеній къ Екатеринѣ, для молодой великокняжеской четы должна была наступить новая жизнь: Императрица, казалось, желала сблизиться съ сыномъ. Мѣшавшіе этому сближенію старые друзья его удалены были отъ двора, самъ Павелъ Петровичъ, во время путешествія своего по Европѣ, получилъ возможность лучше оцѣнить политику Екатерины и то значеніе, которое, благодаря ей, пріобрѣла Россія въ Европѣ; даже Марія Өеодоровна, подъ вліяніемъ состоявшагося сближенія Монбельярскаго семейства съ Іосифомъ, не могла не содѣйствовать своей свекрови въ дѣлѣ смягченія Прусскихъ симпатій Цесаревича. Всѣ эти причины не измѣнили, однако, вполнѣ ни образа мыслей Цесаревича, ни характера его склонностей: уроки Панина, его постоянныя внушенія слишкомъ глубоко запечатлѣлись въ воспріимчивой головѣ его царственнаго ученика, а въ родственникахъ и друзьяхъ Панина рыцарскій Цесаревичъ слишкомъ привыкъ видѣть своихъ друзей, чтобъ равнодушно относиться къ ихъ участи. Мало того: видя въ партіи Панина свою партію, Павелъ Петровичъ не могъ не думать, что члены ея подверглись преслѣдованію именно за преданность его особѣ. Такъ думали и его современники, которые паденіе Панина и удаленіе отъ двора Бибикова и князя Александра Куракина объясняли себѣ гнѣвомъ Екатерины на

---

*) См. „Русскій Архивъ“ сего года II, 17.

сына и невѣстку. По возвращеніи ихъ въ Петербургъ, говорили что Императрица желаетъ устранить сына отъ наслѣдованія престола, что изданіе указовъ противъ роскоши, совпавшее съ возвращеніемъ великокняжеской четы въ Петербургъ, имѣетъ цѣлью оскорбить Марію Ѳеодоровну, которая привезла съ собой будто бы 200 сундуковъ съ газомъ, лентами и др. принадлежностями дамскаго туалета, и что причиною гнѣва Императрицы являются холодныя отношенія Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны къ Іосифу, а также значительныя издержки, которыхъ стоило ихъ путешествіе [1]). Любопытно, что всѣ эти слухи ходили по Петербургу въ то время, когда отношенія между матерью и сыномъ становились лучше, чѣмъ когда-либо: до такой степени всѣ привыкли соединять имя Панина и друзей его съ именемъ Павла Петровича. Нечего и говорить, до какой степени вздорны всѣ эти измышленія: устранить Павла отъ наслѣдованія Екатерина не могла тогда по малолѣтству внуковъ своихъ; издавая указъ противъ роскоши, она тѣмъ менѣе думала обидѣть Марію Ѳеодоровну (скромныя привычки которой ей хорошо были извѣстны), что въ тоже время Императрица старалась сдѣлать ей пріятное, устраивая судьбу ея братьевъ и сестеръ [2]); что̀ касается до издержекъ по путешествію, то, какъ мы видѣли, Екатерина не стѣсняла въ нихъ сына и невѣстку, хотя и нашла, что они

---

[1]) Гаррисъ (донесеніе его отъ 25 Ноября 1782 г.) сообщаетъ при этомъ, что августѣйшіе путешественники, не довольствуясь суммами, предоставленными въ ихъ распоряженіе Екатериной, сдѣлали, кромѣ того во время пребыванія своего за границей, весьма значительный долгъ, который, прибавляетъ Гаррисъ, они не въ состояніи будутъ скрыть предъ Императрицей. Трудно что-либо возражать противъ этого извѣстія, сообщаемаго такъ положительно; ибо до сихъ поръ, къ сожалѣнію, о финансовыхъ дѣлахъ великокняжеской четы можно было добыть сравнительно весьма мало вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній. Если, впрочемъ, свѣдѣнія Англійскаго дипломата были вѣрны на этотъ разъ, то въ виду значительности суммъ, безъ отказа дававшихся Екатериной на издержки по путешествію и пріобрѣтенію разныхъ вещей, остается предположить, что заемъ сдѣланъ былъ для удовлетворенія нуждъ Монбельярскаго семейства и что онъ имѣетъ тѣсную связь съ займомъ, объ уплатѣ котораго Марія Ѳеодоровна хлопотала въ 1784 году. См. ниже примѣчаніе 67-е.

[2]) Указы противъ роскоши, изданные Екатериной (П. С. З. XXI 15556—7, 15569, Р. Вѣстникъ, 1889, V, 359—361) имѣли общее значеніе, касаясь не однихъ лишь придворныхъ дамъ, но и другихъ лицъ женскаго пола дворянскаго происхожденія. Маріи Ѳеодоровнѣ, конечно, предстояло только подавать другимъ примѣръ въ точномъ исполненіи предписанія Императрицы: но ей, разумѣется, оно не было такъ трудно, какъ многимъ избалованнымъ дамамъ роскошнаго Екатерининскаго двора. Бывшая фрейлина Екатерины разсказываетъ (Р. А., 1877, III, 337—338), что Маріи Ѳеодоровнѣ было особенно чувствительно лишь распоряженіе о томъ, чтобы дамы не носили прическъ выше одной четверти: „Марія Ѳеодоровна (въ то время молодая 23-лѣтняя женщина), огромные волосы которой въ то время славились, должна была подстричь ихъ, что̀ разумѣется было ей очень горько, и она даже плакала". Во всякомъ случаѣ странно объяснять распоряженіе Екатерины побужденіями личными и мелочными.

«измотались» [3]). Современники не могли понять, что Екатерина прозрѣла конечныя цѣли графа Панина и его партіи, желавшихъ сдѣлать изъ Цесаревича орудіе своихъ честолюбивыхъ плановъ, и захотѣла вырвать сына изъ-подъ вліянія «вралей» и «персональныхъ своихъ оскорбителей», удаливъ ихъ отъ двора. Чѣмъ суровѣе относилась она къ Панину и его друзьямъ, тѣмъ ласковѣе нужно было ей, для достиженія своей цѣли, относиться къ сыну и невѣсткѣ.

Дѣло Бибикова, разсмотрѣнное Императрицей во время ихъ пребыванія въ Парижѣ, въ связи съ другими данными, уясняетъ отчасти стремленія и образъ дѣйствій Панинской партіи и поэтому представляетъ особый интересъ.

Флигель-адъютантъ П. А. Бибиковъ, сынъ даровитаго генерала, усмирявшаго конфедератовъ и Пугачова, былъ единомышленникомъ графа Панина и находился въ дружбѣ съ его внучатнымъ племянникомъ, княземъ А. Б. Куракинымъ, сопровождавшимъ Павла въ его путешествіи по Европѣ. Что́ привело Бибикова въ лагерь противниковъ Императрицы, удостоивавшей его своего вниманія, ради заслугъ его отца, сказать трудно; но по всему видно, что честолюбивый Бибиковъ, подобно Панину, ненавидѣлъ Потемкина, вліяніе котораго на дѣла въ то время чрезвычайно усилилось. Пользуясь желаніемъ капитана своего полка, Гогеля, уроженца Монбельяра, побывать на родинѣ, Бибиковъ выхлопоталъ ему назначеніе отправиться курьеромъ отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ къ великому князю за границу и вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ ему передать Куракину свое письмо, въ которомъ изливалъ жалобы на свое положеніе. Съ Гогелемъ рѣшился отправить свои письма (въ томъ числѣ и великокняжеской четѣ), и графъ Панинъ, которому Бибиковъ рекомендовалъ Гогеля, какъ честнаго и вполнѣ надежнаго человѣка [4]). Но хлопоты Бибикова у А. А. Безбородко, завѣдывавшаго въ то время иностранными дѣлами, объ отправленіи Гогеля курьеромъ за границу къ великому князю, возбудили подозрѣнія, и поэтому Екатерина поручила Рижскому генералъ-губернатору Броуну задержать подъ благовиднымъ предлогомъ Гогеля въ Ригѣ и тайнымъ образомъ снять копіи со всѣхъ писемъ, которыя везъ онъ съ собою. Броунъ исполнилъ приказаніе Императрицы, но письма Панина не подверглись вскрытію вмѣстѣ съ другими письмами; потому что Броунъ не зналъ о ихъ существованіи, а Гогель, очевидно, хранилъ ихъ особенно тщательно. Но и письмо Бибикова показалось Екатеринѣ чрезвычайно важнымъ и подозрительнымъ. Содержаніе письма было слѣдующее:

---

[3]) См. VI главу нашего труда.—[4]) Гогелей было два брата; второй изъ нихъ въ это время служилъ при Опекунскомъ Совѣтѣ и достигъ впослѣдствіи званія опекуна.

«Князь! Прошу васъ принять подъ свое покровительство вручителя сего письма, моего искренняго друга, капитана моего Гогеля, родомъ изъ Монбельяра. Я думаю, что онъ будетъ просить васъ, чтобы вы употребили свое вліяніе у великаго князя, выхлопотавъ ему дозволеніе побывать въ его отечествѣ. Онъ 18 лѣтъ не видѣлъ своихъ родственниковъ. Я ручаюсь за друга моего честью и головою, что вы можете слѣпо ввѣрить ему всѣ ваши письма; я ручаюсь за его правоту и привязанность къ великому князю. Я не жалуюсь на молчаніе ваше, полагая, что, безъ сомнѣнія, ваши занятія лишаютъ меня удовольствія имѣть отъ васъ увѣдомленіе. Что же касается до интересныхъ обстоятельствъ, здѣсь происходящихъ, то я увѣренъ, что другъ мой привезетъ вамъ письма, которыя лучше меня изъяснятъ вамъ это; все, что могу сказать, это то, что кругомъ насъ совершаются дурныя дѣла (dans des jolis draps), и кто бы могъ быть такимъ безчувственнымъ, чтобы смотрѣть хладнокровно, какъ отечество страдаетъ (en souffre). Это было бы очень смѣшно; но, къ несчастію, разрывается сердце, и ясно во всей своей чернотѣ (noirceur) грустное положеніе всѣхъ, сколько насъ ни есть, добромыслящихъ (qui pensons bien) и имѣющихъ еще нѣкоторую энергію. Дорогой князь, какъ вы счастливы, что находитесь въ отсутствіи и можете видѣть всѣ эти вещи не иначе, какъ издалека! Признаюсь вамъ, какъ человѣку, которому всегда открывалъ свое сердце, что мнѣ нужна вся моя философія, чтобы не бросить все къ черту и не ѣхать домой садить капусту. Меня поддерживаютъ только надежда на будущее и мысль, что все приметъ свой естественный порядокъ. На случай если вы полюбопытствуете знать о моемъ по малости недѣлимомъ (indivisible) состояніи, скажу вамъ, что кривой, по превосходству надъ другими, дѣлаетъ мнѣ каверзы и непріятности, а я.... (je m'en f....). Простите мнѣ это слово: оно свойственно моему костюму: я не даромъ драгунъ. Прощайте, любезный князь, повергните меня къ стопамъ ихъ императорскихъ высочествъ и удостовѣрьте ихъ, что я былъ бы счастливѣйшимъ человѣкомъ на землѣ, если бы могъ найти случай не словами, а дѣломъ доказать имъ свою привязанность и преданность къ ихъ особамъ. Я боюсь наскучить вамъ своею болтовнею, но считайте ее исходящей изъ моего сердца: думаю себя облегчить, имѣя возможность сообщить вамъ свои печали и привыкнувъ дѣлать это всегда. Прощайте еще разъ, веселитесь, любите меня, какъ я люблю васъ, пріѣзжайте скорѣе къ намъ, и я докажу вамъ, что во всѣхъ случаяхъ своей жизни я буду, князь, всегда вашимъ покорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою П. Бибиковъ.

С. Петербургъ. 1 Апрѣля ст. ст. 1782 г.

Легко себѣ представить впечатлѣніе, которое должно было произвести на Екатерину чтеніе этого письма. Письмо Бибикова не было для нея лишь пустымъ, незначущимъ, хотя и неосторожнымъ выраженіемъ мнѣній частнаго человѣка о ея правленіи. Очевидно было, что за Бибиковымъ и его повѣреннымъ Куракинымъ стояло много другихъ «добромыслящихъ», которые, не будучи въ состояніи хладнокровно думать о страданіяхъ отечества, не затруднялись обмѣниваться мыслями по этому поводу даже въ заграничной перепискѣ. Екатерина узнала также, что письма, въ которыхъ подробнѣе говорилось о страданіяхъ отечества, были письмами никого другаго, какъ самого Панина. Ободрявшая «добромыслящихъ» надежда на будущее и мысль ихъ, что все приметъ въ концѣ концовъ свой «естественный порядокъ», на ряду съ заявленнымъ желаніемъ не словами, а дѣломъ выразить преданность ихъ императорскимъ высочествамъ, дѣлали очень прозрачными конечныя желанія добромыслящихъ панинцевъ. Сама по себѣ неосторожная болтовня Бибикова не стоила вниманія; но, читая ее, Императрица могла теперь ясно опредѣлить ту атмосферу, которою дышалъ ея сынъ и сильно безпокоилась послѣдствіями того возможнаго перехода отъ словъ къ дѣлу, котораго такъ желалъ Бибиковъ. Увѣренная въ любви къ себѣ народа и сыновнемъ уваженіи Цесаревича, Екатерина, однако, хорошо знала исторію дворцовыхъ и военныхъ «дѣйствъ» въ Россіи XVIII вѣка, изъ которыхъ одному она сама обязана была вступленіемъ своимъ на престолъ, и должна бы допустить, по крайней мѣрѣ, возможность попытки къ новому «дѣйству» въ пользу ея сына. Можно было предположить также, что постоянные толки «добромыслящихъ» о страданіяхъ отечества имѣли своею цѣлью вынудить рыцарскаго и стремившагося къ строгой законности Цесаревича рѣшиться на тяжелый выборъ между обязанностями его къ матери и счастіемъ Россіи: исторія доказала, что при этомъ выборѣ сыновнія чувства отступали иногда на второй планъ. Важенъ былъ не Бибиковъ, а бывшій главой «добромыслящихъ» старый, опытный дѣлецъ, графъ Панинъ, пользовавшійся великимъ вліяніемъ на умъ Павла Петровича и долгое время стоявшій у кормила правленія; важенъ былъ не командиръ драгунскаго полка, правда носившій громкое и популярное имя, а извѣстный боевой генералъ и искусный дипломатъ, слывшій приверженцемъ великаго князя, другъ и родственникъ Панина, кн. Н. В. Репнинъ; важенъ былъ другой Панинъ—Петръ, славный въ то время покоритель Бендеръ и «усмиритель Пугачовщины»; важенъ былъ, наконецъ, по своимъ сочувствіямъ къ Павлу Петровичу и самъ Задунайскій герой, графъ П. А. Румянцовъ. Всѣ эти лица сходились между собою и въ другомъ чувствѣ, чувствѣ ненависти къ «кривому»,

т. е. къ князю Потемкину, который возвышенъ самой Екатериной, былъ ея твореніемъ и, успѣвъ выдѣлиться изъ ряда другихъ любимцевъ необыкновенными государственными способностями и особою преданностію Императрицѣ, сдѣлался на всю жизнь ближайшимъ ея совѣтникомъ и помощникомъ въ управленіи государствомъ. Екатерина понимала, что ненависть «добромыслящихъ» къ Потемкину была главнымъ образомъ ненавистью къ даровитому и счастливому ея помощнику, кто бы онъ ни былъ. Немудрено, что при всѣхъ этихъ условіяхъ Екатерина рѣшилась воспользоваться письмомъ Бибикова, чтобы выяснить себѣ истинное положеніе дѣлъ и затѣмъ освободить сына отъ вліянія «добромыслящихъ», уславъ ихъ «садить капусту», чего они не рѣшались сдѣлать по доброй волѣ.

Тотчасъ по отъѣздѣ Гогеля, Бибиковъ былъ арестованъ и затѣмъ, по содержанію задержаннаго письма его, ему предложено было послѣдовательно 47 вопросныхъ пунктовъ, собственноручно написанныхъ Екатериной.

Отвѣчая на нихъ, Бибиковъ объяснялъ, что, кромѣ его письма, Гогель повезъ еще письмо отъ князя Алексѣя Куракина и отъ графа Панина. «Ибо, какъ онъ Бибиковъ у Александра Андреевича Безбородко выпросилъ, чтобъ онъ Гогеля къ великому князю послалъ курьеромъ и когда онъ туда отправленъ былъ, то онъ Бибиковъ, привозя его съ собою къ графу Панину, спрашивалъ, не изволитъ ли онъ писать съ онымъ Гогелемъ. Посему гр. Панинъ, въ тотъ же день написавъ письмо къ кн. Куракину, Гогелю отдалъ; кромѣ же того, писалъ ли онъ къ кому [5]) и чтó въ томъ письмѣ графъ Панинъ писалъ, того ему не сказывалъ, и онъ не знаетъ, такъ равно и о томъ, чтó онъ Бибиковъ отъ себя Куракину писалъ, съ нимъ не говорилъ и никакихъ своихъ мыслей не сообщалъ».

Фразу свою о «страданіяхъ отечества» Бибиковъ довольно неудачно объяснялъ служебными неудовольствіями на князя Потемкина по переводу его полка изъ Новороссіи въ Воронежъ; вмѣстѣ съ тѣмъ жаловался на личное нерасположеніе къ себѣ князя. Также уклончиво отвѣчалъ онъ на вопросъ: чтò разумѣлъ онъ подъ словами «надежда будущаго и естественный порядокъ». На вопросы: имѣлъ ли какое намѣреніе, гдѣ, когда и чтò, имѣлъ ли сообщеніе и говорилъ ли о своемъ или о своихъ намѣреніяхъ,—Бибиковъ отвѣчалъ полнымъ отрицаніемъ.

---

[5]) Припомнимъ, что Павелъ Петровичъ еще во время пребыванія во Флоренціи безпокоился по поводу долгаго неполученія писемъ отъ графа Н. И. Панина. См. VI-ю главу нашего труда.

Но яснѣе всего главная мысль Екатерины при допросѣ сказалась въ 34-мъ его пунктѣ: «Онъ упоминаетъ, что готовъ не токмо словами, но и дѣломъ доказать свою привязанность къ особамъ ихъ высочествъ, то требуется знать, какимъ дѣломъ и до какой степени та привязанность распространяется и распространилася. Тутъ ему сдѣлать сильное увѣщеваніе въ исповѣданіи истины, напоминать ему столь много учиненныхъ имъ присягъ въ вѣрности, кои обращаются въ ложь, буде ложь покажетъ; дверь же милосердія открыта показаніемъ истины». Отвѣтъ Бибикова былъ такой: «Привязанность свою къ особамъ ихъ высочествъ имѣлъ онъ такую, какъ къ наслѣднику престола, а посему его высочество и изволилъ принимать его милостиво; но по пріѣздѣ его изъ полку примѣтилъ онъ, что великій князь не такъ его изволилъ принять какъ прежде, то потому онъ и пересталъ къ нему ходить. Напослѣдокъ же его высочество, призвавъ его Бибикова къ себѣ въ комнату въ Царскомъ Селѣ предъ тѣмъ временемъ, какъ ихъ высочествамъ прививали оспу, сказалъ: «ну, братъ, мнѣ на тебя налгали» и послѣ, пожаловавъ ему руку, изволилъ сказать: «теперь помиримся». Онъ Бибиковъ, поцѣловавъ у его высочества руку, пошелъ, и съ того времени его высочество уже не видалъ. Въ письмѣ же своемъ написалъ, что онъ готовъ не только словами, но и самимъ дѣломъ доказать свою привязанность,—по одной только Французской экспрессіи, ибо привязанность разумѣлъ онъ самое дѣло, а не слово».

Разумѣется, эти уклончивые отвѣты Бибикова, совершенно не соотвѣтствовавшіе духу и содержанію его письма, не могли удовлетворить Императрицу; но и на новые ея наводящіе вопросы Бибиковъ отвѣчалъ по прежнему полнымъ отрицаніемъ, что̀ было для него тѣмъ легче, что слова «добромыслящихъ» не перешли еще въ дѣло.

Допросъ Бибикову производилъ генералъ-прокуроръ князь Вяземскій, совмѣстно съ знаменитымъ Шешковскимъ; но, какъ видно изъ дѣла, допросъ этотъ производимъ былъ безъ всякаго «пристрастія», и слѣдователи ограничивались лишь словесными увѣщаніями. На возраженія слѣдователей, что невозможно объяснять выраженія о «страданіяхъ отечества» частными распоряженіями Потемкина, касавшимися лишь Бибикова, перепуганный полковникъ, ясно увидѣвшій ту бездну, въ которую его завлекла неосторожная болтовня, отвѣчалъ, что, говоря о страданіяхъ отечества, «не инако что̀ изъяснялъ, какъ только свою досаду и огорченіе на кн. Потемкина. А нынѣ онъ чувствуетъ и признается, что онъ рѣчи написалъ какъ безумный, ибо подлиннаго страданія отечества онъ самъ не зналъ, ниже отъ какихъ-либо зломыслящихъ людей и ни отъ кого не слыхалъ». Въ тоже время Бибиковъ предлагалъ заключить себя въ каменный столбъ и затѣмъ казнить

смертію, если бы открылось какое-либо злоумышленіе противъ Императрицы. Сообщая Императрицѣ о такихъ отвѣтахъ Бибикова, кн. Вяземскій въ письмѣ къ ней отъ 13 Апрѣля ясно указываетъ цѣль, съ какою велось слѣдствіе. «Желательно бы было, писалъ онъ, чтобы бывшія у Гогеля письма Панина и Куракина отысканы были; не нашлось ли бы въ оныхъ чего-либо такого, которое послужить бы могло къ уличенію Бибикова въ каковомъ либо согласіи, какъ то, напримѣръ, ссылки на письмо Бибикова или другаго чего, доказующаго между ими сношенія».

Уликъ этихъ, однако, не было, и допросы продолжались. «Надобно думать, замѣчали Бибикову слѣдователи, что вы повсемѣстно болтали съ подобными вамъ молодыми людьми и о правленіи и о выходящихъ законахъ». На сіе онъ говорилъ, что онъ о законахъ никогда ни съ кѣмъ не говорилъ, да и говорить не могъ, потому что онъ никакихъ законовъ не только новыхъ, но и старыхъ не читывалъ, а только онъ читалъ одно Учрежденіе [6]), а кромѣ по самой истинѣ другаго ничего съ подобными себѣ не говорилъ, какъ то, что оно сдѣлано для собственнаго нашего благополучія; ибо всемилостивѣйшая Государыня сдѣлать изволила то, чтобы всякаго состоянія человѣкъ судимъ былъ равнаго ему состоянія людьми, и сіе инакого онъ не судилъ, какъ самое божественное правило. Чтó касается до военной службы, то онъ иногда о князѣ Потемкинѣ съ неудовольствіемъ можно сказать и болталъ, въ чемъ онъ самъ теперь раскаивается, да поздно; а все это происходило, прямо сказать, отъ того, что онъ воспитанъ во своевольствѣ, и ни отъ кого такихъ нужныхъ правилъ по отношенію такихъ заслуженныхъ людей должнаго почтенія и уваженія преподаваемо ему не было, а отъ сего и вышло теперешнее его бѣдствіе, ибо онъ располагалъ, что князь Потемкинъ ему равной, а не больше». И потомъ, схватя Шешковскаго за плечи, со слезами говорилъ: «Бога ради внушайте вы своему сыну, чтобы онъ позналъ сіи правила; я вотъ ему могу своею дерзостію и высокомѣріемъ о себѣ служить примѣромъ. Я столь былъ несчастливъ, что отъ отца моего и ни отъ кого въ ономъ направляемъ не былъ».

Замѣчательно, что въ отвѣтъ на требованіе указать на злоупотребленія кн. Потемкина, Бибиковъ не могъ привести ни одного, заслуживавшаго вниманія, случая; потому ли что онъ не зналъ ихъ, или, быть можетъ, изъ опасенія еще болѣе вооружить противъ себя всесильнаго вельможу; по крайней мѣрѣ Потемкину ничего не стоило, въ особо представленномъ имъ Екатеринѣ докладѣ, опровергнуть всѣ обвиненія Бибикова. Въ концѣ слѣдствія Бибиковъ даже признавалъ за-

---

[6]) Т. е. вышедшее въ 1775 году „Учрежденіе о губерніяхъ“.

слуги Потемкина въ облегченіи солдатской службы. Съ своей стороны Потемкинъ, отчасти изъ великодушія къ окончательно погубившей себя во мнѣніи Екатерины Панинской партіи, отчасти, быть можетъ, изъ желанія сдѣлать пріятное Цесаревичу, ходатайствовалъ предъ Императрицей объ облегченіи участи Бибикова [7]).

Убѣдившись, что, кромѣ попытокъ возбудить раздоръ въ ея семьѣ, приверженцы Панина не предпринимали ничего болѣе серьезнаго, Екатерина рѣшилась прекратить дѣло. Она послала кн. Вяземскому собственноручную записку: «Спросить у Бибикова, какимъ судомъ хочетъ быть судимъ, военнымъ или тайной сенатской экспедиціи. При семъ объявить ему, что въ первомъ случаѣ дѣло его закрыто не останется, и что онъ самъ знаетъ, чтó, за поношеніе и клеветы командира, по военнымъ артикуламъ послѣдуетъ, умалчивая о томъ, чтó за злословіе правленія или, лучше сказать, за бунтовщичій слогъ, послѣдовать можетъ. Который же судъ выберетъ, по тому же и повести дѣло». Бибиковъ, «въ разсужденіи изъясняемыхъ въ письмѣ его вредныхъ намѣреній и клонящихся къ умыслу словъ», ожидавшій смертной казни, положился во всемъ на волю Государыни, но при этомъ объявилъ Вяземскому: «одно меня только угрызаетъ, что князь Потемкинъ не оставитъ меня безъ своего мщенія». Когда же кн. Вяземскій увѣрилъ его въ противномъ, Бибиковъ расплакался и сталъ просить какъ «высочайшей милости», чтобы ему было дозволено публично испросить у князя Потемкина прощенія, въ чемъ, однако, было ему отказано [8]).

Преданный суду особой коммиссіи при тайной сенатской экспеди-

---

[7]) Потемкинъ писалъ Екатеринѣ 15 Апрѣля: „Всемилостивѣйшая Государыня! Если добродѣтель и производитъ завистниковъ, то чтò сіе въ сравненіи тѣхъ благъ, какими она услаждаетъ своихъ исполнителей. Она мой ходатай предъ вами, она обнадеживаетъ теперь и Бибикова моимъ же ходатайствомъ у источника ея. Просить недолго тамъ, гдѣ милость всегда на пути. Вы уже помиловали вѣрно. Онъ потщится, исправя развратныя свои склонности, учинить себя достойнымъ вашего величества подданнымъ. А я и сію милость причту ко многимъ на меня изліяннымъ, пребывая по смерть непоколебимо вашего императорскаго величества наивѣрнѣйшимъ и всеподданнѣйшимъ рабомъ. Князь Потемкинъ". См. дѣло Бибикова въ Госуд. Арх., VII, 2607. „Донесеніе графа Броуна съ приложеніемъ копій писемъ, секретно списанныхъ у курьера Гогеля, который былъ отправленъ къ Н. И. Салтыкову". См. тамъ же, VII, 2613 bis.

[8]) „Моего мщенія, писалъ по этому поводу Потемкинъ Императрицѣ, напрасно онъ страшится, ибо между способностями, которыя мнѣ Богъ далъ, сей склонности меня вовсе лишилъ. Я и того торжества не желаю, чтобы онъ и прощенія у меня публично просилъ. Пусть онъ удовлетворитъ правосудіе познаніемъ вашей милости, сравнивая судъ вашъ съ судомъ бывшихъ государей и чтобы сердце его, наполненное до сего времени развратными склонностями, впредъ было занято чувствіями вѣрности къ особѣ вашей и святымъ почитаніемъ высочайшихъ узаконеній. Онъ ничего со всѣмъ бѣшенствомъ не нашелъ на меня выдумать, и чтò ни сказалъ, во всемъ отъ меня опроверженъ. Равно не найдетъ онъ примѣра, чтобы въ жизнь мою кому мстилъ".

ціи, Бибиковъ, по приговору ея, 28 Апрѣля, конфирмованному Императрицей, сосланъ былъ въ Астрахань [9]). «Уличенный въ неблагодарности и во лжи», писала о немъ Екатерина, 7 Іюня 1782 года, Павлу Петровичу и Маріи Ѳеодоровнѣ, находившимся въ то время въ Парижѣ, «онъ рѣшился на единственный, остававшійся ему исходъ; онъ раскаялся, просилъ прощенія и выказалъ умъ и душевную силу ребенка, заслужившаго розгу... Мои принципы вытащили этого юношу изъ пропасти, въ которую онъ погрузился; потому что тонъ мой не такъ трагиченъ, какъ тонъ моихъ предшественниковъ. Говорю это вамъ, милыя дѣти, потому что, по нѣжности моей къ вамъ, желаю, чтобы вы извлекли изъ этого пользу для настоящаго и будущаго» [10]).

Въ этомъ желаніи собственно и заключался весь смыслъ процесса Бибикова; ибо, строго говоря, судили его не за дѣла, а за мысли, изложенныя, притомъ, въ частномъ письмѣ къ другу: въ лицѣ Бибикова осуждена была вся партія гр. Н. И. Панина, вооружавшая наслѣдника престола противъ его матери. Послѣ этого Павелъ Петровичъ долженъ былъ увидѣть всю невозможность, по возвращеніи своемъ изъ-за границы, поддерживать дальнѣйшія отношенія со старыми своими друзьями, замѣшанными въ этомъ процессѣ, съ гр. Панинами и ихъ внучатнымъ племянникомъ княземъ Куракинымъ, сопровождавшимъ великокняжескую чету въ ея путешествіи. Виновность гр. Панина, этого главнаго совѣтника великаго князя, въ глазахъ Екатерины не могла подлежать сомнѣнію; что же касается до князя Куракина, то достаточнымъ поводомъ немилости къ нему Императрицы служила близость его къ опальному дядѣ и обнаружившееся единомысліе съ Бибиковымъ. Отвѣтное письмо князя Куракина къ Бибикову, отъ 10 Мая, также было перехвачено въ Петербургѣ, и хотя въ немъ суетный и легкомысленный князь говорилъ болѣе про восхитившую его въ Неаполѣ и Туринѣ танцовщицу Басси, о приглашеніи которой въ Петербургъ просилъ онъ Бибикова

---

[9]) Въ приговорѣ коммиссіи любопытно, вопервыхъ, ея мнѣніе, что „развращенность“ Бибикова была слѣдствіемъ чтенія Французскихъ философовъ и, вовторыхъ, ясное указаніе, что Шешковскій, въ это время, не могъ, по выраженію Потемкина, „кнутобойничать“. „Къ испытанію отъ Бибикова самого истины, говоритъ коммиссія, кажется другаго средства не остается, какъ чрезъ истязаніе; но и сіе послѣднее средство, по силѣ состоявшихся высочайшихъ законовъ о нечиненіи подсудимымъ не только пытокъ, но и пристрастныхъ распросовъ, мы нижеподписавшіеся почли неудобнымъ, несвойственнымъ и невозможнымъ къ открытію истины, тѣмъ паче, что и высочайшаго Наказа, даннаго коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія главы 9-й во 133-мъ параграфѣ точно сими словами предписано: Употребленіе пытокъ противно здравому, естественному разсужденію. Само человѣчество вопіетъ противъ онаго и требуетъ, чтобы она была вовсе уничтожена“. Павелъ Александровичъ Бибиковъ † въ 1784 бездѣтнымъ.

[10]) Сборникъ Р. Истор. Общества, IX, 157.

похлопотать, но въ немъ же выражалось и сочувствіе къ образу мыслей Бибикова, «рѣдкому между современниками и способному пріобрѣсти ему почтеніе отъ всѣхъ честныхъ людей». Неудивительно, поэтому, что Екатерина не придала никакого значенія всеподданнѣйшему письму къ ней кн. Куракина, отъ 17 Мая, изъ Парижа, въ которомъ князь, узнавъ отъ Павла Петровича о несчастіи, постигшемъ Бибикова, спѣшилъ отказаться отъ всякаго съ нимъ единомыслія, и въ которомъ онъ увѣрялъ Императрицу въ своихъ вѣрноподданническихъ къ ней чувствахъ. Можно также предполагать, что отъ Императрицы не скрылось особое значеніе и довѣріе, которымъ пользовался кн. Куракинъ при молодомъ дворѣ благодаря своему дядѣ: чрезъ его именно руки шла переписка Павла Петровича съ Прусскими посланниками при Петербургскомъ дворѣ, гр. Сольмсомъ, Брюлемъ и Герцомъ, въ теченіе 1776—1780 годовъ [11]). Наконецъ, князь Куракинъ могъ быть на примѣтѣ у Императрицы, какъ человѣкъ, поддерживавшій сношенія по масонскимъ дѣламъ даже съ иностранными дипломатами [12]).

Екатерина рано познакомилась съ масонскимъ ученіемъ, «перечитавъ, по собственному сознанію, въ печати и рукописяхъ, всѣ скучныя нелѣпости, которыми занимаются масоны, и съ отвращеніемъ убѣдилась, что, какъ ни смѣйся надъ людьми, они не становятся отъ того ни образованнѣе, ни благоразумнѣе» [13]). Подобно сентиментализму, масонство развилось въ XVIII вѣкѣ какъ противодѣйствіе сухой, матеріалистической философіи того времени, съ тою лишь разницею, что сентиментализмъ имѣлъ своимъ источникомъ потребности сердечной жизни человѣка, тогда какъ масонство стремилось удовлетворить запросамъ его разума. «Вольтеріанецъ» и «масонъ», это были двѣ противоположности въ умственной жизни Русскаго общества того времени. «Нелѣпости», въ формѣ которыхъ, по выраженію Екатерины, проявлялось масонство, «соединеніе религіозныхъ обрядовъ съ ребяческими

---

[11]) Госуд. Арх., XV, 193. „Письма и записки графа Сольмса, Брюля и Герца о состояніи здоровья короля Прусскаго, о фамиліи королевской и о происшествіяхъ въ Пруссіи". Всѣ эти письма и записки адресовывались на имя Куракина очевидно для предосторожности, ибо они предназначались великокняжеской четѣ. Очевидно, что болѣе важные документы, касавшіеся сношеній молодаго двора съ Берлиномъ, передавались великому князю также кн. Куракинымъ, если не самимъ гр. Панинымъ, завѣдывавшимъ тогда сношеніями Россіи съ Западными дворами. Было бы любопытно прослѣдить, откуда попали въ Госуд. Архивъ эти бумаги кн. Куракина: изъ бумагъ ли Павла Петровича или изъ бумагъ императрицы Екатерины II? Въ послѣднемъ случаѣ стало бы яснымъ, что документы эти были своевременно забираемы и дѣлались извѣстны Императрицѣ.

[12]) Въ Госуд. Арх. сохранилось письмо къ кн. Куракину кн. Кауница Ритберга по масонскимъ дѣламъ 1777 года.

[13]) С. Р. И. О., XXIII, 167. Русскій Архивъ, 1878, III, 61.

играми», «обѣты, чудачества, странныя и нелѣпыя одѣянія» [14]), все это было лишь внѣшнимъ выраженіемъ стремленія указать важность и законность духовныхъ стремленій человѣка, связать нравственный и религіозный его міръ съ данными опытной науки, съ міромъ внѣшнимъ, чувственнымъ; оттого на почвѣ масонства одинаково процвѣтали: чистая наука наряду съ алхиміей, возвышенныя религіозныя начала— съ спиритизмомъ, а стремленіе къ нравственному самоусовершенствованію, къ благотворительной и просвѣтительной дѣятельности —съ фанатическими и кровавыми планами иллюминатовъ. Поэтому масонство не было и не могло быть сложившимся, опредѣленнымъ ученіемъ, выработавшимъ себѣ систему и вылившимся въ окончательную форму: въ немъ каждый могъ найти себѣ удовлетвореніе сообразно своему нравственному и умственному развитію; всѣ масоны сходились между собой лишь въ отрицаніи разумности началъ матеріализма. Сама Екатерина свидѣтельствуетъ, что при дворѣ ея было много членовъ масонскихъ братствъ, надѣявшихся совратить ее на свою сторону; само собою разумѣется, что этотъ трудъ оказался неблагодарнымъ [15]). Но тѣмъ легче было имъ подѣйствовать на живой, воспріимчивый умъ великаго князя: его нравственныя и религіозныя воззрѣнія служили залогомъ его отчужденія отъ матеріалистическаго направленія вѣка, а нервный темпераментъ, въ связи съ болѣзненно-развитою фантазіей и наклонностію къ соблюденію обрядовыхъ мелочей, сближалъ его съ «нелѣпостями» масоновъ, такъ что для него страненъ казался вопросъ Екатерины: «Кто дѣлаетъ добро для добра, какая ему нужда въ обѣтахъ, чудачествахъ, въ одѣяніяхъ нелѣпыхъ и странныхъ?» [16]).

Когда именно вступилъ Павелъ Петровичъ въ общество масоновъ съ точностію сказать трудно, но во всякомъ случаѣ не позже 1782 года. Виновникомъ присоединенія великаго князя къ масонскому обществу Екатерина впослѣдствіи считала Куракина, но сами современники-масоны были увѣрены въ томъ, что Павелъ Петровичъ сблизился съ ними благодаря

---

[14]) Тамъ же, 168—169.

[15]) Тамъ же, 168.—Сообщая Гримму, 11 Января 1780, трехстишіе, направленное противъ масоновъ, Екатерина прибавляетъ: Voici ma réponse, *sauf à vous envoyer une autre fois ce que cela a produit de plus.* Не относятся ли эти слова къ „Тайнѣ противонелѣпаго общества“, составленной въ 1780 г. самой Императрицей для осмѣянія масоновъ? Изучивъ въ концѣ 1779 года всѣ масонскія книги и рукописи, Екатерина, по свойственной ей потребности, поспѣшила облечь въ сатирическую форму то впечатлѣніе, которое она вынесла изъ ихъ чтенія. Доказательства въ пользу принадлежности „Тайны“ Екатеринѣ см. Р. А. 1890, II, статья г. Остроглазова. Публикація объ изданіи „Тайны“ на Французскомъ языкѣ появилась въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 24 Января 1780 г.

[16]) Тамъ же, 169.

главнымъ образомъ вліянію гр. Панина [17]). Кромѣ Панина и Куракина къ масонамъ принадлежалъ и кн. Н. В. Репнинъ [18]). Когда для Императрицы сдѣлались ясны цѣли Панинской партіи, она и къ масонскимъ связямъ этой партіи не могла не отнестись серьезнѣе, чѣмъ прежде: къ этому ее вынудила и таинственность, окружавшая масонское общество, и связи Русскихъ масоновъ съ Прусскими, во главѣ которыхъ, какъ говоритъ о томъ сама Екатерина, былъ въ то время дядя Маріи Θеодоровны, принцъ Фердинандъ Прусскій. Этимъ и объясняется, почему, вслѣдъ за опалой Панина и его клевретовъ, Екатерина въ 1783—1784 гг. стала подозрительно относиться къ масонамъ, и стремилась уяснить себѣ ихъ характеръ и цѣль ихъ общества. И масоны того времени были правы, считая главною причиною подозрительныхъ отношеній къ себѣ Императрицы связь свою съ Павломъ Петровичемъ и членами Панинской партіи [19]).

---

[17]) Въ одной запискѣ безъ даты въ дѣлѣ Новикова 1792 г. (Госуд. Арх., VIII, 218) говорится слѣдующее: „Письмо герцога Гессенъ-Кассельскаго, въ оригиналѣ писанное Шварцу въ 1782 году, доказываетъ ихъ братскую переписку. Изъ него видѣть можно, что кн. Куракинъ употребленъ былъ инструментомъ по приведенію великаго князя въ братство“. См. также Приложеніе къ LI-му т. „Зап. Имп. Академіи Наукъ“ № 5, статья г. Иконникова (153), гдѣ авторъ тщательно собралъ печатныя данныя объ отношеніяхъ Павла къ масонству. Извѣстный И. В. Лопухинъ, въ пѣснѣ (1784 года) такъ выхвалялъ графа Панина за его услуги масонству:

„О старецъ братьямъ всѣмъ почтенный,
Коль *славно Панинъ ты успѣлъ*:
Своимъ премудрымъ ты совѣтомъ
Въ храмъ дружбы сердце царско ввелъ...
Грядущій за твоимъ примѣромъ,
Блаженъ стократно онъ масонъ...
Предвозвѣщая вѣкъ златой“.

См. „Архивъ истор. и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи“ 1860—61, кн. I, стр. 24—25.—Екатерина хорошо знала отношенія Панина къ масонству. „Представьте, писала она Гримму 20 Сентября 1783 г., что онъ (нѣкто Гюльзенъ) бросался въ ноги покойному графу Панину, умоляя его открыть ему тайну масонскаго всецѣлебнаго лѣкарства; онъ думалъ, что Панинъ владѣлъ этой тайною“. Русск. Архивъ, 1878, III, 93.

[18]) Объ отношеніяхъ кн. Репнина къ масонству см. Р. Ст., 1880, II, 132—133. Какъ смотрѣли на него современники видно изъ отзыва Массона: „Il obcurcit, dans ses vieux jours, le premier éclat de son caractère, par les sotises mystiques du martinisme et des illuminés; et l'on ne sait si c'est l'humilité d'un dévot, la bassesse d'un courtisane, ou stoicisme d'un héros patriote, qui lui fit supporter les hauteurs humiliantes de Potemkin et la haine de Catherine qui accabloit d'affronts, tout en se servant de ses talens militaires. Il s'étoit attiré cette haine, en se prononçant en faveur de Paul et lui conseillant de réclamer ses droits sur un trône dont sa mère n'avoit été proclamée que tutrice et régente“. Masson Mémoires, I, 303—304, 1800 года.

[19]) Записки И. В. Лопухина (Р. А.. 1884, I, 18—19). Записки Гебера (Вѣстникъ Европы, 1868, VI, 581—582).

Всѣ эти обстоятельства могутъ пояснить причины, вслѣдствіе которыхъ, по возвращеніи Павла Петровича изъ-за границы, Панинская партія подверглась явной опалѣ: Куракинъ сосланъ былъ на жительство въ деревню, а Репнинъ потерялъ прежнее свое значеніе [20]); если самъ Панинъ оставался еще въ Петербургѣ вѣроятно вслѣдствіе своего болѣзненнаго состоянія, то возможность вреднаго вліянія его на молодую чету устранялась тѣмъ, что Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна, очевидно находясь подъ вліяніемъ Екатерины, посѣщали его очень рѣдко, и на самое короткое время.

Безъ сомнѣнія, Павелъ Петровичъ долженъ былъ глубоко страдать, видя печальную участь, постигшую его друзей, между тѣмъ какъ необходимость подчиняться непреклонной волѣ Императрицы вынуждала его, хотя по наружности, сживаться съ новой своей обстановкой, вращаясь въ обществѣ матери и поддерживая дружескія отношенія съ врагомъ Панина, Потемкинымъ. Зимою 1782—1783 года, по разсказу современника, великій князь и великая княгиня, живя на своей половинѣ въ Зимнемъ дворцѣ, присутствовали на всѣхъ придворныхъ собраніяхъ и торжествахъ; кромѣ того, каждый Понедѣльникъ великокняжеская чета давала отъ себя балъ, а по Суботамъ приглашала къ себѣ высшее общество и офицеровъ, по два отъ каждаго полка гвардіи, на Каменный островъ. На всѣхъ этихъ собраніяхъ у великаго князя бывалъ постоянно и кн. Потемкинъ, не пропустивъ ни одного изъ нихъ [21]). На этихъ собраніяхъ Марія Ѳеодоровна, готовившаяся въ то время подарить своему супругу третьяго ребенка, знакомила съ Петербургскимъ обществомъ брата своего, принца Фридриха, и его супругу принцессу Августу. Но эти внѣшнія условія жизни не только не способствовали нравственной перемѣнѣ великаго князя, но, заставляя его сдерживаться, насиловать свою пылкую, искреннюю натуру, могли только портить его характеръ и развивать въ немъ мрачный, унылый взглядъ на жизнь и на свое личное и политическое положеніе. Въ письмахъ его за это время къ Русскому посланнику во Франкфуртѣ графу Н. П. Румянцову (который, будучи личнымъ другомъ Павла, не былъ, однако, его политическимъ единомышленникомъ) постоянно встрѣчаются осторожные, но ясные намеки на его тяжелое нравственное состояніе, которые пріобрѣтаютъ тѣмъ больше значенія, что иногда все письмо состоитъ изъ однихъ только этихъ намековъ [22]).

---

[20]) Въ Мартѣ 1783 г. князь Репнинъ посланъ въ армію, назначенную противъ Турокъ (война съ ними казалась тогда вѣроятною вслѣдствіе присоединенія Крыма къ Россіи) для командованія резервнымъ корпусомъ.

[21]) Энгельгардтъ, Записки, изд. „Р. Архива", 44—50.

[22]) Яснѣе всего мысль Павла Петровича выразилась въ одномъ изъ послѣднихъ

И между тѣмъ въ эту же зиму Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна потеряли человѣка, котораго они считали до сихъ поръ единственнымъ своимъ другомъ и совѣтникомъ при дворѣ Екатерины. Событіями 1781—1782 г. здоровье Панина было подорвано окончательно: паденіе Сѣвернаго аккорда, немилость Императрицы, причастность къ дѣлу Бибикова, опала Куракина и, наконецъ, вольное и невольное отчужденіе отъ него самой великокняжеской четы по возвращеніи ея изъ-за границы,—все это способствовало смертельному исходу его болѣзни. Въ особенности удивляло и оскорбляло Панина и всѣхъ родныхъ его, по словамъ современника [23]), кажущееся невниманіе къ нему Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны: по крайней мѣрѣ около мѣсяца они не только не ѣздили къ нему, но и не присылали узнать о его здоровьи. Но это невниманіе къ старому другу было, очевидно, лишь вынужденное: 29 Марта молодые супруги, по разсказу самого Павла, разговаривая о Панинѣ, «пришли въ несказанную чувствительность и положили ѣхать къ нему въ тотъ вечеръ»; «онъ веселъ и свѣжъ былъ такъ, прибавлялъ Павелъ, какъ я его уже года три не видывалъ» [24]). Объясненіе веселости Панина находимъ въ извѣстіи современника, что во время этого свиданія «было объясненіе о всемъ предыдущемъ» [25]). Радость Панина, однако, истощила послѣднія его силы. Черезъ два дня, 31 Марта 1783 года, онъ умеръ на рукахъ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, прибывшихъ къ нему при первомъ извѣстіи, что ему стало хуже. По словамъ Павла Петровича, чрезвычайно горевавшаго о кончинѣ Панина, «онъ оставилъ по себѣ общее сожалѣніе, заставляющее молчать и непріятелей его, стыдящихся не одного мнѣнія быть съ публикой, чему доказательствомъ былъ день похоронъ его, гдѣ, будучи на выносѣ, наѣхало такихъ, которыхъ съ роду у него не видалъ» [26]). Горесть Павла была велика, и онъ выражалъ ее со свойственною ему пылкостію при каждомъ удобномъ слу-

---

его писемъ отъ 22 Мая 1783 года: „On ne saurait jamais être quitte ou solder des comptes avec ceux, à qui nous devons la vie moralle (Панинъ) ou physique (Екатерина). C'est une dette dont les intérêts doivent courir toute notre vie et dans nos actions, mon cher ami, et en fait d'erreur du calcul. J'aime mieux qu'il y en ait vis-à-vis de moi que s'il y en avait de mon côté; quoique le premier paraît plus lucratif à bien des gens, je suis du nombre des seconds et je crois le dernier plus lucratif par ses suites si non autrement. Vous savez au reste que la traîne de la cour est toujours se dépêcher et tout se dépêchant on a le temps de ne rien faire, pas même courir comme il faut“. Государ. Архивъ V, 183.

[23]) Кн. Ѳ. Н. Голицынъ. Р. Архивъ 1874, 1, 1284.

[24]) Письмо Павла Салтыкову. Р. Арх. 1864, 943.

[25]) Кн. Ѳ. Н. Голицынъ. Р. А. 1874, 1, 1284.

[26]) Письмо Павла Салтыкову. Р. А., 1864, 943.

чаѣ. Даже недавній другъ великокняжеской четы, принцесса Марія-Клотильда Савойская, въ отвѣтъ на письмо Павла, по этому поводу, сочла нужнымъ выразить ему сочувствіе большимъ письмомъ, посвященнымъ памяти Панина [27]). Смерть Панина была чувствительна и для Маріи Ѳеодоровны; она до самой смерти своей хранила при себѣ золотое кольцо, съ волосами покойнаго графа, съ его вензелемъ и обозначеніемъ дня его смерти» [28]).

Лишившись старыхъ друзей, великокняжеская чета близко приняла къ сердцу намѣреніе Екатерины удалить отъ нихъ даже безличнаго Салтыкова, котораго молодые супруги считали первоначально за шпіона, приставленнаго къ нимъ Екатериной, но который, «весьма твердо зналъ придворную науку» и умѣлъ пріобрѣсти съ теченіемъ времени ихъ расположеніе, тщательно избѣгая поводовъ навлечь на молодой дворъ неудовольствіе Императрицы. Такой человѣкъ былъ вдвойнѣ дорогъ для Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны именно въ это критическое переживаемое ими время. Немудрено, поэтому, что, узнавъ о новой своей утратѣ, Павелъ писалъ Салтыкову 5 Апрѣля: «Теперь узналъ я, что я прямо тебя люблю, ибо первыя двѣ о семъ экспликаціи, да и дни, не безъ слезъ прошли; ты мнѣ позволишь о себѣ сожалѣть» [29]). Но, быть можетъ, уклончивость и осторожность Салтыкова и не нра-

---

[27]) 23 Мая 1783 г. „Je ne trouve point de termes, mon cher frère, pour vous exprimer toute la vive et sincère part que je prends à vos justes regrets sur la perte que vous venez de faire. Je sens tout ce qu'il doit vous en couter en quittant un si respectable et ancien ami d'autant que ce jour de ces pertes irréparables. Je vous assure, que j'en suis vivement pénétrée. Votre chère lettre que j'ai reçue hier, m'a fait le plus sensible plaisir, en me rassurant sur votre santé et celle de votre chère et adorable femme, dont j'étais bien en peine après telle affliction. J'espère que le temps calmera votre douleur, et je vous conjure d'y travailler de votre mieux afin de conserver votre santé si précieuse à tous ceux qui ont eu le bonheur de vous connaître et particulièrement à moi, qui vous suis bien sincèrement attachée. Le nom du c-te Panin sera célèbre dans toutes les histoires par l'éducation d'un prince qui lui fait autant d'honneur, mais les marques de reconnaissance et d'attachement que vous lui avez toujours données jusqu'aux derniers instans de sa vie, ne vous fait pas moins d'honneur, mon cher frère, et c'est pour moi un véritable plaisir de rendre cette justice à la bonté de votre coeur et à la noblesse de vos sentimens". Гос. Арх., IV, 200. Письмо это любопытно какъ обращикъ мнѣній, которыя поселяли о Панинѣ въ преданныхъ себѣ людяхъ Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна Припомнимъ, что принцесса Марія-Клотильда сдѣлалась искреннимъ другомъ великой княгини во время посѣщенія великокняжеской четою Турина. Но увѣковѣчить свою признательность и свое уваженіе къ Панину Павелъ Петровичъ могъ выразить лишь послѣ смерти Екатерины: вступивъ на престолъ, Павелъ въ 1797 году приказалъ воздвигнуть своему воспитателю памятникъ въ церкви Св. Маріи Магдалины въ Павловскѣ. Е III.— Въ архивѣ за́мка Фаля имѣются письма этой принцессы Клотильды къ другу Маріи Ѳеодоровны Аннѣ Карловнѣ Бенкендорфъ. П. Б.

[28]) См. духовное завѣщаніе Маріи Ѳеодоровны § 30. Кольцо это она завѣщала родственнику Панина, Ю. А. Нелединскому-Мелецкому.

[29]) Р. Арх., 1864, 944.

вились Екатеринѣ, которая, ближе познакомившись съ дѣятельностію Панинской партіи, нашла, вѣроятно, что онъ недостаточно хорошо исполнялъ роль соглядатая. Впрочемъ, если это обстоятельство и было дѣйствительной причиной удаленія Салтыкова отъ молодаго двора, то Императрица не дала понять этого, такъ какъ, увольняя Салтыкова отъ должности гофмейстера при великокняжеской четѣ, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, дала ему высшее назначеніе—имѣть главный надзоръ за воспитаніемъ Александра и Константина Павловичей. Николай Ивановичъ Салтыковъ могъ быть, по взгляду Екатерины, полезенъ въ новой своей должности какъ лицо, пользовавшееся и ея довѣріемъ, и довѣріемъ Павла Петровича и Маріи Θеодоровны; но воспитательнымъ качествамъ Салтыкова она, безъ сомнѣнія, не придавала значенія, предположивъ, какъ и было на самомъ дѣлѣ, лично входить во всѣ подробности воспитанія своихъ внуковъ, въ которыхъ она, какъ и слѣдовало, видѣла дѣтей «Россіи», продолжателей новой династіи.

«За нѣсколько дней до смерти графа Панина» (писалъ Павелъ Салтыкову 5 Апрѣля) «будучи поутру у Государыни, съ большою похвалою о тебѣ, любезный другъ, сказала мнѣ о намѣреніи своемъ васъ приставить къ дѣтямъ. Вы сами можете сказать себѣ, чтó я на то отвѣчалъ; послѣ чего стала говорить о наполненіи вашего мѣста и вдругъ назвала графа Валентина Платоновича (Мусина-Пушкина); признаюсь, что я сего не ожидалъ. Я съ удивленіемъ, которое она во мнѣ примѣтила, сказалъ, что я его не знаю никакъ, а слышалъ всегда какъ о честномъ человѣкѣ. Признаюсь, что мнѣ разставаться съ тобою трудно, въ чемъ хотя и утѣшенъ былъ отзывомъ, что сіе не разлука и что всегда въ сношеніи съ нами останешься, но не меньше другой, а не ты у насъ. Чрезъ четыре дня присланъ былъ Пушкинъ къ намъ при запискѣ, на которую я тотчасъ отвѣчалъ, что я отъ нея все принимаю по увѣренію о ея милости, но что примѣчу на то, что если ты о семъ не будешь увѣдомленъ, то будетъ тебѣ прискорбно, какъ и мнѣ. Въ семъ получилъ успокоеніе, что къ тебѣ будетъ писано, а Пушкинъ ad intérim. Онъ принялъ домъ нашъ и ведетъ себя къ удовольствію нашему: чтò Богъ дастъ впередъ!» [30]).

Къ этому вопросу Павелъ, при тяжелыхъ тогдашнихъ отношеніяхъ своихъ къ матери, не могъ не относиться съ нѣкоторою тревогою за будущее. Удаленіе Салтыкова и замѣна его Мусинымъ-Пушкинымъ совпали съ отъѣздомъ изъ Петербурга кн. Потемкина [31]), бывшаго,

[30]) Тамъ же.

[31]) Г. Кобеко (275) справедливо приписываетъ назначеніе Мусина-Пушкина рекомендаціи Потемкина. Изъ письма, на которое онъ ссылается (С. Р. И. О., XLII, 418) видно, кромѣ того, что Екатерина переговорила съ Мусинымъ-Пушкинымъ о новомъ его назначеніи ранѣе разговора своего съ Павломъ Петровичемъ

безъ сомнѣнія, главнымъ совѣтникомъ Екатерины при разгромѣ Панинской партіи и ѣхавшаго теперь на Югъ для окончательнаго присоединенія Крыма къ Россіи. Вслѣдъ за его отъѣздомъ Екатерина, въ сопровожденіи Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, переѣхала, въ половинѣ Апрѣля, на жительство въ Царское Село. Отсюда Марія Ѳеодоровна проводила 11 Мая брата своего, принца Фридриха, отправившагося въ южную армію подъ начальство Потемкина [32]). Замѣчательно, что на другой же день по его отъѣздѣ Екатерина впервыя вступила въ подробное объясненіе съ Павломъ Петровичемъ по текущимъ политическимъ дѣламъ, выясняла ему свои предположенія относительно Крыма и Польши и, очевидно, желала вызвать его на обмѣнъ мнѣній. Цесаревичъ былъ чрезвычайно пораженъ такимъ неслыханнымъ дотолѣ обращеніемъ къ себѣ матери и, записавъ этотъ разговоръ свой съ нею, замѣтилъ при этомъ: «довѣренность мнѣ многоцѣнна, первая и удивительная» [33]). Продолжались ли бесѣды, многоцѣнныя и удивительныя для Павла Петровича, неизвѣстно; но не въ характерѣ великаго князя было скрывать свой политическій образъ мыслей, рѣзко противорѣчившій образу мыслей его матери, и поэтому легко предположить, что эта «первая» бесѣда на то время была и послѣднею. Въ концѣ Іюня Императрица отправилась въ Фридрихсгамъ на свиданіе съ Шведскимъ королемъ Густавомъ III, но вела въ это время съ Павломъ и Маріей Ѳеодоровной частую переписку [34]).

Живя въ Царскомъ Селѣ въ ожиданіи приближающихся родовъ, Марія Ѳеодоровна неусыпно слѣдила за работами по постройкѣ и украшенію Павловска и новаго дворца въ немъ. Работы эти производились еще во время заграничнаго путешествія Маріи Ѳеодоровны и ея супруга подъ наблюденіемъ управлявшаго Павловскомъ К. И. Кюхельбекера. Ими руководили извѣстные архитекторы Камеронъ и Гваренги, но великая княгиня даже изъ-за границы входила во всѣ мелочи хозяйственныхъ заботъ [35]), и при этомъ, слѣдя за ходомъ постройки, тре-

---

[32]) Съ нимъ Марія Ѳеодоровна писала Потемкину по-русски: „Братецъ мой вамъ вручитъ сіе письмо, и я увѣрена, что вы, князь Григорій Александровичъ, ему будете давать случай себя показать и исполните желаніе его сдѣлаться достойнымъ милости Государыни. Я знаю, сколько много вы можете ему въ семъ случаѣ быть полезнымъ и его вамъ рекомендую, сказавъ вамъ, сколько я его искренно люблю. Благодарность моя вамъ будетъ доказательствомъ, какъ истинно я завсегда буду ваша благосклонная Марія“. Госуд. Арх., V, 182.

[33]) Р. Старина, 1873, VIII, 652—653.

[34]) Письма Екатерины см. С. Р. И. О., XV, а также Р. Старина 1873, VIII, 653—659, отвѣтныя письма Маріи Ѳеодоровны въ Госуд. Архивѣ, IV, 118.

[35]) „Увѣряю васъ, писала она Кюхельбекеру 14 Апрѣля 1782 г., что Италія не только не отвратила меня отъ Павловскаго, но заставляетъ еще болѣе цѣнить“. „Павловскъ, 520. Этотъ Кюхельбекеръ-отецъ будущаго Декабриста.

бовала отъ Кюхельбекера подробнаго увѣдомленія о бытѣ рабочихъ и жителей Павловска, о состояніи ихъ здоровья и о ихъ нуждахъ. Заботливость проявлялась одинаково и по отношенію къ художникамъ, и по отношенію къ простымъ рабочимъ. Постройки шли, однако, не совсѣмъ гладко. Многіе изъ художниковъ, во время отсутствія Маріи Ѳеодоровны, относились къ Кюхельбекеру свысока и довольно небрежно вели свои работы. Но въ этихъ случаяхъ Марія Ѳеодоровна вмѣсто выговоровъ и упрековъ для виноватыхъ художниковъ присылала обыкновенно Кюхельбекеру письма, въ которыхъ, успокоивая своего управляющаго, старалась оправдывать виновныхъ какими либо уважительными придуманными ею причинами: она предпочитала уже въ то время дѣйствовать на людей нравственными средствами, возбуждая ихъ совѣсть и усердіе предупредительнымъ вниманіемъ и участіемъ къ ихъ нуждамъ [36]).

Къ пріѣзду великой княгини Павловскъ значительно измѣнилъ видъ свой: кромѣ большаго дворца, вчернѣ совершенно готоваго, окончены были постройкой Колоннада, Храмъ дружбы и Молочня, а также чрезвычайно расширены и обогащены были садъ и оранжереи Павловска, для которыхъ сѣмена и растенія доставляемы были не только изъ Россіи, но даже изъ-за границы или по заказамъ великой княгини, или въ видѣ подарка отъ разныхъ частныхъ лицъ, желавшихъ сдѣлать пріятное Маріи Ѳеодоровнѣ; въ числѣ послѣднихъ былъ графъ П. А. Румянцовъ, приславшій 20 Марта 1782 г. въ Павловскъ изъ Малороссіи цѣлый обозъ съ фруктовыми деревьями (до 200 штукъ). Къ пріѣзду великокняжеской четы Екатерина приказала устроить шоссе отъ Павловска до Царскаго Села, которое впрочемъ окончено было постройкою лишь въ 1783 г. Вниманіе свое къ невѣсткѣ Екатерина выразила и въ томъ, что въ Маѣ 1782 г. сама посѣтила Павловскъ и, подробно описавъ это посѣщеніе въ письмѣ къ ней, заключила его словами: «жалко, что нѣтъ хозяевъ; они заставили бы насъ побольше побѣгать и показали бы намъ вещи въ болѣе пріятномъ видѣ, а теперь, какъ ихъ нѣтъ, все глядитъ такъ печально и пусто, что у меня сердце сжалось». Зная, что большія закупки за границей мебели и разнаго

---

[36]) „Кромѣ Камерона, въ окончательной художественной отдѣлкѣ дворца принимали участіе: Бренна, Скотти, Руффини, Ламени, Віоллье, Русскіе художники: Даниловъ, Козловъ и нѣсколько учениковъ Академіи Художествъ, присланныхъ Бецкимъ. Русскіе художники были скромные, послушные, исправные, чего нельзя сказать объ иностранныхъ мастерахъ. Деликатность великой княгини и терпѣніе Кюхельбекера были безсильны для обузданія заносчивыхъ Итальянцевъ и черезчуръ самолюбивыхъ Французовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что великая княгиня предпочла бы имъ художниковъ Русскихъ, но таковыхъ было мало". „Павловскъ" и проч., 45.

рода художественныхъ предметовъ всѣ сдѣланы были Павломъ Петровичемъ и Маріей Ѳеодоровной съ вѣдома Императрицы, мы въ правѣ предположить, что самая постройка Павловска производилась также на суммы, отпускавшіяся Императрицей: ибо расходы на этотъ предметъ были такъ велики, что ихъ невозможно было, при всей бережливости строителей, покрывать суммами изъ ежегоднаго бюджета великокняжеской четы, тѣмъ болѣе, что всѣ капитальныя работы по Павловску, требовавшія огромныхъ денегъ, происходили главнымъ образомъ всего лишь въ теченіе трехъ лѣтъ 1781—1784 гг. Безъ сомнѣнія и созданіемъ Павловска, какъ исполненіемъ другихъ своихъ желаній за это время, Марія Ѳеодоровна обязана была исключительно Екатеринѣ [37]).

Близость Павловска къ Царскому Селу дозволяла Маріи Ѳеодоровнѣ самой руководить теперь внутренней отдѣлкой, меблировкой и убранствомъ дворца и садовыхъ зданій. Въ это именно время, въ Маѣ 1783 г., доставлена была изъ-за границы значительная часть предметовъ, пріобрѣтенныхъ великокняжеской четой: изъ Италіи статуи и разныя мраморныя вещи, изъ Голландіи—зеркала, изъ Франціи—фарфоровая посуда и издѣлія знаменитой Севрской мануфактуры. Тогда же принимались мѣры для водоснабженія Павловска, такъ какъ вода изъ рѣки Славянки не годилась для питья: устраивали водопроводъ, рыли колодцы. Садъ украшаемъ былъ бесѣдками и павильонами, стѣны которыхъ, по вкусу великой княгини, состояли изъ плетеныхъ зеленыхъ дранокъ (трельяжъ); между ними выдавался по своимъ размѣрамъ существующій и донынѣ трельяжъ, сквозной павильонъ у лѣстницы, которая вела къ берегу Славянки. Вообще Павловскъ изъ небольшаго охотничьяго поселка въ короткое время быстро превратился въ одну изъ богатѣйшихъ и изящнѣйшихъ лѣтнихъ резиденцій въ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось и его населеніе, которое достигло въ 1783 г. цифры 600 слишкомъ человѣкъ: придворныхъ служителей, солдатъ, мастеровыхъ и крестьянъ. Это внушило владѣтелямъ Павловска мысль основать для нихъ благотворительныя учрежденія. «Нахожу въ Павловскомъ удовольствіе свое, писалъ Павелъ Платону 29 Мая; сіе удовольствіе ни съ кѣмъ мы не дѣлимъ, сіе удовольствіе ничѣмъ мы не пріобрѣли; итакъ заведемъ что-нибудь при семъ мѣстѣ, чѣмъ интересовали бы иныхъ, кромѣ себя, и чѣмъ дѣлили бы удовольствіе и спокой-

---

[37]) Неизвѣстно, на основаніи какихъ данныхъ утверждаютъ, будто „отстроивъ на собственный счетъ Паульлустъ и Маріенталь, Екатерина II предоставила владѣтелямъ Павловскаго при дальнѣйшихъ застройкахъ обходиться ихъ собственными средствами“ (Павловскъ 15). Приводимая затѣмъ авторомъ этой книги просьба великокняжеской четы къ Екатеринѣ о деньгахъ относится къ позднѣйшему времени.

ствіе съ другими. Вотъ наша мысль» [38]. Плодомъ этой мысли была закладка при строившейся тогда же въ Павловскѣ церкви во имя св. Маріи Магдалины (ангела Маріи Θеодоровны), зданія такъ называемаго «Церковнаго Инвалида», т. е. богадѣльни для старыхъ и увѣчныхъ, и школы для дѣтей. Учрежденія эти открыты были въ слѣдующемъ 1784 году; въ этомъ году произошло и освященіе церкви [39].

29 Іюля, по возвращеніи Екатерины изъ поѣздки, предпринятой ею для свиданія съ королемъ Шведскимъ, послѣдовало, долго ожидавшееся, разрѣшеніе Маріи Θеодоровны отъ бремени. Родилась дочь, нареченная, въ честь старшаго брата, Александрой. Императрица желала имѣть третьяго внука, и рожденіе внучки не особенно ее радовало. «По правдѣ сказать, писала она, сообщая Гримму объ этомъ событіи, я несравненно больше люблю мальчиковъ, чѣмъ дѣвочекъ» [40]. Это предпочтеніе Императрица шутливо объясняла слѣдующимъ образомъ: «Дочери всѣ будутъ плохо выданы замужъ, потому что ничего не можетъ быть несчастнѣе Россійской великой княжны. Онѣ не сумѣютъ ни къ чему примѣниться, все имъ будетъ казаться мелочно. Это выдутъ существа рѣзкія, крикуньи, охулительницы, красивыя, непослѣдовательныя, выше предразсудковъ и личной любви. Конечно, у нихъ будутъ искатели, но это поведетъ къ безконечнымъ недоразумѣніямъ, и хуже всѣхъ придется той, которая будетъ называться Екатериной. самое имя доставитъ ей больше непріятностей, сравнительно съ сестрами. При всемъ томъ можетъ случиться, что жениховъ не оберешься» [41]. Тѣмъ дороже могъ показаться для великаго князя и его супруги новый знакъ вниманія къ нимъ Императрицы: въ самый день подписанія манифеста о рожденіи великой княжны Александры Павловны, 6 Августа 1783, изданъ былъ слѣдующій указъ Императрицы: «Изъ купленныхъ нами у графовъ Орловыхъ деревень, состоящихъ въ вѣдомствѣ нашего флигель-адъютанта Буксгевдена, повелѣваемъ отдать во владѣніе нашему любезному сыну, великому князю, мызу Гатчино съ тамошнимъ домомъ, со всѣми находящимися мебелями, мраморными вещами, оружейною, оранжереею и матеріалами, съ 20-ю принадлежащими къ мызѣ деревнями, мызу Новую Скворцную, и мызу Старую Скворцную съ приписанными къ нимъ деревнями, пустошами

---

[38]) Р. Арх., 1887, II, 34.

[39]) „Въ прошлый Понедѣльникъ, писалъ Павелъ Платону 13 Сентября 1784 г., освятили мы въ Павловскомъ церковь, при которой содержитъ жена моя инвалидовъ, а притомъ и школу нормальную". Тамъ же, 39.

[40]) С. Р. И. О., XXIII, 281.

[41]) Тамъ же, 91—92: письмо къ Гримму, отъ 8 Іюня 1778 года.

и землями» [42]). Великолѣпная Гатчина, принадлежавшая князю Г. Г. Орлову, (умершему въ этомъ году) должна была быть собственно лѣтней резиденціей Павла Петровича, подобно тому какъ Павловскъ, тоже подарокъ Екатерины, былъ собственностію Маріи Ѳеодоровны; поэтому съ теченіемъ времени Гатчина пріобрѣла отпечатокъ личнаго вкуса и наклонностей великаго князя въ такой же степени, въ какой Павловскъ былъ отраженіемъ внутренней жизни Маріи Ѳеодоровны: если Павловскъ призывалъ къ идиллическому наслажденію природой, къ тихой, мирной жизни въ настоящемъ и въ дорогихъ для сердца воспоминаніяхъ прошлаго, то преобразованная Павломъ Петровичемъ Гатчина напоминала собою Потсдамъ и Прусское солдатство.

Нѣтъ сомнѣнія, что эта новая милость Екатерины къ сыну и невѣсткѣ въ сущности нисколько не смягчала внутренняго разлада между ней и ими; перевоспитать сына было и для нея невозможною задачей. Неудивительно, поэтому, что Екатерина всю свою привязанность, на которую только она была способна, сосредоточила на старшемъ внукѣ своемъ Александрѣ Павловичѣ, въ которомъ она хотѣла видѣть преемника своей славы и стремленій на пользу Россіи. Въ особенности привязалась она къ нему во время заграничнаго путешествія его родителей: маленькій великій князь, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Константиномъ, почти ежедневно проводилъ время въ обществѣ своей августѣйшей бабушки, которая съ восторгомъ слѣдила за малѣйшимъ проявленіемъ его умственнаго и нравственнаго развитія, и сама заботилась о надлежащей умственной пищѣ для ребенка, составляя ему книжки для чтенія и «Азбуку»; мало того, всѣ дальнѣйшія педагогическія сочиненія Императрицы вызваны были исключительно ея желаніемъ быть полезной внуку. Въ письмахъ Екатерины къ Гримму постоянно встрѣчаются нѣжныя похвалы «господину Александру», который, въ свою очередь, въ бабушкѣ привыкъ видѣть мать. Уже по возвращеніи Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны изъ-за границы, Екатерина съ восторгомъ извѣщала Гримма о слѣдующемъ доказательствѣ любви къ ней Александра: «Нынѣшней зимою мы открыли въ Александрѣ странное желаніе. Однажды онъ задержалъ въ углу одну изъ моихъ женщинъ, съ которою онъ любитъ возиться, и настойчиво просилъ ее сказать, на кого онъ похожъ. Она отвѣчала, что, повидимому, у него черты матери. «Это не то», сказалъ онъ, «о чемъ я спрашиваю: нравомъ и обращеніемъ на кого я похожъ?» Женщина сказала ему: «этимъ вы, мнѣ кажется, походите скорѣе на бабушку, чѣмъ на кого другаго».—

---

[42]) П. С. З., XXI, № 15808.—Кобеко, 284—285: „Мѣсто само собою весьма пріятно, а милость сама по себѣ дорога", писалъ Павелъ Платону 8 Сентября. Р. А., 1887, II, 35.

«Ахъ, вотъ это мнѣ и хотѣлось узнать!» сказалъ онъ, бросился къ ней на плечи и сталъ цѣловать за то, что она ему сказала» [43]). Это горячее чувство къ бабушкѣ и видимое равнодушіе къ матери объясняются въ ребенкѣ долгой разлукой его съ родителями, послѣдствія которой поддерживались тѣмъ обстоятельствомъ, что Екатерина пользовалась каждымъ случаемъ, чтобы держать дѣтей при себѣ, вдали отъ отца ихъ и матери; должно прибавить еще, что Екатерина давала своимъ внукамъ большую свободу дѣйствій, ласкала и баловала ихъ [44]), тогда какъ Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна склонны были къ болѣе суровой системѣ воспитанія и дѣлали, вѣроятно, все возможное, чтобы, по выраженію принцессы Софіи-Доротеи Монбельярской, «изгладить въ дѣтяхъ часы той излишней снисходительности, которою они пользовались въ обществѣ бабушки» [45]). Чтò могло быть естественнѣе чувства скуки, которое избалованныя дѣти испытывали въ обществѣ отца и матери, чувства недоумѣнія и недовѣрія, которое появлялось въ нихъ по отношенію къ родителямъ, неодобрительно относившимся къ тому, чтò одобрялось и даже поощрялось бабушкой? Оттого, когда Екатерина въ Іюнѣ уѣхала въ Фридрихсгамъ, Маріи Θеодоровнѣ самой пришлось писать ей: «мои дѣти говорятъ: очень скучно безъ васъ» [46]). Горькія чувства, возбуждавшіяся этимъ въ молодой матери, не подлежатъ сомнѣнію; ей оставалось только скрывать ихъ, чтобы не возбуждать неудовольствія Императрицы, и надѣяться, что любовь къ сыну такъ или иначе отразится и на терпѣливой матери. «Сходство, которое король Шведскій нашелъ между моимъ старшимъ сыномъ и мною», писала Марія Θеодоровна Екатеринѣ, «доставляетъ мнѣ большое удовольствіе. Я того мнѣнія, что это сходство сдѣлаетъ меня еще болѣе дорогой Вашему Императорскому Величеству, и я желала бы достигнуть этого всѣми возможными средствами» [47]).

---

[43]) С. Р. И. О., XXIII, 274.

[44]) Такъ, она писала 16 Августа 1783 г.: „Des miens (garçons) sont parfaitement bienportants, courant, sautant, adroits, lestes, résolus, ramant sur des nacelles et les conduisant à merveille sur des canaux où il y a un pied d'eau, et Dieu sait tout ce qu'ils font: ils lisent, écrivent, dessinent, dansent, le tout de leur propre volonté. Ces jours-ci je les ai pris avec moi à Peterhof, où nous avons logé à Mon-Plaisir, où en verité je les ai vus, partout où ils pouvaient atteindre de la main, poser les pieds; aussi entraient et sortaient - ils également par les fenêtres, comme par les portes. Ja, das ist ein Leben: wenn sie dass sehen sollten, wie viel halsbrechende Arbeiten wir mit dem kaltesten Blute fürnehmen, und dennoch fallen wir sehr selten, oder fast gar nicht". С. Р. И. О., XXIII, 281—282.

[45]) См. главу V настоящаго труда.

[46]) Госуд. Арх., V, 183. Письмо отъ 21 Іюня изъ Царскаго Села.

[47]) Тамъ же. Нельзя не замѣтить. что, говоря такимъ образомъ, Марія Θеодоровна почти буквально повторяла слова своей матери. См. V главу нашего труда.

Съ своей стороны Екатерина щадила по возможности родительскія чувства Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, и безъ сомнѣнія, этому способствовало назначеніе номинальнымъ воспитателемъ великихъ князей Салтыкова, бывшаго въ милости у великокняжеской четы. Въ сущности это назначеніе нисколько не мѣняло положенія великихъ князей по отношенію къ Екатеринѣ, остававшейся по прежнему ихъ главной воспитательницей; Салтыковъ даже, въ глазахъ Императрицы, безъ сомнѣнія, не годился для выполненія оффиціально присвоенной ему роли: это была лишь ширма, за которой скрывалась вѣнценосная бабушка; это былъ усердный, вѣрный и ловкій исполнитель ея предначертаній, касавшихся лишь внѣшнихъ сторонъ жизни великихъ князей, долженствовавшій дѣлиться съ ними своею придворною и житейскою опытностію. По грубому выраженію одного изъ сотрудниковъ Салтыкова, «его главнымъ дѣломъ при великихъ князьяхъ было предохранять ихъ отъ сквознаго вѣтра и засоренія желудка» [48]). Помощниками Салтыкова были назначены: А. Я. Протасовъ—при Александрѣ Павловичѣ и К. И. Сакенъ—при Константинѣ Павловичѣ. Кромѣ того, при Александрѣ Павловичѣ состояли: полковники Кушелевъ и Будбергъ и поручикъ Хрущовъ, а при Константинѣ: полковникъ Ламсдорфъ, капитанъ Кошелевъ и поручикъ Балдани [49]). Впрочемъ, всѣ эти лица должны были уступить по своему вліянію на царственныхъ своихъ воспитанниковъ, честному и искреннему «свободныхъ мыслей коноводу», Швейцарцу Францу-Цезарю Лагарпу. Онъ сдѣлался извѣстенъ Императрицѣ по рекомендаціи ея корреспондента Гримма и въ началѣ 1783 года прибылъ въ Петербургъ, сопровождая брата любимца Екатерины, А. Д. Ланскаго, Якова, который ввѣренъ былъ попеченіямъ Лагарпа, во время своего путешествія за границей. Этотъ жаркій послѣдователь энциклопедистовъ, республиканецъ по убѣжденіямъ, избранъ былъ Императрицей, чтобы, по понятіямъ того времени, ввести будущаго Русскаго самодержца въ кругъ Европейскаго просвѣщенія. Выборъ всѣхъ этихъ лицъ, кажется, могъ только, если судить по позднѣйшимъ

---

[48]) Masson: Mémoires secrets, t. II, 149. Amsterdam. 1800. Замѣчательно, что Массонъ, во многомъ обязанный Салтыкову, дѣтей котораго онъ воспитывалъ, не считалъ себя въ правѣ, вѣроятно изъ чувства благодарности, говорить дурно о Салтыковѣ и поэтому, изображая Екатерининскихъ вельможъ, онъ, назвавъ Салтыкова, вмѣсто его характеристики ставитъ многоточіе на трехъ страницахъ. I, 290.

[49]) Любопытно, что (если довѣрять словамъ Салтыкова) „Государыня не желала имѣть при внукахъ своихъ фамильныхъ людей". И. М. Долгорукій не довѣряетъ этому, говоря: „Дознано было, что онъ (Салтыковъ) не смѣлъ ни объ одномъ ей доложить и принялъ тѣхъ, коихъ доставили фавориты и случайные люди"; между тѣмъ, именно „фамильные люди" могли разсчитывать на протекцію. См. „Капище моего сердца", изд. Р. Арх. (1890 г.), 804.

отзывамъ Маріи Θеодоровны, быть одобренъ родителями великихъ князей [50]), за исключеніемъ выбора Лагарпа, который, по своимъ воззрѣніямъ, былъ прямою противоположностью Павла Петровича, глубоко убѣжденнаго, религіознаго человѣка и монархиста. Но мнѣнія Павла Петровича и Маріи Θеодоровны, о воспитаніи ихъ сына, не имѣли въ глазахъ Екатерины никакой цѣны: поручая Александра Павловича Лагарпу, она выразила убѣжденіе, что изъ него выйдетъ прекрасная личность, если только родители не помѣшаютъ его успѣхамъ [51]).

Для новорожденной великой княжны Александры Павловны Екатерина назначила въ воспитательницы, также по собственному своему выбору, вдову генералъ-маіора, знаменитую впослѣдствіи, Шарлоту Карловну Ливенъ. Мать шестерыхъ дѣтей, Ливенъ жила въ своемъ имѣніи близъ Риги, гдѣ исключительно заботилась о ихъ воспитаніи. Извѣстный панегиристъ Русскихъ Нѣмцевъ, Блюмъ, передаетъ разсказъ, будто бы Ливенъ отказывалась принять предложеніе Екатерины и что ее почти противъ воли привезли въ Петербургъ [52]). Провѣрить это извѣстіе очень трудно. Во всякомъ случаѣ Ливенъ сама по себѣ была вполнѣ достойна этого выбора: это была женщина съ твердымъ, энергическимъ характеромъ и съ несомнѣнными воспитательными способностями. Помощницей ея назначена была г-жа Вилламова, тоже Нѣмка, дочь умершаго инспектора Петропавловской Нѣмецкой школы въ Петербургѣ. Обѣ эти женщины дѣятельностію своею и своими качествами заслужили расположеніе Маріи Θеодоровны, въ особенности Ливенъ, которая пріобрѣла впослѣдствіи особенное уваженіе и довѣріе великой княгини, воспитывая всѣхъ ея дочерей и сдѣлавшись, поэтому, ближайшимъ другомъ царской семьи. Къ сожалѣнію Екатерина, какъ и ближайшіе ея совѣтники [53]), не могла представить себѣ въ то время,

---

[50]) Въ 1798 г., А. Я. Протасовъ бывшій въ то время почетнымъ опекуномъ, писалъ: „Elle (Марія Θеодоровна) m'écrit de sa propre main qu'elle retrouve en moi le même hônnete homme qu'elle a vu à Pétersbourg“, Архивъ Князя Вор., XV, письмо отъ 10 Марта. Полковнику Ламсдорфу поручено было впослѣдствіи императрицей Маріей Θеодоровной воспитаніе великаго князя Николая Павловича.

[51]) С. Р. И. О., XXIII, 298.

[52]) Blum, II, 458.—Г. Кобеко (280), впрочемъ, довѣряетъ этому разсказу. — Намъ кажется, что, не зная лично Ливенъ, Екатерина и не могла такъ настаивать на ея выборѣ. Малое знакомство Екатерины съ Ливенъ до пріѣзда послѣдней въ Петербургъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа Блюма, будто Императрица, стоя за ширмой, была свидѣтельницей разговора съ встрѣтившимъ ее во дворцѣ придворнымъ и что разговоръ этотъ произвелъ на Императрицу такое впечатлѣніе, что она, вышедши изъ-за ширмы, сказала Ливенъ: „Вы именно такая женщина, какая мнѣ нужна“.

[53]) Такъ, напр., Безбородко, говоря о Ливенъ, сдѣлалъ гораздо позже слѣдующее замѣчаніе въ письмѣ къ гр. Воронцову: „Жаль, что генеральша Ливенъ не мужчина; она многихъ бы удобнѣе нашлася воспитывать князей молодыхъ“. Архивъ Кн. В., XIII, 361.

какое значеніе должно было имѣть для Россіи преобладающее вліяніе нерусскаго элемента въ дѣлѣ воспитанія царственныхъ дѣтей и, очевидно, допускала его лишь временно, въ извѣстныхъ предѣлахъ. Эта ошибка великой Императрицы, бывшая съ ея стороны данью духу и потребностямъ времени, способствовала впослѣдствіи торжеству тѣхъ началъ сентиментализма во внѣшней и «солдатства» во внутренней политикѣ государства, которые Екатерина тщательно устраняла въ теченіе всего своего долголѣтняго царствованія.

Пока Императрица, не спрашивая согласія родителей, устраивала судьбу своихъ внуковъ, Марія Ѳеодоровна и Павелъ Петровичъ, на долю которыхъ осталось главнымъ образомъ лишь устройство лѣтнихъ своихъ дворцовъ, не могли, конечно, примириться съ отсутствіемъ дѣятельности, столь естественной въ ихъ положеніи, и естественно стремились выйти изъ своей нравственной тюрьмы. Цесаревичъ сдѣлалъ попытку получить дозволеніе отправиться въ армію для принятія участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Турокъ; но эта попытка оказалась безцѣльною, потому что Турція, какъ ни была возмущена присоединеніемъ къ Россіи Крыма, не отважилась въ то время вновь вступить въ борьбу съ нею [56]); Марія же Ѳеодоровна по преимуществу погружалась въ заботы о членахъ Монбельярской своей семьи, нужды которой, съ улучшеніемъ ея положенія, казалось не уменьшались, а еще болѣе возрастали: по прежнему старшіе братья Маріи Ѳеодоровны дурнымъ своимъ поведеніемъ и казарменными привычками возбуждали негодованіе своихъ родителей и окружающихъ и въ тоже время требовали помощи отъ своей августѣйшей сестры. Такъ, напримѣръ, въ то время, какъ великая княгиня готовилась разрѣшиться отъ бремени, второй братъ ея, Людвигъ, находившійся на Прусской службѣ, обратился къ сестрѣ съ просьбой объ уплатѣ его долговъ, которые образовались у него вслѣдствіе безпорядочной и черезчуръ веселой жизни. Встревоженная Марія Ѳеодоровна обратилась за разъясненіемъ къ матери, которая отвѣчала ей 4 Іюля, пользуясь отъѣздомъ г-жи Бенкендорфъ въ Россію: «Посылаю вамъ счетъ долговъ Людвига, который присланъ мнѣ его повѣреннымъ въ дѣлахъ и который докажетъ вамъ, что сообщенное вамъ мною о положеніи его дѣлъ, къ несчастію, только черезчуръ справедливо... Я просила добраго Моклера передать извѣстныя подробности нашей милой Тилли, чтобы для васъ была вполнѣ ясна вся эта прискорбная исторія, изъ которой я не вижу никакого исхода. Прошу васъ, дорогое дитя, увѣдомить меня, если возможно, что́ можно тутъ сдѣлать. Я обезпечила уплату Крю-

---

[56]) Р. Старина, 1873, VIII, 856.

гернъ (à la Krügern), но остальное выше моихъ силъ, и я могу сказать, что сердце мое разбито поступками сына, который долженъ бы былъ питать ко мнѣ самую нѣжную признательность. Если вы можете, дорогое дитя, найти средство устроить дѣла Людвига и поставить его въ рѣшительную невозможность дѣлать долги, вы этимъ чрезвычайно меня обязали бы, въ особенности если вы можете пощадить меня отъ подробностей, которыя изобличають въ Людвигѣ такъ мало здраваго смысла, что я испытывала всякій разъ жестокое потрясеніе, а это можетъ только вредно отзываться на моемъ здоровьѣ при настоящихъ обстоятельствахъ. Я думаю, что кредиторы обратятся къ принцу (Фридриху-Евгенію). У меня нѣтъ ни средствъ, ни силъ воспрепятствовать тому. У Людвига 8000 экю дохода. Мнѣ кажется, ему слѣдуетъ жить на половину этого дохода и воздерживаться затѣмъ отъ многихъ расходовъ, которые превосходятъ эту сумму; въ этомъ заключается единственное средство привести его дѣла въ порядокъ. Вотъ, дорогое дитя, мои мысли» [55]).

Нѣтъ сомнѣнія, что приведеніе дѣлъ принца Людвига въ порядокъ не обошлось безъ денежнаго участія въ этомъ сестры его, тревога которой была тѣмъ сильнѣе, что извѣстіе о безпорядочной жизни брата могло бы вредно дѣйствовать на болѣзнь ея отца, жестоко страдавшаго въ то время отъ послѣдствій своей Кунерсдорфской раны [56]). Разумѣется, эти неожиданные и крупные расходы на членовъ Монбельярской семьи и на пенсіи лицамъ, связаннымъ съ нею, тяжело отзывались на состояніи денежныхъ дѣлъ великокняжеской четы, вообще очень бережливой и скромной въ своемъ образѣ жизни [57]).

Вслѣдъ затѣмъ принцъ Людвигъ нашелъ случай поправить свои дѣла богатой женитьбой, но тѣмъ едва было не возстановилъ противъ своей семьи Императрицу. Влюбившись, дѣйствительно или притворно, въ княжну Маріанну Чарторыйскую, отецъ которой, очень богатый магнатъ князь Адамъ, принадлежалъ къ противной королю Станиславу партіи, принцъ Людвигъ обратился въ 1784 г. за разрѣшеніемъ жениться на ней къ родителямъ, которые, въ свою очередь, чрезъ Марію Ѳеодоровну, спрашивали мнѣнія о томъ Императрицы. «Я только что получила, писала ей Марія Ѳеодоровна, письмо отъ своихъ родителей,

---

[55]) Архивъ Павловскаго дворца, письмо отъ 4 Іюля 1783 г.

[56]) Тамъ же.

[57]) Именно новыми расходами на Монбельярскую семью должны быть объяснены тѣ платежи по „извѣстному“ займу, о которыхъ Марія Ѳеодоровна писала отцу 30 Мая 1784 года. „Я старалась, писала она, устроить дѣло сколько возможно, и свела платежи къ тремъ лицамъ.... „Льщу себя надеждой, что вы останетесь довольны моею точностію“. С. Р. И. О., XV, 13.

которые, повергая себя къ стопамъ вашего императорскаго величества, поручаютъ мнѣ, въ виду довѣрія, внушеннаго имъ вашими благородными дѣйствіями, умолять васъ, дорогая матушка, удостоить ихъ своего совѣта по слѣдующему дѣлу. Мой братъ Людвигъ, имѣя случай познакомиться съ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ и съ его дочерью, влюбился въ нее. Испробовавъ почву, онъ нашелъ, что родители молодой княжны очень расположены отдать ее ему въ супружество съ приданнымъ въ 36—40 тысячъ экю ежегоднаго дохода. Такъ какъ съ другой стороны происхожденіе молодой княжны таково, что даже по самымъ строгимъ Германскимъ законамъ этотъ бракъ не можетъ считаться неравнымъ, мой братъ тотчасъ написалъ моимъ родителямъ, прося ихъ разрѣшенія. Хотя мои родители находятъ эту партію довольно подходящею какъ по происхожденію молодой княжны, такъ и по имуществу, которое она принесетъ съ собою теперь и котораго можетъ, кромѣ того, ожидать въ будущемъ, но они всецѣло полагаются въ своихъ желаніяхъ на волю вашего императорскаго величества, горячо желая заслужить одобреніе вашего императорскаго величества всѣми своими поступками. Позволяю себѣ просить васъ, дорогая матушка, увѣдомить меня о своемъ рѣшеніи простымъ *да* или *нѣтъ* и видѣть въ этомъ безграничномъ довѣріи самое убѣдительное доказательство моего уваженія и моей привязанности» [58]).

На этотъ бракъ Екатерина не могла, однако, согласиться по политическимъ соображеніямъ. Какъ видно изъ позднѣйшей переписки ея съ Русскимъ посланникомъ въ Варшавѣ Штакельбергомъ, она предполагала, что этотъ бракъ принца Людвига, брата супруги наслѣдника Русскаго престола, можетъ повлечь за собою дѣйствія, которыя клонились бы къ проложенію дороги къ Польскому престолу или новобрачному или его тестю [59]); это она не считала совмѣстнымъ съ Русскими интересами. За этимъ предположеніемъ Императрицы мы можемъ признать извѣстную долю вѣроятности, если припомнимъ мечты Монбельярскаго семейства о Курляндскомъ престолѣ. Тѣмъ болѣе раздражена была Екатерина, узнавъ, что принцъ Людвигъ уже женился 28 Октября 1784 года на княжнѣ Чарторыйской вопреки ея волѣ, переданной его родителямъ чрезъ Марію Ѳеодоровну; она даже склонна была подозрѣвать, что принцъ поступилъ такимъ образомъ не безъ тайнаго одобренія родителей и своей Русской сестры, и ясно дала понять это Маріи Ѳеодоровнѣ, напоминая ей о ея обязанностяхъ какъ Русской великой княгини. Съ своей стороны Монбельярская чета очутилась въ

[58]) Госуд. Арх., IV, 118. Письмо безъ даты.
[59]) С. Р. И. О., XXVII, 345.

очень трудномъ положеніи: нельзя было не принять новобрачныхъ, но нельзя было и сдѣлать это изъ боязни раздражить могущественную свою покровительницу. И изъ этой бѣды пришлось Маріи Θеодоровнѣ выводить своихъ родныхъ: она писала г-жѣ Оберкирхъ [60]), поручая ей привезти новобрачныхъ въ Этюпъ и склонить принца Фридриха-Евгенія къ прощенію ослушнаго сына и въ тоже время употребляла всѣ свои силы и всѣ возможныя средства, чтобы смягчить разгнѣванную Императрицу [61]). Нужны были вся мягкость души Маріи Θеодоровны и все ея терпѣніе, чтобы примирить, хотя и нескоро, державную свекровь съ своими родителями. Но это не помѣшало Екатеринѣ принять мѣры на случай возможныхъ политическихъ послѣдствій отъ брака принца Людвига.

Немало хлопотъ доставлялъ Маріи Θеодоровнѣ въ самой Россіи другой ея братъ, принцъ Фридрихъ, тяжелый характеръ котораго сказывался прежде всего на отношеніяхъ его къ женѣ своей, принцессѣ Августинѣ-Зельмирѣ. Еще въ Октябрѣ 1782 г., тотчасъ по пріѣздѣ супруговъ въ Россію, Екатерина писала Потемкину: «Виртембергская принцесса пріѣхала въ Четвергъ; у ней въ Эрмитажѣ глаза были такъ распухши и расплаканы, что жалко было смотрѣть; они, сказываютъ, живутъ какъ кошка съ собакой» [62]). Сначала Екатерина не считала принца Фридриха виновникомъ этихъ семейныхъ несогласій, основываясь на разсказахъ жены Прусскаго посланника Герца и сохранивъ благопріятное впечатлѣніе о принцѣ со времени перваго его пріѣзда въ Россію; но истина не замедлила выясниться, и Екатерина, не колеблясь, приняла сторону Зельмиры. Къ счастію для принцессы, принцъ Фридрихъ съ Мая 1783 г. болѣе полугода провелъ въ разлукѣ съ нею въ Херсонѣ въ ожиданіи войны съ Турками, въ которой онъ хотѣлъ принять

---

[60]) Oberkirch, II, 141, изд. 1869 г. Г-жа Оберкирхъ вслѣдъ затѣмъ трогательнымъ тономъ описываетъ сцену примиренія между отцомъ и сыномъ.

[61]) Любопытно, напр., слѣдующее письмо Маріи Θеодоровны къ Екатеринѣ: „Votre Majesté Impériale est habituée à recevoir de requets signés d'une personne, mais moi j'ose lui en présenter une signée par six frères, qui demandent grâce pour un septième. La quirielle des noms est un peu longue, mais elle verra du moins dans cette demande que toute une famille compte sur les bontés, comme sur leur appui le plus assuré. Si vous daignez, m-me, ne pas être contraire au pardon que mes parents sont portés à accorder à mes frères, un seul oui, qu'elle me permettrait de rendre à mes parents de sa part, rendrait le calme et l'union à toute la famille qui a été demandé à genoux à mes parents par toute la quirielle des frères présents et par des lettres des absents, lors de la mort de ma soeur et du jour de naissance de ma mère. Mais comme nous voulons devoir toute notre satisfaction à V. M. I., ce pardon tant désiré ne dépend plus que d'un oui, qu-elle prononcera, si elle daigne accorder cette faveur à toute ma famille qui vous est attachée par devoir, respect et reconnaissance. Je suis à ses pieds.

[62]) С. Р. И. О., XXVII, 218.

участіе; но уже въ Августѣ онъ писалъ оттуда Маріи Ѳеодоровнѣ, требуя отъ нея доложить Императрицѣ свое желаніе увидѣться съ женою, прося или ее отпустить къ нему въ Херсонъ или вызвать его въ Петербургъ [63]). На первую просьбу Императрица не согласилась, тѣмъ болѣе, что въ то время на Югѣ свирѣпствовала чума; на вторую тѣмъ охотнѣе дала свое соизволеніе, что принцъ, со свойственной ему беззастѣнчивостью, хвастался въ письмѣ къ тестю, герцогу Брауншвейгскому, что онъ будто бы одну часть Херсона охранилъ отъ язвы, а другую не могъ, но съ корпусомъ своимъ въ числѣ 28000 въ цѣлости остался [64]). Узнавъ объ этомъ изъ перлюстраціи, Екатерина не могла, конечно, остаться довольной этимъ. Съ возвращеніемъ принца Фридриха въ Петербургъ, несогласія его съ женою возобновились, служа предметомъ всеобщихъ толковъ. Не смотря на это, ради Маріи Ѳеодоровны, Екатерина продолжала благосклонно относиться къ Виртембергской четѣ и пожаловала въ 1784 г. принцу имѣніе въ Финляндіи (знаменитое впослѣдствіи Монрепо близъ Выборга), а принцессѣ домъ въ Петербургѣ и Екатерининскій орденъ. Но въ Апрѣлѣ 1785 г. между супругами произошла окончательная ссора: принцъ билъ свою жену, таскалъ ее за волосы и, наконецъ, заперъ ее подъ ключъ въ отдѣльную комнату. Это событіе побудило Екатерину отправить принца къ мѣсту его служенія, въ Выборгъ, и хотя вслѣдъ затѣмъ между супругами произошло примиреніе, и они снова зажили въ Петербургѣ, но Императрица установила за принцемъ надзоръ и стала думать объ устройствѣ будущности Зельмиры [65]).

При такихъ тяжелыхъ семейныхъ обстоятельствахъ протекли первые два года жизни Маріи Ѳеодоровны по возвращеніи ея изъ-за границы. Она могла находить себѣ поддержку только въ чистой и глубокой любви къ себѣ мужа. Но въ скоромъ времени судьба лишила ее и этого утѣшенія: въ характерѣ Павла Петровича въ описываемое время наступилъ переломъ, и терпѣніе великой княгини и съ этой стороны подверглось испытанію.

Евгеній Шумигорскій.

---

[63]) Госуд. Арх., IV, 118.

[64]) С. Р. И. О., XXVII, 287.

[65]) Извѣстія эти собраны у Кобеко, 315—316.

АДМИРАЛЪ КРОУНЪ.

Въ столѣтнюю годовщину славнаго боя Балтійскаго нашего флота со Шведскимъ, подъ Ревелемъ, благовременно вспомнить про одного изъ тогдашнихъ героевъ.

Адмиралъ Романъ Васильевичъ Кроунъ принятъ на службу въ Россійскій Императорскій флотъ 4 Февраля 1788 года съ чиномъ лейтенанта и 14 того же мѣсяца произведенъ въ капитанъ-лейтенанты.

По прибытіи въ С.-Петербургъ изъ Англіи, Р. В. Кроунъ назначенъ былъ на корабль „Іоаннъ Креститель", подъ командою флота капитана 1-го ранга Одинцова, находившійся въ Кронштадтѣ. На этомъ кораблѣ онъ пошелъ въ Копенгагенъ, для соединенія съ эскадрою вице-адмирала Фонъ-Дезина, куда и прибылъ въ концѣ Іюня мѣсяца того же года. Тогда только что послѣдовалъ разрывъ нашъ со Швеціей.

Назначенный вслѣдъ за симъ командиромъ брига „Меркурій", Кроунъ съ Іюля по Ноябрь того же года, находился въ крейсерствѣ сначала въ Категатѣ, а потомъ между Борнгольмомъ и Карлскроной, и въ началѣ Ноября отправился на зимовку въ Копенгагенъ.

Въ продолженіи этого крейсерства онъ взялъ 30 призовъ, состоявшихъ изъ различныхъ купеческихъ судовъ и отправилъ большую ихъ часть къ эскадрѣ, а нѣкоторые сжегъ.

17 Апрѣля 1789 года Кроунъ посланъ на томъ же „Меркуріи" въ крейсерство къ Карлскронѣ и затѣмъ въ Категатъ, гдѣ овладѣлъ сначала 12-ти пушечнымъ Шведскимъ куттеромъ „Снапопъ", а 31-го Мая атаковалъ Шведскій 40 пушечный фрегатъ „Венусъ" и взялъ его въ плѣнъ. За подвиги эти указомъ отъ 10 Іюня того же года Кроунъ произведенъ въ капитаны 2 ранга, награжденъ орденомъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4 степени и назначенъ командиромъ взятаго имъ фрегата „Венусъ".

2 Мая 1790 года, въ эскадрѣ адмирала Чигасова, Кроунъ участвовалъ въ пораженіи Шведскаго флота на Ревельскомъ рейдѣ и при взятіи корабля „Принцъ Карлъ", за что награжденъ золотою саблею съ надписью *за храбрость*. Затѣмъ, преслѣдуя непріятеля, имѣлъ онъ сраженіе съ гребною флотиліею, состоявшею изъ 36 судовъ, у Шпицъ-Карла и заставилъ Шведовъ обратиться въ бѣгство.

8-го Іюня 1790 года, командуя фрегатомъ „Венусъ" и отрядомъ канонерскихъ лодокъ у Питкопаса, Кроунъ отбилъ четыре транспорта и одинъ сжегъ. 19-го Іюня того же года, сражаясь съ 60 непріятельскими

судами у Питкопаса, онъ принудилъ ихъ ретироваться и, продолжая сраженіе 20 Іюня, нѣсколько изъ нихъ сжегъ, а прочія принудилъ отойти къ Фридрихсгаму. Затѣмъ, преслѣдуя ихъ на канонерскихъ лодкахъ до о-ва Урамсари, онъ отбилъ два транспорта.

22 Іюня, въ сраженіи съ непріятельскимъ флотомъ, при прорывѣ его изъ Выборгской губы сквозь нашъ флотъ (который его блокировалъ), Кроунъ потопилъ до 15 непріятельскихъ судовъ, овладѣлъ куттеромъ „Луиза Ульрихъ", четырьмя галерами, транспортомъ, лодкою и баркасомъ, за что̀ награжденъ орденомъ Св. Владимира 3-й степени.

23-го Іюня, продолжая преслѣдовать непріятеля, онъ принудилъ къ сдачѣ фрегатъ, а приближаясь къ Свеаборгу, атаковалъ 64-хъ пушечный корабль „Ретвизанъ" и послѣ сраженія, продолжавшагося часъ съ четвертью, принудилъ его сдаться, и за этотъ подвигъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга и назначенъ командиромъ взятаго имъ въ плѣнъ корабля „Ретвизанъ".

Внукъ адмирала Р. В. Кроуна, вице-адмиралъ Ѳома Кроунъ.

(*Сообщено И. Ф. Бартеневымъ*).

А. И. КРАСОВСКІЙ.

Командиръ 6-го пѣхотнаго корпуса ген.-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи Аѳанасій Ивановичъ Красовскій, Харьковск. губерніи Лебединскаго уѣзда дворянинъ, началъ службу 23 Іюня 1795, былъ въ 1804 въ Корфу и въ 1805 въ Неаполѣ, находился 29 Декабря при спасеніи ставшихъ на мель близъ города Мессины фрегата и 4 транспортовъ съ десантными войсками, въ 1806 Іюня 5 и 6 при разбитіи Французовъ близъ новой Рагузы, въ 1807 году дрался съ Турками въ Герцеговинѣ близъ Никшича, провелъ свои войска изъ Боки ди Катаро моремъ до Венеціи и сухимъ путемъ до Падуи. Въ 1808 г., прошелъ съ ними чрезъ Австрію въ Молдавію, и 1809 г. находился при обложеніи Браилова, при осадѣ Силистріи, получилъ Георія 4 ст. за взятіе Туртукая, въ 1810 г. подъ Рущукомъ, въ 1811 подъ Журжею, подъ Ломъ - Паланкою раненъ въ бокъ ружейною пулею. Въ 1812 въ сраженіи при Молодечнѣ раненъ пулею въ животъ. Отличился подъ Лейпцигомъ, подъ Краковымъ, участвовалъ во взятіи Парижскаго предмѣстья Лавиллетъ. За тѣмъ назначенъ начальникомъ штаба на Кавказъ. Въ 1828 г. ему поручены войска при осадѣ Силистріи. Въ Ноябрѣ 1830 г. за подвиги въ Польшѣ назначенъ генералъ-адъютантомъ.

Членъ Военнаго Совѣта. Въ 1841 году генералъ-отъ-инфантеріи. Скончался въ 1843 году.

Это былъ боевой генералъ, принимавшій участіе въ 23-хъ сраженіяхъ.

Женатъ былъ на дочери Орловскаго помѣщика Дарьѣ Андреевнѣ Глазуновой.

ИЗЪ БУМАГЪ КНЯЗЯ А. А. БЕЗБОРОДКИ.

О государственномъ дѣятелѣ въ царствованіе Екатерины и Павла, князѣ Безбородкѣ, имѣемъ мы книгу въ двухъ большихъ томахъ, сочиненіе покойнаго Н. И. Григоровича: „Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени“ (Спб. 1879—1881). Книга эта написана на академическую премію графа Н. А. Кушелева-Безбородки и превосходно издана подъ наблюденіемъ и при содѣйствіи А. А. Половцова. Къ этому, въ своемъ родѣ образцовому труду отсылаемъ читателей, желающихъ ближе познакомиться съ княземъ Безбородкой. Неутомимые изыскатели не упустили изъ виду ни одного доступнаго имъ свѣдѣнія и указанія; но дѣятельность князя Безбородки была такъ разнообразна и обширна, что долго еще будутъ находимы новыя о ней показанія.

Нижеслѣдующіянего бумаги не могли быть извѣстны Н. И. Григоровичу и А. А. Половцову. Онѣ сохранились во Флоренціи, у Николая Александровича Новицкаго (бывшаго военнаго агента нашего въ Италіи). Его дѣдъ Николай Петровичъ, нижеупоминаемый въ письмѣ В. С. Попова, ротмистръ конной гвардіи, служившій по провіантской части, а позднѣе шталмейстеромъ великой княжны Александры Павловны, женатъ былъ на родной сестрѣ князя Безбородки Еленѣ Андреевнѣ. Эти бумаги случайно остались у него въ Малороссійской деревнѣ, куда онъ заѣхалъ во время Крымскаго путешествія Екатерины Великой. Ихъ любезно передалъ въ „Русскій Архивъ“, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, Н. А. Новицкій, и ему приносимъ мы нашу благодарность.

Кромѣ писемъ разныхъ достопамятныхъ лицъ тутъ находятся черновые наброски самого Безбородки и девять листковъ собственной руки Екатерины Великой, а также письма и прошенія къ ней. По мѣрѣ разбора этихъ рукописей, онѣ будутъ печататься въ „Русскомъ Архивѣ“. П. Б.

Петръ Васильевичъ Бакунинъ († 1786).

Чѣмъ больше чувствую и почитаю я, по испытаннымъ уже одолженіямъ, цѣну драгоцѣнной вашей ко мнѣ дружбы, тѣмъ надежнѣе и теперь прибѣгаю къ оной съ прошеніемъ моимъ ко всемилостивѣйшей Государынѣ. Великая ея душа, устрояя общее всего государства благоденствіе, услаждается еще изліяніемъ монаршихъ щедротъ частно на тѣхъ подданныхъ, кои имѣютъ случаи и счастіе отличаться въ службѣ усердіемъ и трудами. Ободряяся множествомъ таковыхъ примѣровъ, могу ли я осмѣлиться прибѣгнуть къ симъ самымъ щедротамъ и просить о пожалованіи мнѣ деревень или гаковъ?

О 35-ти лѣтней моей службѣ, въ которую никогда отъ должности не отлучался, могу я смѣло и справедливо сказать, что имѣлъ всегда честь и рвеніе къ дѣлу единою цѣлію всѣхъ моихъ поступковъ; что во все время царствованія Ея Императорскаго Величества употребляемъ былъ и безпрерывно упражнялся въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ; что чрезъ мои руки прошли: выборъ короля Польскаго, возстановленіе диссидентовъ, раздѣлъ Польши и конечное оной успокоеніе, дѣла Шведскія на многихъ сеймахъ, всѣ негоціаціи съ дворами Лондонскимъ, Вѣнскимъ, Берлинскимъ и Копенгагенскимъ, всѣ съ ними заключенные союзные и другіе трактаты и конвенціи, отправленіе въ Архипелагъ, относительно до политической части, адмирала Спиридова и другихъ вслѣдъ за нимъ посланныхъ морскихъ начальниковъ, политическая переписка съ предводителями обѣихъ армій, отправленіе на Фокшанскій конгресъ пословъ, а потомъ послѣднее къ миру уполномоченіе графа Петра Александровича *) и всѣ вообще дѣла и негоціаціи съ Портою Отоманскою, происходившія извѣстными переломами, какъ до войны, такъ и послѣ оной; что истину сего свидѣтельствуютъ неоспоримымъ образомъ хранящіяся въ Коллегіи отпуски моей руки, кои составляютъ цѣлыя стопы министеріальныхъ депешей, рескриптовъ, инструкцій и другихъ сочиненій, и что напослѣдокъ съ 1775 года, когда я, наряду съ Курбатовымъ и Никитинымъ, пожалованъ былъ дѣйств. статскимъ совѣтникомъ и членомъ Коллегіи, не уменьшились, но скорѣе возрасли еще мои труды, когда весь внутренній распорядокъ дѣлъ на меня палъ и когда я донынѣ долженъ не меньше прежняго самъ сочинять всѣ важныя бумаги.

---

*) Румянцова. П. Б.

Но къ чему толь длинная повѣсть? Вамъ, м. г. мой, вся она давно уже и такъ извѣстна, что и безъ моего описанія могли бъ вы образовать ее къ случаю истинными красками.

Упомянулъ я выше о примѣрахъ. Представляется ихъ много, какъ въ новѣйшее, такъ и въ прежнее время. Курбатовъ, Юрьевъ, Пуговишниковъ были награждены въ Россіи, а Стахіевъ, Булгаковъ и многіе другіе въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ знатными деревнями. Я чувствую весьма, что примѣръ не составляетъ права, но не въ семъ разумѣніи и представляю ихъ здѣсь, а единственно въ оправданіе воспріятой мною смѣлости трудить Ея Императорское Величество моею просьбою. Праводушіе не дозволяетъ мнѣ сказать, чтобъ домашнія мои обстоятельства были разстроены или же обременены долгами. Разстройки остерегался за всегда и для того расходъ мой размѣрялъ по приходу, сколь оный ни посредственъ, умѣлъ отказывать себѣ во всѣхъ прихотяхъ, а отъ долговъ, въ кои завела меня предъ симъ покупка деревни, освободился на сихъ годахъ благотворительностью системы морскаго нейтралитета, которая не на однихъ водахъ, но и на твердой землѣ произвела много добра.

За сею добровольною исповѣдью можетъ легко встрѣтиться вопросъ, на что же прошу я у всемилостивѣйшей Государыни деревень въ добавокъ ко всѣмъ прежнимъ Ея Величества милостямъ, кои въ благодарномъ моемъ сердцѣ вѣчно впечатлѣнными пребудутъ? Вотъ мой отвѣтъ.

1-е. Я имѣю, кромѣ пристроенной дочери, двухъ сыновей, службѣ посвященныхъ, и одну малолѣтную дочь. Свойственно весьма отцу желаніе дать дѣтямъ хорошее воспитаніе и оставить имъ по себѣ нѣкоторое основаніе.

2-е. Самая польза службы требуетъ, чтобъ начальникъ зналъ коротко подчиненныхъ своихъ для употребленія каждаго по знаніямъ и способностямъ его. Можетъ ли же къ тому быть лутчей способъ, какъ частое съ ними въ приватной жизни обращеніе? Но для сего нужно угощеніе, а для онаго достатокъ.

3-е. Имѣя честь быть въ министерствѣ Ея Императорскаго Величества и обращаяся потому безпрестанно съ дипломатическимъ корпусомъ въ бесѣдахъ, кои обыкновенно начинаются и кончаются столами, не въ состояніи я давать оному у себя въ домѣ взаимныхъ угощеній.

4-е. Болѣе всего, признаюся я, льстило бы любочестію моему видѣть остатки дней моихъ украшенными отличною милостью Ея Импе-

раторскаго Величества и предать потомкамъ моимъ толь драгоцѣнное и вѣчное доказательство оныя.

Въ просьбѣ моей упомянулъ я о гакахъ въ томъ видѣ, что въ Лифляндіи и Эстляндіи осталось весьма мало Россіянъ помѣщиками, и что по моему мнѣнію вящее съ древними подданными связаніе сихъ обѣихъ провинцій, когда оныя нынѣ подводятся подъ одинаковый съ нами образъ земскаго управленія, можетъ въ общей государственной системѣ и нужно, и полезно быть.

Открывъ вамъ душу мою, прошу я васъ, м. г. мой, усугубить ваши ко мнѣ одолженія представленіемъ Ея Императорскому Величеству всенижайшей моей просьбы, но въ такомъ только случаѣ, когда вы изволите разсудить, что поступокъ мой не будетъ признанъ излишнею смѣлостью и не обратится къ неудовольствію монаршему; ибо скорѣе чѣмъ подвергнуться таковому несчастію, предпочелъ бы я потерять все что̀ ни имѣю уже и лишиться самой службы, въ которой однакоже поставляю главное удовольствіе жизни моей, видя и ощущая, что отечество наше возводится не годами, а днями на верховную степень общенародной знатности и величія. Не совершенно ли счастливы тѣ, кои званіемъ своимъ поставлены въ число сподвижниковъ чудесамъ вѣка Екатерины Вторыя? Да продлитъ Всевышній Промыслъ дни ея на славу Россіи и на отраду рода человѣческаго.

Я пребуду всегда, какъ донынѣ былъ и пр., вѣрный и всепокорный слуга П. Бакунинъ.

10 Сентября 1783 года.

Евдокія Михаиловна Безбородко [1])

Любезній сыну мой Александръ Андреевичъ!

Племянница моя, сотничка Лубенская, Катерина Карповна[2])... Бѣликова, въ надежду вашего къ всѣмъ свойственникамъ милостиваго призрѣнія, отправляючи сына своего Василія Данилевскаго въ С.-Петербургъ къ помѣщенію онаго въ какую заблагоразсудите службу, просила меня о моемъ къ вамъ письмѣ, и какъ оная по своей бѣдности содержать его отъ себя не въ состояніи, а больше въ надежду (и о содержаніи его) вашего благоволенія сіе отправленіе сына своего учинить отваживается: покорно прошу васъ, любезній сыну мой, не

---

[1]) Урожденная Забѣлло. Все письмо собственноручное. П. Б.

[2]) Одно слово не разобрано. П. Б.

поставивъ себѣ въ докуку, принять объ немъ милостивое ваше старательство. Онъ кажется еще нраву неспорченнаго и когда натрется, то не можетъ ли быть способнымъ и въ смотрѣніи въ домѣ вашемъ замѣнить мѣсто службою его, гдѣ до сего, какъ слышу, сторонніи употреблены? Впрочемъ желая вамъ съ братомъ Ильею Андреевичемъ и племянникомъ Викторомъ Павловичемъ доброздравственнаго и благополучнаго поведенія, есмь ваша вседоброжелательная мать Евдокія Безбородкова.

1781 году Мая 1 дня.
Столное.

(Графъ) Өедоръ Өедоровичъ Буксгевденъ.

Милостивый государь мой Александръ Андреевичъ. Вчерашняго числа получилъ я письмо отъ графа Өедора Григорьевича, въ которомъ пишетъ онъ, чтобы я попросилъ вашего превосходительства напомнить Ея Императорскому Величеству о нѣкоторыхъ оставшихъ людяхъ, которые находились до послѣдняго часа при покойномъ князѣ. Я подалъ немедля Ея Величеству о тѣхъ людяхъ записку; но, знать, Государыня запамятовала. Посему прошу васъ при оказіи вспомнить просьбу ихъ сіятельства [1]) и для того осмѣливаюсь приложить вамъ таковую жъ записку [2])съ показаніемъ желанія ихъ. Извините, ваше превосходительство, что я васъ безпокою моею просьбою; но я исполняю препорученную мнѣ коммиссію. Впротчемъ имѣю честь навсегда быть, милостивый государь мой, вашъ всепокорнѣйшій слуга Буксгевденъ.

Іюля 28-го 1783.

Мѣстное семейное преданіе увѣряетъ, что графъ Ө. Ө. Буксгевденъ (человѣкъ отличныхъ достоинствъ, оказавшій Россіи несомнѣнныя услуги на гражданскомъ и военномъ поприщахъ) былъ сынъ бѣднаго дворянина съ острова Даго и что отецъ, отправляя его искать счастія службою, далъ ему пять рублей, чтобы не умереть ему съ голоду, и пощечину, чтобъ онъ не забывался. Въ Петербургѣ, опредѣлившись въ артиллерію, сдѣлался онъ извѣстенъ князю Г. Г. Орлову, который и выдалъ за него свою воспитанницу. За ней онъ получилъ Лигово (по сосѣдству съ принадлежавшею князю Орлову Гатчиною) и впослѣдствіи замокъ Лоде. Тесть его умеръ въ Москвѣ (1783), и это его письмо къ Безбородкѣ относится къ тому времени, когда происходилъ дѣлежъ наслѣдства.

---

[1]) Это *ихъ* наглядно выражаетъ собою, въ какихъ отношеніяхъ находился Буксгевденъ къ братьямъ своего тестя, покойнаго князя Орлова. П. Б.

[2]) Этой записки у насъ не имѣется. П. Б.

Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ.

I.

Сожалѣю весьма, что не могъ васъ застать дома въ минувшую Суботу. Вчера получилъ я здѣсь письмо отъ г. Гома, которое здѣсь прилагаю на усмотрѣніе ваше, ибо г. Гаррисъ васъ о томъ же просить будетъ. Я не знаю, можно ль такой пашпортъ дать; а лучше бъ, кажется, сказать ему, что онъ можетъ его при ссылкѣ своей взять или отправить, что на оное *on fermera les yeux* [1]).

Позвольте мнѣ припомнить вамъ о консульскихъ инструкціяхъ и о кордонѣ.

Для любопытства вашего прилагаю письмо, но для единственнаго вашего свѣдѣнія, полученное мною отъ Фитингофа, а другое отъ г. Пиля. Буде можно, помогите ему въ обѣщанной лентѣ и въ помѣщеніи въ первую губернію, которая будетъ порожнею. Я завтра уповаю возвратиться въ городъ, а въ Пятницу имѣть удовольствіе вашего повара отвѣдать.

Мурино [2]), 24 Іюля 1783.

Графъ А. Р. Воронцовъ былъ тогда президентомъ Комерцъ-Коллегіи. Къ чему относится начало этого письма, не знаемъ.—Фитингофъ (отецъ славной баронессы Криднеръ), богатый Финляндскій помѣщикъ и откупщикъ.—Пиль позднѣе былъ Иркутскимъ губернаторомъ и мирволилъ сосланному въ Сибирь Радищеву, находившемуся подъ покровительствомъ графа А. Р. Воронцова. П. Б.

II.

Графъ Воронцовъ проситъ его превосходительство Александръ Андреевича при удобномъ случаѣ о слѣдующей его просьбѣ Государынѣ доложить.

По случаю женитьбы брата его [3]) они оба сдѣлали между собою домашній раздѣлъ, по которому и домъ ихъ общій онъ брату своему уступилъ: то не угодно ли будетъ Государынѣ наградить его домомъ или суммою на покупку онаго? Также и по недостатку его графа Воронцова въ собственныхъ его доходахъ, Ея Императорское Величество великую бъ съ нимъ милость оказать изволила, наградя его неболь-

---

[1]) Будутъ смотрѣть сквозь пальцы.

[2]) Дача подъ Петербургомъ за Лѣснымъ Институтомъ. П. Б.

[3]) Графъ Семенъ Романовичъ женился въ 1781 году, чѣмъ опредѣляется приблизительно время написанія этого письма.

шою прибавкою къ жалованью его. Двѣ или три тысячи прибавки весьма бъ для него были достаточны подъ именемъ столовыхъ денегъ, такъ какъ тому и примѣры бывали.

Приложенныя бумаги, до домашнихъ его дѣлъ касающіяся, засвидѣтельствовать могутъ, что, при всей его довольно умѣренной жизни, безъ сей монаршей щедроты трудно ему измѣститься. Онъ чувствуетъ весьма всѣ милости Ея Императорскаго Величества къ нему оказанныя, и такъ безъ крайней нужды и не осмѣлился бы просьбами своими отягощать Государыню, подвергая впротчемъ жребій свой на рѣшеніе такого государя, которой столько уже осчастливилъ людей ему служащихъ [1]).

Графъ Воронцовъ конечно стараться будетъ себя сдѣлать достойнымъ и заслужить сей новый знакъ милости Ея Величества, ибо оною ему доставится прямо спокойная и безпечная жизнь, такъ что ему и не останется ничѣмъ инымъ заниматься, какъ службою, къ продолженію которой онъ радъ жизнь свою посвятить. Не имѣлъ онъ никогда себѣ предметомъ большія какія пріобрѣтенія для себя дѣлать или желать, а только чтобъ безъ нужды и съ нѣкоторою пристойностью жить. Все жъ оное и будетъ ему уже совершенно доставлено, естьли Государынѣ угодно будетъ на просьбу его снизойти.

Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій.

На что мнѣ распространять просьбу? И по собственному побужденію вы конечно сдѣлаете добро для Малороссійскаго Езопа. Государыня обоихъ ихъ знала, и когда я, съ позволенія ея, бралъ ихъ, обѣщала имъ милость.

Безпокою васъ о планѣ церковномъ, потому что время не терпитъ сокращать себя для строенія.

Опять въ школахъ [2]) остановка за Катихизисомъ. Лучше бъ вы сдѣлали, чтобъ церковныя книги, такъ какъ и математическія, исключили изъ представленія Государынѣ, чтобъ избѣжать затрудненія и остановки. Ежели вамъ можно сказать къ сердечному моему удовольствію, что́ сдѣлалось собственно для васъ?

---

[1]) Это напоминаетъ собою выраженіе князя Щербатова про одну изъ императрицъ прошлаго вѣка: „Сей государь женскаго полу“. П. Б.

[2]) Графъ Завадовскій завѣдывалъ народными училищами. П. Б.

Аркадій Ивановичъ Морковъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я живу въ Парижѣ, я получаю отъ васъ письма столь важныя, что и самъ почти не смѣю вамъ ни о чемъ говорить, какъ о дѣлѣ. Можетъ быть, представляете вы себѣ, милостивой государь мой, что мнѣ довольно заниматься и своими забавами, не навѣдываясь о забавахъ другихъ. Сіе могло бы быть при всемъ участіи, которое я пріемлю въ вашемъ удовольствіи, естьли бъ я былъ и помоложе, и поздоровѣе; но по несчастію нѣтъ ни того, ни другаго, и я посреди райскихъ здѣшнихъ наслажденій нерѣдко завидую вашимъ и желаю оныя раздѣлить. Не угодно ли вамъ какихъ изъ здѣшнихъ дамскихъ нарядовъ? Здѣсь женщины, оскудѣвъ крайне грудями, выдумали одежду, которая по просту называется рубашкою; она завязывается весьма высоко на шеѣ, и хотя здѣсь теперь великіе жары, женщины носятъ все сію одежду, чтобъ не обнажить своей скудости. Какъ сей недостатокъ, который впрочемъ не долженъ затмѣвать другихъ прелестей въ глазахъ людей деликатныхъ, плѣненныхъ оными, распространился, можетъ быть, и до нашихъ краевъ, то я намѣренъ съ первымъ курьеромъ прислать къ вамъ рубашку de la dernière élégance для услуженія оною какой-нибудь особѣ вамъ благопріятной.

Графъ Михаилъ Петр. Румянцовъ на сихъ дняхъ отсюда выѣзжаетъ, терзаемый любовью и влеченный славою. Сію фразу я сплелъ для Н. А. Львова, которую прошу ему прочесть: онъ будетъ ею конечно доволенъ; а на васъ я не считаю, не смотря на извѣстныя мнѣ ваши расположенія. Графъ Мих. Петр. проситъ васъ о доставленіи слѣдующихъ при семъ его писемъ, и какъ онъ опасается негодованія со стороны родителя своего по притчинѣ, что онъ здѣсь такъ долго зажился, то также проситъ васъ, чтобы вы его извинили предъ нимъ наилучшимъ образомъ и особливо тѣмъ, что онъ то сдѣлалъ изъ уваженія къ графинѣ Прасковьѣ Александровнѣ [1]).

Я сбирался было провести зиму съ вами, милостивой государь мой; но теперь думаю, что естьли завяжется здѣсь негоціація, то мнѣ отсюда прежде весны не выѣзжать. Но, хотя еще конецъ здѣшняго моего пребыванія и не кажется такъ близокъ, однакоже на всякой случай прошу заранѣе исходатайствовать мнѣ дозволеніе взять возвратной мой путь чрезъ Вѣну и Варшаву. Естьли бъ тутъ же можно

---

[1]) Т. е. своей тетки, Брюсъ. Про этого старшаго изъ дѣтей фельдмаршала сохранилось мало извѣстій. П. Б.

было заглянуть въ Англію хотя на три недѣли, то исполнилась бы тѣмъ вся мѣра моего любопытства.

Данныхъ мнѣ отъ васъ коммисій въ письмѣ отъ 4 Маія я исполнить не могъ, не смотря на все усердіе, съ каковымъ я о томъ старался и стараться продолжаю. Можетъ быть въ поѣздку въ Фонтенебло, гдѣ чаще съ людьми въ дѣлахъ употребляемыми видѣться будетъ можно, въ томъ предуспѣть мнѣ удастся. На случай остановленія моего здѣсь до весны, прошу покорнѣйше перевесть ко мнѣ изъ Гаги бывшаго тамъ при мнѣ титулярнаго совѣтника Даниловскаго. Данный мнѣ здѣсь изъ канцеляріи ниже пакета сдѣлать не умѣетъ.

Поздравляю васъ съ благополучнымъ возвращеніемъ изъ вашей поѣздки въ Фридрихсгамъ [2]). Оная здѣсь подала притчину къ разнымъ нелѣпымъ догадкамъ. Какъ вамъ показался новой министръ его Шведскаго величества? И какъ вамъ покажется сегодняшнее наше отправленіе? О семъ послѣднемъ особливо прошу покорнѣйше меня извѣстить.

Письмо это безъ означенія времени. Оно писано лѣтомъ 1783 года, когда А. И. Морковъ находился въ Парижѣ для участія въ заключеніи мира между Франціею и Англіею по поводу независимости Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Франклину пришлось знакомиться съ Россіей въ лицѣ умнаго и даровитаго, но непутеваго Аркадія Ивановича. Морковъ и Безбородко были холостяки и вели оба разгульную жизнь. П. Б.

Адамъ Васильевичъ Олсуфьевъ.

Милостивый государь мой Александръ Андреевичъ. На другой день по выѣздѣ моемъ во дворецъ престрашная всѣмъ безногимъ лѣстница дворцовая произвела въ колѣнѣ моемъ лютѣйшую предъ прежнимъ боль, и хотя теперь гораздо поутихла, не могу однакожъ ни застегнуть штановъ, ни долго сидѣть. Покорно прошу васъ, милостиваго государя моего, извинить меня у господина графа Кобенцеля. Сожалѣніе мое тѣмъ чувствительнѣе, что симъ новымъ припадкомъ лишаюсь удовольствія бесѣдовать съ вами и съ прочими общества старовѣровъ сочленами. Имѣю честь быть съ отличнымъ почтеніемъ вашего превосходительства покорный слуга А. Олсуфьевъ.

19 Марта 1782 г.

А. В. Олсуфьевъ, достопочтенный дѣлецъ Елисавстинскаго и Екатерининскаго царствованій, скончался 26 Іюня 1784 г.

---

[2]) На извѣстное свиданіе Екатерины съ Густавомъ III-мъ.

Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ.

Сіятельный графъ м г. Скорое отбытіе отсюда вашего сіятельства [1]) понуждаетъ меня принять смѣлость повторить нижайшую просьбу мою касательно до обѣщанной покупки дому зятя моего князя Гагарина [2]) въ Москвѣ, котораго планъ Государыня изволила уже видѣть и апробовать, и остается лишь только указать выдачу денегъ за сторгованный сей домъ. Нижайше прошу ваше сіятельство о исходатайствованіи сей монаршей милости и о рѣшеніи дѣла сего до отбытія вашего. Имѣю честь быть и пр. Сергѣй Плещеевъ.

26 Декабря 1786.

Письмо Елисаветы Романовны Полянской (ур. графини Воронцовой) къ Екатеринѣ Великой.

Madame! Les bontés dont Votre Majesté Impériale a daigné m'honorer de tout temps, en excitant ma plus vive reconnaissance, doivent m'inspirer encore la juste et respectueuse confiance d'y recourir de nouveau dans le besoin. Ce n'est pas proprement pour moi que j'ose l'implorer aujourd'hui. Tranquille sur le sort de mon fils, je ne le suis pas également sur celui de ma fille: car, outre qu'approchant de l'âge où je dois songer à lui procurer un établissement, je me vois dans l'impossibilité absolue de lui faire un sort tant soit peu convenable, je suis encore dans l'impuissance totale de la produire dans le monde, et j'ai mille raisons, que la pénétration de Votre Majesté me dispense de lui détailler, pour craindre de la laisser dans la maison paternelle après ma mort.

Je supplie donc très humblement Votre Majesté Impériale de mettre le comble à ses bontés pour moi, en admettant ma fille à l'honneur d'être attachée au service de sa personne sacrée, honneur dont j'ai joui moi-même avant que le Tout-Puissant l'eut appellé à gouverner avec tant de gloire et de prospérité le grand empire dont elle fait le bonheur.

J'ose espérer, Madame, que Votre Majesté Impériale daignera me pardonner mon importunité en faveur des motifs urgents qui me contraignent de recourir à cette occasion à cette bonté et à cette clémence dont j'ai si souvent éprouvé dans d'autres les gracieuses et favorables effets.

---

[1]) Въ Крымское путешествіе съ Государынею. П. Б.

[2]) Сестра моряка С. И. Плещеева (бывшаго другомъ Имп. Павлу, мартиниста и участника Сѣверо-американской войны), Татьяна Ивановна была за княземъ Павломъ Сергѣевичемъ Гагаринымъ (мать извѣстнаго въ наши дни князя Павла Павловича). П. Б.

En portant aux pieds de Votre Majesté mes respectueuses et humbles prières, j'adresse au Ciel les voeux les plus ardents pour la continuation la plus prolongée d'un règne, qui, en assurant la félicité publique, est pour moi le gage d'un bonheur particulier, je suis avec un profond respect, Madame, de Votre Majesté Impériale la très humble et très obéissante servante et sujette Élisabeth de Pallansky.

Переводъ. Государыня! Милости, которыми во всякое время Ваше Императорское Величество дѣлали мнѣ честь меня удостоивать, вызывая во мнѣ живѣйшую признательность, побуждаютъ меня, въ случаѣ нужды, обращаться къ нимъ снова съ твердою и почтительною надежностью. Нынѣ осмѣливаюсь просить ихъ не для себя собственно. Я спокойна относительно судьбы моего сына [1]), но не дочери [2]), вступающей въ такой возрастъ, когда я должна позаботиться объ ея устроеніи. Не вижу никакой возможности доставить ей сколько нибудь приличное положеніе и совершенно не въ состояніи вывозить ее въ свѣтъ. Есть много причинъ (проницательность Вашего Величества увольняетъ меня отъ перечисленія ихъ), заставляющихъ меня опасаться за ея положеніе въ родительскомъ домѣ послѣ моей кончины. И такъ почтительнѣйше умоляю Ваше Императорское Величество довершить Ваши ко мнѣ милости, удостоивъ мою дочь чести находиться въ службѣ при Вашей священной особѣ, каковою честью пользовалась я сама до тѣхъ поръ, когда Всемогущій призвалъ Васъ съ такою славою и благополучіемъ править великою имперіею, коей составляете Вы счастіе.

Смѣю, Государыня, надѣяться, что Ваше Императорское Величество благоволите простить мнѣ мою навязчивость во имя настоятельныхъ причинъ, вынуждающихъ меня въ этомъ случаѣ прибѣгнуть къ Вашей добротѣ и мягкосердію, благотворныя и милостивыя послѣдствія которыхъ столько разъ мною испытаны. Повергая къ стопамъ Вашего Величества почтительную и нижайшую просьбу мою, возсылаю къ Небу горячія мольбы о самомъ долговременномъ продолженіи царствованія, которымъ обезпечено общественное благополучіе и которое для меня служитъ залогомъ благополучія личнаго, съ глубокимъ почтеніемъ, Государыня, Вашего Императорскаго Величества нижайшая и покорнѣйшая слуга и подданная Елисавета Полянская.

(*Безъ числа*).

*

Это письмо очень любопытно, и навѣрное Екатерина исполнила просьбу бывшей своей совмѣстницы въ царствованіе Петра III-го, относительно которой, по воцареніи своемъ, она выказала столько великодушія. Елисавета Романовна (р. 13 Авг. 1740 † 2 Февр. 1792) едва не сдѣлалась Рос-

---

[1]) Александръ Александровичъ Полянскій женатъ былъ на графинѣ Рибопьеръ и оставилъ потомство. Это тотъ самый добродушный театралъ, о которомъ говоритъ Жихаревъ въ своихъ Запискахъ подъ 23 Апрѣля 1807 года. П. Б.

[2]) Анна Александровна, вышедшая потомъ за Голандца Догера, - мать Александры Васильевны Сенявиной. П. Б.

сійской императрицей. Она конечно была не подъ пару Екатеринѣ, по наружности, уму и образованію; но она вовсе не была такою ничтожною женщиною, какъ о ней писали и пишутъ. Оба брата любили ее больше, чѣмъ пресловутую сестру ея княгиню Дашкову. Въ XXI-й книгѣ „Архива Князя Воронцова“ помѣщено нѣсколько очень любопытныхъ писемъ ея въ Италію и Англію къ ея младшему брату. Эти письма объясняютъ намъ, почему Петръ III-й любилъ ее и, отрекшись отъ престола, выразилъ желаніе, чтобы отпустили съ нимъ въ Голштинію Елисавету Романовну. Замѣчательно, что вышенапечатанное письмо къ Государынѣ писано не безъ достоинства. Французскій слогъ ея ничѣмъ не уступаетъ Французскимъ писаніямъ княгини Дашковой. Какъ и сія послѣдняя, она училась вѣроятно въ домѣ дяди своего, канцлера графа М. Л. Воронцова. П. Б.

Василій Степановичъ Поповъ.

Нижайшую свидѣтельствую чрезъ сіе благодарность вашему превосходительству за милость и всѣ благосконности, коими обязать меня вамъ было угодно и которыя чувствую я съ искреннѣйшимъ признаніемъ.

По прибытіи моемъ къ его свѣтлости [1]), первая моя была забота исполнить приказаніе ваше въ разсужденіи господина Новицкаго и Кочубея [2]). О первомъ нынѣ же я писалъ къ графу Валентину Платоновичу [3]), изображая волю его свѣтлости о произведеніи его въ оберъ-провіантмейстеры; но другому нѣтъ еще теперь ваканціи, однако имѣетъ уже онъ право на первую, которая только въ штабѣ его свѣтлости откроется. Препоручая себя и пр. всепокорный слуга Василій Поповъ.

16 Маія 1783. Херсонъ.

P. S. Его свѣтлость князь Григорій Александровичъ покорно проситъ ваше превосходительство принять трудъ освѣдомиться о регаліяхъ для Ираклія заготовляемыхъ и когда оныя будутъ готовы, то пожаловать отправить ихъ сюда. Что жъ принадлежитъ до денегъ, на Грузинскую негоціацію потребныхъ, то его свѣтлость приказалъ производить сей расходъ изъ суммы на новолинейный корпусъ отпускаемой, считая, что не будетъ тамъ въ деньгахъ недостатка.

—

Тутъ же письмо В. С. Попова къ Матвѣю Матвѣевичу (Муромцову) отъ 31 Августа 1783 г. изъ Кременчуга. Въ этомъ письмѣ сказано: «По пріобрѣтеніи Крыма и по совершеніи трактата съ царемъ Ираклiемъ, Грузію къ Россіи присоединяющаго, прежестокая лихорадка понудила его свѣтлость князя Григорія Александровича выѣхать изъ Крыма. Теперь его свѣтлость въ Кременчугѣ въ крайней слабости отъ сильныхъ припадковъ».

---

[1]) Т. е. къ князю Потемкину. П. Б.

[2]) Сыновья сестеръ князя Безбородки. П. Б.

[3]) Мусину-Пушкину. П. Б.

Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ.

1.

Марки де-ла-Торресъ, котораго я въ послѣднюю мою бытность въ Вѣнѣ часто видалъ, нынѣ сюда прибылъ и цѣлое утро со мною проводилъ въ моемъ домѣ. Разговоръ нашъ большею частью относился не токмо къ Россіи, но и къ самой Ея Имп. В. особѣ. Оба мы признали, что ей одной дано совокупить милосердіе, простоту въ обхожденіи съ самыми вышними дарованьями разума и великой души. Однимъ словомъ, находя особливое для себя удовольствіе прославлять надъ нами царствующую Императрицу, имѣлъ я сего утра сіе удовольствіе сполна. Марки де-ла-Торресъ не упустилъ также молвить о ревности, съ каковою вы ей служите и о способностяхъ вашихъ, давъ мнѣ выразумѣть, что ему извѣстно взаимное между вами и мною дружеское расположеніе и та преданность отличная, съ каковою пребываю и пр.

Франкфуртъ, 28 Іюля (8 Августа) 1783 г.

2.

Коли̇ вы меня о томъ увѣдомите, что мнѣ велѣно постъ свой перемѣнить на лутчей? Я его не токмо что скучнымъ почитаю, но и опаснымъ: къ ошибкамъ всякаго роду поле пространное открыто, а къ сущему служенію для дѣлъ имперіи нашей полезныхъ и стези не видно. Въ добавокъ къ сему примолвить и то можно, что статься можетъ не вовсе пристойно въ мои лѣты [1]), сыну фельдмаршала Румянцова, занимать таковой постъ, которой приличенъ только инвалидному служителю вмѣсто пансіона.

5 Октября 1783,

съ возвратнаго пути, по свиданіи съ графомъ Воронцовымъ [2]).

Священникъ Андрей Аѳанасьевичъ Самборскій.

Превосходительный господинъ, милостивый государь Александръ Андреевичъ.

Въ бытность мою въ Малороссіи почелъ я за долгъ поклониться вашей почтеннѣйшей родительницѣ [3]). Отмѣнное я восчувствовалъ удовольствіе въ созерцаніи той особы, которая посвятила остатокъ своихъ

---

[1]) Графу Н. П. Румянцову шелъ тогда 30-й годъ. П. Б.

[2]) Семеномъ Романовичемъ, ѣхавшимъ изъ Петербууга на посольство въ Венецію. П. Б.

[3]) Въ селѣ Стольномъ, Черниговской губ., неподалеку отъ Кіева, нынѣ принадлежащемъ графинѣ Любовь Александровнѣ Мусиной-Пушкиной, родной правнукѣ графа Ильи Андреевича Безбородки. П. Б.

дней для богомыслія и благотворенія. А тѣмъ паче и пріемъ ея, растворенный кротостью и искренностію, былъ и пребудетъ для меня чувствительнымъ. Удовольствіе мое еще умножилось нечаяннымъ прибытіемъ вашего братца, его высокородія Ильи Андреевича. Онъ мнѣ показывалъ предостойной монументъ, воздвигнутый вашему покойному родителю. Послѣ обошли мы весь садъ со всѣми подробными примѣчаніями, и я васъ могу увѣрить, что оный можно расположить въ самомъ пріятнѣйшемъ Аглинскомъ вкусѣ, поелику окружается онъ изобильною водою, имѣетъ возвышенія и пологости, изобилуетъ разными деревьями пріятныхъ характеровъ. Онъ имѣетъ то преимущество, что малымъ иждивеніемъ отдѣлаться можетъ. Я отмѣнно счастливымъ себя почту, если мнѣ подадите случай показать въ какихъ-нибудь вашихъ владѣніяхъ мое знаніе, а чрезъ то неограниченное къ вамъ усердіе. И съ таковою пріятною надеждою остаюсь я до будущаго времени.

Теперь дайте мнѣ, милостивый государь, потрудить васъ нѣсколькими строками, касающимися къ моему оправданію, почему я столько умедлилъ моимъ возвращеніемъ въ Санктъ-Петербургъ. Препроводивъ его высокопревосходительство Николая Ивановича Салтыкова въ Москву, отправился я къ моей матери. Престарѣлую вдову съ сиротами и другихъ моихъ многочисленныхъ родственниковъ нашелъ я въ превеликой бѣдности и безъ всякаго призрѣнія! Пребѣдное ихъ состояніе заставило меня ходатайствовать объ нихъ у разныхъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ особъ, между которыми графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ великія сдѣлалъ одолженія. А какъ я въ переѣздахъ моихъ повстрѣчался съ земледѣльческими работами, коихъ я доселѣ одну только зналъ поверхность, то я нашелъ необходимо нужнымъ испытать всю практику здѣшнюю съ тѣмъ, чтобы съ большею точностью могъ я аппликовать правила, пріобрѣтенныя мною въ Англіи и въ другихъ мѣстахъ, къ здѣшнему климату, и съ увѣреніемъ теперь могу вамъ сказать, что во всѣхъ мѣстахъ имперіи Россійской можно завесть доброе и весьма прибыточное государству хозяйство. О нынѣшнемъ Россійскомъ доношу вамъ, что оно есть въ самомъ бѣднѣйшемъ состояніи. Крестьяне вообще не разумѣютъ никакого порядка; слѣдственно теряютъ они по крайней мѣрѣ третью часть времени, которое, по долговременной здѣшней зимѣ, должно быть весьма дорого. Теряютъ они почти половину хлѣба, а при томъ весьма изнуряютъ и свои силы и своихъ скотовъ, чтó и причиняетъ наичувствительнѣйшій вредъ государству.

Я ѣздилъ такожъ и въ Херсонъ, дабы узнать, какого роду хозяйство тамъ можно завесть. О семъ мѣстѣ долженъ я сказать, что оно изобилуетъ благословенною землею. Подвигъ сей я для того теперь

сдѣлалъ, что когда я, по возвращеніи изъ Англіи, вступлю въ должность и практику [1]), то мнѣ невозможно будетъ тогда отлучаться.

Снабдивъ себя нужнымъ знаніемъ въ разныхъ здѣшнихъ провинціяхъ, возвратился я въ Москву, а оттуда поѣхалъ свидѣться и проститься съ Николаемъ Ивановичемъ [2]). А какъ онъ давно уже располагается ѣхать въ С.-Петербургъ, то и просилъ меня ѣхать съ нимъ вмѣстѣ. Хотя я натурально и желалъ быть также съ моимъ семействомъ; но, разумѣя его вѣрнѣйшимъ и преданнѣйшимъ своей Монархинѣ, полезнымъ отечеству и предобродѣтельнымъ человѣкомъ, согласился я на его предложеніе. Къ сему также и человѣколюбіе меня побудило; ибо онъ часто, какъ и нынѣ, бываетъ боленъ.

Вотъ вамъ всѣ причины моего отсутствія. Теперь васъ, милостивый благодѣтель, всенижайше прошу успокоить меня хотя краткими словами, не провинился ли я? Вы мой покровитель! Я всю надежду на васъ возлагаю и пребуду, пока жить буду, вашего превосходительства вѣрно-преданный слуга и всеусерднѣйшій богомолецъ священникъ Андрей Самборскій.

1783, Сентября 9.
Москва.

Александръ Васильевичъ Храповицкій.

Милостивый государь Александръ Андреевичъ. Имѣю честь почтеннѣйше донести, что графъ Броунъ [3]) отправился въ путь и сегодня обѣдаетъ въ Кипени, взявъ съ собою извѣстную записку, Ея Величествомъ конфирмованную и копію со статовъ. По сей причинѣ оставилъ я присланное съ переводомъ доношеніе за своею печатью, дабы секретарь мой завтра поутру вручилъ вашему превосходительству: ибо для препорученныхъ мнѣ дѣлъ отъ генерала-прокурора поѣду я сегодня ввечеру въ городъ и пробуду тамъ до Вторника, чтобъ, распечатавъ его пакеты, изготовить нужное къ докладу.—Записка вашего превосходительства прочтена. Многія были изъясненія, и хотя повидимому не отдалены сдѣлать вамъ угодное, но не вдругъ; ибо не разъ сказано, что это еще не уйдетъ. Когда же, наконецъ, сказано желаніе ваше о оставленіи всего въ первомъ положеніи, безъ награжденія за послѣднюю комиссію, то пошли объясненія о сотоварищахъ по той комми-

[1]) Будучи законоучителемъ великихъ князей, А. А. Самборскій получилъ отъ правительства землю близъ Царскаго Села, на которой велъ образцовое хозяйство. Это, сколько намъ извѣстно, первый и вѣроятно болѣе успѣшный примѣръ тѣхъ сельскохозяйственныхъ фермъ, которыя въ нашемъ столѣтіи столько хитрили и мудрили надъ Русскимъ земледѣліемъ. П. Б.

[2]) Салтыковымъ, наставникомъ великихъ князей. П. Б.

[3]) Рижскій генералъ-губернаторъ. П. Б.

сіи. Тутъ имѣлъ я случай донести, что новая реформа вся къ вамъ относится, и самъ генералъ-прокуроръ отдалъ вамъ въ томъ справедливость, доказавъ оное собственнымъ ходатайствомъ о исполненіи желанія вашего. Отвѣтъ былъ: дай мнѣ подумать. Послѣ сего я еще былъ позванъ. Спрашивали у меня, сколько шесть процентовъ составятъ деньгами? Отвѣчалъ я, что и на одинъ годъ причитается до 45 т.; а новодоставленный доходъ есть не единовременный, но всегдашній. Просматривали краткую записку о числѣ дворовъ и душъ и оставили у себя, сказавъ мнѣ, что одинъ день прежде или послѣ большой разницы не сдѣлаетъ.

Такимъ-то образомъ кончилось, милостивой государь, старательство мое, и я долженъ думать, что станутъ завтра съ вами говорить, а во Вторникъ подпишутъ у меня одинъ или два изъ заготовленныхъ указовъ. Клясться вамъ въ чистосердечіи моемъ почитаю не у мѣста, ибо извѣстная къ особѣ вашей преданность сохраняется мною по гробъ.

Съ глубочайшимъ почитаніемъ вашего превосходительства, милостиваго государя, вѣрнопокорнѣйшій и преданнѣйшій слуга Александръ Храповицкой.

8 Іюля 1783. 3 часа по полудни.

Это письмо служитъ какъ бы добавленіемъ къ извѣстному „Дневнику“ Храповицкаго, въ которомъ за 1783 годъ написаны только двѣ замѣтки. П. Б.

Князь М. М. Щербатовъ.

М. г. мой Александръ Андреевичъ. Собственное мое расположеніе а паче рекомендація вашего превосходительства преклоняютъ меня сдѣлать всякое вспомоществованіе въ несчастномъ состояніи находящемуся купцу Милютину. И такъ на просьбу его, дабы онъ уволенъ былъ ѣхать въ Петербургъ, я охотно соглашаюсь; но токмо надлежитъ по законамъ, чтобъ онъ въ поставкѣ своей далъ подписчиковъ, которыхъ онъ и хотѣлъ сыскать, такъ что сіе болѣе уже отъ него нежели отъ меня зависитъ.

Сіе донесши, могу увѣрить васъ, что я всегда за удовольствіе себѣ считаю исполчить ваши приказанія, пребывая съ всегдашнимъ почтеніемъ, м. г. мой, в. п—во всепокорный слуга князь Михаило Щербатовъ.

Москва
Августа 7 дня 1783.

ВОСПОМИНАНІЯ СТАРАГО СЛУЖАКИ.

Тридцатипятилѣтняя служба моя прошла не совсѣмъ обыкновеннымъ путемъ; я же, съ раннихъ лѣтъ, находилъ удовольствіе записывать болѣе интересныя ея особенности, мечтая оставить свои записки въ назиданіе будущему своему потомству. Но какъ потомства не оказалось, а жена настаиваетъ, чтобы очистить для нея поскорѣе сундукъ, совѣтуя употребить мои произведенія на подпалъ дровъ въ печкахъ: то, опасаясь тайнаго ауто-да-фе, я рѣшаюсь извлечь изъ нихъ хоть кое - что и предложить читателямъ, съ покорнѣйшей просьбой не взыскать за шероховатость слога и другіе недостатки моихъ воспоминаній, во вниманіе къ правдѣ, служащей имъ фундаментомъ.

Венгерская война.

I.

Во время Венгерской кампаніи я имѣлъ честь служить въ Сѣвскомъ пѣхотномъ полку, входившемъ въ составъ отряда генералъ-лейтенанта Панютина.

На долю этого отряда выпала трудная задача заслонить беззащитную Вѣну отъ направлявшихся къ ней побѣдоносныхъ Венгерскихъ войскъ подъ начальствомъ способнѣйшаго изъ Венгерскихъ полководцевъ Гёргея *).

Подробнаго описанія дѣйствій этого отряда я нигдѣ не читалъ, а между тѣмъ и тутъ, какъ и вездѣ, Русское оружіе покрылось неувядаемыми лаврами даже не въ переносномъ смыслѣ. Быть можетъ изъ моихъ личныхъ наблюденій, помѣщенныхъ въ этомъ скромномъ разсказѣ, историкъ извлечетъ хоть одну черту освѣщающую истину.

---

*) Артуръ Гёргей род. 5 Февраля 1818 г. Онъ напечаталъ свои мемуары о Венгерской войнѣ въ двухъ томахъ (Лейпцигъ, 1852 г.). Ю. Б.

Начну съ того, что въ то время о побудительныхъ причинахъ этой войны со стороны Россіи судили нѣсколько иначе, чѣмъ теперь; въ знающихъ кружкахъ говорилось, что императоръ Николай руководился не однимъ только монархическимъ принципомъ, подавая помощь разшатанной Австріи, но также и въ предупрежденіе возстанія своихъ Польскихъ провинцій, между заграничными представителями которыхъ и Венгерскимъ временнымъ правительствомъ заключенъ былъ трактатъ взаимной помощи.

Теперь приступлю къ своему разсказу.

Перейдя 26 Апрѣля 1849 года границу Краковской области, тогда уже принадлежавшей Австріи, отрядъ нашъ маршемъ прибылъ въ городъ Краковъ, а оттуда по желѣзной дорогѣ, черезъ Прусскія владѣнія, въ Моравію и въ городѣ Градишѣ съ окрестностями расположился на отдыхъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій Австрійскаго правительства.

Городъ Краковъ, эта святыня Поляковъ, произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе своимъ средневѣковымъ видомъ. Войдя въ его узкія улицы, видишь надъ собой только полосу неба, а передъ собой какой-то длинный неправильный корридоръ изъ готическихъ зданій съ узенькими окнами и безчисленнымъ множествомъ этажей; въ этомъ отношеніи съ Краковымъ, кажется, могла бы соперничать одна лишь бывшая столица Шотландіи, Эдинбургъ.

По краткости времени, въ Краковѣ я успѣлъ посѣтить только костелъ Дѣвы Маріи, гробницы Польскихъ королей и взглянуть издали на могилу Костюшки.

Въ проѣздъ отряда чрезъ Пруссію на всѣхъ станціяхъ были выставлены почетные караулы; во время остановокъ въ сношеніяхъ Прусскихъ офицеровъ съ нашими замѣтны были крайняя вѣжливость и дружелюбная привѣтливость; по обѣимъ же сторонамъ желѣзной дороги какъ въ Пруссіи, такъ особенно въ Моравіи, стояли шпалерами толпы народа въ живописныхъ костюмахъ и привѣтствовали насъ криками: «виватъ Руссы!»

По прибытіи отряда въ Градишъ, полкъ нашъ былъ расположенъ въ деревнѣ Злехау; мнѣ досталась квартира въ крестьянской избѣ, въ одной комнатѣ съ хозяевами, которые очень радушно меня встрѣтили и угостили деревенскимъ обѣдомъ.

Нарѣчіе Моравовъ очень сходно съ Чешскимъ и для знающаго родственный съ нимъ Польскій языкъ удобопонятно; домашняя жизнь поселянъ напоминаетъ Малороссію.

II.

Послѣ двухдневной стоянки, отрядъ нашъ двинулся изъ Градиша по направленію къ Пресбургу, перешелъ Карпатскій хребетъ близъ мѣстечка Унсершъ-Брода, спустился въ предѣлы бывшаго Венгерскаго королевства и, пройдя нѣсколько большихъ городовъ, остановился неподалеку отъ Пресбурга.

Переходъ черезъ Карпаты совершился съ незначительными затрудненіями; съ семи часовъ утра и до четырехъ по полудни отрядъ по прекрасной хотя и крутой дорогѣ подымался вверхъ; черезъ каждые два часа дѣлали получасовой отдыхъ. При этомъ страдали однѣ несчастныя артилерійскія лошади: подъ каждое орудіе впрягалось по шестнадцати лошадей, которыя, дотащивъ его до мѣста отдыха, возвращались за другимъ орудіемъ и т. д.

Когда мы взошли на самую вершину хребта и сдѣлали, въ небольшой рощѣ, послѣдній привалъ, то передъ нами открылся замѣчательный и далекій видъ на Венгерскія степи. Клонящееся къ закату солнце ярко освѣщало противоположный скатъ горнаго хребта, усѣянный, какъ звѣздами, безчисленнымъ множествомъ крошечныхъ родниковъ, отъ одного до трехъ вершковъ въ діаметрѣ; всѣ они, отъ солнечныхъ лучей, блестѣли какъ бриліанты, а вытекающія изъ нихъ хрустальныя струйки, извиваясь по скату горы серебристыми шнурками, образовывали у подошвы порядочную горную рѣчку.

Сойдя на равнину, отрядъ расположился на ночлегъ въ ближайшей Словацкой деревнѣ. Тутъ мы увидѣли первые признаки войны: бо́льшая половина деревни была сожжена, да и другая полуразрушена Венгерцами. Хотя это непріятно насъ поразило, но радушный пріемъ и знакомая Славянская рѣчь бѣдныхъ жителей деревни обрадовали насъ; офицеры всѣхъ полковъ и батарей сдѣлали складчину и вручили старшинѣ деревни нѣсколько сотъ рублей, для раздачи ограбленнымъ жителямъ.

Такъ какъ было еще довольно рано, то я взялъ удочку и пошелъ на рѣчку, гдѣ поймалъ десятка два первый разъ видѣнныхъ мною небольшихъ форелей, которыхъ тамъ водилось множество; въ прозрачныхъ струяхъ быстрой рѣченки видны были цѣлыя миріады этой красивой усѣянной фіолетовыми звѣздочками рыбки.

На сколько помню, первый встрѣченный на пути Венгерскій городъ назывался Кашау; по его широкимъ и красивымъ улицамъ отрядъ прошелъ церемоніальнымъ маршемъ, мимо выѣхавшаго намъ на встрѣчу будущаго нашего главнокомандующаго, генералъ-фельдцейг-

мейстера Австрійской имперіи, Гайнау [1]). Во всѣхъ окнахъ домовъ, на балконахъ и даже на крышахъ, тѣснилось множество зрителей, первый разъ видѣвшихъ Русскія войска; между ними было много военныхъ, которые, во время нашего прохожденія, часто повторяли слово: «фрейлихъ».

III.

Въ городъ Пресбургъ отрядъ не вошелъ, а остановился бивуакомъ поблизости на обширной зеленой равнинѣ.

Разсѣвшись на барабанахъ, еще не привыкшіе къ неудобствамъ войны, мы призадумались о томъ, какъ проведемъ ночь и что̀ будетъ съ нами, если польетъ дождь. Отъ одной этой мысли становилось жутко; но врожденная сметка Русскаго солдата разрѣшила наши недоумѣнія: едва была снята амуниція, какъ толпы солдатъ бросились на сосѣднія маисовыя нивы и спустя четверть часа возвратились навьюченные кукурузными стеблями [2]), изъ которыхъ сначала офицерамъ, а потомъ и себѣ построили дома въ формѣ трапецій, гдѣ можно было не только лежать, но даже и сидѣть. Мы только наблюдали за правильностью линій и шириной улицъ; въ два часа городъ былъ готовъ, и жители, въ ожиданіи обѣда, расположились по домамъ отдыхать. Бивуакъ, днемъ и ночью, охраняла густая цѣпь часовыхъ, не позволявшихъ никому изъ постороннихъ лицъ проникать внутрь его; но дежурнымъ по цѣпи офицерамъ разрѣшено было дозволять лицамъ высшаго общества осматривать бивуакъ въ ихъ сопровожденіи. Спустя недѣлю послѣ нашего прибытія, я былъ дежурнымъ по цѣпи и, повѣряя часовыхъ, замѣтилъ, между множествомъ окружавшихъ ее любопытныхъ жителей города, группу изъ нѣсколькихъ дамъ, одного штатскаго мужчины и одного Австрійскаго штабъ-офицера. Сей послѣдній, приближаясь къ цѣпи, отдалъ мнѣ военную честь, на которую я отвѣчалъ тѣмъ же; онъ попросилъ, на Польскомъ языкѣ, позволенія осмотрѣть бивуакъ вмѣстѣ съ своими дамами, на что̀ я охотно согласился, велѣлъ ихъ пропустить и повелъ по импровизированнымъ улицамъ отряда. Всѣхъ моихъ гостей было около пятнадцати человѣкъ.

---

[1]) Баронъ Юлій-Яковъ Гайнау (Haynau) род. 14 Окт. 1786 г., умеръ 1853 г. Былъ вызванъ своимъ императоромъ изъ Италіи, гдѣ отличался какъ военными способностями, такъ и жестокостью. Ю. Б.

[2]) Стебли кукурузы такъ высоки, что среди нихъ свободно можетъ укрыться всадникъ. См. интересный случай во время Венгерской кампаніи въ воспоминаніяхъ Д. П. Солнцова. XIX вѣкъ, I-я книга. Ю. Б.

Не зная ни одного изъ общеупотребляемыхъ иностранныхъ языковъ, я находился въ неловкомъ положенiи относительно объясненiй на предлагаемые вопросы, тѣмъ болѣе, что невѣжливый Австрiецъ весьма неохотно переводилъ ихъ на Польскiй языкъ; какъ вдругъ, одна изъ дамъ, молодая и красивая женщина, обратилась ко мнѣ съ вопросомъ на Словацкомъ нарѣчiи и, услыша мой отвѣтъ порусски, чрезвычайно обрадовалась, что можетъ непосредственно вести со мною разговоръ, и буквально закидала вопросами о Россiи, о солдатахъ и вообще о нашей военной жизни.—Музыка наша, по видимому, не произвела на посѣтителей особеннаго впечатлѣнiя; но за то полудикая мелодiя нашихъ горнистовъ и удалыя Русскiя пѣсни очень ихъ заинтересовали.

Между тѣмъ я распорядился, чтобы у моего шалаша былъ приготовленъ чай для посѣтителей и, благодаря помощи добрыхъ товарищей, снабдившихъ меня необходимымъ количествомъ чайной посуды, пригласилъ все общество откушать Русскаго чаю; вмѣсто столовъ служили вьюки, а барабаны исправляли должность стульевъ. Мои любезные гости находили все прекраснымъ, или по крайней мѣрѣ оригинальнымъ; приготовленный по-русски чай очень имъ понравился, а отъ моихъ пѣсельниковъ дамы были въ восторгѣ. Находившiйся въ числѣ гостей штатскiй мужчина, какъ оказалось истый Венгерецъ, предложилъ вопросъ, не нужно ли мнѣ размѣнять золото на Австрiйскiя ассигнацiи, на что́ я охотно согласился; но при расчетѣ между нами произошелъ споръ: я не соглашался принять за полуимперiалъ болѣе девяти гульденовъ (цѣна, установленная распоряженiемъ нашего начальства), а онъ хотѣлъ дать по 12, доказывая, что у нихъ въ коммерческомъ мiрѣ такой установился курсъ. Такъ мы и не сошлись, и онъ взялъ лишь одинъ полуимперiалъ на память, уплативъ за него 9 гульденовъ. На прощаньи всѣ гости вручили мнѣ свои визитныя карточки съ адресами и просили навѣстить ихъ въ Пресбургѣ; особенно усердно просили объ этомъ двѣ сестры Пальсовичъ, говорившiя со мной по словацки.

Проснувшись на другой день утромъ, я съ удивленiемъ замѣтилъ на вьюкѣ, замѣнявшемъ столъ, большое круглое блюдо, наполненное виноградомъ, персиками и абрикосами, вокругъ которыхъ по краямъ блюда лежалъ вѣнокъ изъ великолѣпныхъ махровыхъ и бѣлыхъ розъ, а на верху этой вкусной пирамиды къ огромному персику приколота была записка на Нѣмецкомъ языкѣ, выражавшая благодарность за угощенiе всѣхъ посѣтившихъ меня наканунѣ лицъ.

IV.

Въ тотъ же день вечеромъ въ дневномъ приказѣ по полку объявлялось, что въ слѣдующее Воскресенье, то-есть черезъ два дня, Австрійскіе офицеры приглашаютъ всѣхъ Русскихъ офицеровъ отряда на обѣдъ и балъ, и потому предписывалось оставить въ бивуакѣ на каждый батальонъ по одному изъ менѣе развитыхъ офицеровъ, остальнымъ же разрѣшалось воспользоваться приглашеніемъ союзниковъ. Можно себѣ представить, какъ всѣ мы обрадовались случаю побывать въ городѣ, да еще и на балу, и съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали вожделѣннаго Воскресенья! Наконецъ оно настало, и мы, нарядившись въ парадную форму, двинулись кто верхомъ, кто пѣшкомъ, а большинство на артельныхъ повозкахъ, въ эту упраздненную столицу Венгерскаго королевства.

Городъ Пресбургъ расположенъ на берегу Дуная и окруженъ съ трехъ сторонъ амфитеатромъ Карпатскихъ горъ; его прямыя и широкія улицы вымощены каменными плитами и окаймлены широкими гранитными тротуарами; дома почти всѣ новой конструкціи, по крайней мѣрѣ на главныхъ улицахъ, и только нѣкоторыя предмѣстья напоминаютъ готическую архитектуру Кракова; населеніе города смѣшанное и по преимуществу Нѣмецкое.

Мы остановились у громаднаго зданія и взошли по мраморной лѣстницѣ въ первый этажъ; изъ передней лакей провелъ насъ въ огромный залъ, по срединѣ котораго во всю длину установлены были въ два ряда тропическія растенія, образовавшія такимъ образомъ отъ входной двери до противуположной стѣны зеленую алею. Въ концѣ ея на возвышеніи сидѣли три особы, а именно: генералъ Гайнау, генералъ Панютинъ и между ними, какъ представительница фельдмаршала Радецкаго (находившагося въ то время въ Италіи) его родная дочь. По обѣимъ сторонамъ алеи уставлено было множество столовъ, за которые и разсадили насъ въ перемежку съ Австрійцами; вокругъ зала подъ потолкомъ красовалась изящная галерея, и на двухъ ея противуположныхъ концахъ играли два хора музыки, остальное пространство было наполнено дамами.

Обѣдъ, разумѣется, былъ великолѣпный. Нѣмцы угощали насъ радушно, и все шло въ порядкѣ, пока не начались тосты. Первый тостъ генералъ Гайнау, послѣ спича на Нѣмецкомъ языкѣ, предложилъ за здоровье императора Николая Павловича; второй генералъ Панютинъ провозгласилъ за императора Франца-Іосифа; затѣмъ слѣдовали тосты за фельдмаршаловъ Паскевича и Радецкаго, генераловъ Гайнау и Па-

нютина; при каждомъ изъ этихъ тостовъ оба хора музыки играли тушъ, Русскіе кричали ура, Австрійцы виватъ! и дамы на галереѣ били въ ладоши и махали бѣлыми платками. Пришла наконецъ очередь тоста за присутствовавшаго на обѣдѣ славнаго храбростію и великодушіемъ Австрійскаго генерала Шлика [1]); тутъ Австрійскіе офицеры пришли въ экстазъ, бросились къ Шлику, подняли его на руки и понесли вокругъ зала съ криками: «виватъ нашъ храбрый Шликъ»; увлеченные примѣромъ, мы также подхватили Панютина и составили вторую процесію. Такимъ образомъ одинъ Гайнау остался простымъ зрителемъ воздаваемой заслугамъ другихъ чести, и тутъ-то зародилась въ его жестокой душѣ первая искра ненависти къ Шлику.

О Шликѣ въ послѣдствіи мы слыхали много анекдотовъ, какъ отъ Австрійскихъ, такъ и отъ плѣнныхъ Венгерскихъ офицеровъ; изъ нихъ особенно замѣчателенъ слѣдующій, почти невѣроятный разсказъ. Во время первой вспышки революціи, сынъ Шлика находился съ полкомъ, въ которомъ служилъ офицеромъ, въ Пештѣ; полкъ этотъ весь былъ вырѣзанъ Венгерцами, въ томъ числѣ погибъ и молодой Шликъ; но этого мало: фанатики - революціонеры изрубили его тѣло, зашили въ кожаный мѣшокъ и отправили по почтѣ къ отцу, въ видѣ казенной посылки. Получивъ этотъ сюрпризъ, несчастный Шликъ долго стоялъ молча надъ остатками сына; лишь два ручья слезъ на его мужественномъ лицѣ служили доказательствомъ душевной скорби; наконецъ, онъ произнесъ слѣдующія достопамятныя слова: «несчастный народъ потерялъ всякое чувство чести и человѣколюбія». Не смотря на этотп несчастный случай, ни одинъ изъ отрядныхъ начальниковъ Австрійскихъ войскъ не былъ въ послѣдствіи такъ добръ и ласковъ съ плѣнными Венгерцами, какъ Шликъ.

О храбрости его также ходило много разсказовъ; изъ нихъ одинъ, по сходству съ защитой Термопилъ, остался въ моей памяти. Шликъ, также какъ и Леонидъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи только триста храбрецовъ и съ ними защищалъ мостъ чрезъ какую-то рѣку, въ теченіе трехъ сутокъ, противъ большихъ Венгерскихъ силъ. Доказательствомъ же его личной храбрости въ этомъ дѣлѣ служитъ то, что онъ оставилъ въ немъ одинъ свой глазъ [2]).

Наружность этого замѣчательнаго человѣка внушала невольное уваженіе; высокій ростъ, широкія плечи, выпуклая грудь, умное высо-

---

[1]) Графъ Францъ фонъ-Шликъ р. 23 Мая 1789 года въ Прагѣ † 17 Марта 1862 года. Ю. Б.

[2]) О потерѣ Шликомъ праваго глаза существуетъ иной разсказъ: говорятъ, что ему выкололъ его Русскій казакъ, застигнутый имъ на грабежѣ. Ю. Б.

кое чело, длинные черные усы и черная же повязка на правомъ глазу, представляли суровыя черты закаленнаго въ бояхъ воина, и только ласковая, откровенная улыбка служила выраженіемъ его безконечно доброй души, снискавшей ему любовь и уваженіе не только Австрійцевъ и Русскихъ, но даже Венгерцевъ; послѣдніе говорили, что это единственный достойный уваженія человѣкъ изъ всей Австрійской арміи.

V.

По окончаніи обѣда столы и прочія его принадлежности были быстро убраны; дамы начали сходить съ галереи, и начался балъ; но я предпочелъ ему визитъ къ сестрамъ Пальсовичъ. Выйдя на улицу, я взялъ извощика и отправился по адресу на набережную Дуная. При входѣ въ домъ встрѣтившій лакей проводилъ меня во второй этажъ, гдѣ приняло меня какое-то почтенное духовное лицо, съ большимъ золотымъ крестомъ на груди; оказалось, что это родной дядя моихъ знакомокъ, имѣвшихъ помѣщеніе этажемъ ниже. Старикъ зналъ также Словацкое нарѣчіе и объявилъ, что племянницы его находятся на нашемъ балу; когда же я хотѣлъ возвратиться туда, то онъ на это не согласился, а послалъ человѣка пригласить ихъ домой.

Въ ожиданіи ихъ возвращенія, мы вели со старикомъ пріятную бесѣду о Россіи, Австріи и въ особенности о разницѣ между католическимъ и православнымъ вѣроисповѣданіемъ; въ этомъ отношеніи умный каноникъ не былъ вовсе фанатикомъ, а держался того мнѣнія, что всѣ христіанскія исповѣданія равно хороши, лишь бы только люди строго выполняли ихъ уставы. При этомъ старикъ вручилъ мнѣ нѣсколько десятковъ металическихъ иконокъ, для раздачи нижнимъ чинамъ.

Черезъ полчаса пріѣхали и наши милыя дамы, но не однѣ, а съ цѣлой толпой знакомыхъ, вѣроятно желавшихъ приглядѣться поближе къ Русскому варвару. Послѣднее обстоятельство испортило удовольствіе свиданія и, несмотря на искреннее радушіе и привѣтливость хозяекъ, присутствіе столькихъ постороннихъ лицъ, слѣдившихъ за малѣйшимъ моимъ движеніемъ, очень меня стѣсняло, что̀ наконецъ я откровенно высказалъ канонику, и непрошенные гости, были подъ благовиднымъ предлогомъ, удалены. Послѣ этого между нами завязалась такая интересная бесѣда, что всѣ удивились, когда стѣнные часы пробили полночь. Послѣ ужина я простился съ моими добрыми знакомыми, давъ обѣщаніе посѣщать ихъ какъ можно чаще, а такъ какъ на другой день послѣдовало разрѣшеніе офицерамъ бывать въ городѣ по

своимъ надобностямъ, то я, разумѣется, не пропускалъ случая исполнить свое обѣщаніе.

Вскорѣ послѣ нашего знакомства, къ Пальсовичамъ пріѣхала изъ провинціи одна пожилая Нѣмка, съ семнадцати-лѣтней племянницей, на которой проказницы-сестры вздумали меня женить, и такъ какъ Нѣмка не знала Славянскихъ языковъ, а я Нѣмецкаго, то свахамъ легко было увѣрить, что мы другъ другу очень понравились; добились также согласія и богатой тетки, съ однимъ лишь условіемъ, чтобы послѣ свадьбы я оставилъ службу и по заграничнымъ паспортамъ жилъ при ней, а послѣ ея смерти, получу все ея имущество, состоящее изъ нѣсколькихъ каменныхъ домовъ и виноградниковъ и могу съ женой ѣхать, куда мнѣ угодно. Хотя на условія эти я не вполнѣ соглашался, но насъ все-таки обручили, и потомъ моя сентиментальная Нѣмочка всегда встрѣчала и провожала меня слезами, что́, признаюсь, меня, двадцати-трехъ-лѣтняго жениха, очень трогало, и кто знаетъ, еслибъ это подольше продолжалось, можетъ наша бы свадьба и состоялась; но увы! враждебныя стихіи, въ видѣ холеры и войны, развѣяли весь грандіозный планъ добрѣйшихъ сестрицъ.

Пресбургъ былъ выбранъ для расположенія нашего отряда, какъ пунктъ, съ котораго было удобно направить его въ ту точку собственно-Австрійской границы, которой больше всего будетъ угрожать непріятель, въ ожиданіи чего отрядъ простоялъ подъ Пресбургомъ около трехъ недѣль, пока атаковавшая насъ холера не поколебала тактики Австрійскихъ властей. Заболѣвало въ день по пятидесяти человѣкъ изъ полка и, въ теченіе трехъ дней, всѣ Пресбургскія больницы наполнились Русскими страдальцами. Ходили слухи, что Венгерцы отравили воду въ колодцахъ, находящихся въ расположеніи отряда; но это кажется вздоръ, потому что болѣзнь имѣла всѣ признаки холеры. Страннымъ только казалось то, что жителей города эпидемія не коснулась. Наконецъ, отрядъ нашъ вывели за нѣсколько верстъ въ горы, въ небольшой городокъ Пезингъ; по прибытіи куда эпидемія тотчасъ же прекратилась.

Прощанье мое съ знакомыми, какъ и слѣдовало ожидать, было очень чувствительное: всѣ плакали; невѣста, разумѣется, больше другихъ. Каноникъ окропилъ меня святой водой и благословилъ чугуннымъ крестикомъ съ распятіемъ очень тонкой работы; а его племянницы рыдали, какъ по покойникѣ, въ увѣренности, что Венгерцы въ первой же битвѣ весь нашъ немногочисленный отрядъ сотрутъ съ лица земли. Вы не знаете—говорили онѣ—что это за храбрецы: они въ два мѣсяца уничтожили болѣе ста тысячъ Австрійскихъ войскъ; что же для нихъ значитъ одна ваша дивизія! Моему же отвѣту, что и

Русскія войска по храбрости не послѣднія въ Европѣ, онѣ не придавали никакого значенія. Послѣ всѣхъ этихъ нѣжныхъ сценъ и взаимнаго обѣщанія вести переписку, меня проводили до заставы, гдѣ мы и разстались.

VI.

Семидневное пребываніе въ Пезингѣ памятно для меня лишь прекрасными горными видами и одной охотой, устроенной для насъ жителями, на которой пало отъ Русскихъ выстрѣловъ нѣсколько десятковъ оленей, даніелей, дикихъ козъ и два вепря.

Въ одно утро, отрядъ нашъ внезапно спустился съ горъ и двинулся въ обширныя Венгерскія степи: оказалось, что Гёргей съ тридцатипятитысячнымъ корпусомъ напалъ на оберегавшій границу небольшой Австрійскій отрядъ, разбилъ его и преслѣдуетъ по направленію къ Вѣнѣ.

Мы шли форсированнымъ маршемъ, то-есть безъ ночлеговъ, съ одними привалами; для продовольствія же нижнихъ чиновъ высылались впередъ, подъ прикрытіемъ Австрійскихъ шволежеровъ (въ родѣ нашихъ уланъ) артельныя повозки; впрочемъ, отряду рѣдко удавалось застать пищу совсѣмъ готовою: довольствовались и полусваренною.

На третій день марша къ намъ началъ долетать отдаленный гулъ пушечныхъ выстрѣловъ, а часовъ въ пять по полудни, когда отрядъ расположился обѣдать, изъ виднѣвшейся вдали деревни показались бѣгущіе въ безпорядкѣ Австрійцы; въ одно мгновеніе отрядъ вскочилъ на ноги, построился, и нижніе чины, не ожидая команды, начали заряжать ружья съ криками: «Кошутъ! Кошутъ!»

Грустное зрѣлище представляло бѣжавшее отъ непріятелей войско; по степи, насколько глазомъ можно обнять, бѣжали въ одиночку пѣхота и кавалерія, а кое-гдѣ тащилась на одной или двухъ лошадяхъ пушка; на самомъ же горизонтѣ виднѣлись стройныя колонны Венгерскихъ гусаръ, которые гнали этихъ бѣглецовъ.

Построившись въ боевой порядокъ, мы немедленно двинулись къ мѣсту сраженія; замѣтя это, Венгерскія войска начали медленно отступать и вскорѣ скрылись въ деревнѣ. Наступательное движеніе отряда и отступленіе, въ виду нашемъ, Венгерцевъ, продолжались до сумерекъ; наконецъ, въ деревнѣ Перетѣ Венгерцы укрѣпились, а мы вынуждены были остановиться на совершенно ровной, ничѣмъ не защищенной, мѣстности, и только лѣвый нашъ флангъ упирался въ лѣсъ, идущій перпендикулярно къ непріятельскому правому флангу; наравнѣ же съ деревней лѣсъ загибался подъ прямымъ угломъ и примыкалъ

плотно къ ней; не начиная непріязненныхъ дѣйствій, обѣ стороны расположились на ночлегъ.

Здѣсь я нахожу нелишнимъ перечислить части нашего отряда. Его составляли пѣхотные полки: 8-й дивизіи графа Дибича Забалканскаго и 9-й дивизіи Сѣвскій, Брянскій и графа Паскевича-Эриванскаго, и четыре полевыя батареи; въ теченіи ночи къ отряду присоединились полкъ Австрійскихъ шволежеровъ, нѣсколько сотъ пѣхоты и одна кавалерійская полу-батарея. Весь отрядъ, значительно уменьшенный холерой и другими болѣзнями, составлялъ не болѣе двѣнадцати тысячъ, тогда какъ въ корпусѣ Гёргея числилось болѣе тридцати тысячъ.

VII.

Итакъ до начала битвы намъ осталась еще цѣлая ночь тягостнаго ожиданія, а чтобы нѣсколько смягчить его подавляющее дѣйствіе, позволю себѣ разсказать замѣчательный случай предчувствія.

Года за четыре передъ Венгерской войной, я, въ то время новоиспеченный прапорщикъ, прибылъ въ полкъ и былъ зачисленъ въ 6-ю роту, которою командовалъ капитанъ Раковичъ, Волынякъ, Украинофилъ, прекрасный товарищъ и по тогдашнему паркетный офицеръ. Онъ очень обрадовался моему прибытію и радушно предложилъ поселиться въ одной съ нимъ квартирѣ.

Наша рота стояла въ небольшомъ мѣстечкѣ Гродненской губерніи, по названію Рось, принадлежавшемъ тутъ же проживавшей графинѣ Н., съ которой Раковичъ былъ знакомъ лишь формально, избѣгая частыхъ посѣщеній, хотя графиня и желала болѣе съ нимъ сблизиться; за то домъ школьнаго учителя Витковскаго пришелся ему по нраву, и онъ посѣщалъ его почти ежедневно. Семейство это состояло изъ матери, добрѣйшей и умной женщины, ея сына Казимира, школьнаго учителя, двухъ дочерей, молодыхъ дѣвушекъ, и невѣстки, тридцатилѣтней, миловидной и высокообразованной дамы. Отличительной чертой всѣхъ членовъ семейства была беззавѣтная доброта, и мы съ Раковичемъ въ этомъ миломъ домѣ просто блаженствовали; я, разумѣется, тотчасъ же влюбился въ старшую изъ дѣвушекъ и, встрѣтя сочувствіе, былъ на седьмомъ небѣ; но Раковичъ держалъ себя почти со всѣми равно любезно, никому не отдавая предпочтенія. Я сказалъ *почти*, потому что была одна личность, рѣзкое и саркастическое обхожденіе съ которой Раковича казалось мнѣ просто непонятнымъ; это была, часто посѣщавшая Витковскихъ, воспитанница графини Н...., по имени Марія, дѣвушка лѣтъ двадцати, очень милая

и красивая блондинка, съ большими голубыми глазами и съ печатью душевныхъ страданій на лицѣ. На всѣ мои вопросы относительно такого страннаго и несвойственнаго его характеру обхожденія съ этой дѣвушкой, Раковичъ не давалъ никакихъ объясненій и просилъ никогда къ нему за ними не обращаться.

Среди полнаго упоенія засталъ насъ неожиданно роковой приказъ выступать въ Царство Польское. Всю послѣднюю ночь мы провели у Витковскихъ; когда настала минута отъѣзда, все семейство, а съ нимъ и панна Марія, несмотря на мятель, вышло на крыльцо насъ провожать. Перецѣловавъ ручки всѣхъ дамъ и обнявъ Витковскаго, я, съ рыданіями, бросился въ санки; Раковичъ, также взволнованный, но съ принужденной улыбкой, нѣжно простился со всѣми, кромѣ несчастной панны Маріи, на которую даже не взглянулъ, и направился къ санямъ; но тутъ, наконецъ и она, всегда молчаливая, отозвалась:—А со мной, господинъ Раковичъ, не хотите проститься?

— Не вижу надобности, былъ отвѣтъ. Выведенная изъ терпѣнія дѣвушка, выйдя впередъ и поднявъ съ угрозой правую руку, сказала:— Пусть же тебя не минуетъ первая вражья пуля!

— Ха! ха! ха! Если бы Богъ слушалъ всѣ глупыя женскія проклятія, то на свѣтѣ не осталось бы ни одного мужчины. Сказавъ это, Раковичъ сѣлъ въ сани, и мы помчались въ путь.

Но веселый до послѣдней минуты, командиръ мой забился въ уголъ крытыхъ саней и не отвѣчалъ ни слова на мои вопросы; въ полутьмѣ я замѣтилъ нервныя вздрагиванія его груди, доказывавшія, что спутникъ мой не былъ вовсе такъ равнодушенъ къ оставшимся, какъ хотѣлъ казаться. На другой день, когда мы оба нѣсколько успокоились, онъ наконецъ передалъ мнѣ, какія между нимъ и оставленной дѣвушкой существовали отношенія. Люблю эту дѣвушку всѣми силами моей души, но жениться на ней не могу, потому что далъ обѣщаніе умирающей матери жениться на дальней родственницѣ; но что̀ вы сдѣлаете съ глупой слабостью человѣческой натуры? Прошлою зимой я первый разъ встрѣтилъ Марію у Витковскихъ, и она произвела на меня неотразимое впечатлѣніе. Сама Марія горячо ко мнѣ привязалась, и до конца зимы мы безразсудно наслаждались; но на лѣто полкъ выступилъ въ Вильну въ лагерь, гдѣ труды и заботы службы наконецъ отрезвили меня на столько, что, возвращаясь на вторую зиму въ Рось, я рѣшился, во что бы ни стало, прервать мои отношенія съ Маріей и исполнить обѣщаніе, данное покойной матушкѣ. При первомъ свиданіи я откровенно высказалъ ей, какой на мнѣ лежитъ священный долгъ и просилъ, безъ всякихъ сценъ, разойтись со мной; но она не поняла моихъ сомнѣній и, приписывая ихъ охлажденію любви къ ней, начала

плакать и упрекать меня въ невѣрности. Тогда я рѣшился заглушить мое чувство, представить себя въ ея мнѣніи жестокимъ негодяемъ и ѣмъ возбудить презрѣніе къ себѣ, увѣривъ себя, что это послужитъ къ ея же благополучію: убѣдившись, думалъ я, въ моихъ дурныхъ качествахъ, она забудетъ прошлое и выйдетъ замужъ за другаго. Черезъ полгода послѣ выступленія нашего изъ Роси, я получилъ письмо отъ молодой Витковской, въ которомъ, между прочимъ, она извѣщала, что, Марія, въ день разлуки съ Раковичемъ, заболѣла опаснымъ аневризмомъ, который назадъ тому нѣсколько дней свелъ ее въ могилу!

Письмо это я неосторожно далъ прочесть Раковичу, не предполагая, что оно произведетъ на него такое сильное дѣйствіе. По прочтеніи извѣстія о смерти Маріи, онъ зашатался и упалъ безъ чувствъ на полъ; хотя полковой медикъ, послѣ долгихъ усилій и привелъ его въ сознаніе, но Раковичъ все-таки пролежалъ въ горячкѣ около двухъ мѣсяцевъ и всталъ уже совершенно непохожимъ на прежняго веселаго и милаго товарища, а сдѣлался угрюмъ и началъ избѣгать всякаго общества.

Такъ протекло четыре года; но время оказалось безсильнымъ противъ безнадежной скорби Раковича, и вотъ, наканунѣ нашей первой битвы, я замѣтилъ его одиноко сидящимъ на барабанѣ въ глубокой задумчивости. Я подошелъ къ своему бывшему начальнику и спросилъ что́ съ нимъ. Раковичъ вздрогнулъ, взглянулъ на меня и, не отвѣчая на вопросъ, произнесъ:—Вы думаете, что сюда пришли добровольно.

— По крайней мѣрѣ, меня никто не велъ.

— Ошибаетесь: васъ привела сюда судьба.

— Зачѣмъ?

— Затѣмъ, чтобы я сказалъ вамъ, что завтра исполнится проклятіе Маріи.

Я принудилъ себя засмѣяться.

— Не смѣйтесь прежде времени; засмѣетесь, если достанетъ духу, послѣ сраженія, на моихъ похоронахъ.

— Послушайте, Николай Григорьевичъ! Вы слишкомъ строго себя осудили; тамъ, куда мы готовимся предстать, судятъ иначе, чѣмъ на землѣ; тамъ принимаютъ во вниманіе не только наши проступки, но и побужденія къ нимъ. Но оставимъ этотъ тяжелый разговоръ, а лучше приготовимся къ случайностямъ войны; я первый прошу васъ, въ случаѣ моей смерти, увѣдомить объ этомъ мою старушку-мать (тутъ я сказалъ адресъ); сообщите также и Витковскимъ.

— Исполню, если предчувствіе меня обманетъ.

— А вы какое дадите мнѣ порученіе?

— Моя особа никого въ мірѣ не интересуетъ; было одно существо, искренно ко мнѣ привязанное, но я убилъ его собственной рукой; помолитесь за мою грѣшную душу: вотъ и все мое завѣщаніе.

— Даю вамъ слово включить ваше имя въ свои ежедневныя молитвы.

Раковичъ протянулъ руку, и первыя быть можетъ слезы оросили его мужественное лицо; мы обнялись, поцѣловались и разстались.

VIII.

Возвратясь передъ свою роту, я отыскалъ ложбинку, подложилъ подъ голову солдатскій ранецъ и крѣпко заснулъ.

— Ваше благородіе! Ваше благородіе!

— Что?

— Каша готова.

И заботливый деньщикъ подставилъ къ моимъ губамъ манерку съ теплой кашицей. Былъ уже разсвѣтъ, отрядъ зашевелился, пріѣхала Австрійская полубатарея и помѣстилась въ интервалѣ, между нашимъ и Эриванскимъ полками. Съ восходомъ солнца, 9-го Іюня, грянуло наше батарейное орудіе; въ отвѣтъ на это привѣтствіе, по всей непріятельской линіи заклубился дымъ, раздался громъ и зашипѣли ядра; началась канонада, продолжавшаяся безъ перерыва до полудня. Сначала я былъ относительно спокоенъ; но когда ядро ударило въ нашу колонну, черезъ два ряда отъ меня и, пронизавъ болѣе десяти солдатъ, навалило груды человѣческаго мяса, мною овладѣлъ ужасъ. Къ счастію, подошедшій товарищъ Кавказецъ, своимъ хладнокровіемъ, возвратилъ и мнѣ бодрость; онъ для развлеченія предложилъ пройтись между колонами полка. Во время этой прогулки, я замѣтилъ Раковича и подошелъ къ нему со словами: —Ну что, Николай Григорьевичъ, не говорилъ ли я, что ваше предчувствіе не оправдается: уже сотни пуль пролетѣли, а васъ ни одна не задѣла.

— Погодите, угрюмо отвѣчалъ онъ, это еще не пули, а ядра.—Ну вотъ выдумали, не все ли равно?

Мы вышли передъ фронтъ и засмотрѣлись на кавалерійскую атаку Венгерскихъ гусаръ, которые, замѣтя, что одна изъ нашихъ батарей, поврежденная ихъ ядрами, смѣняется другой, воспользовались минутой и помчались въ атаку на этотъ пунктъ. На встрѣчу имъ поскакали безпорядочной толпой шволежеры; произошла стычка, Австрійцы смѣшались еще болѣе и повернули назадъ; но въ это время, занявшая уже позицію, новая батарея осыпала атакующихъ такимъ дождемъ

картечи, что они вынуждены были быстро отступать, сохраняя впрочемъ примѣрный строй.

Между тѣмъ, посланный въ обходъ, Брянскій полкъ съ 7-ой батареей къ полудню занялъ позицію противъ лѣваго непріятельскаго фланга и открылъ, вдоль его фронта, убійственный огонь; въ тоже время нашъ полкъ, построившись въ ротныя колоны и выславъ впередъ стрѣлковъ, двинулся съ музыкой въ атаку на правое крыло Венгерцевъ, занимавшее лѣсъ; въ интервалы между колонами выскакивали впередъ орудія, поддерживая насъ своими выстрѣлами; но Венгерская артилерія уже снялась съ позиціи и начала переправу за рѣку Ваагъ, находившуюся позади ихъ линіи. Долго противъ насъ не было сдѣлано ни одного выстрѣла; но когда цѣпь подошла къ лѣсу на 150 шаговъ, весь лѣсъ заблестѣлъ мелкими огоньками, и насъ осыпали ружейныя пули; однимъ изъ первыхъ раненыхъ былъ Раковичъ, хотя его рота находилась во второй линіи.

Въ пятидесяти шагахъ отъ лѣсу цѣпь остановилась; наша первая линія, подойдя къ ней, тоже; вторая нажала первую. Составилась плотная неподвижная масса, въ которую непріятель стрѣлялъ, какъ въ огромную мишень. Причиной остановки оказалась канава, вырытая Венгерцами въ теченіи ночи, вдоль всего ихъ фронта; канава была шириной и глубиной въ полторы сажени. Всѣ начальники растерялись, но присутствіе духа капитана Алферова спасло полкъ отъ потерь и стыда: онъ бросился въ канаву, съ крикомъ ура! за нимъ послѣдовало еще нѣсколько офицеровъ, а за ними солдаты; послѣдніе, съ свойственной Русскимъ сметкой, мигомъ устроили лѣстницы изъ ружей, воткнувъ ихъ штыками въ противоположный откосъ рва, одно выше другаго, а приклады положивъ на свои плечи, по которымъ сначала офицеры, а за ними и солдаты начали выбираться на ту сторону.

Капитанъ Алферовъ былъ личностью, отъ которой нельзя было ожидать храбрости, всегда полубольной, мнительный, брюзга, вѣчно стонущій и ничѣмъ недовольный, онъ, казалось, скорѣе годился въ гражданскіе чиновники, чѣмъ въ боевые офицеры; а между тѣмъ, еще въ началѣ канонады, подъ нимъ ядро убило лошадь, на которой, какъ исправлявшій должность младшаго штабъ-офицера, онъ сидѣлъ впереди фронта; оно ударило такъ близко отъ его ноги, что даже разорвало брюки; лошадь грохнулась о землю, а сѣдокъ черезъ ея голову отлетѣлъ на нѣсколько аршинъ впередъ и растянулся плашмя на пескѣ. Все это случилось въ десяти шагахъ отъ насъ, и мы съ Кавказцемъ перекрестились, причемъ послѣдній громко сказалъ:

— Царство Небесное пошли ему, Господи!

— Погодите хоронить, для меня еще тамъ квартира не занята, отвѣчалъ подымающійся Алферовъ и принялся, съ помощью двухъ унтеръ-офицеровъ, разсѣдлывать мертвую лошадь, браня при этомъ Венгерцевъ, что не умѣютъ попадать въ людей, а убиваютъ бѣдныхъ неповинныхъ животныхъ. Подъѣхавшій командиръ полка спросилъ, не раненъ ли капитанъ и разрѣшилъ ему, какъ не командующему частью, удалиться за фронтъ.

— Благодарю васъ, полковникъ; но это дурачье не умѣютъ попадать въ людей; и я лучше останусь здѣсь: авось на что нибудь пригожусь, отвѣчалъ брюзга.

IX.

Когда я выбрался изъ канавы, то, полуобратясь къ своимъ, сталъ поощрять роту къ быстрѣйшей переправѣ. Но взглянувъ въ сторону враговъ, я замѣтилъ, что изъ за ближайшаго дерева ружейный стволъ направляется прямо въ мою грудь; едва я мысленно произнесъ «Господи помилуй», какъ ружье быстро опустилось, а съ нимъ вмѣстѣ повалился и его обладатель, Венгерскій сержантъ. Унтеръ-офицеръ моей роты, находясь по ту сторону канавы, замѣтилъ умыселъ врага и успѣлъ убить его прежде, чѣмъ тотъ выстрѣлилъ; за это потомъ онъ получилъ крестъ Св. Георгія. Съ крикомъ ура! бросились мы на Венгерцевъ, но они не выдержали напора и побѣжали отъ насъ въ разсыпку по лѣсу, а наши солдаты пустились въ погоню и пойманныхъ вели обратно.

За однимъ изъ уходившихъ одновременно погнались солдатъ 5-й роты и Австрійскій пѣхотинецъ; послѣдній уже готовился пырнуть штыкомъ Венгерца, но нашъ солдатъ оттолкнулъ его ружье въ сторону, со словами: «за что его колоть-то? вишь у него и ружьишка-то нѣту въ рукахъ», поймалъ уходившаго и повелъ назадъ.

Между тѣмъ мы быстро углублялись въ лѣсъ; 6 рота составляла лѣвый край атакующей линіи. За криками ура! и ружейными выстрѣлами, я не слыхалъ, поданнаго съ праваго фланга, сигнала прекратить атаку, и разбѣжавшаяся по лѣсу рота моя очутилась одна; всѣ прочія роты по сигналу собрались и ушли вправо. Замѣтя это, я приказалъ барабанщику бить сборъ, но едва возлѣ меня собралось около сотни нижнихъ чиновъ, какъ насъ окружили три большія непріятельскія колоны пѣхоты. Сначала я принялъ ихъ за Австрійцевъ, обмундировка которыхъ отличалась отъ Венгерской лишь бѣлыми повязками на киверахъ, и только когда они начали стрѣлять и ранить моихъ людей, понялъ, что это враги. Впрочемъ стрѣльба ихъ производилась весьма

страннымъ образомъ: изъ колонны выходило впередъ два-три стрѣлка, которые, послѣ продолжительнаго прицѣла, стрѣляли и потомъ уходили обратно во фронтъ, замѣняемые другими.

Устроивъ кое-какъ развернутый фронтъ, я открылъ по нимъ пальбу шеренгами; первые выстрѣлы направлены были на колонну, заслонившую мнѣ сообщеніе съ своими, и она, послѣ двухъ залповъ, побѣжала въ безпорядкѣ; вторая также не выдержала больше двухъ залповъ, а третья ушла, не ожидая своей очереди.

Между тѣмъ ко мнѣ на помощь уже бѣжалъ нашъ 2-й баталіонъ и хотя не поспѣлъ во время, но командиръ его маіоръ Б. и офицеры видѣли исходъ моихъ дѣйствій и отъ души поздравили съ побѣдой.

Всѣхъ убитыхъ и раненыхъ въ этой стычкѣ рота потеряла 23 человѣка; за то были сбережены и приведены къ отряду 30 плѣнныхъ, еще прежде взятыхъ ротой. На пути къ отряду, насъ встрѣтилъ верхомъ личный мой врагъ, полковой адъютантъ, и объявилъ, что я буду разстрѣлянъ за то, что позволилъ окружить свою роту непріятелю; но маіоръ Б. отвѣчалъ ему, что за такія дѣйствія не разстрѣливаютъ, а награждаютъ. У отдыхавшаго послѣ атаки полка находился и нашъ отрядный начальникъ; онъ подозвалъ насъ съ маіоромъ и распросилъ меня, какъ было дѣло, а потомъ спросилъ Б., такъ-ли это было и когда тотъ подтвердилъ мой разсказъ, обратился къ командиру полка и сказалъ: «представить».

Роты расположились на отдыхъ, а я испросилъ позволеніе полковника и отправился съ четырьмя унтеръ-офицерами отыскивать Раковича. Вскорѣ я замѣтилъ его на открытомъ полѣ; онъ сидѣлъ, поддерживаемый фельдшеромъ. Лицо бѣднаго моего друга совсѣмъ посинѣло отъ прилива крови, но онъ былъ въ полномъ сознаніи.

— Что̀ съ вами, Николай Григорьевичъ?

— Не минула! съ трудомъ отвѣчалъ онъ.

— Куда вы ранены?

Раковичъ указалъ на кисть правой руки. На ней, съ наружной стороны, была круглая ранка, изъ которой сочилась кровь.

— Но, можетъ быть, пуля не далеко, и ее можно будетъ вынуть?

— Въ спинѣ остановилась.

Когда мы клали его на солдатскую шинель, замѣнившую носилки, онъ раза два застоналъ отъ боли; я долженъ былъ возвратиться къ полку и потому, распорядясь, чтобы раненнаго бережно снесли на перевязочный пунктъ, подошелъ проститься.

— До свиданія тамъ, сказалъ онъ, указывая на небо, и прибавилъ: помолитесь! Со слезами возвратился я къ ротѣ, а вечеромъ, по-

слѣ битвы, узналъ, что черезъ два часа по приносѣ на перевязочный пунктъ другъ мой тихо скончался.

Сраженіе между тѣмъ продолжалось, на сколько мнѣ извѣстно, слѣдующимъ образомъ. Не выдержавъ напора нашей пѣхоты и обстрѣливаемый во флангъ мѣткими выстрѣлами 7-й батареи, Гöргей, какъ было уже сказано, направилъ свою артилерію къ переправѣ за Ваагъ, а на Брянскій полкъ послалъ въ атаку всю свою кавалерію; но не смотря на отчаянную храбрость и примѣрный порядокъ, Венгерскимъ гусарамъ не удалось разстроить ни одного каре мужественныхъ егерей. Тогда Гöргей стянулъ къ мосту всѣ свои войска и подъ прикрытіемъ одной батареи началъ переправу; но командиръ Брянскаго полка придвинулъ свой отрядъ къ Ваагу и разрушилъ ядрами мостъ, вслѣдствіе чего большая половина Венгерскихъ войскъ или погибла въ рѣкѣ, или сдалась въ плѣнъ.

Побѣда была полная, но преслѣдованіе бѣгущаго непріятеля за Ваагомъ оказалось невозможнымъ, по неимѣнію при отрядѣ средствъ къ переправѣ.

X.

На ночлегъ отрядъ расположился близъ бывшаго моста, на обширной луговинѣ, и такъ какъ котлы и съѣстные припасы не могли подоспѣть раньше слѣдующаго дня, а людямъ во время трехдневнаго форсированнаго марша рѣдко удавалось поѣсть готовой пищи, то разрѣшена была реквизиція по сосѣднимъ деревнямъ; для этого отъ каждой роты были посланы команды при офицерахъ, обязанныхъ наблюдать, чтобы нижніе чины, кромѣ съѣстныхъ припасовъ, ничего не брали и жителей не обижали. Не только солдаты, но и офицеры, за неприбытіемъ деньщиковъ съ вьючными лошадьми, были голодны. Въ мой, наскоро устроенный изъ кукурузныхъ стеблей, шалашъ собралось нѣсколько товарищей и съ понятнымъ нетерпѣніемъ ожидали возвращенія реквизиціонной команды; какъ вдругъ, къ нашему восторгу, въ шалашъ внесли цѣлаго копченаго кабана! Сухари нашлись въ запасѣ, и мы, отлично поужинавъ, улеглись на муравкѣ и сладко уснули.

Первое сраженіе для каждаго воина особенно памятно; впослѣдствіи свыкаешься и съ этимъ проявленіемъ страстей земныхъ обитателей, какъ и съ другими; но первыя впечатлѣнія, первыя пройденныя опасности этой грозной расправы остаются на всю жизнь въ памяти, и вотъ передо мной встаютъ еще два эпизода изъ этого замѣчательнаго дня.

Когда тѣ изъ атакующихъ колоннъ, которыя были направлены на деревню Перегъ, вытѣснивъ противниковъ, вошли въ ея улицы, то

изъ оконъ и чердаковъ посыпались на насъ ружейныя пули. Оказалось, что стрѣляли не войска, а жители; поэтому приказано было сжечь деревню. Въ разныхъ ея пунктахъ загорѣлись крытыя соломой избы, и черезъ полчаса вся деревня была охвачена пламенемъ, а ея несчастные жители толпами бросились въ поле, къ сторонѣ своихъ войскъ, но встрѣченные ихъ же выстрѣлами укрылись въ ямы и рвы, бывшіе на этомъ полѣ. Мимо одного изъ такихъ углубленій, вскорѣ послѣ атаки, проходилъ нашъ полкъ; въ немъ сплошной массой лежало около сотни человѣкъ, преимущественно женщинъ и дѣтей. Разгоряченные недавней атакой, солдаты, проходя мимо лежавшихъ, начали, хотя и безвредно, покалывать ихъ штыками. Я остался у ямы, чтобы не допускать близко къ ней солдатъ. Когда прошелъ весь полкъ, то и я бѣгомъ послѣдовалъ за нимъ, но едва отбѣжалъ 50 шаговъ, какъ позади услышалъ трескъ и крики; оглянувшись я увидѣлъ въ воздухѣ, надъ ямой, летящую вверхъ массу земли и человѣческихъ членовъ: Венгерская граната упала въ яму, лопнула и произвела въ ней страшное опустошеніе.

А вотъ второй случай. Я самъ его не видѣлъ, но разсказы объ немъ, въ вечеръ послѣ битвы, облетѣли отрядъ. Говорили, что мостъ на Ваагѣ уничтоженъ не пушечными выстрѣлами, но что изъ Брянскаго полка были вызваны охотники подплыть къ мосту и поджечь его факелами; вышло 30 солдатъ и одинъ офицеръ; они раздѣлись, взяли въ руки по горящему факелу и поплыли по теченію къ мосту. Замѣтя ихъ, Венгерцы направили на пловцевъ сотни выстрѣловъ, но нѣкоторые изъ этихъ удальцевъ все таки доплыли до моста, воткнули въ его столбы факелы, тотчасъ же зажегшіе мостъ, а сами пустились внизъ по теченію; преслѣдуемые градомъ пуль, кажется, всѣ они погибли въ волнахъ Ваага.

Здѣсь считаю умѣстнымъ добавить что, во время атаки, я убѣдился въ томъ, что для Русскаго солдата это самый свойственный родъ битвы, что боевая слава нашей пѣхоты произошла вовсе не отъ строгости дисциплины, какъ думали многіе въ Европѣ; нѣтъ, солдатъ нашъ, по мѣрѣ сближенія съ врагомъ, самъ разгорается, и его трудно даже остановить, когда съ крикомъ ура! стремится онъ въ рукопашный бой.

XI.

На слѣдующій день послѣ битвы, отрядъ потянулся въ обратный путь къ Пресбургу, для соединенія съ возвратившейся изъ Италіи Австрійской арміей и къ полудню вошелъ въ большое село. Когда слѣдовавшая въ growthинѣ пѣхоты артилерія вошла въ центръ деревни,

то во многихъ мѣстахъ вспыхнулъ пожаръ; пламя быстро охватило все село и произвело страшную суматоху въ отрядѣ; артилерія помчалась въ карьеръ, избѣгая взрыва зарядныхъ ящиковъ; пѣхота побѣжала за село, и весь отрядъ расположился на примыкающей къ нему площади. Не успѣли пѣхотинцы снять ранцевъ, какъ прапорщикъ нашего полка Чистяковъ, когда-то служившій въ артилеріи, замѣтилъ на поверхности площади признаки минъ, и съ крикомъ—«мы стоимъ на минахъ!»—побѣжалъ къ отрядному начальнику. Черезъ пять минутъ на площади не осталось никого, а посланные въ пылающее село патрули нашли его пустымъ, но въ ближайшей къ площади избѣ застали 80-ти лѣтняго старика и привели его къ генералу. Старикъ прямо сознался, что мины дѣйствительно подведены подъ всю площадь на тотъ несомнѣнный случай, что когда разбитые Венгерцами Руссы будутъ уходить къ Пресбургу и войдутъ въ село, то жителямъ приказано было зажечь деревню, а если послѣ этого Руссы остановятся за селомъ на этой, единственно свободной отъ маисовыхъ посѣвовъ, площади, то разсказчикъ долженъ былъ поджечь проводники къ минамъ, соединенные въ его избѣ и взорвать Руссовъ на воздухъ. Такимъ образомъ адскій замыселъ Венгерскихъ вождей не удался лишь благодаря милости къ намъ Провидѣнія, избравшаго Своимъ орудіемъ нашего товарища. Вмѣсто всякаго наказанія, нашъ благородный начальникъ генералъ Панютинъ отпустилъ его домой; отрядъ же продолжалъ движеніе къ Пресбургу.

XII.

Во время пути получено было извѣстіе, что въ Пресбургѣ Австрійскій императоръ желаетъ лично поздравить насъ съ побѣдой, вслѣдствіе чего, не доходя заставы, мы остановились, переодѣлись въ полную парадную форму и вошли въ городъ съ музыкой. Проходили мы по его широкимъ улицамъ церемоніальнымъ маршемъ, привѣтствуемые жителями, изрѣдка бросавшими на насъ, изъ оконъ и съ балконовъ, цвѣты. На центральной площади, близъ какого-то красиваго зданія, кажется Ратуши, стояла группа Австрійскихъ офицеровъ въ разноцвѣтныхъ мундирахъ, между которыми преобладали бѣлый и зеленый цвѣта, а впереди ихъ скромно одѣтый молоденькій офицеръ. Это и былъ императоръ. Онъ всѣмъ проходившимъ взводамъ и батареямъ говорилъ: «Сляфна! Спасипа!»

Продолжая подвигаться по улицамъ, я напрасно вглядывался въ толпы зрителей, не увижу ли своихъ знакомыхъ; ихъ нигдѣ не было. Какъ вдругъ, проходя мимо одного сада, услыхалъ я надъ собой произ-

несенную мою фамилію и, взглянувъ вверхъ, увидѣлъ въ устроенной надъ оградой сада бесѣдкѣ группу дамъ и между ними сестеръ Пальсовичъ; онѣ бросили мнѣ букетъ съ крикомъ: «приходите къ намъ!»

Отрядъ расположился за городомъ, на берегу Дуная, на ночлегъ; но мнѣ нескоро удалось пробраться въ городъ: вокругъ бивуака поставлена была цѣпь часовыхъ Забалканскаго полка, въ которомъ я не имѣлъ знакомыхъ офицеровъ и потому долженъ былъ ожидать смѣны цѣпи нашимъ полкомъ, и только около семи часовъ вечера могъ выполнить свое желаніе.

Знакомые встрѣтили меня какъ роднаго; старикъ-каноникъ поцѣловалъ и перекрестилъ; невѣстки и ея тетки уже не было: онѣ уѣхали домой вслѣдъ за нашимъ выступленіемъ. Но за то было у нихъ нѣсколько дамъ и дѣвушекъ, которыя почти всѣ знали Словацкое нарѣчіе и были со мной очень любезны. Удивленію храбрости Русскихъ не было конца, и странно—онѣ отъ души радовались нашей побѣдѣ, хотя половину общества составляли Венгерки.

Я хотѣлъ было имъ разсказать ходъ битвы.

— Нѣтъ—сказала одна изъ сестеръ Пальсовичъ — прежде мы разскажемъ, какъ она происходила, и потомъ уже вы дополните, если что̀ будетъ пропущено, а также разскажете всѣ подробности лично о себѣ.

— Откуда же вамъ извѣстно о нашей битвѣ?

— Въ день сраженія, черезъ каждые два часа, генералъ Гайнау получалъ съ поля битвы подробныя донесенія, и они, въ сокращенномъ видѣ, тотчасъ же печатались и раздавались въ тысячахъ экземпляровъ ожидавшимъ у квартиры генерала жителямъ.

Послѣ этого она, съ помощью своихъ знакомыхъ, довольно вѣрно нарисовала картину главныхъ дѣйствій и движеній обѣихъ сторонъ; въ разсказъ этотъ входили также и нѣкоторыя выдающіяся частности. Когда дошла очередь до нашей атаки, а въ ней до удивительнаго подвига одного офицера, съ одной ротой отбившаго вчетверо сильнѣйшаго непріятеля, то я спросилъ, нѣтъ-ли у нихъ этихъ бюлетеней?—Оказалось, что есть.

— Не помѣщена ли въ нихъ фамилія этого офицера?

— Кажется, нѣтъ; впрочемъ сейчасъ мы узна́емъ.

И черезъ минуту моя знакомая принесла нѣсколько печатныхъ листовъ; вскорѣ былъ отысканъ тотъ, въ которомъ находилось требуемое донесеніе; въ немъ фамиліи моей не оказалось, но было сказано, что это совершилъ командиръ 6-й роты Сѣвскаго полка.

Когда это мѣсто перевели съ Нѣмецкаго, то я улыбнулся. Замѣтя это, бойкая разсказчица быстро спросила:

— А вы какой ротой командовали?

— Шестой.

— Такъ это были вы?

— Да.

Произошло движеніе; всѣ устремили на меня взоры, полные удивленія, а я покраснѣлъ какъ школьникъ и готовъ былъ провалиться сквозь землю, но хозяйка остроумно вывела меня изъ неловкаго положенія. Схвативъ меня за руку, она сказала:

— Ну, нашъ милый герой, пойдемте, я васъ представлю въ этомъ новомъ званіи дядюшкѣ; и увела на верхъ.

Старикъ опять разцѣловалъ меня и хотѣлъ сойти съ нами внизъ къ гостямъ и послушать, вмѣстѣ съ ними, подробностей моихъ великихъ подвиговъ, но я упросилъ позволить остаться съ нимъ на верху, гдѣ и передалъ какъ было дѣло, послѣ чего племянница его сошла къ гостямъ одна и сказала имъ, будто мнѣ сдѣлалось дурно.

XIII.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня я уже былъ въ своемъ бивуакѣ, а съ восходомъ солнца мимо насъ стали проходить пѣшіе и конные Австрійскіе полки, привѣтствуя насъ криками «виватъ!»; мы же имъ отвѣчали громкимъ «ура!». Часовъ въ 11 и мы, вслѣдъ за ними, двинулись въ походъ, по направленію къ первоклассной Венгерской крѣпости Коморну.

Съ началомъ совокупнаго движенія Австрійскихъ и Русскихъ войскъ, начались грабежи; жители, почти на каждомъ ночлегѣ приходили съ жалобами къ начальникамъ, а такъ какъ при разслѣдованіяхъ Австрійцы утверждали, что грабятъ Русскіе, а наши ссылались на нихъ, то было отдано приказаніе, чтобы одни другихъ ловили на мѣстѣ преступленія и доставляли начальству.

Мѣра эта хотя и не способствовала дружескому сближенію обѣихъ національностей, но имѣла нѣкоторое вліяніе на уменьшеніе грабежей; на слѣдующихъ ночлегахъ наши солдаты налавливали по нѣскольку десятковъ Австрійскихъ мародеровъ, тотчасъ же передаваемыхъ ихъ властямъ. Какое они получали наказаніе—неизвѣстно; когда же наконецъ и имъ удалось поймать двухъ нашихъ солдатъ, то Панютинъ приказалъ судить ихъ полевымъ судомъ, который приговорилъ ихъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

Рано утромъ, передъ выступленіемъ, отрядъ нашъ выстроился въ видѣ громаднаго четыреугольника вокругъ возвышенія, увѣнчаннаго двумя висѣлицами; началось, съ извѣстными церемоніями, чтеніе при-

говора, но едва оно кончилось, какъ прискакалъ гонецъ отъ императора Франца-Іосифа, съ приказаніемъ остановить исполненіе приговора до прибытія его величества. Вскорѣ, по дорогѣ отъ служившаго ночлегомъ мѣстечка, показался экипажъ, сопровождаемый взводомъ кавалеріи, и императоръ, войдя внутрь каре, объявилъ преступникамъ полное прощеніе. Послѣ этого случая, во все время войны, по пути нашего отряда, грабежи прекратились.

Близъ укрѣпленнаго города Рааба, Австрійцы имѣли съ непріятелемъ удачное кавалерійское сраженіе; говорили, что Венгерскія войска хотѣли въ этомъ городѣ защищаться, но, узнавъ, что въ планѣ движенія, высланномъ нашимъ Императоромъ, было сказано: «укрѣпленный городъ Раабъ, въ случаѣ сопротивленія, стереть съ лица земли», жители упросили своихъ военачальниковъ выдти изъ города и сражаться въ полѣ, а сами послѣ стычки отворили ворота и вынесли Австрійцамъ ключи.

Крѣпость Коморнъ, какъ извѣстно, построена при впаденіи Тейсы въ Дунай; со стороны же нашего наступленія, по сю сторону Тейсы, построены были сильныя земляныя укрѣпленія или шанцы, линія которыхъ упиралась лѣвымъ флангомъ въ мѣстечко Ачъ.

20 Іюня Австрійцы, въ боевомъ строю, подошли на пушечный выстрѣлъ къ укрѣпленіямъ, атаковали мѣстечко, заняли его и взяли въ плѣнъ около сотни гусаръ и нѣсколько орудій, а затѣмъ по всей линіи открыли канонаду противъ укрѣпленій. Нашъ отрядъ составлялъ резервъ.

Въ битвѣ участвовалъ и самъ молодой императоръ; съ большой свитой ѣздилъ онъ впереди линіи своихъ орудій, что̀ Венгерцы, вѣроятно, замѣтили и, направивъ выстрѣлы на эту группу, вырвали изъ ея рядовъ нѣсколько жертвъ; тогда всѣ генералы подъѣхали къ монарху и упросили его удалиться съ поля битвы. Отъѣхавъ около 10-ти верстъ назадъ, его величество остановился въ мѣстечкѣ ожидать исхода сраженія.

Лишь только императоръ уѣхалъ, главнокомандующій, баронъ Гайнау, приказалъ корпусу генерала Шлика атаковать правый флангъ укрѣпленія; но вмѣсто того чтобы поддержать атаку усиленной канонадой, онъ распорядился по всей линіи прекратить огонь и тѣмъ далъ противникамъ возможность направить всѣ свои орудія на атакующій отрядъ. Шликъ бросился на укрѣпленія и овладѣлъ частію ихъ; но, потерявъ три тысячи убитыми, долженъ былъ отступить. Гайнау между тѣмъ, еще раньше этого момента, увелъ остальныя войска назадъ, оставя Шлика на жертву врагамъ. Венгерцы же, замѣтя общее отступленіе, вышли изъ укрѣпленій въ числѣ 40 тысячъ, отрѣзали кор-

пусъ Шлика, загнали его въ болота и начали стремительно преслѣдовать побѣжавшихъ въ безпорядкѣ остальныхъ Австрійцевъ.

При самомъ началѣ отступленія, Гайнау прислалъ Панютину приказъ отступать, но послѣдній не исполнилъ приказанія; когда же мимо насъ побѣжала вся ихъ линія, то прискакалъ второй гонецъ съ приказомъ отступать какъ можно поспѣшнѣе. Но Панютинъ отвѣчалъ, что Русскіе не привыкли къ отступленію, двинулъ свой отрядъ впередъ и, поравнявшись съ корпусомъ Шлика, остановился, выдвинулъ впередъ всѣ четыре батареи и открылъ пальбу; остановленные этимъ смѣлымъ движеніемъ Венгерцы охватили насъ полукругомъ, открыли адскую канонаду и пустили въ атаку всю свою кавалерію. Загремѣло съ обѣихъ сторонъ болѣе 200 орудій, налетѣли гусары; но отрядъ, какъ скала, не сдвинулся ни на шагъ съ позиціи.

Между тѣмъ Шликъ, увидя неожиданную помощь, двинулъ въ атаку всю свою артилерію, которая подъ прикрытіемъ кавалеріи, подскакавъ къ отрѣзавшему его правому непріятельскому крылу на ружейный выстрѣлъ, дала залпъ картечью и заставила Венгерцевъ въ безпорядкѣ отступить. Послѣ этого, установивъ сообщеніе съ нашимъ отрядомъ, Шликъ прискакалъ къ намъ, обнялъ Панютина, назвалъ его спасителемъ Австрійской арміи и тутъ же написалъ и послалъ императору слѣдующее краткое донесеніе: «Армія наша разбита и ушла съ поля, мой корпусъ былъ отрѣзанъ и прижатъ къ береговымъ болотамъ Тейсы и, только благодаря безпримѣрному наступательному движенію и непоколебимой стойкости Русскаго отряда, мнѣ удалось опрокинуть правое непріятельское крыло и установить сообщеніе съ отрядомъ Панютина. Мы держимся противъ превосходныхъ силъ; прошу подкрѣпленія».

Три часа мы выдерживали напоръ 40 тысячъ Венгерцевъ; наконецъ показались остальныя Австрійскія войска, а съ ихъ прибытіемъ вся линія перешла въ наступленіе и къ ночи оттѣснила противника за укрѣпленія; сама же, переночевавъ въ виду непріятеля, на другой день отошла верстъ за семь и расположилась бивуакомъ: Австрійцы въ первой линіи, а Русскіе въ резервѣ.

Разсказывали потомъ, что послѣ сраженія императоръ получилъ отъ Гайнау такое донесеніе: «Побѣдоносная армія вашего императорскаго величества, съ помощью Русскаго отряда генерала Панютина, сего числа одержала надъ непріятелемъ блистательную побѣду при крѣпости Коморнѣ». Прочтя донесеніе, императоръ потребовалъ къ себѣ Гайнау и сказалъ ему:—Что́ вы тутъ пишете о побѣдоносной арміи и блистательной побѣдѣ, когда вотъ донесеніе Шлика, что эта армія постыдно бѣжала съ поля, и только Русскій отрядъ спасъ ее отъ совершеннаго истребленія?

— Точно такъ, ваше величество, отвѣчалъ Гайнау; но если бы я донесъ всю правду, то честь и значеніе нашей арміи въ Европѣ были бы окончательно потеряны, а съ честью арміи неразрывно связаны и честь ея государя. Смѣю еще добавить, что такъ какъ Шликъ нарушилъ воинскую дисциплину, дѣлая донесеніе вашему величеству помимо своего начальства, то я всепокорнѣйше прошу удалить его изъ моей арміи, или позволить мнѣ оставить мой постъ: вмѣстѣ мы служить не можемъ.—На другой день Шлика услали въ Вѣну, а корпусъ его принялъ, уже тогда считавшійся самымъ безтолковымъ изъ Австрійскихъ генераловъ Бенедекъ.

XIV.

Лично со мной въ этомъ сраженіи ничего интереснаго не случилось; только картечь зарылась въ землю подъ сапогъ и нанесла мнѣ ударъ въ подошву снизу вверхъ, но безъ всякихъ послѣдствій; картечь эту я сохранилъ и впослѣдствіи поднесъ ее вмѣсто свадебнаго подарка своей нынѣшней супругѣ.

Впрочемъ вотъ одинъ случай, которымъ слѣдовало бы украсить страницы Австрійской военной исторіи. Во второй половинѣ сраженія отрядъ нашъ, находясь во второй линіи, медленно подвигался впередъ, часто останавливаясь. Во время одной изъ такихъ остановокъ, не вдалекѣ отъ нашей колонны, мы замѣтили лежащаго на землѣ Венгерца, который началъ кричать по польски:—Панове Россіяне, ратуйцѣ мнѣ (спасите меня).

Нѣсколько офицеровъ подошли къ нему и узнали, что онъ Полякъ, унтеръ-офицеръ и что у него раздроблена ступень; раненый не переставалъ умолять насъ взять его и отправить въ Русскій лазаретъ; но мы объяснили, что въ нашемъ отрядѣ нѣтъ ни носилокъ, ни фургоновъ для раненыхъ и что эту обязанность исполняютъ Австрійцы, которые и его вѣроятно подберутъ; но онъ возразилъ, что Австрійцы всѣхъ раненыхъ Венгерцевъ добиваютъ на полѣ битвы и указалъ на ѣздившихъ по полю въ одиночку всадниковъ, которые будто бы и выполняютъ это гуманное распоряженіе своего начальства. Мы этому не повѣрили и старались доказать ему, что подобные слухи умышленно распространяются между ними злонамѣренными людьми, а такъ какъ нашъ баталіонъ опять двинулся впередъ, то и мы, оставя несчастнаго, поспѣшили на свои мѣста.

Пройдя не болѣе ста шаговъ, батальонъ опять остановился, и кто-то изъ товарищей, замѣтивъ, что къ раненому сержанту подъѣзжаетъ одинъ изъ всадниковъ, обратилъ на это наше вниманіе.

— А что если онъ его и въ самомъ дѣлѣ убьетъ? И четверо изъ насъ помчались на помощь, крича всаднику, снявшему изъ-за плечъ карабинъ и готовившемуся направить его на страдальца, чтобы онъ не смѣлъ этого дѣлать; но обросшій бакенбардами кавалеристъ, не обращая на насъ вниманія, прицѣлился въ лежащаго сержанта. Къ счастію мы подоспѣли во время, я схватилъ стволъ и едва успѣлъ оттолкнуть его въ сторону, какъ раздался выстрѣлъ. Одинъ изъ товарищей схватилъ лошадь за поводъ, я вырвалъ изъ рукъ этого варвара карабинъ и началъ имъ полосовать его по спинѣ, товарищи съ другой стороны дѣлали тоже саблями плашмя; потомъ мы пустили лошадь, и она помчала по полю своего шатающагося сѣдока. Между тѣмъ баталіонъ нашъ опять двинулся, и мы вынуждены были оставить бѣднаго сержанта на волю судьбы. Въ слѣдующихъ битвахъ этихъ палачей уже не было видно; вѣроятно, распоряженіе было отмѣнено.

По возвращеніи въ бивуакъ, намъ пришлось испытать голодуху: почему-то перестали подвозить провизію—кажется, Венгерцы отбили обозъ, везшій къ намъ припасы. Цѣлую недѣлю офицеры питались однимъ противнымъ зеленымъ чаемъ, а вмѣсто хлѣба служилъ Швейцарскій сыръ, которымъ въ изобиліи запаслись при проходѣ черезъ Раабъ; нижніе же чины съѣли весь восьмидневный запасъ сухарей, дѣлая какую-то тюрю изъ размоченныхъ въ водѣ сухарей съ примѣсью уксуса и соли, чего, какимъ-то случаемъ, оказался большой запасъ въ каждой ротѣ. Послѣ этого нѣсколько лѣтъ я не могъ ѣсть Швейцарскаго сыру; до того онъ, за эту недѣлю, мнѣ опротивѣлъ.

XV.

Въ день св. апостоловъ Петра и Павла, 29 Іюня, съ утра полилъ проливной дождь. Въ увѣренности, что Русскія кремневыя ружья не могутъ отъ мокроты стрѣлять, Венгерцы сдѣлали вылазку. Пользуясь оплошностью Австрійскихъ пикетовъ, они часамъ къ десяти утра, пробрались кукурузами до нихъ, изрубили два первыхъ батальона и бросились на правый флангъ ихъ бивуака, но застали Австрійцевъ уже въ строю. Нашъ отрядъ по тревогѣ бѣгомъ полетѣлъ на помощь.

При этомъ генералъ Панютинъ, замѣтя въ тылу противниковъ, нѣсколько вправо, небольшую рощу, направилъ въ обходъ Эриванскій полкъ и 8 батарею, которые незамѣтно и заняли этотъ важный пунктъ. Съ прибытіемъ Русскихъ, Австрійцы перешли въ наступленіе и погнали Венгерцевъ обратно; когда же послѣдніе поравнялись съ рощей, то были привѣтствуемы во флангъ такимъ убійственнымъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ, что, подойдя къ этому мѣсту, мы заста-

ли буквально валъ изъ человѣческихъ тѣлъ. Возлѣ него мы провели ночь, а на другой день отошли обратно въ свои бивуаки.

Изъ выдающихся случаевъ этой битвы первое мѣсто должно принадлежать разсказу Австрійскихъ офицеровъ о томъ, что занимавшій лѣвый флангъ ихъ бивуака, корпусъ Шлика по тревогѣ не хотѣлъ выходить изъ шалашей. Какъ ни суетился ихъ новый начальникъ, но на всѣ его приказы и просьбы ему отвѣчали: — Мы безъ Шлика не пойдемъ въ бой. Растерявшійся Бенедекъ помчался къ Гайнау и доложилъ ему о бунтѣ своего корпуса. Испуганный Гайнау прискакалъ къ мѣсту расположенія корпуса и, ставъ посрединѣ, крикнулъ: — Даю слово, что, черезъ три дня, Шликъ опять будетъ вашимъ командиромъ.

Въ одно мгновеніе корпусъ выбѣжалъ изъ шалашей, построился и вмѣстѣ съ нашимъ отрядомъ ударилъ на враговъ съ такой стремительностью, что сразу рѣшилъ участь сраженія. Гайнау на этотъ разъ сдержалъ слово: черезъ три дня, Шликъ, къ радости своихъ сослуживцевъ, вступилъ опять въ командованіе корпусомъ.

Помню также, что во время сраженія мимо нашей колонны проходила женщина съ кувшиномъ, направляясь въ первую боевую линію.

— Чтò ты несешь, милая? спросилъ я на Словацкомъ нарѣчіи.

— Воду, отвѣчала она.

— Дай мнѣ напиться: я дамъ тебѣ за это золотой.

— Не дамъ и за десять золотыхъ, а понесу своему Милошу.

— Но тебя могутъ тамъ убить.

— Я не боюсь смерти, отвѣчала она и пошла дальше.

Не знаю, чтó съ ней потомъ случилось; но во всякомъ случаѣ мужество и преданность этой Славянки заслуживаютъ быть здѣсь упомянутыми.

XVI.

Когда мы расположились ночевать у груды убитыхъ и раненыхъ Венгерцевъ, то первымъ дѣломъ почти всѣхъ офицеровъ было отдѣлить послѣднихъ отъ первыхъ и принести имъ возможную помощь. Многіе раненые были придавлены массой убитыхъ, такъ что пришлось вытаскивать ихъ наверхъ съ помощью нижнихъ чиновъ; при этомъ всѣ мы такъ испачкались человѣческой кровью, что походили на мясниковъ. Всѣ раненые знали одно Русское слово «вода» и всѣ его повторяли; а такъ какъ воды по близости не оказалось, то за ней были посланы подъѣхавшія артельныя повозки, и черезъ часъ мы уже утоляли жажду несчастныхъ страдальцевъ; изъ нихъ многіе, напившись, тотчасъ же умирали. Послано было также за Австрійскими лазаретными фургонами, и мы сами наблюдали, чтобы раненыхъ бережно въ нихъ укладывали;

одинъ офицеръ отправился съ ними на мѣсто бивуака и сдалъ ихъ въ Австрійскій походный госпиталь.

Цѣлую короткую лѣтнюю ночь никто не спалъ, и къ утру закипѣли самовары, а для солдатъ сварилась пища. Къ нашей группѣ подошелъ удалой нашъ товарищъ Попруженко и предложилъ пройтись съ нимъ шаговъ за сто въ чащу кукурузы, обѣщая показать что-то весьма интересное. Когда мы пришли къ указанному мѣсту, то въ числѣ труповъ онъ указалъ одного молоденькаго офицера Венгерскихъ гусаръ, лежавшаго навзничь съ картечной раной въ самой серединѣ лба; не видя въ этомъ ничего особеннаго, мы уже собрались возвратиться къ самовару, какъ Попруженко, подойдя къ убитому, распахнулъ его венгерку и нашимъ глазамъ представились полныя бѣлыя женскія груди: бѣдная героиня пала здѣсь смертью храбрыхъ и, можетъ быть, товарищи-сослуживцы такъ и не знали объ ея полѣ.

XVII.

6-го Іюля отрядъ, въ составѣ Австрійской арміи, двинулся къ Пешту и 10-го подошелъ къ Венгерской столицѣ, состоящей, какъ извѣстно, изъ двухъ городовъ, раздѣленныхъ Дунаемъ: собственно Пешта и Буды. Мы приближались со стороны послѣдняго, еще наканунѣ взятаго Австрійцами съ бою города. Рѣдко кому удавалось, находясь внѣ опасности, слѣдить за ходомъ сраженія съ такого удобнаго пункта, какъ мнѣ съ товарищами въ день разрушенія Буды. Въ этотъ день нашъ отрядъ находился верстахъ въ восьми отъ столицы, въ деревнѣ, расположенной у подошвы высокой горы, до половины покрытой виноградниками; между горой и Будой разстилалась равнина, и мы, взобравшись на самую вершину горы, съ помощью зрительныхъ трубъ, видѣли, какъ на ладонѣ, всѣ фазисы битвы. Особенно красивы были огненныя ленты, рисуемыя на горизонтѣ конгревовыми ракетами, зажигавшими городъ въ разныхъ пунктахъ. Когда на другой день подошли мы къ мѣсту сраженія, то увидѣли остатки бывшаго красиваго города въ развалинахъ, еще дымившихся послѣ пожара; уныло глядѣли онѣ на уцѣлѣвшаго за Дунаемъ своего брата-близнеца.

Съ висящаго моста черезъ Дунай снята была настилка, и мы, въ ожиданіи ея исправленія, простояли до полудня.

Первыми начали переправу Австрійцы; но какъ только колоны ихъ, перейдя мостъ, вошли въ улицу, то изъ всѣхъ оконъ на нихъ полились разныя нечистоты, вслѣдствіе чего ихъ возвратили и направили по набережной въ обходъ города. Пришла и наша очередь, и хотя Гайнау совѣтовалъ Панютину вести свой отрядъ по слѣдамъ Австрій-

цевъ, но онъ повелъ его черезъ городъ, изъ оконъ и балконовъ котораго и на насъ посыпались, только не помои и другія гадости, а цѣлый дождь цвѣтовъ. На первомъ же перекресткѣ встрѣтилъ войска полный составъ дѣвичьяго института, начальница котораго просила Панютина дозволить дѣвицамъ надѣть на знамена дубовые вѣнки и раздать офицерамъ букеты цвѣтовъ. Нашъ вѣжливый вождь, разумѣется, изъявилъ свое согласіе, и наши колоны стали проходить сквозь строй нѣсколькихъ сотъ дѣвицъ, вынимавшихъ изъ передниковъ букеты и съ улыбкой раздававшихъ намъ. Я получилъ цѣлыхъ три букета и долго хранилъ ихъ, какъ воспоминаніе любезности къ намъ Пештскихъ дѣтей - красавицъ; быть можетъ, не одна изъ нихъ и теперь жива и помнитъ тріумфальное шествіе черезъ ихъ городъ Русскихъ варваровъ, такъ радушно ими тогда встрѣченныхъ. Пройдя городъ, отрядъ расположился по ту его сторону, и офицерамъ дозволено было посѣщать его по своимъ надобностямъ; изъ нихъ самою главною оказалась потребность помыться, а послѣ ваннъ, хорошо пообѣдать. Съ однимъ товарищемъ пошли мы отыскивать трактиръ и вскорѣ очутились въ длинномъ залѣ, уставленномъ столами; въ концѣ зала на эстрадѣ игралъ оркестръ, а за столами сидѣли Австрійскіе офицеры. При нашемъ входѣ музыка вдругъ замолкла, но едва успѣли мы сѣсть за маленькій столикъ, какъ раздались звуки нашего народнаго гимна «Боже, Царя храни». Мы тотчасъ встали; Австрійцы послѣдовали нашему примѣру. Передъ этимъ мы только что размѣняли нѣсколько полуимперіаловъ на мелкое Австрійское серебро и когда, по окончаніи гимна, дѣвушка изъ оркестра подошла съ нотами, то мы положили по полной горсти этихъ монетъ. Нѣмцы же въ этомъ отношеніи не послѣдовали нашему примѣру и клали на ноты по крейцеру, и то не всѣ.

Вообще Австрійскіе офицеры до того завидовали нашему кажущемуся богатству, что было отдано по отряду секретное приказаніе офицерамъ прятать подъ сюртуки золотыя цѣпочки и въ присутствіи Австрійцевъ не вынимать часовъ.

XVIII.

На третій день отрядъ двинулся преслѣдовать Венгерскія войска, отступавшія къ Сегедину.

Почти отъ самаго Пешта до города Кечкемета, на разстояніи нѣсколькихъ переходовъ, тянется Венгерская Сахара—песчаная степь съ рѣдкими оазисами зелени. Нашему батальону, по всему этому песчаному пространству, выпала незавидная доля конвоировать обозъ, вязшій безпрестанно въ глубокомъ пескѣ; ломка повозокъ и порча упряжи

заставляли насъ часто останавливаться и подъ палящими лучами солнца посылать нижнихъ чиновъ на помощь; густое облако пыли, которою мы дышали, и неимѣніе воды приводили насъ въ совершенное изнеможеніе; раздѣвшись до бѣлья, мы едва могли передвигать ноги. Въ то время въ моей ротѣ служилъ субалтернъ-офицеромъ штабсъ-капитанъ Евневичъ, родомъ Бѣлоруссъ. Онъ передъ войной изъ отставки пошелъ пѣшкомъ въ Петербургъ, и хотя, выхлопотавъ зачисленіе въ нашъ полкъ, получилъ прогоны, но пріѣхалъ къ намъ въ Жидовской будѣ, безъ гроша денегъ. Узнавъ о его положеніи, я попросилъ адъютанта зачислить его въ мою роту, взялъ къ себѣ на квартиру и по мѣрѣ возможности дѣлился кускомъ хлѣба. Съ своей стороны Евневичъ не только не обижался, что былъ подъ командой поручика, но привязался ко мнѣ безгранично, стараясь предупреждать малѣйшія мои желанія. Это былъ рослый и здоровый мужчина, и хотя не отличался быстротой соображенія, но за то физической силой природа его не обдѣлила.

Разъ, замѣтя въ полуверстѣ отъ дороги одиноко стоящую избушку и пользуясь продолжительной остановкой обоза, мы съ Евневичемъ направились къ ней, въ надеждѣ напиться если не молока, то хоть холодной воды. Съ трудомъ преодолѣвая трудности путешествія по сыпучему песку, мы приближались къ избушкѣ, какъ замѣтили на ея дворѣ какую-то суету, бѣганье нѣсколькихъ солдатъ и женскіе крики. Мы догадались, что это Австрійскіе мародеры ловятъ куръ, гусей и поросятъ. Ускоривъ шаги, мы вскорѣ добѣжали до двора, храбрымъ воинамъ дали по тумаку, выпустили на свободу живыхъ животныхъ, а придушенныхъ отдали рыдавшей Венгеркѣ. Отрядъ мародеровъ выстроился во фронтъ и чего-то ждалъ, а хозяйка еще о чемъ-то насъ просила, указывая на чердакъ, откуда слышно было кудахтанье курицы. Я догадался, что тамъ кто-то есть и, оставя въ резервѣ Евневича, полѣзъ на чердакъ и сдѣлался свидѣтелемъ интересной дуэли: Австрійскій офицеръ, присѣвъ на корточки, бралъ изъ гнѣзда яйца и пробовалъ ихъ годность къ употребленію, а бѣдная насѣдка храбро защищала свое будущее семейство, и, по временамъ, съ крикомъ наскакивая на врага, клевала его руку. Съ минуту я любовался этимъ поединкомъ; замѣтя меня, дуэлистъ безъ перьевъ вскочилъ и сначала растерялся.

— Неужели вашъ императоръ не въ состояніи прокормить своей арміи до такой степени, что даже офицеры вынуждены обижать бѣдную курицу? сказалъ я по польски.

Но дуэлистъ скоро оправился и на ломанномъ Польскомъ языкѣ дерзко отвѣчалъ: Нашъ императоръ не только можетъ прокормить насъ,

но даже нанимать Русскихъ, чтобы они за него дрались. Тутъ я уже не выдержалъ и далъ Нѣмцу пощечину, а подоспѣвшій Евневичъ принялъ его въ свои дюжія объятія и не очень деликатно спустилъ въ сѣни. Когда мы сошли внизъ, то Нѣмца уже не было; мы видѣли только, какъ онъ со своей командой удиралъ со двора.

Благодарная Венгерка накормила насъ прекрасной сметаной и непремѣнно хотѣла, чтобы мы взяли двухъ изъ задушенныхъ мародерами, гусей, чего мы, разумѣется, не сдѣлали и, оставя на столѣ Русскій серебряный рубль, отправились догонять свой обозъ.

Городокъ Кечкеметъ памятенъ мнѣ лишь грудами превосходныхъ арбузовъ на базарѣ, утолившихъ такъ кстати нашу жажду; для своей роты я купилъ ихъ двѣсти штукъ за полтора рубля.

XIX.

Наконецъ, мы достигли Сегедина, имя котораго такъ недавно облетѣло весь образованный міръ, возбуждая участіе къ постигшей его катастрофѣ, а въ то время, причина его несчастья—Тейса мирно раздѣляла городъ на двѣ половины.

Венгерскія войска, переправясь за Тейсу и оставя въ зарѣчной половинѣ города аріергардъ, заняли невдалекѣ отъ Сегедина крѣпкую позицію, въ улицахъ же, упирающихся въ рѣку, поставили нѣсколько орудій; окна домовъ на набережной заняли стрѣлками и начали перестрѣлку съ Австрійцами, сдѣлавшими тоже по сю сторону рѣки. Нашъ отрядъ остановился, не доходя города, на мѣсто же перестрѣлки выслалъ своихъ штуцерниковъ.

По диспозиціи Венгерскаго временнаго правительства, въ Сегединѣ должны были соединиться отряды: Дембинскаго, Высоцкаго, Перцеля, Денесера, Михуроса Гейша и Бема, и дать намъ генеральное сраженіе; но послѣдній отрядъ не поспѣлъ къ битвѣ, и только въ половинѣ ея самъ Бемъ, съ двумя адъютантами, прискакалъ къ войскамъ.

Прошелъ слухъ, что вечеромъ къ Гайнау пріѣзжалъ отъ Венгерцевъ парламентеръ, но результатъ переговоровъ остался тайною. Къ вечеру очищена была занимаемая непріятелемъ половина города, и мы, перейдя Тейсу, въ ней ночевали; а съ разсвѣтомъ, 24 Іюля, войска, развернутыя въ боевой порядокъ, подошли на пушечный выстрѣлъ къ непріятельской позиціи и начали сраженіе. Нашъ отрядъ находился въ первой линіи и выдвинулъ всѣ свои батареи впередъ. До полудня битва длилась безъ особенныхъ успѣховъ съ обѣихъ сторонъ. Венгерскіе гусары производили частыя, но безуспѣшныя атаки; иногда ихъ встрѣчали полки Австрійской кавалеріи, но всегда были побиваемы;

одинъ даже полкъ былъ окруженъ гусарами и вѣроятно былъ бы уничтоженъ, еслибъ не находчивость двухъ, бывшихъ при Панютинѣ, линейныхъ казаковъ, которые, видя отчаянное положеніе Австрійцевъ и испросивъ позволеніе своего начальника, помчались въ примыкавшій къ мѣсту стычки лѣсокъ и, выскочивъ изъ него, крикомъ и гикомъ обратили на себя вниманіе Венгерцевъ, которые, вообразили, что за этими удальцами слѣдуетъ цѣлый полкъ, бросили не добитыхъ Австрійцевъ и поспѣшно ретировались. Вообще Австрійская кавалерія того времени стояла ниже всякой посредственности; пѣхота была бы недурна, еслибъ имѣла хорошихъ, въ боевомъ значеніи, офицеровъ; одна артилерія была хороша, особенно ракетныя батареи.

Вскорѣ послѣ полудня выстрѣлы непріятельскихъ орудій прекратились, и Гайнау, считая это признакомъ разстройства Венгерскихъ войскъ, хотѣлъ уже начать общее наступленіе, какъ вдругъ, съ одного пункта противъ нашего отряда, грянулъ залпъ изъ 50 орудій и произвелъ въ нашихъ батареяхъ страшное опустошеніе; за первымъ послѣдовалъ второй такой же, и двѣ изъ нашихъ батарей должны были сняться съ позиціи. Въ тоже время по всей нашей линіи пронеслось слово «Бемъ», имѣвшее такое магическое значеніе, что Австрійцы поспѣшили выдвинуть на линію всю свою резервную артилерію, состоявшую изъ 100 орудій, недавно присланныхъ изъ Вѣны.

Когда съ нашей стороны заиграло 250 пушекъ, а Русскій отрядъ двинулъ свои колоны въ атаку на грозную батарею: то, говорятъ, Бемъ, собравъ наскоро военный совѣтъ, рѣшилъ, что сраженіе проиграно и предложилъ отступленіе. Но едва это слово гордаго полководца разнеслось по рядамъ арміи, какъ вся она побѣжала въ безпорядкѣ и разсыпалась по окрестнымъ лѣсамъ, такъ что, подойдя къ батареѣ, мы уже не нашли ея защитниковъ и взяли много брошеныхъ орудій. Нѣкоторыя Венгерскія колоны направились было въ нашу сторону съ бѣлыми флагами, но Австрійцы встрѣтили ихъ картечью и заставили въ безпорядкѣ возвратиться.

По занятіи союзными войсками бывшей непріятельской позиціи, были посланы въ лѣса пѣшіе отряды на облаву, которые и привели къ вечеру нѣсколько тысячъ плѣнныхъ.

XX.

Это была наша послѣдняя битва. При дальнѣйшемъ слѣдованіи, мы уже не встрѣчали никакого сопротивленія. Венгерскій отрядъ *) блокировавшій Темешваръ, при нашемъ приближеніи, поспѣшно ретировал-

*) Подъ начальствомъ Поляка, генерала Дембинскаго, который и былъ окончательно разбитъ 9 Августа. Ю. Б.

ся. Подвигъ защитниковъ крѣпости Темешвара долженъ занять блестящее мѣсто въ исторіи. Гарнизонъ ея, состоявшій преимущественно изъ Сербовъ, подъ начальствомъ храбраго коменданта-Серба, генерала Рукавины, въ теченіи одиннадцати мѣсяцевъ держался противъ превосходныхъ осадныхъ войскъ. Въ то время, когда на всемъ пространствѣ Венгерскаго королевства не оставалось ни одного Австрійскаго солдата, одинъ Темешваръ стоялъ, какъ скала на морѣ; ни частыя бомбардировки, разрушившія почти всѣ зданія, ни недостатокъ продовольствія, заставившій гарнизонъ употребить въ пищу всѣхъ лошадей, ни совершенное истощеніе боевыхъ снарядовъ не могли принудить мужественныхъ Сербовъ къ сдачѣ крѣпости непріятелю.

Когда мы приблизились къ крѣпости, то она въ первый разъ послѣ 11 мѣсяцевъ отворила свои ворота и выпустила на Божій свѣтъ, можно сказать, тѣни героевъ: почти ни одинъ офицеръ не былъ безъ раны; всѣ были блѣдны и худы, какъ скелеты.

Три дня мы отдыхали у Темешвара, угощая его голодныхъ защитниковъ, чѣмъ Богъ послалъ; наконецъ двинулись къ крѣпости Араду, объявившей готовность сдаться, но только не Австрійцамъ, а Русскимъ. Черезъ нѣсколько переходовъ, одинъ баталіонъ нашего полка торжественно вступилъ въ крѣпость и передалъ ее Австрійцамъ.

Въ Арадѣ мы пошли въ театръ и были свидѣтелями выраженій жителями уваженія къ заслугамъ своихъ недавнихъ враговъ: среди спектакля, въ такъ называемую королевскую ложу вошли вмѣстѣ генералы Панютинъ и Шликъ: всѣ зрители поднялись съ мѣстъ и поклонились имъ.

XXI.

Въ селѣ Шимондѣ объявлено намъ объ окончаніи военныхъ дѣйствій, и данъ былъ отряду 10-дневный отдыхъ. Кто самъ не переносилъ всѣхъ неудобствъ, сопряженныхъ съ военнымъ походомъ, тотъ не въ состояніи понять удовольствія, которое въ эти 10 дней мы испытывали. Вмѣсто песку и пыли, которою мы въ теченіи двухъ съ половиною мѣсяцевъ дышали—чистый горный воздухъ; вмѣсто утоляющей жажду зеленой плесени лужъ, иногда встрѣчаемыхъ близъ дороги—прекрасная родниковая вода, арбузы и виноградъ; вмѣсто сна на сырой отъ обильной росы землѣ, сносная, хотя нероскошная постель въ теплой комнатѣ; вмѣсто едва разъ въ мѣсяцъ перемѣняемаго, гряз-

наго какъ у трубочистовъ, бѣлья—чистое бѣлье, на чистомъ тѣлѣ; вмѣсто сухарей, мутнаго зеленаго чая и противнаго Швейцарскаго сыру теплая вкусная пища; а что всего важнѣе, такъ это душевный покой и сознаніе исполненнаго долга. Послѣ почти суточнаго сна, въ ожиданіи прибытія своихъ вьючныхъ лошадей, мы съ Евневичемъ, запасшись въ изобиліи виноградомъ, отправились охотиться на покрытыя маисомъ поля, но кромѣ перепелокъ ничего не могли найти. Пройдя около трехъ верстъ въ прямомъ направленіи, увидѣли мы на равнинѣ небольшой лѣсъ и направились къ нему, въ надеждѣ на лучшую охоту, но должны были разочароваться: это былъ не дикій лѣсъ, а садъ, или вѣрнѣе паркъ, за которымъ виднѣлся красивый домъ его владѣльца. День былъ жаркій, а густая тѣнь вѣковыхъ деревьевъ такъ привѣтливо манила къ себѣ, что мы рѣшились нарушить право собственности, перескочили канаву и усѣлись отдыхать на ближайшей скамейкѣ. Закусывая виноградомъ, мы начали припоминать эпизоды минувшей войны и такъ увлеклись разговоромъ, что и не замѣтили, что на насъ съ удивленіемъ смотритъ цѣлое общество; оглянувшись, я увидѣлъ группу дамъ и мужчинъ, изъ коихъ одинъ среднихъ лѣтъ господинъ приближался къ намъ. Поклонившись, онъ о чемъ-то спрашивалъ на Французскомъ, Нѣмецкомъ и Венгерскомъ языкахъ, но получая въ отвѣтъ лишь Венгерское слово «nemtudom» (не понимаю) ушелъ къ дому и приглашалъ насъ знаками обождать; остальное общество подошло къ намъ ближе. Вскорѣ возвратился ушедшій, въ сопровожденіи лакея, который, на плохомъ Польскомъ языкѣ, спросилъ, кто мы такіе. Узнавъ, что мы Русскіе офицеры, хозяинъ сталъ усиленно звать насъ къ себѣ.

Приглашеніе было такъ любезно, что мы, не смотря на свои охотничьи костюмы, не рѣшились обидѣть хозяина отказомъ и послѣдовали вмѣстѣ съ остальнымъ обществомъ въ красивый обширный павильонъ. Послѣ угощенія фруктами и виноградомъ, начались разспросы, изъ какого мы отряда, въ какихъ были сраженіяхъ, какого мы мнѣнія объ Австрійскихъ и Венгерскихъ войскахъ и т. д. Затѣмъ мы, ссылаясь на свои понятія о приличіяхъ, попросили отпустить насъ на время домой, чтобы переодѣться. Взявъ обѣщаніе возвратиться, хозяинъ велѣлъ заложить пару породистыхъ лошадей въ коляску, и мы отправились, переодѣлись въ визитную форму и, пригласивъ съ собой нашего любезнаго командира баталіона, маіора N., возвратились и уже смѣлѣе вошли въ залъ. Общество увеличилось еще нѣсколькими семействами, вѣроятно приглашенными по случаю ожидаемыхъ Русскихъ гостей. Вскорѣ послѣ нашего возвращенія, подали на столъ серебря-

ный самоваръ, съ такими же принадлежностями; но насъ удивило, что чайникъ оставался безъ употребленія. Черезъ четверть часа хозяйка налила изъ самовара въ чайникъ, а изъ него въ три стакана до половины съ сахаромъ какой-то черной жидкости и подала намъ, говоря, что намъ вѣроятно доставитъ удовольствіе нашъ національный напитокъ.

— Передай своей госпожѣ, сказалъ я лакею, что національный напитокъ Русскихъ не кофе, а чай.

— Да это и есть чай, отвѣчала она.

Я попробовалъ; нестерпимая горечь и запахъ пареннаго сѣна поразили мой вкусъ и обоняніе. Замѣтя по нашимъ гримасамъ, что чай не понравился, хозяйка засуетилась и велѣла спросить, какъ мы его находимъ.

— Попроси госпожу, чтобы она была столь любезна и показала чай въ натуральномъ видѣ.

Принесли полъ-пачки, чай оказался цвѣточный, съ хорошимъ запахомъ.

— А какъ онъ былъ приготовленъ?

— Въ самоваръ всыпали полфунта чаю, налили водой, вскипятили и подали на столъ.

— А спроси, какую роль долженъ играть чайникъ?

— Я думаю, отвѣчала хозяйка, для удобнѣйшаго разливанія въ стаканы.

— Вы извините, господа, добавилъ хозяинъ, если нашъ чай не пришелся вамъ по вкусу; но признаюсь, мы сами его пить не можемъ, хотя, вслѣдствіе начинающейся моды, всѣ мы завели самовары и прочія принадлежности чая. Вѣроятно мы не такъ его приготовляемъ.

— Такъ позвольте, сказалъ я, мнѣ приготовить чай по-русски; авось онъ и вамъ понравится.

— Сдѣлайте одолженіе!

Я велѣлъ человѣку взять самоваръ и нести за собой на дворъ; все общество послѣдовало за нами. На дворѣ я приказалъ вылить вонъ эту гадость и нѣсколько разъ вымыть самоваръ, потомъ налить воды и положить угольевъ; въ это время хозяйка принесла чай и, подавая мнѣ, просила всыпать въ самоваръ; знàкомъ и улыбкой я далъ ей понять, что еще не время. Между тѣмъ всѣ разсѣлись на крыльцѣ и слѣдили за моими дѣйствіями; когда самоваръ сталъ закипать, хозяйка опять подошла съ чаемъ, но я, взявъ чай, приказалъ нести самоваръ въ комнату и тамъ, въ присутствіи всѣхъ, приготовилъ чай какъ слѣ-

дуетъ; принесли стаканы, я самъ налилъ и подалъ чай гостямъ. Венгерцы пришли въ восторгъ отъ его вкуса и наперерывъ благодарили за науку.

Фамилія нашего радушнаго хозяина Ченгеры. Онъ очень богатый землевладѣлецъ, предки его владѣли даже городомъ, называвшимся также Ченгеры, но съ размноженіемъ рода раздробилось и имѣніе. Одна отрасль ихъ рода поселилась въ Русской Польшѣ, въ царствованіе императрицы Екатерины, а представители ея находятся и теперь въ Россіи; но въ то время я не слыхалъ подобной фамиліи и уже спустя 14 лѣтъ первый разъ прочелъ въ газетахъ о славныхъ подвигахъ, во время усмиренія послѣдняго Польскаго мятежа, полковника Ченгеры, а спустя еще 10 лѣтъ, познакомился въ Полтавѣ и подружился съ братомъ его, добрѣйшимъ и благороднѣйшимъ Иваномъ Осиповичемъ, раненымъ во время Севастопольской кампаніи.

XXII.

Въ Шимондѣ отрядъ нашъ отдѣлился отъ Австрійской арміи и послѣдовалъ на присоединеніе къ корпусу генерала Ридигера, передъ которымъ, незадолго до нашего прибытія, Гёргей сложилъ оружіе *). Во время этого движенія, на ночлегахъ къ намъ начали являться Венгерскіе офицеры, родомъ Галиційскіе Поляки, съ просьбами провести ихъ домой, подъ видомъ нашихъ деньщиковъ, на что̀ мы охотно соглашались. Со мною слѣдовалъ до мѣста родины очень умный, милый и веселый молодой человѣкъ; онъ въ числѣ множества разсказовъ изъ минувшей войны передалъ также, какъ и отчего произошла сдача Гёргеемъ въ плѣнъ остатковъ арміи. Послѣ успѣховъ нашего оружія въ Трансильваніи или, какъ ее называлъ разсказщикъ, въ Семиградской области, и разбитія нами отряда Гёргея при С.-Перетѣ, диктаторъ Венгерскаго правительства Кошутъ созвалъ всѣхъ полководцевъ въ Пештъ и на общемъ совѣтѣ объявилъ, что дѣло ихъ на этотъ разъ проиграно; что дальнѣйшее веденіе войны противъ соединенныхъ силъ двухъ великихъ державъ было бы безразсудствомъ и напраснымъ пролитіемъ крови и что для нихъ остается лишь съ честью окончить войну и сдаться, но никакъ не Австрійцамъ, а на милость императора Николая.

*) При мѣстечкѣ Вилагосѣ 13 Августа 1849 года. У Гёргея оставалось 207 тыс. пѣхоты, 27 т. кавалеріи и 130 пушекъ. Онъ уже съ 21 Іюля началъ сноситься съ Русскими и убѣждалъ Венгерское правительство предложить Венгерскую корону императору Николаю. Ю. Б.

Съ этимъ совѣтъ вполнѣ согласился. Оставалось только найти человѣка, который бы, изъ любви къ отечеству, согласился принять на себя передъ народомъ отвѣтственность за такой печальный исходъ національнаго движенія, такъ какъ Кошутъ объявилъ, что онъ не можетъ лишить свое имя того обаянія, которое онъ заслужилъ у народа, намѣренъ удалиться въ Англію и оттуда приносить отечеству посильную помощь, въ надеждѣ на болѣе благопріятное направленіе Европейской политики. Долго длилось въ совѣтѣ молчаніе, долго никто не рѣшался предать свое имя презрѣнію и проклятіямъ народа; наконецъ поднялся Гөргей и объявилъ, что для родины готовъ принести и эту тягостную жертву. Присутствующіе благодарили его и обѣщали употребить всѣ усилія, чтобы возстановить въ общественномъ мнѣніи его заслуженную честь, а Кошутъ поцѣловалъ опечаленнаго Гөргея и передалъ ему знаки своего званія народнаго диктатора *). Послѣ этого рѣшено было, что войска, находящіяся въ восточной части королевства, собравшись у Сегедина, предложатъ сдаться нашему отряду, съ условіемъ не передавать оружія и плѣнныхъ Австрійцамъ; если же послѣдуетъ отказъ, то дать послѣднее сраженіе. Гөргей же, занимавшій крѣпость Коморнъ, собравъ окрестные отряды, долженъ былъ отправиться на встрѣчу главной Русской арміи и положить оружіе передъ ближайшимъ отрядомъ, если не встрѣтится прежде съ Австрійцами, которымъ, въ такомъ случаѣ, дастъ сраженіе. Первое предположеніе не сбылось по случаю отказа Гайнау согласиться на условія, почему произошла описанная мною битва у Сегедина; но Гөргей, счастливо избѣгнувъ встрѣчи съ Австрійцами, сдалъ свои войска генералу Ридигеру.

О безчеловѣчіи генерала Гайнау спутникъ нашъ разсказывалъ много анекдотовъ. Изъ нихъ особенно врѣзался въ мою память слѣдующій. На проходѣ Австрійскихъ войскъ черезъ городъ Раабъ, къ Гайнау явилась 70-лѣтняя жительница города и, упавъ на колѣни, умоляла освободить ея 80-лѣтняго мужа, арестованнаго и отправленнаго въ какую-то крѣпость за то, что они принимали въ своемъ домѣ Венгерскихъ офицеровъ. Ваше высокопревосходительство, сказала она, въ наши лѣта угасаютъ патріотическія фантазіи; для насъ всѣ люди имѣютъ равное право на участіе; до войны мы также радушно принимали въ своемъ домѣ Австрійскихъ, какъ впослѣдствіи Венгерскихъ офицеровъ. Сжальтесь надъ нашими сѣдинами и освободите моего дряхлаго друга. Выслушавъ просьбу, Гайнау велѣлъ ей обождать и вскорѣ выслалъ ей

*) Гөргей принялъ диктаторство 11 Августа 1849 года. Ю. Б.

пакетъ, съ приказаніемъ лично отвезти и вручить его коменданту той крѣпости, въ которой содержался ея мужъ. Обрадованная старушка, возсылая мольбы за милостиваго генерала, отправилась въ крѣпость и когда комендантъ прочелъ бумагу, въ понятномъ нетерпѣніи спросила:

— Когда же, генералъ, я увижу своего мужа?

— Завтра въ 7 часовъ утра, на базарной площади.

— Почему же не сегодня?

— Потому, что я долженъ буквально исполнить привезенный вами приказъ главнокомандующаго.

Въ назначенный часъ она дѣйствительно увидѣла своего мужа, но на эшафотѣ и, когда казнь совершилась, упала мертвая на руки зрителей.

20-го Сентября 1849 года полкъ нашъ обратно перешелъ границу и направился прямо въ Варшаву.

А. Алексѣенко.

Н. И. КОСТОМАРОВЪ.

Въ 1840 году я рѣшился издать Сборникъ на Малороссійскомъ языкѣ и заручался метрическими произведеніями наличныхъ южнорусскихъ поэтовъ (кромѣ А. Л. Метлинскаго, котораго манера и тоническіе „вирши“ мнѣ не нравились). Съ Г. Ѳ. Квиткою-Основьяненкомъ я не былъ еще знакомъ, а объ Іереміи Галкѣ не имѣлъ никакого понятія; только читалъ о немъ нѣсколько раньше статью въ отдѣлѣ „Критика“ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, гдѣ этотъ отдѣлъ велъ тогда, до приглашенія Краевскимъ Бѣлинскаго, нѣкій Межевичъ. Я очень много смѣялся надъ рецензентомъ, который упрекалъ автора „Савы Чалаго“ въ излишнемъ сокращеніи словъ, отчего они лишаются прямаго значенія, выставляя примѣромъ: „кà-знà“ вмѣсто „Катя знаетъ“; а „кà-знà“ буквально значитъ „палачъ знаетъ“, и по смыслу—„чортъ знаетъ“... Кто такой этотъ Галка, гдѣ онъ проживаетъ, я не зналъ, да и о томъ, что онъ пишетъ по-малороссійски, узналъ только изъ „Отечественныхъ Записокъ“.

Разъ приходитъ ко мнѣ П. М. Кореницкій, сотрудникъ мой по изданію сборника и со смѣхомъ тычетъ мнѣ въ руки тоненькую брошюрку.— „Посмотрите-ка, Александръ Алексѣевичъ, какъ нѣкоторые пишутъ „понаськи!“ Ни по-русски, ни по-малороссійски: кто ёго знà по якому?“ Я просмотрѣлъ книжечку: это была „Вѣтка“ Іереміи Галки.

Кореницкаго смутило прежде всего самое названіе, чисто великорусское: Малороссъ не можетъ даже выговорить ни одной согласной съ буквою „ѣ“; онъ замѣняетъ этотъ звукъ острымъ „и“ и не скажетъ „Вѣтка“, а „Витка“. Потомъ дальнѣйшая орѳографія: ô, î, Французское û за неимѣніемъ Русскаго „и“ съ шапочкою...

Несмотря на учено-правильную, но пеструю для глазъ печать, я прочиталъ и перечиталъ „Вѣтку“ нѣсколько разъ. На меня повѣяло чѣмъ-то свѣжимъ, хорошимъ: это не мертвечина Могилы...

Кто же такой этотъ Галка? Я пошелъ въ Университетскую типографію, гдѣ печаталась „Вѣтка“, и здѣсь въ первый разъ узналъ, что Галка псевдонимъ *Николая Ивановича Костомарова*. Здѣсь же получилъ и его адресъ. Онъ жилъ въ Харьковѣ, по сосѣдству со мною, на Конторской улицѣ.

Я пошелъ къ нему; онъ былъ дома. Мы познакомились и сошлись на общей любви къ Малороссійскому языку.

Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати съ небольшимъ, почти мой ровесникъ, средняго роста, блондинъ, въ очкахъ, съ прекрасно очерченнымъ ртомъ, розовыми губами и женственною улыбкою. Его рѣчь можно было сравнить съ весенними порывами вѣтерка: онъ едва замѣтно картавилъ, и это шло къ нему; когда говорилъ, то часто поднималъ и опускалъ голову; когда же „входилъ въ пассію", гордо поднималъ ее; являлась между бровей складка, онѣ хмурились, лицо преображалось, голосъ крѣпчалъ, руки дрожали или терзали подвернувшійся предметъ, чаще всего носовой платокъ, а въ пылу экстаза онъ зубами разрывалъ уголки ни въ чемъ неповиннаго платка...

При первомъ нашемъ свиданіи Николай Ивановичъ вполнѣ одобрилъ мое намѣреніе издать южнорусскій Сборникъ и мой планъ размѣщенія въ немъ статей. Въ знакъ своего сочувствія къ моему изданію, онъ тогда же отдалъ мнѣ все, что было у него готово по-малороссійски: переводы изъ Байрона, изъ Краледворской Рукописи и два стихотворенія, навѣянныя Байрономъ, да обѣщалъ еще цѣлую трагедію, которую „сейчасъ допишетъ" и принесетъ ко мнѣ. Въ тотъ же день ввечеру онъ пришелъ ко мнѣ съ тетрадкою: это была „Переяславська Нічъ" — трагедія, обѣщанная мнѣ поутру; онъ ее только что кончилъ.

Усѣлись мы за столъ, и онъ сталъ читать...

Трагедія эта была, если можно такъ выразиться, резюме [1]) тогдашнихъ нашихъ свѣдѣній объ отношеніяхъ Малороссіи къ Польшѣ; а свѣдѣнія эти, кромѣ „думъ" и народныхъ преданій, почерпались изъ „Исторіи Руссовъ" Георгія Конисскаго, единственнаго повѣствователя о тѣхъ злополучныхъ временахъ [2]). Тогда еще не были изданы „Памятники Временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ": они напечатаны въ 1845 году..

„Переяславська Нічъ" имѣетъ много разностороннихъ достоинствъ. Въ ней, какъ въ зеркалѣ, отражается эпоха освобожденія вообще Малороссіи, и въ частности одного изъ ея городовъ; она олицетворяетъ идею любви въ разныхъ градаціяхъ: 1) Любовь женщины и мужчины (Герцыкъ, Староста, Марына), 2) любовь народа къ славному имени роднаго героя (полковникъ Герцикъ-отецъ, Лысенко), 3) любовь брата и сестры (Лысенко и Марина), 4) любовь къ родинѣ и 5) преобладающая и примиряющая сила христіанской любви; наконецъ, чрезъ всю трагедію проходитъ

---

[1]) Общій выводъ. П. Б.

[2]) Читатели знаютъ что изслѣдованіями покойнаго Г. Ѳ. Карпова неопровержимо доказана подложность знаменитой, приписанной Георгію Конисскому „Исторіи Руссовъ". Н. И. Костомаровъ, незадолго до своей кончины, передавалъ намъ, что нашлись рукописныя еще болѣе вѣскія, нежели у Карпова, доказательства этой подложности. Кто именно устроилъ этотъ подлогъ, имѣвшій не только историографическое, но и политическое значеніе, остается неизвѣстнымъ. Конечно тутъ работала, прямо или косвенно, рука Польская. Каково было узнать о томъ О. М. Бодянскому, который такъ гордился тѣмъ, что „Исторію Руссовъ" напечаталъ въ „Чтеніяхъ" безъ единаго цензурнаго пропуска. Подлогъ былъ необыкновенно-искусный. П. Б.

la note dominante—страданія народа отъ притѣснителей-варваровъ... Она сильно напоминаетъ Шекспировскую драму и выше нѣкоторыхъ „комедій" Кальдерона. Авторъ, по примѣру древнихъ, ввелъ въ свою трагедію хоры, выражающіе чувства зрителей и предрѣшающіе событіе. Разборъ этой пьесы К. М. Сементовскимъ былъ напечатанъ въ 1842 году въ журналѣ „Маякъ", теперь забытомъ, но тогда радушно принимавшемъ на свои страницы Малороссійскія статьи и статьи о Малороссійской литературѣ.

Итакъ, Николай Ивановичъ читаетъ свою трагедію.

Я, по предкамъ щирый Запорожецъ, а во время óно ярый любитель южнорусскаго языка и чистоты Малороссійскихъ нравовъ, съ восторгомъ слушалъ прекрасное произведеніе Костомарова и, слушая, чувствовалъ, какъ бѣгали у меня по спинѣ мурашки, а порой навертывались на глаза слезы... Да, это чтеніе оставило во мнѣ такое глубокое впечатлѣніе, что ни годы, ни житейскіе перевороты духовные и вещественные не были въ силахъ изгладить его... Съ тѣхъ поръ я полюбилъ Николая Ивановича. Наша связь крѣпла съ каждымъ днемъ, и мы часто видѣлись.

Наша бесѣда постоянно вертѣлась вокругъ Малороссійской рѣчи. Мы заботились о сохраненіи ея во всей чистотѣ. Много было собирателей народныхъ южнорусскихъ пѣсенъ, но эти пѣсни захватывали только опредѣленный циклъ; а „нашимъ" языкомъ можно было выражать многоразличныя проявленія духа человѣческаго... Иногда мы расходились въ мнѣніяхъ о Малороссійскомъ стихосложеніи. Онъ говорилъ, что свойство народной поэзіи требуетъ непремѣнно тоническаго; я стоялъ за метрическое, основываясь на Великорусскомъ примѣрѣ: съ давнихъ временъ, и въ пѣсняхъ, и въ былинахъ, и въ сатирахъ князя Антіоха Кантемира, Русская поэзія выливалась въ тоническіе стихи; потомъ, благодаря Тредіаковскому, перешла къ метрическому размѣру, и, конечно, для уха стихи метрическіе несравненно пріятнѣе тоническихъ или силлабическихъ. Да наконецъ и самъ Николай Ивановичъ, послѣ „Балладъ" и „Вѣтки", писалъ метрическими стихами: „Переяславська Нічъ" и „Еврейськи Співанки" написаны извѣстнымъ метромъ... Бесѣдовали мы о грамматическихъ неправильностяхъ, которыми преизобилуетъ „Энеида" Котляревскаго; бесѣдовали о знаменитыхъ подвигахъ соплеменниковъ моихъ въ борьбѣ съ Ляхами, о судьбѣ нашихъ казаковъ, обращенныхъ въ мирныхъ земледѣльцевъ, о позднѣйшемъ желаніи сдѣлать изъ украинцевъ, въ формѣ военныхъ поселеній, снова храбрыхъ воиновъ...

Одинъ разъ мы были возмущены скверною сценою. Идемъ на Лопанскій мостъ и, не доходя, еще съ Екатеринославской улицы, видимъ такую картину: пустой воловій возъ, на возу лежитъ „хлопецъ", а полицейскій десятскій, въ тогдашней уродливой формѣ, прыгаетъ вокругъ воза и бьетъ воловъ палкою по головамъ, заставляя ихъ свернуть налѣво, къ берегу и не допуская до Екатеринославской улицы. Добившись этого, блюститель порядка и благочинія перенесъ свою дѣятельность на „хлопца", который во все продолженіе битья воловъ улыбался во весь ротъ и при-

говаривалъ:—„От-тàкъ, от-тàкъ! Ну, щѐ! Ну, щѐ!"—и чтó всего чуднѣе, повторялъ эти поощрительныя восклицанія во все время битья его самого... По выговору общеизвѣстныхъ Русскихъ приговорокъ, всегда сопровождающихъ битье ближняго, легко можно было узнать въ героѣ „омоскаленнаго хохла".

Мы остановились.

— За чтó же ты дерешься?

— Не можна-съ оначе! Тута, по етой вулыци, живуть самы ёго сытелство.

— Ну такъ что же?

— У въ адвити буду, штё пустывъ.

Мы пошли дальше... Каждый изъ насъ вспомнилъ давноминувшее и сравнилъ его съ настоящимъ: и это потомокъ тѣхъ героевъ, чтó разбивали строи латниковъ Польскихъ!... Можетъ быть, военныя поселенія...

Кстати о военныхъ поселеніяхъ. Въ Харьковской губерніи есть огромное казенное село „Голая Долина". Въ 1838 году, я, по дорогѣ въ Харьковъ, на своихъ, заѣхалъ покормить лошадей въ это село. Въ избѣ, куда я присталъ, меня приняла старуха, усатая и бородатая. Въ разговорѣ съ нею у насъ зашла рѣчь о военныхъ поселеніяхъ, и она мнѣ разсказала слѣдующее. Только что прошелъ слухъ о томъ, что „казаковъ" обращаютъ въ „Москали", народъ „здóрово испугался". Узнали, что ѣдетъ въ нашу сторону правая царская рука, „якійсь-то енералъ". Весь нашъ округъ собрался „до купы", думали, толковали и порѣшили: выбрать изъ всѣхъ слободъ столѣтнихъ стариковъ, сколько ихъ найдется, и послать навстрѣчу генералу. Нашлось восемнадцать столѣтнихъ стариковъ, „и мого батька обрали", прибавила съ глубокимъ вздохомъ баба. Депутатовъ послали на большую дорогу въ ту сторону, откуда пріѣзжаютъ изъ „губерніи" начальники. Нѣсколько дней и старики, и „прочіе народы" съ самой зорьки выходили „на шляхъ"; ждали до вечера по пустому; наконецъ, дождались... Скачетъ. Депутаты стали поперекъ дороги, и только что подъѣхалъ генералъ,—бухъ на колѣни, а голову въ землю, поклонъ положили; а мы, прочіе, стали на колѣни и поклона не клали, а просто плакали... Вышелъ генералъ, такой поганый да сердитый!—„Чтó вамъ?" спрашиваетъ; а старики ему:—„Помилуйте! Не повертайте въ Москаливъ!" Тогда генералъ приказалъ тамъ же, на дорогѣ, сѣчь депутатовъ, и позасѣкалъ ихъ всѣхъ дó смерти.—„Кто же ихъ сѣкъ?"—„Да свои же изъ слободы. Развѣ можно ослушаться такого важнаго?!" Коментаріи излишни: очевидно этотъ палачъ—Аракчеевъ.

А вотъ и еще небольшая черта изъ жизни тѣхъ же „поселеній". Разъ императоръ Николай Павловичъ проѣзжалъ лѣтомъ по военнымъ поселеніямъ. Никитинъ, корпусный командиръ, распорядился о благообразіи пути; мѣстное начальство, съ своей стороны, распорядилось по-потемкински, и пустыя дороги, отъ поселенія къ поселенію, превратились въ дороги „аллейныя". Ѣдетъ Государь по дорогѣ и видитъ съ каждой стороны по аллеѣ изъ низенькихъ сосенъ.

— Когда посадили? спрашиваетъ царь у ямщика.

— Передъ вашимъ прiѣздомъ, Ваше Императорское Величество.

— Какъ думаешь, они примутся?

— Прiймутся, Ваше Величество. Тильки що вы проидете, зàразъ прiймутся.

Государь самодовольно улыбнулся, не подозрѣвая, что сосенки кудрявыя, срубленныя и воткнутыя въ землю для парада, примутся съ своего мѣста и превратятся въ дрова...

—

Жилъ Николай Ивановичъ на Конторской улицѣ. Онъ занималъ двѣ комнаты: большая зала и маленькая спальня. Въ залѣ посрединѣ стоялъ длинный столъ съ книгами, бумагами; вокругъ стояло нѣсколько креселъ. Хозяинъ былъ „непосѣда" и рѣдко занимался однимъ предметомъ нѣсколько часовъ къ ряду. У стѣнъ этой комнаты было поставлено больше двадцати стульевъ, старинныхъ деревянныхъ, съ чудными спинками; въ рамкѣ воткнуты были перпендикулярно тонкiя палочки, изъ которыхъ почти въ каждомъ стулѣ нѣскольких не доставало.

Осенью 1840 года Николай Ивановичъ готовился къ магистерскому экзамену; а до того, какъ говорилъ впослѣдствiи онъ самъ, съ нимъ произошелъ слѣдующiй казусъ. Гдѣ-то онъ простудилъ себѣ горло; ему представилось, что у него болѣзнь заразительнаго свойства. Обращается онъ къ молодому профессору Струве, специалисту по этой части. Докторъ сказалъ ему, что краснота въ горлѣ отъ простуды. Мнимый и мнительный больной пошелъ къ старому профессору Альбрехту, который успокоилъ его хлѣбными шариками и имѣлъ неосторожность сказать ему объ этомъ. Костомаровъ вознегодовалъ, и мысль о заразѣ явилась вновь вмѣстѣ съ покашливанiемъ и краснотою. „Хомà", его вѣрный слуга, сочувствуя нравственнымъ мученiямъ своего добраго барина, является къ нему съ радостнымъ лицомъ и говоритъ, что нашелъ такого лекаря, который можетъ вылечить самую что ни на есть поганую болѣзнь. Обрадовался Николай Ивановичъ и велѣлъ привести его къ себѣ. Является какой-то выгнанный изъ службы губернскiй секретарь, съ апломбомъ разсказываетъ чудеса про свои подвиги, бранитъ на чемъ свѣтъ стоитъ ученыхъ лекарей, которые „ни чертà не знаютъ по этой части"; потомъ осматриваетъ горло у больнаго и утверждаетъ его въ мысли объ опасности лишиться носа, но съ тѣмъ вмѣстѣ успокоивая тѣмъ, что еще дѣло поправимое, что, слава Богу, вó время обратились къ нему! Умный, ученый Николай Ивановичъ повѣрилъ возможности спасенiя, обрадовался этимъ рѣчамъ, предался леченiю шарлатана и проглотилъ впродолженiе лѣта и осени 1840 года чуть ли не двѣсти грановъ меркурiя. Это леченiе имѣло слѣдующiя послѣдствiя.

Прихожу я къ нему вечеромъ. Онъ не въ духѣ.

— Чтó съ вами, Николай Ивановичъ?—Да чтó, Александръ Алексѣевичъ! Совсѣмъ обезпамятовалъ! А тутъ еще этотъ проклятый экзаменъ! Нѣтъ, не выдержу!... — Чтó съ вами? присталъ я къ нему.—А вотъ чтó.

Ну, много ли тамъ стульевъ? И я, представьте, не могу запомнить, сколько въ нихъ палочекъ!—Я невольно засмѣялся.

— Да на кой чортъ вамъ знать, сколько ихъ!—Неужели же не понимаете? Память испытываю!.. Пойдемте!

Пошли мы въ залу. Начинаетъ Николай Ивановичъ пересчитывать тычинки:—На первомъ 18, на второмъ 21, на третьемъ 5... и такъ далѣе до послѣдняго.

Смотрю, удивляюсь, жалѣю и внутренно смѣюсь. Воротились мы въ спальню.

— Ну, экзаменуйте!—На пятомъ?—Шестнадцать.—Повѣряемъ, точно 16.—На семнадцатомъ?—Двѣнадцать. Такъ.—На девятомъ?—Одиннадцать.

По повѣркѣ оказалось 12: это на девятнадцатомъ 11...

И приходитъ въ отчаяніе Николай Ивановичъ, падаетъ на кровать, чуть не плачетъ... И смѣхъ и горе!

Или. Прихожу я къ нему тоже вечеромъ. Костомаровъ въ возбужденномъ состояніи, самъ не свой.—Опять что-нибудь въ родѣ рѣшетокъ?—Совсѣмъ не тó. Посмотрите, чтó дѣлается...—Ничего не вижу.— Какъ не видите? А эта женщина? Видите, видите?.. Идетъ... идетъ...

Я ничего не понималъ.

На столѣ у кровати лежалъ раскрытый Англійскій кипсекъ съ „Шекспировскими женщинами". Я сталъ его перелистывать.

— Оставьте! Оставьте! закричалъ благимъ матомъ Николай Ивановичъ. Онѣ еще всѣ выскочатъ и будутъ меня мучить, мучить...—Отчаянные вопли, и бѣдный больной бросается на постель... Эта галлюцинація мучила его нѣсколько вечеровъ къ ряду, и онъ, измученный, засыпалъ только подъ утро.

Я ходилъ къ Николаю Ивановичу почти каждый вечеръ. Въ одно изъ моихъ посѣщеній, я увидѣлъ на кровати небольшую книжку: это былъ Французскій переводъ сказокъ Гофмана.

— Вы это читаете, Николай Ивановичъ?

— Да, читаю. Чтó за прелесть!

Послѣ большихъ пререканій о вредѣ чтенія такихъ „прелестей" для больнаго нервами, мнѣ удалось-таки отнять у него всѣ четыре тома за четыре рубля, которые онъ заплатилъ за нихъ нѣсколько дней передъ тѣмъ. Съ Гофманомъ оставили мученика и галлюцинаціи. Помню, что заложена была середина сказки: „La princesse Brambilla".

Шарлатанское лѣченіе чуть не свело съ ума Николая Ивановича, и онъ, бѣдный, при такомъ нравственномъ недугѣ, держалъ магистерскій экзаменъ, и чтó всего удивительнѣе, выдержалъ его блестящимъ образомъ. Приходится благоговѣть предъ этою энергіею, силою воли и крѣпостію ума человѣка, еще очень молодаго, который, по словамъ одного рецензента, „согрѣшилъ" въ началѣ того же 1840 года (еще до болѣзни) „никуда негодною трагедіею"...

„Юношеское произведеніе!"... Да мало ли написано юношами такого, о чемъ бездарная старость и мечтать не смѣетъ! Я думаю, что и самъ

рецензентъ вспомнитъ не одинъ десятокъ такихъ твореній. Давно когда-то, лѣтъ пятьдесятъ уже тому, я прочиталъ такую замѣтку: „Каждое, даже великое произведеніе генія, можно сдѣлать глупымъ и смѣшнымъ, стóитъ только взяться за дѣло умѣючи", и, для примѣра, разбирается „Гамлетъ"... Точно такъ поступилъ и нашъ критикъ и даже привелъ нѣсколько стиховъ, впрочемъ, „ни къ селу, ни къ городу"... Вѣрно ему неизвѣстно, что Костомаровъ, гораздо раньше „Переяславской Ночи", написалъ много хорошаго: „Сава Чалый", „Вѣтка", „Украиньски Баллады" (напечатаны до 1840 года), „Сорокъ Літъ", Малороссійская сказка [1]). Николай Ивановичъ далъ мнѣ эту сказку для „Снопа". Начало ея переписалъ я, но, поторопившись отсылкою рукописи въ цензуру, пришилъ къ ней оригиналъ, писанный связнымъ почеркомъ автòра на синей почтовой бумагѣ рыжеватыми чернилами и такъ неразборчиво, что цензоръ Никитенко не могъ ее прочитать, написалъ это сверху сказки, а потомъ перекрестилъ всѣ страницы, писанныя Николаемъ Ивановичемъ и такимъ образомъ не пропустилъ хорошей сказки, начало которой цѣло у меня. Все бы ничего: если бы рукопись сохранилась, можно было бы разобрать и напечатать; да злая судьба постигла ее вмѣстѣ съ остальнымъ процензурованнымъ текстомъ. Она была вшита въ большую тетрадь, съ которой печатался „Снjпъ"; эта тетрадь оставлена была въ университетской типографіи, бывшей подъ вѣдѣніемъ какого-то Матусевича... Хлопоталъ я о своей рукописи нѣсколько лѣтъ тому назадъ, спрашивалъ у какого-то типографскаго чиновника, но онъ отозвался „неимѣніемъ ничего подобнаго".

Читая въ „Русской Старинѣ" статью Мордовцова о Николаѣ Ивановичѣ и его пребываніи съ семьею въ Дѣдовцахъ въ 1883 году, я позавидовалъ Мордовцову, что самъ не могъ быть тогда въ числѣ обитателей Дѣдовецъ, которыя любилъ заочно, не говоря уже о Софьѣ Марковнѣ [2]) и Марьѣ Петровнѣ Савченко [3]), и даже самые Дѣдовцы, даже „тамошній" мѣсяцъ...

„Ой, мисяцю мисяченьку! Зайди за комòрю:
Хай я въ своимъ милесенькимъ трòшки поговòрю..."

Припоминаю, что это было эпиграфомъ одной главы въ Малороссійской сказкѣ „Сорокъ Літъ," погибшей въ университетской типографіи. Такая же участь постигла и ненапечатанныя „Еврейськи Співанки", которыя Костомаровъ чрезвычайно близко перевелъ съ Байрона: я отослалъ ихъ въ Петербургскую духовную цензуру въ 1841 году; тамъ онѣ и остались...

Николай Ивановичъ хорошо зналъ Англійскій языкъ, хотя и не говорилъ по-англійски. Переводы его „Еврейскихъ Мелодій" напечатаны въ

---

[1]) Эта сказка переведена Николаемъ Ивановичемъ по-русски и напечатана въ „Приложеніи" къ „Газетѣ Гатцука" за 1880 годъ.

[2]) Софья Марковна Киссель, падчерица Н. И. Костомарова, по мужу Котельникова, умерла 25 Апрѣля 1887 года.

[3]) М. П. Савченко—сосѣдка А. Л. Костомаровой въ селѣ Дѣдовцахъ.

моемъ „Снопѣ". Знатоки говорили, что не только размѣромъ, но и сочетаніемъ звуковъ эти переводы разительно сходны съ подлинниками. Онъ изучалъ великаго Шекспира и перевелъ его „Ричарда Третьяго" безъ малѣйшихъ пропусковъ, прозою. Дюсисъ, какъ извѣстно, не только *сглаживалъ* Шекспировскія выраженія, но даже, во имя какого-то приличія или вкуса, позволялъ себѣ переиначивать самыя пьесы; такъ въ его передѣлкѣ „Гамлета" „добродѣтель торжествуетъ." У Николая Ивановича выходило на чистоту. Помню, какъ славно ругаются три королевы, обиженныя Ричардомъ, котораго одна называетъ паукомъ съ нецензурнымъ эпитетомъ, а тамъ о сѣмени... Рукопись Николая Ивановича, переводъ Шекспировскаго „Ричарда Третьяго" самый полный, безъ пропуска извѣстныхъ словъ и фразъ, на Русскій языкъ, отдана была мнѣ и, къ сожалѣнію, истреблена пожаромъ 28 Января 1863 года въ имѣніи моемъ (а вмѣстѣ съ нею истреблена моя богатая библіотека и многое множество дорогихъ для меня рукописей, въ томъ числѣ письма Основьяненка, Шевченка, Гребенки, Костомарова; осталась только миртовая вѣточка съ могилы Маріи Потоцкой, присланная мнѣ Николаемъ Ивановичемъ изъ Крыма и хранившаяся въ другомъ мѣстѣ).

Николай Ивановичъ замышлялъ еще какую-то фантастическую сцену „Микола Наталичъ". Начало ея онъ мнѣ декламировалъ наизустъ. Сидитъ Наталичъ противъ печки, гдѣ горятъ дрова и разсуждаетъ: вотъ было полѣно, имѣло свою форму; оно сгорѣло, но форма пока еще остается... Пройдетъ немного времени, и самая форма—*зобразъ* исчезнетъ... Все обратится въ прахъ! Я только и слышалъ эту тираду, сказанную съ увлеченіемъ по-малороссійски пятистопнымъ ямбомъ... Кончилъ ли онъ эту фантазію, въ чемъ была ея суть—не знаю, и мы больше о ней не говорили.

И такъ, Костомаровъ много „нагрѣшилъ" еще за долго до „Переяславской Ночи!"

Въ упомянутомъ пожарѣ сгорѣла и оригинальная драма Николая Ивановича, написанная по-русски, *Мазепа*. Въ ней герой подходитъ близко къ тому образу, который представлялся нѣкоторымъ изъ нашихъ современниковъ, и впослѣдствіи отлитъ авторомъ въ превосходную форму одной изъ его монографій. Эта пьеса написана была Александрійскими стихами. Я началъ было переводить „Мазепу" на Малороссійскій языкъ стихами же, да потóмъ, за экзаменами, отложилъ это. Рукопись Николая Ивановича сгорѣла, а все, переведенное мною (нѣсколько явленій, съ замѣчаніями на поляхъ Николая Ивановича) по какому-то особенному случаю, сохранилось...

Мы оба занимались изученіемъ Славянскихъ языковъ. Николай Ивановичъ досталъ книгу съ Польскимъ названіемъ: „Píesni ludu Galicyjskiego". Въ этомъ собраніи Галицкихъ пѣсенъ, напечатанныхъ Латинскими буквами, помѣщены Малороссійскія пѣсни слово въ слово, кромѣ раздѣленія возвратныхъ глаголовъ на собственно глаголъ и мѣстоименіе: винъ „ся бивъ" вмѣсто „бився".

Во время óно студенты могли брать книги изъ университетской библіотеки только по запискамъ профессоровъ, которые давали имъ свою

бланковую подпись внизу чистой страницы. Мнѣ давалъ такіе бланки А. Л. Метлинскій. Я взялъ одинъ разъ по его запискѣ „Ohlas Pěsni Russkich“ Чеха Челяковскаго и три томика Мицкевича, напечатанные въ Вильнѣ съ цензурнаго дозволенія. Мнѣ очень понравились „Крымскіе Сонеты“, и я перевелъ изъ нихъ на Малороссійскій „Аккерманскія Степи“. Случилось такъ, что Николай Ивановичъ пришелъ ко мнѣ именно въ то время, когда я только что кончилъ этотъ переводъ. Онъ ему очень понравился, какъ чрезвычайно близкій къ оригиналу, и Николай Ивановичъ совѣтовалъ мнѣ перевести всѣ остальные сонеты... Вдругъ является посолъ отъ Метлинскаго съ запискою, гдѣ онъ требуетъ, „чтобы я немедленно, какъ можно скорѣе“, возвратилъ Мицкевича въ Библіотеку. Онъ приходилъ въ ужасъ отъ моей смѣлости—взять эти опальныя книги на его имя... Чтò же дѣлаетъ Николай Ивановичъ? По разсѣянности онъ забылъ, что я читаю по-польски и даже, что „Stepy Akkermanskie“ уже переведены,—и принесъ ко мнѣ свѣжепереписанныхъ для меня восемь сонетовъ. На первой страницѣ стояли „Степи“, переписанныя Русскими буквами... Тяжелый трудъ, мозольный... Да Костомаровъ былъ добрый человѣкъ!

—

Разъ идемъ мы съ Николаемъ Ивановичемъ въ соборъ на архіерейскую службу и заходимъ къ Апарину въ книжную лавку. Спрашиваемъ, нѣтъ ли чего новенькаго? Апаринъ подаетъ тонкую книжечку—„Кобзарь“. Мы присѣли въ лавкѣ, да и просидѣли не только обѣдню—и самый обѣдъ: всю книгу прочитали... Это было что-то совсѣмъ особенное, новое, оригинальное. „Кобзарь“ поразилъ насъ! Не однихъ насъ, а всѣхъ своихъ читателей. Даже величественный, блестящій (жалованными за дѣвичій институтъ перстнями) генералъ удостоилъ остановить меня на улицѣ и передать свое восхищеніе Шевченкомъ, который прислалъ ему свою книжку; а вѣдь Артемовскій-Гулакъ былъ чѣмъ-то въ родѣ Юпитера!

Возвратившись домой, я, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ „Кобзаря“, отправилъ Шевченкѣ посланіе и „Снипъ“; онъ мнѣ написалъ отвѣтъ и прислалъ „Кобзаря“. Съ этого времени у насъ началась переписка.

—

Возвращаюсь къ экзамену. Зная, что Николай Ивановичъ держитъ экзаменъ въ правленіи университета 4 Декабря 1840 года, я зашелъ къ нему. Онъ сидѣлъ въ комнатѣ передъ присутственною залою, одинъ и дописывалъ на большомъ почтовомъ листѣ что-то такое по-французски... Боже мой, чтò это было за писаніе. Клякса на кляксѣ, помарка на помаркѣ... А тутъ еще бумага тонкая—пропускаетъ... Почеркъ его извѣстенъ. Подается сочиненіе это въ Совѣтъ; ученое сонмище смотритъ, недоумѣваетъ, вѣритъ и благоразумно проситъ его взять свое писаніе нà-домъ и переписать для удобства экзаменаторовъ. Нѣтъ худа безъ добра...

—

Наконецъ, Николай Ивановичъ сталъ поправляться отъ своихъ, нажитыхъ лекарствами, недуговъ и началъ писать диссертацію объ Уніи,

тогдашней злобѣ дня. Матеріалы у него были подъ рукою, въ томъ числѣ и моя „Исторія Флорентійскаго Собора“ современной печати. Сочиненіе было скоро кончено, напечатано съ одобренія Совѣта и роздано, кому слѣдовало, въ томъ числѣ и почетному члену нашего университета архіепископу Иннокентію Борисову. Я тоже получилъ книжку.

Скоро послѣ этого, помнится на второй день, прибѣгаетъ ко мнѣ Николай Ивановичъ, совершенно разстроенный. „Отдайте „Унію“!“ Зачѣмъ? „Иннокентій придрался къ слову на первой страницѣ .. У меня проскользнуло выраженіе: „Константинопольскій патріархъ, не смотря на всю ничтожность своего *сана*“, вмѣсто своего *значенія* „послѣ завоеванія Турками Византійской имперіи“...

— Такъ перепечатайте эту страницу.

„Я предлагалъ; но онъ сказалъ мнѣ, что „унія“—предметъ очень важный, и о немъ надо писать не тоненькую книжечку, а нѣсколько томовъ. . При этомъ очень прозрачно намекнулъ, что самъ собирается писать объ „уніи“.

— Такъ какъ же вы?

„Онъ спросилъ, чего стòитъ печатаніе моей книжки; я сказалъ 500 рублей ассигнаціями. Онъ предложилъ мнѣ эти деньги; я отказался“.

— Хорошо. Чтò же можетъ онъ сдѣлать съ „Уніею“? Вѣдь факультетъ и Совѣтъ пропустили?

„Все сдѣлаетъ, чтò захочетъ! Придется писать новую диссертацію. Давайте „Унію“!“

Я возвратилъ ему „Унію“, и онъ убѣжалъ отъ меня.

Не знаю, кáкъ и чтò тамъ было дальше: я только передаю фактъ, за истину котораго ручаюсь.

Въ своей „Автобіографіи“ Николай Ивановичъ ошибается, устраняя Иннокентія отъ дѣла объ „Уніи“. Иннокентій былъ единственнымъ виновникомъ уничтоженія этой диссертаціи, излагавшей дѣло совращенія въ унію сжато и толково, безъ цвѣтовъ краснорѣчія. Я прочиталъ ее всю и увѣряю, что даже приснопамятный Шешковскій не нашелъ бы въ ней ничего „такого—знаете“. Ничтожность сана патріаршаго—сгубила ее!...

—

Лѣтомъ 1841 года Николай Ивановичъ обрадовалъ меня нежданнымъ-негаданнымъ своимъ пріѣздомъ въ нашу деревеньку Богдановскую-Антиповку, въ Ростовскомъ на Дону уѣздѣ. Мы всѣ, родители мои и я, приняли дорогаго гостя съ рáспростертыми объятіями, и онъ прогостилъ у насъ трое сутокъ. Мы съ нимъ почти все время проводили въ нашемъ большомъ саду-паркѣ, бесѣдовали и, оба безголосые, распѣвали „мѣстныя южнорусскія пѣсни.

Въ „Автобіографіи Н. И. Костомарова“, напечатанной въ „Русской Мысли“ 1885 года (книга пятая, стр. 204) сказано, что „Срезневскій, Метлинскій, Рославскій, Лукьяновичъ и онъ—пѣли“. Всѣ эти господа не имѣли ни тѣни голоса и оправдывали собою мнѣніе, что всѣ безголосые—стра-

стные пѣвцы. Вообразить не трудно, какой раздирательный квинтетъ оглашалъ Хо̀рошевскія окрестности, а въ Хо̀рошевѣ-монастырѣ „сладкогласыхъ“ пѣвицъ-послушницъ было чуть не двѣ сотни: этотъ монастырь ими славился, гордился и богатѣлъ... Особенно Метлинскій любилъ пѣть. Помню, разъ мы съ Николаемъ Ивановичемъ были у него. Онъ задался мыслію познакомить насъ съ новымъ мотивомъ хорошей пѣсни и затянулъ маленькимъ, тоненькимъ, дребезжащимъ голоскомъ съ какими-то особыми выкриками и завываньями:

Та вже тая вмерла,
Що таба̀ку терла;
А у неи дочка̀ ѐ,
Що таба̀ку продаѐ...

У насъ гостила въ то время пятнадцатилѣтняя дѣвушка пансіонерка Машинька Щербина. Николай Ивановичъ, по природѣ застѣнчивый, особенно съ прекраснымъ поломъ, никакъ не рѣшался заговорить съ дѣвочкою. Разъ въ саду мы гуляли втроемъ. Я обратился къ Машинькѣ по-французски вслухъ и предложилъ ей побесѣдовать съ Николаемъ Ивановичемъ: мнѣ крѣпко хотѣлось свести ихъ на короткую ногу, такъ какъ онъ былъ мой хорошій пріятель, а она—не суженая моя невѣста. Бойкая дѣвочка что-то сказала ему; онъ отвѣчалъ: „Oui, monsieur“. Она еще что-то; онъ опять: „Oui, monsieur“... Такъ оно продолжалось нѣсколько времени, покамѣстъ я не выдержалъ и расхохотался. „Ахъ, Николай Ивановичъ! Да развѣ „мусьи“ ходятъ въ юбкахъ?“—Николай Ивановичъ зналъ прекрасно много языковъ, но, не имѣя практики, говорилъ безукоризненно только по-русски. А тутъ еще бойкая дѣвушка, хорошенькое, свѣженькое личико, да ко всему этому—природная застѣнчивость и отсутствіе женскаго общества, которое играетъ такую знаменательную роль въ дѣлѣ воспитанія мужчинъ.

Вступленіе въ наши края сопровождалось для Николая Ивановича нѣкотораго рода оваціею. При самомъ въѣздѣ его въ Таганрогъ, какъ-то такъ случилось, что онъ встрѣтился съ Маркомъ Ивановичемъ Фумели, почтеннымъ туземцемъ, человѣкомъ хорошо образованнымъ. Узнавши, что это Костомаровъ, онъ же и „Галка“, Малороссійскій писатель-поэтъ (о чемъ онъ зналъ изъ моего „Снипа“ и отъ меня лично), Фумели пригласилъ его къ себѣ, принялъ какъ дорогаго гостя и содѣйствовалъ его поѣздкѣ ко мнѣ въ деревню, въ 30 в. отъ Таганрога. Вещи Николая Ивановича онъ оставилъ у себя, приглашая посѣтить на обратномъ пути изъ деревни.

Сынъ его, маленькій Коля, во все время глазъ не спускалъ съ Николая Ивановича и ловилъ его каждое слово. Это теперешній Николай Марковичъ Фумели, другъ покойнаго Николая Ѳедоровича Щербины, издававшаго въ сороковыхъ годахъ въ Одессѣ „Литературные Вечера“, которые имѣли большой успѣхъ. (Въ этомъ изданіи напечатано первое произведеніе, тоже покойнаго, Елисея Яковлевича Колбасина)...

Все йде, все минàе!... И краю не мàе:
Куды воно дилось, звидкиля взялóсь...

— —

Я уже былъ знакòмъ съ Квиткою и повезъ къ нему Николая Ивановича. Григорій Өедоровичъ, знаменитый „Грицько Основьяненко“ жилъ тогда въ маленькомъ одноэтажномъ домикѣ на Основѣ, подгородной Харьковской слободѣ. Насъ приняли радушно. Тогда „Снипъ“ только что былъ напечатанъ и, конечно, рѣчь зашла, по этому поводу, о Малороссійской литературѣ вообще и о правописаніи моемъ въ особенности.

Г. Ө. Квитка былъ „самородокъ“, не получившій никакого правильнаго образованія; онъ самъ себя образовалъ. Все вниманіе родителей его было обращено на старшаго сына, Андрея. Понятно, что отъ Григорія Өедоровича нельзя было требовать разныхъ фонетическихъ и орөографическихъ тонкостей. Съ одной стороны Квитка, съ другой—Костомаровъ, ученый, выдержавшій уже магистерскій экзаменъ. Интересно было слушать бесѣду ихъ о разныхъ синтаксическихъ, фонетическихъ и tutti quanti вопросахъ по южнорусскому языку... Говорятъ много и долго—и не понимаютъ другъ друга... Положеніе, по истинѣ, комическое! У одного талантъ и душевная простота; у другого и талантъ, и знаніе; тотъ уже пріобрѣлъ извѣстность, этотъ еще только что начинаетъ... Вотъ уже можно было примѣнить къ ихъ разговору „наську“ поговорку: „Ты ёму образы́, а винъ тоби лубъя!“ Въ концѣ концовъ они оба остались довольны другъ другомъ. Не знаю, бывалъ ли послѣ того Николай Ивановичъ у Квитки.

—

Въ 1842 году, съ ученической скамьи, я поступилъ прямо въ столоначальники Харьковской Уголовной Палаты, по приглашенію Квитки, только что избраннаго и утвержденнаго ея предсѣдателемъ. Объ этомъ избраніи Григорій Өедоровичъ разсказалъ мнѣ слѣдующій курьезъ.

Собрались дворяне со всей губерніи на выборы. Старшій братъ Квитки-Основьяненка, Андрей Өедоровичъ, бывшій Псковскій губернаторъ, потомъ сенаторъ и чуть ли не шесть трехлѣтій къ ряду губернскій предводитель дворянства, слѣдовательно уважаемый дворянами, предложилъ въ предсѣдатели Уголовной Палаты Григорія Өедоровича, который служилъ тогда совѣстнымъ судьею. Конечно, избраніе состоялось. Андрей Өедоровичъ съ прочими дворянами поздравляетъ его съ новою должностью и говоритъ ему наставительнымъ тономъ:—Только вы, братъ, ужъ не пишите ни по-хохлацки, ни по-русски: это къ такому важному мѣсту и теперешнему вашему положенію совсѣмъ не идетъ!

— Да ужъ пожалуйста, Григорій Өедоровичъ оставьте свои писанія! Мы всѣ васъ о томъ убѣдительно просимъ...—послышалось съ разныхъ сторонъ.

— Очень хорошо, господа! Готовъ исполнить волю почтеннаго дворянства. Только позвольте, братецъ, попросить васъ прочитать вотъ это письмо,—и подаетъ брату письмо.

Сенаторъ вынимаетъ изъ кармана очки, изъ конверта письмо, перевертываетъ его и читаетъ подпись: „сердечно любящій и почитающій васъ покорнѣйшій вашъ слуга Василій Жуковскій". — Какой это Жуковскій? Сочинитель тоже? спрашиваетъ съ улыбкою сенаторъ. — Да, сочинитель и воспитатель Государя Наслѣдника Цесаревича... Покорнѣйше прошу ваше превосходительство прочитать вслухъ это письмо. Жуковскій писалъ, что переводъ Квитки съ его же Малороссійской повѣсти „Божьи Дѣти", напечатанный въ „Утренней Зарѣ", онъ имѣлъ счастіе читать въ Высочайшемъ семействѣ, что, слушая этотъ прекрасный разсказъ, Государыня Императрица изволила умилиться, а Великія Княжны плакали, и что всѣ просятъ Квитку писать еще и еще... — Поздравляемъ! Поздравляемъ! раздалось со всѣхъ сторонъ, а сенаторъ облобызалъ „Грицька" и, со слезами на глазахъ и дрожаніемъ въ голосѣ, просилъ продолжать дѣлать честь ихъ благородному сословію, да и вообще дворянству.

Извѣстный нашъ проповѣдникъ, архіепископъ Иннокентій, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Г. Ѳ. Квиткою, понималъ его литературное значеніе, уважалъ его и зналъ небольшія его жизненныя средства. Въ 1843 году Квитка-Основьяненко скончался. Обратились къ преосвященному съ просьбою о „словѣ" и погребеніи, и вручили ему 500 рублей ассигнаціями... Сказано было „слово" вообще о добрыхъ гражданахъ и честныхъ чиновникахъ, и только въ самомъ концѣ, въ продолженіи одной минуты, упомянуто было „объ усопшемъ здѣ лежащемъ", что̀ можно видѣть въ собраніи его „словъ". А на могилу не поѣхалъ: вся церемонія кончилась въ церкви... Sapienti sat.

—

Мы видѣлись съ „субъинспекторомъ" Николаемъ Ивановичемъ одинъ только разъ. Я уже служилъ тогда и цѣлые дни и вечера проводилъ въ Палатѣ. Дохнуть было некогда.. А еще приготовленіе къ кандидатскому экзамену.. Зашелъ ко мнѣ Николай Ивановичъ въ форменномъ синемъ фракѣ; мы оба горевали, что обстоятельства соединили въ немъ такіе противоположные элементы: магистръ и педель.

Передъ моимъ выѣздомъ изъ Харькова, я былъ на защитѣ его диссертаціи „Объ историческомъ значеніи Русской народной поэзіи". Въ числѣ множества посѣтителей были архіепископъ Иннокентій, конечно, всѣ профессора, почти всѣ студенты и даже нѣсколько дамъ. Застѣнчивый Николай Ивановичъ, не пившій ничего хмѣльнаго, хватилъ для храбрости рюмку старой мадеры и взошелъ на каѳедру такой розовый... Правду сказать, я за него крѣпко боялся; но, слава Богу, дѣло обошлось прекрасно: деффендентъ разбилъ своихъ оппонентовъ, и его уже готовы были поздравить, какъ вдругъ Иннокентій, съ книжкою въ рукахъ, начинаетъ своимъ пѣвуче-гнусливымъ голосомъ:

— Вы утверждаете, что чѣмъ нація малолюднѣе, чѣмъ государство менѣе объемомъ и слабѣе, тѣмъ представленія его о Богѣ и природѣ ограниченнѣе; а между тѣмъ Евреи — на что̀ ужъ слабый народъ, да и Палестина небольшая землица... а кто изобразилъ Господа величественнѣе, могуще-

ственнѣе, торжественнѣе Еврейскихъ пророковъ? И въ чьей исторіи выразилось больше энергіи, какъ не въ Еврейской?

Ректоръ и профессоръ исторіи Артемовскій-Гулакъ, сидѣвшій съ нимъ рядомъ, нашелся:—„И, ваше высокопреосвященство! Если бы мы свои ученыя сочиненія вздумали основывать на Еврейской исторіи и подкрѣплять ихъ фактами изъ Ветхаго Завѣта, то намъ пришлось бы писать объ упраздненіи артиллеріи и о замѣнѣ пушекъ трубами...

Иннокентій на это ничего не сказалъ; но, желая что-нибудь замѣтить, обратился къ ректору:—„Вы, Петръ Петровичъ, пожалуста внушайте молодымъ ученымъ уваженіе къ старику Карамзину. Вотъ, *на такой-то* страницѣ, господинъ Костомаровъ опровергаетъ его мнѣніе.

— На каждаго мудреца довольно простоты, ваше высокопреосвященство; единъ Богъ безъ грѣха, а Карамзинъ—человѣкъ: errare humanum est.

На томъ и кончилось. Поздравили Николая Ивановича, и онъ былъ утвержденъ въ степени магистра.

—

Сижу я у него, бесѣдуемъ о несравненной прелести южно-русской рѣчи, особенно въ устахъ хорошенькой Украинки, а ихъ такъ много въ нашей благословенной сторонѣ! Уже пробило два часа за полночь, бесѣда въ самомъ разгарѣ... Казалось бы, что подобный разговоръ могъ расположить человѣка самаго суроваго къ мягкому, доброму настроенію, пожалуй къ маниловщинѣ... Вдругъ порывъ:—„Хомà! Хомà! Хома-à!“

Является Хомá, заспанный, взъерошенный, протираетъ кулакомъ глаза и сопитъ. „Ты спишь? Не слышишь?!“ говоритъ Николай Ивановичъ. „Ступай, дрыхни!... Да не сопи!...“ При этомъ лицо его выражало ужасную ярость, а глаза дико блестѣли сквозь очки *).

Кстати объ очкахъ. У Николая Ивановича, уже студента, была оспа и оставила едва замѣтные слѣды на нижней части лба. Конфузясь этого, миловидный юноша надѣлъ очки, чтобы оправою закрыть рябинки, а вмѣстѣ и помогать зрѣнію, которое, какъ ему казалось, значительно ослабѣло отъ воспаленія глазъ во время болѣзни оспою; но неопытный юноша не обратился съ этимъ дѣломъ къ окулисту, самъ выбралъ очень сильныя стекла и тѣмъ навсегда повредилъ себѣ зрѣніе.

—

Идемъ мы съ нимъ во Всесвятское: это архіерейская дача, верстахъ въ шести отъ Харькова. Южная весна; а Николай Ивановичъ все таки въ своемъ неизмѣнномъ синемъ плащѣ съ короткимъ воротникомъ, на головѣ цилиндръ, въ рукѣ внушительная красная палка. По случаю шествія въ святое мѣсто, мы разговорились о „Писаніи“. На многолюдной и тогда Екатеринославской улицѣ пришлось мнѣ сказать о великомъ пророкѣ Исаіи:

*) Этотъ „Хома“ былъ освобожденъ матерью Николая Ивановича отъ крѣпостной зависимости, служилъ въ Кіевѣ у него по найму, послѣдовалъ за нимъ въ Саратовъ, гдѣ служилъ своему любимому барину 9 лѣтъ, до его освобожденія изъ ссылки. Н. И. поддерживалъ стараго слугу деньгами до своей кончины. Хомá умеръ въ Маѣ 1885 же года.

онъ выше всѣхъ остальныхъ и даже самаго Іереміи. . Этого было довольно, чтобы вспыхнулъ порохъ.

„Да! Великій Исаія!“ Николай Ивановичъ останавливается на тротуарѣ и начинаетъ декламировать по-славянски первую главу Исаіи, вмѣсто жестовъ размахивая палкою, то поднимая ее, то опуская, а гдѣ нужда указывала--поводя ею горизонтально... И пока не оканчивалась первая глава, не было никакой возможности остановить оратора. Это случалось нѣсколько разъ. Иногда, если декламація приходилась къ концу нашего путешествія, то есть уже въ городѣ, и Николай Ивановичъ чувствовалъ усталость въ ногахъ, онъ оканчивалъ свою „главу“ сидя на тумбѣ.

Что же? Сказано, провинція, глушь! Никто изъ прохожихъ даже на минуту не останавливался, чтобы послушать оратора, у котораго особенно хорошо выходило: „Позна̀ волъ господина своего (тыкъ палкою въ одну сторону) и осля стяжавшаго ѐ (тычекъ въ другую сторону)... Израиль же мене не позна̀ (горизонтальный размахъ)!“

Въ одну изъ нашихъ бесѣдъ Николай Ивановичъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ, квартируя студентомъ у Артемовскаго-Гулака, служилъ въ своей комнатѣ утрени и вечерни, чтобъ убѣдиться въ знаніи церковнаго служенія. „И рясу надѣвали?“

— Какъ же: все, какъ слѣдуетъ... Только недоставало мнѣ большаго креста. Я видѣлъ у Сокольскаго великолѣпный перламутровый крестъ, вполнѣ подходящій, и на немъ почило мое желаніе: вотъ бы чѣмъ украсить келію! И представьте, онъ таки достался мнѣ, и вотъ какимъ образомъ. Разъ, за обѣдомъ у Гулака сидѣлъ и Сокольскій. Зашла рѣчь о моей набожности; мнѣ было тогда всего девятнадцать лѣтъ. Пришлось похвалиться знаніемъ церковной службы. Сокольскій, вы знаете, изъ духовныхъ.— „Ну ужъ“, говоритъ, „я-то получше вашего знаю церковный обиходъ!“— Ну, ужъ нѣтъ, Петръ Ивановичъ!—„Давайте побьемся объ закладъ.“— Извольте.—Я поставилъ какую-то дорогую книгу, а его попросилъ поставить желанный крестъ. Согласились, и Гулакъ разнялъ руки. „Ну-съ, Петръ Ивановичъ, когда дьяконъ говоритъ „Аминь?“ Началъ мой Сокольскій ходить вокругъ да около—и все не то! Наконецъ я сказалъ и, вообразите мой восторгъ: крестъ очутился у меня!“..

Вообще Николай Ивановичъ былъ набоженъ; но порою и на него находилъ мірской стихъ. Бывало, сижу я у него, и мы бесѣдуемъ о давноминувшемъ... Является Хома́ съ слѣпцомъ-кобзаремъ. Одною изъ важнѣйшихъ обязанностей Хомы было разыскиваніе и привожденіе кобзарей Николаю Ивановичу. „Здорово, кобзарю!“

— Здоровы були, паныцю!—Кобзари вообще шепелявятъ, выговаривая вмѣсто ж-з, вмѣсто ч-ц, вмѣсто ш-с...

„А заграй лишень та заспивай намъ яку-нѐбудь!“

— Яку-зе вамъ, паныцю: ци бозественну, ци соромницьку?

„Спивай соромницьку“, божественныя-дескать мы и сами знаемъ!

И начинается протяжное пѣніе извѣстной „Дженджурихи“... Едва кобзарь оканчиваетъ „Дженджуриху“, какъ Николай Ивановичъ восклицаетъ:

„А ну, кобзарю! Втни щѐ яку нѐбудь скореньку!“—и кобзарь начинаетъ, скоро и часто играя на своемъ „рылѐ“: „А сцо въ тѐбе, церницько“.. Желающіе узнать продолженіе этой пѣсни могутъ найти ее въ Малороссійскомъ сборникѣ „Вжинокъ“, гдѣ она напечатана вполнѣ. Играетъ и поетъ кобзарь, и самъ улыбается, а мы, слушатели, въ полномъ восторгѣ. Особенно радовался Николай Ивановичъ: у него при подобныхъ случаяхъ какъ-то особенно, безъ хохота, все лицо смѣялось, и тогда онъ только качался изъ стороны въ сторону.

—

Раннею весною 1848 года, я, чиновникъ особыхъ порученій при Дербентскомъ военномъ губернаторѣ, возвратился изъ командировки. Иду въ канцелярію, передаю „слѣдствіе“ и спрашиваю „секретнаго“ столоначальника: нѣтъ ли новостей? — „Какъ не быть! Есть, и очень много“. И показываетъ мнѣ два секретныхъ циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ: одинъ о томъ, что дошло до свѣдѣнія правительства о напечатаніи въ Америкѣ множества прокламацій подъ названіемъ въ родѣ: „Листы до панивъ, козакивъ и до всей громады“, и что эти „Листы“ будутъ пересланы въ Россію подъ видомъ частной клади, почему и пр. При этомъ я вспомнилъ объ Иванѣ Аѳанасьевичѣ Ромашовѣ (который былъ гораздо старше Николая Ивановича и потому не могъ быть его товарищемъ по университету, какъ объ этомъ напечатано въ „Русской Старинѣ). Этотъ Ромашовъ предлагалъ мнѣ еще въ 1841 году поѣздку въ Америку для печатанія того, что́ велятъ, на очень выгодныхъ условіяхъ; но я счелъ это шуткою... Ромашовъ могъ встрѣчаться съ Николаемъ Ивановичемъ у меня — и только. Другой циркуляръ... я не вѣрилъ глазамъ своимъ!—изъималъ изъ продажи всѣ сочиненія Шевченка, и Костомарова „Саву Чалаго“, „Вѣтку“ и „Украинськіи Балады“; о другихъ сочиненіяхъ его, помѣщенныхъ въ „Снипѣ“, какъ и о самомъ „Снипѣ“, не упоминалось... Что́ же это такое? Почему?..*). Я присѣлъ къ столу въ той же канцеляріи и написалъ къ Николаю Ивановичу въ Кіевъ длинное посланіе на большомъ почтовомъ листѣ, прося разъяснить мнѣ дѣло и, конечно, преисполнивъ свое писаніе различными воспоминаніями о нашемъ прошломъ. Письмо отослано... Не получая отвѣта, я подумалъ: Бѣдный профессоръ! Ему некогда и двухъ словъ написать пріятелю!

Извѣстно, почему я не могъ получить отвѣта... И вотъ что́ послѣдовало. Тогда, въ 1848 году, было въ Дербентѣ два жандарма: полковникъ К...нъ, изъ Московскихъ частныхъ приставовъ, и адъютантъ его, капитанъ фонъ-деръ П....ъ. Оба простыя, невинныя существа. У послѣдняго, кромѣ жены и дѣтей, жила теща; по слухамъ, дамы держали его „подъ башмаками“ и обратили Нѣмца въ православные. Прошло съ отсылки моего письма Николаю Ивановичу не больше мѣсяца; слышу, что П....ъ уволенъ, а на его мѣсто ѣдетъ другой, чистокровный Русакъ, Змѣевъ.

---

*) По іезуитскому внушенію изъ Вѣны. П. Б.

По Пятницамъ обыкновенно мы, Дербентцы, собирались у полковника Ибрагимъ-Бека, нѣкогда владѣтельнаго хана Табасарани, а въ то время только помѣщика Карчагскаго, главнаго аула его владѣнія. Я какъ-то опоздалъ и пришелъ послѣ обѣда, когда компанія сидѣла уже за преферансомъ. Только что я успѣлъ войти въ комнату, не повидался еще съ хозяиномъ, какъ вдругъ вскакиваетъ изъ за стола человѣкъ въ голубомъ сюртукѣ съ эксельбантомъ, стискиваетъ меня въ объятіяхъ, отводитъ въ сторону къ окну (вѣроятно для того, чтобы лучше слѣдить за выраженіемъ глазъ и игрою лицевыхъ мускуловъ) и говоритъ, что давнымъ давно слыхалъ обо мнѣ, очень обрадовался узнавши, что придется со мною служить, что мы съ нимъ однихъ убѣжденій, и въ заключеніе, чтобы разомъ покончить рекомендацію, объявляетъ мнѣ шопотомъ, что онъ самъ тоже писатель, поэтъ и что „Невольный Бракъ", извѣстное произведеніе графини Е. П. Ростопчиной, написано имъ Змѣевымъ...

Меня эта хлестаковски-шпіонская выходка не удивила: „кусàла тaкá" еще въ Харьковѣ... Но меня поразила эта неистовая развязность, эта какая-то дикая самоувѣренность читать въ сердцахъ и поймать на такую скверную удочку человѣка по совѣсти вполнѣ благонамѣреннаго и въ извѣстномъ отношеніи безгрѣшнаго.

„Я о „Насильственномъ Бракѣ" не имѣю никакого понятія".

— Полноте, какъ можно! И онъ началъ полушепотомъ декламировать это стихотвореніе, тщательно отчеканивая извѣстныя мѣста.

Слушалъ я, слушалъ, и наконецъ сказалъ: „Неужели же вы это написали?"

— А чтó? Правда—хорошо? Я самъ съ, собственною своею вотъ этою рукою...

„Ну, я бы не хвалился такимъ писаніемъ! Правда, стихъ великолѣпенъ, но духъ стихотворенія въ высшей степени.... ходуленъ, что-ли. Развѣ Польша не благоденствуетъ?" Посмотрѣлъ на меня Змѣевъ своими бѣгающими сѣрыми глазками и отошелъ къ картамъ.

Мы сдѣлались большими пріятелями, и не прошло мѣсяца со дня нашего перваго свиданія, какъ уже я зналъ, почему смѣнили Палена и замѣнили его „тонкою" штукою...

Господи Боже мой! Да могла ли кому-нибудь изъ мыслящихъ людей, кромѣ помѣшанныхъ на какой нибудь idée fixe, придти въ голову мысль о сепаратизмѣ или о соединеніи съ Польшею, которая своимъ управленіемъ осталась незабвенною до сихъ поръ въ недоброй памяти о ней южнорусса!

—

Въ письмѣ отъ 2 Апрѣля 1861 года, изъ Петербурга, Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ обрадовалъ меня извѣстіемъ, что онъ, съ Костомаровымъ собирается посѣтить меня въ Антиповкѣ. Съ нáрочнымъ въ тотъ же часъ я послалъ на почту сердечное приглашеніе. Не знаю почему, но посѣщеніе это, къ моему крайнему сожалѣнію, не состоялось.

Въ письмѣ своемъ отъ 23 Марта 1872 года Николай Ивановичъ вспоминаетъ объ этомъ и говоритъ: „Удивительно, какъ ваше письмо не до-

шло до меня, но какъ видно, и мое до васъ; при изданіи „Кобзаря“ Шевченка въ 1867 году я писалъ къ вамъ, но отвѣта не получилъ. Я писалъ къ вамъ: не уцѣлѣлъ ли у васъ тотъ отрывокъ „Черницы Марьяны“, который нѣкогда покойникъ вамъ прислалъ въ „Снипъ“. Его не отыскали въ его бумагахъ. Нужно было бы издать его“... Далѣе, отвѣчая на мой вопросъ о его семейномъ положеніи, Николай Ивановичъ, въ томъ же письмѣ говоритъ: „Въ Кіевѣ собрался было жениться, но почти наканунѣ свадьбы меня взяли и потащили въ крѣпость, потомъ сослали; въ ссылкѣ, гдѣ я пробылъ девять лѣтъ, средства мои слишкомъ были ограничены, чтобъ думать о заведеніи семейнаго гнѣзда. По возвращеніи своемъ и по принятіи каѳедры, я нѣсколько лѣтъ былъ слишкомъ занятъ наукою, а далѣе подкатилась старость. Теперь остается пѣть:

Літа мои, літа мои, де ся вы поділи?
Чи вы въ луги, чи въ байраки геть одъ мене полетіли?

Въ этомъ письмѣ Николай Ивановичъ пишетъ, между прочимъ, что министръ народнаго просвѣщенія, „продли его жизнь, Господи!“ устроилъ такъ, что онъ получаетъ въ Петербургѣ профессорское содержаніе и находится въ званіи члена Археографической Коммиссіи; далѣе онъ жалуется, что въ послѣднее время климатъ его сталъ донимать, и говоритъ, что еслибъ у него были достаточныя средства къ жизни, онъ переселился бы доживать вѣкъ куда-нибудь на Югъ. „Но чтó дѣлать? Нужно жить тамъ, гдѣ судьба опредѣляетъ“... Письмо это заключается характерною фразою: „Да хранитъ васъ Господь Богъ!“—Да, я не получилъ письмá въ 1867 г.; а хотя бы и получилъ, то все-таки „Марьяны“ не послалъ бы: оригиналомъ, написаннымъ рукою Шевченка со многими его рисунками по полямъ, я очень дорожу, а переписывать—это для меня трудъ непосильный. Можетъ быть, скоро выйдетъ второе изданіе „Снипа“, тогда земляки и прочитаютъ „Черницу“ настоящую, съ посвященіемъ и пѣснію...

Во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ я увидѣлъ въ „Нивѣ“ „брадатаго старца“ и былъ пораженъ подписью: „Н. И. Костомаровъ“... Да здѣсь нѣтъ ни одной черты его лица!.. Читаю короткую біографическую замѣтку, въ которой сказано о его женитьбѣ на Аннѣ Леонтьевнѣ. Не могу выразить моей радости при этомъ извѣстіи о счастіи близкаго мнѣ добраго человѣка, правда, немного позднемъ счастіи, но „лучше поздно, чѣмъ никогда!“ Подъ этимъ впечатлѣніемъ, я написалъ Николаю Ивановичу нѣсколько теплыхъ словъ, вылившихся прямо изъ души. На это письмо получилъ я отвѣтъ, который былъ настоящимъ его душевнымъ портретомъ; въ немъ отразился бывшій юноша... Къ сожалѣнію, это письмо у меня похищено.

22 Декабря 1878 года онъ мнѣ пишетъ:

«Многоуважаемый, незабвенный, любезнѣйшій Александръ Алексѣевичъ! Премного, до невозможности выразить чувствъ моихъ во всей полнотѣ, благодарю васъ за то, что вспомнили обо мнѣ и отозвались ко мнѣ такъ сердечно. Къ сожалѣнію въ настоящее время нахожусь я

въ очень грустномъ положеніи: на меня напала болѣзнь и не уступаетъ никакимъ медицинскимъ усиліямъ. Это кашель, и казалось бы что́ за бѣда—кашель! Но какой кашель: сопровождаемый ознобомъ и трясучкою! Лежа, не могу я пробыть спокойно ни минуты отъ безпрестаннаго позыва къ изверженію мокротъ, и вообразите длинную зимнюю ночь, проводимую такимъ ужаснымъ образомъ! Я похожъ на тѣхъ Малороссіянъ, которыхъ Поляки, посадивши въ тюрьму, мучили тѣмъ, что ни на минуту не давали имъ спать.

О своихъ занятіяхъ повѣдаю, что вотъ уже три осени сряду занимался въ Московскихъ архивахъ и собиралъ матеріалы для исторіи Гетманщины второй половины XVII вѣка и перваго десятилѣтія XVIII-го. Я уже подобралъ ихъ столько, что принялся писать; да вотъ бѣда, что недуги не даютъ мнѣ вести работы своей такъ скоро какъ бы хотѣлось: во первыхъ зрѣніе черезъ чуръ ослабѣло, и передъ глазами такъ называемыя летящія мушки превратились въ пелену, постоянно закрывающую ясность предметовъ; во вторыхъ, вотъ неожиданно прицѣпилась еще болѣзнь, и кто ее знаетъ, когда оставитъ меня въ покоѣ. А хотѣлось бы не умереть, не окончивъ совершенно исторіи Гетманщины надъ которой сталъ трудиться еще въ Харьковскія времена.

Ваше письмо перенесло меня живо въ прошлыя времена молодости; припомнился мнѣ и маленькій домикъ противъ озерца, гдѣ вы проживали, и «Снипъ», который тогда издавали. Сколько было тогда надеждъ, сколько юношескихъ увлеченій! Многое оказалось пустоцвѣтомъ, но не по нашей винѣ; мы же вели себя искренно и прямо, и въ томъ совѣсти нашей награда на старость.

Если бы паче чаянія, на мое счастье, у васъ сохранился экземпляръ «Снипа», пришлите его мнѣ. У меня въ 1847 году, когда меня арестовали въ Кіевѣ, отобрали и не возвратили всѣ Малороссійскія книги, и нѣкоторыя я потомъ пріобрѣлъ снова; но вашъ «Снипъ и мои «Украинскія Баллады» нигдѣ ни за какія деньги достать невозможно.

Моя жена, не зная васъ лично, къ своему сожалѣнію, благодаритъ васъ за вниманіе къ ней и вамъ посылаетъ дружескій поклонъ. Портреты при этомъ прилагаются.

Я не имѣю понятія о вашемъ семействѣ; изъ кого состоитъ оно? А мнѣ было бы очень пріятно это узнать, такъ какъ я очень люблю васъ, Александръ Алексѣевичъ, такъ какъ вообще въ жизни другихъ болѣе васъ, любилъ мало.

До другаго письма. Живите благополучно! Богъ да хранитъ всѣ ваши входы и исходы. Вамъ преданный душевно Н. Костомаровъ».

Не смотря на мои поиски въ самомъ Харьковѣ, я не могъ достать ни „Снипа“, ни „Баладъ“. Писалъ, между прочимъ, Николаю Ивановичу,

что записываю мѣстныя пѣсни съ голосами, преданія, пословицы, прибаутки, сказки—все подобное, въ томъ числѣ и „неблагопристойное", писалъ о пожарѣ, разорившемъ меня и о неурожаяхъ доконавшихъ и доведшихъ до необходимости имѣть дѣло съ Харьковскимъ Земельнымъ Банкомъ... Не получая отвѣта, я повторилъ свое письмо, но забылъ въ немъ повторить благодарность за портреты. На это послѣднее письмо полученъ отвѣтъ:

Февраля 10-го 1880 года.

Добрѣйшій, незабвенный, многоуважаемый Александръ Алексѣевичъ! Получилъ я письмо ваше. Если вы не понимаете моего молчанія и удивляетесь, что я вамъ не отвѣчалъ на письмо ваше, то меня не менѣе удивляетъ и повергаетъ въ недоумѣніе то, что вы не получили отвѣта моего на ваше письмо, посланнаго съ двумя фотографическими карточками – моей и жены моей. Теперь посылаю заказное по вашему примѣру. Нельзя сердечно и глубоко не пожалѣть о пожарѣ, постигшемъ васъ въ 1863 году. Кромѣ того, что жаль собственно васъ, испытавшаго значительный ущербъ, жаль еще и пропавшихъ тогда Малороссійскихъ писаній. Вѣроятно пропала тогда и переписанная рукою Шевченка «Черница Марьяна», которой рукопись, какъ теперь помню, вся исчерчена была рисунками, воспроизведенными перомъ. Хотя впослѣдствіи подъ этимъ названіемъ и напечатано было стихотвореніе, но оно не то, которое тогда онъ присылалъ вамъ. А того, которое я когда-то читалъ въ рукописи, принадлежащей вамъ, я въ печати не встрѣтилъ. Вы пишите, что у васъ уцѣлѣло что-то мое писанное. Но что̀ именно, не знаю. У меня также былъ погромъ, лишившій меня почти всего, что̀ мною было писано и сверхъ того всего, что̀ было по-малорусски печатнаго и написаннаго; но это былъ не пожаръ, а арестъ, постигшій меня въ Кіевѣ, и хотя впослѣдствіи я просилъ умершаго шефа жандармовъ кн. Долгорукаго истребовать невозвращенное мнѣ, но на его запросы послѣдовалъ отвѣтъ, что такого не оказалось, и только! Въ числѣ тамъ пропавшаго была драма, писанная по-малорусски: «Косинскій», которой мнѣ очень жаль. Что̀ касается до мысли вашей гдѣ-то печатать переводъ Переяславской Ночи, то я принимаю смѣлость не совѣтовать вамъ этаго дѣлать. Моя Переяславская Ночь по истинѣ произведеніе до крайности слабое во всѣхъ отношеніяхъ и притомъ фальшивое до глубины своего существа: фальшивость эта произошла оттого, что я тогда находился подъ зловреднымъ (въ научномъ отношеніи) вліяніемъ такихъ псевдо-исторій, какъ «Исторія Руссовъ», приписываемая никогда не сочинявшему ея Кониссскому и такихъ сборниковъ псевдонародныхъ произведеній, какъ «Запорожская Старина» Срезневскаго. Много вреда надѣлалъ Малорусской исторіи и этнографіи этотъ человѣкъ, прости ему Боже (онъ теперь уже при смерти). Онъ, конечно, самъ сознаётъ грѣхъ свой и удаляется не только отъ

повторенія его, но даже избѣгаетъ разговоровъ и упоминаній о его «Запорожской Старинѣ»; однако мужества и ч........ у него не хватаетъ, чтобъ рѣшиться, во имя истины, публично сознаться въ томъ, что все, выдававшееся имъ за историческую и этнографическую правду, была ложь. Мой Богданъ Хмельницій очищался-очищался отъ этого навоза, попавшаго туда въ изобиліи, благодаря довѣрію къ д............ и учености Срезневскаго и все таки до сихъ поръ послѣ третьяго изданія не совершенно очистился *). Срезневскій не только печаталъ фальшивые стихи, выдавая ихъ за народныя пѣсни и думы, но даже подставлялъ и сообщалъ фальшивыя лѣтописныя повѣствованія. Такимъ образомъ онъ подвелъ честнаго, но до крайности простодушнаго покойнаго Бодянскаго, напечатавшаго въ «Чтеніяхъ» полученныя отъ Срезневскаго вещи, которымъ не слѣдовало появляться въ званіи источниковъ для исторіи. Неудивительно, что и я руководствовался лѣтописями, которыя получалъ отъ Срезневскаго, долго не сознавая ихъ фальшивости. А что касается до пѣсенъ, то Максимовичъ былъ также обольщенъ Срезневскимъ и перепечатывалъ изъ «Запорожской Старины» пѣсни и думы въ свои сборники, хотя не задолго предъ смертью, бывши въ Петербургѣ, сознавалъ, что былъ тогда введенъ въ заблужденіе. И Гоголь вѣрилъ въ народность этихъ думъ и пѣсенъ и черпалъ изъ нихъ знакомство съ народнымъ духомъ! Мнѣ очень пріятно, что вы занимаетесь собраніемъ пѣсенъ и поговорокъ въ краѣ, въ которомъ живете. И я тоже занимаюсь, если не собираніемъ, то изслѣдованіемъ ихъ. Когда-то въ Харьковѣ въ 1844 г. напечаталъ я «Объ историческомъ значеніи народной Русской поэзіи». Съ чего началъ я свою литературную дѣятельность, тѣмъ, вѣроятно, и окончу. Еще въ 1871 году, принявши на себя, по порученію Географическаго Общества, редакцію пѣсенъ, собранныхъ въ западной Украинѣ Чубинскимъ въ составѣ огромнаго сборника въ семь томовъ, я взялся переработать свое прежнее сочиненіе, и въ 1872 г. въ журналѣ «Бесѣда» началъ печатать «Объ историческомъ значеніи народнаго южнорусскаго пѣсеннаго творчества», но окончить его не могъ по причинѣ неожиданнаго, отъ редакціи независящаго, прекращенія журнала. Въ нынѣшнемъ году прежняя редакція «Бесѣды» возобновила свое изданіе подъ именемъ «Русская Мысль», и я возобновилъ печатаніе своего сочиненія о пѣсняхъ. Когда оно окончится—не знаю; теперь я послалъ собственно историческую часть. Можетъ быть, говорю, чѣмъ началъ, тѣмъ и придется кончить. Вы спрашиваете меня: почему я не издаю полнаго собранія моихъ сочиненій? Потому что не имѣю на то

*) Черезъ четыре года послѣ этого письма, въ 1884 году, вышло *четвертое* изданіе „Богдана Хмельницкаго“.

права, такъ какъ многія, проданныя другимъ, еще не разошлись совершенно. Очень соболѣзную, что ваши хозяйственныя дѣла идутъ не такъ хорошо, какъ бы желательно было. Но что дѣлать? Исключая пожара, васъ надломившаго, остальное, на что вы указываете—я думаю общія невзгоды и неудобства; шесть лѣтъ неурожая—это вещь по истинѣ ужасная; это общественное бѣдствіе, происходящее, какъ мнѣ кажется, отъ истребленія лѣсовъ, измѣнившаго климатъ Русской земли къ худшему, въ особенности въ южной ея части.

Отъ души благодарю васъ за любезное приглашеніе посѣтить васъ, если мы будемъ ѣхать черезъ Таганрогъ. Воспользуюсь имъ при первомъ случаѣ. Жена моя Галина Леонтьевна благодаритъ васъ за вниманіе и посылаетъ вамъ и всему семейству вашему искренній поклонъ и сердечное желаніе всевозможнѣйшаго благополучія. Примите отъ меня такое же желаніе. Надѣюсь, что въ искренности его вы не можете сомнѣваться, зная меня уже ровно сорокъ лѣтъ. Я съ своей стороны никогда не перестану питать къ вамъ самаго дружескаго расположенія и съ живѣйшимъ удовольствіемъ вспоминать о тѣхъ дняхъ молодости, которые проводили мы вмѣстѣ.

Искренно преданный вамъ и глубоко уважающій васъ Николай Костомаровъ.

Спрашиваете о Ѳомѣ: онъ въ Саратовѣ, мѣщанинъ, извозничаетъ, отецъ семейства.

Съ 1874 года по 1884-й я перенесъ три смертныя болѣзни: брайтову, всеобщій ревматизмъ и сухотку. Я приготовился къ смерти и вспомнилъ о добромъ и хорошемъ человѣкѣ... продиктовалъ ему, и только ему одному, прощальное письмо, подписалъ его какою-то каракулькою и велѣлъ отослать. На это послѣднее „прости“ получилъ я слѣдующій отвѣтъ:

1884 г. Февраля 12.

Незабвенный, милѣйшій Александръ Алексѣевичъ!

Получилъ я ваше грустное письмо, пришедшее ко мнѣ въ такія минуты, когда и я былъ пораженъ скорбію недужною, но мнѣ кажется не въ такой еще степени, какъ вы. Меня мучатъ недуги за недугами, да въ добавокъ къ нимъ присоединяются внезапные нежданные удары не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ. Вотъ уже болѣе двухъ лѣтъ какъ я страдаю какою-то болѣзнію, которую опредѣлить не въ состояніи. Началась она еще третьяго года лѣтомъ—невыносимая боль не то въ груди; объясняли это скопленіемъ газовъ, но ужасно мучительные припадки; потомъ какъ-то отошло, стало легче, и я съ прежнимъ жаромъ принялся за работу. Но 25 Января въ 4-мъ часу дня ворочался я изъ Государственнаго Архива, вдругъ на меня наѣхала

пара лошадей, а что сталось — не знаю; я лишился чувствъ и очутился въ участкѣ, куда привезли меня полицейскіе, подобравши на улицѣ лежащимъ въ безчувственномъ состояніи. Хотя поврежденія костей не оказалось, и чрезъ нѣсколько дней я полагалъ, что пройдетъ, какъ вдругъ возобновились и усилились боли, а разомъ вслѣдъ возобновились припадки прежняго недуга. Въ это время пришло ваше грустное письмо, которое и на меня и на мою жену подѣйствовало гнетущимъ образомъ. Но мы смѣемъ надѣяться, что недугъ вашъ не къ смерти, надѣемся на милость Божію! Вы, сколько я васъ знаю, такой добрый, честный человѣкъ, въ васъ столько божественной любви Христовой... Нѣтъ, Богъ сохранитъ васъ, воздвигнетъ отъ одра и обратитъ скорбь домашнихъ вашихъ въ веселіе! Аминь и аминь! Вы еще не очень стары, вы моложе меня; мнѣ шестьдесятъ шесть лѣтъ, а вамъ должно быть менѣе; только вашъ ликъ, присланный мнѣ, какъ-то очень грустенъ. На немъ легло воспоминаніе пережитыхъ невзгодъ. Но кто не перенесъ ихъ въ этой юдоли скорбей и печалей?

Я не знаю, съ вами ли дѣти ваши? Я бы желалъ, чтобъ они были съ вами хотя на короткое время для вашего утѣшенія; потому что едва ли что болѣе утѣшить можетъ болящаго старца, какъ присутствіе и вниманіе къ нему дѣтей его.

Да благословитъ васъ Богъ, да избавитъ Его всеисцѣляющая десница васъ и все семейство ваше отъ всякихъ бѣдъ и невзгодъ. Да благословитъ васъ Онъ и за то, что въ вашемъ недугѣ вы обо мнѣ вспомнили! Вспомнили о незабвенномъ времени нашей молодости, не пошлой, а полной идеаловъ; ...потому что люди живутъ не изо дня въ день, гоняясь за своими грошовыми интересами.

Передайте мое и моей жены глубочайшее почтеніе супругѣ вашей и всему семейству вашему. Н. Костомаровъ.

Боже укрѣпи, Боже оживи, Боже благослови на здравіе раба Божія Александра.

—

Господь всеисцѣляющій воздвигъ меня отъ одра болѣзни, отвратилъ отъ меня „жало смерти“, но призвалъ къ Себѣ того, кого я крѣпко и неизмѣнно любилъ!

Д. Богдановская-Антиповка.

Александръ Корсуновъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ БАРОНА БАРАНТА.

Клавдій Барантъ издалъ въ нынѣшнемъ году первый томъ Воспоминаній своего дѣда, Французскаго академика барона Баранта, славнаго исторіографа и дипломата, который былъ у насъ посланникомъ при Николаѣ Павловичѣ (Souvenirs du baron de Barante, de l'Académie Française 1782—1866, Paris, Calmann Lévy, 1890. 8°, VI и 411 стр.). Большинству Русскихъ читателей имя Баранта до сихъ поръ было извѣстно не столько по его сочиненіямъ и политической дѣятельности, какъ потому, что сынъ его дрался на поединкѣ съ Лермонтовымъ (который за это потерпѣлъ вторичную ссылку на Кавказъ); между тѣмъ Барантъ имѣетъ для насъ значеніе, какъ зоркій наблюдатель того что̀ происходило въ Россіи, на его памяти.

Вышедшій томъ Воспоминаній Баранта оканчивается 1813 годомъ. Отецъ Баранта былъ чиновникомъ по судебной части въ городѣ Ріонѣ, въ провинціи Овернь. Во время революціи, за умѣренный образъ мыслей своихъ, былъ онъ подвергнутъ заключенію; жена вымолила ему свободу. Молодой Барантъ окончилъ свое образованіе въ Политехнической Школѣ и находился еще въ ней, когда Бонапартъ сдѣлался консуломъ и водворилось умѣренное правительство, при которомъ отецъ Баранта получилъ мѣсто префекта въ городѣ Одѣ (Aude). Въ 1800 году началъ онъ служить въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а въ 1806 году получилъ мѣсто аудитора въ Государственномъ Совѣтѣ. Тутъ замѣтилъ и сталъ отличать его Наполеонъ. Ему дали порученіе въ Испанію, гдѣ въ загородномъ королевскомъ дворцѣ Ильдефонсѣ онъ познакомился съ нашимъ посланникомъ графомъ Г. А. Строгановымъ, тѣмъ самымъ, котораго поминаетъ Байронъ въ сценѣ прощанія Донъ-Жуана съ его матерью. Въ лицѣ этого необыкновенно-даровитаго человѣка Барантъ въ первый разъ познакомился съ Россіею. Дипломатическій корпусъ собирался по вечерамъ у Португальской посланницы графини Дéга, которая тогда уже влюбилась въ графа Строганова и черезъ четверть вѣка, овдовѣвъ, сдѣлалась его супругой. Въ томъ же году Барантъ сопровождалъ Французскую армію на За-

падъ и въ завоеванной Пруссіи ѣздилъ по городамъ для собиранія свѣдѣній о военныхъ поставкахъ. Любопытны его сужденія о Полякахъ, которые въ то время такъ охотно давали себя обманывать Наполеону. «Въ этихъ пылкихъ заявленіяхъ», говоритъ Барантъ, «было такъ много необдуманнаго, пересоленнаго и ненадежнаго, что Французы относились къ нимъ съ чувствомъ жалости. Они пришли къ убѣжденію, что Польша погибла потому только, что въ себѣ самой содержала семя гибели, и дальше существовать не могла» (стр. 203). Наполеонъ явно и нагло дурачилъ Поляковъ. Барантъ записалъ тогда же, какъ представлялись въ Познани выборные отъ Галицкаго дворянства. Сначала Наполеонъ принялъ ихъ холодно и замѣтилъ, что съ Австріей онъ въ мирѣ; потомъ сталъ распрашивать восторженнаго дворянскаго предводителя. «А сколько васъ на лошадяхъ? Будетъ ли у васъ пѣхота? Оружіемъ запаслись вы?» Вовсе не ожидавшій подобныхъ положительныхъ вопросовъ, предводитель сталъ фертомъ и воскликнулъ: «Государь, у насъ есть руки!» Окруженный Польскими дворянами, Наполеонъ сказалъ имъ: «Вижу, что не такъ легко погубить цѣлый народъ. Столь постоянная любовь къ отечеству меня приводитъ въ изумленіе. То чтò я дѣлаю, дѣлается наполовину для васъ, наполовину для меня. Но не будь вашего одушевленія, я не подумалъ бы о васъ. Нужно драться; нужно, чтобы всякій дворянинъ сѣлъ на коня. Отечество ваше требуетъ отъ васъ сабли и крови. Вамъ надо завоевать вновь независимость. Это война благородная и святая. Погибшій съ оружіемъ въ рукѣ пойдетъ прямо въ рай». Тутъ, почувствовавъ, что заговорился слишкомъ, онъ прибавилъ: «Впрочемъ духовенство ваше станетъ проповѣдывать тоже самое. Можетъ быть, ваши несчастія обратятся вамъ во благо. У васъ никогда не было хорошаго правительства. Теперь вы устроитесь мудро и прочно. Это будетъ настоящее воскресеніе мертвыхъ».

Барантъ получилъ назначеніе интендантомъ въ Варшаву, которая передъ тѣмъ принадлежала Пруссіи; потомъ онъ исправлялъ туже должность въ Бреславлѣ, а послѣ Тильзитскаго мира его назначили помощникомъ префекта и потомъ префектомъ въ Вандею. Ему близко было извѣстно внутреннее состояніе Франціи, настроеніе умовъ и народное мнѣніе о Наполеонѣ: на его глазахъ и въ его вѣдомствѣ происходили наборы солдатъ. Въ Вандеѣ рекруты убѣгали въ горы, и назначеннымъ лицамъ приходилось ловить ихъ. Настоящая книга его Воспоминаній есть собственно исторія Наполеона и его правительства, по скольку эта исторія была ему извѣстна вслѣдствіе сношеній его, личныхъ и служебныхъ, со многими изъ главныхъ дѣятелей. Барантъ былъ пріятелемъ съ секретаремъ Наполеона Мунье (Mounier). Онъ постоянно слѣдилъ за «вла-

стелиномъ міра» и подмѣчалъ живыя и существенныя подробности о лицахъ и событіяхъ. Мы не можемъ оцѣнивать его крайне-любопытныхъ показаній (это дѣло людей, занимающихся Французскою исторіей); но должно замѣтить, что изложеніе Баранта дышетъ благородною правдою, и къ Наполеону относится онъ съ высокимъ безпристрастіемъ историка.

«Въ началѣ 1811 года Наполеонъ находился на высотѣ своего величія и могущества. У него родился сынъ, его династія утвердилась; но самъ онъ не былъ спокоенъ и терзался сомнѣніями. Ему хотѣлось воевать съ Россіею, онъ готовился къ тому, но въ тоже время онъ сознавалъ трудность и опасности этой войны. Завоевательная страсть боролась въ немъ съ холодностью разсудка и яснымъ пониманіемъ обстоятельствъ. Онъ никому не повѣрялъ мучительныхъ думъ и тревогъ, которыя одолѣвали его, какъ свидѣтельствовалъ мнѣ Мунье. Онъ не могъ не думать о случайностяхъ войны съ семи стахъ миляхъ отъ Франціи, въ странѣ неизвѣстной, столь мало похожей на всѣ страны, въ которыхъ водилъ онъ войска свои. Кромѣ того, позади себя онъ оставлялъ въ Испаніи Англійскую армію, которую не удавалось его генераламъ выгнать оттуда и которая служила опорою возставшему населенію. Наполеонъ зналъ, что Германія стонетъ подъ игомъ его, которое становилось съ каждымъ днемъ тяжелѣ и что она готова свергнуть оное при первой его неудачѣ. Расположеніе умовъ во Франціи было также ему извѣстно. Восторженное обаяніе и чувство признательности за возстановленный общественный порядокъ и высоко вознесенную народную славу смѣнились усталою покорностью, потребностью отдыха, затаенною памятью стольких пожертвованій и полнымъ отсутствіемъ усердія и преданности. Человѣку, жившему при немъ и внимательно его наблюдавшему, было очевидно, что онъ былъ снѣдаемъ мыслію обо всемъ этомъ. Онъ страдалъ безсонницею и ночью по цѣлымъ часамъ не сходилъ съ дивана, погруженный въ думы. Не будучи боленъ, онъ однако не пользовался полнымъ здоровьемъ. У него иногда пухли ноги; онъ ощущалъ потребность развлечься охотою или верховою ѣздою. То что дѣлалось вопреки его волѣ болѣе надоѣдало ему, нежели раздражало. Иногда, по видимому, онъ предавался унынію».

Наполеонъ писалъ королю Виртембергскому (2 Апрѣля 1811): «Война будетъ. Она будетъ вопреки мнѣ, вопреки императору Александру, вопреки благу Франціи и Россіи. Я уже такъ часто бывалъ въ подобномъ положеніи (j'ai déjà vu cela si souvent), и опытъ прошедшаго раскрываетъ мнѣ будущность. Все это сцена изъ оперы, а

дѣйствующія машины въ рукахъ Англичанъ» (Nouvelle Revue, 15 Sept. 1890, стр. 260).

Барантъ утверждаетъ, что Наполеонъ не имѣлъ особаго желанія соединиться бракомъ съ Русскою Великою Княжною, и переговоры, веденные Коленкуромъ, имѣли цѣлью развѣдать ближе, въ какомъ настроеніи императоръ Александръ Павловичъ. День бракосочетанія съ Маріею-Луизою весь былъ занятъ церемоніями, такъ что участникамъ торжества не оставалось времени съѣздить домой и пообѣдать. Оберъ-гофмаршалъ Реньо приказалъ подать холодныя закуски въ одну изъ Тюльерійскихъ залъ. Утолявшіе голодъ увидали членовъ дипломатическаго корпуса, тоже оставшихся безъ обѣда, и Реньо пригласилъ Австрійское посольство принять участіе въ завтракѣ. Затѣмъ въ туже залу вошли члены Русскаго посольства; но прибора для нихъ уже не было, и Реньо попросилъ у нихъ извиненія. Много шутили надъ тѣмъ, что Россія опоздала.

—

Въ 1811 году мысль о походѣ въ Россію совершенно овладѣла Наполеономъ. Барантъ читалъ въ неизданныхъ запискахъ Коленкура о томъ, какъ Наполеонъ доказывалъ ему необходимость этой войны и возможность успѣха. Коленкуръ былъ мнѣнія противнаго. Намѣренія императора Александра были ему извѣстны, и онъ утверждалъ, что однимъ большимъ сраженіемъ не удастся окончить походъ.

—

Важныя для Французской исторіи воспоминанія Баранта содержатъ въ себѣ нѣкоторыя любопытныя подробности, прямо касающіяся нашей.

«Въ 1806 году, говоритъ онъ, находился въ Парижѣ г. Прево, жившій два года въ Петербургѣ при посольствѣ генерала Гедувиля. Онъ искалъ себѣ должности и, ничего не добившись въ министерствѣ, вздумалъ обратиться прямо къ Наполеону. Аудиторы государственнаго совѣта поочередно являлись въ Тюльери, принимали прошенія, подаваемыя на имя Императора, распредѣляли ихъ, дѣлали краткія отмѣтки и на другое утро подносили. Въ мое дежурство г. Прево, съ которымъ я находился въ дружескихъ отношеніяхъ, передалъ мнѣ свое прошеніе объ опредѣленіи въ должность и присоединилъ къ нему тщательно составленную записку со всѣми подробностями о кончинѣ Павла I-го, которыя онъ собралъ живучи въ Россіи. Мы вмѣстѣ перечитывали ее. На другое утро я поѣхалъ въ Сенъ-Клу. Наполеонъ, какъ обыкновенно, принялъ конвертъ съ прошеніями и сказалъ мнѣ: нѣтъ ли чего новаго, занимательнаго?—Есть разсказъ о кончинѣ Павла I-го, напи-

санный чиновникомъ посольства. Мнѣ кажется, что вашему величеству любопытно будетъ прочесть его. Черезъ три дня записка г-на Прево появилась въ печати, безъ имени автора и безъ предисловія. Никто не говорилъ ему о томъ, но мѣсто онъ получилъ. Эта книжка сдѣлалась рѣдкостью, и я не могъ сыскать ее въ Парижѣ. Про нее знали въ Петербургѣ и считали ее довольно вѣрною».

«За нѣсколько дней до своей кончины, Павелъ вспомнилъ о графѣ Ростопчинѣ, котораго онъ сослалъ. Онъ написалъ ему письмо и звалъ въ Петербургъ. Письмо было задержано. На утро, когда Императоръ, по обыкновенію, спросилъ графа Палена чтò новаго? Тотъ ему отвѣчалъ: «Государь, подъ Вашу руку поддѣлываются», и показалъ ему его письмо къ графу Ростопчину». Положеніе несчастнаго государя сдѣлалось безъисходнымъ.»

«Въ Петербургѣ, говоритъ Барантъ, я часто встрѣчалъ маіора Тирана. Это былъ Французъ-эмигрантъ, съ раннихъ лѣтъ служившій въ Россіи. Нѣкогда онъ состоялъ адъютантомъ при графѣ Паленѣ и былъ дежурнымъ въ самый день кончины Павла. Барантъ передаетъ любопытный разсказъ Тирана о графѣ Паленѣ.»

«Тьеръ помѣстилъ въ своей Исторіи Консульства описаніе этой кончины, цѣликомъ заимствованное изъ рукописныхъ записокъ Ланжерона. Это описаніе не внушаетъ полнаго довѣрія, потому что Ланжеронъ основался на показаніяхъ графа Палена и Бенигсена, конечно одностороннихъ То чтò передается объ императрицѣ Маріи не вѣрно»

«Княгиня Ливенъ часто указывала на эти невѣрности и записала собственныя воспоминанія объ этомъ событіи. Мужъ ея былъ тогда главнымъ лицомъ въ военномъ управленіи, а свекровь статсъ-дамою при Императрицѣ. Разсказъ княгини Ливенъ очень занимателенъ. Онъ живъ и дышетъ правдою. Императрица Марія обѣлена совершенно».

Эти воспоминанія княгини Дарьи Христофоровны до сихъ поръ не появлялись еще въ печати. Издана только переписка ея въ однимъ изъ Англійскихъ государственныхъ людей. Она конечно сама сообщала для прочтенія Баранту свои записки, которыя должны быть очень любопытны. П. Б.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ КНЯЖНЫ В. Н. РЕПНИНОЙ.

О Гоголѣ.

Прочитавъ въ 8-й книжкѣ «Русскаго Архива» сочиненіе С. Т. Аксакова «Мое знакомство съ Гоголемъ», я сказала себѣ: не знаю, кого болѣе любить Аксакова или Гоголя? Оба родныя души и чтò могу я своими мелкими, неумѣлыми подробностями прибавить къ полнотѣ книги С. Т. Аксакова [1])?

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ въ Петербургѣ, живя у сестры своей графини Александры Николаевны Кушелевой - Безбородко, я получила отъ своей родственницы Анны Алексѣевны Олениной книгу «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки». Она не умѣла назвать мнѣ автора, но очень хвалила произведеніе юнаго литератора. Не помню, какое произвела на меня дѣйствіе эта книга, но вѣрно, что не восторга, потому что объ этомъ я бы помнила. Къ тому же я мало смыслила въ литературѣ, мало читала, и не въ состояніи была судить о достоинствѣ сочиненія. Фантастическое и смѣшное мало были мнѣ симпатичны: моя душа требовала высокаго, святаго. Мнѣ не столько нуженъ слогъ, какъ *суть*, и вотъ вѣроятно вслѣдствіе этого и позднѣе для меня непостижимо было, почему вся читающая и образованная публика пришла въ такой восторгъ при появленіи перваго тома «Мертвыхъ Душъ». Я дала слово Г. П. Галагану прочесть эту книгу; это Гомеръ, говорилъ онъ. Но типы «Мертвыхъ Душъ» и «Ревизора» такъ отвратительны, что ни умъ автора, ни прелесть слога не могутъ заставить забыть, что утопаешь въ грязи, ходя по тѣмъ дорогамъ, по которымъ шагаютъ герои «Мертвыхъ Душъ» и «Ревизора». Но теперь о самомъ Гоголѣ.

Въ первый разъ я его увидѣла въ Баденъ-Баденѣ. Насъ съ нимъ познакомила Варвара Осиповна Балабина, милая, умная, добрая и смиренная женщина. Ея старшая дочь была замужемъ за моимъ братомъ; вся

---

[1]) Глубокоуважаемая княжна Варвара Николаевна Репнина написала эти Воспоминанія свои по нашей просьбѣ. П. Б.

семья Балабиныхъ была со мною коротко знакома. Отецъ, Петръ Ивановичъ, оригинальнаго характера, честный и прямой человѣкъ. По настоянію императора Николая онъ надѣлъ жандармской мундиръ, но кажется недолго вынесъ его. Я помню, что на вопросъ Натальи Кирилловны Загряжской генеральшѣ Мёрдеръ (которая воспитывалась вмѣстѣ съ Варварой Осиповной у княгини Шаховской) почему Балабинъ подалъ въ отставку, она отвѣчала: «Parce que cet uniforme lui pesait» [1]). У Балабиныхъ было три сына и двѣ дочери. Старшій Иванъ Петровичъ былъ женатъ на моей двоюродной сестрѣ Уваровой; онъ былъ милый, веселый человѣкъ. Второй—Викторъ Петровичъ былъ уменъ; я помню, что въ Одессѣ у графини Остенъ-Сакенъ я про него сказала, что у Виктора умъ бѣса и сердце ангела, и Озеровъ, который возвращался съ посольства изъ Константинополя, нашелъ мое мнѣніе о Викторѣ Петровичѣ справедливымъ. Я очень была дружна съ Викторомъ. Третій братъ Евгеній, не знаю какъ и кѣмъ, былъ увлеченъ въ католичество. Меньшая дочь Марья Петровна, очень красивая и даровитая, была замужемъ за докторомъ Вагнеромъ. Въ Баденѣ Гоголь читалъ намъ «Ревизора». Я не бываю въ театрѣ, но могу сказать, что я присутствовала на представленіи «Ревизора»: потому что Гоголь представилъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, перемѣняя голосъ, разнообразя мимику каждаго лица. Онъ читалъ изумительно хорошо; онъ тогда же прочиталъ намъ «Записки Сумасшедшаго», которыя подъ конецъ вызвали слезы у Варвары Осиповны.

Въ Кастелламаре у насъ было двѣ дачи, потому что насъ было большое общество: родители мои, Глафира Ивановна [2]) и я, братъ мой съ семействомъ и Павелъ Ивановичъ Кривцовъ съ своею женою (моей меньшой сестрой). Когда братъ мой уѣхалъ, Гоголь оставался на его дачѣ, гдѣ находилась одна изъ нашихъ горничныхъ, очень больная, для которой мать моя наняла сидѣлку; она же служила и Гоголю. Обѣдалъ онъ на нашей дачѣ; обѣ принадлежали одному хозяину и раздѣлялись дорогою. Гоголь часто сидѣлъ въ моей комнатѣ, гдѣ мы жили съ Глафирой Ивановной. Туда приходилъ также молодой архитекторъ Дмитрій Егоровичъ Ефимовъ, съ которымъ Гоголь постоянно спорилъ. Гоголь тогда страдалъ желудкомъ, и мы постоянно слышали, какъ онъ описывалъ свои недуги; мы жили въ его желудкѣ. Но когда онъ получилъ письмо отъ своего друга Александра Семеновича Данилевскаго о томъ, что онъ въ Парижѣ боленъ, безъ денегъ и не можетъ поэтому вернуться въ Россію, то Гоголь бросилъ свое лѣченіе, занялъ у моего зятя Крив-

---

[1]) Потому что этотъ мундиръ тяготилъ его.

[2]) О ней см. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1889, III, 575. П. Б.

цова и у меня денегъ (которыя онъ намъ возвратилъ, пріѣхавши изъ Франціи) и поспѣшилъ выручить изъ бѣды Данилевскаго. Въ Кастелламаре онъ читалъ намъ первыя двѣ главы втораго тома «Мертвыхъ Душъ» и тогда, или позже немного, говорилъ, что первый томъ—грязный дворъ, ведущій къ изящному строенію.

Въ Римѣ онъ ухаживалъ, какъ сердобольная сестра, за умирающимъ молодымъ графомъ Віельгорскимъ и однажды послѣ его смерти, на виллѣ Фальконьери, гдѣ мы жили, я застала Гоголя въ моей комнатѣ съ книгою въ рукахъ и спросила его, чтó это за книга; онъ мнѣ ее передалъ. Это была Библія; на первомъ листкѣ, дрожащей рукой покойнаго Віельгорскаго, написано было: «другу моему Николаю. Вилла Волконская»; числа я не помню. Гоголь сказалъ мнѣ: эта книга вдвое мнѣ святѣе. Въ Римѣ Гоголь часто къ намъ ходилъ и былъ очень забавенъ; я тогда была смѣшлива и отъ его разсказовъ хохотала во все горло. Между прочимъ онъ разсказывалъ, что въ Нѣжинскомъ Лицеѣ былъ у нихъ профессоръ Греческаго языка Грекъ. Онъ читалъ студентамъ Гомера, котораго никто изъ нихъ не понималъ. Прочитавъ нѣсколько строкъ, онъ подносилъ два пальца ко рту, щелкнетъ и, отводя пальцы, говоритъ «чудесно», съ сильнымъ Греческимъ выговоромъ. Потомъ, прочитавъ о какомъ-то сраженіи, онъ перевелъ Греческій текстъ словами: «и они положили животики свои на ножики», и весь классъ разразился громкимъ смѣхомъ. Тогда профессоръ сказалъ: «порусски это смѣшно, а по-гречески очень жалко».

Потомъ, кажется, по возвращеніи изъ Іерусалима, Гоголь былъ у насъ въ Яготинѣ, куда мы съ моею матерью пріѣзжали на время изъ Одессы. Гуляя со мною по саду, Гоголь восхищался деревьями и сравнивалъ ихъ съ мизерной растительностію Одессы. Я понимала, что ивы, клены, липы и пирамидальныя тополи его восхищали. Въ Одессѣ, гдѣ Гоголь прожилъ довольно времени, онъ почти ежедневно бывалъ у моего брата, который отвелъ ему особенную комнату съ высокой конторкой, чтобы ему можно было писать стоя; а жилъ онъ не знаю гдѣ. У моего брата жили молодые люди Малороссіяне, занимавшіеся воспитаніемъ его младшихъ сыновей. Жена моего брата была хорошая музыканша; Гоголь просилъ ее акомпанировать хору всей этой молодежи на фортепіано, и они подъ руководствомъ Гоголя пѣли Украинскія пѣсни. Къ матери моей (мы жили въ другомъ домѣ) онъ приходилъ довольно часто, былъ къ ней очень почтителенъ, всегда цѣловалъ ей руку. Онъ рекомендовалъ ей проповѣди какого-то епископа Іакова и однажды, заставъ Глафиру Ивановну, которая читала въ слухъ матери моей «Мертвыя Души», онъ сказалъ: «Какую чертовщину вы читаете, да еще въ великій постъ!» У матери моей была домовая церковь. Гоголь приходилъ

къ обѣднѣ, становился въ уголъ за печкой и молился «какъ мужичекъ», по выраженію одного молодаго слуги, то есть клалъ земные поклоны и стоялъ благоговѣйно. Этотъ же слуга доложилъ намъ однажды, что пришелъ сочинитель, что́ Гоголя и насъ разсмѣшило.

Прочитавъ въ Яготинѣ, по настоянію Г. П. Галагана, «Мертвыя Души» вотъ что я тогда написала:

«Я читала «Мертвыя Души», противъ которыхъ имѣла сильное предубѣжденіе, или лучше сказать неблагоразумное предубѣжденіе; ибо предубѣжденіе не хорошо тѣмъ, что оно не имѣетъ основанія. Когда я кончила читать эту замѣчательную книгу, во мнѣ явилось къ Гоголю чувство глубокаго уваженія, теплаго, умилительнаго сочувствія; моя душа сроднилась съ его душой. Я ему благодарна за наслажденіе, которымъ подарила меня его книга, за выпрямившіяся понятія. Я благоговѣю передъ нимъ. Чтобы быть полезнымъ ближнему, онъ мужественно, просто, погружается въ грязь и, испытавъ ея смрадъ, онъ, изъ среды этого гнилаго омута, кричитъ людямъ: минуйте, минуйте этотъ омутъ! Это прекрасно, это человѣчно, это христіанскій подвигъ. А эти три-четыре страницы полныя поэзіи и чувства, которыя, какъ свѣтлыя звѣзды, блестятъ посреди Мертвыхъ Душъ, Чичикова, Ноздрева, Собакевича, какъ онѣ хороши, лучезарны, какъ освѣжительны для души, какъ онѣ дѣлаютъ Гоголя существомъ близкимъ сердцу; какъ трогательно, что, будучи проникнутъ чувствомъ прекраснаго, онъ не позволяетъ себѣ предаваться ему и съ истиннымъ самоотверженіемъ обращается къ плачевно-грязной сторонѣ человѣчества и врачуетъ насъ, разбирая всѣ эти гнусныя раны, наводящія на душу глубокую тоску. Какая разница между Гоголемъ и Сю́ *)! Величавая простота, глубокомысленный смѣхъ, цѣлительная иронія перваго краснорѣчиво говорятъ о любви къ ближнему, о желаніи исправленія людей. Онъ и грязью занимается нравственно, чтобы ею не пачкались люди. Сю́, какъ актеръ, желаетъ производить впечатлѣніе, содраганіе и погружаетъ читателя въ грязную лужу, изъ которой онъ выходитъ обезсиленнымъ, съ воспаленнымъ воображеніемъ, съ страстями еще болѣе необузданными и часто съ новыми пятнами. Я прочла «Мертвыя Души», и вдругъ Гоголь пріѣхалъ къ намъ въ Яготино. Лицо его носило отпечатокъ перемѣны, которая воспослѣдовала въ душѣ его. Прежде ему были ясны люди; но *онъ* былъ закрытъ для нихъ, и одна иронія показывалась наружу. Она колола ихъ острымъ его носомъ, жгла его выразительными глазами; его боялись. Теперь онъ сдѣлался яснымъ для другихъ; онъ добръ, онъ мягокъ, онъ братски сочувствуетъ людямъ, онъ такъ доступенъ, онъ снисходителенъ, онъ дышетъ христіанствомъ.

*) Евгеній Сю—тогдашній модный романистъ. П. Б.

Потомъ въ Одессѣ я дала ему прочесть эти строки; онъ сказалъ мнѣ: «Вы меня поняли, но слишкомъ высоко поставили въ своемъ мнѣніи».

Это я писала въ 1846 году; теперь же въ 1890 году почти полъвѣка прошло и я не написала бы этого. Нынѣ я смотрю на міръ иначе и задаю себѣ вопросъ: кого исправили «Мертвыя Души»? Я понимаю, что Гоголь сжегъ свое твореніе и не понимаю плача С. Т. Аксакова и недоумѣнія многихъ по поводу того, что Гоголь подъ конецъ своей жизни не остался прежнимъ Гоголемъ, юмористомъ, а сдѣлался истиннымъ христіаниномъ. Все и вся должно изчезнуть; въ новомъ, обновленномъ мірѣ тлѣнное не будетъ имѣть мѣста, и Гоголь обновленный въ царствѣ небесномъ уже не Гоголь земной, но безсмертная, ликующая душа, воспѣвающая «Святъ, Святъ, Святъ!»

Въ заключеніе приведу отрывокъ письма, писаннаго изъ Москвы въ Одессу вскорѣ по кончинѣ Гоголя.

Quant à Гоголь, je ne sais pas, quand la pensée pourra se familiariser avec la triste réalité de ne plus voir parmi nous cet homme de bien que tant de qualités rendaient si remarquable, si simple, si chaud de coeur pour le bien, si énergique de volonté et de pensées, si vrai de parole; c'était une nature sainte et le tipe de l'homme de bien qui de nos jours s'efface de plus en plus. Sa fin a été sublime et touchante. Il avait beaucoup d'affection pour mes frères, et par souvenir pour eux il a continué à venir nous voir en leur absence. Il nous arrivait, si les soeurs aînées étaient absentes, de le recevoir dans notre chambre. Il aimait ce petit coin, s'intéressait à nos occupations de peinture, trouvait toujours une bonne parole pour relever le courage, lorsqu'il le trouvait abattu; parfois il nous faisait rire comme des enfants par ses récits pleins d'originalité qui se résumaient de nouveau dans quelqu'idée grave et profonde, qui jetait une semence à faire naître une série de réflexions utiles, et de tout cela il ne reste que le gazon de sa tombe précoce dans un coin retiré du cimétière du couvent Даниловъ où il repose près de son ami le poète Языковъ d'un côté et de l'autre la soeur de son ami m-me Хомякова, qu'il a reconduit dans la tombe lui-même peu de jours avant sa propre fin. Entre ces deux fins si proches nous l'avons vu encore une fois chez nous; c'était le jeudi du carnaval, et son décès a eu lieu le mardi de la seconde semaine du grand carême. Il était serein, mais grave, et toutes ses idées étaient tournées vers la mort; ses yeux brillaient plus que jamais, et sa figure était très pâle; il avait beaucoup maigri cet hiver, mais son humeur ne recélait rien de maladif, et au contraire elle était plus constamment sereine qu'avant. L'idée que nous étions sur le point de le perdre était si loin, si loin de nous, malgré que

le ton avec lequel il nous a fait ses adieux, ce jour, nous a paru hors de son ordinaire, et nous nous le sommes dit sans en déviner le sens, que sa mort est venue nous expliquer.

Переводъ. .... Чтó до Гоголя, не знаю, когда мысль будетъ въ состояніи освоиться съ печальною дѣйствительностью—не видать больше среди насъ этого человѣка добра, многими достоинствами столь замѣчательнаго, столь простаго, съ такою сердечною горячностью отзывчиваго, дѣятельнаго мыслью и волей, правдиваго въ рѣчахъ. Эта была святая натура, одинъ изъ людей добра, какіе въ наши дни все болѣе пропадаютъ. Кончина его была величественна и трогательна. Онъ очень любилъ моихъ братьевъ и, помня про нихъ, продолжалъ посѣщать насъ въ ихъ отсутствіе. Случалось намъ, если старшихъ сестеръ не было дома, принимать его въ своей комнатѣ. Онъ любилъ этотъ уголокъ, интересовался нашими занятіями живописью и всегда находилъ теплое слово, чтобы поднять упадавшую бодрость духа. Иногда онъ смѣшилъ насъ, какъ дѣтей, своими полными самобытности разсказами, сводившимися къ какой-нибудь важной и глубокой мысли, брошенной какъ зерно, которое производило цѣлый рядъ полезныхъ размышленій. И отъ всего этого уцѣлѣла лишь трава надъ его преждевременной могилой въ уединенномъ уголкѣ кладбища Данилова монастыря, гдѣ почіетъ онъ возлѣ своего друга, поэта Языкова, съ одной стороны, а съ другой возлѣ г-жи Хомяковой, сестры своего друга, которую онъ самъ проводилъ въ могилу не задолго до своей смерти. Мы видѣли его еще одинъ разъ въ короткій промежутокъ между этими кончинами. Было это въ Четвергъ на масляной, а скончался онъ во Вторникъ на второй недѣлѣ великаго поста. Онъ былъ ясенъ, но сдержанъ и всѣми своими мыслями обращенъ къ смерти; глаза его блистали ярче, чѣмъ когда либо, лицо было очень блѣдно. За эту зиму онъ очень похудѣлъ, но настроеніе духа его не заключало въ себѣ ничего болѣзненнаго; напротивъ, оно было яснымъ болѣе постоянно, чѣмъ прежде. Мысль, что мы его скоро потеряемъ была такъ далека, такъ далека отъ насъ; а между тѣмъ тонъ, съ какимъ онъ прощался, на этотъ разъ показался намъ необычайнымъ, и мы между собою замѣтили это, не догадываясь о причинѣ. Ее разъяснила намъ его смерть.

ЗАПИСКИ

СТЕПАНА ПЕТРОВИЧА

ЖИХАРЕВА.

1805—1807.

(ДНЕВНИКИ СТУДЕНТА И ЧИНОВНИКА).

издание

„РУССКАГО АРХИВА“

(съ азбучнымъ указателемъ).

МОСКВА.

1891.

ЗАПИСКИ

СТЕПАНА ПЕТРОВИЧА

ЖИХАРЕВА.

ИЗДАНІЕ

«РУССКАГО АРХИВА».

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ
1890.

ЗАПИСКИ СОВРЕМЕННИКА.

Если намъ такъ пріятно встрѣчать давно знакомыхъ людей, то еще пріятнѣе встрѣтиться съ самимъ собою въ прежней мысли, въ прежнемъ чувствѣ, или въ прежнемъ происшествіи. (*Дневникъ 13-го Мая 1805 года*).

Дневникъ Студента

съ 1805 по 1807 годъ.

„Записки Современника" остались послѣ покойнаго князя Степана Степановича Барятинскаго. Онѣ писаны близкимъ его родственникомъ [1]), съ которымъ, не смотря на разность въ лѣтахъ и на обстоятельства, ихъ разлучавшія, онъ соединенъ былъ, сверхъ узъ родства, искреннею и безусловною дружбою, до самой своей кончины [2]).

Князь Барятинскій еще при жизни своей успѣлъ пересмотрѣть всѣ эти „Записки" и сдѣлать имъ строгій разборъ: изъ однихъ многое, по разнымъ отношеніямъ и уваженіямъ, исключилъ, другія совсѣмъ уничтожилъ. Остальныя приведены имъ въ періодическій порядокъ двухъ дневниковъ: а) Студента, съ 1805 по 1807 годъ, и б) Чиновника, съ 1807 по 1819 годъ, къ которымъ объясненія и примѣчанія сдѣланы самимъ княземъ.

Эти дневники, кромѣ собственныхъ приключеній писавшаго, заключаютъ въ себѣ живую панораму большей части тогдашнихъ современныхъ лицъ и происшествій. Не мое дѣло судить о степени теперешней ихъ занимательности (ибо самое занимательное въ нихъ уничтожено); но мнѣ кажется, что и въ настоящемъ видѣ они не лишены интереса, который по мѣрѣ продолженія „Записокъ" возрастаетъ, точно также, какъ возрастаетъ неопытный, откровенный и словоохотливый студентъ въ наблюдательнаго и дѣятельнаго чиновника, познакомившагося короче съ жизнію и ея превратностями.

Москва. 15 Іюня 1849 года.

---

[1]) Двоюроднымъ братомъ, С. П. Жихаревымъ, который написалъ и это предисловіе въ 1849 году, когда онъ передалъ М. П. Погодину эти Записки для напечатанія въ „Москвитянинѣ", гдѣ онѣ начали появляться съ 1853 года. М. П. Погодинъ сообщалъ намъ рукопись этихъ любопытныхъ Записокъ, изъ которой были извлечены нами выпущенныя тогдашнею цензурою (не многія впрочемъ) мѣста и возстановлены имена многихъ лицъ. Такимъ образомъ Записки С. П. Жихарева печатаются здѣсь въ болѣе полномъ видѣ. Дозволеніе издать ихъ вновь получено нами отъ роднаго его правнука князя Э. П. Демидова-Санъ-Донато. С. П. Жихаревъ, нѣкогда пріятель Жуковскаго и братьевъ Тургеневыхъ, въ Арзамаскомъ обществѣ носившій имя „Громобоя, служилъ оберъ-прокуроромъ, потомъ сенаторомъ и кончилъ жизнь предсѣдателемъ театрально-литературнаго комитета, въ Петербургѣ, 31 Августа 1860 года (род. 18 Февраля 1788 года). П. Б.

[2]) С. С. Барятинскій скончался 5 Марта 1830 г. См. очень любопытную его біографію, написанную его пасынкомъ Васильемъ Николаевичемъ Бензенгромъ (Рязань, 1888, 12°).

I.

1805-Й ГОДЪ.

2 Января, Понедѣльникъ. Не безпокойся, любезный братъ! Я не перестану быть твоимъ неизмѣннымъ Гримомъ. Писать къ тебѣ обратилось мнѣ въ привычку. Благодарю за присылку денегъ; теперь вѣроятно не одна сотня рублей запечатывается въ пакетъ для подарка новому студенту: званіе мое не бездѣлица и порадуетъ моихъ домашнихъ: ожидаю непремѣнно *экстраординарной* благостыни. Правду сказать, еслибъ кто шесть мѣсяцевъ тому назадъ вздумалъ предрекать мнѣ, что въ нынѣшній новый годъ я поѣду поздравлять родныхъ и знакомыхъ моихъ въ синемъ мундирѣ съ малиновымъ воротникомъ и при шпагѣ, я бы принялъ это за обидную насмѣшку. Однако же это сбылось. Конечно, прилежанія, трудовъ и хлопотъ было немало; но что̀ значило бы все это безъ помощи и содѣйствія добраго моего Петра Ивановича? [1]). Онъ объ успѣхахъ моихъ заботился болѣе меня самого. Математика мнѣ не очень далась; но на нее не обратили вниманія, и Алексѣй Ѳедоровичъ [2]), дай Богъ ему здоровья, сильно поддержалъ меня.

Вчера ѣздилъ съ поздравленіемъ къ графу Ивану Андреевичу [3]), Ивану Петровичу Архарову, къ теткѣ Вишневской, къ брату Ивану Петровичу [4]), къ Аксеновымъ и къ Кудрявцовымъ; разумѣется, заѣзжалъ и къ Лобковымъ. Какъ хорошѣетъ Арина Петровна! Нельзя довольно налюбоваться ею; что̀ за глаза! И эту красавицу, къ общей досадѣ нашей, мать зоветъ *Орюшкою!* Звали вечеромъ танцовать; танцами распоряжать будетъ Іогель. Танцы не по моей части, но какъ не полюбоваться олицетворенною Терпсихорою?

Графъ Иванъ Андреевичъ добивался, сколько мнѣ лѣтъ и куда я намѣренъ опредѣлиться въ службу. Не хотѣлъ вѣрить, что мнѣ только 16 лѣтъ. Не совѣтовалъ служить въ Архивѣ, но ѣхать прямо въ Петербургъ и опредѣлиться въ Коллегію, сперва на черную работу. Обѣщалъ дать къ кому-то письмо. Обласкалъ, однакоже не посадилъ. Старикъ чѣмъ-нибудь огорченъ, или угрюмъ по природѣ. За то какъ

---

[1]) Магистръ Богдановъ.

[2]) Мерзляковъ, адъюнктъ-профессоръ.

[3]) Остерманъ, государственный канцлеръ. Его домъ — нынѣшнее зданіе Духовной Семинаріи. П. Б.

[4]) Поливановъ, впослѣдствіи сенаторъ.

обнималъ меня Иванъ Петровичъ Архаровъ [1])! Созвалъ все семейство смотрѣть на мой мундиръ, и чего, чего не наговорилъ: называлъ милымъ, умницею, роднымъ и проч. Заставлялъ насильно завтракать, приглашалъ обѣдать, хотѣлъ пить Шампанское за мое здоровье, словомъ, я не зналъ, куда дѣваться отъ его нѣжностей. Говорятъ, что онъ со всѣми таковъ, и чѣмъ малозначительнѣе человѣкъ, тѣмъ больше старается обласкать его. Это мнѣ растолковала тетка, которая, Богъ знаетъ почему, называетъ эту привѣтливость *кувырканьемъ*; иначе я могъ бы возмечтать о себѣ и Богъ знаетъ что̀! Между тѣмъ я сегодня попалъ туда, куда бы ѣздить не слѣдовало: Кудрявцовъ, въ великой заботѣ о моихъ знакомствахъ, возилъ меня къ графу Михаилу Ѳедовичу Каменскому [2]), Богъ вѣсть зачѣмъ! Развѣ только для того, чтобы похвастаться своими связями, и что онъ нѣкогда въ корпусѣ преподавалъ графу Нѣмецкой языкъ. Графъ безспорно знаменитый полководецъ и не даромъ фельдмаршалъ, но могъ бы и не уничтожать меня своимъ пріемомъ. «*Въ какой это ты, братецъ, мундиръ нарядился? Въ полку бы тебѣ не мѣшало послужить солдатомъ. Скорѣе бы повытерли*». И только. Не посадилъ: простоялъ больше часу, покамѣстъ старики вдоволь не наговорились о прежнемъ житьѣ-бытьѣ; видишь, въ ихъ время будто бы все было лучше. Немудрено: въ ихъ время у нихъ зрѣніе было острѣе, слухъ былъ тонѣе и желудокъ исправнѣе.

Таскался по профессорамъ. *Я началъ съ Страхова и кончилъ Снѣгиревымъ.* Добрые, благонамѣренные, почтенные люди! Все время жизни своей посвящаютъ другимъ, въ безпрерывныхъ трудахъ, а съ нашей стороны признательности немного. Вотъ, напримѣръ, хоть бы взять Никифора Евтроповича [3]). До сихъ поръ, какъ только появится на каѳедрѣ, такъ тотчасъ наши шалуны и давай повторять третьегоднишую его фразу: «*Оное Гарнеренево воздухоплаваніе не столь общеполезно, сколько оное Финновъ Петра Великаго о лаптяхъ ученіе есть*» Разумѣется, конструкція фразы смѣшна, да за то въ ней есть глубокій смыслъ.

Обнимался съ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ и Буринскимъ, который написалъ превосходные стихи. Сказывали, что С. Смирновъ переводитъ «Kabale und Liebe», которую разыгрывать будутъ на пансіонскомъ театрѣ. Хотятъ мнѣ назначить роль Вурма, потому что я смуглъ и тощъ, а главное, потому, что ея никто не беретъ. Благодаренъ; будетъ

---

[1]) Московскій домъ этого знаменитаго хлѣбосола—нынѣ Коншина, на Пречистенкѣ, на углу Старой Конюшенной. П. Б.

[2]) Нынѣшнее зданіе Земледѣльческой Школы на Смоленскомъ бульварѣ. П. Б.

[3]) Профессоръ Черепановъ.

съ меня и Франца Мора, котораго отхлесталъ я къ полному неудовольствiю переводчика [1])

3 Января. Вторникъ. Обѣдалъ у князя Михаила Александровича Долгорукаго и время провелъ чрезвычайно прiятно. Князь по прежнему такой же любитель театра и покровитель Русскихъ актеровъ. Я встрѣтилъ у него Плавильщикова, Померанцева, Ураносова и Злова. Сила Николаевичъ Сандуновъ пересталъ къ нему ѣздить, и объ немъ не жалѣютъ. Бойкiй талантъ, ума палата, языкъ—бритва, но неуживчивъ. За обѣдомъ много разсуждали о театрѣ и театральномъ искусствѣ. Ораторствовалъ Плавильщиковъ. Въ качествѣ дѣйствительнаго студента позволилъ я себѣ нѣкоторыя возраженiя, что̀ нашему Росцiусу, кажется, было не по нраву, особенно когда я упомянулъ о Петербургскихъ актерахъ Шушеринѣ и Яковлевѣ «*Шушеринъ еще такъ и сякъ*, сказалъ онъ, *но Яковлевъ неучъ*». Я не видалъ ихъ, слѣдовательно защищать не могъ. Плавильщиковъ написалъ новую комедiю: «*Братья Своеладовы*», которая представлена будетъ въ его бенефисъ. Зловъ сказывалъ, что въ половинѣ мѣсяца пойдетъ и моя опера «*Любовныя Шутки*», которую переводилъ я по заказу Соломони. Эта глупая страсть къ театру отнимаетъ у меня пропасть времени. Съ завтрашняго числа запрусь дня на три дома, чтобъ выиграть прошатанное время.

6 Января. Пятница. Большой балъ у Высоцкихъ [2]). Кузины наши показывали мнѣ свои наряды: кружева, кружева и кружева. Есть въ четверть аршина шириною. Много денегъ оставлено въ магазинѣ мадамъ Оберъ-Шалме: достаточно было бы на годовое продовольствiе иному семейству. Не даромъ старики эту Оберъ-Шалме переименовали въ Оберъ-Шельму [3]) Мы съ Петромъ Ивановичемъ ѣздили взглянуть на освѣщенныя окна дома Высоцкаго. Вся Басманная до Мясницкихъ воротъ запружена экипажами: цуги, цуги и цуги. Кучерамъ раздавали по калачу и разносили по стакану пѣнника. Это по-барски. Музыка слышна издалече: экосезъ и а-ла-грекъ такъ и заставляютъ подпрыгивать,

---

[1]) Ник. Ник. Сандунова.—П. Б.

[2]) За Высоцкимъ была Потемкина, родная сестра свѣтлѣйшаго. Высоцкiй содѣйствовалъ къ исполненiю словеснаго завѣщанiя князя Потемкина о постройкѣ прекраснаго храма Большого Вознесенiя у Никитскихъ воротъ въ Москвѣ, въ память негласнаго его брака съ Екатериною II-й. П. Б.

[3]) Въ 1812 году эта обирательница Русскихъ барынь завѣдывала столомъ Наполеона и не нашла ничего лучше какъ устроить кухню въ Архангельскомъ соборѣ. Она послѣдовала за остатками великой армiи и погибла съ нею. Elle a été cosaquée, какъ тогда говорили. П. Б.

8 Января, Воскресенье. Были на пирушкѣ у Гаврилы Ивановича Мягкова [1]). Домикъ на Мясницкомъ валу прехорошенькій, жена красавица въ полномъ смыслѣ слова. Счастливецъ! Домикъ и жена пріобрѣтены трудами: тѣмъ болѣе они для него драгоцѣнны. Пили пуншъ и слушали игру хозяина на арфѣ. Прекрасно! Какъ находитъ онъ время заниматься музыкою? Геометрія и музыка, арфа и фортификація какъ-то не гармонируютъ между собой. Всѣ были нѣсколько навеселѣ, и Алексѣй Ѳедоровичъ острилъ безпрестанно. Нѣтъ человѣка любезнѣе его, когда онъ на распашку. Я все смотрѣлъ на хозяйку: какой бы этюдъ для Тончи!—Завтра приглашаетъ насъ И. И. Дмитріевъ на вечеръ. Петру Ивановичу нельзя: у него вечерніе уроки у Скульскихъ и графинь Гудовичевыхъ. Поѣду одинъ.

9 Января, Понедѣльникъ. У И. И. никого изъ записныхъ охотниковъ читать стихи свои не было. За то самъ хозяинъ заставилъ меня прочитать посланіе его къ Державину въ отвѣтъ на присланные стихи безъ подписи нашего Пиндара.

Бардъ безъимянный, тебя ль не узнаю?
Орлій издавна знакомъ мнѣ полетъ.
Я не въ отчизнѣ, въ Москвѣ обитаю,
Въ жилищѣ суетъ!

Вотъ такъ стихи! И. И. владѣетъ языкомъ мастерски. Платонъ Петровичъ Бекетовъ толковалъ все о своей типографіи. Это истинный ревнитель отечественнаго просвѣщенія; при большихъ способностяхъ онъ былъ бы другимъ Новиковымъ, и особенно теперь, когда нѣтъ ни одной отрасли наукъ, которой бы правительство не поощряло. И И., которому Бекетовъ близкій родственникъ, говоритъ, что онъ не щадитъ ничего для ученыхъ и литературныхъ предпріятіи, и даже разстроилъ свое состояніе. И. И. жалѣетъ, что пособія Платона Петровича падаютъ большею частію на бездарныхъ писателей, довольно назойливыхъ. Дождитъ на злыя и благія!

12 Января, Четвергъ. Наконецъ, вотъ письмо изъ дому съ деньгами: 300 р. отъ матушки, 5 золотыхъ имперіаловъ и 10 червонцевъ отъ батюшки и тетки княжны Марьи Гавриловны [2]). Очень, очень, кстати. Отецъ посылаетъ мерлушекъ на два тулупа для обоихъ насъ съ И. И—чемъ, и ему особенно пару лошадей. Эти пегасы также очень ко времени, потому что уроки И. И. умножаются: одной моей пары становилось

[1]) Преподаватель фортификаціи.

[2]) Это княжна М. Г. Барятинская, племянникомъ которой былъ и вышеупомянутый князь Степанъ Степановичъ Барятинскій. И. Б.

для обоихъ насъ недостаточно; теперь, когда я перешелъ Рубиконъ, нѣкоторые лишніе выѣзды не могутъ быть для меня предосудительны. Я успѣлъ уже заказать Занфтлебену пюсовый фракъ изъ лучшаго сукна и синіе панталоны, съ узорами по бантамъ à la husard, за 40 р.: дорого да мило! Между тѣмъ, по случаю радостнаго событія, ѣдемъ завтра къ отцу Іоанну [1]) на вечеринку. Тамъ будетъ и Василій Ивановичъ [2]), котораго слово въ институтѣ такъ всѣмъ понравилось. Какъ удачно онъ умѣлъ выбрать текстъ къ этому слову: «*иныя не имамъ радости, да вижду чада моя въ истинѣ ходяща*». Для преподавателя закона Божія нельзя было отыскать текста приличнѣе.

Говорятъ о назначеніи И. И. Дмитріева сенаторомъ. Дай Богъ! Кромѣ таланта, нелицепріятенъ и не подверженъ ничьему вліянію.

16 Января, Понедѣльникъ. Сегодня у А. А. встрѣтилъ Жуковскаго. Чуть ли не будетъ онъ сотрудникомъ Каченовскаго въ изданіи «Вѣстника Европы»; по крайней мѣрѣ А. А. этого желаетъ. Какъ удивился Ж., когда я прочиталъ наизусть новые стихи его, которые нигдѣ еще не напечатаны и никому не были читаны, кромѣ самыхъ его близкихъ. А. А. очень забавлялся этимъ, и «*вотъ*—сказалъ — *каковы-тá у насъ студенты-та, все-тá на лету ловятъ; а кабы поменѣе-тá по театрамъ шатались, такъ бы и въ математикѣ-тá не отставали*». Я сгорѣлъ: не въ бровь, а прямо въ глазъ; да впрочемъ за дѣло, за дѣло. Чтó за безчестный студентъ! Однако же не теряю надежды: Андрей Анисимовичъ [3]) вдолбитъ что-нибудь въ бѣдную мою голову, во время вакацій. Но какъ отстать отъ театра?

17 Января, Вторникъ. Поспѣшая сегодня на обѣдъ къ Лобковымъ во всю прыть моихъ каурокъ, я наѣхалъ на какую-то женщину и совершенно смялъ ее, такъ что она очутилась подъ санями. Вопли и крики! Ѣхавшій мнѣ на встрѣчу частный приставъ соскочилъ съ саней, остановилъ лошадей моихъ и высвободилъ бѣднягу, которая продолжала кричать безъ памяти. Онъ спросилъ меня, кто я таковъ, и объявилъ, что хотя по принятымъ правиламъ долженъ бы былъ отправиться со мною въ полицію, но что онъ не хотѣлъ бы мнѣ сдѣлать эту непріятность, и потому предлагаетъ дать женщинѣ сколько-нибудь денегъ на лѣкарство и тѣмъ предупредить ея формальную жалобу. Я бы радъ

---

[1]) Отецъ П. И. Богданова, умный и благочестивый старецъ, бывшій діакономъ въ приходѣ архидіакона Евпла и отказавшійся добровольно отъ священства.

[2]) Старшій братъ Петра Ивановича, священникъ и законоучитель института со времени его учрежденія (скончался въ запрошломъ году).

[3]) Сокольскій, преподаватель Ариѳметики и Геометріи.

былъ дать все, что̀ угодно; но со мною не было денегъ, и когда я объявилъ о томъ приставу, то онъ заплатилъ женщинѣ пять рублей своихъ съ тѣмъ, чтобы я послѣ возвратилъ ихъ ему, а впредъ старался ѣздить осторожнѣе. Этого почтеннаго человѣка зовутъ *Иванъ Петровичъ Гранжанъ*, и Петръ Тимоѳеевичъ за обѣдомъ сказывалъ мнѣ, что онъ бываетъ съ семействомъ у нихъ, принятъ въ лучшихъ домахъ и уважаемъ начальствомъ. Вотъ какіе люди служатъ въ здѣшней полиціи! Никол. Петр. Аксеновъ также былъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, еще при Эртелѣ, частнымъ приставомъ, а какой человѣкъ! Что̀ за душа и обращеніе, и какъ вообще уважаемъ всѣми, не смотря на недостаточное состояніе. Правду говорятъ, что не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ мѣсто.

19 Января, Четвергъ. Любовныя мои *Шутки* вовсе плохія шутки. Опера не понравилась публикѣ, а еще болѣе мнѣ. Холодно, вяло и скучно. Бѣдная Соломони пѣла хорошо, голосъ у ней огромный; да какъ-то все не ладилось. Лизета—крестьянка, а она представляла какую-то барыню, хотя и брала уроки у Сандуновой. Я думаю, безъ этой наставницы, которая порядочно жеманится, она сыграла бы. Впрочемъ въ неуспѣхѣ піесы виноватъ одинъ бенефиціантъ: зачѣмъ выбирать такой вздоръ? П. И. говоритъ, что я лучше бы сдѣлалъ, еслибъ не отказался отъ предложенныхъ мнѣ Соломони 50 р. за переводъ; по крайней мѣрѣ душа бы не болѣла.

Балетъ ‹*Мщеніе за смерть Агамемнона*›, *во вкусъ Новерра*, какъ гласитъ афиша, прошелъ такъ и сякъ: какой Эгистъ, какой Орестъ и какая Электра! Въ этой Электрѣ ни искры электричества. Говорятъ, что она выходитъ замужъ за старика Англичанина Банкса, извѣстнаго торговца лошадьми. Онъ большой пріятель съ Н. П. Аксеновымъ, который содѣйствіемъ и пособіемъ его развелъ свой конный заводъ и свой извѣстный огромностью рогатый скотъ — единственные теперь источники его доходовъ.

Старшая Соломони играла концертъ на скрипкѣ съ полнымъ оркестромъ. Это лучшая часть бенефиса.

20 Января, Пятница. Ай да Freiherr von Steinsberg! Ай да Malteiser Ritter! Какъ ухитрился онъ поставить такую сложную піесу, какова вторая часть ‹Русалки›, на маленькой сценѣ Демидовскаго театра, со всѣми перемѣнами декорацій, полетами, превращеніями и Богъ вѣсть съ какими еще затѣями, при его ограниченныхъ средствахъ? Какъ бы то ни было, ‹Русалка› прошла весело. Театръ ломился отъ зрителей, не смотря на возвышенныя цѣны. Ложа 12 р., кресла 2 р. 50 к., партеръ 1 р. 50 к., галлерея 1 р.— дороговько! *Мамзель Штейнъ* играла

Русалку, *Штейнсбергъ*—Минневарта, *Коропъ*—Ларпфари, *мадамъ Гебгардъ*—старуху Uengfer Salome, *Литхенсъ*—рыцаря Адальберта, *Вильгельмъ*—ловчаго, *мадамъ Штейнсбергъ*—Берту, и проч. Мамзель Штейнъ принимали прекрасно, кричали нѣсколько разъ voraus, а Kanon между ею, Штейнсбергомъ и Вильгельмомъ: *nach Regen folget Sonnenschein*, заставили повторить три раза. Право, Штейнсбергъ волшебникъ. Въ продолженіе одного года сформировать труппу, въ которой одни и тѣже сюжеты играютъ сегодня Шиллеровыхъ „Разбойниковъ", а завтра ‹Русалку›; сегодня «Kabale und Liebe», а завтра «Die deutsche Kleinstädter» или «Zigeuner»; сегодня «Беньовскаго», а завтра уморительнаго «Das Neue Sonntagskind›, и играють очень недурно. Это, право, непостижимо; и между тѣмъ изъ какихъ лицъ составлена эта труппа? Кромѣ Штейнсберга, который, не смотря на свое баронство и Мальтійскій крестъ, можетъ назваться превосходнымъ актеромъ во всѣхъ амплуа,—всѣ актеры его трупы большею частію Anfänger [1]) изъ Петербургскихъ мастеровыхъ. Даровитая *мамзель Штейнъ*, играющая Русалку, Амалію, Луизу и проч.—булочница; братъ ея—переплетчикъ; *Литхенсъ*—каретный обойщикъ, *Коропъ*—сидѣлецъ изъ виннаго погреба; *Петерсъ*—столярный подмастерье; *Канъ*—садовникъ; *Беренсъ*—портной, Вильгельмъ *Гасъ*—писецъ изъ конторы нотаріуса, послѣ нотный переписчикъ и наконецъ музыкантъ; *Эме*—деревенскій экономъ; *Кистеръ* [2])—золотыхъ дѣлъ подмастерье. Подумаешь: какой сбродъ, и что̀ изъ него вышло? Всѣ эти актеры—сами декораторы, сами костюмѣры, сами машинисты, сами портные, сами копіисты. Штейнсбергъ не нанимаетъ ни одного посторонняго для надобностей своего театра Удивительное свойство угадывать дарованія въ людяхъ, привлекать ихъ къ своей цѣли, и въ тоже время заставлять ихъ любить и уважать себя! Сколько ниostороженъ былъ пасторъ Гейдеке въ сужденіи о людяхъ, какъ онъ ни проницателенъ и опытенъ въ сношеніяхъ съ ними, однако же утверждаетъ, что молчаливый и задумчивый Штейнсбергъ имѣетъ способность неотразимо дѣйствовать, на кого онъ захочетъ.

22 Января, Воскресенье. Приходилъ Ф. П. Граве. Онъ непремѣнно хочетъ играть на Нѣмецкомъ театрѣ. Сколько мы ему ни возражали и ни указывали на неприличіе такого поступка, онъ стоитъ на своемъ. На прощаньѣ объявилъ, что уже выучилъ нѣсколько ролей и скоро дебютировать будетъ въ какой-то роли ‹Влюбленнаго Башмачника›. Завтра же отправлюсь къ Штейнсбергу и попрошу, чтобы не допускалъ такого скандалу. Одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ Универси-

[1]) Новички.

[2]) Нынче камергеръ одного Нѣмецкаго двора, баронъ и милліонеръ.

тетскаго Благороднаго Пансіона, студентъ, получившій золотую медаль, и котораго имя, какъ отличнѣйшаго воспитанника, осталось на золотой доскѣ, будетъ играть роль влюбленнаго башмачника и большею частію передъ вовсе не влюбленными сапожниками. Есть отъ чего съ ума сойдти!

23 Января, Понедѣльникъ. Дѣло Граве могли уладить только вполовину. Сколько его ни усовѣщивали, онъ и въ усъ не дуетъ. Несетъ свое, увѣряетъ, что это вдохновеніе, и онъ чувствуетъ свое призваніе. Непонятно, чтò случилось съ нимъ: ему давно за двадцать, а сталъ хуже всякаго капризнаго ребенка. Положили покамѣстъ на томъ, что будетъ по крайней мѣрѣ дебютировать послѣ Пасхи и подъ другимъ именемъ. Онъ выбралъ себѣ Латинское прозваніе: *Nemo*. Теперь, если убѣжденія на него не дѣйствуютъ, придется прибѣгнуть къ другому лѣкарству—свисткамъ. Авось они отучатъ его отъ паясничества. Добро бы имѣлъ настоящій талантъ, или былъ какой красавецъ, сердце бы не болѣло; а то въ родѣ рыцаря печальнаго образа, съ присовокупленіемъ огромной сутулины. Впрочемъ Штейнсбергъ говоритъ, qu'il ne faut rien précipiter*) и заранѣе огорчать его, а что дѣло обойдется само собою.

За хлопотами о нашемъ Nemo не былъ сегодня во Французскомъ спектаклѣ. Давали оперу «Paul et Virginie» и комедію «Fausses Consultations». Можетъ быть, и къ лучшему: деньги дома, а мадамъ *Кремонъ* чтó за Виргинія! Кругленькаго личика и затянутой таліи недостаточно для этой милой роли.

Бѣлавинъ сказывалъ, что *Савиновъ*, дебютировавшій вчера въ роли Алексѣя въ драмѣ «*Бѣглый Солдатъ*», ниже всякой критики. Это, будто бы, *Прусаковъ*, помноженный на *Кондикова*.

26 Января, Четвергъ. Былъ въ бенефисѣ Сандуновой, въ ложѣ князя Михаила Александровича. Таже вѣчная первая часть «Русалки». Княжны восхищались бенефиціанткою, а мнѣ какъ-то грустно видѣть эту даровитую пѣвицу въ такихъ роляхъ, которыя вовсе къ ней не пристали. Я не смѣлъ высказать свое мнѣніе, потому что предвидѣлъ обыкновенное возраженіе: «Небось, ваша мамзель Штейнъ лучше?» Но помилуйте: женщина въ лѣтахъ, небольшаго роста, очень, очень полная, чтобы не сказать толстая, прыгаетъ, пляшетъ, или вѣрнѣе, хочетъ прыгать и плясать какъ 18-тилѣтняя хорошенькая, безъискусственная, веселая Нѣмочка, у которой роль Русалки въ ея природѣ; ибо эта роль составлена большею частію изъ вальсовъ, національныхъ Нѣмец-

---

*) Ничѣмъ не надо торопиться.

кихъ пѣсень и танцевъ и проч. Что же тутъ хорошаго? Удивительно, какъ люди мало знаютъ свои средства! Сандунова не играетъ въ «Волшебной Флейтѣ», предоставляетъ прекрасную роль *Памины* Бутенброковой и ломается въ Русалкѣ! Настоящія роли талантливой Сандуновой, какъ пѣвицы и актрисы, въ операхъ Итальянскихъ: въ «Molinara», въ «Діаниномъ Древѣ», въ «Cosa Rara», въ «Венеціанской Ярмаркѣ», въ «Serva Padrona», и проч. и проч. Пусть играетъ и Наталью въ «Старинныхъ Святкахъ»: тутъ ей можно пощеголять своимъ пѣніемъ въ куплетахъ: *Слава Богу на небѣ*, и проч. Пусть поетъ въ «*Водовозѣ*», въ «*Элизѣ* (или Путешествіе по ледянымъ горамъ»), и проч.,— слова нѣтъ: это ея амплуа; но Русалка—ахъ, Господи! Полунагая, вертлявая нимфа съ ея фигурою и формами и съ ея Итальянскимъ жеманствомъ! Лицо до сихъ поръ сохранило свою пріятность, физіономія игрива; но нѣтъ натуры, какъ утверждаетъ и самъ Штейнсбергъ, а онъ непогрѣшительный и безпристрастный судья въ этомъ дѣлѣ. Отчего Русалки не играетъ *Носова*, хорошенькая, веселенькая актриска и премиленькая пѣвичка съ вѣрнымъ голоскомъ? Я рѣдко въ комъ видалъ столько натуры, при совершенномъ отсутствіи всякаго жеманства. Говорятъ: танцовать не умѣетъ; да у кого жъ ей бѣднягѣ было и учиться?

Штейнсбергъ говоритъ, что въ Петербургѣ Русалку безподобно играетъ *Черникова*, воспитанница Театральнаго Училища, и что такой актрисы въ роли Русалки никогда не бывало, по крайней мѣрѣ видѣть ему не случалось ни въ Вѣнѣ, ни въ Берлинѣ. Какъ бы хотѣлось взглянуть на этотъ феноменъ. Говоритъ, что и *Воробьевъ*, ученикъ Мартини, или Маркетти, отлично играетъ Тарабара, и хотя спалъ съ голосу, но умѣетъ управлять имъ такъ, что этого почти не замѣтно.

Я слышалъ отъ А. А. Арсеньева, что управляющій театромъ отъ Воспитательнаго Дома князь Волконскій посылалъ *Волкова*, играющаго здѣсь Тарабара, нарочно въ Петербургъ поучиться у Воробьева—какъ онъ выражается — тарабарской грамотѣ, и Волковъ точно усвоилъ будто бы манеру своего образца; можетъ быть. Только, кажется, пересолилъ, и вмѣсто пѣнія лаетъ по-собачьи.

28 Января, Суббота. Сегодня, въ бенефисъ *m-mes Duparay* и *Merienne*, давали мелодрамму «*Le Jugement de Salomon*» и оперку «*La Danse Interrompue*». Первая пьеса, не смотря на пространное и высокопарное объявленіе о ея *высокомъ достоинствѣ, о господствующей въ ней, съ первой до послѣдней сцены, нравственности* и проч., есть такое литературное уродство, которому и названья придумать не умѣю, и сверхъ того такъ скучна, такъ скучна, что мочи нѣтъ. Это древняя

мистерія, въ родѣ той, *какъ Олоферну царю Юдифь отрубила голову.* Рыжая m-me *Duparay* играла Соломона, m-me Merienne настоящую мать ребенка. Охота же Французамъ давать такой вздоръ, а намъ платить за него деньги! За то «*La Danse Interrompue*»—премиленькая піеска и прошла весело.

Николай Ивановичъ Кондратьевъ разгадалъ мнѣ, отчего въ афишахъ передъ фамиліею нѣкоторыхъ актеровъ и актрисъ ставится буква Г., т. е. господинъ или госпожа, а передъ другими нѣтъ. Это оттого, что послѣдніе изъ крѣпостныхъ людей, напр. Уваровъ, Куровъ, Волковъ, Баранчеева, Лисицына и проч., и что когда они зашибаются, что случается нерѣдко, то имъ дѣлается выговоръ особеннаго рода. Однакоже носятся слухи, что Русскій театръ присоединится къ театральной дирекціи, отъ которой назначится особый директоръ, и что всѣ эти *негоспода* пріобрѣтутся въ принадлежность дирекціи, съ присвоеніемъ имъ буквы Г. Дай Богъ! Нѣтъ сомнѣнія, что казенное управленіе исправитъ теперешнюю неурядицу и обратитъ вниманіе на нѣкоторые отличные таланты, не имѣющіе покамѣстъ никакой будущности.

Завтра опера «Иванъ Царевичъ»; непремѣнно ѣду. А на дняхъ у Французовъ „*L'Amant Statue*“, опера, въ которой Сандунова играетъ роль Селимены *по-французски.* Вотъ еще новость!

29 Января, Воскресенье.

Подъ шляпку невидимку
Скрою бѣлую личинку;
Сапожки самоходы
Отслужатъ мнѣ походы, и пр.

Кажется, вздоръ, а такъ и поется! Очень понимаю, отчего Нѣмцы любятъ піесы, составленныя изъ ихъ національныхъ *Märchen* и преданій. Все родное какъ-то шевелитъ сердце и, несмотря на нелѣпость вымысла, тарабарскій языкъ и варварскіе стихи, нарочно подобранные изъ сочиненій Тредьяковскаго, піеса смотрится и музыка слушается съ бо̀льшимъ удовольствіемъ, чѣмъ какой-нибудь «Судъ Соломона» и подобныя ему піесы, отъ которыхъ да избавитъ Аполлонъ всякаго посѣтителя Русскаго театра. Дѣло въ томъ, чтобы только не умничать и не искать премудрости тамъ, гдѣ ея быть не должно. Опера «Иванъ Царевичъ»—сказка въ дѣйствіи, и дѣйствіе расположено просто и несбивчиво: начало и конецъ на своихъ мѣстахъ, напѣвы нехитрые, безъ заморскихъ вычуръ, но какъ-то давно знакомые, затверженные въ дѣтствѣ. Кому не нравятся эти напѣвы, тому придется воскликнуть

вмѣстѣ съ Карломъ Моромъ: O meine Unschuld, meine Unschuld! П. И. смѣется, что я ѣзжу въ такія піесы, въ которыхъ нѣтъ пищи ни для ума, ни для сердца. Въ этомъ мы никогда не согласимся съ нимъ: онъ воспитанникъ города, а я выкормокъ деревенскій.

Мочаловъ—Иванъ Царевичъ, хоть куда, игралъ и пѣлъ очень порядочно; разумѣется, *Уваровъ* былъ бы превосходнѣе Мочалова во всѣхъ отношеніяхъ, но какъ быть! Сравненія въ сторону: они убиваютъ наслажденія. Comparaison n'est pas raison. Сцена лѣшихъ шла уморительно: *Волковъ* и *Кураевъ* оба на своихъ мѣстахъ.

4 Февраля, Суббота. Въ эту недѣлю много кой-чего насмотрѣлся и наслушался. Во Французскомъ театрѣ даны были «*La Petite Ville*» и «*Le Calif de Bagdad*». Мнѣ кажется, первая піеса есть не очень удачное подражаніе комедіи Коцебу «*Die Deütsche Kleinstädter*»; но вторая—очень миленькая опера, и музыка прекрасная. Мы смѣялись отъ души, когда пѣлъ хоръ: *C'est ici le séjour des Grâces*, тогда какъ сцена наполнена была преуродливыми Французскими харями. Видѣлъ Сандунову въ ролѣ Селимены въ «*L'Amant Statue*». Французы пригласили ее играть для сбора, точно также, какъ въ прошломъ году приглашали они здѣшняго Французскаго калиграфа m-r Le Maire, урода и дурака, читать на сценѣ оду его первому консулу съ посвященіемъ пука перьевъ своего очина. *Лемеръ* принятъ во всѣхъ домахъ, служитъ общимъ plastron *), и потому театръ былъ полонъ: всѣ хохотали, когда при громкомъ завываніи всѣхъ бывшихъ на сценѣ Французовъ «*allons, enfants de la patrie*», стали поднимать *Лемера* на воздухъ, будто бы въ храмъ славы, въ видѣ генія въ прическѣ à la Louis XIV. Все это могло идти къ *Лемеру*, но Сандуновой не слѣдовало бы входить въ эту Французскую аферу. Пощеголять Французскимъ языкомъ могла бы она и не на сценѣ, хотя впрочемъ и щеголять нечѣмъ: болтаетъ такъ себѣ, какъ и всѣ наши барыни.

Третьяго дня въ бенифисъ Плавильщикова театръ былъ полонъ. Чтобы судить о комедіи его: «*Братья Своеладовы*» надобно прежде ее прочитать, а то я не очень ее понялъ. Мнѣ показалось, что она не такъ-то понравилась, хотя публика послѣ и аплодировала, и особенно горячіе друзья бенефиціанта не сидѣли поджавъ руки. Жаль, что и первый нашъ трагикъ, нашъ Гаррикъ и Лекенъ, какъ называетъ его князь Михайло Александровичъ, прибѣгаетъ къ паясническимъ средствамъ для привлеченія публики. Заставили плясать какого-то *карло*,

*) Шутомъ, потѣшникомъ.

котораго въ афишѣ называютъ *маленькимъ карло,* какъ будто бы карло можетъ быть большой!

Ѣздили съ Хомяковымъ [1]) къ М. И. Ковалинскому, бывшему при покойномъ Государѣ нашимъ Рязанскимъ губернаторомъ. Я видѣлъ его въ малолѣтствѣ и теперь радъ былъ познакомиться съ нимъ покороче. Онъ очень умный, пріятный и привѣтливый человѣкъ, хотя въ бытность его губернаторомъ и не то объ немъ говорили; но другія времена, другіе нравы. Онъ, кажется, немного мистикъ. Обѣщалъ со временемъ ссудить меня сочиненіями *Сковороды*, который былъ его наставникомъ. Манускриптъ этихъ сочиненій безпрестанно у него на столѣ передъ глазами. Я просилъ дозволенія пробѣжать нѣсколько страницъ въ то время, какъ онъ разговаривалъ съ другими, и напалъ на какую-то статью, подъ названіемъ: *Потопъ Зміинъ.* Ничего не понялъ. П. И. говоритъ, что это оттого, что въ головѣ m-lle Stein да Русалка. На этотъ разъ не угадалъ: то да не то!

8 Февраля, Середа. Разсказываютъ объ остроумномъ отвѣтѣ главнокомандующаго графу Хвостову, который въ разговорѣ очень негодовалъ, что Ив. Ив. Дмитріеву присвоили въ Москвѣ названіе Русскаго Лафонтена. Чтобы утѣшить графа, Александръ Андреевичъ [2]) сказалъ ему: «Ну такъ что жъ,—пусть Дмитріевъ будетъ нашимъ Лафонтеномъ, а вы нашимъ Езопомъ». Какъ непріятно разочарованіе!

Намедни вечеромъ у Прасковьи Михайловны Толстой [3]) слушалъ я премилое посланіе къ ней князя Ивана Михайловича Долгорукаго, читанное самимъ авторомъ. Нѣкоторыя другія стихотворенія его я уже зналъ, и всегда любовался ими, какъ отголоскомъ нѣжнаго и любящаго сердца. Но вотъ вчера доставили мнѣ старую запачканную тетрадь, которая оказалась копіей съ опредѣленія Пензенскаго Верхняго Земскаго Суда 20 Іюля 1795 г. о побояхъ, причиненныхъ прокуроромъ Улыбышевымъ вице-губернатору князю Долгорукову, за привлеченіе жены его, Улыбышева, къ распутству. Что кн. Д. человѣкъ весьма нѣжныхъ чувствъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія; что онъ влюбился въ У-ву, то это весьма естественно; но чтобы могъ писать такія пошлыя любовныя письма, какія находятся въ этомъ опредѣленіи, я никогда бы повѣрить не могъ. Вотъ небольшой образецъ слога обоихъ любовниковъ.

---

[1]) Степаномъ Александровичемъ, отцомъ поэта. Онъ былъ сосѣдъ Жихаревыхъ по Данковскому имѣнью. П. Б.

[2]) Беклешовъ.

[3]) Старшей дочери свѣтлѣйшаго князя Кутузова. П. Б.

Онъ. „Нѣтъ, не страшись! Отдай мнѣ больше справедливости: не «только на театрѣ, но въ собраніяхъ цѣлаго свѣта скажу, что ты мнѣ «не только мила, но ниже какая женщина въ силахъ будетъ отвлечь «мое сердце отъ тебя и скинуть тѣ легкія и дорогія цѣпи, кои ты «одна въ моемъ нынѣшнемъ положеніи могла и умѣла накинуть. Тебѣ «дано было судьбою все сердце мое присвоить, отнявъ его даже у «тѣхъ, кои отъ начала міра имѣли право по всѣмъ законамъ (!!). Такъ «не страшись ничьихъ прелестей: никакія красоты Лизаньки моей въ «глазахъ моихъ не превзойдутъ. Ахъ, другъ мой, въ естествѣ нѣтъ «сильнѣе моей страсти; душа моя, будь здорова!!! Матушка, жизнь «моя! какъ воображу, что я въ твоихъ объятіяхъ, то я внѣ себя, и «проч.» *Она.* «Ахъ, на что вы дали поводъ открыть мои чувства? Знай, «что я тебя люблю; если тебѣ надобно, я всему свѣту оное сказать «готова. Ахъ, что́ вы дѣлаете, какое вы пронзаете сердце! Меня все «въ страхъ и трепетъ приводитъ; по крайности изъ жалости выведите «меня изъ сего адскаго положенія». Или: «Такъ... жизнь моя, кинув«шись на шею къ тебѣ, прижимая тебя къ груди моей, попрошу од«ного слова; одно, что меня любишь, сдѣлаетъ меня счастливою! Скажи «это, другъ мой, скажи, утѣшь свою подданную, воскреси рабу твою, «дай жизнь вашей любовницѣ. Ахъ, какъ я васъ люблю!» или: «Научи, «какъ выдрать пламя изъ нѣдра моего сердца», и проч. *Онъ.* «Я, «любовь и природа насъ соединяютъ... любовь и гласъ природы, то-есть «связь и сила чувствъ природы, въ сердца наши влагаемыя, насъ со«единяютъ тѣсными узами, кои никогда не разорвутся» и проч.

Изъ сего слѣдуетъ, что сочинять прекрасно стихи и писать хорошо любовныя письма не одно и тоже. Suum cuique. Видно, при всякомъ начинаніи необходимо имѣть въ виду Латино-греческій девизъ· *Nosce te ipsum.*

10 Февраля, Пятница. Кузины наши С—вы и к—ны Б—я возили меня вчера на балъ къ Петру Тимоѳеевичу Бородину, откупщику и одному изъ Московскихъ крезовъ. Я охотно поѣхалъ, не для танцевъ, которыхъ, по застѣнчивости моей, терпѣть не могу, а такъ изъ любопытства. Что за жаръ и духота. Прыгали до разсвѣта. Много было хорошенькихъ личекъ, но только съ начала бала, а съ 11 часовъ и особенно послѣ ужина, эти хорошенькія личики превратились въ какія-то вакханскія физіономіи отъ усталости и невыносимой духоты: волосы развились и разсыпались, украшенія пришли въ безпорядокъ, платья обдергались, перчатки промокли, и проч. и проч. Какъ ни суетились маменьки, тетушки и бабушки приводить въ порядокъ гардеробъ своихъ дочекъ, племянницъ и внучекъ, для чего нѣкоторыя по

времонамъ выскакивали изъ-за бостона, но не успѣвали: танцы слѣдовали одинъ за другимъ безпрерывно, и ни одна изъ жрицъ Терпсихоры не хотѣла сойдти съ паркета. Меня увѣряли, что если дѣвушка пропускаетъ танцы, или на какой изъ нихъ не ангажирована, то это ведетъ къ какимъ-то заключеніямъ. Правда ли это? Ужъ не оттого ли иныя maman безпрестанно ходили по кавалерамъ, особенно пріѣзжимъ офицерамъ, и приглашали ихъ танцовать съ дочерьми: «*Батюшка, съ моей-то потанцуй!*» Многія не разъ подходили и ко мнѣ, но меня спасали кузина Александрина съ Ариною Петровной. «*Il ne danse pas, madame; c'est un campagnard, qui ne vient au bal que pour manger des glaces*» [1]). Проказницы! Въ кабинетѣ хозяина кипѣла чертовская игра: на двухъ большихъ круглыхъ столахъ играли въ банкъ. Отъ роду не видывалъ столько золота и ассигнацій. На одномъ столѣ банкъ метали князь Ш.., К..., Ч... и Р... попеременно. На другомъ братья Дурновы... М... и Р.. Понтировали много извѣстныхъ людей. Какой-то К*** проигралъ около пяти тысячъ р., очень хладнокровно вынулъ деньги, заплатилъ и отошелъ какъ ни въ чемъ небывалый. Я думалъ, что онъ милліонеръ; но мнѣ сказали, что у него не болѣе 200 душъ въ Вологдѣ. Какъ удивился я, встрѣтивъ Димлера съ мѣломъ въ рукахъ, записывающаго выигрышъ вмѣсто банкомета. Говоритъ, что онъ въ чести у Дурновыхъ. Видно, это выгоднѣе, чѣмъ давать уроки на фортепіано.

Угощеніе было на славу. Несмотря на раннюю пору, были оранжерейные фрукты, грушъ и яблокъ бездна, конфектовъ груды, прохладительнымъ и счету нѣтъ, а объ ужинѣ и говорить нечего. Чтò за осетръ, стерляди, чтò за сливочная телятина и гречанки - индѣйки [2]). Богъ вѣсть чего не было! Шампанское лилось какъ вода: мнѣ кажется, болѣе ста бутылокъ было выпито. Хозяинъ подходилъ къ каждому и приглашалъ покушать. Самъ онъ былъ нѣсколько навеселѣ. Хозяйка не показывалась: она не выходитъ въ дни большихъ собраній; дамъ принимала хозяйская дочь, молодая княгиня Касаткина-Ростовская, недавно вышедшая замужъ [3]).

Я возвратился домой разбитый и усталый, не дѣлавъ ничего, съ обремененнымъ желудкомъ, ѣвши безъ аппетита и вкуса, и съ головною болью отъ Шампанскаго, которое глоталъ безъ жажды. Ничего не вывезъ я съ этого бала, кромѣ воспоминанія о прекрасныхъ глазахъ

---

[1]) Онъ, сударыня, не танцуетъ; это деревенскій житель, появляющійся на балахъ для того только, чтобы ѣсть мороженое.

[2]) Гречанками назывались индѣйки, выкормленныя Грецкими орѣхами.

[3]) Княжна Наталья Петровна († 1828), супруга князя Николая Александровича († 1841), мать прославившейся въ наши дни благотворною дѣятельностью Александры Николаевы Стрекаловой. Бородины происходятъ отъ одного изъ Воронежскихъ дѣтей боярскихъ. П. Б.

Арины Петровны; но и это ведетъ къ одной безсонницѣ; слѣдовательно время истрачено напрасно. *Чего ради гибель сія бысть?*

11 Февраля, Суббота. Рожденіе мое ровно черезъ недѣлю: мнѣ минетъ 17 лѣтъ. Мы сговорились съ П. И. обѣдать въ этотъ день дома и пригласить Гавр. Ив., Андр. Онис., Аѳанасія Мих., и стараго учителя моего Хр. Ив. Кейделя. Угостимъ ихъ чѣмъ Богъ послалъ. Дёревенской провизіи у насъ вволю, а кухмарникъ авось не ударитъ лицомъ въ грязь; наливки почти не початы, и варенья еще много. Приглашу также Граве и кого-нибудь изъ Нѣмецкихъ актеровъ für die Uebung der deutschen Sprache. Послѣ обѣда, можетъ быть отправлюсь въ Нѣмецкій театръ, на которомъ даютъ «Беньовскаго». Поѣхалъ бы вмѣсто театра къ Лобковымъ, потому что у нихъ вечеръ; но право, за себя страшно: эта А. П. того и гляди что съ ума сведетъ. Велитъ себя звать не иначе, какъ ma tante, потому что двумя годами меня старше; а мнѣ такъ иногда совсѣмъ *не то* приходитъ въ голову.

12 Февраля, Воскресенье. Ѣздили въ Голицынскую больницу къ обѣднѣ; пѣвчіе очень хороши, но все не то, что́ Колокольниковскіе у Никиты Мученика. Изъ числа послѣднихъ теноръ Самойловъ взятъ на Петербургскій театръ. Отлично также поютъ у Дмитрія Солунскаго; черномазый Вигапуръ, не знаю графъ или князь, намедни пришелъ въ такой восторгъ, что осмѣлился зааплодировать. Полицеймейстеръ Алексѣевъ приказалъ ему выйти. Послѣ обѣдни смотрѣли мы картинную галлерею. Какія сокровища собраны покойнымъ княземъ, и всѣ предоставлены на подвиги человѣколюбія. Поученіе священника было на текстъ изъ Евангелія: «Не скрывайте сокровищъ вашихъ на земли, идѣже тля тлитъ и татіе подкапываются и крадутъ». Въ Голицынской больницѣ это чрезвычайно кстати. Изъ картинъ больше всѣхъ мнѣ понравились: Благословеніе Іакова слѣпцомъ Исаакомъ, *Риберы*, и Снятіе со креста, *Каведоне* [1]). Какая натура и какія лица! Сказывали, что эта неоцѣненная галлерея когда-нибудь поступитъ въ продажу, ибо считается мертвымъ капиталомъ [2]). Многіе охотники до картинъ острятъ зубы.

Изъ больницы заѣзжали мы по сосѣдству на бѣгъ графа А. Г. Орлова. Герой Чесменскій, въ бархатной малиновой шубѣ, самъ нѣсколько разъ принимался ѣздить на любимыхъ рысакахъ своихъ *Любезномъ* и *Каткѣ*. Охотниковъ было много, и всѣ щеголяли другъ передъ другомъ, кто на рысакахъ, кто на иноходцахъ. Я замѣтилъ обоихъ

---

[1]) Эти картины принадлежатъ теперь гг. Мосоловымъ.

[2]) Картинная галлерея, собранная посломъ нашимъ въ Вѣнѣ, княземъ Д. М. Голицынымъ и завѣщанная имъ Москвѣ, была продана около 1817 года большею частію въ чужіе края по представленію тогдашняго попечителя Голицынской больницы, князя Сергѣя Михаиловича. Домъ гдѣ она помѣщалась, нынѣ занятъ фельдшерскою школою. П. Б.

Всеволожскихъ, Чемоданова, Савелова, Муравьева, братьевъ Яковлевыхъ-Собакиныхъ, Мосоловыхъ и многихъ первостатейныхъ купцовъ.

16 Февраля, Четвергъ. Какъ ни красивы бабушкины имперіалы и теткины червонцы, а пришлось размѣнять ихъ. Лажъ на золото вздорожалъ: имперіалъ отдалъ по 12 р. 90 к., а червонцы по 3 р. 85 к. сер.; рубль принимаютъ въ 1 р. 29 коп.

Проѣзжая по Ильинкѣ, купилъ у Соколова 10 бутылокъ отличнаго Цымлянскаго по 40 к. за бутылку.

19 Февраля, Воскресенье. Рожденье мое вчера отпраздновали славно. По письму матушки былъ у Всѣхъ Скорбящихъ, и по собственному побужденію служилъ молебенъ при ракѣ своего патрона, у Спаса на Бору. Обѣдъ хоть куда! Щи съ завитками, сальникъ изъ обварныхъ крупъ, окорокъ ветчины, бѣлужья тёшка, жареный индюкъ и безподобныя оладьи съ бабушкинымъ липовцомъ. Наливкамъ досталось, а Цымлянскаго какъ не бывало. Всѣ объѣдались. Я такъ радъ, что гости наши были чрезвычайно довольны и веселы. Гаврило Ивановичъ игралъ на клавикордахъ, а Граве съ Сокольскимъ плясали. За столомъ, при питьѣ моего зторовья, П. И. прослезился. Кейдель мой очень обидѣлся, когда Гаврило Ивановичъ спросилъ его, долго ли онъ былъ у меня дядькою?—Т. е. наставникомъ, хотите вы сказать? отвѣчалъ Кейдель. Странно, какимъ онъ прежде казался мнѣ мудрецомъ, а теперь какъ будто поглупѣлъ. Коропъ пѣлъ Нѣмецкія пѣсни, и между прочимъ одну: *der Kuss*, которая такъ и просится въ душу. Это исторія поцѣлуя отъ колыбели до могилы; если съумѣю, непремѣнно переведу ее. Пировали до 11 часовъ. Ѣхать мнѣ никуда не хотѣлось, и лошадей употребили на развозку гостей.

Сегодня утренній маскарадъ въ Петровскомъ театрѣ. Вчера не былъ въ вечернемъ, такъ должно бы ѣхать проститься съ масляницею и взглянуть на глазки ma tante; да беретъ раздумье. Нѣтъ, лучше поѣду обѣдать къ князю Мих. Ал., а *туда* на вечеръ. Нынче день прощенный: простимъ другъ друга. Что̀ если бы пришло ей въ голову сказать: возлюбимъ другъ друга!

20 Февраля, Понедѣльникъ. Превесело кончилъ я вчера день свой. У Лобковыхъ было много гостей. Старикъ С. А. В..., человѣкъ разпремилый, настоящій камергеръ двора Великой Екатерины, говорилъ безъ умолку. Какъ онъ мастерски умѣетъ найтись съ барышнями, которыхъ съ дюжину его окружало! Всякой изъ нихъ сказалъ онъ ласковое и привѣтное слово. Сказалъ бы что нибудь и я,—только одной; да не достаетъ смѣлости и во рту каша. Говорится: отъ избытка сердца глаголютъ уста; а у меня, напротивъ, отъ избытка сердца уста нѣ-

мотствуютъ.—Были адъютантъ Государя П. А. Кикинъ и капитанъ Лукинъ, извѣстный силачъ. Первый говорилъ со мною о литературѣ и профессорахъ, и очень дѣльно (кажется очень ласковый и внимательный человѣкъ); а послѣднiй тихiй и скромный морякъ: все сидѣлъ и молчалъ у карточнаго стола. Сколько молодой Всеволожскiй ни заговаривалъ съ нимъ о силѣ и не разсказывалъ ему о прежней чудесной силѣ графа А. Г. Орлова, у котораго Всеволожскiе домашнiе люди, Лукинъ ни слова о себѣ, и за ужиномъ говорилъ только о постороннихъ и самыхъ обыкновенныхъ предметахъ, напр., что Москва обильна красавицами и богата радушiемъ: lieux communs.

Обѣдъ у князя Мих. Алекс. былъ прекрасный: простой, вкусный, всего вдоволь. Въ домѣ говорятъ, что за старшую княжну [1]) сватается женихъ; только князь покамѣстъ слышать не хочетъ и говоритъ, что прежде двухъ или трехъ лѣтъ не выдастъ. За обѣдомъ на почетномъ мѣстѣ опять сидѣлъ Плавильщиковъ, а Зловъ подлѣ меня и важно потягивалъ мадеру. Князь приказалъ поставить ему особую бутылку, примолвивъ: «никому, братецъ, своей порцiи не давай». Плавильщиковъ признался, что комедiя его была худо вырепетирована и разыграна, и оттого не могла имѣть успѣха; но что въ слѣдующiй разъ она пойдетъ лучше, тѣмъ болѣе, что онъ сократитъ ее. Можетъ быть такъ, но что-то не вѣрится.

Послѣ обѣда заставили Злова пѣть арiю изъ «Волшебной флейты»: in diesen heiligen Hallen. Переводъ этой арiи показался мнѣ похожимъ на мой переводъ хора въ оперѣ «*Элиза*», которую мы переводили въ шестеромъ за 50 рублей. Сен-бернардскiе отшельники, найдя живописца, засыпаннаго снѣжною лавиною, звонятъ въ колоколъ и трагически поютъ:

Хоть виситъ недавно,
А звонитъ исправно!

Какъ ни мало внимательна публика къ опернымъ стихамъ, но мой хоръ заставляетъ ее безпрестанно смѣяться, хотя положенiе дѣйствующихъ лицъ и очень печальное. За то Зловъ безъ умничанья и съ чувствомъ пропѣлъ на голосъ: freut euch des Lebens, подражанiе пѣсни Коцебу: Es kann ja nicht immer so bleiben. Послѣднiе куплеты въ пѣнiи не дурны:

И прежде насъ много бывало
У жизни веселыхъ гостей,
И вотъ мы, на память почившимъ,
Бокалъ осушаемъ, друзья!

---

[1]) Эта княжна Евгенiя Михаиловна Долгорукова вышла впослѣдствiи за Степана Трофимовича Творогова. П. Б.

И послѣ насъ будетъ немало
У жизни веселыхъ гостей;
И также намъ въ память, счастливцы,
Они опорожнятъ бокалъ!

Да, да—круговая порука!

Злова заставили повторить, и онъ повторилъ куплеты и потроилъ запамятный бокалъ.

Нѣмецкая масляница во всемъ разгарѣ. Завтра вторая часть Русалки и послѣ балъ. Штейнсбергъ прислалъ билеты на спектакль и балъ; но я возвратилъ: какъ-то совѣстно; а чувствую, что на балѣ не обойдется безъ потѣхъ, и взглянуть бы не мѣшало. Приносившій билеты *Петерсъ* сказывалъ, что Штейнсбергъ ожидаетъ *Галтенгофа* и *Гунніуса* съ семействомъ; одинъ славный теноръ, а другой басъ, знаменитый въ Германіи. Постомъ будутъ репетировать большія оперы: «*Волшебную Флейту*», «*Донъ-Жуана*», «Die Entführung», «*Аксура*», «*Оберона*» и проч., и проч. Пріятельница моя, меньшая Соломони, поступаетъ въ труппу примадонною, и нѣтъ сомнѣнія, что съ ролями Донны-Анны, Констанціи и Памины справиться лучше, нежели съ ролью вертлявой Лизеты. Простить ей не могу эту Лизету: изъ чего я трудился?

23 Февраля, Четвергъ. Неожиданно посѣтили меня Максимъ Ивановичъ [1]) и общій дѣдушка Василій Алексѣевичъ. Первый приходилъ узнать, говѣю ли я? Что за умный и добрый человѣкъ этотъ Максимъ Ивановичъ! Какихъ гоненій онъ не натерпѣлся за свою рѣзкую правду и вѣрность въ дружбѣ, какъ искренно прощаетъ онъ врагамъ своимъ и какъ легко переноситъ свое положеніе! При всей своей бѣдности онъ не ищетъ ничьей помощи, хотя многіе старинные сотоварищи его, какъ напр. Иванъ Петровичъ Тургеневъ, Иванъ Владимировичъ Лопухинъ и Походяшинъ, принимаютъ въ немъ живое участіе и желали бы пособить ему. Ходитъ себѣ въ холодной шинелишкѣ по знакомымъ своимъ, большею частію изъ почетнаго духовенства, и не думаетъ о будущемъ; говоритъ: *довлѣетъ дневи злоба его.*

Съ дѣдушкою все оказіи: потерялъ послѣдній свой зубъ и жалуется, что ноги лѣниво ходятъ. Не мудрено: недавно стукнуло полныхъ 78; а между тѣмъ какая удивительная память! Всѣ піесы, какія сформировалъ онъ, въ продолженіе 35-лѣтней бытности своей суфлеромъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, помнитъ наизусть, а біографіи и закулисныя похожденія актеровъ и актрисъ его времени разсказываетъ во

---

[1]) Невзоровъ. П. Б.

всей подробности: какъ по книгѣ читаетъ. Преинтересный старичокъ. Теперь живетъ у Н. П. Аксенова, который призрѣлъ и успокоилъ старика, а сверхъ того добываетъ нѣсколько и самъ перепискою бумагъ у знакомыхъ, и пишетъ, хотя медленно, но четко—жемчужкомъ. Для меня онъ сущій кладъ: вотъ два года, какъ я пользуюсь его досужествомъ хорошаго переписчика и анекдотиста; живой, ходячій театральный архивъ, а къ тому же имѣетъ настоящее понятіе объ искусствѣ. Любопытны разсказы его о прежнихъ придворныхъ актерахъ Французскихъ и сравненіе ихъ съ нашими Русскими. Когда-нибудь запишу всѣ его анекдоты. Онъ оживляется за бутылкою хорошаго пива, это одна его прихоть; а за пивомъ дѣло не станетъ; надобно пользоваться памятью старика, котораго время *близъ есть и дни изочтены суть.*

26 Февраля, Воскресенье. Отговѣли, какъ слѣдуетъ христіанамъ. Я отдохнулъ и освѣжился. Кажется смѣшно, чтобы въ 17 лѣтъ нужно было освѣженіе; однакоже это такъ: въ продолженіе года насмотришься, наслушаешься и наберешься невольно такой дряни, что чувствуешь себя гораздо легче, когда смоешь ее съ себя *банею покаянія.* Теперь только я начинаю понимать, какъ полезно было для меня это Русское деревенское воспитаніе, надъ которымъ такъ издѣвались сосѣди, эти ежедневные утрени, молебны и всенощныя, въ которыхъ я исправлялъ должность дьячка, читалъ славословіе, каѳизмы, пареміи, пѣлъ ирмосы, кондаки, антифоны и проч. Все это пригодилось мнѣ не только въ нравственномъ, но и въ общественномъ отношеніи. Нашлись добрые люди, которые оцѣнили это воспитаніе и обратили его мнѣ *въ средство*; а прочее, чего, по мнѣнію великолѣпныхъ В. и велеумныхъ М. и Б., мнѣ недоставало, пришло само собою, такъ что я успѣлъ не только догнать, но и перегнать пресловутыхъ товарищей моего дѣтства, старѣйшихъ меня лѣтами, которыхъ мнѣ всегда въ образецъ ставили. Но вотъ, кажется, я и превозноситься сталъ! А давно ли еще повторялъ молитву: «Духъ цѣломудрія; смиренномудрія и любви даруй ми рабу Твоему». Таковъ человѣкъ!

У Французскихъ актеровъ затѣялась исторія по случаю перемѣщенія *Бальи* въ Петербургскую придворную труппу на трехтысячный окладъ, по одному его письму къ А. Л. Нарышкину и безъ вѣдома его товарищей. Вся труппа въ большой суматохѣ и посылала депутатовъ *Дюпаре*, *Белькура* и *Меріенна* жаловаться главнокомандующему, который это дѣло отъ себя отклонилъ. Дѣлать нечего: они, т. е. актеры, хотятъ публиковать въ газетахъ о поступкѣ *Bailli*, а съ тѣмъ вмѣстѣ и объявить публикѣ, что, по принятымъ ими мѣрамъ, такихъ случаевъ больше не будетъ. Смирновъ переводилъ имъ объявленіе.

Кстати о Французахъ. Венюковъ приносилъ какую-то вышедшую на дняхъ повѣсть, или сатиру: «*Французъ на дрожкахъ или забавное приключеніе m-r Petie-Diablette въ Москвѣ*». Охота же покупать такой вздоръ; гдѣ онъ его откапываетъ?

28 Февраля, Вторникъ. Завтра имянинница Авдотья Селиверстовна Небольсина. Вѣроятно весь городъ, по обыкновенію, будетъ у ней. Нельзя не поздравить хорошую, ласковую сосѣдку, которая въ такой связи со всѣми боярами.

Насилу, насилу могъ добыть Четверо-Евангеліе, изданное нашимъ Харитономъ Андреевичемъ [1]) и посвященное Государю. Все изданіе въ 600 экземплярахъ разошлось въ два года. Чтò за необъятный, почтенный трудъ! Ни одного слова не упущено, ни одного не прибавлено, а между тѣмъ всѣ происшествія Евангельской исторіи и всѣ поученія Спасителя слѣдуютъ въ хронологическомъ порядкѣ, и читаешь ихъ какъ будто писанныя однимъ человѣкомъ. Митрополитъ чрезвычайно уважаетъ Хар. Андр. за этотъ трудъ, и преосвященный викарій Августинъ отзывается о немъ съ чрезвычайною похвалою. Непремѣнно послалъ бы эту книгу къ матушкѣ, да боюсь бабушки: пожалуй старушка почтетъ франкмасонскою книгою и прогнѣвается. Досталось же отъ ней и покойному М. В. М [2]). за то, что въ придѣлахъ великолѣпной церкви своей устроилъ печи. Съ поръ тѣхъ перестала ссужать его деньгами, а прежде отказа не было.

2 Марта, Четвергъ. Вчерашнимъ утромъ ѣздилъ съ поздравленіемъ къ имянинницѣ [3]); но она не принимала, а швейцаръ объявилъ, что *покорнѣйше просятъ на вечеръ*.—А много у васъ будетъ гостей?—Да приглашаютъ всѣхъ, кто пріѣдетъ утромъ, а *званыхъ* нѣтъ: *тихой балъ* назначенъ.

Нечего сказать, *тихой балъ!* Вся Поварская въ буквальномъ смыслѣ запружена была экипажами, которые по обѣимъ сторонамъ улицы тянулись до самыхъ Арбатскихъ воротъ. Кажется, весь городъ втиснутъ былъ въ гостинныя А. С. Чужая душа потемки, но принимать гостей мастерица. Всѣмъ одинаковый поклонъ, знатному и незнатному; всѣмъ равное ласковое слово и приглашеніе на полную свободу. Играй, разговаривай, молчи, ходи, сиди, словомъ, дѣлай, чтò хочешь; только не спорь слишкомъ громогласно и съ запальчивостію: этого хозяйка боится. Кого тутъ не было, начиная съ главнокомандующаго до на-

---

[1]) Чеботаревымъ.

[2]) Матвѣю Васильевичу Муромцову, тоже Данковскому помѣщику. См. Воспоминанія его сына въ „Русскомъ Архивѣ“ сего года. П. Б.

[3]) Къ Авдотьѣ Селиверстовнѣ Небольсиной. Домъ ея, если не ошибаемся — нынѣ Д. А. Беклемишевой (бывшій А. И. Кошелева) на углу Трубнаго переулка. П. Б.

шего брата студента, отъ альфы до омеги? Графъ Растопчинъ, князь Юр. Влад. Долгорукой, П. С. Валуевъ, Обрѣзковъ, кн. Вяземскій, сен. Алябьевъ, Мухановъ, кн. Голицыны, Марковъ, Кутузовъ, Волконскій, Спиридовъ, Лопухины, Мамоновъ, Обольяниновъ, графъ Салтыковъ съ своимъ неразлучнымъ Брокомъ и проч. и проч., словомъ, почти вся Московская знать. Я заслушался гр. Растопчина. Чтó это за увлекательный образъ изъясненія! Анекдотъ за анекдотомъ, одной чертой такъ и обрисуетъ человѣка, и между тѣмъ о своей личности ни слова. По короткости своей съ имянинницею онъ, говорятъ, сдѣлалъ ей пресмѣшной сюрпризъ: замѣтивъ, что она любитъ пастеты, онъ прислалъ съ Брокеромъ къ ней, за минуту до обѣда, преогромный пастетъ, будто бы съ самою нѣжною начинкою, который и поставили передъ хозяйкою; въ восхищеніи отъ вниманія любезнаго графа, она, послѣ горячаго, просила Брокера вскрыть великолѣпный пастетъ—и вотъ показалась изъ него безобразная голова Миши, извѣстнаго карла к. Х., а потомъ вышелъ онъ и весь съ настоящимъ пастетомъ въ рукахъ и букетомъ живыхъ незабудокъ.

Ужинъ былъ человѣкъ на сто, очень хорошій, но безъ преступнаго Бородинскаго излишества. За однимъ изъ маленькихъ столиковъ, не подалеку отъ меня, сидѣли двѣ дамы и трое мущинъ, въ числѣ которыхъ былъ Павелъ Ивановичъ Кутузовъ, и довольно горячо разсуждали о литературѣ, цитуя поочередно любимые стихи свои. А. Д. У., очень умная и бойкая дѣвица, хотя уже не первой молодости, прочитала стихотвореніе Колычова *Мотылекъ*, и сказала, что оно ей нравится по своей наивности, и что Павелъ Ивановичъ такого не напишетъ. Поэтъ вспыхнулъ. «Да знаете ли, сударыня, что я на всякія заданныя рифмы лучше этихъ стишонковъ напишу?—Нѣтъ, не напишете.—Напишу.—Не напишете.—Не угодно ли попробовать?—У—я осмотрѣлась кругомъ, подумала и, услыхавъ, что кто-то изъ гостей съ жаромъ толковалъ о Персидской войнѣ и нашихъ плѣнныхъ, сказала: «Извольте, вотъ вамъ четыре рифмы: *плѣнъ*, *оковы*, *безмѣнъ*, *подковы*; даю вамъ сроку до конца ужина». П. И., съ раскраснѣвшимся лицомъ и горящими глазами, вытащилъ бумажникъ, вынулъ карандашъ и погрузился въ думу. Прочіе продолжали разговаривать. Черезъ нѣсколько минутъ поэтъ съ торжествомъ выскочилъ изъ-за стола. «Слушайте, сударыня; а вы, господа, будьте нашими судьями»; и онъ громко началъ читать свои bouts-rimés:

Не бывши на войнѣ, я знаю, что есть *плѣнъ*,
Не бывъ въ полиціи, извѣстны мнѣ *оковы;*
Чтобъ свѣсить прелести, не нуженъ мнѣ *безмѣнъ*:
Падешь къ твоимъ стопамъ, хоть были бъ и *подковы*.

«Браво, браво»! вскричали судьи, и приговорили У. просить извиненія у П. И., который такъ великодушно отмстилъ своей противницѣ.

Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ сказалъ, что если кузенъ его Василій Львовичъ Пушкинъ, считающій себя первымъ дѣкою на bouts-rimés и экспромты, узнаетъ объ этихъ стихахъ, то съ нимъ сдѣлаются спазмы, если что-нибудь не хуже, тѣмъ болѣе, что П. И. *другой секты въ литературѣ*.

Говорятъ, что графъ Ростопчинъ пишетъ большую комедію въ Русскихъ нравахъ. Вотъ бы Кудрявцовъ къ кому свозилъ меня вмѣсто графа Каменскаго: полезнѣе бы для меня было. Но я попрошу обязательную сосѣдку, чтобы она меня представила.

4 Марта, Суббота. Дѣдушка притащилъ мнѣ мои лекціи и вмѣстѣ свѣдѣніе о составѣ Русской труппы; сказывалъ, что она точно присоединяется къ театральной дирекціи, и что нѣкоторые сюжеты перемѣщены будутъ на Петербургскій театръ. Между прочимъ, бесѣдуя о томъ о семъ, за бутылкою *бархатнаго*, дѣдушка разговорился о прежнихъ Петербургскихъ актерахъ и къ удивленію моему осмѣлился возстать съ критикою на великаго *Дмитревскаго*, который, по мнѣнію его, былъ человѣкъ *умный*, *вѣжливый* и *тонкій придворный*, но въ сущности превосходнымъ актеромъ никогда не былъ и быть имъ не могъ, потому что не имѣлъ ни сильныхъ чувствъ, ни звучнаго органа, ни чистаго произношенія; читалъ стихи и даже прозу нараспѣвъ и, за недостаткомъ физическихъ средствъ, гонялся кстати и некстати за какими-то эффектами. Славу будто бы пріобрѣлъ онъ отъ того, что Императрица изволила его жаловать, что онъ былъ мужъ просвѣщенный и образованный путешествіями, и что въ это время другаго лучшаго актера не было. Но за то актриса М., которая едва-едва знала грамотѣ, а писать вовсе не умѣла, которой всякую роль начитывали, была удивительная актриса. «Уу, Господи Боже мой, что̀ за буря! (дѣдушка припрыгнулъ), суфлировать не поспѣешь, забудешься; рветъ и мечетъ, такъ и бросаетъ въ лихорадку; а сойдетъ со сцены — *дура-дурой!*» О нѣкоторыхъ тогдашнихъ Французскихъ актерахъ относился онъ съ восторгомъ. «Вотъ, говоритъ, напримѣръ хоть *Флоридоръ*, подлинно было кого послушать и посмотрѣть въ «*Магометѣ*» или «*Танкредѣ*»; на сценѣ красавецъ, голосъ звучный, поступь благородная, что̀ слово скажетъ, какъ рублемъ подаритъ; или *Офренъ*, кажется, самъ по себѣ и невзраченъ, а ужъ что за актеръ! Когда, бывало, играетъ Зопира, Аржира или Августа—такъ всѣ навзрыдъ и плачутъ. Я, грѣшный человѣкъ, по-французски худо маракую, но, стоя за кулисами, отъ Офрена

всегда приходилъ въ душевное волненіе и даже плакалъ. А ужъ какіе благородные люди!» Тутъ дѣдушка разсказалъ мнѣ, какъ знатная и богатая дама, послѣ представленія «Танкреда», призвала Флоридора, и, наговоривъ ему тысячу вѣжливостей, просила принять отъ нея въ память доставленнаго ей удовольствія золотую табакерку со вложеніемъ ста имперіаловъ, что Флоридоръ принялъ табакерку съ благодарностію, но отъ денегъ отказался, сказавъ, что актеръ, имѣющій счастіе принадлежать театру Великой Екатерины, въ деньгахъ нужды имѣть не можетъ, и всякая сумма, пріобрѣтенная въ Россіи мимо высочайшихъ щедротъ, для него предосудительна. Разумѣется, Императрица узнала о томъ на другой же день, и при первомъ случаѣ гордый Танкредъ получилъ двойное вознагражденіе.

8 Марта, Середа. Физическія лекціи П. И. Страхова часъ отъ часу болѣе привлекаютъ публику. Онѣ чрезвычайно занимательны по своимъ экспериментамъ. Я не пропускаю и не пропущу ни одной, сколько бы ни было другаго дѣла. П. И. говоритъ просто, ясно и увлекательно. Изъ дамъ обыкновенныя посѣтительницы кн. У—ва и П—на *). Прекрасно также говоритъ и Пав. Аѳ. Онъ основательно изучилъ свой предметъ и предлагаетъ его убѣдительно. Я не слыхалъ другихъ эстетиковъ, и потому не могу опредѣлить достоинство нашего профессора сравнительно съ прочими, но признаюсь, слушаю его съ величайшимъ удовольствіемъ. Однакоже, вотъ и онъ, скромный и благородный человѣкъ, попалъ на зубокъ какому-то зоилу, который сострилъ эпиграмму на журналъ его:

Каковъ журналъ?—Не хватскій!
Издатель кто?—Сохацкій!
Читатель кто жъ?—Посадскій!

10 Марта, Пятница. Сегодня, наконецъ, я слышалъ эту знаменитую пѣвицу, которою нѣкогда восхищалась вся Европа. Въ Вѣнѣ носили ее на рукахъ, въ Дрезденѣ и Берлинѣ въ карету ея запрягались Нѣмцы, а въ Италіи сходили отъ нея съ ума. Я слышалъ эту *Мару*, отъ которой теперь съ ума сойти нельзя, а взбѣситься можно за истраченныя безъ удовольствія на концертъ ея деньги. Что славная пѣвица постарѣла и подурнѣла, это въ порядкѣ вещей; но не въ порядкѣ вещей, съ дребезжалымъ голосомъ и фальшивыми нотками, давать концерты и собирать съ насъ по пяти рублей. Добро бы она принадлежала къ разряду тѣхъ пѣвицъ, которыя, какъ описываетъ ихъ остроумный враль Бородулинъ,

Выводятъ больно громко трели,
За тѣмъ, что ничего не ѣли.

*) Писавшая стихи княжна Урусова и Елена Григорьевна Пушкина? *П. Б.*

Нѣтъ, *Мара* должна быть не въ этой категоріи, а вѣроятно поетъ отъ того, что хочетъ аплодисментовъ, или путешествовать на чужой счётъ. Говорятъ, она великая музыкантша; да чтó изъ этого? Это домашнее ея качество, которое, если она ничего не сочиняетъ, ничѣмъ не доказывается. Вотъ *Манжористи* такъ пѣвица! Тоже не молода и не хороша, зубы хуже зубовъ всякой Коломенской купчихи — уголь углемъ, а заслушаешься. Пусть она не музыкантша, да, послушавъ ея, кто можетъ сказать, чтобы она не была музыкантшею?

Однакоже, какъ ни черны зубы г-жи *Манжористи*, но они чуть не были причиною дуэли на пистолетахъ между двумя немолодыми уже повѣсами. Демидовъ, сидя въ креслахъ возлѣ Черемисинова и будучи въ восторгѣ отъ пѣвицы, изъявлялъ его громкимъ и безпрестаннымъ повтореніемъ всѣхъ гласныхъ буквъ въ Русской азбукѣ: А! Э! И! О! У! Видно, это надоѣло Черемисинову, который, вдругъ обратясь къ диллетанту, сказалъ: «Да чѣмъ восхищаетесь вы? Посмотрите, чтó за ротъ и какіе зубы!—М. г., отвѣчалъ Демидовъ, это ваше дѣло, а мнѣ смотрѣть ей въ зубы не зачѣмъ: она не продажная лошадь!» Слово за слово, и дуэль бы состоялась, если бы умный Александръ Александровичъ Волковъ не помирилъ противниковъ. Надобно сказать, что Черемисиновъ когда-то и кому-то продалъ лошадь съ поддѣланными зубами; а такой поступокъ въ матушкѣ Москвѣ *не забывается* и въ свое время *отзывается.*

13 Марта, Понедѣльникъ. Мы воспользовались свободною Суботою и вчерашнимъ Воскресеньемъ, чтобы съѣздить въ *Кусково* графа Шереметева и *Люблино*, принадлежащее Н. А. Дурасову, взглянуть на пространныя оранжереи, наполненныя померанцевыми, лимонными и лавровыми деревьями и несмѣтнымъ количествомъ самыхъ роскошныхъ цвѣтовъ. Намъ сказали, что эти оранжереи въ настоящее время года бываютъ во всей пышности и красотѣ своей; въ самомъ дѣлѣ, я никогда не видалъ ничего подобнаго. Совершенное царство Флоры! Кусковскія оранжереи удивляютъ количествомъ и огромностью своихъ померанцевыхъ деревъ и богатствомъ произрастеній, но не такъ чисто содержаны, какъ Люблинскія; послѣднія несравненно пріятнѣе и роскошнѣе; видно, что за всѣмъ бдительно наблюдаетъ самъ хозяинъ, котораго какъ нарочно тутъ и повстрѣчали. Онъ въ продолженіе всей зимы имѣетъ привычку по воскреснымъ днямъ обѣдать съ пріятелями въ Люблинскихъ своихъ оранжереяхъ. Не предполагая этой встрѣчи, мы было сами хотѣли завтракать въ зелени, ins Grüne, для чего и привезли съ собою кой-какой провизіи; но гостепріимный Н. А. до того не допустилъ. Онъ видалъ П. И. въ домѣ родственника своего, бригадира Мельгунова, и

тотчасъ же пригласилъ насъ обѣдать съ нимъ вмѣстѣ. Сколько мы ни отговаривались (разумѣется изъ церемоніи), но онъ настоялъ, говоря, что отказъ нашъ его обидитъ. Онъ очень богатъ, а еще болѣе радушенъ. Въ два часа пріѣхали гости: кн. Дмитрій Евсеевичъ Циціановъ, кн. Оболенскій, какой-то красивый Французъ Моро, двѣ очень хорошенькія и бойкія иностранки, Еф. Еф. Ренкевичъ, Александръ Александровичъ Арсеньевъ и докторъ Доппельмейеръ. Всѣхъ насъ было человѣкъ 12, но столъ былъ накрытъ кувертовъ на 30. Только что сѣли за столъ, подоспѣли новые гости: старинный и любимѣйшій учитель пѣнія, кастратъ *Мускети*, который даетъ въ Москвѣ уроки дамамъ и дѣвицамъ въ третьемъ ихъ поколѣніи, рослый и тучный bon vivant и gourmé, и съ нимъ знакомецъ мой, молодой *Нейкомъ*, живущій у Штейнсберга, капельмейстеръ и сочинитель музыки, одинъ изъ любимѣйшихъ учениковъ великаго Гайдна. Я удивился, увидя ихъ вмѣстѣ; но загадка скоро объяснилась: *Мускети*, какъ истинный и безпристрастный знатокъ въ дарованіяхъ музыкальныхъ, желая удержать непремѣнно *Нейкома* въ Москвѣ, хлопоталъ объ опредѣленіи его капельмейстеромъ къ Дурасову или къ Всеволоду Андреевичу Всеволожскому, которыхъ оркестры считаются лучшими и полнѣйшими. Я едва могъ узнать *Нейкома* въ его огромномъ жабо, закрывавшемъ ему всю бороду, и не знаю, какъ онъ могъ справиться съ кушаньемъ; а серьги? Серьги чуть-чуть не съ переднія колеса моихъ дрожекъ. Богъ знаетъ, кто научилъ его такъ одѣться. Хорошенькія мамзели, смотря на даровитаго музыканта, безпрестанно ухмылялись.

Обѣдъ былъ чудесный и, какъ сказывалъ хозяинъ, состряпанъ изъ одной домашней провизіи крѣпостною его кухаркою; у него есть и отличные повара, но онъ предпочитаетъ кухарку по необыкновенной ея опрятности. Стерляди и судаки изъ собственнаго его пруда; чудовищные раки ловятся въ небольшой, протекающей по Люблину, рѣчкѣ; спаржа, толщиною чуть не въ палку, изъ своихъ огородовъ; нѣжная и бѣлая какъ снѣгъ телятина со своего скотнаго двора; фрукты собственныхъ оранжерей; даже вкусное вино въ родѣ Шампанскаго, которымъ онъ безпрестанно всѣхъ насъ подчивалъ, выдѣлывается у него въ Крымскихъ деревняхъ изъ собственнаго же винограда. Необыкновенный хозяинъ! А къ тому же и не дорожитъ ничѣмъ; видно, что не хвастунъ: все у него дрянь, «*совершенная дрянь съ!*» Князь Ц. разсказывалъ множество случившихся съ нимъ происшествій, которымъ нельзя было не удивляться. Между прочимъ говорилъ онъ о какомъ-то суднѣ, которое онъ поднесъ князя Потемкину, вытканномъ по заказу его изъ шерсти одной рыбы, пойманной имъ въ Каспійскомъ морѣ. Какихъ чу-

десъ нѣтъ на свѣтѣ! Къ числу этихъ чудесъ можно отнести и то, что разскащикъ, кушая съ величайшимъ аппетитомъ и все жирное, ничего не пилъ, кромѣ полузамороженной воды. Говорилъ, что отъ роду не отвѣдывалъ ни вина, ни пива, ни даже квасу, а водки и подавно. Онъ также самъ великій хлѣбосолъ и мастеръ выдумывать и готовить кушанья. А. Л. Нарышкинъ, первый гастрономъ своего времени, когда ни пріѣзжаетъ въ Москву, ежедневно почти у него обѣдаетъ; за то и князь въ Петербургѣ угощается по-барски. Послѣ кофе мы хотѣли было откланяться, но хозяинъ опять не пустилъ, прося послушать домашнихъ его пѣсенниковъ, которые точно пѣли прекрасно съ акомпаниментомъ кларнета и рожка; между тѣмъ разносили поминутно разныхъ сортовъ ликеры домашняго же приготовленія, удивительно вкусные. Я въ жизнь свою такихъ не пивалъ; замѣтивъ, что иные наиболѣе понравились П. И., хозяинъ приказалъ нѣсколько бутылокъ положить намъ въ сани, Мы уѣхали поздно, да и какъ иначе! Не будь дѣла, а главное, еслибъ я былъ одинъ, то долго бы еще не уѣхалъ. Когда оранжерею освѣтили, она превратилась въ какой-то садъ Армиды. Счастливецъ! Сколько удовольствія и добра онъ можетъ сдѣлать другимъ!

16 Марта, Четвергъ. Неужто же въ самомъ дѣлѣ въ воскресномъ похожденіи моемъ было только на половину правды? Неужели домашнія стерляди и спаржа, дома упитанный телецъ, домашнее вино и ликеры, словомъ, *все* было *не домашнимъ*? А опрятная кухарка, а сукно изъ рыбьей шерсти и приключенія на Каспійскомъ морѣ неужто были однѣ сказки *de ma mère l'oie.* Опростоволосился же я порядочно! Пусть основаніемъ этихъ сказокъ и служитъ истинное желаніе угостить; однакоже зачѣмъ вводить въ такое заблужденіе? Мы бы ѣли съ такимъ же наслажденіемъ и столько же, хотя бы и знали, что за столомъ, кромѣ фруктовъ, ничего не было *домашняго*; а я, коноплянникъ, давай разсказывать встрѣчному и поперечному, за неслыханное диво, о знаменитомъ хозяйствѣ Люблинскаго владѣльца, у котораго въ домѣ все свое, и купленнаго ничего нѣтъ; давай повторять исторію о рыбьемъ суннѣ, и очень удивлялся, почему безъ смѣха никто меня не слушалъ, покамѣстъ серьезный Петръ Тимоѳеевичъ и вовсе несерьезный Кондратьевъ не вывели меня изъ заблужденія, объяснивъ мнѣ загадку. Такъ оно вотъ что! Впрочемъ, у всякаго есть свой конекъ, и сердечная доброта заставитъ простить многое. Къ подобнымъ розсказнямъ привыкли, онѣ исчезаютъ въ воздухѣ; но радушное гостепріимство нашего Амфитріона и клеврета его остается и вошло въ пословицу. Пусть у одного будетъ все домашнее, а другой носитъ фраки изъ выдуманнаго имъ сукна, а я бы не прочь водиться всегда съ

такими людьми. Одна бѣда: востроглазая А. П. не перестаетъ теперь преслѣдовать меня рыбьимъ сукномъ, а злодѣй Н. Т. совѣтовалъ уже мнѣ обратиться по принадлежности къ Антонскому, какъ профессору энциклопедіи и натуральной исторіи, за свѣдѣніями о рыбьей шерсти.

Но вотъ мистификація почище. Вчера въ Петровскомъ театрѣ смотрѣли мы искусника *Транже*, который объявилъ въ газетахъ, что онъ *невиданный волтижеръ, покажетъ искусство свое на 50 ф. отъ земли и будетъ ходить по потолку внизъ головою*. Какъ не взглянуть на такое диво! Прежде вертѣлся онъ мельницею на повѣшенномъ довольно высоко канатѣ; а послѣ, заставивъ себя раскачать, бросился въ повѣшенный предъ нимъ бумажный тамбуръ и выскочилъ изъ него переодѣтый старухою. Затѣмъ, подвязавъ къ подошвамъ крючья, началъ цѣпляться ногами одна за другою за вбитые въ потолокъ такіе же крючья, и такъ перебрался чрезъ весь театръ. Вотъ и все тутъ хожденіе по потолку; по мнѣнію моему, эти штуки приличествовали бы масляничному балагану, а между тѣмъ Транже собралъ не менѣе 1000 рублей. Онъ открываетъ манежъ и школу волтижированія въ домѣ князя Дадьянова, на Лубянкѣ.

20 Марта, Понедѣльникъ. У К. А. М—вой [1]) продолжаютъ собираться по вечерамъ лучшіе музыканты и любители Нѣмецкой ученой музыки. Вчера неожиданно пріѣхалъ угрюмый и строгій преподаватель генералъ-баса, старикъ *Геслеръ*. Знаю, что Москва любитъ *своихъ* музыкантовъ, т. е. тѣхъ, которые въ ней долго живутъ и къ которымъ она привыкла; но такихъ знаковъ уваженія, какіе вообще оказываютъ этому товарищу и другу Гайдна, я признаюсь, не ожидалъ: только что на рукахъ не носятъ. *Геслеръ* точно достоинъ всякаго уваженія, какъ сочинитель музыки и какъ человѣкъ. Старикъ очень обрадовался, встрѣтивъ Нейкома, и дружески пѣнялъ за то, что рѣдко его видитъ. Потомъ, оборотясь къ хозяйкѣ, сказалъ: «Wir sind Kinder des nämlichen Vater» [2]), разумѣя Гайдна. Потомъ сѣлъ за фортепіяно и началъ разыгрывать Турецкій хоръ и маршъ сочиненія Нейкома изъ *Titan-Mann* (Карла XII), которымъ искренно восхищался. Говорилъ, что время настоящей музыки прошло, что теперь, кромѣ Французскихъ романсовъ и ученическихъ арій Крейслера и Венцель-Миллера изъ Donauweibchen и Teufelsmühle, онъ ничего другаго въ обществѣ не слышитъ, и что онъ всегда сердечно радуется, когда изрѣдка попадают-

---

[1]) Екатерины Александровны Муромцовой, ур. Волконой. Моцартъ посвятилъ ей одну изъ своихъ сонатъ. См. „Русскій Архивъ“ сего года I, 60. П. Б.

[2]) Мы дѣти одного и того же отца.

ся ему такія сочиненія, какъ Нейкомовы, которыя такъ изобилуютъ богатствомъ, разнообразіемъ и силою музыкальныхъ идей. Сказывалъ, что по старости лѣтъ онъ сбирается оставить уроки и желалъ бы ихъ передать *Нейкому*, если онъ поселится въ Москвѣ. Но, кажется, это дѣло несбыточное: Нейкомъ имѣетъ въ виду Веймаръ, а оттуда, по совѣту *Гёте*, намѣренъ ѣхать въ Парижъ. Великій Германскій поэтъ покровительствуетъ молодому Нейкому за сочиненіе превосходныхъ хоровъ къ Фаусту, и снабдилъ его письмомъ къ Петербургскому другу своему генералу *Клингеру*.

На другомъ концѣ города, т. е. на Пречистенкѣ, бываютъ музыкальныя собранія въ другомъ родѣ. У Н. А. Всеволожскаго еженедѣльно по Четвергамъ разыгрываются квартеты, въ которыхъ участвуютъ всѣ лучшіе музыканты, какіе только находятся въ Москвѣ. Въ прошедшемъ году первую скрипку держалъ *Роде*, а въ нынѣшнемъ будетъ играть приму *Бальо*, альта *Френцель*, и на віолончели по прежнему *Ламаръ*. Есть чего послушать! Вся знать бываетъ на этихъ концертахъ. Братецъ И. П. Поливановъ, короткій пріятель В., обѣщалъ меня ему представить. Нетерпѣливо этого ожидаю.

Я и не зналъ, что комедія «*Ботъ* или Англійскій Купецъ», переведена молодымъ княземъ Долгоруковымъ [1]); не даромъ старый князь такъ занимается театромъ, а любимецъ его Плавильщиковъ такъ хорошо играетъ *Бота*. Эта роль его торжество.

25 Марта, Суббота. Колымажный манежъ есть покамѣстъ лучшій манежъ въ городѣ для обученія. Старикъ *Кинъ*—самый добросовѣстный Нѣмецъ и мастеръ своего дѣла. Графъ Орловъ-Чесменскій покровительствуетъ ему не безъ причины: *Кинъ* этого стóитъ. Онъ не даетъ зашаливаться ученикамъ своимъ, кто бы они такіе ни были: угодно учиться—милости просимъ, а гонять лошадей безъ цѣли не позволяетъ. Учишься, такъ ѣзди безъ стремянъ, покамѣстъ ихъ не заслужишь; когда же дадутъ стремена—заслуживай шпоры. Чтó дѣло, то дѣло. Со временемъ всѣ будутъ ему благодарны, хотя теперь и ропщутъ. Кромѣ учениковъ и молодыхъ людей, кончившихъ ученье и ѣздящихъ на собственныхъ своихъ лошадяхъ для проѣздки ихъ, въ опредѣленные часы собирается въ манежъ много извѣстныхъ любителей верховой ѣзды, кавалеровъ и дамъ. Послѣднимъ даетъ уроки помощникъ *Кина*, берей-

[1]) Княземъ Михаиломъ Михаиловичемъ, который, въ царствованіе Николая Павловича, былъ сосланъ въ Верхотурье (но не по дѣламъ политическимъ). Онъ былъ женатъ на дочери адмирала Рибаса. Это родной дѣдъ княгини Юрьевской. П. Б.

торъ *Шульцъ*, красивый мужчина среднихъ лѣтъ и отличный ѣздокъ. Сегодня въ манежѣ были: молодая княгиня Урусова, княжны Гагарины, Щербатовы и К. А. Карамзина вмѣстѣ съ мужемъ; послѣднiй ѣздитъ ежедневно по утрамъ для моцiону. Лучшими ѣздоками въ городѣ считаются братья Соковнины, князь Дадьяновъ, младшiй Алябьевъ, Ив. П. Бибиковъ и Брокъ, живущiй у гр. Салтыкова. У нихъ затѣвается большая карусель, только не условились еще въ назначенiи распорядителя.

Кинъ особенно расположенъ ко мнѣ за то, что я кротко обращаюсь съ лошадьми; зато я имѣю исключительную привилегiю ѣздить на старомъ, бѣломъ *Фрипонѣ*, фаворитной лошади покойнаго Государя, которая находится въ Колымажномъ на пансiонѣ. Мы взаимно другъ другу полезны: мнѣ ученье, а ему моцiонъ. Фрипонъ очень любитъ сахаръ, и я никогда не сажусь на него и съ него не слѣзаю безъ того, чтобы не дать ему по нѣскольку кусочковъ. Бѣдняга отвыкъ отъ этого лакомства, и когда я его подчую, онъ смотритъ на меня своими большими черными глазами такъ умно, такъ умно, что, кажется, такъ и хочетъ сказать мнѣ спасибо. Непродажному коню цѣны нѣтъ, но чтò еслибы этотъ старичекъ продавался?

Намедни мой П. И., проѣзжая мимо манежа, захотѣлъ взглянуть на наши подвиги; вдругъ пришла ему фантазiя самому поѣздить верхомъ. То-то былъ смѣхъ! Онъ отъ роду не садился на лошадь. Сдѣлавъ нѣсколько вольтовъ, держась то за гриву, то за луку сѣдла, онъ сошелъ съ лошади, говоря, что это не магистерское дѣло. Я замѣтилъ, что Антонскiй и профессоръ, а лѣтомъ ежедневно катается верхомъ, даже иногда и съ дамами. Дѣло другое, возразилъ онъ, Антонскiй, *профессоръ энциклопедiи*.

Завтра свободный день. Надобно исполнить коммиссiю батюшки и потаскаться по Англичанамъ для выбора заводскаго жеребца. Въ этомъ дѣлѣ могъ бы вѣрнѣе всѣхъ руководствовать меня Н. П. Аксеновъ; но у него есть продажные жеребцы своего завода, которые батюшкѣ не нравятся, потому что не того сорта, какiе ему нужны; слѣдовательно Аксенова тревожить не кстати. Авось обойдемся и безъ него.

27 Марта, Понедѣльникъ. Ни одинъ изъ Англичанъ не показалъ вчера лошадей своихъ, отзываясь Воскресеньемъ: просили прiѣхать въ простой день. Воскресенье у нихъ тоже, чтò у Жидовъ Субота: полный шабашъ для людей и животныхъ. Не спорю, что этого обычая можно держаться въ отношенiи къ работѣ; но развѣ вывести изъ ко-

нюшни лошадь на показъ есть работа? Теперь придется ѣхать не иначе, какъ въ Суботу, или уже на Страстной; потому что на этой недѣлѣ рѣшительно свободнаго времени не будетъ. Между тѣмъ въ Суботу утреннее гулянье на вербахъ; такъ видно до Страстной.

Какъ я радъ, что добрый Сокольскій становится довольнѣе мною: я выучилъ дроби, и скоро примемся за тройное правило. Дашковъ смѣется, что я того и гляди заткну за поясъ Загорскаго съ его курсомъ Безу. Нѣтъ, поздно! Чтобы успѣть въ какомъ-нибудь дѣлѣ, надобно любить его; а я безъ отвращенія не могу смотрѣть на этотъ проклятый цыфирь. То ли дѣло наша деревенская бирка или конторскіе счёты?

29 Марта, Середа. Коропъ сказывалъ, что дебютъ Граве назначенъ 11 числа Апрѣля, т. е. во Вторникъ на Святой недѣлѣ, въ какой-то преглупой пьескѣ «Der Gimpel auf der Messe», т. е. «Снѣгирь на ярмаркѣ» подъ условленною фамиліею *Нето*. На пробахъ онъ не показалъ ни искры таланта, былъ очень дуренъ и смѣшенъ, и заботился только о томъ, чтобы цѣловать мадамъ Штейнсбергъ, какъ предписывала піеса; сколько ему ни говорили, что на репетиціяхъ этого не водится, но онъ настаивалъ на своемъ, что̀ чрезвычайно забавляло Штейнсберга. Ну, г. *Снѣгирь-Нето*, просимъ не прогнѣваться, а мы отдѣлаемъ тебя ни въ строй, ни къ смотру. Кажется, малый —душа, а дѣлаетъ глупость, которая можетъ испортить всю карьеру по службѣ его въ Кремлевской Экспедиціи. Пострѣлъ!

1 Апрѣля, Суббота. Вмѣстѣ съ присланнымъ отъ батюшки конюшимъ обрыскали мы вчера и сегодня утромъ всѣхъ Англичанъ и даже не Англичанъ, и я успѣлъ попасть на гулянье въ свое время. Народу было бездна, но блистательныхъ экипажей и упряжекъ не было: берегутъ для святонедѣльныхъ гуляній. Главнокомандующій два раза проѣхалъ со всею свитою. Знакомыхъ встрѣтилъ мало, но тѣмъ, которыхъ встрѣтилъ, былъ радъ-радешенекъ, и завтра по приглашенію поѣду обѣдать къ нимъ.

И пусть надъ мною неизбѣжный
Судьбы свершится приговоръ!

А тутъ и риѳма кстати: *вздоръ*.

Разумѣется, вздоръ! Пообѣдаемъ, порѣзвимся; меня поласкаютъ, надо мною потрунятъ, спросятъ, не изъ *рыбьяго* ли сукна мой фракъ? И только, да чего же больше? Я увѣренъ, что еслибы могло быть *больше*, было бы *меньше*. Разгадка этой загадки моя тайна, а другимъ до нея дѣла нѣтъ.

Такой лошади, какая нужна отцу моему, у Англичанъ не нашли; но у графа Орлова, Загряжскаго и Давыдова видѣли нѣсколько лошадей, которыхъ конюшій облюбовалъ и говоритъ, что именно такого жеребца и приказано купить. Больше всѣхъ понравился намъ жеребецъ у Загряжскаго: бурый въ маслѣ, большаго роста, широкій, ноги плотныя, шея лебединая съ зарѣзомъ, голова небольшая, уши вострыя, глаза на выкатѣ и оскалъ такой, что въ ноздрю хоть кулакъ суй. Хвостъ и грива жиденьки, но за то мягки какъ шелкъ: признакъ породы. Конечно, дорого: меньше 800 р. не отдадутъ; да еще придется давать на поводъ, однакоже дѣлать нечего, купить необходимо: весна на дворѣ. Дай только Богъ угодить отцу.

Видѣли у Банкса *Даппля* отъ Дельпини и *Гартофъ ока* отъ Метеора; у Ив. Смита *Серъ-Роуланда* отъ Вальпута, и *Фона* отъ Волонтера; у Жаксона, фаворита Московскихъ охотниковъ *Тромпетера* отъ Трумпатора. Всѣ лошади отличныя, но Даппль—краса лошадей. Тромпетеръ очень красивъ, но малъ и тонокъ. Да, у Москвы свой собственный вкусъ. Теперь мода на рыжихъ лошадей съ фонарями, т. е. съ проточинами. Каковы бы онѣ качествомъ ни были, цѣна имъ вдвое.

6 Апрѣля. Четвергъ. Л—скій староста привезъ отъ матушки письмо, которымъ увѣдомляетъ о кончинѣ добрѣйшаго Ив. Ив. Л—го и поручаетъ мнѣ выбрать ему надгробный памятникъ, на покупку котораго крестьяне міромъ посылаютъ 400 рубл. Такая сумма для деревни въ 60 душъ не маловажна! Приходскій священникъ придумалъ для памятника и надписи; съ одной стороны: «*Благодѣтельному помѣщику* (имя рекъ) *отъ благодарныхъ крестьянъ*»; а съ другой: «*Бѣ человѣкъ посланъ отъ Бога, имя ему Іоаннъ*». Первую вырѣзать можно и должно, но послѣдняя ни къ селу, ни къ городу. Если этотъ текстъ пригоденъ былъ для надгробнаго слова Собіескому, то для надписи И. И., котораго христіанская дѣятельность заключалась въ кругу чрезвычайно ограниченномъ, онъ вовсе не у мѣста. Прикажу вырѣзать просто: «*Память праведнаго съ похвалами*». И точно, дядя Ваня, какъ я называлъ его въ дѣтствѣ, былъ совершенно праведный мужъ, хотя образъ жизни его и весь онъ самъ казались непостижимо странными. Уступивъ женатому брату, по его настоятельной просьбѣ, изъ отцовскаго наслѣдства болѣе 400 душъ, со всею почти движимостью, онъ оставилъ себѣ одно небольшое имѣніе въ 60 душъ, и жилъ въ верстѣ отъ него въ лѣсу, въ сообществѣ единственной своей прислуги, стараго псаря Климыча и брюзгливой старой стряпухи; три борзыхъ сабаки и нѣсколько Вятскихъ лошадей, за которыми ходилъ и присматривалъ самъ, составляли все его движимое имущество. Онъ былъ, или казался, стра-

стнымъ псовымъ охотникомъ и часто пріѣзжалъ къ дѣду на условленныя полеванья. Какъ теперь вижу его лысую голову, его большіе на выкатѣ глаза, его смѣлый рѣшительный взглядъ и эту вѣчную добродушную улыбку; какъ теперь слышу его громкую, отрывистую поговорку и почти безпрерывный хохотъ, увлекавшій къ безотчетной веселости всю бесѣду. Помню синій патенкоровый его кафтанъ и зеленый съ откладными полями картузъ, длинный въ серебряной оправѣ охотничій ножъ и огромную коренковую, домашняго издѣлія, съ короткимъ чубукомъ, трубку, служившую ему кистенемъ и дубиною. Помню неразлучныхъ его спутниковъ, двухъ большихъ псовыхъ собакѣ *Пожара* и *Пылая*, и соловую лошадку, на которую онъ, старый Немвродъ, сажалъ меня пятилѣтняго баловня, къ ужасу моей няни и прочихъ приставницъ, соблазнявшихся его издѣвками. Помню, какъ всѣ домашніе всегда радовались его пріѣзду, съ которымъ какъ будто водворялось благословеніе Божіе не токмо въ домѣ, но и въ цѣломъ селеніи; какая-то свобода и миролюбивыя между всѣми отношенія. Дѣдушка не кричалъ на прикащика, прикащикъ не тузилъ мужиковъ, дворовые люди сидѣли всѣ на лицо безотлучно въ передней, дѣвки не таскались по застольнымъ, и все принимало видъ какого-то праздничнаго порядка, какъ будто бы наступало другое Свѣтлое Воскресенье. Памятны мнѣ всѣ разговоры домашнихъ гостей и сосѣдей, когда, проводивъ Ив. Ив., начнутъ толковать, что другаго Л—го не сыскать, что онъ, кажись, такъ старичонокъ-непосѣдъ, сегодня здѣсь, а завтра тамъ, собачникъ и хохотникъ, безъ проказъ ни на часъ, а между тѣмъ, что ни затѣваетъ, все къ добру и все добромъ сводитъ; что онъ Ф. помирилъ съ женою и заставилъ ихъ жить душа въ душу; что у князя О. выпросилъ сыну прощеніе и ввелъ опять въ домъ; что бѣдному Р. отхлопоталъ землю, которую отнимали ябедники; что попа, отца Евдокима, котораго оклеветали и чуть было не отрѣшили, отстоялъ предъ владыкою; что Макар—го однодворца, на котораго насѣлъ голова съ волостнымъ писаремъ и повезъ безъ очереди въ рекруты, вынесъ изъ бѣды на плечахъ. Всѣ эти толки я живо помню, и вотъ, наконецъ, этого добраго человѣка не стало. Миръ праху твоему, почтенный старецъ, *почившій въ благословеніяхъ.*

Ѣдемъ въ Соборъ на умовеніе ногъ, поучаться смиренію. Отъ души помолюсь объ усопшемъ и о себѣ. Что-то давно не было такъ грустно.

10 Апрѣля, Понедѣльникъ. Спѣшу мысленно обнять тебя, любезнѣйшій братъ, и поздравить съ наступившимъ праздникомъ. Какъ бы

желалъ сказать тебѣ лично обычное, животворящее: *Христосъ воскресе*! и въ возвратъ услышать отрадное: *воистину*! Когда-то это сбудется? Спасибо, сердечное спасибо, за все про все. Ты начинаешь ужъ слишкомъ баловать меня. Для скромнаго прожитка намъ достаточно бы было одного жалованья матушки, съ присовокупленіемъ домашней ея провизіи, а ты непремѣнно хочешь озолотить нашу жизнь! Боюсь, что щедрость твоя пріучитъ меня къ мотовству. Впрочемъ, нѣтъ! Безъ пособія твоего я не видалъ бы и не слыхалъ много такого, что́ послужило мнѣ въ истинную пользу. Наглядная наука—спорѣе.

Ты и понятія имѣть не можешь о той ночи, какую мы провели съ Страстной Суботы на Свѣтлое Воскресеніе въ нашемъ Кремлѣ. «*Во истинну сія препраздественная и спасительная нощь и свѣтозарная свѣтоноснаго дне возстанія провозвѣстница*». Мнѣ кажется, что эта боговдохновенная пѣснь св. Іоанна Дамаскина ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, кромѣ Іерусалима, не можетъ такъ сильно и благодатно дѣйствовать на всѣ чувства христіанина, какъ въ этой священной оградѣ нашего православія! Мы пріѣхали въ одиннадцатомъ часу, когда только начали освѣщать соборы, между тѣмъ какъ все безграничное Замоскворѣчье, съ его храмами и высокими колокольнями, горѣло уже безчисленными огнями, въ ожиданіи благословенія *съ высотъ священнаго Кремля* къ начатію благовѣста, и затѣмъ божественной службы. Вскорѣ раздался первый призывный къ молитвословію ударъ огромнаго Ивановскаго колокола, и въ одну минуту, какъ будто по какому-то электрическому сотрясенію загудѣла вся Москва. Я въ жизнь свою не забуду этой минуты! Но когда, послѣ получасоваго благовѣста, внезапно начался общій оглушающій звонъ всѣхъ колоколовъ Кремлевскихъ и цѣлаго города, и въ тоже время изъ всѣхъ соборовъ потянулись древнія хоругви, златокованныя иконы и кресты, духовенство въ праздничномъ облаченіи съ дымящимися кадилами, а за нимъ тьма тьмущая народу съ зажженными свѣчами, при громогласномъ и торжественномъ пѣніи этой божественной пѣсни: *Воскресеніе Твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небесѣхъ*. то признаюсь, я пришелъ въ какое-то небывалое со мной положеніе, въ какой-то духовный восторгъ, и со слезами повторялъ въ глубинѣ души моей: *и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славити* всегда и повсюду, какъ здѣсь въ настоящую минуту.

На дняхъ опишу тебѣ свои праздничные визиты и завтрашній дебютъ Граве въ «Снѣгирѣ».

12 Апрѣля, Середа. Праздничныя поздравленія мои окончились довольно скоро, хотя я почти всѣхъ заставалъ дома. Въ продолженіе этого не встрѣчалось ничего такого, что̀ бы заслуживало особенное твое вниманіе, кромѣ многознаменательныхъ вопросовъ Т. и К. о твоемъ житьѣ-бытьѣ и нѣкоторой пени за твое молчаніе. Не могу сказать навѣрное, но кажется, какъ будто хотѣли о чемъ-то говорить со мною: вѣроятно о томъ же, какъ тебя любятъ и *жалуютъ*, *жалѣютъ* и *желаютъ*. Горе вамъ богатымъ! Вотъ наша братья совсѣмъ другое дѣло: насъ не *жалѣютъ* и не *желаютъ*, а просто христосуются съ вами по-русски: cela ne peut pas tirer à conséquence. Но послѣ необходимаго воскреснаго поцѣлуя, тутъ же и необходимый вопросъ: «а фракъ вашъ не изъ рыбьяго ли сукна?» O ma tante, ma tante! Бога она не боится!

Ну ужъ Ѳедоръ Павловичъ, одолжилъ! Думаю, что съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ театръ, не было актера, которому пришлось бы играть приличнѣйшую своей фигурѣ роль: вотъ ужъ настоящій скитающійся башмачный подмастерье! Маленькій, толстенькій, сутуловатый, грудочка впередъ, голова ушла въ плечи, физіономія препечальная, голосъ нищаго, и ко всему этому сѣрый изношенный сюртукъ по щиколдку, дырявая шляпа и огромный чемоданъ за плечами,—словомъ, умора! По случаю праздничныхъ дней театръ былъ биткомъ набитъ. Едва только появился нашъ Nemo, публика встрѣтила его общимъ рукоплесканіемъ, продолжавшимся, конечно, минутъ пять. Мы было хотѣли пошикать да посвистать—куда тебѣ! Никто изъ насъ не въ состояніи былъ сжать губъ отъ смѣха. Nous avons ris, nous voilà désarmés; а мы не то, чтобы смѣялись, но буквально находились въ припадкѣ истерическаго, конвульсивнаго смѣха. Неистовые крики «браво, браво», топанье ногами, стучанье палками, словомъ, всѣ обыкновенныя принадлежности театральнаго восторга сопровождали каждую фразу Снѣгиря-Nemo, и почти не давали ему говорить. Всѣ находившіеся на сценѣ актеры не могли воздержаться отъ хохота.... Но вотъ кой-какъ доплелся Nemo до сцены поцѣлуевъ. Съ какимъ-то бѣшенствомъ бросился онъ на бѣдную мадамъ *Штейнсбергъ* и началъ не то, чтобы цѣловать ее, а просто грызть, и повисъ у ней на шеѣ. Что̀ происходило за симъ, я не умѣю того выразить. Вся праздничная публика вышла совершенно изъ себя, такъ что умный и ловкій полиціймейстеръ В., хотя и самъ помиралъ со смѣху, принужденъ былъ обратиться къ публикѣ съ просьбою объ умѣреніи своего восторга. По окончаніи піесы мы отправились за кулисы взглянуть на новаго дебютанта и нашли, что *мадамъ Штейнсбергъ* въ слеза̀хъ, а *Nemo*, приложа руку къ челюсти, охаетъ. Она только-что предъ нами отвѣсила ему прежесто-

кую пощечину.—«Чтó, каково? спрашиваетъ дебютантъ; вѣдь я говорилъ, что произведу необыкновенный эффектъ!—Да, отвѣчали мы, но когда же играешь опять?—Нѣтъ, довольно: кажется, я въ два часа постарѣлъ двадцатью годами». Слава Богу! Вѣдь свистковъ не было и принятъ съ восторгомъ. Штейнсбергъ великій знатокъ человѣческаго сердца!

Гулянья подъ Новинскимъ начались блистательно. Время стоитъ прекрасное. Экипажамъ счета нѣтъ, и кавалькадъ много. Изъ числа первыхъ болѣе всѣхъ обратила на себя вниманіе карета какого-то Павлова: голубая съ позолоченными колесами и рессорами, соловыя лошади съ широкими проточинами и съ гривами по колѣна, въ бархатной пунцовой съ золотымъ наборомъ сбруѣ. Чрезвычайно нарядно. Коренныя, какъ львы, развязаны на позолоченныхъ цѣпяхъ, а подручная безпрестанно на курбетахъ. Изъ кавалькадъ лучшею показалась мнѣ та, въ которой видѣлъ я графа П. И. Салтыкова. Немногочисленна, но всѣ лошади прелесть! И. П. П. также отличался въ ней, и его старушка *Бетси* до сихъ поръ считается самою красивѣйшею лошадью въ Москвѣ.

13 Апрѣля, Четвергъ. Гулянье подъ Дѣвичьимъ было чрезвычайно многолюдно. Но все это хорошо только для новаго человѣка, а то приглядишься не только къ лошадямъ и экипажамъ, но даже и къ тѣмъ фигурамъ, которыя въ нихъ сидятъ и стоятъ на запяткахъ; все одно и тоже. Однообразно и скучно; и тѣмъ болѣе скучно, что почти въ каждой физіономіи ѣдущаго или ѣдущей на показъ въ публику замѣтно одно чувство: желаніе блеснуть и возбудить зависть въ другихъ своимъ достаткомъ или вкусомъ. Я это заключаю, право, не изъ какой-нибудь мизантропіи, въ мои лѣта непростительной и даже невозможной, но изъ тѣхъ самодовольныхъ взглядовъ, улыбокъ, киваній головами, маханій руками, которыя замѣтилъ я у всѣхъ почти владѣльцевъ раззолоченныхъ экипажей. Какая разница въ физіономіи щеголей, идущихъ на гулянье казать себя, и тѣхъ, которые идутъ смотрѣть другихъ изъ одного любопытства или *по обязанности*; говорю *по обязанности*, потому что, какъ мнѣ толковалъ умный Николай Андреевичъ Новиковъ, всякій коренной Москвичъ обязанъ быть на извѣстныхъ гуляньяхъ, во избѣжаніе заключеній о немъ, точно такъ же, какъ и всякая Московская барышня *обязана* не пропускать на балахъ ни одного танца. Я не бывалъ на гуляньѣ 1 Мая въ Сокольникахъ; но говорятъ, что при хорошей погодѣ это гулянье восхитительно и превосходитъ всѣ другія. Нынѣшній годъ не пропущу его.

По случаю сегодняшняго гулянья подъ Дѣвичьимъ, во всѣхъ домахъ, находящихся на Пречистенкѣ, начиная съ Всеволожскаго до Хитровыхъ*), назначены большіе вечера. Это для тебя не новость; потому что такъ ежегодно бываетъ, но вотъ одна достойная твоего любопытства и которой ты не ожидаешь: К. Е. Б., у которой также былъ назначенъ вечеръ, неожиданно въ обѣдъ разрѣшилась отъ бремени, послѣ двадцати-четырехъ-лѣтняго неплодія. Мужъ очень доволенъ тѣмъ, что это именно случилось въ Четвергъ, когда въ ожиданіи гостей онъ долженъ былъ поневолѣ оставаться дома; иначе онъ былъ бы въ отчаяніи, потому что такой *казусъ* воспрепятствовалъ бы ему ѣхать по обыкновенію въ Англійскій клубъ. Крестины новорожденнаго и празднество серебряной свадьбы родителей назначаются въ одинъ день.

18 Апрѣля, Вторникъ. Я полагалъ, что самъ князь Одоевскій въ цѣлый мѣсяцъ не получитъ отъ всѣхъ своихъ кореспондентовъ столько вѣстей, сколько получишь ты отъ одного меня въ нѣсколько дней, а ты все еще пѣняешь и вопишь! Я описываю тебѣ только то, что самъ видѣлъ и слышалъ, и разсказываю тебѣ собственныя свои похожденія: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Не сочинять же мнѣ для тебя романовъ въ родѣ толстаго романа толстѣйшей И—ой, за который недавно бѣдняга проглотила такую злую и обидную, хотя и не совсѣмъ острую, эпиграмму:

И—ой романъ съ И—ой и сходенъ:
Онъ также, какъ она, дороденъ,
И также ни къ чему не годенъ!

Ужъ не увѣдомлять ли тебя о двухъ Американцахъ, мужѣ и женѣ, которыхъ балаганщики,налощивъ чернымъ воскомъ, называютъ *Гуронскими дикарями* и заставляютъ ихъ глотать какую-то мерзость; или о *молодомъ прекрасномъ*, какъ публиковано, *мущинѣ* о трехъ рукахъ? Очень нужны тебѣ подобныя свѣдѣнія! Однакоже, за гуляньями и другими подобными *недосугами*, я точно не успѣлъ разсказать тебѣ въ подробности о праздничныхъ своихъ визитахъ. Объѣздилъ всѣхъ—важныхъ и неважныхъ, угрюмыхъ и привѣтливыхъ, словомъ, отъ аза до ижицы. Нигдѣ не скучалъ, но отъ И. П. Архарова и его семейства просто въ восхищеніи. Пусть толкуютъ, что хотятъ, а безъ сердечной доброты не возможно такъ радушно и ласково принимать людей маловажныхъ. Графа И. А—ча случилось мнѣ въ первый разъ видѣть во

*) Домъ Всеволожскаго—нынѣ Степанова, гдѣ помѣщается штабъ военнаго округа; домъ Хитровыхъ—нынѣ Н. С. Мальцова (недавно князя С. Н. Урусова). П. Б.

всѣхъ атрибутахъ его званія. Настоящій канцлеръ! До сихъ поръ я видалъ его не иначе, какъ въ малиновомъ тулупѣ и въ жолтыхъ туфляхъ. Засталъ у него множество извѣстныхъ лицъ: добраго пузанчика А.., съ сыномъ котораго я былъ въ пансіонѣ у *Ронки*, генерала кн. Лобанова - Ростовскаго такого проворнаго и живаго, какъ ртуть; Н. Н. Бантыша-Каменскаго и помощника его А. Ѳ. Малиновскаго, автора Старинныхъ Святокъ и издателя театральныхъ піесъ Коцебу, которыя заставлялъ онъ переводить молодыхъ людей, служащихъ въ Архивѣ; этимъ піесамъ кн. Горчаковъ далъ общее названіе *коцебятины*. Были также пасторъ Гейдеке, старикъ А. А. Юни, извѣстный своею службою въ Сибири и уваженный Великою Екатериною за примѣрное свое безкорыстіе; и еще очень замѣчательное лицо, или вѣрнѣе, личико, А. П. Н....: крошечный, худенькій, на тоненькихъ, какъ спички, ножкахъ старичокъ, такъ что его безъ затрудненія спрятать можно въ ридикюль Настасьи Дмитріевны Офросимовой. И что жъ? Эта щедушная куколка былъ, какъ тутъ разсказывали, въ молодости красавецъ, и такой необъятно-огромной тучности, что, будучи адъютантомъ графа З. Г. Чернышова имѣлъ одинъ изъ всей свиты исключительную привилегію сопровождать его въ особой каретѣ или коляскѣ, между тѣмъ какъ другіе по обязанности должны были ѣхать верхами. Н..... подтвердилъ это съ какимъ-то пріятнымъ воспоминаніемъ.

Въ этотъ разъ старый дипломатъ обошелся со мною ласковѣе и даже рекомендовалъ меня Бантышъ-Каменскому, замѣтивъ однако, что въ Архивѣ служить не совѣтуетъ, потому что молодые люди въ немъ балуются и не привыкаютъ къ труду. Графъ чрезвычайно хвалилъ исторію дипломатическихъ сношеній нашихъ съ Китаемъ, отъ самаго ихъ начала, собранную Бантышъ-Каменскимъ, и совѣтовалъ всѣмъ прочитать ее; но авторъ замѣтилъ, что она не напечатана, и что, въ качествѣ начальника Архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, онъ безъ разрѣшенія высшаго начальства не считаетъ себя въ правѣ дѣлать свою компиляцію извѣстною.

21 Апрѣля, Пятница. М., встрѣтивъ какую-то уличную барышню, хотѣлъ тотчасъ же увезти ее; но не удалось. Начальство узнало объ этой продѣлкѣ; молодецъ остановленъ и посаженъ подъ арестъ. Спрашиваютъ: «Что̀ побудило васъ къ этому насилію?» – «Понравилась».—«Знаете ли вы коротко эту дѣвушку?»—«Вовсе не знаю».—«Какъ зовутъ ее?»—«Не знаю».—«Гдѣ и у кого живетъ она?»—«Не знаю».—«Какое же было ваше намѣреніе?»—«Жениться».—«Какъ же вы хотѣли жениться, если ея совсѣмъ не знаете?»—«Я узналъ бы по-

слѣ».—«Но она не хотѣла ѣхать съ вами» —«Что мнѣ за дѣло до ея хотѣнья? У меня своя воля».— «М.. недѣль шесть высидѣлъ подъ арестомъ, забылъ о красавицѣ и вышелъ какъ встрепанный, а между тѣмъ Цыгане на этотъ случай тотчасъ сложили пѣсню на голосъ: *Пряди моя пряха*, которую записной цыганофилъ А. Н—въ ввелъ въ моду, подъ названіемъ: *Вѣрныя примѣты*. Мы ѣздили слушать ее. Степанида, что твой соловей, такъ и разливается. Вотъ эта пѣсня:

Ахъ, зачѣмъ, поручикъ,
Сидишь подъ арестомъ,
Въ горькомъ заключеньи,
Колодникъ безшпажный?—
Ахъ, за тѣмъ я бѣдный
Сижу подъ арестомъ,
Что свою милую
Любилъ очень больно.—
Кто жъ твоя милая,
Княжна иль графиня,
Простая иль дворянка,
Фрейлина ль какая?
Дай снесу поклончикъ!—
Ахъ, моя милая
Безъ гнѣздышка пташка,
Безъ племени, рода;
Любитъ свою волю,
Волю удалую.
Узнаешь милую:
Она по бульвару
Все ходитъ да бродитъ
Нѣмецкимъ развальцомъ;
Въ шелковомъ капотѣ,
Талійка съ прихватцомъ;
Въ вязаныхъ перчаткахъ,
Съ алымъ ридикюлемъ;
Ходитъ да гуляетъ,
Головкой киваетъ,
Себя забавляетъ,
Народъ потѣшаетъ!
Узнаешь милую—
Такъ отдай поклончикъ.

Отъ пѣсни переходимъ къ элегіи. Ты, вѣроятно, слыхалъ о Сашѣ Д., прелестной и преисполненной талантовъ дѣвушкѣ, которую всѣ такъ любили. Она скончалась въ прошломъ году, вскорѣ послѣ бала въ Благородномъ Собраніи. Неутѣшные отецъ съ матерью поставили въ Даниловомъ монастырѣ надъ прахомъ милой дочери прекрасный памятникъ, на которомъ послѣ имени, фамиліи и лѣтъ ея приказали, вмѣсто эпитафіи, вырѣзать *незабудку*. Буринскій, по желанію брата покойницы, написалъ на сей случай экспромтомъ стихи, а Нейкомъ поло-

жилъ ихъ на музыку, исполненную чувства и Нѣмецкой мечтательности Посылаю тебѣ этотъ романсъ: мелодія очаровательна, и всѣ знакомыя твои пѣвицы скажутъ за него спасибо.

На ея могилѣ есть цвѣтокъ незримый:
Всюду разливаетъ онъ благоуханье.
Онъ цвѣтокъ завѣтный, онъ цвѣтокъ любимый.
Онъ—воспоминанье!
И вѣчно душистый, цвѣтокъ неизмѣнный
Не боится бури, не вянетъ отъ зноя,
Сторожитъ сохранно имя преселенной
Къ вѣчному покою!

Когда Снѣгирь-*Nemo*, переставшій мечтать объ актерствѣ, сдѣлалъ подстрочный переводъ этихъ стиховъ для Нейкома, то онъ, обрадовавшись, сказалъ: *такъ и вѣетъ Маттисономъ.*

25 Апрѣля. Вторникъ. Изъ Университета съ лекцій завернулъ я въ Хамовники, къ счастливцу Ш.: онъ не перестаетъ ковать деньги и третьяго дня выигралъ еще 5 т. р. у генерала И., который заплатилъ ему деньги не только безъ неудовольствія, но еще въ придачу подарилъ ему славнаго горскаго полевика. Каюсь, любезный, что мнѣ какъ будто стало завидно. Подумалъ: сколько на эти деньги накупилъ бы книгъ и эстамповъ, какихъ бы завелъ лошадей и проч.; а Ш. вовсе не дорожитъ своимъ выигрышемъ, и говоритъ, что, можетъ быть, сегодня же опять спуститъ все до послѣдней копѣйки. Онъ предлагалъ взять меня въ маленькую долю безъ проигрыша; очень заманчиво, да страшно: будешь только и думать о пріобрѣтеніи, а сверхъ того тяжело войти въ обязательство, которое можетъ сдѣлаться гробомъ независимости; я не рѣшился, но за то не въ состояніи былъ отказаться ѣхать съ нимъ на гусиный и пѣтушиный бой къ князю И. С. М. Мнѣ чрезвычайно показалось любопытнымъ взглянуть на это состязаніе птицъ.

Посреди большой залы устроена была арена, обнесенная кругомъ холстинными кулисами въ 3/4 арш. вышины. Хозяинъ и всѣ приглашенные гости сидѣли вокругъ, а другіе любопытствующіе охотники всякаго званія, купцы, мѣщане и дворовые люди стояли, какъ и гдѣ кто могъ помѣститься. Прежде пустили въ арену бѣлую гусыню, которая тотчасъ же начала жалобно гоготать. Одинъ изъ сермяжниковъ обратился съ увѣреніями къ хозяину, что *эта де рѣдкая самка-съ для евтова дѣла-съ.*—«Ну гдѣ же Варлаамъ?» спросилъ князь Д. П. Г......, «подавай *Цицерона*». И вотъ огромный гайдукъ вынулъ изъ мѣшка прематераго, бѣлаго съ сизыми крыльями гуся и пустилъ его въ арену.

«Такъ какъ же, Петръ Петровичъ, продолжалъ горделиво кн. Г., обращаясь къ одному толстому и рябому господину, сидѣвшему противъ него, угодно вамъ будетъ спустить охоту вашу, или нѣтъ? — Почему же бы и не спустить, в. с—во? отвѣчалъ рябой господинъ, только какъ великъ будетъ закладъ?—«Я держу 50 р.».—Больше 25 р. я не могу.--«Остальные придерживаю я», рѣшилъ хозяинъ, и партія состоялась. «Манушка, давай *Туляка!*» крикнулъ Петръ Петровичъ, и мальчикъ въ сѣромъ казакинчинѣ тотчасъ же притащилъ темносѣраго гуся и также пустилъ его въ арену. Сначала состязатели около 10 минутъ ходили вокругъ гусыни, которая не переставала гоготать; потомъ стали мало по малу вытягивать шеи съ какимъ-то шипѣніемъ и, наконецъ, послѣ всѣхъ этихъ продѣлокъ, бросились другъ на друга. *Тулякъ*, будучи поменьше и попроворнѣе, первый поймалъ Цицерона за правое крыло и началъ жестоко его жевать; потомъ и Цицеронъ ухитрился ухватить Туляка за правое же крыло и также началъ его мять и жевать, кружась около гусыни. Въ этомъ обоюдномъ жеваньѣ и круженьѣ заключалось все единоборство бѣдныхъ птицъ, и только одно гоготанье царицы гусинаго турнира, да невольныя по временамъ восклицанія посторонних охотниковъ, державшихъ заклады: «Ну *Цицеронъ*, ну *Тулякъ*», или «ай да молодцеъ, ай да варваръ!» прерывали однообразіе этого жеванья. Кончилось тѣмъ, что Цицеронъ прежде покинулъ крыло своего соперника, и Тулякъ провозглашенъ побѣдителемъ. Владѣлецъ *Цицерона* былъ неутѣшенъ: съ сложенными крестъ на крестъ на груди руками и съ плачевною миною онъ поминутно обращался къ охотникамъ съ увѣреніями, что онъ самъ всему виноватъ, что *Цицерона* обкормили, и проч. Ну ужъ охота, подумалъ я и собрался уѣхать; но Ш. просилъ подождать его и посмотрѣть на сраженіе пѣтуховъ, которое, по увѣренію его, должно было быть *поживѣе* и *позадорнѣе*.

Если первое единоборство есть пошлая глупость, то пѣтушій бой можно назвать сущею жестокостію, не менѣе отвратительною, какъ и медвѣжья травля. Выпущены предварительно свѣшенные два пѣтуха, съ остриженными и обдерганными шеями и хвостами, такъ что каждое перышко представляло какую-то иглу, ноги были вооружены косыми острыми шпорами. Они тотчасъ же бросились другъ на друга съ необыкновенною яростію и, не смотря на наносимыя другъ другу раны, продолжали биться до тѣхъ поръ, пока у одного не были совсѣмъ выбиты глаза, и онъ не ослабѣлъ совершенно отъ истекающей крови. Бѣдняга упалъ и подняться не могъ, но соперникъ не переставалъ бить и терзать его до тѣхъ поръ, пока онъ не остался безъ всякаго движенія. Ихъ не разнимали, потому что условіемъ заклада былъ *бой*

на смерть. Сказывали, что за побѣдителя гуся предлагали рябому господину 100 р., а тріумфаторъ-пѣтухъ, принадлежавшій купцу изъ Охотнаго Ряда, не смотря на свои раны, былъ проданъ за 200 р. *De gustibus non est disputandum* [1]). Прекрасное употребленіе денегъ и времени.

28 Апрѣля, Пятница. Вотъ прешарлатанское объявленіе Французскихъ актеровъ о представленныхъ вчера піесахъ «*Les deux soeurs, Fabrice et Caroline*» и «*La Cloison*». Эти люди считаютъ насъ, право, невѣждами, что позволяютъ себѣ подобныя выходки. «De toutes les pièces, qui ont été représentées à Moscou, ces deux ouvrages sont sans contredit les mieux écrits et ne peuvent manquer d'obtenir le suffrage des véritables connaisseurs et amateurs du répertoire francais. Nous nous permettons d'annoncer au public, que «La Cloison», a obtenu samedi dernier un succès complet. *Nous regrettons seulement qu'il n'y ait point assez eu de spectateurs pour admirer ce charmant ouvrage, digne de connaissance de la noblesse de Moscou* et nous l'invitons à honorer le spectacle de sa présence encore quelques représentations, avant son départ pour la campagne» [2]).

Не смотря на восписуемыя похвалы двумъ первымъ пьесамъ, послѣдняя мнѣ лучше нравилась и разыгрывается очень мило. Не мудрено, что Duparу въ ней хорошъ вездѣ, гдѣ ни играетъ; но странно, что и другіе актеры, отъ перваго до послѣдняго, отъ него не отставали и также были хороши.

Москва въ большихъ приготовленіяхъ къ гулянью 1 Мая: въ Сокольникахъ разбиваются пренарядныя палатки и устроиваются кавалькады. Скачка назначена на другой день и, говорятъ, будетъ блистательна, потому что записано много отличныхъ лошадей. Увидимъ.

2 Мая, Вторникъ. Сколько народу, сколько беззаботной, разгульной веселости, шуму, гаму, музыки, пѣсенъ, плясокъ и проч.; сколько богатыхъ Турецкихъ и Китайскихъ палатокъ съ накрытыми столами для роскошной трапезы и великолѣпными оркестрами, и простыхъ хворо-

---

[1]) О вкусахъ не спорятъ.

[2]) Изо всѣхъ представленныхъ въ Москвѣ піесъ, эти двѣ безъ сомнѣнія наилучшія и не могутъ не заслужить одобренія истинныхъ знатаковъ и любителей Французскаго репертуара. Позволяемъ себѣ объявить публикѣ, что въ послѣднюю Суботу „Чуланъ" игрался съ полнымъ успѣхомъ. Жалѣемъ только, что не было достаточно зрителей, чтобы любоваться этою прекрасною піесою, достойною того, чтобъ ее узнало Московское дворянство, и приглашаемъ его, до отъѣзда въ деревни, почтить театръ своимъ присутствіемъ въ теченіи еще нѣсколькихъ представленій.

стяныхъ, чуть прикрытыхъ сверху тряпками, шалашей съ единственными украшеніями—дымящимся самоваромъ и простымъ пастушьимъ рожкомъ для акомпанимента поющихъ и пляшущихъ поклонниковъ Вакха. Сколько щегольскихъ модныхъ каретъ и древнихъ прадѣдовскихъ колымагъ и рыдвановъ, блестящей упряжи и веревочной сбруи, прекрасныхъ лошадей и претощихъ клячъ, прелестнѣйшихъ кавалькадъ и прежалкихъ Донъ-Кишотовъ на прежалчайшихъ Россинантахъ. Нѣтъ, признаюсь, что я и не воображалъ видѣть такое многочисленное, разнообразное и живописное гулянье, на какое, наконецъ, попалъ я вчера въ Сокольники.

Погода стояла безподобная: теплая, тихая, свѣтлая, настоящій день для праздничной встрѣчи весны. Утренній дождь сдѣлалъ его еще пріятнѣе, потому что освѣжилъ зелень и уложилъ пыль, столь обыкновенную на песчаной дорогѣ гулянья и столь несносную не только для самихъ гуляющихъ, но и для тѣхъ, которые, въ качествѣ зрителей, оградили себя болѣе или менѣе разными навѣсами и завѣсами.

Насъ заманилъ къ себѣ въ палатку знакомецъ и сосѣдъ твой, гостепріимный Ефимъ Ефимовичъ Ренкевичъ, у котораго нашли мы прекрасное общество и роскошное угощеніе. Палатка его поставлена была на самомъ бойкомъ мѣстѣ: нѣсколько наискось противу палатки главнокомандующаго и другихъ вельможъ; отсюда все гулянье, на всемъ его протяженіи въ обѣ стороны, было видно. Между тѣмъ народъ, наиболѣе тутъ толпившійся, нетерпѣливо посматривалъ къ сторонѣ заставы и, казалось, чего-то нетерпѣливо поджидалъ, какъ вдругъ толпа зашевелилась, и радостный крикъ: *ѣдетъ! ѣдетъ!*—пронесся по окрестности. И вотъ началось шествіе необыкновеннаго, торжественнаго поѣзда, безъ котораго, какъ говорили, гулянье 1 Мая было бы не въ гулянье. Впереди, на статномъ фаворитномъ конѣ своемъ, «Свирѣпомъ», какъ его называли, ѣхалъ графъ Орловъ въ парадномъ мундирѣ и обвѣшанный орденами. Азіатская сбруя, сѣдло, мундштукъ и чепракъ были буквально залиты золотомъ и украшены драгоцѣнными камнями. Немного поодаль, на прекраснѣйшихъ сѣрыхъ лошадяхъ, ѣхали дочь его и нѣсколько дамъ, которыхъ сопровождали А. А. Чесменскій, А. В. Новосильцовъ, И. Ф. Новосильцовъ, князь Хилковъ, Д. М. Полторацкій и множество другихъ неизвѣстныхъ мнѣ особъ. За ними слѣдовали берейторы и конюшіе графа, не менѣе 40 человѣкъ, изъ коихъ многіе имѣли въ поводу по заводной лошади въ нарядныхъ попонахъ и богатой сбруѣ. Наконецъ, потянулись и графскіе экипажи: кареты, коляски и одноколки, запряженные цугами и четвернями одномастныхъ лошадей.

Этотъ поѣздъ графа Орлова, богатаго, знатнаго, тучнаго и могучаго вельможи, съ такою блестящею свитою, съ такимъ количествомъ нарядныхъ служителей, съ такимъ множествомъ прекрасныхъ лошадей и разнородныхъ экипажей, представляетъ точно необыкновенно великолѣпное зрѣлище и не можетъ не дѣйствовать на толпу народную. Впрочемъ сказываютъ, что графъ Орловъ и не однимъ своимъ богатствомъ и великолѣпіемъ снискалъ любовь и уваженіе Москвичей, что онъ доступенъ, радушенъ и, какъ настоящій Русскій баринъ, пользуясь любимыми своими увеселеніями—скачками, бѣгами, Цыганскими пѣснями и плясками и проч., обращаетъ ихъ также въ потѣху народа и какъ будто раздѣляетъ съ нимъ преимущества, судьбою ему предназначенныя.

А. А. Чесменскій [1]), проѣзжая мимо палатки Е. Е., приглашалъ всѣхъ находящихся въ ней дамъ на сегодняшнюю скачку и предлагалъ послать за билетами для входа въ галерею къ какому-то коллежскому комисару Гаврилѣ Ершову, живущему у графа Орлова; многіе тотчасъ же воспользовались этимъ предложеніемъ.

4 Мая, Четвергъ. Скачка была отличная по количеству и качеству лошадей, и погода чрезвычайно ей благопріятствовала. Галереи наполнены были Московскою знатью обоего пола, и тутъ въ первый разъ мнѣ удалось видѣть князя Прозоровскаго. Вообще молодые люди и много дамъ были большею частію верхами и ѣздили внутри скаковаго круга. На призъ въ 500 рубл. пожертвованный, какъ публиковано было, *однимъ охотникомъ* (вѣроятно самимъ графомъ и Д. М. Полторацкимъ) скакало 9 лошадей: графа Орлова, Полторацкаго, Чемоданова, братьевъ Мосоловыхъ, Савеловыхъ, Загряжскаго, Муравьева, и еще не помню чьи-то двѣ лошади. Дистанція назначена была два круга, т. е. 4 версты съ перескачкою. Этотъ призъ выигралъ г. Муравьева гнѣдой жеребецъ *Травлеръ*, родившійся въ Англіи, обскакавъ двукратно своихъ соперниковъ; второю лошадью въ оба раза приходила лошадь Мосоловыхъ; ѣздокомъ на *Травлеръ* былъ крѣпостной мальчикъ Муравьевыхъ Андрей, достигшій цѣли съ оборваннымъ стременемъ, но не потерявъ его (иначе, по недостатку вѣса, онъ долженъ бы считаться проигравшимъ скачку). Когда взвѣсили мальчика, многіе изъ присутствовавшихъ давали ему деньги за мастерское или удачное сохраненіе вѣса. Второе состязаніе было на подписку 4 охотниковъ по 50 р. съ каждаго; изъ 4 лошадей, гр. Орлова, Полторацкаго, Савелова и Мосо-

[1]) Побочный сынъ графа А. Г. Орлова. П. Б.

лова, выиграла кобыла *Добрая*, принадлежавшая послѣднему, оставивъ прочихъ весьма далеко, чуть не за флагомъ. За симъ скакали нѣсколько благородныхъ охотниковъ на кубокъ въ 50 р., по подпискѣ ими сдѣланный. На дистанціи одного круга или двухъ верстъ, кн. Ив. Ал. Гагаринъ, скакавшій на лошади, купленной имъ у Англичанина Шмита, оставилъ всѣхъ своихъ состязателей за флагомъ, и это случилось будто бы отъ того, что ихъ лошади не были по надлежащему приготовлены. Я, право, не понимаю, за чѣмъ же было и пускать ихъ въ скачку? Это non-sens. Послѣ скачки предъ бесѣдкою гр. Орлова пѣли и плясали Цыгане, изъ коихъ одинъ, немолодой, необычной толщины, плясалъ въ бѣломъ кафтанѣ съ золотыми позументами и замѣтно отличался отъ другихъ. Оттого ли, что онъ богатымъ костюмомъ своимъ обращалъ на себя болѣе вниманія, чѣмъ другіе, или точно былъ мастеръ своего дѣла, только этотъ толстякъ показался мнѣ чрезвычайно искуснымъ, даже краснорѣчивымъ въ своихъ тѣлодвиженіяхъ. Онъ какъ будто и не плясалъ, а такъ просто, стоя на мѣстѣ, пошевеливалъ плечами, повертывая въ рукахъ шляпу, изрѣдка пригикивая и притопывая по временамъ ногою, а между тѣмъ выходитъ прекрасно: ловко, живо и благородно. Послѣ Цыганской пляски завязался кулачный бой, въ который вступая, соперники предварительно обнимались и троекратно цѣловались. Побѣдителемъ вышелъ трактирный служка изъ Пѣвческаго трактира, Герасимъ, Ярославецъ, мужичокъ лѣтъ 50-ти, небольшой, но плечистый, съ длинными мускулистыми руками и огромными кулаками. Говорили, что онъ нѣкогда былъ подносчикомъ въ кабакѣ и сотоварищемъ нынѣшнихъ знаменитыхъ откупщиковъ - богачей Р.... и Ч...., которыхъ калачивалъ на пропалую. Этого атлета, лѣтъ 8 тому назадъ, отыскала княгиня Е. Р. Дашкова и рекомендовала графу Орлову. По окончаніи всѣхъ этихъ продѣлокъ, графъ сѣлъ съ дочерью въ подвезенную одноколку, запряженную четырьмя гнѣдыми скакунами въ рядъ, ловко подобралъ возжи и, гикнувъ на лошадей, пустился во весь опоръ по скаковому кругу и, обскакавъ его два раза, круто повернулъ на дорогу къ дому и исчезъ какъ ураганъ какой. Смотря на этого, до сихъ поръ еще могучаго, витязя я вспомнилъ стихи къ нему Державина:

Онъ въ колесницѣ съ горъ бедрой
Минервы удержалъ паденье!

Что ни говори, а графъ Орловъ—личность очень замѣчательная

7 Мая, Воскресенье. Помѣщикъ И., очень хорошій, среднихъ лѣтъ человѣкъ, довольно образованный, т. е. говоритъ по-французски и по-нѣмецки, имѣетъ слабость считать себя поэтомъ, протежировать ка-

кихъ-то ничтожныхъ музыкантовъ и казаться аристократомъ, прибавляя между тѣмъ къ каждой почти рѣчи совсѣмъ неаристократическое слово *катавасія*, этотъ И. влюбился въ Катеньку Б., небогатую, но милую и умную дѣвушку, живущую съ малолѣтства у Н. М. В., и предложилъ ей свою руку. Это бы ничего, только онъ не ловко сдѣлалъ это предложеніе. Въ день рожденія Катеньки Б. онъ отправилъ къ ней преогромный букетъ какихъ-то пошлыхъ цвѣтовъ, и въ немъ объясненіе въ любви съ формальнымъ предложеніемъ въ уморительно-напыщенныхъ куплетахъ. Катя, разумѣется, тотчасъ же отдала и то и другое своей благодѣтельницѣ, которая, прочитавъ стихи и не очень понимая ихъ, сказала: кажется, сватается; если не противенъ тебѣ, то я не препятствую, не вѣкъ же сидѣть въ дѣвкахъ.—Конечно, maman, отвѣчала Катя съ живостію, имъ пренебрегать не должно, объ немъ отзываются хорошо; но вѣдь онъ мнѣ лично никогда ни слова не говорилъ, а если положиться на эти глупые стихи и вонючій букетъ, то можетъ выдти *катавасія*. Это словцо подцѣпилъ зубоскалъ М., и вотъ тебѣ написанные имъ экспромтомъ куплеты:

Вотъ Катѣ плѣнительной
Осмнадцать ужъ лѣтъ,
Такой восхитительной
Другой въ свѣтѣ нѣтъ.

Помѣщикъ значительный
Вдругъ шлетъ ей букетъ,
И въ немъ объяснительный
Запрятанъ куплетъ.

Куплетъ уморительный:
Любовный привѣтъ!
Онъ ждетъ утвердительный
Отъ Кати отвѣтъ.

Но Катя въ претензіи:
„Въ стихахъ смысла нѣтъ,
Изъ чахлой гортензіи
И самый букетъ.

Пусть авторъ съ талантами,
Какъ всѣ говорятъ,
Всегда съ музыкантами
И аристократъ!

По мнѣ изъ согласія
Всѣхъ этихъ даровъ,
Видна катавасія
Подъ формой цвѣтовъ".

Эти куплеты поются во многихъ домахъ на разные напѣвы и дошли уже до свѣдѣнія нашего помѣщика. Онъ очень пѣтушится и угрожаетъ М.; но до дуэли не дойдетъ, а свадьба состоится.

10 Мая, Середа. Москва начинаетъ пустѣть; по улицамъ ежеминутно встрѣчаешь цѣпи дорожныхъ экипажей и обозовъ: одни вывозятъ своихъ владѣльцевъ, другіе пріѣзжаютъ за ними. Скоро останутся въ Москвѣ только коренные ея жители: лица, обязанныя службою, купцы, иностранцы и наша братья, принадлежащая къ учащемуся сословію. Дѣдушка говоритъ, что и еще одинъ классъ людей не выѣдетъ изъ Москвы, именно классъ должниковъ, которыхъ не выпустятъ кредиторы. Странно, что одна часть города въ Москвѣ не пустѣетъ лѣтомъ: это Нѣмецкая Слобода. Она всегда въ нормальномъ своемъ состояніи.

Вчера ѣздилъ проститься съ Л., у которыхъ провелъ цѣлый день. Не повѣришь, какъ мнѣ сдѣлалось грустно: право, хоть плакать. А. П. сказала: «Не грустите, скоро пріѣдемъ назадъ».—А какъ скоро? спросилъ я. «Да вотъ папа говоритъ, что непремѣнно къ тому времени, какъ привозятъ невѣстъ: къ Рождеству съ поросятами». — Я лопнулъ со смѣху. —Почему же не сказали вы—съ цыплятами? Тогда бы я отвѣчалъ вамъ, не боясь обидѣть васъ сравненіемъ.—А что́ бы вы отвѣчали?— Я сказалъ бы, que les poulets sont aussi bons à croquer que les poul... [1]) «Не извольте договаривать, monsieur l'insolent au drap de poisson» [2]). – Однакоже, не смотря на эту размолвку, мнѣ подарили маленькой кошелекъ своей работы, а я долженъ былъ нарисовать что-нибудь въ альбомъ и написать стихи. Я ничего не могъ придумать *умнѣе* этой *глупости*: нарисовалъ рѣку и стоящаго на берегу человѣчка съ всклоченными волосами, съ приложенною къ сердцу рукою и разинутымъ ртомъ, и подъ рисункомъ подписалъ:

Выйду я на рѣченьку,
Посмотрю на быструю;
Унеси ты мое горе,
Быстра рѣченька съ собой!

Ужъ если пошло на пошлости, такъ, по моему, онѣ должны быть самыя пошлыя, и въ этомъ отношеніи рисунокъ, кажется, вполнѣ удался.

Получилъ письмо отъ своихъ: зовутъ на ваканціи въ деревню. Матушка и отецъ пишутъ, что они рады будутъ, если привезу когонибудь изъ товарищей и еще какого-нибудь Нѣмца позатѣйливѣе для

---

[1]) Что цыплята также пріятно хрустятъ на зубахъ, какъ и ку(ры).
[2]) Господинъ наглецъ въ рыбьемъ сукнѣ (см. выше, стр. 37, подъ числомъ 12 Апрѣля).

общей компаніи. Я намѣренъ предложить Снѣгирю-Nemo-Гр. быть моимъ спутникомъ, а изъ Нѣмцевъ, чего лучше, возьму Адальберта-Фердинанда-фонъ-Кибурга-Косинскаго. Этотъ бывшій обойный подмастерье, а нынѣшній трагикъ, имѣетъ прекрасный характеръ, необъятную память и такъ добродушно болтливъ и веселъ, что съ нимъ не задумаешься. Наши думаютъ провести лѣто въ *Липецкѣ* для сестеръ; 90 верстъ отъ деревни, все равно, что̀ въ самой деревнѣ, *плюсъ* хорошее общество: лѣтомъ бываетъ тамъ много проѣзжающихъ. Буду радъ пожить на родимой сторонѣ послѣ пятилѣтняго отсутствія; погуляю, поохочусь, поѣзжу верхомъ и попью цѣлительныхъ водъ, которыя могутъ быть для меня струями Леты, въ отношеніи къ извѣстной вострухѣ.

13 Мая, Субота. На дняхъ М. И. Невзоровъ познакомилъ меня съ Ф. И. Карцевымъ. Гдѣ онъ отыскиваетъ такихъ оригиналовъ? Видно, пословица справедлива, что рыбакъ рыбака далеко въ плёсѣ видитъ. Кто въ Москвѣ знаетъ о Карцевѣ, переводчикѣ столькихъ лучшихъ сочиненій Волтера: «Генріады», «Брута», «Разрушенія Лиссабона», «Орлеанской Дѣвственницы» и проч., нѣкоторыхъ сатиръ и эпистолъ Буало и разныхъ мелкихъ стихотвореній другихъ авторовъ? А между тѣмъ этотъ переводчикъ, очень недурной, живетъ на Поварской улицѣ въ собственномъ домѣ, приглашаетъ иногда знакомыхъ на вечеринки и даже по временамъ даетъ пріятельскіе обѣды; а между тѣмъ этотъ переводчикъ, кромѣ литературнаго достоинства, необыкновенно умный и добрый человѣкъ! Я его спрашиваю: «Читали ли вы кому-нибудь стихи свои»? — Да говоритъ, читалъ женѣ и еще отрывками князю Горчакову и Карину.— «И вы не имѣли и не имѣете намѣренія ихъ напечатать?»—А на что́, батюшка? Я пишу и перевожу самъ для себя, потому что люблю трудъ: будто, не имѣя въ виду извѣстности, и писать нельзя?—Такъ, однакоже эта извѣстность служитъ поощреніемъ таланту.—Это, батюшка, могутъ думать одни праздные люди, которые не понимаютъ, что есть наслажденіе въ самомъ процессѣ труда. Знаете ли вы умное слово одного Англичанина своему пріятелю, который замѣтилъ ему, что работа его должна быть most tedious, очень скучна This tedium is very amusing, — эта скука очень занимательна, отвѣчалъ онъ; и это совершенная правда. Вотъ, батюшка, вы, молодой человѣкъ, если хотите быть неизмѣнно счастливымъ во всѣхъ превратностяхъ жизни, то любите трудъ, какъ любятъ любовницу—безкорыстно. Я не знаю по-нѣмецки; но мнѣ сказывали, что у вашего Шиллера (я говорю вашего, потому что онъ считается теперь любимымъ авторомъ новаго поколѣнія нашихъ писателей) есть въ одномъ изъ его стихотвореній прекрасный стихъ: «ты *надѣялся*, слѣдовательно

получилъ уже свою награду». Этотъ стихъ можно примѣнить къ труду: «ты *трудился*, слѣдовательно былъ уже счастливъ». Невзоровъ, съ своимъ gros bon sens, замѣтилъ, что «едва ли безъ яснаго сознанія цѣли предпринятаго труда и убѣжденія въ его пользѣ, можно полюбить какой бы то ни было трудъ; вотъ напр., возьмите четверикъ маку и считайте, сколько находится въ немъ зеренъ,—это будетъ также трудъ; но развѣ можно полюбить его, не будучи сумасшедшимъ?»—«Это сравненіе болѣе остроумно, чѣмъ справедливо, возразилъ Карцевъ: вопервыхъ, говоря о любви къ труду, я разумѣлъ любовь къ занятіямъ умственнымъ, c'est notre point de départ [1]); а во-вторыхъ, бываютъ обстоятельства въ жизни человѣка, когда и вашъ четверикъ съ макомъ можетъ ему пригодиться, если онъ считать умѣетъ. Когда вы, любезный М. И., попали случайно на 6-ть мѣсяцевъ въ подземелье къ Шешковскому, безъ всякаго способа къ занятіямъ, то вѣрно обрадовались бы вашему четверику съ макомъ, какъ средству съ бо́льшимъ терпѣніемъ ожидать вашего освобожденія. Вы меня не очень поняли: рѣчь моя клонилась къ тому, что въ одномъ только трудѣ заключается вся *наука* счастія, т. е. умѣнье наполнять пустоту жизни; съ этимъ умѣньемъ,—сочиняете ли вы поэму, или считаете маковыя зерна,—можно легко сносить свою участь, какова бы она ни была, не измѣняя малодушнымъ ропотомъ достоинству человѣка. Не отъ насъ зависитъ перемѣнить сію участь; но отъ насъ зависитъ пристраститься къ какому-нибудь постоянному занятію, которое на зло всѣмъ обстоятельствамъ наполнитъ нашу душу и будетъ, какъ вѣрный утѣшительный товарищъ, какъ ангелъ Товіи, сопровождать насъ до могилы». М. И., шутя, жаловался ему на излишнее мое, будто бы, любопытство, страсть къ театру и разсѣяніямъ свѣтскимъ; но между, тѣмъ pour dorer la pilule [2]), говорилъ, что я учился прилежно, люблю заниматься, и что постоянно веду ежедневный журналъ всѣмъ случающимся со мной происшествіямъ. На это Карцевъ отвѣчалъ, что въ мои лѣта разсѣяніе даже необходимо, но не должно исключительно посвящать ему все свое время; потому что разсѣянія свѣтскія не наполнятъ пустоты, которую чувствуетъ человѣкъ въ самомъ себѣ, а напротивъ увеличиваютъ ее, какъ соленая вода увеличиваетъ жажду.—«Если бы вы, прибавилъ онъ, не захотѣли писать или переводить, то читайте больше; только съ размышленіемъ. Чужія мысли, большею частію, могутъ скорѣе руководить насъ къ достиженію внутренняго спокойствія, чѣмъ свои собственныя; а журналъ вашъ прекрасное дѣло: онъ пріучаетъ къ труду и заставляетъ васъ отдавать отчетъ самому себѣ въ вашихъ помыслахъ, чувствахъ и дѣйствіяхъ;

[1]) Отсюда повели мы наше разсужденіе.

[2]) Чтобы позолотить пилюлю.

продолжайте его всегда, со временемъ слюбится». Такъ поэтому я и не даромъ докучаю тебѣ своимъ мараньемъ! *Слюбится*, сказалъ умный старикъ, и я тому вѣрю: если намъ такъ пріятно встрѣчать давно знакомыхъ людей, то еще пріятнѣе нѣкогда встрѣтиться съ самимъ собою въ прежней мысли, въ прежнемъ чувствѣ и въ прежнемъ происшествіи.

17 Мая, Середа. Братъ любезный! Я лишился Трезора, лохматаго моего Трезора, добраго, вѣрнаго, неразлучнаго моего товарища и друга впродолженіи 12 лѣтъ; того самаго Трезора, надъ которымъ всѣ вы нѣкогда такъ издѣвались и котораго между тѣмъ такъ любили за привязанность ко мнѣ, необыкновенную смѣтливость и доброту. Онъ издохъ отъ старости, бѣдный Трезоръ мой, охранявшій меня почти отъ самой колыбели и бывшій моимъ спутникомъ и стражемъ во всѣхъ переселеніяхъ, которымъ подвергалось мое юношество. Теперь некому будетъ подать мнѣ такъ часто забываемый платокъ, ни отыскать затерянную вещь и неожиданно принести ее мнѣ на колѣна, тряся мохнатою своею головою, шевеля кудлатымъ хвостомъ и посматривая на меня такими умильными глазами. Нѣтъ, воля твоя, а долго, долго не забыть мнѣ этихъ ежеминутныхъ доказательствъ привязанности и самоотверженія, этихъ первыхъ утреннихъ *здравствуй*, этихъ послѣднихъ вечернихъ *прости*, словомъ, всего этого домашняго счастія, которое называлъ я Трезоромъ. Если бы ты могъ видѣть, какъ издыхалъ онъ и какъ, за минуту до издыханія, не смотря на совершенное изнеможеніе, усиливался подать мнѣ, по обыкновенію, косматую свою лапу! Не смѣйся надъ моимъ горемъ: это первая чувствительная утрата моей жизни. Дай Богъ, чтобы она не была предвѣстницею другихъ утратъ, болѣе горестныхъ!

20 Мая, Субота. Съ горя таскаюсь по прощальнымъ обѣдамъ, и вчера на одномъ встрѣтилъ пріѣхавшаго изъ Петербурга переводчика двухъ частей Русалки, Краснопольскаго, которому назначенъ за переводъ бенефисъ. Правду сказать, есть за что! Сказали бы нашей компаніи, и она бы рублей за сто перевела всѣ три части; а если бы захотѣли торговаться, то взяли бы и менѣе. На такія аріи, какъ

Отнюдь я не стану грѣшить,
Съ чертями чтобъ дружбу водить,

или:

Бѣляночку бы въ Воскресенье,
Чернявку въ Понедѣльникъ взялъ—

мы превеликіе мастера и доки, и можемъ всѣхъ русалокъ и съ чертовою мельницею перевести въ шестеромъ за одинъ присѣстъ. Этотъ

бенифисъ Краснопольскаго назначенъ во Вторникъ 23 ч. Желаю ему собрать побольше денегъ (хотя, судя по времени, это и невѣроятно), но вкладчикомъ въ кассу его не буду и денежки приберегу на 24 ч., чтобы видѣть *Рекрутскій Наборъ*, въ которомъ такъ хороши Померанцевъ съ женою и Сандуновъ въ роли Клима Гавриловича. За тѣмъ въ Пятницу 26 ч. дебютъ *Кавалерова* въ роли Семена, въ комедіи: *Братомъ проданная сестра*, который видѣть должно. Сандуновъ многія изъ лучшихъ ролей своихъ передаетъ начинающимъ. Это съ его стороны благородно и похвально, а для дебютантовъ совершенное счастіе; потому что, по неимѣнію другой сцены, они не имѣютъ и случая совершенствоваться въ своемъ искусствѣ.

Кстати о Сандуновѣ. Намедни, повстрѣчавшись на вечеринкѣ у Павла Андреевича Вейделя съ старшимъ братомъ своимъ, извѣстнымъ переводчикомъ Шиллеровыхъ «Разбойниковъ» и сенатскимъ оберъ-секретаремъ, такимъ же острякомъ, какъ и онъ самъ, они о чемъ-то заспорили; а какъ братья ни за что не упустятъ случая поподчивать другъ друга сарказмами, то старшій въ пылу спора и сказалъ младшему: «тутъ, сударь, и толковать нечего; вашу братью всякій можетъ видѣть за рубль!—«Правда, отвѣчалъ актеръ, за то вашей братьи безъ красненькой и не увидишь». Остро, однакоже въ отношеніи къ Н. Н. несправедливо, потому что онъ есть утѣшительное исключеніе изъ категоріи большей части его сослуживцевъ и не безъ причины пользуется общимъ довѣріемъ и уваженіемъ.

Я слышалъ, что онъ, т. е. Н. Н., ѣдетъ также на лѣто лѣчиться въ Липецкъ съ молодою женою, совершенною красавицею. Какъ бы я былъ радъ съ нимъ тамъ встрѣтиться!

24 Мая, Середа. Померанцева можно назвать актеромъ par excellence. Какая натура, какое чувство, какая простота. Абрамъ —не на сценѣ, онъ въ своей избѣ; истый Русскій крестьянинъ, патріархальный владыка своего семейства, и между тѣмъ нѣжный отецъ. Хороша и *Померанцева* въ роли матери Алексѣя. *Сандуновъ* превосходенъ въ роли Клима Гавриловича: настоящій подъячій съ приписью; однакоже подъячій, который существуетъ только въ нашемъ воображеніи, котораго знаемъ по преданіямъ, но котораго, конечно, никто изъ насъ не видалъ: это каррикатура и на бывшихъ нѣкогда подъячихъ. Молодой *Орловъ* въ сценѣ, когда Ипполитъ бросается къ ногамъ отца и проситъ благословенія идти вмѣсто Алексѣя въ рекруты, былъ увлекателенъ и заставилъ плакать; и самый Кондаковъ въ роли Герасима, великодушнаго извощика-резонёра, игралъ съ чувствомъ и жаромъ. Словомъ, піеса

разыграна была бы прекрасно, если бы несчастная *Караневичева*—Варвара не портила всего хода піесы. Чтó за претензіи, чтó за жеманство и отсутствіе всякаго чувства, чтó за льдина такая! Вмѣсто этой Варвары, доброй, простодушной крестьянки, сироты, чувствующей сиротство свое, мы видѣли горничную, жеманницу, которая даже и при вопросѣ: какъ васъ зовутъ? отвѣчаетъ: «извините, мы не изъ таковскихъ». И вотъ говорятъ, что эта же Караневичева будетъ играть Антигону въ «Эдипѣ», котораго разучиваютъ къ осени. Чтó ни говори, Русскую оперу можно смотрѣть съ бóльшимъ удовольствіемъ, чѣмъ Русскія трагедіи и драмы: ни даровитый Плавильщиковъ, ни превосходный Померанцевъ, одни безъ женщинъ, не могутъ произвести никакого впечатлѣнія. Какъ-то случилось мнѣ видѣть *Беверлея*, гдѣ въ нѣкоторыхъ сценахъ такъ отлично хорошъ *Плавильщиковъ*,—и что же? Какъ только появлялась на сцену *Баранчеева*, игравшая роль жены его, то вся иллюзія изчезала. *Померанцевъ*, въ отцѣ семейства, превосходенъ; но лишь появится женщина, прости очарованіе!

Генералъ С. А. Т....*) показывалъ П. И. свои стихотворенія и признался ему, что любитъ чрезвычайно поэзію и въ свободное время только и занимается ею, сколько по страсти, столько же и потому, что тамъ, гдѣ онъ обязанъ постоянно жить по службѣ, другихъ развлеченій нѣтъ. Въ этихъ стихотвореніяхъ нѣтъ никакихъ правилъ: ни мѣры, ни удареній, словомъ, ни складу ни ладу; но между тѣмъ есть очень дѣльныя мысли. П. И. замѣтилъ автору, что надобно бы прежде узнать правила и тогда уже приняться за сочиненіе,—иначе лучше писать прозою. Генералъ пожелалъ взять нѣсколько уроковъ тайкомъ, и П. И. въ недѣлю истолковалъ ему всѣ тайны стихосложенія, отказываясь отъ всякаго возмездія, и въ заключеніе послалъ свою піитику при слѣдующемъ посланіи съ эпиграфомъ изъ Державина: *учиться никогда не поздно*!

Т.......... командиръ,
Кому маневры и сраженья
Не горькій трудъ, но сладкій пиръ,—
Вотъ правила стихосложенья:
Прими, учись и будь поэтъ!
Теперь исполнивъ мой обѣтъ,
Я ожидаю исполненья
Обѣта твоего: втѣснить
Порывы своевольной Музы
Обыкновенныхъ правилъ въ узы.
Тебѣ легко поэтомъ быть;
Доступнымъ сдѣлай лишь искусство,

*) Тучковъ? П. Б.

Рѣшась воображенье, чувство
Наукѣ строгой покорять.
Наука лишь талантъ вѣнчаетъ,
И Божій даръ безъ ней—одно
Вѣчно гніющее зерно;
Безъ ней оно не прозябаетъ,
И не цвѣтетъ въ красѣ оно!

Стихи не геніальные, но въ нихъ есть толкъ. Генералъ прислалъ П. И. на память золотую табакерку прекрасной работы.

27 Мая, Субота. Нѣсколько дней я чувствую себя нехорошо, а между тѣмъ не утерпѣлъ, чтобы вчера не взглянуть на новаго дебютанта, въ роли слуги Семена, въ комедіи Ефимьева «Братомъ проданная сестра». Къ сожалѣнію долженъ сказать, что лучше бы сдѣлалъ оставшись дома: *Каволеровъ* покамѣстъ не изъ числа настоящихъ кавалеровъ, а просто изъ разряда тѣхъ лицъ, которыхъ представляетъ. О будущемъ не говорю. Между тѣмъ прости. Голова жестоко болитъ, и чувствую то жаръ, то ознобъ. Добрый мой П. И. испугался и послалъ за Г. И. Допельмейеромъ. Если бы я писать въ тебѣ былъ не въ состояніи, то поручу П. И. или Снѣгирю-*Nemo*, которому рѣшительно дѣлать нечего. Обнимаю.

24 Іюня, Субота. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я началъ прогуливаться и дышать чистымъ воздухомъ, который видимо меня подкрѣпляетъ. Между тѣмъ я такъ измѣнился, что не могу ничего дѣлать, и даже мнѣ кажется тяжело написать къ тебѣ нѣсколько строкъ. Меня посѣтила сильная горячная со всею свитою: бредомъ, пятнами и проч., и если бы не старикъ Допельмейеръ, который такъ меня любитъ, если бы не истинно отеческія попеченія Петра Ивановича, то можетъ быть переписка наша на всегда бы прекратилась. Нѣтъ словъ благодарить и Снѣгиря-*Nemo*, который мало того, что просиживалъ у моего изголовья цѣлыя ночи безъ сна, но и теперь ссужаетъ меня своей рукою, и потому ты можешь разсчитывать на полученіе обыкновенныхъ моихъ донесеній и всѣхъ сплетней, какими они сопровождаются. Начну со вчерашняго вечера. Вмѣсто оперы «*Die Zauber-Zitter*», которую намъ хотѣлось видѣть, мы, не заходя въ театръ, отправились съ-позаранку въ назначенный послѣ спектакля воксалъ и усѣлись у пруда смотрѣть на ловлю лягушекъ, которыхъ въ этомъ прудѣ такая бездна. Эта ловля гораздо занимательнѣе уженья рыбы и, видно, входитъ въ моду у Нѣмецко-слободскихъ обывателей, потому что ихъ человѣкъ 15 сидѣло съ удочками, на которыхъ вмѣсто обыкновенной приманки нацѣплены были кусочки краснаго сукна. Лягушки безпрестанно подпрыгивали изъ воды,

жадно хватались за сукно и становились добычею ватрохоловов. Эту забаву съ мѣсяцъ тому назадъ ввели въ моду братья Брандштетеры, для которыхъ она служитъ не только забавою, но и средствомъ къ удовлетворенію своей гастрономіи: они страстные охотники до фрикасе изъ лягушекъ, а потому весь уловъ этой водяной дичины предоставляется въ ихъ пользу.

А знаешь ли, что̀ за люди братья Брандштетеры, Францъ и Антонъ? Это люди историческіе и не даромъ носятъ свое прозваніе. Они находились прежде въ услуженіи князя Потемкина въ качествѣ фейерверкмейстеровъ, устроивали потѣшные огни въ Молдавіи и Валахіи и участвовали въ изготовленіи знаменитаго фейерверка, который былъ пущенъ во время извѣстнаго бала, даннаго княземъ въ Таврическомъ дворцѣ. Сверхъ того они механики, землемѣры, инженеры, гидрографы и живописцы. Антона Брандштетера я помню еще съ ребячества, когда онъ расписывалъ церковь у сосѣда нашего М. В. Муромцова, и ежегодно въ день имянинъ жены его, 24 Ноября, пускалъ фейерверки, на которые съѣзжались всѣ окружные помѣщики, и въ этомъ числѣ возили меня. Теперь эти Брандштетеры живутъ на покоѣ, имѣютъ свою лабораторію, снабжаютъ всю Москву и сопредѣльныя губерніи потѣшными огнями и ловятъ лягушекъ, употребляя ихъ въ продолженіе всего лѣта въ пищу, вмѣсто цыплятъ. Дешево и вкусно!

28 Іюня, Середа. Мы непремѣнно выѣзжаемъ въ Воскресенье, 2-го Іюля, и прямо въ Липецкъ, потому что мои домашніе должны быть теперь уже тамъ. Болѣзнь унесла у меня много времени и осадила меня, по крайней мѣрѣ, на мѣсяцъ. Мы ѣдемъ цѣлою колоніей: Снѣгирь - Nemo, Литхенсъ и фортепіанистъ Димлеръ, которому въ Москвѣ теперь дѣлать нечего: у дольщиковъ его Дурновыхъ лѣтомъ игры нѣтъ, а ученики и ученицы разъѣхались по деревнямъ. Что̀ еслибы ты могъ пріѣхать также въ Липецкъ и пожить на свободѣ! Но это мечта.

Сообщаю тебѣ послѣднее изъ Москвы свѣдѣніе: табель профессорскихъ лекцій на будущій университетскій курсъ, о которой ты такъ заботился для Верзилина. Предчувствую, что недолго слушать мнѣ добрыхъ моихъ профессоровъ. Отецъ, обрадовавшись моему 12-му классу, торопитъ службою.

Физику.	Страховъ.
Натуральную исторію	Пр. Антонскій.
Философію	Брянцевъ.

Статистику	Геймъ.
Эстетику	Сохацкій.
Чистую математику	Аршеневскій.
Исторію	Черепановъ.
Россійское право	Горюшкинъ.
Теорію Законовъ	Цвѣтаевъ.
Теорію поэзіи	Мерзляковъ.
Приложеніе алгебры къ геометріи.	Загорскій.

На Французскомъ языкѣ:

Исторію натуральную и сравнительную анатомію	Фишеръ.
Естественное и народное право .	Рейсъ.
Нравственную философію . . .	Рейнгардъ.
Астрономію	Гольдбахъ.

На Нѣмецкомъ:

Высокую геометрію	Иде.
Ботанику	Гофманъ.
Нѣмецкую литературу	Сангленъ.

Особенные уроки, lectiones privatae, и особеннѣйшіе, privatissimae, зависятъ отъ взаимныхъ условій желающихъ учиться съ профессорами.

Теперь жди отъ меня писемъ изъ Липецка, по прежнему въ ежедневныхъ рапортичкахъ, разумѣется, если попадаться будутъ случаи и люди, о которыхъ стоило бы сообщать тебѣ; иначе о чемъ писать, развѣ только о количествѣ застрѣленныхъ утокъ и прочей дичины? Но я рѣшусь и на это, лишь бы только болтать съ тобою.

Ты не любишь, чтобы тебя благодарили; а потому я и не хочу говорить, сколько я тебѣ обязанъ за *все* про *все*. Мнѣ кажется, я никогда не расплачусь съ тобою,—да! Я забылъ, что ты не любишь этого слышать; извини.

*

8 Іюля, Субота. Солнышко только что показывалось изъ-за горизонта, и мы всѣ четверо сладко дремали въ коляскѣ, когда сидѣвшій на козлахъ человѣкъ мой разбудилъ насъ громогласнымъ: *Вонъ Липецкъ виденъ*! Мы очнулись. Первою нашею мыслію было остановиться и нѣсколько промедлить, во первыхъ для того, чтобы слишкомъ раннимъ пріѣздомъ

не потревожить домашнихъ, а во вторыхъ, чтобы дать время Снѣгирю-Nemo и Адальберту-Литхенсу оправить туалеты свои: потому что, будучи великими *шематонами*, они непремѣнно хотѣли при первомъ появленіи своемъ произвести благопріятное на незнакомыхъ впечатлѣніе. Такъ и сдѣлали: простояли болѣе часу, потомъ поѣхали шагомъ и къ осьми часамъ ровно явились у подъѣзда дома В—хъ [1]), въ которомъ наши жили.

Нечего говорить тебѣ о минутѣ моего свиданія съ домашними, слезахъ матери и сестеръ и удовольствіи отца. Подробности этого свиданія могутъ быть интересны только для меня; а для тебя достаточно знать, что вотъ уже третій день, какъ я нахожусь въ кругу своихъ, совершенно довольный и счастливый. Отецъ радешенекъ, что я привезъ Нѣмца и щеголяетъ передъ нимъ Нѣмецкимъ языкомъ, когда-то изученнымъ на зимнихъ квартирахъ въ Пруссіи; а Литхенсъ отпускаетъ ему фразы изъ драматическихъ ролей своихъ. Матушка не наговорится съ Nemo, который поетъ ей о мнѣ турусы на колесахъ; а сестры ухватились за стараго знакомца Димлера, котораго, не смотря на усталость, тотчасъ же засадили за фортепіано и заставили отколачивать Русалочный польскій: *на что такъ чудесить, къ чему куралесить?* Словомъ, кажется, я всѣмъ угодилъ: слава Богу, свои и чужіе, всѣ въ восхищеніи. Тотчасъ же пошли разспросы, кто любитъ какое кушанье, чтобы всѣхъ равно удовольствовать. Литхенсъ объявилъ, что онъ *обожаетъ* жареныхъ куръ съ салатомъ.—А индѣекъ? спрашиваетъ отецъ.—Въ индѣйкахъ я вкусу не знаю, потому что никогда ихъ не ѣдалъ, отвѣчаетъ Фердинандъ. Такое признаніе всѣхъ удивило, и теперь разсказываютъ за диво встрѣчному и поперечному, что у насъ въ домѣ есть Нѣмецкій трагикъ, которому никогда въ жизни не случалось ѣсть индѣекъ. Снѣгирь-Nemo успѣлъ уже напутать: матушка подъ величайшимъ секретомъ мнѣ объявила, что ей сказывали вѣрные люди, будто я очень влюбленъ въ извѣстную особу и отъ того занемогъ; и что если это подлинно справедливо, то со временемъ можно подумать и о свадьбѣ.— Ну, а если она не пойдетъ за меня? спросилъ я.—Ахъ, батюшка, какъ же это можно, чтобы за тебя не идти!

Хорошо, если бы всѣ такъ думали обо мнѣ, а еще лучше, еслибы я самъ о себѣ такъ думалъ! Карамзинъ говоритъ:

Блаженъ не тотъ, кто всѣхъ умнѣе,
Ахъ! нѣтъ, онъ часто всѣхъ грустнѣе;
Но тотъ, кто, будучи глупцомъ,
Себя считаетъ мудрецомъ!

Ita est.

---

[1]) Вишневскихъ, на Дворянской улицѣ, нынѣ Ѳедцова. П. Б.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1891 года.

(Годъ двадцать девятый).

Русскій Архивъ въ 1891 году будетъ издаваться на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прежнія XXVIII лѣтъ.

Двѣнадцать тетрадей „Русскаго Архива“ 1891 года составятъ три отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1891 году съ пересылкою и доставкою — **девять рублей**. Для Германіи—**одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ**, Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ), Колокольная, въ книжномъ складѣ Березовскаго и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“, для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся непригодными къ печати, „Русскій Архивъ“ отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1881, 1884, 1886, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **П. Бартеневъ.**

Открыта подписка на «Русскій Архивъ» 1891 года.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1890

11.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи.
на Страстномъ бульварѣ.
1890.

СОДЕРЖАНІЕ
РУССКАГО АРХИВА 1889 ГОДА.
ПЕРВАЯ КНИГА.
(Выпуски 1, 2, 3 и 4).

ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ӨЕОДОРОВНА.

VIII *).

(1784—1789 гг.)

Переломъ въ характерѣ Павла Петровича.—Воинскія его упражненія.—Характеръ участія его въ международной политикѣ, противодѣйствіе его планамъ матери.—Судьба сестеръ Маріи Өеодоровны: Фредерики Ольденбургской и Елисаветы Австрійской.—Семейныя дѣла ея братьевъ: Фридриха и Людвига.—Неудовольствіе Екатерины на Фридриха и удаленіе его изъ Россіи.—Рожденіе великихъ княженъ: Елены Павловны и Маріи Павловны.—Путешествіе Екатерины въ Новороссію.—Вѣсти изъ Германіи.—Война съ Турціей и братья Маріи Өеодоровны: Фридрихъ и Карлъ.—Войнолюбивыя склонности Павла Петровича.—Рожденіе Екатерины Павловны.—Завѣщаніе Павла и его участіе въ войнѣ со Швеціей.

Въ 1784 г. Павлу Петровичу исполнилось 30 лѣтъ. Съ наступленіемъ этого возраста въ характерѣ Великаго Князя совершается замѣтный переломъ. Любезность, живость, общительность Великаго Князя, вызывавшія къ нему сочувствіе еще такъ недавно во время его заграничнаго путешествія, мало-по-малу покидаютъ Цесаревича, и онъ постепенно превращается въ задумчиваго, угрюмаго, желчно настроеннаго человѣка. Горькое сознаніе безотрадности своего положенія, при отсутствіи сколько-нибудь основательной надежды на улучшеніе въ будущемъ, угнетающимъ образомъ дѣйствовало на воспріимчивую душу Павла.

«Me voilà à 30 ans sans rien faire», писалъ онъ 10 Іюня 1784 г. во Франкфуртъ графу Н. П. Румянцову. «Je ne m'en plains pourtant pas. Je me soumet à la volonté de Dieu et je me console»[1]. «Ma tranquillité, je vous jure, n'est pas fondé sur le plus ou moins de calme, qui m'environne, mais sur ma consience et sur la conviction qu'ils existent des biens inaltérables par aucune puissance temporelle auxquels on peut aspirer. Cela me console de bien des choses et me met au dessus, et c'est ce qui me remplit de patience, que bien de gens prennent pour quelque chose de morne dans mon caractère; mais c'est cette

---

*) См. выше, стр. 113.

[1]) Госуд. Арх., V, 183.

même patience, qui fait que je n'y fais nulle attention» [2]). «Quant à ma conduite, vous savez, que je cherche à la diriger par ma consience et que je ne puis rien faire si celle-la n'est pas d'accord. Au reste, je ne sais par quoi j'aurais pu mériter particulièrement le moindre éloge. Cette même conscience toujours m'indique de faire mon devoir, et je le fais. Peut-être se sera-t-il rencontré un cas plus saillant qu'un autre, et c'est tout» [3]). Въ этихъ словахъ Павелъ оставался вѣренъ самому себѣ, своимъ давнимъ стремленіямъ къ правдѣ, къ нравственному усовершенствованію: онъ ставилъ для себя на первомъ планѣ обязанности къ матери и отечеству. Но постоянное упражненіе въ терпѣніи, въ сдержанности, должно было, вмѣстѣ съ тѣмъ, невыгоднымъ образомъ отозваться на характерѣ психической дѣятельности Цесаревича, тѣмъ болѣе, что обязанности его къ отечеству, своеобразно имъ понимаемыя, находились въ полномъ противорѣчіи съ обязанностями его по отношенію къ матери. Искренній Цесаревичъ не могъ притворяться, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что и онъ, и Екатерина сходились въ желаніи видѣться другъ съ другомъ какъ можно рѣже [4]). Гатчина и Павловскъ были мѣстами, гдѣ Павелъ Петровичъ могъ укрыться отъ взоровъ матери и двора ея съ сумрачнымъ своимъ видомъ и сумрачными мыслями. Здѣсь только Великій Князь въ обществѣ своей супруги и небольшаго, сильно порѣдѣвшаго за послѣднее время кружка своихъ друзей, долженъ былъ чувствовать себя дóма. Къ сожалѣнію, и въ этомъ домашнемъ кружкѣ Павелъ уже не находилъ того, чтó имѣлъ въ немъ прежде: не доставало Панина, твердаго, разумнаго руководителя, совѣты котораго, на ряду съ нѣжной женской заботливостію Маріи Өеодоровны, давали отчасти возможность Великому Князю разбираться въ его трудномъ положеніи и поддерживали его душевное равновѣсіе. Потеря Панина была тѣмъ чувствительнѣе, что онъ былъ единственный человѣкъ, къ голосу котораго Великій Князь привыкъ съ самаго дѣтства относиться съ полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ. Марія Өеодоровна, при всей своей женственности и любви своей къ супругу, не въ состояніи была оказывать большаго вліянія на его рѣзкій, мечтательный умъ. Лишившись опоры въ Панинѣ и мучимый нравственной борьбой, Павелъ всего менѣе могъ искать выхода въ сентиментализмѣ Маріи Өеодоровны, въ ея спокойномъ, здоровомъ отношеніи къ

---

[2]) Тамъ же. Письмо отъ 27 Февраля 1784 г.

[3]) Тамъ же. Письмо отъ 2 Апрѣля 1784 г.

[4]) Мнѣніе, будто Екатеринѣ не нравились частыя поѣздки Павла Петровича въ лѣтнія резиденціи („Павловскъ", 16), едва ли можетъ быть доказано. Напротивъ, изъ писемъ Екатерины къ Гримму за это время видно, что она нисколько не дорожила обществомъ сына и невѣстки, а скорѣе стѣснялась имъ.

дѣйствительности, которое позволяло ей мириться съ обстоятельствами и примѣняться къ нимъ, отдыхая на занятіяхъ искусствами и хозяйственныхъ хлопотахъ по Павловску и Гатчинѣ и развлекаясь театральными представленіями, литературными чтеніями и невинными играми въ домашнемъ кружкѣ Бенкендорфовъ, Николаи, Лафермьера и др. Павелъ, всегда глубоко религіозный, обратился за помощью къ религіи, сталъ читать книги духовно-нравственнаго содержанія, подолгу молился Богу и, наконецъ, по связи своей съ масонами, отдался руководительству С. И. Плещеева, воспринимая его мистическія, нравственныя наставленія.

Упражняясь такимъ образомъ въ терпѣніи, Павелъ Петровичъ продолжалъ однако упражняться и въ своихъ обязанностяхъ; по прежнему внимательно слѣдилъ за внутреннею и внѣшнею политикой Екатерины и по прежнему работалъ въ тиши своего кабинета, составляя проекты въ духѣ, противоположномъ дѣйствіямъ матери. Въ тоже время, помня слова Петра Ивановича Панина, что ничего нѣтъ свойственнѣе, какъ хозяину мужскаго пола распоряжать собственно самому и управлять всѣмъ тѣмъ, что́ защищаетъ, подкрѣпляетъ и сохраняетъ цѣлость какъ его собственной особы, такъ и государства [5]), Цесаревичъ, подъ предлогомъ необходимости очистить окрестности Гатчины и Павловска отъ бѣглыхъ крѣпостныхъ крестьянъ, сформировалъ себѣ небольшое войско, которое въ 1787 г. состояло уже изъ трехъ батальоновъ. Въ основу военнаго устава положена была инструкція Фридриха II, войско одѣто было въ Прусскую военную форму, дисциплина введена была строгая до жестокости. Вообще Павелъ постарался возродить въ своихъ батальонахъ тѣ самые «обряды неудобоносимые», которые, по словамъ Екатерины, будучи введены Петромъ III, «не токмо храбрости военной не умножили, но паче растравляли сердца болѣзненныя всѣхъ вѣрноподданныхъ его войскъ». Офицеры были большею частью Нѣмцы, а первымъ командиромъ назначенъ Пруссакъ, баронъ Штейнверъ. Можно также думать, что немалую долю вліянія на устройство Гатчинскихъ войскъ оказалъ и бывшій въ то время въ Россіи братъ Маріи Θеодоровны, отставной Прусскій генералъ, принцъ Фридрихъ, который воспринялъ отъ стараго «короля-философа», кажется, одну его склонность къ капральству [6]). Содѣйствіемъ этого опытнаго Прусскаго

---

[5]) Лебедевъ, 244.

[6]) Это вліяніе Фридриха II сознавали сами Виртембергскіе принцы. Графъ Сухтеленъ отмѣтилъ въ 1816 г. въ своей записной книжкѣ: „За обѣдомъ говорили о великомъ Фридрихѣ. Принцъ Виртембергскій (Александръ) сказалъ: „Я упрекаю его только въ одномъ: онъ оставилъ намъ въ наслѣдство вкусъ къ капральству“. „Русскій Архивъ“, 1876, I, 346.

экзерцирмейстера Павелъ не могъ, разумѣется, не воспользоваться въ видахъ бо́льшого сходства своихъ батальоновъ съ Прусскими. Любопытно, что нѣтъ нигдѣ ни малѣйшихъ указаній на то, чтобъ Екатерина противодѣйствовала образованію собственныхъ войскъ у Павла Петровича, между тѣмъ какъ близость ихъ къ Царскому Селу, любимому лѣтнему мѣстопребыванію Екатерины, облегчала возможность какого либо «дѣйства» со стороны устраненнаго отъ дѣлъ Цесаревича. Это, намъ кажется, служитъ лучшимъ доказательствомъ увѣренности Императрицы въ томъ, что ея сынъ не только не захочетъ, но и не посмѣетъ сдѣлать враждебное ей употребленіе изъ своихъ батальоновъ; она смотрѣла на нихъ только, какъ на забаву для Великаго Князя и хорошо знала, что въ арміи и въ народѣ они возбуждали къ себѣ однѣ насмѣшки: до такой степени Гатчинцы Павла напоминали собой Голштинцевъ Петра III!

Иначе смотрѣлъ на эти военныя занятія Павелъ Петровичъ. Увѣренный въ превосходствѣ своихъ военныхъ порядковъ, онъ въ обученіи Гатчинскихъ войскъ видѣлъ средство къ возрожденію Русской арміи, не смотря на славу побѣдъ своихъ въ Екатерининское время стоявшей очень низко въ глазахъ его, а преобразовательную дѣятельность свою въ этомъ отношеніи сравнивалъ... съ дѣятельностью Петра Великаго! О своемъ Прусскомъ капитанѣ Павелъ говорилъ: «этотъ будетъ у меня таковъ, каковъ былъ Лефортъ у Петра I» [7]). Вѣроятно для бо́льшаго сходства съ Петромъ заведена была въ Гатчинскихъ прудахъ и флотилія, находившаяся подъ командою С. И. Плещеева *) и Г. Г. Кушелева. Наконецъ, въ Павловскѣ сооружена «крѣпость» Маріенталь, вооруженная 20 орудіями. Вся эта игра въ солдаты, имѣвшая въ сущности значеніе развлеченія для скучавшаго Великаго Князя, впослѣдствіи, однако сообщила свой характеръ и пріемы всей Русской арміи и долго проявляла свою притягательную силу и живучесть, начертывая ихъ на печальныхъ страницахъ Русскаго военнаго быта.

Показывая такимъ образомъ явное неодобреніе военной системѣ, принятой Екатериной, Павелъ въ тайнѣ противодѣйствовалъ въ описываемое время и ея внѣшней политикѣ. Эти происки, конечно, мало вязались съ «обязанностями» вѣрноподданнаго, но, безъ сомнѣнія, извинялись въ глазахъ Павла затруднительностію его положенія и его «обязанностями» къ отечеству. И, разумѣется, Марія Ѳеодоровна и Нѣмцы, окружавшіе великокняжескую чету, своими симпатіями и образомъ мыслей скорѣе должны были содѣйствовать тайнымъ дружествен-

---

[7]) „Русская Старина, XVI, 7.—*) Есть указаніе, что морякъ Плещеевъ участвовалъ охотникомъ въ Сѣверо-Американской войнѣ. П. Б.

нымъ отношеніямъ Павла съ Пруссаками и ихъ союзниками, чѣмъ благоразумно воздерживать его отъ неосмотрительныхъ шаговъ по этой опасной дорогѣ. Напротивъ, есть даже указаніе относящееся, правда, къ позднѣйшему времени, что самъ Павелъ Петровичъ, впослѣдствіи, подъ вліяніемъ горькаго опыта, охладѣвшій къ Пруссіи, недоволенъ былъ Нѣмецкими сочувствіями своей супруги и ея приближенныхъ [8]), въ особенности г-жи Бенкендорфъ, хотя провѣрить справедливость этой жалобы и уяснить себѣ, насколько сочувствіе Маріи Ѳеодоровны и ея подруги отзывалось на ихъ дѣйствіяхъ, можно, безъ сомнѣнія, не иначе, какъ по необнародованнымъ еще документамъ Берлинскихъ архивовъ [9]). Тайными посредниками по сношенію Павла Петровича съ Берлиномъ были попрежнему Гёрцъ, Прусскій посланникъ въ Петербургѣ, и Русскій агентъ въ Берлинѣ Алопеусъ, Финнъ по происхожденію, другъ Гёрца и креатура Панина. На этотъ разъ отъ Павла Петровича Фридрихъ II ожидалъ серьезныхъ услугъ при обстоятельствахъ, грозившихъ лишить Пруссію значенія, которымъ она пользовалась въ Германіи. Іосифъ II, заручившись содѣйствіемъ Екатерины, задумалъ достигнуть завѣтной своей цѣли—присоединенія Баваріи къ Австрійскимъ владѣніямъ посредствомъ обмѣна ея на принадлежавшіе ему Нидерланды. Курфирстъ Баварскій Карлъ-Теодоръ былъ согласенъ съ планомъ Іосифа, но нужно было и согласіе его наслѣдника, герцога Карла Цвейбрюкенскаго. Усиленіе Австріи Баваріей, въ связи съ другими планами Іосифа, лишало Пруссію ея значенія въ Германіи, и Фридрихъ II старался, съ одной стороны, побудить Карла Цвейбрюкенскаго къ отказу въ своемъ согласіи на предположенный обмѣнъ Баваріи, а съ другой—образовать союзъ Германскихъ князей, направленный противъ Австріи и ея союзницы, Россіи. Этимъ стараніямъ Прусскаго короля Павелъ Петровичъ выразилъ полное свое сочувствіе и даже, насколько могъ, дѣйствовалъ въ пользу ихъ осуществленія. Сообщивъ Павлу Петровичу свой проектъ союза князей [10]), Фридрихъ имѣлъ утѣшеніе получить отъ него черезъ Гёрца отзывъ, что онъ больше всего на свѣтѣ

---

[8]) Письмо Растопчина въ Арх. Кн. Воронцова. Вообще важно было бы уяснить вопросъ, какъ о происхожденіи г-жи Бенкендорфъ, женщины умной и твердой, такъ и о характерѣ ея личности; ибо высокія нравственныя качества Бенкендорфъ, безъ сомнѣнія, не только не ослабляли ея чувствъ къ фатерлянду, но, напротивъ, должны были укрѣплять ихъ, между тѣмъ ея образъ мыслей, при ея вліяніи на царственную подругу, оказывалъ дѣйствіе и на Павла. Строго говоря, г-жа Бенкендорфъ была для Маріи Ѳеодоровны постояннымъ, милымъ и дорогимъ напоминаніемъ о родинѣ, и въ этомъ смыслѣ ея пріѣздъ въ Россію имѣлъ очень важное значеніе.

[9]) У Штарка (Stark, 51—53) напечатаны лишь нѣкоторыя письма Маріи Ѳеодоровны къ Фридриху II, ничтожныя по содержанію.

[10]) Госуд. Арх., XV, 248.

желаетъ соединенія князей, которое кажется ему весьма важнымъ для интересовъ Прусскаго короля. Вмѣстѣ съ тѣмъ Павелъ склонялъ Саксонію принять планъ Фридриха [11]) Есть указанія, хотя неясныя, что Павелъ сносился и съ герцогомъ Цвейбрюкенскимъ [12]); мало того, онъ убѣждалъ, правда безуспѣшно, посланника въ Германіи, графа Н. П. Румянцова, измѣнить своему долгу и дѣйствовать въ пользу Пруссіи, обѣщая ему за то со временемъ мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ [13]). Въ концѣ концовъ Цесаревичъ не усумнился даже играть роль развѣдчика при дворѣ своей матери, сообщая королю интересныя для него политическія свѣдѣнія. Во всѣхъ этихъ поступкахъ Павла Петровича, столь рѣзко противорѣчившихъ его рыцарскому характеру, легко видѣть развращающее вліяніе неразборчиваго на средства короля-философа, который, сдѣлавъ своимъ орудіемъ будущаго наслѣдника Русскаго престола, не гнушался въ это же самое время и съ тою же цѣлью темными путями развращать, возбуждая его противъ матери, и другаго сына Екатерины, А. Г. Бобринскаго, который тогда находился въ Парижѣ и велъ предосудительный образъ жизни. «Не сомнѣвайтесь», писала по этому поводу Гримму Екатерина 21 Апрѣля 1786 года, «что это продѣлки Ирода: доказательства этого у меня подъ рукой... Нужно, чтобъ вы знали, что проклятая шайка Гёрца создала въ головѣ Бобринскаго несуществующій призракъ, который онъ считалъ своимъ врагомъ, хотя этотъ мнимый врагъ (т. е. вѣроятно Екатерина) никогда ничьимъ врагомъ не былъ» [14]).

Но, конечно объ этихъ дѣйствіяхъ Фридриха Павлу не было извѣстно, и старый король до смерти своей (1786 г.) былъ предметомъ особаго почтенія Великаго Князя и его супруги. Въ то самое время какъ Екатерина съ негодованіемъ писала Гримму о каверзахъ Фридриха, Марія Ѳеодоровна нѣжно выражала ему свою глубокую привязанность въ письмѣ, которое, какъ видно изъ его содержанія, нельзя считать обычнымъ, оффиціальнымъ обмѣномъ любезностей [15]). Послѣдовавшая

---

[11]) Трачевскій, Союзъ князей, 282.

[12]) Письмо Павла Н. П. Румянцову 21 Сентября (2 Октября) 1784 г., Госуд. Арх. V, 183. Замѣчательны въ этомъ же письмѣ слова Павла: „Ne relevez de grâce rien de ma conduite et laissez au temps le soin d'éclairer mes actions. Je n'ai et n'aurai pour but que Dieu dans tout ce que je fais et je souffre avec résignation“.

[13]) Трачевскій, 137.

[14]) С. Р. И. О., XXIII, 376.

[15]) Sire, mon très cher oncle. Je ne saurai faire échapper *l'occasion sûre* qui se présente sans rapeller au souvenir de votre majesté une nièce qui lui est tendrement attachée et qui trouve son bonheur à vous porter ces sentiments. Que ne puis-je jouir encore une fois de la satisfaction de vous revoir, mon cher oncle, et de vous rendre témoin de ma félicité commencée sous vos yeux et sous vos auspices. Tous mes voeux tendent à la conservation de votre majesté, puisse-t-elle jouir bien longtemps encore de la santé la plus parfaite. Veuillez songer quelque fois à nous et vous dire, sire, que *nos*

затѣмъ смерть короля-философа, великаго и въ большихъ, и въ малыхъ дѣлахъ, не измѣнила ничего въ отношеніяхъ великокняжеской четы къ Берлину, и Павелъ Петровичъ по прежнему продолжалъ дѣйствовать въ пользу Пруссіи, въ ущербъ намѣреній своей матери [16]. Невозможно, чтобы Императрица не имѣла свѣдѣній объ этихъ поступкахъ сына: о его слѣпомъ сочувствіи къ Пруссіи знали даже всѣ иностранные дворы.

Искренность чувствъ Маріи Θеодоровны къ Пруссіи болѣе всего измѣряется тѣмъ обстоятельствомъ, что семейныя дѣла Монбельярской семьи требовали тогда особой деликатности по отношенію къ Австріи, ибо до совершенія брака принцессы Елисаветы съ Францемъ Тосканскимъ, положеніе принцессы, жившей въ Вѣнѣ на правахъ невѣсты, не могло считаться совершенно прочнымъ: будучи плодомъ политическихъ соображеній Іосифа и Екатерины, предположенный бракъ въ силу тѣхъ же соображеній могъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ сдѣлаться и нежелательнымъ. Неудивительно поэтому, что Монбельярская семья зорко слѣдила за колебаніями политическаго барометра и била тревогу иногда по поводу и ложныхъ слуховъ, распускавшихся о намѣреніяхъ императора злонамѣренными людьми (быть можетъ, Прусскаго происхожденія). Какъ всегда, и въ этихъ случаяхъ Маріи Θеодоровнѣ приходилось быть посредницею между родителями и Екатериной, къ которой они, чрезъ посредство дочери, обращались съ своими жалобами и просьбами о совѣтѣ и помощи. Образчикомъ этой посреднической дѣятельности Маріи Θеодоровны служитъ переписка ея съ Екатериной и съ принцемъ Фридрихомъ-Евгеніемъ, отцомъ ея, въ 1784 году. На сколько иногда основательны были опасенія родныхъ Маріи Θеодоровны, видно изъ письма ея отъ 30 Мая этого года: «Послѣ того, что̀ сказала Ея Величество, писала она, мнѣ ничего не остается прибавить, развѣ только то, что, по совѣсти сказать, я думаю, дорогой отецъ, судьба сестры моей окончательно рѣшена, и ничто въ мірѣ не можетъ помѣшать этому. Императрица устроила этотъ бракъ, она устранила всѣ препятствія: какъ же послѣ этого возможно, чтобы составляли планъ по дѣлу сестры моей, не испросивъ ея одобренія послѣ того какъ она доказала всей Европѣ, что удостоиваетъ Лизу своего покровительства? Успокойтесь же ради Бога, дорогой отецъ, отъ опасеній, которыя

---

sentimens pour vous sont à l'abri de tout évenement et que je vous chérirai et honorerai aussi longtems qu'un souffle de vie animera celle, qui a l'honneur de se nommer, sire, mon très cher oncle, de votre majesté, etc. St. Pétersbourg, ce 8 (19) April 1786. Starc, 53.—Къ сожалѣнію только одно это письмо и напечатано изъ всего собранія писемъ Маріи Θеодоровны къ Фридриху за время 1780—1786 гг., находящихся въ Берлинскихъ архивахъ.

[16]) *Трачевскій* 407—408.

такъ прекрасно рисуютъ ваше отцовское сердце; я осмѣлюсь повторить и говорю это передъ Богомъ, что думаю, что Лиза счастлива и что счастіе ея будетъ постоянно, такъ какъ, кромѣ покровительства Императрицы, она, по словамъ всѣхъ, съумѣла заслужить уваженіе императора мягкостію своего характера и замѣчательнымъ прилежаніемъ. Такъ какъ вы дозволили мнѣ, дорогой отецъ, совершеннѣйшую откровенность, то я признаюсь вамъ, что думаю, что были личности злонамѣренныя, а можетъ быть и по невѣдѣнію поселившія безпокойство въ вашемъ сердцѣ; а сердце отца, особенно столь нѣжнаго, милостиваго и добраго, какъ вы, очень легко тронуть, когда дѣло идетъ о столь любимой дочери. Но, обожаемый и дорогой батюшка, во всемъ этомъ дѣлѣ моей сестры положитесь совершенно на Императрицу, и въ такомъ случаѣ я убѣждена въ счастіи моей сестры»[17]. Тревожный тонъ этого письма великой княгини объясняется тѣмъ, что принцъ Фридрихъ-Евгеній, не дожидаясь отвѣта отъ дочери, на основаніи однихъ слуховъ, уже писалъ Іосифу, выражая ему свое недовѣріе, и вызвалъ этимъ неудовольствіе и самаго Іосифа, и Екатерины. Между тѣмъ родителямъ Маріи Ѳеодоровны слѣдовало въ особенности осторожно относиться къ Іосифу, такъ какъ онъ имѣлъ и другія причины быть недовольну Монбельярскимъ семействомъ: когда принцесса Софія-Доротея, мать Маріи Ѳеодоровны, хотѣла пріѣхать въ Вѣну, то Іосифъ приказалъ Кауницу отклонить это посѣщеніе, потому что, по его предположенію, гостья непремѣнно станетъ выпрашивать денегъ[18].

Въ концѣ 1785 г. Марію Ѳеодоровну постигъ сердечный ударъ—кончина второй сестры ея Фредирики († 13 Ноября), бывшей замужемъ за герцогомъ Ольденбургскимъ. Любовь свою къ сестрѣ Марія Ѳеодоровна перенесла на малолѣтнихъ дѣтей ея—принцевъ: Августа (р. 1783 г.) и Георга (р. 1784 г.). Связанные двойными узами родства съ Русскимъ императорскимъ домомъ, принцы эти, пришедши въ возрастъ, вступили затѣмъ въ Русскую службу; а младшему изъ нихъ, принцу Георгу, благодаря вниманію къ нему Маріи Ѳеодоровны, удалось въ Россіи же окончательно устроиться.

Забота о сестрахъ, связанная по преимуществу съ ходомъ политическихъ дѣлъ, не доставляла, однако, Маріи Ѳеодоровнѣ тѣхъ огорченій, какія приходилось ей выносить, по чисто-семейнымъ обстоятельствамъ, отъ братьевъ своихъ: Фридриха и Людвига, славившихся грубостію и жестокостію характера. Оба они крайне дурно обращались съ своими женами, и если это поведеніе принца Фридриха можно

[17]) С. Р. И. О., XV. 12—13.
[18]) *Beer*: Joseph II, Leopold II und Kaunitz, 117.—Трачевскій, 261.

было бы отчасти объяснить тѣмъ принужденіемъ, съ которымъ онъ вступалъ въ бракъ съ Зельмирой [19]), и даже пожалуй его необузданною ревностію [20]): то грубые поступки съ женой принца Людвига, такъ еще недавно женившагося будто бы по страсти, не могутъ не вызывать удивленія. Не прошло и года съ того времени, какъ, благодаря просьбамъ Маріи Ѳеодоровны, принцъ Людвигъ прощенъ былъ своими родителями, признавшими бракъ его съ княжной Чарторыжской, и уже разнеслись слухи, что молодые супруги не живутъ между собою въ согласіи. Въ концѣ 1785 года Екатерина сообщила отцу Зельмиры, герцогу Брауншвейгскому, о поведеніи его зятя, принца Фридриха, въ Петербургѣ, и въ отвѣтъ на это герцогъ Брауншвейгскій прислалъ Императрицѣ подобныя же свѣдѣнія о Людвигѣ. «Мнѣ было чрезвычайно пріятно, писала Екатерина Гримму 3 Ноября 1785 г., узнать изъ письма министра Зельмирина родителя, что страсть къ палочной расправѣ прирожденна въ семействѣ супруга; этимъ подтверждается моя собственная догадка. Дѣло въ томъ, что всѣ они дурно воспитаны; этимъ пристрастіемъ къ палкѣ они желаютъ заявить свои военныя способности, я и считаю ихъ всѣхъ записными капралами. Если братецъ Людвигъ не уймется колотить свою жену, то его Полька, думаю, долго съ нимъ не поживетъ. Польки не отличаются терпѣніемъ, и онъ очутится безъ денегъ и безъ жены, совсѣмъ какъ его Датскій братецъ (четвертый братъ Маріи Ѳеодоровны, Вильгельмъ, находившійся въ Датской службѣ) очутился безъ прислуги послѣ палочной расправы во Франкфуртѣ» [21]). Быть можетъ, эти слухи были тогда преувеличены, хотя Екатерина, раздраженная поступками Фридриха, охотно вѣрила имъ; но уже въ началѣ 1787 года она извѣщала Зельмиру, что «шуринъ ея, у котораго жена Полька, дошелъ также до того, что мать этой жены поѣхала туда выручать дочь свою изъ ада. Ей приходится снимать сапоги у супруга и мыть ему бѣлье, иначе онъ ее колотитъ» [22]).

Вѣсти о Людвигѣ доходили до Маріи Ѳеодоровны издалека, тогда какъ Фридрихъ жилъ съ нею въ одномъ городѣ и, будучи братомъ Ве-

---

[19]) См. V главу нашего труда: „Русскій Архивъ" 1889 года

[20]) Впрочемъ, даже г-жа Оберкирхъ, столь привязанная къ Монбельярскому семейству, не рѣшается оправдывать принца Фридриха. „Принцесса Августа (Зельмира), пишетъ она, позволяла себѣ нѣкоторое кокетство и непослѣдовательность, извинительныя въ ея возрастѣ. Принцъ, пользуясь правомъ и обязанностію мужа охранять честь своей жены, давалъ ей по этому поводу совѣты и дѣлалъ предостереженія. Она принимала ихъ дурно, дѣлала ему упреки и тѣмъ оттолкнула его отъ себя. Принца трудно было вывести изъ терпѣнія; но разъ онъ приходилъ въ гнѣвъ, онъ былъ неукротимъ (c'est avec une grande violence)" *Oberkirch*, Mémoires (изд. 1869 г.) II, 171.

[21]) С. Р. И. О., XXIII, 369.

[22]) „Русскій Архивъ", 1888, I, 6.

ликой Княгини, возбуждалъ къ себѣ общее вниманіе. Какъ ни расположена была Марія Ѳеодоровна снисходительно отнестись къ брату, но чувство справедливости и состраданіе къ несчастной жертвѣ жестокаго человѣка вынудили ее попытаться облегчить участь невѣстки, не обвиняя, впрочемъ, и брата. Для водворенія домашняго мира между супругами, Марія Ѳеодоровна, при содѣйствіи Павла Петровича, удалила состоявшую при Зельмирѣ гофмейстериной жену Прусскаго посланника Гёрца, которая распускала сплетни о своей принцессѣ; этимъ сплетнямъ причастенъ былъ и самъ Гёрцъ, доносившій невыгодно о Зельмирѣ самой Екатеринѣ еще до пріѣзда принцессы въ Россію, хотя трудно понять пользу, какую думалъ извлечь для себя или для Пруссіи этотъ вѣрный слуга Фридриха II [23]). Но ни удаленіе четы Гёрцъ изъ Петербурга, ни отъѣздъ принца Фридриха въ Выборгъ (куда онъ былъ на время отправленъ Екатериной къ мѣсту своего служенія съ цѣлью разлучить его съ Зельмирой) не помогли водворенію мира между супругами. Зельмира должна была потомъ сама ѣхать въ Выборгъ для привитія оспы дѣтямъ, и здѣсь, какъ оказалось потомъ, по свидѣтельству Екатерины, «къ великому соблазну цѣлаго края, сцены часто бывали за столомъ въ присутствіи мѣстныхъ чиновниковъ, такъ что отъ приглашеній на ихъ обѣды бѣгали какъ отъ чумы» [24]). Съ возвращеніемъ супруговъ въ Петербургъ продолжалось тоже самое. Безъ сомнѣнія Екатерина многое извиняла Фридриху ради сестры его, и сама Марія Ѳеодоровна дѣлала, какъ видно, все возможное, чтобы успокоивать расходившагося брата, хотя, естественно, не могла пріобрѣсти довѣрія своей невѣстки: Зельмира хорошо знала любовь Маріи Ѳеодоровны къ ея роднымъ и всѣ свои надежды возлагала исключительно на Императрицу. Печально было и то обстоятельство, что дѣти враждующихъ супруговъ: Вильгельмъ (р. 1781 г.), Екатерина (р. 1783 г.) и Павелъ (р. 1785 г.) [25]) были заброшены отцомъ и матерью, и Императрица писала о нихъ Гримму: «Здѣсь они не слыли милыми, и наши господа, Александръ и Константинъ, находили ихъ общество до такой

---

[23]) „Право, писала Екатерина Гримму 1 Ноября 1785 года, этотъ человѣкъ олицетворенная желчь; онъ служитъ своему господину не съ усердіемъ, а съ бѣшеннымъ остервенѣніемъ. Онъ задается тѣмъ, чтобы быть злымъ. Развѣ не онъ наговорилъ мнѣ ужасовъ о бѣдной Зельмирѣ? Надобно думать, что жена его зла не менѣе его, ибо она всевозможными средствами старалась повредить ей въ глазахъ ея свекрови, и уже мой сынъ и моя невѣстка обличали эту гадкую женщину и добились, что ее уволили отъ Зельмиры". С. Р. И. О., XXIII, 367.

[24]) С. Р. И. О., XXIII.

[25]) Вильгельмъ былъ впослѣдствіи супругомъ Екатерины Павловны, Екатерина—замужемъ за братомъ Наполеона, королемъ Вестфальскимъ Жеромомъ, а Павелъ былъ отцомъ великой княгини Елены Павловны.

степени скучнымъ, что бѣгали отъ нихъ, какъ отъ огня»[26]. Есть указаніе, что Екатерина думала вслѣдствіе этого заняться ихъ воспитаніемъ, но встрѣтила упорное сопротивленіе со стороны Фридриха[27].

Были и другія причины неудовольствія Екатерины противъ Фридриха. Говорили, что онъ не платитъ долговъ[28] и заводитъ какія-то подозрительныя сношенія со Шведами[29]; не могло также нравиться Императрицѣ и его капральство, имѣвшее свою долю вліянія на Павла Петровича. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что достаточно было одной просьбы Зельмиры о защитѣ, чтобы Екатерина приняла по отношенію къ принцу Фридриху рѣшительныя мѣры.

Еще въ Мартѣ 1786 г. Императрица предположила совершить путешествіе въ Крымъ и Новороссію, но оно по обстоятельствамъ отложено было до зимы 1787 г. Принцъ Фридрихъ долженъ былъ остаться съ женою во время этого путешествія въ Петербургѣ. Немудрено, что перспектива остаться на долгое время съ своимъ медвѣдемъ безъ защиты показалась Зельмирѣ ужасной, и поэтому, вѣроятно послѣ новой сцены съ мужемъ, она, 17 Декабря 1786 г., послѣ спектакля въ Эрмитажѣ, бросилась Императрицѣ въ ноги и умоляла ее о защитѣ отъ мужа[30]. Императрица оставила ее у себя, давъ ей помѣщеніе въ Эрмитажѣ, а принцу письменно приказала немедленно выѣхать за-границу, давъ ему годовой отпускъ и отказавъ ему въ прощальной аудіенціи[31] «Вотъ уже десять дней, писала она Гримму, 26 Декабря 1786 г., какъ Зельмира убѣжала ко мнѣ... Я воспользовалась удобнымъ случаемъ и сказала этому дьяволу, чтобъ онъ убирался отсюда Онъ написалъ мнѣ бѣшеное письмо, но все-таки ему пришлось

---

[26]) С. Р. И. О., XXIII, письмо 27 Ноября 1787 г.

[27]) *Masson*, Mémoires, I, 183.

[28]) Тамъ же; письмо 5 Апрѣля 1787 г.

[29]) „Русская Старина", XV, 10. Записки Гарновскаго.—Трудно согласиться съ г. Брикнеромъ, который совершенно отвергаетъ справедливость этого извѣстія по его бездоказательности (Истор. Вѣстн., 1890, VIII, въ статьѣ „Зельмира"), вопреки мнѣнію г. Кобеко, допускающаго въ слухѣ о сношеніяхъ принца Фридриха со Шведами извѣстную долю правды. Мы замѣтимъ съ своей стороны, что отсутствіе подтвержденій не можетъ еще служить поводомъ къ рѣшительному отрицанію поступка, который въ сущности былъ въ характерѣ Фридриха.

[30]) Г-жа Оберкирхъ (Mémoires, II, 171) разсказываетъ при этомъ, что будто бы вся эта сцена произошла въ присутствіи всего двора, а также Павла Петровича и Маріи Θеодоровны. На самомъ дѣлѣ въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ о присутствіи принцессы Августы, Павла Петровича и Маріи Θеодоровны на спектаклѣ не упоминается. Гарновскій, („Рус. Стар"., XV, 19), прямо говоритъ, что дѣло происходило послѣ спектакля въ комнатахъ Императрицы. Храповицкій свидѣтельствуетъ, что въ началѣ Декабря происходила тайная переписка Зельмиры съ Екатериной.

[31]) С. Р. И. О., XV, 26—27. Здѣсь находится вся переписка по этому предмету.

собраться въ дорогу... Общество единодушно высказывается противъ этого негодяя; даже самые близкіе къ нему люди (Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна) не оправдываютъ его. Они жалѣютъ только, зачѣмъ Зельмира не предупредила ихъ; но, говоря по совѣсти, она не могла этого сдѣлать. Думаю, что они и на меня тоже дуются, но какъ себѣ хотятъ: посердятся и перестанутъ».

Эти слова Екатерины довольно вѣрно рисуютъ отношеніе Маріи Ѳеодоровны и Павла Петровича къ совершившемуся дѣлу; да и не могло быть иначе: Императрица въ первый разъ сурово отнеслась къ брату своей невѣстки, и Марія Ѳеодоровна, лучше чѣмъ кто-либо знавшая характеръ брата, не могла не сознавать, что наказаніе было вполнѣ имъ заслужено. Г-жа Оберкирхъ, судившая объ этомъ дѣлѣ по письмамъ своей царственной подруги, прямо говоритъ, что Великій Князь и Марія Ѳеодоровна оскорблены были лишь скрытностью Зельмиры, не давшей имъ возможности предотвратить этотъ неслыханный скандалъ [32]). Кромѣ того они могли подозрѣвать, что, порвавъ свою связь съ Монбельярскимъ семействомъ и видя въ Екатеринѣ свою единственную покровительницу, Зельмира передастъ ей всѣ секреты Гатчины, Павловска и Монбельяра. Дѣйствительно, ходили слухи, что принцесса Августа много поразсказала всего слышаннаго на вечерахъ у Великаго Князя, хотя тамъ «большую всегда осторожность въ рѣчахъ употребляли», и Павелъ Петровичъ этого чрезвычайно остерегался [33]). Съ другой стороны, Екатерина не даромъ указывала на тотъ позоръ и огорченія, которыя Фридрихъ въ теченіе четырехъ лѣтъ наносилъ своей сестрѣ, и на то вліяніе, которое онъ имѣлъ на нее, при чемъ, быть можетъ она боялась его болѣе вблизи, чѣмъ въ отдаленіи [34]).

Въ сущности, удаленіе Фридриха изъ Россіи могло только выгодно отозваться на жизни великокняжеской четы. Павелъ не могъ не понимать этого и поэтому сухо отнесся къ своему шурину немедленно по полученіи отъ Екатерины письма съ извѣщеніемъ о происшедшей сценѣ съ Зельмирою. Письмо это, вмѣстѣ съ грознымъ письмомъ Екатерины къ Фридриху, доставлено было на половину ихъ высочествъ въ Зимнемъ дворцѣ въ тотъ же вечеръ, 17 числа, предъ самымъ ужиномъ, за которымъ находился и принцъ Фридрихъ; ужинъ не начинался, вѣроятно, лишь въ виду непонятнаго отсутствія Зельмиры. Раз-

---

[32]) Oberkirch, II; 171

[33]) „Русскій Архивъ“, 1874, 13 27. Записки кн. Голицына. Князю Ѳ. Н. Голицыну не было извѣстно, конечно, что принцесса Августа могла сообщить Екатеринѣ не слова только, но и факты, которые были до того времени тщательно скрываемы отъ Императрицы.

[34]) С. Р. И. О., XXIII. Письмо 1 Апрѣля 1787 года.

сказываютъ, что, прочтя адресованное ему письмо Екатерины, Фридрихъ усиленно просилъ Павла Петровича ознакомить его съ содержаніемъ письма Екатерины къ великокняжеской четѣ, и былъ поддержанъ въ этой просьбѣ и Маріей Ѳеодоровной [35]); но Павелъ Петровичъ сказалъ ему: «Я подданный Россійскій и сынъ Императрицы Россійской; что̀ между мною и ею происходитъ, того знать не подобаетъ ни женѣ моей, ни родственникамъ, ни кому другому» [36]). Вслѣдъ затѣмъ онъ пересталъ даже принимать принца. Не видно даже, чтобы Павелъ въ это время ходатайствовалъ о смягченіи участи своего шурина. Марія Ѳеодоровна, вѣрная своей роли предстательницы за своихъ родныхъ, попыталась, однако, защищать брата. «Мое смущеніе, писала она Императрицѣ, слишкомъ велико, чтобы я могла выразить все, что̀ чувствую; братъ мой служилъ Вашему Величеству съ рвеніемъ и преданностію, слѣдовательно не могъ, да и не долженъ былъ, ожидать этой строгой мѣры, которая всенародно покрываетъ его позоромъ, приводитъ меня въ отчаяніе и будетъ смертельнымъ ударомъ для тѣхъ, кто далъ мнѣ жизнь». На это письмо Маріи Ѳеодоровны Екатерина отвѣчала двумя строчками: «Я не покрываю позоромъ принца Виртембергскаго, но напротивъ, стараюсь предать забвенію низости; моя обязанность подавлять тому подобныя вещи» [37]). Изъ многихъ отзывовъ Екатерины замѣтно, что она считала даже слишкомъ мягкою свою мѣру по отношенію къ принцу; такъ, уже по отъѣздѣ принца, она сказала 29 Декабря Храповицкому: «онъ заслужилъ бы кнутъ, ежели бы не закрыли мерзкихъ дѣлъ его» [38]). Одна эта фраза Екатерины въ бесѣдѣ съ довѣреннымъ ея секретаремъ, очевидно хорошо знавшимъ эти «мерзкія дѣла» и ихъ «закрытіе», должна заставить отнестись со вниманіемъ къ слухамъ о государственныхъ преступленіяхъ принца и объясняетъ отсутствіе оффиціальныхъ данныхъ объ этихъ преступленіяхъ: ибо объявлять о нихъ во всеобщее свѣдѣніе значило подрывать народное довѣріе и къ самой Маріи Ѳеодоровнѣ, и къ другимъ родственникамъ императорской фамиліи.

Чтобы дать время замолкнуть толкамъ объ этой исторіи и уединить Зельмиру отъ непріятныхъ встрѣчъ съ великокняжеской четой въ Петербургѣ, Екатерина, на время своего путешествія въ Новороссію, отправила Зельмиру въ замокъ Лоде близъ Ревеля. Вмѣстѣ съ тѣмъ она вела переговоры съ отцемъ ея герцогомъ Брауншвейгскимъ о разводѣ Зельмиры съ мужемъ. Принцъ Фридрихъ успѣлъ, однако, очер-

---

[35]) Письма эти въ С. Р. И. О., XV, 22—27.

[36]) Р. Ст., XV, 19. Записки Гарновскаго.

[37]) С. Р. И. О., XV, 27—28.

[38]) Дневникъ Храповицкаго, изд. Барсукова, 21.

нить свою несчастную жену даже въ глазахъ ея отца, и Зельмира оставалась въ Лоде до самой своей смерти, 16 Сентября 1788 года. Въ теченіе всего этого времени Екатерина по прежнему проявляла къ ней дружественные знаки вниманія и попеченія [39]); тѣмъ болѣе она была поражена внезапной вѣстью о ея кончинѣ. Обстоятельства этой кончины были до такой степени загадочны, что она послужила предметомъ самыхъ разнообразныхъ слуховъ и догадокъ; говорили, что Зельмира умерла неестественною смертью, а за-границей виновницей ея гибели называли Екатерину, приписывая ей самыя разнообразныя побужденія. Но документальныя свѣдѣнія по этому вопросу ясно показываютъ благородство и нравственную чистоту дѣйствій Екатерины во всемъ этомъ дѣлѣ. Вина насильственной смерти принцессы, если смерть эта въ дѣйствительности имѣла мѣсто, должна пасть на завѣдывавшаго дворомъ Зельмиры егермейстера Польмана, который, какъ говорила молва, вступивъ въ близкія отношенія съ принцессой, полюбившей его, позаботился скрыть отъ свѣта и Екатерины всѣ слѣды своего проступка [40]).

Печальная судьба брата тѣмъ хуже подѣйствовала на Марію Ѳеодоровну, что она была во время постигшей его катастрофы нездорова и всю вторую половину Декабря 1786 года не выходила изъ комнатъ и допускала къ себѣ одну лишь г-жу Бенкендорфъ [41]), а отношенія ея къ Императрицѣ въ это именно время и безъ того были натянуты. Причиной этого былъ деликатный вопросъ о воспитаніи дѣтей Маріи Ѳеодоровны. За описываемый періодъ времени число ихъ увеличилось рожденіемъ еще двухъ дочерей: Елены (р. 13 Декабря 1784 г.) и Маріи (р. 4 Февраля 1786 г.). Оба раза, какъ и при рожденіи Александры Павловны, Марія Ѳеодоровна сильно страдала отъ родовъ [42]), а появленіе на свѣтъ Маріи Павловны повлекло за собой такое ухудшеніе здоровья Великой Княгини, что она дала обѣтъ, въ случаѣ выздоровленія, сдѣлать пожертвованіе въ пользу бѣдныхъ [43]). Екатерина,

---

[39]) См. „Русскій Архивъ", 1888, I, письма Екатерины къ Польману.

[40]) Тамъ же, замѣчанія П. И. Бартенева. Къ этому же выводу приходитъ и г. Брикнеръ въ статьѣ своей о Зельмирѣ. „Истор. Вѣст." 1890, IX, 572.

[41]) Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ 1786 г. обозначено, что Марія Ѳеодоровна не присутствовала на придворныхъ собраніяхъ съ 13 Декабря по день Новаго года.

[42]) *Oberkirch*, II, 31, 138—139.

[43]) Письмо Маріи Ѳеодоровны Платону 16 Февраля 1786 г.: „Бывши больна, я обѣщалась за выздоровленіе мое, въ знакъ благодарности къ Богу, послать для бѣдныхъ въ Москвѣ, но съ тѣмъ, чтобы они не знали, отъ кого оныя деньги будутъ розданы, и я полагаюсь на ваше преосвященство, что вы исполните въ семъ желаніе мое, довольствуясь дѣлать добро для себя самой". „Русскій Архивъ", 1887, II, 281. Нѣтъ сомнѣнія, что такая сумма была роздана и въ Петербургѣ.

какъ извѣстно, дорожила болѣе внуками, чѣмъ внучками, но и къ послѣднимъ относилась съ любовью; въ особенности полюбила она Елену Павловну. «Прекрасная Елена», писала она Гримму, «достойна этого имени, потому что этотъ ребенокъ въ самомъ дѣлѣ красавица; вотъ почему я назвала ее Еленою... Говорятъ, впрочемъ, что она похожа на меня, и я чувствую къ ней нѣкоторую слабость»[4]). Впрочемъ, занятая болѣе внуками, Екатерина мало обращала вниманія на воспитаніе внучекъ, предоставляя его заботамъ Маріи Θеодоровны и г-жи Ливенъ. Тѣмъ ревнивѣе относилась Императрица ко всякому вмѣшательству Павла Петровича и Маріи Θеодоровны въ свои отношенія къ внукамъ и дѣйствительно успѣла добиться того, что великокняжеская чета не смѣла и думать о какомъ бы то ни было проявленіи своихъ естественныхъ родительскихъ правъ на сыновей *. Императрица распоряжалась ихъ воспитаніемъ, не спрашивая даже изъ приличія Павла Петровича и Марію Θеодоровну о ихъ желаніяхъ. Приготовляясь въ концѣ 1786 г. къ путешествію въ Новороссію, Екатерина задумала взять съ собой обоихъ молодыхъ Великихъ Князей и, не сообщивъ о томъ ихъ родителямъ, приказала сдѣлать воспитателю великихъ князей Н. И. Салтыкову нужныя для этой цѣли распоряженія; лишь этимъ косвеннымъ путемъ Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна узнали о предположенной поѣздкѣ сыновей своихъ. Такой поступокъ Императрицы, доказывавшій ея полное пренебреженіе къ чувствамъ родителей, не могъ не оскорбить глубоко и Цесаревича, и его супругу [5]). Сильно поражена была Императрица, когда оскорбленные родители въ длинномъ письмѣ почтительно, но твердо заявили ей свою просьбу оставить молодыхъ Великихъ Князей въ Петербургѣ, ссылаясь на свою скорбь при разлукѣ съ ними, на ихъ еще не окрѣпшее здоровье, не соотвѣтствовавшее трудности предполагаемаго путешествія, и на долгій

---

[4]) Письмо Гримму 20 Февраля и 5 Марта 1786 г.

*) Обыкновенно забываютъ, что Екатерина, по уму своему и по державной добросовѣстности, должна была считать внуковъ принадлежностью Россіи, продолжателями основанной ею династіи, и въ заботахъ о воспитаніи ихъ видѣла прямой долгъ свой передъ Россіей. Къ несчастію, ей въ этомъ безпрестанно перечили, а наступившія войны и усложнившіяся политическія обстоятельства, къ тому же и старость, воспрепятствовали ей вести воспитаніе старшихъ внуковъ въ начатомъ направленіи. Она хотѣла взять ихъ съ собою въ Таврическое путешествіе, чѣмъ конечно устранилось бы ихъ своей землѣ несвоеземство. Взять съ собою Павла Петровича и Марію Θеодоровну было уже невозможно по обширности нужныхъ для того приготовленій. Кстати привести сохранившійся въ преданіяхъ отвѣтъ Екатерины М. С. Перекусихиной, когда та убѣждала ее перемѣнить парчевую съ золотомъ шубу: „Матушка, вы всѣ пальчики объ нее перекололи".—„Развѣ не понимаешь, что я ѣду какъ икона". П Б.

[5]) „Jusque là les parents n'eurent que de la reconnaissance à lui témoigner". Oberkirch, II, 170.

перерывъ въ ихъ занятіяхъ, неизбѣжный въ виду продолжительности поѣздки. «Вотъ, ваше величество», заключили свое письмо Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна, «вѣрное и искреннее изображеніе состоянія сердецъ нашихъ, и ваше величество слишкомъ справедливы, слишкомъ добры, имѣете сердце слишкомъ нѣжное, чтобы не принять во вниманіе просьбы отца и матери, которые, послѣ уваженія и привязанности, питаемой къ вамъ, не знаютъ сильнѣйшихъ чувствъ любви, привязывающей насъ къ нашимъ дѣтямъ». Въ отвѣтъ на это письмо Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, называя ихъ опасенія «плодомъ раздраженнаго воображенія», Екатерина писала: «Дѣти ваши принадлежатъ вамъ, но въ тоже время они принадлежатъ и мнѣ, принадлежатъ и государству. Съ самаго ранняго дѣтства ихъ, я поставила себѣ въ обязанность и удовольствіе окружать ихъ нѣжнѣшими заботами. Вы говорили мнѣ часто, и устно, и письменно, что мои заботы о нихъ вы считаете настоящимъ счастьемъ для своихъ дѣтей и что не могло случиться для нихъ ничего болѣе счастливаго. Я нѣжно люблю ихъ. Вотъ какъ я разсуждала: вдали отъ васъ для меня будетъ утѣшеніемъ имѣть ихъ при себѣ. Изъ пяти трое (т. е. всѣ дочери) остаются съ вами; неужели одна я, на старости лѣтъ, въ продолженіи шести мѣсяцевъ, буду лишена удовольствія имѣть возлѣ себя кого-нибудь изъ своего семейства?» Это сожалѣніе Екатерины о разлукѣ съ ними подало Павлу Петровичу и Маріи Ѳеодоровнѣ поводъ обратиться къ Императрицѣ съ новой просьбой. «Если мысль о разлукѣ и наводитъ на насъ грусть», отвѣчали они ей, «то во власти вашего величества смягчить послѣднюю и замѣнить первую мыслями утѣшительными и пріятными. Мы принадлежимъ вамъ, ваше величество, въ ближайшей степени, чѣмъ дѣти наши, и это драгоцѣнное для насъ счастье. Возьмите насъ съ собой, и мы будемъ при васъ и нашихъ сыновьяхъ. Чтó касается дочерей нашихъ, то имъ пока нужны только заботы физическія, присутствіе же отца и матери для нихъ въ настоящее время не необходимо. Мы могли бы обходиться безъ всего, путешествовать налегкѣ, лишь бы не быть намъ вдали отъ васъ и сыновей нашихъ». Но и на эту просьбу послѣдовалъ отказъ со стороны Императрицы. «Чистосердечно должна вамъ сказать», писала она, «что новое ваше предложеніе есть такого рода, что оно причинило бы во всемъ величайшее разстройство, не упоминая и о томъ, что меньшія ваши дѣти оставались бы безъ всякаго призрѣнія; однѣ онѣ брошены»[46]). Тогда

---

[46]) С. Р. И. О., V, 37—41. Письма эти безъ обозначенія числа и года, но время ихъ написанія—до 17 Декабря (дня опалы принца Фридриха Виртембергскаго) ясно видно изъ послѣдующей переписки великокняжеской четы съ княземъ Потемкинымъ.

Марія Θеодоровна рѣшилась обратиться къ князю Потемкину, въ надеждѣ, что этотъ всесильный любимецъ Императрицы съумѣетъ склонить ее къ уступчивости. «Мое материнское сердце», писала она ему 16 Декабря, «не смѣетъ предаваться никакой лестной надеждѣ, и вы, князь, единственный человѣкъ, который можетъ помочь намъ. Поддержите у Императрицы наши доводы и нашу просьбу. Я захотѣла все это изложить вамъ, дабы, зная происшедшее, вы могли обсудить, что̀ вамъ можно сдѣлать въ этомъ случаѣ. Мы нѣсколько разъ поручали г. Салтыкову передать Ея Величеству, что, зная доброту ея, мы несомнѣнно на нее полагаемся и пребываемъ въ справедливой надеждѣ, что она удостоитъ вниманія нашу просьбу, оставивъ сыновей нашихъ здѣсь или позволивъ намъ сопровождать ее. Умоляю васъ, князь, поддержите эту самую просьбу нашу предъ Ея Величествомъ. Въ случаѣ успѣха или даже самою заботою вашею объ успѣхѣ этой просьбы, вы пріобрѣтете вѣчное право на признательность нашу. Эти строки, внушенныя материнскимъ чувствомъ, должны служить для васъ ручательствомъ того, какъ много будемъ мы обязаны вамъ, если удастся это дѣло, столь насъ озабочивающее и столь близкое нашему сердцу»[47]. О томъ же писалъ Потемкину и Павелъ, но Потемкинъ былъ въ то время въ Крыму и могъ отвѣчать лишь въ самый день отъѣзда Екатерины изъ Петербурга, 7 Января 1787 года[48]. Отвѣтъ Потемкина былъ не вполнѣ удовлетворительный: Потемкинъ обѣщалъ сдѣлать, по пріѣздѣ Екатерины въ Кіевъ, все, что̀ будетъ въ его возможности, но съ крайнею осторожностію, чтобы не прогнѣвить Екатерину и не навлечь непріятностей на самого Великаго Князя. Еще 1 Января 1787 г. отъѣздъ молодыхъ великихъ князей считался рѣшеннымъ[49]; но вслѣдъ затѣмъ они внезапно заболѣли, и Екатерина должна была 7 Января выѣхать изъ Петербурга одна, оставивъ больныхъ дѣтей на попеченіе отца и матери. Екатерина не могла уже откладывать своего отъѣзда: иначе приходилось измѣнять всѣ сроки въ росписаніи торжественнаго и долгаго пути, за ранѣе согласованные съ пріѣздомъ въ Россію Іосифа II-го[50].

---

[47]) „Русскій Архивъ", 1879, I, 371.

[48]) Рус. Ст., 1873, VIII, 666, 668.

[49]) Рус. Ст., 1873, VI.I, 666, 668. Е. Р. Полянская писала въ этотъ день брату своему С. Р. Воронцову: „On dit que le grand-duc restera en ville jusqu'à Pâques, et après les fêtes ils iront à Gatchina pour y passer tout le temps que l'Impératrice sera absente. Le grande-duchesse a la fièvre; elle n'est pas sortie depuis quinze jours. Je ne sais si elle sortira aujourd'hui. Les petits grands-ducs partent aves la souveraine, et les pétites grandes-duchesses restent avec leur mère (Арх. Кн. Воронцова, кн. XXI).

[50]) „Въ то время, говоритъ по этому поводу П. И. Бартеневъ (Русскій Архивъ, 1887, I, 15—16) сознавали воспитательную пользу этихъ путешествій. Незадолго, но въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, объѣздилъ Россію будущій графъ Бобринскій. Тоже самое имѣ-

Желаніе Маріи Ѳеодоровны и Павла Петровича сопутствовать своимъ дѣтямъ и Екатеринѣ въ ея путешествіи въ Малороссію, быть можетъ хотя отчасти, вызвано было именно ожидаемымъ пріѣздомъ Іосифа въ Россію: всегда запутанныя дѣла Монбельярской семьи и въ это время должны были, безъ сомнѣнія, побуждать Марію Ѳеодоровну искать свиданія съ главою Германской имперіи, чтобы (какъ то было прежде въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ) личными переговорами способствовать осуществленію желаній своихъ Германскихъ родственниковъ. Еще въ бытность свою въ Петербургѣ Іосифъ успокоивалъ Марію Ѳеодоровну по поводу предполагавшагося брака владѣтельнаго герцога Карла Виртембергскаго съ его метрессой, графинею Гогенгеймъ. Какъ мы имѣли случай замѣтить, этимъ бракомъ, если бы онъ признанъ былъ имперіей, въ корнѣ уничтожались надежды отца Маріи Ѳеодоровны когда либо править Виртембергомъ. Іосифъ объявилъ тогда Маріи Ѳеодоровнѣ, что онъ хорошо сознаётъ, какія тяжелыя послѣдствія можетъ имѣть этотъ бракъ для Монбельярской семьи и потому не будетъ ему сочувствовать. Императоръ сдержалъ свое слово и въ теченіе всего времени противодѣйствовалъ просьбамъ герцога о дарованіи княжескаго титула графинѣ Гогенгеймъ [51]). Тогда герцогъ, въ 1786 г., обвѣнчался съ ней въ присутствіи родителей Маріи Ѳеодоровны и обманулъ ихъ при этомъ: онъ убѣдилъ ихъ, писалъ гр. Н. П. Румянцовъ 16 Іюня, что «вѣнчается, какъ говорятъ по французски, de la main gauche для успокоенія своей совѣсти, а потомъ вдругъ объявилъ, что сіе супружество должно почитать за настоящій законный бракъ и мнимую супругу называть повелѣлъ герцогинею» [52]). Но Іосифъ отказался признать законность этого брака, хотя Австрійскіе интересы, въ виду образовавшагося тогда союза князей, побуждали его къ противоположному образу дѣйствій. Этотъ поступокъ Іосифа долженъ былъ въ глазахъ Маріи Ѳеодоровны имѣть тѣмъ бо̀льшую цѣну, что симпатичный для нея Прусскій дворъ, дѣйствуя всегда исключительно въ собственныхъ своихъ выгодахъ и желая привлечь Виртембергъ на свою сторону, не поколебался дозволить своему посланнику въ Штутгардтѣ величать графиню герцогиней. Для всѣхъ было ясно, что Іосифъ желалъ сохранить право наслѣдства въ Виртембергѣ за младшей линіей Виртембергскаго дома, чѣмъ, безъ сомнѣнія, желалъ онъ угодить Маріи Ѳеодоровнѣ и ея сестрѣ, принцессѣ Елисаветѣ. Даже Румянцовъ, другъ Павла Петровича и Маріи Ѳеодо-

---

ла въ виду Екатерина для своихъ внуковъ... Марія Ѳеодоровна не пустила дѣтей и тѣмъ нанесла сильный ударъ ихъ образованію".

[51]) См. VI главу нашего труда.

[52]) Арх. Кн. Воронцова, XXVII, VII, 137.

ровны, дѣйствовавшій въ Германіи по инструкціямъ Екатерины, находилъ, что Іосифъ вредитъ себѣ, поступая такимъ образомъ, и дѣлалъ Кауницу серьезныя внушенія уступить Карлу въ этихъ пустякахъ (subtilité futile) [53]). Карлъ догадывался, конечно, объ источникѣ враждебныхъ себѣ дѣйствій Іосифа и обратился съ просьбой о содѣйствіи къ матери Маріи Ѳеодоровны; но та отвѣчала, что все зависитъ не отъ нея, будто бы, а отъ императрицы Екатерины [54]). При такихъ отношеніяхъ важно было ускорить бракъ принцессы Елисаветы съ эрцгерцогомъ Францемъ, чтобы закрѣпить за Монбельярской семьей сочувствіе императора и покончить съ неопредѣленнымъ положеніемъ принцессы. Бракъ этотъ состоялся въ Вѣнѣ уже по возвращеніи Іосифа изъ Новороссіи, 6 Января 1788 года. До того времени Монбельярская семья не могла быть спокойна за будущее, а пріѣздъ принца Фридриха изъ Петербурга въ Монбельяръ, куда привезъ онъ своихъ дѣтей на воспитаніе, естественно не могъ послужить къ ея успокоенію. Въ донесеніе графа Румянцова вице-канцлеру графу Остерману отъ 12 Марта 1787 г. изъ Франкфурта описано тогдашнее положеніе Германской семьи Маріи Ѳеодоровны. «Пріѣздъ принца Фридриха Виртембергскаго въ Монпельгардъ, гдѣ онъ пробудетъ еще малое время и отправится потомъ въ Швейцарію, будучи причиною огорченій для родителей его, сталъ виною и болѣзненнаго обоихъ припадка. Принцесса совершенно уже здорова, но принцъ понынѣ хранитъ постелю, одержимъ подагрою и, получивъ отъ владѣтельнаго герцога письмо, въ которомъ онъ ему хитро далъ знать, что Французскій дворъ призналъ графиню Гогенгеймъ герцогинею Виртембергскою, приложилъ онъ стараніе довѣдаться, въ чемъ состояло сіе признаніе.. Получивъ сіе непріятное свѣдѣніе, родитель Ея Императорскаго Высочества повелѣлъ супругѣ своей о томъ меня увѣдомить, яко о происшествіи для нихъ весьма опасномъ. Ваше сіятельство усмотрѣть изволите изъ приложеннаго здѣсь списка моего къ ея свѣтлости отвѣта, какими я доводами ста-

---

[53]) *Трачевскій*, 343—346.

[54]) Тамъ же, 344—346, примѣчаніе. Нельзя не замѣтить, что принцесса Софія-Доротея да и вся Монбельярская семья противодѣйствовали браку Карла съ графиней Гогенгеймъ исключительно изъ политическихъ разсчетовъ; ибо сама графиня по нравственнымъ своимъ качествамъ и по благодѣтельному вліянію, которое она оказывала на жестокаго и часто сумасброднаго Карла, заслужила себѣ общее уваженіе, не исключая даже Монбельярской семьи. По крайней мѣрѣ повѣренная тайнъ принцессы Софіи-Доротеи и Маріи Ѳеодоровны г-жа Оберкирхъ, говоря о бракѣ Карла съ граф. Гогенгеймъ, прибавляетъ при этомъ: „Madame Hohenheim méritait ce bonheur par les excellentes qualités de son âme et la hauteur de son esprit“. Oberkirch, II, 196. Политическимъ опасеніямъ Монбельярской семьи не суждено было осуществиться: отъ брака съ Гогенгеймъ Карлъ также не оставилъ дѣтей.

рался умалить, и изъ объясненія и извиненія предъ вами сказаннаго мною при концѣ моего письма, за долгъ почитаю учинить здѣсь выписку тѣхъ словъ принцессы Виртембергской, которыя меня писать сіе понудили: Il nous semble, que c'est bien favoriser les prétentions du duc et que la cour de France justifie pour ainsi dire les vues du duc d'une manière, qui ne peut que nous être infiniment désavantageuse, surtout si aucune protection puissante ne marque l'intérêt qu'elle prend à nous, nommement Votre Auguste Souveraine; mais dans les circonstances fâcheuses où nous trouvons, l'espoir flatteux qui nous avait ri jusqu'ici vient de souffrir un si crul échec, que toutes nos espérances sont évanouies et que nos coeurs sont dans l'abattement et la tristesse». Окончательно почитаю за долгъ вашему сіятельству сказать, что при всякомъ случаѣ невозможно себя вести благопристойнѣе въ разсужденіи двора нашего и оказывать болѣе благоговѣнія къ Ея Императорскому Величеству, яко творятъ сіе принцъ и принцесса Виртембергскіе, отнюдь нимало ни поддаваясь на хитрость посторонних дворовъ внушеній» [55]). Замѣчательно, что нигдѣ нѣтъ указанія на жалобы за это время Монбельярской семьи и самой Маріи Ѳеодоровны на враждебныя имъ дѣйствія только что умершаго идола ихъ, Фридриха II и его преемника Фридриха Вильгельма II [56]), тогда какъ Франція въ сущности слѣдовала только въ этомъ отношеніи примѣру, подаваемому Пруссіей. Какія чары обольщенія передъ Маріей Ѳеодоровной и ея родственниками употреблены были съ этою цѣлью Берлиномъ, умѣвшимъ всегда стойко преслѣдовать свои государственные интересы, и какими объясненіями съумѣлъ онъ вполнѣ извинить свой образъ дѣйствій, судить невозможно за отсутствіемъ данныхъ. Но, не поступаясь предъ Маріей Ѳеодоровной и Павломъ Петровичемъ выгодами государственными, Берлинскій дворъ въ тоже время старался быть для нихъ полезенъ мелкими, такъ сказать, личными услугами: имѣется ясное указаніе, что въ 1787 и 1788-мъ годахъ Павелъ Петровичъ велъ съ королемъ Прусскимъ Фридрихомъ и бывшимъ Прусскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, графомъ Брюлемъ переписку о займѣ денегъ [57]). Мы не можемъ ска-

---

[55]) Въ бумагахъ Маріи Ѳеодоровны (Мар. Арх., 198, 4) сохранилась современная копія съ этого донесенія. Это наводитъ на предположеніе, не сообщалъ ли ей графъ Румянцовъ копіи съ тѣхъ своихъ донесеній, которыя касались ея родителей.

[56]) Фридрихъ II оставилъ по завѣщанію матери Маріи Ѳеодоровны 20,000 экю, а отцу—перстень. Oberkirch, II, 308.

[57]) Въ реестрѣ бумагъ Павла Петровича (Мар. Арх., бумаги Маріи Ѳеодоровны, св. 103, № 5) упоминаются подъ № 22: „Письма отъ покойнаго короля Фридриха-Вильгельма и графа Карла Брюля 1787 г. о займѣ и отвѣтъ къ послѣднему", и въ реестрѣ № 8 подъ № 29: „Переписка съ королемъ Прусскимъ Фредерикомъ Вильгельмомъ и графомъ Брюлемъ о займѣ 1788 года".

зать съ достовѣрностію, какая была цѣль этихъ займовъ, но постоянныя просьбы Монбельярской семьи о деньгахъ, обращенныя къ Маріи Ѳеодоровнѣ, даютъ поводъ къ предположенію, что, по крайней мѣрѣ въ значительной своей части, суммы, занятыя въ Берлинѣ, употреблены были на удовлетвореніе нуждъ Германской семьи Маріи Ѳеодоровны.

Безъ сомнѣнія, Марія Ѳеодоровна не могла не чувствовать крайней тягости и затруднительности своего положенія среди противорѣчій, въ которыя ставили ее семейныя и политическія дѣла: Екатерина и Австрія съ одной стороны, Пруссія и интересы Монбельярской семьи съ другой—всѣ предъявляли къ великой княгинѣ свои до извѣстной степени основательныя, но мало согласимыя требованія. Менѣе всего могла Марія Ѳеодоровна подумать о себѣ и своихъ дѣтяхъ. Правда, во все время путешествія Екатерины великокняжеская чета, живя сначала въ Петербургѣ, а потомъ въ Царскомъ Селѣ, имѣла возможность видѣть вокругъ себя всѣхъ своихъ дѣтей въ теченіе цѣлыхъ пяти мѣсяцевъ; но даже при этихъ благопріятныхъ условіяхъ Маріи Ѳеодоровнѣ пришлось не столько наслаждаться семейными радостями, сколько дрожать за здоровье и жизнь дѣтей своихъ. «У Александра и у красавицы Елены, писала Екатерина Гримму 1 Апрѣля 1787 г., была въ мое отсутствіе корь и притомъ непосредственно за летучей оспой, и такъ какъ можно опасаться, чтобы къ дѣвочкамъ не пристала настоящая оспа (мальчикамъ она привита), то красавица Елена и ея сестры будутъ безотлагательно подвергнуты привитію». Письма Маріи Ѳеодоровны и Лафермьера, относящіяся къ этому времени [58]), ясно рисуютъ положеніе великокняжеской семьи: больныя дѣти были отдѣлены одно отъ другаго, и Марія Ѳеодоровна не отходила отъ ихъ постели, допуская къ себѣ одну лишь г-жу Бенкендорфъ. Въ особенности возбуждало опасеніе привитіе оспы Маріи Павловнѣ, такъ какъ врачъ Галидей объявилъ, что онъ не можетъ ручаться за успѣшный исходъ болѣзни великой княжны вслѣдствіе ея младенчества [59]). Притомъ и въ отдаленіи Екатерина продолжала распоряжаться судьбою дѣтей, въ особенности мальчиковъ, давая совѣты и приказанія по этому поводу Маріи Ѳео-

---

[58]) Сб. Р. И. Общ. XV, 37—125. Арх. Кн. Воронцова, XXIX, 261—267. Январь и Февраль прошли, впрочемъ спокойно. „Ихъ Высочества“, писалъ Страховъ Воронцову, 12 Февраля 1787 г. изъ Петербурга, изволятъ имѣть свое пребываніе здѣсь. До начатія поста у нихъ были по два раза въ недѣлю балы въ городѣ и на Каменномъ островѣ. Въ послѣднее Воскресенье предъ масляницей совершилась свадьба на Каменномъ острову гвардіи офицера кн. Долгорукова (автора „Капища Сердца“) съ монастыркою и пансіонеркою ихъ высочествъ Смирновою, у которой отецъ, сказываютъ, виннымъ приставомъ въ Торжкѣ“. Арх. Кн. Воронц., XIV, 473.

[59]) О сильной оспѣ Маріи Павловны см. „Письма Маріи Ѳеодоровны къ Вольцогену“. (Мар. Арх.). Марія Павловна такъ и осталась рябая.

доровнѣ, Салтыкову, Ливенъ, Петербургскому генералъ-губернатору Брюсу, и въ свою очередь постоянно получала отъ нихъ подробныя донесенія [60]). Конечно этимъ Екатерина давала только новое доказательство любви своей ко внукамъ и внучкамъ, съ которыми она была даже въ перепискѣ [61]); но въ тоже время мелочныя заботы бабушки о дѣтяхъ вызывали, съ одной стороны, невольное соперничество въ любви къ нимъ со стороны матери, а съ другой, при подчиненномъ положеніи къ Императрицѣ въ святомъ дѣлѣ воспитанія дѣтей, возникали щекотливыя объясненія между свекровью и невѣсткой даже въ тѣхъ случаяхъ когда, казалось, не могло быть и рѣчи о какомъ либо недоразумѣніи. Такъ Императрица не одобрила ни выбора дома, въ которомъ привита была оспа великимъ княжнамъ въ Царскомъ Селѣ, ни оставленія Маріи Павловны на время въ Петербургѣ [62]). Не нравились Екатеринѣ иногда даже такія дѣйствія Маріи Ѳеодоровны, которыми кроткая и терпѣливая невѣстка думала только угодить царственной бабушкѣ; когда, напр.. малолѣтнія дочери Маріи Ѳеодоровны писали Екатеринѣ рукою матери, Императрица отказалась отвѣчать [63]). Не было, конечно, пріятнымъ для Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны и распоряженіе Екатерины о томъ, чтобы молодые великіе князья выѣхали къ ней на встрѣчу въ Москву, хотя, конечно, они безпрекословно подчинились волѣ матери. «Слышу, писалъ Завадовскій по этому поводу, что большіе (Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна) равнодушнѣе сію разлуку пріемлютъ, чѣмъ прежнюю» [64]). Отъѣздъ Александра и Константина Павловичей состоялся 22 Мая [65]).

Заботясь во время своего путешествія о внукахъ и внучкахъ своихъ, Екатерина выражала свое вниманіе и къ ихъ кроткой матери. Зная любовь Маріи Ѳеодоровны къ ея Германскимъ роднымъ, Императрица приказала Гримму объяснить принцессѣ Софіи-Доротеѣ дѣло принца Фридриха [66]), а при свиданіи съ Іосифомъ II исполнила просьбу Маріи Ѳеодоровны «препоручить ея сестру милостямъ императора».

---

[60]) *Кобеко*, 324—326. Донесенія Ливенъ и Брюса въ Госуд. Архивѣ.

[61]) *Бычковъ*, „Письма и бумаги Екатерины“, 36 и слѣд.

[62]) Русскій Архивъ, 1864, 966.

[63]) Сб. Р. И. О., 47. Храповицкій, стр. 40, 29 Іюня приводитъ слова сказанныя по этому поводу Екатериной: Ce sont des commérages великой княгини: заставляетъ ихъ писать то, чего онѣ еще не понимаютъ, и послѣдній разъ пеняли, что не отвѣчаю. О чемъ можно къ такимъ ребятамъ писать?“ (1787 г.)

[64]) Арх. Кн. Воронцова, XII, 43.

[65]) Въ этотъ же день Марія Ѳеодоровна писала С. Р. Воронцову въ Лондонъ, прося его выслать Англійскихъ лошадей для Павла Петровича. Арх. Кн. Воронцова XXVIII, 334.

[66]) С. Р. И. О., XXIII. Съ этою цѣлію былъ у нея и гр. Румянцовъ въ Іюлѣ 1787 г.

«Сестра моя, писала Марія Θеодоровна, твердо убѣждена, что одно слово съ вашей стороны, любезнѣйшая матушка, сдѣлаютъ ее еще дороже императору». Іосифъ отвѣчалъ Императрицѣ, что если бы принцесса Елисавета была его дочерью, то онъ не могъ бы любить ее сильнѣе [67]).

Но, Екатерина не переставала слѣдить и за своимъ сыномъ. Цесаревичъ переписывался съ графомъ И. Г. Чернышевымъ, находившимся въ свитѣ Императрицы, и переписка эта подвергалась перлюстраціи [68]). Подозрительное отношеніе къ Павлу Петровичу должно было усилиться, когда въ Кіевѣ Екатерина узнала, что онъ воспользовался ея отсутствіемъ, чтобы сформировать въ Гатчинѣ три батальона, вооружить въ Павловскѣ крѣпость Маріенталь новыми орудіями и положить начало Гатчинской флотиліи [69]). Наконецъ, самое свиданіе Екатерины съ Іосифомъ едвали могло пройти безслѣдно для Цесаревича: Іосифъ, вѣроятно, воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобы устно сообщить Екатеринѣ ходившіе тогда за границей слухи о сношеніяхъ Павла Петровича съ Пруссіей. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что уже въ это время Екатерина задумала отстранить Павла Петровича отъ наслѣдованія престола: 11-го Іюля она возвратилась изъ путешествія, а въ Августѣ уже изучала исторически вопросъ о порядкѣ престолонаслѣдія въ Россіи и, въ разговорѣ съ Храповицкимъ, довольно ясно выразила цѣль этого изученія. «Читать изволила мнѣ, говоритъ онъ, пасажъ изъ Правды Воли Монаршей. Тутъ, или въ манифестѣ Екатерины І-й, сказано, что причиною несчастія царевича Алексѣя Петровича было ложное мнѣніе, будто старшему сыну принадлежитъ престолъ» [70]). Между тѣмъ Павелъ Петровичъ весело подсмѣивался надъ путешествіемъ матери, указывая на театральность и искусственность приготовленій для него, сдѣланныхъ Потемкинымъ [71]). Вскорѣ затѣмъ между матерью и сыномъ произошелъ явный разладъ.

Тотчасъ по возвращеніи Екатерины въ Петербургъ, Турки объявили Россіи войну, въ которой не замедлила принять участіе, въ качествѣ союзницы Россіи, и Австрія. Манифестъ о второй Турецкой войнѣ вышелъ 9 Сентября 1787 года, а 10 и 11 Сентября два раза Цесаревичъ уже обращался къ Екатеринѣ съ просьбой о дозволеніи отправить-

---

[67]) С. Р. И. О., XV, 81, 102.

[68]) Дневникъ Храповицкаго, 20, 28—29. Изъ Херсона Екатерина отослала часть своей свиты прямо въ Москву, въ томъ числѣ и Чернышова. Онъ обидѣлся и отправился вмѣстѣ съ дочерью прямо въ Карлсбадъ. Арх. Кн. Воронцова, XXVII, 149.

[69]) Гарновскій (Р. Ст., 1876, XVI, 3). Иконниковъ, 148.

[70]) Храповицкій, 46.

[71]) „Vous avez tous bien flatté ma mère, messieurs, говорилъ онъ принцу де-Линю, en faisant semblant de voir ce qui n'existe pas, des armées, des portes, flottes, des villes point bâtis et des colonies de cent lieues en poste, qui couraient après vous autres“.

ся въ армію волонтеромъ, но на обѣ свои просьбы получилъ отказъ: безъ сомнѣнія не въ видахъ Императрицы было создавать въ арміи популярность сына, успѣвшаго сдѣлаться подозрительнымъ, и его присутствіемъ стѣснять фельдмаршаловъ, Потемкина или Румянцова, въ разгаръ военныхъ дѣйствій [72]). Екатерина, кажется, даже въ самомъ желаніи Павла Петровича ѣхать въ армію видѣла только стремленіе къ популярности. «Они (писала она Потемкину о Павлѣ Петровичѣ и Маріи Ѳеодоровнѣ 24 Сентября) были весьма довольны остаться, разславляя только, что хотѣли ѣхать» [73]). На самомъ же дѣлѣ довольна отказомъ Екатерины, и то лишь отчасти, могла быть только Марія Ѳеодоровна, мало въ то время думавшая о популярности, но страшно встревоженная мыслью о предстоящей разлукѣ съ мужемъ. Не смѣя дѣйствовать противъ его желанія получить боевое крещеніе, Марія Ѳеодоровна приходила въ ужасъ при мысли объ опасностяхъ, которымъ Цесаревичъ будетъ подвергаться въ арміи не только отъ непріятельскаго оружія, но и отъ заразительныхъ болѣзней, развивавшихся на театрѣ военныхъ дѣйствій. Поэтому, когда Екатерина дала, наконецъ, свое согласіе на поѣздку Павла Петровича въ армію [74]), Марія Ѳеодоровна, желая раздѣлить съ мужемъ опасности ему угрожавшія, сочла за лучшее просить Екатерину дозволить ей сопровождать его. «Въ теченіе трехъ сутокъ, писала Екатерина Гримму 29 Ноября, я страннымъ образомъ осаждена и получаю по два и по три письма отъ M-r et M-me Secondat (такъ иногда называла Екатерина Павла Петровича и Марію Ѳеодоровну), которые, во что бы то ни стало, желаютъ ѣхать въ армію. Ему я позволяю это, но ей — какъ на это согласиться? Это невозможно, а милая женщина, сказать правду, обладаетъ головой, не подчиняющейся разсудку и очень неудобною» [75]). «Я вамъ совѣтовала не думать объ этомъ путешествіи, писала Екатерина самой Маріи Ѳеодоровнѣ, уже сказала это и повторяю; могу только прибавить къ этому, что если вамъ такъ трудно разстаться и быть другъ безъ друга, то, вмѣсто безконечныхъ стенаній, всего лучше вамъ обоимъ остаться въ Петербургѣ, вамъ и моему сыну; тогда исполнятся желанія и ваши, и мои, и имперіи» [76]). Получивъ этотъ отказъ, Марія Ѳеодоровна была крайне опечалена. «Недѣля уже, сообщаетъ

---

[72]) Рус. Ст., 1873, VIII, 856 и дальн.—Отчего же не предположить, что Екатерина, отлично зная сына, опасалась, что на войнѣ онъ уронитъ свое достоинство? П. Б.

[73]) Сб. Р. И. О., XXVII, 428.

[74]) Г. Кобеко полагаетъ, что согласіе это дано было благодаря ходатайству Потемкина, *Кобеко*, 336. Здѣсь же (335—345) собраны почти всѣ свѣдѣнія объ участіи Павла Петровича въ военныхъ дѣйствіяхъ.

[75]) Сб. Р. И. О., XXIII, 429.

[76]) Русск. Ст., 1873, VIII, 862.

современникъ, какъ ея высочество никакой пищи вкушать не изволитъ» [77]). Отъѣздъ Павла Петровича назначенъ былъ на Февраль. «Ты узнаешь отъ дорогой моей матушки, писала Марія Ѳеодоровна г—жѣ Оберкирхъ, всѣ несчастія, которыя испытываю я теперь и которыя ожидаютъ меня въ будущемъ. Признаюсь, эти несчастія подавляютъ меня.. Что-только будетъ въ этомъ ужасномъ Февралѣ? Суди сама, дорогая Ланель! Разлука, которая угрожаетъ мнѣ, продолжится девять мѣсяцевъ, такъ что я не могу разсчитывать увидѣть своего дорогаго мужа ранѣе начала Ноября. Я буду удалена отъ него за тысячи верстъ. Онъ будетъ подверженъ всѣмъ опасностямъ войны съ варварами, ужасной болѣзни, съ ней связанной (чумы), и нездороваго климата, который не щадитъ никого. Суди по этому наброску о чувствахъ, которыя должна испытывать моя душа. Признаюсь, я думаю, что несчастный каторжникъ пользуется бо̀льшимъ спокойствіемъ, чѣмъ я въ настоящее время; потому что онъ страдаетъ одинъ и не видитъ никого изъ близкихъ своихъ въ опасности, между тѣмъ какъ я дрожу за жизнь того, ради сохраненія котораго я пожертвовала бы охотно своею.... Съ другой стороны, крайнее желаніе моего мужа находиться въ арміи и связанная съ этимъ желаніемъ мысль о долгѣ и славѣ налагаютъ на меня тяжелую обязанность заставить молчать всѣ мои чувства и скрывать свою скорбь» [78]). Положеніе Маріи Ѳеодоровны было тѣмъ грустнѣе, что въ это время она вновь почувствовала себя матерью. Это обстоятельство не укрылось отъ взгляда Екатерины, и она имъ воспользовалась, по замѣчанію г-жи Оберкирхъ, какъ средствомъ удержать Павла Петровича отъ предположенной поѣздки [79]). Тщетно Павелъ Петровичъ настаивалъ на своемъ желаніи, тщетно указывалъ онъ на то, что въ Европѣ сдѣлались уже извѣстными его приготовленія къ походу. «Касательно предлагаемаго мнѣ вами вопроса, отвѣчала ему Екатерина, на кого вы похожи въ глазахъ всей Европы, отвѣчать вовсе не трудно: вы будете похожи на человѣка, подчинившагося моей волѣ, исполнившаго мое желаніе и то, о чемъ я постоянно васъ просила» [80]).

Своимъ желаніемъ принять участіе въ войнѣ съ Турціей доставилъ Маріи Ѳеодоровнѣ много хлопотъ и огорченій и принцъ Фрид-

---

[77]) Гарновскій, Р. Ст., 1876, XV, 495.

[78]) Oberkirch, II, 321, 323.

[79]) Быть можетъ, какъ замѣтилъ это еще г. Иконниковъ, Марія Ѳеодоровна дѣйствовала въ этомъ случаѣ не вполнѣ согласно съ видами своего супруга. У Гарновскаго 9—11 Января 1788 г., Р. Ст., XV, 689) встрѣчаемъ такое извѣстіе: „великая княгиня поручила гр. В. П. Мус.-Пушкину принести Государынѣ благодарность, что ее съ великимъ князем не разлучили“. Иконниковъ, 149.—Oberkirch (II, 322) видитъ въ отказѣ Екатерины лишь слѣдствіе ея подозрительности.

[80]) Письмо 18 Января 1788 года. Р. Ст. 1873, VIII, 870.

рихъ, еще не покинувшій надежды служить въ Россіи. Но просьба, присланная имъ Екатеринѣ, встрѣтила очень дурной пріемъ съ ея стороны: своимъ поведеніемъ послѣ отъѣзда своего изъ Россіи Фридрихъ возбудилъ противъ себя такой гнѣвъ Императрицы, что она въ письмахъ своихъ къ Гримму называла его не иначе, какъ «негодяй», «герой злости» и т. п. Естественно, что у себя на родинѣ, въ Германіи, принцу надобно было объяснить благовиднымъ для себя образомъ причины удаленія своего изъ Россіи; въ особенности важно было для него заручиться съ этою цѣлью сочувствіемъ къ себѣ отца несчастной жены своей. И дѣйствительно, безнравственному и хитрому принцу удалось, клевеща на жену и выгораживая себя, представить дѣло такимъ образомъ, что даже родные Зельмиры отвернулись отъ нея, и Екатеринѣ пришлось оправдывать ее передъ роднымъ отцомъ, хотя и безуспѣшно. Храповицкій былъ совершенно правъ, сказавъ Императрицѣ по полученіи извѣстія о смерти Зельмиры: «она въ несчастіи своемъ кромѣ Вашего Величества иной защиты не имѣла» [81]). При такихъ обстоятельствахъ дозволить Фридриху возвратиться въ Россію значило косвеннымъ образомъ подтверждать и справедливость его объясненій, и правоту его дѣйствій по отношенію къ женѣ его, тогда какъ Екатерина желала скорѣе еще разъ торжественно выразить Фридриху свое неудовольствіе и тѣмъ осудить его поведеніе. Самъ принцъ подалъ къ тому поводъ. Потерявъ надежду возвратиться въ Россію, Фридрихъ просилъ Екатерину вовсе уволить его изъ Русской службы, и тогда Императрица нанесла ему жестокое оскорбленіе, исполнивъ желаніе принца простымъ извѣщеніемъ его объ этомъ отъ имени графа Мусина-Пушкина, а не выдачей указа за собственноручной подписью, какъ это обыкновенно дѣлалось въ такихъ случаяхъ. Разумѣется, Марія Ѳеодорова не могла равнодушно отнестись къ позору брата, тѣмъ болѣе, что Екатерина, въ оправданіе своего поступка, ссылалась на несовсѣмъ будто бы почтительный тонъ просьбы принца Фридриха объ отставкѣ, тогда какъ всѣ письма его къ Императрицѣ предварительно просматривались Маріей Ѳеодоровной и лишь въ случаѣ ея одобренія передавались по принадлежности. Сознаваясь въ этомъ предъ Екатериной, Марія Ѳеодоровна умоляла ее не лишать Фридриха милости, въ которой, писала она, отказываютъ только преступникамъ. «Ради Бога, Ваше Величество, писала она Екатеринѣ 11 Ноября 1787 г., если я имѣю хотя малѣйшее право на ваши милости, скажу на любовь вашу, то не наносите этого позора моему несчастному брату. Вы положили бы въ гробъ почти шестидесятилѣтняго старца, которому мы

---

[81]) Дневникъ Храповицкаго, 158.

обязаны жизнью и которой не переживетъ этого позора» [82]). Подобными мольбами наполнены всѣ три письма, посланныя по этому поводу Маріей Θеодоровной Екатеринѣ; въ послѣднемъ изъ этихъ писемъ Маріи Θеодоровны сдѣлалъ приписку и Павелъ Петровичъ, присоединяясь къ просьбамъ своей супруги. Не смотря на то, Екатерина осталась тверда въ своемъ рѣшеніи. Желая, однако, показать, что ея гнѣвъ на Фридриха вызванъ исключительно его дурнымъ поведеніемъ и нисколько не измѣняетъ ея обычнаго благоволенія къ Маріи Θеодоровнѣ и ея Германскимъ роднымъ, Екатерина дозволила затѣмъ вступить съ чиномъ генералъ-маіора въ ряды арміи, дѣйствовавшей противъ Турокъ, одному изъ младшихъ братьевъ Фридриха, 18-лѣтнему принцу Карлу, который былъ крестникомъ Императрицы [83]). Карлъ, по общимъ отзывамъ, производилъ другое впечатлѣніе, чѣмъ старшій его братъ, и по пріѣздѣ въ армію съумѣлъ заслужить себѣ расположеніе и уваженіе сослуживцевъ.

Къ этимъ тревогамъ и огорченіямъ, вызываемымъ въ Маріи Θеодоровнѣ Монбельярской семьей, присоединились еще опасенія за благополучный исходъ приближавшихся родовъ, мысль о которыхъ приводила Марію Θеодоровну въ ужасъ. И дѣйствительно, когда 10 Мая 1788 г. въ Царскомъ Селѣ послѣдовало рожденіе великой княжны Екатерины Павловны, жизнь Маріи Θеодоровны на этотъ разъ висѣла на волоскѣ, и она спасена была лишь благодаря присутствію духа и рѣшительнымъ мѣрамъ Екатерины: она семь часовъ сряду не отходила отъ постели своей невѣстки и своими распоряженіями содѣйствовала правильной подачѣ родительницѣ медицинской помощи со стороны растерявшихся врачей. На другой день Павелъ Петровичъ явился къ матери благодарить за спасеніе жизни Маріи Θеодоровны. «Сказано по сему случаю (записалъ Храповицкій 11 Мая), что жизнь великой княгини висѣла на ниткѣ; я ее спасла; въ 4-мъ часу родила, но мѣсто больше двухъ часовъ оставалось, бабка и блѣднѣла, и краснѣла; я рѣшилась употребить Моренгейма, и онъ кончилъ»:—Votre Majesté ne manque jamais de résolution.—«Великая княгиня всегда тяжело родитъ» [84]). Не надо забывать, что Екатерина желала имѣть внука, а не внучку, такъ что появленіе новой дочери не особенно радовало Марію Θеодоровну, и самой

---

[82]) С. Р. И. О., XV, 31—36.

[83]) Schossberger, 29—32. Здѣсь находится переписка, возникшая по этому поводу между Екатериной и родителями Маріи Θеодоровны въ 1788 году. Карлъ былъ единственнымъ братомъ Маріи Θеодоровны, принимавшимъ участіе во второй Турецкой войнѣ въ рядахъ Русской арміи, и всѣ современныя извѣстія должно относить къ нему одному, а не къ двумъ братьямъ Маріи Θеодоровны (Кобеко, 368—369). См. Schlossberger, 181.

[84]) Храповицкій, 81.

Екатеринѣ пришлось успокоивать ее. «Вамъ, я думаю извѣстно, писала она Гримму 28 Мая, что великая княгиня родила, слава Богу, четвертую дочь, что́ приводитъ ее въ отчаяніе. Въ утѣшеніе матери я дала новорожденной свое имя» [85]). Екатерина забыла свое предсказаніе, что великой княжнѣ, носящей ея имя, придется всего хуже въ жизни. Разумѣется, великокняжеская чета была проникнута къ Екатеринѣ глубокой благодарностію, и сама Екатерина писала Потемкину 27 Мая: «При семъ случаѣ родители оказались противу прежняго ко мнѣ гораздо ласковѣе» [86]). Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна имѣли лишній случай убѣдиться въ добромъ сердцѣ Екатерины, которое выражалось по отношенію къ нимъ всякій разъ, когда Екатерина являлась въ качествѣ матери семейства, не будучи связана обязанностями Русской Государыни. Великій князь, по словамъ современника, сдѣлался отмѣнно послушенъ, а Екатерина, какъ бы въ отвѣтъ на это разрѣшила, ему отправиться въ армію [87]). Марія Ѳеодоровна, полная благодарности къ Богу за сохраненіе жизни, ознаменовала свое выздоровленіе добрымъ дѣломъ [88]). Съ своей стороны и родители Маріи Ѳеодоровны выражали Екатеринѣ благодарность за спасеніе жизни дочери [89])

Но Павлу Петровичу не довелось участвовать въ дѣйствіяхъ союзной арміи противъ Турокъ, гдѣ, на ряду съ распущенностію жизни и нерѣшительностію дѣйствій князя Потемкина, блистательно проявлялась суровая простота и военный геній Суворова и гдѣ Русскіе солдаты на поляхъ битвъ при зимнихъ осадахъ крѣпостей, въ форсированныхъ маршахъ, при невозможныхъ условіяхъ, выказывали обычную свою выносливость, стойкость и беззавѣтную храбрость. Шведскій король Густавъ III задумалъ воспользоваться Турецкой войной, чтобы неожиданно напасть на Россію съ Сѣвера, угрожать самому Петербургу и возвратить Швеціи области, отнятыя у нея Петромъ I. Тогда Екатерина поручила войска, собранныя у Финляндской границы гр. Мусину-Пушкину; туда же отправился и Павелъ Петро-

---

[85]) С. Р. И. О., XXIII, 449.

[86]) „Понеже, прибавляла Екатерина, почитаютъ нѣкоторымъ образомъ, что я матери спасла животъ; ибо жизнь ея была два часа съ половиной въ немалой опасности отъ единаго ласкательства и трусости окружающихъ врачей, и видя сіе, ко времени и кстати удалось мнѣ дать добрый совѣтъ, чѣмъ дѣло благополучно кончилось, и теперь (27 Мая) она здорова“. С. Р И. О., XXVII, 492.

[87]) Гарновскій. Русск. Ст., 1876, XVI.

[88]) 6 Іюня Марія Ѳеодоровна писала Платону: „При семъ посылаю вамъ 1000 р., которые васъ прошу раздать бѣднымъ. Я знаю и чувствую, что лучшая благодарность, которую мы можемъ показать Богу, въ томъ состоитъ, чтобы бѣднымъ помогать“. Русскій Архивъ, 1877, II, 283.

[89]) Храповицкій, 121.

вичъ. Эта перемѣна не могла не имѣть великаго значенія для Цесаревича: войска наши находились въ оборонительномъ положеніи и стояли большею частію безъ дѣла, а графъ Мусинъ-Пушкинъ, «сей мѣшокъ нерѣшимой», по выраженію Екатерины, оказался столько же плохимъ полководцемъ, сколько и слабымъ, неискуснымъ военнымъ администраторомъ. Немудрено, что, не видя войны и видя повсюду вокругъ себя одни лишь безпорядки, Павелъ Петровичъ и не могъ провѣрить на дѣлѣ пригодность своихъ Прусскихъ, экзерцирмейстерскихъ теорій, а напротивъ, въ теченіе всего пребыванія въ Финляндской арміи, убѣждался еще болѣе въ ихъ спасительности для Русской арміи.

Отъѣзжая въ армію, какъ предполагали тогда, на долгое время, Павелъ Петровичъ счелъ необходимымъ составить и вручить Маріи Өеодоровнѣ на случай своей смерти или смерти Императрицы Екатерины нѣсколько документовъ, въ которыхъ онъ излагалъ свою послѣднюю волю и мысли объ управленіи государствомъ; тогда же выбранъ былъ шифръ, посредствомъ котораго должна была совершаться тайная переписка между супругами на время разлуки [91]). Изъ документовъ этихъ одинъ былъ написанъ 7 Января 1788 г. за подписью и Павла, и Маріи Өеодоровны*); это былъ актъ о престолонаслѣдіи, который отмѣнялъ правило Петра Великаго, дававшее царствующему государю право выбрать себѣ наслѣдника по своему усмотрѣнію, и устанавливалъ навсегда естественный порядокъ наслѣдованія престола по мужской линіи отъ отца къ старшему сыну. Въ своемъ завѣщаніи Павелъ Петровичъ торжественно засвидѣтельствовалъ то значеніе, которое имѣла для него Марія Өеодоровна въ теченіе ихъ двѣнадцатилѣтняго супружества. «Долженъ тебѣ отворить сердце мое», писалъ онъ. «Тебѣ самой извѣстно, сколь я тебя любилъ и привязанъ былъ. Твоя чистѣйшая душа предъ Богомъ и человѣки стоила не только сего, но и почтенія отъ меня и отъ всѣхъ. Ты была мнѣ первою отрадою и подавала лучшіе совѣты. Симъ признаніемъ долженъ предъ всѣмъ свѣтомъ о твоемъ благоразуміи. Привязанность къ дѣтямъ—залогомъ привязанности и любви ко мнѣ была. Однимъ словомъ, не могу довольно тебѣ благодарности за все сіе сказать, равномѣрно и за терпѣніе твое, съ которымъ сносила состояніе свое, ради меня и по человѣчеству случающіяся въ жизни нашей скуки и прискорбія, о которыхъ прошу у тебя прощенія». Совѣтами и терпѣніемъ Марія Өеодоровна, безъ сомнѣнія,

---

91) „Вѣстникъ Европы", 1867, I, 297 и далѣе. Перечисленіе документовъ, находившихся въ бумагахъ Павла Петровича и относящихся между прочимъ къ этому періоду см. Мар. Арх., бумаги Императрицы Маріи, св. 103, № 3.

*) „Мы Павелъ и *мы Марія*"! П. Б.

не разъ предотвращала неосторожные поступки горячаго и раздражительнаго Цесаревича. Тоже самое случилось и во время пребыванія Павла Петровича въ Финляндской арміи, хотя на этотъ разъ Марія Ѳеодоровна могла дѣйствовать на супруга лишь письменно и посредствамъ близкихъ людей.

Павелъ Петровичъ отправлялся въ армію повидимому при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Командовалъ арміею гр. Мусинъ-Пушкинъ, пользовавшійся довѣріемъ великокняжеской четы, а сопровождали великаго князя испытанный другъ его и Маріи Ѳеодоровны камергеръ Ѳ. Ѳ. Вадковскій и Пруссакъ Штейнверъ, командовавшій Гатчинскими войсками. Вадковскій, по выраженію современника, первенствовалъ по комнатнымъ дѣламъ великокняжескаго двора, а Штейнверъ по военнымъ [92]). Кромѣ того, его окружали и другія преданныя ему лица: завѣдывавшій Гатчинскою флотиліею капитанъ Кушелевъ и лейбъ-медикъ Блокъ: перваго Марія Ѳеодоровна обязала вести дневникъ пребыванія Павла въ Финляндіи, а второй долженъ былъ доставлять ей подробныя свѣдѣнія о здоровьѣ Павла Петровича [93]). Но уже при самомъ отъѣздѣ между Павломъ Петровичемъ и Екатериною произошло нѣкоторое охлажденіе. Причиною этого были распоряженія Екатерины о Гатчинскихъ войскахъ, отправленныхъ Павломъ Петровичемъ противъ Шведовъ. «Баталіонъ морской, разсказываетъ Гарновскій, велѣно отдать во флотъ; просили, чтобы оный употребленъ былъ въ дѣло на сухомъ пути и чтобы позволено было представить его Государынѣ въ Царскомъ Селѣ, но отказано. Какая досада! Стараніемъ графа Мамонова велѣно однакоже людей сего баталіона такъ употребить, чтобы его опять, со временемъ, собрать было можно». Немилость Екатерины къ морскому баталіону была тѣмъ замѣтнѣе (хотя теперь она кажется непонятною), что кирасирскій Цесаревича полкъ получилъ дозволеніе представиться Императрицѣ и, дѣйствительно, онъ 25 Іюня, имѣя во главѣ самаго Цесаревича, прошелъ церемоніальнымъ маршемъ мимо Царскосельскаго дворца, на балконѣ котораго находилась Императрица съ великою княгинею и молодыми князьями; послѣ смотра пожаловано было полку 1000 р., всѣ офицеры

---

[92]) Гарновскій, Рус. Ст., XVI, 3.

[93]) Осмнадцатый Вѣкъ, III, 412. Въ Финляндскую армію прибылъ къ Павлу и 18-тилѣтній сынъ графа Петра Ивановича Панина, гр. Никита Петровичъ, ради заслугъ отца и дяди ласково принятый Цесаревичемъ и съумѣвшій пріобрѣсти его расположеніе. Отправляя сына въ армію, П. И. Панинъ писалъ Куракину: „Желалъ бы я единственно, чтобы вы ... доставили свѣдать государынѣ великой княгинѣ, что главная причина моего съ сыномъ преждевременнаго разлученія одна только та, что ... не могъ я терзанія души моей вытерпѣть, чтобы не было въ присутствующемъ его (Павла Петровича) мѣстѣ на употребленіи къ защищенію отечества никого изъ рода Паниныхъ“. Матеріалы для жизнеописанія графа Н. П. Панина, Спб. 1888, ч. I-я, 14—15.

жалованы были къ рукѣ, а штабъ-офицеры приглашены къ обѣденному столу. Цесаревичъ былъ недоволенъ невниманіемъ матери къ его морскому баталіону, и недовольство это въ мнительномъ Цесаревичѣ еще болѣе разжигалъ Штейнверъ, бывшій командиромъ этого баталіона и заподозрѣвшій, что виновникомъ немилости Екатерины былъ никто иной, какъ гр. Мусинъ-Пушкинъ. «Когда произошла исторія съ баталіономъ, разсказываетъ сама Марія Θеодоровна, Штейнверъ въ моемъ присутствіи попытался возбудить въ моемъ мужѣ подозрѣніе, будто Пушкинъ подалъ поводъ къ этому обороту дѣла, тогда я спросила Штейнвера весьма гнѣвнымъ тономъ: «Какъ смѣете вы говорить подобныя вещи, когда мнѣ извѣстно противное?» Но дурное впечатлѣніе было уже произведено, и немудрено, что Павелъ Петровичъ, прибывъ въ Выборгъ, далъ замѣтить Пушкину свое неудовольствіе; недоволенъ остался онъ и распущенностью нѣкоторыхъ частей войскъ и причемъ выражалъ свое неудовольствіе командовавшимъ генераламъ. Эти извѣстія сообщены были Маріи Θеодоровнѣ самимъ Павломъ Петровичемъ, а она передала ихъ находившемуся въ то время при великокняжескомъ дворѣ князю Александру Куракину, получившему уже тогда отъ Императрицы дозволеніе пріѣзжать на время въ Петербургъ для посѣщенія царственнаго своего друга. Ни Марія Θеодоровна, ни Куракинъ, зная впечатлительный и горячій характеръ Павла Петровича, нисколько не сомнѣвались, что раздраженіе Павла Петровича поддерживалось главнымъ образомъ Штейнверомъ, и оба писали Вадковскому, прося его устранить по возможности вліяніе этого Пруссака на великаго князя. «Дай Богъ, писалъ Куракинъ, чтобы ссора съ Пушкинымъ прекратилась какъ можно скорѣе и для того, чтобы никогда не возобновляться. Желаю этого искренно для спокойствія и истиннаго блага того, кому мы служимъ и кому мы преданы душою и сердцемъ. Какъ Штейнверъ болтливъ, пустоголовъ и неостороженъ! Вы знаете, что я это всегда замѣчалъ; но нужно, чтобы онъ оставался въ должныхъ границахъ, чтобы онъ не имѣлъ никакого вліянія, въ особенности никакого вреднаго и безтолковаго вліянія на предметы, которые ему не по плечу». «Я вижу по всему, что пишетъ мнѣ мой мужъ, сообщала Вадковскому съ своей стороны Марія Θеодоровна, что онъ недоволенъ гр. Пушкинымъ и что онъ противъ него раздраженъ. Я этимъ опечалена, ибо убѣждена въ томъ, что если даже въ поступкахъ гр. Пушкина и была какая либо неправильность, его сердце въ ней не участвовало. Умоляю васъ, во имя вашей привязанности къ моему мужу, употребить всѣ усилія, всѣ старанія для того, чтобы смягчить его. Постарайтесь все повернуть въ хорошую сторону и добейтесь отъ великаго князя, чтобы онъ вникъ въ провинности Пушкина, и тогда, я въ томъ увѣрена, увидитъ, что онѣ лишь

кажущіяся и что его проступки касаются только формы. Опасаюсь, признаюсь въ этомъ, чтобы не было кого-нибудь, кто бы раздражалъ моего мужа противъ Пушкина и, зная вашу скромность, скажу вамъ даже, что мнѣ сдается, что это Штейнверъ. Ради Бога, если вы считаете мое предположеніе основательнымъ, и если мой мужъ заговоритъ съ вами о своихъ неудовольствіяхъ противъ Пушкина, постарайтесь направить разговоръ такимъ образомъ, чтобы вы могли умолять его не довѣряться внушеніямъ Штейнвера; ибо я сама была свидѣтельницей тому, что Штейнверъ позволилъ себѣ говорить противъ него, за что я разсердилась и сдѣлала Штейнверу упреки.... По этимъ даннымъ, вы согласитесь, я въ полномъ правѣ предполагать, что г. Штейнверъ держится все тѣхъ же правилъ, тѣмъ болѣе, что мой мужъ первые дни былъ очень доволенъ гр. Пушкинымъ и измѣнилъ свое мнѣніе лишь по прибытіи Штейнвера. Ради Бога, добрый мой Вадковскій, дѣйствуйте съ осторожностію и съ усердіемъ. Я опасаюсь отъ этой ссоры самыхъ прискорбныхъ послѣдствій, и нужно употребить всѣ средства, чтобы изгладить въ сердцѣ Великаго Князя подозрѣнія, питаемыя имъ противъ этого человѣка, который сама честность, хотя способъ его дѣйствій и бываетъ неправиленъ. Это письмо только для васъ, и вы должны дѣлать видъ, что дѣйствуете по собственному побужденію, какъ вы мнѣ это свято обѣщали въ Павловскѣ, гдѣ, къ несчастію, я предвидѣла то, чтò случилось. Съ нетерпѣніемъ жду отъ васъ вѣстей, и льщу себя надеждой, что вы будете передавать мнѣ ихъ съ тою правдивостію и честностію, которыя мнѣ извѣстны» [94]).

Безъ сомнѣнія, Марія Ѳеодоровна и друзья Павла Петровича въ этомъ случаѣ преувеличивали вліяніе Штейнвера: они въ то время не знали, конечно, что дѣйствія Мусина-Пушкина и положеніе Финляндской арміи подъ его предводительствомъ давали сами по себѣ достаточный поводъ къ неудовольствію на Мусина-Пушкина со стороны самыхъ снисходительныхъ людей. Но въ тоже время ясно видно, что ихъ не столько интересовалъ вопросъ объ основательности причинъ раздраженія Павла противъ Пушкина, сколько страшили, при напряженности отношеній Павла Петровича къ матери, послѣдствія этой ссоры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, письмо это лучше, чѣмъ другіе какіе-либо документы, дошедшіе до насъ отъ того времени, обрисовываетъ предъ нами и характеръ Цесаревича, и отношенія къ нему его супруги. Слабыя стороны характера Цесаревича: его склонность поддаваться чужимъ внушеніямъ, его впечатлительность и горячность, вызывавшія быстрыя, но необдуманныя рѣшенія,—очевидно были хорошо изучены людьми, ему преданными. Не

[94]) „Осмнадцатый Вѣкъ“, III, 408—415.

смотря на то, они же, въ виду болѣзненнаго самолюбія Цесаревича, не рѣшались дѣйствовать прямо, путемъ непосредственнаго убѣжденія, и потому даже сама Марія Θеодоровна, такъ недавно превознесенная Павломъ въ его завѣщаніи, должна была прибѣгать, съ цѣлью успокоенія и смягченія мужа, къ средствамъ побочнымъ, устраивая противъ него дружескіе заговоры подъ покровомъ глубокой тайны, хотя не могла не сознавать, конечно, что такого рода заговоры представляютъ собою орудіе оскорбительное для самолюбія ея супруга и, притомъ, обоюдоострое. Не менѣе интересно указаніе Маріи Θеодоровны и на то, что борьба ея съ недостатками характера Павла Петровича была дѣломъ на столько обычнымъ, что она своевременно предвидитъ ихъ проявленіе и заранѣе, предъ отправленіемъ Павла Петровича въ походъ, беретъ торжественное обѣщаніе съ Вадковскаго, что онъ строго будетъ оберегать Цесаревича отъ послѣдствій его раздражительности, выполняя наставленія Маріи Θеодоровны, но въ тоже время дѣлая видъ, будто онъ дѣйствуетъ по собственному побужденію. Такимъ образомъ сама Марія Θеодоровна дѣлаетъ оцѣнку своему благодѣтельному вліянію на Павла: это былъ перевѣсъ разсудочности, терпѣнія и женственной мягкости надъ порывистой и подъ часъ жестокой натурой. По силѣ характера Марія Θеодоровна уступала своему супругу и, не будучи въ состояніи нравственно подчинить его себѣ, заботилась лишь о томъ, чтобы давать направленіе его мыслямъ и чувствамъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Этотъ образъ дѣйствій имѣлъ ту опасную сторону, что, задѣвая самолюбіе Павла Петровича, онъ поддерживалъ его мнительность и могъ вызвать его недовѣріе къ самой Маріи Θеодоровнѣ. И недовѣріе это могло быть небезосновательно: Павелъ Петровичъ гнѣвался на графа Пушкина и за то, что тотъ сдерживалъ порывы его мужества; а между тѣмъ кто сталъ бы отрицать, что эти дѣйствія графа Пушкина были вызваны отчасти мольбами самой Маріи Θеодоровны, дрожавшей за жизнь своего супруга?

Увѣщанія Маріи Θеодоровны и друзей Павла Петровича, должно быть, оказали свое дѣйствіе: явной ссоры между нимъ и графомъ Пушкинымъ не послѣдовало. Но положеніе Цесаревича въ арміи было крайне тяжело: незримо опекаемый супругой и окружающими, Павелъ Петровичъ убѣдился вскорѣ и въ томъ, что онъ подвергается государственной опекѣ Екатерины. Екатерина, конечно, не подозрѣвала сына въ государственной измѣнѣ; но она знала его отношенія къ Пруссіи, знала, что онъ способенъ къ необдуманнымъ поступкамъ и неосторожной откровенности. Поэтому, допустивъ участіе Павла Петровича въ Шведской войнѣ, она не желала, чтобы ему извѣстны были подробности о

ходѣ военныхъ дѣйствій, и дала въ этомъ смыслѣ тайныя предписанія генералу Кноррингу, состоявшему при Павлѣ [95]): Государыня, очевидно, боялась, чтобы чрезъ Павла не узнавали о нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ Пруссаки, также угрожавшіе въ то время Россіи. Сами Шведы, какъ видно, не далеки были отъ мнѣнія, что Павелъ не сочувствуетъ политикѣ матери и, во время пребыванія его въ Финляндской арміи, Карлъ, герцогъ Зюдерманландскій [96]), дѣлалъ ему настойчивыя предложенія о свиданіи. Павелъ, однако, былъ на столько благоразуменъ, что отвѣчалъ ему отказомъ и сообщилъ о томъ Екатеринѣ. Тогда Императрица рѣшилась отозвать сына изъ арміи, и 18 Сентября Павелъ возвратился въ Петербургъ, бывъ за все время одинъ только разъ въ ничтожной перестрѣлкѣ и чувствуя себя жестоко разочарованнымъ итогами столь давно желанной поѣздки, гдѣ онъ думалъ быть полезенъ отечеству.

Рѣшимости Императрицы вызвать сына въ Петербургъ содѣйствовали, вѣроятно, скорбь Маріи Ѳеодоровны о разлукѣ съ мужемъ и просьба ея о дозволеніи ей ѣхать въ Выборгъ для свиданія съ нимъ, на которую Екатерина отвѣчала отказомъ [97]). Зналъ ли объ этомъ Павелъ Петровичъ, неизвѣстно; но, тяготясь опекой матери, онъ менѣе всего способенъ былъ выносить мелочную опеку супруги, если она оскорбляла его самолюбіе и мѣшала выполненію того, что̀ онъ считалъ своею обязанностью.

Привыкая оберегать своего мужа наперекоръ ему самому, Марія Ѳеодоровна подвергала опасности величайшее свое благо — столь долго царствовавшій между ними семейный миръ и супружеское согласіе.

Евгеній Шумигорскій.

---

[95]) Матеріалы для жизнеописанія гр. Н. П. Панина, 1888 г., ч. I, 37—83.

[96]) Тоже масонъ. Въ одномъ изъ королевскихъ дворцовъ въ Швеціи находится если не ошибаемся, и теперь большой портретъ Павла Петровича въ масонскомъ убранствѣ. Масонствомъ, какъ въ позднѣйшее время космополитствомъ, въ старину уловлялись, пылкія сердца и не твердые умы и доводились до измѣны родинѣ. П. Б.

[97]) Русск. Ст. 1873, VIII, 874.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ

КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

Глава IV *).

Учрежденіе Общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ.—Обсужденіе дѣла въ Кавказскомъ Комитетѣ.—Возраженія князя Барятинскаго.

Однимъ изъ первыхъ вопросовъ, которому князь Барятинскій, какъ намѣстникъ Кавказскій, посвятилъ особое вниманіе, былъ вопросъ о возстановленіи христіанства въ Кавказскихъ горахъ. И до него, съ двадцатыхъ годовъ нашего столѣтія, предметъ этотъ уже обращалъ на себя вниманіе мѣстныхъ высшихъ властей, слѣдствіемъ чего было учрежденіе въ Тифлисѣ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, Осетинской духовной комиссіи, подчиненной экзарху Грузіи, на обязанности которой было управлять приходами, учреждаемыми въ горскихъ обществахъ Осетіи, Сванетіи, Хевсуріи, Пшавіи и Тушетіи, давая, по возможности, средства къ устройству церквей и къ содержанію священниковъ.

Дѣятельность этой комиссіи никакихъ особенныхъ успѣховъ достигнуть не могла, во первыхъ, вслѣдствіе ограниченности денежныхъ средствъ, вовсе не соотвѣтствовавшихъ потребностямъ; во вторыхъ, и это еще важнѣе, вслѣдствіе архибюрократическаго духа, свойственнаго всякимъ нашимъ канцеляріямъ вообще, а консисторіальнымъ

*) Печатаніе біографіи князя А. И. Барятинскаго замедлилось вслѣдствіе нѣкоторыхъ независѣвшихъ отъ меня обстоятельствъ. Трудъ мой нынѣ окончательно готовъ, и перерыва въ оглашеніи его болѣе не предвидится. А. З.

тѣхъ старыхъ временъ въ особенности. Секретарь съ столоначальниками считали „очистку номеровъ по настольному реестру“ гораздо важнѣе самой идеи возстановленія христіанства, а отпустивъ благочинному священнику *триста* рублей на постройку церкви въ какой-нибудь деревнѣ, лежащей въ едва доступномъ горномъ ущельи, считали гораздо важнѣе, чтобы благочинный, безъ отступленія отъ формы, представилъ отчетъ объ израсходованіи этихъ 300 р., чѣмъ самую постройку. Можно себѣ представить, какая церковь строилась за 300 рублей, когда и изъ этихъ денегъ отецъ благочинный считалъ возможнымъ оставлять у себя рублей 50? Подобныя постройки производились на глазахъ пишущаго эти строки. Это были жалкіе, сложенные изъ булыжниковъ сарайчики, лишь тѣмъ отличавшіеся отъ сакли бѣднаго горца, что они были побѣлены и на крышкѣ стоялъ маленькій желѣзный крестикъ. А въ той же Осетіи или Пшавіи оставались полуразвалины древнихъ храмовъ прекрасной архитектуры, съ высокими куполами, съ замѣчательною живописью на стѣнахъ, памятники временъ Грузинскихъ царей не ближе 16-го, 17-го столѣтій.

И какіе священники назначались въ эти горскіе приходы! Полуграмотные, ненадѣявшіеся быть посвященными для Закавказья, большею частью изъ Имеретинъ, бѣдняки, нуждавшіеся въ дневной пищѣ, вынужденные молчаливо смотрѣть на суевѣрно-языческіе обряды, совершаемые на ихъ глазахъ вліятельными жрецами, „деканози“, и подчиняться всѣмъ грубымъ выходкамъ полудикарей *). Ни силою слова, ни силою матеріальной, ничѣмъ не импонирующій этой дикой толпѣ, что́ могъ сдѣлать подобный пастырь въ подобной церкви? Пользы никакой, а быть можетъ и вредъ, роняя въ глазахъ горцевъ обаяніе христіанства въ сравненіи съ ихъ собствен-

---

*) При мнѣ однажды Хевсуръ, набивая трубку, обратился къ священнику слѣдующимъ образомъ: „Эй, мгвдело (попъ), подай-ка мнѣ огня!“ И когда я сдѣлалъ ему за это строгій нагоняй, а всѣмъ остальнымъ присутствовавшимъ сталъ разъяснять значеніе духовнаго отца, къ которому они должны обращаться съ почтеніемъ, то по ихъ лицамъ видно было, что въ эту минуту едва ли не считали меня совершеннымъ глупцомъ... Впрочемъ, ничего удивительнаго тутъ не было, принимая во вниманіе положеніе этого бѣднаго *мгвдело*, ходившаго пѣшкомъ на плоскость, въ Грузинскія деревни, купить себѣ муки, которую онъ въ „гудѣ“ (кожаномъ мѣшкѣ) приносилъ на собственной спинѣ въ свой горскій приходъ...

ными языческими жрецами и сосѣдними мусульманскими муллами: тѣ и другіе совершенно иначе были поставлены и пользовались великимъ вліяніемъ не только у самихъ жителей, но и у Русскихъ властей, искавшихъ въ нихъ посредниковъ между собою и населеніемъ. Однимъ словомъ, вопросъ о поддержаніи и возстановленіи христіанства въ горахъ, въ теченіи четверти вѣка, не подвинулся ни на шагъ, не взирая даже на нѣкоторыя частныя попытки сдѣлать что-нибудь помимо Осетинской комиссіи.

Въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ, напримѣръ, баронъ И. А. Вревскій, бывшій тогда начальникомъ Владикавказскаго округа, въ составъ котораго входила Осетія, по собственному почину обращался съ воззваніемъ о содѣйствіи къ устройству и украшенію церквей. На это откликнулось нѣсколько лицъ, преимущественно изъ высшаго Петербургскаго и Московскаго общества: было прислано нѣсколько прекрасныхъ, богатыхъ церковныхъ вещей и колоколовъ. Я самъ, по порученію барона Вревскаго, развезъ эти вещи по нѣкоторымъ Осетинскимъ церквамъ, стараясь внушить горцамъ, какъ объ нихъ заботятся и желаютъ поддержать въ нихъ вѣру предковъ и т. д. Но что́ могли подобныя единичныя попытки сдѣлать тамъ, гдѣ требовались усилія всего государства матеріальными средствами и десятками людей—миссіонеровъ, подготовленныхъ къ такой дѣятельности?...

Князь Барятинскій, сознавая все это, представилъ покойному императору Александру Николаевичу въ 1857 году особую записку и, кромѣ того, неоднократными письмами настаивалъ у Государя о необходимости дать этому важному дѣлу ходъ. Государь раздѣлялъ взглядъ своего намѣстника. 22 Ноября 1857 года онъ писалъ князю между прочимъ: „J'ai lu avec grande attention la note apportée par Милютинъ au sujet de la propagande chrétienne et je ne manquerai pas de m'occuper fort sérieusement de cette grave question. Quant à l'organisation d'une confrérie, à l'instar des ordres de chevalerie, il me semble qu'elle n'est plus dans nos moeurs, et je pense que nous pourrons obtenir les mêmes résultats, en intéressant le public à cette question qu'il ignore complètement

et en stimulant le zéle de notre clergé. Tout cela va être débattu au Comité Caucasien*).

Записка была передана въ Кавказскій Комитетъ, а впослѣдствіи, 21 Января 1860 года, Государь въ этомъ же комитетѣ, въ своемъ присутствіи и при участіи пріѣзжавшаго тогда въ Петербургъ фельдмаршала князя Александра Ивановича, подвергъ вопросъ всестороннему обсужденію.

Изъ приводимыхъ здѣсь: а) записки князя Барятинскаго и б) журнала засѣданія комиссіи, читатель въ подробности ознакомится съ этимъ чрезвычайно-важнымъ и интереснымъ дѣломъ.

„Нѣсколько вѣковъ тому назадъ, значительная часть Кавказскихъ горцевъ, нынѣ заклятыхъ враговъ христіанства. была озарена свѣтомъ истинной вѣры. Кромѣ племенъ, зарывшихся отъ вѣка въ самой недосягаемой глубинѣ Кавказскаго хребта, недоступныхъ никогда никакому вліянію, всѣ прочіе горцы, соприкасавшіеся съ равниной, слышали Евангельскую проповѣдь и слѣдовали ей въ теченіе долгихъ годовъ. Абхазцы, Сванеты, Осетины, Южные Лезгины, Кистины, Кабардинцы, многія Чеченскія общества, большая часть Адыговъ, были когда-то христіанами. До сихъ поръ еще, по самымъ глухимъ ущельямъ Кавказа, разсѣяно множество мѣстъ, которыя горцы окружаютъ благоговѣйнымъ почтеніемъ, необъяснимымъ для нихъ самихъ; въ смутномъ понятіи жителей о святости такихъ мѣстъ всегда мерцаетъ какой-нибудь слѣдъ христіанскаго преданія. Но, кромѣ преданій, въ горахъ сохранились вещественные остатки угасшей вѣры: обширныя развалины церквей, мшистые кресты на перепутьи, полустертыя надписи на скалахъ, передъ которыми горцы и теперь еще шепчутъ молитвы, но не Тому, въ Чье имя онѣ сооружены. Было время, когда христіанская православная вѣра становилась господствующей въ Кавказскихъ горахъ.

*) *Переводъ*: „Съ большимъ вниманіемъ читалъ я записку, привезенную Милютинымъ, по предмету распространенія христіанства и не замедлю весьма серьезно заняться этимъ важнымъ вопросомъ. Чтò касается основанія братства, въ родѣ рыцарскаго ордена, то мнѣ кажется, что это уже не въ нашихъ нравахъ, и, полагаю, мы можемъ достигнуть тѣхъ же результатовъ, заинтересовавъ публику этимъ совершенно незнакомымъ ей вопросомъ, и вызвавъ усердіе нашего духовенства. Все это будетъ обсуждаться въ Кавказскомъ Комитетѣ“.

Грузинскій народъ и Грузинская церковь не щадили для того никакихъ усилій. Между тѣмъ какъ проповѣдники, не жалѣя своей крови, несли дикимъ племенамъ слово спасенія, свѣтская власть Грузіи, не смотря на скудость средствъ, строила по ихъ слѣдамъ вѣковыя церкви, отписывала на нихъ имѣнія и высылала въ горы многочисленныхъ священниковъ. Грузины одного не успѣли сдѣлать: перевести Священное Писаніе на Кавказскіе языки. Однакожъ, величіе храма и богослуженія, значительное положеніе пастыря, окруженнаго общимъ почтеніемъ, ревность къ вѣрѣ Грузинскаго народа, служившаго горцамъ примѣромъ, ручались въ томъ, что новообращенные не отпадутъ отъ церкви, пока Грузія будетъ въ состояніи ее поддерживать. Но годы самой Грузіи были уже сочтены. Единственный христіанскій народъ посреди мусульманскаго міра, Грузины постоянно должны были выдерживать грудью напоръ цѣлой Азіи и пали, наконецъ, въ этой невозможной борьбѣ, обреченные на пяти-вѣковое мученичество. Горцы были предоставлены самимъ себѣ. Мало-по-малу христіанскія понятія перемѣшались у нихъ съ древними языческими; природная дикость ихъ характера взяла верхъ, и черезъ нѣсколько вѣковъ имъ осталось отъ исповѣдуемой вѣры только суевѣрное почтеніе къ мѣстамъ, освященнымъ христіанскими воспоминаніями. Къ этому времени мусульманство охватило Кавказскій хребетъ со всѣхъ сторонъ и въ продолженіи трехъ вѣковъ напрягало всѣ усилія, чтобы сдѣлать горцевъ своими. Когда Россія приняла въ свое подданство Грузію, споръ уже былъ рѣшенъ въ горахъ; оплотъ, прикрывающій Азію со стороны Россіи, принадлежалъ врагамъ, кромѣ нѣсколькихъ племенъ, непосредственно прилегающихъ къ Грузіи: Хевсуръ, Осетинъ, Сванетъ и части Абхазцевъ. Но и эти племена нельзя было назвать вполнѣ христіанскими; ихъ религіозныя понятія представляли странную смѣсь христіанства и язычества, безъ всякаго опредѣленнаго содержанія, безъ нравственнаго приложенія къ жизни; это былъ нестройный сборъ суевѣрій и обрядовъ, безотчетнаго почитанія нѣкоторыхъ святыхъ и жертвоприношеній, исполняемыхъ полу-шаманами, удержавшими только имя дьяконовъ (деканозъ). Эти племена составляли, можно

сказать, нейтральную часть горскаго населенія, не сочувствовавшую ни намъ, ни мусульманамъ; между тѣмъ, по географическому положенію, нѣкоторыя изъ нихъ имѣли и имѣютъ для насъ чрезвычайную важность: Осетины и Хевсуры владѣютъ Военно-Грузинской дорогой, одни съ Запада, другіе съ Востока, и эта дорога потому только и остается въ нашей безспорной власти, что пролегаетъ по землямъ людей, не сдѣлавшихся еще нашими врагами. И Хевсуры, и Осетины, и Сванеты, какъ ни спутаны были ихъ религіозныя понятія, удержали еще къ началу нынѣшняго столѣтія столько слѣдовъ христіанства, что возстановленіе его было возможно, еслибъ Россія сдѣлала для этой великой цѣли по крайней мѣрѣ столько же, сколько сдѣлало въ старину безсильное Грузинское царство. Надобно было только сознать, хоть бы съ одной политической стороны, важность возстановленія въ горахъ христіанства и совершить необходимое для того пожертвованіе: возобновить церкви, приготовить священниковъ, знающихъ горскія нарѣчія, поставивъ ихъ въ почетное положеніе между народомъ, перевести на туземные языки Священное Писаніе и, главное, заботиться о томъ, чтобъ христіанство было въ горахъ покровительствуемой, а не угнетаемой вѣрой. Но подъ Русскимъ владычествомъ христіанство Осетинъ, Хевсуровъ, Сванетовъ и Абхазцевъ осталось въ такомъ положеніи, какъ еслибъ Кавказъ не принадлежалъ христіанскому государству. Въ первыя тридцать лѣтъ своего владычества на Кавказѣ, правительство не обращало на этотъ предметъ вниманія; въ послѣднія двадцать пять лѣтъ, разливъ въ горахъ мюридизма, проникшаго въ Осетію, вызвалъ съ нашей стороны нѣсколько мѣръ. Чтобы остановить успѣхи врага, надобно было подумать о томъ, что, съ обращеніемъ Осетинъ къ исправительному шарикату, намъ пришлось бы пробиваться черезъ Военно-Грузинскую дорогу, какъ черезъ ущелья Дагестана. Но мѣры, вызванныя необходимостью съ нашей стороны, не соотвѣтствовали важности цѣли. Въ тридцатыхъ годахъ мюридизмъ еще не проникалъ въ Осетинскія горы; но между Осетинами, разселившимися по Кабардинской плоскости, значительнѣйшія семейства уже приняли Коранъ; примѣръ ихъ былъ заразителенъ для Осетин-

скаго населенія. Фанатики, пробиравшіеся изъ Дагестана, не щадили никакихъ усилій, чтобы бросить въ Осетію сѣмена мюридизма. Очевидно, что полудикіе горцы, сохранившіе отъ христіанства одни урывчатыя понятія, не могутъ оцѣнивать религію по ея содержанію; они судятъ объ ней по внѣшней сторонѣ, по живымъ примѣрамъ, которые видятъ передъ глазами. Съ такой точки зрѣнія выгода была не на сторонѣ христіанства.

Начать съ того, что мусульманство гораздо понятнѣе дикарю. Коранъ не требуетъ отъ человѣка никакихъ усилій, чтобы возвыситься надъ своимъ естественнымъ состояніемъ; напротивъ, онъ освящаетъ это состояніе, какъ должное и узакониваетъ всѣ его побужденія: чувственность, безпечность, личную месть, кровопролитіе для пріобрѣтенія добычи, все, чтó нужно хищнику. Кромѣ того, мусульманство для Кавказскихъ горцевъ—вѣра, можно сказать, патріотическая, въ томъ смыслѣ, что она есть символъ и знамя ихъ независимости, въ которой для горца заключается все, чѣмъ ему мила жизнь. Такая оцѣнка вѣры съ политической стороны существуетъ одинаково и у мирныхъ, и у немирныхъ, у мусульманъ и безвѣрныхъ. Для всего населенія Кавказскаго хребта, горецъ-мусульманинъ—свой человѣкъ, вездѣ имѣющій право на почетъ и довѣренность; не-мусульманинъ—парій, отверженецъ, рабъ; оттого въ племенахъ смѣшанныхъ мусульманинъ со дня рожденія привыкаетъ считать себя человѣкомъ высшаго достоинства. Проповѣдники мюридизма, являвшіеся посреди нашихъ полу-христіанскихъ племенъ, олицетворяли въ ихъ понятіи идеалъ мужескаго величія: полные страстнаго убѣжденія и отваги, готовые всякую минуту на мученичество, но не мученичество страдательное, котораго горецъ пока не понимаетъ, а на гордую смерть въ самомъ неравномъ бою противъ гяуровъ, во славу Божію, эти люди производили всегда глубокое впечатлѣніе на народъ. Исламизмъ увлекалъ горца со всѣхъ сторонъ жизни, ему доступныхъ.

Бороться съ такимъ врагомъ въ горахъ, въ средѣ, какъ будто нарочно для него созданной, могло только истинное христіанское самоотверженіе, поддержанное самымъ дѣятельнымъ участіемъ правительства. Вмѣсто того, возстановленіе

угасшей вѣры въ Осетіи, Хевсуріи и Сванетіи было предоставлено слабымъ средствамъ мѣстной эпархіи, которая, при всей доброй волѣ, ничего не могла сдѣлать. Подлѣ вѣковыхъ остатковъ Грузинскихъ храмовъ построили нѣсколько саклей, названныхъ церквами, убранныхъ нищенскою утварью, какую можно видѣть только у несчастныхъ раіевъ, подавленныхъ Турецкимъ игомъ; приставили къ этимъ церквамъ священниковъ, не имѣющихъ почти средства къ пропитанію и потому выбираемыхъ между худшими, совершенно зависимыхъ отъ прихожанъ изъ-за куска насущнаго хлѣба [1]), часто плохо знающихъ языкъ людей, которыхъ они должны наставлять, вообще покинутыхъ и пренебрегаемыхъ своей паствой; о переводѣ Священнаго Писанія на туземные языки, до недавняго времени, вовсе не помышляли. Съ своей стороны мѣстныя начальства, весьма естественно, думали прежде всего о сохраненіи Русской власти надъ народомъ и потому избирали своими агентами въ сношеніяхъ съ туземцами людей самыхъ уважаемыхъ и вліятельныхъ, то есть почти исключительно мусульманъ; тѣ, въ свою очередь, пользовались своимъ возвышеннымъ положеніемъ, чтобы покровительствовать единовѣрцамъ и распространять свое ученіе. Послѣдствія такого положенія не могли быть сомнительными; такъ называемое христіанское населеніе горъ съ каждымъ днемъ становилось и теперь [2]) все становится болѣе и болѣе мусульманскимъ, переходитъ цѣлыми деревнями въ исламизмъ, т. е. мюридизмъ, и проникается враждою къ Русской власти. Что́ можетъ тутъ сдѣлать главное Кавказское начальство, что́ можетъ сдѣлать само правительство, хотя бы оно не пожалѣло издержекъ? Съ одной стороны, мы удерживаемъ горцевъ въ христіанствѣ оффиціальными мѣрами, принимаемыми издали, приводимыми въ дѣйствіе черезъ гражданскихъ и духовныхъ чиновниковъ, исполняющихъ свой урокъ; съ дру-

---

[1]) Въ Хевсуріи и въ большинствѣ Осетинскихъ деревень народъ самъ рѣдко вполнѣ обезпеченъ хлѣбомъ, да и не далъ бы куска хлѣба священнику, еслибы тотъ даже протянулъ руку „Христа ради“. Я достаточно насмотрѣлся на отношенія этихъ горцевъ къ священникамъ, чтобы имѣть право говорить объ этомъ положительно. Но это было 35—40 лѣтъ тому назадъ. Интересно бы знать, каково теперь? А. З.

[2]) То-есть въ 1857 году.

гой стороны, этихъ же горцевъ увлекаетъ въ мусульманство страстное убѣжденіе всего сосѣдняго народа, готоваго всегда сложить голову за то, чтó онъ считаетъ истиной. При такихъ условіяхъ споръ непремѣнно долженъ быть проигранъ, хотя бы онъ былъ предпринятъ Русской имперіей противъ Осетинскаго племени, Божественною истиною противъ человѣческой лжи. Съ убѣжденіемъ можетъ бороться только убѣжденіе. Для того, чтобы остановить нравственно разливающійся потокъ мюридизма и возстановить православную церковь въ горахъ, гдѣ она осѣняла прежде столько племенъ, нужно, чтобъ не одно правительство, но цѣлая Россія узнала и оцѣнила такое положеніе вещей, возможное потому только, что оно покрыто тѣнью и немногимъ извѣстно. Русскія сердца отзовутся на призывный голосъ вѣры и долга, и сейчасъ же найдутся средства пресѣчь это зло.

Для возстановленія христіанства въ племенахъ, гдѣ оно уже давно поколебалось, въ Осетіи, Хевсуріи и Сванетіи, нужно имѣть хорошихъ проповѣдниковъ и достаточныя суммы, для того, чтобы устроить мѣстную церковь въ томъ видѣ, какъ она должна быть. При значительныхъ средствахъ можно завести училища для образованія проповѣдниковъ, дать мѣстной іерархіи безбѣдное содержаніе, при которомъ ее можно пополнять достойными и приготовленными для своего дѣла пастырями, окружить христіанское богослуженіе достаточнымъ величіемъ, по крайней мѣрѣ достаточною благопристойностію, чтобы оно внушало уваженіе полудикимъ горцамъ. За людьми, готовыми положить душу за Христа и посвятить жизнь проповѣди слова Его, между Русскими дѣло никогда не станетъ, лишь бы имъ была отперта дверь на этотъ путь; безъ знанія мѣстнаго языка и безъ всякихъ средствъ самое сильное рвеніе ничего не можетъ сдѣлать.

Создать эти средства есть долгъ православнаго государства. Дѣло идетъ о вопросахъ, къ которымъ Россія не можетъ оставаться равнодушною о православіи меньшихъ ея братьевъ, ежедневно отрываемыхъ враждебною проповѣдью отъ лона церкви; о величіи Россіи, которая должна разрушить на Кавказѣ препятствіе, противопоставленное ей воплощеніемъ мусульманской ненависти въ мюридизмѣ. Союзъ

частныхъ лицъ долженъ способствовать правительству въ этомъ дѣлѣ и основать братство, съ цѣлію поддержать и распространить христіанство между Кавказскими племенами“.

Князь Барятинскій предлагалъ учредить это братство, примѣняясь отчасти къ началамъ, на которыхъ въ средніе вѣка учреждены были рыцарскія братства, поставившія себѣ цѣлью распространеніе христіанскаго ученія между язычниками. Но, вмѣсто того, чтобы членамъ братства лично дѣйствовать, какъ бывало, проповѣдью и мечемъ, онъ полагалъ, согласно съ духомъ настоящаго времени, руководствоваться при семъ учрежденіи слѣдующими главными основаніями:

1) Оно приметъ названіе Братства Воздвиженія Св. Креста.

2) Оно составится изъ лицъ обоего пола всякихъ состояній, обязывающихся вносить ежегодно извѣстную сумму на сооруженіе и содержаніе церквей и духовенства въ Кавказскихъ горахъ, на образованіе достойныхъ проповѣдниковъ Слова Божія и производство вообще всѣхъ расходовъ, къ распространенію православной вѣры между дикими Кавказскими племенами.

3) Для членовъ братства обоего пола Государь Императоръ установитъ орденъ въ трехъ степеняхъ, соотвѣтственно опредѣленной для каждой степени суммѣ ежегоднаго взноса.

4) Для наибольшаго успѣха въ дѣлѣ общества желательно, чтобы званіе верховнаго покровителя братства принято было членомъ Императорскаго дома.

5) Ежегодные взносы членовъ братства будутъ зависѣть отъ сердечнаго участія въ преуспѣяніи благаго дѣла; опредѣлится только меньшая мѣра взноса, присвоеннаго для каждой степени

6) Кромѣ взносовъ отъ членовъ братства должно открывать ежегодно общую подписку по всей Россіи. Нужно, чтобы каждый Русскій, ревнующій къ дѣлу распространенія православной вѣры, во славу отечества, могъ принести ему свою лепту.

7) Главное управленіе братства должно быть на Кавказѣ, подъ предсѣдательствомъ намѣстника и вице-предсѣдательствомъ экзарха Грузіи. Въ главное управленіе будутъ

стекаться всѣ суммы общества. Въ употребленіи ихъ управленіе представляетъ ежегодный отчетъ прямо верховному покровителю. Отчетъ сей печатается и раздается всѣмъ членамъ общества безплатно.

8) Члены братства могутъ, ревнуя объ успѣшномъ ходѣ дѣла, сообщать главному управленію свои виды и желанія. Управленіе обсуживаетъ степени ихъ примѣнимости и въ годовомъ отчетѣ упоминаетъ о ходѣ, данномъ каждому предположенію члена общества.

9) На обязанности главнаго управленія лежитъ преимущество: а) учрежденіе особыхъ классовъ при семинаріяхъ, какъ столичныхъ, такъ и мѣстныхъ, для образованія духовныхъ лицъ, предназначенныхъ для проповѣди Слова Христова въ горахъ. Изученіе языковъ Грузинскаго, Сванетскаго, Осетинскаго, Хевсурскаго *) и другихъ для нихъ обязательно. б) Сооруженіе и содержаніе церквей и установленной іерархіи въ тѣхъ горскихъ племенахъ, гдѣ въ настоящее время возможно возстановленіе христіанской вѣры. в) Заведеніе школъ при церквахъ и монастыряхъ, по основаніи таковыхъ, гдѣ дѣти значительнѣйшихъ горскихъ семействъ получатъ христіанское Русское воспитаніе. г) Переводы Св. Писанія, Катехизиса и молитвенниковъ, сначала на языки Осетинскій и Сванетскій, а потомъ и на всѣ Кавказскія нарѣчія.

Таково было предположеніе въ главныхъ чертахъ. Полный уставъ братства легко могъ быть составленъ въ послѣдствіи.

Основаніе „Братства Воздвиженія Св. Креста“ должно было стать для Россіи великимъ народнымъ событіемъ. Учреждаемое первоначально для потребностей одного Кавказа, въ которомъ борьба нехристіанскихъ началъ противъ Евангелія олицетворилась въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ, оно со временемъ могло далеко расширить свою дѣятельность на Востокъ. Въ силу многихъ обстоятельствъ, не смотря на теплоту вѣры

*) Это собственно ошибка, ибо никакого особеннаго Хевсурскаго языка не существуетъ. Хевсуры, какъ и ихъ сосѣди Тушины и Пшаны, говорятъ чистымъ Грузинскимъ языкомъ; но часть ихъ, живущая по сѣверному склону главнаго хребта, говоритъ *и на Кистинскомъ* языкѣ. Для нихъ перевода священныхъ книгъ и приготовленій особыхъ миссіонеровъ не требовалось .А. З.

и неограниченное рвеніе въ Русскомъ народѣ къ ея преуспѣянію, это высокое и плодотворное стремленіе до сихъ поръ не могло осуществиться достойнымъ образомъ за недостаткомъ общественнаго органа для его проявленія. Шестьдесятъ милліоновъ людей одинаково думали и чувствовали въ этомъ отношеніи, но каждый думалъ и чувствовалъ про себя. Послѣдствія очевидны: въ глазахъ могучей, вѣрной и благочестивой Россіи проповѣдники исламизма отрываютъ отъ православія цѣлыя населенія; другія племена, издавна живущія на Русской почвѣ, остаются язычниками. Частныя усилія, въ такомъ положеніи дѣла, не могли повести къ большимъ послѣдствіямъ: частный человѣкъ ограниченъ со всѣхъ сторонъ. Намъ нужно было общее усиліе. Чего не сдѣлаетъ Русскій, то сдѣлаетъ Россія

Государь Императоръ, по прочтеніи изложенной выше записки, соизволилъ написать на оной собственноручно: „Предметъ этотъ нахожу весьма важнымъ: но мнѣ кажется, что можно того же достигнуть безъ учрежденія подобнаго братства, несовмѣстнаго съ нашими учрежденіями *). Записку эту можно внести въ Кавказскій Комитетъ".

Комитетъ нашелъ, что изложенныя въ запискѣ свѣдѣнія заслуживаютъ полнаго вниманія правительства. Почти всѣ бывшіе главные начальники Кавказскаго и Закавказскаго края неоднократно представляли о совершенной безуспѣшности мѣръ, принимаемыхъ для водворенія и упроченія христіанства между Осетинцами и другими народами Кавказа. Всѣ они почти единогласно признавали необходимымъ указать особыя средства для постройки въ горахъ Кавказа православныхъ церквей, благолѣпіе коихъ могло бы дѣйствовать на дикихъ горцевъ; о назначеніи къ симъ церквамъ образованныхъ и знающихъ туземные языки священниковъ, слово коихъ могло бы распространить и укрѣпить христіанство между горцами; о приготовленіи особыхъ миссіонеровъ, кои могли бы проповѣдывать Слово Божіе въ горахъ. Но всѣ такія предначертанія оставались безъ утвержденія по недостат-

*) Однакоже взгляды въ этомъ отношеніи послѣ измѣнились, и мы видимъ теперь нѣсколько братствъ, учрежденныхъ съ содѣйствіемъ правительства и успѣшно дѣйствующихъ въ Сѣверо-западномъ и Прибалтійскомъ краѣ въ интерессахъ православія. А. З.

ку на все это денежныхъ способовъ *). Между тѣмъ, положеніе христіанской вѣры въ горахъ Кавказа, между дикими племенами его, какъ видно изъ свѣдѣній, удостовѣряемыхъ княземъ Барятинскимъ и вполнѣ согласныхъ съ представленіями почти всѣхъ его предшественниковъ, находится на такой жалкой степени, что правительство должно немедленно изыскать и указать способы для распространенія христіанства между Кавказскими горцами, особенно въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ оно существовало прежде и гдѣ, къ сожалѣнію, единственно по равнодушію правительства къ этому дѣлу, явилось отступничество и укрѣпляется исламизмъ, вредный для насъ и въ духовномъ, и въ политическомъ отношеніяхъ.

Въ этомъ убѣжденіи Комитетъ признавалъ полезнымъ учредить въ С.-Петербургѣ особое общество для поддержанія православія въ Кавказскихъ горахъ. Члены этого общества будутъ обязаны вносить или опредѣленные вклады или единовременныя пожертвованія въ кассу общества. Собирая такимъ образомъ средства, общество будетъ предоставлять распоряженіе ими мѣстнымъ главнымъ на Кавказѣ начальствамъ, гражданскому и духовному. Общество будетъ направлять дѣло и содѣйствовать его успѣхамъ. При томъ высокомъ покровительствѣ, которое оказывается у насъ въ Россіи Императорскою фамиліею всякому полезному и доброму дѣлу, нѣтъ сомнѣнія, что если такое общество будетъ принято подъ особое покровительство одного изъ членовъ Императорскаго дома, то оно будетъ имѣть важные и рѣшительные успѣхи. На подобномъ основаніи учреждены уже у насъ нѣкоторыя частныя общества и принесли много пользы. Достаточно упомянуть о двухъ: Вольномъ Экономическомъ и Географическомъ. То и другое существуютъ взносами и пожертвованіями членовъ. Первое общество изъ этого источника успѣло издать много полезныхъ сочиненій для распространенія экономическихъ свѣдѣній въ Россіи, учредить нѣкоторыя учебныя заведенія и практическія фермы, издавать журналъ и т. п. Второе общество ревностно содѣйствуетъ

*) И потому еще, что всѣ подобныя представленія носили характеръ канцелярской переписки, а не горячаго слова убѣжденія. Когда раздалось послѣднее отъ князя Барятинскаго, явились и вниманіе, и средства. А. З.

собранію и распространенію свѣдѣній о Россіи, сформировало и отправило на свой счетъ нѣсколько ученыхъ экспедицій и издало много прекрасныхъ сочиненій. При такомъ успѣхѣ двухъ обществъ, имѣющихъ цѣли ученую и практическую, нельзя сомнѣваться, чтобы не имѣло успѣха вновь предполагаемое, при его высокой духовной цѣли — распространенія и поддержанія христіанства въ Кавказскихъ горахъ.

Независимо отъ учрежденія сего общества, Комитетъ находилъ весьма полезнымъ открыть повсемѣстно во всей Россіи особую подписку для сбора добровольныхъ пожертвованій на устройство православныхъ церквей въ горахъ Кавказа и вообще на распространеніе тамъ православія. Нѣтъ сомнѣнія, что сдѣланный по этому предмету вызовъ, если онъ будетъ написанъ въ выраженіяхъ сильныхъ и убѣдительныхъ, побудитъ многихъ лицъ жертвовать на такое полезное и вполнѣ богоугодное дѣло.

Комитетъ при этомъ признавалъ, что подобное богоугодное дѣло требуетъ благословенія и содѣйствія Святѣйшаго Синода. Поэтому состоялось слѣдующее постановленіе Кавказскаго Комитета:

1. Предположеніе объ учрежденіи общества для поддержанія православія въ горахъ Кавказа и объ открытіи повсемѣстной въ Россіи подписки, сообщить Синодальному об.-прокурору, съ тѣмъ, чтобы онъ предложилъ на обсужденіе Синода и представилъ Комитету мнѣніе о томъ, какія именно пособія Синодъ изъ его средствъ можетъ удѣлить и опредѣлить на устройство православныхъ церквей и вообще на распространеніе православія въ горахъ Кавказа?

2. Поручить намѣстнику Кавказскому заняться составленіемъ проектовъ, какъ устава вновь предполагаемаго общества, принявъ при этомъ въ соображеніе мѣстныя условія, при которыхъ общество можетъ дѣйствовать съ надлежащимъ успѣхомъ, такъ и проекта вызова или объясненія о сборѣ въ Россіи добровольныхъ пожертвованій на устройство православныхъ церквей въ горахъ Кавказа, и

3. Затѣмъ, по полученіи въ Комитетѣ мнѣнія Синода о пособіяхъ, какія оно можетъ отдѣлить на этотъ предметъ, и проектовъ, составленіе коихъ поручается намѣстнику, войд-

ти въ подробное ихъ обсужденіе и затѣмъ уже составить и представить на Высочайшее утвержденіе свои окончательныя по сему дѣлу предположенія. Государь утверждая это постановленіе Комитета, прибавилъ: „Государыня Императрица Марія Александрова съ удовольствіемъ приметъ это общество подъ свое покровительство“.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Письмо князя А. И. Барятинскаго къ В. П. Буткову.

Я получилъ свѣдѣніе, что представленная мною Государю Императору записка объ учрежденіи христіанскаго братства для поддержанія и распространенія православной вѣры между дикими племенами Кавказа передана въ Кавказскій Комитетъ, и что основанія этого учрежденія признаются не вполнѣ соотвѣтственными духу нашихъ учрежденій.

Зная участіе ваше въ судьбахъ ввѣреннаго мнѣ края, я спѣшу передать вамъ тѣ причины и уваженія, которыя привели меня къ необходимости учредить братство именно на тѣхъ основаніяхъ, которыя изложены въ моей запискѣ.

Для полнаго умиротворенія Закавказскаго края и окончательнаго слiянія его съ государствомъ въ равной степени необходимы военныя мѣры, развитіе гражданскаго его благоустройства и вліяніе на туземныя племена христіанскихъ началъ. Всѣ эти способы должны дѣйствовать одновременно и совокупно и взаимно помогать одинъ другому. Дѣйствіе военной силы, равно какъ и всякихъ гражданскихъ успѣховъ, будетъ не полно, если оно не будетъ подкрѣплено дѣйствіемъ христіанскихъ началъ, первое проявленіе которыхъ должно заключаться въ смягченіи и улучшеніи дикихъ нравовъ, отличающихъ горскія племена.

Сообразно этому необходимо было, на ряду съ военными и гражданскими мѣрами, изыскать и установить такой способъ, посредствомъ коего христіанскія начала должны развиваться въ краѣ постоянно и неуклонно. Я призналъ, что учрежденіе христіанскаго братства, на предложенныхъ мною основаніяхъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ этимъ видамъ и составляетъ единственно надежный и вѣрный способъ для достиженія предназначенныхъ цѣлей въ этомъ отношеніи.

Примѣненіе основаній этого братства къ началамъ рыцарскихъ орденовъ сдѣлано мною исключительно въ финансовыхъ видахъ, ибо необходимо, чтобы это учрежденіе располагало постоянными средствами для своихъ дѣйствій. Собственно для привлеченія и образованія этихъ средствъ я и призналъ нужнымъ установить постоянное учрежденіе, олицетворенное особымъ орденомъ, раздѣленнымъ на три степени, сообразно различному количеству ежегодныхъ взносовъ. Установленіе это я основалъ на томъ соображеніи, что если люди, чисто преданные христіанскому дѣлу и готовы будутъ безкорыстно присоединиться къ братству, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя въ настоящемъ предположеніи не принять во вниманіе, именно въ видахъ финансовыхъ, большинство, не чуждое свойственнаго человѣчеству самолюбія и не предоставить людямъ, находящимся подъ вліяніемъ этого чувства, направлять его къ участію въ дѣлѣ посвященномъ славѣ Бога и благу человѣчества.

Этимъ только способомъ я полагаю имѣть постоянныя средства для осуществленія тѣхъ обширныхъ предположеній, которыя изложены въ моей запискѣ. Я убѣжденъ, что безъ особеннаго средства привлеченія къ участію въ братствѣ оно едва ли можетъ состояться. Безъ образованія же братства и, слѣдовательно, безъ постоянныхъ взносовъ, дѣло рѣшительно не можетъ имѣть тѣхъ благотворныхъ послѣдствій, которыхъ я ожидаю, и не будетъ однимъ изъ важныхъ орудій къ распространенію христіанства. Никакой единовременный сборъ, какъ бы великъ онъ ни былъ, не будетъ достаточенъ, когда, согласно плану, изложенному въ запискѣ, предстоитъ постепенное сооруженіе церквей въ Кавказскихъ горахъ, и образованіе достойныхъ проповѣдниковъ Слова Божія, и содержаніе между дикими племенами духовенства, соотвѣтственное его достоинству и значенію. Единовременно собранный капиталъ рано или поздно изсякнетъ, и святое дѣло неминуемо погрузится во мракъ. Подобный сборъ можетъ служить, какъ и предположено мною, только вспомогательнымъ средствомъ для братства, независимо отъ постоянныхъ взносовъ его членовъ; отдѣльно, самъ по себѣ, онъ не поведетъ ни къ какой существенной цѣли.

Я надѣюсь, что ваше превосходительство не отважете мнѣ разъяснить, гдѣ и когда нужно будетъ, всѣ сіи соображенія, которыя руководили меня въ настоящемъ дѣлѣ и вообще поддержать его вашимъ добрымъ содѣйствіемъ. Къ сему долгомъ считаю присовокупить, что въ представленной мною запискѣ изложены только общія основанія христіанскаго братства, и что подробный порядокъ устройства дѣйствій онаго будетъ изложенъ въ другомъ проектѣ, если главная мысль удостоена будетъ утвержденія

8 Декабря 1857 г. Тифлисъ.

Письмо князя А. И Барятинскаго къ митрополиту Исидору *).

Я имѣлъ удовольствіе получить два письма ваши отъ 1-го и 13-го Октября. Благодарю васъ искренно за дружескія слова, которыми онѣ исполнены. Мнѣ пріятно видѣть ваше доброе расположеніе ко мнѣ, которымъ я всегда дорожилъ. Время, проведенное мною съ вами въ общемъ служеніи Кавказу, всегда будетъ въ ряду самыхъ лучшихъ моихъ воспоминаній. Буду надѣяться, что новое положеніе ваше не измѣнитъ нашихъ прежнихъ добрыхъ отношеній, и вы не забудете о Кавказѣ, который окружаетъ ваше имя столь благодарною памятью.

Хотя мнѣ извѣстно, что пребываніе ваше въ С.-Петербургѣ произвело вообще самое пріятное впечатлѣніе, тѣмъ не менѣе подробности свиданія вашего съ Государынею Императрицею интересны для меня въ высшей степени. Сочувствіе, выраженное Ихъ Величествами къ дѣлу распространенія христіанства на Кавказѣ, я передалъ экзарху, который, я увѣренъ, будетъ идти въ этомъ отношеніи по слѣдамъ своего достойнаго предшественника.

Что̀ касается до учрежденія Общества для возстановленія православія, то я очень благодаренъ вамъ за ваше просвѣщенное въ немъ участіе и убѣжденъ, что личныя ваши объясненія разсѣяли многія недоумѣнія; за всѣмъ тѣмъ однакоже я сильно опасаюсь, чтобы въ дальнѣйшемъ движеніи его, послѣ отъѣзда вашего изъ С.-Петербурга, не вкрались въ это важное предположеніе, вслѣдствіе тѣхъ же недоумѣній, какія-либо начала, противуположныя нашимъ съ вами соглашеніямъ и, главное, вредныя для самаго успѣха. Подъ вліяніемъ этого опасенія, я теперь же прошу г. Буткова, чтобы никакія измѣненія не были вводимы въ проектъ, безъ предварительнаго моего согласія.

Сочувствіе ваше военнымъ успѣхамъ нашимъ обязываетъ меня также искреннею благодарностью. Богъ видимо благословляетъ труды наши въ великомъ дѣлѣ умиротворенія Кавказа.

31 Октября 1858 г. Тифлисъ.

---

*) Письма митрополита Исидора къ фельдмаршалу не могутъ быть въ настоящее время напечатаны. А. З.

Глава V.

Продолженіе объ Обществѣ возстановленія православія въ горахъ.—Записки о желѣзной дорогѣ и льготной торговлѣ за Кавказомъ.

Святѣйшій Синодъ отозвался, что онъ съ особеннымъ сочувствіемъ выслушалъ предположеніе Кавказскаго Комитета объ учрежденіи Общества для поддержанія православія въ Кавказскихъ горахъ, ибо святое дѣло сіе всегда составляло предметъ особыхъ попеченій и заботливости Синода, и ежели успѣхи не соотвѣтствовали доселѣ ожиданіямъ, то главнѣйше по неимѣнію къ тому нужныхъ матеріальныхъ средствъ; но теперь Синодъ уповаетъ, что предположенное Общество, при такомъ высокомъ покровительствѣ, которое Всемилостивѣйше обѣщано оному Августѣйшимъ Монархомъ, и при помощи Божіей, которая ниспосылается свыше на каждое благое дѣло, а тѣмъ паче на святую проповѣдь Слова Божія, устранитъ, наконецъ, тѣ препятствія, какія встрѣчались доселѣ на пути къ обращенію Кавказскихъ племенъ въ нѣдра православной церкви, и достигнетъ издавна желаемаго въ этомъ дѣлѣ успѣха. Съ своей стороны Синодъ предлагаетъ обществу полную готовность содѣйствовать во всемъ, что̀ отъ него будетъ зависѣть, но къ сожалѣнію не можетъ удѣлить и опредѣлить денежнаго пособія на устройство православныхъ церквей въ горахъ Кавказскихъ по совершенной ограниченности средствъ, въ его распоряженіи состоящихъ... Впрочемъ, Синодъ не оставитъ призвать въ свое время православное духовенство къ добровольнымъ на означенный предметъ пожертвованіямъ и надѣется, что духовенство съ своей стороны принесетъ съ радостію посильную лепту на алтарь св. церкви Христовой и озаботится внушить и духовнымъ чадамъ своимъ сочувствіе къ сему великому дѣлу.

Въ Сентябрѣ 1858 года князь Барятинскій доставилъ проекты устава Общества и воззванія къ участію въ семъ дѣлѣ. При этомъ князь объяснилъ, что означенные проекты составлены на основаніи соображеній, изложенныхъ въ первоначальной его запискѣ по этому дѣлу и тѣхъ указаній, какія сдѣланы Кавказскимъ Комитетомъ; за всѣмъ тѣмъ онъ счелъ необходимымъ изложить нѣкоторыя главныя начала, принятыя имъ при составленіи устава, именно:

1. Комитетъ, поручая намѣстнику составленіе устава, призналъ необходимымъ, чтобы при этомъ приняты были въ соображеніе мѣстныя условія, при которыхъ Общество можетъ дѣйствовать съ надлежащимъ успѣхомъ. Слѣдуя сему указанію и сознавая вполнѣ, что настоящее предпріятіе тогда только можетъ имѣть должный успѣхъ, когда оно будетъ совершенно согласовано съ мѣстными условіями и обстоятельствами, князь Барятинскій пришелъ къ убѣжденію, что главное управленіе дѣлами Общества должно находиться въ Тифлисѣ, центрѣ всего административнаго круга, обнимающаго Кавказъ, и среди, такъ сказать, всѣхъ мѣстныхъ условій и обстоятельствъ. Перенесеніе этого управленія въ С.-Петербургъ имѣло бы величайшія неудобства, раздѣляя на огромное пространство высшее направленіе дѣйствій Общества отъ самаго мѣста этихъ дѣйствій. Такое раздѣленіе неминуемо произвело бы, прежде всего, медленность въ дѣлахъ, потомъ огромную и безполезную переписку и, наконецъ, множество недоумѣній и затрудненій въ практическомъ отношеніи. Напротивъ, учрежденіемъ управленія дѣлами Общества въ Тифлисѣ, поставленномъ среди Кавказскихъ племенъ, правительство избѣгнетъ всѣхъ этихъ неудобствъ и дастъ дѣйствіямъ общества сосредоточенность, быстроту и практическую примѣнимость.

2. Въ соображеніяхъ своихъ, при разсмотрѣніи настоящаго дѣла, комитетъ замѣтилъ, что на необходимость поддержанія христіанства въ горахъ Кавказа и прежде постоянно было обращаемо вниманіе; но всѣ принимаемыя въ этомъ отношеніи мѣры оставались не вполнѣ удовлетворительными единственно по недостатку матеріальныхъ средствъ. Справедливость этого замѣчанія, по мнѣнію намѣстника, не подле-

житъ ни малѣйшему сомнѣнію, и создать эти средства составляетъ въ предлежащемъ дѣлѣ главную задачу, ибо безъ нихъ и настоящее предпріятіе останется также безплоднымъ, какъ и всѣ предъидущія. Именно, для созданія этихъ средствъ, князь Барятинскій сознаётъ вполнѣ необходимымъ установленіе для членовъ Общества особаго знака, на подобіе тѣхъ, кои установлены для высшихъ ученыхъ степеней по духовному вѣдомству, съ раздѣленіемъ его на 4 разряда, сообразно различному количеству ежегодныхъ взносовъ. Единственно этимъ только способомъ можно, по убѣжденію князя Барятинскаго, образовать постоянныя и достаточныя средства для достиженія тѣхъ важныхъ цѣлей, съ которыми предпринимается учрежденіе Общества. Безъ особеннаго средства привлеченія къ участію въ немъ, Общество едва ли можетъ и состояться. Никакой единовременный сборъ, какъ бы великъ онъ ни былъ, не будетъ достаточенъ для Общества. Единовременно собранный капиталъ рано или поздно изсякнетъ, и святое дѣло неминуемо погрузится въ прежній мракъ.

3. Изъ соображеній комитета видно, что, вмѣстѣ съ изданіемъ устава, предназначено сдѣлать воззваніе о сборѣ добровольныхъ пожертвованій на устройство православныхъ церквей въ горахъ Кавказа и пожертвованія эти должны составить основанія для дѣйствій Общества. Князь Барятинскій полагалъ, что основывать существованіе Общества на результатахъ единовременнаго воззванія къ пожертвованіямъ невозможно; онъ признавалъ, что при установленіи для членовъ Общества особаго знака и связанныхъ съ нимъ постоянныхъ ежегодныхъ денежныхъ взносовъ, и слѣдовательно, при положительномъ упроченіи существованія Общества, подобныя воззванія и дѣлаемыя вслѣдствіе ихъ приношенія могутъ служить весьма важнымъ вспомогательнымъ средствомъ для Общества, которое и должно быть уполномочено прибѣгать къ этому средству по его усмотрѣнію.

4. Уставъ общества долженъ быть введенъ въ дѣйствіе первоначально, по новизнѣ и важности дѣла, въ видѣ опыта на три года.

Уставъ состоялъ изъ 85 §§. Приводить ихъ здѣсь вполнѣ считаю лишнимъ; ограничусь лишь указаніемъ главнѣйшихъ.

Общество составлялось изъ членовъ дѣйствительныхъ, почетныхъ и сотрудниковъ. Первые дѣлились на 4 степени: 1-й взносъ годовой 1000 р.; 2-й 500 р., 3-й 300 р. и 4-й 20 р. Сообразно этому, члены получали и установленный особый знакъ св. Нины, крестъ прекрасной формы, на лиловой лентѣ, носимый на груди, на шеѣ или въ петлицѣ. Общество должно дѣйствовать чрезъ Совѣтъ, учреждаемый въ Тифлисѣ, подъ предсѣдательствомъ намѣстника, съ вице-предсѣдателемъ экзархомъ Грузіи. Главная забота совѣта: сооруженіе церквей, содержаніе при нихъ духовенства, учрежденіе для распространенія православно-христіанскаго образованія школъ для дѣтей горцевъ, открытіе съ этою же цѣлью особыхъ классовъ при семинаріяхъ, избраніе и содержаніе миссіонеровъ и переводъ книгъ Священнаго Писанія и богослужебныхъ на туземные языки.

Воззваніе къ участію въ дѣлѣ возстановленія православія на Кавказѣ князь полагалъ изложить такъ:

„Съ высочайшаго утвержденія Государя Императора и подъ верховнымъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Александровны учреждается въ Тифлисѣ Общество возстановленія православія на Кавказѣ.

Званіе дѣйствительнаго члена онаго пріобрѣтаетъ тотъ, кто будетъ вносить ежегодную сумму, уставомъ Общества опредѣленную.

Для членовъ Общества установляются для ношенія особые знаки, раздѣленные на 4-е степени, по мѣрѣ ежегодныхъ взносовъ.

Члены Общества будутъ, такимъ образомъ, не тайно, а явно предъ людьми, какъ и предъ Богомъ, служить кресту православному.

Во многихъ частяхъ Кавказа православіе существовало и существуетъ съ самыхъ апостольскихъ временъ.

Грузія въ продолженіе многихъ вѣковъ служила постояннымъ театромъ крававыхъ переворотовъ; но сильная въ вѣрѣ, проповѣданной здѣсь еще Андреемъ Первозваннымъ и потомъ въ IV вѣкѣ св. Равноапостольною Ниною, она сохранила ее въ неприкосновенной чистотѣ и, отдавшись сама въ началѣ нынѣшняго столѣтія Русскому Государю, передала

дальнѣйшему его покровительству и церковь свою, которая такъ долго была свидѣтельницею чистоты и истины православія.

Но въ тѣхъ областяхъ, которыя до владычества Россіи уже были отторгнуты отъ Грузинскаго царства, христіанство осталось въ смутныхъ лишь воспоминаніяхъ и въ соблюденіи нѣкоторыхъ искаженныхъ обрядовъ. Остаются храмы, церкви, кресты и понынѣ въ горахъ и ущельяхъ Кавказа, какъ безмолвные свидѣтели когда-то сильнаго тамъ христіанства.

Присоединивъ къ себѣ Грузинское царство, Россія приняла тѣмъ на себя двойную обязанность: оградить святую вѣру въ Грузіи и возстановить православіе тамъ, гдѣ оно поколебалось.

Много пролито съ тѣхъ поръ христіанской крови, и теперь уже внутри Грузіи ничто болѣе не грозитъ Соборной и Апостольской нашей церкви; но этого не довольно. Мы должны еще возвратить въ лоно нашей церкви отпадшихъ отъ нея.

Къ этой цѣли должны мы слѣдовать не путемъ разрушенія и истребленія, не съ мечемъ въ рукѣ и огнемъ въ другой, но съ оружіемъ христіанства, со словомъ евангельской любви и милосердія.

Возстановить церкви, остающіяся въ запустѣніи, воздвигать не молельныя хижины, а новые храмы, дать церквамъ достойное благолѣпіе и приходамъ священно-служителей; образовать и обезпечить содержаніемъ хорошихъ проповѣдниковъ; перевести на мѣстные языки церковныя книги; учредить въ приходахъ училища для христіанскаго образованія юношества и этими путями идти къ святой цѣли, чтобы отпадшія отъ церкви чада могли со временемъ опять взывать въ храмахъ Божіихъ: „Господи, любимъ мы благолѣпіе дома Твоего и мѣсто жилища славы Твоея. Желаемъ лучше быть у порога дома Божія, нежели жить въ шатрахъ нечестія“.

И такъ какъ вѣра безъ дѣлъ мертва, то вотъ святое дѣло, которымъ можемъ мы доказать, что жива вѣра наша.

Православные сыны родной церкви, подадимъ руку по-

мощи заблудшимъ братіямъ нашимъ и удѣлимъ часть своего Богомъ даннаго достатка дѣлу, столь христолюбивому и для сердца нашего родному".

Синодъ вполнѣ одобрилъ предположенія князя Барятинскаго, но митрополитъ Московскій Филаретъ написалъ особое мнѣніе, которое было отослано въ Кавказскій Комитетъ по повелѣнію Государя. Замѣчанія митрополита заключались въ слѣдующемъ.

„1. Наименованіе Общества возстановленія православія на Кавказѣ точно ли соотвѣтствуетъ предмету?

Если православіе надобно возстановить на Кавказѣ: то симъ выражается то, что оное тамъ въ упадкѣ. Но тамъ, по благости Божіей, твердо стоитъ православная Грузинская церковь *).

2. Точно ли Общество должно ограничиться тѣмъ, чтобы востановить православіе въ нѣкоторыхъ странахъ Кавказа, въ которыхъ оно было, но подавлено язычествомъ или магометанствомъ? Безъ сомнѣнія, цѣль онаго есть и основать оное вновь, если оно встрѣтитъ на пути своемъ людей или цѣлыя племена, которыя никогда не были просвѣщены христіанствомъ.

Итакъ наименованіе Общества не стѣсняетъ ли предѣловъ дѣла?

3. Язычеству или магометанству противополагается христіанство? Православіе противополагается ереси или расколу.

Изъ сего вновь раждается вопросъ: довольно ли точно и ясно названіе Общества?

4. Если православная Россійская церковь должна усилить свои подвиги для распространенія христіанства, если православная Россія должна быть призвана къ споспѣшествованію симъ подвигамъ, то на одномъ ли Кавказѣ? Нѣтъ ли въ предѣлахъ отечества нашего и другихъ полей, которыя ожидаютъ сѣянія сѣмени Слова Христова, и между прочимъ, около ново-утвержденнаго на Востокѣ предѣла? Наблюденіе надъ распространеніемъ христіанства въ Китаѣ иностранными миссія-

---

*) Святитель не принялъ во вниманіе, что Грузія *за Кавказомъ*, а рѣчь идетъ о Кавказѣ и о горцахъ, а не о Грузинахъ. А. З.

ми, и свобода, пріобрѣтенная христіанству въ Китаѣ новымъ трактатомъ, уже возбудили голосъ: неужели Россія откажется отъ участія въ семъ дѣлѣ съ своей стороны? Неужели допустить иностранныхъ миссіонеровъ проникнуть и сюда и распространить здѣсь свои дѣйствія, которыя, конечно, будутъ не въ пользу нашихъ и религіозныхъ, и государственныхъ видовъ?

Если предначертанное общество ограничится Кавказомъ, то развѣ образуется другое общество для Сибири и Китая?

Въ одной церкви, въ одномъ государствѣ, для одной православно-христіанской цѣли, при однихъ и тѣхъ же источникахъ пособій, два общества, совершенно раздѣльныя, представляли бы въ своемъ раздѣленіи несообразность съ очевидными причинами и побужденіями къ единству. Одно общество удобнѣе, нежели два, снабдитъ себя людьми и распорядится ими: вмѣсто одной администраціи одного общества, два общества имѣли бы двѣ, безъ сомнѣнія, съ бо́льшими издержками. Люди, расположенные къ содѣйствію и благотворенію, останавливались бы предъ симъ раздѣленіемъ въ недоумѣніи что́ оно значитъ и къ которому обществу пристать. Еслибы первое предначертанное общество блистательнымъ открытіемъ и предлагаемыми знаками участія, которые очевидно суть знаки отличія, сильно привлекло къ себѣ общественную благотворительность; а другое, столь же достойное участія общество, безъ подобныхъ преимуществъ, явилось бы скуднымъ людьми и способами дѣйствованія: не было ли бы печально такое неравновѣсіе, неблагопріятное для дѣла?

Итакъ желательно, чтобы образовалось одно Россійское Общество распространенія православнаго христіанства.

5. Въ составленномъ предначертаніи общества высшее направленіе дѣйствій его предоставляется высокому свѣтскому сановнику, съ такимъ полномочіемъ, что онъ одинъ назначаетъ членовъ совѣта Общества и имѣетъ власть уничтожить опредѣленіе сего совѣта, въ которомъ въ качествѣ вице-предсѣдателя участвуетъ своимъ голосомъ одинъ изъ старѣйшихъ архіереевъ.

Для разсужденія о семъ не безполезно обратиться къ примѣрамъ.

Въ Англіи есть Общество распространенія просвѣщенія между бѣдными, принадлежащими къ господствующей церкви. Какъ цѣль Общества принадлежитъ церкви, то президентъ онаго есть первый архіепископъ Англиканской церкви.

Библейское Общество въ Англіи имѣетъ президентомъ свѣтскаго сановника; но это потому, что онъ не дѣлаетъ дѣла принадлежащаго епископамъ, не преподаетъ христіанскаго ученія: онъ собираетъ деньги, печатаетъ библіи и раздаетъ, между прочими такія изданія, которыя не одобряетъ Англиканская церковь.

Библейское Общество въ Россіи имѣло предсѣдателемъ свѣтскаго сановника по тѣмъ же причинамъ, и потому что таковому удобнѣе сноситься съ президентомъ Англиканскаго Общества, нежели архіерею.

Итакъ, если составители предначертанія для Общества возстановленія православія на Кавказѣ думали въ устройствѣ онаго подражать примѣрамъ иностранныхъ обществъ, то и сіи примѣры не даютъ основанія такому устройству, а подтверждаютъ мысль, естественную для православныхъ, что, когда Общество имѣетъ предметомъ дѣло, по Божественному установленію, принадлежащее церковной іерархіи, то предсѣдателемъ или первенствующимъ членомъ такого Общества прилично быть члену іерархіи.

6. И то неограниченное полномочіе, по которому предсѣдатель предполагаемаго Общества одною своею волею назначаетъ членовъ совѣта Общества и уничтожаетъ опредѣленія цѣлаго совѣта, необыкновенно въ обществахъ, составляемыхъ по добровольному согласію. И нужно ли такое неограниченное полномочіе? И мысль о необходимости подчиниться неограниченной волѣ одного лица не удержитъ ли отъ присоединенія къ Обществу нѣкоторыхъ людей, которые могли бы оному быть полезными?

7. Вотъ первоначальныя черты Общества, которыя между прочимъ покажутъ, что уклоненіе отъ подчиненія епископа свѣтскому лицу не происходитъ отъ желанія чести, но соображено съ предметомъ.

Общество будетъ удостоено Высочайшаго покровительства. Общество составляютъ: 1) Три первенствующіе члена,

2) Члены почетные. 3) Члены дѣйствительные, составляющіе совѣтъ Общества, или, при многочисленности ихъ, избирающіе оный изъ среды себя. 4) Члены-сотрудники, помогающіе обществу дѣломъ. 5) Члены-споспѣшествователи, помогающіе Обществу благотвореніями.

Къ пособіямъ Обществу обязываются всѣ члены, кромѣ почетныхъ, на которыхъ общество не возлагаетъ сей обязанности, не отказываясь впрочемъ отъ ихъ приношеній по ихъ волѣ.

Одинъ изъ первенствующихъ членовъ долженъ быть членъ іерархіи (всего приличнѣе первенствующій членъ Святѣйшаго Синода), другой изъ свѣтскихъ сановниковъ, третій изъ духовныхъ или свѣтскихъ особъ, по обстоятельствамъ. Сіе можетъ быть полезно для раздѣленія трудовъ. Въ ихъ единодушіи не позволяетъ сомнѣваться цѣль ихъ дѣйствованія—служить распространенію царства Христова.

Въ качествѣ членовъ почетныхъ и членовъ споспѣшествователей Общество можетъ имѣть особъ обоего пола.

Сосредоточіе Общества въ С.-Петербургѣ. По епархіямъ могутъ образоваться отдѣленія по усмотрѣнію потребности и удобности.

Если будетъ одно Общество во всей Церкви и всей Россіи тѣмъ удобнѣе будетъ возбудить и опредѣлить содѣйствіе ему собственно-церковное. Монастыри могутъ составить подписку ежегодныхъ пособій, а также и приходскія церкви, кромѣ самыхъ бѣдныхъ“ *).

---

*) Святитель Московскій, въ письмѣ своемъ къ архимандриту Антонію отъ 14-го Декабря 1858 г., между прочимъ, говоритъ: „Мнѣ прислали уставъ Общества возстановленія православія на Кавказѣ, составленный княземъ намѣстникомъ Кавказскимъ; устанавляется для членовъ знакъ отличія; крестъ 1-й ст. тому, кто будетъ платить ежегодно 1000 р., 2-й ст. 500 руб., 3-й ст. 300 руб., 4-й 20 руб. Я хочу писать, что для дѣла духовнаго преимущественно нужно благословеніе Божіе, которое пріобрѣтается иными побужденіями, а здѣсь въ залогъ поставляется угожденіе тщеславію. Это будетъ непріятно и вѣроятно не будетъ уважено; но мнѣ трудно удержать себя, чтобы не сказать“.

Благоговѣя къ памяти великаго святителя и государственнаго человѣка, я все же долженъ сказать, что не вполнѣ могу согласиться съ вышеприведенными словами. Человѣчество слабо, его обуреваютъ разныя страсти; тщеславіе, пожалуй, еще одна изъ наименѣе вредныхъ; а между тѣмъ не этому ли тщеславію обязано своимъ существованіемъ множество благолѣпныхъ церквей, и богадѣленъ, и школъ? Что́ дѣлать? Идеалы прекрасны и потому большею частью недостижимы въ этомъ грѣховномъ мірѣ. Уступки неизбѣжны. А. З.

Мнѣніе митрополита Филарета было препровождено также къ статсъ-секретарю графу Блудову. Графъ Блудовъ, доставивъ свои замѣчанія по настоящему дѣлу, объяснилъ, что они частью повтореніе, или распространеніе и дополненіе сказаннаго въ означенномъ мнѣніи.

Графъ Блудовъ находилъ, что первая мысль и, такъ сказать, заглавіе проекта князя Барятинскаго, возстановленіе православія, представляетъ такую цѣль, что при указаніи на оную всякій христіанинъ и особливо всякій Русскій желалъ бы не останавливаться ни на какомъ недоразумѣніи, а тотчасъ сказать: ради Бога, начинайте скорѣе дѣйствовать. Къ сему первому движенію чувства присоединяется и увѣренность, что въ составленіи проекта принимали участіе люди, коихъ мнѣніе достойно величайшаго уваженія. Но самая важность предположеній намѣстника Кавказскаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ и трудность ихъ исполненія таковы, что о нихъ должно говорить съ полною откровенностью и рѣшиться не скрывать своихъ сомнѣній. Первое, какъ замѣтилъ митрополитъ Филаретъ, можетъ относиться къ большей или меньшей точности наименованія Общества: Возстановленіе православія на Кавказѣ. Нѣкоторыя изъ живущихъ въ семъ краѣ племенъ, почти полудикихъ, въ несчастное время сильнаго въ ономъ преобладанія магометанъ, отпали отъ нашей православной вѣры, которую исповѣдывали отцы ихъ; къ сожалѣнію, между иными еще и нынѣ продолжаются сіи отпаденія, и намъ конечно надлежитъ всѣми силами сему противодѣйствовать и стараться, съ помощію Божіею, возвратить отпадшихъ къ церкви. Но сколь ни велико сіе дѣло, кажется, имъ однимъ не должна ограничиваться дѣятельность общества Если оно встрѣтитъ на предназначаемомъ ему поприщѣ, такихъ магометанъ или язычниковъ, которыхъ предки никогда не были христіанами, то можетъ ли оно остановиться, хотя и надобно будетъ въ семъ случаѣ не возстановить, а вновь основать или насадить православіе или же, точнѣе, христіанство? Не лучше ли новому обществу, или братству, или ордену, какъ первоначально полагали назвать его, именоваться Православнымъ Обществомъ распространенія вѣры христіанской и не только на Кавказѣ, а во всѣхъ частяхъ имперіи,

съ тѣмъ разумѣется, чтобы однимъ, по всей вѣроятности главнымъ, и безъ сомнѣнія первымъ онаго отдѣленіемъ, было Кавказское? Августѣйшая Супруга нашего православнаго Государя, конечно, не откажется быть покровительницею такого общества и въ новомъ, пространнѣйшемъ его составѣ.

Впрочемъ графъ Блудовъ замѣтилъ, что первымъ, какъ по времени учрежденія, такъ и по кругу дѣятельности, отдѣленіемъ онаго должно быть предполагаемое на Кавказѣ, и притомъ, съ особою, обширною мѣстною властію. Какимъ образомъ надлежитъ составить и все Общество и отдѣленія его, сей вопросъ, кажется, надобно предоставить подробному сужденію Кавказскаго Комитета, съ приглашеніемъ въ оный оберъ-прокурора и одного изъ членовъ Святѣйшаго Синода. Предначертанныя княземъ Барятинскимъ въ его проектѣ правила въ иномъ разнятся отъ тѣхъ, которыя предлагаетъ преосвященный Филаретъ; но графъ Блудовъ полагаетъ возможнымъ согласить ихъ мнѣнія и, съ своей стороны, дѣлаетъ предварительно только два замѣчанія. Во 1-хъ, онъ находитъ что предназначаемый знакъ отличія членовъ Общества можетъ быть установленъ, не такъ какъ наши ордена, въ видѣ награды, а единственно какъ знакъ союза въ стремленіи къ благотворной и святой цѣли. Но должно ли раздѣлять его на степени и соразмѣрять ихъ съ качествомъ приношеній, единовременныхъ или постоянныхъ ежегодныхъ? Во 2-хъ, графъ Блудовъ полагаетъ, что учрежденіе Общества лишь для опыта, на три года, можетъ казаться изъявленіемъ, что правительство заранѣе сомнѣвается въ успѣхѣ своего предпріятія и въ достаточномъ ему содѣйствіи? Не охладится ли отъ сего ревность даже и въ самыхъ усерднѣйшихъ? При этомъ, предпріятія сего рода никогда и нигдѣ не бывали приводимы къ желательному окончанію въ короткое время. Не въ три года, когда еще не всѣ успѣютъ и узнать о существованіи Общества и о дѣйствіяхъ его, а и въ тридцать лѣтъ, дай Богъ что-нибудь сдѣлать. Здѣсь, болѣе нежели въ чемъ-либо иномъ, необходимы постоянныя, продолжительныя усилія, и слѣдственно терпѣніе. Мы конечно не захотимъ въ настоящемъ случаѣ оправдать насмѣшливые отзывы враговъ нашихъ, въ томъ числѣ князя Чарторижскаго, что въ Россіи не

умѣютъ ожидать плодовъ какого бы то ни было полезнаго дѣла: en Russie on ne sait attendre.

Къ симъ двумъ главнымъ замѣчаніямъ графъ Блудовъ присовокупилъ еще нѣсколько словъ и о § 70-мъ проекта, въ коемъ постановляется, что воспитанники, получившіе окончательное образованіе на счетъ Общества, должны прослужить въ вѣдомствѣ онаго не менѣе пяти лѣтъ. Сіе постановленіе, по его мнѣнію, едвали не повредитъ успѣхамъ и самой цѣли Общества. Многіе, въ такомъ краѣ, каковъ нашъ Кавказскій, не будутъ учиться для того именно, чтобы не быть принужденными къ обязанной службѣ. Сіе въ особенности не можетъ относиться къ приготовляемымъ въ миссіонеры. Въ должности сего рода надлежитъ не только назначать, но даже и допускать только тѣхъ, которые чувствуютъ въ себѣ истинное къ такому трудному и великому дѣлу отъ самого себя призваніе.

Замѣчанія преосвященнаго митрополита Московскаго Филарета и статсъ-секретаря графа Блудова были сообщены князю Барятинскому, который 23 Ноября 1859 г., выразивъ глубокое уваженіе свое къ тому теплому сочувствію, какое обрѣло въ преосвященномъ митрополитѣ Филаретѣ и графѣ Дмитріѣ Николаевичѣ Блудовѣ это святое дѣло, прибавилъ, что полезныя замѣчанія, ими сдѣланныя, безъ сомнѣнія поведутъ къ установленію онаго на болѣе твердыхъ началахъ и къ вѣрнѣйшему достиженію высокихъ правительственныхъ цѣлей.

Замѣчанія митрополита Филарета и графа Блудова, по существу ихъ, князь Барятинскій дѣлилъ на два рода: на замѣчанія основныя, отъ которыхъ болѣе или менѣе зависитъ самый успѣхъ дѣла, и на замѣчанія, такъ сказать, второстепенныя, принятіе или непринятіе которыхъ не можетъ имѣть на самое дѣло существеннаро вліянія.

Обращаясь къ замѣчаніямъ перваго рода, князь Барятинскій говорилъ:

1) Преосвященный митрополитъ Московскій Филаретъ возбуждаетъ вопросъ: точно ли Общество должно ограничиться тѣмъ, чтобы возстановить православіе въ нѣкоторыхъ странахъ Кавказа, въ которыхъ оно было, но подавлено язы-

четвомъ или магометанствомъ? Безъ сомнѣнія, говоритъ онъ, цѣль общества и основать православіе вновь, если оно встрѣтитъ на пути своемъ людей или цѣлыя племена, которыя никогда не были просвѣщены христіанствомъ. Итакъ, замѣчаетъ преосвященный, наименованіе не стѣсняетъ ли предѣловъ дѣла? Съ своей стороны графъ Блудовъ замѣчаетъ, что сколь не велико дѣло возстановленія христіанства тамъ, гдѣ оно пало, но кажется, имъ однимъ, не должна ограничиваться дѣятельность Общества. Если оно встрѣтитъ на предназначаемомъ ему поприщѣ такихъ магометанъ или язычниковъ, которыхъ предки никогда не были христіанами, то можетъ ли оно остановиться, хотя и надобно будетъ въ этомъ случаѣ не возстановить, а вновь основать или насадить православіе? Не лучше ли новому Обществу, заключаетъ графъ Блудовъ, именоваться Православнымъ Обществомъ распространенія вѣры христіанской?

Такимъ образомъ предлежитъ разсмотрѣть и рѣшить вопросъ: должно ли Общество только возстановлять или распространять христіанство?

Разсматривая этотъ вопросъ въ примѣненіи собственно къ Кавказу, князь Барятинскій находилъ, что онъ былъ уже подвергнутъ глубокому и совокупному съ Кіевскимъ митрополитомъ Исидоромъ и экзархомъ Грузіи Евсевіемъ обсужденію, прежде чѣмъ Общество названо было Обществомъ возстановленія православія. Такое наименованіе признано было прежде всего вполнѣ соотвѣтствующимъ самой сущности дѣла. Въ первоначальныхъ соображеніяхъ по сему дѣлу изъяснено, что „нѣсколько вѣковъ тому назадъ большая часть Кавказскихъ горцевъ была уже озарена свѣтомъ истинной вѣры. Кромѣ племенъ, укрывшихся въ самой недосягаемой глубинѣ Кавказскаго хребта, всѣ прочіе горцы слышали уже Евангельскую проповѣдь и слѣдовали ей въ теченіе долгихъ годовъ. До сихъ поръ еще по самымъ глухимъ ущельямъ Кавказа, разсѣяно множество мѣстъ, которыя горцы окружаютъ благоговѣйнымъ почтеніемъ, и въ смутномъ понятіи жителей о святости такихъ мѣстъ всегда мерцаетъ какой-нибудь слѣдъ христіанскаго преданія“. Очевидно, что если въ горахъ суще-

ствовала уже христіанская вѣра, то ее надобно возстановить, но не распространять.

Такимъ образомъ вопросъ о наименованіи Общества разрѣшается уже одними историческими указаніями, но онъ еще болѣе можетъ быть уясненъ политическими соображеніями. Возстановлять христіанство тамъ, гдѣ оно было, возвращать въ лоно церкви отпадшихъ отъ нея есть дѣло простое и естественное; распространеніе же христіанства имѣетъ совсѣмъ другой видъ, особенно въ глазахъ мусульманъ. Ожесточенная борьба ихъ съ нами истекла, преимущественно, изъ убѣжденія, что взамѣнъ ихъ вѣры мы водворимъ свою вѣру. Это убѣжденіе создало самый мюридизмъ. Оно таится и теперь въ покоренныхъ народахъ. Ясно, что, если мы гласно выразимъ желаніе не возстановить, но распространить въ горахъ христіанскую вѣру, то этимъ мы оправдаемъ самое сильное изъ предубѣжденій мусульманъ и сами воздвигнемъ затрудненія въ достиженіи цѣли, къ которой стремимся.

Нѣтъ сомнѣнія, что на пути возстановленія угасшей вѣры Общество можетъ, какъ справедливо замѣчаютъ митрополитъ Филаретъ и графъ Блудовъ, встрѣтить возможность распространенія ея гдѣ либо вновь; но это не должно измѣнять ни основной главной цѣли Общества, ни самаго наименованія его, вполнѣ отвѣчающаго этой цѣли. Этого мало. Должно надѣяться, что со-временемъ христіанство обниметъ собою всѣ горы и на развалинахъ мусульманства водворится даже тамъ, гдѣ оно не было; но къ этому дѣлу надобно идти постепенно и путемъ весьма осторожнымъ, путемъ, на которомъ различныя административныя и политическія мѣры, уже предначертанныя, должны имѣть первостепенное значеніе.

2. Митрополитъ Московскій замѣчаетъ, что если православная Россійская церковь должна усилить свои подвиги для распространенія христіанства, если православная Россія должна быть призвана къ споспѣшествованію симъ подвигамъ,— то на одномъ ли Кавказѣ? Нѣтъ ли въ предѣлахъ отечества нашего и другихъ полей, которыя ожидаютъ сѣянія сѣмени слова Христова и, между прочимъ, около новоутвержденнаго на Востокѣ предѣла? Наблюденія надъ распространеніемъ христіанства въ Китаѣ иностранными миссіями и свобода

пріобрѣтенная въ Китаѣ новымъ трактатомъ, уже возбудили голосъ: неужели Россія откажется отъ участія въ семъ дѣлѣ съ своей стороны? Если предначертанное общество ограничится Кавказомъ, то образуется другое общество для Сибири и Китая? Затѣмъ, исчисляя неудобства существованія двухъ обществъ для одной и той же цѣли, при однихъ и тѣхъ же пособіяхъ, митрополитъ Филаретъ выражаетъ желаніе, чтобы образовалось одно Россійское Общество распространенія православнаго христіанства. Далѣе, предлагая иное уже образованіе Общества, примѣненное къ этому желанію, митрополитъ полагаетъ, что средоточіе Общества должно быть въ Петербургѣ. Графъ Блудовъ съ своей стороны также присовокупляетъ вопросъ, не лучше ли быть одному Обществу не только на Кавказѣ, а во всѣхъ частяхъ имперіи, съ тѣмъ, разумѣется, чтобы однимъ, по всей вѣроятности, главнымъ и, безъ сомнѣнія, первымъ онаго отдѣленіемъ было Кавказское съ особою обширною мѣстною властью.

Князь Барятинскій, ограничиваясь собственно потребностями ввѣренной ему страны, не имѣлъ ни права, ни повода разсматривать настоящій вопросъ въ примѣненіи къ Сибири и Китаю. Это составляетъ уже предметъ общихъ государственныхъ соображеній. Но при полномъ уваженіи къ стремленію распространять христіанство всюду, гдѣ можно, князь Барятинскій не раздѣляетъ мнѣнія, выраженнаго митрополитомъ Филаретомъ, что цѣли въ настоящемъ вопросѣ тождественны какъ для Кавказа, такъ для Сибири и Китая. Выше изъяснена уже сущность цѣли собственно-Кавказскаго Общества. Она заключается въ возстановленіи христіанства. Эта цѣль вовсе не примѣнима ни къ Сибири, ни къ Китаю. На Кавказѣ мы обязаны возстановить православную церковь и возвратить въ лоно ея отпадшихъ отъ нея. Къ этому дѣлу зоветъ насъ голосъ вѣры и долга. Оно необходимо для полнаго умиротворенія Кавказа и составляетъ прямую и неотложную обязанность государства. Ни въ отношеніи Сибири, ни въ отношеніи къ Китаю ничего подобнаго не существуетъ.

Поэтому, сливать воедино столь различныя цѣли, условія и, такъ сказать, обязанности государства, единственно по сходству средствъ, которыми правительство могло бы дѣй-

ствовать въ томъ и другомъ случаѣ, было бы, по мнѣнію князя Барятинскаго, крайне неудобно во многихъ отношеніяхъ. Вмѣсто того, чтобы сосредоточить всѣ свои дѣйствія и средства на одномъ, наиболѣе важномъ для государства предметѣ. Общество должно будетъ разобщить и дѣйствія, и средства; вмѣсто одной сосредоточенной цѣли, оно будетъ стремиться къ разнымъ цѣлямъ; вмѣсто одной опредѣленной мѣстности, оно раздѣлитъ свое вліяніе на разнородныя и отдаленныя мѣстности. Князь Барятинскій былъ глубоко убѣжденъ, что Общество, принявъ столь широкій размѣръ дѣйствій, нигдѣ не принесетъ той сильной и положительной пользы, какой должно ожидать при сосредоточенности этихъ дѣйствій на Кавказѣ и, согласно первоначальнымъ его соображеніямъ, полагалъ, что по исполненіи здѣсь своей святой обязанности, оно можетъ лучше впослѣдствіи перенести цѣлостно всю свою дѣятельность на другія мѣста, чѣмъ сразу принимать на себя бремя, котораго исполнить не въ состояніи.

Что касается мысли преосвященнаго митрополита о сосредоточеніи Общества въ С.-Петербургѣ, то въ этомъ отношеніи князь Барятинскій повторяетъ убѣжденіе, выраженное уже имъ прежде, что главное управленіе дѣлами Общества должно находиться въ Тифлисѣ, центрѣ всего административнаго круга, обнимающаго Кавказъ, и среди всѣхъ мѣстныхъ условій и обстоятельствъ. Перенесеніе этого управленія въ С.-Петербургъ имѣло бы величайшія неудобства, раздѣляя на огромное пространство высшее направленіе дѣйствій Общества отъ самаго мѣста этихъ дѣйствій. Такое раздѣленіе неминуемо произвело бы, прежде всего, медленность въ дѣлахъ, потомъ отяготительную переписку и, наконецъ, множество недоумѣній и затрудненій въ практическомъ отношеніи. Напротивъ, учрежденіемъ управленія дѣлами Общества въ Тифлисѣ, поставленномъ среди Кавказскихъ племенъ, правительство избѣгнетъ всѣхъ этихъ неудобствъ и дастъ дѣйствіямъ Общества сосредоточенность, быстроту и практическую примѣнимость.

3. Митрополитъ Филаретъ замѣчаетъ, что высшее направленіе дѣйствій Общества предоставляется высокому свѣтскому сановнику, тогда какъ примѣры подобныхъ учрежденій

показываютъ, что когда Общество имѣетъ предметомъ дѣло, принадлежащее церковной іерархіи, то предсѣдательствующимъ или первенствующимъ членомъ такого Общества прилично быть члену іерархіи.

Вопросъ этотъ находится въ неразрывной связи съ вопросомъ: должно ли Общество ограничиться однимъ Кавказомъ или распространить дѣйствія свои и на другія страны? Если вышеизложенныя соображенія признаны будутъ заслуживающими уваженія, и дѣятельность Общества будетъ ограничена предѣлами Кавказа, въ такомъ случаѣ предоставленіе высшаго направленія дѣйствій Общества правителю края, намѣстнику Кавказскому, представляется дѣломъ основательнымъ и справедливымъ. О томъ, что намѣстникъ Кавказскій не можетъ быть членомъ какого-либо мѣстнаго учрежденія, состоящаго подъ предсѣдательствомъ другаго частнаго лица, едва ли нужно и говорить. Затѣмъ осталось бы, по мысли митрополита, предоставить предсѣдательство въ Обществѣ экзарху Грузіи, а лицо намѣстника изъять изъ состава Общества и оставить за нимъ, въ отношеніи къ Обществу, тоже общее наблюденіе и покровительство, какое принадлежитъ ему, по его званію, по всѣмъ дѣламъ и учрежденіямъ ввѣренной ему страны. Но такое разъединеніе его съ Обществомъ имѣло бы большія практическія неудобства. По уставу Общества, дѣйствія его, въ своемъ исполненіи зависятъ болѣе или менѣе отъ гражданской власти, содѣйствіе коей во всякомъ случаѣ необходимо Обществу въ высшей степени. Слѣдовательно, если изъять намѣстника изъ состава Общества, въ такомъ случаѣ между нимъ и Обществомъ неизбѣжно водворится обширная переписка, которая не только не принесетъ пользы, но, напротивъ, произведетъ осложненіе и замедленіе дѣла. Но это еще не такъ важно. Выше сказано уже, что въ настоящемъ дѣлѣ должно идти путемъ весьма осторожнымъ, на которомъ административныя и политическія мѣры должны имѣть важное значеніе. Эти мѣры могутъ исходить единственно отъ намѣстника, ибо самыя причины и соображенія, на которыхъ онѣ должны основываться, не могутъ быть никому, кромѣ его, извѣстны.

4. Митрополитъ Филаретъ предлагаетъ вопросъ: нужно ли неограниченное полномочіе, по которому предсѣдатель Общества одною своею волею назначаетъ членовъ совѣта Общества и уничтожаетъ опредѣленія цѣлаго совѣта? И мысль о необходимости подчиниться неограниченной волѣ одного лица не удержитъ ли отъ присоединенія къ Обществу нѣкоторыхъ людей, которые могли бы быть оному полезными?

Право намѣстника Кавказскаго назначать членовъ совѣта обусловливается самымъ существомъ и положеніемъ дѣла, если оно сосредоточено будетъ только на Кавказѣ. Во всѣхъ обществахъ члены совѣта избираются общими собраніями всѣхъ членовъ общества, по большинству голосовъ. Члены предполагаемаго общества будутъ разсѣяны по всей Россіи. Очевидно, что они не могутъ ни составить общаго собранія, ни произвести выборовъ въ члены совѣта. Въ такомъ положеніи дѣла, кто же лучше можетъ быть уполномоченъ къ избранію и назначенію членовъ совѣта? Конечно намѣстникъ, который по самому положенію своему имѣетъ наибольшее право на общее довѣріе, а принадлежа самъ къ Обществу, въ качествѣ предсѣдателя, болѣе всѣхъ отвѣтствуетъ какъ предъ Обществомъ, такъ и предъ Государемъ, за охраненіе интересовъ и благоустройства и за достиженіе его цѣли. На сихъ же соображеніяхъ и причинахъ основывается право намѣстника измѣнять, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, опредѣленія совѣта.

5. Графъ Блудовъ, въ своихъ замѣчаніяхъ, говоритъ, между прочимъ, что предназначенный для членовъ Общества знакъ отличія можетъ быть установленъ не такъ, какъ наши ордена, въ видѣ награды, но единственно какъ знакъ союза въ стремленіи къ благотворной и святой цѣли. Но должно ли, замѣчаетъ онъ, раздѣлять его на степени и соразмѣрять ихъ съ количествомъ приношеній, единовременныхъ или постоянно-ежегодныхъ?

По проекту устава (§ 12), для членовъ Общества установляется, вполнѣ согласно съ мыслію графа Блудова, не знакъ отличія въ видѣ награды, но знакъ участія въ дѣлѣ Христовомъ. Установленіе этого знака, по мнѣнію князя Барятинскаго, составляетъ, такъ сказать, краеугольный камень

настоящаго дѣла. Единственно этимъ только способомъ можно, по его убѣжденію, образовать постоянныя и достаточныя средства для достиженія тѣхъ важныхъ цѣлей, съ которыми предпринимается учрежденіе Общества. Безъ особеннаго средства привлеченія къ участію въ Обществѣ оно едва ли можетъ и состояться. Раздѣленіе же этого знака на различныя степени необходимо и полезно уже потому, что оно представляетъ возможность всѣмъ, сообразно различнымъ своимъ способамъ, дѣлать различныя приношенія. Установленіе одной степени и одной нормальной суммы приношеній, уравнивая всѣхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, имѣло бы послѣдствіемъ, что или масса людей благочестивыхъ, но небогатыхъ средствами, была бы лишена возможности участвовать въ святомъ дѣлѣ, или, наоборотъ, ограниченность этой суммы отняла бы у Общества возможность имѣть значительныя приношенія людей богатыхъ. Во всякомъ случаѣ оно произвело бы, съ одной стороны, несомнѣнный ущербъ Обществу, а съ другой, охладило бы самое участіе въ его дѣйствіяхъ, участіе для всѣхъ равное, тогда какъ, при различныхъ степеняхъ знака, въ каждомъ невольно будетъ проявляться стремленіе къ сколь можно болѣе усердному служенію Обществу.

За симъ князь Барятинскій перешелъ къ замѣчаніямъ второстепеннымъ.

1. Преосвященный Филаретъ замѣчаетъ: „Наименованіе Общества возстановленія православія на Кавказѣ точно ли соотвѣтствуетъ предмету? Если православіе надобно возстановить на Кавказѣ, то симъ выражается то, что оно тамъ въ упадкѣ. Но тамъ твердо стоитъ православная Грузинская церковь“.

Общество должно возстановлять христіанство въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно было и пало. Мѣста эти на Кавказѣ. Поэтому было признано правильнымъ назвать Общество Обществомъ возстановленія православія на Кавказѣ. Но князь Барятинскій не находитъ никакого затрудненія уяснить болѣе такое наименованіе, еслибы оно признано было не вполнѣ удовлетворительнымъ.

2. Преосвященный Филаретъ замѣчаетъ, что язычеству или магометанству противуполагается христіанство. Право-

славіе противуполагается ереси или расколу. Изъ сего рождается вопросъ: довольно ли точно и ясно названіе Общества?

По тѣмъ политическимъ соображеніямъ, которыя выше изложены (ст. 1), признано было за лучшее новому обществу присвоить наименованіе: Общество возстановленія православія на Кавказѣ, чтобы тѣмъ самымъ какъ можно менѣе тревожить умы мусульманъ. Но князь Барятинскій не находитъ особенныхъ затрудненій въ замѣнъ слова „православія" поставить „христіанства", еслибы это признано было нужнымъ.

3. Графъ Блудовъ замѣчаетъ, что постановленіе (§ 70 Уст.), обязывающее воспитанниковъ, получившихъ окончательное образованіе на счетъ Общества, прослужить въ вѣдомствѣ онаго не менѣе пяти лѣтъ, едва ли не повредитъ успѣхамъ и самой цѣли Общества. Многіе въ такомъ краѣ, какъ Кавказъ, не будутъ учиться для того именно, чтобы не быть принужденными къ обязанной службѣ. Сіе въ особенности не можетъ относиться къ приготовляемымъ въ миссіонеры. Въ должности сего рода надлежитъ, по мнѣнію графа Блудова, допускать только тѣхъ, которые чувствуютъ въ себѣ истинное къ такому трудному и великому дѣлу отъ самаго неба призваніе.

Изъ соображенія общей системы образованія дѣтей горскихъ семействъ, въ проектѣ изложенной, видно, что первоначально они обучаются въ школахъ при церквахъ учреждаемыхъ, оттуда одни возвращаются въ свои общины, другія, по желанію ихъ родителей, переводятся въ особые классы, учреждаемые при семинаріяхъ. Изъ этихъ классовъ совѣту Общества предоставляется отправлять лучшихъ воспитанниковъ въ высшія учебныя духовныя заведенія, для окончательнаго образованія, и только эти воспитанники должны прослужить Обществу не менѣе пяти лѣтъ. Очевидно, что если эти воспитанники не будутъ служить извѣстнаго срока Обществу и обратятся на службу въ другія вѣдомства, то Общество потеряетъ въ нихъ лучшихъ проводниковъ своихъ цѣлей, не говоря о матеріальныхъ расходахъ, имъ понесенныхъ. Впрочемъ князь Барятинскій полагалъ вполнѣ удовлетворить существу замѣчанія графа Блудова, предложивъ до-

полнить § 70-й Устава тѣмъ, что отправленіе воспитанниковъ въ высшія духовныя учебныя заведенія, съ обязательствомъ потомъ служить Обществу не менѣе пяти лѣтъ, производится не иначе, какъ по собственному сихъ воспитанниковъ и родителей ихъ желанію. Чтó касается до мнѣнія графа Блудова, что къ должности миссіонеровъ должны быть допускаемы люди, имѣющіе къ тому особое призваніе, то мысль эта, какъ кажется, вполнѣ выражена въ § 76 Устава, гдѣ положительно сказано, что миссіонерами назначаются тѣ только, которые особенно преданы христіанскому дѣлу.

4. Говоря о предположеніи учредить Общество въ видѣ опыта на три года, графъ Блудовъ замѣчаетъ: „Не будетъ ли такое постановленіе изъявленіемъ, что само правительство заранѣе сомнѣвается въ успѣхѣ своего предпріятія и въ достаточномъ ему содѣйствіи? Не охладится ли отъ сего ревность даже и въ самыхъ усерднѣйшихъ? Предпріятія сего рода никогда и нигдѣ не бывали приводимы къ желательному окончанію въ короткое время. Не въ три года, когда еще не всѣ успѣютъ и узнать о существованіи Общества и о дѣйствіяхъ его, а и въ 30 лѣтъ, дай Богъ что-нибудь сдѣлать; здѣсь болѣе, нежели въ чемъ-либо иномъ, необходимы постоянныя продолжительныя усилія и, слѣдовательно, терпѣніе“.

Князь Барятинскій вполнѣ раздѣлялъ мысли графа Блудова и говорилъ, что, испрашивая утвержденіе Общества, въ видѣ опыта, на три года, онъ имѣлъ въ виду, что по новизнѣ и важности дѣла, представится, по всей вѣроятности, необходимость сдѣлать въ Уставѣ, на основаніи указаній опыта, нѣкоторыя измѣненія и дополненія; но какъ право ходатайствовать объ этихъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ можетъ существовать и безъ опредѣленія трехлѣтняго опыта, то онъ не видитъ никакихъ затрудненій это опредѣленіе, согласно мнѣнію графа Блудова, вовсе исключить изъ предположеній, къ учрежденію Общества относящихся.

Затѣмъ уставъ Общества и знакъ для членовъ были Высочайше утверждены 9-го Іюня 1860 года.

Князь Барятинскій, по званію предсѣдателя Общества, еще не успѣвшаго составиться, призналъ необходимымъ учредить, на первое время, временный комитетъ, какъ для обра-

зованія самаго Общества, такъ и для всѣхъ первоначальныхъ распоряженій, до назначенія его относящихся. Въ дѣйствіяхъ своихъ комитетъ этотъ долженъ былъ пользоваться тѣми же правами, какія присвоены совѣту Общества до того времени, когда окажется возможность замѣнить его совѣтомъ въ полномъ составѣ.

Комитетъ, приступивъ къ исполненію предлежащихъ обязанностей, нашелъ нужнымъ, прежде всего, соединить Осетинскую Духовную Комиссію съ учрежденнымъ Обществомъ, такъ какъ цѣль этой комиссіи, хотя и въ меньшемъ объемѣ, но во всѣхъ отношеніяхъ совершенно тождественна съ цѣлями Общества, и слѣдовательно соединеніе это усилитъ средства послѣдняго. Съ этою цѣлію комитетъ представилъ на благоусмотрѣніе Августѣйшей покровительницы Общества, Государыни Императрицы, ходатайство: 1) объ упраздненіи Осетинской Духовной Комиссіи, съ передачею отъ нея Обществу тѣхъ дѣлъ, которыя, по уставу онаго, относиться будутъ къ предметамъ его занятій. 2) О передачѣ Обществу какъ тѣхъ средствъ, которыя нынѣ ежегодно отпускаются на содержаніе комиссіи, такъ и другихъ суммъ, состоящихъ въ ея распоряженіи. 3) О возвращеніи Обществу принадлежавшаго Осетинской Комиссіи запаснаго капитала.

Далѣе, главнѣйшею и неотлагательною мѣрою признано обнародованіе Высочайше одобреннаго воззванія, которое должно привлечь членовъ Общества и основать его начало. По существующему между Кавказскими мусульманами стремленію къ переселенію за границу, вслѣдствіе ложныхъ убѣжденій, между ними распространенныхъ, воззваніе это, по мнѣнію комитета, предположено сдѣлать извѣстнымъ внутри Россіи, отложивъ обнародованіе его здѣсь въ краѣ, до времени, и съ этою цѣлію оно отправлено уже къ управляющему дѣлами Кавказскаго Комитета, для напечатанія въ газетахъ и журналахъ обѣихъ столицъ (мѣра эта удостоилась Высочайшаго одобренія).

Затѣмъ комитетъ приступилъ къ тѣмъ распоряженіямъ, кои непосредственно уже касались цѣли Общества.

Въ началѣ предстояло разрѣшить тотъ важный вопросъ: откуда и съ какихъ мѣстъ слѣдуетъ теперь взяться за это

дѣло? Съ тѣхъ ли странъ, откуда исламизмъ уже проникъ, или оттуда, гдѣ христіанство только въ упадкѣ? Изъ опасенія вступить при первой попыткѣ въ борьбу съ мусульманскимъ фанатизмомъ, при тогдашнемъ настроеніи умовъ мусульманъ, комитетъ заключилъ, что все вниманіе теперь слѣдуетъ обратить на возстановленіе и упроченіе христіанства тамъ, гдѣ оно только въ упадкѣ, именно: въ Самурзакани, въ Сванетіи, Южной Осетіи, у Тушинъ, Пшавовъ и Хевсуръ, откуда свѣтъ христіанства впослѣдствіи проникнетъ въ Абхазію, къ Болкарцамъ и Карачаевцамъ, въ Сѣверную Осетію, къ Кистинамъ и другимъ Чеченскимъ племенамъ.

Чтобы поддержать и укрѣпить въ этихъ мѣстахъ христіанство, признано необходимымъ:

1. Перевести священныя богослужебныя книги на Осетинскій, Абхазскій, Сванетскій и Кистинскій языки. На первомъ изъ этихъ языковъ переводы уже шли съ успѣхомъ; языки же Абхазскій, Сванетскій и Кистинскій требуютъ еще составленія азбукъ. Исполненіе этой задачи поручено было члену комитета генералъ-маіору Бартоломею.

2. По мѣрѣ средствъ Общества возстановлять существующія въ горскихъ приходахъ церкви и на мѣсто старыхъ строить новыя. На первый разъ рѣшено было приступить къ сооруженію церквей:

а) въ *Хевсуріи* — въ селеніяхъ Ардоти, Лебайскари и Хахмати;

б) въ *Тушетіи*—въ селеніяхъ: Илуртѣ, Нацихвари, Шенако и Тіонетахъ *);

в) въ *Сванетіи*—въ селеніяхъ Пари и Бечо;

и г) въ *Самурзакани*—въ Окумскомъ и Бедійскомъ приходахъ.

3. Снабдить миссіонеровъ, въ отношеніи образа дѣйствій ихъ, особенною, соотвѣтствующею цѣли ихъ, инструкціею. Составленное, на этомъ основаніи, преосвященнымъ экзар-

---

*) Комитетъ въ этомъ случаѣ ошибся: Тіонеты совсѣмъ не въ Тушетіи и не въ горахъ; деревня населена чистыми Грузинами, имѣвшими искони и церковь, и священника; здѣсь жилъ и самъ благочинный и была резиденція окружнаго начальника. Слѣдовательно, въ Тіонетахъ не было никакой надобности строить церковь и возстановлять христіанство. Теперь это уѣздный городъ. А. З.

хомъ Грузіи наставленіе пастырямъ-проповѣдникамъ Слова Божія, съ переводомъ на Грузинскій языкъ, разослано всему миссіонерскому духовенству для руководства.

4. Открыть при Тифлисской и Ставропольской семинаріяхъ особые классы для преподаванія языковъ горскихъ племенъ и вообще для образованія духовныхъ лицъ, предназначенныхъ для проповѣди Слова Божія въ горахъ. О соображеніи пріуготовительныхъ къ сему мѣръ комитетъ вошелъ въ сношеніе съ преосвященнымъ экзархомъ Грузіи.

Комитетъ предполагалъ, что переводы Св. Писанія на Осетинскій языкъ будутъ успѣшнѣе, чѣмъ на другихъ горскихъ языкахъ. Ожиданіе это осуществилось на дѣлѣ. Въ теченіи 1861 года, управляющимъ Осетинскими приходами, архимандритомъ Іосифомъ, составленъ и печатался Осетинскій букварь, основанный на началахъ системы взаимнаго обученія, а также подъ его руководствомъ составлены и напечатаны переводы: Священной Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта и еще много другихъ церковныхъ книгъ.

Что касается до переводовъ на языки Абхазскій, Сванетскій и Кистинскій, то здѣсь предстояло создать прежде всего самыя начальныя вспомогательныя средства, именно азбуку. Для этого, подъ руководствомъ члена комитета Бартоломея, составлена была особая комиссія, рѣшенію которой предстоялъ вопросъ о приспособленіи къ означеннымъ языкамъ Русской азбуки. Признано было полезнымъ приступить сначала къ составленію Абхазской азбуки. Для опредѣленія словъ Абхазскаго языка, комиссія занялась предварительно переводомъ сравнительнаго словаря, составленнаго для Кавказскаго Отдѣла Географическаго Общества. По исполненіи сего составленъ букварь, примѣненный къ системѣ взаимнаго обученія, а чтобы не породить въ большинствѣ Абхазскаго населенія, состоящемъ изъ мусульманъ, какихъ либо подозрѣній, текстъ букваря наполненъ одними общеловѣческими истинами.

Для бóльшаго успѣха въ переводахъ, комитетъ призналъ необходимымъ назначеніе денежнаго вознагражденія за тѣ изъ нихъ, которые будутъ одобрены и разрѣшены къ печати,

Обращаясь къ устройству въ горахъ храмовъ Божіихъ, нужно было сообразить наружное ихъ благолѣпіе съ матеріальными средствами Общества и мѣстными обстоятельствами. Съ этою цѣлію, князь Барятинскій призналъ нужнымъ составить предварительно образцовые планы для горскихъ церквей.

Для распространенія Слова Божія въ горахъ необходимы были просвѣщенные проповѣдники-священнослужители, и на основаніи § 62 устава, Общество хотя и распорядилось, какъ уже сказано, открыть при Тифлисской и Ставропольской семинаріяхъ особые классы для преподаванія языковъ горскихъ племенъ и вообще для образованія духовныхъ лицъ, предназначенныхъ для проповѣди въ горахъ, но какъ образованіе класса новыхъ миссіонеровъ, естественно, скоро не можетъ совершиться, а между тѣмъ, для противодѣйствія мусульманской пропагандѣ, необходимо было тогда же назначать въ горскіе приходы такихъ священнослужителей, которые имѣли бы качества, необходимыя для столь высокаго служенія: то комитетъ нашелъ нужнымъ для привлеченія соотвѣтственныхъ лицъ опредѣлить имъ возможно-значительное содержаніе. Опытъ показалъ, что правительство, при всемъ стараніи, не могло имѣть въ горахъ священно-служителей, вполнѣ соотвѣтствующихъ своему назначенію; потому что горная служба семейныхъ священниковъ, сопряженная съ особенными лишеніями и трудностями, не была достаточно обезпечена въ матеріальномъ отношеніи. Находясь вслѣдствіе того въ тягостной зависимости отъ прихожанъ, священнослужители терпѣли униженіе въ нравственномъ достоинствѣ. По симъ соображеніямъ, комитетъ призналъ необходимымъ общею нормою содержанія каждому горскому священнику опредѣлить 1200 р. сер. въ годъ, назначивъ этотъ окладъ тѣмъ священникамъ, кои и по образованію, и по нравственнымъ качествамъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ своему назначенію; остальнымъ же священно-церковно-служителямъ получаемое ими нынѣ содержаніе удвоить. Но какъ у Общества не было такихъ постоянныхъ доходовъ, которые могли бы покрывать потребную на это сумму, приблизительно до 40 т. рублей въ годъ, то предположено было производить означенный расходъ

изъ имѣющагося у Общества капитала, въ видѣ ежегоднаго вспомоществованія духовенству, пока средства не позволятъ сдѣлать усиленное содержаніе постояннымъ.

Одновременно со всѣми этими распоряженіями, дѣятельность комитета была обращена и на распространеніе между горцами грамотности и первоначальнаго христіанскаго образованія. Въ этомъ отношеніи вниманіе было направлено съ одной стороны на улучшеніе матеріальнаго положенія школъ уже существующихъ, а съ другой на изысканіе основаній и способовъ къ открытію новыхъ школъ, вообще во всѣхъ горскихъ приходахъ.

Въ нѣкоторыхъ приходахъ, преимущественно во Владикавказскомъ округѣ, существовало уже до десяти приходскихъ школъ; но онѣ не были обезпечены достаточно ни въ учебномъ, ни въ матеріальномъ отношеніяхъ и потому мало сотвѣтствовали своему назначенію. Въ этомъ случаѣ обращало на себя особенное вниманіе Владикавказское четырехъклассное духовное училище, составлявшее единственный разсадникъ христіанскаго просвѣщенія между Осетинами. По соображеніямъ комитета, въ этомъ училищѣ должно было быть положено начало приготовленія горскаго юношества къ миссіонерскому служенію. Для того, чтобы училище это поставить на степень его высокаго назначенія, комитетъ составилъ для него новый усиленный штатъ содержанія и измѣнилъ нѣкоторыя стороны учебной части, не соотвѣтствовавшія ни современнымъ требованіямъ педагогіи, ни практической цѣли.

Въ отношеніи другихъ, уже существовавшихъ школъ, комитетъ рѣшилъ отпускать имъ ежегодныя пособія отъ 50 до 100 рублей, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ построить на свои средства зданія.

Обращаясь къ учрежденію новыхъ школъ и принимая въ соображеніе, что, по разбросанности горскихъ селеній и суровости климата, основаніе постоянныхъ школъ не вполнѣ соотвѣтствовало бы ихъ цѣли, комитетъ призналъ болѣе удобнымъ во всѣхъ горскихъ приходахъ, въ которыхъ существуетъ письменность, учредить по одной очередной школѣ. Первоначальное воспитаніе юношества въ этихъ школахъ

производить на природныхъ языкахъ, какъ болѣе удобныхъ для элементарнаго образованія; а желающимъ обучаться Русской грамотѣ, письму и другимъ предметамъ, преподавать сіи предметы лишь по достаточномъ усовершенствованіи мальчиковъ къ природной грамотѣ. Преподаваніе въ этихъ школахъ возлагалось на мѣстное духовенство. Независимо безденежнаго снабженія учениковъ всѣми учебными пособіями, на содержаніе каждой школы предположено отпускать отъ 115 до 270 рублей въ годъ, а для изданія учебныхъ и священно-богослужебныхъ книгъ учредить въ Тифлисѣ, на счетъ Общества, особую типографію.

Независимо вышеизложенныхъ основныхъ распоряженій, дѣятельность комитета обращена была и къ нѣкоторымъ частнымъ мѣрамъ, въ сущности своей тоже направленнымъ къ общей цѣли. Осуществлено снабженіе десяти Осетинскихъ церквей богатою ризницею и утварью, пожертвованными отъ щедротъ Августѣйшей Покровительницы Общества, снабженіе горскихъ церквей потребностями, необходимыми для совершенія богослуженія, постройка домовъ для священно-церковно-служителей, заготовленіе знаковъ и дипломовъ для членовъ Общества, учрежденіе частныхъ комитетовъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, наконецъ развитіе нѣкоторыхъ правилъ устава Общества.

По 1-е Января 1862 года поступили въ общество слѣдующія суммы:

I.	Отъ Августѣйшей Покровительницы	119.738 р.	—	к.
	Отъ другихъ мѣстъ и лицъ........	13.694 „	54¼	„
II.	Сбора съ кружекъ, учрежденныхъ при церквахъ.....................	31.878 „	47½	„
III.	Постоянныхъ платежей...........	4.107 „	35	„
IV.	Отъ упраздненной Осетинской Духовной Комиссіи..................	238.174 „	18½	„
	Всего...	407.593 „	1	„

Изъ этой суммы израсходовано:

а) На изготовленіе знаковъ для членовъ Общества....................	11.404 р.	37	к.
б) На содержаніе духовенства........	6.936 „	27½	„

в) На содержаніе школъ и учениковъ.	2.956 р.	3 к.	
г) На переводы книгъ и ихъ напечатаніе	3.999 „	80	
д) На устройство церквей и иконостасовъ	834 „	20	
е) На разные предметы	254 „	60	
Всего ..	26.385 „	27½ „	

Остальная затѣмъ сумма 381.207 р. 90¾ к., за исключеніемъ 28.170 р. 36 к. обращенныхъ въ Закавказскій Приказъ. въ срочный 4% вкладъ,—состояла къ 1862 г. въ кассѣ Общества.

Таково было основаніе весьма важнаго, обѣщавшаго чрезвычайные результаты Общества возстановленія православнаго христіанства въ горахъ Кавказа. Осуществленіе его состоялось единственно благодаря настойчивому почину князя Барятинскаго.

Я изложилъ ходъ дѣла съ возможною полнотою, въ увѣренности, что большинству читателей не безъинтересно ознакомиться съ предпріятіемъ, развитіе котораго потребуетъ, безъ сомнѣнія, еще много времени, трудовъ и средствъ, пока плоды его выкажутся въ достаточной степени.

Къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстенъ дальнѣйшій ходъ этого дѣла, чтобъ судить о достигнутыхъ въ теченіи тридцати лѣтъ результатахъ. Въ текущей печати не встрѣчалось отчетовъ или какихъ либо свѣдѣній о ходѣ дѣла; по слухамъ, Общество употребило свои капиталы на проведеніе въ Закавказьѣ оросительныхъ канавъ, для обводненія степей по рр. Іорѣ и Алазани, съ тѣмъ, чтобы извлекаемые впослѣдствіи большіе доходы отъ заселенія и воздѣлыванія обводненныхъ плодородныхъ мѣстъ употреблять на развитіе дѣятельности Общества; но ни подробности, ни послѣдствія такой операціи неизвѣстны.

Въ предшествовавшихъ главахъ уже нѣсколько разъ упомянуто о настойчивости князя Барятинскаго по вопросу о постройкѣ за Кавказомъ желѣзной дороги. Съ этимъ же вопросомъ онъ связывалъ и другой: о льготной торговлѣ. Въ приложеніи къ настоящей главѣ помѣщаются двѣ запи-

ски, представленныя Государю княземъ, въ бытность его намѣстникомъ Кавказскимъ. Обращаемъ особое вниманіе читателей на эти документы, хотя имѣющіе въ настоящую минуту лишь историческій интересъ, но тѣмъ не менѣе весьма поучительные и могущіе вызывать на размышленія. Однѣхъ этихъ записокъ было бы достаточно, чтобъ выказать, какимъ широкимъ государственнымъ взглядомъ, какою твердою основательностью въ вопросахъ Русской политики вообще, а въ отношеніи къ Азіи особенно, отличался князь Александръ Ивановичъ Барятинскій.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Изъ письма князя А. И. Барятинскаго къ Императрицѣ Маріи Александровнѣ (съ Французскаго).

Съ глубокою и благоговѣйною благодарностью принялъ я оказанную мнѣ Вашимъ Величествомъ высокую честь, присылкою мнѣ портрета Вашего: ни разу еще, въ этой отдаленной странѣ не появлялись драгоцѣнныя черты Ваши переданныя съ такою блестящею вѣрностью. Великій художникъ писавшій этотъ портретъ, безъ сомнѣнія, возгордился бы, если бы могъ видѣть восхищеніе туземцевъ всѣхъ племенъ, разсматривающихъ прекрасный портретъ своей Императрицы.

Общество возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ имѣло счастіе получить отъ Вашего Величества новый знакъ Августѣйшаго благоволенія. Щедрый даръ вашъ въ 14 тыс. рубл. будетъ новымъ источникомъ къ достиженію той великой цѣли, которую Общество себѣ назначило. Какъ предсѣдатель Общества, повергаю къ стопамъ Вашимъ его благодарность. Что же касается наиболѣе выгоднаго употребленія пожалованнаго вами капитала, то вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ только послѣ полученія увѣдомленія о рѣшеніи Вашего Величества по предмету включенія въ составъ Общества Осетинской Духовной Коммиссіи, со всѣми принадлежавшими ей капиталами. Тогда будетъ видно, въ какой степени наше Общество будетъ нуждаться въ наличныхъ деньгахъ.

Комитетъ по образованію Общества возстановленія православія занимается пока разрѣшеніемъ вопросовъ, изъ самаго учрежденія возникающихъ, по которыхъ я буду имѣть честь дать Вашему Величеству подробный отчетъ, а между тѣмъ сегодня представляю на Ваше благоусмотрѣніе

одинъ изъ этихъ вопросовъ, имѣющій большое значеніе для образованія Общества. Сначала мы имѣли въ виду назначить обязательный взносъ денегъ дѣйствительными членами, раздѣленными на категоріи; почетные же члены и сотрудники не обязывались къ участію въ денежныхъ взносахъ. Послѣ, при подробномъ разсмотрѣніи устава и основаній образованія Общества, было предпочтено обязать всѣхъ, безъ исключенія, членовъ къ платѣ. Однако есть лица, полезныя и даже неизбѣжно необходимыя Обществу, для которыхъ опредѣленная плата была бы весьма стѣснительна и несовмѣстна съ ихъ положеніемъ. Къ такимъ лицамъ принадлежатъ высокопреосвященные митрополиты Филаретъ Московскій, Исидоръ Петербургскій и Евсевій, экзархъ Грузіи.

II.

Изъ письма Императрицы Маріи Александровны отъ 11 Іюня 1860 г. къ князю А. И. Барятинскому (съ Французскаго).

Посылаю вамъ сумму, которою въ настоящую минуту могу располагать; надѣюсь пополнить ее осенью, съ искреннимъ желаніемъ, чтобы по крайней мѣрѣ было сдѣлано небольшое начало великаго дѣла, для котораго я буду трудиться по мѣрѣ силъ моихъ и на которомъ да почіетъ благословеніе Божіе. Надѣюсь, что экзархъ тоже посвятитъ дѣлу усердное содѣйствіе и найдетъ сочувствующихъ ему людей. Я желала бы имѣть свѣдѣніе о ходѣ дѣла, даже о самомъ незначительномъ въ началѣ. Охотно берусь за снабженіе церквей и школъ нужными предметами. Вамъ же собственно желаю въ настоящее время прежде всего позаботиться о вашемъ здоровьи и столь необходимомъ вамъ отдыхѣ въ прекрасномъ Боржомѣ (неправдали, онъ прекрасный?), съ которымъ надѣюсь когда-нибудь познакомиться.

Повторяю мое сердечное желаніе, чтобы довѣренная вамъ Императоромъ страна процвѣтала и Слово Божіе въ ней утвердилось.

III.

Д. А. Милютинъ князю А. И. Барятинскому отъ 10-го Ноября 1860 года.

Сегодня я имѣлъ счастіе быть принятымъ Государынею Императрицею и спѣшу сообщить вашему сіятельству сущность продолжительнаго моего разговора съ Ея Величествомъ по предмету Общества возстановленія христіанства на Кавказѣ. Государыня принимаетъ горячее участіе въ этомъ дѣлѣ, чему доказательствомъ служитъ пожертвованіе вновь 64 тысячъ рублей. Но какъ этотъ капиталъ состоитъ въ билетахъ 3-хъ про-

центнаго займа 1859 года, то возникаетъ вопросъ: въ какомъ видѣ для Общества выгоднѣе воспользоваться этимъ капиталомъ? Изъ прилагаемаго при семъ письма г-на Морица *), ваше сіятельство подробнѣе узнаете, въ чемъ заключается возникшее недоумѣніе. Я выразилъ мое мнѣніе, что лучше предварительно спросить васъ и, до полученія Вашего отвѣта, не дѣлать пока никакого распоряженія. Затѣмъ Государыня выразила сожалѣніе о томъ, что дѣло Общества ведется здѣсь такими путями, что Ея Величество остается въ полной неизвѣстности гдѣ и чтó дѣлается; по этой же причинѣ Государыня Императрица находится въ недоумѣніи—какой ходъ дать и привезенному мною представленію Вашему. Ея Величеству не было ничего извѣстно о командированіи генерала Бартоломея, и теперь остается неизвѣстнымъ, чтó дѣлается относительно предположеннаго для членовъ Общества внѣшняго знака. Государыня опасается, что сдѣланная публикація будетъ принята холодно и не возбудитъ горячаго сочувствія въ публикѣ.

Разсуждая о средствахъ для привлеченія пожертвованій, Ея Величество между прочимъ признала необходимымъ, чтобы съ Кавказа какъ можно чаще присылаемы были, для напечатанія въ газетахъ, такія статьи, которыя знакомили бы публику съ положеніемъ христіанства въ разныхъ частяхъ Кавказа и поддерживали бы постоянно вниманіе къ этому краю, вовсе неизвѣстному для большинства. Государыня уполномочила меня написать объ этомъ вашему сіятельству, также повидаться съ митрополитомъ Исидоромъ и другими лицами, которыя сочувствуютъ Кавказу. Кажется, Государыня намѣрена вытребовать отъ надлежащихъ мѣстъ всѣ свѣдѣнія, нужныя Ея Величеству для дальнѣйшаго руководства этимъ дѣломъ.

IV.

Записка князя А. И. Барятинскаго о льготной торговлѣ.

Перенесеніе транзита Европейской торговли съ Азіей изъ Турецкихъ владѣній въ Закавказскій край составляетъ самый существенный способъ для благосостоянія этого края и извлеченія его изъ застоя, въ которомъ онъ поглощаетъ безплодно и безъ вознагражденія всѣ пожертвованія государства. Но для достиженія этой цѣли необходимы два условія: вопервыхъ, сооруженіе желѣзной дороги между морями Чернымъ и Каспійскимъ, чтó составляетъ предметъ отдѣльныхъ соображеній, и вовторыхъ, возвращеніе Закавказскому краю льготной торговли, чтó составляетъ предметъ настоящей записки.

Всѣ мои предшественники отъ генерала Ермолова до князя Воронцова настаивали на необходимости этой торговли для развитія Закавказ-

*) Морицъ былъ секретаремъ Государыни Императрицы.

скаго края, хотя въ истекшее тридцатилѣтіе общественное мнѣніе вообще мало сочуствовало свободнымъ торговымъ сношеніямъ и видѣло въ запретительномъ тарифѣ всеобщее лѣкарство дли Русскаго экономическаго быта. Конечно, главные начальники, управлявшіе одинъ за другимъ Кавказомъ, не были всѣ, до прiѣзда въ ввѣренный имъ край, систематическими противниками общаго въ то время мнѣнія; но всѣ они убѣждались, наконецъ, что льготная торговля необходима для Закавказья: такъ очевидна эта истина. Закавказскій край, составляя перешеекъ между двухъ морей, Европейскаго и Азіатскаго, поставленъ своимъ положеніемъ посредникомъ въ сношеніяхъ между двумя частями свѣта. Времена его процвѣтанія и упадка соотвѣтствовали до сихъ поръ безусловно періодамъ свободы или стѣсненія торговли, все равно—происходило ли это стѣсненіе отъ мусульманскаго ига, или отъ запретительнаго тарифа. Здѣсь были города съ сотнями тысячъ жителей, знаменитые и на Востокѣ, и на Западѣ; существовали превосходныя дороги, которыхъ слѣды еще тянутся по лѣсамъ и скаламъ, весь край былъ воздѣланъ трудомъ человѣка. Россія приняла эту страну подъ свою власть, когда она была въ мервенномъ оцѣпененіи въ слѣдствіе трехвѣковаго застоя. Съ тѣхъ поръ, какъ Турки изгнали Европейскую торговлю изъ Чернаго моря, не смотря на безопасность, дарованную краю Русскимъ владычествомъ, онъ не оживлялся. Въ 1821 году генералъ Ермоловъ исходатайствовалъ для Закавказья десятилѣтнюю привиллегію льготной торговли, съ обложеніемъ привозныхъ товаровъ 5% пошлины, и вотъ результаты:

Въ десятилѣтіе, предшествовавшее 1821 году, при высокомъ окладѣ пошлинъ, товаровъ привезено на 5.812.000 рубл.; отпущено 964.000 рубл.; пошлины собрано 185.000 рублей.

Въ послѣдовавшее за тѣмъ десятилѣтіе льготной торговли, при установленіи 5% пошлины, товаровъ привезено на 17.085.000 рубл.; отпущено на 7.005.000 р.; пошлины собрано на 773.000 р. При этомъ должно замѣтить, что первые два года этого десятилѣтія были только пріуготовительнымъ періодомъ, въ продолженіе котораго торговля еще мало подвинулась впередъ; послѣднія пять лѣтъ были возмущены войной Персидской, закрывшей мѣста́ сбыта, и войной Турецкой, перервавшей средства сообщеній. Не смотря на то, привозъ увеличился въ три раза, отпускъ въ семь разъ, пошлинный сборъ слишкомъ въ три раза.

Цифры говорятъ ясно: льготная торговля пробудила почти мгновенно производительную силу края. Но этого мало; всѣмъ, чтó только сохранила до сихъ поръ Закавказская торговля: капиталами, торговцами и торговыми путями она обязана періоду десятилѣтней льготы. Въ это время здѣшніе купцы сдѣлались посредниками между Европой и Персіей, они узнали порядокъ правильной торговли, составили капиталы. Прямой торгъ Россія съ Персіей воспользовался проложеннымъ путемъ, и въ это исключитель-

ное десятилѣтіе въ Каспійскомъ морѣ плаваніе вдругъ стало быстро возвышаться.

Все это кончилось въ 1831 году. Привиллегія не была возобновлена вслѣдствіе господствовавшихъ въ то время экономическихъ идей, и съ нею прекратилось быстрое развитіе края. Каспійская торговля, исключительно Русская, упала въ той же степени. Европейская торговля перешла въ Трапезонтъ, усилилась въ двадцать разъ, сдѣлалась одною изъ значительныхъ отраслей всемірнаго оборота, но помимо насъ и въ подрывъ намъ; блистательная будущность, которую она обѣщала Закавказскому краю, стала мечтою. За то всѣ невыгоды льготной системы, на которыя жаловались Московскіе мануфактуристы, возрасли при запретительномъ тарифѣ въ полную дѣйствительность. Вывозъ звонкой Русской монеты, на который они указывали, увеличился въ сильной степени; контрабанда, которой они боялись, сдѣлалась нормальнымъ состояніемъ здѣшней торговли, и только Кавказскій хребетъ ограждаетъ отъ нея Русскія области; содержаніе пограничной стражи поглощаетъ, кромѣ таможенныхъ объѣздчиковъ, *шесть козачьихъ полковъ* и нимало не препятствуетъ контрабандѣ, для удержанія которой, по замѣчанію покойнаго генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго, нужно разставить по границамъ цѣлый корпусъ. Образованіе новыхъ капиталовъ въ краѣ прекратилось; состоянія, сложившіяся здѣсь послѣ прекращенія порто-франко, составляютъ не нарощеніе торговое, промышленное или земледѣльческое—свидѣтельсто общаго успѣха—а остатокъ суммъ Государственнаго Казначейства, вслѣдствіе поставокъ и сдѣлокъ съ казною, почти единственнымъ потребителемъ въ здѣшнемъ краѣ. Эти капиталы не выходятъ изъ колеи, въ которой образовались, а самая торговля перешла въ руки мелкихъ промышленниковъ и приняла видъ барышничества.

Между тѣмъ Русскіе мануфактуристы, обѣщавшіе оживить этотъ край своими капиталами, лишь бы закрыта была льготная торговля, не сдѣлали для того ни шагу. Они обыкновенно дожидаются въ Москвѣ или Нижнемъ пріѣзда Армянскихъ купцовъ и стараются сбыть имъ всякій бракъ. Армяне берутъ что̀ угодно, лишь бы въ кредитъ, и, воротившись домой съ негодными товарами, продаютъ ихъ по непомѣрной цѣнѣ, а потомъ очень часто платятъ своимъ довѣрителямъ злостнымъ банкротствомъ. Рядомъ съ подобной торговлей идетъ богатая торговля Трапезонтская, правильная, достигшая уже огромныхъ размѣровъ и все еще развивающаяся съ каждымъ годомъ; торговля, которая была въ нашихъ рукахъ, которая должна быть въ нашихъ рукахъ и которую мы отъ себя отстранили для пріобрѣтенія означенныхъ выше результатовъ. Наконецъ, надобно замѣтить, что контрабандный торгъ, разросшійся до такихъ размѣровъ, что противъ него нѣтъ уже дѣйствительныхъ средствъ, не только разрушаетъ въ здѣшнемъ краѣ всякую правильную торговлю, но еще грозитъ постоянною опасно-

стію чумной заразы и Закавказью, и Россіи: ибо запретительный тарифъ представляетъ такую приманку контрабадной торговлѣ, что дѣлаетъ малодѣйствительною нашу карантинную линію по Турецкой и Персидской границамъ.

Единство тарифа, естественное для Европейской части Россіи, непримѣнимо къ ея Азіатскимъ владѣніямъ. Граница Россіи со стороны Азіи опредѣляется не природою, а послѣднимъ политическимъ событіемъ; тяготѣя на Азію, какъ сильное тѣло на слабое, Россія долго еще будетъ вдвигаться въ нее какъ по сю, такъ и по ту сторону Каспійскаго моря. Ей придется вѣроятно, принять подъ свою руку еще много племенъ совершенно ей чуждыхъ, придется населять пустыни, приводить хаосъ въ порядокъ. Возможно ли ей будетъ примѣнять ко всякому своему пріобрѣтенію въ Азіи экономическое устройство, присвоенное собственно къ Русской землѣ. Закавказье есть одно изъ такихъ пріобрѣтеній. По особенностямъ своего географическаго положенія, оно вовсе не подходитъ подъ смыслъ Русскихъ тарифовъ.

Этотъ край поставленъ на перепутьи двухъ частей свѣта, какъ мѣсто свободнаго всемірнаго торга. Въ продолженіе полувѣковаго Русскаго владычества за Кавказомъ, загорныя области имѣли для государства только политическую важность, какъ уголъ Азіи, откуда Россія наблюдала надъ всѣмъ материкомъ; они приносили государству однѣ издержки, а между тѣмъ, этотъ край можетъ быть богатѣйшею частью Имперіи по своей мѣстной производительности, не говоря уже о сношеніяхъ международныхъ. Богатыя природою страны, составляющія Закавказье, обработаны, можно сказать, только въ половину противъ того, какъ онѣ были обработаны въ давнюю пору руками Азіатцевъ, и только въ четверть противъ того, какъ онѣ должны быть обработаны, подъ властію богатаго и образованнаго Европейскаго государства. На всемъ протяженіи Закавказскихъ областей, какъ и выше замѣчено, видны слѣды густаго населенія въ мѣстахъ, гдѣ теперь растетъ только никуда негодный лѣсъ; видны слѣды осиротѣлыхъ канавъ въ сожженныхъ степяхъ, покрытыхъ въ настоящее время слоемъ сѣрой пыли, которую прикосновеніе воды обращаетъ въ золотое дно; видны завалившіеся старые рудники, каменные мосты въ глухихъ ущельяхъ, церкви и башни въ непроходимыхъ дебряхъ. Возрожденіе этой страны невозможно безъ торговли, составляющей весь ея географическій смыслъ. Вмѣсто того, чтобъ ограждать Закавказье запретительнымъ тарифомъ, Россія должна и для него, и для себя обратить Кавказскій перешеекъ въ большую дорогу всемірной торговли, въ дорогу, сообразную съ потребностями XIX вѣка: прорѣзать его рельсами и освободить отъ стѣснительныхъ тарифовъ.

На основаніи сихъ соображеній и въ глубокомъ убѣжденіи, что льготная торговля, въ связи съ устройствомъ желѣзной дороги между морями

Чернымъ и Каспійскимъ, будетъ имѣть животворныя послѣдствія для Закавказскаго края и дастъ ему возможность вознаградить пожертвованія, сдѣланныя для него государствомъ, я пріемлю смѣлость испрашивать Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества соизволенія на открытіе Закавказскаго края для свободнаго ввоза иностранныхъ товаровъ, съ обложеніемъ ихъ 5% пошлины съ объявленной цѣны и съ сохраніемъ безплатнаго транзита для товаровъ, назначенныхъ въ Азіатскія государства *).

V.

Записка князя А. И. Барятинскаго о желѣзной дорогѣ.

Въ настоящее время Закавказскія области связаны съ Имперіей только на географической картѣ; въ сущности онѣ составляютъ край, во всѣхъ отношеніяхъ отдѣльный отъ прочей Россіи. Чрезвычайное затрудненіе въ сообщеніяхъ и огромныя разстоянія отъ пунктовъ, въ которыхъ сосредоточены главныя силы государства, вполнѣ разъединяютъ Закавказье съ Имперіей и въ военномъ, и въ экономическомъ отношеніи.

Въ военномъ отношеніи загорный край находится въ положеніи совершенно исключительномъ: какъ бы ни были велики силы государства внѣ Кавказа, онѣ не могутъ имѣть никакого вліянія, даже нравственнаго, на военныя событія на Кавказскомъ перешейкѣ. Когда издали только предвидится возможность разрыва, правительство должно сосредоточивать здѣсь армію, которая могла бы встрѣтить непріятеля безъ посторонней помощи; первый выстрѣлъ заставляетъ занимать Закавказскій край также сильно, какъ если бы за нимъ не существовало Русской Имперіи съ ея громадными средствами; иначе неожиданныя событія всегда могутъ упредить самыя быстрыя мѣры, а Закавказскій хребетъ не такое препятстіе, которое можно надѣяться преодолѣть нѣсколько разъ сряду.

---

*) Транзитъ, какъ извѣстно, закрытъ, и результатъ, повидимому, оказался для Русской торговли полезнымъ, хотя есть люди компетентные, отрицающіе эту пользу. Во всякомъ случаѣ, недостаточно еще выяснить всѣ подробности послѣдствій отмѣны транзита чрезъ Закавказскій край собственно для развитія мѣстнаго благосостоянія, о чемъ князь Барятинскій главнѣйшимъ образомъ и хлопоталъ, исходя изъ того воззрѣнія, что возрастаніе торговли и промышленности Кавказскаго края, возрастаніе его богатствъ дастъ возможность вознаградить Россію за ея громадныя, въ теченіе почти цѣлаго столѣтія, затраты на это окраину. Наконецъ теперь, съ пріобрѣтеніемъ Англіею многихъ новыхъ, важныхъ льготъ въ Персіи, открытіемъ пароходства по Каруну, учрежденіемъ банка, правомъ строить желѣзныя дороги, разрабатывать рудники и проч., вопросъ о транзитѣ, быть можетъ, вызываетъ другія соображенія, не столь противурѣчащія мысли князя Барятинскаго. А. З.

Въ настоящее время нужно нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы привести войска изъ внутри Россіи на Кавказскую линію; потомъ имъ предстоитъ еще проходить, очередуясь, Дарьяльскую тѣснину, въ которой надобно заблаговременно заготовлять всѣ жизненныя средства, а такая операція, когда время года ей не благопріятствуетъ, стóитъ величайшихъ усилій и даже не всегда возможна. Преодолѣвъ и разстоянія, и трудности пути, войска приходятъ, наконецъ, на южную границу для того только, чтобы завалить госпитали. Примѣромъ можетъ служить 18-я пѣхотная дивизія, перешедшая горы въ 1854 году въ самомъ сильномъ составѣ и сохранившая черезъ нѣсколько недѣль потомъ, когда пришлось выступать въ походъ, не болѣе 400 штыковъ въ баталіонахъ. Причиной такого разстройства были не климатическія условія, а дальность похода; потому что 13-я пѣхотная дивизія, перевезенная сюда моремъ, осталась въ комплектѣ. Пока Черное море было еще исключительно въ нашихъ рукахъ, оно связывало этотъ край съ частями Имперіи, гдѣ обыкновенно были расположены дѣйствующія войска. Въ 1853 году можно было въ нѣсколько дней перевести 13-ю пѣхотную дивизію изъ Крыма въ Анаклію; еслибы ей надобно было тогда идти сухимъ путемъ на Дарьялъ, то, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, Кавказскому корпусу пришлось бы обнажить границы или предъ горцами, или предъ Турками, а за Кавказомъ мы ничѣмъ не должны рисковать. Можетъ быть, всѣ силы Имперіи, свободныя въ то время, оказались бы недостаточными, чтобы поправить въ этомъ краѣ послѣдствія одного рѣшительно проиграннаго сраженія.

Закавказье ограждено природой только со стороны Россіи и открыто непріятелю, въ большей или меньшей мѣрѣ, со всѣхъ другихъ сторонъ. Поэтому, чтобы усилить стратегическое положеніе войска, занимающаго эту страну, правительство, при настоящемъ положеніи, необходимо должно употребить значительныя суммы на сооруженіе многихъ крѣпостей. Но укрѣпленіе главныхъ стратегическихъ пунктовъ, хотя во многомъ усилитъ оборону этого края, всетаки не придастъ ему свойства, которымъ обладаетъ всякій другой военный театръ: возможности отступить, въ случаѣ необходимости, для того, чтобы потомъ опять перейти въ наступленіе. Закавказскія области составляютъ поясъ длинный и узкій; отступленіе нашихъ войскъ отъ границъ приведетъ непріятеля въ нѣсколько переходовъ къ Тифлису—пункту, владѣніе которымъ рѣшаетъ безусловно, матеріально и нравственно, владѣніе краемъ. Чтобы занять его прочно, удерживая непріятеля и дожидаясь помощи, наше войско должно владѣть Военно-грузинскою дорогою до Душета, т. е. быть достаточно сильно въ томъ, чтобы не имѣть надобности запираться въ укрѣпленіяхъ. Никакой другой пунктъ не можетъ замѣнить его для насъ; потому что, если непріятель займетъ эту сторону края, Закавказье будетъ потеряно до послѣдней деревни; все мусульманское населеніе подымется поголовно, и Кавказскій хребетъ сомкнется въ нашемъ тылу непроходимымъ враждебнымъ поясомъ.

Есть только одно средство владѣть Закавказьемъ твердо, не опасаясь никакихъ случайностей—это средство: всегда имѣть вполнѣ силы, сообразныя съ обстоятельствами, также точно, какъ на всѣхъ другихъ границахъ Имперіи; а такое положеніе осуществится тогда лишь, когда центръ Закавказскаго края будетъ связанъ съ центромъ государства сообщеніемъ удобнымъ и быстрымъ.

Разобщеніе этихъ центровъ постоянно имѣло самое невыгодное вліяніе и на предшествовавшія войны, театромъ которыхъ былъ Закавказскій край. Дѣйствія со стороны Кавказа всегда были не больше, какъ демонстраціей для отвлеченія части вражескихъ силъ, когда не были чисто-оборонительными, вынужденными наступленіемъ непріятеля. Въ прошедшую войну Кавказскій корпусъ былъ усиленъ постепенно 3-мя пѣхотными дивизіями и бригадою драгунъ, но судьба Кавказа и Русскаго значенія въ Азіи рѣшилась на полѣ сраженія: въ 1853 году 9-ю тысячами, въ 1854 году 17-ю тысячами, и только въ 1855 году (когда Кавказскій корпусъ былъ усиленъ вновь 16-ю тысячами человѣкъ запасной дивизіи, а предъидущія пораженія Турецкой арміи до того ее ослабили, что можно было уже слить въ одну массу наши пограничные отряды) 25-ю тысячами солдатъ. Это небольшое войско доказало свои качества, разбивая постоянно въ четверо сильнѣйшаго непріятеля; но этимъ и ограничился кругъ его дѣйствій. Нельзя было вести въ глубь враждебной имперіи 17 т. человѣкъ, занимая ими же пройденныя области. Мы одержали нѣсколько безплодныхъ побѣдъ и остались на своихъ границахъ, а между тѣмъ на Кавказѣ стояла трехсотъ-тысячная армія. Пятая часть этой силы могла сокрушить въ прахъ Азіатскую Турцію, на которой основана самая возможность существованія Оттоманской имперіи. Но ни пятой, ни даже десятой части трехъ-сотъ-тысячъ человѣкъ нельзя было отдѣлить на рѣшительный пунктъ. Такимъ образомъ эта многочисленная и составленная изъ самыхъ надежныхъ войскъ въ свѣтѣ армія никогда не могла нанести значительнаго удара такимъ государствамъ, какъ Турція и Персія; всѣ ея усилія ограничились въ 1829 году взятіемъ Эрзерума, въ 1855 году взятіемъ Карса.

Причина такого безсилія очевидна. Кавказъ такъ разобщенъ съ центрами Имперіи, что стоитъ внѣ стратегической связи съ прочими силами государства; что̀ бы ни случилось, Кавказская армія можетъ разсчитывать только на себя и должна непремѣнно обойтись своими средствами. Природа края, изрѣзаннаго горами на отдѣльные клочки, также мало способствуетъ быстрому сосредоточенію; горы не препятствуютъ движенію людей, но препятствуютъ перевозкѣ провіанта, и въ Азіатской сторонѣ, гдѣ война не питаетъ войну, затруднительность сообщеній часто приковываетъ войска къ заранѣе заготовленнымъ магазинамъ. Отъ всѣхъ этихъ причинъ происходитъ, что въ военное время силы Кавказской арміи должно располагать по мѣстамъ заранѣе, со-

ображаясь со всѣми возможными обстоятельствами, чтобы которое нибудь изъ нихъ, не осуществившись, не разрушило разомъ всѣхъ разсчетовъ. Кавказская армія должна быть готова встрѣтить непріятеля всюду и всегда, отъ устьевъ Кубани до Ленкорани, и потому вездѣ бываетъ слаба. При настоящемъ разъединеніи съ силами государства и состояніи внутреннихъ его сообщеній она не можетъ ни сосредоточивать быстро значительныхъ силъ, за невозможностію сосредоточить магазины, ни быть подкрѣпленной своевременно, какой бы оборотъ ни приняла война. Отъ того и всякое рѣшительное движеніе въ глубь Азіи становится невозможнымъ; ибо для этого необходимо, чтобы значительныя силы охраняли тылъ дѣйствующихъ войскъ со стороны Чернаго моря: иначе высадка непріятеля въ Кутаисскую губернію можетъ поставить ихъ въ безъисходное положеніе. Результатъ тотъ, что Россія содержитъ нѣсколько сотъ тысячъ войска, обращеннаго въ мѣстный, почти неподвижный гарнизонъ, что она съ этими силами можетъ совершать въ Азіи только незначительныя демонстраціи около своихъ границъ, и что это положеніе, со времени послѣдней войны, сдѣлалось понятнымъ и для чужихъ.

Всѣ сіи невыгоды военнаго положенія Закавказскаго края будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока главное сообщеніе Россіи съ загорными владѣніями будетъ состоять въ тропѣ, протоптанной по дну глухой трещины, сквозь каменную глыбу Кавказа, и пока внутреннія сообщенія Закавказья останутся въ нынѣшнемъ состояніи.

Изъ трехъ путей, которыя связываютъ загорный край съ государствомъ, одинъ по Черному морю не въ полной нашей власти; другой, чрезъ Дарьялъ, скорѣе разъединяетъ, чѣмъ соединяетъ; остается третій путь по Волгѣ и Каспійскому морю. Этотъ именно путь представляетъ въ высшей степени всѣ условія для того, чтобы слить Закавказье съ Россіей въ военномъ отношеніи. Когда будетъ окончена желѣзная дорога изъ Москвы въ Нижній, и пароходство по Волгѣ и Каспійскому морю разовьется въ той степени, какъ этого требуютъ настоятельно самыя существенныя нужды государства, передвиженіе войскъ и всѣхъ военныхъ потребностей изъ центра Россіи на восточный Кавказскій берегъ будетъ совершаться легче чѣмъ теперь такое же передвиженіе съ Кавказской линіи за горы: въ случаѣ надобности, въ три недѣли войска могутъ быть доставлены изъ Москвы въ Баку.

Но этотъ городъ лежитъ на краю Закавказья, въ пяти недѣляхъ ходу отъ его центра Тифлиса. Легкое сообщеніе между Нижнемъ Новгородомъ и Баку еще далеко не вполнѣ связываетъ Россію съ Закавказскимъ краемъ. Горные хребты, покрывающіе эту страну, безконечно разъединяютъ губерніи и уѣзды, изъ которыхъ она состоитъ; раіонъ всякой спѣшной операціи, продовольственной и перевозочной, обыкновенно стѣсняется пре-

дѣлами той части края, въ которой операція производится. Такимъ образомъ, между Баку и Тифлисомъ всѣ перевозочныя средства лежатъ почти исключительно на одномъ населеніи Курской (по р. Курѣ) равнины; когда ихъ вдругъ требуется много, или потребность является внезапно, онѣ разомъ изсякаютъ; между Каспійскимъ моремъ и центромъ Закавказья связь разрывается, и ее невозможно восполнить къ данному времени всѣми средствами края.

Одинъ примѣръ выставитъ въ полномъ свѣтѣ сущность такого положенія дѣла. Въ концѣ 1855 года, во время паденія Карса и вторженія Омеръ-Паши въ Мингрелію, замедленіе провіантскаго поставщика, обнаруженное довольно поздно, поставило весь Закавказскій край въ самое опасное положеніе. Хотя складочные пункты на берегу Каспійскаго моря были завалены Русскимъ хлѣбомъ и взятіе Карса дѣлало свободными войска дѣйствующаго корпуса, невозможность собрать разомъ достаточныя средства для перевозки провіанта приковала на всю зиму наши отряды къ пограничнымъ магазинамъ, снабженнымъ заблаговременно. Не говоря уже о томъ, что четверть хлѣба, стоившая на мѣстѣ $3^1/_2$ р. обходилась съ доставкою въ Кутаисъ 28 р., провіанта никакою цѣною нельзя было подвезти въ достаточномъ количествѣ, наши войска стояли, какъ на островахъ пустыннаго моря, безъ всякаго сообщенія, и только ненастная зима, недостаточность силъ отправленныхъ съ Омеръ-пашею и нерѣшительность Турецкаго предводителя избавили Закавказье отъ весьма опасныхъ послѣдствій. При обыкновенномъ сухопутномъ сообщеніи между Каспійскимъ моремъ и срединою загорныхъ областей, онѣ всегда будутъ для Имперіи отдѣльною колоніею. Для того, чтобы эта страна непосредственно составляла часть Россіи, необходимо перерѣзать Закавказье желѣзною дорогою.

Съ устройствомъ желѣзной дороги въ Закавказьѣ, отъ моря Каспійскаго до Чернаго, сооруженіе новыхъ крѣпостей сдѣлается уже ненужнымъ. Владѣя быстрымъ сообщеніемъ съ своими загорными областями, Россія всегда будетъ въ возможности замѣнить стѣны массою штыковъ. Нравственное убѣжденіе непріятеля въ огромности силъ, которыя онъ встрѣтитъ за Кавказомъ, будетъ служить самою вѣрною охраною этому краю и предупредитъ самое покушеніе. Когда Закавказскій край соединится со внутренностію Имперіи сообщеніемъ, совершенно недоступнымъ для непріятеля, Русское владычество за горами будетъ упрочено на вѣки, хотя бы въ эту сторону обратилась вся масса союзниковъ, бывшая въ Крыму.

Кавказская армія войдетъ въ условія всякаго войска на свѣтѣ, сила ея будетъ соотвѣтствовать ея числительности, она станетъ въ общую связь съ прочими арміями государства. Когда передвиженія полковъ изъ Россіи на Кавказъ будетъ совершаться въ три недѣли, вмѣсто шести мѣсяцевъ, тогда силу и составъ Кавказской арміи можно будетъ сообразовать съ

обстоятельствами, занимая этотъ край только необходимымъ числомъ войска и смѣняя ихъ уравнительно. Между тѣмъ, пока продолжается покореніе края, Кавказская армія будетъ школой не только для нѣсколькихъ полковъ, но и для всей Русской арміи. Вообще разница здѣсь такъ очевидна, что ее можно опредѣлить немногими словами.

При *оборонительной* войнѣ, наше положеніе изъ рискованнаго станетъ совершенно прочнымъ. Теперь Русскія силы въ Закавказьѣ стоятъ спиною къ враждебному Кавказскому хребту, сообщаясь съ государствомъ только тропинкой Дарьяла; пораженіе каждаго изъ пограничныхъ отрядовъ открываетъ прямой путь къ устью этой тропинки и грозитъ всѣмъ здѣшнимъ войскамъ разобщеніемъ и гибелью. Нельзя основывать военныя соображенія на непрерывномъ рядѣ геройскихъ подвиговъ. Но когда мы опремся на Каспійское море, связанное желѣзной дорогой съ центромъ Закавказья, то за военнымъ театромъ будетъ лежать уже не горный хребетъ, непроходимый и враждебный, къ которому насъ можно прижать, а Русское море, недоступное непріятелю, т. е. сама Россія, со всѣми своими средствами. Вынужденное обстоятельствами отступленіе поведетъ не къ разобщенію, а къ сосредоточенію нашихъ силъ; каждый, даже обратный, шагъ будетъ усиливать насъ, ослабляя непріятеля. Тифлисъ и устье Дарьяльской дороги устранятъ свою исключительную стратегическую важность; наше военное положеніе не будетъ уже зависѣть отъ владѣнія тѣмъ или другимъ мѣстнымъ пунктомъ. Съ желѣзной дорогой и военнымъ основаніемъ на Каспійскомъ морѣ, побѣдить Русскихъ за Кавказомъ можно будетъ только побѣдивши Россію, тогда какъ, въ настоящемъ положеніи дѣла, судьба края всегда зависитъ отъ счастія каждаго изъ пограничныхъ отрядовъ.

При войнѣ *наступательной*, перенесеніе военнаго основанія и желѣзная дорога развяжутъ намъ руки и сдѣлаютъ Россію владычицею въ Азіи, когда только Россія этого захочетъ. Передвиженіе войскъ и магазиновъ будетъ совершаться легко, потому что колесная перевозка потребуется только на четверти теперешнихъ разстояній и на этой четверти будутъ собраны всѣ средства края; войска, стоящія вдоль желѣзной дороги отъ Нухи до Чернаго моря, составятъ въ сущности одинъ отрядъ, по чрезвычайной легкости сосредоточенія и будутъ въ возможности дать совокупный отпоръ въ какую бы то ни было сторону. Рѣшительныя дѣйствія за границею дѣлаются возможными вопервыхъ потому, что уже не для чего будетъ раздѣлять дѣйствующія силы, въ ожиданіи возможнаго покушенія непріятеля со стороны Чернаго моря, ибо быстрота сообщеній позволитъ государству принять быстрыя мѣры противъ неожиданнаго оборота войны; вовторыхъ потому, что государство будетъ въ состояніи, безъ особенныхъ затрудненій, сосредоточить за горами такую массу войскъ, какую только потребуютъ обстоятельства, не считая ея выключенною изъ общаго итога силъ, какъ теперь. Русская сила станетъ до такой степени гроз-

на для Персіи, что устранитъ въ этомъ государствѣ всякую возможность чуждаго соперничества *). Астрабадъ будетъ подъ рукой Кавказскихъ войскъ, а Астрабадъ есть такой пунктъ, что даже демонстрація къ нему можетъ уже имѣть сильное вліяніе. На Кавказскомъ перешейкѣ самая сила обстоятельствъ создала для Россіи войска, закаленныя въ боевомъ ремеслѣ и болѣе всякихъ приготовленныя своею службою къ Азіатскимъ походамъ. Когда перешеекъ между двумя морями будетъ устроенъ, какъ ему должно быть устроеннымъ, Кавказская армія нависнетъ какъ лавина и надъ Азіатской Турціей, и надъ Персіей, и надъ Индѣйскимъ путемъ. Русское могущество въ Азіи изъ призрака станетъ дѣйствительностію.

Къ этому должно присовокупить, что Азіатскій вопросъ съ каждымъ днемъ все болѣе приковываетъ къ себѣ вниманіе правительства и всѣхъ мыслящихъ Русскихъ. Причина очевидна: цѣлая часть свѣта, съ которою Россія слита почти безраздѣльно на пространствѣ многихъ тысячъ верстъ, въ нашихъ глазахъ тлѣетъ и теряетъ свою самостоятельность, все болѣе и болѣе подчиняясь чуждому вліянію. На ней начертано теперь, какъ было уже разъ въ завѣщаніи Македонскаго завоевателя: „достойнѣйшему". Близокъ или отдаленъ рѣшительный часъ, во всякомъ случаѣ онъ неизбѣженъ, и отстранить отъ себя его послѣдствія не зависитъ отъ произвола. Въ какомъ бы видѣ Азіатскій вопросъ ни представился Россіи, какого бы рода дѣйствій онъ ни потребовалъ отъ нея, Россія должна быть приготовлена къ нему. Она должна быть въ состояніи воспользоваться своимъ единственнымъ положеніемъ на Кавказскомъ перешейкѣ и заранѣе принять мѣры, чтобы ея силы на Азіатскомъ рубежѣ были дѣйствительными силами. Достигнуть этого можно только быстрымъ и легкимъ сообщеніемъ Закавказья съ Россіей и главнѣйшихъ частей его между собою сильнымъ развитіемъ пароходства по Каспійскому морю и Волгѣ и желѣзною дорогою въ Закавказьѣ. Такимъ образомъ, и для настоящаго, и для будущаго, и для видовъ на Азію, и собственно для Кавказа, только одна эта мѣра можетъ сдѣлать истинно-плодоносными прежнія и настоящія пожертвованія правительства въ военномъ отношеніи.

---

*) Это, впрочемъ, не оправдалось, хотя осуществились и желѣзныя дороги за Кавказомъ и до Владикавказа, и полное развитіе пароваго флота на Каспійскомъ морѣ. Соперничество не только Англіи, но даже Германіи и Австріи усилилось, и вліяніе Россіи въ Персіи значительно ослабѣло. Здѣсь явилось лишній разъ рѣшительное доказательство, что никакой успѣхъ, прочный, продолжительный, не можетъ быть основанъ только на матеріяльныхъ средствахъ. Нужны еще интелектуальныя силы. Конечно это не могло уже входить въ заботы князя Барятинскаго, и осуществленіемъ за Кавказомъ рельсоваго пути мы всецѣло обязаны ему. А. З.

Въ *экономическомъ* отношеніи желѣзная дорога, равнымъ образомъ, представляетъ необъятныя выгоды. Нынѣшній путь чрезъ Дарьялъ на столько же препятствуетъ торговымъ сношеніямъ, какъ и движенію войскъ. Провозъ произведеній изъ Закавказья въ Россію чрезъ горы такъ возвышаетъ ихъ цѣнность, что исключаетъ многія изъ торговли совершенно, на примѣръ мѣстное вино, которое составляетъ и особенно могло бы составить источникъ большаго богатства для загорнаго края, но при нынѣшнихъ условіяхъ перевозки становится недоступнымъ по своей цѣнѣ внутри Имперіи. Торговля ограничивается необходимо только нѣсколькими статьями, выдерживающими стоимость перевозки, въ ущербъ и здѣшнему краю, производительность коего подсѣкается такими условіями въ самомъ корнѣ, и всему государству, которое не можетъ много ввозить въ страну, не имѣющую сбыта своимъ произведеніямъ. Желѣзная дорога сгладитъ Кавказскій хребетъ на торговой картѣ. Нижегородская ярмарка, источникъ почти всего ввоза въ загорный край со стороны Россіи, будетъ на три недѣли пути отъ Тифлиса. Желѣзная дорога откроетъ сбытъ произведеніямъ Закавказья и разовьетъ промышленность, свойственную этому краю.

Но этимъ не могутъ ограничиться выгоды, представляемыя желѣзною дорогою. Разсчитывать собственно на увеличеніе оборотовъ внутренней торговли было бы не соотвѣтственно ни важности, ни размѣру предпріятія, ни тѣмъ расходамъ, какіе потребуются на его исполненіе. Оно должно доставить болѣе важный и обширный результатъ, перенеся въ Закавказскій край всю Европейскую торговлю съ верхней Азіей, сосредоточенную нынѣ въ Трапезонтѣ. Европейская торговля держится этого пункта не по выгодамъ пути, который ведетъ оттуда въ верхнюю Азію (путь чрезъ Закавказье и въ настоящее время лучше и безопаснѣе), но по національному соперничеству, по общественному духу Англичанъ, въ рукахъ которыхъ эта торговля сосредоточена. Съ проложеніемъ желѣзной дороги между Чернымъ и Каспійскимъ морями, всякое соперничество будетъ невозможно. Для транзита Европейско-Азіятской торговли черезъ Закавказье также нужна желѣзная дорога, какъ для желѣзной дороги нуженъ транзитъ Европейско-Азіатской торговли. Эти двѣ вещи связаны неразрывно и не могутъ уклониться одна отъ другой.

За симъ обращаясь къ самымъ способамъ сооруженія желѣзной дороги отъ Каспійскаго моря до Чернаго, я долженъ сказать, что до подробныхъ изысканій, произведенныхъ на мѣстѣ, нельзя опредѣлить съ надлежащею точностью стоимости этой дороги. Но комитетъ, составленный мною, послѣ тщательныхъ и подробныхъ соображеній, пришелъ къ заключенію, что на пространствѣ 830 верстъ дорога обойдется до 60 милліоновъ.

Исполненіе сего предпріятія необходимо требуетъ со стороны правительства обезпеченія 5% дивиденда, какъ это сдѣлано для Русскихъ дорогъ.

По размѣру капитала, потребнаго на сооруженіе дороги, гарантія правительства составитъ до 3 милліоновъ. Хотя торговый путь чрезъ Кавказскій перешеекъ обѣщаетъ сдѣлаться съ открытіемъ дороги однимъ изъ важнѣйшихъ во всемірной торговлѣ, какимъ онъ и былъ нѣкогда, но въ настоящее время, послѣ вѣковаго застоя этого края, Кавказъ представляется и Россіи и Европѣ столь одичалымъ, что трудно привлечь сюда капиталы на ихъ собственный рискъ. Безъ обезпеченія со стороны государства подобныя предпріятія покуда еще неосуществимы и въ Русской имперіи, да и на всемъ материкѣ Европы, кромѣ небольшихъ разстояній, составляющихъ только развѣтвленіе какого нибудь установленнаго пути. Но въ особенномъ положеніи Закавказской желѣзной дороги находится нисколько не менѣе обезпеченіе для самой казны, чѣмъ и во всякой другой изъ Русскихъ линій, потому что для этой дороги существуетъ уже готовый и огромный грузъ въ товарахъ, которыми Персія наводняется чрезъ Трапезонтъ. Для Закавказской линіи гарантія правительства нужна только для возбужденія первоначальной довѣренности капиталистовъ, и не подлежитъ сомнѣнію, что съ открытіемъ всего протяженія дороги, гарантія эта не сдѣлаетъ никакого дѣйствительнаго ущерба государству.

Еслибы, впрочемъ, на первыхъ порахъ, пока Европейская торговля съ Азіей окончательно не направится на Закавказскую желѣзную дорогу, и предстояло необходимымъ нѣкоторое пожертвованіе вслѣдствіе принятой правительствомъ гарантіи, то въ тоже время оно избавится отъ громадныхъ издержекъ на сооруженіе за Кавказомъ новыхъ крѣпостей, совершенно необходимыхъ при нынѣшнихъ условіяхъ. Укрѣпленіе одного Тифлиса, неизбѣжное пока наши военныя сообщенія основаны на Дарьяльской дорогѣ, разсчитано, по предварительному, самому умѣренному соображенію въ 9 милліоновъ рублей, т. е. сумму, равняющуюся трехгодовой гарантіи; инженерныя работы нужныя на другихъ пунктахъ по всей окружности границы, на главныхъ военныхъ дорогахъ, требуютъ также многихъ милліоновъ. Желѣзная дорога, своею способностью быстро сосредоточивать войска, гдѣ только нужно, замѣнитъ за Кавказомъ крѣпости и избавитъ государство отъ огромныхъ издержекъ, удовлетворяющихъ цѣли лишь въ половину. Кромѣ того, съ построеніемъ желѣзной дороги обнаружится немедленно сбереженіе расходовъ на содержаніе Кавказской арміи и будетъ возрастать съ каждымъ годомъ. Закавказье можно будетъ занять ограниченнымъ числомъ войскъ, расположивъ назначенные для Кавказской арміи резервы вдоль воднаго пути, въ самой житницѣ Имперіи, остающіяся здѣсь войска будутъ стоить гораздо дешевле, всѣ расходы правительства въ загорныхъ областяхъ уменьшатся, между тѣмъ какъ государственные доходы съ этого края по всѣмъ отраслямъ и источникамъ быстро и несомнѣнно возрастутъ.

Если же сообщенія Закавказья съ Россіей останутся въ настоящемъ видѣ, то при первой войнѣ государство издержитъ на оборону здѣшняго края больше лишнихъ милліоновъ чѣмъ стоитъ желѣзная дорога и, что еще хуже, опять предстанетъ возможность потерять разомъ всѣ милліоны, израсходованные уже на этотъ край.

Въ военныхъ видахъ преимущественно необходима часть дороги между Баку и Тифлисомъ. Другая половина нужна какъ дополненіе первой, какъ обезпеченіе предпріятія въ экономическомъ отношеніи и какъ средство для развитія края. На этомъ основаніи первая часть дороги должна быть окончена прежде всего и сколь возможно въ короткій срокъ. Вторая половина, между Тифлисомъ и Чернымъ моремъ, можетъ быть устроена уже потомъ. Учрежденіе общества Каспійскаго пароходства и Азіатской торговли на этомъ морѣ требуетъ такой же послѣдовательности работъ. Необходимо дать этимъ обществамъ время установиться, прежде чѣмъ допустить иностранное соперничество въ кругъ ихъ дѣйствій. Постепенное устройство Закавказской желѣзной дороги сначала между Баку и Тифлисомъ, потомъ между Тифлисомъ и Чернымъ моремъ потребуетъ нѣсколько лѣтъ, которыми эти общества воспользуются для того, чтобы окончательно утвердиться.

Вслѣдствіе всѣхъ изложенныхъ причинъ и принимая въ соображеніе бывшія уже въ виду главнаго управленія Закавказскимъ краемъ предложенія капиталистовъ по устройству въ этомъ краѣ желѣзной дороги, я имѣю счастіе испрашивать Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества соизволенія:

1. Утвердить сооруженіе въ Закавказьѣ желѣзной дороги между Чернымъ и Каспійскимъ морями, съ раздѣленіемъ ея на двѣ части: на дорогу между Каспійскимъ моремъ и Тифлисомъ, которая должна быть сооружена первая, и на дорогу между Тифлисомъ и Чернымъ моремъ, къ которой должно быть приступлено потомъ, по ближайшему усмотрѣнію главнаго управленія Закавказскаго края.

и 2. Даровать обществу, которое приметъ на себя сооруженіе этой дороги, обезпеченіе со стороны правительства 5% на капиталъ потребный на это предпріятіе, подобно тому, какъ таковая гарантія дана по устройству Русскихъ дорогъ.

Представляя на всемилостивѣйшее воззрѣніе Вашего Величества сіи главныя основанія, я священнымъ долгомъ вѣрноподданнаго поставляю свидѣтельствовать, что желѣзная дорога будетъ для Закавказья тѣмъ же, чѣмъ бываетъ вода для плодородныхъ, но спаленныхъ сонцемъ земель: она пробудитъ въ немъ производительную силу, вызоветъ на

свѣтъ огромныя богатства, въ настоящее время зарытыя подъ спудомъ. Кромѣ того, на подобное предпріятіе нельзя, по моему убѣжденію, смотрѣть съ одной экономической стороны; оно связано съ самыми существенными потребностями Россіи, не только современной, но и будущей. Если государство не воспользуется текущимъ временемъ, чтобы незыблемо укрѣпить за собой Закавказскій край (этотъ мостъ, переброшенный изъ Россіи на Азіатскій материкъ), могутъ случиться обстоятельства, за которыя потомство сложитъ всю отвѣтственность на наше поколѣніе; болѣе полувѣка имперія ничего не жалѣла на этотъ край; наши дѣды поручились за его судьбу, наши отцы отбили его у враговъ и утвердились въ немъ: намъ предстоитъ долгъ слить его нераздѣльно съ Россіей и извлечь изъ него тѣ богатства и выгоды, которыя намъ предназначены судьбою въ будущемъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

IV [1]).

Въ началѣ настоящаго года вышелъ первый полутомъ Энциклопедическаго Словаря, изданный извѣстнымъ Ф. А. Брокгаузомъ и И. А. Эфрономъ, подъ редакціей профессора и бывшаго ректора С.-Петербургскаго университета И. Е. Андреевскаго.

Въ предисловіи Словаря помѣщено перечисленіе прежнихъ энциклопедическихъ словарей, изданныхъ въ Россіи; но ни въ этомъ перечисленіи, ни въ статьѣ стараго библіофила „Наши Энциклопедическіе Словари", помѣщенной въ Майской книжкѣ „Историческаго Вѣстника" за 1888 г., не упомянуто объ Энциклопедическомъ Словарѣ С. А. Селивановскаго.

Въ виду этого обстоятельства, а равно и въ виду того, что Словарь С. А. Селивановскаго, по времени напечатанія его, слѣдуетъ признать первымъ Энциклопедическимъ Словаремъ, если не считать таковымъ „Пространное поле, обработанное и плодоносное", составленное священникомъ Алексѣевымъ [2]), мы позволимъ себѣ на страницахъ „Русскаго Архива" сообщить о немъ болѣе подробныя свѣдѣнія, нежели тѣ, которыя сообщены были о немъ въ первый разъ, тоже въ „Русскомъ Архивѣ", извѣстнымъ библіографомъ и библіофиломъ С. А. Соболевскимъ.

Издатель Словаря Семенъ Аникѣевичъ Селивановскій, другъ митрополита Евгенія Болховитинова, еще въ ранней юности, вмѣстѣ съ нимъ, прожи-

---

[1]) См. „Русскій Архивъ" сего года, II, 331.

[2]) Подробное заглавіе этой книги слѣдующее: „Пространное поле, обработанное и плодоносное, или всеобщій историческій словарь изъ наилучшихъ авторовъ, какъ Россійскихъ, такъ и иностранныхъ, выбранный, сочиненный и по азбучнымъ словамъ расположенный П. П. священникомъ Іоанномъ Алексѣевымъ". Томъ I. Москва, въ Университетской типографіи у В. Окорокова, 1793. Часть I. Томъ II. Москва, въ Университетской типографіи у Ридигера и Клаудія, 1794. Этотъ недоконченный трудъ С. А. Соболевскій считаетъ первымъ въ Россіи Энциклопедическимъ Словаремъ. См. „Русскій Архивъ" 1870 г., стр. 1937.

вая на одной квартирѣ, занимался въ типографіи своего дяди Пономарева: Селивановскій былъ наборщикомъ, а Болховитиновъ корректоромъ.

Достигнувъ 17 лѣтъ, Селивановскій отправился въ С.-Петербургъ учиться словолитному и типографскому дѣлу. Выучившись этому, онъ въ Москвѣ заключилъ контрактъ съ книгопродавцемъ Завьяловымъ на содержаніе типографіи. Когда же, по распоряженію правительства, были закрыты вольныя типографіи, онъ, по ходатайству стихотворца Петрова (который былъ друженъ съ адмираломъ Мордвиновымъ) опредѣленъ былъ смотрителемъ Черноморской Адмиралтейской типографіи, открытой въ г. Николаевѣ. Эту должность онъ занималъ около пяти лѣтъ. Возвратившись въ Москву, онъ снялъ въ аренду Сенатскую типографію [1]), а потомъ въ концѣ прошлаго вѣка открылъ свою собственную [2]), которая находилась на Большой Дмитровкѣ, на углу Столешникова переулка, въ собственномъ домѣ, теперь принадлежащемъ купцу Бучумову. С. А. Селивановскій скончался въ 1835 году, передавъ свою типографію своему сыну Николаю Семеновичу. Типографія просуществовала до 1869 года [3]).

Семенъ Аникѣевичъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія, при содѣйствіи литераторовъ и ученыхъ, съ которыми былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ, предпринялъ изданіе Энциклопедическаго Словаря. Предполагая выпустить его въ свѣтъ сразу весь, а не по частямъ, онъ не объявлялъ объ этомъ своемъ предпріятіи, а приготовлялъ изданіе Словаря, такъ сказать, въ тиши и, по мѣрѣ приготовленія статей въ алфавитномъ порядкѣ, печаталъ его въ своей типографіи, подвергая предварительному просмотру Московскихъ цензоровъ, тоже своихъ пріятелей.

Такимъ образомъ были имъ приготовлены три части и напечатаны. Третьею частію изданіе прекратилось, и напечатанныя части не были пущены въ продажу.

Въ первый разъ Словарь Селивановскаго описанъ на 1937—1940 страницахъ „Русскаго Архива“ 1870 г. С. А. Соболевскимъ и вторично описанъ Г. Г. Геннади въ его „Русскихъ Книжныхъ Рѣдкостяхъ“ подъ № 134; впрочемъ сей послѣдній свѣдѣнія о Словарѣ, сообщенныя Соболевскимъ, только перепечаталъ въ своей книжкѣ.

---

[1]) Библіографическія Записки, т. I, стр. 515—520.

[2]) Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства. Ѳ. И. Булгакова. Т. I, стр. 331.

[3]) Эти послѣднія свѣдѣнія заимствованы мною изъ разсказовъ Евгеніи Антоновны Селивановской, вдовы сына Семена Аникѣевича, Николая Семеновича Селивановскаго, вышедшей замужъ за сего послѣдняго въ 1834 году. На вывѣскѣ типографіи, со стороны переулка, означено было, что типографія существовала съ 1793 года.

Всѣ три части Словаря Селивановскаго напечатаны безъ заглавныхъ листовъ и, слѣдовательно, безъ обозначенія года и мѣста печати, въ 8 д. листа, на хорошей бѣлой бумагѣ, корпусомъ; на оберткахъ 1-й и 2-й части водяными буквами выставленъ 1822 годъ.

Въ первой части 752 нумерованныхъ страницъ, съ 742 по 746 включительно помѣщено прибавленіе, съ 747 стр. по 752 помѣщено оглавленіе, которое, впрочемъ, недопечатано, а оканчивается словомъ „Аммонъ“. Первая часть, какъ обыкновенно и всѣ словари, начинается съ объясненія буквы А, а оканчивается статьею объ Ангулемскомъ герцогѣ Лудовикѣ Антоанѣ Бурбонѣ, сынѣ Французскаго короля Карла X-го. Въ первой части помѣщено всего 480 статей, въ томъ числѣ двѣ статьи въ прибавленіи, именно статья „Абассъ-Мирза, наслѣдникъ Персидскаго престола, сынъ Фатъ-Али-Шаха“ и статья „Августинъ, архіепископъ Московскій“.

Во второй части 736 страницъ; на 734 стр. помѣщено прибавленіе, а на послѣднихъ двухъ страницахъ оглавленіе, которое также недопечатано, а кончается на словѣ „Апостулы“. Вторая часть начинается словомъ „Анданте“, а оканчивается „Баяццо“. Всѣхъ статей въ ней помѣщено 687, въ томъ числѣ въ прибавленіи одна статья „Байдары“.

Въ третьей части 800 нумерованныхъ страницъ. Оглавленіе не помѣщено. Третья часть начинается словомъ „Беатификація“, а оканчивается статьею „Бургундія“; статья эта не допечатана, а прервана на словахъ „Усиливаясь раз“. Въ третьей части помѣщено 655 статей.

Статьи, помѣщенныя въ описываемомъ нами Словарѣ были переведены изъ Corversations-Lexicon и другихъ подобныхъ книгъ, но были и оригинальныя, хотя послѣднихъ было меньшее количество.

Всѣхъ статей, касающихся Русской исторіи, исторіи Русской литературы, Русской географіи и вообще Россіи, помѣщено во всѣхъ трехъ частяхъ Словаря 161, нѣкоторыя изъ нихъ обширнѣе, нежели въ Словарѣ Плюшара, какъ напримѣръ объ Августинѣ Виноградскомъ, Московскомъ архіепископѣ помѣщена статья въ Словарѣ Селивановскаго въ 633 слова, между тѣмъ какъ въ Словарѣ Плюшара о томъ же Августинѣ помѣщена статья въ 190 словъ; а равно и на оборотъ, нѣкоторыя статьи значительно обширнѣе въ Плюшаровскомъ Словарѣ, чѣмъ у Селивановскаго. Вообще же у Плюшара помѣщено большее число статей, нежели у Селивановскаго: у перваго на букву А помѣщено 2616 статей, а у втораго всего только 930 статей.

По указанію С. А. Соболевскаго надъ переводомъ статей, помѣщенныхъ въ Словарѣ Селивановскаго, трудились за извѣстное вознагражденіе „многіе тогдашніе Московскіе юноши, впослѣдствіи выдвинувшіеся впе-

редъ или разбогатѣвшіе". Кто же именно были эти юноши-переводчики, Соболевскимъ не указано. Нельзя ли здѣсь допустить предположеніе, что въ переводѣ участвовали кто-либо изъ такъ называемыхъ „архивныхъ юношей"? Изъ нихъ нѣкоторые впослѣдствіи дѣйствительно выдвинулись впередъ или разбогатѣли, какъ напримѣръ: В. П. Титовъ, И. С. Мальцовъ, А. И. Кошелевъ, братья Веневитиновы, Кирѣевскіе, С. П. Шевыревъ и другіе, въ числѣ которыхъ былъ и самъ С. А. Соболевскій.

Кто же были авторы самостоятельныхъ статей, объ этомъ въ Словарѣ нѣтъ указаній, и только подъ иными статьями, между которыми, вѣроятно, были и переводныя, поставлены инициалы.

Мы укажемъ здѣсь, какіе были инициалы и подъ какими именно статьями.

Подъ инициаломъ Σ помѣщены въ Словарѣ слѣдующія статьи:

Азовъ, Аланы, Александръ Михайловичъ, сынъ великаго князя Тверскаго Михаила Ярославовича, Александръ Невскій, Алексѣй Михайловичъ Царь, Алтынъ, Анастасія Романовна, первая супруга Царя Іоанна IV-го, Андрей Александровичъ, сынъ Великаго Князя Александра Невскаго, Андрей Георгіевичъ Боголюбскій, сынъ Великаго Князя Георгія Владимировича Долгорукаго, Андрей Ярославлевичъ, братъ Великаго Князя Александра Невскаго, Анна Іоанновна Императрица, Анты, народъ Славянскаго происхожденія; Аптекарскіе сады въ Россіи, или огороды для разведенія растеній и травъ, Аптекарскій Приказъ, Аптеки въ Россіи, Арескинъ Робертъ врачъ, Архивъ, Архіатеръ, Атаманъ, Атаманъ войсковой, Атаманъ кошевый, Атаманъ куренный, Атаманъ наказный, Атаманъ походный, Атаманъ сельскій, Атаманъ сотенный, Атаманъ станичный, Атешке, долина близъ Баки, Баггогевутъ Карлъ Ѳедоровичъ генералъ-лейтенантъ, Багратіонъ князь Петръ Ивановичъ генералъ-отъ-инфантеріи, Бантышъ-Каменскій Николай Николаевичъ, Барклай-де-Толли, князь Михаилъ Богдановичъ генералъ-фельдмаршалъ, Бармы, Баскаки, Башиловъ Семенъ, Башкиры, Баянъ, Беннингсенъ, графъ Леонтій Леонтьевичъ генералъ-отъ-кавалеріи, Бергъ-Коллегія, Березоль, названіе по-славянски Апрѣля, Берендеи народъ, кочевавшій въ XI в. около Кіевскаго княжества, Бесермены, Бессарабія, Бестужевъ-Рюминъ, графъ Алексѣй Петровичъ, Бибиковъ Александръ Ильичъ, генералъ-аншефъ, Бидлоо Николай, инспекторъ военнаго госпиталя и профессоръ анатоміи и хирургіи медико-хирургическаго училища, Биллингсъ Іосифъ, одинъ изъ сотрудниковъ Кука, Биронъ Іоаннъ-Эрнстъ, герцогъ Курляндскій, Ближняя Канцелярія, Блументростъ Лаврентій, лейбъ-медикъ, кураторъ Московскаго университета, Бобровъ Семенъ Сергѣевичъ, Богдановичъ Ипполитъ Ѳедоровичъ, Божіи Риторы (Ливонскіе рыцари), Болгары Волжскіе и Камскіе, Болгары Дунайскіе, Болгары главный городъ Волжской Болгаріи, Большая Дума или Верховный Тайный Совѣтъ, Большая Казна

или Приказъ Большія Казны, Большой Дворецъ или Приказъ Большаго Дворца, Большой Приходъ, Борисъ Владимировичъ, сынъ Великаго Князя Владимира Святославовича, имѣвшій удѣломъ Ростовъ, Бояринъ, Бронной Приказъ, Брюсъ, графъ Яковъ Вильмовичъ, генералъ-фельдмаршалъ, Бужане—Славянское племя, жившее въ XI вѣкѣ около береговъ Западнаго Буга. Буксбаумъ Іоаннъ-Христіанъ, дѣйствительный членъ Академіи Наукъ.

Подъ инициалами *И. З.* помѣщены въ Словарѣ слѣдующія статьи:

Агрикультурная химія, Альпійскія дороги, Амбра, Бани парныя Русскія, Бородавка, Ботаническіе сады, Боэргавъ Германъ, знаменитый врачъ XVIII вѣка; Брейслакова система геологіи, Брейслакъ Сципіонъ, знаменитый геологъ, Броженіе органическихъ веществъ, Брюхо, Булимія, песій голодъ.

Подъ инициалами *П. Г. К.* помѣщена статья „Болтинъ Иванъ Никитичъ, генералъ-маіоръ и членъ Россійской Академіи, извѣстный историкъ".

Подъ инициалами *С. Гл.* помѣщена статья „Булгаковъ Яковъ Ивановичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, бывшій посланникомъ въ Варшавѣ и Константинополѣ".

Подъ инициалами *И. С.* помѣщены въ Словарѣ слѣдующія статьи:

Августъ, принцъ Прусскій, Авеллино, Авеллони, Авень, Автографическій, Агапиты, Агапи, Агатъ, Аггрегатъ, д'Агессо Генрихъ Франсуа, Агисы, Агонія, Агоностика, Агоноѳетъ, Агонъ, Агрономія, Адансонъ, Адріанъ П. Эліусъ, Азаисъ Пьеръ Гіацинтъ, Азіоли Бонифачіо, Азія, Айреръ Яковъ, Акаѳистъ, Аква-тинта, Акведуктъ, Аксумъ, Алмазъ, Алое, Алтанъ, α и ω (алфа и омега), Аманатъ, Амбразура, Америка, Америка Сѣверная, Америка Южная, Аметистъ, Аміантъ, Амосъ-пророкъ, Амстердамъ, Анадіомена, Анаклетъ, Анакреонъ, Ангальтской земли тяжба, Ангальтъ-Бернбургское герцогство, Ангальтъ-Дессауское герцогство, Ангальтъ-Кетенское герцогство, Ангальтъ Цербстское княжество, Ангела (святаго) крѣпость, Ангельскіе братья, Ангіенскій герцогъ Лудовикъ-Антонъ, Англійская литература, наука, поэзія и театръ, Англійская медицина и хирургія, Англійское искусство, Англія, д'Антракасто Брюни, морской офицеръ Французской службы, Антуалашъ, Аовинъ, Аодонъ, Аоста, Аостская долина, Апалахи, Апалахскій заливъ, Апалахскія горы, Апатитъ, Апатія, Апачи, Апельдернскій Альбрехтъ, Апологія, Ашанти, Билліардъ, Биржа, Бирюза.

Указавъ инициалы подъ вышеприведенными статьями, постараемся теперь обнаружить авторовъ, скрывшихъ свои имена подъ означенными буквами.

Мы полагаемъ, что инициалъ Σ принадлежитъ Алексѣю Зиновьевичу Зиновьеву.

Алексѣй Зиновьевичъ Зиновьевъ родился въ 1801 году. По окончаніи курса въ Московскомъ Университетѣ, въ 1821 году занялъ должность преподавателя въ Московскомъ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ по Латинскому и Русскому языкамъ. Въ 1826 году выдержалъ экзаменъ на степень магистра, защитивъ свое разсужденіе „О началѣ, ходѣ и успѣхахъ критической Россійской Исторіи". Послѣ этой диссертаціи, онъ помѣстилъ обширную стастью „О Скандинавскихъ путешествіяхъ въ Константинополь и другія страны съ IX-го вѣка", въ Запискахъ и Трудахъ Общества Исторіи и Древностей (ч. IV и V); съ 1827 года онъ началъ давать уроки М. Ю. Лермонтову по Русскому и древнимъ языкамъ, подготовляя его въ Благородной Пансіонъ. Въ 1830 году онъ былъ опредѣленъ въ Ярославское Демидовское Высшихъ Наукъ Училище профессоромъ на каѳедру Россійскаго краснорѣчія и словесности древнихъ языковъ, въ 1847 году былъ назначенъ инспекторомъ и профессоромъ Русской словесности въ Лазаревскій Институтъ Восточныхъ языковъ. Состоя въ немъ на службѣ, онъ напечаталъ въ 1855 году „Историческій очеркъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ". Кромѣ означенныхъ литературныхъ трудовъ, имъ напечатаны еще много разныхъ другихъ статей, которые перечислены Д. Д. Языковымъ, въ его брошюркѣ: „Учитель Лермонтова А. З. Зиновьевъ", въ Обзорѣ жизни и трудовъ покойныхъ Русскихъ писателей, вып. IV, стр. 42 и 43 и въ Справочномъ Словарѣ о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ Гр. Геннади, т. II, стр. 32. Въ послѣднее время А. З. Зиновьевъ давалъ уроки Русскаго языка въ Малолѣтнемъ Отдѣленіи Воспитательнаго Дома и Латинскаго языка въ Маріинско-Ермоловскомъ училищѣ, скончался въ глубокой старости въ 1884 году.

Иниціалы подъ разными статьями *И. З.* и подъ одною статьею „Амбра" иниціалы *И. З-нъ* принадлежать Ивану Яковлевичу Зацѣпину.

Иванъ Яковлевичъ Зацѣпинъ, окончивши курсъ въ Московскомъ Университетѣ по медицинскому факультету и выдержавъ экзаменъ въ 1824 году на степень доктора медицины, состоялъ профессоромъ въ Московской Медико-хирургической Академіи, съ 1837 года издавалъ Терапевтическій Журналъ, скончался въ 1865 году. Ученые его труды поименованы въ справочномъ Словарѣ Гр. Геннади II т. XX 27 и 378 стр. и въ Словарѣ Врачей, получившихъ степень доктора въ Московскомъ Университетѣ, сост. Змѣевымъ (стр. 21 и 22).

Иниціалы „*С. Гл.*", поставленные подъ статьею „Булгаковъ", принадлежать Сергѣю Николаевичу Глинкѣ.

Сергѣй Николаевичъ Глинка родился въ 1775 г. По окончаніи курса въ Кадетскомъ Корпусѣ, онъ вступилъ въ военную службу. Выйдя въ отставку, онъ посвятилъ себя литературной дѣятельности и въ послѣдствіи состоялъ нѣкоторое время въ Москвѣ цензоромъ. Съ 1808 года по 1824 годъ онъ изда-

валъ Русскій Вѣстникъ, въ немъ между прочимъ помѣщалъ свою Русскую Исторію, которая потомъ была издана отдѣльно и выдержала три изданія. Многочисленные его ученые и литературные труды указаны въ Словарѣ митрополита Евгенія (т. I, стр. 128 и 129), въ сочиненіи Б. Ѳедорова „Пятидесятилѣтіе литературной жизни С. Глинки“ Спб. 1844 г. и въ Справочномъ Словарѣ Геннади (т. I, стр. 220—224). Сергѣй Николаевичъ скончался въ 1847 году.

„Иниціалы „*П. Г. К.*“, которые поставлены подъ статью „Болтинъ“ принадлежатъ, какъ можно предполагать, Павлу Ивановичу Голенищеву-Кутузову.

Павелъ Ивановичъ Голенищевъ- Кутузовъ родился въ 1767 году. Въ одно время онъ занималъ должность попечителя Московскаго Университета. Ему принадлежитъ иниціатива преобразованія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Пгрвымъ его литературнымъ трудомъ, когда онъ еще состоялъ на военной службѣ, было сочиненіе „о конной тактикѣ“. Впослѣдствіи онъ сочинялъ стихотворенія, перевелъ Гезіода, Грея и друг. Съ 1804 по 1806 годъ издавалъ журналъ „Другъ Просвѣщенія“, вмѣстѣ съ графами Д. Хвостовымъ, С. Салтыковымъ и Ап. Пушкинымъ, скончался въ 1829 году. Оригинальныя и переводныя его сочиненія перечислены въ Словарѣ митрополита Евгенія (т. I, стр. 144 и 145), въ Словарѣ Снегирева (т. I, стр. 312 и 313), и въ Справочномъ Словарѣ Геннади (т. I, стр. 233), а вѣрная его характеристика помѣщена Н. А. Поповымъ въ Исторіи Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ (стр. 92—112).

Болѣе представляется затрудненій разрѣшить вопросъ, кто скрывается подъ иниціалами *И. С.* Изъ Московскихъ ученыхъ и литераторовъ, жившихъ въ 20-хъ годахъ, имя котораго начинается съ буквы „*И*“ и фамилія съ буквы „*С*“, былъ только одинъ Иванъ Михайловичъ Снегиревъ.

Иванъ Михайловичъ Снегиревъ родился въ 1793 году. По окончаніи курса въ Московскомъ Университетѣ, въ 1815 году онъ выдержалъ экзаменъ на степень магистра словесныхъ наукъ. Съ 1816 по 1835 годъ онъ преподавалъ въ Университетѣ Латинскую словесность, съ 1821 по 1826 годъ преподавалъ логику, съ 1823 по 1826 годъ преподавалъ въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ Латинскую словесность, Римскія древности, логику и нравоученіе. Въ 1835 году, оставивъ Университетъ, онъ посвятилъ себя археологіи, многочисленные труды по которой поименованы въ Біографическомъ Словарѣ профессоровъ и Преподавателей Московскаго Университета (т. 2, стр. 423—427). Иванъ Михайловичъ скончался въ 1868 г. *).

---

*) См. также „Иванъ Михайловичъ Снегиревъ. Біографическій очеркъ, составленный А. Д. Ивановскимъ, Спб. 1871 г.

Въ виду означенной профессіи И. М. Снегирева, мы не можемъ съ точностію утверждать, чтобы статьи, помѣщенныя въ Словарѣ Селивановскаго подъ иниціалами *И. С.*, дѣйствительно ему принадлежали; мы сомнѣваемся, чтобы профессоръ Латинской словесности, Римскихъ древностей, логики и нравоученія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, археологъ помѣщалъ статьи по минералогіи, какъ напримѣръ объ агатѣ, алмазѣ, аметистѣ, бирюзѣ или по ботаникѣ, какъ напримѣръ статья „алоэ".

Кромѣ лицъ, иниціалы которыхъ поставлены подъ статьями, въ составленіи Энциклопедическаго Словаря участвовалъ, или по крайней мѣрѣ, привлекался къ участію и митрополитъ Евгеній Болховитиновъ, что̀ видно изъ его отвѣтнаго письма къ Семену Аникѣевичу Селивановскому, напечатаннаго въ Библіографическихъ Запискахъ (т. II, стр. 76 и 77). На просьбу С. А Селивановскаго доставить ему статьи о писателяхъ на буквы В. Г. и Д. митрополитъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ:

„Любезный другъ Семенъ Аникичъ!

Благодарю васъ за письмо отъ 29 Марта и за доброжелательное поздравленіе меня съ прошедшимъ праздникомъ; взаимно желаю вамъ всѣхъ благъ. Просьбою своею о доставленіи намъ статей В. Г. Д. изъ моего Словаря заставили меня вы при недосугахъ разбирать путевыя мои бумаги и собирать разбросанный Словарь; но по сю пору не успѣваю собрать. А вы могли бы и безъ того обойтись, выписывая изъ журнала „Друга Просвѣщенія", въ коемъ напечатано 10 первыхъ буквъ. Отъ поправки и дополненій вовсе отказываюсь, да и переписываемаго некогда было бы мнѣ перечитывать. Я скорѣе самъ воспользуюсь вашими поправками. Энциклопедіи вашей огромной у меня только второй томъ, и тотъ безъ заглавія, а перваго тома вы и не прислали мнѣ всѣхъ листовъ, да и присланные разбросаны. Переѣзжая жизнь не даетъ придти въ порядокъ. Теперь и вашего митрополита требуютъ въ Петербургъ, сколько ни отказывался; онъ знаетъ тамошнюю хлопотную и тѣсную жизнь. До̀ма спокойнѣе и просторнѣе. Если у директора типографіи не будетъ товарища, то ему вольнѣе, но скорѣе завольничается и запутается отъ доносовъ. О образцахъ заглавій, вами намъ доставленныхъ, справлюсь и послѣ васъ увѣдомлю. Преданный вамъ Е.

Кіевъ 1 Мая 1827".

Въ заключеніе своей статьи, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, когда и по какой причинѣ С. А. Селивановскій прекратилъ печатаніе Словаря и куда дѣвались отпечатанные его экземпляры.

Еще С. А. Соболевскій, первый, какъ мы уже знаемъ, сообщившій свѣдѣнія о Словарѣ Селивановскаго, въ концѣ своей статьи, желалъ разрѣшенія послѣднихъ двухъ вопросовъ.

Въ настоящее время еще здравствуетъ достопочтенная супруга сына Семена Аникѣевича Селивановскаго, Николая Семеновича, Евгенія Антоновна (ур. Гизетти), достигнувшая глубокой старости. Мы, желая, по мѣрѣ возможности, разрѣшить означенные вопросы, лично обращались къ ней за свѣдѣніями по изданію ея покойнымъ тестемъ Словаря, но, къ крайнему нашему сожалѣнію, могли только получить свѣдѣнія по третьему вопросу; слѣд. по первымъ двумъ вопросамъ намъ придется, такъ сказать, поневолѣ, витать въ области однихъ только предположеній, въ особенности же по второму вопросу.

Чтó касается перваго вопроса, вопроса о томъ, когда прекратилось печатаніе Словаря, то для разрѣшенія его мы приведемъ съ буквальною точностію слѣдующую собственноручную замѣтку извѣстнаго библіофила и библіографа С. Д. Полторацкаго, на экземплярѣ Словаря, хранящемся въ библіотекѣ Румянцевскаго Музея. „Этотъ Словарь составленъ нѣсколькими литераторами и напечатанъ въ Москвѣ 1823—1824 г. въ типографіи Семена Селивановскаго, но не конченъ и *никогда* не поступалъ ни въ продажу, ни въ обращеніе—библіографич. *рѣдкость*, подарена мнѣ сыномъ его, покойнымъ Никол. Семенов. Селивановскимъ. Всѣ три части безъ заглавныхъ листовъ и безъ послѣднихъ страницъ, потому что все это не было допечатано“ *).

Но такое свѣдѣніе, сообщенное почтеннѣйшимъ библіографомъ, нельзя признать достовѣрнымъ. Мы утверждаемъ, что печатаніе Словаря продолжалось и послѣ 1824 г. Это видно, между прочимъ, изъ статьи, помѣщенной въ 3 части Словаря, стр. 733, объ Австрійскомъ генералѣ графѣ Бубнѣ, кончина котораго въ Словарѣ обозначена въ Іюнѣ 1825 года.

Другой библіографъ С. А. Соболевскій, въ своей статьѣ, на которую мы неоднократно уже ссылались, сообщаетъ слѣдующее: „Печатаніе энциклопедическаго Лексикона продолжалось, на сколько мнѣ извѣстно, до 1826 года“. Но мы полагаемъ, что печатаніе Словаря продолжалось и послѣ 1826 года. Свое такое предположеніе мы основываемъ на вышеприведенномъ письмѣ митрополита Евгенія къ Селивановскому отъ 1-го Мая 1827 года.

Изъ письма митрополита, мы уже знаемъ, что С. А. Селивановскій просилъ его отъ 29 Марта 1827 г. прислать ему статьи изъ его словаря о писателяхъ на буквы В. Г. Д. для помѣщенія въ Энциклопедическій Лексиконъ; изъ письма же Евгенія видно также, что у него еще не было третьяго тома Лексикона; а между тѣмъ, еслибы онъ вышелъ ко времени написанія письма (1 Мая 1827 г.), то, конечно, безъ всякаго сомнѣнія, Селивановскій прислалъ бы его къ нему, какъ своему другу и при-

---

*) Подъ этою замѣткою поставлены иниціалы Полторацкаго „С. П.“ также чѝсла и годà: 6 Авг. 1861. 17 Окт. 1862.

томъ, такому человѣку, въ содѣйствіи котораго при изданіи Энциклопедіи онъ нуждался.

Подтвержденіемъ же нашего предположенія можетъ служить также и и другое письмо Евгенія къ Селивановскому отъ 29 Марта 1827 г. (Библ. Записки, т. II, стр. 76). Въ немъ митрополитъ, между прочимъ писалъ: „Итакъ вашъ Энциклопедическій Словарь опять пошелъ, а я листами отъ васъ присланный весь растерялъ. Если милость будетъ, присылайте сшитыми книгами; но когда дождемся его конца? Эта книга съ теченіемъ времени безконечная“.

Предпріятія же своего объ изданіи словаря, Селивановскій не оставлялъ и въ тридцатыхъ годахъ, что́ можно заключить изъ письма къ нему Евгенія отъ 14 Октября 1831 г., помѣщеннаго также въ Библіографическихъ Запискахъ (т. II, ст. 79). Евгеній къ нему, между прочимъ, въ этомъ письмѣ писалъ слѣдующее: „Въ Петербургскихъ газетахъ я читалъ вашу выкличку о пивномъ откупѣ; да поможетъ вамъ Богъ, но не забывайте и типографіи. Когда отпечатаете Энциклопедію, то ссудите и меня“. Еслибы Селивановскій прекратилъ изданіе Словаря до тридцатыхъ годовъ, то, конечно, это обстоятельство также было бы извѣстно митрополиту Евгенію, какъ его давнишнему другу, съ которымъ онъ имѣлъ часто письменныя сношенія.

По какимъ же причинамъ С. А. Селивановскій оставилъ изданіе Словаря?

За отсутствіемъ положительныхъ данныхъ на этотъ вопросъ утвердительно отвѣчать нельзя; приходится, какъ мы уже сказали, высказывать только предположенія.

Изъ приведеннаго втораго письма митрополита Евгенія видно, что С. А. Селивановскій въ 1831 г. затѣялъ новое предпріятіе, не соотвѣтствующее его прежней дѣятельности вообще и въ частности дѣятельности по изданію Словаря. Можетъ быть, такая новаго рода дѣятельность, какъ дѣятельность откупщика, совершенно противоположная распространенію посредствомъ печати трезвыхъ идей, отняла у него время и средства окончить благое дѣло—изданіе Словаря. Это первое предположеніе.

Второе: можетъ быть, онъ оставилъ печатать Словарь въ виду невозможности конкуррировать съ предпріимчивымъ и энергическимъ Плюшаромъ, который въ началѣ тридцатыхъ годовъ также задумалъ изданіе Энциклопедическаго Словаря, но съ бо́льшими матеріальными и умственными средствами.

И дѣйствительно, надо принять въ соображеніе, съ одной стороны. тѣхъ „Московскихъ юношей“ (о которыхъ слегка упомянулъ С. А. Соболевскій, не называя ихъ даже по фамиліямъ) и тѣхъ пятерыхъ ученыхъ и писателей, о именахъ которыхъ, по ихъ иниціаламъ, мы только догадываемся; а съ другой—192 человѣка, въ числѣ коихъ было 38 профессоровъ и 20 академиковъ, и въ ихъ рядахъ наши знаменитости: Буняковскій, Востоковъ, Остроградскій, Павскій, Струве и другіе, привлеченные дѣятельнымъ Плюшаромъ для изданія Словаря [1]). Главный редакторъ по изданію Энциклопедическаго Словаря Плюшара Н. И. Гречъ въ одинъ первый годъ его изданія получилъ съ издателя 22,000 рублей; извѣстному оріенталисту Сенковскому за одно только помѣщеніе его имени въ спискѣ сотрудниковъ заплачено 6,000 р.; за листъ оригинальной статьи Плюшаръ платилъ 200 рубл., а за переводъ 100 рублей, а нѣкоторымъ платилъ за листъ оригинальной статьи 400 рублей, а за переводъ 200 руб. [2]). И такъ не трудно понять, что для С. А. Селивановскаго немыслима была бы съ его небольшими средствами подобная конкурренція. Здравый смыслъ, простой разсчетъ требовали отъ него оставить начатое дѣло лучше въ самомъ его началѣ, нежели вести его далѣе съ полною надеждою на вѣрный его неуспѣхъ, на несомнѣнный провалъ, вслѣдствіе чего С. А. Селивановскій, можетъ быть, и оставилъ дальнѣйшее печатаніе Словаря.

Третій вопросъ, куда дѣвались отпечатанные экземпляры трехъ частей Словаря, какая постигла ихъ участь?

По словамъ почтенной Евгеніи Антоновны Селивановской отпечатанныя части Словаря проданы были, просто какъ бумага, на вѣсъ и пошли на обертки. Такимъ образомъ всѣ экземпляры Словаря были уничтожены [3]), кромѣ тѣхъ немногихъ, которые были розданы при ихъ печатаніи, какъ

---

[1]) Энциклопедическій Лексиконъ. Спб. 1835 г. Т. I. Въ этомъ томѣ на страницахъ VI—X и XIII—XV перечислены всѣ редакторы и сотрудники Словаря Плюшара Въ одинъ первый годъ изданія у Плюшара было свыше 6000 подписчиковъ. Списокъ ихъ напечатанъ въ IV томѣ на 44 страницахъ въ два столбца. Подписная цѣна безъ пересылки объявлена была 240 рублей.

[2]) Эти послѣднія свѣдѣнія заимствованы изъ Записокъ Н. И. Греча, помѣщенныхъ въ „Русскомъ Архивѣ, 1870 г., на страницахъ 1247—1272.

[3]) По словамъ Евгеніи Антоновны, экземпляры Словаря, вмѣстѣ съ разными другими книгами, хранились въ сараѣ, на дворѣ типографіи. По случаю его передѣлки нужно было его очистить, вслѣдствіе чего разныя книги, хранившіяся въ сараѣ, отправлены были для продажи въ книжную лавку Свѣшникова, а экземпляры Словаря, какъ недопечатанные, проданы на вѣсъ, какъ простая бумага.

напримѣръ митрополиту Евгенію, или подарены послѣ, какъ напримѣръ, С. Д. Полторацкому.

Эти уцѣлѣвшіе немногіе экземпляры Словаря и сдѣлались въ настоящее время, по вѣрному замѣчанію С. А. Соболевскаго, *„рѣдкостію первой величины"*. И дѣйствительно, сколько намъ извѣстно, экземпляры описываемаго нами Словара находились только въ рѣдкостныхъ библіотекахъ извѣстныхъ библіофиловъ С. А. Соболевскаго, М. Н. Лонгинова и С. Д. Полторацкаго; экземпляръ Словаря отъ сего послѣдняго, какъ мы уже знаемъ, поступилъ въ библіотеку Румянцевскаго музея. Въ С.-Петербургской публичной библіотекѣ находится, по предположенію Соболевскаго, неполный экземпляръ; въ библіотекѣ Московскаго музея Цесаревича Николая находится также неполный экземпляръ Словаря (1 и 3 части), поступившій отъ П. В. Щапова. Въ нашу библіотеку всѣ три части Словаря поступили отъ извѣстнаго библіографа Н. В Губерти.

И. Остроглазовъ.

Село Истомино, Тарусскаго уѣзда.
Августъ 1890 г.

ИЗЪ ЧАСТНЫХЪ ПИСЕМЪ РУССКАГО ОФИЦЕРА ВЕПРЕЙСКАГО НА РОДИНУ.

1815.

I.

г. Нанси, Іюля 31-го (Августа 12-го) 1815 года.

Здравствуйте, любезнѣйшіе родные! Я объ васъ ничего не знаю и писемъ давно не имѣю. Я послѣднее письмо къ вамъ пустилъ не помню числа, но знаю что въ Іюнѣ изъ г. Бамберга. Вотъ уже другой мѣсяцъ какъ мы во Франціи поживаемъ. Военныя дѣйствія прекратились совсѣмъ, появляются кой-гдѣ въ лѣсахъ партизаны, то есть бѣжавшіе изъ бывшей арміи Наполеона солдаты, къ которымъ присоединились отъ голоду мужики; но и то теперь рѣдко уже слышно, ибо противъ сего взяты мѣры. Итакъ, мы блаженствуемъ такъ, какъ въ Россіи никогда не удастся, да и поживемъ таки, какъ говорятъ, долго еще здѣсь. По газетамъ видно, что Наполеона Карловича повезли на островъ св. Елены. Истинно желаю, чтобы онъ и оттудова прикатилъ еще разъ во Францію, разумѣется не прежде покудова мы дойдемъ обратно въ Россію. Этакая прогулка, право, весьма пріятна. Готовъ въ глаза сказать г-ну Глинкѣ, сочинителю Русскаго Вѣстника, что онъ вретъ. Разверните его книгу, сейчасъ увидите «отечества намъ дымъ и сладокъ, и пріятенъ», а спросите теперь у 300 тысячъ Русскихъ, которые находятся здѣсь: всякій изъ нихъ согласится нюхать лучше дымъ Французскій или Нѣмецкій нежели Русскій. Видно, г-нъ Глинка не бывалъ въ чужихъ земляхъ или писалъ для тѣхъ, которые не были и не будутъ нюхать иностраннаго дыму. Мы Русскіе сами себѣ противорѣчимъ: всякій говоритъ, что́ и самая истинная правда, что мы обязаны просвѣщеніемъ Петру; откудова жъ онъ взялъ просвѣщеніе? Изъ чужихъ земель. Теперь не прошло ста лѣтъ, уже мы такъ возгордились, что начинаемъ смѣть порочить все иностранное. И кто же? Кто, можетъ, ни одного иностранца, кромѣ Жидовъ въ Смоленской губерніи, въ жизнь свою не видалъ! О просвѣщеніи государства нельзя судить

по столичнымъ городамъ; нѣтъ, надобно быть на моемъ мѣстѣ, изъ-за границы прямо въ Нѣготино, изъ Нѣготина черезъ два мѣсяца опять въ чужую землю. Вотъ я, бывши дома ровно четыре мѣсяца, насмотрѣлся на вашу просвѣщенность, наслушался вашихъ сужденій, знаю вашъ образъ мыслей; а потому, еслибъ я не былъ душею преданъ Государю, то, серьезно говорю, остался бы навсегда здѣсь, то есть не въ Нанси, а гдѣ нибудь, только не въ Россіи. Прощайте.

II.

Августа 3 (15).

Сегодня здѣсь большая процессія. Причина сему: Людвигъ XIII-й, король Французскій, былъ весьма набожный, а потому королевство отдалъ подъ протекцію Богородицы и въ день ея успенія установилъ вездѣ, чтобы праздновали ее крестнымъ ходомъ. Въ революцію вмѣстѣ съ религіею и празднество уничтожилось. Наполеонъ, сдѣлавшись императоромъ, объявилъ, что 15-го Августа день его рожденія и имянинъ, и съ введеніемъ опять религіи повелѣлъ этотъ день праздновать по прежнему, чтó по нынѣ исполняется слѣдующимъ порядкомъ. Въ 4 часа послѣ обѣда, разумѣется, поѣвши, собирался народъ къ катедральной церкви; которые пришли поранѣе и познатнѣе, тѣхъ впустили въ церковь, въ томъ числѣ и меня. Явленіе первое—отрядъ національной гвардіи, однакожъ не болѣе человѣкъ 40, и то безъ ружей, но съ обнаженными тесаками, съ барабаннымъ боемъ входятъ въ церковь; за ними президенты по два въ рядъ въ красивыхъ робахъ и въ старинныхъ юридическихъ парикахъ, за ними таковымъ же порядкомъ трибуналы въ черныхъ робахъ. Явленіе 2-е—члены мюнисипалите въ шитыхъ серебромъ мундирахъ и въ голубыхъ шарфахъ, члены мери въ бѣлыхъ шарфахъ. Явленіе 3-е—отрядъ жандармовъ, дивизіонный этого департамента генералъ съ своимъ штабомъ и чиновники полиціи. Явленіе 4-е—профессора и учителя университета въ черныхъ робахъ съ лиловымъ приборомъ, а за ними студенты и ученики ихъ въ мундирахъ. По занятіи ими мѣстъ началось богослуженіе, потомъ крестный ходъ изъ церкви на площадь, называемую *плясъ ройяль*. Впереди церковнослужитель съ крестомъ, за нимъ шесть дѣвушекъ прекраснѣйшихъ собою, одѣты въ бѣлыхъ платьяхъ пресоблазнительно сшитыхъ: двѣ изъ нихъ несли хоругви, а четыре шли около нихъ съ лилеями въ рукахъ; за ними по два въ рядъ церковники со свѣчами, музыка національной гвардіи, потомъ въ ковчегѣ гробъ Богородицы, потомъ въ ковчегѣ ризы ея и, наконецъ, самое ее: изъ дерева выточена во весь ростъ женщина, сусальнымъ золотомъ вызолочена; въ одну руку ей дали двѣ кисти винограду, а въ другую нѣсколько колосьевъ, чтó изображало

Богородицу, покровительствующую Франціи; она утверждена на пьедесталѣ, и четверо церковниковъ на плечахъ несли ее. За нею шелъ мѣстный эвекъ въ полномъ нарядѣ, за нимъ церковные служители по старшинству, и потомъ всѣ вышеописанные члены и чиновники, жандармы и національная гвардія шли съ боковъ всей процессіи, во время которой били барабаны. Потомъ начинала музыка, а потомъ пѣніе церковное. И такъ обойдя площадь, по другой улицѣ возвратились въ церковь, гдѣ продолжалось довольно долго пѣніе и органы.

Вотъ вамъ описаніе процессіи, бываемой ежегодно въ день Успенія во всей Франціи.

Мнѣ нравится то, что здѣсь для всякаго свои занятія; наприм. въ этотъ день обѣдня, процессія и театръ въ одно время: кому что̀ нравится, тотъ туда и идетъ. Театръ здѣсь изъ лучшихъ по Парижу. Мадамъ Лефартье такъ поетъ, что чудо, когда захочетъ; ее употребляютъ во всѣ роли, съ того она иногда неглижируетъ. Третьяго дня она играла la belle Arsène и удивила всѣхъ своею игрою и пѣніемъ, а вчера въ оперѣ Ma Tante Aurore такъ обыкновенно пѣла, что никто ея не замѣтилъ. Дней пять тому назадъ играли Paul et Virginie; мамзель Voyer такъ сыграла, что многіе заплакали въ это время, когда ее разлучили съ Полемъ; мнѣ кажется нельзя лучше выразить привязанность и любовь къ человѣку, съ которымъ разлу̀чаютъ, какъ она. Я не плакалъ, однакожъ, ей Богу, въ дрожь кинуло, когда она вырвалась изъ рукъ тѣхъ, которые ее понесли было отъ него, и кинулась къ Полю; казалось, что она впилась къ нему въ душу. Завтра ей бенефисъ.

III.

Августа 5-е (17-е).

Вспомнили ль вы меня сегодня? Этотъ день я прошлаго года пріѣхалъ къ вамъ; завтра вашъ праздникъ; я воображаю, что уже теперь на кухнѣ у васъ страшное кровопролитіе. Я думаю, завтра у васъ гости будутъ; пріуготовленія страшныя: шутка ли, Небольсины (?) пріѣдутъ, надобно угостить ихъ! Однакоже знаете ли, что и здѣсь идутъ большія приготовленія къ завтрему: въ Апшеронскомъ пѣхотномъ полку полковой праздникъ, офицеры сложились, и полковой командиръ графъ Полиньякъ дѣлаетъ балъ. Денегъ собрано 300 червонцовъ—можно чудесный балъ сдѣлать, ибо здѣсь нужныя вещи для баловъ дешевы, напримѣръ: фрукты, конфекты, вины. Думаю, что балъ будетъ славный. Дирежируетъ всѣмъ г. м. Полторацкій; вѣрно братъ Михайло его знаетъ по гвардіи; онъ бригадный командиръ этого полка и кромѣ полковаго

праздника онъ въ радостяхъ: дня три какъ ему вышла за прошлыя дѣла 1-я степень. Въ Петербургѣ его мать когда-то славилась красотою, да и онъ самъ хорошъ.

Я здѣсь въ Нанси уже мѣсяцъ и такъ обжился, что выѣхать не хочется. Главная квартира наша была все это время въ Шалонѣ, а на сихъ дняхъ перешла въ г. Мелюнъ, миль восемь отъ Парижа, и я дней черезъ пять туда ѣду непремѣнно. Къ 30-му Августа соберется вся армія для маневровъ въ департаментъ Шампань, между Шалонъ и Эперней, и армія наша въ такомъ теперь видѣ, въ какомъ никогда не бывала: полки комплектные, одѣты чудесно, всѣ въ тонкихъ мундирахъ, люди разъѣлись такъ, что серьозно у многихъ мундиры не сходятся; больныхъ въ полкахъ почти вовсе нѣту; все сдѣлалось ловко, безъ палокъ; рѣдко слышно, чтобы случилась какая-нибудь шалость. Отчего? Отъ того, что солдаты всѣмъ довольны и начинаютъ чувствовать, что̀ они значатъ и гордятся своимъ состояніемъ. Что-то будетъ, какъ назадъ пойдемъ въ благословенную Россію! Прощайте, любезнѣйшіе родные, будьте здоровы, веселы и всѣмъ довольны, такъ какъ я. Пишите почаще, не забывайте любящаго и почитающаго васъ Вепрейскаго.

IV.

Августа 6 (18), по утру въ 10-мъ часу.

Поздравляю васъ съ праздникомъ вашимъ; дай Богъ, чтобы вы были здоровы. Сейчасъ у меня была актриса m-me Voyer, ей сегодня бенефисъ, и она сама развозитъ къ Русскимъ генераламъ и штабъ-офицерамъ билеты и афиши. Прекрасная собой, въ комнатѣ лучше нежели на сценѣ. Я ей это сказалъ; а между тѣмъ надобно было заплатить за билетъ два червонца изъ кармана!

Прощайте. Вырѣжу изъ афишки содержаніе и положу въ письмо.

ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА КЪ ОБЕРЪ-ПРОКУРОРУ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА А. П. АХМАТОВУ*).

1.

†

Секретно.

Въ день Пасхи въ Успенскомъ соборѣ произошелъ прискорбный случай, который, впрочемъ, по милости Божіей, окончился успокоительнымъ образомъ.

Въ придѣлѣ с. Апостоловъ Петра и Павла есть кивотъ, въ которомъ части мощей разныхъ святыхъ положены, каждая отдѣльно подъ отдѣльною малою пеленою.

Въ концѣ утрени нѣкоторые просили открыть кивотъ, дабы приложиться къ святымъ мощамъ. При кивотѣ въ сіе время былъ не священнослужитель, а пономарь. Онъ открылъ кивотъ и допустилъ прикладываться. Потомъ кивотъ закрытъ. Но передъ литургіей, при открытіи кивота, усмотрѣно, что подъ одною изъ пеленъ не оказалось руки с. мученицы Евѳиміи, а серебряный ковчегъ, въ которомъ она была положена, остался на мѣстѣ.

На другой день приходили въ соборъ два человѣка, которые просили показать имъ эту часть мощей; но кто они и почему сего требовали, не узнано.

Въ послѣдній день недѣли Пасхи сія часть мощей оказалась въ соборѣ, но не на своемъ мѣстѣ, обернутая въ бумагу, изъ чего должно заключить, что она была вынесена и принесена обратно; кѣмъ и по какому побужденію, неизвѣстно.

Апрѣля 18-го 1862.

---

*) Печатаются съ подлинниковъ, сообщенныхъ В. С. Соловьевымъ, и служатъ важнымъ дополненіемъ собранію писемъ Филарета къ А. П. Ахматову, находящемуся въ книгѣ, изданной высокопреосвященнымъ Саввою: „Письма Филарета“ (Тверь, 1888). Алексѣй Петровичъ Ахматовъ († 1870), блестящій гвардеецъ, нѣкоторое время бывшій Харьковскимъ военнымъ губернаторомъ, человѣкъ преданный церковности, мягкій и добросердечный служилъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода всего три года (1862—1865). Когда еще онъ былъ кавалергардскимъ юнкеромъ, А. Н. Муравьевъ возилъ его съ собою къ митрополиту Филарету. Никогда отношенія къ Синоду великаго Московскаго владыки не были такъ легки для него, какъ въ оберъ-прокурорство Ахматова; но именно въ эти года вѣковыя снасти Русскаго правительственнаго корабля начали шататься... Ахматовъ скончался отъ чахотки во Флоренціи. П. Б.

Объ этомъ же предметѣ митрополитъ Филаретъ писалъ еще къ А. П. Ахматову, 23 Апрѣля 1862 года:

«Относительно руки св. Евфиміи не имѣемъ причины подозрѣвать своихъ. Пономарь, стоявшій при кивотѣ, давно служитъ честно и съ благоговѣніемъ къ святынѣ. Кивотъ имѣетъ значительное протяженіе. Есть-ли будутъ прикладываться двое или трое вдругъ къ разнымъ частямъ св. мощей, ближайшій къ охранителю можетъ загородить отъ него слѣдующихъ, и похищеніе возможно, и нельзя тотчасъ примѣтить, когда пелена, покрывающая мощи, остается на мѣстѣ. Бѣда подала наставленіе. Подъ пеленами устроятся серебряныя рѣшетки, которыя не допустятъ взять св. мощи; а въ лежащей подъ рѣшеткою пеленѣ прорѣзанное отверстіе позволяетъ прикладываться. Охраняя дѣло отъ гласности, мы съ протопресвитеромъ не ввели его въ Синодальную Контору, и еще не рѣшились, какъ поступить съ пономаремъ, который уже довольно страдаетъ по совѣсти, что при немъ оскорблена святыня». (Письма Филарета, изданныя Саввою. Тверь, 1888, стр. 119 и 120).

2.

†

Секретно.

Ваше превосходительство, милостивый государь!

18 дня сего Маія въ Москвѣ одинъ діаконъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что онъ близъ Кремлевскаго сада нашелъ страшную бумагу, которую долгомъ поставилъ представить начальству. Это печатный листъ подъ заглавіемъ: Молодая Россія, въ которомъ проповѣдуется безбожіе, мятежъ и кровопролитіе.

Сообщивъ о семъ словесно г. Московскому военному генералъ-губернатору *), я узналъ отъ него, что ему извѣстенъ сей листъ, и по тому конечно принимаются соотвѣтственныя мѣры.

Впрочемъ, для достовѣрности, что листъ сей не пойдетъ далѣе моихъ рукъ, препровождаю его при семъ къ вашему превосходительству.

Не умолчу еще о свѣдѣніи, которое дошло до меня поздно и неопредѣленнымъ путемъ (почему я не могъ употребить наблюденія и дознанія), но котораго значительность подтверждается тѣмъ, что слухъ о немъ дошелъ и до Сергіевой Лавры.

Въ недѣлю Пасхи въ Кремль, около соборовъ, обыкновенно собирается народъ, и здѣсь прежде бывали споры о православіи; а въ

---

*) П. А. Тучкову, занимавшему эту должность съ 8 Сентября 1859 по день кончины своей 21 Января 1864 года. П. Б.

нынѣшнемъ году являлись люди, въ простонародной одеждѣ, но примѣтно переодѣтые, которые говорили, что данная свобода неудовлетворительна, что народъ страдаетъ, между прочимъ, скудостію денегъ, что въ церквахъ и монастыряхъ безъ пользы много золота и серебра, что все это надобно обратить въ пользу народа; а нѣкоторымъ, къ которымъ обращались съ большею довѣренностью, говорили, что и въ церковь ходить не нужно и что надобно всячески уничтожить довѣріе къ духовенству. Когда одинъ священнослужитель приблизился, чтобы послушать и, естьли можно, взойти въ разговоръ съ лучшею цѣлію, то его насмѣшками заставили удалиться.

Молю Бога, чтобы вѣрнымъ слугамъ царевымъ даровалъ проницательность, ревность и твердость, дабы открыть и заградить источникъ зла.

Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Филаретъ м. Московскій.

Въ Лаврѣ
Маія 25-го 1862.

3.

†

Секретно.

Ваше превосходительство, милостивый государь!

При семъ возвращаются:

Служба с. Константину и Меѳодію, оправдательное отношеніе преосвященнаго Смоленскаго и письмо протоіерея Раевскаго съ приложеніемъ.

Что̀ думается мнѣ о Словенскомъ тысящелѣтіи, изволите усмотрѣть въ прилагаемой при семъ запискѣ.

Противъ употребленія имени Константина рѣшаюсь, кромѣ показанной въ запискѣ, показать вамъ еще причину, которая вамъ представится нелѣпою; но въ Россіи есть люди, которыхъ могутъ увѣрять въ нелѣпости и которые могутъ повѣрить нелѣпости. Итакъ не излишня предосторожность и противъ такой нелѣпости, которая сама себя уничтожаетъ.

Въ Бозѣ почившій Государь Императоръ, послѣ перваго смотра временно-ополченныхъ воиновъ, слушалъ благодарственное молебствіе, и при семъ, по его волѣ, произнесена была рѣчь о благопотребности военныхъ предохранительныхъ мѣръ и запасныхъ силъ. Государь повелѣлъ напечатать сію рѣчь въ большомъ числѣ экземпляровъ и прочитать въ войскахъ. Въ рѣчи указаны были, въ примѣръ, нѣкоторыя историческія лица, и между прочимъ императоръ Константинъ Равноапостольный. Послѣ слышно было, что въ нѣкоторыхъ полкахъ, въ

которыхъ оставались еще дрожди 14 Декабря, нѣкоторыя мѣста въ рѣчи перетолкованы были о Великомъ Князѣ Константинѣ Павловичѣ и причинили тревожные толки.

Предоставляю вашему благоразсужденію, надобно ли изъ сего разсказа вывести какое заключеніе, или никакого.

Призывая вамъ благословеніе Божіе, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Филаретъ, м. Московскій.

Генваря 24-го 1863.

4.

†

Секретно.

Недавно въ Лаврѣ былъ нѣкто, дворянинъ не низшаго круга, почему-то имѣющій особенныя свѣдѣнія о Польскихъ дѣлахъ, и говорилъ, что войско около Варшавы стоитъ безполезно, что мелкое преслѣдованіе мелкихъ шаекъ мятежниковъ мало полезно, что въ южной части Польши формируется мятежническая армія; что захваченъ казенный литейный заводъ, и мятежники льютъ орудія; что дѣйствованіе генерала Рамзая парализировано Велепольскимъ, который носитъ личину, украшая ее выстрѣлами и отравленіями всегда для него безвредными.

Повѣствователь, кажется, недавно изъ того края.

Дай Богъ, чтобы сіи печальныя вѣсти были невѣрны или преувеличены. Естьли же есть въ семъ несчастная правда, видно ли сіе тѣмъ, которые свыше должны видѣть и направлять дѣйствованіе? Врачу должно видѣть всю силу болѣзни, чтобы вѣрно врачевать.

Февр. 22-го 1863.

5.

†

Конфиденціально.

Ко мнѣ пришли единовѣрцы, показали мнѣ листъ «Московскихъ Вѣдомостей» и говорили: подлинна ли рѣчь Государя Императора къ глаголемымъ старообрядцамъ? Катковъ расположенъ къ нимъ, и адресъ имъ писанъ *). Они, возвратясь послѣ адреса изъ Петербурга, подняли голову, но о рѣчи не говорили, а теперь, прочитавъ рѣчь, подняли голову выше. Замѣчаютъ къ нимъ видимое благоволеніе въ рѣчи въ сравненіи съ другими. И чтò значитъ, что ихъ оклеветали?

---

*) См. въ „Р. Архивѣ" 1889 года (I, 159) всеподданнѣйшее письмо старообрядцевъ и рѣчь къ нимъ императора Александра Николаевича, произнесенную въ самый разгаръ Польскаго мятежа, 17 Апрѣля 1863 года. Тогда говорили, что письмо это сочинено И. С. Аксаковымъ (чтò вѣроятнѣе), а не М. Н. Катковымъ, какъ пишетъ Филаретъ. П. Б.

Я отвѣчалъ: никто не дерзнетъ напечатать рѣчь Государя Императора, не удостовѣрясь, что это истинныя слова его. Онъ, безъ сомнѣнія, благоволитъ отечески ко всѣмъ вѣрноподданнымъ, а изъявляетъ свое благоволеніе примѣнительно къ обстоятельствамъ. Скрытые недоброжелатели за границей и въ Россіи говорили и писали, что раскольники единомышленны съ ними. Вѣроятно сіе дошло до свѣдѣнія Государя Императора, и онъ не повѣрилъ и сказалъ сіе къ успокоенію раскольниковъ, изъявившихъ свою вѣрность.

Православные не доходятъ до сомнѣнія о рѣчи; но, думаю, и у нихъ есть мысли, подобныя единовѣрческимъ.

Такъ, когда погладили по головѣ пасынковъ, это оказалось не по шерсти приснымъ дѣтямъ. Но пасынки едва ли такъ надежны, какъ дѣти присныя.

Трудное время, когда изъ прекращенія одного неудобства рождается другое неудобство.

Маія 8-го 1863.

6.

†

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Позвольте сказать нѣчто отъ туги сердца. На насъ возлагаютъ дѣлá, одно другаго менѣе удобныя къ разумѣнію и исполненію. «Ввѣряютъ попеченіе о улучшеніи быта духовенства». Но гдѣ средства? «Отпускъ строеваго лѣса изъ казенныхъ дачъ»? Для сего по каждому отдѣльному случаю надобно дознавать, что у священника домъ ветхъ, что онъ построить не въ силахъ; намъ въ семъ не повѣрятъ, надобно составлять смѣшанную коммиссію; потомъ скажутъ, что въ этой мѣстности нѣтъ лѣса. Положимъ, что дѣло будетъ имѣть успѣхъ; но это только одному изъ нѣсколькихъ сотъ на одно время. Сколько улучшится чрезъ сіе бытъ духовенства? И другія указываемыя средства обѣщаютъ много труда и мало плода.

Вамъ угодно было имѣть свѣдѣніе о магистрѣ Кикинѣ. Свѣдѣніе сіе, изъ письма ректора Академіи, при семъ прилагаю.

Прокуроръ Синодальной Конторы проситъ меня сказать вамъ слово. Для довершенія благодѣянія, которое оказываете ему, благоволите вашимъ словомъ споспѣшествовать тому, чтобы онъ былъ причисленъ не къ третьему, а ко второму разряду раненыхъ, *къ которому и прежде былъ причисленъ*.

Преосвященный Леонидъ отправился въ свою епархію. Будетъ, между прочимъ, въ селѣ Никольскомъ-Горушкахъ, гдѣ ожидается при-

сутствіе Государыни Императрицы. Испытываю тамошній причтъ. Діаконъ способенъ и исправенъ, священникъ слабъ здоровьемъ, очень малогласенъ и не довольно имѣетъ присутствія духа. Призываю сосѣдняго, предполагая назначить его въ священнослуженіе на тѣ дни, когда Ея Величество изволитъ слушать Божественную литургію; а Горушкинскій пойдетъ въ его церковь. Церковь въ Горушкахъ въ благоустройствѣ.

Господь да благословляетъ ваши труды и да сохраняетъ ваши силы и здравіе.

Молю о семъ, аще и недостоинъ. Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Филаретъ, митрополитъ Московскій.

Москва.
Маія 8-го 1863.

7.

†

Конфиденціально.

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Воззрѣніе на расколъ во всякомъ преданномъ православію въ настоящее время возбуждаетъ заботливыя помышленія.

Изъ сего источника произошла прилагаемая при семъ записка *о расколѣ въ настоящее время*, которой призываю ваше вниманіе.

Смѣю признавать согласнымъ съ обстоятельствами, чтобы соображенія такого рода, какъ здѣсь изложенныя, достигли до высочайшаго вниманія Самодержавнѣйшаго Защитника православной церкви.

Желательно было бы мнѣ знать, какія будутъ ваши мысли по прочтеніи означенной записки.

Призывая вамъ благословеніе Божіе, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Филаретъ, митрополитъ Московскій.

Въ Лаврѣ,
Іюня 14-го 1863.

При чтеніи записки можетъ представиться вопросъ: почему раскольники сперва молчали о всемилостивѣйшихъ словахъ Государя Императора? Вѣроятное изъясненіе есть слѣдующее. Сказываютъ, что Государь Императоръ между прочимъ сказалъ имъ: «желаю, чтобы Богъ просвѣтилъ васъ». Слова назидательныя для раскольниковъ, утѣшительныя для православныхъ; но по сему самому не такія, чтобы раскольники могли хвалиться ими. Но какъ-то, при записаніи словъ царскихъ, сдѣлано въ печати опущеніе означеннаго важнаго изреченія, и тогда стало удобнѣе раскольникамъ хвалиться и торжествовать.

Когда-то, не помню по какому предмету, вы сказали, что вѣроятно генералъ-губернаторъ со мною посовѣтуется. Это бывало при князѣ Дмитріѣ Владимировичѣ. Послѣ же его, помню только, что я иногда вызывался съ моими мнѣніями, какъ напримѣръ случилось во время восшествія на престолъ нынѣ царствующаго Государя. Раскольники два дня не шли къ присягѣ, не желая, чтобы при семъ былъ православный священникъ, чего требовалъ законъ, который предоставлялъ только употребить при семъ старопечатное Евангеліе и древній крестъ. Я предложилъ графу Закревскому прислать раскольничьихъ старшинъ ко мнѣ, изъяснилъ имъ, какъ неблаговидно въ такомъ случаѣ медлить изъявленіемъ вѣрности Государю, какъ противно сіе закону, какъ требуемое отъ нихъ непротивно ихъ вѣрованіямъ, предложилъ имъ священника единовѣрческаго; и тогда они сами предпочли православнаго, и присяга состоялась.

Не навязаться ли мнѣ и теперь съ моимъ мнѣніемъ и не представить ли ему записку, посылаемую теперь къ вамъ, чтобы политическія соображенія менѣе сильно влекли его мимо церковныхъ соображеній?

Іюня 14-го 1863.

8.

†

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Письмо отъ 29 Маія получено мною 2 Іюня въ Скитѣ. Виноватъ, что долго не пишу, тогда какъ есть предметы сего требующіе. Въ Москвѣ ежедневно падаютъ на меня два бремени: дѣла̀ и люди. Чтобы облегчить себя отъ послѣдняго, хотѣлъ я поспѣшить въ Лавру; но не позволило сперва здоровье, а потомъ и дѣла, которыя требовали немедленнаго окончанія на мѣстѣ. Въ началѣ прошедшей недѣли достигъ я Скита, и здѣсь потребовалось нѣсколько дней сколько нибудь неразвлеченныхъ и безмолвныхъ для приготовленія къ причастію Святыхъ Таинъ съ братіею Скита.

Университетскіе уставы скоро родятся и скоро умираютъ, какъ недоношенный плодъ. На второй уже уставъ написалъ я замѣчанія, и они уже не застали его въ живыхъ, и, говорятъ, родился новый.

Что̀ писалъ я о проектѣ университетскаго устава въ Св. Синодъ, тоже, въ формѣ записки, послалъ при письмѣ къ графу Сергѣю Григорьевичу *), полагая, что сіе дѣло въ особенномъ у него вниманіи. Онъ-то и сказалъ мнѣ, что сей проектъ уже оставленъ, и теперь раз-

*) Строганову. П. Б.

сматривается другой, въ которомъ уже не то, противъ чего я возражаю. Но между тѣмъ о каѳедрахъ церковной исторіи и каноническаго права графъ сказалъ только, чтобы я не опасался особаго вліянія, изъ чего заключаю, что онъ полагаетъ оставить сіи каѳедры въ томъ положеніи, противъ котораго я возражалъ. Ради святой вѣры, противъ которой возстаетъ лжеименный разумъ, ради христіанскихъ душъ, которымъ нынѣ такъ много предстоитъ опасностей мысленнаго и нравственнаго развращенія, благоволите обратить на сіе дѣло, сколь можно, дѣятельное вниманіе. Не догадкою, а выпискою изъ университетской или вообще къ области Министерства Просвѣщенія принадлежащей книги, доказывалъ я, какое ученіе каноническаго права готовится намъ въ Университетѣ, который между прочимъ хочетъ учить насъ и такимъ предметамъ, для которыхъ онъ самъ не имѣлъ донынѣ каѳедры.

О неудовлетворительности нынѣшняго свѣтскаго образованія свидѣтельствуютъ такъ рѣшительно предпринятыя и такъ затруднительно производимыя преобразованія. Это сдѣлалось такъ очевиднымъ, что безъ опасенія возраженій пишутъ 31 Маія сего 1863 года въ Московскихъ Вѣдомостяхъ: «Мы предали нашихъ дѣтей духу легкомыслія, поверхностнаго и лживаго знанія и словъ безъ мысли. Идя все далѣе и далѣе на этомъ пути, мы довели дѣло до того, что многіе Русскіе люди, искренніе патріоты, принуждены ѣхать за границу, чтобы уйти отъ того *прекраснаго воспитанія,* которое ожидало ихъ дѣтей въ Россіи». Это прекрасное воспитаніе еще не преобразовано, и конечно нельзя преобразовать его чудесно въ одинъ день. Итакъ, если возмутъ воспитанниковъ Духовныхъ Академій и погрузятъ ихъ въ такую свѣтскую сферу, чтобы до степени преподавателей научить ихъ духовнымъ наукамъ, церковной исторіи и церковному законовѣдѣнію, найдется ли въ основаніи сего разумная сообразность? Будетъ ли сіе соединено съ доброю и вѣрною надеждою?

Въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 28 Маія напечатано объявленіе 200 студентовъ и слушателей Московскаго Университета, которые проповѣдуютъ свое призваніе «служить народу» и «долгъ непоколебимой вѣрности Русской землѣ и тому, кого она признаётъ своимъ представителемъ, кому ввѣрила оберегательство своей чести и цѣлости, кому вручила свои судьбы». Кого разумѣть въ сихъ выраженіяхъ? Государь Императоръ Всероссійскій имѣетъ самодержавную власть милостію Божіею, по священному закону престолонаслѣдія, а не потому что ему оную «ввѣрила и вручила земля».

Это подписали 200 студентовъ и слушателей Московскаго Университета; но всѣхъ ихъ, кажется, до 1000. Что̀ же думаютъ остающіеся въ молчаніи 800? Почему не рѣшаются на патріотическія изъ-

явленія, которыхъ, какъ признали ихъ товарищи, требуетъ настоящее время? Или ихъ мнѣнія таковы, что ихъ нельзя высказать въ слухъ истинныхъ патріотовъ? Не рѣшимся отвѣчать на сіи вопросы въ худую сторону; но нельзя не видѣть смѣшаннаго и темнаго положенія умовъ, которые привести въ ясное и правильное положеніе, видно, не достало силы у наставниковъ.

Въ такую среду погрузить воспитанниковъ Духовныхъ Академій будетъ ли благонадежно, когда притомъ никакъ не есть необходимо?

Чтȍ сказать о предположеніи взять магистровъ Духовныхъ Академій, учить ихъ и потомъ заставить ихъ держать экзаменъ для полученія степени магистра? Не покажется ли это насмѣшкою надъ магистерскою степенью Духовныхъ Академій?

Господь да даруетъ Свой истинный и чистый свѣтъ благоустроителямъ просвѣщенія.

Стыдно читать въ отчетѣ г. Танѣева, какъ Германскіе ученые учатъ насъ православныхъ православію. Нашъ проектъ устава говоритъ: *нравственное образованіе*; Германецъ поправляетъ: *религіозно-нравственное.* Нашъ проектъ говоритъ: *познаніе Бога и обязанностей къ Нему*; иностранный ученый замѣчаетъ, что такъ могутъ говорить и Магометане, и дополняетъ: *вѣра въ Іисуса Христа и жизнь по заповѣдямъ Его.* Пишу сіе по памяти; можетъ быть, выраженія не буквально точны съ книгою, но мысли вѣрно таковы.

Призывая вамъ благословеніе Божіе, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Филаретъ, м. Московскій.

Г. С. [1])
Іюня 3-го, 1863.

9.

†

Секретно.

Ваше превосходительство, милостивый государь!

О посѣщеніи Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Сергіевы Лавры изволите знать изъ донесенія моего Св. Синоду. Меня въ сіе время болѣзнь заключила въ келліи.

Г. управляющій Синодальною типографіею [2]), съ согласія, говоритъ, вашего, обратился ко мнѣ съ своими соображеніями о надписи на антиминсахъ. Это давно требовало вниманія; но не благопріятствовало

---

[1]) Геѳсиманскій Скитъ. П. Б.

[2]) Н. П. Гиляровъ. Онъ составилъ особую записку объ антиминсахъ, остающуюся доселѣ въ рукописи: это цѣлое историческое изслѣдованіе. Намъ сообщала его владѣтельница бумагъ Гилярова Анна Михайловна Гальперсонъ. П. Б.

время, когда простое и чистое слово церковное искали случая перетолковать иначе. Находя справедливымъ и нужнымъ представить о семъ Св. Синоду, я написалъ донесеніе съ приложеніемъ записки г. управляющаго типографіею; но желаю, чтобы донесеніе сіе шло не мимо васъ и потому препровождаю оное при семъ. Предметъ таковъ, что его разсматривать должны только тѣ, которые имѣютъ на сіе право и обязанность.

Призывая вамъ благословеніе Божіе, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Филаретъ, м. Московскій.

Лавра.
Окт. 23-го 1863.

Имѣю нужду, аще Господь изволитъ, отправиться завтра въ Москву; но аще изволитъ, не вѣмъ.

10.

†

Секретно.

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Тульскій священникъ Меѳодій Троицкій, неизвѣстно почему, не къ своему епископу, а ко мнѣ обратился съ письмомъ, въ которомъ описывается, какъ Латинскій священникъ въ Тулѣ при исповѣди приготовляетъ людей къ мятежу.

Препровождаю при семъ письмо сіе, какъ требующее принятія мѣръ къ пресѣченію зла.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Филаретъ, м. Московскій.

Москва,
Генваря 21-го 1864.

Написавъ вышеписанное, вслѣдъ затѣмъ нынѣ же получилъ я съ почты изъ Харькова пакетъ, въ которомъ оказалась прокламація Польскаго жонда къ отставнымъ Русскимъ чиновникамъ, военнымъ и гражданскимъ, призывающая къ мятежу. И сію препровождаю при семъ.

Господь да даруетъ Россійскому правительству проницательность и энергію, чтобы найти и пресѣчь корни зла, чтобы обезсилить и изсушить отрасли.

Люди, повидимому свѣдующіе, примѣчаютъ, что смертоносная политическая зараза, которая обнажилась было въ подземныхъ прокламаціяхъ, скрывается, но не изнемогаетъ, а усиливается распростра-

ниться. Можно ли не замѣчать сего и въ публичной необузданной литературѣ, которая старается поколебать религію, въ конецъ разстроить нравственность, лжекритикою, порицаніями и клеветами подорвать уваженіе къ законамъ и властямъ? Ибо такими средствами образуются люди способные и готовые къ переворотамъ.

Господи, спаси Царя!

Господи, воздвигни духъ стоящихъ близъ престола его къ дѣлу охраненія и спасенія!

11.

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Нынѣ идетъ въ Св. Синодѣ мое представленіе о наградахъ духовенству. Благоволите ходатайствовать у Св. Синода, чтобы простили мою медленность, дабы отъ нея не послѣдовало непріятнаго для достойныхъ сослужителей моихъ.

Предъ симъ представлено мною о произведеніи въ протоіереи законоучителя Университета Сергіевскаго и законоучителя гимназіи Успенскаго священника Богословскаго. Перваго издатель Домашней Бесѣды огласилъ неправославнымъ; но это неправда. Священникъ Сергіевскій умственно и сердечно православенъ. Его лекціи, между прочимъ, противъ новыхъ лжеучителей, привлекаютъ большое число слушателей и почтительное вниманіе. Церковныя поученія его также привлекаютъ слушателей и приводятъ въ умиленіе. Нѣкоторые недосмотры его въ Православномъ Обозрѣніи происходятъ не отъ худаго направленія Нѣкоторые граждане, любители стройнаго церковнаго Богослуженія, отзывались мнѣ, что церкви священниковъ Сергіевскаго и Богословскаго однѣ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ Москвѣ по преимущественно благоустроенному и благоговѣйному совершенію богослуженія. Посему особенно желательно, чтобы представленіе мое о сихъ священникахъ удостоено было благосклоннаго вниманія Св. Синода.

Андрей Николаевичъ *) проситъ ленты архимандриту Іерусалимскаго въ Москвѣ подворья Филарету; и когда я отвѣчалъ, что я о подвѣдомомъ патріарху не могу ходатайствовать безъ воли патріарха, то онъ досталъ и отъ патріарха письмо.

Призывая вамъ благословеніе Божіе, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Филаретъ, м. Московскій.

Февраля, 23-го 1865.

---

*) Муравьевъ. П. Б.

12.

†

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Отвѣтствую на вопросъ о разрѣшительной молитвѣ.

Если произносится разрѣшеніе, то нѣкоторымъ образомъ предполагается возможность или вѣроятность того, въ чемъ разрѣшеніе произнесется.

Посему можно слышать въ разрѣшительной молитвѣ: аще подъ клятвою или отлученіемъ архіерейскимъ бысть, аще клятву отца своего наведе на ся.

Но благодѣтельно попеченіе святыя церкви, чтобы душа не осталась связанною какою-нибудь узою, которой не примѣчаетъ или недовольно примѣчаетъ, до окончательнаго открытія книги жизни.

Случается, что человѣкъ неразумно произноситъ губительное слово и небрежно забываетъ оное, а оно можетъ имѣть силу и послѣдствія.

Посему можно выкинуть въ разрѣшительной молитвѣ слова очень тяжкія и вставить вмѣсто ихъ менѣе тяжкія для слуха, но тѣмъ не менѣе заключающія разрѣшеніе возможныхъ случаевъ. Проектъ сего при семъ прилагается. Миръ душѣ, которая подала случай къ симъ соображеніямъ.

Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Филаретъ, м. Московскій.

Маія 2-го 1865.

ПИСЬМО МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА КЪ ОБЕРЪ-ПРОКУРОРУ СВЯТѢЙШАГО СѴНОДА ГРАФУ Д. А. ТОЛСТОМУ, ОТНОСИТЕЛЬНО ПРАЗДНОВАНІЯ ПО ВСЕЙ РОССІИ СОБЫТІЯ 4 АПРѢЛЯ 1866 ГОДА.

Конфиденціально.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь.

Есть слухъ, что Святѣйшій Сѵнодъ полагаетъ событіе 4 дня сего Апрѣля увѣковѣчить въ памяти народа ежегоднымъ торжественнымъ по всей Россіи богослуженіемъ, съ крестнымъ ходомъ.

Долженъ Русскій народъ помнить 4 Апрѣля съ благодареніемъ Богу за сохраненіе Царя, съ молитвой о будущемъ его сохраненіи, съ неугасающей ревностью къ охраненію своего Царя и къ конечному истребленію крамолы.

Но предполагаемый образъ всегдашняго церковнаго воспоминанія сего дня возбуждаетъ недоумѣнія. Церковно-историческіе крестные ходы сами собой указываютъ свой предметъ, направленіе и предѣлъ. Напримѣръ, въ день Богоявленія, крестный ходъ идетъ на рѣку, въ память Іордана; въ день пророка Иліи, въ память его сорокадневнаго путешествія къ боговидѣнію въ Хоривъ, крестный ходъ идетъ въ церковь пророка Иліи. По сему образцу крестный ходъ 4 Апрѣля въ Петербургѣ можетъ идти къ часовнѣ Лѣтняго сада. Куда пойдетъ сей крестный ходъ въ другихъ городахъ, и особенно въ селахъ — отвѣта съ основаніемъ нѣтъ.

Если предположить торжественное богослуженіе безъ крестнаго хода, и въ семъ встрѣчаются недоумѣнія.

4 Апрѣля нерѣдко случаться будетъ въ Великій постъ и на Страстой недѣлѣ, отъ которой церковный уставъ устраняетъ всякое постороннее празднованіе, кромѣ единственнаго праздника Благовѣщенія.

4 Апрѣля будетъ приносить съ собою два воспоминанія.

Во первыхъ, воспоминаніе чудеснаго сохраненія жизни Благочестивѣйшаго Монарха. Сохранить сіе въ живой памяти народа и желательно, и полезно.

Во вторыхъ, страшное и горькое воспоминаніе, что была на Русской землѣ жестокая крамола, поднявшая дерзкую руку противъ Монарха. Надобно ли симъ воспоминаніемъ торжественно поражать Русское сердце? Надобно ли каждый годъ торжественно напоминать народу, что возможно возстаніе противъ Царя, которое онъ прежде почиталъ невозможнымъ?

На сіи вопросы знаменательно отвѣтствуетъ высокій примѣръ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Николая Павловича. За свое особеннымъ провидѣніемъ Божіимъ сохраненіе въ день 14 Декабря, онъ ежегодно совершалъ благодарственное молебствіе въ своей придворной церкви, но всенароднаго церковнаго торжества по сему событію не учредилъ.

Посильная ревность моя о томъ, чтобы чистая преданность православныхъ Россіянъ Благочестивѣйшему Самодержцу не потерпѣла нѣкоего ущерба отъ смутныхъ впечатлѣній, побуждаетъ меня покорнѣйше просить ваше сіятельство представить вышеизложенныя мысли на разсужденіе членовъ Святѣйшаго Сѵнода и, если нужно будетъ, довести оныя до Высочайшаго свѣдѣнія Его Императорскаго Величества *).

22 Апрѣля 1866 года.

ЗАПИСОЧКА ФИЛАРЕТА КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ ЛИЦУ.

Одинъ старецъ питался трудомъ рукъ своихъ и не хотѣлъ принимать приношеній. Но наконецъ ослабѣлъ въ силахъ и не могъ трудиться, и когда получилъ пособіе отъ другихъ, сказалъ: слава тебѣ, Господи, что я сподобился во имя Твое получить милостыню.

Дающій пособіе долженъ благодарить Бога, что можетъ дать; и принимающій долженъ благодарить Бога, Который послалъ дающаго. Помыслите о семъ, и миръ вамъ да будетъ.

Ф. м. М.

Марта 12-го. 1866.

---

*) Письмо это, какъ извѣстно, оказалось несвоевременнымъ: 14 Апрѣля послѣдовало Высочайшее соизволеніе на учрежденіе ежегоднаго повсемѣстнаго совершенія въ 4-й день Апрѣля крестнаго хода на городскія площади для принесенія благодарственнаго Господу Богу молебствія съ колѣнопреклоненіемъ и цѣлодневнымъ звономъ.

ПОСЛѢДНІЯ СНОШЕНІЯ Н. М. КАРАМЗИНА СЪ Н. И. НОВИКОВЫМЪ.

Карамзинъ былъ слишкомъ на двадцать лѣтъ моложе Новикова. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ юношей, которые находились подъ вліяніемъ славнаго типографщика и мартиниста. Есть преданіе, что онъ и путешествовалъ въ чужихъ краяхъ на средства, данныя ему Новиковымъ и его друзьями. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что тайное общество вольныхъ каменщиковъ нѣкогда занимало собою знаменитаго писателя. Свѣтлый умъ и строгіе труды отвлекли его потомъ отъ безплодныхъ броженій, отъ этого захожденія къ Богу съ задняго крыльца, въ то время какъ по милости Его доступно крыльцо переднее. Но Карамзинъ не прерывалъ знакомства съ главою мартинистовъ, потерпѣвшимъ ссылку, разорившимся и на старости лѣтъ проживавшимъ подъ Москвою, въ Бронницкомъ своемъ сельцѣ Авдотьинѣ. По свойству прекрасной души своей онъ сохранялъ къ несчастливцу благодарное чувство. Покойный графъ Д. Н. Блудовъ неоднократно передавалъ намъ, что Николай Михайловичъ, передъ своимъ переселеніемъ въ Петербургъ, навѣстилъ Новикова въ сельскомъ его уединеніи, что престарѣлый мартинистъ предлагалъ ему посвятить его въ сокровенный кругъ таинственнаго ученія, но что Карамзинъ уклонился отъ того. Въ 1814 году вышло въ свѣтъ 2-е изданіе сочиненіе Карамзина, въ 9 частяхъ. Карамзинъ послалъ это собраніе съ своимъ портретомъ Новикову, который послѣ этого времени писалъ ему нижеслѣдующія письма. Заимствуемъ ихъ изъ рѣдкой книжки „Письма С. И. Г. Москва 1832“, мал. 8-ка, часть 2-я, стр. 253—263. Письма Карамзина къ Новикову получены нами въ спискахъ отъ покойнаго М. П. Погодина, въ 1873 году. П. Б.

Письма Н. И. Новикова къ Н. М. Карамзину.

I.

Изъ сочиненій вашихъ 6-й и 7-й томы я съ возможнымъ мнѣ вниманіемъ прочиталъ отъ доски до доски. О пріятномъ, хорошемъ и прекрасномъ говорить теперь ничего не буду; но что̀ касается до философіи, о томъ хочу нѣсколько словъ сказать. Извините меня, мой любезный, что я съ нею не совсѣмъ согласенъ; я нахожу въ ней болѣе пылкости воображенія и увлеканія въ царство возможностей, нежели основательности. Но я думаю, что нынѣ и вы сами не будете на все согласны. Скажите мнѣ, угадалъ ли я, что въ письмахъ *Мелодора къ Филалету и Фила-*

лета къ Мелодору, также и въ Разговорѣ о счастіи между Филалета и Мелодора, подъ именемъ Мелодора вы, а подъ именемъ Филалета покойный любезный молодой человѣкъ Петровъ, потому что при чтеніи сихъ піесъ мнѣ казалось, что обоихъ васъ вижу. Молодой Филалетъ со стоическою холодностію философствуетъ, а философія холодная мнѣ не нравится: истинная философія, кажется мнѣ, должна быть огненна, ибо она небеснаго происхожденія. Однако, любезнѣйшій мой, не забывайте, что съ вами говоритъ идіотъ (невѣжда), не знающій никакихъ языковъ, не читавшій никакихъ школьныхъ философовъ, и они никогда не лѣзли въ мою голову: это странность, однако истинно было такъ. Но о семъ въ другое время.

И у меня есть свой Филалетъ, Англичанинъ, философъ среднихъ вѣковъ, но не школьный. Въ одномъ изъ своихъ писаній говоритъ онъ между прочимъ: «Покажите мнѣ науку, которая была бы «совершеннымъ, а не поддѣланнымъ отпечаткомъ творенія, которая «могла бы вести меня прямымъ путемъ къ познанію истиннаго Бога, «чрезъ которую могъ бы я изслѣдывать всеобщія и невидимыя сущ«ности Ему подвластныя; науку, чрезъ которую могу я вѣрно при«идти къ познанію всѣхъ таинъ, въ натурѣ сокрытыхъ. Такова есть «та наука, въ которой физика Адама и всѣхъ патріарховъ состояла «и которая ему была открыта».

Ежели кто захочетъ согласиться умомъ и сердцемъ со мнѣніемъ моего Филалета, чтó кажется и должно сдѣлать, ибо онъ это не выдумалъ, но только переговорилъ слова другихъ: такъ философія вашего Филалета должна остановиться и призадуматься. Я такъ думаю, что пока двое бесѣдующихъ не будутъ совершенно согласны въ началахъ и основаніи, то всѣ разговоры ихъ будутъ безполезны. Какія же начала? А вотъ какія: чтò есть Богъ?—чтò есть Богъ въ единицѣ? чтò есть Богъ въ Троицѣ? чтò есть натура? одна ли есть натура, или болѣе? таковымъ ли видимый или чувственный міръ вышелъ изъ рукъ Божіихъ, какимъ мы его видимъ, или былъ инаковъ? что есть небо и одно ли оно, или болѣе? впечатлѣна ли троичность Божія во всей Его твари, или нѣтъ, и какъ мы сіе разумѣть должны? какъ сотворенъ человѣкъ, изъ чего, изъ какихъ частей, и почему сказано о немъ, что онъ *сотворенъ по образу Божію и по подобію?* Казалось бы и одного выраженія довольно было, но положено два. Также, почему Моисей сказалъ, что Богъ сотворилъ Адама, въ мужа и жену; а извѣстно, по его же словамъ, что Адамъ уже существовалъ, когда Евы еще не было и что Ева уже сотворена была изъ ребра Адамова, тогда когда Адаму уже нужно было спать? о какихъ верхнихъ водахъ и нижнихъ сказываетъ Моисей, что Богъ отдѣлилъ верхнія воды отъ нижнихъ? какъ

мы это должны разумѣть? Замѣчательно также, что не философъ, но простой рыбакъ, ученикъ Христовъ Петръ, пишетъ: *ибо сокрыто отъ насъ, хотящихъ знать, что небеса исперва изъ воды и водою составлены Словомъ Божіимъ.* Какая же была тогда чудная вода, изъ которой сотворены небеса, а не одно только небо? Да и Апостолъ Павелъ сказываетъ, что онъ восхищенъ былъ духомъ даже до третьяго неба. Одинъ ли существуетъ видимый или чувственный міръ, или есть другіе міры? Солнце и всѣ планеты и звѣзды принадлежатъ къ видимому міру; гдѣже обитаютъ Ангелы? гдѣ Божественный Престолъ? Съ позволенія какихъ почтенныхъ астрономовъ, они изволятъ бредить, находя болѣе седми планетъ, находя и видя неподвижныя звѣзды и жалуя ихъ въ солнцы. Ни больше, ни меньше семи планетъ быть не можетъ; понеже Богъ ихъ сотворилъ только семь и наполнилъ ихъ силами, каждой приличными. Неподвижныхъ звѣздъ быть не можетъ, ибо неоспоримая истина: что̀ не имѣетъ движенія, то мертво, понеже жизнь есть движеніе. Они пожаловали и самое солнце въ наилѣнивѣйшую планету бездѣйственную; ибо что̀ не имѣетъ движенія, то не имѣетъ и дѣйствія. Какъ же мы должны разумѣть слова Давидовы, который говоритъ, что Богъ въ солнцѣ положилъ селеніе Свое; и далѣе, что солнце, яко женихъ, выходитъ изъ чертога своего и, яко исполинъ, предпріемлетъ путь отъ края небесе до края небесе, и нѣтъ мѣста, которое бы укрылось отъ теплоты его, и пр. Что̀ есть Философія, и откуда она? Изобрѣтена ли человѣкомъ или дана отъ Бога человѣку? Ежели она изобрѣтеніе человѣческое, то она человѣческа, а мнѣнія человѣческія суть весьма перемѣнчивы. На моемъ вѣкѣ во всѣхъ наукахъ нѣсколько системъ перемѣнилось; да я увѣренъ, что и нынѣ существующія системы не долго устоятъ и перемѣнятся въ другія новыя: намъ любезнѣе всего новое, новое и новое. Нынѣшніе физики, не довольствуясь четырьмя стихіями, которыя Богъ сотворилъ четыре только, а не болѣе, совсѣмъ ихъ разжаловали изъ стихій; за то только, что по ихъ высокой наукѣ, что̀ можетъ дѣлиться, то не есть стихія. Какая слѣпота, и какое нищенское понятіе о стихіяхъ! Однако они наградили насъ почти сотнею стихій. Химики все прежнее отбросили и надѣлили насъ какими-то газами, т. е. пустыми словами, не имѣющими ни значенія, ни силы. И кто можетъ всѣ ихъ бредни изчислить? Не письмами, но фоліантами развѣ можно описать оныя. Любезные древніе философы и патріархи не такъ разумѣли философію; но о семъ много бы говорить было надобно, а потому я сію матерію окончу, сказавъ еще нѣсколько словъ. Древніе гораздо замѣчали, что Моисей исторію творенія начинаетъ симъ видимымъ міромъ, а о томъ что̀ было прежде не упоминаетъ ни слова; откуда же бы взялось мнѣніе о падшихъ Ангелахъ? А о нихъ въ Новомъ Завѣтѣ много говорено,

да и въ Ветхомъ Моисей сказываетъ, что падшій Ангелъ въ видѣ змѣя обольстилъ Еву, изъ чего кажется, что должно быть нѣчто существовавшее прежде сотворенія сего видимаго міра. Древніе прекрасно сіе изъясняли; они даже и въ человѣкѣ находили извлеченіе изъ трехъ міровъ и учили, что человѣкъ состоитъ изъ тѣла, души и духа. Отсюда произошло то, что они поставляли надпись надъ дверьми храма: *Познай себя*, и пр.

Извините меня, любезный другъ, что я кое-что сказалъ смутно и безпорядочно, что̀ только по слабости моей въ мысль пришло и что̀ только женская рука писать могла. Онѣ до прекраснаго видомъ великія охотницы. Бѣдный Адамъ былъ бы доволенъ знаніемъ однаго добра, но Евѣ захотѣлось отвѣдать и съ запрещеннаго древа знанія добра и зла. Но полно, полно; а то опять заведешь.

II.

Сердечно сожалѣю, любезнѣйшій другъ мой Николай Михайловичъ, о худомъ здоровьѣ вашемъ, равно и о томъ, что не сказали вы мнѣ о болѣзни вашей: можетъ быть я нѣсколько и помогъ бы вамъ, ибо по благости Господней имѣю въ медицинѣ, хотя небольшое, однако изрядное основаніе. Ежели еще вы не уѣхали въ П.-бургъ, то скажите мнѣ о болѣзни вашей хотя коротко. И ваше письмо застало меня очень нездоровымъ; но въ моихъ припадкахъ одно только лѣкарство — терпѣніе.

Вы меня обрадовали, сказавъ, что не стойте за философію и пр. Я думаю, что тотъ только можетъ назваться прямо ищущимъ, который, хотя и ошибаясь, однако искалъ истину, и наконецъ воистину найдетъ истину; ибо Христосъ Спаситель нашъ сказалъ: *Ищите и обрящете, толкайтесь и отворится вамъ, просите и дастся вамъ.* И въ другомъ мѣстѣ сказалъ: *Ищите прежде Царствія Божія и правды его, а прочее все пріобрѣтено вамъ будетъ*.

Вамъ 49 лѣтъ. Это годъ климатеричный. Вамъ сей годъ есть годъ полной чести и славы, а мнѣ этотъ годъ былъ полонъ скорби и печали. Какъ различно поступаетъ съ нами милосердіе Божіе! Одного ласкою, другаго розгою влечетъ къ себѣ: блаженъ, кто и то и другое употребляетъ въ пользу свою!

Вы сказали мнѣ въ письмѣ вашемъ: *одинъ Богъ знаетъ Бога совершенно*. Мнѣ кажется, что познаніе Бога должно раздѣлить: *познаніе Бога въ Единицѣ Его* человѣку *можетъ быть* и невозможно; но *познаніе Бога въ Троицѣ* или *тройствѣ* Его не токмо что возможно, но и необходимо. Апостолъ Павелъ сказалъ весьма замѣчательныя слова:

душевный человѣкъ не пріемлетъ что́ Духа Божія, ибо оное кажется ему безуміемъ, и не можетъ разумѣть, понеже духовно востязуется, и пр. Я совѣтую вамъ, любезный другъ, прочитать со вниманіемъ всю 2 главу 1-го посланія къ Коринѳ.: она весьма, весьма замѣчательна. Не могу также удержаться, чтобъ не посовѣтовать вамъ прочесть со всевозможнымъ и глубокимъ вниманіемъ всю 17 главу Евангелія Іоаннова: это якорь нашъ, на которомъ должно утверждаться вѣчное наше блаженство. Много бы можно было о сей матеріи сказать *неопровержимаго*, но краткости ради умолчу.

Вы также говорите, что у насъ теперь и Библія *) въ модѣ; подлинно, что только въ модѣ. Признаюсь вамъ, любезный другъ, что не могу безъ душевнаго огорченія читать въ газетахъ и журналахъ текстовъ Св. П. Видно, что сіи писатели текстовъ думаютъ, что все равно сказать текстъ, или исполнить его дѣйствительно, и видно, что не встрѣтилось съ ними сказанное Христомъ Спасителемъ, что Царствіе Божіе не въ словахъ состоитъ, но въ силѣ или исполненіи.

Сердечно сожалѣю и буду сожалѣть, ежели не увижу васъ до отъѣзда вашего въ П.-бургъ. Я желалъ бы дня два провести съ вами въ искренней и сердечной бесѣдѣ о томъ, что̀ для насъ нужнѣе всего; но мы должны во всемъ покоряться волѣ Божіей. Теперь по крайней мѣрѣ желаю того, чтобъ вы возвратились въ Москву въ Августѣ; такъ можетъ быть Господь благоволилъ бы дозволить мнѣ увидѣться съ вами. Вы говорили также, что желали бы поговорить со мною о нѣкоторыхъ статьяхъ моего письма послѣдняго; и я сердечно бы этаго желалъ, наипаче потому 1) что пишу не своею рукою и къ диктатурѣ не привыкъ, сказывая, какъ мысль приходитъ, а не въ порядкѣ, какъ бы я желалъ; 2) что слабость моя мѣшаетъ сказывать, и малѣйшее слово, въ то время мнѣ сказанное, прерываетъ нить. Но когда я говорю лично, слабость моя изчезаетъ, и я дѣлаюсь крѣпокъ, что̀ я многажды замѣчалъ. Духъ нашъ наружными обстоятельствами угнетается и какъ бы упадаетъ; но когда онъ вступитъ въ дѣйствованіе, выступя изъ состоянія страдательнаго, тогда и наружная машина наша укрѣпляется и дѣлается свободною.

Кстати: вы упомянули въ письмѣ вашемъ о меланхоліи; я принималъ это слово, въ сочиненіяхъ вашихъ нерѣдко употребляемое, за обыкновенное выраженіе *пріятной задумчивости*, но въ письмѣ выражено такъ, будто вы подвержены сей болѣзни, что̀ меня опечалило; но

*) Въ это время императоръ Александръ Павловичъ, въ безпрестанныхъ переѣздахъ своихъ, возилъ съ собою Библію (во Французскомъ переводѣ Саси) и не только читалъ ее, но и дѣлалъ на поляхъ замѣтки. См. Записки Михайловскаго Данилевскаго въ Русскомъ Вѣстникѣ 1890, кн. Х-я. П. Б.

я надѣюсь подать вамъ средство къ истребленію оной. Древніе философы изъ глубокаго познанія своего, особенно въ натурѣ человѣческой, опредѣляли, что человѣкъ состоитъ изъ тѣла, души и духа, а изъ того выводили и болѣзни человѣческія. Они всѣ болѣзни, относящіяся къ тѣлу, наружныя и внутреннія, лѣчили лѣкарствами изъ трехъ царствъ натуры, которыя и наша медицина кой-какъ лѣчить умѣетъ, и называли сіи болѣзни *болѣзнями тѣла*. Другія болѣзни, которыя извѣстны у нашихъ медиковъ подъ именемъ нервозной системы, они называли *болѣзнями души*; наши медики, ежели захотятъ истинно признаться, то должны сказать, что они ихъ лѣчить не умѣютъ; а древніе совершенно лѣчили, едвали не одними минеральными лѣкарствами. Третьи болѣзни называли они *болѣзнями духа*; къ симъ болѣзнямъ причислили они и *меланхолію*, которой корень полагали въ невѣріи, и сіи болѣзни лѣчили они лѣкарствами духовными, т. е. чистымъ ученіемъ *истинной философіи*, которая есть вѣрная послѣдовательница ученію Ветхаго и Новаго Завѣта, или вообще Слова Божія. Апостолъ Павелъ превосходно говоритъ: *основанія инаго никто не можетъ положить кромѣ того, которое уже лежитъ и которое есть Іисусъ Христосъ*; *на семъ основаніи каждый да строитъ*. Прочтите, любезный другъ, 3-ю главу 1-го посланія къ Коринѳ. Богъ есть свѣтъ, Слово Божіе есть свѣтъ; Христосъ Спаситель нашъ сказалъ о себѣ: *Я есмь свѣтъ міру* и пр. Все, чтò не изъ Бога, чтó не изъ Слова Божія, чтó не изъ ученія І. Х., все то есть тьма, а посему и меланхолія есть изъ тьмы. Посмотримъ напримѣръ въ физикѣ: когда небо покрываютъ черныя, густыя и непроницаемыя тучи, тогда и самый крѣпкій, здоровый человѣкъ чувствуетъ какую-то неловкость, скуку, даже грусть, не имѣя къ тому никакой причины; больной же, слабый, дряхлый, чувствуетъ сіе сто разъ сильнѣе. Отъ чего же это? Отъ того, что физическая тьма дѣйствуетъ на свое подобное. Когда же вдругъ возсіяетъ солнце въ полномъ свѣтѣ своемъ и блескѣ, тогда мгновенно тьма изчезаетъ, и солнечный свѣтъ дѣйствуетъ на свое подобное и на нашу физику: человѣкъ веселится и радуется, и самъ не зная отъ чего. Отъ того, что физическій свѣтъ солнца дѣйствуетъ на свое подобное въ насъ. Чтó же скажемъ о солнцѣ правды, Іисусѣ Христѣ? Не будетъ ли сей свѣтъ тысячекратно сильнѣе дѣйствовать на нашу духовность? Читайте, любезный другъ, наипаче Новый Завѣтъ; читайте чаще, замѣчайте отличнѣйшіе тексты, и ежели дѣйствительно подтверждены вы ипохондріи, то она отъ сего лѣкарства совершенно истребится. Послушайтесь совѣта отличнѣйшаго *ученика любви*, Св. Іоанна; онъ въ 4-й главѣ 1-го посланія совѣтуетъ испытывать духовъ; прочитайте не только всю сію главу, но и всѣ его посланія и самое Евангеліе, имъ писанное. Чтó касается до его Апока-

липсиса, то онъ, онъ для насъ весьма, весьма высокъ. Многіе марали бумагу, пиша изъясненіе онаго; но ежели бы они воистину разумѣли одну только главу, или часть только оной, то никогда бы не дерзнули изъяснять онаго. Моисей описалъ намъ твореніе и паденіе человѣка, а Св. Іоаннъ въ Откровеніи своемъ описалъ возстановленіе и возведеніе человѣка гораздо въ высшую степень, нежели въ какой онъ былъ въ раѣ; кратко сказать, Моисей показалъ намъ Альфу, а Св. Іоаннъ Омегу. Кажется мнѣ, что я никогда бы не пересталъ писать къ вамъ и изливать на бумагу мысли и сердце мое, исполненное искренней любви къ вамъ и желанія вамъ всего добра или блага, не только временнаго, но паче вѣчнаго; однакожъ и сему положить должно границы.

*

Оба письмà безъ означенія года. Старецъ Новиковъ почелъ нужнымъ говорить Карамзину про истины христіанства. Это приводитъ мнѣ на память слышанное мною въ бесѣдѣ съ глазу на глазъ въ 1876 году, въ Гомбургѣ, отъ князя П. А. Вяземскаго, близко знавшаго Карамзина подъ конецъ его жизни: „Вѣдь Карамзинъ былъ только *деистъ*". П. Б.

ДВА ПИСЬМА Н. М. КАРАМЗИНА КЪ Н. И. НОВИКОВУ.

I.

Москва, 14 Апрѣля 1816 года.

Почтеннѣйшій Николай Ивановичъ!

Христосъ воскресъ! Обнимаю васъ братски и сердечно благодарю за два письма дружескія *). Несомнѣваюсь, что вы искреннее берете участіе въ оказанныхъ мнѣ Государемъ милостяхъ, заслуженныхъ отчасти моими трудами. Впрочемъ есть нѣчто важнѣе заслугъ нашихъ: воля Божія, которая посылаетъ намъ и пріятности, и отсутствія земныя съ намѣреніемъ. Ей, я за истину признаю истину вашихъ умныхъ разсужденій; желаю, чтобы вы терпѣли великодушно и утѣшались религіею, которая выше философіи. Въ дряхлости тѣлесной бодрствуйте духомъ. Не даромъ глубокая старость называется *маститою*: бальзамъ ея не есть ли мудрость, растворенная любовію, озаренная вѣрою? Страданія облегчатся мыслію о скоромъ ихъ концѣ; счастливая пристань

*) Очевидно, что Новиковъ, всегда бывшій (какъ и большинство мартинистовъ) человѣкомъ что́ называется себѣ на умѣ, пожелалъ воспользоваться значеніемъ Карамзина при особѣ Государя для улучшенія своихъ дѣлъ: на немъ тяготѣли долги, и онъ не могъ оправиться отъ погрома 1792 года. П. Б.

уже близко. Тамъ, внѣ пространства и времени, узнаемъ, что̀ есть истинное наслажденіе! Но, пока мы здѣсь, поговоримъ еще о земномъ.

26 Апрѣля вамъ исполнится 72 года; въ этотъ день вспомните обо мнѣ и скажите себѣ, что я мысленно обнимаю васъ съ любовію.

Вы спрашиваете, не знаю ли кого изъ вельможъ *сострадательнаго и надежнаго*? Въ Петербургѣ одного человѣка называютъ *вельможею*: графа Аракчеева. Я видѣлъ его однажды, онъ васъ знаетъ по слуху съ хорошей стороны. Посылаю вамъ экземпляръ моихъ сочиненій. Одинъ пріятель взялъ у меня книгу о *таинствахъ креста* и еще не возвратилъ; буду ее требовать. Думаю ѣхать черезъ мѣсяцъ въ Петербургъ, чтобы печатать тамъ свою Исторію. Всякій день грущу о Москвѣ: можетъ быть, я оставлю въ ней спокойствіе; но да будетъ, что̀ угодно Всевышнему! *Желаю не желать* моего, кромѣ добра общаго.

Я и жена моя свидѣтельствуемъ наше душевное почтеніе милостивымъ государынямъ Натальѣ Ильинишнѣ, Вѣрѣ Николаевнѣ и достойному любезному старцу Семену Ивановичу *). Будьте по возможности здоровы и спокойны; не забывайте и любите преданнаго вамъ покорнѣйшаго Н. Карамзина. Катерина Андреевна особенно увѣряетъ васъ въ своемъ сердечномъ къ вамъ уваженіи.

II.

Москва, 3-го Мая 1816-го года.

Дружеское письмо ваше, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, нашло меня въ худомъ здоровьѣ: съ самаго возвращенія моего изъ Петербурга недомогаю и почти ничего не дѣлаю; отъ того мнѣ не весело, и меланхолія одѣваетъ меня своимъ крепомъ. Скажу вамъ немного словъ. Не стою за философію моихъ сочиненій: я началъ писать въ юношествѣ, а теперь мнѣ 49 лѣтъ; мысли перемѣняются, или измѣняются черезъ такое время. Я часто, держа перо въ рукѣ, думалъ о незабвенномъ Петровѣ, и такъ немудрено, что вы нашли портретъ его въ *моемъ* Филалетѣ. *Вашъ* Филалетъ глубокомысленнѣе. Охотно съ нимъ соглашаюсь, что познаніе истиннаго Бога есть важнѣйшая и лучшая изъ всѣхъ наукъ; но одинъ Богъ *знаетъ* Бога совершено. Довольно, кажется, есть ли мы узна̀емъ здѣсь сладость любви къ Нему съ полною *довѣренностію* къ Его премудрости. Разсужденія ваши о модахъ въ свѣтской философіи весьма справедливы. У насъ и теперь Библія въ модѣ; въ газетахъ, въ журналахъ говорятъ текстами Св. Писанія; но лучше ли стали люди? Не вижу того ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ; авось впредъ увидимъ.

---

*) Гамалею.

Прискорбно мнѣ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, что я не имѣю надежды заглянуть въ ваше уединеніе и побесѣдовать съ вами о нѣкоторыхъ статьяхъ вашего дружескаго письма. Есть ли буду здоровъ, то мы должны *немедленно* ѣхать въ Петербургъ или въ Царское Село, гдѣ мнѣ по Государеву приказанію уже отвели домикъ; останусь ли тамъ, или возвращусь сюда въ Августѣ, еще не знаю. Петербургская типографія требуетъ за напечатаніе моей Исторіи *втрое* противъ здѣшнихъ. Я намѣренъ продолжать ее; все прочее зависитъ отъ Бога.— Графъ Аракчеевъ въ разговорѣ со мною сказалъ, что онъ добраго объ васъ мнѣнія по слуху. Итакъ, можете въ случаѣ надобности отнестись къ нему. О характерѣ его не имѣю яснаго понятія; я видѣлся и говорилъ съ нимъ только однажды, разсказывая ему о своей жизни въ молодости, и упомянулъ о связи моей съ вами по М. *). Вотъ почему онъ изъявилъ это мнѣніе.

Итакъ, отъѣздъ нашъ зависитъ теперь отъ моего здоровья; можемъ выѣхать дней черезъ десять. Не вините меня, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, есть ли не успѣю съѣздить къ вамъ. Вѣрьте, что люблю васъ искренно. Если въ портретѣ моемъ не находите выраженія этой искренности, то онъ вѣрно не похожъ; я въ главномъ не перемѣнился.—Жена моя увѣряетъ васъ въ своемъ душевномъ почтеніи, также и любезную Вѣру Николаевну и милостивую государыню Наталью Ильинишну; у обѣихъ цѣлую руку, съ братскимъ чувствомъ обнимая васъ и почтеннаго Семена Ивановича. На вѣки преданный вамъ

Н. Карамзинъ.

НЕИЗДАННОЕ ОСМИСТИШІЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

(Передъ отъѣздомъ на Кавказъ).

Прощай, немытая Россія,
Страна рабовъ, страна господъ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, имъ преданный народъ.

*
* *

Быть можетъ, за стѣной Кавказа
Сокроюсь отъ твоихъ пашей,
Отъ ихъ всевидящаго глаза,
Отъ ихъ всеслышащихъ ушей.

(Записано со словъ поэта современникомъ).

---

*) Т. е. „Масонству“.

О КНИГѢ „БѢЛОРУССІЯ И ЛИТВА".

Изданная П. Н. Батюшковымъ книга подъ заглавіемъ: „Бѣлоруссія и Литва, историческія судьбы сѣверо-западнаго края" составляетъ третье сочиненіе въ ряду предпринятыхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, въ видахъ ознакомленія Русскихъ читателей съ прошлымъ сѣверо-западной и юго-западной окраинъ нашего отечества. Благодаря появленію этихъ книгъ, мы теперь имѣемъ правдивое, основанное на историческихъ документахъ и на сохранившихся вещественныхъ памятникахъ, изложеніе многовѣковой исторіи, а также вѣрную картину современнаго положенія этихъ исконно-Русскихъ областей, которыя заграничная печать XIX вѣка, а особенно пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, считала коренными Польскими и съ незапамятныхъ временъ будто входившими въ составъ Польскаго государства, позабывая только одно, что сами Поляки появляются въ сѣверо-западномъ краѣ не ранѣе XV вѣка.

Хотя документы, печатавшіеся археографическими коммиссіями (Петербургскою, Виленскою и Кіевскою), Виленскимъ учебнымъ округомъ, другими правительственными учрежденіями и частными лицами, наглядно показывали несостоятельность такого взгляда; но все это было только доступно и извѣстно небольшому кругу ученыхъ изслѣдователей, а масса, благодаря тенденціознымъ сочиненіямъ Польскихъ ученыхъ и западно-европейскихъ публицистовъ, нерѣдко пользовавшихся измышленными документами, а также благодаря горячимъ проповѣдямъ Польскаго духовенства, продолжала быть увѣренною, что наши окраины, вмѣстѣ съ Кіевомъ—матерью городовъ Русскихъ—составляютъ край, забранный Россіею отъ Польши.

Можно надѣяться, что напечатанный П. Н. Батюшковымъ трудъ, за который нельзя не принести ему искренней благодарности, установитъ трезвый взглядъ на отношенія сѣверо-западнаго края къ Россіи и Польшѣ.

Книга, о которой идетъ рѣчь, заключаетъ въ себѣ очеркъ исторіи Бѣлоруссіи и Литвы, этихъ—какъ справедливо замѣтилъ издатель—двухъ смежныхъ странъ, разнородныхъ по племени и языку, но одинаково тяготѣющихъ къ Россіи. Этотъ очеркъ составленъ двумя учеными профес-

сорами Кіевской духовной академіи Н. И. Петровымъ и И. И. Малышевскимъ. Въ сжатомъ, но тѣмъ не менѣе содержательномъ и живомъ разсказѣ изложены историческія судьбы сѣверо-западнаго края (заселеннаго разными вѣтвями Славяно-русскаго племени, сосѣдившимися съ Литвою и Ятвягами) отъ самыхъ древнѣйшихъ временъ до 1868 года включительно.

Почтенные авторы воспользовались всѣмъ печатнымъ, довольно богатымъ матеріаломъ, разсѣяннымъ въ многочисленныхъ изданіяхъ и статьяхъ, и единственно можно пожалѣть только о томъ, что они не имѣли въ своихъ рукахъ прекрасной статьи Ю. Крачковскаго, составляющей вступленіе къ XVI тому актовъ, издаваемыхъ Виленскою археографическою коммиссіею, который содержитъ въ себѣ до 300 документовъ, относящихся къ церковной уніи въ сѣверо-западномъ краѣ

Особенною полнотою и интересомъ отличаются тѣ главы, гдѣ излагается образованіе Литовско-Русскаго государства (въ составъ котораго вошли многія Русскія области) и, первое соединеніе Литвы съ Польшею при Ягайлѣ вслѣдствіе брака его съ Ядвигою, повліявшее на измѣненіе православно-русскаго направленія жизни въ государствѣ. Съ неменьшимъ интересомъ и болью въ сердцѣ читаются тѣ главы, въ которыхъ изложена печальная лѣтопись угнетенія и приниженія въ краѣ всего Русскаго и православнаго: если иногда дружныя усилія православныхъ отстоять свою народность и вѣру увѣнчивались минутнымъ успѣхомъ, то въ концѣ концовъ Польское правительство, по настоянію іезуитовъ, не медлило изданіемъ постановленій, имѣвшихъ цѣлію насильственно совращать православный народъ въ унію, а уніатовъ въ католицизмъ. Съ конца XVII вѣка начинается по истинѣ мартирологъ Русскаго народа въ сѣверо-западномъ краѣ: онъ ополячивался и измѣнялъ вѣрѣ предковъ; православные монастыры передавались базиліанамъ, а церкви, приходившія въ ветхость безъ поправокъ, сдавались съ торговъ въ аренду; однимъ словомъ является полнѣйшій погромъ православія, доходившій до того, что исповѣдывавшихъ Греко-россійскую вѣру травили собаками, а молиться въ церкви можно было съ разрѣшенія арендатора-Жида. Казалось, что православіе было уничтожено въ конецъ, но жизненная его сила восторжествовала. И вотъ съ конца XVII вѣка занимается заря освобожденія православныхъ людей отъ нестерпимаго гнета.

На основаніи договора о вѣчномъ мирѣ, заключеннаго въ 1686 году между Россіею и Польшею, была обезпечена для православныхъ, жившихъ въ сѣверо-западномъ краѣ, свобода вѣроисповѣданія и неприкосновенность четырехъ православныхъ епархій съ монастырями, и вмѣстѣ съ этимъ было предоставлено православнымъ епископамъ принимать рукоположеніе отъ Кіевскаго митрополита. Основываясь на этомъ договорѣ, Россія, начиная съ Петра Великаго, то ходатайствовала, то заступалась за единовѣрцевъ. Послѣ третьяго раздѣла Польши сѣверо-западный край возсоединился съ

Россіей, которая, какъ говорится въ книгѣ, почти достигла въ сѣверо-западной Руси и Литвѣ тѣхъ историческихъ границъ, какія были намѣчены и установлены св. равноапостольнымъ Владимиромъ. Эти области со временъ Екатерины II (имѣвшей въ виду образовать въ нихъ независимую Римско-католическую церковь), не смотря на всѣ препятствія, начинаютъ, мѣрами принимаемыми Русскимъ правительствомъ, сближаться и сливаться съ Россіей, хотя на протяженіи ста лѣтъ нерѣдко замѣчались въ правительственной власти колебаніе и ослабленіе. Великое дѣло возсоединенія уніатовъ съ православною церковью и другія мѣры, между которыми первое мѣсто занимаетъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, скрѣпили сѣверо-западную окраину съ Россіей. Да иначе и не могло быть: въ осьми-милліонномъ населеніи Сѣверо-западнаго края преобладающими племенами являются Русскіе (3.474.883) и Литовцы (2.295.300). Поляковъ, или точнѣе сказать ополяченныхъ Русскихъ и Литвиновъ, считается 744.410, Нѣмцевъ 149.020 и Евреевъ 1.200.522.

Къ сожалѣнію, на пути полнаго умиротворенія края значительною преградою является исповѣдуемая Поляками, Литвинами и Жмудянами Римско-католическая вѣра, которая въ рукахъ духовенства, не только ксензовъ, но и епископовъ, служитъ политическимъ орудіемъ, враждебнымъ мѣропріятіямъ правительства и наклоняющимъ жителей въ сторону Польши, все еще мечтающей о самостоятельности. Заключительныя слова книги многозначительны.

Они показываютъ, что для Русскаго правительства и Русскаго общества предстоитъ еще немало труда въ дѣлѣ окончательнаго умиротворенія края и упроченія въ немъ Русскихъ историческихъ началъ.

Таково вкратцѣ содержаніе книги, къ числу достоинствъ которой слѣдуетъ отнести господствующій въ ней спокойный, чуждый полемики тонъ. Здѣсь говорятъ историческіе факты, безъ всякой предвзятой окраски, и какъ-то чувствуется, что излагается правда, а не ложь. Можно было бы пожелать болѣе подробнаго изложенія событій за послѣднее время; но, быть можетъ, авторъ призналъ это неудобнымъ по многимъ причинамъ. Остается пожелать, чтобы этотъ прекрасный трудъ, отличающійся многими достоинствами, сталъ настольною и руководственною книгою для молодаго и стараго поколѣній, чтобы онъ содѣйствовалъ къ укрѣпленію въ жителяхъ сѣверо-западнаго края чувства любви къ общему отечеству и къ укорененію во всѣхъ слояхъ населенія той мысли, что этотъ край есть часть Россіи, а не Польши, и что чѣмъ тѣснѣе онъ будетъ сближаться съ Россіей, тѣмъ болѣе и болѣе должны и будутъ покрываться забвеніемъ прискорбные факты прошлаго.

Сто прекрасно исполненныхъ рисунковъ и гравюръ украшаютъ изданіе. Онѣ представляютъ изображенія священныхъ предметовъ, портреты лицъ, виды мѣстностей и зданій, снимки съ рукописей и разныхъ преметовъ.

Кромѣ того, въ началѣ главъ помѣщены заставки и заглавныя буквы, заимствованныя изъ древнихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ. Все это болѣе или менѣе способствуетъ усвоенію той исторической идеи, которая проходитъ чрезъ все сочиненіе. Въ концѣ книги приложены алфавитный указатель личныхъ именъ и карта губерній Виленской, Гродненской, Ковенской, Витебской, Могилевской и Минской, съ показаніемъ границъ Бѣлоруссіи и Литвы по картѣ, изданной въ 1662 году въ Geographia Blaviana.

Не могу не сказать нѣсколько словъ о хранящемся въ Кіевскомъ музеѣ церковныхъ древностей крестѣ, которымъ будто бы преподобный Сергій благословилъ великаго князя Димитрія Іоанновича на борьбу съ Мамаемъ. По надписи, исполненной въ XVII вѣкѣ, при отсутствіи другихъ положительныхъ данныхъ, едва ли можно считать этотъ крестъ подлиннымъ, и весьма жаль, что изображеніе его нашло мѣсто въ книгѣ.

Всѣ приложенные къ сочиненію рисунки сопровождаются небольшими, но отчетливыми объясненіями, написанными М. И. Городецкимъ, за исключеніемъ трехъ, принадлежащихъ перу профессора Малышевскаго, именно біографій Богдана-Ѳеодора Стеткевича-Заверскаго и Засона-Юноши Смогоржевскаго и описанія развалинъ Новогрудскаго замка. Многія изъ этихъ объясненій сообщаютъ новыя или малоизвѣстныя данныя, что̀ придаетъ имъ особенное значеніе. Къ тексту приложено 649 примѣчаній и ссылокъ, наглядно показывающихъ источники, изъ которыхъ были почерпаемы свѣдѣнія.

Въ этихъ примѣчаніяхъ, между прочимъ, находится заимствованное изъ разныхъ документовъ перечисленіе православныхъ монастырей и церквей, находившихся въ краѣ, что́ является очевиднымъ и неопровержимымъ свидѣтельствомъ не только распространенія, но и господства православной вѣры въ сѣверо-западномъ краѣ.

А. Бычковъ.

(Помѣщено въ 51-мъ томѣ Сборника Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ).

ВРАЧЪ В. Г. ГЕОРГІЕВСКІЙ.

Во 2-й книжкѣ „Русскаго Архива“ за 1888 г., въ воспоминаніяхъ г-жи Раевской, „Въ память немногихъ“ *), есть разсказъ, характеризующій одного провинціальнаго врача прежнихъ временъ, Василья Сергѣевича Георгіевскаго, практиковавшаго въ г. Зарайскѣ (Рязанской губ.). Память объ этомъ замѣчательномъ врачѣ до сихъ поръ сохраняется среди старожиловъ Зарайска; а на Зарайскомъ кладбищѣ, за алтаремъ кладбищенской церкви, находится памятникъ чернаго мрамора, поставленный надъ прахомъ Георгіевскаго. Памятникъ немало потерпѣлъ отъ времени, но надпись на немъ совершенно сохранилась. Надпись эта свидѣтельствуетъ о тѣхъ заслугахъ, которыя В. С. Георгіевскій оказалъ Зарайску и за которыя все общество Зарайска осталось ему благодарнымъ.

На одной сторонѣ камня значится: „*Подъ симъ камнемъ погребено тѣло штабъ-лекаря, коллежскаго ассессора Василья Сергѣевича Георгіевскаго, род. 1778 года, Декабря 25, скончавшагося 1837 года, Октября 17, на 60 году отъ рожденія*“. На другой сторонѣ: „*Покойся въ мирѣ, другъ человѣчества*“. И наконецъ на третьей сторонѣ написано: „*Незабвенному благотворителю страждущаго человѣчества признательное дворянство и общество Зарайска, благоговѣя къ его священной памяти*“.

Къ сожалѣнію, нигдѣ, кромѣ воспоминаній г-жи Раевской, мы не встрѣчали разсказовъ въ печати про этого „геніальнаго“, какъ его называетъ г-жа Раевская, врача. Въ дѣтствѣ намъ случалось слышать про его леченіе и оригинальные пріемы; но все это ускользнуло изъ современной памяти.

Внукъ В. С. Георгіевскаго служитъ въ настоящее время городовымъ врачемъ въ г. Зарайскѣ.

(Сообщилъ А. Ярцевъ).

---

*) Кстати исправимъ двѣ ошибки г-жи Раевской. 1) Удѣльнаго Зарайскаго князя, во времена нашествія Батыя, звали не Михаиломъ, а Ѳедоромъ (сынъ Юрія Рязанскаго). Исторія Гос. Росс. Карамзина, т. III, прим. 357.—2) Кресты надъ могилами князей не современные имъ, а поставлены стольникомъ княземъ Гагаринымъ, какъ видно изъ надписи, въ 1665 году.

16 Іюля, Воскресенье. Я познакомился со всѣми почти пріѣзжими больными и нашелъ, что они, за весьма немногими исключеніями, всѣ, слава Богу, здоровы и кромѣ того необыкновенно любезны и привѣтливы. Графъ Григорій Ивановичъ Чернышовъ, старикъ князь Иванъ Сергѣевичъ Гагаринъ, Иванъ Петровичъ Тургеневъ, отецъ нашихъ студентовъ, умные, ученые и добрые люди; Николай Петровичъ Архаровъ, бывшій нѣкогда Московскимъ губернаторомъ или оберъ-полиціймейстеромъ, право, не знаю, cordon bleu *), родной братъ Ивану Петровичу, добродушному и ласковому моему патрону. Камергеръ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, прожившій въ продолженіе весьма короткаго времени 40 тыс душъ и въ слѣдствіе того уступившій жену свою графу Разумовскому и теперь живущій небольшимъ пенсіономъ, который производятъ ему племянники его, князья Гагарины, очень образованный, любезный и веселый человѣкъ. Генералъ Яковъ Петровичъ Лабатъ-де-Вивансъ, бывшій при покойномъ императорѣ кастеланомъ Михайловскаго замка, старинный Гасконскій дворянинъ, семидесятилѣтній юноша, съ премилыми, добродушными и говорливыми дочерьми, охотницами до споровъ и, что̀ удивительно, до возраженій. Н. Н. Сандуновъ съ женою красавицею. Изъ молодыхъ же людей, пріѣхавшихъ лѣчиться отъ здоровья, находятся твои знакомцы: князь С. Г. Щербатовъ, А. В. Новосильцовъ, И. Д. Нарышкинъ, Зо̀товъ и много другихъ.

Директоромъ водъ Ив. Ник. Новосильцовъ, родной братъ статсъ-секретаря государева, Николая Николаевича, добрый и привѣтливый человѣкъ. Петербургскій докторъ А. А. Альбини, любимѣйшій ученикъ знаменитаго Франка, находящагося теперь въ качествѣ лейбъ-медика при Государѣ, состоитъ оффиціальнымъ при водахъ врачемъ. Жена его, дочь извѣстнаго въ Петербургѣ медика Эллизена, необыкновенная красавица. Что я говорю, красавица! Нѣтъ, существо неземное, какая-то гурія, пери!

Все общество по утрамъ собирается въ галлерею, устроенную при источникѣ. Здѣсь условливаются объ обѣдахъ, вечеринкахъ и другихъ parties de plaisir; садъ вокругъ галлереи только что начинаетъ разводиться. Со временемъ мѣсто можетъ быть прекрасное; но и теперь Липецка, въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ онъ былъ за пять лѣтъ назадъ, узнать нельзя. Городъ возрастаетъ и возрастаетъ не по днямъ, а по часамъ.

---

*) Голубая лента.

Много встрѣтилъ я) такихъ знакомыхъ, которые знали меня въ ребячествѣ, и между прочимъ стараго городничаго Петра Тим. Бурцова, живущаго теперь лѣтъ 10 на покоѣ, отличнаго человѣка, у котораго дочери такія неблагообразныя, но за то добрыя и премилыя. Старикъ огорченъ поведеніемъ единственнаго сына, гусарскаго поручика *), добраго будто бы малаго, но величайшаго гуляки и самаго отчаяннаго забулдыги изъ всѣхъ гусарскихъ поручиковъ. Встрѣтилъ также и добраго Ив. Ник. Лодыгина, прекраснаго человѣка на всякое дѣло и бездѣлье. Съ нимъ неразлучно воспоминаніе о родномъ дядѣ его Петрѣ Лукичѣ Вельяминовѣ, другѣ Николая Александровича Львова и Алексѣя Николаевича Оленина, одномъ изъ ближайшихъ по сердцу людей Г. Р. Державина. Въ посланіи своемъ къ Музѣ, исполненномъ очаровательной меланхоліи, не смотря на жесткость нѣкоторыхъ стиховъ, пѣвецъ Фелицы называетъ его любителемъ Музъ и оплакиваетъ его отсутствіе въ числѣ четырехъ друзей своихъ:

. . . . „Гдѣ Хариты?
И друзей моихъ ужъ нѣтъ:
Львовъ, Хемницеръ въ гробѣ скрыты,
За Днѣпромъ Капнистъ живетъ;
Вельяминовъ, Музъ любитель,
Согнутъ горестьми въ дугу, и проч.

Наконецъ, увидѣлъ я и еще стараго знакомца и баловника моего Ив. Егор. Штейна. Онъ по прежнему здѣсь лѣсничимъ, по прежнему добрякъ, по прежнему не выпускаетъ изо рта трубки, по прежнему воображаетъ себя великимъ знатокомъ въ музыкѣ и теперь безпрерывно у насъ и впился въ Димлера. Обязательный человѣкъ! Узнавъ, что у меня нѣтъ охотничьей подружейной собаки, онъ тотчасъ же подарилъ меня двумя преогромными Польскими лягавыми псами, которымъ кличка: Дуракъ № 2 и Дуракъ № 3. Дуракъ № 1 у него завѣтный. Я не утерпѣлъ и въ тотъ же день попробовалъ ихъ въ полѣ. Эти дураки умнѣе многихъ умныхъ: послушны, вѣжливы, плаваютъ какъ рыба, и чутье диковинное. Добротою своею они напоминаютъ мнѣ моего Трезора. Здѣсь не понимаютъ, какъ рѣшился Иванъ Егоровичъ подарить мнѣ такихъ собакъ, отъ которыхъ даже и щенка никто у него допроситься не могъ, и не знаютъ, чему приписать такое великодушное пожертвованіе.

18 Іюля, Вторникъ. Между тѣмъ какъ все общество, прогуливаясь по галлереѣ и около источника, наполняло желудки свои вонючею

---

*) Тотъ самый, къ которому Денисъ Давыдовъ написалъ извѣстное посланіе: Бурцовъ ёра, забіяка и проч.—Алексѣй Петровичъ Бурцовъ † 1813 въ Брестѣ Литовскомъ. П. Б.

влагою, большею частію съ парнымъ молокомъ, Н. Н. Сандуновъ подсадилъ меня къ себѣ, чтобы потолковать о литературѣ, стихахъ и прозѣ, о поэтахъ и прозаикахъ. Я всегда полагалъ, что Н. Н., не смотря на свое юридическое призваніе, любитъ литературу и особенно театральную, чему доказательствомъ служатъ его разныя піесы, которыя мы разыгрывали на пансіонскомъ театрѣ, не говоря уже о капитальномъ переводѣ Шиллеровыхъ «Разбойниковъ», но никогда не думалъ, чтобы онъ самъ былъ стихотворцемъ. Онъ прочиталъ мнѣ свою пѣсню подъ названіемъ *Денежный Мѣшокъ*. Стихи нехороши, и сверхъ того есть куплеты de très mauvais genre, напр.:

Чернобровы, бѣлокуры
Не откажутъ ни одна;
Деньги не клюютъ лишь куры,
А любовь до нихъ жадна, и пр.

Но со всѣмъ тѣмъ сенатскій оберъ-секретарь-поэтъ есть явленіе замѣчательное и отрадное. Говорятъ, что при покойной Императрицѣ въ числѣ оберъ-секретарей было много литераторовъ, и между прочими *Иванъ Хмѣльницкій*, издавшій *Зримый Свѣтъ въ лицахъ*, книгу съ картинами, составлявшую отраду дѣтей отъ 7 до 10-лѣтняго возраста и мою, и *Ѳедоръ Эминъ*, авторъ комедіи *Знатоки*, въ которой такъ смѣшонъ астрономъ, открывшій новое созвѣздіе *Собака* и такъ логически и важно отвѣчающій тѣмъ, которые сомнѣваются въ его открытіи:

Коль есть въ планетахъ Раки,
Такъ почемужъ не быть тамъ и моей Собакѣ?

У источника я познакомился съ однимъ израненнымъ или, вѣрнѣе, изрубленнымъ въ котлету, маіоромъ Ф. А. Евреиновымъ, страстнымъ охотникомъ до книгъ и литературы, но литературы отсталой, т.-е. семидесятыхъ годовъ. Онъ бредитъ Волтеромъ, Дидротомъ, Гельвеціемъ и прочими энциклопедистами и внѣ ихъ сочиненій не находитъ ничего заслуживающаго вниманія и уваженія. Пресмѣшной! Я часто пробовалъ разувѣрять его на счетъ этихъ философовъ, которыхъ сочиненія никогда не наполняютъ такъ души и не утѣшаютъ сердца, какъ задушевныя стихотворенія Шиллера и многихъ другихъ авторовъ. Куда тебѣ! Глаза нальются кровью, пѣна у рта, не даетъ слово выговорить. —Да читали вы что-нибудь, кромѣ вашихъ фаворитныхъ писателей?—Не читалъ, и читать не хочу и не буду! Изволь съ нимъ спорить!

Нельзя довольно налюбоваться милою докторшею. Ч҄то это за прелестная женщина, простая, веселая, безъ всякаго жеманства! Она бы-

ваетъ ежедневно у насъ, и мужъ очень доволенъ, что она подружилась съ нашимъ семействомъ и остается у насъ иногда по цѣлымъ днямъ, потому что ей нескучно; а можетъ быть онъ и радъ прятать свое сокровище подъ крыло матушки. Чужая душа—потемки!

20 Іюля, Четвергъ. Я рѣшительно въ восторгѣ отъ своихъ Дураковъ: это команда конечно не слишкомъ вострая и проворная, но умная, терпѣливая и вѣрная. Если они уже разъ почуяли что-нибудь, то слѣдуйте за ними смѣло: они приведутъ васъ прямо къ птицѣ и стоятъ на мѣстѣ, какъ вкопаные. Честь и слава утѣшителю моему Ивану Егоровичу! Отецъ по просьбѣ матери подарилъ ему славнаго верховаго Донца, въ которомъ онъ нуждался: не хотѣлъ брать, насилу упросили. Чтобы дать тебѣ понятіе о изобиліи дичи въ здѣшнихъ окрестностяхъ, скажу только одно, что вчера въ два ружья съ охотникомъ Павломъ, котораго ты знаешь, мы убили болѣе 15 паръ разнородной дичи, не считая тѣхъ частыхъ пуделей, которыя я давалъ къ великому изумленію и неудовольствію дурацкой моей компаніи. Сверхъ того, какая пріятная охота! Нѣтъ мокрыхъ трясинныхъ болотъ, по берегамъ огромнаго озера растутъ камышъ и осока, удобно подкрадываться подъ птицу; рѣка, кусты и вокругъ зелень и ковыль. Всякую птицу найдешь, большую и малую: отъ кряквы до чирка, отъ кроншнепа до гаршнепа. Дорожные спутники мои не ѣздятъ со мною на охоту, говоря, что имъ и безъ того весело и что они не хотятъ сами *париться* и *жариться*, а довольны тѣмъ, что по моей милости для нихъ *напарятъ* и *нажарятъ*.

Завтра графъ Чернышовъ даетъ un goûter dansant въ галлереѣ для всей Липецкой публики, пьющей и непьющей. Мнѣ кажется, это одинъ изъ самыхъ любезныхъ людей въ свѣтѣ, умный, острый, привѣтливый; а какъ образованъ, какой даръ слова! Надобно видѣть, какъ занимаются своимъ туалетомъ мѣстныя красавицы. Monsieur Lebourg, красноносый, плутоватый Французъ, продалъ почти всѣ свои модные товары, а сверхъ того спустилъ содержателю галлерейнаго буфета *Пріори* для графскаго goûter рублей на 300 разныхъ винъ, которыхъ у графа не случилось. Столъ заказанъ ему на 100 человѣкъ; но на столько персонъ у него не достанетъ серебра, которое пополнится присылкою изъ разныхъ домовъ.

Здѣсь находится, для сбора на какой-то монастырь, одинъ іеромонахъ, отецъ *Павлинъ*, человѣкъ весьма замѣчательный. Отъ роду ему должно быть лѣтъ 35; но какой умъ, какой мастеръ говорить, какое приличіе во всѣхъ движеніяхъ и поступкахъ, и ко всему этому совершенный красавецъ. Онъ конечно стоялъ бы высоко въ своемъ званіи,

еслибъ былъ изъ ученыхъ, т.-е. схоластикъ; впрочемъ знаній практическихъ онъ имѣетъ слишкомъ достаточно. Есть и еще собиратель, но совершенно въ другомъ родѣ: этотъ еще не монахъ и почитаетъ себя недостойнымъ этого званія. Онъ по временамъ находится какъ будто въ какомъ-то изступленіи и нерѣдко предрекаетъ многимъ будущее. На дняхъ онъ сказалъ что-то матушкѣ, которая очень уважаетъ его.

23 Іюля, Воскресенье. Графскій goûter dansant былъ чудесный: безъ всякихъ затѣй, изобильный, веселый. Ѣли, пили и танцовали съ 5 часовъ до 12; протанцовали бы и всю ночь, еслибы не запрещали того правила, учрежденныя для больныхъ. Нѣмцы мои не сходили съ паркету, и особенно Германо-руссъ Nemo вальсировалъ безъ устали. Я такъ увлекся общею веселостію, что, не смотря на мою неловкость, нѣсколько разъ вальсировалъ съ мад. Альбини, которая танцовать любитъ. Что̀ это за женщина! Прелесть. Добрѣйшія demoiselles Labatte, которыя съ нею давно знакомы, потому что отецъ ея Эллизенъ былъ у нихъ домашнимъ врачемъ, сказывали, что она прежде не была такъ хороша, но что теперь такъ прелестна, что другой подобной онѣ не знаютъ. Сегодня мы ѣдемъ всѣ прогуливаться верхами.

Когда гости усѣлись за столомъ, распорядитель праздника *Пріори* сдѣлалъ имъ сюрпризъ: съ полнымъ оркестромъ, принадлежащимъ помѣщику Дехтереву [1]), онъ въ качествѣ Итальянца, supposé toujours chanteur, пропѣлъ или, вѣрнѣе, проревѣлъ арію изъ оперы Cantatrice Villane, въ Русскомъ переводѣ. Ну ужъ арія!

Всѣ женщины—Сирены,
Страхъ любятъ перемѣны!
Молоденьки дѣвицы,
Замужни и вдовицы,
Всѣ на одинъ покрой—
И мужъ глаза закрой!
Мужья, не горячитесь;
А если взбѣленитесь,
Въ ревнивцы посвятятъ;
А тамъ не горячитесь....
Рога то возвѣстятъ!

Я думалъ, что это переводъ нашего обыденнаго общества, а вышло напротивъ: Н. Н. Сандуновъ сказывалъ, что это переводъ нашего почтеннаго А. Ѳ. Мерзлякова, сдѣланный за деньги по заказу Смоленскаго ген.-губернатора С. С. Апраксина, у котораго есть домашняя опера и будто бы отличный доморощенный буфъ, Иванъ Гавриловичъ

[1]) Единственная дочь этого Дехтерева (въ царствованіе Елисаветы служившаго при посольствѣ во Франціи и тамъ женившагося) вышла за упоминаемаго выше И. Е. Штейна. П. Б.

Гульневъ, ученикъ капельмейстера Моріани. Попался же Алексѣй Өедоровичъ! Теперь есть средство отмстить ему за насмѣшки его надъ нами съ Петромъ Ивановичемъ. Эта арія такъ похожа на романсъ Бородулина:

Всѣ женщины—метресы
Престрашныя тигресы;
На нихъ мы тигры сами
Съ предлинными усами.

что̀, кажется, вылилось изъ одного пера.

Я, кажется, писалъ къ тебѣ о всемъ и о всѣхъ, а забылъ упомянуть объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ персонажей: эта особа есть секретарь директора, тит. совѣтн. И. К. Киселевъ, ростомъ съ версту, имѣющій притязаніе на любезность, bon ton и политическое значеніе, а впрочемъ предобрѣйшій малый. Мы часто подслушиваемъ его въ объясненіяхъ съ дамами, но третьяго дня напали на такія выходки, что изъ рукъ вонъ. Напр.: одна довольно полная дама жаловалась на духоту, и онъ говоритъ ей: Вамъ жарко,—каково же мнѣ? Вы согрѣваетесь однимъ солнцемъ, а я (глубокій вздохъ) двумя!—Другая, изъ туземокъ, также плотная, объявляетъ, что больше танцовать не станетъ, потому что очень устала, и онъ умильно возражаетъ: Не вѣрю, Сильфиды не устаютъ! Наконецъ совсѣмъ зарапортовался: подсѣвъ къ премилой княжнѣ Катеринѣ Гагариной, у которой буквально *пре-красные*, т.-е. прерыжіе волосы, хотя впрочемъ длинные, густые и вьющіеся, онъ началъ восхищаться цвѣтомъ ея лица, выхваляя его бѣлизну, нѣжность и проч. Та все молчала и только улыбалась; но когда отпустилъ онъ слѣдующую фразу: «вы точно лилія, окруженная золотымъ, лучезарнымъ сіяніемъ!» бѣдная не выдержала. «Ахъ, Иванъ Кузмичъ, вскричала она, не можете представить себѣ, какъ вы намъ всѣмъ надоѣли! и ушла отъ докучнаго кавалера.

Давича послѣ обѣдни, которую отправляли въ придѣлѣ собора, потому что въ главномъ храмѣ ставятъ иконостасъ, я зашелъ посмотрѣть на работы и познакомился съ живописцемъ Трофимомъ Өедоровичемъ Дурновымъ, которому онѣ поручены и который самъ писалъ всѣ образа. Вотъ оригиналъ. Онъ учился долго въ Академіи Художествъ и женился на своей натурщицѣ. Съ роду не видывалъ такого бахвала, хотя и знаю многихъ *псовыхъ охотниковъ*. Онъ показывалъ мнѣ запрестольный образъ Снятія со Креста, разумѣется, скопированный съ какой-нибудь гравюры, и восхищался имъ удивительно забавно. Счелъ ли онъ меня какимъ-либо невѣждою въ живописи или въ самомъ

дѣлѣ убѣжденъ въ своемъ превосходствѣ, только утверждалъ преважно, что «Рубенсъ мазилка, а Каррачи, также писавшій Снятіе со Креста, въ ученики ему не годится». Я слушалъ разиня ротъ, не зная, что̀ отвѣчать ему; однакоже осмѣлился спросить: А что̀ вы скажете о Рафаелѣ?—Ну, Рафаель—отвѣчалъ онъ съ миною знатока — конечно живописецъ хорошій: иной разъ пишетъ хоть бы и нашему брату! Ахъ, Господи! Я полагалъ, что этотъ Д. пьяница или сумасшедшій; ни того, ни другаго: рѣшительно ничего хмѣльнаго въ ротъ не беретъ, примѣрной акуратности и самый попечительный отецъ семейства. Послѣ поставки иконостаса онъ ѣдетъ опять въ Петербургъ писать картину на званіе, будто бы, профессора. Если буду въ Петербургѣ, непремѣнно отыщу чудака: это сущее золото!

25 Іюля, Вторникъ. Вчера утромъ съ часъ сидѣлъ я у Н. П. Архарова. Я виноватъ передъ нимъ: онъ не такъ угрюмъ, какъ первый разъ мнѣ показался; напротивъ, довольно разговорчивъ и сообщителенъ. Сколько разъ я давалъ себѣ слово не поддаваться первому впечатлѣнію—и всегда попадалъ въ просакъ! Старикъ много видѣлъ и испыталъ въ жизни, бесѣда съ нимъ любопытна и поучительна. У него собралось человѣкъ пять посѣтителей, и онъ много разсказывалъ намъ анекдотовъ о себѣ и прежнихъ вельможахъ: о великолѣпіи, которымъ они себя окружали, о благодѣтельныхъ распоряженіяхъ правительства касательно эмигрантовъ во время Фр. революціи, и вспомоществованіяхъ, которыя имъ дѣлали; о способахъ, какіе употреблялись къ прекращенію необыкновеннаго распространенія фальшивыхъ ассигнацій и проч., и проч. «Но знаешь ли ты—спросилъ онъ меня—исторію твоего дѣда съ отцовской стороны? Если не знаешь, такъ я когда-нибудь тебѣ ее разскажу; а теперь покамѣстъ будетъ съ тебя и одного анекдота». Тутъ онъ разсказалъ намъ, какъ, по увольненіи графа Румянцова отъ командованія арміею, дѣдъ мой, который былъ однимъ изъ любимѣйшихъ его полковыхъ командировъ, попалъ въ немилость князя Потемкина и по сему случаю опредѣленъ Вятскимъ губернаторомъ; а чтобы не было ему *скучно*, то и трое дѣтей его помѣщены въ Вятскую же губернію, на разныя мѣста, и въ томъ числѣ отецъ мой опредѣленъ совѣтникомъ Казенной Палаты (Хороша немилость!). Недѣли черезъ двѣ по прибытіи дѣда на губернаторство въ Вятку, онъ какъ-то случайно узналъ, что у одного изъ богатѣйшихъ тамошнихъ купцовъ умерла жена, замучившись родами, но что смертныхъ признаковъ нѣтъ, и тѣло, не смотря на лѣтнее довольно жаркое время, оставалось невредимымъ; а между тѣмъ церковно-служители и всѣ тѣ, коимъ назначалась большая сумма денегъ въ раздачу на поминаніе и подаяніе,

спѣшили пышными похоронами. Дѣдъ послалъ лѣкаря развѣдать о томъ подъ рукою и осмотрѣть тѣло; но лѣкарь явился къ осмотру вооруженный анатомическимъ ножемъ, какъ-будто бы имѣлъ приказаніе анатомировать тѣло. Всѣ знаютъ отвращеніе нашего Русскаго народа отъ этой операціи, и потому лѣкаря одарили, съ тѣмъ, чтобы онъ удостовѣрилъ въ дѣйствительной смерти усопшей. Онъ такъ и сдѣлалъ, и потому умершую отнесли въ церковь, отпѣли, заколотили гробъ, вынесли и хотѣли уже опускать въ могилу, какъ вдругъ является дѣдушка со свитою, приказываетъ немедленно вытащить гробъ и отколотить его; самъ, къ ужасу предстоящихъ, вскрываетъ крышу, снимаетъ покрывало, вглядывается въ лицо умершей и, призвавъ всѣхъ медиковъ и лѣкарей, какихъ только могли отыскать въ городѣ, объявляетъ имъ рѣшительно, что если они не оживятъ умершей, то онъ того лѣкаря, который посланъ былъ отъ него для осмотра тѣла, какъ убійцу, самого закопаетъ въ могилу, а прочихъ велитъ судить, какъ соучастниковъ въ убійствѣ; и вмѣстѣ съ тѣмъ приказываетъ городничему приставить къ нимъ караулъ и не давать имъ ни пить, ни ѣсть, покамѣстъ они не воскресятъ умершей.—«Чтó же ты думаешь—заключилъ Николай Петровичъ—вѣдь умершая-то ожила, разрѣшилась мертвымъ младенцемъ! Но съ тѣхъ поръ дѣду твоему житья не было. Кто бы въ губерніи ни умеръ, а къ нему гонецъ съ просьбою отъ родныхъ умершаго: прикажите лѣкарямъ оживить покойнаго! Кто проситъ о родителяхъ, кто о дѣтяхъ; не случалось только, чтобы мужья просили о воскрешеніи женъ своихъ, а чтó всего страннѣе, что отказъ твоего дѣда не считали отказомъ по невозможности исполненія, но по нежеланію. Съ тѣмъ онъ и вышелъ въ отставку, что не могъ разубѣдить въ своемъ всемогуществѣ.—Да къ стати: знаешь ли, чтó за человѣкъ былъ прадѣдъ твой Абрамъ Ивановичъ Спѣшневъ, котораго Данковское имѣніе теперь принадлежитъ твоей матери и о которомъ вѣроятно она тебѣ сказывала? Онъ былъ отставной маіоръ и добился этого чина, отъ роду никогда не выѣзжая за межу своего села Ивановскаго, въ которомъ и умеръ, имѣя болѣе 80 лѣтъ отъ роду. Добрый и честный былъ человѣкъ, но такой чудило, какихъ теперь и въ Англіи, родинѣ чудаковъ по преимуществу, болѣе не сыщешь. У него была, вопервыхъ, страсть крестить дѣтей, которыхъ для того свозили къ нему десятками изъ сосѣднихъ городовъ и всѣхъ окружныхъ селеній, потому что онъ былъ довольно щедръ на дары своимъ крестникамъ: давалъ по рублю денегъ и снабжалъ ризками. Въ особенности же любилъ быть воспріемникомъ у духовныхъ лицъ и каждому крестнику изъ этого званія жаловалъ на зубокъ по полудесятинѣ земли, такъ что, при кончинѣ его, вся дача вашего села Ивановскаго, какъ

слышалъ я, изрѣзана была на сотни участковъ. Къ счастію, все это по тогдашнему дѣлалось на словахъ, и бабка твоя, войдя послѣ него въ наслѣдство, оставила землю за собою, а владѣльцевъ вознаградила небольшими деньгами. Но главное-то заключалось въ томъ, что онъ въ уѣздѣ всѣхъ перероднилъ между собою до такой степени, что, лѣтъ 25 спустя послѣ его смерти, не находилось женихамъ невѣстъ и невѣстамъ жениховъ. Другую страсть имѣлъ онъ къ голубямъ и *бѣлымъ* иноходцамъ (на которыхъ однакожъ никогда не ѣзжалъ), и по сему случаю разсказывали объ немъ преуморительные анекдоты. Напр., конюхи и голубятники его, состоявшіе изъ самой продувной дворни, зная простодушіе своего барина, не пропускали ни одного праздничнаго дня, чтобы не выманить у него или вина, или молока, или пшеничной муки и проч., подъ предлогомъ, что все это нужно для его фаворитныхъ животныхъ. «Прикажите отпустить вина.—А на что, братцы?—«Да надобно вспрыснуть голубей: что-то запечалились, летать не станутъ». И отказа не было.—«Прикажите отпустить ведра два молока».—А на что столько?—«Да надобно вымыть иноходца».—А воды-то въ Вязовкѣ мало?—«Да нельзя, кормилецъ: иноходецъ бѣлый, такъ водой замараешь.»—Такъ бы и сказали: инъ возьмите.

У Фердинанда Литхенса завелись шуры-муры: онъ нашелъ себѣ здѣсь Луизу, которой онъ очень нравится, и распиваетъ съ нею лимонадъ, разумѣется, безъ яду, отпуская преуморительныя тирады; а *Нето* прикомандировался къ сестрамъ. Онѣ не разстаются съ нимъ и дѣлаютъ изъ него, что̀ хотятъ: выводятъ ему усы, водятъ его въ бумажномъ колпакѣ, одѣваютъ въ женское платье, а намедни заставили его на конюшенномъ козлѣ ѣздить верхомъ по двору. Все это исполняетъ онъ съ удовольствіемъ и совершенно счастливъ. Я продолжаю охотиться, только по вечерамъ, когда спадетъ жаръ; утра же провожу въ галлереѣ, или у кого-нибудь изъ знакомыхъ. Время летитъ быстро, непримѣтно: того и гляди, что меня скоро выпроводятъ отсюда. Но покамѣстъ я здѣсь, не хочу и думать о грустной минутѣ отъѣзда. Мнѣ приходитъ иногда желаніе съѣздить въ Задонскъ, который такъ близко отсюда; что-то неизвѣстное тянетъ меня поклониться гробу преосвященнаго Тихона, искренняго друга покойныхъ моихъ дѣда и бабки и настоящаго уврачевателя сердечныхъ и душевныхъ ихъ скорбей и болѣзней. Мнѣ сто̀итъ только заикнуться о томъ матушкѣ, такъ она сама не дастъ мнѣ покоя и будетъ торопить отъѣздомъ, а между тѣмъ не хочется оставить и Липецкъ. Впрочемъ на поѣздку нужно не болѣе двухъ сутокъ. Vogue la galère *)!

---

*) Плыви ладья! (т. е. пусть будетъ что̀ будетъ).

1 Августа, Вторникъ. Пелеринажъ свой кончилъ я въ трое сутокъ и чрезвычайно имъ доволенъ, несмотря на нестерпимый жаръ и ужасную пыль, которые меня сопровождали во всю дорогу. Какъ человѣку бываетъ легко, когда онъ исполнитъ обязанность, принятую имъ на себя волею или неволею: точно душа изъ-за заперти выпускается на волю.

Во время трехсуточнаго отсутствія моего въ здѣшнемъ обществѣ не произошло никакого измѣненія, и новаго ничего нѣтъ, кромѣ того, что И. К., наконецъ, короче узнали, и теперь ни барыни, ни барышни не бѣгаютъ уже отъ его комплиментовъ, а напротивъ напрашиваются на нихъ. Послѣ *лучезарнаго сіянія*, которымъ потчивалъ онъ княжну Гагарину, иначе и быть не могло: les sots sont ici bas pour nos menus plaisirs [1]), говоритъ графъ Gresset-Чернышовъ. Только воля ихъ, а мой Трофимъ Ѳедоровичъ, серьезно убѣжденный и еще серьознѣе убѣждающій, что *Рафаель живописецъ хоть бы ему подъ стать*, стоитъ десятка Ивановъ Кузьмичей. Я, наконецъ, залучилъ къ себѣ этого Т. Ѳ. и нахожу, что внѣ круга своего искусства онъ очень неглупый и дѣльный человѣкъ. Къ сожалѣнію онъ почти не выходитъ изъ этого круга; теперь началъ говорить, что какой-то новый живописецъ Егоровъ, недавно возвратившійся изъ чужихъ краевъ, можетъ быть со временемъ замѣнитъ его.

Ну не примилые ли люди эти всѣ Л., и старикъ со старухою, и добрыя болтливыя его дочери? Какъ-то услышали отъ матушки, съ которою крѣпко подружились, что ей бы хотѣлось записать меня въ Иностранную Коллегію, они тотчасъ же поручили зятю своему Ивану Петровичу Эйнбродту, лейбъ-хирургу императрицы Маріи Ѳеодоровны, чтобы немедленно хлопоталъ объ опредѣленіи меня въ Коллегію; и сегодня, когда я пришелъ благодарить ихъ и объявилъ, что я еще не уволенъ изъ университета и не имѣю аттестата, то они мнѣ сказали, «что это ничего не значитъ; что пусть Э. все подготовитъ, et quand «vous recevrez vos papiers, vous viendrez à Pétersbourg tout droit chez «nous et vous serez inscrit au Collège dans l'espace de 8 jours [2]). Альбини утверждаетъ, что Э. легко это сдѣлать, но что и онъ съ своей стороны желалъ бы оказать мнѣ услугу, и для этого предлагаетъ по полученіи мною въ будущемъ Мартѣ университетскаго аттестата прислать его съ другими нужными бумагами прямо къ нему; что онъ уже

[1]) Дураки предназначены здѣсь для нашихъ мелкихъ удовольствій.

[2]) И когда вы получите свои бумаги, пріѣдете въ Петербургъ прямо къ намъ и будете черезъ 8 дней записаны въ Коллегію.

отдастъ ихъ Э. и вмѣстѣ съ нимъ похлопочетъ, чтобы меня опредѣлили въ службу заглазно. А за тѣмъ вотъ что говоритъ онъ: Et comme à la fin du mois d'Avril je devrai probablement revenir à Lipetzk, alors ne serait-il pas possible d'arranger les choses de manière que vous puissiez partir pour Pétersbourg ensemble avec moi après la saison des eaux; car je serai enchanté d'être votre cicerone dans une ville que vous ne connoissez pas encore et de vous faciliter les moyens de faire des bonnes connoissances*). Боже мой, да это такое счастливое стеченіе обстоятельствъ, котораго я никогда не смѣлъ надѣяться и за которое не знаю какъ благодарить Провидѣніе.

И. Н. Лодыгинъ не даромъ племянникъ П. Л. В., *Музъ любителю*, какъ называлъ его Державинъ, и не напрасно онъ былъ домашнимъ человѣкомъ въ поэтическомъ кругу Н. А. Львова. Онъ самъ пишетъ недурные стихи, хотя по скромности и не любитъ всякому читать ихъ. Во всѣхъ его стихотвореніяхъ проявляются мысль и чувство, и эти достоинства могутъ извинить въ нихъ нѣкоторую неопредѣленность выраженій и неправильность въ словоударенiи. Изъ числа этихъ стихотвореній мнѣ понравилось одно подъ названіемъ *Соловей на могилѣ пѣвицы*, написанное вотъ по какому случаю. Лѣтъ 12 тому назадъ авторъ былъ страстно влюбленъ въ К. П. С., милую и образованную дѣвицу, которая любила музыку, какъ онъ любилъ ее, т. е. безъ памяти; имѣла прекрасный обработанный голосъ и пѣла съ большимъ чувствомъ. Къ несчастію, эта дѣвица неожиданно умерла и погребена въ деревнѣ у церкви, на родовомъ кладбищѣ. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ ея смерти, Лодыгинъ, проѣзжая поздно вечеромъ мимо кладбища, услышалъ соловья, распѣвавшаго на одной изъ березъ, окружавшихъ церковную ограду, и вотъ этотъ соловей сдѣлался сюжетомъ слѣдующей элегіи:

Что такъ громко, соловей,
    Стонешь надъ могилой,
Гдѣ соперницы твоей
    Прахъ почіетъ милой?

Иль ты хочешь, соловей,
    Ночи въ часъ унылой,
Звучной пѣснію твоей
    Разбудить прахъ милой?

---

*) И такъ какъ въ концѣ Апрѣля мнѣ вѣроятно придется опять быть въ Липецкѣ, то нельзя ли будетъ устроить такъ, чтобы послѣ питья водъ намъ ѣхать въ Петербургъ вмѣстѣ: потому что я буду чрезвычайно радъ быть вашимъ руководителемъ въ неизвѣстномъ еще вамъ городѣ и помочь въ пріобрѣтеніи вамъ хорошихъ знакомствъ.

Пѣсня сладостна твоя;
Но сто кратъ нѣжнѣе
Раздавалась пѣснь ея,
Слаще и милѣе!

Пѣсня дѣвы молодой
Въ сердце западала,
Какъ воздушной арфы строй
Душу проникала.

Много, много васъ пѣвцовъ
Съ весною прибудетъ,
Но весна почившей вновь
Къ пѣснямъ не разбудитъ!

Голосъ смолкъ, погаснулъ взоръ,
Здѣсь она отпѣла,
И къ пѣвцамъ безплотнымъ въ хоръ,
Въ небо улетѣла!

— Повѣрите ли, говорилъ мнѣ Л. со слезами на глазахъ, что эти стихи вылились у меня изъ души тутъ же, въ самую минуту, какъ я проѣзжалъ мимо церкви, возлѣ которой погребена первая и послѣдняя любовь моя?—Вѣрю!

6 Августа, Воскресенье. Вотъ сегодня ровно мѣсяцъ, какъ мы пріѣхали сюда, а мнѣ кажется, что я здѣсь только со вчерашняго дня: такъ незамѣтно прошло все это время. Намъ и въ голову не приходило бы возвращеніе въ Москву, еслибъ не письма Петра Ивановича, которыя постепенно пріучаютъ насъ къ идеѣ оставить Липецкъ. Съ 17 ч. начнутся курсы профессорскихъ лекцій, и по совѣсти я долженъ бы поспѣшить къ ихъ началу. Но что́ дѣлать? Бываютъ такія обстоятельства, которыя разрушаютъ самыя благія намѣренія. Я отвѣчалъ П. И., чтобы прежде 1 Сентября онъ меня не ждалъ.

Сегодня разгавливаются яблоками: изъ окрестныхъ селеній навезли груды этихъ плодовъ, такъ что не знаютъ куда съ ними дѣваться. Пріѣзжимъ запасать въ прокъ ихъ нельзя, а у коренныхъ Липецкихъ жителей свои сады. Чтобы помочь бѣднымъ крестьянамъ въ сбытѣ ихъ произведеній, на который они съ такою увѣренностію разсчитывали, мы рѣшились собрать подпискою нѣкоторую сумму и скупить привезенныя яблоки. Такъ и сдѣлали. Всѣ охотно давали деньги, даже и самъ скупой В. предложилъ 5 рублей въ коллекту безъ всякаго приглашенія красавицы Альбини, которой принадлежитъ эта филантропическая идея. Но что́ же дѣлать съ такимъ количествомъ яблокъ? Волшебница и тутъ нашлась: она рѣшила собрать со всѣхъ дворовъ дѣтей, мальчиковъ и

дѣвочекъ, и также пригласить дворовыхъ людей изъ свиты пріѣхавшихъ на воды господъ, и раздѣлить имъ скупленные фрукты. Исполнителями этого распоряженія были *Нето* и Кузмичъ, который, утративъ имя и оставшись при одномъ отчествѣ, рѣшительно дѣлается дамскимъ фаворитомъ и несетъ такую гиль, что перещеголялъ и самаго Бородулина. А что̀ ты скажешь про милую коллектрису? Какъ добрая душа пользуется всѣми случаями, чтобы сдѣлать доброе дѣло!

Одинъ изъ здѣшнихъ старожиловъ, горный чиновникъ Матвѣевскій, у котораго теперь въ завѣдываніи небольшіе остатки бывшаго здѣсь нѣкогда огромнаго чугуннаго завода, желая удивить насъ своимъ хозяйствомъ, принесъ огромное яблоко около 2 ф. вѣсомъ и разсказывалъ способъ, какой употреблялъ онъ для произведенія плода такой чудной величины. Для этого онъ выбиралъ молодое и сильное деревцо во время его цвѣту и, не допуская цвѣтъ до завязи, общипывалъ его весь, кромѣ трехъ или четырехъ цвѣтковъ, которые и оставлялъ цвѣсти до тѣхъ поръ, покамѣстъ сдѣлается въ нихъ завязь. Изъ этихъ трехъ или четырехъ завязей онъ уже выбиралъ самую полную и сочную и, оставляя ее одну, уничтожалъ другія. Симъ способомъ производилъ онъ всѣхъ родовъ плоды необыкновенно крупные. Матушка не хотѣла отстать отъ опытнаго садовода и снабдила его огромнымъ домашнимъ арбузомъ слишкомъ въ пудъ вѣсомъ, прекраснѣйшаго вкуса.

На вопросъ мой, откуда брали дрова для чугуннаго завода, когда вокругъ Липецка я не видалъ ни одного крупнаго дерева, Матвѣевскій мнѣ сказалъ, что все пространство за озеромъ, которое съ горы теперь представляется пустынею и простирается верстъ на 20 до самаго селенія Ольшанки, было нѣкогда непроходимымъ боромъ, въ которомъ водились медвѣди и россомахи, и что онъ самъ даже запомнитъ много лѣсовъ по ту сторону озера; что причиною истребленія этихъ лѣсовъ въ такое непродолжительное время была прежде неумѣренная, сплошная рубка дровъ для завода безъ раздѣленія на лѣсосѣки, а послѣ неограниченное попущеніе всякому рубить сколько душѣ угодно. Жаль! Какой, думаю, великолѣпный былъ прежде видъ съ горы, когда это безподобное озеро окоймлялось густымъ лѣсомъ, и эта теперешняя Липецкая Ливія отѣнялась зелеными рощами!

12 Августа, Субота. Во Вторникъ назначенъ въ галлереѣ танцовальный пикникъ. Это затѣи графа Чернышова, къ величайшему удовольствію всей Липецкой публики, молодыхъ людей и стариковъ, изъ которыхъ рѣдкіе, вопреки общему мнѣнію, нерады чужой радости и

невеселы чужимъ весельемъ. Между тѣмъ этотъ пикникъ насъ не очень занимаетъ. У насъ ежедневно свои домашніе танцы подъ фортепіано Димлера: сестры, нѣсколько ихъ пріятельницъ, очаровательная Альбини, безпечный *Нето*, веселый трагикъ, Логомахъ-Кузмичъ, двое молодыхъ застѣнчивыхъ сосѣдей, вальсирующихъ мастерски, и я на подставку; балъ хоть куда; а за тѣмъ—кто во что гораздъ!

Но въ этихъ безпрерывныхъ семейныхъ удовольствіяхъ, по временамъ возстаетъ предо мною угрожающій призракъ—мысль о приближающемся отъѣздѣ. Что жъ! Нельзя, чтобы счастье было продолжительнымъ: иначе оно не было бы счастьемъ. Однакоже, кто знаетъ! Для меня въ Липецкѣ открылась какая-то новая перепектива. Не знаю, куда приведетъ она; но я исполненъ отрадныхъ надеждъ и твердо рѣшился идти по ней.

Сей часъ получилъ твое письмо. Ну негрѣшно ли церемониться и не сказать прямо: пришли мнѣ Дурака? Чтобы угодить тебѣ какъ можно скорѣе, отецъ нынче же посылаетъ нарочнаго въ твое Никольское за Гаврилою, по прибытіи котораго онъ немедленно отправленъ будетъ къ тебѣ на почтовыхъ съ Дуракомъ N 2.

16 Августа, Среда. Я такъ недолго здѣсь пробуду, что надобно забыть объ охотѣ, и потому рѣшился послать къ тебѣ оба NN моихъ Дураковъ съ тѣмъ, что если бы на будущій годъ мнѣ случилось опять сюда пріѣхать, то ты пришлешь мнѣ одного изъ нихъ на то время, которое я здѣсь пробыть могу. Отецъ снарядилъ тебѣ славнаго верховаго горца, котораго подарилъ ему А. Д. Измаиловъ въ припадкѣ излишней щедрости; увѣдомь, когда и съ кѣмъ велишь прислать его. Мнѣ кажется, что тотъ же Гаврикъ можетъ исполнить и это порученіе. Вѣроятно ты спросишь: отъ чего я полагаю быть опять здѣсь въ будущемъ году? Вотъ отъ чего: матушка имѣетъ довѣренность къ Альбини и чувствуетъ себя лучше здѣсь, чѣмъ въ Ивановскомъ; сестрамъ веселѣе, а въ прожиткѣ большой разницы нѣтъ: также все почти свое, деревня подъ руками.

Пикникъ удался какъ нельзя лучше: время благопріятствовало, танцовали много. Полдникъ былъ преизобильный. Въ заключеніе пускали небольшой фейерверкъ. При первой ракетѣ я вспомнилъ Брандштедтеровъ и любимое ихъ лакомство—лягушекъ, которыхъ въ здѣшнемъ озерѣ бездна. Кстати объ озерѣ. Какъ жаль, что здѣсь вовсе нѣтъ никакихъ средствъ для прогулокъ по водѣ: не только шлюпки, но и простой порядочной лодки найти нельзя.

Историкъ Гиббонъ и медикъ Тиссотъ имѣли склонность къ какой-то красавицѣ, помнится леди Фостеръ, и ревновали ее другъ къ другу; разумѣется, при каждомъ ихъ свиданіи у предмета ихъ страсти, не обходилось безъ взаимныхъ колкостей. Однажды, когда Гиббонъ по желанію леди читалъ ей отрывки изъ своей Исторіи, Тиссотъ сказалъ ему: Г. историкъ, когда леди Фостеръ занеможетъ отъ скуки, слушая васъ, я ее вылечу.—Г. медикъ, отвѣчалъ Гиббонъ, когда леди Фостеръ умретъ отъ вашего лѣченья, я сдѣлаю ее безсмертною!

Нѣчто подобное случилось со мною.

Гиббонъ-Лабатъ и Тиссотъ-Альбини, въ порывахъ своего доброжелательства ко мнѣ, заспорили вчера о той карьерѣ, которую я избрать долженъ, и о средствахъ выдти въ люди. Альбини говоритъ, что вообще для успѣховъ въ службѣ мнѣ полезнѣе будутъ занятія серьозныя и что я долженъ продолжать учиться; а Лабатъ утверждаетъ, въ качествѣ Француза de la vieille roche*), что все это вздоръ, и что для успѣховъ по службѣ скорѣе нужна благосклонность общества, и въ особенности женщинъ. Но знаете ли вы, генералъ, возразилъ Альбини, что ваши совѣты могутъ вскружить ему голову, и тогда мнѣ придется лѣчить его отъ заразы разсѣянія!—А знаете ли вы, докторъ, отвѣчалъ живой старикъ, что когда отъ вашихъ совѣтовъ онъ будетъ въ чахоткѣ, тогда *мимо васъ* вылѣчу его разсѣяніемъ?

24 Августа, Четвергъ. Вотъ тебѣ послѣднее мое донесеніе изъ Липецка. Мы выѣзжаемъ послѣ завтра или наипозже въ Воскресенье, 27 ч., прямо въ Москву, не заѣзжая въ деревню. Мои остаются еще здѣсь на недѣлю. Всѣ мы, отъѣзжающіе и остающіеся, грустны до того, что даже прогулки наши прекратились. Сегодня сдѣлалъ я нѣсколько церемоніальныхъ прощальныхъ визитовъ, а завтра сдѣлаю остальные нецеремоніальные.

Н. П. Архаровъ сказывалъ, что война съ Французами у насъ неизбѣжна, потому что Государь, по милосердію своему, вѣрно захочетъ помочь Нѣмцамъ: иначе они пропали. Старикъ читаетъ иностранныя газеты и постоянно слѣдитъ за политическими происшествіями въ Европѣ, а сверхъ того и по положенію своему имѣетъ случай знать больше другихъ; слѣдовательно ему можно вѣрить.

Съ нами по пути ѣдетъ до Лебедяни отставной мичманъ Андреевъ, довольно добрый старикъ и чудакъ преуморительный. По мнѣнію его,

---

*) Стараго закала.

вся природа измѣнилась теперь къ худшему, а люди стали обезьянами. «Господи, воля Твоя! Что̀ это за господа бывали въ старину, говоритъ онъ. Вотъ, напримѣръ, хоть бы взять покойника дѣда твоего, князя Г. Ѳ.*), царство ему небесное! Ужъ подлинно былъ настоящій баринъ, человѣкъ серіозный, тучный, грузный, бригадиръ, ходилъ всегда съ натуральною тростью, съ золотымъ набалдашникомъ; сюртукъ носилъ свѣтлозеленый съ красными лацканами и обшлагами, нынѣшнихъ три выкроить можно. Бывало, кто хочетъ ему кланяйся, а онъ только что кивнетъ головою; а какъ задумаетъ въ гости, къ воеводѣ, либо къ какому сосѣду на храмовой праздникъ, такъ сборы-то и пойдутъ еще съ вечера: призоветъ дворецкаго, да при немъ и учнетъ приказывать кучерамъ подъ такой-то *лакипажъ* такую-то шестерню, а подъ такой-то такую-то; самъ, бывало, сядетъ съ княгинею въ линею на шестеркѣ пѣгихъ. А теперь что? Ничего, такъ стрень-брень. Вотъ я тебѣ разскажу, какъ онъ встрѣчалъ изъ походу сына своего, князя Михайла, что̀ послѣ...»

Эту исторію я не далъ разсказывать мичману, потому что мнѣ теперь нѣкогда слушать, да надобно же и приберечь что-нибудь для дороги. Если разсказъ о нашемъ дѣдушкѣ покажется мнѣ сколько-нибудь занимательнымъ, то сообщу его тебѣ изъ Москвы. Прости!

*

3 Сентября, Воскресенье. Мы пріѣхали третьяго дня; Петръ Ивановичъ обрадовался мнѣ, какъ родному брату. Онъ не понимаетъ, что̀ меня могло задержать такъ долго, и какъ столько времени я могъ оставаться въ совершенной праздности, и всю вину сваливаетъ на моихъ товарищей; я увѣряю, что напротивъ всему причиною одинъ я, и это совершенно справедливо, потому что на счетъ отъѣзда мои товарищи были всегда въ моемъ распоряженіи.

Между тѣмъ говори что́ хочешь, а у меня тоска по Липецкѣ; авось не разобьютъ ли ея лекціи, на которыя начну ѣздить съ завтрашняго дня. Я пропустилъ ихъ немного и, при небольшомъ прилежаніи, въ недѣлю войду опять въ свою колею.

Говорятъ, что на роли старухи madame *Lavandaise*, игравшей любовницъ и даже Федру, пріѣхала новая актриса. Надлежало бы взглянуть на нее, но я далъ себѣ слово нынѣшній мѣсяцъ не заниматься театромъ и развѣ съѣзжу посмотрѣть Эдипа въ Аѳинахъ, котораго скоро давать будутъ. Правда, надобно однажды побывать и у

---

*) Князя Гавріила Ѳедоровича Барятинскаго. П. Б.

Нѣмцевъ, чтобъ они не думали, что я ихъ забылъ. Роли m-lle Stein заняла m-me Шредеръ, также очень пріятная и миловидная актриса, съ хорошимъ голосомъ.

Нетерпѣливо жду отъ тебя писемъ. Хочется узнать, доволенъ ли ты мною?

А знаешь ли, что недоразсказанная исторія не безъ интереса. Въ этой встрѣчѣ, которую сдѣлалъ старикъ проказнику-сыну, много характеристическаго. Когда-нибудь передамъ ее словами самого разсказщика.

7 Сентября, Четвергъ. Весь городъ толкуетъ о войнѣ; ненависть къ Бонапарте возрастаетъ, между тѣмъ какъ любовь къ Государю доходитъ до обожанія, и довѣренность къ нему безпредѣльна. Не умѣю выразить тѣхъ чувствъ, которыя одушевляютъ каждаго при чтеніи указа отъ 1-го Сентября о рекрутскомъ наборѣ, въ которомъ Государь изволитъ говорить, что не можетъ равнодушно смотрѣть на опасности, угрожающія Россіи, и что безопасность Имперіи, достоинство ея, святость союзовъ *и желаніе, единственную и непремѣнную цѣль Государя составляющее, водворить въ Европѣ на прочныхъ основаніяхъ миръ*, рѣшили его двинуть нынѣ часть войскъ за границу и сдѣлать къ достиженію намѣренія сего новыя усилія *).

Ну какъ при семъ случаѣ не вспомнить пророческихъ стиховъ вдохновеннаго Державина о Государѣ!

Не на словахъ Ты милосердье
Покажешь, на дѣлахъ Твоихъ...
Посадишь мудрость ты съ собою,
Велишь ей научать себя;
Пройдешь съ народною толпою,
Проникнетъ правда до Тебя.
Ты въ мирѣ брань готовить станешь,
Войну обымешь тишиной.

Наконецъ, вотъ и письмо твое; сердечно радъ, что ты мною доволенъ. Но за то я не очень доволенъ собою: занимаюсь прилежно, чтобы управиться съ пропущенными лекціями, да туго идетъ—избаловался.

Вчера утромъ ѣздилъ я къ П. Т. Бородину съ письмомъ отъ М. А Устинова для полученія 300 рублей въ число денегъ, слѣдующихъ отцу. Меня ввели въ тотъ самый кабинетъ, въ которомъ зимою

*) Тогдашніе добродушные и легкомысленные Москвичи не подозрѣвали, что эта война приведетъ Французовъ въ Москву. П. Б.

во время бала происходила такая игра въ банкъ; откупщикъ, какъ видно, съ похмѣлья, сидѣлъ въ креслахъ, и какой-то домашній эскулапъ-Нѣмецъ щупалъ у него пульсъ:—«Фамъ нада-ть принимаитъ лѣкарства, я пропишетъ фамъ габли».—«А какъ принимать ихъ?» – «На сахаръ».—«Дуракъ, братъ - Нѣмецъ: я вѣдь не ребенокъ».—«Ну на вода».—«Совсѣмъ, братъ, дуракъ: пей воду самъ».—«Пошалуй съ водка».—«Ну такъ бы и сказалъ, *любезный другъ*!

Хорошъ паціентъ, да и лѣкарь не дуренъ!

Штейнсбергъ говоритъ, что желалъ бы сдать свой театръ, потому что не хватаетъ здоровья и силъ на исполненіе двоякой обязанности: директора и актера. Кажется А. М. Муромцовъ [1]) хочетъ попасть въ театральные султаны. Онъ крѣпко увивается около Штейнсберга; но съ такимъ директоромъ театръ уйдетъ не далеко, также какъ и онъ самъ не далеко уйдетъ съ театромъ; всѣ утверждаютъ, что состояніе разстроится непремѣнно.

12 Сентября, Вторникъ. На вопросъ Ив. Ив. Дмитріева у пріѣхавшаго изъ Петербурга г. Максимовича, служащаго въ Коммисіи Составленія Законовъ, что̀ дѣлаютъ тамошніе литераторы и въ особенности Державинъ, Максимовичъ отвѣчалъ, что, по слухамъ, онъ сочиняетъ какую-то оперу въ родѣ *Метастазія*.—Развѣ въ родѣ *безобразія*, возразилъ Дмитріевъ.

Ив. Ив. не можетъ скрыть своего сожалѣнія, что величайшій лирическій поэтъ нашего времени, и можетъ быть всѣхъ временъ, на старости лѣтъ предпринимаетъ сочиненія, совершенно несвойственныя его генію: пишетъ и даже переводитъ трагедіи, комедіи и оперы, въ подрывъ своей славѣ, которою Ив. Ив., какъ старинный его пріятель и усердный почитатель его таланта, такъ дорожитъ, что желалъ бы видѣть ее неприкосновенною для критики.

Англоманъ Н. М. Гусятниковъ [2]) много разсказывалъ между прочимъ о покойномъ графѣ Ѳедорѣ Григорьевичѣ Орловѣ, который, по его словамъ, былъ человѣкъ большаго природнаго ума, сильнаго ха-

---

[1]) Братъ автора Воспоминаній, напечатанныхъ въ „Русскомъ Архивѣ" нынѣшняго года. П. Б.

[2]) Мать первыхъ трехъ дѣтей графа Ѳ. Г. Орлова (еще при Екатеринѣ получившихъ дворянство), Алексѣя (впослѣдствіи князя), Михаила и Ѳедора Ѳедоровичей была красавица Гусятникова, выданная за придворнаго служителя старика Попова. Это вѣроятно сестра Н. М. Гусятникова. П. Б.

рактера, простъ въ обхожденіи и чрезвычайно оригиналенъ въ своихъ мысляхъ, сужденіяхъ и образѣ ихъ изъясненія. Напримѣръ, онъ никогда не предпринималъ ничего не посовѣтовавшись съ кѣмъ-нибудь однимъ, но терпѣть не могъ совѣтоваться со многими, говоря: умъ хорошо, два лучше, но три ума съ ума сведутъ. Онъ уважалъ науки и искусства, но называлъ ихъ *прилагательными*, существительною же наукою называлъ одну *фифіологію*, т.-е. умѣнье пользоваться людьми и своевременностью; равно какъ и важнѣйшимъ изъ искусствъ—искусствомъ терпѣливо сидѣть въ засадѣ и ловить случай за шиворотъ.

Получено извѣстіе, что Государь выѣхалъ уже изъ Петербурга. Общія усердныя молитвы и благословенія сопровождаютъ нашего *Ангела во плоти*, какъ величаетъ его Москва.

На дняхъ провожали мы въ С.-Петербургъ П. С. Молчанова. Вотъ разпремилый-то человѣкъ! Иванъ Ивановичъ говоритъ, что онъ непремѣнно будетъ статсъ-секретаремъ, о чемъ сказывалъ ему графъ Н. П. Румянцовъ, который рекомендовалъ его Государю. Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ и Александръ Андреевичъ Беклешовъ любятъ его какъ душу. Иванъ Ивановичъ совѣтуетъ мнѣ держаться этого знакомства, которое можетъ со временемъ быть для меня чрезвычайно полезнымъ.

16 Сентября, Субота. Сегодня на Французскомъ театрѣ дебютъ *Девремона* въ пяти піесахъ: Le Marquis par hasard, Le galant Savetier, M-r et m-e Fatillon, Le Rémouleur et la Meunière и La Dinde des mains. И слѣдовало бы поѣхать, но не поѣду: въ будущемъ предстоитъ слишкомъ много удовольствій,—а можетъ быть и счастья! Потерпимъ, reculons pour mieux sauter *). Я теперь бы съ удовольствіемъ съѣздилъ къ Троицѣ-Сергію помолиться Угоднику: вотъ куда меня тянетъ! Никогда не чувствовалъ я такой полноты сердца, какъ теперь; знаю, что безъ молитвы его не опорожнишь, а для молитвы здѣсь я какъ-то разсѣянъ. Непремѣнно въ будущую Суботу поѣду.

Добрѣйшіе Лабаты пріѣхали изъ Липецка и завтра отправляются въ Петербургъ. Они сказывали, что Альбини будетъ сюда къ 1 Октября и, по желанію матушки, остановится у насъ въ домѣ, чего сами они не могли сдѣлать, потому что не хотѣли пробыть здѣсь болѣе сутокъ. Просили прислать какъ можно скорѣе нужныя бумаги для опредѣленія въ службу.

Говорятъ, что какой-то Ламбертъ нашелъ средство управлять воздушнымъ шаромъ и обѣщался произвести опытъ въ Парижѣ; онъ

*) Отступимъ чтобъ лучше прыгнуть.

намѣренъ отправиться изъ Тиволи, спуститься на куполъ инвалидной церкви и потомъ отправиться въ Версаль и проч. П. И. Страховъ увѣряетъ, что это ничто иное, какъ шарлатанство и состояться не можетъ; но Андр. Чеботаревъ, великій физикъ, химикъ и алхимикъ, который ни въ чемъ не сомнѣвается и почитаетъ все возможнымъ, утверждаетъ, что онъ самъ добирается до этой тайны. Желаю успѣха!

Москва наполняется помаленьку: на улицахъ замѣтно больше движенія; но изъ моихъ короткихъ знакомыхъ почти никого еще нѣтъ.

19 Сентября, Вторникъ. А. А. Беклешовъ получилъ извѣстіе, что графъ Платонъ Александровичъ Зубовъ имѣлъ счастіе 11 числа сего мѣсяца угощать Государя въ Витебскомъ имѣніи своемъ *Усвятъ*, въ самомъ томъ домѣ, въ которомъ останавливалась Екатерина Великая въ 1780 и 1787 годахъ. Графъ Зубовъ такъ былъ восхищенъ пребываніемъ въ его домѣ Государя, что воздвигаетъ памятникъ въ видѣ обелиска съ надписью, которой я добыть не могъ, хотя она и ходитъ въ Англійскомъ клубѣ по рукамъ. Говорятъ, что 17 числа Государь назначилъ быть въ Пулавѣ, у кн. Чарторижскаго, который сопровождаетъ его въ путешествіи. Въ Пулавѣ соберется вся Польская знать и всѣ извѣстныя красотою и любезностію женщины тамошняго края. Государя всюду носятъ на рукахъ. Отрадно и весело слышать.

Дѣдушка видѣлъ репетицію Эдипа и увѣряетъ, что такой трагедіи на Русскомъ языкѣ не бывало. Онъ въ восхищеніи отъ стиховъ и отъ самаго содержанія трагедіи, но игрою актеровъ не очень доволенъ: говоритъ, что, кажется, не понимаютъ ролей своихъ, а вразумить некому; кто въ лѣсъ, кто по дрова. Представленіе назначено 27 числа. Очень любопытно видѣть Воробьеву въ Греческомъ костюмѣ. Слава Богу, что играетъ не Караневичева.

Теперь уже нѣтъ сомнѣнія, что Русскій театръ въ будущемъ году поступитъ въ вѣдомство Императорской театральной дирекціи, отъ которой и назначенъ будетъ директоръ. Актеры чрезвычайно довольны. Къ довершенію ихъ благополучія имъ объявлено, что все время бытности ихъ въ званіи актеровъ будетъ зачтено имъ въ срокъ, назначенный для полученія пенсіоновъ; слѣдовательно труды ихъ не пропадутъ. Драматическіе авторы также радуются: я видѣлъ Н. И. Ильина и В. М. Ѳедорова, которые утверждаютъ, что теперь драматическая литература въ Москвѣ очень оживится и получитъ настоящіе, свойственные ей размѣры; потому что всякій сочинитель будетъ знать, съ кѣмъ имѣть дѣло.

21 Сентября, Четвергъ. Вмѣсто Суботы отправляюсь къ Троицѣ завтра, пробуду тамъ до Понедѣльника, т. е. 25 ч., потому что это день праздника преподобнаго Сергія, и митрополитъ будетъ отправлять службу соборомъ. Буньковскій ямщикъ подрядился свозить меня взадъ и впередъ за 15 рубл., съ тѣмъ, чтобы ѣхать на тройкѣ, останавливаться въ Пушкинѣ для корму не долѣе 2 часовъ, отъ Троицы съѣздить въ Виѳанію и, наконецъ, возвратиться въ Москву во Вторникъ, не позже 8 часовъ утра. Дорого, да по крайней мѣрѣ безъ хлопотъ.

Воздушныя путешествія входятъ у насъ въ моду. Вотъ и еще новый воздухоплаватель, какой-то *Кашинскій*, объявляетъ о своемъ полетѣ и приглашаетъ съ собою попутчика. Но если съ самимъ Гарнеренемъ никто изъ Москвичей летѣть не рѣшился, то кто же ввѣрится малоизвѣстному человѣку?—Сказывали, что въ Петербургѣ съ Гарнеренемъ леталъ генералъ Сергѣй Лаврентьевичъ Львовъ, бывшій нѣкогда фаворитомъ князя Потемкина, большой острякъ, и что по сему случаю другой такой же острякъ, Александръ Семеновичъ Хвостовъ, напутствовалъ его вмѣсто подорожной слѣдующимъ экспромтомъ:

Генералъ Львовъ
Летитъ до облаковъ
Проситъ боговъ
О заплатѣ долговъ.

На что генералъ, садясь въ гондолу, отвѣтствовалъ безъ запинки такими же риѳмами:

Хвосты есть у лисицъ, хвосты есть у волковъ,
Хвосты есть у кнутовъ,—
Берегись Хвостовъ!

Я досталъ подпись, которая должна быть вырѣзана на обелискѣ, сооружаемомъ графомъ Зубовымъ, въ память пребыванія Государя въ Усвятѣ; вотъ она:

«Великій Государь Императоръ Александръ I-й присутствіемъ своимъ Сентября 11-го дня 1805 г. ознаменовалъ память двукратнаго присутствія 1780 и 1787 Великой Государыни Императрицы Екатерины II-й, на семъ мѣстѣ благотворившей присоединеніемъ подъ державу свою жребій народовъ отторженныхъ, нынѣ блаженствующихъ».

Чувство и мысль есть; но мнѣ кажется, что, по важности случая, подпись требовала бы выраженій сильнѣйшихъ въ слогѣ лапидарномъ.

26 Сентября, Вторникъ. Трое сутокъ на ногахъ, почти не отдыхая, вчерашнюю ночь всю въ дорогѣ, сегодняшнее утро проболталъ, разсказывая Петру Ивановичу свои похожденія, и—ничего не усталъ! Бодръ и здоровъ, какъ говорятъ Нѣмцы: ganz munter; а отъ чего? Отъ того, что все дѣлалъ по влеченію сердца. Чувствую себя довольнымъ: на сердцѣ легко. Богъ вѣсть, продолжительно только ли это состояніе сердечнаго блаженства!

У Троицы насмотрѣлся, наслушался и намолился вдоволь; а сколько воспоминаній! Четыре года прошло съ тѣхъ поръ, какъ, при вступленіи моемъ въ пансіонъ Ронка, матушка возила меня къ Троицѣ за благословеніемъ Преподобнаго Чудотворца. Въ теперешнюю поѣздку мнѣ хотѣлось непремѣнно совершить пелеринажъ мой по прежнимъ слѣдамъ моимъ. Пріѣхавъ въ Пятницу, я началъ съ молебна, прикладывался къ ракѣ Угодника, удостоился прикоснуться губами къ деревянному гробу его, и за тѣмъ въ Суботу ѣздилъ въ Виѳанію,—словомъ, все исполнилъ точно такъ же, какъ и въ первую поѣздку по матушкиному указанію. Въ Виѳаніи встрѣтилъ митрополита во время его прогулки. Онъ часто останавливался, подзывалъ къ себѣ проходящихъ, раздавалъ какія-то приказанія, вѣроятно по случаю наступающаго въ Лаврѣ праздника, и долго разговаривалъ съ семинаристами. Преосвященный Платонъ показался мнѣ древнимъ Платономъ, бесѣдующимъ въ Аѳинской Академіи съ своими учениками; только я увѣренъ, что языческій Платонъ не былъ такъ благообразенъ и не имѣлъ такой силы убѣжденія, какъ нашъ Платонъ христіанскій. Про него не обинуясь сказать можно: поучаетъ, яко власть имѣяй.

Въ Лавру преосвященный переѣхалъ въ Воскресенье ко всенощной, а вчера въ день праздника служилъ литургію и говорилъ поученіе, котораго я, стоя за тѣснотою далеко, разслушать не могъ; стеченіе поклонниковъ было чрезвычайное. Настоящій христіанскій праздникъ.

Эпоха перваго переселенія изъ деревень въ столицу наступила. Многіе возвратились уже изъ подмосковныхъ; теперь потянутся помѣщики изъ степныхъ деревень; на дняхъ ожидаютъ Лобковыхъ. Очень желаю видѣть востроглазую Арину Петровну. Перестанетъ ли она издѣваться надо мною? Едва ли. Впрочемъ теперь пусто забавляться: угаръ проходитъ, если уже не прошелъ совсѣмъ.

28 Сентября, Четвергъ. Дѣдушка правъ: такой трагедіи, какова *Эдипъ въ Аѳинахъ*, конечно у насъ никогда не бывало, ни по стихамъ,

ни по правильному расположенію. Послѣднее достоинство соблюдено въ ней отъ первой до послѣдней сцены, а это главное; стихи безподобные, дѣйствующія лица говорятъ всѣ свойственнымъ имъ языкомъ, безъ чего впрочемъ стихи не были бы хороши; мысли прекрасныя, чувства бездна; есть сцены до того увлекательныя, что невольно исторгаютъ слезы. Никакой напыщенности, все такъ просто, естественно,— словомъ, Эдипъ такое произведеніе, отъ котораго нельзя не быть въ восхищеніи. Театръ былъ полонъ, ни одного пустаго мѣста; а восторгъ публики былъ единодушный. Плавильщиковъ, игравшій роль Эдипа, былъ большею частію хорошъ, а въ нѣкоторыхъ сценахъ даже превосходенъ. Въ 1-мъ явленіи 2-го дѣйствія, когда онъ узнаётъ, что находится близъ храма Эвменидъ,

Храмъ Эвменидъ! Увы! Я вижу ихъ, онѣ
Стремятся въ ярости съ отмщеніемъ ко мнѣ, и проч.

онъ, кажется мнѣ, слишкомъ горячился; но за то съ какимъ высокимъ чувствомъ печальнаго воспоминанія сказалъ онъ слѣдующую тираду:

Гора ужасная, несчастный Киѳеронъ,
Ты, первыхъ дней моихъ пустынная обитель,
Куда на страшну смерть извлекъ меня родитель, и проч.

или:

Видала ль ты, о дочь, когда извергнутъ волны
Обломки корабля?
Вотъ жизнь теперь моя!

Но верхомъ совершенства игры его была сцена съ Полиникомъ, въ которой онъ точно выказалъ дарованіе необыкновенное и былъ преимущественно превосходенъ.

Зри руки ты мои прошеньемъ утомленны.
Ты зри главу мою лишенную волосъ:
Ихъ изсушила скорбь, и вѣтеръ ихъ разнесъ.

или:

.... тебя земля не приметъ.
Изъ нѣдръ отвергнетъ трупъ, и смрадъ его обыметъ!

Я не могъ хорошо запомнить стиховъ, потому что плакалъ какъ другіе, и это случилось со мною въ первый разъ въ жизни, потому что Русская трагедія доселѣ къ слезамъ не пріучала.

Зато—какой Креонъ - Колпаковъ, какой Полиникъ - Прусаковъ, какая Антигона - Воробьева, и какой Тезей! Правда, Тезей-Зловъ туда и сюда: немного холоденъ, немного на ходуляхъ; по крайней мѣрѣ

не смѣшонъ. При слѣдующихъ стихахъ, которые произнесъ онъ не дурно:

.... Мой мечъ союзникъ мнѣ
И подданныхъ любовь къ отеческой странѣ.
Гдѣ на законахъ власть царей установленна,
Сразить то общество не можетъ и вселенна—

театръ поколебался отъ рукоплесканій и криковъ браво, и проч. Спасибо нашей публикѣ, которая, какова ни есть, не пропускаетъ однакоже ничего, чтó только можетъ относиться къ добродѣтелямъ обожаемаго нашего Государя.

Матушка пишетъ, что послѣ завтра долженъ пріѣхать Альбини, и чтобы я приготовилъ имъ спокойное помѣщеніе и угостилъ ихъ какъ можно радушнѣе и лучше. Объ этомъ мнѣ напоминать нечего. Мы съ Петромъ Ивановичемъ не занимаемъ и половины дома, слѣдовательно всѣ остальныя комнаты къ услугамъ любезнаго доктора и распремилой его подруги. Чтò же касается до угощенья, то объ этомъ я также давно позаботился: отъ кислыхъ щей до разныхъ медовъ и наливокъ, всего приготовлено вдоволь, а о кушаньѣ нечего и говорить. Однихъ развѣ фазановъ не будетъ. Сколько бы ни пробыли они здѣсь, не почувствуютъ рѣшительно ни въ чемъ недостатка: даже снарядилъ для нихъ и карету. И такъ, милости просимъ, желанные гости!

1 Октября, Воскресенье. Всюду толки объ Эдипѣ, и, странное дѣло, есть люди изъ числа старовѣровъ литературныхъ, которые находятъ, что какая-нибудь *Семира* Сумарокова или *Росславъ* Княжнина больше производятъ эффекта на сценѣ, чѣмъ эта безподобная трагедія. Мнѣ кажется, что можно безумствовать такъ изъ одного только упрямства. Всѣ лучшіе литераторы, Дмитріевъ, Карамзинъ, Мерзляковъ отдаютъ полную справедливость автору; да и нельзя: трудъ его достоинъ не только хвалы, но и уваженія. До него никто у насъ на театрѣ не говорилъ еще такимъ языкомъ, и тѣ, которые показываютъ видъ, что предпочитаютъ ему Сумарокова и Княжнина, дѣйствуютъ не весьма добросовѣстно; потому что, хотя и запрещается спорить о вкусахъ, но это запрещеніе относится скорѣе къ огурцамъ и арбузамъ и проч., нежели къ произведеніямъ ума. Впрочемъ, и то сказать: если человѣкъ иногда можетъ быть вещественно близорукъ, косоглазъ и даже слѣпъ, то почему жъ ему не быть близорукимъ, косоглазымъ и слѣпымъ и въ нравственномъ отношеніи? А если допустить это, пословица выйдетъ справедлива: о вкусахъ не спорь.

Какъ жаль, что Озеровъ, при сочиненіи прекрасной тирады проклятія Эдипомъ сына, не имѣлъ въ виду превосходныхъ Дантовыхъ стиховъ, которые такъ были бы кстати и такъ согласовались бы съ положеніемъ самаго Эдипа, испытавшаго на себѣ всѣ бѣдствія, имъ сыну предрекаемыя:

Tu proverai si come sà di sale
Il pane altrui, и проч. и проч.

то есть:

«Ты испытаешь, какъ солонъ чужой хлѣбъ и какъ жестки ступени «чужаго крыльца; но чтó еще болѣе для тебя будетъ тягостнымъ, это «скучное и развратное общество, въ которое ты впадешь и которое, «несмотря на свою гнусность, неистовство и безбожіе, обратится одна«коже противъ тебя и посмѣется надъ тобою».

Въ этомъ сухомъ и плохомъ переводѣ нѣтъ и тѣни тѣхъ красотъ, которыя заключаются въ строфѣ божественнаго Данта; но геній Озерова умѣлъ бы облечь этотъ скелетъ въ надлежащій образъ и вдохнуть въ него жизнь и движеніе.

Сегодняшній спектакль на Петровскомъ театрѣ, несмотря на Воскресенье, отмѣненъ, *по причинѣ* (такъ гласитъ афиша) *воздушнаго путешествія г. Кашинскаго, предпринимаемаго имъ во второй разъ.* Хороша причина!

3 Октября, Вторникъ. Альбини пріѣхали сегодня къ обѣду и пробудутъ до 7 числа. Комнатами и устройствомъ помѣщенія чрезвычайно довольны. Обѣдъ былъ превкусный, а съ дороги, послѣ трехдневной голодухи, показался имъ еще вкуснѣе. Петръ Ивановичъ въ восхищеніи отъ Петербургской красавицы; да иначе и быть не можетъ. У Альбини здѣсь много дѣлъ, и онъ долженъ выѣзжать безпрерывно. Не знаю, буду ли умѣть занять милую гостью, которая во все это время должна оставаться одна, но во всякомъ случаѣ постараюсь и даже приглашу Снѣгиря-Nemo летать къ намъ почаще: онъ знакóмъ уже съ нею и бываетъ забавенъ.

5 Октября, Четвергъ. Вчера ѣздили въ Нѣмецкій театръ, а сегодня возилъ гостей смотрѣть Эдипа. Милая докторша находитъ, что мадамъ Шредеръ играетъ Русалку не токмо пріятнѣе, нежели въ Петербургѣ мамзель Брюкль *), которая хотя имѣетъ и огромный голосъ, но за то неловка и дурна собою, но даже лучше самой мадамъ Кафка. Отъ Штейнсберга въ восхищеніи: говоритъ, что лучшаго Минневарта

*) Въ послѣдствіи мадамъ Линденштейнъ.

видѣть невозможно, и что онъ и въ Петербургѣ отличался въ этой роли, не смотря на то, что Линденштейнъ, который въ фарсахъ почитается несравненнымъ, игралъ Ларифари. Между прочимъ они сказывали, что главною причиною удаленія Штейнсберга изъ Петербурга было соперничество его съ Линденштейномъ; потому что директоръ Нѣмецкаго театра, Миpé, передалъ Линденштейну половину ролей, занимаемыхъ Штейнсбергомъ. Я никакъ не предполагалъ, чтобы Альбини посѣщали Русскій театръ и видѣли уже Эдипа въ Петербургѣ. Они находятъ, что Плавильщиковъ въ Эдипѣ превосходнѣе Шушерина, но что всѣ прочія роли играются въ Петербургѣ гораздо лучше, и особенно роль Антигоны, которую исполняетъ воспитанница театральной школы Семенова съ необыкновеннымъ талантомъ.

Мнѣ хотѣлось бы свозить гостей моихъ во Французскій спектакль въ Суботу посмотрѣть двѣ очень хорошія пьесы: La femme, comme il y en a peu, и Les Folies Amoureuses; но къ сожалѣнію они въ этотъ день намѣрены выѣхать.

Получено извѣстіе, что талантливая мамзель Штейнъ вышла замужъ за отличнаго актера Гебгардта и принята на Петербургскій Нѣмецкій театръ, на которомъ мужъ ея занимаетъ амплуа первыхъ любовниковъ. Говорятъ, что она съ каждымъ днемъ видимо совершенствуется, что публика принимаетъ ее лучше, нежели мамзель Брюкль въ операхъ и холодную красавицу мамзель Лёве въ комедіяхъ и драмахъ. Пасторъ Гейдеке увѣряетъ, что если семейныя хлопоты и заботы не воспрепятствуютъ ей, она можетъ сдѣлаться первою актрисой Германіи.

Здоровье Штейнсберга чрезвычайно разстроивается, а между тѣмъ онъ всякій разъ играетъ. Сдача театра Муромцову рѣшена. Хорошо будетъ управленіе!

6 Октября, Пятница. Сегодня посѣщали Альбини многіе изъ здѣшнихъ почетныхъ медиковъ. Странное дѣло! Никто лучше ихъ не знаетъ, что́ дѣлается въ свѣтѣ. Отъ того ли, что они, рыская безпрестанно по разнымъ домамъ, имѣютъ случай узнавать вообще о всѣхъ происшествіяхъ, или имѣютъ какіе-нибудь особые источники, изъ коихъ могутъ почерпать новости: только имъ все извѣстно лучше и обстоятельнѣе, нежели самому князю Одоевскому, который тратитъ такія большія суммы на содержаніе своихъ городскихъ и загородныхъ корреспондентовъ. Между прочимъ гг. медики разсказывали, что вообще во всѣхъ сословіяхъ одна рѣчь: благословенія Государю, и что по од-

ному его слову всѣ бы готовы были, старый и малый, знатный и простолюдинъ, не токмо жертвовать своимъ достояніемъ, но сами лично приняться за оружіе и стать въ ряды воиновъ на защиту престола и отечества. Какъ теперь кстати стихъ Дмитріева:

Речетъ—и двинется полсвѣта, и пр.

Между тѣмъ какъ гости мои были заняты докторами, я воспользовался свободнымъ временемъ и сдѣлалъ нѣсколько необходимыхъ визитовъ, которые долженъ бы сдѣлать нѣсколько дней тому назадъ. Былъ у тетки Прасковьи Гавриловны, былъ у твоихъ Семеновыхъ [1]); милыя кузины наши Вишневскія и твои сестры добрѣютъ и полнѣютъ, но не молодѣютъ. Пора, пора! Но я боюсь, чтобы пора уже не прошла. Заѣзжалъ къ Лобковымъ. Востроглазая Арина Петровна также хороша, также весела и также насмѣшлива по прежнему, и нельзя не любить ея; но четырехмѣсячное отсутствіе и серьезныя размышленія много меня измѣнили. Къ чему могла повести меня эта исключительная привязанность?

8 Октября, Воскресенье. Гости мои выѣхали изъ Москвы, совершенно довольные мною, давъ честное слово въ проѣздъ свой чрезъ Москву въ будущемъ Апрѣлѣ опять остановиться у насъ, а осенью ѣхать вмѣстѣ въ Петербургъ. Мы съ Петромъ Ивановичемъ провожали ихъ до Всесвятскаго, гдѣ роспили бутылку Шампанскаго за здоровье ненаглядной Schwester Dorchen, какъ она мнѣ подъ сурдинкою велѣла называть ее, говоря, что это названье klingt besser in die Ohren, а я прибавилъ: und lautet noch besser im Herzen [2]).

Только-что распростились мы съ ними, и они хотѣли садиться уже въ карету, какъ, обернувшись, увидѣли надъ Москвою преогромное зарево пожара. Долго, долго стояли мы въ недоумѣніи, что̀ такое такъ жарко горѣть могло, пока ѣдущій изъ Москвы почтальонъ не объяснилъ, что горитъ Петровскій театръ и, не смотря на всѣ усилія пожарной команды, едва ли она въ состояніи будетъ отстоять его.

Наконецъ мы разстались не безъ взаимнаго горя.

Jede zarte Blume der Bekanntschaft
Pflanzt der Trennung Dorn ins Herz [3]),

[1]) Сестра князя С. С. Барятинскаго была за богатымъ откупщикомъ Семеновымъ. П. Б.

[2]) Благозвучные для слуха.—И еще звучнѣе отдается въ сердцѣ.

[3]) Каждый нѣжный цвѣтокъ знакомства насаждаетъ въ сердце терніе разлуки.

сказали они, и—справедливо: Богъ вѣсть, удастся ли опять встрѣтиться въ жизни? Столько непредвидѣнныхъ случаевъ, столько неожиданныхъ бѣдствій! Державинъ правъ:

Сегодня льстить надежда лестна,
А завтра—что́ ты, человѣкъ?

Петру Ивановичу очень хотѣлось заѣхать на пожаръ; но я рѣшительно отказался: *изъ огня да въ полымя*! Пріѣхалъ домой, и вотъ нѣсколько гекзаметровъ на Нѣмецкую тему Shwester Dorchen:

Смертные въ жизни подобны былинкамъ, брошеннымъ въ море:
Ярыя волны ихъ разлучаютъ, тамъ соединяютъ внезапно,
Тамъ разлучаютъ опять, и кто знаетъ на долгое ль время?
Мило знакомство, но тяжко мгновенье разлуки: ахъ, буря
Жизни можетъ унесть за могилу минуту свиданья!

Не дай Богъ случиться послѣднему!

9 Октября, Понедѣльникъ. Петровскаго театра какъ не бывало; кромѣ обгорѣлыхъ стѣнъ ничего не осталось. Жаль, очень жаль! Что́ теперь будутъ дѣлать актеры? Куда дѣваться публикѣ? Время спектаклей только-что наступило. Теперь одинъ рессурсъ: Нѣмецкій театръ; но къ сожалѣнію Штейнсбергъ хирѣетъ не на шутку, и хотя есть новые очень хорошіе сюжеты, особенно въ оперѣ, но всѣ эти господа безъ Штейнсберга какъ тѣло безъ души.

Чего иногда не выдумаетъ народъ! Многіе находятся въ полномъ убѣжденіи, что театръ сгорѣлъ отъ того, что *въ Воскресенье* назначено было представленіе Русалки, въ которой столько чертовщины, что христіанину смотрѣть страшно и въ будни, не токмо въ праздникъ. Самыя жаркія послѣдовательницы этого мнѣнія двѣ наши сосѣдки: старухи Бушуева и знаменитая башмачница, извѣстная подъ прозваніемъ *Раскольницы*. Первой эту глупость простить можно за миловидность дочки ея Настасьи Васильевны [1]), но другую извинить нечѣмъ, потому что работницы ея всѣ какъ на подборъ—одна другой безобразнѣе.

---

[1]) Кстати о Настасьѣ Васильевнѣ. Чѣмъ кончится страсть Петра Петровича Свиньина, которую онъ слишкомъ-неосторожно обнаруживаетъ къ этой бѣдной дѣвушкѣ? Она вовсе невинно пострадать можетъ во мнѣніи своихъ знакомыхъ: нашъ околотокъ—царство сплетень. Не разъ посылалъ онъ ей записки, а наконецъ я встрѣтилъ несчастнаго воздыхателя подъ ея окошкомъ: увѣрялъ, что дождется ея появленія, чтобы послать ей поцѣлуй. Это ужъ черезъ-чуръ глупо! О матери говорить нечего: подъ-носомъ ничего не видитъ; но братья могутъ узнать, и дѣло не обойдется безъ исторіи.

Намедни какой-то помѣщикъ Перхуровъ, отставной прапорщикъ и громогласный толстякъ, въ великомъ раздраженіи на Французовъ, кричалъ въ Англійскомъ клубѣ: «Подавай мнѣ этого мошенника Буонапартія, я его на веревкѣ въ клубъ приведу!» Услышавъ грознаго оратора, Иванъ Александровичъ Писаревъ, только что пріѣхавшій изъ деревни, скромный тихоня, спросилъ у Василья Львовича Пушкина: не извѣстный ли это какой-нибудь генералъ и гдѣ онъ служилъ? Пушкинъ отвѣчалъ экспромтомъ:

Онъ мѣсяцъ въ гвардіи служилъ
И сорокъ лѣтъ въ отставкѣ жилъ;
Курилъ табакъ,
Кормилъ собакъ,
Крестьянъ самъ сѣкъ.
И вотъ онъ въ чемъ провелъ свой вѣкъ.

Иванъ Ивановичъ говоритъ, что Пушкинъ не воображаетъ, какая вѣрная и живая біографія Перхурова заключается въ его экспромтѣ.

Съ удивленіемъ разсказываютъ, съ какою малою свитою Государь изволитъ путешествовать. Его сопровождаютъ не болѣе осьми человѣкъ: оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, князь Чарторижской, генералъ-адъютанты: князь Долгорукій, графъ Ливенъ и Уваровъ, лейбъ-медикъ Вилье, статскій совѣтникъ Убри и камергеръ принцъ Биронъ.

11 Октября, Середа. Вотъ чтó разсказывалъ генералъ Бардаковъ, находившійся нѣкогда въ главной квартирѣ князя Потемкина-Таврическаго. Князь обложилъ какое-то Турецкое укрѣпленіе и послалъ сказать начальствовавшему въ немъ пашѣ, чтобы сдался безъ кровопролитія. Между тѣмъ, въ ожиданіи удовлетворительнаго отвѣта, приготовленъ былъ великолѣпный обѣдъ, къ которому приглашены были генералитетъ и всѣ почетныя особы, къ свитѣ князя принадлежащія. По разсчету свѣтлѣйшаго посланный парламентеръ долженъ былъ явиться къ самому обѣду; однакоже онъ не явился. Князь сѣлъ за столъ въ дурномъ расположеніи духа, ничего не ѣлъ, грызъ по обыкновенію своему ногти и безпрестанно спрашивалъ, не ѣдетъ ли посланный? Обѣдъ приходилъ къ окончанію, и нетерпѣніе князя возрастало. Наконецъ, вбѣгаетъ адъютантъ съ извѣщеніемъ, что парламентеръ ѣдетъ. Скорѣй, скорѣй! сюда его! восклицаетъ князь, и чрезъ нѣсколько минутъ входитъ запыхавшійся офицеръ и подаетъ князю письмо; разумѣется, въ туже секунду письмо распечатано, развернуто; но вотъ бѣда: оно писано по-турецки. Новый взрывъ нетерпѣнія.—Скорѣй переводчика!—Переводчикъ явился.—На, читай и говори скорѣе: сдается

ли укрѣпленіе или нѣтъ?—Переводчикъ принимаетъ бумагу, читаетъ, оборачиваетъ письмо, вертитъ имъ передъ глазами туда и сюда, пожимаетъ плечами и не говоритъ ничего.—Да говори же скорѣе, сдается укрѣпленіе или нѣтъ? восклицаетъ князь въ величайшемъ порывѣ нетерпѣнія.—А какъ вашей свѣтлости доложить? прехладнокровно отвѣчаетъ переводчикъ, я въ толкъ не возьму. Вотъ изволите видѣть, въ Турецкомъ языкѣ есть слова, которыя имѣютъ двоякое значеніе, утвердительное и отрицательное, смотря по тому, бываетъ поставлена надъ ними точка или нѣтъ. Такъ и въ этомъ письмѣ находится именно такое слово: если надъ этимъ словомъ поставлена точка перомъ, то укрѣпленіе не сдается; но если эту точку насидѣла муха, то на сдачу укрѣпленія паша согласенъ.—Ну разумѣется, что насидѣла муха, воскликнулъ свѣтлѣйшій, и тутъ же, соскобливъ точку столовымъ ножемъ, приказалъ подавать Шампанское и первый провозгласилъ тостъ за здравіе Императрицы.

Укрѣпленіе точно сдалось, но только черезъ двои сутки, когда пашѣ обѣщаны были какіе-то подарки: а между тѣмъ донесеніе Государынѣ о сдачѣ этого укрѣпленія послано было въ тотъ же день, когда свѣтлѣйшій соскоблилъ точку, будто бы мухой насиженную.

Вотъ какія дѣла прежде сходили съ рукъ! Впрочемъ, князю Потемкину многое извинить было можно за вѣру его во всемогущество Русскаго народа и премудрость Екатерины. Онъ былъ именно тотъ человѣкъ, который по словамъ Державина:

.... взвѣсить смѣлъ
Мощь Росса, духъ Екатерины,
И, опершись на нихъ, хотѣлъ
Вознесть ихъ громъ на тѣ вершины,
На коихъ древній Римъ стоялъ
И всей вселенной колебалъ!

14 Октября, Субота. Шуринъ Г. Р. Державина, Н. А. Дьяковъ, показывалъ нѣсколько его писемъ и между прочимъ собственноручное его посланіе, въ которомъ пѣвецъ Фелицы дѣлаетъ намеки на увольненіе Дьякова отъ должности Московскаго прокурора и какъ будто утѣшаетъ его въ невзгодѣ:

Коль съ невинныхъ снялъ желѣзы,
Ускорилъ коль правый судъ,
Коль отеръ сиротамъ слезы,
Не бралъ лихвы, не былъ плутъ,
Дѣлавъ то, что дѣлать должно:
И безъ чина ты почтенъ и пр. и пр.

Прочіе стихи не помню; только И. И. говоритъ, что Дьяковъ совсѣмъ не изъ разряда тѣхъ людей, которые бы могли внушать поэтическія посланія; и точно мнѣ показался онъ не болѣе, какъ прокуроромъ, но прокуроромъ зажиточнымъ и наторѣлымъ въ хорошемъ обществѣ.

Между прочимъ, къ слову о Державинѣ. Наблюдательный И. И разсказывалъ, что Гаврила Романовичъ по кончинѣ первой жены своей (Катерины Яковлевны), женщины необыкновенной по уму, тонкому вкусу, чувствамъ приличія и вмѣстѣ по своей миловидности, примѣтно измѣнился въ характерѣ и сталъ еще болѣе задумчивъ; и хотя въ скоромъ времени опять женился, но воспоминаніе о первой подругѣ, внушавшей ему всѣ лучшія его стихотворенія, никогда его не оставляло. Часто, за пріятельскими обѣдами, которые Г. Р. очень любилъ, при самыхъ иногда интересныхъ разговорахъ или спорахъ, онъ вдругъ задумается и зачертитъ вилкою по тарелкѣ вензель покойной, драгоцѣнныя ему буквы К. Д. Это занятіе вошло у него въ привычку. Настоящая супруга его, замѣтивъ это ежедневное несвоевременное рисованье, всегда выводила его изъ мечтанія строгимъ вопросомъ: Ганюшка, Ганюшка, что это ты дѣлаешь?—Такъ, ничего, матушка! обыкновенно съ торопливостью отвѣчалъ онъ, вздохнувъ глубоко и потирая себѣ глаза и лобъ, какъ будто съ просонья.

18 Октября. Середа. Москва находится въ какомъ-то волненіи по случаю объявленной войны съ Французами. Въ обществахъ объ ней только и говорятъ: ожидаютъ чего-то чрезвычайнаго. Многіе, кажется мнѣ, черезчуръ уже храбрятся и презираютъ Французовъ, говоря, что первою схваткою все должно кончиться; а другіе думаютъ, что одно выигранное сраженіе еще не рѣшитъ дѣла. Вообще же всѣ надѣются на Государя, и очень мало находится такихъ людей, которые не увѣрены бы были въ успѣшномъ окончаніи кампаніи, тѣмъ болѣе, что арміею командуетъ генералъ Кутузовъ. Намедни у князя Несвицкаго П. С. Валуевъ разсказывалъ, что Кутузовъ соединяетъ всѣ качества настоящаго военачальника: обширный умъ, необыкновенное присутствіе духа, величайшую опытность и ничѣмъ непоколебимое мужество, и что онъ былъ чрезвычайно уважаемъ самимъ Суворовымъ, который называлъ его правою своею рукою.

Вотъ обѣщанный списокъ Русскихъ, Французскихъ и Нѣмецкихъ актеровъ и актрисъ съ обозначеніемъ ихъ амплуа. Свѣдѣнія о первыхъ двухъ труппахъ, которыя теперь по случаю пожара театра находятся безъ всякаго дѣла, притащилъ мнѣ дѣдушка, а о Нѣмцахъ я

позаботился самъ. Какъ жаль, что не успѣю передать тебѣ и всѣхъ закулисныхъ сплетень, которыхъ у меня по милости дѣдушки порядочный запасъ! Развѣ удастся только сообщить исторію о томъ, отчего изъ двухъ актрисъ, сестеръ Лисицыныхъ, старшая сдѣлалась госпожею Бутенброкъ и почему она передъ самымъ вѣнчаніемъ была высѣчена розгами. Исторія очень интересная; только, извини: до будущей недѣли не скажу ничего.

Русскій театръ.

1. *Плавильщиковъ:* въ трагедіяхъ, драмахъ и нѣкоторыхъ комедіяхъ, что̀ называется, первыя роли.

2. *Померанцевъ:* въ драмахъ и комедіяхъ роли благородныхъ отцовъ. Высокій талантъ, которому цѣны не знаютъ!

3. *Колпаковъ:* поступилъ на роли благородныхъ отцовъ, а покамѣстъ играетъ иногда роли и не своего амплуа.

4. *Кондаковъ:* играетъ, что̀ велятъ, а по настоящему резонёръ и порядочный *Тарасъ Скотининъ.*

5. *Прусаковъ:* герой и первый любовникъ въ трагедіяхъ, драмахъ и операхъ; всегда на ходуляхъ.

6. *Украсовъ:* остался на амплуа вертопраховъ и, надобно отдать справедливость, играетъ отлично, хотя иногда ему измѣняетъ органъ: хрипитъ.

7. *Мочаловъ:* малой видный, играетъ вездѣ, въ трагедіяхъ, комедіяхъ и операхъ, и нигдѣ, по крайней мѣрѣ, не портитъ.

8. *Жебелевъ:* въ трагедіяхъ и драмахъ первый любовникъ, но, говорятъ, хочетъ поступить на комическія роли и хорошо сдѣлаетъ.

9. *Зубовъ:* очень хорошій актеръ всюду, а вмѣстѣ и пѣвецъ. Голосъ удивительный. По смерти *Уварова* пѣлъ *Тамино* въ Волшебной Флейтѣ, и даже лучше, чѣмъ его предшественникъ. Жаль что для такихъ ролей не очень взраченъ собою. Отлично хорошъ въ *Клейнсбергахъ* Коцебу, въ роли стараго волокиты-графа.

10. *Орловъ:* въ роляхъ молодыхъ людей, а иногда и слугъ въ драмахъ и комедіяхъ. Талантъ есть.

11. *Зловъ:* играетъ въ трагедіяхъ, драмахъ и операхъ. Всюду хорошъ, гдѣ горячиться не нужно. Въ драмѣ: *Сынъ Любви*, въ роли пастора, безподобенъ. Славный собесѣдникъ.

12. *Сандуновъ:* по амплуа своему слуга отличный, но теперь большею частію любитъ играть Гримовъ: Клима Гаврилыча, голоднаго поэта въ Черномъ Человѣкѣ, и проч.

13. *Волковъ*, и

14. *Кураевъ:* оперные комики въ одномъ и томъ же амплуа. Оба съ талантами; но послѣдній умнѣе и натуральнѣе, хотя и не такъ, какъ первый, любимъ публикою.

15. *Соколовъ:* молодой человѣкъ съ хорошимъ голосомъ, игра непринужденная. Путь будетъ.

16. *Лисицынъ:* любимецъ райка; гримаса въ разговорѣ, гримаса

въ движеніи—словомъ, олицетворенная гримаса, даже въ роляхъ дураковъ, которыхъ онъ представляетъ.

17. *Кавалеровъ*: недавно поступилъ на роли слугъ изъ учениковъ Сандунова.

18. *Медвѣдевъ*: безподобенъ въ роли Еремеевны въ Недорослѣ, которую по какимъ-то преданіямъ играютъ всегда мужчины; даже и на Петербургскомъ театрѣ играетъ ее актеръ Черниковъ.

19. *Сандунова*: объ этой и говорить нечего.

20. *Померанцева*: старуха, какихъ мало; въ драмахъ заставляетъ плакать, въ комедіяхъ моритъ со смѣху, играетъ также и въ операхъ; талантъ необыкновенный!

21 *Воробьева*: въ трагедіяхъ и драмахъ роли первыхъ любовницъ. Иногда бываетъ недурна.

22. *Баранчеева*: роли благородныхъ матерей и большихъ барынь въ драмахъ и комедіяхъ. Благородства ни на грошъ.

23. *Караневичева*: роли молодыхъ любовницъ превращаетъ въ старыхъ.

24. *Носова*: премиленькая оперная актриса и была бы еще лучше, еслибъ кто-нибудь занялся ею. Чистая натура, жеманства ни на грошъ, и прекрасный голосъ.

25. *Бутенброкъ*: пѣвица недурная, баба плотная, бѣлая и румяная, но зубы уголь уголемъ.

26. *Лисицына*: сестра ея; недавно поступила на роли старухъ; есть талантъ, играетъ въ операхъ и комедіяхъ, только стиховъ читать не умѣетъ; рубитъ ихъ съ плеча, не соблюдая ни цезуры, ни ударенiй. Охотница повеселиться.

NB. *Волковъ*, *Кураевъ*, *Баранчеева* и *Лисицына* суть крѣпостные люди первый князя Волконскаго, а послѣдніе г. Столыпина, которому принадлежала также актриса *Бутенброкъ*, бывшая *Лисицына*, недавно выданная за-мужъ за Нѣмца, и покойный *Уваровъ*, отличный пѣвецъ, красавецъ собою и прекрасный актеръ. Вотъ былъ настоящій принцъ *Тамино;* жаль его!

Французская труппа:

1. *Дюпаре:* отличный актеръ во всѣхъ амплуа. Это почти другой Штейнсбергъ, разумѣется на Французскій ладъ.

2. *Белькуръ*: благородный отецъ; прекрасно играетъ аббата Лепе и Фенелона.

3. *Меріеннъ*: недуренъ въ роляхъ, что̀ называется *Financiers*, Оргоновъ, Сганарелей и проч.

4. *Брюнс* и 5. *Деворемонъ*, любовники въ драмахъ и комедіяхъ.

6. *Арманъ*: играетъ грумовъ.

7. *Розъ*: слугъ.

8. *Кремонъ*: тоже слуга и, говорятъ, еще покорный женѣ своей, у которой шашни съ графомъ Салтыковымъ. Сверхъ того дирижируетъ оркестромъ и даетъ уроки на скрипкѣ.

9. Мадамъ *Дюпаре*: первая любовница въ родѣ Караневичевой, прерыжая и съ претензіями.

10. М-мъ *Серинъи*: первыя роли въ драмахъ и комедіяхъ; поступила вмѣсто мадамъ *Лавандезъ*. Одна другой стóитъ.

11. М-мъ *Меріеннъ*: играетъ старухъ и дуеннъ.

12. М-мъ *Розъ*: служанка.

13. М-мъ *Брюне*: амплуа благородныхъ матерей.

14. М-мъ *Кремонъ*: красивенькая актриса, недурна въ оперкахъ, напр. въ *Арестантѣ*, мило поетъ: *Lorsque dans une tour obscure*, но совсѣмъ не Виргинія, роль которой непремѣнно присвоиваетъ себѣ.

Остальные сюжеты не стоютъ того, чтобъ упоминать о нихъ: простые подносчики писемъ.

Нѣмецкая труппа.

1. *Штейнсбергъ*: абсолютъ.

2. *Литхенсъ*: Карлъ Моръ, Фердинандъ и пр.

3. *Кистеръ*: любовникъ, злодѣй и пр.

4. *Нейгаузъ*: роли благородныхъ отцовъ и комическихъ стариковъ.

5. *Коропъ*: комическія роли.

6. *Эме*, 7. *Кюнъ*, 8. *Беренсъ* и 9. *Петеръ*: куклы, которыми двигаетъ по произволу Штейнсбергъ.

10. *Вильгельмъ Гасъ:* хорошій пѣвецъ и актеръ въ роляхъ стариковъ.

11. *Галтенгофъ:* отличнѣйшій теноръ и музыкантъ, но спадаетъ съ голоса.

12. *Гунніусъ*: извѣстный въ Германіи басъ и отличный пѣвецъ и актеръ. Въ роляхъ *Лепорелло* въ Донъ-Жуанѣ, *Осмина*—въ Похищеніи, *Хоразмина*—въ Оберонѣ, *Зороастра*—въ Волшебной Флейтѣ и *Аксура*—въ Аксурѣ Сальери удивительно хорошъ.

13. Актрисы: *Шредеръ* и 14. *Кафка* поступили на роли мамзель Штейнъ въ драмахъ, комедіяхъ и операхъ. Обѣ хороши, но первая лучше; обѣ Русалки, только послѣдняя втораго разряда: eine gemeine Coquette.

15. Мамзель *Соломони*, первая пѣвица въ бравурныхъ партіяхъ.

16. *Гунніусъ*: огромная и толстая женщина съ превысочайшимъ сопрано, только и годна, что для Царицы ночи, въ Волшебной Флейтѣ.

17. *Мамзель Гунніусъ*: милая пѣвичка, Церлина, крестьянка.

18. М-мъ *Штейнсбергъ*: молодая любовница въ драмахъ и комедіяхъ.

19. М-мъ *Гебгардъ*: роли старухъ въ драмахъ, комедіяхъ и операхъ.

20. М-мъ *Галтенгофъ*: буквально на всякое употребленіе.

21. Маленькая *Шредеръ*: удивительный, премилый ребенокъ, въ роли *Лили*, въ Русалкѣ; право чуть ли не лучше матери.

22 Октября, Воскресенье. Государь пробылъ въ Берлинѣ нѣсколько часовъ и отправился въ Потсдамъ, гдѣ пробудетъ нѣсколько дней, и послѣ поѣдетъ въ Веймаръ къ Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ. Москва мысленно слѣдуетъ за нимъ повсюду, и я никогда не замѣчалъ

въ обществѣ такой жадности къ политическимъ новостямъ, какъ теперь. Князь Одоевскій нарочно нанимаетъ на Мясницкой противъ почтамта маленькую квартирку, чтобы видѣть, когда приходитъ почта, и чтобы первому получать извѣстія, съ которыми тотчасъ и отправляется по своимъ знакомымъ или въ Англійскій клубъ, гдѣ вокругъ него всегда собирается кружекъ нувелистовъ. Говорятъ, наши войска находятся въ необыкновенномъ одушевленіи, отъ котораго ожидаютъ многаго.

Какъ бы хотѣлось мнѣ попасть въ этотъ клубъ, а возможности нѣтъ. Ни служащихъ въ Москвѣ, ни учащихся, ни домовладѣльцевъ гостями не пускаютъ, а въ члены попасть нашему брату очень трудно; да признаться, какъ-то и страшно: разомъ попадешь въ шалопаи, къ чему, между нами, я, кажется, имѣю великую наклонность.

Бѣдный Русскій театръ! Бѣдная Французская труппа! Со времени пожара всѣ актеры безъ дѣла и повѣсили головы. Чтò же касается до актрисъ, то Сила Сандуновъ говоритъ, что ихъ жалѣть нечего, потому что онѣ имѣютъ свои рессурсы. Селивановскій замѣтилъ, что жена его также актриса. «Такъ что же, возразилъ Сандуновъ, жена сама по себѣ, а актриса сама по себѣ: два амплуа и—мужъ не въ убыткѣ».

Ужъ подлинно, какъ говорить объ немъ князь Юрій Владимировичъ, настоящій Сахаръ Медовичъ Патокинъ: никому нѣтъ пощады.

Нѣмецкій театръ пользуется безвремяньемъ театровъ Русскаго и Французскаго и безпрестанно усиливаетъ свои представленія. Посѣтителей много, и Штейнсбергъ дѣлаетъ хорошіе сборы. Такъ-то бываетъ на свѣтѣ: несчастье одного составляетъ благополучіе другаго.

Вотъ хоть бы и нашъ Альбертъ Великій, физикъ и химикъ Анд. Хар. Чеботаревъ, прочитавъ въ какой-то иностранной газетѣ, что двумъ механикамъ въ Парижѣ, Полю и Лемерсье, удалось, наконецъ, рѣшить задачу управленія полетомъ воздушныхъ шаровъ, находится въ пресмѣшномъ отчаяніи, увѣряя, что это тайна давно уже имъ открыта, и что онъ «обокраденъ, кругомъ обокраденъ! Даже фигура шара самая та, какую изобрѣлъ я,—говоритъ онъ почти со слезами—форма птицы въ пропорціяхъ 10-ти саженъ ширины и 3-хъ саженъ вышины съ крыльями по бокамъ!» Страховъ, читавшій также объ этомъ въ журналѣ *Публицистъ*, рѣшительно удостовѣряетъ, что все это просто мистификація, не заслуживающая никакого вниманія.

26 Октября, Четвергъ. Цѣлый день таскался съ поздравленіями по имянинникамъ. Я, право, не думалъ, чтобы у меня столько было

знакомыхъ Дмитріевъ; и всѣ они на бѣду живутъ въ противоположныхъ частяхъ города: одни—въ Лафертовѣ, другіе—на Пречистенкѣ, третьи—у Серпуховскихъ воротъ, а Циціановъ—на Поварской. Околесилъ, конечно, пол-Москвы, покамѣстъ добрался до Газетнаго переулка къ чудаку Митро Хотяинцову, который накормилъ, напоилъ или, лучше, окормилъ и опоилъ. Онъ сдѣлался еще оригинальнѣе: такъ потолстѣлъ что кубарь-кубаремъ, и сталъ плѣшивѣе полнаго мѣсяца. Недѣли три гуляетъ на пропалую и теперь знается только что съ Земскимъ Судомъ: отъ секретаря до послѣдняго подъячаго. Шампанское льется какъ вода, и когда компанія упьется, задеретъ хоромъ козелка: «Какъ пошелъ нашъ козельчикъ въ лѣсочикъ гулять: зумъ—зумъ, зумъ—зумъ, и проч.»—«Да помилуй, Митро,—говоритъ ему братъ,—что̀ тебѣ за охота водиться съ этимъ пустымъ народомъ?»—«Какъ что̀ за охота? Ну, а неравно подъ слѣдствіе попадешь.»—Да вѣдь ни у тебя, ни у меня дѣлъ никакихъ нѣтъ.—«Теперь нѣтъ, да могутъ случиться.»—«Имѣнья также у насъ въ Московской губерніи кромѣ дома нѣтъ.»—«Теперь нѣтъ, да быть можетъ: надо думать о будущемъ.»—Толкуй съ нимъ, а вѣдь у молодца больше тысячи душъ.

Между тѣмъ съ этими поздравленіями и бражничаньемъ, кажется, я далеко не уйду. Еще слава Богу, что прошлаго года успѣлъ перейдти Рубиконъ; иначе чувствую, что пришло бы мнѣ плохо. Богъ вѣсть, отъ чего теперь мнѣ сто̀итъ такого напряженія быть внимательнымъ. Намедни Антонскій заказалъ для предстоящаго акта стихи, и вотъ до сихъ поръ ничего не лѣзетъ въ голову. За то добрый мой П. И. осѣдлалъ Пегаса и корпитъ надъ одою, подъ названіемъ *Геній*, въ которой вовсе незамѣтно присутствія генія. Мерзлякову заказаны стихи на *Благость*, Граматину—*Гимнъ Истинѣ*, и Соковнину—стансы на *Счастье*. «Все-*та* предметы-*та* нравственные,—говоритъ Антонъ Антоновичъ,—вотъ и ты-*та* написалъ бы что-нибудь на *Невинность-та*, а то все актерки-*та* на умѣ».

Брани, Антонъ, ругай меня;
Что стою брани—самъ я знаю,
И за пее, повѣрь, тебя
Еще я больше уважаю;
Ты хочешь мнѣ добра, и я—
Въ театръ Нѣмецкій уѣзжаю!

Все такъ, а чуть ли Антонскій не правъ: мнѣ кажется, я, просто, не оправился еще отъ Іюньской моей горячки. Иначе быть не можетъ.

Между тѣмъ за что ты щуняешь меня? Гдѣ это умничанье, которымъ ты мнѣ попрекаешь? Ты хочешь, чтобы я писалъ о всемъ безъ

разбора; но я и такъ поступаю какъ Долгоруковская Калмычка *Чума*, которая, по выраженію умнаго дурака Савельича, *все воспѣваетъ на что ни взираетъ*. Кажется, рублю съ плеча все, что ни попадается подъ руку. Неблагодарный!

30 Октября, Понедѣльникъ. Вчера послѣ обѣдни отправились мы съ Колычевымъ за Тверскую заставу на садку и какъ разъ попали на драку двухъ охотниковъ, смѣшную и жалкую. Вотъ какъ происходила баталія. Полупьяному содержателю садки вздумалось похвастаться предъ многочисленнымъ собраніемъ охотниковъ, что къ нему доставлены какіе-то отличные бойкіе степные русаки, которыхъ онъ предлагаетъ сажать *на уходъ*, съ тѣмъ, что если русакъ затравленъ будетъ, то за него денегъ не платить; а если уйдетъ, то онъ, содержатель, получаетъ съ охотника, пускающаго свою собаку, 10 р. Предложеніе принято единодушно, и двое изъ самыхъ отчаянныхъ охотниковъ, и къ несчастію старинныхъ по охотѣ соперниковъ, Лихаревъ и Похвисневъ, приказали начать садку. Надобно сказать, что вчера цѣлый день моросилъ дождикъ, а къ ночи сдѣлался морозъ, и Ходынское поле покрылось тонкимъ и ровнымъ слоемъ льда, такъ что собаки должны были непремѣнно разъѣзжаться и перепортить ноги, что, кажется, хитрый пьянюга и имѣлъ въ виду. Съ начала пущена была собака Никиты Андреевича Л., какая-то знаменитая *Акушка*, которая довольно скоро приспѣла къ русаку; сдѣлала нѣсколько угонокъ, но разъѣзжаясь не успѣвала захватить его и, ослабѣвъ, начала мало по малу отставать, а наконецъ и совсѣмъ остановилась. У Л. замѣтно побагровѣло лицо и напружились жилы. «Что, батюшка, Н. А., сказалъ Похвисневъ, видно русачекъ-то не по силамъ вашей собачкѣ». Л. промолчалъ, но бросилъ на П такой ужасный взглядъ, что у меня замерло сердце. Вотъ посадили собаку П. Была ли она лучше собаки Л., или второй русакъ былъ тупѣе перваго, право не знаю; только послѣ нѣсколькихъ угонокъ Похвиснева собака мастерски вздернула на шипецъ зайца, къ величайшему огорченію содержателя травли и торжеству владѣльца. Браво, браво! вскричали охотники.—Какое тутъ браво, завопилъ Лихаревъ; это просто стачка между двумя подлецами: одинъ сажаетъ полумертваго русака, другой пускаетъ на него свою полудворнягу, чтобы только сдѣлать мнѣ *афронтъ*! При этой выходкѣ П. бросился на Л. съ арапникомъ; но тотъ предупредилъ его сильнымъ ударомъ кулака въ лицо, такъ что разбитые въ дребезги очки почти врѣзались въ глаза П.. Тутъ уже пошло сущее кровопролитіе. Многіе изъ охотниковъ, общихъ знакомыхъ воителямъ, бросились разнимать ихъ; но всѣ извѣстные и и почетные люди тотчасъ же уѣхали, что сдѣлалъ и я, человѣкъ не-

извѣстный и непочетный, поспѣшая на обѣдъ къ князю Михайлу Александровичу *). Храбрецовъ отвезли къ оберъ-полиціймейстеру Балашову.

У князя обѣдали нѣсколько литераторовъ: князь Шаликовъ, Макаровъ и какой-то Ивановъ, о которомъ я не слыхивалъ, и обычные его посѣтители: Плавильщиковъ и Зловъ. Очень дѣльно замѣчаніе Плавильщикова на счетъ нынѣшнихъ молодыхъ людей обоего пола, которые являются съ желаніемъ поступить на сцену. «Вы не повѣрите,—говоритъ онъ,—что̀ это за народъ! У однихъ ни рожи, ни кожи; у другихъ вмѣсто голоса какое-то гортанное шипѣнье, третьи едва читать умѣютъ и всѣ ссылаются на страсть свою къ театру, а наши старшины тотчасъ и заголосятъ: талантъ! И мы же виноваты, что не хотимъ, будто бы изъ зависти, заняться претендентами. Ой ужъ мнѣ эти протекторы! Въ мое время для поступленія въ актеры являлись люди, которые соединяли въ себѣ хоть какія-нибудь условія для актерскаго званія, напримѣръ порядочную фигуру, довольно звучный органъ и нѣкоторую образованность, пріобрѣтенную, если не ученьемъ, такъ нѣкоторою начитанностію. Съ такими способностями и посредственные актеры могутъ быть сносны для публики. Вотъ хоть бы взять нашего *Кондакова*: онъ изъ семинаристовъ и по настоящему плохой актеръ; но публика его терпитъ и слушаетъ охотно, потому что онъ читаетъ внятно, слова нижетъ какъ жемчугъ, ни одного не проронишь. Такой человѣкъ, если не оттѣнитъ своей роли, то и не проглотитъ ея, но передастъ публикѣ вѣрно все, что̀ хотѣлъ сказать и написать авторъ. Если имѣешь органъ и чистое произношеніе, то есть и возможность заставить слушать себя. Другой примѣръ—*Караневичева*: у ней одинъ тонъ, что̀ на сценѣ, что̀ за кулисами, о движеніи страстей понятія не имѣетъ, о пластикѣ не слыхивала, актриса совсѣмъ плохая, а читаетъ хорошо и, будучи на мѣсто зрителя, я предпочелъ бы ее многимъ пресловутымъ актрисамъ, съ которыми мнѣ играть доводилось и которыя только что шептали свои роли, потому что сцену почитали пьедесталомъ, на которомъ могли поломаться предъ публикою. Разумѣется, я говорю о *Кондаковѣ* и *Караневичевой* только по недостатку у насъ хорошихъ актеровъ и актрисъ, выбирая изъ худаго лучшее; потому что, если бы у насъ всѣ были Крутицкіе, Померанцевы и Шушерины, а въ женщинахъ Синявскія, Померанцевы и Рахмановы, то Кондакову и Караневичевой никогда бы не бывать на сценѣ».

Князь Шаликовъ такъ и разстилался передъ княжнами въ комплиментахъ, которые напомнили мнѣ Липецкаго Ивана Кузьмича. Онъ

*) Долгорукову. П. Б.

намѣренъ издавать съ новаго года журналъ подъ заглавіемъ: *Московскій Зритель*, о чемъ хочетъ публиковать въ газетахъ, а между тѣмъ напечаталъ особое объявленіе, котораго экземпляры носитъ съ собою для раздачи ихъ знакомымъ и незнакомымъ, встрѣчнымъ и поперечнымъ. Вотъ тебѣ эта чушь:

«Будутъ словесность Русская и иностранная, отрывки, повѣсти, анекдоты, басни и стихи. Хорошій вкусъ и чистота слога, тонкая разборчивость литераторовъ (почему не литературы?) и нѣжное чувство женщинъ будутъ однимъ изъ главныхъ предметовъ моего вниманія. Будетъ статья и для критики—не брань, но критика здравая и безпристрастная должна быть въ журналѣ такого рода непремѣнно: она служитъ свѣтильникомъ въ путяхъ искусства, понимаетъ читателя, еще болѣе артиста, и научаетъ самаго критика—польза важная и неоспоримая. Иногда журналъ будетъ заключаться смѣсью!»

А вотъ и мадригалъ его старшей княжнѣ, какъ нарочно написанный для твоего сборника курьёзныхъ сочиненій:

Какъ свѣтитъ сладостно прекрасная луна
На мрачную небесъ безбрежность,
И на тревожный міръ ліетъ съ высотъ она
Спокойствіе и безмятежность:
Такъ въ мракъ моей души и сердца въ безнадежность
Ты льешь покой и свѣтъ, прелестная княжна!

2 Ноября, Четвергъ. Всѣ наши столбовые Москвичи находятся въ ожиданіи чего-то чрезвычайнаго. У главнокомандующаго ежедневно большой пріѣздъ, и онъ принимаетъ во всякое время. Всюду какая-то ажитація, а объ Англійскомъ клубѣ и толковать нечего: говорятъ, что это настоящій воскресный базаръ. Всѣ хотятъ непремѣнно что-нибудь узнать, а, за недостаткомъ вѣрныхъ извѣстій, вѣрятъ всякимъ небылицамъ. Съ одной стороны смѣшно, а съ другой извинительно. Графъ Иванъ Андреевичъ говоритъ, что это любопытство, въ какомъ бы видѣ оно ни представлялось, доказываетъ искреннее участіе въ судьбахъ отечества и его славѣ и преслѣдуемо быть не должно.

Вотъ прекрасные стихи, которые ходятъ вездѣ по рукамъ; иной и не знаетъ по-нѣмецки, а все-таки непремѣнно хочетъ имѣть ихъ. Яковъ Ивановичъ Де-Сангленъ сказывалъ, что будто бы они взяты изъ Берлинскихъ газетъ; въ нашихъ вѣдомостяхъ такихъ не ожидай. Чудо какая энергія!

Die Ehre ruft, die Pflicht gebeut,
Zum Schwerdte zuckt die Hand,
Und jedes Kriegers Herz erneut,
Durchflammt von Gluth der Tapferkeit,
Den Schwur: „fürs Vaterland! [1])

Наконецъ, нашли какой-то балаганъ въ домѣ князя Волконскаго на Самотекѣ, который обращаютъ въ театръ. Сказываютъ, что человѣкъ двѣсти помѣститься могутъ. Но покамѣстъ все это одни разговоры, а когда откроются спектакли, знаютъ лишь про то першіе [2]).

5 Ноября, Воскресенье. За обѣдомъ у Ростислава Евграфовича Татищева видѣлъ я Дмитрія Ардаліоновича Лопухина, бывшаго Калужскаго губернатора, непримиримаго врага Державину, за то, что сей, въ качествѣ ревизующаго сенатора, смѣнилъ его за разныя злоупотребленія. Лопухинъ не можетъ слышать о Державинѣ равнодушно; а бывшій секретарь его, великій говорунъ, Николай Ивановичъ Кондратьевъ, раздѣлившій участь своего начальника, приходитъ даже въ бѣшенство, когда заговорятъ о немъ и особенно если его хвалятъ. Этотъ Кондратьевъ пописываетъ стишки, разумѣется для своего круга, и по выходѣ Державина въ отставку *спустилъ*, по выраженію, кажется, Сумарокова, *свою своевольную Музу, аки цѣпную собаку*, на отставнаго министра и выразилъ удовольствіе свое слѣдующимъ стихотворнымъ бредомъ:

Ну-ка, братъ, пѣвецъ Фелицы,
На свободѣ отъ трудовъ,
И въ оставкѣ отъ юстицьи,
Наполняй бюро стиховъ.
Для поэзьи ты свободенъ,
Мастеръ въ ней играть перомъ;
Но за что сталъ неугоденъ
Министерскимъ ты умомъ?
Иль въ приказномъ дѣлѣ хватки
Стихотворцамъ есть урокъ;
Чьи, скажи, были нападки?
Или изгнанъ за порокъ?
Не жена ль еще причиной,
Что свободенъ сталъ отъ дѣлъ? [3])

Далѣе, слава Богу, не припомню. Кромѣ неудовольствія слышать эти гадкіе, кабачные стихи, грустно видѣть въ нихъ усиліе мелочной души уколоть геніальнаго человѣка, который вѣроятно никогда и не узнаетъ объ этихъ виршахъ. Просто, кукишъ изъ кармана.

Тутъ же повстрѣчалъ я Симбирскаго помѣщика, старика Степ. Ст. Кроткова съ молодою женой. Онъ извѣстный богачъ, владѣлецъ шести тысячъ душъ крестьянъ, и богатство его имѣло источникомъ совершенно-романическое приключеніе. Кротковъ былъ прежде очень бѣдный

---

[1]) Честь зоветъ, долгъ велитъ, рука хватается за мечъ, и сердце каждаго воина горящее пламенемъ отваги, возобновляетъ обѣты за родину!

[2]) Т. е. первые, старшіе.

[3]) Подробности см. въ „Запискахъ“ Державина. П. Б.

дворянинъ, обремененный семействомъ. Бунтовщикъ Пугачевъ, во время разгрома Симбирской губерніи, проѣзжая мимо деревушки Кроткова, полюбилъ мѣстоположеніе этой деревушки и обратилъ ее въ главное свое становище, а изъ гумна, риги и овиновъ подѣлалъ магазины и кладовыя для всего награбленнаго имъ въ губерніи имущества. Когда налетѣвшіе отряды войскъ выгнали самозванца изъ его становища, Кротковъ, слѣдовавшій за отрядами, немедленно возвратился въ свое имѣньице и нашелъ въ ригѣ, овинахъ и даже, говорятъ, въ хлѣбныхъ скирдахъ, множество всякаго добра, и между прочимъ нѣсколько бауловъ съ деньгами, серебряной посудой и другими разными драгоцѣнными вещами, всего тысячъ на двѣсти. Тутъ накупилъ онъ имѣній и, будучи хорошимъ хозяиномъ, годъ отъ году пріобрѣталъ болѣе и болѣе, зажилъ, чтȯ называется, паномъ и вѣкъ свой изжилъ бы паномъ безъ горя, присовокупя еще столько же тысячъ душъ, сколько уже имѣлъ, если бы не позамотались служившіе въ Петербургѣ сынки. Одинъ изъ нихъ, видно понаходчивѣе и поудалѣе другихъ, имѣя нужду въ деньгахъ, вздумалъ продать отцовское имѣніе и, въ числѣ крестьянъ, во главѣ подворной описи, помѣстилъ въ продажу и самого родителя своего подъ скромнымъ званіемъ бурмистра Степана Степанова сына Кроткова. Разумѣется пошло дѣло, и купчая уничтожена; однакожъ старикъ для избавленія сына отъ преслѣдованія уголовныхъ законовъ, принужденъ былъ помириться съ покупщикомъ, заплативъ ему едва ли не двойную цѣну противъ той, какую получилъ за имѣніе сынъ. Но въ наказаніе мотоватыхъ дѣтокъ онъ женился на бѣдной дѣвушкѣ и лучшее имѣніе свое подъ Москвою, село *Молоди* укрѣпилъ уже за молодою женою.

Это добрая замѣтка для тѣхъ, которые полагаютъ, что человѣкъ можетъ быть во всемъ счастливъ.

7 Ноября, Вторникъ. На ловца звѣрь бѣжитъ: Петръ Ивановичъ привезъ мнѣ отъ Селивановскаго только что оттиснутый проектъ любопытнаго объявленія объ изданіи Дамскаго Журнала, которое будетъ напечатано и въ газетахъ: это просто объяденье, чтȯ твой князь Шаликовъ!

«Изъ уваженія къ почтеннѣйшимъ Россійскимъ дамамъ (!) въ слѣдующемъ 1806 году будетъ *издаваться* ежемѣсячное *изданіе* подъ названіемъ *Дамскій Журналъ*. Въ немъ помѣщаться будутъ піесы *разныхъ родовъ* въ стихахъ и прозѣ. Главнымъ предметомъ будетъ: *нѣжная чувствительность, сопряженная съ моралью.* Иногда помѣщаемы будутъ статьи о модахъ, переводимыя изъ иностранныхъ журналовъ. *Критика и политика исключаются.* Издатель поставитъ себѣ за особливую честь,

если удостоенъ будетъ отъ *почтенныхъ Россійскихъ поэтовъ* присылкою ихъ произведеній».

Я непремѣнно хочу попасть въ число *почтенныхъ Россійскихъ поэтовъ* и пошлю издателю нѣкоторыя изъ моихъ произведеній. Не помѣститъ ли онъ моихъ куплетовъ изъ переводныхъ пiесъ, напримѣръ, хоть изъ оперы *Братья-охотники,* въ которой меньшой братъ поетъ:

Заячьи ножки
Больно востры,
Всѣ ихъ дорожки
Страхъ какъ пестры.

Среднiй отвѣчаетъ:

Заяцъ больно чутокъ,
Намъ тутъ не кладъ;
Станемъ лучше утокъ
Ставить мы въ рядъ.

Старшiй замѣчаетъ:

Ваши зайцы, ваши утки
Все однѣ пустыя шутки.
Вотъ какъ волка приберемъ,
Не рублемъ тогда запахнетъ:
Вся деревня наша ахнетъ,
Какъ десятка два возьмемъ.

А между тѣмъ хозяйка постоялаго двора, за которою они приволакиваются, кокетничаетъ передъ ними и угощаетъ ихъ:

Вотъ вамъ, милые дружочки,
Очень вкусные кусочки.
Вотъ тебѣ, Петруха, щи,
Если дурны, не взыщи:
Я варила какъ умѣла
И капусты не жалѣла.
Вотъ тебѣ, Иванъ, мясца,
Кушай до поту лица;
А тебѣ, Алеша, кашки.
Послѣ всѣмъ налью и бражки.

Ужъ если тутъ мало *нѣжной чувствительности, сопряженной съ моралью,* такъ гдѣ же искать ее болѣе? Ссылаюсь на умнаго и милаго Мерзлякова, которому показывалъ я свой переводъ и который съ тѣхъ поръ, какъ узналъ я о его переводахъ Итальянскихъ оперъ, удивительно какъ снисходителенъ сталъ къ моему вдохновенiю и называетъ меня Парнасскимъ Люстихомъ.

12 Ноября, Воскресенье. Нынѣшнiй день начались и Русскiе спектакли на театрѣ князя Волконскаго [1]). Театрикъ хоть куда: помѣщается

[1]) На Большой Лубянкѣ, позднѣе домъ графа Ростопчина, а въ наши дни Н. П. Шипова. П. Б.

до 300 человѣкъ. Давали Бѣглаго Солдата, и піеса шла не очень удачно. Главный персонажъ былъ въ какомъ-то курчавомъ рыжемъ парикѣ, который безобразилъ его до такой степени, что сидѣвшій со мной рядомъ въ партерѣ толстый купецъ, садоводъ Лебедевъ, не вытерпѣлъ, чтобы не вымолвить: «Ишь, батюшка, точно какъ у принца со сковороды ушелъ». Я въ первый разъ слышу эту поговорку и ума не приложу, изъ какого случая она проистечь могла.

Въ Среду, 15 числа, Нѣмцы даютъ въ первый разъ большую оперу der Spiegel von Arcadien, въ которой мадамъ Hunnius играетъ роль Юноны. Вотъ ужъ настоящая Юнона, какую изобразили Гомеръ и Виргилій: во первыхъ, глаза у ней какъ у быка, и вовторыхъ однимъ ударомъ широкой длани своей можетъ угомонить какого хочешь Юпитера и всѣ другія Олимпійскія божества, которыя съ нею будутъ на сценѣ.

Получено извѣстіе, что Государь пробылъ самое короткое время въ Дрезденѣ и уже выѣхалъ оттуда. Войска наши идутъ къ мѣсту назначенія въ совершенномъ порядкѣ, и какъ генералы, такъ и офицеры горятъ нетерпѣніемъ сразиться съ Французами. Графъ Ростопчинъ говоритъ, что Русская армія такова, что ее не понуждать, а скорѣе сдерживать надобно; и если чтó можетъ заставить иногда страшиться за нее, такъ это одна излишняя ея храбрость и даже запальчивость. Онъ увѣряетъ, что нашимъ солдатамъ стóитъ только сказать предъ сраженіемъ: «за Бога, Царя и Святую Русь!», чтобы они безъ памяти бросились въ бой и ниспровергли всѣ преграды; но что съ Французами и Нѣмцами надобно говорить умѣючи. Такъ Генрихъ IV говаривалъ первымъ: «Господа, вы Французы и непріятель предъ вами»; а съ послѣдними генералъ Цитенъ разсуждалъ: «Государи мои, сегодня у насъ сраженіе, *слѣдовательно* все должно идти какъ по *маслу*». Suum cuique. Балагуръ!

15 Ноября, Середа. Иванъ Владимировичъ Лопухинъ сказывалъ Невзорову, что въ Германіи встрѣчаютъ нашего Государя, какъ защитника и избавителя, и что восторгъ всѣхъ классовъ народа при встрѣчѣ съ Государемъ превосходитъ всякое описаніе. Онъ обворожилъ всѣхъ отъ мала до велика простымъ и милостивымъ своимъ обращеніемъ: мущины бѣгаютъ за нимъ толпами, а женщины придумываютъ разные способы для доказательствъ своего къ нему уваженія. Такъ, въ память пребыванія его въ Берлинѣ, дамы ввели въ моду носить букеты подъ названіемъ *Александровскихъ*, которые собраны изъ цвѣтовъ, составляющихъ, по начальнымъ буквамъ своихъ названій, имя *Alexander*. Безъ этихъ букетовъ ни одна порядочная женщина не

смѣетъ показаться въ общество, ни въ театръ, ни на гулянье. Вотъ изъ какихъ цвѣтовъ составляются букеты, которые рознятся только величиною и цѣнностію: большіе носятъ на груди, а маленькіе въ волосахъ. *Anemon* (анемонъ), *Lilie* (лилія), *Eicheln* (жолуди), *Geranthenum* (амарантъ), *Accazie* (акація), *Nelke* (гвоздика), *Dreifaltigkeitsblume* (веселые глазки), *Epheu* (плющъ) и *Rose* (роза).

Мило и остроумно. Непремѣнно закажу такой букетъ и поднесу его востроглазой Аринѣ Петровнѣ, на колѣняхъ à la Visapour и при мадригалѣ à la Шаликовъ. Къ стати же готовятся по Воскресеньямъ и балы у графа Орлова. При первомъ хорошемъ извѣстіи изъ арміи пойдетъ дымъ коромысломъ; но покамѣстъ молятся Богу о Государѣ и толкуютъ о новостяхъ.—По милости Невзорова, я не попалъ ни въ одинъ театръ и не видалъ ни Spigel von Arcadien, ни Catherine ou la Belle Fermière, и сердечно этому радъ. Иногда таскаешься по театрамъ только отъ скуки, и я не ропщу, когда есть случай посидѣть вечеромъ дома, лишь бы не одному.

17 Ноября, Пятница. Почтенный начальникъ Москвы, Александръ Андреевичъ Беклешовъ, столь извѣстный своимъ здравымъ Русскимъ умомъ, непоколебимостью и праводушіемъ своего характера, есть вмѣстѣ человѣкъ самаго добраго и нѣжнаго сердца. Кто бы могъ это сказать, смотря на угрюмую его физіономію и нѣкоторую жесткость въ обхожденіи? П. И. Аверинъ, отлично умный человѣкъ, находящійся съ Александромъ Андреевичемъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ по службѣ и пользующійся полною его довѣренностію, разсказывалъ за обѣдомъ у Арсеньева такія черты его доброты, которыя невольно извлекаютъ слезы. Александръ Андреевичъ очень, очень небогатъ, даже въ сравненіи съ прочими вельможами можетъ назваться вовсе бѣднымъ, а между тѣмъ такъ охотно и съ такимъ радушіемъ благодѣтельствуетъ всѣмъ, кто ни прибѣгаетъ къ его помощи. Не говоря уже о братѣ его Николаѣ Андреевичѣ, которому, какъ отцу многочисленнаго, семейства онъ предоставилъ всѣ доходы съ небольшого родового имѣнія своего, онъ всѣ почти карманныя деньги свои раздаетъ неимущимъ. Какъ-то на дняхъ опять явилась къ нему съ просьбою о дѣтяхъ вдова надворнаго совѣтника Ѳедорова, умершаго подъ судомъ за растрату казенныхъ денегъ. «Ну, ты опять пришла, говоритъ ей Беклешовъ. Вѣдь я сказалъ уже тебѣ, что мужъ твой былъ плутъ, и я за тебя, хоть ты расплачься, Государя безпокоить не стану; а вотъ тебѣ на бѣдность отъ меня еще сто рублей; какъ проѣшь, такъ добрые люди еще помогутъ; о старшихъ же ребятишкахъ попрошу губернскаго предводителя, или кого-нибудь изъ *ученыхъ*, чтобы помѣстили въ какое ни-

будь училище; ну теперь пошла!» Учеными называетъ Александръ Андреевичъ университетское начальство.

А вотъ и резолюція его на докладную записку Балашова [1]) о баталіи на садкѣ: «Лихарева съ Похвисневымъ содержать какъ озорниковъ подъ арестомъ, покуда искренно не примирятся; а примирятся, такъ тотчасъ выпустить, сдѣлавъ нотацію, что благороднымъ людямъ къ соблазну публики приходить въ азартъ и драться стыдно».

Витязи въ тотъ же день разъѣхались отъ оберъ-полицеймейстера совершенными друзьями.

Вотъ каковъ нашъ добрый начальникъ, котораго наставленіе Московскимъ властямъ должно бы напечатать золотыми буквами: «*слабостямъ снисходи, проступки исправляй, злонамѣреніе преслѣдуй, преступленія предотвращай, а раскаянью прощай*». Гдѣ Беклешовъ ни служилъ, какія высокія должности ни занималъ, генералъ ли прокурора, генералъ ли губернатора,—всюду снискивалъ онъ любовь и уваженіе, и всюду былъ онъ, по словамъ поэта Петрова,

Защитникъ строгаго Зенонова закона
И стоикъ посреди великолѣпій трона

20 Ноября, Понедѣльникъ. 22-го числа у Французовъ бенефисъ *Брюне*: Portrait de Michel Servantès и Heure du mariage Этьена; а у Нѣмцевъ бенефисъ *Гунніуса*: die Luft-Balle, опера Френцеля. Куда ѣхать? Я думаю къ нѣмцамъ, потому что объявленіе о Французскомъ спектаклѣ прекурьезное и не внушаетъ довѣрія; точно паяцы вопятъ съ балаганнаго балкона: «къ намъ, публика, къ намъ, ужъ мы для васъ постараемся!» А на повѣрку вся штука въ томъ, что вмѣсто двухъ рублей мѣдью, они за кресла хотятъ брать по два рубли серебромъ, т. е. по два р. 60 коп. Вотъ ихъ объявленіе: «Ces deux pièces viennent d'obtenir le plus grand succès à Paris, *tant à cause de leur style agréable, que par le manière ingénieuse dont elles sont traitées.* Les acteurs *redoubleront de zèle* pour que ce spectacle soit favorablement accueilli!!!» [2]) Отъ шарлатанства Французовъ мочи нѣтъ; но что́ досаднѣе всего, что и Русскіе актеры хотятъ подражать имъ. Отчего же не дѣлаютъ этого Нѣмцы? Отъ того, что у Штейнберга ума палата. Онъ говоритъ, что хвастовство завлекаетъ постепенно: прихвастнувъ

---

[1]) Прославившійся вскорѣ министръ полиціи Александръ Дмитріевичъ Балашовъ, былъ тогда Московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ. П. Б.

[2]) Двѣ эти піесы имѣли въ Парижѣ самый большой успѣхъ, по причинѣ пріятнаго ихъ слога, равно какъ и геніальной игры. Актеры удвоятъ стараніе, чтобы это представленіе было благосклонно принято.

немного одинъ разъ, надобно,—хочешь не хочешь,—хвастать въ другой и въ третій побольше; а тамъ хвастовству мѣры не будетъ, и наконецъ—caput!

Червонцы въ цѣнѣ возвысились до 4 р. 6 коп., серебряный рубль ходитъ 1 р. 30 к. Говорятъ, что это плохой знакъ; но мало ли что говорятъ!

23 Ноября, Четвергъ. Въ Нѣмецкомъ театрѣ давали вчера оперу die *Luft-Balle*, которая шла отлично, и мы смѣялись до истерики. Бенефиціантъ пѣлъ мастерски, а Коропъ уморительно представлялъ воздухоплавателя, и если бы говорилъ по-русски, то сказали бы, что на сценѣ не Коропъ, а нашъ премилый чудакъ Андрюша Чеботаревъ. Точь-въ-точь таже исторія пусканія бумажнаго шара на Дѣвичьемъ полѣ, за которое едва всѣхъ насъ не забрали въ полицію, потому что чуть не сожгли Грачевскаго дома, на который опустился горящій шаръ.

Видно ужъ вышелъ день такой: une folle journée. Изъ театра Хомяковъ увезъ меня на танцовальный вечеръ къ Веревкинымъ. Танцовальные вечера не по моей части, однакоже этотъ баликъ былъ превеселый и безцеремонный. Столько было хорошенькихъ дѣвушекъ, начиная съ хозяйскихъ дочерей до красавицы Алмазовой [1]), что и я соблазнился попрыгать экосезъ и алагрекъ, хотя немножко и медвѣдемъ. Востроглазая Арина Петровна, qui me cherche noise [2]), прислала Бѣлавина спросить меня, у какого танцмейстера я учился, чтобы предостеречь своихъ знакомыхъ отъ такого учителя; она забыла, что учился я вмѣстѣ съ ней у Іогеля. Насмѣшница! Ужинъ былъ не пышный, но вкусный. Шампанское не всѣмъ подавали, за то ратафій, наливокъ и шипучекъ было въ волю; а все это по примѣру Петра Ивановича я предпочитаю всякому вину. Послѣ ужина я вздумалъ было полюбезничать, но ненарочно такъ громко зѣвнулъ, что барышни расхохотались, и я со стыдомъ отправился во-свояси. Вотъ оно что! Мѣсяцевъ шесть тому назадъ я бы не зѣвалъ и никакъ бы не *прозѣвалъ*, а теперь: hin ist hin und alles dahin! Таковъ человѣкъ! Замѣтка психологамъ.

25 Ноября, Субота. 15-го числа Государь былъ въ Лигницѣ. Ожидаютъ жестокаго боя, но вѣрнаго никто ничего не знаетъ. Много отцовъ и матерей находятся въ великой тревогѣ за дѣтей своихъ, служащихъ въ гвардіи и арміи. Конечно не безпокоиться нельзя; но мнѣ кажется, что не будь сплетенъ и пустыхъ толковъ, поддерживающихъ

---

[1]) Варвара Петровна, впослѣдствія супруга Сергѣя Васильевича Шереметева. П. Б.
[2]) Которая хочетъ поддѣть меня.

это безпокойство, то оно уменьшилось бы на половину. Однакоже между малодушными есть и крѣпкодушные. Вотъ напр. Настасья Дмитріевна Афросимова, барыня въ объясненіяхъ своихъ, какъ извѣстно, не очень нѣжная, но съ толкомъ. У ней въ гвардіи четыре сына, въ которыхъ она души не слышитъ, а между тѣмъ — гоголь-гоголемъ разъѣзжаетъ себѣ по знакомымъ, да уговариваетъ ихъ не дурачиться. Ну, что вы, плаксы, разрюмились? Будто ужъ такъ *Бунапартъ* и проглотитъ нашихъ цѣликомъ! На все есть воля Божія, и чему быть, тому не миновать: убьютъ, такъ убьютъ; успѣете и тогда наплакаться! Дама презамѣчательная своимъ здравомысліемъ, откровенностію и безусловною преданностію правительству.

26 Ноября, Воскресенье. Рескриптъ Государя С.-петербургскому главнокомандующему генералу Вязмитинову читаютъ во всѣхъ домахъ, восхищаются имъ и благословляютъ Провидѣніе, ниспославшее Россіи такого Царя-отца. Какія чувства, какая великость души и какая любовь къ своему народу!

«Сергѣй Кузмичъ! Со всѣхъ сторонъ доходятъ до меня извѣстія о неоднократномъ изъявленіи привязанности ко мнѣ публики Петербургской и вообще всѣхъ жителей сего любезнаго мнѣ города. Не могу довольно изобразить, сколь лестно для меня сіе чувство. Изъявите имъ отъ имени моего искреннюю и чувствительную мою признательность. *Никогда болѣе не наслаждался я честію быть начальникомъ столь почтенной и отличной націи.* Изъявите равномѣрно всѣмъ, что *единое мое желаніе есть заслужить то званіе, которое я на себѣ ношу, и что всѣ мои старанія къ сему одному предмету обращены*».

28 Ноября, Вторникъ. Кажется, любопытство заразительнѣе чумы. Такъ изъ дому и тянетъ, чтобы добыть вѣстей. Мы рѣшительно ничего не знаемъ; а должно случиться чему-нибудь важному, потому что кареты безпрестанно шныряютъ по Тверской, останавливаясь у подъѣзда главнокомандующаго, точно какъ въ большой праздникъ, когда пріѣзжаютъ съ поздравленіями. У графа Ивана Андреевича и подъ Донскимъ у графа Орлова также бываютъ утренніе съѣзды. Митрополитъ прибылъ изъ Лавры. Въ Англійскомъ клубѣ замѣтили, что нѣкоторые notabilités, напр. князь Ю. В. Долгорукій, П. С. Валуевъ, генералъ Марковъ и др. какъ то все особятся и долго о чемъ-то въ тихомолку разсуждаютъ. Многихъ ежедневныхъ посѣтителей Англійскаго клуба вовсе не видно. И. И. Дмитріевъ, Карамзинъ и князья Оболенскіе вечера проводятъ у князя Андрея Ивановича Вяземскаго; Ю. А.

Нелединскій и Обрѣзковъ тоже тамъ. Всеволожскіе, Мятлевъ и Давыдовы у графа А. Г. Орлова. Непремѣнно что-нибудь да знаютъ, или вскорѣ узнать должны.

А между тѣмъ жизнь частныхъ людей идетъ своимъ чередомъ:

die ewige Natur geht kalt in ihre alte Gleise! *) и
„Буйныя страсти кипятъ и бушуютъ въ сердцахъ земнородныхъ!"

Вотъ въ сосѣдствѣ нашемъ случилось недавно происшествіе, драма или романъ—какъ угодно—которое стóитъ разсказа. Молодой, достаточный помѣщикъ Зубаревъ влюбился въ воспитанницу тетки своей, Софью Ивановну Благову (имена и фамилія невыдуманныя), дѣвушку бѣдную, но пригожую и получившую очень хорошее свѣтское образованіе, и, увѣренный въ взаимной склонности, рѣшился на ней жениться. Передъ свадьбой старуха говорила племяннику: «Жениться вамъ я не препятствовала, но, повторяю, смотри въ оба: дѣвушка умная, но скрытная и безъ намѣренія и разсчета шагу не ступитъ. Ты добросердеченъ, довѣрчивъ, самонадѣянъ и нехорошъ собою—берегись!» Такое предостереженіе для влюбленнаго тоже, чтó шелестъ листьевъ на кустарникѣ: мигомъ забыто. Свадьба состоялась, и молодые жили около четырехъ лѣтъ душа въ душу, прижили двухъ ребятишекъ и прожили бы вѣкъ свой спокойно и счастливо, еслибъ горничной Танькѣ не вздумалось выйти замужъ за повара Сергѣя, принадлежавшаго сенатору Мясоѣдову. Вотъ Танька и говоритъ барынѣ: «Позвольте мнѣ выдти замужъ».—«Что-жъ, выходи, милая; мы дадимъ тебѣ приданое».—«Приданое приданымъ, но прежде надобно жениха выкупить на волю».—«И на это согласна; только у меня денегъ нѣтъ, а мужъ едва ли на это согласится».—Знаю, сударыня; да вы можете сказать *Петру Андреичу*»! Барыня вспыхнула, однакожъ, подумавъ немного, отвѣчала: «Хорошо, я скажу Петру Андреичу».

Петръ Андреевичъ Мошинъ былъ молодой, хорошо воспитанный человѣкъ, красивой наружности, знакомый Софьѣ Ивановнѣ еще до ея замужества, а послѣ закадычный другъ ея мужа, его совѣтникъ, его оракулъ, его душа—словомъ, другой онъ самъ. Петръ Андреевичъ прежде не имѣлъ рѣшительно никакого состоянія, но года за полтора до происшествія, о которомъ идетъ рѣчь, получилъ въ наслѣдство около сотни душъ и тысячъ съ восемь рублей денегъ, жилъ чрезвычайно скромно, никуда не ѣздилъ, не хотѣлъ имѣть никакихъ знакомствъ и довольствовался однимъ развлеченіемъ бывать у Зубаревыхъ, съ кото-

*) Вѣчная природа равнодушно шествуетъ по старой колеѣ своей.

рыми проводилъ все свое время. Когда Зубаревъ отлучался куда-нибудь изъ Москвы по хозяйственнымъ дѣламъ своимъ, онъ поручалъ попеченію Мошина жену, дѣтей и весь домъ свой, которые обыкновенно называлъ своею *вселенною*.

Между тѣмъ поваръ Сергѣй, при дѣятельномъ пособіи проворной горничной, откупился на волю, заплативъ за себя болѣе трехъ тысячъ руб., и женился на Танькѣ, которой дали хорошее приданое. Но свободному человѣку нужно занятіе; а какое можетъ быть лучше занятіе для повара, какъ не завести трактиръ и не записаться для этого въ купцы? И вотъ Танька опять, пользуясь милостью бывшей госпожи своей, проситъ о запискѣ мужа въ купцы и о ссудѣ его нѣсколькими тысячими на обзаведеніе трактира. «Да у меня, милая, право денегъ нѣтъ» говоритъ ей Софья Ивановна. «И, сударыня» отвѣчаетъ Танька: «вамъ стóитъ вымолвить одно слово Петру Андреичу». Барыня горько заплакала, но, подумавъ, опять сказала: «Хорошо, я скажу Петру Андреичу».

И вотъ Московскимъ купцомъ Сергѣемъ Ивановымъ открывается на Солянкѣ *съѣстной трактиръ городъ Данцигъ*. Въ этомъ трактирѣ съ ранняго утра до поздней ночи ѣдятъ и пьютъ, поютъ и пляшутъ, и все дѣло ведется прикащикомъ, лихимъ парнемъ, который завѣдываетъ всѣми приходами и расходами; а хозяинъ съ хозяюшкою только-что приказываютъ, живутъ себѣ барами, нѣжатся въ постели часовъ до 9-ти, принимаютъ гостей, новыхъ знакомыхъ, распиваютъ съ ними чай и кофе, кушаютъ цыплятъ и телятинку, и блаженствуютъ какъ наши праотцы въ раю.

Однакожъ, мѣсяца черезъ три трактирщику приходитъ плохо: вмѣсто гостей, квартира наполняется заимодавцами, одному отдай за сахаръ и чай, другому за мясные припасы, третьему за дрова, и проч. Выручка есть, да расходы вдвое. *Итогъ* тысячи три убытку. Ступай, Танька, опять къ Софьѣ Ивановнѣ!

На этотъ разъ, сколько ни уговаривала Танька бывшую свою барыню напомнить о ней Петру Андреичу, но Софья Ивановна предпочла отдать ей половину своего гардероба, шаль, часы, цѣпочки, то-есть все, безъ чего порядочная женщина можетъ только обойтись, не обнаруживая своего недостатка, чѣмъ безпокоить Петра Андреича.

Но всѣ эти пожертвованія принесли мало пользы и не пособили дѣлу. Нѣкоторыя вещи проданы за безцѣнокъ, а шаль, часы и цѣпочки украсили Таньку и ея супруга. Да и какъ содержателю трактира быть безъ часовъ, а женѣ его безъ Турецкой шали?

И вотъ Танька, въ нѣсколько пріемовъ обобравшая кругомъ Софью Ивановну и видя, что она не хочетъ болѣе напоминать о ней Петру

Андреевичу, отправилась къ нему сама и, вооружившись всѣмъ безстыдствомъ, къ какому только была способна и которое усовершенствовала въ продолженіе трактирной своей жизни, выманила постепенно у бѣднаго Мошина всѣ деньжонки, бывшія у него на-лицо, и, сверхъ того, онъ принужденъ былъ заложить имѣньице свое въ Опекунскій Совѣтъ и полученную за него небольшую сумму также отдать въ удовлетвореніе ненасытной жадности трактирной четы.

Однажды, когда Мошинъ, истощивъ всѣ свои средства, принужденъ былъ невольно отказать въ деньгахъ Танькѣ, озлобленная тварь, поблѣднѣвъ, хлопнула дверью и пробормотала: «Ну, такъ вспомните жъ меня!»

На другой день нѣсколько писемъ Софьи Ивановны къ Мошину было въ рукахъ Зубарева, а самъ онъ, разбитый параличомъ, лежалъ безъ чувствъ на диванѣ. Въ этомъ положеніи засталъ его близкій ему родственникъ и добрый нашъ сосѣдъ И. И. Затрапезный, за которымъ посылали. Вскорѣ пріѣхала и старуха-тетка; но Затрапезный, во избѣжаніе соблазна, успѣлъ до пріѣзда ея высвободить письма изъ рукъ Зубарева и оставилъ ихъ у себя до времени.

Изъ этихъ писемъ, которыя переносила Танька, бывшая единственною повѣренною любовниковъ съ самаго начала преступной ихъ связи и которыя она, вѣроятно, затаила или украла, обнаруживается, что Софья Ивановна еще до замужества своего имѣла тайныя свиданія съ Мошинымъ, что первый ребенокъ былъ плодомъ ихъ любви, и что она вышла замужъ за Зубарева единственно для того, чтобъ скрыть свое безчестье и имѣть какое-нибудь положеніе въ свѣтѣ; потому что Мошинъ жениться на ней не могъ, ибо рѣшительно не имѣлъ тогда никакого состоянія, и что, вслѣдствіе этого намѣренія, она завлекла Зубарева, и, видя его привязанность, торопила свадьбою. Нѣкоторыя другія подробности слишкомъ отвратительны, чтобъ о нихъ разсказывать.

Мошинъ совершенно потерялся, да и есть отчего, а Софья Ивановна...

У Мартына Исповѣдника во время раннихъ обѣденъ ежедневно можно встрѣтить молодую женщину, стоящую въ углу придѣла на колѣняхъ и обливающуюся слезами, со всѣми признаками отчаянія. Она молится объ исцѣленіи полумертваго мужа и, вѣроятно, объ отпущеніи собственныхъ ея грѣховъ.

Всѣ люди, всѣ человѣки, говоритъ нашъ добрый, снисходительный отецъ Іоаннъ. Что́ дѣлать! Въ свое время все омоется банею покаянія. А къ Мошину очень примѣнить можно четыре стиха изъ безподобнаго посланія Буринскаго:

Вотъ до чего доводятъ страсти,
И вотъ какъ низко-ты упалъ,
Что подчиненъ лакеевъ власти
И вдругъ краснѣть предъ другомъ сталъ!

29 Ноября, Среда. Ѣздили съ Невзоровымъ къ Карцеву, у котораго я такъ долго не былъ. Онъ недомогаетъ и былъ намъ искренно радъ. Застали у него князя Гундорова. Этотъ князь считается однимъ изъ лучшихъ наѣздниковъ на рысакахъ и за сію способность находится въ большомъ почетѣ у охотниковъ и въ милости у графа Орлова. Онъ также извѣстенъ и неугомонностію своего аппетита, которому однакоже не всегда расположена служить его натура, несмотря на свою солидность: случается, подъ конецъ обѣда или ужина, что, наложивъ себѣ верхомъ тарелку какого-нибудь кушанья и приготовясь наслаждаться имъ, онъ вдругъ съ глубокимъ вздохомъ отталкиваетъ его отъ себя, съ досадою примолвивъ: *не могу!* Невзоровъ преуморительно передаетъ это отчаянное движеніе.

Карцевъ читалъ намъ кой-какіе стихи и между прочимъ одинъ стихотворный разсказъ, подъ заглавіемъ: *Цыганъ*, который тутъ же и дозволилъ мнѣ списать. Разсказъ нѣсколько растянутъ, но языкъ хорошъ и даже лучше многихъ нынѣшнихъ пресловутыхъ писателей. Мнѣ кажется, что Карцевъ мѣтилъ на какое-нибудь лицо, хотя и не признается въ томъ.

Цыганъ *(пословица)*.

Цыганъ, барышникъ лошадиной,
Мужикъ догадливый, да храбрости гусиной,
Купаяся, попалъ въ водоворотъ
И сталъ тонуть, кричитъ и вопитъ: „Гей, ребята,
„Спасите! Кто спасетъ, тому ужъ будетъ плата.
„Отдамъ послѣднее, топоръ отдамъ!“ Народъ,
Какъ водится у насъ, ни съ мѣста—лишь глазѣетъ:
Народъ вишь плавать не умѣетъ,
Зато пересужать другихъ собаку съѣлъ.
„За чѣмъ попалъ въ рѣку? Не чортъ носилъ купаться!
„Знай дома бы сидѣлъ, пострѣлъ,
„Стерегъ табунъ, да лапти плелъ,
„Такъ нѣтъ, тудажъ въ рѣкѣ задумалъ полоскаться!“
По счастью кумъ Семенъ шелъ мимо, слышитъ крикъ,
Бултыхъ въ рѣку, давай барахтаться съ волнами
(Онъ парень ловкой былъ, не только что съ рѣками,
Онъ былъ знакóмъ съ морями)
И вытащилъ утопленника въ мигъ.
А тотъ безъ памяти; однакоже очнулся,
Вздохнулъ,
Зѣвнулъ,
Чихнулъ
И потянулся,

За тѣмъ какъ встрепанный вскочилъ
И норовитъ домой, забывши о посулѣ:
Онъ домосѣдничать любилъ.
Межъ тѣмъ Семенъ стоялъ на караулѣ
И куманька остановилъ.
„Послушай, говоритъ, и не ворочай рыла,
„Ты, кажется, тому сулилъ топоръ,
„Кто вытащитъ тебя скорѣе изъ бучила!“
— Топоръ? какой топоръ? Ну, это что за вздоръ?—
„Какъ вздоръ! всѣ слышали, хоть я съ тобой и друженъ,
„Однакоже, признаться, мнѣ
„Теперь топорикъ очень нуженъ“.
— Тебѣ топоръ? На что? Да въ вашей сторонѣ
Имъ дѣлать нечего, къ томужъ ты не досуженъ.
„Досуженъ я иль нѣтъ, мнѣ слѣдуетъ топоръ:
„Я вытащилъ тебя, отдай—къ чему тутъ споръ?“
— Ужъ полно, ты ль тащилъ? Кажися мнѣ, Петруха;
А впрочемъ, ты иль онъ, въ томъ нѣтъ большой нужды!
Ужъ коли сдѣлалась съ товарищемъ проруха,
По христіанству долженъ ты
Его избавить отъ бѣды!
Такъ, слышь ты, писано; къ томужъ признаться,
Куда не хочется мнѣ съ топоромъ разстаться!—
„Давнобъ ты напрямки сказалъ,
„Чѣмъ проповѣди пѣть, дружище,“
Ему Семенъ безъ сердца отвѣчалъ.
„Ну, жалко топора—отдай хоть топорище;
„Оно и все-то грошъ, а я его искалъ...“—
— Вотъ это дѣло, кумъ, и не одно, а пару
Добуду я тебѣ, лишь бы Господь привелъ
Мнѣ побывать въ лѣсу, а тамъ бы я нашелъ,
Хотя бъ пришлось таскаться до угару.
Да что! Тутъ нечего напрасно тратить словъ,
Ужъ просто куму вѣрь!—Сказалъ и былъ таковъ.

Не даромъ говорятъ:

Какъ тонутъ, такъ топоръ сулятъ
И отказать ни въ чемъ не смѣютъ;
А вытащи—попятся назадъ
И топорища пожалѣютъ.

На дняхъ, кажется, 2 Декабря, въ круглой залѣ Зарубина у Никитскихъ воротъ даетъ концертъ скрипачъ *Бальйо*, соперникъ знаменитаго *Роде*, который два года тому назадъ обворожилъ всю Москву волшебнымъ, какъ тогда говорили, смычкомъ своимъ. Теперь мнѣнія раздѣлились, и нѣкоторые знатоки отдаютъ преимущество *Бальйо*, въ игрѣ котораго находятъ болѣе бѣглости, силы и энергіи. Но Всеволожскіе, Мосоловы и другіе диллетанты одного съ ними круга утверждаютъ, что хотя *Бальйо* точно и отличный скрипачъ и одаренъ необыкновенною силою, но что *Роде* превосходитъ его чистотою, нѣжностью и пѣвучестью игры; такъ играетъ, говорятъ они, что «невольно плачешь,

сердце выскочить хочетъ, и не слышишь земли подъ собою». Вотъ какъ! Но я помню, что тоже говорили и даже писали о *Жарновикѣ* и помѣшанномъ *Дицѣ*. Чему вѣрить? Мнѣ кажется, что нѣтъ лучше *того, что́ нравится*; а нравится сегодня одно, завтра другое. Бѣдные мы люди и бѣдный я студентъ!

Непостоянство—доля смертныхъ,
Въ премѣнахъ вкуса—счастье ихъ!

Мало того, что Державинъ великій поэтъ, онъ и великій мудрецъ; а Н. И. Кондратьевъ, губернаторскій секретарь, пишетъ на него кабачные стихи! Вотъ, поди ты съ нимъ!

30 Ноября, Четвергъ. Москва не *въ плѣну*, однакоже

Москва уныла,
Какъ мрачная осення ночь!

Ни одни стихи такъ не были кстати и не выражали лучше настоящаго состоянія Москвы, какъ эти стихи нашего Дмитріева. Получено извѣстіе, что 20 ч. мы претерпѣли жестокое пораженіе подъ Аустерлицемъ. Подробностей никакихъ еще не знаютъ, по крайней мѣрѣ не знаемъ мы; только эта роковая вѣсть вдругъ огласила всю Москву, какъ звукъ перваго удара въ большой Ивановскій колоколъ. Я не видалъ никого изъ знатныхъ, но много незнатныхъ разнаго рода людей приходило и пріѣзжа́ло къ намъ съ вопросами: *не знаете ли чего?* Завтра поѣду и я съ такимъ же вопросомъ по своимъ знакомымъ и, вѣроятно, также ничего достовѣрнаго не узнаю.

Мы не привыкли не только къ большимъ пораженіямъ, но даже и къ неудачнымъ стычкамъ, и вотъ отъ чего потеря сраженія для насъ должна быть чувствительнѣе, чѣмъ для другихъ государствъ, которыя не такъ избалованы, какъ мы, непрерывнымъ рядомъ побѣдъ, въ продолженіе полувѣка. Очень, очень хочется знать въ подробности о всѣхъ обстоятельствахъ, тѣмъ болѣе, что знакомые подстрекаютъ своимъ любопытствомъ; одинъ мой охранитель-геній, Петръ Ивановичъ, корпитъ надъ своимъ Геніемъ, почти не принимая участія въ происшествіяхъ политическихъ, да и мнѣ совѣтуетъ не слишкомъ заниматься ими. «Ужъ повѣрь, любезный,—говоритъ онъ,—что Государь знаетъ лучше насъ съ тобой, *что́* для *чего* дѣлается, и если насъ потрепали, то видно, что такъ надобно». Можетъ быть и правда; но правда и то, что изъ его Генія ничего не выдетъ. Онъ мнѣ кой-что изъ него читалъ; грустно сказать,—но совершенно пустой наборъ словъ.

Сегодня въ городѣ много имянинниковъ и все большею частію людей знатныхъ и почетныхъ: князья Вяземскій и Оболенскій, Коло-

кольцовъ, сосѣдъ нашъ богачъ Баташевъ и проч. Только врядъ ли у кого имянины будутъ веселые: у всякаго въ сраженіи былъ кто-нибудь изъ ближнихъ, или дѣти, или родственники, о судьбѣ которыхъ еще ничего неизвѣстно. Вотъ у нашего Андрея Анисимовича Сокольскаго родныхъ въ походѣ, слава Богу, никого нѣтъ, а всѣ безопасно поютъ на клиросахъ, и потому пирушка его будетъ не совсѣмъ скучна. Поѣдемъ къ доброму имяниннику!

2 Декабря, Субота. Извѣстія изъ арміи становятся мало по малу опредѣлительнѣе, и насмурныя физіономіи именитыхъ Москвичей проясняются. Старички, которые руководствуютъ общимъ мнѣніемъ, пораздумали, что нельзя же, чтобы мы всегда имѣли однѣ только удачи; не даромъ есть поговорка: лѣпя, лѣпя и облѣпишься, а мы лѣпимъ болѣе сорока лѣтъ, и кажется столько налѣпили, что Россія почти вдвое больше стала. Конечно, потеря немалая въ людяхъ; но народу хватитъ у насъ не на одного Бонапарте, какъ говорятъ нѣкоторые бородачи-купцы, и не сегодня, такъ завтра подавится окаянный. Впрочемъ слышно, что потеряли не столько мы, сколько Нѣмцы, которые будто бы *яшася бѣгу*, тогда какъ мы грудью ихъ отстаивали.

3 Декабря, Воскресенье. Всюду толкуютъ о подвигахъ князя Багратіона, который мужествомъ своимъ спасъ аріергардъ и всю армію. Я сегодня воспользовался Воскресеньемъ и объѣздилъ почти всѣхъ знакомыхъ, важныхъ и неважныхъ, и у всѣхъ только и разговоровъ слышалъ, что о Багратіонѣ. Сказывали, что генералъ Кутузовъ доноситъ о немъ въ необыкновенно сильныхъ выраженіяхъ. Кажется, что мы разбиты и принуждены были ретироваться по милости нашихъ союзниковъ; но тамъ, гдѣ дѣйствовали одни, и въ самой ретирадѣ войска наши оказали чудеса храбрости. Такъ и должно быть

Удивительное дѣло! Три дня тому назадъ мы всѣ ходили какъ полумертвые, и вдругъ перешли въ такой куражъ, что Боже упаси! Сами не свои, и чортъ намъ не братъ! Въ Англійскомъ клубѣ выпито вчера вечеромъ болѣе ста бутылокъ Шампанскаго, не смотря на то, что изъ трехъ рублей оно сдѣлалось 3 р. 50 коп. и вообще всѣ вина стали дороже.

Войскамъ нашимъ велѣно возвратиться, и Государь скоро будетъ въ Петербургѣ.

А между тѣмъ, пока мы деремся съ заграничными Французами, здѣшніе Французы ломаютъ разныя комедіи и потѣшаютъ Москву, какъ ни въ чемъ не бывало. Никогда Французскій театръ не видалъ у себя столько посѣтителей, сколько съѣхалось въ сегодняшній бене-

фисъ мадамъ *Сериньи* и мосье *Розъ*. Правда, что театръ не великъ, но за то былъ набитъ биткомъ. Давали трехъ-актную комедію: *Les Conjectures ou le Faiseur des nouvelles;* эта піеса какъ будто нарочно сочинена для настоящей эпохи и представляетъ довольно вѣрно непобѣдимую страсть нашего общества къ новостямъ, разнымъ заключеніямъ и пересудамъ (чтобы не сказать, сплетнямъ). Она разыграна была удачно, съ большимъ ансамблемъ.

5 Декабря, Вторникъ. Разсказываютъ пропасть анекдотовъ объ удальствѣ нашихъ солдатъ въ продолженіе трехдневной баталіи. Между прочимъ на одного гренадера Фанагорійскаго полка напали четыре Француза и закричали: *пардонъ,* т.-е. сдавайся! Но онъ выстрѣломъ убилъ одного, другаго повалилъ прикладомъ, третьяго приколол штыкомъ, а четвертый бѣжалъ. Государь приказалъ представить къ себѣ храбреца.

— О чемъ вы задумались, шутя спросилъ я сегодня Петра Ивановича; кажется, съ «Геніемъ» уладили, дѣвицамъ Скульскимъ стихотворенія ихъ исправили, графинямъ Гудовичъ просодію объяснили и съ барышней Баташевой склоненія и спряженія кончили, день вашъ наполненъ; о чемъ же думать?—А вотъ, любезный, о чемъ я думаю, пресерьёзно отвѣчалъ мнѣ Петръ Ивановичъ: у какого Николы завтра слушать обѣдню? У Николы Явленнаго, у Николы Дербенскаго, у Николы Большой Крестъ, у Николы Красный Звонъ, у Николы на Щепахъ, у Николы въ Столпахъ, у Николы въ Кошеляхъ, у Николы въ Драчахъ, у Николы въ Воробинѣ, у Николы на Болвановкѣ, у Николы въ Котелкахъ, или у Николы въ Хамовникахъ? Ко всѣмъ не поспѣешь; а поѣхать къ одному, такъ чтобы другіе причты не обидѣлись! Всѣ приглашали на храмовой праздникъ и угощеніе.

Вотъ подлинно душа-то ангельская!

Я такъ завтра отправлюсь къ Николѣ на Курьихъ Ножкахъ: тамъ у Лобковыхъ три праздника, приходскій, имянины сына и рожденье насмѣшницы ma tante, которой, по увѣренію отца, минетъ 19 лѣтъ, хотя мать считаетъ ей только 17. Но сколько бы ни было, она точно мила; со временемъ насмѣшливость исчезнетъ, потому что съ лѣтами, говорятъ, чувствуютъ больше нужды въ людяхъ, а веселость и остроуміе останутся Я поѣду поздравить ее и повезу ей букетъ, разумѣется, стихотворный, или лучше смѣхотворный.

7 Декабря, Четвергъ. Вчерашній день прошелъ весело, не смотря на то, что мое самолюбіе очень страдало. Какъ быть? Не всякое лыко въ строку!

Видѣлъ пріѣзжаго изъ Петербурга, г. Стратиновича, человѣка среднихъ лѣтъ, съ умной физіономіей, очень плѣшиваго и очень серьёзнаго. Онъ служилъ или служитъ цензоромъ, говоритъ какъ книга, прехладнокровно разсказываетъ пресмѣшныя вещи и, повидимому, въ связи со многими знатными людьми: много толковалъ о графѣ Головкинѣ, котораго признаётъ однимъ изъ остроумнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей въ Россіи и выхвалялъ его дипломатическія способности, которыя были причиной назначенія его посломъ въ Китай. Между прочимъ, описывая нѣкоторыя черты характера Головкина, онъ разсказывалъ, что онъ не можетъ равнодушно слышать трехъ Русскихъ пословицъ: 1) *все Божье да царское*, 2) *хоть не радъ, да готовъ* и 3) *безъ вины виноватъ*. А на счетъ нашихъ дѣльцовъ, или почитаемыхъ такими, отзывается, что всѣ они состоятъ изъ людей, которые *хотятъ и не умѣютъ*, или *умѣютъ и не хотятъ*, или *не хотятъ и не умѣютъ*, но что такихъ, *которые бы хотѣли и умѣли*, онъ еще не встрѣчалъ. Любопытно его замѣчаніе на счетъ нѣкоторыхъ особъ извѣстнаго круга: онѣ, утверждаетъ графъ Головкинъ, при всѣхъ добрыхъ своихъ качествахъ, имѣютъ такіе недостатки, которые уничтожаютъ эти качества; напримѣръ, *много* говорятъ и *мало* знаютъ, *много* проживаютъ и *мало* имѣютъ доходовъ; *много* о себѣ думаютъ и *мало* значутъ. Стратиновичъ прибавилъ, что всѣ замѣчанія графа заключаютъ въ себѣ какую-то тройственность.

Въ театрѣ давали оперу: *Глупость или Тщетная Предосторожность*, плохой переводъ съ Французскаго; эта опера, которая шла какъ нельзя хуже, называется въ оригиналѣ *une Folie*; кто же видалъ называть *Folie* глупостью? Содержаніе піесы есть *шалость* молодыхъ любовниковъ, такъ бы и должно назвать ее. Пріѣзжіе изъ Петербурга разсказываютъ чудеса объ игрѣ и пѣніи въ этой оперѣ Французской актрисы *Philis Andrieux*, которая производитъ необыкновенный восторгъ, о какомъ здѣсь и понятія не имѣютъ.

10 Декабря, Воскресенье. Всѣ наши власти и знать въ великой ажитаціи по случаю послѣзавтрашняго дня. У главнокомандующаго огромный обѣдъ, а вечеромъ нарядный балъ въ Дворянскомъ Собраніи. На Кузнецкомъ мосту точно гулянье, въ магазинахъ толпа, а у мадамъ Оберъ-Шалме такой пріѣздъ, что весь переулокъ заставленъ каретами. Записнымъ танцовщикамъ нашимъ: Валуеву, Козлову *), Демидову съ товарищи, много предстоитъ работы; сколько имъ будетъ упрашиваній отъ маменекъ, тетушекъ и бабушекъ, чтобы не обошли

---

*) Ивану Ивановичу, впослѣдствіи поэту-слѣпцу. П. Б.

ихъ дочекъ, племянницъ и внучекъ. Этимъ господамъ теперь *лафа*: въ городѣ нѣтъ ни гвардейцевъ, ни армейцевъ; есть нѣсколько гарнизонныхъ, отжившихъ свое время, офицеровъ, но кто же изъ нашихъ барышенъ рѣшится танцовать съ такими кавалерами?

5-го числа уѣхалъ въ Петербургъ молодой нашъ ученый Двигубскій, недавно съ такимъ отличіемъ возвратившійся изъ чужихъ краевъ, человѣкъ очень умный и ловкій. Онъ будетъ здѣсь профессоромъ. Это новый даръ М. Н. Муравьева и новое доказательство его попеченій объ университетѣ.

Ф. И. Евреиновъ сказывалъ, что нѣсколько Московскихъ хватовъ, и въ томъ числѣ Черемисиновъ, Зотовъ и Крюковъ вытребованы были къ главнокомандующему на головомытье за какую-то болтовню. Александръ Андреевичъ приказалъ представить ихъ къ себѣ въ пріемный день, когда соберется больше публики, да при всѣхъ отщелкалъ ихъ по-свойски такъ, что сгорѣли отъ стыда и не знали, куда дѣваться. «Ахъ вы негодные мальчишки, служили безъ году недѣлю, да туда же суетесь судить и рядить о политикѣ и критиковать поступки такихъ особъ! Знаете ли, что васъ какъ школьниковъ слѣдовало бы выпороть хорошенько розгами? И вы еще называетесь дворянами и благородными людьми, безпутные. Какіе вы, къ чорту, благородные люди! Такъ, шавель, сущая дрянь!»

Евреиновъ говоритъ, что начальникъ разсердился больше на то, что эта непростительная болтовня происходила въ Пѣвческомъ трактирѣ, при большомъ стеченіи купцовъ и простаго народа, который съ неудовольствіемъ слушалъ ее, и что изъ этого легко могъ бы произойти какой нибудь гвалтъ, неравно гибельный для самихъ болтуновъ; иначе онъ бы пренебрегъ этимъ, зная, что самъ Государь пренебрегаетъ подобными россказнями и не желаетъ, чтобы ихъ преслѣдовали.

12 Декабря, Вторникъ. Между тѣмъ какъ наши знатные Москвичи праздновали рожденіе Государя и благополучное возвращеніе его изъ арміи, сперва на большомъ обѣдѣ у начальника столицы, а послѣ на балѣ въ Дворянскомъ Собраніи, незнатный студентъ праздновалъ сей «нареченный и святой день» дòма, съ нѣсколькими добрыми знакомыми. У насъ обѣдали неизмѣнный Максимъ Ивановичъ и любезный дѣдушка. У одного въ головѣ журналъ: *Другъ Просвѣщенія,* а другой до смерти сердитъ на всѣхъ актеровъ и особенно актрисъ; говоритъ: «горничныя, сударь, настоящія горничныя, никакого священнаго огня въ груди не имѣютъ». Пресмѣшной! Хочетъ найти священный огонь въ груди у Баранчеевой. Говоря о священномъ огнѣ, я къ стыду моему долженъ признаться, что онъ и въ моей груди погасаетъ: рѣшительно учиться не могу и

съ Новаго Года прощусь съ университетомъ. Не знаю, тотчасъ ли поѣду въ Петербургъ, это будетъ зависѣть отъ воли моихъ домашнихъ, но только наука не лѣзетъ мнѣ въ голову. Петръ Ивановичъ говоритъ, что это пройдетъ и что я нахожусь въ какомъ-то переходномъ состояніи. Я не понимаю этого выраженія, но чувствую, что обманывать себя глупо, а другихъ—грѣшно, и нечего тратить время по пустому; невѣждою не останусь, а полуневѣждою быть куда не шло.

Антонскій призвалъ меня и спрашивалъ, приготовилъ ли я стихи для акта; я отвѣчалъ, что нѣтъ и что написать ничего не могу. «Ну такъ и тебѣ-*тà* ничего не будетъ-*тà*, сказалъ онъ серьезно разсердившись: и лѣнишься-*тà* и балахрысничаешь-*тà*». Я возразилъ, что по увѣренію Петра Ивановича я нахожусь въ переходномъ состояніи, и потому я не виноватъ; къ тому же онъ самъ написалъ прекрасную піесу *Геній*, и мнѣ съ нимъ, какъ старшимъ, входить въ соперничество непристойно, тѣмъ болѣе, что мы живемъ вмѣстѣ. Доброжелатель мой засмѣялся, et le voilà désarmé [1]).

15 Декабря, Середа. Все это время дни мои также пусты, какъ и моя голова. Готовимся къ акту, и чтобъ не совсѣмъ огорчить Антонскаго, который постоянно ко мнѣ такъ благосклоненъ, хотя и не рѣдко журитъ меня, я рѣшился потѣшить его и написалъ Нѣмецкую рѣчь о *пользѣ изученія иностранныхъ языковъ*, которую Де-Сангленъ находитъ очень хорошею и не требующею многихъ поправокъ: Hochzuverehrende Versammlung! In unseren Zeiten ist das Studium der lebenden Sprachen ein nothwendiges und wesentliches Stück einer guten Erziehung [2]), и пр.

Напротивъ, Тургеневы, воспитанники Лемана и записные Нѣмцы, говорятъ, что это просто какая-то жижа, которую даже и водою назвать нельзя; но что впрочемъ я смѣло могу читать ее, потому что кромѣ ихъ никто меня не пойметъ (довольно самолюбиво!). Де-Сангленъ гладитъ меня по головкѣ, вѣроятно потому, что мы часто видаемся съ нимъ на вечерахъ у Катерины Александровны Муромцовой, гдѣ я бываю постояннымъ свидѣтелемъ его любезничанья; и въ самомъ дѣлѣ онъ человѣкъ хорошаго тона и очень веселый въ обществѣ, великой затѣйникъ на всякія игры и умѣетъ занять молодыхъ дамъ и дѣвицъ; всѣ его любятъ и всѣ ему рады. Я не видывалъ человѣка, который бы такъ ловко соединялъ педагогику съ общежитіемъ.

Въ Воскресенье открытіе новаго театра въ домѣ Пашкова на Моховой; даютъ Прекрасную Арсену. Разумѣется, Прекрасною Арсеною будетъ Сандунова, а Монстромъ—Прусаковъ. Постараюсь попасть на этотъ спектакль, благо свободный день.

---

[1]) И вотъ онъ обезоруженъ.

[2]) Высокопочтенное собраніе! Въ наше время изученіе живыхъ языковъ есть необходимая и существенная часть хорошаго воспитанія.

18 Декабря, Понедѣльникъ. Я слышалъ вчера, что Петербургъ встрѣтилъ Государя съ такимъ восторгомъ, какому не было примѣра. Послѣдствіемъ этой встрѣчи былъ рескриптъ Петербургскому главнокомандующему, съ котораго списки ходятъ уже здѣсь по рукамъ; онъ скоро долженъ появиться и въ газетахъ, но покамѣстъ еще не напечатанъ и не дошелъ до насъ. Вотъ нѣкоторыя изъ него подлинныя фразы, достопамятныя по чувству и выраженію. Государь, поручая главнокомандующему повторить жителямъ П.-бурга признательность его, между прочимъ изволитъ изъясняться такъ: «*Любовь любезнаго мнѣ народа есть моя лучшая награда и единый предметъ всѣхъ моихъ желаній*». Наши Москвичи и особенно стихотворцы, въ порывахъ своего усердія и преданности къ Государю, обыкновенно называютъ его Титомъ, Маркомъ-Авреліемъ, Антониномъ и проч., потому что не могутъ ступить шагу бедъ древнихъ громкихъ именъ; но я спрашиваю: справедливо ли нашего благочестиваго Батюшку-Царя сравнивать съ Римскими, не-христіанскими владыками? Эти кесари любили тріумфы, любили лесть и обожаніе, а нашъ императоръ отказывается даже отъ всѣхъ почестей, кои принадлежатъ, независимо отъ сана, его личнымъ заслугамъ, и вотъ тому разительный примѣръ. Въ день рожденія Государя, кавалерская дума поднесла ему чрезъ депутатовъ своихъ, князей Прозоровскаго и Куракина, орденъ св. Георгія 1-й степени; но Государь, не принявъ его, приказалъ сказать думѣ, что онъ благодаритъ ее за вниманіе къ такимъ дѣяніямъ его, которыя онъ почитаетъ своею обязанностію; но что знаки 1-й степени ордена св. Георгія должны быть наградою за распоряженія начальственныя; что онъ не командовалъ, а храброе войско свое привелъ на помощь своего союзника, который всѣми онаго дѣйствіями распоряжалъ по собственнымъ своимъ соображеніямъ, и что потому не думаетъ онъ, чтобы все то, что онъ въ семъ случаѣ сдѣлалъ, могло доставить ему сіе отличіе; что во всѣхъ подвигахъ своихъ раздѣлялъ онъ только неустрашимость своихъ войскъ и ни въ какой опасности себя отъ нихъ не отдѣлялъ, и что сколько не лестно для него изъявленное кавалерской думой желаніе, но имѣвъ еще единственный случай оказать личную свою храбрость и въ доказательство, сколь уважаетъ онъ военный орденъ, находитъ теперь приличнымъ принять только знакъ 4 степени».

Стоитъ только прочитать этотъ отзывъ Государя, чтобы вполнѣ почувствовать блаженство быть его подданнымъ и жить подъ его державою.

Князь Одоевскій, который вмѣняетъ себѣ въ честь, славу и обязанность прежде всѣхъ получать всѣ извѣстія—на что употребляетъ

важныя суммы—первый распустилъ этотъ отзывъ Государя думѣ по городу, приказавъ въ своей домашней конторѣ переписать его въ большомъ количествѣ экземпляровъ и роздалъ ихъ своимъ знакомымъ. Предрагоцѣнный человѣкъ, этотъ князь, даромъ что подъ векселями и другими дѣловыми бумагами не иначе подписывается, какъ дѣйствительнымъ камергеромъ и старшиною Россійскаго Благороднаго Собранія.

Намъ сказывали по секрету, что Александръ Андреевичъ также ожидалъ рескрипта, но, не получивъ его, очень прикручинился и даже не скрываетъ своей грусти: говоритъ, что онъ бы желалъ получить доказательство государева вниманія не для себя собственно, потому что онъ вѣкъ свой отжилъ, но для Москвы, которой усердіе и любовь къ Государю проявились во всемъ блескѣ во время отсутствія его изъ Россіи.

Новый театръ въ домѣ Пашкова ни хорошъ, ни дуренъ, а такъ, ни то, ни се; сдѣланъ изъ манежа и узокъ не по длинѣ. Прекрасная Арсена въ томъ видѣ, какъ ее представляютъ, вовсе не прекрасна. Во время представленія я узналъ, что товарищъ нашъ Морозовъ безъ памяти влюбленъ въ Сандунову и ходитъ потихоньку въ театръ всякой разъ, какъ она играетъ. Сегодня мы отрыли у него цѣлую кипу посланій, мадригаловъ и сонетовъ къ знаменитой актрисѣ, и все это—въ прозѣ. Ну кто видалъ писать мадригалы и сонеты въ прозѣ? Преоригинальная мысль! Впрочемъ,

Amis, respectons ses amours,
Pour qu'il respecte aussi les nôtres [1]).

20 Декабря, Середа. Завтра экзаменъ, послѣ завтра актъ, и затѣмъ—прощайте навсегда пансіонъ и университетъ! Около трехъ лѣтъ тому назадъ я только и бредилъ, что объ университетѣ, и еще въ началѣ нынѣшняго года думалъ не оставить его иначе, какъ съ званіемъ кандидата, а можетъ быть и магистра; а теперь бѣгу изъ него безъ оглядки простымъ, недоучившимся студентомъ, бѣгу не зная самъ куда. Видно, по выраженію Жуковскаго, таковъ человѣкъ:

Игралище суетъ, волнуемый страстями,
Какъ прымъ вихремъ листъ; ужасный жребій твой—
Бороться съ горестьми, болѣзньми и собой!

Не безъ сердечнаго однакожъ сожалѣнія оставлю многихъ моихъ доброхотовъ и пособниковъ и никогда не забуду ихъ заботъ и попеченій о мнѣ. Да и какъ забыть умнаго, положительнаго Страхова, ученаго, краснорѣчиваго и добродушнаго Сахацкаго, геніальнаго Мерзлякова и даже самого кропотуна Антонскаго, превосходнаго наставника

[1]) Друзья, почтимъ его любовныя похожденія для того, чтобы и онъ почиталъ наши.

и добраго человѣка. Не говорю уже о Петрѣ Ивановичѣ, съ которымъ еще не такъ скоро разстанусь, и который былъ мнѣ другомъ и братомъ, и, не смотря на свое педантство, есть одинъ изъ превосходнѣйшихъ людей на свѣтѣ по качествамъ сердца и по образу мыслей. Не забуду и тебя, мой милый, безпечный Буринскій, будущее свѣтило нашей литературы, поэтъ чувствомъ, поэтъ взглядомъ на предметъ, поэтъ оборотами мыслей и выраженій, и образомъ жизни, словомъ: поэтъ по призванію! Не забуду тебя, скромный обитатель бѣдной кельи незабвеннаго нашего поэта Кострова, котораго наслѣдовалъ ты талантъ, не наслѣдовавъ его слабостей!

23 Декабря, Субота. Экзамены кончились благополучно, и актъ прошелъ какъ слѣдуетъ, т. е. какъ проходилъ онъ двадцать лѣтъ назадъ и проходить будетъ опять черезъ двадцать лѣтъ. Спрашивали извѣстное, отвѣчали заученное. Представляли судебное дѣйствіе Горюшкина, въ которомъ нѣтъ никакого дѣйствія; любовались рисунками, рисованными учителемъ Синявскимъ подъ видомъ поправокъ; играли на клавикордахъ тѣ же піесы, которыя играли прошлаго года и будутъ играть въ будущемъ году все тѣ же братья Лизогубы; танцовали тотъ же балетъ съ гирляндами, которымъ старикъ Морелли угощаетъ посѣтителей ежегодно въ продолженіе почти четверти вѣка; читали *Благость* Мерзлякова, *Генія* Петра Ивановича, *Гимнъ Истинѣ* Граматина съ поправками Жуковскаго, очень несчастное *Счастіе* Соковнина, *Французскій діалогъ* въ родѣ разговора: Comment vous portez vous? Très bien, monsieur. Провозгласилъ и я Нѣмецкую рѣчь Hochzuverehrende Versammlung, которую подсказывалъ мнѣ пріѣхавшій въ отпускъ Александръ Тургеневъ и которой никто не слушалъ. Словомъ, все прошло какъ нельзя лучше. Столичное начальство дѣлало комплименты Антонскому, а онъ передавалъ ихъ учителямъ и нѣкоторымъ воспитанникамъ: всѣ довольны, но болѣе всѣхъ доволенъ я, потому что все это кончилось.

Однакоже, какъ теперь на свободѣ пораздумаешь: что́ это значитъ? Мы, дѣйствительные студенты, ѣздимъ на лекціи въ университетъ, а принадлежимъ еще начальству пансіонскому. Согласенъ, что тѣ, которые живутъ въ пансіонѣ, обязаны считаться отъ него зависящими; но я и нѣкоторые другіе вступали въ пансіонъ полупансіонерами и никогда въ немъ не жили, почему жъ мы принадлежимъ пансіону? Вотъ этого никто не хотѣлъ или не умѣлъ мнѣ ясно растолковать; а что-то неладно!

Завтра отдыхъ: постараюсь выспаться хорошенько, чтобы какъ можно бодрѣе встрѣтить праздникъ. Для меня одной Рождественской

заутрени мало: поѣду прежде въ Успенскій соборъ, а тамъ поищу, не будетъ ли гдѣ другой и третьей попозже. Готовъ бы ихъ прослушать хоть десять, лишь бы послужили ноги. Что это за красота такая. Этотъ громкій, торжественный, все потрясающій кликъ пророка: съ нами Богъ! Этотъ канонъ, составленный изъ такихъ чудныхъ пѣсенъ Дамаскина, какъ напримѣръ *жезлъ изъ корене Іессеова и проч.*, эти богородичны и синаксари! Право, кажется, что, исключая Пасхальной превосходнѣе Рождественской службы ничего не было и нѣтъ; по крайней мѣрѣ для меня она есть самое высокое и утѣшительное наслажденіе и переноситъ меня въ эпоху моего дѣтства, когда, бывало, я, непремѣнный чтецъ покойной бабки, прочитавъ великое повечеріе корифеемъ восклицалъ: съ нами Богъ! а за мною уже двухорный клиръ пѣвчихъ провозглашалъ громогласно: разумѣйте языцы и проч. И такъ, до времени, все мірское въ сторону!

26 Декабря, Вторникъ. Всѣ праздничныя обязанности мои выполвилъ я исправно, и совѣсть моя покойна; у однихъ былъ съ поздравленіемъ, у другихъ съ благодарностію, а къ инымъ заѣзжалъ по влеченію сердца. У послѣднихъ оставался долѣе. За то какъ и усталъ!

Слышалъ, что градоначальникъ получилъ рескриптъ и что онъ очень доволенъ. Завтра узнаю о содержаніи рескрипта и о прочемъ въ подробности, а теперь покамѣстъ:

Неодолимый клонитъ сонъ.
Спѣшу въ объятія къ Морфею;
Пусть мнѣ представитъ въ грезахъ онъ
Ту благодѣтельную Фею,
Кому судьбой я обреченъ,
Съ кѣмъ я соединюсь душою,
Съ кѣмъ буду сердцемъ обрученъ.

Что жъ! Стихи какъ стихи и не хуже виршей князя Шаликова съ товарищи, даромъ что писаны на сонъ грядущій; а говорятъ, что ихъ писать мудрено. Пустяки!

28 Декабря, Четвергъ. Весь рескриптъ градоначальника состоитъ изъ необыкновенно сильныхъ и милостивыхъ выраженій. Вотъ что, между прочимъ, изволитъ писать Государь:

«*Любовь народа составляетъ для меня единственный предметъ, начало и конецъ моихъ дѣйствій и желаній.* Я поручаю вамъ снова удостовѣрить обывателей Московской столицы въ совершенной признательности моей къ столь пріятному для меня ихъ расположенію. Удостовѣрьте ихъ, что *покой и счастіе народа мнѣ любезнаго считаю*

я драгоцѣннѣйшимъ залогомъ, отъ Провидѣнія мнѣ врученнымъ, и важнѣйшею обязанностію моей жизни».

Я думаю, что едва ли когда-нибудь Москва осчастливлена была подобнымъ изъявленіемъ монаршаго къ ней благоволенія. Вотъ бы ей случай поусердствовать и ознаменовать радость свою чѣмъ-нибудь *непреходящимъ*. Чтò бы стоило воздвигнуть монументъ или какое-нибудь другое красивое зданіе, на которомъ бы и начертать въ память родамъ грядущимъ незабвенныя слова: *любовь народа составляетъ для меня единственный предметъ, начало и конецъ всѣхъ моихъ дѣйствій и желаній*. Въ этихъ словахъ весь Александръ І-й. Не повѣришь, кàкъ хочется въ Петербургъ; ну такъ и тянетъ поскорѣе взглянуть на Государя, душу матушки Святой Руси.

По случаю этого рескрипта всѣ наши записные стихотворцы пріударили въ перья; и графъ Хвостовъ и Кутузовъ и пр., чиновные и нечиновные, корпятъ надъ виршами и, говорятъ, что не далѣе какъ завтра постигнетъ насъ настоящее стиховное наводненіе. Но я думаю, что никто ничего путнаго не напишетъ, потому что Державина здѣсь нѣтъ. Дмитріевъ одъ не пишетъ, Херасковъ дряхлъ, возлюбленный Мерзляковъ безъ заказа начальства на торжественный случай писать не рѣшится, а для другихъ предметъ слишкомъ недоступенъ, и всѣ ихъ вирши могутъ состоять изъ одного набора громкихъ словъ и казенныхъ риѳмъ.

29 Декабря, Пятница. Вотъ что разсказываютъ. Вскорѣ по возвращеніи Государя С.-Петербургскому главнокомандующему подали или подложили безъимянное письмо съ эпиграфомъ *nov or never* *), въ которомъ заключались очень здравыя мысли, благонамѣренныя сужденія и множество дѣльныхъ замѣчаній о настоящей политикѣ нашего кабинета и объ отношеніяхъ нашихъ къ другимъ Европейскимъ державамъ. Между прочимъ неизвѣстный сочинитель письма изложилъ также мнѣніе, что, не смотря на побѣды Бонапарте, не должно оставлять его въ покоѣ и давать ему усиливаться, а напротивъ безпрерывно воевать съ нимъ и тревожить его, хотя бы то было съ нѣкоторыми потерями; что настоящее время есть самое удобнѣйшее для того, чтобы соединенными силами имѣть надъ нимъ поверхность; и что если это время будетъ упущено, то съ нимъ послѣ не сладишь: *nov or never*.

Генералъ Вязмитиновъ, получивъ это письмо, представилъ его Государю, который не токмо не прогнѣвался на смѣлость сочинителя письма, но пожелалъ даже узнать его, и потому приказалъ обвѣстить

*) Теперь или никогда.

чрезъ полицію С.-Петербургскихъ жителей и вмѣстѣ публиковать въ газетахъ, чтобы тотъ, кто *обронилъ* бумагу съ надписью *nov or never*, явился къ нему, генералу Вязмитинову, безъ всякаго опасенія. Премудро и премилосердо! Полагаютъ, что это письмо сочинялъ какой-нибудь иностранецъ, потому что нѣкоторыя выраженія не совсѣмъ-то Русскія.

Сегодня спектакль въ пользу актеровъ и актрисъ г. Столыпина. Даютъ *Прекрасную Арсену*, а скрипачъ *Элуа* играетъ концертъ на скрипкѣ. Поѣхалъ бы, если бы давали не *Арсену*. Впрочемъ и лучше: отправлюсь съ братомъ Иваномъ Петровичемъ Поливановымъ къ Робертсону въ фантасмагорію и кинетозографію. Ничего этого я еще не видалъ.

Любезные мои Нѣмцы и Нѣмки пѣняютъ мнѣ, что я давно у нихъ не былъ, и они не видали меня въ третьей части Русалки, которую третьяго дня давали въ первый разъ. Они думали, что возвышенныя цѣны были тому причиною и увѣряли меня, что я всегда имѣю свободный входъ въ театръ безъ всякой платы. Взяли съ меня слово, что непремѣнно пріѣду къ нимъ подъ новый годъ въ маскарадъ. Это добродушное ихъ объясненіе и приглашеніе заставило краснѣть меня и будетъ стоить мнѣ не дешево.

«*О самолюбіе, ты нашихъ дней отрава!*»

Штейнсбергъ боленъ и боленъ опасно, а между тѣмъ ему не даютъ покою; боюсь, чтобы мы не лишились его: Штейнсберга никто не замѣнитъ. Какой актеръ и какой человѣкъ! Въ послѣднемъ отношеніи, если кто наиболѣе приближается къ нему по качеству ума, такъ это развѣ трансцендентальный пасторъ *Гейдеке*.

30 Декабря, Субота. Представленіе Робертсона началось кинетозографіею: это крошечный театръ, состоящій изъ нѣсколькихъ перемѣнъ разныхъ видовъ. То передъ вами Зимній дворецъ съ огромною площадью, то Академія Художествъ съ широкою рѣкою, то селеніе съ церковью, то прозрачное озеро съ раскинувшимися по берегамъ его рощами и проч. Но какъ все это сдѣлано, какъ освѣщено и какъ оживлено! По площади разъѣзжаютъ разные экипажи, скачутъ верхами офицеры, идутъ пѣшеходы: кто бѣжитъ, а кто идетъ тихо, едва передвигая ноги. По набережной гуляютъ кавалеры и дамы, встрѣчаются другъ съ другомъ, снимаютъ шляпы, кланяются и дѣлаютъ ручки. Вотъ скачетъ почтовая тройка и останавливается у станціи: выходятъ ямщики, осматриваютъ повозку и проч. По озеру плаваютъ лодки, однѣ на парусахъ, другія управляются гребцами, а третьи стоятъ на

мѣстѣ, и съ нихъ рыболовы удятъ рыбу. Между тѣмъ по небу ходятъ прозрачныя облака, вѣтерокъ качаетъ деревцами; наконецъ смеркается, и изъ-за горизонта выплываетъ полная луна. Словомъ, прелесть! Умники говорятъ, что это хорошо для дѣтей; согласенъ, да все-таки хорошо, и такъ хорошо, что я хочу быть ребенкомъ. Всякое вѣрное подражаніе природѣ есть уже художество, которое причисляется къ категоріи художествъ изящныхъ. Послушайте Сахацкаго.

Вотъ вамъ нѣчто и не ребяческое: вы въ комнатѣ, обитой чернымъ сукномъ, въ которой не видно зги, темно и мрачно какъ въ могилѣ. Вдругъ вдали показывается свѣтлая точка, которая приближается къ вамъ; и по мѣрѣ приближенія все растетъ, растетъ и, наконецъ, возрастаетъ въ огромную летучую мышь, сову или демона, которые хлопаютъ глазами, трепещутъ крыльями, летаютъ по комнатѣ и вдругъ исчезаютъ. За симъ появляется докторъ-поэтъ *Юнгъ*, несущій на плечахъ трупъ своей дочери, кладетъ его на камень, беретъ заступъ и начинаетъ рыть могилу. Эта чуха называется *фантасмагоріей*.

Богъ съ ней, съ этой *фантасмагоріей*! Передъ самымъ представленіемъ этого плаксы *Юнга*, такая поднялась въ темнотѣ возня, что Боже упаси! Тамъ кричатъ: ай! тамъ слышны: ахъ! тамъ чмоканье губъ; тамъ жалобы на невѣжество, тамъ крикъ матушекъ и тетушекъ: *что́ такое Маша? что́ съ тобою Лиза?* Тамъ глубокіе вздохи, прерываемые сердитымъ голосомъ: *да перестаньте*! Словомъ, такая суматоха и такой соблазнъ, что мочи нѣтъ. Зрителей было человѣкъ болѣе двухъ сотъ и большею частію молодыхъ людей обоего пола, размѣщенныхъ весьма тѣсно на скамейкахъ. Въ такой толпѣ и особенно въ такой темнотѣ виноватыхъ не сыщешь: всѣ правы. Опомниться не могу отъ этой потѣхи.

31 Декабря, Воскресенье. Услышавъ поутру о пріѣздѣ Ивана Александровича Загряжскаго *), знаменитаго владѣтеля еще болѣе знаменитаго села Кареяна, искренняго друга и сослуживца моего дѣда, я тотчасъ же отправился къ нему, и къ великой моей радости засталъ его дома. Все семейство его, два сына и три дочери, находятся въ Петербургѣ, а онъ живетъ на холостую ногу и, кажется, не упускаетъ случая повеселиться. Онъ радъ былъ меня видѣть, благодарилъ, что пріѣхалъ сегодня, а не завтра, потому что завтра навѣрное не засталъ бы его дома. Спрашивалъ о старшей сестрѣ, которую отецъ послѣ кончины первой жены оставлялъ у него въ домѣ на воспитаніи, покамѣстъ не женился на моей матери. Онъ по прежнему окруженъ пышностію и не измѣняетъ сво-

---

*) Ум. 19 Дек. 1807. Это родной дѣдъ Натальи Николаевны Пушкиной, супруги поэта. П. Б.

имъ привычкамъ, пріобрѣтеннымъ въ штабѣ князя Потемкина, котораго былъ онъ изъ первыхъ любимцевъ и ежедневнымъ собесѣдникомъ. Узнавъ, что я очень знакомъ съ Нѣмецкимъ театромъ, онъ сказывалъ, что привезъ собственную свою балетную труппу и чрезъ балетмейстера своего Итальянца *Стеллато* уже поладилъ съ будущимъ антрепренеромъ Александромъ Муромцовымъ на счетъ опредѣленія своихъ танцоровъ къ Нѣмецкому театру за извѣстную плату, съ тѣмъ условіемъ, чтобы первая его танцовщица *Наташа* и славный прыгунъ *Иваницынъ*, отпущенные на волю, получали особое жалованье. При мнѣ у Загряжскаго перебывало довольно гостей, старыхъ его пріятелей и сослуживцевъ. Говорили, разсуждали, смѣялись, шутили, такъ что время прошло незамѣтно, и Загряжскій оставилъ меня обѣдать. Мнѣ чрезвычайно понравились анекдоты, разсказанные хозяиномъ о Львѣ Александровичѣ Нарышкинѣ, отцѣ Александра Львовича, нынѣшняго главнаго директора театральныхъ зрѣлищъ. Одного изъ нихъ не разскажу, потому что онъ не очень благопристоенъ; но другіе готовъ сообщить, и вотъ изъ нихъ первый. Однажды императрица Екатерина, во время вечерней эрмитажной бесѣды, съ удовольствіемъ стала разсказывать о томъ безпристрастіи, которое замѣтила она въ чиновникахъ столичнаго управленія, и, что кажется, изданіемъ Городоваго Положенія и Устава Благочинія она достигла уже до того, что знатные съ простолюдинами совершенно уравнены въ обязанностяхъ своихъ передъ городскимъ начальствомъ.—Ну врядъ ли, матушка, это такъ, отвѣчалъ Нарышкинъ.—Я же говорю тебѣ, Левъ Александровичъ, что такъ, возразила Императрица, и еслибы люди твои и даже ты самъ сдѣлали, какую несправедливость или ослушаніе полиціи, то и тебѣ спуску не будетъ.—А вотъ увидишь, матушка, сказалъ Нарышкинъ; завтра же вечеромъ тебѣ донесу.—И въ самомъ дѣлѣ, на другой день чѣмъ свѣтъ на зарѣ надѣваетъ онъ богатый кафтанъ со всѣми орденами, а сверху накидываетъ старый изношенный сюртучишка одного изъ своихъ истопниковъ и, нахлобучивъ дырявую шляпенку, отправляется пѣшкомъ на площадь, на которой въ то время подъ навѣсами продавали всякую живность.—Господинъ честной купецъ! обратился онъ къ первому попавшемуся ему курятнику, а по чемъ продавать цыплятъ изволишь?—Живыхъ по рублю, а битыхъ по полтинѣ пару, грубо отвѣчалъ торгашъ, съ пренебреженіемъ осматривая бѣдно одѣтаго Нарышкина.—Ну такъ, голубчикъ, убей же мнѣ парочки двѣ живыхъ-то.—Курятникъ тотчасъ же принялся за дѣло: цыплятъ перерѣзалъ, ощипалъ, завернулъ въ бумагу и положилъ въ кулекъ, а Нарышкинъ между тѣмъ отсчиталъ ему рубль мѣдными деньгами.—А развѣ баринъ, съ тебя рубль слѣдуетъ? Надобно два.—А за что жъ, голубчикъ?—

Какъ за что? За двѣ пары живыхъ цыплятъ; вѣдь я говорилъ тебѣ живые по рублю.—Хорошо, душенька, но вѣдь я беру неживыхъ, такъ за что же изволишь требовать съ меня лишнее?—Да вѣдь они были живые.—Да и тѣ, которыхъ продаешь по полтинѣ за пару, были также живые. Ну я и плачу тебѣ по твоей же цѣнѣ за битыхъ.—Ахъ ты, калатырникъ! взбѣсившись завопилъ торгашъ, ахъ ты, шишмонникъ эдакой! Давай по рублю, не то вотъ господинъ полицейскій разберетъ насъ!—А что у васъ за шумъ? спросилъ тутъ же расхаживавшій для порядка полицейскій.—Вотъ, ваше благородіе, извольте разсудить насъ, смиренно отвѣчаетъ Нарышкинъ; господинъ купецъ продаетъ цыплятъ живыхъ по рублю, а битыхъ по полтинѣ пару; такъ чтобы мнѣ бѣдному человѣку не платить лишняго, я и велѣлъ перебить ихъ и отдаю ему по полтинѣ.—Полицейскій вступился за купца и началъ тормошить Нарышкина, увѣряя, что купецъ правъ, что цыплята были точно живые, и потому долженъ заплатить по рублю, а если не заплатитъ, такъ онъ отведетъ его въ сибирку. Нарышкинъ откланивался, просилъ милостиваго разсужденія, но рѣшеніе было неизмѣнно: давай еще рубль или въ сибирку.—Вотъ тутъ Левъ Александровичъ какъ будто не нарочно разстегнулъ сюртукъ и явился во всемъ блескѣ своихъ почестей, а полицейскій въ туже секунду вскинулся на курятника: Ахъ ты, мошенникъ! Самъ же говорилъ—живые по рублю, битые по полтинѣ, и требуетъ за битыхъ, какъ за живыхъ! Да знаешь ли, разбойникъ, что я съ тобою сдѣлаю? Прикажите, ваше превосходительство, я его сейчасъ же упрячу въ доброе мѣсто. Этотъ плутецъ узнаетъ у меня не уважать такихъ господъ и за битыхъ цыплятъ требовать деньги какъ за живыхъ!

Разумѣется, Нарышкинъ заплатилъ курятнику въ четверо и, поблагодаривъ полицейскаго за справедливое рѣшеніе, отправился домой, а вечеромъ въ Эрмитажѣ разсказалъ Императрицѣ происшествіе, какъ только онъ умѣлъ разсказывать, пришучивая и представляя въ лицахъ себя, торгаша и полицейскаго. Всѣ смѣялись, кромѣ Императрицы, которая, задумавшись, сказала: Завтра же скажу оберъ-полиціймейстеру, что видно у *нихъ* по прежнему: *растёгнутъ—правъ, застегнутъ—виноватъ.*

О прочихъ анекдотахъ, напр., какъ Нарышкинъ одного посланника, вызвавшаго его за шутку на дуэль, *оставилъ на мѣстѣ*, и какимъ образомъ объявлялъ онъ супругѣ своей Маринѣ Осиповнѣ о кончинѣ ея отца, о которой никто объявить ей не рѣшался, сообщу по времени; а теперь—на встрѣчу новому году, къ Нѣмцамъ въ маскарадъ!

1806 ГОДЪ

1 Генваря, Понедѣльникъ. «Съ преподобными преподобенъ будеши и со строптивыми развратишися».

Это богомудрое изрѣченіе сбылось на мнѣ въ полномъ значеніи слова. Благодаря нѣкоторымъ знакомымъ повѣсамъ, вчерашнюю ночь на пролетъ я прогулялъ въ маскарадѣ, ходя объ руку съ разными масками двусмысленнаго поведенія, которыя всѣ такъ хорошо замаскированы были, что ихъ можно бы было узнать за четверть версты. Одна изъ нихъ Марія Ивановна Козлова открылась мнѣ, что выходитъ замужъ за берейтора колымажнаго манежа Шульца, товарища старика Кина и вмѣстѣ съ нимъ моего наставника въ верховой ѣздѣ. Поздравляю ее: супружество блистательное; но правду сказать, она и женщина чудесная, собою красавица и стòитъ такого мужа. О прежнемъ и говорить нечего: кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

Слава Богу, что посреди этихъ соблазновъ удержался я еще отъ пьянственнаго окаянства! И безъ того сегодня не поспѣлъ никуда и визиты справлять придется завтра. А чтò буду отвѣчать, если *иныя прочія* спросятъ: où avez vous été avant hier, monsieur? или отпустятъ такую фразу: vous avez la mine toute bouleversée, monsieur; seriez vous par hazard malade? [1] Что жъ? Сказалъ на прямки всю правду, да и въ сторону. Признаніе заставитъ все извинить.

Маскарадъ не обошелся безъ исторіи. Двое закадычныхъ пріятелей, Лисенко и Батуринъ чуть было не вцѣпились другъ другу въ волосы за мадамъ Кафка, которая одного предпочла другому. Это напомнило мнѣ Лафонтенову басню, которая, кажется, начинается такъ:

Deux coqs vivaient en paix. Une poule survint,
Et voici la guerre allumée.
Amour, tu perdis Troye! [2] и проч.

---

[1] Гдѣ вы были вчера, милостивый государь? У васъ, милостивый государь, лицо совсѣмъ помятое; можетъ быть, вы не здоровы?

[2] Два пѣтуха жили мирно. Явилась курица, и вотъ возгорѣлась война. Амуръ, ты погубилъ Трою.

ВТОРАЯ КНИГА.

(Выпуски 5, 6, 7 и 8).

Бояринъ и воевода князь М. В. Скопинъ-Шуйскій. Статья **Г. А. Воробьева.**

Автобіографія стольника **В. А. Даудова,** XVII вѣка.

Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ. Очеркъ изъ исторіи Русскаго театра. **А. Н. Сиротинина.**

Къ исторіи Московскаго Англійскаго клуба (1802—1844).

Письма митрополита Евгенія Болховитинова къ В. Г. Анастасевичу. (1813—1820).

Письмо **Филарета** къ Александру Первому.

Пернатый батальонъ (при Аракчеевѣ).

Записки **Н. Н. Муравьева-Карскаго.** Конецъ 1826 года.

Инструкція **графа Бенкендорфа** чиновнику „Третьяго Отдѣленія".

Письма **князя А. Ѳ. Орлова** къ графу А. Х. Бенкендорфу. 1837.

Магистерскій диспутъ Грановскаго. Изъ воспоминаній **Ѳ. П. Еленева.**

Воспоминанія о Лермонтовѣ **Э. А. Шанъ-Гирей.**

Изъ воспоминаній княжны **В. Н. Репниной.**

Изъ дневника и записной книжки графа **П. Х. Граббе** (1854—1857).

Изъ бумагъ **митр. Иннокентія** о дарованіи епископовъ старообрядцамъ.

Двѣ записки **митрополита Филарета** о раскольническомъ и единовѣрческомъ духовенствѣ. 1848 и 1864.

Разговоръ съ митрополитомъ Филаретомъ (Сообщено **Н. И. Кедровымъ).**

Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій. Его біографія, написанная **А. Л. Зиссерманомъ.**

Объ историческомъ значеніи слова „кормленіе". **В. О. Ключевскаго.**

В. А. Кокоревъ. Некрологъ.

ТРЕТЬЯ КНИГА.

(Выпуски 9, 10, 11 и 12).

Разсказы и анекдоты про Петра Великаго.

Сумеречные разсказы. (Дочь княгини Дашковой).

Изъ писемъ **А. О. Смирновой** къ издателю „Русскаго Архива".

Императрица Марія Ѳеодоровна. Ея біографія, написанная **Е. С. Шумигорскимъ.** Главы I—IV.

Письма **И. И. Давыдова** къ А. А. Прокоповичу-Антонскому (1819—1845).

Разсказы изъ недавней старины. (Митрополитъ Филоѳей.—А. Р. Дрентельнъ). **И. С. Листовскаго.**

Записки **Н. Н. Муравьева - Карскаго.** 1827-й годъ.

По поводу полувѣка со времени возобновленія Зимняго дворца въ Петербургѣ. Статья **И. Н. Корсунскаго.**

Письмо **В. А. Жуковскаго** о преподавателѣ Польскаго языка покойному Государю Александру Николаевичу (1829).

Письмо **Пушкина** къ Н. И. Мартынову (1815).

Письма В. А. Жуковскаго къ А. С. Пушкину.

Шуточныя записки **И. П. Мятлева** къ А. О. Смирновой.

„Графу А. К. Толстому", посланіе въ стихахъ (1868).

Адмиралъ И. С. Унковской. Разсказы изъ его жизни, записанные **В. К. Истоминымъ.**

Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій. **А. Л. Зиссермана.**

Изъ архива **князя А. И. Барятинскаго.** (Письма къ нему адмирала **Бутакова, М. П. Погодина, князя П. П. Вяземскаго).**

Нѣсколько словъ **М. Г. Черняева** по поводу письма адмирала Бутакова.

Изъ дневника и записной книжки **графа П. Х. Граббе.** 1857—1873.

Изъ бумагъ **Н. П. Гилярова.** Письмо къ нему **князя П. А. Вяземскаго** (о цензурѣ), **И. С. Аксакова** и письма **Гилярова.**

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1891 года.

(Годъ двадцать девятый).

Русскій Архивъ въ 1891 году будетъ издаваться на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прежнія XXVIII лѣтъ.

Двѣнадцать тетрадей „Русскаго Архива“ 1891 года составить три отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1891 году съ пересылкою и доставкою — **девять рублей. Для** Германіи—**одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ**, Сергіевская улица, домъ 60-й, кв. 21 (докторъ Л. Ѳ. Змѣевъ), Колокольная, въ книжномъ складѣ Березовскаго и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“, для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся непригодными къ печати, „Русскій Архивъ“ отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно отъ 10 до 4 часовъ дня.

Для личнаго объясненія по дѣламъ „Русскаго Архива“ издателя можно видѣть по **Четвергамъ** отъ 9 до 12 ч. утра.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1881, 1884, 1886, 1887, 1888, 1889 и 1890 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ П. Бартеневъ.

Открыта подписка на «Русскій Архивъ» 1891 года.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1890

12.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1890.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

Глава VI.

Первое время послѣ увольненія съ Кавказа.– Женитьба и пребываніе въ Англіи.—Рескриптъ по поводу окончательнаго покоренія Западнаго Кавказа.—Проявленія доброты.—Общественное мнѣніе о князѣ.—Письма Ѳадѣева.—Пріѣздъ въ Петербургъ и рескриптъ 16 Апр. 1866 г.—Разговоръ съ Кокоревымъ.—Дипломатическое порученіе въ Берлинѣ.—Оригинальные взгляды.

Во второмъ томѣ уже разсказано, какъ непрекращавшіеся болѣзненные припадки вынудили князя Барятинскаго просить объ увольненіи отъ службы на Кавказѣ. Итакъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, достигнувъ высшихъ степеней военнаго званія и государственныхъ почестей, онъ долженъ былъ прервать служебное поприще, на которомъ, безъ сомнѣнія, могъ оказать еще много важныхъ услугъ Россіи.

Морицъ Саксонскій говорилъ: „полководцу нужны храбрость, умъ и здоровье". Храбрости у князя Барятинскаго было слишкомъ достаточно, и личной, беззавѣтной, выказанной еще въ молодости, и той, какая именно требуется отъ полководца: рѣшимости, безъ лишней заботы объ отвѣтственности. Не мало было и ума. Не доставало лишь здоровья. Сильные подагрическіе припадки терзали его все чаще и чаще; страданія физическія удручали духъ, лишая всякой возможности продолжать государственную дѣятельность. Въ каждомъ изъ писемъ къ Государю, послѣ увольненія съ Кавказа, выражалась сердечная скорбь. И легко себѣ преставить, какъ тяжело должно было быть ему, сердечно преданному Государю, пламенно любившему отечество, съ 48-ми лѣтняго возраста оставаться почти постоянно внѣ предѣловъ Россіи, не

принимая участія въ дѣлахъ, и это въ такую тревожную эпоху, какую мы тогда, въ началѣ памятныхъ 60-хъ годовъ, переживали.

Привожу здѣсь извлеченія изъ нѣкоторыхъ писемъ: онѣ лучше охарактеризуютъ и состояніе ихъ автора, и его желаніе быть полезнымъ, и его отношенія къ тогдашнимъ реформамъ. 26 Февраля (10 Марта) 1863 г. изъ Дрездена. „Прибывъ сюда, я сильно заболѣлъ, не надѣясь поправиться; однако исподволь мнѣ стало легче, и вчера я въ первый разъ могъ выйти. Предполагаю представиться королю Саксонскому и принцу Альберту Прусскому, которые были такъ любезны справиться о моемъ здоровьѣ, а второй и посѣтилъ меня. Во время пребыванія здѣсь, я прочиталъ нѣсколько сочиненій; объ одномъ, произведшемъ на меня сильное впечатлѣніе, не могу умолчать и рѣшаюсь, не откладывая вдаль, представить Вамъ чрезъ Адлерберга экземпляръ. Рѣчь идетъ о реформѣ судебной части въ Россіи. На мой взглядъ—это лучшее руководство для послѣдовательнаго произведенія предположенныхъ преобразованій; я увѣренъ, что оно удостоится Вашего выбора; въ немъ видно основательное знакомство съ предметомъ. Осмѣливаюсь также ручаться за направленіе автора, барона Торнау, бывшаго нѣсколько лѣтъ со мною на Кавказѣ. Я считаю его однимъ изъ самыхъ знающхъ въ настоящее время въ Россіи людей по судебной части и особенно рекомендую его личныя качества. Ваше Величество сами усмотрите, не было ли бы полезно дать ему активное участіе въ предпринимаемомъ Вами великомъ дѣлѣ, которое, вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ, составитъ самую большую славу Вашего свѣтлаго царствованія“ *).

---

*) Такимъ образомъ, появленіе барона Николая Егоровича Торнау на высшихъ должностяхъ по судебному вѣдомству состоялось по рекомендаціи князя Барятинскаго, и нельзя не благодарить его за это: баронъ Торнау, какъ первый предсѣдатель Харьковской судебной палаты, какъ сенаторъ кассаціонныхъ департаментовъ, не мало потрудился и потрудился съ пользой. Назначенный членомъ Государственнаго Совѣта, онъ, конечно, и въ этомъ званіи, былъ бы не менѣе полезенъ, какъ человѣкъ умный, многосторонне образованный, дѣловой и опытный; но какія-то частныя отношенія къ личностямъ, подвергшимся осужденію и ссылкѣ, были поводомъ неудовольствій, и онъ долженъ былъ оставить службу, удалился за границу и въ Вѣнѣ умеръ. Въ приложеніяхъ къ настоящей главѣ помѣщаю нѣкоторыя изъ его писемъ къ князю: они оправдываютъ взглядъ князя на достоинство этого умнаго, незауряднаго человѣка.

Въ слѣдующемъ письмѣ изъ Лондона отъ 7 Авг. 1863 г. князь между прочимъ, писалъ: „Я съ тоской слѣдилъ за труднымъ ходомъ дѣлъ, очевидно долженствующихъ окончиться къ вящей славѣ Вашей. Твердость и постоянство Ваши такимъ образомъ увѣнчаются успѣхомъ, который доставитъ большое, продолжительное утѣшеніе Вашему сердцу. Душевно скорблю, что я вынужденъ проводить это время вдали отъ Васъ и Россіи. Здоровье мое, къ несчастію, дѣлаетъ жалкіе шаги на пути къ улучшенію и ставитъ меня часто въ невозможность тронуться съ мѣста. Еслибы я, по крайней мѣрѣ, пріобрѣлъ нравственное спокойствіе, то можетъ быть получилъ бы и физическое облегченіе; но не предвижу, когда это можетъ случиться. Постоянныя скорби, преслѣдующія меня, отравляютъ мнѣ жизнь, лишая меня спокойствія, столь необходимаго при всѣхъ обстоятельствахъ жизни и безъ котораго человѣкъ болѣе ни къ чему не способенъ. Положеніе это терзаетъ меня невыразимо; оно лишаетъ меня возможности служить Вамъ, и одно это уже могло бы довести меня до отчаянія, еслибы я не находилъ утѣшенія въ милостивыхъ словахъ Вашихъ".

Въ нравственныхъ огорченіяхъ князя Барятинскаго въ то время важную роль играли препятствія къ достиженію счастливаго соединенія съ особою, сердечная привязанность къ которой продолжалась уже нѣсколько лѣтъ. Наконецъ, препятствія были устранены; давнишнее желаніе князя исполнилось: онъ женился на Елисаветѣ Дмитріевнѣ Давыдовой, урожденной княжнѣ Орбельянъ. Извѣщая объ этомъ Государя 8 Ноября 1863 г. изъ Брюсселя, гдѣ происходило вѣнчаніе, князь прибавилъ, что уѣзжаетъ въ южную Англію, гдѣ нанялъ небольшой деревенскій домъ въ Combe Royal и гдѣ онъ надѣется, наконецъ, послѣ столькихъ страданій, обрѣсти покой, напрасно до того искомый, и, быть можетъ, на столько возстановитъ силы, чтобы имѣть возможность по первому призыву Государя явиться. Въ этомъ же письмѣ князь коснулся Кавказскихъ дѣлъ и, по поводу извѣстія объ изъявленіи Абадзехами безусловной покорности, выразилъ увѣренность, что въ слѣдующемъ году, если по какимъ нибудь непредвидѣннымъ обстоятельствамъ не отмѣнятся предположен-

ныя движенія генераловъ гр. Евдокимова и кн. Мирскаго, оружіе наше окончательно восторжествуетъ. (Какъ извѣстно, слова князя оправдались: въ 1864 г. борьба на Западномъ Кавказѣ окончена Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ). Въ этомъ же письмѣ князь Барятинскій не преминулъ еще разъ выразить надежду, что Государь не оставитъ безъ осуществленія двухъ важныхъ для Кавказа дѣлъ: постройку желѣзной дороги и иррагаціонныя работы, „что было бы дѣйствительнымъ вѣнцомъ великой борьбы и могло бы вознаградить Россію за всѣ ея жертвы“.

Когда было получено донесеніе объ окончаніи войны на Западномъ Кавказѣ, покойный Государь изъ Киссингена, 15 Іюня 1864 г., удостоилъ князя Барятинскаго слѣдующимъ рескриптомъ:

„Князь Александръ Ивановичъ. Получивъ отъ любезнѣйшаго моего брата Е. И. В. Великаго Князя Михаила Николаевича донесеніе объ окончательномъ покореніи Западнаго Кавказа, я спѣшу подѣлиться съ вами симъ радостнымъ извѣстіемъ, ибо вамъ принадлежитъ большая доля участія въ семъ важномъ событіи, оканчивающемъ долголѣтнюю кровопролитную войну, стоившую въ продолженіи полутораста лѣтъ великихъ жертвъ и усилій. Управляя Кавказскимъ краемъ въ качествѣ моего намѣстника и командуя славною Кавказскою арміей, вы, въ 1859 году, распоряженіями вашими и личнымъ присутствіемъ при исполненіи принятыхъ по соображеніямъ вашимъ мѣръ, водворили порядокъ и спокойствіе въ Дагестанѣ и Чечнѣ и тогда же приступили къ предположеніямъ объ умиротвореніи прочихъ непокорныхъ намъ частей Кавказскаго края“.

„Принятая вами система дѣйствій, слѣдуемая преемникомъ вашимъ, любезнѣйшимъ моимъ братомъ В. К. Михаиломъ Николаевичемъ, несомнѣнно положила основаніе тѣмъ успѣхамъ, плоды которыхъ нынѣ столь блистательно достигнуты. Въ настоящее время, когда война Кавказская окончена, и на всемъ пространствѣ Кавказа не осталось ни одного непокореннаго племени, я съ особеннымъ удовольствіемъ выражаю вамъ мою душевную признательность за высокія заслуги ваши по управленію краемъ и командованію арміей, съ ко-

ими вы разстались лишь удрученные недугами, въ боевой службѣ пріобрѣтенными, но съ коими имя ваше неразрывно связано. Въ ознаменованіе сего, жалую вамъ золотую шпагу, алмазами украшенную, пребывая къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклоннымъ. Искренно васъ любящій и благодарный Александръ".

Нельзя не замѣтить, что въ приведенномъ рескриптѣ каждое слово выражаетъ только совершенную дѣйствительность, безъ всякихъ обычныхъ прикрасъ. Благоволеніе Государя, такъ милостиво выраженное, и сопровождавшее его драгоцѣнное оружіе были вполнѣ заслужены.

Ранѣе полученія этого рескрипта, князь Барятинскій, узнавъ объ окончаніи войны на Западномъ Кавказѣ, поздравлялъ съ этимъ важнымъ событіемъ Государя и прибавилъ: „Говоря откровенно, я въ послѣднихъ вспышкахъ въ Чечнѣ и на Лезгинской линіи видѣлъ лишь судорожныя движенія умирающаго тѣла; я подразумѣваю партію духовенства, хотя и чувствующую нанесенныя ей смертельныя раны, но силящуюся продлить свою жизнь во чтó бы ни стало. По моему мнѣнію, слѣдовало бы пользоваться, безъ потери времени и насколько возможно, этими проявленіями фанатизма и выселять въ Турцію фанатиковъ; разъ страна будетъ отъ нихъ очищена, мы утвердимъ свое положеніе навсегда". Въ этомъ же письмѣ 1 (13) Мая 1864 г. князь просилъ Государя не забыть о прекрасной идеѣ увѣковѣчить память покоренія Кавказа особымъ желѣзнымъ крестомъ для всѣхъ, когда-либо участвовавшихъ въ Кавказской войнѣ. „Такимъ образомъ", прибавилъ князь, „мы увидимъ уважаемаго ветерана нашей арміи графа Петра Палена гордящимся носить знакъ, дающій ему право на участіе въ великомъ событіи, открывающемъ новую страницу во всемірной исторіи". Дальше князь разсказывалъ, что 17 Апрѣля у него въ Combe Royal собрались: А. Ѳ. Крузенштернъ, двѣ дочери г-жи Смирновой (сама она была больна въ Торкѐ), ея зять князь Андрей Трубецкой, и вмѣстѣ съ ними, супругою фельдмаршала и адъютантомъ В. А. Кузнецовымъ, образовали Русскій кружокъ,

осушившій бокалы за здоровье Государя (по случаю празднованія дня рожденія) и за славу его царствованія *).

Въ каждомъ почти изъ писемъ къ Государю, князь за кого-нибудь просилъ: то о пособіи, то о прощеніи долга, то о принятіи дѣтей на казенное воспитаніе, и все это не двумя-тремя стереотипными словами, какъ большею частію принято въ подобныхъ случаяхъ, а съ очевиднымъ, искреннимъ желаніемъ помочь просящимъ, въ самыхъ теплыхъ убѣдительныхъ выраженіяхъ, съ подробнымъ изложеніемъ обстоятельствъ. Всѣ его ходатайства, почти безъ исключенія, удовлетворялись.

Приводить примѣры я не могу, да и не за чѣмъ; интересенъ здѣсь фактъ, что князь Барятинскій былъ добрѣйшій человѣкъ, готовый хлопотать обо всякомъ, къ нему обращавшемся, и эта черта мягкости и гуманности его характера не терялась, даже не ослабѣвала, при всѣхъ страданіяхъ, какія онъ переносилъ въ послѣдніе годы жизни, когда простительны были бы раздраженіе, озлобленіе и безразлучное съ этимъ безсердечіе, равнодушіе къ страданіямъ другихъ.

Сначала пребываніе въ Combe Royal какъ будто благопріятно отозвалось на физическомъ состояніи князя; къ нему сталъ возвращаться сонъ (безсонница была однимъ изъ самыхъ главныхъ его мученій), лучшее расположеніе духа; письма носили болѣе свѣтлый отпечатокъ. Но не долго продолжалось это улучшенное положеніе; въ Combe Royal оказались тоже неудобства; князь вынужденъ былъ мѣнять мѣстопребыванія, не спасаясь отъ рѣдко прерывавшихся страданій. Однако вездѣ и всегда мысль его работала; благо Россіи, ея слава, ея преуспѣяніе постоянно его занимали, составляя исключительную почти нить, привязывавшую его къ жизни. Было бы слишкомъ долго приводить здѣсь все, что́ онъ писалъ или что́ ему писали разныя лица, интересовавшіяся тѣмъ или другимъ общественнымъ вопросомъ. Всѣ знали не только близость князя къ Государю, но и его сочувствіе

---

*) Во время пребыванія въ Англіи князь Александръ Ивановичъ представлялся королевѣ Викторіи, принцу Вельскому и герцогу Кембриджскому и, встрѣтивъ у всѣхъ самый почетный, любезный пріемъ.

всему, что могло принести общую пользу, и обращались къ нему съ разными проектами, записками, наконецъ, съ личными просьбами, взывая къ его добротѣ, къ его всѣмъ извѣстной готовности помочь, облегчить чужую бѣду и страданія. Архивъ князя Барятинскаго полонъ всякаго рода записками, проектами и просьбами. Одни предлагаютъ мѣры къ устройству нашихъ финансовъ, другіе доказываютъ необходимость проведенія въ разныхъ направленіяхъ желѣзныхъ дорогъ, третьи указываютъ недостатки въ системѣ продовольствія или вооруженія арміи; иные, наконецъ, касаются политическихъ отношеній Россіи къ другимъ государствамъ, преимущественно по отношенію къ Восточному вопросу и т. д. И всѣ находили въ князѣ, такъ или иначе, участливый откликъ или содѣйствіе и помощь.

Нужно вспомнить, что̀ переживала Россія въ приснопамятные шестидесятые годы, чтобы отчасти понять, почему многіе обращались къ князю Барятинскому съ своими заявленіями и предположеніями. То была эпоха броженія, шатанія мысли, неустановившихся взглядовъ и всеобщаго неудовольствія настоящимъ, безвѣрія въ будущее. Никто не могъ положительно указать, въ чемъ главное зло, еще менѣе указать, чего не достаетъ, что нужно дѣлать; но всѣ—и консерваторы, и либералы, и ретрограды, и прогресисты, и сановники, и молодежь, и высшія сословія и разночинцы, видѣли, что дѣла идутъ дурно, что такъ продолжаться не можетъ, что не достаетъ человѣка, который твердою рукою взялъ бы рычагъ, могущій двинуть расшатанную машину управленія въ требуемомъ направленіи. Общество, пробужденное Севастопольскимъ громомъ отъ долговременной спячки, получившее вдругъ еще такой сильный толчекъ, какъ освобожденіе крестьянъ, разомъ опрокинувшій привычныя, вѣковыя формы Русской общественной жизни, было выбито изъ наѣзженной колеи и очутилось въ положеніи человѣка, находящагося среди дремучаго бора, въ бурную погоду, въ осеннюю непроглядную темь, безнадежно зовущаго кого-нибудь, который бы вывелъ его на торную дорогу...

Общественное мнѣніе, печать, сужденія различныхъ кружковъ стали пріобрѣтать никогда не существовавшую до того

въ Россіи силу; всѣ сходились въ одномъ: въ отсутствіи человѣка, вызываемаго обстоятельствами. Князя Барятинскаго или вовсе не знали, или знали очень мало. „Взялъ въ плѣнъ Шамиля, покорилъ Кавказъ“, вотъ и все. И хотя это „все“ само по себѣ было дѣломъ очень большимъ, ни тогда, ни даже до сихъ поръ еще не вполнѣ оцѣненнымъ, но въ глазахъ общества, ставившаго тогда на первый планъ внутреннія дѣла, увлекаемаго отрицательными писаніями, глумившимися надъ всѣмъ военнымъ, надъ генералами, „завоевавшими нѣсколько областей“, покореніе Кавказа не представляло того значенія, какое оно въ дѣйствительности имѣло; оно не давало обществу точки опоры для сужденій о достоинствахъ князя Барятинскаго, какъ государственнаго человѣка. Никто не зналъ, каковы его взгляды, убѣжденія, къ какому разряду политическихъ людей можно его причислить; а тѣ немногіе, въ высшихъ служебныхъ слояхъ, которые, быть можетъ, и знали его, едва ли дружелюбно относились къ нему въ душѣ, по понятному чувству зависти и опасенія его могущественнаго вліянія. Тѣмъ не менѣе, многіе, какъ бы инстинктивно, останавливались на немъ, не рѣшаясь однако сказать: „вотъ человѣкъ, какой намъ нуженъ“, а только спрашивали: „не онъ ли тотъ, котораго мы ищемъ?“ Будь у князя Барятинскаго свой печатный органъ, въ которомъ бы проводились его взгляды (у нѣкоторыхъ сановниковъ они были), знай общество содержаніе его писемъ по Кавказскимъ и другимъ политическимъ и экономическимъ вопросамъ: нѣтъ сомнѣнія, на него стали бы указывать болѣе положительно и настойчиво, хотя бы не соглашались съ нѣкоторыми его взглядами, какъ напримѣръ по Польскому вопросу, или по возсозданію на Кавказѣ мусульманскихъ владѣтелей-хановъ.

Однимъ изъ очевидно искренно преданныхъ князю лицъ былъ бывшій его адъютантъ, извѣстный талантливый писатель, покойный Р. А. Ѳадѣевъ. По своимъ связямъ и занятіямъ, имѣя возможность знать сужденія самыхъ вліятельныхъ кружковъ въ обѣихъ столицахъ, онъ часто посылалъ князю пространныя письма. Къ сожалѣнію, приводить ихъ вполнѣ я не имѣю возможности. Въ этихъ письмахъ много интереснаго матеріала для исторіи того времени, 60-хъ и

70-хъ годовъ. Извлекаю изъ нѣкоторыхъ по нѣскольку строкъ, имѣющихъ отношеніе къ моему труду, въ смыслѣ уясненія личности фельдмаршала.

Изъ письма отъ 24 Іюня 1865: „Вашему сіятельству извѣстно, что весь классъ значительныхъ по своему положенію людей относится къ вамъ довольно непріязненно. Ихъ обыкновенная рѣчь: „при нынышнемъ устройствѣ управленія, фельдмаршалу нѣтъ мѣста; предсѣдательство въ Государственномъ Совѣтѣ занято; устройство военныхъ округовъ не допускаетъ его къ арміи; ему остается только быть приближеннымъ человѣкомъ Государя, чего онъ самъ не захочетъ".

Тоже повторяли и высокопоставленныя лица, даже не враждебныя князю, и второй служебный слой—директоры, разные генералы, съѣхавшіеся въ Петербургъ помѣщики и т. п., слой прежде самый апатичный, но въ то время расшевеленный общимъ потокомъ. „Въ кругу публицистовъ", продолжалъ Ѳадѣевъ, „господствуетъ безъ исключенія нѣчто въ родѣ отчаянія насчетъ путаницы нынѣшняго управленія. Тоже самое существуетъ и въ публикѣ, но съ меньшею сознательностью. Публика только повально ругается, и ругается въ такой степени, что съ кѣмъ ни сядешь въ публичномъ мѣстѣ, съ генералами или флигель-адъютантами, которыя недавно были еще такъ осторожны, съ офицерами или помѣщиками, все одно: тѣже восклицанія о невозможно-натянутомъ положеніи дѣлъ, о разрушеніи всѣхъ прежнихъ отношеній въ обществѣ, о легкомысліи, необдуманности, путаницѣ правительственныхъ мѣръ, всѣхъ вмѣстѣ и каждой въ особенности. Это до такой степени общій говоръ, что кто-бы ни столкнулся—Александровскіе кавалеры или студенты—рѣчь будетъ навѣрно таже самая. Интересно то, что эти кавалеры, столь сильно ругающіеся въ гостиныхъ или въ вагонахъ желѣзной дороги, выказываются совершенно апатичными на службѣ, и понятно: при отсутствіи опредѣленнаго направленія и безсвязности разныхъ вѣдомствъ, чтó можетъ сдѣлать отдѣльный человѣкъ, какъ бы высоко онъ ни стоялъ? Публика охаетъ какъ деревенскій больной, не помышляя о лѣкарствахъ; но въ кругу публицистовъ, къ которому теперь все болѣе примыкаютъ, прямо или косвенно, благомыслящіе люди всякихъ

общественныхъ и служебныхъ званій, мысль о лѣкарствѣ, о выходѣ изъ хаоса, занимаетъ первое мѣсто. Въ этомъ кругѣ уже многіе глаза обращены на васъ, но все-таки предположительно, потому что васъ не знаютъ, о васъ только догадываются, на васъ смотрятъ, какъ на сфинкса". Дальше Ѳадѣевъ говоритъ: „ваши идеи заграничной политики встрѣтятъ дружное содѣйствіе: вашъ Кіевскій проектъ извѣстенъ многимъ; хотя проектъ такъ новъ, важенъ и сложенъ, что положительнаго согласія на него мнѣнія (вѣрно общественнаго?) ожидать нельзя; хотя, какъ вашему сіятельству извѣстно, я тоже не раздѣляю этого взгляда, но во многихъ передовыхъ людяхъ, признаюсь, не безъ нѣкотораго удивленія, нашелъ достаточно симпатіи къ нему. Это впрочемъ вещь такая громадная, что говорить объ ней пока можно только какъ о мысли, а не какъ о дѣлѣ; въ параграфы новой программы дѣятельности ее никакъ ставить нельзя, иначе грузъ окажется такой тяжелый, что его не сдвинешь съ мѣста. Необходимость сдвинуть когда-нибудь столицу изъ пропитаннаго Нѣмецкой рутиной казарменно-канцелярскаго Петербурга у всѣхъ на умѣ; но это великое событіе можетъ быть вѣнцомъ, а не началомъ программы".

Чрезъ три года послѣ этого Р. А. Ѳадѣевъ еще разъ коснулся Кіевскаго проекта, послѣ разговора съ М. Н. Катковымъ. Извлекаю изъ письма отъ 16 Сентября 1868 г. слѣдующія строки: „Вашъ обѣденный разговоръ въ Москвѣ о перенесеніи столицы въ Кіевъ произвелъ громадное впечатлѣніе и разошелся какъ по телеграфу; онъ теперь также извѣстенъ въ Петербургѣ, какъ и здѣсь.—При свиданіи съ Катковымъ, онъ встрѣтилъ меня словами, что признаетъ васъ необходимостью государственною настоящаго времени и готовъ, по должномъ согласіи, отдать себя и журналъ свой въ услуженіе вамъ. Онъ считаетъ перенесеніе резиденціи въ Кіевъ единственнымъ радикальнымъ лѣкарствомъ отъ нашихъ тяжкихъ государственныхъ недуговъ. Онъ удивилъ меня своимъ единомысліемъ съ вами: онъ считаетъ, какъ и вы, перемѣщеніе резиденціи въ Кіевъ необходимымъ по 5-ти пунктамъ: 1-е, чтобы вырвать правительство изъ его рутины и окружающей его среды; 2) чтобы вырвать его изъ объятій Нѣ-

мецкой партіи, на почвѣ которой оно теперь сидитъ; 3) потому, что такимъ образомъ немедленно упраздняется Польскій вопросъ; 4) потому что національная политика, въ смыслѣ объединенія родственнаго, сочувственнаго міра, невозможна изъ Петербурга, трудна изъ Москвы и вполнѣ сбыточна не словами, а дѣйствіемъ только изъ Кіева; 5) потому что Москва слишкомъ полна воспоминаніями кроваваго и часто насильственнаго сліянія частей Русскаго государства, между тѣмъ какъ одинъ Кіевъ можетъ сдѣлаться примирительной почвой всѣхъ Русскихъ народностей, началомъ и исходомъ новаго періода Русской исторіи. Я отбрасываю развитіе, кавое онъ давалъ этимъ темамъ, развитіе дѣйствительно глубокое и мѣткое. Но, въ сущности, это бувально ваши слова". Читатель помнитъ, что о проектѣ перенесенія столицы въ Кіевъ [1]) или правильнѣе мысли, вовсе не разработанной и недостаточно развитой, я уже говорилъ во II-мъ томѣ. Покойный Государь не соглашался со взглядомъ князя, но и никакого проявленія неудовольствія не обнаруживалъ; лишь впослѣдствіи и вѣроятно послѣ упоминаемаго Ѳадѣевымъ Московскаго обѣденнаго разговора, когда эта мысль о Кіевѣ проникла въ публику, нашлись, безъ сомнѣнія, друзья, воспользовавшіеся случаемъ, и произошла нѣкоторая остуда въ отношеніяхъ, быть можетъ оставшаяся не безъ вліянія и на другое дѣло, по которому князь Барятинскій выражалъ свое особое мнѣніе, не удостоившееся высшей санкціи. Но объ этомъ будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ [2]).

Иногда наступали кратковременные промежутки улучшенія здоровья, и князь пользовался ими для пріѣзда въ Россію. Въ 1866 году онъ прибылъ съ супругою въ Петербургъ къ

---

[1]) По словамъ П. И. Бартенева, (издателя „Архива князя Воронцова") и фельдмаршалъ князь М. С. Воронцовъ былъ за резиденцію въ Кіевѣ и говорилъ о томъ еще Николаю Павловичу.

[2]) Въ обществѣ ходитъ анекдотъ, будто Государь, когда князь Барятинскій весьма настойчиво развивалъ свою мысль о переводѣ столицы въ Кіевъ, стоялъ у окна и барабанилъ пальцами по стеклу, что всегда выражало знакъ неудовольствія. Видя что князь не замѣчаетъ этого и продолжаетъ свою рѣчь, Государь будто бы сказалъ: „фельдмаршалъ, вы вѣроятно не замѣчаете, что я васъ не слушаю". Послѣ чего князь замолчалъ и откланявшись удалился.—Мнѣ кажется, что все это скорѣе чья-нибудь фантазія, изъ рода тѣхъ, про которыя говорятъ: Si non e vero, e ben trovato... Отношенія императора Александра Николаевича къ князю Александру Ивановичу были такія, что едва ли бы онъ обратился къ нему въ такомъ тонѣ.

празднованію дня серебряной свадьбы покойнаго Государя, удостоившаго князя слѣдующимъ рескриптомъ:

„Князь Александръ Ивановичъ. Сегодня исполнилось двадцать пять лѣтъ послѣ вступленія моего въ бракъ съ любезнѣйшею супругою моею, Государынею Императрицею Маріею Александровною. Глубоко сохраняя въ душѣ своей благоговѣйную признательность къ Всевышнему за ниспосланныя отъ Него отраду и счастіе всей жизни моей, я въ нынѣшній день съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю о томъ, что вы въ то время находились при мнѣ адъютантомъ, и личную преданность ко мнѣ и всему семейству моему неизмѣнно сохраняли въ своемъ прекрасномъ сердцѣ, ознаменовавъ сіе, при пламенной любви къ славѣ и благоденствію отечества, многими необыкновенными подвигами мужества и самоотверженія, предоставившими вамъ полное право на высшія государственныя отличія. Желая и въ сей день выразить вамъ отъ себя и супруги моей душевное наше къ вамъ благоволеніе, я, въ изъявленіе онаго и въ знакъ постояннаго къ вамъ уваженія, жалую вамъ препровождаемую у сего золотую, бриллiантами украшенную, табакерку, съ портретомъ моимъ и Ея Величества Государыни Императрицы. Пребываю къ вамъ навсегда благосклоннымъ, искренно васъ любящій Александръ“.

Въ этотъ пріѣздъ князь принималъ въ Царскомъ Селѣ В. А. Кокорева, котораго считалъ умнымъ, практическимъ человѣкомъ и, какъ говорятъ, даже находилъ его способнымъ для должности министра финансовъ. Вотъ списокъ предметовъ, о которыхъ князь, 23 Апрѣля 1866 г., бесѣдовалъ съ Кокоревымъ, большею частію раздѣляя его взгляды. 1) объ отмѣнѣ пошлины на золото и объ оставленіи его въ казнѣ; 2) о возвратѣ половинной платы за провозъ по желѣзной дорогѣ, отъ Нижняго до Петербурга, съ товаровъ, проданныхъ за границу; но съ тѣмъ, чтобы переводные векселя за эти товары поступали на платежи за границею процентовъ по внѣшнимъ долгамъ; 3) о постройкѣ всѣхъ нужныхъ линій желѣзныхъ дорогъ Русскими капиталами и домашними средствами (т.-е. свои рельсы и свой подвижной составъ), изъ особаго налога по ½% со всѣхъ торговыхъ оборотовъ;

4) о пересмотрѣ тарифа комиссіею практическихъ людей; 5) о сильномъ поощреніи льнопрядильнямъ и разведеніи хлопка въ Закавказьѣ; 6) о непремѣнномъ уничтоженіи смѣшанной отчетности и кассы Государственнаго Банка съ Государственнымъ Казначействомъ, такъ какъ, при существующемъ теперь соединеніи, нельзя достигнуть ни внѣшняго, ни внутренняго кредита; 7) о товароссудномъ кредитѣ, какъ единственномъ средствѣ развитія промышленности и поддержанія доходовъ помѣщиковъ; 8) о безполезности поземельнаго кредита въ такомъ видѣ, какъ онъ установленъ уставомъ Френкеля и К°; 9) о томъ, что Русскій годовой бюджетъ не великъ и если существуютъ затрудненія въ сборѣ доходовъ, то единственно потому, что многіе источники дохода не вполнѣ разработаны, а именно: горное дѣло вообще, табачное, питейное и т. д. Потеря доходовъ съ табаку и вина происходитъ отъ безъакцизнаго выпуска этихъ продуктовъ съ фабрикъ и заводовъ. Затѣмъ, что̀ нужно финансовому управленію для поправленія финансовъ? а) чтобы всякая правда и юридическая, и совѣстная, была строго охраняема и не приносилась въ жертву казеннымъ интересамъ, какъ это нынѣ дѣлается, безъ этого условія нѣтъ кредита ни внѣ, ни внутри страны; б) чтобы политико-экономическими теоріями, выработанными на Западѣ, руководиться не съ слѣпою въ нихъ вѣрою, а съ примѣненіями къ потребностямъ Россіи; в) чтобы знать Россію, т.-е. потребности ея, твердо и вѣрно, по каждой губерніи, нужно возбудить въ дворянствѣ и купечествѣ довѣріе къ управленію и искреннее желаніе сообщать и передавать всѣ свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ изустно, такъ какъ офиціальныя донесенія ничего не выражаютъ.

Вотъ какими вопросами интересовался фельдмаршалъ, казавшійся почти всѣмъ исключительно-военнымъ человѣкомъ, да и то развѣ для Кавказа...

Къ этому же времени (веснѣ 1866 года) относится замѣчательный разговоръ князя Александра Ивановича съ Кокоревымъ, разсказанный симъ послѣднимъ въ его извѣстной книгѣ „Экономическіе провалы“ (провалъ 13-й). Описавъ предварительно, какимъ образомъ онъ сталъ извѣстенъ князю и заслужилъ его довѣріе, Кокоревъ продолжаетъ: „Въ

Апрѣлѣ 1866 года Царь-Освободитель праздновалъ свою серебряную свадьбу. На эти семейныя празднества былъ приглашенъ фельдмаршалъ князь Барятинскій. По пріѣздѣ князя я явился къ нему въ Царское Село, въ Посольскій дворецъ; князь назначилъ мнѣ побывать у него 7 Мая. Передавая во всеуслышаніе главныя подробности этого свиданія, прошу благосклонныхъ читателей обратить особое вниманіе на глубину государственныхъ мыслей и на пророческую дальнозоркость князя А. И. Барятинскаго".

„Когда я остался въ кабинетѣ вдвоемъ съ княземъ, онъ началъ со мною слѣдующій разговоръ. „Я пріѣхалъ сюда по приглашенію Государя на семейные праздники, по случаю серебряной свадьбы Его Величества, какъ бывшій шаферъ при вѣнчаніи, и, не вмѣшиваясь ни въ какія текущія дѣла, счелъ моимъ долгомъ доложить Государю, что вскорѣ начнется война Пруссаковъ съ Австрійцами и что войны этой намъ не слѣдуетъ допускать безъ участія Россіи, имѣя въ виду то, что война, по отличному состоянію Прусской арміи, должна окончиться торжествомъ Пруссіи, и тогда Берлинъ получитъ преобладающее политическое значеніе, къ явному ущербу Россіи: но когда пораженіе Австріи состоится посредствомъ соединенныхъ силъ Россіи и Пруссіи, тогда, оставляя Венгрію самобытнымъ государствомъ и поправляя тѣмъ ошибку 1849 года, мы можемъ остальную часть Австрійскихъ владѣній раздѣлить на двое: Нѣмецкое къ Пруссіи, Славянское подъ покровительство Россіи. При такомъ переходѣ войны, развязка Восточнаго вопроса будетъ въ послѣдствіи достигнута безъ всякаго труда и осложненія, такъ какъ ключи Царьграда находятся въ Вѣнѣ".

„Послѣ довольно продолжительнаго молчанія, князь возобновилъ свой разговоръ. „Мнѣ пришлось настойчиво умолять Государя обратить вниманіе на необходимость участвовать въ войнѣ, которая не будетъ продолжительна и не составитъ большихъ расходовъ, а результаты для дальнѣйшихъ видовъ на Востокѣ дастъ самые блестящіе; тогда какъ, оставаясь хладнокровными зрителями событій, имѣющихъ совершиться возлѣ нашихъ границъ, намъ придется въ послѣдствіи, быть можетъ чрезъ 5 или 10 лѣтъ, дорого заплатить за то,

что мы не умѣли воспользоваться настоящею минутой не извлекли изъ нея очевидной пользы для могущества Россіи. Настоянія мои привели къ тому, что Государь назначилъ въ своемъ кабинетѣ секретный комитетъ, подъ своимъ предсѣдательствомъ, изъ военнаго министра Д. А. Милютина, канцлера князя Горчакова и меня".

Затѣмъ послѣдовало болѣе продолжительное молчаніе, во время котораго князь устремилъ на Кокорева испытующій взоръ и потомъ спросилъ: что́ вы на это скажете? Отвѣтъ былъ таковъ: „Сердце мое исполнено радостнаго умиленія и восторга, предчувствуя въ исполненіи вашей мысли конецъ существованія въ Европѣ Австріи, этого очага интригъ и предательскихъ дѣйствій, задерживающихъ въ Славянскихъ земляхъ образованіе самостоятельной жизни; но вмѣстѣ съ радостію я чувствую глубокое горе, предвидя, что совѣщаніе въ царскомъ кабинетѣ не проникнулось великимъ значеніемъ вашей мысли и оставило ее безъ исполненія".

„Да, это такъ, вы угадали", сказалъ князь, „но скажите мнѣ, почему вы угадали? Вѣдь не могло же быть вамъ извѣстнымъ рѣшеніе секретнаго комитета?"

„Отгадка моя, князь, основана на вашихъ же словахъ. Еслибы мысль ваша прошла въ секретномъ комитетѣ, то вы бы мнѣ ни слова объ этомъ не говорили, принимая въ соображеніе важность дѣла и необходимость покрыть его на извѣстное время непроницаемой тайной; а потому я позволяю себѣ заключить, что настоящая откровенность истекаетъ изъ неудачи въ успѣхѣ вашего великаго дѣла. Мнѣ остается только благодарить васъ за то, что вы изъ числа вашихъ многочисленныхъ почитателей избрали меня вашимъ нотаріусомъ, для засвидѣтельствованія величайшаго историческаго факта, который я скрою въ глубинѣ души моей до поры до времени".

„Теперь, продолжаетъ Кокоревъ, настала пора сдѣлать вышеизложенный разговоръ извѣстнымъ. Оглашать его ранѣе, въ то самое царствованіе, въ которое предложеніе фельдмаршала князя Барятинскаго было отклонено было бы неприлично; по восшествіи же на престолъ Государя Императора Александра III-го, при дѣйствіи Берлинскаго трактата, дав-

шаго послѣ Восточной войны кое-какую установку на Балканскомъ полуостровѣ, такое оглашеніе представлялось несвоевременнымъ. Теперь (1887), когда шаткіе устои Балканскаго полуострова покривились отъ напора Австрійскихъ интригъ, оглашеніе великой и вѣрной мысли князя Барятинскаго представляется необходимымъ, обязательнымъ. Событія настоящаго времени вполнѣ подтвердили предсказаніе князя Барятинскаго и дали полное удостовѣреніе въ томъ, что Восточный вопросъ получилъ бы самый лучшій исходъ, еслибы мысль князя была принята".

„Въ заключеніе разговора, князь Барятинскій передалъ подробно все то, что̀ говорилось въ засѣданіи дворцоваго комитета, но я опускаю эти подробности по неудобству передавать ихъ оглашенію. Кромѣ того, разговоръ коснулся совершавшихся въ то время преобразованій и причинъ уклоненія князя отъ участія въ важнѣйшихъ вопросахъ, порождаемыхъ преобразованіями, и наконецъ заключился любимою мечтою князя о переносѣ столицы въ Кіевъ, съ выводами всѣхъ неудобствъ, страшныхъ потерь и неустройствъ, происходящихъ главнѣйше отъ пребыванія въ гниломъ, отдаленномъ углу Имперіи".

„Переходя отъ 1866 г. къ настоящему времени, мы видимъ, говоритъ Кокоревъ, что вмѣсто Пруссіи существуетъ уже Германская имперія, побѣдительница не только Австріи, но и Франціи, съ полнымъ рѣшительнымъ вліяніемъ, безъ всякаго исключенія, на ходъ всѣхъ Европейскихъ событій. Вотъ это-то вліяніе князь Барятинскій предвидѣлъ и стремился къ тому, чтобы оно въ извѣстной мѣрѣ принадлежало Россіи, въ силу участія нашего въ войнѣ съ Австріей 1866 г. и чтобы затѣмъ Восточный вопросъ былъ освобожденъ отъ всѣхъ Австрійскихъ козндѣйствъ. Мы уклонились отъ спасительнаго совѣта князя Барятинскаго и поставили себя, начиная съ 1871 г. въ зависимость отъ воззрѣній князя Бисмарка. Зависимость эта оказалась столь сильною, что мы, ошибочно начавъ въ 1877 году Восточную войну, могли только издали видѣть башни Царьграда и за это видѣніе заплатили потерею сотенъ тысячъ войскъ и милліардомъ новыхъ долговъ. Затѣмъ... но лучше опустить завѣсу забвенія

на печальное воспоминаніе о томъ, когда мы, какъ виновные, предстали на судъ Берлинскаго конгресса. Возможность этого грустнаго положенія была предчувствуема княземъ Барятинскимъ и, чтобы не допустить подобнаго ужаснаго событія, князь полагалъ необходимымъ сочетать государственный ростъ нашей сосѣдки Пруссіи съ ростомъ Россіи; но мы пропустили въ 1866 г. удобную минуту".

„Возвращаясь къ словамъ князя Барятинскаго, нельзя умолчать, что еслибы въ свое время эти пророческія слова были обращены въ дѣло, то на Русскую жизнь не нашло бы такой массы денежныхъ долговъ, какая образовалась отъ войны 1877 г., не имѣвшей предварительно ни предусмотрѣнія всѣхъ трудностей, ни согласованія предшествовавшихъ войнѣ событій съ видами и пользою Россіи. Устами князя вѣщалъ духъ правды, духъ искренней любви къ Россіи; это былъ духъ глубокаго разумѣнія, предвидѣвшій горестную возможность Плевны съ массою славныхъ храбрецовъ, уснувшихъ тамъ вѣчнымъ сномъ, и блестящую залу Берлинскаго конгресса, измышлявшаго униженіе Россіи, и разновидныя возмутительныя Болгарскія событія, направленныя коварствомъ Австріи къ нашему оскорбленію".

„Заключимъ тѣмъ, что еслибы засѣданіе въ залѣ Берлинскаго конгреса, бывшее въ 1878 году, было предварено (послѣ кабинетнаго совѣщанія съ кн. Барятинскимъ въ Царскомъ Селѣ) засѣданіемъ въ 1866 г. въ Зимнемъ дворцѣ, составленнымъ изъ всѣхъ сановниковъ, и рѣшило бы мысль князя Барятинскаго привести въ исполненіе: тогда бы Берлинскаго засѣданія вовсе не существовало; потому что для образованія его не могло явиться ни мысли, ни права, ни повода, ни смѣлости, и тогда бы не только Россія, но и весь міръ давно бы наслаждался дѣйствительнымъ миромъ, а не вооруженнымъ, изнуряющимъ во всѣхъ государствахъ силу правительствъ и народовъ, съ неизбѣжнымъ притомъ колебаніемъ экономической почвы. И все это на насъ обрушилось только потому, что слова князя А. И. Барятинскаго были *голосомъ вопіющаго въ пустынѣ*".

При чтеніи вышеприведеннаго мѣста изъ „Экономическихъ Проваловъ" Кокорева, вѣроятно многимъ могло пока-

заться сомнительнымъ, чтобы фельдмаршалъ князь Барятинскій вошелъ въ такіе интимные разговоры съ человѣкомъ совершенно другаго круга, можно сказать, противуположнаго полюса. Признаюсь, таково было и мое первое впечатлѣніе. Но, обдумавъ хорошенько прочитанное, ожививъ предъ глазами образъ князя Барятинскаго, насколько я его зналъ и могъ понимать, и поговоривъ съ однимъ изъ лицъ очень близко знавшихъ князя, я пришелъ къ заключенію, что въ полной правдивости разсказа Кокорева никакихъ сомнѣній быть не можетъ. Князь Александръ Ивановичъ, умѣвшій часто заглянуть въ глубь души человѣка и безошибочно опредѣлить его качества, въ Кокоревѣ увидѣлъ одного изъ тѣхъ истинно-Русскихъ самородковъ, которыхъ нельзя не цѣнить, не только за ихъ практическій умъ, за смѣтку, за отличное знаніе народной Руси, но и за ихъ горячій патріотизмъ и готовность на всякія жертвы во славу родины; а разъ онъ это призналъ, то передать Кокореву свою мысль о вмѣшательствѣ въ войну 1866 г. мысль, порожденную вѣдь тоже лишь самымъ пламеннымъ патріотизмомъ, было вполнѣ въ характерѣ князя Александра Ивановича. За то можно ручаться, что едвали разсказалъ онъ объ этомъ кому-нибудь изъ своего круга, Итакъ, я принимаю все вышеизложенное за фактъ; и вотъ новый поводъ повторить, что князь Барятинскій былъ замѣчательный государственный человѣкъ, далеко выдающійся изъ обыкновеннаго уровня. Даже, не признавая, подобно Кокореву, абсолютной вѣрности въ мысли принять участіе въ разгромѣ Австріи и полученіи отъ этого предположенныхъ княземъ результатовъ, это все же не помѣшаетъ мнѣ еще и еще разъ повторить, что онъбылъ не то, чѣмъ его считали и большинство до сихъ поръ считаетъ, т. е. лишь „баловнемъ счастія“.

Нѣтъ той человѣческой мысли, которую нельзя было бы не подвергнуть подробному анализу и, затѣмъ, безпощадной критикѣ. Особенно странно было бы думать, что неопровержимыя истины могутъ высказываться въ такой области человѣческой дѣятельности, какъ руководство международною политикою и оцѣнка обстоятельствъ даннаго времени для того или другаго дѣйствія. Можно бы найти немало примѣровъ, когда прекрасныя, всесторонне-обдуманныя, на очевидныхъ данныхъ основанныя предположенія не приносили ожидае-

мыхъ результатовъ, даже вели къ неуспѣху, и когда самые, повидимому, не выдерживающіе критики проекты увѣнчивались полнѣйшимъ успѣхомъ. Но тѣмъ не менѣе, человѣкъ, высказывающій оригинальную мысль, могущую служить точкою опоры для толчка современныхъ событій въ желаемомъ, великополезномъ для страны направленіи, выказываетъ выдающійся умъ, способный широко обнимать сложные вопросы и находить возможно-лучшее ихъ рѣшеніе.

Въ настоящемъ случаѣ нельзя не пожалѣть, что покойный Кокоревъ не передалъ сущности тѣхъ возраженій, которыя были сдѣланы въ секретномъ комитетѣ, въ Царскомъ Селѣ, на предложеніе князя Барятинскаго, и были поводомъ, что голосъ его остался „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ". Но отчасти можно объ этихъ возраженіяхъ догадываться: а) не совсѣмъ еще улегшееся броженіе въ Польшѣ, послѣ недавняго возстанія; б) Каракозовскій выстрѣлъ—признакъ внутренняго безпокойствія, в) разстроенные финансы; г) неготовность новой организаціи арміи, которая не могла такъ скоро мобилизоваться, чтобы одновременно съ Пруссіей явиться на театрѣ дѣйствій; д) непредвидимыя случайности войны; е) неизвѣстность, какъ отнесется къ нашему вмѣшательству Англія и особенно Наполеонъ, тогда бывшій еще въ зенитѣ своего могущества, игравшій роль капельмейстера въ Европейскомъ концертѣ; ж) опасеніе возбудить всеобщій пожаръ, коснувшись Восточнаго вопроса, этого вѣчнаго кошмара и т. д. и т. д. Все это доводы вовсе не легковѣсные, заслуживавшіе полнаго вниманія и, быть можетъ, трудно опровергаемые; а все-таки чувствуется, что не слѣдовало отвергать мысль князя Барятинскаго. Русскому мыслящему человѣку, переживавшему сердцемъ всю послѣднюю четвертьвѣковую эпоху, трудно не сочувствовать предложенію князя, который стремился, съ замѣчательной прозорливостью, предотвратить постигшія насъ неудачи, оскорбленія, потери матеріальныя и, еще болѣе, нравственныя, отодвинувшія насъ далеко назадъ; однимъ словомъ, удары, предъ которыми Севастопольскій погромъ можно назвать побѣдою.

О рѣшеніи, принятомъ въ этомъ секретномъ комитетѣ въ Царскомъ Селѣ можно судить по приводимому ниже письму

князя Барятинскаго. Остановились, очевидно, на полумѣрѣ; а полумѣры, какъ извѣстно, никогда ни къ чему полезному не ведутъ. Но исторія постоянно показываетъ, что люди изъ ея уроковъ пользы не извлекаютъ.

Вотъ что́ писалъ князь Барятинскій изъ Берлина, на возвратномъ пути изъ Петербурга за границу (на черновомъ собственной руки не выставлено числа и мѣсяца, но во всякомъ случаѣ это было въ Маѣ 1866 г.) *Съ Французскаго.* „Спѣшу дать отчетъ Вашему Величеству о моемъ разговорѣ съ королемъ и г. Бисмаркомъ, а равно и о впечатлѣніи, произведенномъ на меня всѣмъ что́ я видѣлъ и слышалъ въ теченіе нѣскольких дней моего пребыванія въ Пруссіи. Король принялъ меня на слѣдующій день послѣ моего пріѣзда въ 11½ часовъ, предъ отъѣздомъ въ Потсдамъ на крестины своей внучки. Я подвергъ его разсмотрѣнію три пункта, которые Ваше Величество поручили мнѣ ему передать, т. е. 1) предложить ему еще разъ сохранить миръ для спокойствія Германіи и всей Европы, 2) прежде чѣмъ сзывать Германскій парламентъ, дать своимъ союзникамъ программу тѣхъ вопросовъ, которые подлежатъ обсужденію; 3) присоединиться, какъ можно скорѣе, къ Парижскому конгрессу“ (?) (Вѣроятно *предполагалось* собрать конгрессъ.)

„Я нашелъ короля и всю Прусскую націю преисполненными живѣйшимъ желаніемъ сохранить миръ. Король очень жалуется на поступки Австріи противъ него и сваливаетъ на нее одну всю отвѣтственность за настоящее положеніе дѣлъ; кажется, что въ этомъ отношеніи онъ находится подъ вліяніемъ какой-нибудь заинтересованной партіи. Относительно программы, которую надо объявить, сознаюсь, что ни въ разговорѣ съ королемъ, и еще менѣе съ Бисмаркомъ, мнѣ не удалось узнать какое-нибудь опредѣленное рѣшеніе: фразы и общія мѣста преобладали, и я остался при убѣжденіи, что желаютъ приберечь условія для случайностей, которыя трудно заранѣе предвидѣть. Что́ касается конгреса въ Парижѣ, мнѣ кажется, что король охотно къ нему присоединится, но графъ Бисмаркъ не полагаетъ на него никакихъ надеждъ и считаетъ войну почти неизбѣжною. Онъ увѣряетъ, что Австрійскій императоръ, эрцгерцогъ Альбрехтъ, Бейстъ и Белькреди причиною войны; онъ утверждаетъ, что если сего дня Авст-

рія распустила бы войска, то чрезъ три дня миръ въ Германіи былъ бы возстановленъ. Онъ однако увѣренъ, что наступленіе начнется ранѣе шести недѣль и починъ будетъ со стороны Италіи, Австріи или, быть можетъ, даже Пруссіи, такъ какъ расходы слишкомъ велики, чтобы ихъ терпѣть, находясь въ бездѣйствіи".

„Говоря вкратцѣ, мнѣ кажется, что Пруссія въ большой тревогѣ и что красная рубашка Гарибальди, вѣроятно, скоро присоединитъ свой цвѣтъ, чтобы уравнять шансы на успѣхъ".

Ясно, дѣло было въ рукахъ Бисмарка. Онъ зналъ чего хочетъ, хорошо взвѣсилъ всѣ *за* и *противъ*, до тонкости изучилъ условія, въ которыхъ находились противники, съ изумительною ловкостью подготовилъ пассивность Наполеона и наше сочувствіе, и неудивительно, что считалъ конгрессы вещью безполезною, когда великіе вопросы рѣшаются „кровью и желѣзомъ". Онъ поспѣшилъ открытіемъ войны, быть можетъ, именно съ цѣлью не дать намъ времени одуматься и принять въ ней участіе: зачѣмъ дѣлить добычу, если можно одному ею воспользоваться?..

Покойный Кокоревъ много разсказывалъ мнѣ о своихъ свиданіяхъ съ княземъ Барятинскимъ и между прочимъ привелъ два его отзыва, служащіе къ характеристикѣ взглядовъ князя. Въ одно изъ посѣщеній, Кокоревъ сообщилъ князю новость о назначеніи П. П. Мельникова министромъ путей сообщенія. На вопросъ: а чтó за человѣкъ генералъ Мельниковъ? Кокоревъ отвѣчалъ: „очень дѣловой, работящій человѣкъ; цѣлые дни за бумагами проводитъ".—„Ну, это значитъ неподходящій человѣкъ: съ бумагами возиться дѣло директоровъ и другихъ чиновниковъ, а министръ долженъ имѣть свободное время, лежать на диванѣ, чесать въ затылкѣ и обдумывать планы дѣйствій по своему вѣдомству".

Въ другой разъ Кокоревъ передалъ князю, что у Лѣтняго сада и во многихъ мѣстахъ Россіи строятся часовни въ память спасенія Государя отъ покушенія Каракозова. На это князь Барятинскій замѣтилъ, что о подобныхъ событіяхъ слѣдуетъ какъ можно скорѣе забывать, а не увѣковѣчивать память ихъ постройкою монументовъ" *).

*) См. Р. Ар. 1890, III, 365. Московскій святитель Филаретъ выразилъ такое же мнѣніе.

Глава VII.

Избраніе почетнымъ членомъ Московскаго университета.—Письмо Озерова и газетныя статьи по этому поводу.—Пріѣздъ въ Петербургъ къ церемоніи крещенія Наслѣдника-Цесаревича.—Неудовольствіе по поводу новаго положенія объ управленіи арміею.—Встрѣча съ Шамилемъ и пребываніе въ Отрадѣ.—Жизнь въ Деревенькахъ и письмо къ генералу Тимашеву.—Пребываніе въ Парижѣ и Италіи.—Письмо Наполеона и подарокъ Виктора-Эммануила.

Въ Мартѣ 1868 года Московскій университетъ избралъ фельдмаршала князя Барятинскаго своимъ почетнымъ членомъ *). Такія избранія высокопоставленныхъ лицъ не рѣдкость, и едва ли имъ можно придавать какое-нибудь значеніе; но нѣтъ правила безъ исключенія: настоящее избраніе составило нѣчто въ родѣ событія, судя по появившимся газетнымъ статьямъ и толкамъ въ обществѣ. Самъ князь ожидалъ этого отличія и былъ очень польщенъ и радъ избранію. Находившійся тогда въ Бернѣ старый дипломатъ Озеровъ 6 Апрѣля писалъ князю слѣдующее: „Не знаю, получаете ли вы „Московскія Вѣдомости", и потому, не будучи увѣренъ, что до васъ скоро дойдетъ голосъ Русскаго, напечатанный въ нихъ и конечно отозвавшійся въ сердцѣ каждаго искренняго патріота, беру смѣлость приложить при семъ вырѣзку изъ сказанныхъ вѣдомостей объ избраніи васъ почетнымъ членомъ Московскаго университета. Имя ваше давно вписано на славныхъ страницахъ Русской лѣтописи; тѣмъ не менѣе мое сердце дрогнуло отъ удовольствія при извѣстіи, что старѣйшій изъ нашихъ уни-

---

*) Петербургскимъ университетомъ князь былъ избранъ гораздо ранѣе въ почетные члены. Ректоръ Плетневъ 22 Января 1860 г., увѣдомляя объ этомъ фельдмаршала, добавилъ: „Совѣтъ университета надѣется, что вы удостоите благосклонно принять выраженіе его скромной доли признательности, хотя она ничего не можетъ прибавить къ вашей всемірной славѣ и къ тѣмъ благословеніямъ, съ которыми произносится въ Россіи имя умирителя Кавказа".

верситетовъ соединилъ съ своимъ именемъ имя знаменитаго нашего времени дѣятеля Русской земли. Желаю отъ глубины души, чтобы еще много возвышенныхъ подвиговъ вашихъ было вписано въ книгу судебъ любезнаго отечества".

Газетныя статьи такъ совпадаютъ съ приведенными въ предыдущей главѣ признаками обращенія общественныхъ глазъ въ сторону князя Барятинскаго, что я считаю не лишнимъ привести ихъ здѣсь. Первая, изъ „Московскихъ Вѣдомостей", по слогу напоминаетъ Р. А. Ѳадѣева. Если это такъ, то, хотя мысль высказанная здѣсь и совершенно вѣрна, но авторъ былъ свой человѣкъ у князя, и его слова могутъ быть сочтены естественнымъ воскуреніемъ ѳиміама; другія же двѣ несомнѣнно посторонняго происхожденія и не могутъ не доказывать отклика общественнаго мнѣнія.

1-я. „Въ засѣданіи совѣта 21 Марта Московскій университетъ избралъ фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинскаго своимъ почетнымъ членомъ. Какъ ученое сословіе, Московскій университетъ. конечно, руководился прежде всего желаніемъ воздать должный почетъ лицу, открывшему изслѣдованіямъ науки обширное, доселѣ почти недоступное поле. Кавказъ дѣйствительно богатѣйшій рудникъ для науки. Академикъ Абихъ, посвятившій свою жизнь изученію Кавказа въ геологическомъ отношеніи, но вынужденный въ изслѣдованіи его поступать, какъ изучаютъ луну, то-есть съ одной только стороны, вступивъ въ 1860 году въ заколдованный до того времени кругъ и оглядѣвшись въ немъ, сказалъ, какъ будто бремя спало съ его души: „Теперь только можно сказать утвердительно, что геологія не ошибается!" Съ покореніемъ Кавказа стали возможны лингвистическія и этнологическія изслѣдованія величайшей важности. Вся первобытная Европа прошла чрезъ глухія ущелія Кавказа и оставила свои слѣды въ нихъ, какъ въ колючемъ заборѣ остаются клочки шерсти прогоняемыхъ стадъ".

„Но если первоначальное основаніе вписать имя князя Барятинскаго въ университетскій почетный списокъ есть интересъ научнаго свойства, то нельзя также не порадоваться, что старѣйшій изъ Русскихъ университетовъ постепенно все болѣе и болѣе соединяетъ съ своимъ именемъ имена знаменитыхъ дѣятелей Русской земли, не ограничиваясь въ своихъ почетныхъ избраніяхъ, какъ прежде было въ обычаѣ, спеціальными отношеніями къ избираемымъ. Хотя еще не изъ университетовъ выходитъ большая часть нашихъ госу-

дарственныхъ дѣятелей, но время ведетъ къ тому, и государственный человѣкъ, съ благодарностію примыкающій къ университетскимъ корпораціямъ, знаменуетъ тѣмъ путь дѣтямъ своимъ и вообще Русскому юношеству. Въ наше время мысль и дѣятельность безсильны безъ науки, а университеты суть ея воплощеніе».

„Наши потомки удивились бы, не найдя имени князя Барятинскаго въ длинномъ спискѣ почетныхъ членовъ Московскаго университета. Для Русской исторіи имя князя Барятинскаго связано съ завершеніемъ усилій къ покоренію Кавказа, какъ имя нынѣшняго Августѣйшаго Намѣстника этой области запечатлѣетъ память о ея умиротвореніи, о водвореніи въ ней началъ Европейской гражданственности и объ органическомъ сліяніи ея съ Россіей. Несомнѣнно, что завоеваніе Кавказа будетъ началомъ значительныхъ и живущими нынѣ людьми неожидаемыхъ событій; великое такое событіе отзовется въ памяти послѣдующихъ поколѣній собственными именами, между которыми высокое мѣсто принадлежитъ безспорно князю Барятинскому“.

2-я. Газета „Москва“, № 10-й 13 Апрѣля 1868 г. „Московскія Вѣдомости“ объявили объ избраніи фельдмаршала князя Барятинскаго въ почетные члены Московскаго университета. Многое простится университету за такое современное гражданское дѣло; а какъ нуждается конференція университета въ снисхожденіи общества за свои послѣдніе подвиги—нечего разсуждать; лучше не шевелить стараго сора“.

„Заявленіе „Московскихъ Вѣдомостей“ не лишено, и по существу своему, и по идеямъ въ немъ высказаннымъ, важнаго значенія“.

„Дѣйствительно, мы, Русскіе, какъ граждане, до сихъ поръ еще очень молоды. Чувствуя, что нашъ полдень еще впереди, мы торопимся жить, любимъ больше всего новизну и сейчасъ же сдаемъ въ архивъ свое прошедшее, хотя бы это было прошедшее вчерашнее. Мы слишкомъ вѣримъ въ будущіе успѣхи и въ будущихъ великихъ людей нашей исторіи, а потому, вѣроятно, не заботимся о томъ, чтобы относиться сознательно къ современнымъ дѣятелямъ, даже самымъ яркимъ, трудами которыхъ, однакоже, закладывается наше государственное будущее“.

„Такія мысли тѣснились въ головѣ нашей, когда мы узнали о почетѣ, оказанномъ фельдмаршалу князю Барятинскому Московскимъ университетомъ. Намъ живо вспомнились достопамятные дни покоренія Кавказа и радостное удивленіе обѣихъ столицъ при видѣ плѣннаго Шамиля. Наше общество

смутно, можетъ быть, но вѣрно чувствовало въ ту пору, что предъ нимъ совершилось необычайное событіе. Московскій университетъ во́ время подловилъ это воспоминаніе. Послѣднее избраніе приноситъ столько же чести князю Барятинскому, сколько и университету".

„Для Русской исторіи имя князя Барятинскаго будетъ значить: покореніе Кавказа. Этотъ подвигъ, нежданный даже для участниковъ его, результатъ талантовъ и энергіи преимущественно одного лица, посвятившаго лучшую часть своей жизни задуманному имъ дѣлу, будетъ оцѣненъ послѣдующими поколѣніями лучше, чѣмъ мы его можемъ оцѣнить. Покореніе Кавказа рѣшило не менѣе, какъ весь итогъ отношеній нашего отечества къ сопредѣльной ему громаднѣйшей части свѣта, и на первый разъ занятіе Туркестанской области. Покуда Русское владычество не было безвозвратно установлено на Кавказскомъ перешейкѣ, и Каспійское море не стало нашимъ внутреннимъ озеромъ, всякій дальнѣйшій шагъ въ Закаспійскій край былъ бы безразсуденъ. Но кто владѣетъ Кавказомъ, тотъ будетъ раньше или позже распоряжаться судьбами всей материковой Азіи, кромѣ ея Восточной окраины и полуострововъ".

„Одна газета сказала недавно чрезвычайно вѣрно, что главная сила князя Барятинскаго, во время начальствованія его на Кавказѣ, состояла въ качествѣ наиболѣе рѣдкомъ у насъ въ Россіи—въ волѣ, въ его умѣньи начальствовать безраздѣльно и направлять всѣ усилія подчиненныхъ къ одной общей, поставленной имъ цѣли".

„Въ этомъ качествѣ сущность государственнаго дѣятеля, главное отличіе его отъ мыслителя, хотя бы самаго глубокаго, но нерѣшительнаго, или рѣшительнаго не впопадъ—Цезаря отъ Цицерона".

„Вспомнимъ Крымскую войну. Чего тамъ у насъ недоставало для одержанія побѣды? Не нарѣзныхъ ружей (вначалѣ ихъ было немного и у союзниковъ), ни энергіи въ солдатахъ, конечно *). Кто видѣлъ нашихъ солдатъ возвращавшихся на сѣверную сторону съ послѣдняго штурма, плакавшихъ слезами и роптавшихъ противъ начальства за то, что имъ не дали погребстись подъ развалинами Севастополя, тотъ не усумнится, что съ такими солдатами можно было все сдѣлать. Не въ искусствѣ писать диспозиціи также оказывался у насъ недостатокъ: подъ Севастополемъ было до-

*) Неизвѣстный авторъ видимо хватилъ черезъ край: на вопросъ чего у насъ не доставало въ Крымскую войну могъ быть лишь одинъ отвѣтъ: „всего". А. З.

вольно времени, чтобы обдумать впередъ каждый шагъ; да притомъ же сраженіе не шахматная игра, выигрываемая однимъ искусствомъ ходовъ. У насъ недоставало для побѣды простой, но очень рѣдкой вещи:—увѣренной въ себѣ воли, которой люди подчиняются внутренне и при которой армія дѣйствуетъ какъ одинъ человѣкъ. Можно думать, что съ главнокомандующимъ такого закала, какъ князь Барятинскій, отдѣльные начальники исполнили бы буквально возложенное на нихъ дѣло, а артиллерія не была бы свозима съ поля заблаговременно, пока пѣхота не считала еще себя побѣжденною. Въ остальномъ можно было положиться на солдатъ, плакавшихъ съ отчаянья, когда ихъ уводили съ поля смерти въ безопасное мѣсто".

„Въ настоящую пору, когда вся Европа стоитъ подъ ружьемъ, Московскій университетъ особенно кстати напомнилъ нашему обществу о покореніи Кавказа и его совершителѣ, который, какъ начальникъ, ясно знаетъ, чего хочетъ, и твердо хочетъ того, чтò предпринимаетъ. Такое напоминаніе, еще разъ повторяемъ, какъ нельзя болѣе современно. По газетнымъ слухамъ фельдмаршала ожидаютъ въ Петербургѣ. Кому лучше подготовить къ бою перевоспитанную и вновь вооруженную армію? Извѣстно, какъ дѣятельно ведется жизнь фельдмаршала за границею: онъ не тратилъ времени по пустому, но постоянно готовился на великое свое служеніе и исполненіе своего призванія въ Россіи".

3-я, газета „Русскій", 15 Апрѣля 1868. Эта статья, какъ мнѣ кажется, принадлежала М. П. Погодину. Привожу ея начало; заключеніе же было повтореніемъ того, чтó уже сказано въ первыхъ двухъ статьяхъ.

„Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій избранъ почетнымъ членомъ Московскаго университета. Всѣ благонамѣренные и свѣдущіе Русскіе люди приняли это извѣстіе съ особеннымъ удовольствіемъ, какъ будто получая надежду, что дѣльный, способный, разумный Русскій человѣкъ, человѣкъ съ сердцемъ, волею и любовію искреннею къ отечеству, вступаетъ опять на поприще дѣятельности, поприще, на которомъ, по общему сознанію, такъ мало настоящихъ дѣятелей. Тяжелая болѣзнь удерживала его до сихъ поръ за границею; если справедливы слухи, что онъ дѣйствительно возвращается, то имъ нельзя не радоваться. Университетъ исполнилъ свою обязанность, давно уже на немъ лежавшую: князь Барятинскій, довершеніемъ покоренія Кавказа, открылъ новое поле для науки, не только Русской, но и Европейской.

Въ 1868 году князь Барятинскій рѣшился возвратиться въ Россію и поселиться въ полученномъ по наслѣдству отъ двоюроднаго брата своего графа Толстаго имѣніи, Деревеньки, Курской губерніи. Въ Петербургъ князь прибылъ въ Маѣ, вскорѣ послѣ общаго радостнаго событія — рожденія Великаго Князя Николая Александровича, нынѣшняго Наслѣдника Цесаревича. 18 Мая министръ Императорскаго двора графъ Адлербергъ увѣдомилъ фельдмаршала, что Государю угодно было назначить его для сопровожденія новорожденнаго, при торжественномъ поѣздѣ изъ Царско-Сельскаго Александровскаго дворца въ тамошній большой дворецъ, и потомъ для поддержанія, вмѣстѣ съ канцлеромъ княземъ Горчаковымъ, покрывала, при шествіи въ придворную церковь.

Послѣ окончанія торжественнаго церемоніала, князь, отправивъ свою супругу и ея отца, князя Дмитрія Орбельяни, въ Отраду (Серпуховскаго уѣзда, имѣніе графа Владимира Петровича Орлова-Давыдова, женатаго на старшей сестрѣ князя Барятинскаго, Ольгѣ Ивановнѣ), самъ остался еще на нѣкоторое время въ Петербургѣ.

Однимъ изъ главнѣйше интересовавшихъ его тогда вопросовъ было новое „положеніе о полевомъ управленіи войскъ“, Высочайше утвержденное 17-го Апрѣля 1868 года. Положеніе это стало извѣстнымъ князю лишь въ Маѣ того же года, на пути въ Петербургъ, въ пограничномъ городѣ Диршау, гдѣ его встрѣтилъ фельдъегерь съ письмомъ отъ военнаго министра и экземпляромъ „положенія“. До того времени князь мало зналъ взгляды, руководившіе составителей „положенія“; онъ не зналъ и того, что главныя его основанія, еще въ 1865 г., передавались на обсужденіе 106-ти генераловъ и штабъ-офицеровъ, въ спискѣ которыхъ, на особомъ листѣ, ошибочно было напечатано и имя фельдмаршала. Итакъ какъ онъ встрѣтилъ въ „положеніи“ нѣкоторыя особенности, противорѣчащія, по его мнѣнію, свято хранимымъ преданіямъ нашей арміи, и вообще несогласныя съ его взглядами, то и счелъ обязанностію доложить объ этомъ Государю, который пожелалъ ближе ознакомиться съ подробностями его мнѣнія и повелѣлъ князю изложить свои основанія въ подробной запискѣ. Повелѣніе это было исполнено княземъ въ слѣдую-

щемъ году и повело къ нѣкоторымъ столкновеніямъ. Разсказъ объ нихъ я оставляю до слѣдующей главы.

Въ Москвѣ князя встрѣтилъ выѣхавшій съ высочайшаго разрѣшенія изъ Калуги, Шамиль съ сыномъ Кази-Магомою и зятемъ Абдурахимомъ. Пригласивъ ихъ съ собою, князь, 8 Іюня прибылъ въ Отраду, гдѣ былъ встрѣченъ пушечною пальбою во дворѣ, разукрашенномъ флагами. Шамиль прогостилъ здѣсь двое сутокъ, принималъ участіе во всѣхъ прогулкахъ по парку и окрестностямъ, въ осмотрахъ разныхъ заведеній, мастерскихъ и проч., и живо всѣмъ интересовался. За завтраками и обѣдами, изысканно одѣтый въ бѣлый костюмъ, имамъ сидѣлъ по правую руку хозяйки дома, графини Ольги Ивановны, принималъ участіе въ разговорѣ (чрезъ переводчика) и всѣхъ очаровалъ своимъ любезнымъ, непринужденнымъ и, въ тоже время, исполненнымъ достоинства обхожденіемъ. 10 Іюня, уѣзжая въ Калугу, Шамиль вписалъ свое имя въ книгу посѣтителей слѣдующимъ образомъ: „гостилъ старецъ Шамиль въ домѣ графа Орлова-Давыдова 29 числа мѣсяца Сапара 1285 года“. Предъ выѣздомъ знаменитаго противника нашего на Кавказѣ, все общество собралось у него въ комнатѣ и затѣмъ проводило его до экипажа.

Князь Александръ Ивановичъ оставался въ Отрадѣ 10 дней, проводя все время съ любимою сестрою, въ семейномъ кругу. По вечерамъ онъ собиралъ все общество у себя въ комнатѣ, вспоминалъ Кавказскую службу, читалъ кое-что изъ своей интересной переписки съ Государемъ, участвовалъ въ прогулкахъ по мѣстамъ, давно ему впрочемъ знакомымъ. За нѣсколько дней до выѣзда, представился князю старый Кавказецъ генералъ А. А. Сусловъ, извѣстный по молодецкому подвигу въ 1846 году съ Гребенскими казаками, когда ихъ, не болѣе 80 человѣкъ, окружила партія Чеченцевъ, до полутора тысячъ конныхъ, и казаки, переколовъ кинжалами своихъ лошадей, устроили изъ нихъ завалъ и отстрѣливались до прибытія выручки. Дѣло это было изображено на особо заказанной картинѣ, распространенной въ большомъ числѣ экземпляровъ. (Странное, даже комическое впечатлѣніе производила на картинѣ фигура попавшаго случайно

въ это дѣло помѣщика Хастатова, въ широкополой шляпѣ и статскомъ платьѣ). Впослѣдствіи генералъ Сусловъ былъ начальникомъ кавалеріи въ Дагестанѣ, и въ началѣ 1852 года, командуя отдѣльнымъ отрядомъ, взялъ штурмомъ Кайтахскій аулъ Шеляги, въ которомъ скрылся съ своими приверженцами присланный Шамилемъ эмиссаръ-возмутитель Букъ Магометъ. Князь съ большимъ удовольствіемъ встрѣтилъ стараго сослуживца, много съ нимъ бесѣдовалъ и былъ очень радъ возможности оказать ему услугу: по ходатайству князя, лежавшій на имѣньи Суслова казенный долгъ былъ сложенъ, и онъ получилъ аренду.

18 Іюня фельдмаршалъ съ супругою и свитою выѣхалъ изъ Отрады и отбылъ въ Курскъ.

Поселившись въ Деревенькахъ, избранный почетнымъ мировымъ судьею, князь Александръ Ивиновичъ принималъ участіе въ земскихъ собраніяхъ, знакомился съ бытомъ крестьянъ, вообще сельскаго населенія. Въ первые годы по освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ, мировымъ судьею того участка, къ которому принадлежали Деревеньки, былъ В. М. Масловъ, товарищъ князя по юнкерской школѣ, отставной гвардейскій полковникъ, учавствовавшій въ памятной экспедиціи 1839 года подъ Ахульго и тамъ раненый. Въ камеру этого судьи, для присутствованія при разборѣ дѣлъ новаго тогда въ Россіи суда, часто хаживалъ фельдмаршалъ и, послѣ разбора, по душѣ бесѣдовалъ съ Масловымъ о мѣстныхъ дѣлахъ и о занимавшихъ его военныхъ реформахъ, къ которымъ относился неодобрительно, опасаясь, чтобы новое направленіе, вводимое въ армію, не ослабило ея славнаго боеваго духа.

Взгляды князя на положеніе сельскаго населенія выразились въ анонимномъ письмѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ А. Е. Тимашеву, отъ 16 Ноября 1868 года. Письмо это, интересный документъ, само по себѣ, служитъ къ характеристикѣ автора и опять показываетъ, что онъ былъ выдающійся человѣкъ, что ему не были чужды не только вопросы, такъ сказать, по его спеціальности, военно-политическіе, но даже такіе, какъ общинное или подворное землевладѣніе. Мы и здѣсь можемъ не согласиться съ его взглядомъ, и тутъ недостатка въ совершенно-противныхъ мнѣніяхъ и доводахъ

не будетъ. Вѣдь вопросъ о формѣ землевладѣнія, важный, обширный вопросъ, имѣющій и въ Россіи и на Западѣ большую литературу; его изучаютъ и не рѣшили абсолютно и до сихъ поръ, и все-таки уже самая мысль приводимаго ниже письма, его редакція, да и нѣкоторые, трудно оспариваемые доводы убѣждаютъ, что въ князѣ Барятинскомъ мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ мыслящимъ, отзывчивымъ на всякую злобу дня.

Помѣщаю письмо вполнѣ.

„Милостивый государь Александръ Егоровичъ. Почти 40 лѣтъ, наблюдая за полезными и безполезными нововведеніями въ нашемъ государствѣ, пришелъ я къ сознанію, что въ немъ почти всѣ желаютъ величія и преуспѣянія дорогому нашему отечеству; но пріемы бываютъ часто неудобны и приводятъ на память басню Крылова о „Пустынникѣ и Медвѣдѣ".

„О васъ всѣ говорятъ, что вы очень умны, что Государь таковымъ васъ знаетъ и вамъ довѣряетъ, что вы сами любите трудъ и дѣло, что выслушиваете мнѣнія и умѣете различать дѣльныя мысли (даръ великихъ людей). Однимъ словомъ, говорятъ, что, въ противоположность большинству людей, вы умѣете сгонять мухъ, не убивая дѣла. Если все это справедливо, да благословитъ васъ Богъ; есть надежда, вы очистите отъ нихъ великое и святое дѣло Царя-Освободителя".

„Въ этомъ письмѣ не найдете вы, быть можетъ, ничего новаго; все это давно вами передумано, и собственными мышленіями дошли вы съ нами до одного и того же заключенія; пусть тогда оно послужитъ вамъ все таки однимъ еще доказательствомъ больше, что вы достигли истины: бо́льшая увѣренность не портитъ дѣла".

„Я люблю жить въ деревнѣ и въ полной неизвѣстности, поэтому прошу ваше высокопревосходительство простить меня, что не подписываю своего письма; можетъ быть, почтили бы вы меня своимъ вниманіемъ и захотѣли бы меня вызвать; пожалуй, предложили бы и мѣсто и соотвѣтствующій чинъ, а этого я боюсь и опасаюсь болѣе всего на свѣтѣ. Хотя я тотчасъ и шутилъ надъ пустынниками и медвѣдями, но не менѣе того я принадлежу къ той и другой категоріи, хотя

только по природному отвращенію къ суетной и шумной столичной жизни; таковымъ я есмь и останусь до конца дней моихъ. Теперь, что вы достаточно знаете меня и что я высказалъ вамъ и общественное мнѣніе о васъ, на которомъ основываю дерзость моего письма, позволяю себѣ приступить къ существу дѣла".

„Живя въ глуши, посреди крестьянъ и прислушиваясь къ ихъ говору, горячо имъ преданное мое сердце не можетъ не скорбѣть, слыша отъ нихъ, что вмѣсто улучшенія быта, столь желаемаго Государемъ, положеніе ихъ день отъ дня дѣлается все невыносимѣе. Праздность, со дня освобожденія крестьянъ, во всемъ своемъ безстыдномъ величіи, господствуетъ въ деревняхъ; всѣ недуги отъ нея происходящіе: лѣнь, пьянство, обманъ и распутство дошли до предѣловъ всякаго воображенія и терпимости; чувство личнаго сознанія совсѣмъ исчезаетъ, кабаковъ развелось много, школъ мало, а праздныхъ дней въ году болѣе двухъ третей".

„Конечно, переходное состояніе крестьянъ отчасти тому причиною. Свободу понимаютъ многіе, какъ и вездѣ на первыхъ порахъ, пріобрѣтеннымъ правомъ ничего не дѣлать и давать волю страстямъ; но, по словамъ крестьянъ, зародышъ зла кроется въ самомъ постановленіи, которое, силою закона, награждаетъ праздность. Исправный поселянинъ горько ропщетъ на міровую собственность; онъ видитъ въ ней несправедливость, произволъ и личное стѣсненіе, гораздо хуже и обиднѣе для него бывшаго крѣпостнаго состоянія. Онъ трудится, работаетъ и потѣетъ за нерадиваго, а тотъ гуляетъ, пьетъ и издѣвается надъ нимъ; круговая порука поощряетъ его лѣнь, избавляя отъ заботъ и труда".

„Не возмутительно ли, въ самомъ дѣлѣ, для человѣчества не признавать справедливымъ равномѣрный трудъ и заставлять людей равномѣрно дѣлиться его послѣдствіями? „Не богатый и не бѣдный, а праздный человѣкъ опасенъ для общества", говорилъ Франклинъ".

„Со стороны экономической общественное владѣніе землею, съ круговою порукою, наноситъ ущербъ не менѣе нравственнаго. Оно создаетъ пролетаріатъ самый вредный; убивая всякую личную самодѣятельность, порождаетъ":

1. „Дурную обработку земли (стоитъ ли удабривать землю, которая къ будущему посѣву, быть можетъ, поступитъ къ другому?)“

2. „Безпечность семьянина относительно будущности своихъ дѣтей. (Выростутъ, свое получатъ, разсуждаетъ онъ)“.

3. „Небрежность относительно взноса выкупныхъ платежей. (Общество дескать заплатитъ, продадутъ, быть можетъ и скотину, да не его: она давно имъ пропита)“.

4. „Упадокъ всякой предпріимчивости и домашняго сельскаго хозяйства. (Стоитъ ли заводить скотъ и т. п., когда его продадутъ за общество? и т. д)“.

„Развѣ отецъ многочисленнаго семейства, запустившій неуплатимую недоимку казнѣ, пропившій послѣднюю рабочую лошадь и отдающій свою долю земли подъ посѣвъ сосѣду, для того чтобы на полученныя деньги опохмѣлиться—не въ послѣдней степени пролетарій? А такихъ, со дня установленія общественнаго владѣнія землею, съ круговою порукою, расплодилось безчисленное множество“.

„Понятно, что, при такихъ основаніяхъ крестьянскаго быта, количество нерадивыхъ домохозяевъ относительно благонадежныхъ день ото дня еще увеличивается, и за тѣмъ послѣдніе, составляя меньшинство, лишены возможности, какъ бы они того ни желали, воспользоваться 163 статьею Положенія о выкупѣ, т. е. раздѣленія земли съ согласія двухъ третей міра на подворные участки. Основываясь на необходимости получить это согласіе, крестьяне говорятъ, что оно происходитъ отъ того, что уже болѣе $^2/_3$ общества живетъ трудами остальной трети, или другими словами, что одинъ несетъ трудъ за троихъ; отъ чего, не будучи уже въ состояніи выносить тяжести, день ото дня еще возрастающей, трудолюбивые крестьяне, обезсилившіе, начинаютъ въ свою очередь вступать въ ряды неблагонадежныхъ и жить на счетъ міра“.

„Можно ли послѣ того удивляться, что со стороны финансовой денежная недоимка съ каждымъ годомъ увеличивается, что крестьяне скоро, быть можетъ, сдѣлавшись вовсе несостоятельными и сознавая свою массовую силу, совершенно откажутся отъ платежей. Міръ, говорятъ, великій человѣкъ;

пожалуй они всѣмъ міромъ и откажутся платить. Земли тогда останутся необработанными, какъ уже и теперь есть нѣкоторые примѣры, о чемъ отчасти и свидѣтельствуетъ бывшій голодъ въ Сѣверныхъ губерніяхъ. За тѣмъ народъ, ради своего пропитанія, пойдетъ грабить и безчинствовать, и въ разныхъ мѣстахъ обширной и разноплеменной Россіи произойдутъ, быть можетъ, опять внутренніе безпорядки, своеволія и разъединенія, пока какая - либо посторонняя, внутренняя или внѣшняя, сила не воспользуется неурядицею".

„Упаси Боже, чтобы Государь былъ вынужденъ прибѣгать къ вооруженной силѣ противъ своего народа; она вѣдь создана для врага отечественнаго. Сомнительно даже, чтобы нынѣшніе краткосрочные солдаты и такъ называемые передовые офицеры пошли бы на крестьянъ; старшихъ же чиновъ признаютъ въ арміи отсталыми".

„Крестьяне до сихъ поръ не почитаютъ себя удовлетворенными. Эмисары пропаганды „Молодой Россіи", „Земли и Воли" съ золотыми грамотами, поддерживаютъ ихъ въ этомъ мнѣніи, толкуя положеніе 19-го Февраля. Крестьяне не грамотны, а Положеніе большое; посредникамъ и господамъ (говорятъ имъ) вѣрить нельзя; тутъ являются прохожіе солдаты, выгнанные за пьянство писцы, съ обѣщаніями даровой земли".

„Къ тому же, въ самомъ законѣ есть неясности и непонятныя противорѣчія, допускающія, съ одной стороны, свободное разложеніе поземельной собственности, а съ другой — обязательное ея продолженіе, какъ обезпеченіе всѣхъ платежей. Министерскіе циркуляры уже давно уничтожили святость закона, вселивши къ нему неуваженіе. Циркуляровъ этихъ, противурѣчащихъ другъ другу и главнымъ основаніямъ реформы, наплодилось столько, что Положеніе перестало уже быть руководителемъ; и въ настоящее время не только крестьяне, но и помѣщики, какъ непосвященные въ тайны административныхъ циркуляровъ, не зная, какъ въ данномъ случаѣ поступить, за благо признали не обращать уже болѣе вниманія на законъ, а покориться обстоятельствамъ".

„Всѣ недовольны, всѣ ропщутъ и неопредѣленно ждутъ перемѣны. Картина эта внутренняго состоянія Имперіи, какъ видитъ ее каждый истинный вѣрноподданный, тѣмъ грустнѣе для сердца Государева, что она представляетъ положеніе, со-ставившееся, конечно, противъ желанія, единственно по нѣкоторымъ ложнымъ теоріямъ усердныхъ, но между тѣмъ мало практичныхъ исполнителей великой мысли. Да и въ правду сказать, предпріятіе было не легкое, а потому ошибки извинительны. Онѣ, видимо, произошли отъ превратнаго взгляда на три предмета: 1) отъ желанія вѣрнѣе и скорѣе возвратить казенную выкупную ссуду; 2) избѣжать пролетаріата и 3) удержать историческую форму.

Два первые вопроса, какъ видно изъ вышеизложеннаго, опровергаются тѣмъ, что они привели къ совершенно противоположнымъ результатамъ“.

„Что же касается до историческаго факта, то, не говоря уже о коренномъ различіи между общиннымъ *пользованіемъ* землею, предполагающимъ другое постороннее лицо ея собственникомъ, и общественнымъ *владѣніемъ* землею съ круговою порукою, предполагающею чистѣйшій, во всемъ вооруженіи, коммунизмъ, слѣдуетъ его разсмотрѣть еще въ примѣненіи къ теперешнему положенію свободныхъ крестьянъ“.

„Когда, въ 1592 году, въ первый разъ были укрѣплены крестьяне за господами, они, для своего огражденія противъ насилія послѣднихъ, прибѣгнули къ порядку общиннаго пользованія землею. При личной свободѣ этотъ порядокъ существовать не могъ; отдѣльное лицо и община, кромѣ какъ въ ассоціаціяхъ добровольныхъ, суть понятія совершенно раздѣльныя, и пользы ихъ противоположны. Для помѣщиковъ этотъ порядокъ былъ тогда также выгоденъ, потому что въ однихъ случаяхъ онъ отвѣчалъ имъ за исправность, а въ другихъ служилъ предлогомъ къ обобранію крестьянъ. Такимъ образомъ, образовалась и круговая порука. Заимствовали же они эту общинную форму у воинственныхъ Азіатскихъ покорителей, которые до того такъ долго первенствовали въ Россіи, вводя въ ней и свои порядки, и свой образъ управленія. Татары,

какъ и всѣ воинственные кочевые народы, не могли, при частыхъ и внезапныхъ передвиженіяхъ, не бросать временную осѣдлость и не признавать ея необщественною. Слѣдовательно, съ освобожденіемъ крестьянъ, общественное владѣніе землею съ круговою порукою, какъ незаконно-рожденное дитя и крѣпостнаго, и Монгольскаго права, не имѣетъ въ свободной Россіи для своего существованія уже болѣе ни мѣста, ни причины, кромѣ только, быть можетъ, для коммунистовъ. Но нѣтъ сомнѣнія, впрочемъ, что съ личною потомственною собственностію для крестьянъ и съ развитіемъ семейнаго быта и всѣхъ чувствъ ему принадлежащихъ, коммунизмъ или нигилизмъ, въ свою очередь, на новой Русской почвѣ сдѣлается вовсе безсмысленнымъ дѣломъ".

„Явленіе замѣчательное, что, одновременно съ введеніемъ для освобожденныхъ крестьянъ общественнаго владѣнія землею съ круговою порукою, является и распространяется съ чрезвычайною быстротою неслыханный дотолѣ въ Россіи нигилизмъ. И могло ли, впрочемъ, и быть иначе, когда съ одного раза, силою государственнаго закона, было ему дано для испытанія своихъ превратныхъ теорій болѣе 20 милліоновъ привилегированныхъ сторонниковъ? Впрочемъ, и характеръ этого союза, подъ предлогомъ заступничества за крестьянъ, разрѣшился скоро и слишкомъ громко предъ вселенною безумнымъ пистолетнымъ выстрѣломъ 4-го Апрѣля, чтобы, въ поддержку этого мнѣнія, требовать еще яснѣе доказательствъ".

„Единый Богъ, всеобщій Сердцевѣдецъ, знаетъ, что́ въ теченіе этихъ лѣтъ перестрадалъ самъ Государь; всѣ знаютъ, какъ сильно онъ боролся съ препятствіями, а теперь, что́, въ награду труда, онъ могъ бы ожидать насладиться его плодами, нельзя его сердцу не содрогнуться, видя, что предпринятое имъ святое дѣло, ежели не совсѣмъ испорчено, то по крайней мѣрѣ сильно потрясено. Однако въ усладу его будь сказано, что дѣло еще легко поправимо; одною единственною, но неотложною мѣрою возстановится и довершится все согласно завѣтной его мысли, т.-е. въ самомъ дѣлѣ улуч-

шится быть крестьянъ. Эта мѣра, достаточно доказанная, есть подворное раздѣленіе земли въ собственность крестьянъ, съ личною свободою переселенія. Всякая дополнительная мѣра, исходящая отъ Царя-Освободителя (какъ родившаго мысль), будетъ принята народомъ съ чувствомъ религіозной покорности и вѣрою, что она поведетъ его къ лучшему, тѣмъ болѣе, что ее ждутъ и желаютъ всѣ здравомыслящіе крестьяне".

„Не менѣе желательно имъ было бы установленіе долгосрочныхъ контрактовъ на арендуемыя земли".

„Всѣ побудительныя причины собственника, къ охраненію и улучшенію недвижимаго имѣнія, переходятъ вполнѣ тогда только къ арендатору, когда сей послѣдній обезпечиваетъ свое потомство въ будущемъ по крайней мѣрѣ на два поколѣнія впередъ. 99-ти-лѣтній контрактъ имѣетъ еще и ту пользу, что ограждаетъ отъ раззоренія почву и въ особенности выгоденъ для сохраненія лѣсовъ. При короткихъ срокахъ, напротивъ того, также выгодно для обѣихъ сторонъ жертвовать капиталомъ въ пользу бо́льшаго процента. При теперешнемъ порядкѣ арендныхъ содержаній, которыхъ самый большой срокъ 36 лѣтъ, всѣ почти имѣнія, скоро истощаясь, составляютъ невозвратный государственный ущербъ. Такого рода аренды послужили бы также и богатымъ источникомъ для доходовъ по государственнымъ имуществамъ, потому что крестьяне воспользовались бы ими для заселенія пустопорожнихъ земель".

„Съ приведеніемъ въ исполненіе предлагаемыхъ сихъ двухъ мѣръ, во первыхъ, уменьшится число праздныхъ людей, чѣмъ увеличится число горячихъ сторонниковъ къ удержанію порядка и спокойствія; во вторыхъ, казна скорѣе возвратитъ свою выкупную ссуду: исправный крестьянинъ внесетъ свою часть и у казны же купитъ часть неисправнаго. Вездѣ между людьми личная собственность порождаетъ состязаніе, а потому и усовершенствованіе; справедливое послѣдствіе вознагражденнаго личнаго труда, есть относительное благосостояніе матеріальное и нравственное; потерявшій землю по своей винѣ будетъ работать посильно, чтобы опять

сдѣлаться собственникомъ. Только такимъ образомъ можетъ установиться должное движеніе и уравновѣшиваніе силъ; найдутся тогда и руки для хлѣбопашества, способности для промышленности, предпріимчивость для колонизаціи".

„Такъ только изчезнетъ праздность, трудъ получитъ свою цѣну, народное богатство установится, а съ нимъ благосостояніе и нравственное развитіе общества; тогда разовьется и уже само собою чувство личнаго сознанія, явится въ самомъ народѣ потребность умножить число школъ и уменьшить число кабаковъ и праздниковъ. Всѣ теперь предпринимаемыя для того мѣры въ высшей правительственной сферѣ и въ Русскомъ обществѣ не могутъ имѣть никакого практическаго примѣненія; всѣ ихъ дѣятели будутъ толочь воду, пока не родится эта потребность изъ среды самаго народа".

„Личная собственность пріучитъ народъ къ самодѣятельности личной, разовьетъ трудолюбіе и его производительность, пріучитъ оберегать свою собственность и уважать чужую; изъ уваженія правъ собственности рождается уваженіе закона и порядка, а трудолюбіе и уваженіе законовъ и порядка составляютъ основаніе нравственнаго развитія народа".

„Тогда Россія изъ глубокаго сна, животворящимъ всеобщимъ движеніемъ, возъимѣетъ свое возрожденіе въ состязательной силѣ, къ истинному своему усовершенствованію, и цѣль великаго Государя—дать свободу крестьянамъ и улучшить ихъ бытъ, будетъ въ самомъ дѣлѣ достигнута".

„Святая мысль Александра II-го озарится, наконецъ, передъ исторіею человѣчества тѣмъ истиннымъ и справедливымъ свѣтомъ, котораго она достойна".

Со времени письма этого прошло болѣе 20 лѣтъ, но нельзя не сказать, что оно и до сихъ поръ во многомъ такъ основательно, такъ рельефно изображаетъ положеніе крестьянскаго міра и его болѣзни, что могло бы вызвать на серьезныя размышленія и соображенія.

Недолго, впрочемъ, князь Барятинскій могъ оставаться въ Деревенькахъ. Въ одномъ изъ писемъ къ Государю, онъ разсказывалъ, что за тѣснотою дома (всего пять комнатъ) 30 Августа, чтобы отпраздновать тезоименитство Государя съ посѣтившими его гостями, ему пришлось устроить обѣденный залъ посредствомъ разныхъ перемѣнъ, какъ бываетъ въ театрахъ при перемѣнѣ декорацій. Кромѣ тѣсноты помѣщенія, болотистая почва также оказывалась вредною для здоровья. Впрочемъ, князь былъ доволенъ пребываніемъ въ деревнѣ, имѣлъ интересныя занятія, смотрѣлъ проходящія и вблизи расположенныя войска, принималъ многихъ посѣтителей, знакомился съ различными личностями, началъ заводить порядокъ въ хозяйствѣ, пріискивая знающихъ людей. Въ этомъ однако долго была неудача, и князь, вспомнивъ о своемъ старомъ преданномъ ему полковомъ квартермистрѣ П. Г. Бѣликѣ, чрезъ графа Евдокимова *), предложилъ ему взять на себя управленіе имѣніемъ. Бѣликъ, не имѣя понятія о сельскомъ хозяйствѣ, проведшій всю жизнь на Кавказской службѣ, счелъ невозможнымъ взять на себя подобную обязанность и лично явился въ Деревеньки, чтобъ увѣрить стараго своего командира и благодѣтеля въ неизмѣнной преданности, но также и въ неспособности вести дѣло.

Кончилось тѣмъ, что князь рѣшился разстаться съ Деревеньками и опять ѣхать за границу. Вообще, всѣ послѣдніе годы жизни князя можно безъ преувеличенія назвать кочевыми. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ никакихъ матеріаловъ для подробнаго очерка этихъ заграничныхъ странствованій. Письма большею частію безъ означенія годовъ; но извлекаю кое-что изъ писемъ самого князя и разныхъ лицъ, безъ соблюденія хронологическаго порядка.

Въ 1867 году фельдмаршалъ жилъ въ купленномъ домѣ, на rue Balsac въ Парижѣ. Генералъ-адъютантъ Наполеона

---

*) Графъ Евдокимовъ пріѣзжалъ въ Деревеньки, чтобы посѣтить фельдмаршала, и провелъ тутъ нѣсколько дней. Я представляю себѣ, съ какими чувствами встрѣтились эти сотрудники великаго дѣла, какое удовольствіе должны были они ощущать, вспоминая о событіяхъ, тогда еще довольно свѣжихъ.

Le-Boeuf 6 Іюня увѣдомилъ князя, что по желанію Императора Александра Николаевича, бывшаго тогда на выставкѣ, маршалъ Канроберъ назначилъ въ распоряженіе князя Александра Ивановича капитана генеральнаго штаба Marriguer de Chamrepos, который долженъ вездѣ сопровождать фельдмаршала и представлять ему всякія свѣдѣнія. 10 Іюля тотъ же Лёбефъ, по повелѣнію Наполеона, препроводилъ князю знакъ Почетнаго Легіона большаго креста, а 25 Іюня самъ Наполеонъ написалъ ему слѣдующее письмо: „Palais du Tuileries, ce 25 juin 1867. Monsieur le maréchal. Je regrette, que le mauvais état de votre santé me prive du plaisir de vous voir. J'aurais aimé vous dire de vive voix combien j'apprécie votre caractère et combien j'ai été heureux, en vous envoyant le grand cordon de la Légion d'honneur et de donner une marque particulière de mon estime à l'un des plus illustres représentants de l'armée russe. J'aurais voulu aussi vous remercier des félicitations que vous m'adressez à l'occasion de ce triste évènement du 6 juin dernier, qui a mis en péril les jours de l'Empereur Alexandre et les miens. Croyez que j'en suis profondément touché et recevez, monsieur le maréchal, l'assurance de mes sentiments distingués. Napoleon“ *).

Во Флоренціи князь представлялся 5 Мая 1870 года Италіянскому королю. Судя по приводимому здѣсь письму князя къ королю Виктору-Эмануилу, сей послѣдній сдѣлалъ князю подарокъ, чрезвычайно его обрадовавшій, именно ко-

---

*) Переводъ. Господинъ фельдмаршалъ. Сожалѣю, что дурное состояніе вашего здоровья лишаетъ меня удовольствія видѣть васъ. Я бы съ живымъ удовольствіемъ желалъ сказать вамъ, какъ цѣню вашъ характеръ и какъ я былъ счастливъ, посылая вамъ большую ленту ордена Почетнаго Легіона, въ знакъ моего высокаго уваженія къ одному изъ самыхъ блестящихъ представителей Русской арміи. Я хотѣлъ также поблагодарить васъ за поздравленіе съ днемъ 6 Іюня, печальной памяти, повергшимъ въ опасность дни Императора Александра и мои. Вѣрьте, что я этимъ весьма тронутъ и примите увѣренія въ моихъ отличныхъ чувствахъ. Наполеонъ.

ровъ одной изъ лучшихъ породъ *). Князь тогда задавался мыслію завести образцовое хозяйство въ Деревенькахъ и о пріобрѣтеніи въ Тосканѣ коровъ велъ переписку съ бывшимъ своимъ адъютантомъ О. Б. Рихтеромъ, который тогда находился въ Италіи.

Только такія отрывочныя свѣдѣнія и попадаются въ сохранившихся бумагахъ. Онѣ, впрочемъ, и не имѣютъ особаго значенія для моей задачи и потому, упоминая объ нихъ вскользь, перехожу къ болѣе интересному эпизоду въ дѣятельности князя Барятинскаго, имѣвшему мѣсто въ 1868—1869 годахъ.

*) Sire, daignez me permettre de venir exprimer ma gratitude pour le cadeau vraiment royal, dont votre majesté a bien voulu m'honorer. J'ai voulu avant mon départ venir admirer ces beaux animaux et ne puis vous cacher, sire, que tout ce que j'ai pu m'imaginer de cette belle race, a eté surpassé, et encore hors de toute proportion, par ce que je viens de voir. Je n'ose certainement pas importuner le roi, en lui demandant une seconde audience; mais je ne puis aussi me taire et dois recourir à la plume pour prier votre majesté d'agréer encore une fois les sentiments de reconnaissance dont mon coeur est pénétré.

ИЗЪ ПИСЕМЪ МИТРОПОЛИТА ЕВГЕНІЯ БОЛХОВИТИНОВА ВЪ ДЕРПТЪ КЪ ПРОФЕССОРУ В. М. ПЕРЕВОЩИКОВУ.

1.

Милостивый государь мой Василій Матѳѣевичъ!

Письмо ваше отъ 1-го Декабря имѣлъ я честь получить; а графъ Дмитрій Ивановичъ *) давно уже предувѣдомилъ меня о вашихъ достоинствахъ и вашемъ желаніи отозваться ко мнѣ. Почему письмо ваше тѣмъ болѣе принесло мнѣ удовольствія, и я усердно вамъ за оное благодаренъ.

На вопросъ вашъ: не занимаюсь ли я одинакимъ съ вами предметомъ относительно Исторіи Россійской Словесности, отвѣтствую вамъ, что я, кромѣ Словаря о Россійскихъ писателяхъ и нѣкоторыхъ отрывочныхъ статей, изъ числа коихъ иныя и напечатаны въ журналахъ, ничѣмъ не занимался и не занимаюсь. Словарь свой давно уже я кончилъ весь и подарилъ Московскому Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ, на тотъ конецъ, чтобы Общество сіе, имѣющее въ себѣ многихъ свѣдущихъ людей, пересмотрѣло мой трудъ, исправило и въ свѣтъ издало отъ себя, не упоминая о моемъ имени. Но Словарь сей доселѣ еще лежитъ тамъ безъ движенія, а только журналисты выписываютъ изъ него себѣ разныя статьи и иногда невѣрно.

Предпріятіе ваше сочинить Исторію Россійской Словесности желательно для всѣхъ любителей оной. Въ семъ поможетъ вамъ много изданный Сопиковымъ Опытъ Россійской Библіографіи, коей первая часть уже и отпечатана, а прочія печатаются. Но онъ, выписывая оглавленія книгъ часто изъ каталоговъ только, иногда ошибался, потому что не видалъ иныхъ самыхъ книгъ. Я сообщилъ уже ему нѣкоторыя мои замѣчанія о семъ. Можетъ быть, и мой Словарь послужилъ бы вамъ къ чему-нибудь, еслибы скорѣе вышелъ въ свѣтъ, хотя и въ

*) Хвостовъ, нѣкогда оберъ-прокуроръ Св. Синода. П. Б.

немъ признаю уже самъ я много ошибокъ, коихъ частному человѣку въ столь обширномъ трудѣ не можно и избѣжать; ибо въ немъ болѣе 600 статей. Живыхъ писателей всѣхъ я выключилъ, а Обществу доставилъ только для будущаго времени особыя о нихъ записки.

Все, чѣмъ могу я служить вамъ къ споспѣшествованію полезному вашему труду, охотно сдѣлаю и прошу васъ самихъ продолжать ко мнѣ ваше благорасположеніе. А я навсегда пребуду съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ, вашего благородія милостиваго государя моего «усерднѣйшій слуга Евгеній епископъ Калужскій» *).

Декабря 30-го 1813 года,
Калуга.

2.

Калуга, 6-го Февраля 1814 г.

Совѣтую и прошу васъ обще со всѣми любителями отечественной словесности поскорѣе издать любопытную вашу книгу. Не опасайтесь критики, которая естьли будетъ просвѣщенная, то вамъ же въ пользу послужитъ при второмъ изданіи; а естьли завистливая, то презрите ее. Пролагающему первый путь другимъ нельзя не ошибиться въ чемъ нибудь. Но больше чести идти напередъ, нежели слѣдовать за другими.

Статьи ваши въ 23 и 24 № «Вѣстника Европы» я читалъ и по полученіи письма вашего въ другой разъ съ бо́льшимъ вниманіемъ прочиталъ. Въ нихъ ясно виденъ геній исторической критики, и я по симъ отрывкамъ не сомнѣваюсь въ успѣхѣ цѣлой вашей книги. Есть ли права и нравственность нашихъ предковъ займутъ мѣсто въ полномъ вашемъ сочиненіи, то сравните ихъ съ Тацитовымъ описаніемъ Германцовъ и съ Локценовымъ и Далиновымъ описаніемъ Свео-Готовъ. Тамъ много найдете сходнаго и объясняющаго характеръ нашихъ предковъ. Тамъ также увидите, что права великихъ князей хотя и вездѣ не тверды были, но существовали въ предположеніяхъ. Самое названіе великихъ князей сіе доказываетъ. О письменныхъ законахъ у насъ до XI вѣка я, подобно вамъ, всегда сомнѣвался. А Ярославъ много почерпнулъ не только изъ сѣверныхъ законовъ, но и изъ Еврейскихъ, либо сѣверные прежде его сами оттуда же почерпнули; и напримѣръ о мщеніи сродникамъ за убитаго смотри: Числъ, гл. XXXV; Второзакон., гл. XIX и Іисуса Навина XX. О рѣшеніи поединками: 1 Царств.,

---

*) Всѣ остальныя письма, кромѣ перваго и втораго, собственноручныя, а въ этихъ только одна подпись. Дальнѣйшія начала и окончанія опускаемъ. П. Б.

гл. XVII и 2 Царствъ, гл. XXI. О битвѣ на полѣ см. исторію о Каинѣ и Авелѣ. О землемѣріи вервью: 2 Царств. VIII, 2; Псаломъ LXXVII, 17; Псал. CIV, 11; 1 Паралипом. XVI, 18; 2 Паралип. IV, 2. Объ очисткѣ убійства на своей землѣ см. Второзакон. XXI, 1 и 2 и Іосифа Флавія Древностей Іудейскихъ кн. IV, гл. 8. Объ испытаніи водою см. 1 Числъ гл. V. Объ ударѣ мечемъ Числъ XXXV и проч. Не худо бы вамъ еще сличить недавно изданныя книги: въ Харьковѣ въ 2 частяхъ *Опытъ повѣствованія о древностяхъ Русскихъ*; 2-е *Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ*. Но вы, вѣрно, видѣли уже сіи книги.

3.

(Псковъ) 11-го Марта 1821 г.

Два каталога рукописей для васъ уже списаны: 1) Московскаго Воскресенскаго монастыря; 2) Волоколамскаго Іосифова. Ихъ легко и скоро можно было списать по тетрадкѣ въ разныя руки семинаристамъ, потому что сіи каталоги у меня еще не переплетены. Но Синодальный каталогъ у меня въ переплетѣ, и потому нельзя его писать, какъ только въ одну руку, и притомъ онъ довольно великъ. Первыми двумя каталогами вы будете довольны, потому что ихъ сочинялъ для канцлера Румянцова извѣстный любитель древностей Строевъ. Но Синодальный каталогъ составленъ невѣждами; а притомъ и списокъ у меня неисправенъ. Строевы каталоги переслать къ вамъ ищу я случая съ ѣздоками, ибо для почты куча велика.

Послѣ отсылки къ г. Гречу его тетрадей съ моими замѣчаніями я не имѣю еще его отвѣта, доволенъ ли онъ ими. Но во многомъ я съ нимъ не согласился, какъ въ расположеніи, такъ и въ отдѣлкѣ.

Исторію Дерпта никогда и не думалъ я писать, зная, что о всей Лифляндіи сами Лифляндцы и давніе, и новѣйшіе издали уже множество книгъ; а объ одномъ Дерптѣ покойный Гадебушъ написалъ цѣлыхъ пять квартановъ толстыхъ, оставшихся до нынѣ въ рукописи. Первыя 4 книги присылалъ мнѣ баронъ Розенкампфъ, а послѣднюю получилъ я отъ вашего Петерсона. Не знаю, какимъ образомъ сія рукопись разошлась въ разныя руки, а она собственноручная Гадебушева. Я сочинилъ исторію Пскова, и для ней-то мнѣ нужны были Лифляндскія лѣтописи по связи дѣлъ Псковскихъ. Но въ общихъ Лифляндскихъ лѣтописяхъ и исторіяхъ я очень мало нашелъ объясненій для себя, а больше хвастовство надъ Русскими. Такова же и Гадебушева исторія, до 1230 г. заимствованная только изъ нашихъ лѣтописей, а далѣе изъ

своихъ общихъ. Теперь мнѣ не нужны и онѣ, ибо нашъ исторіографъ всѣ ихъ исчерпалъ въ объясненіе своей исторіи.

Я не знаю, что̀ содержитъ въ себѣ книжка почтеннаго г. Моргенстерна Dorpatiche Beyträge; но о книгѣ почтеннаго г. Паррота Entretiens sur la Physique я слышалъ много хорошаго. Она, кажется, еще не кончена изданіемъ, и я дожидался только конца, чтобы купить ее. Имѣвши честь слушать долго изъясненія его мнѣ въ физическомъ Дерптскомъ кабинетѣ, я удивился обширнымъ его свѣдѣніямъ въ физикѣ и вѣрю, что книга его будетъ весьма любопытна. Вашъ университетъ имѣетъ многихъ ученѣйшихъ профессоровъ. Г. Моргестернъ также много занималъ меня своими обширными свѣдѣніями въ литературѣ и нумизматикѣ. Вашъ Дерптъ часто гадаетъ о моемъ перемѣщеніи, но всегда несправедливо, а я во Псковѣ спокойнѣе и довольнѣе, нежели былъ гдѣ-либо прежде сего.

4.

(Псковъ) 16-го Апрѣля 1821 г.

Предпріятіе ваше, написать *Исторію русскаго языка и словесности* достойно и вашего званія и вашихъ свѣдѣній. Исполненіе онаго защититъ насъ и отъ упрековъ, какими ваши Дерптскіе ученые осыпали и предмѣстника вашего г. Воейкова, который также думалъ оправдать себя и соотчичей сочиненіемъ книги, подобной вашей. Но нынѣ журнальныя суеты, кажется, удалятъ его и отъ мысли сей. Вмѣсто его принялся за сіе дѣло товарищъ его Гречъ, дабы къ 4-ой части своей *Учебной Книги* присовокупить также исторію. Онъ давно уже выпросилъ у меня и нѣсколько біографическихъ статей изъ моего всеобщаго Словаря о Русскихъ писателяхъ, которыя нынѣ съ 14 № «Сына Отечества», по моему согласію, пустилъ уже и въ журналъ. А между тѣмъ въ прошломъ Мартѣ прислалъ мнѣ 10 тетрадей своей Исторіи, доведенной до XVIII столѣтія, для прочтенія и замѣчаній, какія можно мнѣ сдѣлать. Я сообщилъ уже и на поляхъ тетрадей, и особыми листами, ему мои замѣчанія и мнѣнія; а для того вамъ о семъ пишу, чтобы вамъ извѣстно было о соревнователѣ вамъ въ одинаковомъ трудѣ. Не измѣнивъ довѣренности ко мнѣ сего соревнователя, я не могу изъяснить вамъ ни плана его, ни моихъ замѣчаній; но, по откровенности моей къ вамъ, я могу сказать, что вашъ планъ я несравненно болѣе одобряю, и готовъ также служить вамъ моими замѣчаніями, когда довѣрите мнѣ взглянуть и на исполненіе онаго. Естьли Гречъ упре-

дить васъ изданіемъ своей Исторіи, то и она послужитъ вамъ по крайней мѣрѣ остереженіемъ отъ его недостатковъ, которыхъ и я замѣтилъ много. Но вы, не дожидаясь того, приступайте къ своему дѣлу Изъясненныя въ сообщенномъ мнѣ планѣ ваши точки зрѣнія уже предубѣждаютъ меня въ вашу пользу. Самые виды ваши въ сей Исторіи любопытнѣе, хотя и труднѣе нежели у Греча.

5.

(Псковъ) 10-го Августа 1821 г.

Слава Богу, что вы благополучно доѣхали домой, а свиданіе наше основало узелъ нашей дружбы навсегда. Зимою на святкахъ пріѣзжайте еще разъ дѣлить со мною досугъ и прямо ко мнѣ.

Теперь на увѣдомленіе ваше о Дерптской Русской типографіи примите мою покорнѣйшую просьбу, а именно: 1) Посылаемое при семъ *Описаніе Никандровой пустыни* отъ своего имени подайте въ цензуру и попекитесь скорѣе выручить изъ оной. Книжка не велика, и въ ней нѣтъ затрудненія цензурнаго.

2) Поспѣшить ее напечатать къ началу Сентября. Причина сей поспѣшности вотъ какая: въ Никандровѣ пустынѣ праздникъ и ярмарка 24 Сентября, и въ сіе время надобно уже раздавать ее богомольцамъ; а отъ васъ надобно получить ее заранѣе, дабы успѣть хотя къ 10 или 15 Сентября туда переслать уже переплетенную, хотя въ бумажку.

3) Число экземпляровъ сей книги потребно 1000 на бумагѣ *большаго формата*, вами мнѣ присланной, буквами изъ двухъ вашихъ сортовъ *крупнѣйшими*, которыя называются кажется corpus. По книгѣ *Устава учебныхъ заведеній*, у васъ въ Дерптѣ 1820 года напечатанной, вижу, что къ симъ буквамъ есть у васъ и курзивъ. Книга *Уставъ* мастерски отпечатана и показываетъ, что типографщикъ вашъ знаетъ расположеніе набора.

4) Къ 1000 экземпл. на простой бумагѣ оттисните *сотню* и на самой лучшей почтовой.

5) Васъ покорнѣйше прошу посмотрѣть за исправнѣйшею корректурою.

6) У насъ нѣтъ переплетчика исправнаго, почему прошу покорно вдругъ по отпечатаніи заказать вашему переплетчику 500 экз. сѣрыхъ переплести въ *бумажку* одноцвѣтной какой-нибудь бумаги, хотя шпалерной, а изъ бѣлыхъ 25 экз. одѣть по бумажкѣ тафтою зеленою, желтою, красною и проч., какою вздумаетъ, съ золотымъ обрѣзомъ; въ полномъ переплетѣ и въ папкѣ не надо сихъ книжекъ.

7) Книги переплетенныя можно подъ университетской печатью немедля, хотя въ двѣ почты, переслать ко мнѣ по почтѣ; можетъ даже сіе сдѣлать и вашъ отецъ протопопъ, отъ себя оффиціально подъ номеромъ отправить ихъ чрезъ почту, такъ какъ и я самъ чрезъ него же вамъ посылаю сей пакетъ. Прочіе переплетенные экземпляры переслать ко мнѣ чрезъ ѣздоковъ, хотя и послѣ срока ярмарки. Деньги по счету немедленно вамъ вышлю.

Вотъ и вся моя пунктуальная просьба. Изъ книжки сей думаю выйдетъ набору листа три, а не больше четырехъ, слѣдовательно, хорошему наборщику работы на четыре только дня, а съ оттискомъ и корректурою дней на 10, на это я разсчитываю, а по вашему счету не знаю, какъ выйдетъ. Послѣ сей книжки я пришлю вамъ еще такихъ три или четыре для моихъ же монастырей, которые охотно заплатятъ за сіе деньги и въ убыткѣ отъ богомольцевъ не останутся.

При семъ прилагаю вамъ для прочтенія три листа Исторіи Русской Литературы, присланной мнѣ Гречемъ. Въ иномъ послушался онъ моего совѣта, а въ иномъ нѣтъ, и на тетрадяхъ я отмѣтилъ ему карандашемъ многое, и многое онъ выключилъ. Но съ литературою смѣшалъ и біографіи, и художества, видно для утучненія книги; онъ даже отмѣнилъ и свое раздѣленіе эпохъ. По прочтеніи возвратите мнѣ. Онъ проситъ у меня нѣсколько біографій 18-го вѣка; дамъ, но сокращенныя.

6.

(Псковъ) 31 Августа 1821 г.

На вопросъ вашъ о церковныхъ книгахъ, когда и кѣмъ онѣ переведены, нельзя вполнѣ отвѣчать. По свидѣтельству Нестора (по Кенигсбергск. списку, стр. 21) первыя церковныя книги Апостолъ, Евангеліе, Псалтирь и Октоихъ *и прочія книги*, какъ примолвилъ Несторъ, переведены Меѳодіемъ и Кирилломъ; а Меѳодій въ Болгаріи продолжалъ еще переводить и *въ шесть мѣсяцевъ преложиста вся книги исполнь*. Но это слово *исполнь* не можетъ означать нынѣшняго огромнаго круга книгъ церковныхъ. По крайней мѣрѣ, тогда не было еще 12 томовъ

мѣсячныхъ миней, въ коихъ при началѣ служебъ означены и имена сочинителей, жившихъ по большей части позже Меѳодія и Кирилла. Есть тамъ, помнится, и нѣкоторые каноны Пахомія Логоѳета, но иные не напечатаны. Естьли вамъ подробнѣе хочется знать о церковныхъ Греческихъ книгахъ, то загляните въ диссертацію De libris et officiis ecclesiasticis Grecorum, находящуюся, при 2-мъ томѣ Guilielmi Cave Historia Litteraria scriptorum ecclesiasticorum, editio Basilea. 1745 in fol. Русскіе же переводы дѣланы постепенно въ разныя времена, а къ службамъ Греческимъ присовокуплены и Русскія по прославленіи разныхъ святыхъ также въ свое время. Нѣкоторыхъ сочинителей и я указалъ въ своемъ Словарѣ, но многіе неизвѣстны; а вашимъ Нѣмецкимъ слушателямъ, думаю, и нѣтъ нужды до нихъ.

При описаніи Псковопечерскаго монастыря, въ числѣ рѣдкихъ вещей нашлись два напрестольные сосуда католическіе, вѣрно завоеванные нѣкогда въ Лифляндіи, надписанные древними Готическими буквами. Посылаю вамъ при семъ точные списки. Здѣшніе Нѣмцы едва могли прочесть, и одну только перевесть, а отъ другой отказались, говоря, что это или Шведскій, или Датскій языкъ, имъ неизвѣстный. И такъ прошу васъ: 1) показать вашимъ ученымъ сіи надписи и спросить ихъ о толкѣ оныхъ; а о братствѣ св. Антонія—нѣтъ ли въ Лифляндскихъ или Эстляндскихъ лѣтописяхъ извѣстія, гдѣ оно было? 2) Поелику въ надписяхъ нѣтъ означенія времени, то не могутъ ли ваши ученые по дипломатическимъ признакамъ буквъ пріурочить время симъ надписямъ и сосудамъ? 3) Сіи списки возвратите мнѣ съ переводомъ, если сдѣлать оный можно; иначе я пошлю въ Петербургъ. Есть еще въ томъ же монастырѣ Азіатская курильница съ Арабскою Куфическими буквами вокругъ надписью длинною. Но Кеппенъ, списавши ее, не нашелъ ни у васъ, ни въ Ригѣ переводчика, а возвратясь въ Петербургъ, не добился въ ней никакого толку и у славнаго Френа, какъ самъ мнѣ пишетъ. Онъ-де сказалъ, что успѣлъ только разобрать—прочесть нѣкоторыя слова, а постарается со временемъ разобрать. Вотъ какъ морочатъ насъ мистическіе оріенталисты! А мы бѣдные профаны должны вѣрить ихъ переводамъ, какъ лѣкарскимъ шифрованнымъ рецептамъ на Богъ знаетъ какія лѣкарства!

7.

(Псковъ) 7 Сентября 1821 г.

Прилагаю письмо отъ Анастасевича. Онъ пишетъ мнѣ, что васъ обременяетъ задачами. Не слушайте сихъ Петербургскихъ прожектеровъ, которые только собираютъ, а сами ничего не издаютъ. Я всегда

на такія затѣи отвѣчаю имъ, что досугъ мнѣ самому нуженъ; а имъ нечего дѣлать и хотятъ только нашими трудами пользоваться, вмѣсто того, чтобы изъ столицы намъ помогать. Вы же и не такъ крѣпки здоровьемъ, чтобы для другихъ работать. Довольно, если на новомъ мѣстѣ себя снабдите для должности, чѣмъ нужно.

8.

(Псковъ) 28-го Сентября 1821 г.

У меня книгопродавцы торгуютъ уже мой біографическій Словарь свѣтскихъ писателей, но кондиціи предлагаютъ самыя плутовскія по книгопродавчески. У меня на умѣ посовѣтоваться о семъ съ вами. Не примите ли вы дружескаго труда напечатать его въ Дерптѣ, и вотъ кондиціи: 1) напечатать 1000 экз.; за 800 я заплачу деньги, а 200 въ вашу пользу можете напечатать; 2) поелику мнѣ продавать его некому и негдѣ, то примите трудъ и мои экземпляры продать чрезъ вашихъ знакомыхъ; 3) всего-бы лучше не имѣть дѣла съ притѣснителями-книгопродавцами, а сообщить во всѣ Русскіе университеты на подписку; книга сія безъ сомнѣнія скоро разойдется и мимо книжныхъ лавокъ. Словарь мой духовныхъ весь уже разошелся, а книгопродавцы сильно меня прижимали. Буду ждать на сіе вашего отвѣта. Если согласимся, то нечего бы и медлить, а начать договоръ съ вашимъ типографомъ о заготовленіи бумаги и отливкѣ лучшихъ буквъ *).

Получилъ я отъ канцлера для прочтенія 1-ю часть Польской *Русской Правды*, о коей я вамъ сказывалъ. Весь сей томъ in 4° на 270 страницахъ есть только историческое пріуготовленіе къ Русской Правдѣ, содержащее часть 1-я въ 4-хъ отдѣленіяхъ: 1-е о древнихъ Славянахъ вообще, 2-е о божествахъ и религіозныхъ обрядахъ, 3-е о формѣ правленія, 4-е о наукахъ. Часть 2-я въ 8 отдѣленіяхъ, особенно о Словено-руссахъ, 1-е о ихъ чиносостояніяхъ высшихъ, 2-е о чиносостояніяхъ низшихъ или народныхъ, 3-е о власти областной и начальникахъ въ древнихъ княжествахъ Русскихъ, 4-е о области и начальникахъ въ Новѣгородѣ, 5-е о древности и начаткѣ Словено-русскихъ правъ, 6-е о торговлѣ Словено-руссовъ, 7-е о монетахъ вообще, 8-е о духѣ правъ Словено-русскихъ и особенно Русской Правды. Но самой Русской Правды еще не издано, и обѣщано во 2-й части. Въ первой все выписано изъ Карамзина, но много и сторонняго. Я читаю съ великимъ удовольствіемъ. Книга сія стоитъ быть и на Русскомъ, а посвящена Государю нашему.

*) Печатаніе знаменитаго Словаря въ Дерптѣ не состоялось. П. Б.

9.

(Псковъ), 1-го Октября 1821 г.

Получилъ еще отъ Анастасевича для васъ книги и письмо, кои при семъ же и препровождаю.

Кажется, нашъ прiятель и самъ нѣкогда хотѣлъ быть классическимъ переводчикомъ. Но быть такимъ переводчикомъ столь же трудно, какъ и классическимъ въ слогѣ авторомъ. Трюблетъ справедливо сказалъ, что одни только образцовые писатели могутъ быть образцовыми переводчиками.

Кончилъ я чтенiемъ Польскую Русскую Правду съ ненасытнымъ, такъ сказать, удовольствiемъ. Послѣдняя тутъ глава *о духѣ древнихъ Русскихъ законовъ и Русской Правды* безпримѣрная и прелюбопытная. Патрiотизмъ сего сочинителя къ славянизму достоинъ и вашего подражанiя. Онъ вездѣ жалуется на уничиженiе Славянъ не только Европейскими князьями, но и писателями, особливо Нѣмецкими. Часто повторяетъ, что исторiя древнихъ Славянъ до тѣхъ поръ не будетъ достаточно объяснена, пока сами Славяне всѣ не примутся за нее, а чужiе только искажаютъ ее. Тутъ, между прочимъ, о выискиванiи источника Славянскихъ и Славянорусскихъ законовъ онъ говоритъ: тогда ненужно бы намъ было съ Чацкимъ, Шлецеромъ, Струбъ-де-Пирмономъ, Эверсомъ и иными блуждать по незнакомымъ намъ землямъ Готскимъ, по Данiи, Саксонiи и Скандинавiи для отыскиванiя источника и начала древнихъ нашихъ законовъ, которые отцы наши съ собой принесли въ Европу. Тутъ, прибавилъ онъ, не знаю откуда, курзивомъ Славянскую строку: нехвально намъ въ Нѣмцахъ искать правду, у насъ правда по закону святу, юже принесоху отцы наши *). Объ утѣсненiи и уничиженiи Славянъ прекраснѣйшее мѣсто на трехъ страницахъ привелъ онъ изъ Нѣмца Гердера: Ideen zur Geschichte der Menschheit, 4-er Theil Wien 1813, in 8", стр. 32—36.

Это мѣсто достойно быть въ программѣ къ вашимъ лекцiямъ Славяно-Русской словесности. Прекрасно онъ смѣется и умозаключенiю Шлецера, который, замѣчая, что Лифляндцы и Славяне били только мелкихъ звѣрей для торговли ихъ шкурами, а не били ни медвѣдей, ни буйволовъ, ни другихъ большихъ звѣрей, заключаетъ, что они до пришествiя къ нимъ Нѣмцевъ были трусы, слабые и не имѣли крѣпкаго оружiя; но Полякъ умно спрашиваетъ: а какой цѣны тогда были

*) Извѣстное мѣсто изъ „Суда Любуши". П. Б.

шкуры медвѣдей и проч? Мнѣ также извѣстно, по Вологодской губерніи, что Зыряне жалѣютъ пороху и пули для всякаго другаго звѣря и птицы, которыхъ продать выгодно нельзя.

О предложеніи моемъ въ разсужденіи печатанія Словаря писателей, не упоминайте Анастасевичу; ибо онъ на сторонѣ торгующихъ книгопродавцевъ.

10.

(Псковъ) 19-го Ноября 1821 г.

Близко уже подходятъ святки, въ которыя вы обѣщались у меня погостить. Тогда о всемъ наговоримся до сыта. Но не обѣщаюсь уже утѣшать васъ о смерти ефемернаго вашего сына. Извѣстно, что труднѣе всего лѣкарямъ лѣчить, а моралистамъ утѣшать ученыхъ, всегда упрямыхъ.

Жаль, что мы не знали о трудѣ вашего г. Клари *) надъ видами Печерскаго монастыря. Мы бы подождали его работы для напечатанія. А не знавши, мы уже отпечатали прежній видъ монастыря. На нынѣшней почтѣ архимандритъ обѣщался послать одинъ экземпляръ къ вашему отцу-протопопу. Посмотрите и покажите.

О Ртищевѣ нѣтъ больше извѣстія, кромѣ напечатаннаго въ Древней Росс. Вивліоѳикѣ часть XVIII, стр. 396 и слѣд. Загляните туда.

Къ набору вашей матеріи для Исторіи Русской словесности запишите и Линдову рецензію на Сопикова *Опытъ Библіографіи*, напеч. въ Вѣстникѣ Европы 1816 г. № 22 и 23. Поляки нынѣ умѣютъ уже хорошо рецензировать и насъ. Изъ Арцыбашева примѣчаній на Исторію Карамзина 9-й томъ увидѣлъ я, что и онъ въ Казани выучился попольски, а это ему весьма пригодилось. Поляки нынѣ больше насъ занимаются и Русскою стариною; критиковать насъ еще не смѣютъ; а Нѣмцевъ, принимавшихся за нашу Исторію, больно треплятъ.

Пересылаю Анастасевичеву грамматику. Я наступаю на него, чтобы онъ написалъ и издалъ въ Свиньина журналѣ прошлолѣтнее свое путешествіе чрезъ Псковъ до Печеръ. Послалъ ему и всѣ описанія здѣшнихъ монастырей. Но онъ больше любитъ другимъ задавать труды, а въ своихъ очень медленъ и лѣнивъ. Собираетъ кучи записокъ, которыми самъ никогда, можетъ быть, не воспользуется и оставитъ на табакъ, ваксу, сельди и проч. Хорошо, хотя бы другимъ удѣлялъ. Но попытайтесь попросить? Скажетъ, не успѣлъ собрать и отыскать.

*) Живописецъ Клари, пріятель В. А. Жуковскаго. П. Б.

11.

(Псковъ) 17-го Декабря 1821 г.

Благодарю за выписку обо мнѣ изъ Пухмайеровой книги. Кажется, она прошлымъ лѣтомъ публикована была въ какомъ-то (не упомню) нашемъ журналѣ съ извѣстіемъ о посвященіи оной нашей вдовствующей Императрицѣ, а она подарила ее Россійской Академіи. Ваша правда, что мнѣ надобно поспѣшить издать Словарь и свѣтскихъ писателей, ибо я старѣю. Вы видѣли, что онъ весь у меня уже конченъ, а въ недавнія времена умножили его еще вновь умершіе. Новыя же статьи я самъ вновь подробнѣе передѣлалъ; остается переписать. Но мнѣ также трудъ не легкій переписанное повѣрить и выправить нерадивую обыкновенно переписку. Теперь у меня переписываютъ ко второму изданію Словарь духовныхъ писателей: весьма много тамъ поправленій и, почти третьею долею умноженный, думаю его прежде пустить въ тискъ, ибо духовные со всѣхъ сторонъ его требуютъ. А свѣтскій пока будетъ переписываться. Вашъ типографщикъ если не будетъ имѣть двухъ исправныхъ наборщиковъ и если не обяжется по крайней мѣрѣ два листа тискать въ недѣлю, то нельзя и поручить ему. Онъ года въ два сего дѣла не кончитъ.

Гречъ оканчиваетъ свою книгу и вмѣстѣ заказалъ уже Исторію свою переводить на Нѣмецкій и Французскій языки, не дожидаясь, чтобы иностранцы признали ее достойною перевода. Онъ предлагалъ посвятить ее мнѣ, но я отказался отъ сей чести.

12.

(1821 г.)

Я усердно молился о вашемъ выздоровленіи и, слава Богу, что вамъ сдѣлалось легче. Это первая ваша дань Дерптскому климату, вообще нездоровому для слабыхъ нервъ, какъ и лично я вамъ говорилъ; а потому, лучшій для васъ презервативъ — умѣрить ваши ученыя напряженія.

На печатаніе моего Словаря, коего будетъ до 50 или до 60 печатныхъ листовъ, достанетъ у меня на первый томъ своихъ денегъ; а по напечатаніи перваго тома подписка на оный вашимъ стараніемъ доставитъ и вамъ способъ напечатать для васъ собственно 200 экземпляровъ, слѣдовательно вашего капиталу не потребуется. Но съ однимъ наборщикомъ для поспѣшности нельзя рѣшиться на печатаніе въ Дер-

птѣ; почему поговорите съ типографомъ о прибавкѣ еще одного или двухъ наборщиковъ и о прибавкѣ новыхъ буквъ. Нѣкоторыя буквы у него совсѣмъ сбиты и слѣпы, а особливо цифры, важнѣйшая часть для историческихъ книгъ. Нужно обдумать получше контрактъ съ типографомъ и заключить по формѣ. Изъ второй полутысячи не уступитъ ли онъ чего нибудь изъ цѣны, за наборщика и наборъ буквъ, ибо это одно для 500 и 1000?

Не спѣшите писаніемъ своей Исторіи Русской словесности; прежде потрудитесь надъ введеніемъ въ оную, въ коемъ изслѣдуйте происхожденіе Словенскаго и Русскаго языка. Въ этомъ помогутъ вамъ: 1) розысканіе Востокова въ 17 части Трудовъ Общества Моск. любителей словесности, и вообще всѣ томы сего общества; 2) Извѣстія Росс. Академіи; 3) Карамзина Исторія, томъ I; 4) Шлецеровъ сводный словарь; 5) Durich Bibliotheca Slavica; 6) Добровскаго изысканіе и проч. Послѣ Греча надобно издать что-нибудь лучшее и исправнѣйшее. Не худо, если и объ Ярославовой Русской Правдѣ потолкуете, хотя въ разсужденіи языка. Напрасно надѣетесь вы, что нашъ пріятель Анастасевичъ вздумаетъ перевести Польскаго толкователя Русской Правды. Онъ рѣдкій сборщикъ матеріаловъ всякаго рода, но и рѣдкій лѣнтяй пользоваться ими. Другое свойство его—все начинать и за все хвататься, но ничего не оканчивать. Вы отъ него можете воспользоваться матеріалами и для словесности. Вмѣсто ненужныхъ ему, а вамъ заданныхъ вопросовъ о Дерптщинѣ предложите ему сотню своихъ вопросовъ для васъ нужнѣйшихъ.

Послѣдняя статья вашего письма плаксивая о давно умершемъ сынѣ малолѣтнемъ, тогда какъ многіе и малопросвѣщенные отцы равнодушнѣе переносятъ потерю и возрастныхъ дѣтей, на коихъ они могли бы опираться. Если бы я не зналъ ипохондрическаго вашего темперамента, въ которомъ воображеніе обыкновенно увеличиваетъ предметы, то подивился бы вашей отчаянной грусти о младенцѣ, который ничего еще вѣрнаго въ утѣшеніе ваше и обѣщать вамъ не могъ, а могъ бы при нынѣшнемъ воспитаніи дѣтей и не утѣшить васъ. Ученые же почти обыкновенно хуже всѣхъ смотрятъ за воспитаніемъ своихъ дѣтей. И такъ, если вѣрите вы Промыслу Божію, то должны вѣрить и исполненію Его надъ вами. Загляните, что̀ говоритъ Соломонъ въ книгѣ Премудрости гл. IV, ст. 11 и слѣд. Терять дѣтей есть обыкновенный на землѣ жребій родителей, и кто не терялъ ихъ? У всѣхъ едва третья или четвертая часть ихъ остается живыми; да и живые оставляютъ родителей въ старости, сыновья по службѣ, а до-

чери по замужеству; одна жена остается на всю жизнь неразлучнымъ другомъ, и ее-то одну, а не дѣтей, Богъ Адаму назвалъ помощницею. А дѣти по большой части истощаютъ только имѣніе родителей и часто оставляютъ ихъ въ нищетѣ. Вотъ вамъ моя утѣшительная проповѣдь! Бывши самъ родителемъ и потерявши всѣхъ дѣтей, я знаю и горесть потери, и услажденіе утѣшенія, а потому, кажется, заслуживаю и ваше довѣріе.

13.

20-го Генваря 1822 г. (Псковъ).

Жду мнѣнія вашихъ ученыхъ о Черниговской гривнѣ. Мое замѣчаніе писано только для Моргенштерна, и потому прошу его не печатать; пусть онъ самъ свое издастъ, а заимствовать можетъ изъ Анастасевичевой тетрадки и, буде угодно, изъ моей записки, не ссылаясь на меня; ибо я не хочу и мѣшаться въ публичный цехъ толкователей сей древности. Подлинникъ княземъ Репнинымъ уже привезенъ въ Петербургъ и поднесенъ Государю, а отъ него отданъ Оленину на толкованіе. Въ Академіи же Наукъ доселѣ былъ только такой же оловянный отливокъ, каковъ мой. Но не одинъ Петербургскій еллинистъ не растолковалъ еще большой Греческой надписи. Кажется, причиною сему невѣжественное письмо медальёра, не умѣвшаго правильно по грамматикѣ изобразить словъ.

Постарайтесь вырѣзать на мѣдной доскѣ сію медаль для иностранныхъ ученыхъ и мнѣ отпечатковъ десять сообщите.

14.

18-го Февраля 1822 г. (Псковъ).

Чувствительное ваше прощанье со мною растрогало и меня. Но слишкомъ отчаяваетесь вы въ свиданіи со мною, забывая пословицу, что гора съ горою только не сходится. Тутъ вообразилась вамъ и недолговѣчность ваша, и сироты, и проч. Лучше жить съ надеждою, нежели съ отчаяніемъ: при надеждѣ сноснѣе и скорби.

Охотно обѣщаюсь писать къ вамъ и изъ Кіева, если Богъ туда доведетъ. Буду также спрашивать васъ и о Дерптскихъ ученыхъ дѣлахъ, а между тѣмъ и теперь прошу изъ указанныхъ г. Эверсомъ книгъ Генриха Латыша или изъ Арндта выписать мнѣ по-русски статьи, касающіяся до Пскова и особенно статистическія.

Съ ѣздоками послалъ я къ вамъ на памятованіе фарфоровую чашку: кушая изъ оной чай, не забудьте меня. Послѣ завтра или 21 числа ѣду я въ Петербургъ на краткое время по повелѣнію Государя, а оттуда уже съ Божьею помощью поворочу прямо въ Кіевъ.

15.

24-го Мая 1822 г. (Кіевъ).

Буду ждать вашихъ выписокъ изъ Генриха Латыша и Арндта, а также и диссертаціи г. Моргенштерна. О сей гривнѣ, думаю, вы читали уже и въ «Вѣстникѣ Европы» чью-то еще не конченную диссертацію. Проѣзжая въ Кіевъ, на дорогѣ былъ я въ Гомелѣ у канцлера и видѣлъ прекрасный отпечатокъ сей гривны, сдѣланный въ Москвѣ. Тамъ же у Грека Зосимы нашлась еще мѣдная Греческая гривна, на коей съ одной стороны изображена мужеская съ бородою въ царскомъ вѣнцѣ голова, обвитая точно такими же змѣями, какъ женская на Черниговской. Около ея окружная Греческая надпись: *святъ*, *св.*, *св.* и пр., какъ на Черниговской около Архангела; на другой сторонѣ изображеніе Богоматери съ Младенцемъ и окружная Греческая надпись: *Владычице помози* и пр. Сей гривны или медали весьма чистый отпечатокъ, сдѣланный также въ Москвѣ, есть у канцлера. Вотъ важная находка для сличенія съ Черниговской! Въ «Вѣстникѣ Европы», думаю, и она помѣщена будетъ также съ какимъ нибудь толкованіемъ. Г. Моргенштерну надобно бы подождать своею диссертаціею; можетъ быть, по случаю новонайденной Греческой медали онъ перемѣнилъ бы или поправилъ и свои мнѣнія.

На Гречеву Исторію Русской словесности многіе въ Петербургѣ ропщутъ, каждый по своимъ причинамъ; а Карамзинъ за то, что онъ назвалъ его только преобразователемъ нашего языка и сравнилъ съ Подшиваловымъ. Но Гречъ приготовился только слушать и при второмъ изданіи или поправить, или въ досаду критикамъ повторить сказанное одинъ разъ. Такъ и должно поступать авторамъ. Если въ угоду всѣмъ поправлять сочиненія, то скорѣе можно испортить оныя. На всѣхъ и Богъ не угодитъ. Отдѣлывайте вы поскорѣе свою Исторію и не бойтесь критиковъ, которыхъ, прочитавши однажды, въ другой разъ никто уже не читаетъ, между тѣмъ какъ классическія сочиненія всегда остаются настольною книгою для ученыхъ.

16.

11 Октября 1822 г. (Кіевъ).

Чувствительно благодарю вамъ за выписку изъ Генриха Латыша, котораго книги я никогда не видалъ. Много стоило вамъ труда читать и выписывать изъ него дѣла̀, до насъ касающіяся; но тѣмъ больше я вамъ обязанъ. Исторія Лифляндская графа Брея у меня есть. Ею Лифляндцы недовольны по причинамъ въ ней же очевиднымъ; но за то она заслужила благоволеніе нашего двора. Да и для меня она кажется прекраснымъ сокращеніемъ Лифляндской исторіи.

Не унывайте вы въ продолженіи своей Исторіи. Гречевъ примѣръ долженъ ободрить васъ. Для древней нашей литературы достаньте себѣ изъ Москвы печатаемый тамъ каталогъ библіотеки графа Толстова. Его напечатано уже 34 листа, кои я имѣю. Это пребогатая сокровищница почти всѣхъ извѣстныхъ и донынѣ бывшихъ неизвѣстныхъ нашихъ старинныхъ рукописей, коихъ даже нѣтъ ни въ Московской Патріаршей, ни въ Новгородской Софійской библіотекѣ. Послѣдней каталогъ я вамъ пришлю; но потерпите, ибо моя библіотека пришла ко мнѣ изъ Пскова только на прошлой недѣлѣ, и я еще не успѣлъ и разобрать ее. Въ Кіевѣ нашелъ я очень мало рукописей, но много весьма любопытныхъ книгъ Польскихъ, касающихся до Кіева и Россіи. Жаль только, что мало имѣю досугу читать ихъ, и все почти чтеніе мое занимаютъ епархіальныя дѣла крайне запутанныя.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю диссертаціи почтеннаго вашего Монгенстѐрна о Черниговской гривнѣ. Каченовскій странно протолковалъ ее талисманомъ и Греческаго происхожденія. Этого мы не ожидали отъ Русскаго. Иностранцы лучше протолкуютъ ее, вопреки ему, Русскою. Канцлеръ пишетъ мнѣ, что ученые Парижскаго института, хотя также не могли прочесть Греческой надписи, но признаютъ сію медаль Русскою по худой работѣ, а не Греческою, и полагаютъ оную позже временемъ Владимира Великаго. Вы вѣрно читали уже въ журналахъ о находкѣ такихъ же гривенъ съ ушками въ Рязанѣ. Калайдовичъ, ѣздившій туда для описанія, обѣщается издать оное либо въ «Вѣстникѣ Европы», либо особо. Онъ признаетъ ихъ гривнами; нѣкоторыя изъ оныхъ унизаны каменьями. Изданіемъ Словаря моего о свѣтскихъ писателяхъ некогда пока мнѣ заняться.

17.

6-го Декабря 1822 г. (Кіевъ).

Ревматизмъ мой дѣйствительно отъ того не уменьшается, что много мнѣ трудовъ. Но еслибы я уменьшилъ ихъ хотя на одинъ день, то слѣдующій былъ бы вдвое, третій втрое и такъ далѣе тяжелѣе; ибо наша должность, не какъ ваша, измѣряется не временемъ, а числомъ дѣлъ. А епархія Кіевская втрое больше числомъ церквей, нежели Псковская; некогда даже газетъ, а тѣмъ меньше журналовъ, прочесть. Долго залежалась г. Моргенштерна диссертація *о гривнѣ*. Посовѣтуйте ему опровергнуть странное мнѣніе Каченовскаго о талисманѣ, будто, Черниговскомъ. Весьма пріятно будетъ для Русскихъ, когда иностранецъ, вопреки Русскому, докажетъ, что это истинная Русская гривна, а не Греческій талисманъ: ибо 1) въ нумизматикѣ Греческой, кажется, неслыханный примѣръ, чтобы гордые Греки надписывали свои медали какимъ-нибудь чужестраннымъ, а паче варварскимъ языкомъ, хотя бы императоръ ихъ былъ самъ изъ варваровъ; 2) мы имѣемъ примѣры Русскихъ монетъ, медалей, иконъ, въ коихъ видны вмѣстѣ надписи Греческія съ Русскими, какъ наприм. монета Ярославова, а послѣ монеты наши имѣли надписи Татарскія вмѣстѣ съ Русскими; 3) переводъ Славянской Библіи разныхъ украшеній именемъ *гривны* доказываетъ только неумѣнье переводчиковъ пріискать симъ вещамъ собственное значеніе и незнаніе подлинной древней *гривны* Русской; ибо переводъ сей дѣланъ не Русскими, а Задунайцами, у коихъ по оставшимся отъ нихъ древнимъ памятникамъ не видно употребленія гривны; 4) что на грудяхъ или по крайней мѣрѣ, какъ-нибудь наружи для отличія носившіяся медали у насъ были въ употребленіи, то доказываютъ Псковскія, названныя печатными, коихъ изображеніе находится при 2-мъ томѣ Государственныхъ грамматъ, канцлеромъ изданныхъ; 5) въ большее сему доказательство недавно найдены при Рязанѣ многія золотыя таковыя медалеобразныя украшенія, унизанныя каменьями, коими не нужно бы было украшать ихъ, еслибы они носились скрытно и подъ платьемъ, да неспособно отъ каменьевъ носить бы ихъ на тѣлѣ. Я посылаю вамъ на нынѣшней же почтѣ вѣрные съ нихъ рисунки, кои мнѣ возвратите по показаніи оныхъ г. Моргенштерну. Описанія ихъ были уже въ разныхъ журналахъ нашихъ.

На вопросы ваши отвѣтствую слѣдующее. На 1-й, статьи нашей 2-й части Кормчей книги печатной всѣ есть въ старописьменныхъ еще до Никона патріарха, а въ послѣднихъ весьма много и лишнихъ; слѣдовательно Никонъ не прибавилъ, а убавилъ Кормчую; прибавилъ

же Никонъ только послѣднія статьи отъ листа 320-го. На 2-е. Ученіе о мытарствахъ въ нашей церкви отнюдь не богословское и не принадлежитъ къ догматамъ, а только легендная повѣсть, помѣщенная въ прологѣ подъ 30 Декабря, и то соннымъ видѣніемъ одному, а никѣмъ не удостовѣреннымъ. Паписты для своего purgatorium рады бы ввязать намъ сію повѣсть и въ богословію и даже ссылаются на оную; но ни отцы, ни богословы нашей церкви даже не воспоминаютъ о ней, да и Димитрій Ростовскій въ 1-мъ изданіи своихъ Четихъ Миней не помѣстилъ ея.—На 3-е. Мнѣніе, что по пяти мѣсяцахъ зачатія младенецъ получаетъ душу, также не богословское, а врачебное, принятое еще древними врачами и, кажется, не опровергаемое и новыми; ибо младенецъ начинаетъ своею силою двигаться чрезъ 20 недѣль или 5 мѣсяцевъ; а что́ Богъ сотворяетъ душу, такъ думали древніе отцы нѣкоторые и даже новѣйшіе богословы и философы, см. Buddei Theolog. dogmatic ib, 2 cap. 2, § 16.

18.

29 Мая 1823 г. (Кіевъ).

Отвѣчаю на ваши вопросы. На 1-й. Кіевская Софійская церковь, построенная Ярославомъ Владимировичемъ, складена изъ толстаго, вершка въ три, четвероугольнаго жженаго кирпича; а Новогородская—Владиміромъ Ярославичемъ изъ тесанной дикой плиты съ прокладкою булыжника. Ни въ той, ни въ другой желѣзныхъ связей не примѣтно, а развѣ внутри закладены. Древнѣйшая ихъ—Десятинная церковь въ Кіевѣ, строенная Владиміромъ Великимъ, не существуетъ, ибо на развалинахъ ея въ XVII вѣкѣ складена уже новая; а потому и неизвѣстно, изъ какого матеріала была складена первая.

На 2-й. Иконы XI, XII и XIII вѣковъ существуютъ ли гдѣ въ первоначальномъ видѣ, не знаю; ибо относящіяся къ тѣмъ вѣкамъ, сколько мнѣ извѣстно, всѣ у насъ поправлены на Греческій вкусъ темноватыми красками и глубокими тѣнистыми чертами; а стѣнное письмо и въ Кіевскомъ, и въ Новгородскомъ Софійскихъ соборахъ многократно было подмалевываемо, и первоначальнаго не осталось и слѣдовъ. Въ Кіевскомъ уцѣлѣла только въ алтарѣ, и по нѣкоторымъ мѣстамъ въ куполѣ мозаическая донынѣ свѣжая живопись съ Греческими надписями; въ Новогородскомъ алтарѣ изъ подражанія налѣплена арабесками мозаика уже въ новѣйшія времена, и грубая.

На 3-й. Патериковъ письменныхъ въ Кіевѣ нѣтъ древнихъ, и даже неизвѣстно мнѣ доселѣ, когда было первое онаго печатное изданіе.

На 4-й. Кормчія древлеписьменныя имѣютъ немногія разнорѣчія отъ печатной; но рукописныхъ Кормчихъ у насъ два рода, однѣ полныя, а другія неполныя; печатная издана съ неполныхъ.

Изъ втораго вашего письма на вопросъ вашъ 5-й. Синопсисъ Кіевскій печатается у меня въ Кіевопечерской типографіи со многими приложеніями больше хронологическими, нужными наипаче для Кіевской исторіи. Онъ скоро кончится печатаніемъ.

Рисунки Рязанскихъ древностей я отъ васъ получилъ обратно; а теперь они уже и напечатаны въ Москвѣ на счетъ канцлера съ описаніемъ Калайдовича. Но описаніе сіе не очень удовлетворительно, а почти половину книжонки занимаютъ декламаціи на бродягу Ходаковскаго. Сію книжонку, вѣрно, получилъ уже и вашъ университетъ отъ канцлера. Я ждалъ, что Калайдовичъ тутъ что нибудь примѣнитъ и къ Черниговской гривнѣ въ замѣчаніе на Каченовскаго; но онъ о семъ ни слова. Посмотримъ, что̀ скажетъ вашъ почтенный Моргенстернъ.

Я занимаюсь описаніемъ Кіевософійскаго собора. Въ одной главѣ сего описанія сравниваю я сей соборъ съ Константинопольскимъ Софійскимъ по Дюкавжеву описанію, напечатанному при Киннамовой Византійской исторіи. Но мнѣ надобенъ бы планъ и фасадъ Константинопольской Софіи, а у Дюканжа приложенъ только фасадъ очень миніатюрный. Не отыщете ли вы въ университетской библіотекѣ въ какихъ-нибудь путешествіяхъ плана и фасада? Думаю есть и въ Voyages Pittoresques. Много бы вы меня симъ одолжили.

Линде перевелъ уже на Польскій языкъ Гречеву Исторію и весьма много дополнилъ сводами словесности и другихъ Славянскихъ народовъ. Онъ уже печатаетъ ее.

Жаль, что добрый Ердманъ уѣзжаетъ изъ Россіи въ Дрезденъ. Онъ хорошо выучился и нашему Русскому языку, который въ Саксоніи ему уже не нуженъ; а намъ нужны бы его свѣдѣнія.

19.

15-го Октября 1823 г. (Кіевъ).

На вопросъ вашъ о Татищевѣ, *откуда онъ бралъ извѣстія*, самъ онъ отвѣчаетъ въ 1-мъ томѣ и во многихъ своихъ примѣчаніяхъ. Но собраніе его лѣтописей по смерти его сгорѣло; и такъ остается вѣрить его увѣреніямъ. Карамзинъ, comme son rival, не вѣритъ ему потому только, что не находитъ его сказаній въ небольшомъ сборѣ

своихъ лѣтописей. Но всѣ ли онъ собралъ? Если Татищевъ противорѣчитъ его лѣтописямъ, то не имѣлъ ли онъ своихъ причинъ не повѣрить имъ? Если и ошибается, то не заслуживаетъ ли извиненія тѣмъ, что онъ не имѣлъ еще тогда всѣхъ тѣхъ и архивскихъ, и иностранныхъ пособій, какія въ своемъ вѣкѣ имѣетъ уже Карамзинъ? Татищеву труднѣе было собрать свою Лѣтопись, нежели Карамзину свою Исторію. Но у перваго никто не отнимаетъ той чести, что онъ первый началъ критически очищать наши лѣтописи. Шлёцеръ, подобно Карамзину, уничтожавшій его, воспользовался многими его замѣчаніями; Карамзинъ также принялъ отъ него многія, не дѣлая ему чести ссылкою. Авторы всегда завистливы. Татищевъ, лѣтъ 60 у насъ прославлявшійся, какъ будто тѣмъ заслужилъ порицаніе, для умноженія славы Карамзина. Вы говорите, что Татищевъ говоритъ о продолжателѣ Несторовѣ, пѣвавшемъ на клиросѣ съ Игоремъ, а въ лѣтописяхъ-де объ этомъ ни слова! Въ какихъ лѣтописяхъ? Въ тѣхъ ли только, которыя у васъ и у Карамзина передъ глазами? А сколько ихъ было и можетъ быть донынѣ есть, вамъ неизвѣстныхъ? Чудная логика! Нужно ли было Татищеву это придумывать? Часто Карамзинъ восклицаетъ: Татищевъ это прибавилъ. А потомство не скажетъ ли наоборотъ: Карамзинъ это убавилъ? Для чего же не спрашиваетъ онъ, откуда взялъ Несторъ, описывавши дѣянія, случившіяся до него за 300 лѣтъ? Повѣствователей можно винить только въ очевидномъ пристрастіи, а не въ хладнокровныхъ повѣствованіяхъ, коихъ источники нынѣ неизвѣстны. Татищевъ рѣдко витійствуетъ, подобно Карамзину, котораго уже винятъ за то. Часто и сей въ примѣчаніяхъ выставляетъ выписки изъ лѣтописей, не сказывая изъ какихъ; а иногда слова его: *лѣтопись у меня находящаяся* не суть публичный документъ. Плановъ и фасадовъ Константинопольской Софійской церкви мнѣ уже не надобно: я ихъ нашелъ у Бандурія, въ книгѣ Imperium Orientale. Они уже срисованы у меня для напечатанія.

20.

13-го Января 1824 г. (Кіевъ).

Мнѣніе, что Черниговская медаль выбита на случай принятія христіанской вѣры Владиміромъ есть новый парадоксъ и трудный для доказательства. Тогда мастеръ, какой-нибудь Грекъ, вырѣзалъ бы надпись не безтолково; а безтолковщина доказываетъ Русскаго мастера, безошибочно вырѣзавшаго только Русскую надпись; а при томъ ушки доказываютъ, что она не ручная, а для ношенія на прицѣпкѣ сдѣланная. Что она Кіевская, то это доказываетъ Кіевскій, донынѣ употребляемый гербъ Архангела Михаила въ княжескомъ уборѣ, который ему,

яко просто Архангелу, не приличенъ. Въ граматахъ, изданныхъ Румянцовымъ, на печатяхъ видно, что и другіе князья употребляли сей же гербъ, видно по наслѣдству Владимирову. Медузина голова также военачальническій щитъ. Величина самой медали сей, если только она медаль памятная, необыкновенна у древнихъ, ибо древнія медали небольшія. Впрочемъ, посмотримъ, какъ почтенный Моргенстернъ докажетъ свое мнѣніе.

Почтенной Катеринѣ Аѳанасьевнѣ *) прошу сказать мое почтеніе и благословеніе. Искренно сожалѣю о ея матернемъ несчастіи и буду молить Бога, да подкрѣпитъ Онъ силы ея въ скорби и да утѣшитъ ее Своею благодатію.

21.

30-го Ноября 1824 г. (Кіевъ)

Благодарю за извѣстіе о Гамбургскихъ бредняхъ католицизма. Это отголосокъ изъ Копитаровой книжонки о нашей Кормчей Книгѣ. Онъ и мнѣ прислалъ сей свой бредъ и помѣстилъ его въ Jahrbücher der Litteratur, Вѣнскомъ журналѣ. О семъ я напередъ вамъ писалъ; но онъ наклеветалъ на меня, будто я осуждаю Кормчую. Я осуждалъ только первыхъ издателей оной и ихъ нерадивое безразборное изданіе. Справьтесь съ моимъ Словаремъ, стр. 335. Самъ Синодъ нашъ, при новомъ изданіи Кормчей, въ *предувѣдомленіи* своемъ призналъ ихъ ошибки и выключилъ одну статью. Загляните въ новое изданіе Кормчей, листъ 59. И такъ, я ли первый осуждаю издателей первыхъ и первое изданіе? Но не самую Кормчую. Такая клевета не стоитъ опроверженія. У кого есть мой Словарь, тотъ ясно увидитъ. Копитаръ фанатическій католикъ. Если у васъ издается какой-нибудь журналъ, то помѣстите вы для Нѣмцевъ какое-нибудь краткое замѣчаніе на сію клевету.

22.

21 Ноября 1825 г. (С. П. Б.)

Хвала вашимъ Дерптскимъ ученымъ, что иные изъ нихъ толкуютъ намъ о Черниговской гривнѣ, иные о древнемъ Русскомъ правѣ, иные о Казанскихъ пустошахъ, а иные готовятся еще искать ихъ на Алтайскихъ и Саянскихъ горахъ. Нынѣ мода на путешественниковъ, какъ въ XI и XII вѣкахъ на крестоносцевъ. Да, правда, и ваши— отродье крестоносцевъ. Но больше ли они вывезутъ намъ пользы, нежели праотцы ихъ? Увидимъ.

---

*) Протасовой, у которой за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ скончалась старшая дочь Марія Андреевна Мойеръ. П. Б.

Почтенный Моргенстернъ много намъ изъяснилъ, но мы отъ него ожидаемъ еще больше. Не забудьте прислать мнѣ и послѣднюю его диссертацію. А Кругъ говоритъ, что напрасно онъ не вѣритъ, что Василій Македонянинъ былъ Славяниномъ; ибо-де и Византійцы и Люитпрандъ это свидѣтельствуютъ, и даже одинъ современный Арабскій писатель, Ельмадинъ, говоритъ: Basilius licet non esset e stirpe regia, erat enim Sclabdus.

Почтенный Эверсъ въ предметѣ своемъ *о древнемъ Русскомъ правѣ* имѣетъ достойнаго конкуррента, профессора Куницына, который написалъ цѣлую книгу о семъ. Рукопись сія теперь у меня на разсмотрѣніи и весьма замѣчательная по обширнымъ и глубокимъ изслѣдованіямъ, извлеченнымъ изъ лѣтописей, грамотъ и древняго (среднихъ вѣковъ) Сѣвернаго права. По секрету сообщаю вамъ все оглавленіе сей книги. Не знаю, обнялъ ли Эверсъ такъ обширно свой предметъ.

23.

12-го Сентября 1828 г. (Кіевъ).

Преполезное сдѣлали у васъ учрежденіе, чтобы образовать профессоровъ Русскихъ вмѣсто иностранцевъ, наводняющихъ наши училища и больше знающихъ заграничное, нежели наше отечественное. Васъ поздравляю директоромъ сего института. Попечитесь о немъ къ пользѣ и славѣ Россіи, хотя бы это Нѣмцамъ и не любо было.

Вы пишете разсмотрѣніе о поэмѣ полку Игореву послѣ многихъ, уже писавшихъ! Но увѣрены-ли вы, что она XII вѣка, какъ кричатъ другіе. А я полагаю, что она Литовско-русское сочиненіе поздняго уже вѣка; ибо въ ней много Польскихъ словъ изъ Польскаго только языка, требующихъ изъясненія. Много благодарю вамъ за 1-ю часть Словаря о Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Курляндскихъ писателяхъ [1]), хотя и натужно собранныхъ, иногда по одной или по двѣ только диссертаціи, pro doctoratu suo написавшихъ; а такія диссертаціи, извѣстно, какъ сочиняются. Присылайте мнѣ и слѣдующіе томы, но здѣсь не нашелъ я академика Эпинуса [2]), у васъ въ Дерптѣ и умершаго въ помѣшательствѣ ума.

---

[1]) Извѣстный Словарь Реке и Напирскаго. П. Б.

[2]) Нѣкогда учитель великаго князя Павла Петровича. П. Б.

24.

27-го Генваря 1829 г. (Кіевъ).

Теперь поговоримъ о пѣсни Игоревой. Я твердо стою въ томъ, что она не XII вѣка. Мусинъ-Пушкинъ, нашедшій ее, увѣрялъ, что она найдена въ книгѣ письма̀ XIV вѣка; а другіе, видѣвшіе книгу, меня увѣряли, что она (книга) не старѣе XVI вѣка. Если пѣснь писана была въ XII вѣкѣ, то языкъ былъ бы похожъ на Несторовъ, въ коемъ нѣтъ Польскихъ словъ; а Русскій языкъ началъ мѣшаться съ Польскимъ уже послѣ покоренія Кіева Литвѣ (1320 г.) и потомъ Польшѣ (1569 г.); до того же времени Русскій языкъ, и въ Литвѣ употреблявшійся, мало имѣлъ Польскихъ словъ, какъ видно изъ грамотъ Литовскихъ. А Пожарскій изъ Польскаго языка лучше растолковалъ многія мѣста сей поэмы, которыхъ не понимали Русскіе толковники. Сочинитель пѣсни съ самаго начала говоритъ: «начати *старыми словесы* трудныхъ повѣстей»,— слѣдовательно, не современнымъ себѣ слогомъ, и въ этомъ онъ поддѣлывался, но зашелъ въ польщизну. Имя Бояна не Русское, а Задунайское. Vid. Stritteri Memor. Popul. II, pag. 526 et 527. Были Бояны и у Татаръ, см. Лѣтописецъ Львова, 1792, часть III, стр. 431 и часть V, стр. 153, 185. Вы упираете на слово *сего времени*, а я разумѣю *того времени*, которое сочинитель описываетъ.

Вотъ вамъ мое мнѣніе; а вы думайте, какъ хотите.

25.

8-го Августа 1833 г. (Кіевъ).

Послѣ долгаго вашего молчанія получилъ я ваше письмо отъ 11-го Іюля. По молчанію вашему я не зналъ, гдѣ вы находитесь; а потому и не виноватъ, что давно къ вамъ не писалъ. Письмо ваше о Петербургской вашей поѣздкѣ я получилъ и, помнится, отвѣчалъ чрезъ Гатчину по назначенію вами адреса.

И такъ, не кончивъ еще Исторіи Россійской словесности, вы принялись за романы! Не завидная перемѣна. Такъ и Полевой, не кончивъ своей Россійской исторіи, пустился въ романы. Въ деревенскомъ покоѣ вы больше имѣете досуга на полезнѣйшее. Для сочиненія романовъ надобно замѣчать большой свѣтъ; а вы жизнь провели въ ученой пыли. Впрочемъ, да подкрѣпитъ васъ Господь на всѣ труды, а я всегда преданнѣйшій вамъ Евгеній.

26.

Вы думали, что, пріобрѣтши деревню, будете спокойнѣе и довольнѣе. Но, видно, правъ Соломонъ, сказавшій: нѣсть изобилія и довольства подъ солнцемъ. Теперь думаете опять вступить въ Петербургскую службу; но и въ Петербургѣ не меньше издержекъ, какъ и въ деревнѣ съ бѣдными крестьянами. Но въ деревнѣ вы получили ту выгоду, что поправили свое Дерптское здоровье.

Дай Богъ кончить вамъ свой романъ, который надѣюсь и я отъ васъ получить: ибо вѣрю, что онъ будетъ не шалостливой, и можно будетъ читать его всѣмъ безъ соблазна. Но 4 части и по вальтеръ-скотовски много.

Я многократно уже писалъ вамъ, что Словарь свѣтскихъ писателей самъ я не издамъ, а развѣ кому-нибудь передамъ. Лѣтъ 10 уже я отъ него отсталъ; а въ эти 10 лѣтъ много уже новостей и перемѣнъ въ нашей словесности, но которыхъ я дополнить уже не могу.

На книгу Плаксина «Исторія Литературы» есть критика въ періодическихъ листахъ *Молва*, издающихся при Телескопѣ. Тутъ говорятъ, что онъ не умѣлъ различить характеры нашей литературы по эпохамъ, а статьи въ чужестранной литературѣ вовсе лишнія для насъ. Есть еще книжонка Петербургскаго университетскаго профессора Никитенка: *Вступительная лекція Россійской словесности* 1832 г., но вся состоитъ изъ стороннихъ предметовъ съ метафизическими умствованіями. Увидимъ, какова-то ваша будетъ Исторія, естьли доживемъ до появленія оной. А вы что-то медленно надъ нею работаете.

Призывая на васъ со всѣми вашими благословеніе Божіе, есмь всегда преданный вамъ Евгеній.

Кіевъ,
14 Генваря 1834 г.

27.

1-го Сентября 1834 г. (Кіевъ).

Меня занимали праздники, ѣзда по епархіи и открытіе Кіевскаго университета. Жалѣю, что вы не успѣли присоединиться къ оному. Каѳедра словесности вамъ была бы приличнѣе, нежели Московскому профессору ботаники *), которому надобно еще переучиваться словесности съ азбуки. Я съ нимъ познакомился и не нашелъ въ немъ

*) Михаилу Александровичу Максимовичу. П. Б.

достаточныхъ свѣдѣній къ сей профессіи. Онъ проситъ моихъ совѣтовъ, а мнѣ некогда преподавать ему лекцій.

Хорошо, что вы романъ свой откладываете на нѣсколько времени.

28.

(Кіевъ), 7-го Октября 1836 г.

Мнѣ давно извѣстно, что вы въ Петербургѣ и трудитесь въ Россійской Академіи. Да подкрѣпитъ Господь силы ваши.

Стихотворца Петрова зналъ я въ Москвѣ еще живаго. Біографію его, сколько зналъ, сообщилъ я Гречу, а онъ помѣстилъ ее въ 4-ой части своей Учебной Книги Россійской словесности. Больше того я ничего не знаю. Весь свой Словарь писателей, со всѣми прибавленными записками, отправилъ я въ Москву къ профессору Снегиреву для изданія, и онъ началъ уже его печатать.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Замѣчанія княгини Дашковой на сочиненіе Рюльера о воцареніи Екатерины Второй *).

1. Никогда я не говорила и не считала, что князь Дашковъ, изъявивъ желаніе жениться на мнѣ, сдѣлалъ мнѣ этимъ большую честь; если кто и думалъ такимъ образомъ, то отнюдь не я.

2. Никогда я не была любовницей Панина или кого-либо другаго.

3. Одару я покровительствовала, но онъ вовсе не былъ моимъ повѣреннымъ.

4. Три послѣдніе дня передъ переворотомъ Одаръ принималъ въ немъ мало участія, такъ какъ былъ за городомъ при Строгановѣ.

5. Вся исторія съ Понятовскимъ разсказана не такъ, какъ она происходила.

6. При женитьбѣ великаго князя (впослѣдствіи императора Петра III) вовсе не было включено въ условіе брачнаго договора, что послѣ его смерти будетъ царствовать его супруга.

7. Орловъ со шрамомъ на лицѣ былъ офицеромъ, а не солдатомъ.

8. Въ день переворота мы сдѣлали привалъ въ скверномъ кабакѣ, а не въ какомъ-то замкѣ.

9. Не бросалась я никогда въ Петергофѣ съ своею семьей къ ногамъ императрицы. Никого изъ моей семьи тамъ не было.

10. Я не ссорилась съ своей сестрой и еслибы у меня было желаніе быть причастною ея связи съ императоромъ, то я могла бы очень легко управлять ею, а черезъ нее и императоромъ.

11. Невѣрно, что мой дядя, великій канцлеръ графъ Воронцовъ, принесъ присягу императрицѣ. Напротивъ, онъ отказывался отъ этого и принесъ присягу лишь по смерти императора.

12. Невѣрно то, что солдаты сорвали съ моей сестры орденскую ленту.

13. Не правда, что я была награждена драгоцѣнностями своей сестры.

14. Не правда, что Тепловъ былъ посланъ въ Ропшу.

15. Не правда, что извѣстіе о переворотѣ было принято въ Москвѣ равнодушно: тамъ всѣ съ восторгомъ проявляли свою радость.

16. Я вовсе не испытывала продолжительной немилости, которая могла бы меня унизить и измѣнить мой характеръ. Если императрица не всегда со мною хорошо поступала, то въ этомъ виноваты ея любимцы. Я этимъ

*) Переведено съ Французскаго изъ VII-й книги „Архива Князя Воронцова“. П. Б.

не была угнетена. Я имѣла смѣлость часто показывать свое неудовольствіе и всегда удаляться отъ довѣренности и дружбы съ ея любимцами.

17. Вообще Рюльеръ исказилъ многіе факты, а о нѣкоторыхъ, очень важныхъ, не упомянулъ или совсѣмъ ихъ не зналъ. Напримѣръ, онъ не сказалъ о томъ, что я заявляла свое мнѣніе, что императрица должна быть лишь регентшей до совершеннолѣтія своего сына. Такъ какъ онъ слишкомъ часто останавливается на моей особѣ, то долженъ бы былъ сказать, что отказъ признать Орлова явнымъ любимцемъ, ужасъ заявленный мною по поводу смерти императора и отвращеніе къ Орлову со шрамомъ на лицѣ—вотъ три мои проступка, которые заставили дурно со мною обращаться въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Я думаю, что люди со смысломъ будутъ мало вѣрить этому маленькому сочиненію, послѣ того какъ оно вызвало съ моей стороны, и можетъ быть, со стороны еще нѣкоторыхъ лицъ, вышеизложенныя замѣтки.

II.

Изъ Записокъ графа Сегюра.

Передъ отъѣздомъ своимъ на посольство въ Петербургъ, молодой Сегюръ пожелалъ воспользоваться совѣтами барона *Бретейля*, бывшаго Французскимъ посломъ въ Россіи во время переворота 1762 года. Вотъ что онъ говоритъ про Бретёйля въ своихъ Запискахъ.

Чтеніе дипломатической переписки оказалось полезнѣе для меня, чѣмъ бесѣды съ нимъ. Двадцать лѣтъ, истекшія со времени миссіи его въ Петербургѣ, изгладили воспоминанія о многихъ фактахъ, которыя могли бы быть полезны для меня. Невѣрность памяти его странно поразила меня. Однажды я бесѣдовалъ съ нимъ о переворотѣ, низложившемъ Петра III съ престола и возведшемъ на него Екатерину II; онъ, съ самодовольствомъ, сталъ разсказывать мнѣ всѣ подробности переворота, такъ какъ бы это сдѣлалъ очевидецъ, описывалъ мнѣ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ этого трагическаго событія и доказывалъ мнѣ, что если бы не его совѣты, то развязка драмы, бывшей въ началѣ лишь интригою молодыхъ людей, была бы пагубна для императрицы. Слушая его, я могъ заключить, что онъ все будто бы предвидѣлъ, за всѣмъ наблюдалъ.

Представьте же себѣ мое удивленіе! Я только что, въ тоже утро, перечиталъ дипломатическую переписку за это именно время, и вотъ что узналъ изъ нея: въ то время когда Орловы и прочіе заговорщики задумали предпріятіе свое, то, нуждаясь въ деньгахъ, они просили Екатерину постараться добиться кредита отъ Французскаго посланника Бретёйля. Послѣдній отказалъ въ томъ, считая безумными предположенія, о коихъ ему намекали. Заблужденіе его на этотъ счетъ было таково, что, далеко не предвидя готовившагося великаго событія и воспользовавшись разрѣшеннымъ ему отпускомъ, онъ выѣхалъ, чтобъ возвратиться во Францію.

О Петербургскомъ переворотѣ онъ узналъ будучи уже въ Вѣнѣ; въ тоже время курьеръ привезъ ему изъ Версаля нѣсколько строгое прика-

заніе немедленно возвратиться въ Россію, гдѣ, весьма понятно, онъ нашелъ императрицу не особенно благосклонно расположенною къ себѣ: она не могла забыть ему, что онъ отказался помочь ей въ нуждѣ. Однако, такъ какъ онъ посвященъ былъ въ чувства ея къ графу Понятовскому и въ испытанныя ею огорченія, то съ нимъ продолжали обращаться довольно сносно.

*

Назначенный Французскимъ посломъ при Русскомъ дворѣ, графъ Сегюръ, отправляясь къ своему посту, въ началѣ 1785 года, посѣтилъ Берлинъ и былъ принятъ Фридрихомъ II. Нижеслѣдующій отрывокъ разговора его съ королемъ извлеченъ изъ Парижскаго изданія (1827) Записокъ его (II, 133—135). Надо вспомнить, что въ это время Фридрихъ II-й находился уже въ очень холодныхъ отношеніяхъ съ Екатериной, и она иначе не называла его въ письмахъ къ Гримму, какъ „Старый Иродъ".

Я (гр. Сегюръ) сказалъ ему (Фридриху II), что мнѣ крайне любопытно познакомиться съ столь знаменитою государынею, которой нельзя отказать въ геніальности, такъ какъ, будучи женщиною и иностранкою, она съумѣла властвовать надъ дворомъ преисполненнымъ бурями, пріобрѣсти любовь громаднаго народонаселенія, едва выходящаго изъ мрака невѣжества, подавить безъ жестокости нѣсколько заговоровъ, восторжествовать надъ Оттоманами, сжечь флотъ ихъ близь Босфора и заставить могущественнѣйшихъ государей Европы искать союза ея. „Прискорбно", добавилъ я, „что столь блестящее во многихъ отношеніяхъ царствованіе началось столь трагическою катастрофою. „О, въ этомъ отношеніи", отвѣчалъ король, „хотя мы и почти въ размолвкѣ теперь, я долженъ отдать „ей справедливость: по этому предмету заблуждаются. По справедливости „нельзя приписать императрицѣ *„ни чести, ни преступности этого заго„вора*; она была молода, слаба, одинока, чужеземка, ей предстояло быть „отверженною, заключенною. Все сдѣлано было Орловыми. Княгиня „Дашкова была лишь тщеславною мухою при сохѣ. Рюльеръ ошибся. „Пріобрѣтя престолъ и свободу, Екатерина, какъ молодая и неопыт„ная женщина, разсчитывала, что все кончено; противникъ столь малодуш„ный не казался ей опаснымъ. Болѣе же смѣлые и прозорливые Орловы, „чтобы не дать соперникамъ своимъ возможности превратить государя „въ знамя свое, погубили его. Императрица не вѣдала объ этомъ злодѣяніи „и извѣстилась о немъ съ неподдѣльнымъ отчаяніемъ; она вѣрно предчув„ствовала тотъ приговоръ, который нынѣ изрекаетъ противъ нея весь „свѣтъ. *) Чтобы лучше ознакомиться съ этимъ событіемъ, совѣтую вамъ „повидать почтеннаго старика, живущаго теперь, кажется, въ Митавѣ; это „г. Кейзерлингъ. Онъ все видѣлъ, все знаетъ; онъ былъ близкимъ повѣ„реннымъ всей тайной скорби императрицы".

---

*) Совершенно согласно съ показаніемъ графа Н. И. Панина въ разсказѣ графини Головиной. П. Б.

III.

Изъ записокъ Штелина, бывшаго библіотекаря Петра III *).

28-го Іюня назначенъ былъ у государыни обѣдъ въ Монплезирѣ (въ Петергофѣ). Въ два часа пріѣхалъ туда Петръ и нашелъ дворецъ пустымъ: Екатерина еще въ пять часовъ утра, втайнѣ отъ своихъ приближенныхъ, отправилась въ Петербургъ. Изъ свиты Петра князь Н. Ю. Трубецкой, графъ М. Л. Воронцовъ и графъ А. И. Шуваловъ ѣдутъ туда же за извѣстіями. Въ 3 часа государь и прибывшіе съ нимъ ѣдутъ къ каналу за дворцомъ и узнаютъ отъ причалившаго фейерверкера (поруч. Бернгорста) о начавшемся въ Петербургѣ, съ утра, волненіи въ Преображенскомъ полку. По слуху, что возмущеніемъ руководитъ тамъ гетманъ К. Г. Разумовскій, посылаютъ за А. Г. Разумовскимъ въ Гостилицы. Рѣшено ѣхать въ Кронштатъ, какъ скоро получатся извѣстія изъ Петербурга. Разсылаются въ разныя стороны указы, которые тутъ же и пишутся, особенно Волковымъ съ писарями; посланные съ ними не возвращаются. Петръ, не смотря на представленія приближенныхъ, посылаетъ въ Ораніенбаумъ за Голштинскими войсками въ намѣреніи защищаться. Въ 8 часовъ вечера прибыли эти войска. Въ 10 часовъ вечера же, по возвращеніи изъ Кронштата отправленнаго утромъ князя Барятинскаго, рѣшаются плыть туда; Голштинскіе полки отсылаются назадъ въ Ораніенбаумъ. Въ 1-мъ часу ночи галера и яхта приблизились къ Кронштатскому рейду, но имъ велятъ удалиться съ угрозою стрѣлять. Послѣ тщетныхъ попытокъ войти въ гавань, онѣ поспѣшно отъѣзжаютъ обратно къ Ораніенбауму, но яхта опережаетъ императорское судно и уходитъ въ Петергофъ. Въ 3 часа ночи государь возвращается въ Ораніенбаумъ и идетъ сначала въ малый дворецъ, а потомъ перебирается въ большой, распустивъ гарнизонъ, по просьбѣ дамъ. Въ Петергофѣ ходятъ страшные слухи о томъ, что̀ дѣлается въ Петербургѣ, гдѣ такіе же слухи объ Ораніенбаумѣ. Въ 5 часовъ утра 29-го числа въ Петергофъ приходитъ изъ столицы гусарскій отрядъ подъ начальствомъ поручика Алексѣя Орлова; до полудня прибываютъ оттуда же полки одинъ за другимъ и располагаются вокругъ дворца. Гусары спѣшатъ въ Ораніенбаумъ и тамъ занимаютъ всѣ входы и выходы. Въ 11-ть часовъ въ Петергофъ прибыла императрица верхомъ въ гвардейскомъ мундирѣ и съ ней одѣтая такимъ же образомъ княгиня Дашкова; Екатерину войско принимаетъ восторженно, съ криками ура и пушечною пальбою. Г. Г. Орловъ и генералъ-маіоръ Измайловъ отправлены въ Ораніенбаумъ за императоромъ. Въ 1-мъ часу они привезли его и высадили въ дворцовомъ флигелѣ.

---

*) Извлечено (какъ и нижеслѣдующій списокъ) изъ Нѣмецкихъ бумагъ Штелина, находившагося при Петрѣ III-мъ 28 и 29 Іюня 1762 года, Я. К. Гротомъ и съ его позволенія перепечатывается изъ VI-го тома Сочиненій Державина (стр. 864 и 865).

На все ему предложенное онъ изъявилъ согласіе. Около вечера онъ отправленъ въ Ропшу, а императрица въ 9 часовъ выѣхала изъ Петергофа и въ слѣдующій день около полудня имѣла торжественный въѣздъ въ столицу. Въ Ораніенбаумѣ В. И. Суворовъ и А. В. Олсуфьевъ объявляютъ плѣнными генераловъ и офицеровъ въ Ораніенбаумѣ; Русскихъ изъ числа ихъ приводятъ потомъ къ присягѣ, а Голштинцевъ и другихъ иностранцевъ отвозятъ въ Кронштатъ; первыхъ препровождаютъ въ Петербургъ, куда они и прибыли 2-го Іюля въ 10 часовъ вечера.

Списокъ лицъ, ѣздившихъ съ Петромъ III-мъ на яхтѣ и галерѣ изъ Петергофа въ Кронштатъ въ ночь съ 28 на 29 Іюня 1762 года *).

На яхтѣ:

Оберъ-егерм. С. К. Нарышкинъ.

Гофмаршалъ М. М. Измаиловъ.

Камергеры: кн. Гагаринъ, *гр. Ягужинскій*, гр. Головинъ, *А. И. Нарышкинъ*, кн. М. М. Голицынъ, *кн. Соловой* (Салаговъ?)

Камеръ-юнкеры: *Матюшкинъ, кн. Голицынъ.*

Тайный кабинетскій сов. Олсуфьевъ, ст. сов. Штелинъ, Голштинскій, тайн. сов. Фонъ-Руморъ, Прусскій министръ баронъ Гольцъ съ своимъ секретаремъ, Эстляндскій депутатъ графъ Штейнбокъ и гофъ-медикъ *Унгебауэръ.*

На галерѣ:

Гр-ня Ел. Ром. Воронцова, гр. Анна Карл. Воронцова и ея дочь гр. Строганова, гр. Разумовская (супруга гетмана), кн. Трубецкая (супр. фельдмаршала), принцесса - дочь герцога Голштейнъ-Бекскаго, съ гофмейстериной кн. Голицыной (вдовою шталм.) и фрейлиной Мирабель. Невѣстка принца Голштейнъ-Бекскаго принцесса Карлъ и ея компаніонка Дервицъ, Мар. Павл. Нарышкина (супр. оберъ-егерм.), Марина Осип. Нарышкира (супр. шталм.), кн-ня Гагарина съ дочерью, гр-ня Брюсъ, супруга фельдм. графа Алекс. И. Шувалова, принцъ Голштейнъ-Бекскій, фельдм. гр. Минихъ, оберъ-гофмарш. А. А. Нарышкинъ, шталм. Л. А. Нарышкинъ, ген.-лейт. Мельгуновъ, сен. гр. Р. Ил. Воронцовъ, ген.-ад. кн. Ив. Ѳед. Голицынъ, ген.-ад. Гудовичъ, ген.-маіоръ Измайловъ, голшт. оберъ-егерм. Бредаль, ст. сов. тайный секретарь Волковъ, вице - канцлеръ Голицынъ и начальникъ канцеляріи отъ строеній И. И. Бецкій.

*) Лица, имена которыхъ напечатаны курсивомъ, оставались въ Петергофѣ 28 Іюня. Петръ III-й приказалъ имъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Кронштатъ.

IV.

Портретъ Екатерины Второй относящійся къ ея воцаренію.

Существуетъ гравированный на мѣди, грудной портретъ императрицы въ томъ убранствѣ, въ которомъ она была передъ войсками 28 Іюня 1762 г. Въ овальномъ медальонѣ небольшихъ размѣровъ, окруженномъ четырехугольною рамкою, Екатерина изображена въ Преображенскомъ мундирѣ, Андреевской лентѣ и трехугольной шляпѣ, съ дубовою вѣткою, прикрѣпленною къ кокардѣ. Вокругъ шеи широкая черная лента. Надпись: Catherine II Impératrice de toutes les Russies. Внизу подписано: I. B. Fosseyeux sculp. 1788 (см. *Ровинскій*, Подробн. Словарь Русскихъ гравированныхъ портретовъ, Спб. 1887, т. II, стр. 782, № 26, и *A. Wassiltschikoff*, Liste alphabétique de portraits russes, Spb. 1875, т. I, стр. 142, № 34).

Вотъ что говоритъ объ этомъ портретѣ А. А. Васильчиковъ *).

На оригиналѣ портрета, нѣсколько болѣе чѣмъ въ натуральную величину и съ коего на вышеупомянутой гравюрѣ срисована лишь голова, Императрица изображена въ мужскомъ одѣяніи, на бѣломъ, съ черными пятнами конѣ [2]), съ красными оголовьемъ и сѣдломъ богато разшитыми золотомъ. Она въ зеленомъ мундирѣ, обшитомъ золотыми галунами, въ желтыхъ перчаткахъ съ золотою бахрамою и держитъ въ правой рукѣ обнаженную шпагу. Длинные ея, не напудренные, волосы распущены по плечамъ; на ней высокіе сапоги. Вдали видны деревья, проходящія войска и монастырь Св. Сергія на Петергофской дорогѣ [3]). На одномъ изъ деревьевъ видны начертанные на корѣ вензель Императрицы, Е, увѣнчанный императорскою короною, и ниже его число: Д. 28 Iun. 1762 г. Описанный нами оригиналъ, вмѣстѣ съ другими портретами царей изъ дома Романовыхъ, украшалъ нѣкогда пріемную залу большаго Петергофскаго дворца.

„Это самый схожій изъ всѣхъ“ говоритъ Коксъ (Voyage en Pologne, Russie etc. par W. Coke) „портретъ царствующей императрицы, торжественно вступающей въ столицу наканунѣ переворота, возведшаго ее на престолъ. Она одѣта по мужски, въ гвардейскомъ мундирѣ; на шляпѣ ея дубовая вѣтка, въ рукѣ обнаженная шпага; она на бѣломъ конѣ“. Въ настоящее время портретъ этотъ находится въ Москвѣ, въ Оружейной Палатѣ. Въ

---

[1]) Переведено съ Французскаго.

[2]) У г-на Ровинскаго (т. 2, стр. 783) сказано, будто бы на портретѣ изображенъ вице-канцлеръ кн. Голицынъ, подносящій Екатеринѣ письмо Петра III. Гдѣ могъ видѣть это г-нъ Ровинскій, неизвѣстно; но на оригинальномъ портретѣ въ Московской Оружейной Палатѣ, равно какъ и на копіяхъ въ Англійскомъ Петергофскомъ дворцѣ и въ Романовской галлереѣ Эрмитажа, этого нѣтъ.

[3]) Этотъ конь назывался „Бриллiантомъ“.

одномъ изъ угловъ картины подпись: Vigilius Eriksen Danus pinxit St. Petropoli 1762.

Въ Петергофскомъ Англійскомъ дворцѣ существуетъ повтореніе или современная копія [4]) этого портрета, служащая дружкою портрету императрицы Елисаветы, также верхомъ и въ мужскомъ платьѣ [5]).

Ричардсонъ, посѣтившій Россію въ 1768 году (Anecdotes of the Russian Empire, etc.) говоритъ: „Я не видѣлъ ни одного портрета, ни одного медальона, ни одной гравюры, которые вѣрно передавали бы ея черты, за исключеніемъ одной лишь картины, на коей она изображена въ мужскомъ платьѣ. На большей части портретовъ она слишкомъ полна, и выраженіе ея имѣетъ что-то слишкомъ мужское". Портретъ этотъ, слывшій въ началѣ царствованія Екатерины за самый схожій, вдохновилъ Державина, и у него находимъ слѣдующіе стихи:

Одѣнь въ доспѣхи, въ брони златы
И въ мужество ея красы,
Чтобъ шлемъ блисталъ на ней пернатый,
Зефиры вѣяли власы;
Чтобъ конь подъ ней главой крутился
И бурно бразды опѣнялъ;
Чтобъ Нордъ сѣдой ей удивился
И обладать собой избралъ.
(Изображеніе Фелицы. 1789)".

---

[4]) Есть также копія, въ уменьшенномъ видѣ, въ Романовской галлереѣ Эрмитажа.

[5]) Екатерина и позднѣе неоднократно выѣзжала къ войскамъ въ мужской одеждѣ и на конѣ, какъ видно изъ современной книги о лагерѣ въ Красномъ Селѣ (1765). Съ лѣтами ей сдѣлалось трудно ѣздить верхомъ; но въ дни полковыхъ праздниковъ она надѣвала особое мундирное платье. Сохранилось нѣсколько такихъ женскихъ мундировъ ея въ музеѣ Аничковскаго дворца.

Въ кронверкѣ Петропавловской крѣпости, въ Артилерійскомъ Музеѣ, показываютъ въ особой витринѣ Преображенскій мундиръ, въ которомъ, по преданію, была Екатерина въ часы своего воцаренія. Тамъ же хранится и чучела ея коня „Бриллианта" съ современнымъ сѣдельнымъ приборомъ.

КЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ О С. П. БОТКИНѢ И Ѳ. И. ИНОЗЕМЦЕВѢ.

Много было говорено о С. П. Боткинѣ, какъ о талантливомъ профессорѣ; но мало сказано о немъ, какъ о человѣкѣ, вносившемъ въ науку, во всю жизнь свою, тотъ честный и гуманный принципъ, который онъ унаслѣдовалъ отъ высокочтимаго имъ учителя въ Московскомъ университетѣ — Ѳ. И. Иноземцева. Всѣмъ извѣстна та глубокая эрудиція и вмѣстѣ высокая простота лекцій С. П. Боткина, въ силу которыхъ онѣ переводились на иностранные языки и высоко цѣнимы заграничными учеными. Эти лекціи доступны не только врачамъ, но и больнымъ, интересующимися ими по роду своей болѣзни. Откровенность признанія въ научномъ безсиліи и невѣдѣніи въ нѣкоторыхъ случаяхъ—поражали читателя и возвышали нравственныя достоинства автора. Въ лекціяхъ Боткина, какъ и въ природѣ его, было нѣчто успокоительное. Знакомя съ изысканіями, сдѣланными по какому-нибудь предмету и указывая на недостаточность ихъ, онъ не обезкураживалъ читателя, но давалъ ему стимулъ для продолженія ихъ. Заграничные ученые оцѣнили достоинство работъ его съ самаго начала его дѣятельности. Извѣстно, какъ часто бываютъ привѣтливы иностранные врачи къ врачамъ Русскимъ, путешествующимъ за границею и особенно имѣющимъ извѣстное положеніе въ обществѣ въ Россіи; но мы помнимъ лестные отзывы о Боткинѣ, напримѣръ профес. Вирхова, задолго до того времени, когда Боткинъ занялъ свое высокое положеніе общественное и служебное. Профессоръ же Вирховъ тогда былъ далеко не пристрастенъ къ Русскимъ врачамъ и даже на своихъ лекціяхъ не отличался снисходительностью своей критики, говоря о нихъ.

Боткинъ дѣйствительно поднялъ значеніе Русскаго врача и въ Россіи, и за границею; но поднялъ не тѣмъ только, что занималъ каѳедру и вмѣстѣ высокое служебное положеніе, а личнымъ своимъ талантомъ и трудами. И мы думаемъ, что ничѣмъ нельзя такъ высоко почтить память дорогого почившаго собрата, какъ обрисовывая его дѣятельность въ истинномъ, строго-правдивомъ свѣтѣ. Та вѣчная память, о которой молились, хороня его, можетъ создаться и окрѣпнуть только на

почвѣ строгой правды. Одна истина переходитъ въ вѣчность, и она одна имѣетъ цѣну для безпристрастнаго историка.

Дѣятельность С. П. была такъ нравственно высока и такъ практически благотворна, что не имѣетъ надобности ни въ какихъ прикрасахъ, ни въ какихъ прибавленіяхъ. Между тѣмъ, въ порывахъ горести по его утратѣ, слышались голоса, приписывавшіе покойному то, что онъ *первый* поднялъ знамя *Русскаго врача.* Одно увлеченіе скорбію или незнаніе и забвеніе исторіи нашей отечественной медицины могло бы объяснить эту историческую неточность похвалы. Самъ Боткинъ никогда не приписывалъ себѣ почина въ этомъ дѣлѣ. Съ любовью и не безъ нѣкоторой гордости онъ повторялъ, что онъ ученикъ профессора *Ѳ. И. Иноземцева.* Передъ III-мъ съѣздомъ врачей въ Петербургѣ, онъ собиралъ матеріалы для біографіи своего учителя, имѣя въ виду сдѣлать о немъ сообщеніе на этомъ съѣздѣ. Не знаю, по какому случаю ему не удалось осуществить своего намѣренія.

Сороковые годы подняли знамя Русскаго врача, и оно оказалось въ твердой и честной рукѣ Ѳ. И. Иноземцева. Имъ впервыя былъ начертанъ на этомъ знамени девизъ: «*Русскій врачъ*», и этотъ девизъ понимался не въ узкомъ патріотическомъ смыслѣ; требовалось быть Русскимъ не по крови, а *по духу*, безъ разбора національностей, и этотъ духъ представлялся идеаломъ честности научной, человѣколюбія и любви къ отечеству. Только самостоятельный трудъ, возникавшій на этихъ началахъ, могъ и долженъ быть возсоздать Русскую медицину. Дать просторъ этому труду, освобождая его отъ господствовавшей тогда Нѣмецкой кабалы, призвать Русскихъ врачей на этотъ трудъ и открыть ему возможный практическій исходъ—вотъ чему была посвящена дѣятельность всей жизни профессора Иноземцева. Не стѣсняемый никакими другими служебными обязанностями, кромѣ своей каѳедры, онъ могъ свободно олицетворять свой идеалъ и осуществлять его словомъ и дѣломъ. Слово его не было забыто учениками его; блистательное доказательство этому мы видимъ въ С. П. Боткинѣ. Не говоря о воспитаніи цѣлаго поколѣнія врачей въ идеяхъ чести и добра, многое возродилось въ тѣ дни. Какъ плодоносное зерно, по наружному виду незначительное и ничтожное, будучи посажено на небезплодную почву, даетъ вѣтвистое дерево: такъ первыя начинанія Ѳ. И. Иноземцева были скромны, но разрастались по немногу въ вѣтвистыя деревья Подъ эгидою Ѳ. И. Иноземцева создались въ Москвѣ первая медицинская газета. Она была невелика и не пышна, но была живымъ призывомъ къ научной и отечественной дѣятельности нашихъ собратовъ, и на нее откликнулись во всѣхъ концахъ отечества нашего. Въ то время подъ тѣмъ же авторитетомъ образовалось Общество Русскихъ врачей въ

Москвѣ. Малочисленное въ началѣ, оно разрослось теперь до размѣровъ и средствъ, превосходящихъ почти всѣ другія медицинскія общества въ Россіи. Но не одни расширявшіяся средства этого общества были важны, а важно было то, что оно явилось истиннымъ будильникомъ научнаго общенія во всѣхъ провинціяхъ. До тѣхъ поръ существовало въ Петербургѣ Общество Русскихъ врачей и существовало уже 25 лѣтъ; но, въ этотъ довольно долгій періодъ своего существованія, оно не вызвало къ жизни ни одного подобнаго общества въ провинціи. Тотчасъ по возникновеніи въ Москвѣ «Медицинской Газеты» и Общества, въ которомъ первымъ предсѣдателемъ былъ Ѳ. И. Иноземцевъ, стали одно за другимъ возникать въ губернскихъ городахъ общества врачей. Первая мысль объ устройствѣ постоянныхъ съѣздовъ Русскихъ врачей и естествоиспытателей принадлежала его же газетѣ. Другимъ выпало на долю осуществленіе ея; но для каждаго личнаго начинанія есть предѣлъ во внѣшнихъ обстоятельствахъ, указывающій, какъ велико разстояніе мысли отъ ея осуществленія, какъ велико разстояніе дѣятельности сѣятеля отъ дѣятельности жнеца.

Нечего говорить о высоконравственномъ началѣ, лежавшемъ въ основаніи всего ученія Иноземцева: наука была для него, какъ и для Боткина, святынею, и всякое посягательство на чистоту ея въ практическомъ приложеніи клеймилось позоромъ; всякая реклама считалась недостойною врача, и въ газетахъ не было тѣхъ позорныхъ столбцовъ, которые вошли теперь въ такое употребленіе; на домахъ и столбахъ не красовались рекламы врачей на ряду съ рекламами балагановъ и народныхъ зрѣлищъ. Тогда не были мыслимы промышленныя экскурсіи врачей и ихъ агентуры по различнымъ окраинамъ Россіи. Честность въ наукѣ неразлучна съ честностію въ жизни, говаривалъ покойный Ѳ. И., и кто въ наукѣ видитъ одну дойную корову для себя, тотъ не честный слуга ея, а промышленникъ, обращающій святое имя науки въ торговый промыселъ. Врачъ, въ своей практической дѣятельности, прежде всего долженъ быть другомъ человѣчества. Взглядъ этотъ, тогда распространенный и между врачами, и въ публикѣ, теперь къ сожалѣнію сдѣлался анахронизмомъ, и воспоминаніе о немъ, безъ сомнѣнія, многими будетъ встрѣчено не безъ иронической улыбки. Но тогда медицина понималась и въ обществѣ иначе; тогда не могли бы образоваться тѣ научные ростовщики, которые пускаютъ въ ростъ, за небывалые проценты, свою науку, или даже не науку, а лишь свое положеніе, занятое ими во имя науки. Подобныя явленія, конечно, могутъ случаться только при извѣстной неразвитости самаго общества, въ которомъ дѣйствуетъ врачъ. Но обязанность каждаго врача, равно какъ и каждаго интеллигента, не эксплуатировать и не поддерживать

ложныя понятія въ публикѣ, а стараться противодѣйствовать имъ. Къ сожалѣнію и стыду нашему, подобная эксплуатація иногда находитъ для себя мѣсто въ самыхъ научныхъ центрахъ, изъ которыхъ на молодое поколѣніе слѣдуетъ изливаться лишь чистому нравственному ученію. Тамъ мы видимъ примѣры, какъ учителя, эксплуатируя неразвитую часть публики, находятъ подражателей въ молодомъ поколѣніи и увлекаютъ его своимъ практическимъ успѣхомъ. Адепты этого ученія ищутъ для себя оправданія въ томъ, что публика часто не цѣнитъ трудовъ врача. Но, во-первыхъ, обобщать это обвиненіе не справедливо: въ публикѣ всегда находятся люди, умѣющіе и могущіе вознаграждать врача; богатые часто платятъ за бѣдныхъ. Примѣры врачей, пользовавшихся большою репутаціею, но не раздѣлявшихъ современнаго исключительно утилитарнаго воззрѣнія, служатъ несомнѣннымъ тому доказательствомъ: никогда никто изъ нихъ не оставался въ нуждѣ. Да еслибы это было и такъ, то это не давало бы еще права врачамъ, людямъ воспитаннымъ и долженствующимъ быть нравственнѣе людей неразвитыхъ, платить послѣднимъ тою же монетой. Конечно, никакой писанный законъ не можетъ урегулировать ту или другую дѣятельность *); но есть одинъ законъ общій для всякаго рода дѣятельности: законъ совѣсти, законъ нравственный. Дойти до полнаго презрѣнія къ этому закону можетъ только крайне деморализированный человѣкъ, который за то рано или поздно найдетъ и наказаніе въ самомъ себѣ.

Фактическія послѣдствія торговаго направленія въ медицинской практикѣ, конечно, должны были подѣйствовать на отношенія публики къ врачамъ. Врачъ въ прежнія времена былъ дѣйствительно другомъ семьи, хранителемъ ея здоровья; она смотрѣла не него, какъ на своего непремѣннаго члена, и относилась къ нему съ уваженіемъ, а часто и съ любовію, смотря по личному его достоинству; науку его цѣнили высоко, и трудъ его вознаграждался каждымъ по своимъ средствамъ. Не было дурно ни врачу, ни обществу, въ которомъ онъ дѣйствовалъ. Чтó же теперь внесла въ эти отношенія современная утилитарная доктрина? Общество начинаетъ видѣть во врачѣ только неизбѣжное зло, только эксплуататора, котораго надобно беречься. Промышленный характеръ развѣтвилъ эту эксплуатацію на столько спеціальныхъ вѣтвей, что уже нѣтъ возможности быть подъ наблюденіемъ лишь одного врача: надобно обращаться за всякою мелочью, часто и не требующею того, къ разнымъ врачамъ, по спеціальностямъ. Юные адепты школы, не

*) Екатерина Вторая, въ письмахъ къ Гримму (въ концѣ своей жизни) говоритъ, что она намѣревалась издать узаконеніе противъ вреда, причиняемаго обществу недобросовѣстными врачами. П. Б.

думая о необходимости общаго медицинскаго образованія для каждаго врача, стремятся часто уже съ первыхъ курсовъ быть только спеціалистами; спеціальности такъ изолируются одна отъ другой, что пренебрегается изученіе самыхъ простыхъ пріемовъ, относящихся по классификаціи къ другимъ спеціальностямъ. Мы имѣемъ передъ глазами примѣръ человѣка, который едва не поплатился жизнію, когда, при спазмодическомъ retentio urinae, лѣчившій врачъ-терапевтъ не взялся поставить катетеръ, рекомендуя послать за хирургомъ; между тѣмъ хирургъ нашелся только черезъ сутки, и развившійся циститъ едва не стоилъ жизни больному. Въ прежнее время, эта малая операція обязательно входила въ программу не только врача, но и фельдшера. Нѣтъ сомнѣнія, что въ медицинской практикѣ есть предметы, требующіе отъ врача спеціальнаго изученія и навыка въ практическомъ приложеніи; но нельзя забывать, что дѣйствительнымъ спеціалистомъ можетъ быть только врачъ съ обширнымъ общимъ медицинскимъ образованіемъ.

Къ счастію, практически-промышленный взглядъ не сдѣлался еще преобладающимъ въ медицинскомъ сословіи; къ чести послѣдняго, остается еще много врачей, которые въ практическомъ примѣненіи своей науки дѣйствуютъ съ достоинствомъ и порядочностью, подобающими ихъ призванію.

Нравственная сторона ученія, которое преподавалъ намъ незабвенный учитель Ѳ. И. Иноземцевъ, была глубоко усвоена его ученикомъ С. П. Боткинымъ, который всю жизнь свою былъ носителемъ этихъ честныхъ началъ. Ими объясняется весь гуманный характеръ его дѣятельности, его человѣколюбіе въ практикѣ, его доступность всѣмъ и каждому, его общепризнанное безкорыстіе. Онъ не зналъ таксы, не торговался, не оцѣнивалъ себя, предоставляя это другимъ. Имя Русскаго врача для него было нераздѣльно съ понятіемъ о честной и гуманной дѣятельности. Рука нечистая не должна и не могла прикасаться къ знамени, которое носилъ онъ, и потому мы видѣли нерѣдко, какъ отпадали отъ его тѣснаго кружка люди, входившіе въ него съ своими исключительно личными видами; какъ, вступая на нечистую дорогу, они отдѣлялись и уже совѣстились бывать у него.

Мы слышали на могилѣ Ботокина клятву держать покинутое имъ знамя Русскаго врача съ честію и твердостію. Клятва надъ гробомъ — дѣло великое! Мы питаемъ надежду, что клятва эта будетъ исполнена, потому что нѣтъ большаго оскорбленія памяти дорогаго собрата, какъ нарушеніе ея въ томъ смыслѣ, какъ понималъ его покойный, — въ смыслѣ честнаго и гуманнаго служенія отечественной наукѣ.

Докторъ **С. А. Смирновъ.**

ИЗЪ СТАРИННЫХЪ ШУТОЧНЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ *).

1.

Не право о вещахъ тѣ думаютъ, Аксаковъ,
Бѣлугу кои чтутъ морскихъ превыше раковъ,
Тѣ коимъ ни по чемъ pâté aux foies gras,
Была бъ на ихъ столѣ лишь семга да икра;
Тѣ кои потчуютъ съ морковью пирогами
И, устрицей мерзя, питаются снятками.

2.

Передъ судомъ ума, Кирѣевскій, какъ жалокъ
Успѣха пошлый врагъ, нашъ Русскій изувѣръ!
Подумаешь, что онъ кнута защитникъ, палокъ;
А онъ—бездѣйствія и кротости примѣръ!

3.

И тотъ великій мужъ, о другъ мой Хомяковъ,
Чтó противъ Англіи замыслилъ хитрый ковъ,
Кто въ ней хотѣлъ прервать связь алтаря и трона.
Ревнитель древняго Восточнаго закона,
Всесокрушающій, и онъ въ борьбѣ сей палъ,
И лучшій свѣжій листъ вѣнца его увялъ.

4.

Наряду нѣтъ у насъ, ученый мой Погодинъ,
Зане нашъ Русскій сталъ и западенъ, и моденъ.
Его легко прельщать бѣсовскими мечтами,
И въ этомъ ремеслѣ мы изловчились съ вами.

5.

За вѣру, за народъ, о честный мой Самаринъ,
Костьми мы ляжемъ всѣ, и селянинъ, и баринъ.
Костьми—хоть не костьми, а ужъ конечно ляжемъ
И шлепнемся мы такъ, что врядъ ли скоро встанемъ.

---

*) Даровитый авторъ этихъ стихотвореній, подарившій намъ въ 1868 году цѣлый ихъ сборникъ, пожелалъ оставаться неизвѣстнымъ. П. Б.

ВОЕННАЯ ПѢСНЯ.

Посвящается М. А. Дмитріеву.

Ѣли мы арбузы,
Били насъ Французы,
Шли мы въ ополчàне,
Били Англичане.

*
* *

Били насъ Сардинцы,
Измѣняли Крымцы,
И смѣялись Турки
Игрѣ нашей въ жмурки.

*
* *

Датчане и Шведы,
Ближніе сосѣды,
На насъ сьединились,
Намъ войной грозились.

*
* *

Даже Австріяки
Лѣзли въ забіяки,
Съ нами лишь Пруссаки
Не искали драки.

*
* *

Счастье, что Китайцы
Трусливы, какъ зайцы,
Не мѣшали съ дуру
Плыть намъ по Амуру.

*
* *

Забыли мы Бога,
Возгордѣвшись много;
А, какъ пришло худо,
Стали просить чуда.

*
* *

Преклоняя выи,
Пѣли мы литіи
Воздвизали длани,
Да возможемъ въ брани.

*
* *

Не было намъ чуда,
Все намъ было худо:
Падалъ Севастополь,
Росъ Константинополь.

*
* *

Грозный Царь свалился,
И миръ заключился.
Тутъ стали сердиться,
Начали браниться.

***

Намъ-де эвто стыдно,
Русскому обидно,
Съ моремъ распроститься,
Съ флотомъ порѣшиться.

***

Нѣтъ, ребята, поздно!
Богу не угодна
Русская гордыня,
Идолъ—не святыня.

***

Пусть Славяне, братья;
Да наши объятья
Ихъ бы задушили.
За то насъ и били.

А. С. ХОМЯКОВУ.

Поэтъ, механикъ и ѳеологъ,
Врачъ, живописецъ и филологъ,
Общины Русской публицистъ—
Ты мудръ какъ змій, какъ голубь чистъ.
Въ себѣ одномъ всѣ эти знанья
Ты съединилъ и упованья
Прогресса на Руси предрекъ:
Вотъ, говоришь, златой вамъ вѣкъ!
И дружно мы съ тобою жили
И за успѣхъ усердно пили.
Насъ многихъ словомъ ты увлекъ;
Но цвѣтъ надеждъ твоихъ поблекъ.
Не обратилъ ты Альбіона!
Увы, ревнитель Аарона,
Не миро съ твоея брады
Сошло на Русскіе зады:
Они не стали передами.
Славянскіе народцы сами
Отбрасываютъ тѣ мечты,
Какими ихъ баюкалъ ты.
Итакъ, мой змій, и такъ мой голубь,
И намъ не побросать ли въ пролубь

Весь этотъ соръ, весь этотъ хламъ,
Чтó восхищалъ Московскихъ дамъ?
Рубаха, мурмолка, поддёвка
Не удались: намъ въ нихъ неловко.
Чтожъ, голубь мой? Какъ быть, мой змій?
Пиджакъ надѣнемъ поскорѣй!
А, чтобъ прогнать мірскую скуку,
Мы новую откинемъ штуку:
Овечекъ стадо, твой народъ,
Опять тебѣ разинетъ ротъ.

К. С. АКСАКОВУ.

За мною очередь воспѣть тебя теперь,
Мой ангелъ по душѣ, въ бесѣдѣ лютый звѣрь,
Читалъ ли ты стихи механику-поэту?
Я шлю ее тебѣ, несвязную рѣчь эту.
Будь снисходителенъ и помни, что она
Рукой неопытной тебѣ передана.
Кулакъ свой удержи и пощади мой глазъ:
Вѣдь я, хоть и смѣюсь, но все люблю же васъ,
Взыскующихъ себѣ въ лунѣ, на небѣ града,
Которыхъ собирать Васильчикова рада,
Которыхъ иногда самъ махонькій Шиповъ
Не понимаетъ смыслъ мѣднозвучащихъ словъ,
Которымъ нашъ мудрецъ Басманный *) такъ дивится,
Хотя на ихъ успѣхъ и славу въ тайнѣ злится,
Которымъ кой-когда соплещетъ и Москва,
Издавна бьющая враговъ своихъ съ носка.
Привѣтствую тебя, въ день ветхаго завѣта,
Въ день первый пятьдесятъ втораго бабья лѣта.
Хвала и честь тебѣ, грамматикъ, драматургъ,
Нашъ бывшій Гегелистъ, нашъ нынѣшній Ликургъ!
Ты адамантомъ сталъ на площади за вѣру,
Ты славу возвратилъ униженному эру(ъ).
Нововведеній всѣхъ опасный, явный врагъ,
Ты возлюбилъ браду, возненавидѣлъ фракъ;
Ты въ ревности святой предалъ проклятью горы:
На нихъ катались въ постъ земли Московской воры!
Ты реставрируешь у насъ общинный міръ,
Ты міру цѣлому даруешь вѣчный миръ.
И такъ хвала тебѣ, Московскій нашъ Ликургъ!
А жаль, что надъ тобой смѣется Петербургъ.

---

*) Жившій въ Москвѣ на Басманной П. Я. Чаадевъ. П. Б.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ РУССКОМЪ АРХИВѢ

1890 года*).

---

*) Двѣнадцать выпусковъ „Русскаго Архива составляютъ три книги (каждая съ особымъ счетомъ страницъ). Римская цифра Указателя означаетъ книгу, Арабская ея страницу. Буква А. передъ цифрою относится къ 8-му выпуску, въ которомъ статья С. Т. Аксакова о Гоголѣ и который имѣетъ свой счетъ страницъ; цифры напечатанныя курзивомъ означаютъ помѣщенное въ видѣ приложенія „Капище моего сердца“; къ Запискамъ Жихарева будетъ въ 1891 году отдѣльный указатель. П. Б.

*

*

Въ конторѣ **РУССКАГО АРХИВА**

(Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175)

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

Для библіотекъ сельскихъ и земскихъ школъ и для духовныхъ училищъ

изданное „Русскимъ Архивомъ" дешевое собраніе избранныхъ стихотвореній лучшихъ Русскихъ поэтовъ.

Стихотворенія **А. С. Хомякова**. Новое изданіе. М. 1888. Съ его портретомъ. Цѣна 30 к.

Стихотворенія **В. А. Жуковскаго**. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **А. С. Пушкина**. Цѣна 40 коп. Въ этотъ сборникъ вошли стихотворенія, которыя появились при жизни поэта, а изъ посмертныхъ и черновыхъ только наилучшія.

Стихотворенія **Ѳ. И. Тютчева**. Новое изданіе. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **Н. М. Языкова**. Цѣна 40 коп.

За пересылку каждаго изъ этихъ сборниковъ—5 коп.

Выписывающіе всѣ пять книжекъ стихотвореній получаютъ ихъ съ пересылкою за **два** рубля.

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ РАДОНЕЖСКАГО.

Съ предисловіемъ П. И. Бартенева и со снимкомъ.

Цѣна 50 к. съ пересылкою.

ВОСПОМИНАНІЯ ДЕКАБРИСТА А. С. ГАНГЕБЛОВА

на веленевой бумагѣ, 282 стр. Цѣна съ перес. **два** рубля.

Штейнсбергъ опасно боленъ и не сходитъ съ постели. Дирекція театра передана уже Муромцову, и нѣкоторые актеры и актрисы переѣзжаютъ къ нему въ домъ, въ Посланниковъ переулокъ.

Получилъ премилое письмо изъ Петербурга. Пишутъ о скорѣйшемъ доставленіи аттестата и просьбы для поступленія на службу; прежде будущаго мѣсяца сдѣлать сего не могу, et pour cause *).

Плохо началъ я этотъ годъ: какъ-то Богъ приведетъ кончить его?

3 Генваря, Среда. Истинная правда: настоящее стиховное наводненіе. У кого только я ни былъ, у всѣхъ находилъ въ разныхъ видахъ и размѣрахъ оды по случаю полученія всемилостивѣйшаго рескрипта, и въ томъ числѣ одну поднесенную градоначальнику, которая, къ сожалѣнію, изъ рукъ вонъ плоха: ни одной мысли, ни одного чувства, ни одного выраженія. Господи Боже мой, неужели же нашъ Московскій Парнасъ до такой степени обнищалъ, что для такого важнаго случая не выставитъ ни одного достойнаго пѣснопѣвца? Право, такую жижу и посылать къ тебѣ совѣстно и грустно; развѣ отправить ее только для пріобщенія къ прочимъ курьезностямъ твоей литературной кунтскамеры.

ОДА.

Градовъ полунощныхъ царица,
Сѣдяща на горахъ крутыхъ,
Почтенна древняя столица
Обширнѣйшей изъ странъ земныхъ.
Склоня подъ тяжкими стѣнами
Главу, покрыту сѣдинами,
Вкушала сладостный покой:
Огромны башни позлащенны,
Одеждой бѣлой покровенны,
Дремали томно надъ рѣкой.

***

Почто по зимней ночи мрачной
Востокъ зардѣлся отъ огней,
И *Фебъ въ румяной ризѣ брачной*
Сугубитъ свѣтъ своихъ лучей?
Снѣга алмазами блеснули,
Изъ льдовъ Наяды воспрянули,
И вся природа *толь красна,*
Что въ хладѣ мертвомъ и суровомъ
Она играетъ подъ покровомъ
И жизни радостной полна.

***

Не звукъ ли ангельской несется
Отъ Норда съ Невскихъ береговъ?
Нѣтъ, сладкій голосъ раздается

---

*) И на это есть причина.

Отца въ сердцахъ его сыновъ.
Его драгое начертанье,
Души небесной изліянье,
Москву и въ старости живитъ.
Имѣя Ангела на тронѣ,
Намъ сладко жить въ его законѣ,
Когда онъ намъ любовь даритъ.

***

Живи, нашъ Царь, живи во вѣки!
Какъ ты отъ насъ былъ отлученъ,
Въ мольбахъ мы лили слезны рѣки,
А нынѣ—духъ нашъ восхищенъ!
Москва горитъ къ тебѣ любовью,
Въ сѣдинахъ старцы, хладны кровью,
Понесши долго службы трудъ,
Огни почувствовавши новы,
Служить тебѣ еще готовы
И кровь застывшую прольютъ.

***

А ты, съ которымъ мы встрѣчаемъ,
Въ весельѣ сладкомъ, новый годъ,
Въ комъ любимъ мы и почитаемъ
Славяновъ древнихъ духъ и родъ!
О, сколько видѣть намъ пріятно,
Что ты за доблесть многократно
Щедротой царской озаренъ,
Почтенъ заслугами, душою,
Несчетны годы правь Москвою
И буди въ вѣкъ благословенъ!

Ухъ, чего тутъ нѣтъ? Во-первыхъ, есть древняя столица, которая склоняетъ покрытую сѣдинами голову *подъ тяжкими стѣнами*; есть и позлащенныя башни, покровенныя бѣлой одеждой, которыя *томно дремлютъ* надъ рѣкою; есть и Фебъ *въ брачной, румяной ризѣ, сугубящій свѣтъ лучей своихъ*! Есть и *Наяды, воспрянувшія изъ льдовъ*! Есть и хладные кровью старцы, которые, почувствовавши новые огни, *готовы пролить застывшую кровь*! Словомъ, все тутъ есть—кромѣ здраваго смысла. Право, черезъ 50 лѣтъ не повѣрятъ, чтобы эта чепуха была сочиняема серьёзно и еще на такой случай!

О Дмитріевъ, много толку въ твоемъ *Чужомъ Толкѣ*.

5 Генваря, Пятница. Не жури меня, потому что мнѣ и безъ того грустно. Бѣды большой въ томъ нѣтъ, что я сказалъ тебѣ отъ искренняго сердца *спасибо*, да и какъ не сказать, когда ты безпрестанно меня выручаешь. «*Лучше даяти*, чѣмъ *принимати*», говоритъ Писаніе, и если *у принимателя* отнять одно средство, которымъ онъ можетъ расквитаться съ *даятелемъ*, т. е. чувство благодарности, то это значило бы надѣть на него вѣчныя кандалы; и потому ты дѣлай свое дѣло, а мнѣ

не препятствуй дѣлать *моего*». Поступилъ по тому же Писанію, которое слышали сегодня и услышимъ завтра: «Остави, тако бо подобаетъ намъ исполнити всякую правду».

Сегодня выѣзжалъ я только въ церковь, а послѣ навѣстить умирающаго Штейнсберга, и съ тѣхъ поръ цѣлый день дома. На свободѣ проглотилъ, наконецъ, многохвальный романъ *Тереза и Фальдони*, перевода Каченовскаго, и чуть было не подавился. А отъ чего мнѣ грустно? Не отъ *Терезы же и Фальдони*, и даже не отъ того, что Катерину Ивановну Яковлеву-Собакину, дѣвушку-красавицу и наслѣдницу большаго состоянія, которую я коротко знаю и съ которою случилось мнѣ болтать по нѣскольку часовъ безъ умолку (потому что она болтать любитъ) кто-то увезъ изъ театра [1]). Мать, женщина простая и сама не выѣзжающая въ свѣтъ, отпускала ее всюду съ Француженкой. Я предчувствовалъ, что это когда-нибудь случится. Барышня 19 лѣтъ, богатая, своенравная, своеобычливая, легкомысленная и ежеминутно увлекающаяся, должна была быть жертвою какого-нибудь отчаяннаго спекулатора. Нѣтъ, Катерина Ивановна, не вы причиною, что мнѣ грустно.

И все мнѣ смутное желанье давитъ грудь,
И что-то все влечетъ меня къ кому-нибудь;
Чего-то хочется, чего—и самъ не знаю:
Какъ вѣтка по волнамъ, ношусь отъ края къ краю!

Давеча, проходя отъ Штейнсберга мимо комнаты мадамъ Шредеръ, я зашелъ къ ней и засталъ ее за фортепіано (у нихъ Сочельника нѣтъ). Она спѣла мнѣ по-русски пѣсню сочиненія Кавелина [2]), одного изъ старыхъ лучшихъ нашихъ воспитанниковъ, товарища Магницкаго и Ханенко,—да такъ спѣла, что я прослезился. И какъ выговариваетъ она слова! Совершенно Русская, даже милѣе чѣмъ Русская:

На что, съ любезной разставаясь,
На что *прости* ей говорить,
Какъ будто съ жизнью разлучаясь,
Счастливымъ больше ужъ не быть?
Не лучше ль просто, *до свиданья*,
До новыхъ радостей, сказать,
И въ сихъ мечтахъ очарованья
Себя и время забывать?

А послѣдніе куплеты:

Въ пріятну ночь, при лунномъ свѣтѣ,
Представить счастливо себѣ,
Что нѣкто есть еще на свѣтѣ,

---

[1]) Впослѣдствіи супруга графа Никол. Алексѣев. Шереметева. П. Б.

[2]) Дмитрій Александровичъ, отецъ извѣстнаго въ наши дни профессора. П. Б.

Кто думаетъ и о тебѣ!
Что и *она* рукой прекрасной
По арфѣ золотой бродя,
Своей гармоніею страстной
Зоветъ къ себѣ, зоветъ тебя!
Еще день, два, и рай настанетъ....
Но, ахъ, твой другъ не доживетъ!

Эта полная тихаго чувства пѣсня, этотъ милый, трогательный голосъ хорошенькой, безцеремонной женщины, почти у самыхъ дверей умирающаго пріятеля, мысль о здѣшнемъ моемъ одиночествѣ, не смотря на дружбу добраго моего Петра Ивановича, и какое-то непонятное влеченіе въ Петербургъ, соединенное съ нѣкоторыми воспоминаніями о Липецкѣ, совершенно возмутили меня, и мнѣ сдѣлалось грустно, такъ грустно, что изъяснить не въ состояніи.

На ту бѣду какъ нарочно никого нѣтъ: хоть бы дѣдушка зашелъ, такъ потолковали бы о закулисныхъ происшествіяхъ. Ну кто бы подумалъ, что эту пѣсню мадамъ Шредеръ выучила и пѣла еще въ Ревелѣ, когда въ Москвѣ объ ней и теперь понятія не имѣютъ?

7 Генваря, Воскресенье. Вчера ѣздилъ на Іордань, устроенный противъ Кремлевской стѣны на Москвѣ рѣкѣ. Несмотря на сильный морозъ, преосвященный викарій соборомъ служилъ молебенъ и погружалъ крестъ въ воду самъ. Набережныя съ обѣихъ сторонъ кипѣли народомъ, а на самой рѣкѣ такая была толпа, что ледъ трещалъ, и я удивляюсь, какъ онъ могъ не провалиться. Въ первый разъ удается мнѣ видѣть эту церемонію въ Москвѣ; она меня восхитила. При погруженіи креста и громкомъ пѣніи архіерейскихъ пѣвчихъ и всего клира: «Во Іорданѣ крещающуюся тебѣ, Господи», палили изъ пушекъ и трезвонили во всѣ Кремлевскіе колокола, и это пѣніе, и эта пальба, и звонъ, и этотъ говоръ стотысячнаго народа, со знаменіемъ креста усердно повторявшаго праздничный тропарь, представляли такую торжественность, что казалось, будто Искупитель Самъ плотію присутствовалъ на семъ обрядѣ воспоминанія о спасительномъ Его богоявленіи погибавшему міру. Говорятъ, что въ Петербургѣ эта церемонія еще великолѣпнѣе; можетъ быть, но сомнѣваюсь, чтобы она была поразительнѣе и трогательнѣе.

По окончаніи церемоніи народъ сталъ расходиться, и Нилъ Андреевичъ Новиковъ повелъ меня на смотръ невѣстъ, который у низшаго купечества и мѣщанства бываетъ ежегодно въ праздникъ Крещенья, и о которомъ я понятія не имѣлъ. По всей набережной стояли и прохаживались группами множество молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ, въ довольно богатыхъ зимнихъ нарядахъ: штофныхъ, бархатныхъ и парчевыхъ

шубахъ и шубейкахъ. Многія изъ нихъ были бы очень миловидны, если бы не были черезчуръ набѣлены, нарумянены и насурмлены; но при этой штукатуркѣ и раскраскѣ онѣ походили на дурно сдѣланныхъ восковыхъ куколъ. Передъ вереницею невѣстъ разгуливали молодые купчики въ лисьихъ шубахъ и высокихъ шапкахъ, и всѣ были, по выраженію Новикова, *съ кондачка*, т.-е. чистенько одѣты и прикидывались молодцами. Между тѣмъ какая-то проворная бабенка побѣжала къ намъ и прямо обратилась ко мнѣ съ вопросомъ: «а ты, золотой мой, невѣсту что ли высматриваешь?»—Невѣсту высматриваемъ вотъ *съ тятенькою*, отвѣчалъ я очень учтиво, показавъ на Новикова, да только по мысли-то не найдемъ.—«А вотъ постойте, мои красавцы, я вашей милости покажу. Такая матушка жирненькая, да и приданьице есть: отецъ въ Рогожской постоялый дворъ держитъ»; и съ сими словами привела насъ къ одной группѣ, въ которой стояла дѣвушка въ малиновой штофной шубѣ, лѣтъ повидимому 25, не дурная собою, но также намалеванная и такого необъятнаго для дѣвушки дородства, что она въ сравненіи съ другими казалась тыквою между огурцами. «Вотъ вамъ, сударики, невѣста, такъ ужъ невѣста, съ самодовольствіемъ сказала сваха; коли приглянулась, такъ скажите, гдѣ жить изволите и какъ вашу милость звать, а я завтра понавѣдаюсь и о вашемъ житьѣ-бытьѣ невѣстѣ поразскажу». Я объявилъ на ушко свахѣ, что невѣста намъ очень понравилась и что *тятеньку* моего зовутъ Ниломъ Андреевичемъ Новиковымъ, а живемъ мы на Ордынкѣ въ своемъ домѣ, и чтобы она не замѣшкалась явиться къ нему для переговоровъ. Хоть бы этимъ пронять стараго проказника, который не пропускаетъ ни одного случая поднять меня на смѣшки.

Этотъ выборъ невѣстъ показался мнѣ очень похожимъ на выборъ молодыхъ канареекъ въ Охотномъ Ряду: выбирай изъ сотни любую, покрупнѣе или помельче, пожелтѣе или позеленоватѣе; которая же изъ нихъ пѣть будетъ—Богъ одинъ вѣсть!

А слыхалъ ли ты, какъ этотъ любезный оригиналъ Нилъ Андреевичъ увозилъ Цыганку изъ Епифани, какъ весь Цыганскій таборъ гнался за нимъ болѣе ста верстъ, и чѣмъ онъ отъ него отдѣлался? Это случилось еще до нашего рожденія, однакоже происшествіе въ памяти у многихъ и такъ занимательно, что я когда-нибудь тебѣ его разскажу.

9 Генваря, Вторникъ. Кудрявцовъ разсказывалъ при мнѣ генералу Дурнову, что графъ Каменскій получилъ отъ Государя собственноручное письмо, которымъ онъ приглашается пріѣхать къ извѣстному времени въ Петербургъ, и между тѣмъ быть готовымъ къ принятію

какого-то важнаго порученія, что по сему случаю фельдмаршалъ вчера отправился въ свои Нижегородскія деревни.

Николай Николаевичъ Сандуновъ также скоро ѣдетъ въ Петербургъ; говорятъ, что долженъ тамъ быть къ 17 числу. Кажется, онъ хочетъ сенатскую службу свою промѣнять на ученую.

Нашего губернскаго предводителя, Льва Дмит. Измаилова, ждутъ къ 18 числу; то-то пойдетъ потѣха! Большая часть изъ его ассистентовъ и согулякъ, Шиловскій, Рославлевъ, Кобяковъ и проч. уже здѣсь. Эти господа очень грозятся на губернатора, и говорятъ, что Измаиловъ непремѣнно въ Февралѣ мѣсяцѣ поѣдетъ въ Петербургъ хлопотать о его смѣнѣ. По всему видно, что этотъ губернаторъ не захотѣлъ покланяться Рязанскому Аману.

Завтра на бѣгу большое состязаніе между нѣкоторыми знатными охотниками; ѣдемъ смотрѣть: такого важнаго случая въ жизни Москвичей пропустить нельзя.

11 Генваря, Четвергъ. Пасторъ Гейдеке утверждаетъ, что Штейнсбергъ проживетъ не долго. Жаль! Это былъ такой человѣкъ, какихъ на бѣломъ свѣтѣ мало бываетъ. Какою жизнію и какими трудами искупилъ онъ заблужденія своей молодости! И вотъ, я думаю, почему онъ былъ такъ увлекателенъ въ первыхъ сценахъ 4-го дѣйствія Шиллеровыхъ Разбойниковъ. Съ какимъ чувствомъ говорилъ онъ тираду: die Blätter fallen, въ которой Карлъ Моръ воспоминаетъ о прежнихъ дняхъ своей невинности: O meine Unschuld, meine Unschuld! Пасторъ Гейдеке сознается, что онъ прежде имѣлъ противъ Штейнсберга какое-то предубѣжденіе и даже критиковалъ его въ своемъ журналѣ, но что послѣ, узнавъ его короче, онъ не только сталъ уважать его, но даже искренно его полюбилъ. Однакоже я говорю о бѣдномъ Штейнсбергѣ, какъ объ умершемъ, тогда какъ, можетъ быть, онъ еще и выздоровѣетъ: у Бога милости много. Кромѣ того его пользуютъ лучшіе здѣшніе медики и пользуютъ безмездно, слѣдовательно усердно, съ дружескимъ вниманіемъ и осторожностію.

Вчерашній бѣгъ былъ оживленъ необыкновенно и казался какимъ-то охотничьимъ праздникомъ. Стеченіе народа, несмотря на будничный день, было чрезвычайное. У Александра Алексѣевича Чесменскаго былъ охотничій завтракъ, и охотники пріѣхали съ него на бѣгъ, кажется, очень подгулявши. Закладъ, предложенный г. Мосоловымъ за своего *Буяна* противу *Катка* (графа Орлова), не принятъ; но это не помѣшало охотникамъ состязаться между собою изъ одной славы. Чесменскій на *Каткѣ*, Мосоловъ на *Буянѣ*, Давыдовъ на *Потѣшномъ*, А. И. Яковлевъ на какомъ-то Сибирскомъ буланомъ station меринѣ, князь Гундоровъ,

Исаковъ и много другихъ, пустились на своихъ рысакахъ по бѣгу перегонять другъ друга, и, вопреки обыкновенію, они не пріостанавливали ихъ на поворотахъ, но поворачивали круто на всей рыси, и такимъ образомъ бѣгали до тѣхъ поръ, пока лошади ихъ не изнурились и не стали. Одинъ только рысакъ г. Мосолова не токмо не изнурился и не сталъ, а напротивъ остальные концы продолжалъ бѣжать одинъ съ возрастающею быстротою, и г. Мосоловъ остановилъ его уже самъ, когда всѣ другіе съѣхали съ бѣга. Я очень боялся, чтобы при такой быстрой ѣздѣ не случилось какого несчастія, тѣмъ болѣе, что охотники были навеселѣ; однакоже Богъ миловалъ. Николай Петровичъ Аксеновъ, знающій охотникъ, сказывалъ, что Мосоловскій рысакъ скаковой породы и отъ того такъ силенъ, а между тѣмъ его не очень уважаютъ, потому что не такъ красивъ и происходитъ не отъ лошадей графа Орлова. Этотъ несчастный esprit de partie мѣшается всюду и во все, даже и въ самую охоту.

12 Генваря, Пятница. Сію минуту изъ бенефиса Гальтенгофа. Давали Донъ-Жуана. Съ горяча не могу выразить всего, чтò я прочувствовалъ въ продолженіе представленія этой оперы. Какая прелестная музыка! Нейкомъ въ своихъ огромныхъ серьгахъ дирижировалъ оркестромъ. Театръ былъ полонъ; я никогда не видывалъ столько дамъ высшаго общества въ ложахъ Нѣмецкаго театра, какъ въ сегодняшнемъ представленіи. Всѣ извѣстные любители-музыканты занимали кресла. Я замѣтилъ Сандунову и Злова въ одной изъ ложъ 2-го яруса.

На дняхъ опишу представленіе во всей подробности, а теперь не до того. Довольствуйся покамѣстъ этимъ заключеніемъ недѣльной моей тетради, которая полетитъ къ тебѣ завтра.

15 Генваря, Понедѣльникъ. Донъ-Жуана игралъ *Гальтенгофъ*, Лепорелло—*Гунніусъ*, Дону Анну—*мамзель Соломони*, Донну Ельвиру—прежняя *мадамъ Гебгардъ*, для которой входная арія была выпущена; Дона Оттавіо—*мадамъ Шредеръ*, Церлину—*мамзель Гунніусъ*, Мазетто—*Эме*, коменданта—*Вильгельмъ Гасъ.* Если говорить о каждомъ въ особенности, то всѣ исполнили дѣло свое хорошо; но въ цѣломъ опера была изувѣчена. Партія Донъ-Жуана написана для баса, а ее пѣлъ теноръ; Донъ-Оттавіо—роль тенора, а ее исполняла мадамъ Шредеръ, сопрано; Церлина, если не совсѣмъ контральто, то самый низкій меццо-сопрано, а ее пѣла маленькая Гунніусъ, сопрано самый высокій; о Мазетто нечего и говорить: басовую партію пѣлъ контральтино. Для всѣхъ этихъ господъ Нейкомъ долженъ былъ партіи транспонировать, и отъ того въ morceaux d'ensemble произошла нѣкоторая нескладица.

Я не музыкантъ, но у меня хорошій слухъ, а Катерина Александровна Муромцова, мачиха теперешняго директора Нѣмецкаго театра, великая музыкантша и нѣкогда сама необыкновенная пѣвица, утверждаетъ, что настоящая гармонія оперы потеряна. Только трое изъ дѣйствовавшихъ лицъ были на своихъ мѣстахъ: мамзель Соломони, Гунніусъ и Вильгельмъ. Я простилъ Соломони мою Лизету, которую она исковеркала, за партію Донны Анны, которую исполнила она, по увѣренію Катерины Александровны, согласному съ мнѣніемъ всей публики, совершенно удовлетворительно. Богъ даровалъ ей талантъ огромный: большой, гибкій и пріятный голосъ, прекрасную наружность и много чувства; стóитъ только все это усовершенствовать ученьемъ и опытностію, и нѣтъ сомнѣнія, что въ серьезныхъ оперныхъ партіяхъ она можетъ быть первоклассною пѣвицею и актрисою. Не помню, у Буало или Грессета есть стихъ; «tel brille au second rang, qui s'eclipse au premier»; но въ отношеніи къ Соломони смыслъ этого стиха должно измѣнить на слѣдующій: Tel brille au premier rang, qui s'eclipse au dernier *). Кто видѣлъ Соломони въ пустой роли Лизеты и послѣ слышалъ ее въ важной партіи Донны Анны, тотъ конечно замѣтитъ эту поразительную разницу въ исполненіи ею обѣихъ ролей и необыкновенно быстрые ея успѣхи въ области искусства. Не знаю, отъ чего дирекція Русскаго театра не догадается завербовать ее на свою сцену; она родилась въ Россіи, Итальянскаго у ней одинъ только голосъ; говоритъ по-русски какъ Русская и прекрасно образована: играетъ на скрипкѣ и фортепіано и танцуетъ прелестно. Вотъ еще талантъ, которымъ публика будетъ обязана Штейнсбергу, умѣвшему угадать его.

18 Генваря, Четвергъ. Наконецъ, удалось мнѣ побывать у Походяшина; съ кѣмъ и какъ, о томъ знать тебѣ нѣтъ надобности. Это человѣкъ тихій, скромный и молчаливый, живетъ болѣе жизнію созерцательною, однакоже не забываетъ исполнять и нѣкоторыя свѣтскія обязанности въ своемъ кружку; ростомъ не малъ, худощавъ и физіономію имѣетъ безстрастную. Онъ принялъ меня ласково, съ любовію, но безъ излишней довѣрчивости, какъ слѣдовало принять недоучку-студента. Дѣлалъ мнѣ кой-какіе вопросы, на которые я отвѣчалъ, какъ умѣлъ, запинаясь и краснѣя; потому что ничто такъ не лишаетъ присутствія духа, какъ желаніе внушить о себѣ доброе мнѣніе и опасеніе проговориться. Спрашивалъ, гдѣ я служить намѣренъ? Я отвѣчалъ, что меня обѣщали опредѣлить въ Иностранную Коллегію и что я имѣю полное удостовѣреніе въ исполненіи этого обѣщанія, какъ скоро доставлю въ Петербургъ нужныя для сего бумаги. «Это служба довольно

---

*) Блистаетъ на второмъ мѣстѣ темнѣющій на первомъ. — Блистаетъ на первомъ мѣстѣ блѣднѣющій на послѣднемъ.

видная, сказалъ Походяшинъ, и для молодаго образованнаго человѣка можетъ быть очень выгодна въ отношеніи къ повышенію чинами и другимъ отличіямъ; сверхъ того она даетъ средства путешествовать и въ чужихъ краяхъ пріобрѣсть такія познанія, какія намъ здѣсь бываютъ недоступны. Но между тѣмъ въ этой службѣ, разумѣя ее въ нѣкоторой высшей степени дѣйствованія, есть и свое неудобство: надобно умѣть болѣе или менѣе притворствовать, иначе хорошимъ дипломатомъ быть нельзя». Здѣсь онъ взглянулъ на образъ Спасителя стариннаго письма, стоявшій въ переднемъ углу маленькаго его кабинета на какомъ-то продолговатомъ черномъ пьедесталѣ, и потомъ, взглянувъ на меня, продолжалъ: «Да, къ сожалѣнію, нельзя отвергать, что чѣмъ человѣкъ простѣе и прямодушнѣе, тѣмъ менѣе его понимаютъ въ свѣтѣ, а безкорыстную честность почитаютъ какимъ-то неслыханнымъ дивомъ; и такъ какъ большая часть людей привыкли судить по своимъ чувствамъ, своимъ видамъ или своимъ склонностямъ, то самые простые благонамѣренные поступки всегда приписываются лицемѣрію, скрытнымъ намѣреніямъ и видамъ своекорыстнымъ; а между тѣмъ настоящимъ лицемѣрамъ тепло на свѣтѣ. И въ политикѣ, и въ общественныхъ сношеніяхъ и даже,—страшно вымолвить!—въ самой религіи они пріобрѣтаютъ народность и уваженіе. Эгоисты и прошлецы дѣйствуютъ мастерски: для нихъ ничего не значатъ ни лживыя увѣренія въ дружбѣ, ни предложенія услугъ тогда, когда знаютъ, что въ нихъ не нуждаются; ни коварныя улыбки кстати, ни измѣнническое молчаніе, ни вѣроломныя рукожатія: словомъ, всѣ эти средства обращаютъ они въ свою пользу и похищаютъ незаслуженную благосклонность. Вотъ отъ чего, при этомъ несчастномъ состояніи нашего общества, трудно сохранить себя отъ увлеченія и не притворяться, когда другіе притворствуютъ, не лицемѣрить, когда вокругъ васъ лицемѣрятъ другіе; вотъ отъ чего, повторяю, такъ трудно исполнить заповѣдь Христову: *будите мудри*, т.-е. осторожны, *яко змія*, и *цѣли*, т.-е. чисты, *яко голубіе*. Согласить осторожность поведенія съ чистотою сердца: *здѣ премудрость*!»

И много еще говорено было кой-чего, о чемъ долго разсказывать. Странное дѣло! Походяшинъ никогда не говоритъ иначе, какъ вдвоемъ или втроемъ; при лишнихъ людяхъ онъ дичится, молчитъ и кажется человѣкомъ очень ограниченнымъ, за какого мнѣ его и выдавали. Онъ изъ стариннаго купеческаго званія, былъ нѣкогда очень богатъ, но призрѣвалъ *нища и убога* и отдалъ все *въ заемъ Богови*. Теперь самъ немного развѣ богаче Максима Ивановича, если не считать капитала, скрытаго въ небесахъ.

Петръ Ивановичъ испугался, когда я объявилъ ему, что былъ у Походяшина. Тотчасъ пошли разспросы: какъ, съ кѣмъ и когда? Но

мой Петръ Ивановичъ всего пугается: онъ испугался до смерти, что мадамъ Шредеръ въ Сочельникъ пропѣла мнѣ съ глазу на глазъ пѣсню; испугался, что я былъ на смотру невѣсть; испугался Нѣмецкаго письма, которое получилъ я изъ Петербурга, и говоритъ, что меня въ Липецкѣ *испортили**. Не пугается только онъ, когда мы бываемъ у его учениць дѣвинъ Скульскихъ, откормленныхъ 25-лѣтнихъ пулярдокъ, которыхъ называетъ онъ *удивительными невинностями*, и которыя, вопреки своему призванію, хотятъ непремѣнно попасть въ поэтессы или поэтиссы, въ Сафо или Дезульеръ. А сколько бы теперь дѣтей было у этихъ бѣлыхъ, румяныхъ и дородныхъ поэтессъ или поэтиссъ, если бы онѣ похлопотали о своемъ замужествѣ! Право, люди не знаютъ настоящаго своего назначенія.

20 Генваря, Субота. Въ минувшій Понедѣльникъ пріѣхалъ Николай Петровичъ Архаровъ, и я сегодня былъ у него. Чуть ли старикъ не сбирается въ Петербургъ, но зачѣмъ? Онъ человѣкъ не нынѣшней эпохи, въ которую *милость хвалится на судѣ*, крутъ, упрямъ и властолюбивъ. Сказывалъ, что встрѣтилъ стараго своего знакомца, Смоленскаго военнаго губернатора С. С. Апраксина, который въ одинъ и тотъ же день съ нимъ пріѣхалъ и, кажется, болѣе не возвратится въ Смоленскъ: хочетъ пожить на покоѣ. Если этотъ баринъ поселится въ Москвѣ, то можно ее поздравить съ добрымъ обывателемъ. Богатъ-пребогатъ, фамилія не только знатная, но и заслуженная, домъ какъ полная чаша, своя музыка, свой театръ, свои актеры, любитъ жить на большую ногу, привѣтливъ и радушенъ,—гуляй Москва! Николай Петровичъ спрашивалъ меня, часто ли бываю у его брата Ивана Петровича? Я отвѣчалъ, что давно не былъ. Дурно, сказалъ онъ: у него общество всегда хорошее, и тебѣ полезно бывать тамъ.

Пріѣхавшій новый танцмейстеръ *Ламираль* въ прошедшее Воскресенье дебютировалъ съ женою и 8-ми-лѣтнею дочерью въ какомъ-то Турецкомъ дивертисментѣ. Я ихъ не видалъ, но тѣ, которые видѣли, хвалятъ. Только преудивительное дѣло: въ Воскресенье дебютировали, а черезъ недѣлю, т.-е. послѣ завтра въ Понедѣльникъ, танцуютъ они въ свой бенефисъ. Мнѣ кажется, что бенефисы должны даваться въ награду за нѣкоторое время службы, а не за одинъ разъ прыганья въ Турецкомъ нарядѣ.

Я очень понимаю, что талантомъ можно возвысить свое положеніе въ свѣтѣ, и нимало не удивляюсь, если горничная, булочница или швея поступаютъ на сцену, дѣлаются актрисами, пѣвицами или танцовщицами; но чтобы актриса, жена превосходнаго актера, обратилась

*) Походяшинъ, щедротами котораго нѣкогда воспользовался Новиковъ для своихъ масонскихъ цѣлей, еще продолжалъ находиться, вѣроятно, подъ надзоромъ полиціи. П. Б.

добровольно въ швею, этого постичь не могу. Однакоже примѣръ передъ глазами; проѣзжая Кузнецкій Мостъ, я замѣтилъ на домѣ Дюмутье новую вывѣску: Nouveau magasin de modes, *madame Duparay*, ci-devant actrice du théâtre français à Moscou. Вотъ куда спустилась рыжая *Арисія*! Sic transit gloria mundi.

21 Генваря, Воскресенье. Добродушный хитрецъ Антонъ Антоновичъ въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что я ничѣмъ не занимаюсь, кромѣ театра. Я пришелъ просить его о выдачѣ мнѣ студенческаго аттестата, а онъ свое: «А больше учиться-*тà* не хочешь?»—«Не хочу, Антонъ Антонычъ».—«Какъ Митрофанушка-*тà*: не хочу учиться, хочу жениться?» — «Хочу, Антонъ Антонычъ».—«Небось туда же въ дармоѣды-*тà*, въ Иностранную Коллегію?» — «Туда и опредѣляюсь, Ант. Ант—чъ.»—«Ректора-*тà* попроси, а я изготовить аттестатъ велю. А новые стихи-*тà* Жуковскаго знаешь?»—«Знаю, Ант. Ант—чъ».—«Нука прочитайка-ка».

. . . . Поэзія, съ тобой
И скорбь и нищета теряютъ ужасъ свой!
Въ тѣни дубравы, надъ потокомъ,
Другъ Феба съ ясною душей,
Въ укромной хижинѣ своей,
Забывшій рокъ, забвенный рокомъ,
Поетъ, мечтаетъ, и блаженъ!
И кто, и кто не оживленъ
Твоимъ божественнымъ вліяньемъ?
Цѣвницы грубыя задумчивымъ бряцаньемъ
Лапландецъ, дикій сынъ снѣговъ,
Свою туманную отчизну прославляетъ,
И неискуственной гармоніей стиховъ,
Смотря на бурные валы, изображаетъ
И хладный свой шалашъ, и бурный шумъ морей,
И быстрый бѣгъ саней,
Летящихъ по снѣгамъ съ оленемъ быстроногимъ.
Счастливый жребіемъ убогимъ,
Оратай, наклонясь на плугъ,
Влекомый медленно усталыми волами,
Поетъ свой лѣсъ, свой мирный лугъ,
Возы скрипящи подъ снопами,
И сладость зимнихъ вечеровъ,
Когда при шумѣ вьюгъ, предъ очагомъ блестящимъ,
Въ кругу своихъ сыновъ,
Съ напиткомъ пѣннымъ и кипящимъ
Онъ радость въ сердце льетъ,
И мирно въ полночь засыпаетъ,
Забывъ на дикія бразды пролитый потъ . . . .

«Полно-*тá*, полно-*тá*! вскричалъ мой Антонскій, развеселившись: ужъ вижу, что знаешь. Когда успѣваешь выучивать-*тá*, все

съ актерками танцуешь-*та́*.» Я стиховъ не учу, Антонъ Антонычъ, сами въ память врѣзываются.—«Ну, а прозу также помнишь-*та́*?» Помню, Антонъ Антонычъ. «Ну-ка прочитай что-нибудь, хоть изъ Мароы Посадницы, или изъ Вадима-*та́*.»

«Раздался звукъ вечеваго колокола и вздрогнули сердца въ Новѣгородѣ!»...

«Безмолвныя дубравы, тихія долины, обители меланхоліи! Къ вамъ стремлюсь душою, пѣвецъ природы, не знаемый славою; сокройте меня, сокройте!»...

Я отхваталъ ему пол-Посадницы и чуть не треть Вадима, и мой Антонскій давай цѣловать меня. «Слышалъ, слышалъ, что у тебя память-*та* хороша, а этого не ожидалъ. Говорятъ, что и Пророковъ знаешь, и Притчи, и Іисуса Сираха». Знаю, Антонъ Антонычъ. — Ну, жаль, жаль, что я прежде-*та* не зналъ, а теперь Христосъ съ тобой; да съѣзди въ Донской и молебенъ отслужи.» Антонскій полагаетъ, что молебны дѣйствительнѣе въ Донскомъ монастырѣ, потому что братъ его тамъ архимандритомъ».

23 Генваря, Вторникъ. По милости брата И. П. Поливанова, я, наконецъ, хотя гостемъ, попалъ въ Англійскій клубъ, и какъ доволенъ! Онъ обѣщаетъ записывать меня, когда только захочу, и я завтра же буду тамъ обѣдать. Какой домъ, какая услуга—чудо! спрашивай чего хочешь, все есть, и все недорого. Клубъ выписываетъ всѣ газеты и журналы, Русскіе и иностранные, а для чтенія есть особая комната, въ которой не позволяется мѣшать читающимъ; не хочешь читать, играй въ карты, въ билліардъ, въ шахматы; не любишь картъ и билліарда,—разговаривай: всякой можетъ найти себѣ собесѣдника по душѣ и по мысли. Я намѣренъ непремѣнно каждую недѣлю, хотя по одному разу, бывать въ Англійскомъ клубѣ. Онъ показался мнѣ какимъ-то особымъ маленькимъ міромъ, въ которомъ можно прожить, обходясь безъ большаго. Объ обществѣ нечего и говорить: вся знать, всѣ лучшіе люди въ городѣ членами клуба; я нашелъ тутъ князей Долгорукихъ, Валуева, Смоленскаго Апраксина, Екатерининскаго генерала Маркова съ Георгіевскою звѣздою; трехъ князей Голицыныхъ, изъ которыхъ у князя Михайла Петровича такой великолѣпный домъ въ Новой Басманной, и почти такая же славная картинная галлерея, какая была у однофамильца его, знаменитаго филантропа; встрѣтилъ И. П. Архарова, который очень удивился, увидѣвъ меня въ клубѣ; сенаторовъ: Мясоѣдова, (пріятеля нѣкогда славнаго государственнаго человѣка Дм. Прокоф. Трощинскаго), праводушнаго Мамонова, Алябьева, Ивана Владимировича Лопухина, столь извѣстнаго умомъ и подвигами человѣко-

любія; Нелединскаго, умнаго, остраго, любезнаго куртизана и образцоваго поэта; встрѣтилъ также и князя Ив. Серг. Гагарина, съ которымъ познакомился въ Липецкѣ; Карамзина, И. И. Дмитріева, Пушкиныхъ, А. А. Тучкова, П. И. Кутузова и губернскаго предводителя дворянства Дашкова, сына столь славной въ свое время Екатерины Романовны, угадавшей геній Державина. Нѣкоторые сидѣли въ кружку и много кой о чемъ говорили и разсуждали. Между прочимъ услышалъ я, что герой князь Багратіонъ прибылъ 19 числа въ Петербургъ, а въ послѣдней половинѣ будущаго мѣсяца пріѣдетъ и въ Москву. Толковали, какимъ бы лучше образомъ сдѣлать ему торжественный пріемъ. П. С. Валуевъ предлагалъ дать ему большой обѣдъ въ клубѣ съ музыкою и пѣвчими, а Кутузовъ вызывался написать въ честь его кантату; но Ив. Влад. Лопухинъ и Нелединскій были такого мнѣнія, что прежде чѣмъ на что-нибудь рѣшиться, надобно переговорить съ градоначальникомъ и безъ его согласія ни къ чему не приступать.

Князь Михайла Александровичъ сказывалъ, что послѣ завтра бенефисъ Померанцева, и приглашалъ къ себѣ въ ложу. Даютъ драму Ильина: «Лиза или торжество благодарности», въ которой Померанцевъ, говорятъ, превосходенъ. Ужъ конечно поѣду! Во-первыхъ, потому, что отъ игры Померанцева *заплáчу*, а во-вторыхъ, что за нее не *заплачý*. Вотъ и мои concetti! Они стоятъ Державинскихъ, которые ходятъ здѣсь по рукамъ:

О, какъ великъ На-поле-онъ,
И хитръ, и быстръ, и твердъ во брани;
Но дрогнулъ, какъ простеръ лишь длани
Къ нему съ штыкомъ Богъ-рати-онъ.

Иванъ Ивановичъ говоритъ, что ему сгрустнулось отъ этихъ стиховъ, потому что они доказываютъ, какъ низко можетъ упасть геній, подточенный старостью, и что пріобрѣсти славу легче, чѣмъ до конца уберечь ее. Онъ шутя замѣчаетъ, что изъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ самое трудное умѣть остановиться вó-время и ничего такъ за себя не опасается, какъ выжить, если не изъ ума, такъ изъ вкуса.

25 Генв. Четвергъ. Сегодняшній спектакль, *не въ счетъ годовыхъ ложъ и креселъ, а въ пользу актёра Померанцева,* какъ нынче печатаютъ въ афишахъ (хорошу выдумали фразу) былъ порядочно скученъ и никому не принесъ удовольствія. Даже и строптивая Верещагина, подруга князя Михаила Александровича, и записная любительница слезныхъ драмъ, зѣвала порядочно. Померанцевъ точно хорошъ въ своей роли, но что̀ могъ сдѣлать онъ одинъ въ этомъ обществѣ неблагообразныхъ персонажей? За драмой дана была комедія въ одномъ дѣйствіи: *Слуга двухъ господъ*, и разыграна лучше. Въ ней особенно отличался Сандуновъ,

который, по разсказамъ, сталъ съ недавняго времени очень гордиться своимъ происхожденіемъ, будто бы, отъ древнихъ Грузинскихъ владѣтелей. Охота же умному человѣку приплетаться въ родню Митридату и подражать Татарамъ-халатникамъ, которые всѣ считаютъ себя потомками Чингисъ-Хана!

Платонъ Петровичъ Бекетовъ разсказывалъ въ университетѣ, что на пансіонскомъ актѣ, 22 ч. прошедшаго мѣсяца, какой-то провинціалъ подсѣлъ къ графу Хвостову и, желая видно польстить ему, какъ сенатору, началъ хвалить его сочиненія, и между прочимъ съ подобострастіемъ увѣрялъ его, что онъ наизустъ знаетъ всѣ его шуточныя оды. На вопросъ графа Хвостова, какія же это оды, провинціалъ прочиталъ нѣсколько строкъ изъ слѣдующей:

Хочу къ безсмертью пріютиться,
Цанять у славы уголокъ,
Сквозь кучу риѳмачей пробиться,
Связать изъ мыслей узелокъ;
Хочу и я сваргавить оду
И выкинуть такую моду,
Чтобъ былъ не надобенъ Пегасъ,
Ни Аполлонъ, дѣтина строгій;
Хочу проселочной дорогой,
На долгихъ ѣхать на Парнасъ.
Горшки не боги жъ обжигаютъ,
А намъ кто не велѣлъ строчить? и проч.

Графъ Хвостовъ сдѣлалъ прекислую мину, всталъ и отошелъ отъ любителя шуточныхъ стихотвореній. Дѣло въ томъ, что несчастный льстецъ принялъ одного Хвостова за другаго и вмѣсто забавнаго сатирика наткнулся на вовсе незабавнаго и совсѣмъ угорѣлаго лирика и баснописца.

26 Генваря, Пятница. К. И. Яковлеву-Собакину догнали, воротили, сдали съ рукъ на руки больной матери, и она какъ ни въ чемъ не бывала. Да и въ самомъ дѣлѣ она была увезена противу ея воли: къ подъѣзду театра подъѣхала карета; нѣсколько голосовъ закричали: карета Яковлевой-Собакиной! Она, по обыкновенной своей вѣтренности, не осмотрясь вскочила въ карету, дверцы захлопнули, кучеръ ударилъ по лошадямъ и— похищеніе совершилось! Только проѣхавъ Кузнецкій мостъ, вѣтреница замѣтила, что вмѣсто Француженки возлѣ нея сидитъ какой-то немолодыхъ лѣтъ мущина; хотѣла закричать, но похититель увѣрялъ, что везетъ ее домой, и точно онъ провезъ ее по Нѣмецкой Слободѣ мимо самаго дома Яковлевыхъ; но вмѣсто того, чтобы поворотить въ ворота, онъ отправился за Лефортовскую заставу.

3-го числа Февраля назначенъ у графа Орлова большой балъ, что̀ называется, пиръ на весь міръ. Танцовщицъ въ виду много, но танцоровъ, напротивъ, почти вовсе нѣтъ. Нѣкоторыя извѣстныя дамы, коротко знакомыя въ домѣ графа, имѣютъ порученіе отъ молодой графини вербовать хорошихъ кавалеровъ. Не знаю, почему Катерина Александровна Муромцова считаетъ меня въ числѣ хорошихъ кавалеровъ и предложила взять меня съ собою вмѣстѣ со старшимъ ея сыномъ. «Но я рѣшительно танцовать не умѣю, сказалъ я, застѣнчивъ и неловокъ».—Et pourtant vous avez dansé chez les Werewkine et vous dansez souvent chez les Lobkoff; comme si je ne le savais pas [1]!—«Это правда; но у Веревкиныхъ былъ балъ за-просто, а у Лобковыхъ я танцую *pour rire*, въ своемъ кружку; да и не танцую, а прыгаю козломъ».—«А у Орловыхъ будешь прыгать бараномъ, вотъ и вся разница; болтай себѣ безъ умолку съ своей дамой, и не замѣтятъ, какъ танцуешь». Я отнѣкивался, но мнѣ Катерина Александровна рѣшительно объявила: «Vous irez, mon cher; je le veux absolument. A votre âge on ne refuse pas un bal comme celui du comte Orloff, ni une femme, qui vous a vu naître. C'est ridicule!» [2]) Дѣлать нечего, буду снаряжать свой бальный костюмъ: пюсовый фракъ и бѣлый жилетъ съ поджилетникомъ изъ Турецкой шали; разодѣнусь хватомъ!

28 Генваря, Воскресенье. Сегодня былъ я у Нѣмцевъ на репетиціи Der Kaufmann von Venedig, Шекспира. Эта піеса, которую разучиваютъ уже три мѣсяца, такъ плохо идетъ, что, кажется, и совсѣмъ не пойдетъ. Шейлоха долженъ былъ играть *Штейнсбергъ*, а теперь вмѣсто его вздумалъ играть *Кистеръ*, которому эта роль не по силамъ. Отсутствіе Штейнсберга замѣтно и въ самой репетиціи; какая-то неладица, путаница, бѣдные актеры и актрисы точно гуртъ овецъ безъ хозяина.

Однакоже, что̀ это за піеса *Венеціанскій Купецъ* и что̀ она доказываетъ? Приготовляясь видѣть ее на сценѣ, я прочиталъ ее, и право, не понимаю, а растолковать некому. Венеціанскому купцу понадобились для услуги пріятелю деньги, и онъ занимаетъ ихъ у Жида съ такимъ обязательствомъ, что если не заплатитъ въ срокъ, то Жидъ имѣетъ право вырѣзать изъ него фунтъ мяса. Срокъ прошелъ, купецъ денегъ заплатить не могъ, и Жидъ требуетъ исполненія обязательства.

---

[1]) И однако вы танцовали у Веревкиныхъ и часто танцуете у Лобковыхъ. Будто я этого не знаю.—Танцую для смѣху.

[2]) Вы поѣдете, мой милый; я рѣшительно хочу этого. Въ ваши лѣта не отказываются отъ такого бала, какъ у графа Орлова, и не отказываютъ женщинѣ, помнящей какъ вы родились. Это странно!

Дѣло по своей важности перенесено на судъ дожа, который не знаетъ, какъ разсудить его. Является женщина подъ видомъ ученаго юриспрудента и съ дозволенія дожа берется разрѣшить небывалый случай. Она начинаетъ тѣмъ, что по буквальному смыслу обязательства обвиняетъ купца и предоставляетъ Жиду вырѣзать изъ него фунтъ мяса, но вмѣстѣ съ тѣмъ налагаетъ и на Жида обязанность вырѣзать ни больше ни меньше, какъ только одинъ фунтъ и совершенно безъ пролитія крови, въ противномъ же случаѣ подвергаетъ его наказанію, какому подлежатъ Жиды за пролитіе крови христіанской. По мнѣнію моему, это просто подборъ подъ законъ: если въ обязательствѣ не означено дозволенія при вырѣзываніи мяса проливать кровь, то не означено также и запрещенія; а между тѣмъ какъ же можно изъ живаго человѣка вырѣзать кусокъ мяса безъ того, чтобы при этой операціи не было крови? Это не согласно съ природою и здравымъ разсудкомъ; и что̀ же въ этомъ ложномъ истолкованіи смысла и рѣчи обязательства можетъ быть трагическаго? Развѣ только ненависть Жида противъ Христіанина *).

Пожалуй, если пойдетъ на игру словъ въ юриспруденціи и на превратные толки о дѣйствіяхъ подсудимыхъ лицъ, то и у насъ найдется много случаевъ, изъ которыхъ иному Русскому Шекспиру вздумается сочинить трагедію; и вотъ, напримѣръ, одинъ анекдотъ, разсказанный П. И. Авериным и слышанный имъ отъ Д. П. Трощинскаго. Какого-то Харьковскаго помѣщика обокрала дворовая дѣвка и бѣжала. Баринъ подалъ объявленіе о побѣгѣ и сносѣ разныхъ вещей. Дѣвку поймали, посадили подъ караулъ и предали суду. Но дѣвка была смазлива, а судья — человѣкъ чувствительнаго сердца, и потому непремѣнно хотѣлъ оправдать красавицу, для чего и составилъ слѣдующій приговоръ: «А какъ изъ учиненнаго слѣдствія оказывается, что означенная дворовая жёнка Анисья Петрова вышеупомянутыхъ пяти серебряныхъ ложекъ и таковыхъ же часовъ и табакерки не *крала*, а «просто *взяла*, и съ оными вещами не *бѣжала*, а только такъ *пошла*; «то ее, Анисью Петрову, отъ дальнѣйшаго слѣдствія и суда, какъ въ «винѣ не признавшуюся и не изобличенную, навсегда освободить».

То ли еще бываетъ; да гдѣ же тутъ трагедія?

29 Генваря, Понедѣльникъ. Лапинъ былъ очень хорошій трагическій актеръ и чрезвычайно любимъ Петербургскою публикою. Онъ соединялъ въ себѣ всѣ качества, составляющія отличнаго трагика: счастливую наружность, звучный и гибкій органъ, чистую и правильную

*) Теперь я совсѣмъ не такъ уже думаю, но 52 года въ жизни человѣка большая разница. Я воспретилъ себѣ всякую перемѣну въ изложеніи. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

дикцію. Въ игрѣ его много было благородства, и онъ чрезвычайно напоминалъ собою Флоридора, котораго постоянно бралъ себѣ въ образецъ. Одного не доставало въ немъ: увлеченія, чтó Французы называютъ *entrailles*, и это происходило болѣе отъ недовѣрчивости къ самому себѣ и строгаго благоразумія. И отъ того онъ преимущественно хорошъ былъ въ такихъ роляхъ, которыя этого увлеченія не требовали, какъ-то: въ *Титѣ*, въ *Рославѣ*, въ *Гусманѣ* и проч. Лапинъ перешелъ на Московскую сцену, потому что не поладилъ съ Дмитревскимъ; а не поладилъ по причинѣ дѣлаемыхъ ему притѣсненій, чтобы дать ходъ Плавильщикову, который въ свою очередь спроваженъ въ Москву, чтобы очистить мѣсто Яковлеву. Это разсказывалъ мнѣ дѣдушка, и слова его подтвердили Сила Сандуновъ, Украсовъ и Григорій Ивановичъ Жебелевъ, которые были свидѣтелями всѣхъ этихъ закулисныхъ продѣлокъ. Боже мой! Какъ эти проклятыя исчадія ада, зависть, недобросовѣстность и своекорыстіе, умѣютъ проползти всюду, чтобы помѣшать всякому согласію и уничтожить всякое доброе дѣло въ самомъ его зародышѣ. Конечно мы скудны талантами, но все-таки они изрѣдка появляются, и появлялись бы чаще, если бы однихъ не душила интрига, а другихъ не сбивало съ настоящаго пути невѣжество, богопротивное невѣжество, какъ называетъ его Невзоровъ.

31 Генваря, Середа. Всѣ наши журналисты взволнованы статьею любезнаго пастора Гейдеке подъ заглавіемъ: *Карамзинъ*, помѣщенною во 2-й книжкѣ періодическаго его изданія *Русскій Меркурій*, напечатаннаго въ прошломъ году въ Ригѣ и недавно здѣсь появившагося. Дошла же вѣсть до глухихъ! За эту безподобную статью, которою *Гейдеке* такъ благородно отстаиваетъ Карамзина и такъ хлещетъ его недоброжелателей, я простилъ ему жесткую и несправедливую статью на Штейнсберга, писанную тотчасъ по пріѣздѣ послѣдняго въ Москву, когда онъ еще не успѣлъ сформировать своего театра, ни узнать вкуса публики. Я постараюсь непремѣнно доставить тебѣ эту статью, хотя и въ плохомъ переводѣ: стóитъ прочитать; есть чему порадоваться и о чемъ попечалиться, порадоваться потому, что нашлись и въ числѣ иностранцевъ люди, которые умѣли оцѣнить нашего геніальнаго писателя, а попечалиться о томъ, что не нашлось ни одного человѣка изъ Русскихъ, который бы вооружился за него противу его недоброжелателей, и что честь защищать Карамзина похитилъ у насъ иностранецъ. Правда, этотъ иностранецъ *Гейдеке*: онъ знаетъ Россію, знаетъ Русскій языкъ лучше многихъ Русскихъ, и въ душѣ Русскій.—Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ не разумѣетъ по-нѣмецки, и потому желалъ бы прочитать эту статью по-русски. Я понялъ намекъ и постараюсь пе-

редать ему ее какъ умѣю. Хотя бы что-нибудь удалось сдѣлать для него пріятное за его привѣтливость.

2 Февраля, Пятница. Вотъ что à peu près пишетъ Гейдеке въ своемъ *Русскомъ Меркуріѣ* о Карамзинѣ.

«Извѣстный въ Германіи Россійскій писатель г. Карамзинъ подвергся той же участи, какой подвергаются и всѣ люди, возвышающіеся надъ посредственностію, т. е. онъ находится между двумя партіями, одною доброжелательствующею и другою ему враждебною. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ бо́льшая часть читающей публики нарасхватъ раскупала всѣ изданія, которыхъ заглавія украшены были именемъ Карамзина; но между тѣмъ въ числѣ столькихъ читателей, жаждущихъ сочиненій Карамзина, находились и такіе литературные соглядатаи, которые искали этихъ сочиненій единственно для того, чтобы найти въ нихъ какой нибудь признакъ якобинскихъ правилъ, которыя можно бы было обратить въ предосужденіе сочинителю. Провидѣніе, такъ неусыпно пекущееся о людяхъ добродѣтельныхъ, разрушило всѣ эти козни, и геній-хранитель провелъ Карамзина невредимо посреди мытарствъ цензуры, которая съ такою готовностію обрекала на костеръ свободномыслителей. Любовь Карамзина къ истинѣ и его откровенность остались неизмѣнными во всѣхъ обстоятельствахъ. Съ мужествомъ древняго Римлянина и настоящаго свободнаго гражданина и патріота, онъ не переставалъ совершенствовать Русскій языкъ и обогащать его слово; и когда недоброжелатели его убѣдились, что со стороны политическихъ мнѣній задѣть его нѣтъ возможности, то задумали достигнуть своей цѣли другимъ способомъ: стали унижать достоинство его сочиненій и подвергать сомнѣнію самый его талантъ. Между прочимъ упрекали его въ томъ, что онъ измѣняетъ Русскій языкъ и ослабляетъ силу его выраженій; что онъ вводитъ въ него несвойственные ему обороты рѣчи и новыя слова, отъ чего Русскій языкъ такъ же мало походить будетъ на свой коренной Славянскій, какъ нынѣшній изнѣженный Итальянскій языкъ мало походитъ на Латинскій Цицерона, Ливія и Тацита. На всѣ сіи обвиненія Карамзинъ не отвѣчалъ ничего, и Похвальнымъ Словомъ Екатеринѣ II доказалъ, что онъ не нуждается въ оправданіяхъ. Но закоренѣлая вражда непримирима: многіе почитающіе себя ветеранами Русской литературы, не могутъ простить Карамзину, что онъ въ такихъ молодыхъ лѣтахъ успѣлъ пріобрѣсть такую славу, что современники почитаютъ его любимѣйшимъ своимъ писателемъ».

За симъ Гейдеке объясняетъ, что онъ «не излагаетъ собственнаго мнѣнія своего о сочиненіяхъ Карамзина, потому что, по чувствамъ особеннаго уваженія, которыя онъ питаетъ къ сочинителю, какъ къ

человѣку высокой души и благороднѣйшихъ свойствъ, сужденія его могли бы показаться пристрастными, а ограничивается только нѣсколькими выписками изъ критикъ и рецензій на Карамзина (напечатанныхъ въ 8-й книжкѣ Сѣвернаго Вѣстника 1804 года, издаваемаго г. Макаровымъ, стр. 111), изъ которыхъ ясно безъ всякихъ комментарій усмотрѣть можно, какая изъ двухъ партій справедливѣе въ своихъ сужденіяхъ о Карамзинѣ, доброжелательствующая ему или враждебная. Эти выписки могутъ въ тоже время служить и примѣромъ, какъ доселѣ въ Россіи неосновательны положенія критики въ отношеніи къ словеснымъ наукамъ.

Гейдеке прибавляетъ, что если издателя Сѣвернаго Вѣстника нельзя прямо назвать врагомъ Карамзина, то уже ни въ какомъ случаѣ невозможно считать его въ числѣ людей ему благопріятствующихъ: кромѣ того, что издатель помѣстилъ въ своемъ журналѣ критику на Карамзина, написанную въ тонѣ весьма насмѣшливомъ, онъ еще присовокупилъ къ ней собственное примѣчаніе, въ которомъ говоритъ, что почитаетъ пріятнѣйшею обязанностію засвидѣтельствовать искреннюю благодарность *любезному сочинителю* сей критики; слѣдовательно онъ вполнѣ раздѣляетъ съ нимъ мнѣніе, въ критикѣ изложенное; а между тѣмъ этотъ *любезный сочинитель*, обозрѣвая всѣ рецензіи, которыя напечатаны были въ Московскомъ Журналѣ въ 1797 — 1799 годахъ, издаваемомъ Карамзинымъ, не позаботился даже узнать, которая изъ нихъ написана самимъ Карамзинымъ и которая нѣтъ, и всѣ ихъ приписываетъ одному Карамзину, потому только, что журналъ издавался подъ его именемъ.

Въ заключеніе Гейдеке предлагаетъ свои выписки, о которыхъ распространяться не буду, потому что le secret d'ennuyer est celui de tout dire [1]), и упомяну только о замѣчательномъ окончаніи статьи его. Вотъ оно. «Но если бы г. Карамзинъ захотѣлъ обращать вниманіе на отзывы этихъ партій, еслибы вздумалъ дорожить хвалою непризванныхъ цѣнителей его таланта, или ставить во что-нибудь хулу своихъ завистниковъ; и еслибы, сверхъ чаянія, современники его оказались неблагодарными къ его услугамъ: то пусть удастся ему получить тоже, чего такъ желалъ и что̀ получилъ Овидій: *Si tamen a memori posteritate legar*» [2]).

5 Февраля, Понедѣльникъ. Охота пуще неволи, говоритъ пословица; а я скажу: неволя пуще охоты. Въ Суботу плясалъ до упаду и все

---

[1]) Секретъ наскучить состоитъ въ томъ, чтобы все высказывать.

[2]) Лишь бы меня читало памятливое потомство.

съ такими дамами, которыя безъ меня просидѣли бы цѣлый вечеръ на одномъ мѣстѣ: ихъ никто не ангажировалъ. Какъ весело!

Балъ огромный, но совсѣмъ не такой великолѣпный, какъ того ожидали. Все запросто: точно большой семейный вечеръ. Домъ старинный: пропасть картинъ, статуй, Японскихъ вазъ и Богъ знаетъ чего-чего нѣтъ; но все какъ-то не на виду. Могучій хозяинъ сидѣлъ въ углу передней гостиной съ нѣкоторыми почетными гостями и распивалъ съ ними чай и еще какіе-то напитки. Всѣ они очень были веселы, громко хохотали и, кажется, что-то другъ другу разсказывали. Возлѣ хозяина сидѣли Сергѣй Алексѣевичъ Всеволожскій и Мятлевъ, женатый на графинѣ Салтыковой.

Ужинъ кувертовъ на 200, изобильный, но не пышный; на одномъ столѣ сервизъ серебряный, на другомъ и третьемъ, за которымъ мы сидѣли,—фарфоровый. Услуга проворная; за большимъ столомъ служили все почти старики, а около насъ суетились официанты втораго разряда. Молодая хозяйка почти не садилась и заботилась о дамахъ. О нашей братьѣ, слава Богу, никто не заботился; за то мы сами о себѣ заботились вдвое. Послѣ ужина, который кончился въ 11 часовъ, графъ приказалъ музыкантамъ играть Русскую пѣсню: *Я по цвѣтикамъ ходила*, и заставилъ графиню плясать по-русски. Танцмейстеръ *Балашовъ*, учившій ее Русскимъ пляскамъ, находился тутъ же на балѣ для всякаго случая: иногда графъ заставляетъ и его плясать вмѣстѣ съ дочерью; для этого у нихъ есть пребогатѣйшіе Русскіе костюмы, но на сей разъ они вмѣстѣ не плясали. Въ другихъ же танцахъ почти постоянными кавалерами графини были губернскій предводитель Дашковъ очень тучный, но чрезвычайно легкій на ногу, и молодой человѣкъ Козловъ *), танцующіе точно мастерски. Въ половинѣ втораго часу графъ остановилъ танцы, закричавъ: *пора по домамъ!* Музыка замолкла, и всѣ стали подходить прощаться съ нимъ. Коротко знакомыхъ дамъ онъ иныхъ обнималъ, у другихъ цѣловалъ руки, третьихъ дружески трепалъ по плечу и говорилъ имъ не иначе, какъ *ты*.

Очень удивлялись, отъ чего градоначальникъ не былъ на балѣ, и выводили изъ того разныя заключенія; но говорятъ, что матушка—Москва выводитъ заключенія изъ всего. Такъ чтоже! Въ томъ худаго нѣтъ: всякій будетъ жить осторожнѣе.

Сказывали, что у толстаго Дашкова есть какія-то Датскія собаки, чрезвычайно складныя, необыкновенно красивой шерсти и такого огромнаго роста, что Англичане предлагали ему за нихъ большія суммы.

*) Впослѣдствіи авторъ Чернеца, слѣпецъ и разслабленный.

Разумѣется, Дашковъ предложенія не принялъ и велѣлъ отвѣчать, что Русскій баринъ собаками не торгуетъ.

8 Февраля, Четвергъ. Ѣздилъ къ ректору просить о выдачѣ аттестата. Онъ сердечно радъ отпустить меня скорѣе и совѣтовалъ похлопотать у Антонскаго. Засталъ у него *шестичувственнаго* Брянцева, котораго наши забавники прозвали такъ потому, что добрый профессоръ какъ-то однажды на лекціи объяснялъ, что нѣкоторые извѣстные ученые не безъ основанія признаютъ въ человѣкѣ, вмѣсто пяти, шесть чувствъ, и это шестое чувство называютъ *вожделѣніемъ.* Насмѣшникамъ только попадись на зубки; а между тѣмъ лучше быть шестичувственнымъ, нежели совсѣмъ безчувственнымъ, какъ большая часть зубоскаловъ отъ Адама и до сего дня.

Брянцевъ сказывалъ, что новое изданіе гражданской печатью «Четвероевангелія» покойнаго Харитона Андреевича скоро поступитъ въ продажу по 4 руб. 50 коп. за экземпляръ. Говоря объ этомъ изданіи, удивлялись огромному труду Чеботарева, труду почтенному и безкорыстному, обратившему на себя вниманіе не только всей религіозной публики, но и такихъ учителей церковныхъ, каковъ преосвященнѣйшій митрополитъ Платонъ и другіе. Страховъ, между прочимъ, подтвердилъ, что Чеботаревъ дѣйствительно три раза передѣлывалъ свой сводъ, покамѣстъ не добился до точнаго и непогрѣшительнаго порядка въ повѣствованіи евангельскихъ происшествій. Какова добросовѣстность и каково терпѣніе!

Далеко сынку до батюшки! Нашъ Андрюша съ своей Фелиціей Вильмаръ (пустымъ романомъ Бланшара), съ своими открытіями да воздушными шарами, самъ скоро обратится въ мыльный пузырь. За то Софья Харитоновна *) дѣло другое: умъ серьозный, учености бездна, и въ двадцать лѣтъ, кромѣ древнихъ языковъ, знаетъ столько наукъ и знаетъ такъ основательно, что въ пору было бы иному профессору: это Паскаль въ юбкѣ. За то ужъ и дурна собою—ахъ, Боже мой, какъ дурна! Видно, природа въ дарахъ своихъ всегда соблюдаетъ равенство и замѣняетъ одни другими.

Вотъ какъ иностранцы толкуютъ о Чеботаревѣ:

«Ректоръ Московскаго Университета г. Чеботаревъ издалъ духовное сочиненіе, которое не перестаетъ обращать на себя вниманіе уче-

---

*) Бывшая впослѣдствіи замужемъ за извѣстнымъ докторомъ Мудровымъ.

ныхъ теологовъ: мы говоримъ о *Сводѣ четырехъ евангелистовъ*. Это въ высшей степени занимательное творенiе напечатано было въ Синодальной типографiи и теперь должно скоро появиться напечатаннымъ въ типографiи Университетской, и въ другомъ форматѣ. Чрезвычайно любопытно появленiе такого важнаго творенiя, принадлежащаго по существу своему къ области высшихъ теологическихъ наукъ и написанное лицомъ, непринадлежащимъ къ духовенству, творенiя, требовавшаго столькихъ экзегетическихъ, герменевтическихъ знанiй и критическихъ изслѣдованiй, изъ которыхъ авторъ, къ удивленiю всѣхъ, вышелъ съ такою честью, такъ что, несмотря на превосходство существовавшихъ прежде сочиненiй въ этомъ родѣ и глубокiя изслѣдованiя новѣйшихъ истолкователей, оно не токмо сравнился съ ними, но и превзошелъ ихъ. Впрочемъ, почему же и не ожидать было этого отъ настоящаго ученаго, который, хотя занимался и постороннимъ для своей части предметомъ, но занимался долгое время, съ любовью и неутомимымъ прилежанiемъ? И, говоря объ этомъ ученомъ мужѣ, почему не отвѣчать людямъ, которые, судя по свойствамъ его простодушнаго характера, сомнѣвались прежде въ его талантѣ и удивляются теперь успѣшному окончанiю предпринятаго имъ огромнаго труда—изрѣченiемъ самого Евангелiя, которое такъ изучилъ онъ въ продолженiе полувѣковаго почти труда своего: «Аще у человѣкъ невозможна, у Бога вся возможна суть?»

9 Февраля, Пятница. Очень любопытна сравнительная вѣдомость о цѣнахъ нѣкоторыхъ жизненныхъ припасовъ въ Иркутскѣ и Москвѣ въ продолженiе Генваря мѣсяца прошлаго года. Въ Москвѣ кромѣ дровъ все дешевле, а между тѣмъ утверждаютъ, что въ Сибири жить очень дешево; развѣ потому, что кромѣ насыщенiя желудка нѣтъ другихъ случаевъ къ издержкамъ?—Я воображаю, какъ весело мало-мальски образованному человѣку проводить жизнь въ такомъ краю, въ которомъ единственнымъ наслажденiемъ его можетъ быть удовлетворенiе только скотскихъ побужденiй: аппетита, жажды *и прочаго*; хотя о *прочемъ* тамъ и помину нѣтъ; генералъ Маркловскiй, маленькiй, кругленькiй старичекъ котораго иногда встрѣчаю я во многихъ знакомыхъ домахъ, разсказывалъ, что, въ бытность его въ Тобольскѣ, единственнымъ его разсѣянiемъ были карты и охота, когда дозволяла погода. Прекрасныя занятiя для губернатора! Онъ могъ бы найти и другое разсѣянiе нѣсколько полезнѣе! Этотъ Маркловскiй величайшiй охотникъ до лягавыхъ собакъ и создалъ (видно отъ бездѣлья) какую-то особенную ихъ породу, которая очень уважается охотниками. Впрочемъ Иркутскъ не Тобольскъ. Климатъ въ немъ умѣреннѣе, хотя за то 3 т. верстъ отдаленнѣе Тобольска: милости просимъ закабалить себя тамъ на цѣлую жизнь!

Названіе припасовъ:	Цѣны. Въ Иркутскѣ: Руб.	К.		Въ Москвѣ: Руб.	К.
Ржаная мука, куль	10	—		5	40
Овесъ, четверть	10	80		4	59
Пшеничная мука, пудъ	1	50		1	20
Сѣно	—	50		—	20
Пшено	2	50		1	10
Гречневая крупа	2	40		1	—
Горохъ	2	—		1	45
Масло коровье	12	—	Лучшее	11	—
Говядина	5	—	Лучшая	5	50
Ветчина	8	—		4	—
Свѣчи сальныя	6	—		6	—
Сахаръ	60	—		9	—
Кофе	50	—		11	—
Ведро простаго вина	5	—		4	—
Ведро плохаго винограда, краснаго или бѣлаго	20	—		6	—
Ведро кизлярской водки	65	—		5	80
Плохіе лимоны, десятокъ	10	—	Лучшіе свѣжіе	1	—
Сажень березовыхъ дровъ	1	50		5	—
Сажень еловыхъ дровъ	1	30		4	15
Аршинъ сукна	12	—		4	—
Аршинъ холстины	1	—	Одной доброты	—	40
Десть писчей бумаги	—	50		—	15
Круглая шляпа	18	—	Одинаковой	3	50
Трехъугольная	22	—	доброты и	4	25
Пара сапоговъ	15	—	качества.	3	—
Корова обыкновенная	25	—	Такая же	20	—
Теленокъ	5	—		4	—
Серебряный рубль	2	—		1	29

11 Февраля, Воскресенье. Нашъ Рязанскій атаманъ, Л. Д. Измаиловъ, отправляется завтра въ Спб. Я былъ у него по приказанію отца, который, не знаю почему, видитъ въ немъ какого-то феномена въ родѣ человѣческомъ; но я, грѣшный студентъ, вижу въ немъ только избалованнаго льстецами барича, совершеннаго неуча, который не только не покровительствуетъ просвѣщенію, какъ бы то ему слѣдовало по его званію и богатству, но еще не пропускаетъ ни малѣйшаго случая, чтобы не издѣваться съ какою-то язвительностію не только надъ науками, но и надъ всѣми, которые себя имъ посвятили и носятъ на себѣ благородный отпечатокъ образованности. Для этого Измаилова нѣтъ ничего достойнаго уваженія. Въ книгѣ его дѣяній есть такія страницы, отъ которыхъ захватываетъ духъ и дыбятся волоса. Онъ нѣкогда былъ неизмѣннымъ участникомъ Аѳинскихъ вечеровъ графа Валеріана Александровича Зубова, который иногда любилъ попировать и покуликать на славу, и воображаетъ, что похожъ на Зубова, потому что охотникъ бражничать. Но какая разница! Зубовъ зналъ во всемъ мѣру, былъ

человѣкъ отличныхъ свойствъ, необыкновенно уменъ и такой сердечной доброты, что невольно привлекалъ къ себѣ любовь всѣхъ его знавшихъ; и не даромъ Державинъ, въ то время, когда Зубовъ впалъ въ опалу и возвращенъ изъ Персіи, написалъ къ нему одну изъ прелестнѣйшихъ своихъ одъ, въ которой встрѣчаются такіе глубокомысленные и доказывающіе необыкновенное знаніе человѣческаго сердца стихи, какъ напр.:

О! вспомни въ томъ какъ восхищеньи
Пророча, я тебя хвалилъ:
Смотри,—я рекъ,—*тріумфъ минуту,*
А добродѣтель вѣкъ живетъ!
Сбылось. Игру днесь счастья люту
И какъ оно къ тебѣ хребетъ
Свой съ грознымъ смѣхомъ повернуло,
Ты видишь, видишь, какъ мечты
Сіянье вкругъ тебя заснуло,
Прошло,—*остался только ты.*

*

Остался ты! И та прекрасна
Душа почтенна будетъ въ вѣкъ,
Съ которой ты внималъ несчастна
И былъ въ вельможѣ человѣкъ,
Который съ сердцемъ откровеннымъ
Своихъ и чуждыхъ принималъ,
Старѣйшихъ вкругъ себя надменнымъ
Воззрѣніемъ не огорчалъ.
Ты былъ что есть, и не страшися
Объятія друзей твоихъ.

*

Приди ты къ нимъ! и проч.

Вотъ каковъ былъ Зубовъ; а вотъ и Измайловъ: напоить мертвецки-пьяными человѣкъ пятнадцать небогатыхъ дворянъ-сосѣдей, посадить ихъ еле-живыхъ въ большую лодку на колесахъ, привязавъ къ обоимъ концамъ лодки по живому медвѣдю и въ такомъ видѣ спустить лодку съ горы въ рѣку; или, проиграть тысячу рублей приверженцу своему Шиловскому, вспылить на него за какое-то безъ умысла сказанное слово, бросить проигранную сумму мелкими деньгами на полъ и заставить подбирать его эти деньги, подъ опасеніемъ быть выброшеннымъ за окошко! Капризъ, одинъ только безотчетный капризъ— стихія этого человѣка. Къ сожалѣнію, находятся еще люди, которые ищутъ въ немъ и, не взирая на все униженіе, которому онъ ихъ подвергаетъ, они смотрятъ ему въ глаза, какъ жрецы Далай-ламы своему идолу. Сосѣди проспались и также продолжали безвыѣздно пользоваться его гостепріимствомъ, а депутатъ Шиловскій разбросанныя по полу денежки всѣ подобралъ и опять по временамъ мечетъ ему банкъ, какъ-будто между ними ничего и не происходило. О tempora!

13 Февраля, Вторникъ. Бывшій нашъ учитель Французскаго языка въ пансіонѣ Ронка́, *Лаво*, съ такимъ же учителемъ Алларомъ намѣрены основать обширную торговлю Французскими книгами и завести въ центрѣ города, на Лубянкѣ, книжную лавку. Библіографическихъ знаній у нихъ достанетъ; но достанетъ ли капитала, это вопросъ. Утверждаютъ, что они могутъ поддержать себя, подобно другимъ, оборотами кредита; но это все не надолго: *à la longue* этотъ кредитъ и задушитъ ихъ.

А право желательно, чтобы въ Москвѣ хотя Французская книжная торговля развилась и процвѣла, если уже Русская не развивается и не процвѣтаетъ. Всѣ вообще жалуются на недостатокъ учебныхъ пособій и средствъ къ высшему образованію. Спеціальныхъ и техническихъ книгъ вовсе здѣсь не сыщешь; надобно выписывать изъ Петербурга. Русскіе книгопродавцы не могутъ понять, что для книжной торговли необходимы свѣдѣнія библіографическія; за то и въ какомъ закоснѣломъ невѣжествѣ они находятся? Ни одинъ изъ нихъ не рѣшится предпринять изданіе новой книги на свой счетъ, потому что не сумѣетъ оцѣнить ея достоинства. Увѣряютъ, что извѣстнѣйшіе Московскіе книгопродавцы всѣ очень хорошіе люди, но какая въ томъ прибыль литературѣ и литераторамъ? Ни въ *Мсѣ* и *Грачевѣ*, ни въ *Акоховѣ*, *Нѣмовѣ* и *Козыревѣ* нѣтъ даже Глазуновской смѣтливости, чтобъ кормить типографіи изданіемъ хотя оракуловъ и сонниковъ, а *Клаудій* сдѣлался типографщикомъ. О прочихъ не сто́итъ и упоминать: просто, мелкіе букинисты. Впрочемъ немного добраго сказать можно и объ иностранныхъ книгопродавцахъ: ни одного въ Москвѣ изъ нихъ нѣтъ, котораго можно было бы сравнить съ какимъ-нибудь Гарткнохомъ, Рейхомъ или Николаи, а цѣны за книги назначаютъ баснословныя: опытные люди утверждаютъ, что втрое дороже, нежели онѣ сто́ятъ за границею, да и то промышляютъ большею частью всякимъ хламомъ текущей литературы. Французскія книги еще можно найти у *Riss et Saucet*. Съ тѣхъ поръ какъ завелся здѣсь Французскій театръ, онъ выписываетъ много драматическихъ новинокъ; но Итальянскихъ и Англійскихъ книгъ не сыщешь ни въ одной лавкѣ. Старѣйшій изъ здѣшнихъ книгопродавцевъ, *Ридигеръ*, бывалъ нѣкогда богатъ книгами классической литературы, но теперь жалуются на его бездѣйствіе. *Люби*, *Гари* и *Поповъ* не что иное, какъ обыкновенные содержатели типографіи безъ всякой предпріимчивости, люди отсталые отъ вѣка. Куртнеръ сдалъ торговлю зятю своему Готье, изъ котораго неизвѣстно, что́ еще будетъ, а самъ открываетъ какой-то музеумъ *или* кабинетъ для чтенія (ой, мнѣ ужъ это *или!*) въ домѣ князя Голицына на Лубянкѣ. У *Горна* много старыхъ Нѣмецкихъ книгъ, большею частію педагогическихъ; но о пополненіи своей лавки новыми онъ, кажется, со-

всѣмъ не думаетъ. Теперь выступаетъ на сцену *Лангнеръ* съ собственнымъ своимъ изданіемъ *Отрывковъ иностранной литературы*. Будетъ ли въ немъ прокъ, увидимъ.

Что́ же касается до книжной торговли во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, то пасторъ Гейдеке, который всегда такъ уморителенъ въ своихъ уподобленіяхъ и сравненіяхъ, говоритъ, что она все еще походитъ на осла, играющаго на лютнѣ (gleicht immer einem Esel, der auf der Laute spielt). Этотъ Нѣмецкій *Witz* инымъ покажется не очень понятнымъ, но въ сущности справедливъ: вотъ въ Костромѣ какой-то закоренѣлый раскольникъ съ давнихъ лѣтъ ведетъ обширную торговлю книгами, а между тѣмъ почитаетъ смертнымъ грѣхомъ прикоснуться самъ къ книгѣ, напечатанной гражданской печатью.

15 Февраля, Четвергъ. Наконецъ получилъ я сегодня аттестатъ свой, подписанный вчера Страховымъ, и окончательно распростился какъ съ нимъ, такъ съ Антонскимъ и со всѣми профессорами, кромѣ Мерзлякова, съ которымъ прощусь въ день моего рожденія, 18 числа, у насъ на пирушкѣ. Не думалъ я такъ скоро оставить университетъ и оставить его такимъ олухомъ, въ какомъ-то нравственномъ разслабленіи. А какимъ молодцомъ, съ какими энергическими надеждами и съ какою самоувѣренностію въ непремѣнныхъ успѣхахъ я вступалъ въ него? Вотъ тебѣ и успѣхи! Прежде болѣзнь, а потомъ Липецкъ уходили меня въ притчу: *да не похвалится всяка плоть предъ Богомъ.*

Впрочемъ, все къ лучшему! Съ самаго дѣтства я такъ привыкъ вѣрить въ Промыслъ, что теперь, не будучи ни ханжею, ни суевѣромъ, ни лицемѣромъ, безъ всякаго опасенія и предосторожности пускаюсь въ житейское море, предаваясь какому-то особому безотчетному путеводному чувству. Знаю, что человѣкъ посылается въ этотъ пестрый міръ не для того только, чтобы покоиться на розахъ; но знаю также, что онъ и не осужденъ цѣлую жизнь жариться на рѣшеткѣ Св. Лаврентія. Если Богъ продолжитъ вѣку, придется отвѣдать всего, и горькаго, и сладкаго; но я убѣжденъ въ одномъ, что если мѣра горестей превзойдетъ мѣру радостей, то послѣднія въ замѣну будутъ сильнѣе и живѣе, и—наоборотъ; а потому

Смѣлѣе съ жизнью въ бой
Advienne qui pourrá
Ура! Ура!

16 Февраля, Пятница. Графъ Растопчинъ даже и въ отставкѣ не пропускаетъ ни одного случая, чтобы словомъ или дѣломъ не содѣйствовать славѣ отечества. Теперь одаряетъ всѣхъ знакомыхъ своихъ выгравированнымъ и отпечатаннымъ на счетъ его портретомъ прапор-

щика Емельянова, который въ 1799 году, будучи простымъ солдатомъ, въ сраженіи подъ Цюрихомъ былъ раненъ, взятъ въ плѣнъ и въ плѣну умѣлъ сохранить спасенное имъ знамя, которое послѣ и возвратилъ генералу Спренгпортену по размѣнѣ имъ плѣнныхъ. Вотъ чтобы Измаилову съ его баловствомъ не подражатъ графу, вмѣсто того, чтобъ швырять деньги на удовлетвореніе мелочнаго губернскаго тщеславія и безумныхъ прихотей во вкусѣ временъ феодальныхъ!

Въ Англійскомъ клубѣ дѣлаются большія приготовленія къ принятію князю Багратіона, котораго на дняхъ ожидаютъ. Сказывали, что стихи заказаны П. И. Кутузову и Николеву: мало одного стихотворца, надобно двухъ. Не знаю, почему не составили уже полнаго Парнасскаго тріумвирата, присоединивъ къ нимъ и Хвостова. Рѣшено, что обѣдъ будетъ съ музыкою, а послѣ обѣда будутъ пѣть пѣсельники и Цыгане попеременно. Не знаю, удастся ли мнѣ попасть на этотъ праздникъ, въ число избранныхъ 50 человѣкъ гостей, но во всякомъ случаѣ постараюсь: та бѣда, что желающихъ слишкомъ много, и дѣло не обойдется безъ затрудненій; а признаюсь, очень хочется поближе увидѣть этого витязя, который сдѣлался такъ дорогъ сердцу каждаго Русскаго.

19 Февраля, Понедѣльникъ. Вчерашняя пирушка наша не похожа была на прошлогоднюю: обѣдъ и ужинъ были еще изобильнѣе, и Вакховыхъ даровъ всякаго разбора и качествъ вдоволь, но какъ-то все сбивалось на заупокойную трапезу. За обѣдомъ

„*Холодный царствовалъ разсудокъ,*
Сухихъ приличій важный тонъ“;

а послѣ за ужиномъ хотя гости нѣсколько и поразвеселились, однакоже безъ настоящаго увлеченія. Напитки уничтожались, но вино претворялось въ воду, и хмель, по выраженію Буринскаго, *благословенное чадо безпечности*, отказывался споспѣшествовать общей веселости.

— А знаете ли, господа, отчего мы сегодня сидимъ *повѣсивъ* носы? сказалъ Зловъ, который запѣлъ было «mihi est propositum», и остановился, видя, что никто ему не подтягиваетъ.—А оттого, Петръ Васильевичъ, что мы ихъ не *вздернули*, отвѣчалъ Буринскій. Всѣ засмѣялись.—Не угадалъ, любезный, возразилъ Зловъ: это отъ того, что мы черезъ чуръ жеманимся.—А такъ какъ жеманство есть вывѣска пошлой посредственности, сказалъ Мерзляковъ, слѣдовательно мы сегодня, по мнѣнію вашему, люди посредственные: consequentia valet.—И сегодня и завтра, Алексѣй Өедоровичъ, если захотите быть не тѣмъ, что̀ вы есть. Я запѣваю вамъ одну изъ любимыхъ вашихъ пѣсенъ, и никто изъ васъ не думаетъ подтянуть мнѣ: этого не бывало,

и я недоволенъ вами.—Часто бываешь недоволенъ другими оттого, что недоволенъ самимъ собою, Петръ Васильевичъ.—Буринскій, съостри за меня, это по твоей части; а мнѣ некогда: видишь, дополняю гостямъ стаканы, тружусь.—Оттого-то Алексѣй Ѳедоровичъ и не въ духѣ, что праздные не любятъ трудолюбивыхъ.—Ай да умная голова! вскричалъ Зловъ.—Десятокъ умныхъ головъ не стóитъ одной веселой и доброй души, подхватилъ Мерзляковъ: всѣ умны *по своему*.—Я желалъ бы быть умнымъ *по вашему*, сказалъ Ѳедоръ Павловичъ, и тогда бы я былъ счастливъ!—За доброе слово спасибо, Ѳ. П., мы старые пріятели; но предположеніе твое ошибочно.—Какъ ошибочно? А талантъ, а слава?—Твое восклицаніе годилось бы въ заказную рѣчь для пансіонскаго акта, а за пріятельскимъ ужиномъ оно не у мѣста; талантъ, любезный, не проложитъ пути къ счастію, а славу надобно выстрадать.—Не всегда, Алексѣй Ѳедоровичъ, возразилъ дотолѣ молчавшій, скромный Василій Ивановичъ, не всегда: большею частію талантъ сопровождается общимъ уваженіемъ, и рано или поздно зависть и недоброжелательство должны заплатить дань истинному достоинству и смириться передъ нимъ.—А до тѣхъ поръ, почтеннѣйшій отче, можно десять разъ умереть съ голоду; но впрочемъ, говоря о счастіи, я понималъ его такъ, какъ привыкли его понимать въ свѣтѣ, и повторяю, что счастіе и талантъ—несогласимыя противорѣчія. Дѣло другое въ отношеніи духовномъ, и я постигаю, что настоящее счастіе состоитъ въ одномъ только исполненіи своихъ обязанностей къ Богу и ближнимъ, какихъ бы оно самопожертвованій ни требовало.— Но другаго счастія на землѣ и нѣтъ, любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ; все прочее, чтó называютъ счастіемъ, есть не что иное, какъ только удовлетвореніе страстей.—Согласенъ, Василій Ивановичъ, очень согласенъ съ вами; но для того, чтобы находить счастіе въ самопожертвованіи, надобно возродиться духовно, а покамѣстъ мы не удостоились сей благодати, страсти останутся солью жизни, и безъ нихъ она будетъ безвкусна.

Мы разстались поздно и всѣ невеселы.

20 Февраля, Вторникъ. Помѣщикъ Д. В. Улыбышевъ разсказывалъ въ клубѣ, что въ числѣ умершихъ въ запрошломъ году въ Нижегородской губерніи, 31 т. съ чѣмъ-то душъ, находилось до 25 человѣкъ имѣвшихъ отъ 100 до 120 лѣтъ. (Такое долголѣтіе однакожъ довольно обыкновенно въ Россіи и особенно въ Сибирскомъ краю, въ которомъ люди замѣчательны крѣпостью тѣлосложенія и отличаются умѣренностію въ жизни); но что ему однажды удалось видѣть примѣръ такой долговѣчности, какой вѣроятно никто и нигдѣ не встрѣчалъ.

Наслѣдовавъ послѣ отца небольшое имѣніе въ Рязанской губерніи, онъ ѣздилъ осмотрѣть его, и какъ въ немъ не было господской усадьбы, то ему и отвели у одного зажиточнаго крестьянина, по прозвищу *Генварева*, простую свѣтелку. У самой квартиры встрѣтили его два старика, сѣдые какъ лунь, но еще довольно бодрые, судя по ихъ лѣтамъ, и по обычаю, кланяясь въ землю, просили принять хлѣбъ-соль. «Я, продолжалъ Улыбышевъ, удивился почтенной наружности и благообразію этихъ стариковъ и тотчасъ началъ съ ними ласковый разговоръ: Вы здѣшніе хозяева?—Да, кормилецъ.—А велико у васъ семейство?—Да всѣхъ-то душъ съ пятьдесятъ будетъ.—И живете нераздѣльно?—Нераздѣльно, отецъ родной.—Какъ же вы это умѣщаетесь?—Да вонъ въ трехъ избахъ, а четвертая свѣтлица есть для свадебокъ.—Многоли-жъ тебѣ лѣтъ, старикъ?—Кому, государь, мнѣ или сынку-то?—А это развѣ сынъ твой?—Какъ же, кормилецъ, вишь ему только осьмидесятый съ Петрова дня пошелъ.—Да тебѣ-то сколько-жъ?—Безъ двухъ годковъ сто будетъ. — Хорошо, старина, благодари Бога, что сподобилъ пожить столько; если въ семьѣ старшій есть, такъ и порядокъ есть и дѣло спорится.—Вѣстимо, родимый, безъ старшаго какой урядъ? Вотъ и я остался послѣ родителя батюшки чуть не малолѣтный, годковъ тридцати, и кабы не дѣдушка, дай Богъ ему здравствовать, то проку было бы немного.—А дѣдушка-то долго жилъ?—Да онъ и теперь еще здравствуетъ, только ноги плохо двигаются, все больше на палатяхъ пребываетъ.—Я обомлѣлъ и поскорѣе вошелъ въ избу, въ которой жило семейство этихъ Маѳусаиловъ.—Здорово, дѣдушка, сказалъ я, входя въ избу довольно громко, какъ поживаешь?—А ты кто такой? откликнулся съ палатей голосъ довольно зычный.—Вишь молодой баринъ пріѣхалъ, сказалъ ему внукъ, у насъ въ свѣтлицѣ стоять будетъ.—*Ну щожъ*, на здоровье, проговорилъ старикъ; надо барана зарѣзать, али птицу какую, да выломать медку.—Все есть, отвѣчалъ я, не тревожься старикъ; да скажи, не помѣшалъ ли я тебѣ; а если нѣтъ, такъ вотъ хотѣлъ бы спросить тебя кой о чемъ.—Ну *що жъ*, почему и не спросить; лѣтъ съ десять ничего ужъ не дѣлаю, на одномъ мѣстѣ лежу.—А много лѣтъ тебѣ?—Да Господь вѣдаетъ. Какъ наряжали подъ подводы Государю Петру Алексѣевичу, какъ въ Воронежъ ѣхалъ въ ту пору, было годковъ шестьдесятъ.—И ты видѣлъ Государя и помнишь его?—Ну какъ не помнить! Такой былъ дюжій, да здоровенной; а ужъ любопытный какой, и Господи упаси! Чего самъ не спрошаетъ, такъ другимъ спрошать велитъ; вишь провѣдалъ, что намъ было наказано отмалчиваться передъ нимъ: такъ бывало черезъ другихъ и норовитъ о чемъ-нибудь у насъ допытаться».

Я послѣ справился по ревизской сказкѣ о лѣтахъ этого старика: ему показано было 142 года; но всѣ думаютъ, что въ сущности онъ былъ старѣе. У меня недостало духа поближе взглянуть на эту развалину человѣческую».

Обжегся на молокѣ, будешь дуть и на воду, говоритъ пословица. Повѣривъ разсказамъ о рыбьемъ суквѣ и домашнемъ Шампанскомъ, я, прежде чѣмъ повѣрить разсказу о долговѣчномъ крестьянинѣ, справился кой у кого о самомъ разскащикѣ; общій голосъ въ его пользу: 25 лѣтъ извѣстенъ въ Москвѣ за скромнѣйшаго и правдивѣйшаго человѣка, который, что̀ называется, лишняго слова не пуститъ на вѣтеръ.

21 Февраля, Середа. Сегодня пріѣхалъ генералъ-адъютантъ Государя Уваровъ, а на дняхъ прибудетъ и князь Багратіонъ. Ждутъ также Александра Львовича Нарышкина для окончательнаго устройства и принятія театра въ вѣдѣніе императорской дирекціи. Надобно видѣть, въ какомъ восхищеніи актеры. Директоромъ, говорятъ, назначенъ будетъ Всеволодъ Андреевичъ Всеволожскій. Нельзя было сдѣлать лучшаго выбора: богатъ, живетъ на роскошную ногу, знако̀мъ съ цѣлой Москвой, гостепріименъ и привѣтливъ, имѣетъ свой отличный оркестръ, словомъ настоящій директоръ императорскаго театра. Думаютъ, что это званіе введетъ его въ большія издержки; но чтожъ въ томъ худаго, если богатый человѣкъ употребитъ въ пользу службы свои избытки? Это похвальнѣе чѣмъ живиться и крохоборничать отъ службы, какъ то дѣлаютъ многіе.

23 Февраля, Пятница. Надъ нашей К. И. Яковлевой учреждается опекунство, только не такое нѣжное опекунство, подъ какимъ была она у маменьки и дядюшки до своего совершеннолѣтія. Нѣтъ, это опекунство будетъ тягостное, стѣснительное, жестокое, и стражемъ интересовъ любезной вѣтреницы назначается строгій и разчетливый генералъ Струговщиковъ. Увы! Ее разлучаютъ съ магазинами, съ мадамъ Шалме, Дюпаре́ и прочими отъявленными разбойницами, запрещаютъ забирать въ долгъ на Кузнецкомъ мосту всякое тряпье и подписывать счеты разныхъ усердныхъ прислужниковъ, не взглянувъ на итогъ. Увы, увы! А между тѣмъ имя и званіе искателя приключеній, увозившаго ее, сдѣлалось извѣстнымъ. Это какой-то пожилой полковникъ или генералъ, Дембровскій.

Князь Д. А. Хилковъ, не только не знакомый съ Катериной Ивановной, но и никогда ея не видавшій, играя однажды въ бостонъ у тетки ея, М. И. Суровщиковой, услышалъ, что пріѣхала какая-то дама, и въ другой комнатѣ громко разговариваетъ и поминутно хохочетъ, вдругъ, по-

ложивъ карты на столъ, сказалъ: Ахъ, Боже мой, какіе у этой дамы или барышни прекрасные зубы!—А почему вы такъ заключаете? спросилъ Жеребцовъ.—Да все хохочетъ, отвѣчалъ X., а не имѣя прекрасныхъ зубовъ, женщина хохотать не станетъ.—И въ самомъ дѣлѣ, у нея зубы, что́ твои перлы, и рыжій князь Волконскій увѣряетъ, что онъ далъ бы за каждый по мужику. Бѣдный князь, видно его собственныя плохо жуютъ. Говорятъ, что эта перлозубая вѣтреница чуть ли не выходитъ замужъ за какого-то Шереметева. Пора, пора!

25 Февраля, Воскресенье. Вчера вечеромъ у князя Сибирскаго

Я познакомился съ одною
Распрепочтенною княжною
Елисаветой Трубецкою,

которая съ будущаго года намѣрена издавать *модный журналъ для женщинъ*, подъ заглавіемъ *Амуръ*. Не знаю кто могъ надоумить сіятельную издательницу просить у меня совѣта на счетъ эпиграфа къ будущему ея журналу, только она выбрала совѣтника не впопадъ. Я сказалъ ей, что къ такому журналу, который называется *Амуръ* и будетъ издаваться дамою, пріискать эпиграфъ очень нелегко, и что, по мнѣнію моему, для полнаго успѣха *въ столь важномъ дѣлѣ* ей слѣдуетъ обратиться за совѣтомъ къ кн. Шаликову, какъ лучшему спеціалисту въ столицѣ по части эпиграфовъ, мадригаловъ и всего, что̀ касается до амурной литературы. Княжна осталась очень довольна моимъ указаніемъ на князя Шаликова и хотѣла непремѣнно посовѣтоваться съ нимъ при первой встрѣчѣ *на Прѣсненскихъ Прудахъ*. Въ добрый часъ!

При семъ случаѣ я узналъ, что князь Юрій Трубецкой, переводчикъ съ Французскаго небольшой комедіи подъ заглавіемъ: *Платье безъ галуновъ*, есть близкій родственникъ будущей издательницы *Амура*. Видно, таланты наслѣдственны въ этой фамиліи.

Вотъ и еще одна дама, г-жа фонъ-Фрейтагъ, Марія-Франциска-Регина, урожденная Пфундхеллеръ, переводчица комедіи Гингера *Нашъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ*, и знаменитой Ифландовой драмы *Охотники* (скорѣе Стрѣлки, die Jäger), разрѣшилась оригинальною драмою въ пяти дѣйствіяхъ: *Великодушная Женщина*. Мнѣ случилось прочитать ее, и грѣшный человѣкъ, полагаю, что зрители слишкомъ будутъ *великодушны*, если при представленіи досидятъ до окончанія перваго дѣйствія.

26 Февраля, Понедѣльникъ. Вотъ романъ, такъ романъ, которымъ снабдилъ меня добрый Платонъ Петровичъ Бекетовъ. Во первыхъ, одно имя героя уже приводитъ въ трепетъ: *Донъ Коррадо де-Геррера*! А эпи-

графъ? *Посмотрите, посмотрите! Всѣ законы свѣта нарушены, узы природы прерваны, древняя вражда изъ ада возникла!* Уу! Уу! такъ морозъ и подираетъ по кожѣ! И однакожъ этотъ романъ есть сочиненіе очень добраго, миролюбиваго и умнаго человѣка, бывшаго нашего студента *Гнѣдича.* Нѣкогда въ университетѣ его называли l'étudiant aux échasses, или просто *ходульникомъ,* потому что онъ любилъ говорить свысока и всякому незначительному обстоятельству и случаю придавалъ какую-то важность. Между прочимъ онъ замѣчателенъ былъ неутомимымъ своимъ прилежаніемъ и терпѣніемъ, любовью къ древнимъ языкамъ и страстью къ нѣкоторымъ трагедіямъ Шекспира и Шиллера, изъ коихъ наиболѣе восхищался *Гамлетомъ* и *Заговоромъ Фіеско.* Х. А. Чеботаревъ очень уважалъ его, и когда во избѣжаніе припадковъ подагры или хирагры долженъ былъ по предписанію врачей рѣшаться на сильный моціонъ, то одного только Гнѣдича приглашалъ съ собою играть—въ бабки. Въ Гамлетѣ особенно нравилась Гнѣдичу сцена привидѣнія, а въ Фіеско монологъ Веррины, въ которомъ этотъ безпощадный заговорщикъ (каррикатура на Катона) говоритъ, что онъ «*готовъ распороть себѣ брюхо, вымотать изъ него кишки, свить изъ нихъ веревку и на ней удавиться*». Небось не вѣрится? Не угодно ли взглянуть? Трагедія напечатана у стараго нашего знакомца *Гари,* въ 1803 году, и продается по цѣнѣ неслыханной. И вотъ результатомъ этой страсти къ Гамлету и Фіеско появился Донъ Коррадо де-Геррера, или Духъ мщенія и варварства Испанцевъ!

А Бородулинъ тутъ какъ тутъ: вышелъ романъ, какъ обойдтись безъ эпиграммы?

Коррадо говоритъ,
Что *штуку* онъ такую сотворитъ,
Что лопнетъ адъ со смѣху *).
Онъ сдѣлаетъ потѣху:
Всѣ грѣшники лишатся ада,
Кромѣ читателей Коррада.

Натянулъ злодѣй, крѣпко натянулъ, да какъ быть! Подчасъ обмолвишься и вмѣсто умной глупости скажешь глупость и пошлую.

Гнѣдичъ, который увлекался всѣмъ, что̀ выходило изъ обыкновеннаго порядка вещей, прочиталъ три раза Телемахиду отъ доски до доски, и даже находилъ въ ней *безподобные* стихи, предпринялъ было сочиненіе какой-то драмы въ 15 дѣйствіяхъ, но не успѣлъ по случаю отъѣзда своего въ Петербургъ. Когда пріятели его, въ особенности смѣтливый Алексѣй Юшневскій, стали издѣваться надъ его намѣреніемъ,

*) Подлинное выраженіе Коррадо въ романѣ.

онъ доказывалъ, что большія піесы, въ которыхъ сюжетъ раздѣляется на нѣсколько сутокъ, совсѣмъ не диковина; что, не говоря уже о Нѣмецкихъ народныхъ представленіяхъ, каковы напр. Русалка и проч., состоящихъ изъ трехъ и болѣе частей, есть у Шиллера трагедія *Валенштейнъ* въ двухъ частяхъ, также какъ и у Шекспира *Король Генрихъ*, въ трехъ; а наконецъ, въ подтвержденіе своей мысли онъ откопалъ въ какой-то старой завалявшейся книгѣ, что въ Италіи (помнится въ Генуѣ) была представлена піеса: *Генрихъ IV*, въ 15-ти дѣйствіяхъ и 3-хъ частяхъ. Ее давали по три дня сряду, и каждую часть подъ особымъ названіемъ: 1) *Генрихъ король Наварскій при Французскомъ дворѣ;* 2) *Генрихъ IV въ лагерѣ*, или *сраженіе при Иври*; и 3) *Генрихъ IV на престолѣ*, или *торжественное вступленіе его въ Парижъ*.

А для чего вся эта театральная эрудиція, если не для извиненія безразсуднаго литературнаго предпріятія?

27 Февраля, Вторникъ. Бывшій Тамбовскій губернаторъ Александръ Борисовичъ Палицынъ, съ сыномъ котораго я учился въ пансіонѣ Ронка́, затащилъ меня къ себѣ по старому знакомству съ Тамбовскими моими родными. Преинтересный старикъ! Онъ кой-что пописывалъ и во время губернаторства, а теперь сдѣлался литераторомъ не на шутку; ни на часъ безъ дѣла, и занимается переводами сочиненій большею частію серьёзныхъ, перевелъ и издалъ: Макартнея, Делилевъ Диѳирамбъ на безсмертіе души, твореніе Жирардена о составленіи ландшафтовъ и Новую Элоизу Руссо. Кромѣ того я видѣлъ у него въ манускриптахъ почти уже изготовленныя къ изданію поэмы: Времена года Ст. Ламбера, и Сады аббата Делиля, и еще очень любопытное посланіе къ *Привѣтѣ*, или воспоминаніе о нѣкоторыхъ Россійскихъ писателяхъ его времени. Вотъ каковы! Кажется, этотъ эксгубернаторъ съ большею пользою употребляетъ свое время, чѣмъ эксгубернаторъ добрѣйшій Маркловскій, составитель новой собачьей породы.

У Палицына встрѣтился я съ Алексѣемъ Дурновымъ, роднымъ племянникомъ земляка твоего Александра Воейкова, который задаетъ такіе славные литературные вечера и попойки Мерзлякову, Жуковскому, Измаилову, Мартынову, Сумарокову, Каченовскому и многимъ другимъ у себя въ домѣ на Дѣвичьемъ полѣ. Дурновъ, отлично играющій на скрипкѣ и флейтѣ и вообще величайшій охотникъ до музыки, съ энтузіазмомъ разсказывалъ объ изобрѣтеніи какимъ-то Парижскомъ часовщикомъ *Лораномъ* необыкновенной флейты изъ хрусталя, издающей такіе очаровательные звуки, что, слушая ихъ, какіе бы кто крѣпкіе нервы ни имѣлъ, а непремѣнно разразится рыданіемъ. Но это изобрѣтеніе ничто въ сравненіи съ тѣмъ, о которомъ разсказывала возвратившая-

ся изъ чужихъ краевъ извѣстная здѣшняя богачка Шепелева. Въ бытность ея въ Парижѣ выдумали и ввели въ большую моду какія-то прозрачныя рубашки, о которыхъ путешественница отзывалась съ восторгомъ такими словами: «не можете представить себѣ, что́ это за прелестныя сорочки; какъ надѣнешь на себя, да осмотришься, ну такъ таки все насквозь и виднехонько».

28 Февраля, Середа. Утромъ заѣзжалъ къ откупщику Устинову, который иногда снабжаетъ меня по переводу отца деньжонками: *почиваетъ*! Заѣзжалъ къ нему во 2-мъ часу: *почиваетъ*! Заѣзжалъ вечеромъ, и отвѣтъ тотъ же, только въ множественномъ числѣ: *почиваютъ*! Ахъ, ты Господи! Со мною чуть ли не дѣлается тоже, что̀ съ однимъ путешественникомъ, который, пріѣхавъ въ Астрахань, тотчасъ отправился къ тамошнимъ Индѣйцамъ смотрѣть ихъ идоловъ. «Можно видѣть пагоду? спрашиваетъ онъ у привратника.—Нельзя, отвѣчаетъ привратникъ: идолы почиваютъ!—А когда же ихъ видѣть можно?—Когда проснутся.—Когда же они проснутся?—А когда *всѣ* въ городѣ започиваютъ.

На что̀ же тутъ ученье, если надобно къ разбогатѣвшему цѣловальнику ѣздить три раза въ день изъ собственныхъ своихъ ста-пятидесяти рублей, а онъ все почивать будетъ?

Разсказывали объ одномъ помѣщикѣ Долговѣ, большомъ ревнивцѣ, которому, по его мнѣнію, измѣнила молодая жена. Сутки двои или трои разъѣзжалъ онъ по роднымъ и знакомымъ своимъ разсказывать постигшее его бѣдствіе и объяснять всѣ подробности измѣны и случай, по которому онъ будто бы узналъ о ней. Никакія увѣщанія и представленія этихъ родныхъ и знакомыхъ и всѣ ихъ доводы къ извиненію поступка жены (какъ, напримѣръ, что онъ могъ ошибиться, что ненадобно принимать такъ горячо къ сердцу маленькаго кокетства молодой женщины и проч.) не могли успокоить несчастнаго мужа. Онъ хотѣлъ завести процессъ, покамѣстъ не напалъ на Михайла Константиновича Рѣдкина, очень-хладнокровнаго, очень добраго и чрезвычайно-здравомыслящгго и начитаннаго старика съ сократовской физіономіей. «А вотъ, изволишь видѣть, мой любезнѣйшій другъ» говорилъ Рѣдкинъ Долгову: «если и самомъ дѣлѣ приключеніе такое съ тобою послѣдовало и тебя не обманули глаза, такъ, по мнѣнію моему, все-таки печалиться очень не имѣется достаточной причины. Случалось ли тебѣ читать «Премудрость Соломоню», сирѣчь его «Притчи?» Если не случалось, такъ вотъ прочитай, что́ онъ, величайшій изъ всѣхъ мудрецовъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ, глаголетъ въ главѣ 30, стихѣ 18—20. Слѣдовательно, ужъ если великій Соломонъ почитаетъ невозможнымъ *уразумѣтъ* подлинность содѣянной невѣрности потому,

что она не оставляетъ по себѣ слѣда, такъ ужъ намъ-то съ тобой и подавно нечего искать, съ позволенія сказать, *пустаго мѣста*».

Вотъ чтó значитъ настоящее краснорѣчіе и кстати приведенный примѣръ изъ древнихъ писателей! Мужъ подумалъ, утѣшился и теперь опять разъѣзжаетъ по знакомымъ, но только для того, чтобъ каяться предъ ними въ слишкомъ поспѣшномъ и напрасномъ обвиненіи жены своей.

2 Марта, Пятница. Вчера изъѣздилъ полъ-Москвы съ поздравленіями имянинницъ и насилу сегодня отдохнулъ. Будь это не по обязанности, изъѣздилъ бы всю Москву и конечно бы вовсе не усталъ. Таковъ человѣкъ! Кончилъ день у Авдотьи Петровны Карамышевой, въ надеждѣ встрѣтить Петра Степановича Молчанова, котораго хозяйка завербовала къ себѣ въ племянники; но, вмѣсто этого любезнаго человѣка, встрѣтилъ братца ея, извѣстнаго кащея, Василья Петровича Нестерова, и нѣсколькихъ другихъ вовсе невзрачныхъ рожъ, которыя только и толковали, что о доходахъ да о количествѣ принадлежащихъ имъ душъ, вѣроятно, des véritables *âmes en peine* *). Тётушка очень сѣтовала на племянника, говорила прежде какими-то обиняками, а наконецъ, передъ ужиномъ, разразилась прямымъ и очень яснымъ упрекомъ: «Нынче, батюшка, случайные родные неслучайныхъ родныхъ и знать не хотятъ. Вотъ и нашъ оберъ-прокуроръ не удостоилъ насъ своимъ посѣщеніемъ». Нечего сказать, превеселый вечеръ! Да и по дѣлóмъ: не умничай, и если тебѣ хорошо, то не ищи лучшаго. Отвечерялъ бы на Поварской, у Небольсиной, такъ нѣтъ: мы, видишь ты, прозираемъ въ будущее!

Получилъ письмо изъ Петербурга: просьба моя съ аттестатомъ представлена въ Иностранную Коллегію, и я въ скорости опредѣленъ буду. Зять Лабата, лейбъ-хирургъ Иванъ Петровичъ Эйнбродтъ, просилъ министра Будберга, который далъ приказаніе не медлить опредѣленіемъ. Альбини же пишутъ, что они въ концѣ Апрѣля будутъ въ Москвѣ и надѣются, что я провожу ихъ въ Липецкъ; а за то, по окончаніи сезона водъ, они проводятъ меня въ Петербургъ. Schwester Dorchen отъ себя прибавляетъ, что, по принятымъ мѣрамъ, я, не смотря на опредѣленіе въ службу, могу до осени пожить на свободѣ, подъ предлогомъ пользованія Липецкими минеральными водами. Кажется, все улаживается по желанію, какъ нельзя лучше.

Благодаря покровителямъ моимъ, я попалъ въ число гостей на завтрашній обѣдъ въ Англійскомъ клубѣ; слѣдовательно увижу героя

*) Душъ, подлинно находящихся въ страданія (чей-то стихъ).

Багратіона лицомъ къ лицу; а праздникъ долженъ быть на славу: у садовниковъ Лебедева и Соколова подряжено однихъ цвѣтовъ для уборки лѣстницы и померанцевыхъ деревьевъ для украшенія стола, на двѣсти рублей.

4 Марта, Воскресенье.

Гость.—Благодарю за угощенье,
За ласку и за все-про все.
—Мысль хороша но исполненье (*въ сторону*),
Мнѣ кажется, ни то ни се.
Изъ оперы „Откупщикъ-хлѣбосолъ".

Конечно, князь Багратіонъ не только сказать, но и подумать этого не можетъ. Пріемъ торжественный, радушіе необыкновенное, энтузіазмъ неподдѣльный и угощеніе подлинно на-славу: вотъ чтò вчера встрѣтилъ желанный гость въ Англійскомъ клубѣ.

Столъ накрытъ былъ кувертовъ на 300, т. е. на все число наличныхъ членовъ клуба и 50 человѣкъ гостей; убранство великолѣпное, о провизіи нечего и говорить. Все, чтò только можно было отъискать лучшаго и рѣдчайшаго изъ мясъ, рыбъ, зелени, винъ и плодовъ—все было отъискано и куплено за дорогую цѣну; а тѣ предметы, которыхъ, по раннему времени года, у торговцевъ въ продажѣ не было, доставлены богатыми владѣльцами изъ подмосковныхъ оранжерей безплатно: всѣ наперерывъ старались оказать чѣмъ-нибудь свое усердіе и участіе въ угощеніи.

Ровно въ два часа пополудни (обыкновенное время обѣдовъ въ клубѣ) пріѣхали: князь Багратіонъ, градоначальникъ и генералъ-адъютантъ Уваровъ, и вмѣстѣ вошли въ большую гостиную. Члены клуба, жадничая видѣть ближе героя, такъ столпились вокругъ его и въ дверяхъ, что старшины, предшествовавшіе ему и градоначальнику по обязанности, въ качествѣ хозяевъ, насилу могли проложить имъ дорогу. Князь Багратіонъ имѣетъ физіономію чисто-Грузинскую: большой съ горбиною носъ, брови дугою, глаза очень умные и быстрые; но въ тѣлодвиженіяхъ онъ показался мнѣ не очень ловкимъ.

Лишь только отворили двери въ столовую, оркестръ заигралъ тотъ же вѣчный Польскій, которымъ всегда начинаются танцы въ Благородномъ Собраніи: *Громъ побѣды раздавайся*! а старшины поднесли князю на серебряномъ подносѣ привѣтные стихи и тотчасъ же потомъ начали раздавать, или, вѣрнѣе, совать ихъ въ руки прочимъ присутствующимъ. Мнѣ досталось три экземпляра этого высокопарнаго произведенія Николева, въ которомъ, разумѣется, не обошлось безъ Тита, Цезаря, Алкида и прочихъ нехристей. Вотъ послѣдніе стихи:

Славь тако Александра вѣкъ
И охраняй намъ Тита на престолѣ.
Будь купно страшный вождь и добрый человѣкъ,
Рифей въ отечествѣ, а Цесарь въ бранномъ полѣ.
Да счастливый Наполеонъ,
Познавъ чрезъ опыты каковъ Багратіонъ,
Не смѣетъ утруждать Алкидовъ Росскихъ болѣ.

За обѣдомъ князь сидѣлъ между двумя Александрами: А. А. Беклешовымъ и А. Л. Нарышкинымъ, а противъ нихъ двое старшинъ, для угощенія. За Нарышкинымъ особенно ухаживали князья Циціановъ и Грузинскій и В. А. Всеволожскій, подчивая его то тѣмъ-то другимъ, и надобно отдать ему справедливость, что онъ не обижалъ отказомъ. Съ Уваровымъ не разставался красавецъ генералъ, князь Андрей Ивановичъ Горчаковъ, племянникъ Суворова, командующій здѣсь какимъ-то полкомъ (чуть-ли не Нашебургскимъ).

Съ третьяго блюда начались тосты, и когда дежурный старшина, бригадиръ графъ Толстой, вставъ, провозгласилъ: «Здоровье Государя Императора!» всѣ, начиная съ градоначальника, встали съ мѣстъ своихъ, и собраніе разразилось такимъ громогласнымъ «ура», что, кажется, встрепенулся бы и мертвый, еслибъ въ толпѣ этихъ людей, одушевленныхъ такою живою любовью къ государю и отечеству, могъ находиться мертвецъ. За симъ послѣдовалъ тостъ въ честь князя Багратіона, и такое же громкое «ура» трижды опять огласило залу. Но вмѣстѣ съ этимъ «ура» грянулъ хоръ пѣвчихъ, и вотъ раздалась, наконецъ, кантата Павла Ивановича Кутузова:

Тщетны Россамъ всѣ препоны;
Храбрость есть побѣдъ залогъ;
Есть у насъ Багратіоны:
Будутъ всѣ враги у ногъ!

Впродолженіе пѣнія этихъ комплетцовъ, какъ называлъ ихъ умный циникъ З. Н. Посниковъ (вмѣсто куплетцовъ), сочинитель поминутно выскакивалъ изъ-за стола, подбѣгалъ то къ градоначальнику, то къ князю Багратіону и къ другимъ почетнымъ лицамъ и одѣлялъ всѣхъ, кто только попадался подъ руку, экземплярами своей кантаты. Простодушный старикъ Бабеновъ, которому достался также экземпляръ этой кантаты, прочитывая ее нѣсколько разъ, никакъ не могъ вразумиться, кому именно принадлежатъ эти ноги, у которыхъ будутъ враги, упоминаемые въ послѣднемъ куплетѣ, и адресовался ко многимъ съ просьбою разрѣшить его недоумѣніе. «Тутъ нечего и думать», преважно замѣтилъ ему красноносый весельчакъ Дружининъ, «смыслъ этого стиха (будутъ всѣ враги у ногъ) есть тотъ, что всѣ враги бу-

дутъ побѣждены нами, т. е. Русскими. Конечно, авторъ могъ бы сказать это яснѣе: «будетъ врагъ у нашихъ ногъ»; но, какъ быть? Въ пылу поэтическаго вдохновенія немудрено ошибиться выраженіемъ. Ай-да толки! Вотъ что̀ называется пересыпа̀ть изъ пустаго въ порожнее.

Между тѣмъ тосты продолжались: сперва въ честь почтеннаго начальника Александра Андреевича, А. Л. Нарышкина и генералъ-адъютанта Уварова, потомъ нѣкоторыхъ почтенныхъ Москвичей: князя Долгорукова, Апраксина, Валуева и многихъ другихъ, и наконецъ, старшинъ клуба и всѣхъ его членовъ. Эти тосты были причиною, что многіе нечувствительно понаклюкались. По окончаніи обѣда гости перешли въ гостиную, и тамъ старшины объявили князю Багратіону, что онъ единогласно и безъ балотировки избранъ членомъ клуба въ воспоминаніе того дня, въ который онъ осчастливилъ клубъ своимъ посѣщеніемъ. Этой церемоніи я не видалъ, потому-что въ гостиную попасть не могъ—et pour cause.

Многіе утверждали, что генералъ Уваровъ присланъ отъ Государя съ секретнымъ порученіемъ узнать мнѣніе Московской публики насчетъ несчастнаго Аустерлицкаго сраженія и дѣлаемыхъ приготовленій къ новой войнѣ съ Французами. Не думаю: это просто пустыя разглагольствія. Государь, вѣроятно, знаетъ и безъ того, что мнѣніе Москвы состоитъ единственно въ томъ, чтобы не имѣть никакого мнѣнія, а дѣлать только угодное Государю, въ полной къ нему довѣренности.

7 Марта, Среда. Нейкомъ написалъ прелестную музыку на двѣ небольшія комическія интермедіи, сочиненія Гунніуса: Der Schauspiel-Director und Ehestand—Wehestand. [1]) Какой разнообразный и вмѣстѣ какой трудолюбивый талантъ этотъ Нейкомъ! Не проходитъ недѣли, чтобы онъ не попотчивалъ публику чѣмъ-нибудь новымъ: то сочинитъ сонату, то симфонію, то квартетъ, и вотъ, pour changer [2]), написалъ въ одно почти время двѣ интермедіи! Теперь оканчиваетъ хоры для элегическо-драматическаго представленія, которое будетъ дано въ воспоминаніе усопшаго Штейнсберга. Это Elegisch [3]) dramatiche Vorstellung сочинилъ Гейдеке. Начало не слишкомъ поэтическое:

Auch hieger jagt das ruhelose Herz,
Verfolgend unbesiegbar mit derbem Schmerz [4])

(т. е. какъ водится у Нѣмцевъ: гдѣ Herz, тутъ и Schmerz)

---

[1]) Директоръ театра и Брачное положеніе—горькое положеніе.

[2]) Для перемѣны.

[3]) Элегически-драматическое представленіе.

[4]) Даже сюда стремится безпокойное сердце, неустанно преслѣдуемое горькимъ страданіемъ.

Entflohne Lust
Aus Freundes Brust [5])

и опять, разумѣется, гдѣ Lust, тутъ и Brust; однакожъ умный пробстъ скоро поправляется:

Der Liebe Thränen,
Der Freundschaft Sehnen
Ist alles nicht genug die Vorsicht zu versöhnen,
Den Menschen Werth durch Menschen Todt verhöhnen [6]).

Но дѣло не въ стихахъ, а въ музыкѣ. Я слышалъ нѣкоторые хоры—прелесть! Передъ пьесою исполненъ будетъ небольшой реквіемъ, сочиненія также Нейкома; есть аккорды, раздирающіе душу.

По смерти Штейнсберга какъ-то пропадаетъ охота ѣздить къ Нѣмцамъ. Ни скромная прелестница *Шредеръ*, ни болтливая кокетка *Кафка*, однѣ не въ-состояніи поддержать тѣхъ пьесъ, въ которыхъ играли онѣ съ Штейнсбергомъ. Устоятъ развѣ однѣ только большія оперы, по милости Соломони, Гальтенгофа и Гунніуса.

Въ два съ небольшимъ года Штейнсбергъ «Русалками», «Чертовою Мельницею» и «Духовидцемъ» (Das neue Sonntagskind) пріобрѣлъ тысячъ до 20 рублей, которые оставилъ женѣ своей, доброй, безталанной Нѣмочкѣ. Будетъ ли она умѣть сохранить ихъ? Едва-ли. Чудное дѣло! Кажется, вдова Штейнсберга должна была бы въ своемъ кругу внушать къ себѣ уваженіе, а между тѣмъ этого вовсе нѣтъ. Вотъ ужъ она и сбирается въ Петербургъ вмѣстѣ съ Кистеромъ. Добрый путь, милая Anastasia! Мы не забудемъ вашего супруга, а снѣгирь Nemo не забудетъ васъ и вашей полновѣсной пощечины.

8 Марта, Четвергъ. Штейнсбергъ былъ не только отличный актёръ, но и отличный поэтъ. Хотя поэзія его, какъ поэзія и всѣхъ Нѣмецкихъ студентовъ, воспитывавшихся подъ вліяніемъ Кантовой философіи, нѣсколько отвлеченна и туманна; но за-то недостатокъ этотъ искупается необыкновенною энергіею мыслей и выраженій. Рифмы Штейнсбергу ни почемъ и нисколько его не затрудняютъ. Какъ хороши его октавы, къ которымъ прибранъ имъ такъ счастливо эпиграфъ:

Si male nunc, non olim sic erit [7]).
Der Gegenwart will sich der Geist entschwingen! и проч. [8])

---

[5]) Отлетѣвшая радость изъ груди друга.

[6]) Слезы любви, тоска дружбы, всего этого недостаточно для умилостивленія судьбы, смертью человѣка посмѣвающейся надъ достоинствомъ человѣка.

[7]) Если плохо теперь, то никогда не будетъ такъ.

[8]) Духъ желаетъ воспарить надъ настоящимъ.

Все стихотвореніе отъ начала до конца выдержано мастерски, а окончаніе его въ особенности превосходно. На дняхъ спишу его непремѣнно цѣликомъ, на досугѣ переведу и посвящу Мерзлякову. Это, вопервыхъ, будетъ посильная дань моей къ нему благодарности, а вовторыхъ—небольшой косвенный упрекъ за то, что онъ не любитъ Нѣмецкихъ поэтовъ.

10 Марта, Суббота. Послѣ клубнаго обѣда князю Багратіону и послѣ частныхъ угощеній, которыми Москва чествовала дорогаго гостя и другихъ Петербургскихъ пріѣзжихъ, она отдыхаетъ. Пора! Надобно же веселой старушкѣ Москвѣ переварить всѣ съѣденныя ею стерляди и выпитое Шампанское. Теперь настоящій постъ: тихо и смирно, ни обѣдовъ, ни новостей.

Говорятъ, что обязанности скучны; но я начинаю находить, что скучно и безъ обязанностей. Рѣшился опять таскаться по лекціямъ, чтò очень утѣшаетъ моего Петра Ивановича; а между тѣмъ продолжается переписка насчетъ моего опредѣленія въ службу. Не знаю, кàкъ благодарить моихъ добрыхъ покровителей за всѣ хлопоты, которыя они на себя по сему случаю принимаютъ.

У князя Ивана Сергѣевича Гагарина встрѣтилъ я знаменитаго живописца Тóнчи. Онъ женатъ на старшей дочери князя. Сѣдъ какъ лунь. Судя по виду, ему должно быть лѣтъ около шестидесяти; но, по живости разговора, нельзя дать ему и сорока. Онъ занималъ всю бесѣду. Удивительный человѣкъ! Кажется, живописецъ, а стóитъ любаго профессора: все знаетъ, все видѣлъ, всему учился. Толковалъ о политикѣ, наукахъ, современныхъ открытіяхъ, разсказывалъ разные анекдоты, одинъ другаго занимательнѣе. Я слушалъ разиня ротъ, и не видалъ какъ пролетѣло время. Между прочимъ, онъ сказывалъ, что когда въ Луккѣ захотѣли образовать муниципалитетъ, то одинъ острякъ изъ слова municipalità сдѣлалъ прекрасную анаграмму, которая можетъ идти за эпиграмму: Capi mal uniti [1]. Разсуждая о сходствѣ Латинскаго и Итальянскаго языковъ, онъ разсказалъ слѣдующій анекдотъ. Нѣкоторые богатые жители въ Веронѣ, построивъ часовню Богоматери, захотѣли украсить ее приличною надписью; но вышло затрудненіе: одна половина строителей желала, чтобъ надпись сдѣлана была на Латинскомъ языкѣ, а другая настаивала, чтобъ она была на Итальянскомъ. Долго продолжался споръ, покамѣстъ одинъ находчивый академикъ не помирилъ обѣ стороны, сдѣлавъ слѣдующую надпись:

---

[1]) Головы плохо подобранныя.

In mare, in terra, in subita procella
Invoquo te Maria, benigna stella [1]).

Всѣ были удовлетворены: для однихъ надпись была Латинская, для другихъ Итальянская. Въ примѣръ необыкновенной гибкости Латинскаго языка, Тончи написалъ одну фразу, которую читай какъ хочешь, съ начала или съ конца, буква въ букву, и она сохраняетъ свой смыслъ:

In girum imus noctu ut consumimur igni [3])

Что́ за любезный человѣкъ, и съ какимъ многосложнымъ образованіемъ этотъ Тончи! Послѣ всего, что̀ я слышалъ о немъ и отъ него, не удивляюсь, что Русская княжна вышла за Итальянскаго живописца. Онъ страстно любитъ литературу и самъ пишетъ стихи. Микель-Анджело и Сальваторъ-Роза были также поэты. Въ альбомѣ одной изъ его свояченицъ я читалъ написанные имъ стихи; не ручаюсь, чтобъ они были его сочиненія, но, во всякомъ случаѣ, выборъ дѣлаетъ честь его вкусу.

Il passato non è, ma se lo finge
La vana rimembranza.
Il futuro non è, ma se lo pinge
L'indomita speranza.
Il presente sol è, ma in un baleno
Passa del nulla in seno.
Dunque, la vita è appunto
Una memoria, una speranza, un punto [4]).

Тончи теперь мало занимается живописью и пишетъ иногда только портреты съ родныхъ жены своей. Портретъ, написанный имъ съ стараго князя—произведеніе образцовое: кромѣ необычнаго сходства, какая работа и какой колоритъ! Точно живой, такъ и выходитъ изъ полотна; но, говорятъ, что этотъ портретъ, какъ онъ ни превосходенъ, ничто въ сравненіи съ портретомъ Державина, писаннымъ въ Петербургѣ. Тончи ни за что̀ не хотѣлъ представить поэта въ парикѣ, а Державинъ не соглашался писать себя плѣшивымъ, и потому художникъ придумалъ надѣть на него Русскую соболью шапку. Сказываютъ, что это верхъ совершенства.

---

[1]) На морѣ, на землѣ, во время внезапной бури, призываю тебя, Марія, благословенная звѣзда.

[3]) Мы входимъ ночью въ кругъ, чтобы быть охваченными огнемъ.

[4]) Нѣтъ прошедшаго, но его воображаетъ тщетное воспоминаніе. Нѣтъ будущаго—его срисуетъ необузданная надежда. Есть одно настоящее, но въ одно мгновеніе оно переходитъ въ лоно небытія. Итакъ поистинѣ жизнь есть воспоминаніе, надежда, мгновеніе.

14 Марта, Среда. Здѣшній губернскій предводитель, князь Дашковъ, сынъ знаменитой княгини Екатерины Романовны, получилъ Александровскую ленту. По сему случаю князь, несмотря на великій постъ, хотѣлъ дать огромный балъ и пировать на славу, но главнокомандующій отсовѣтовалъ; говоритъ: «неприлично; лучше дай обѣдъ, или подожди до Пасхи». Князь согласился съ радостью, а между тѣмъ беретъ четырехъ сиротъ изъ бѣдныхъ дворянъ на свое воспитаніе. Добрякъ!

А. С. Черепановъ разсказывалъ, что сосѣди его, здѣшніе откупщики, по простонародному «компанейщики», перессорились между собою изъ пустяковъ. Пріѣхавъ вечеромъ съ какого-то обѣда на засѣданіе въ контору, одинъ изъ трехъ присутствовавшихъ расхвастался передъ товарищами объ услугахъ его общему дѣлу, утверждая, что, еслибъ не онъ, то не миновать бы убытковъ, и вся бы компанія къ чорту. Это задѣло за живое твоего beau-frère, Прокофья Михайловича Семенова, который не безъ основанія полагалъ себя посмышленѣе, и вотъ онъ, пріосанившись, отвѣчалъ: «Можетъ быть, и такъ, Петръ Тимоѳеичъ. Конечно, ты мудрёнъ, а всетаки загадки моей не разгадаешь».—«Ну-ка, попробуй загадать; такъ увидишь, что разгадаю».—«Нѣтъ, не разгадаешь».—«Да ужъ разгадаю»,живо отвѣчалъ Бородинъ.—«Ну, слушай, Петръ Тимоѳеичъ, да слушай обоими: эйнъ, цвей, дрей—что̀ это такое?» Бородинъ призадумался, понасупился и вспыхнулъ.—«Ну, слушай же ты меня, Прошка! Этой загадки, конечно, я не разгадаю, да ужъ и обиды такой тебѣ не спущу: откупъ лопни хоть сейчасъ, а я тебѣ не дольщикъ'» Съ этими словами онъ вскочилъ съ кресла—и былъ таковъ! На другой только день хромой *Соловой* успѣлъ помирить товарищей.

21 Марта, Лазарева Субота. Гулянье на славу! Погода прекрасная. Небольшой морозъ осушилъ площадь. Щегольскихъ экипажей множество. Были кавалькады, въ которыхъ отличились князь Касаткинъ и Зотовъ, первый на какомъ-то Арабскомъ или Турецкомъ жеребцѣ, который все время прыгалъ подъ своимъ всадникомъ. Сѣдло и сбруя Турецкія, облитыя золотомъ и украшенныя драгоцѣнными каменьями—очень картинно; но было бы еще картиннѣе, еслибъ всадникъ самъ былъ въ Турецкомъ костюмѣ, а то убранство лошади не согласовалось съ синимъ фракомъ и чернымъ спенсеромъ: точно какъ будто и сѣдло, и мундштукъ взяты были на прокатъ у Лухманова. Другой выѣхалъ настоящимъ Англійскимъ джентльменомъ: на рыжемъ жеребцѣ съ проточиною во весь лобъ, сбруя новенькая, только что изъ мастерской Шульца, легонькій мундштукъ съ серебряными удилами; самъ всадникъ въ черномъ фракѣ и сапогахъ съ отворотами—просто, красиво и на-

рядно. Княжны Щербатовы изъ новой зеленой кареты своей глазъ съ него не спускали; да видишь, не то время!

Обѣдалъ у Катерины Александровны *) и, къ великому моему удовольствію, встрѣтилъ, наконецъ, почтеннаго Якова Ивановича Булгакова, котораго такъ давно мнѣ хотѣлось увидѣть поближе. Онъ живетъ неподалеку отъ Катерины Александровны и называетъ ее милой сосѣдушкой. Яковъ Ивановичъ находился въ дружескихъ связяхъ съ покойнымъ ея мужемъ, и оба были близки къ князю Потемкину. Булгаковъ имѣетъ замѣчательную наружность: лицо умное и серьезное, однакожъ не безъ пріятности; довольно тученъ, но въ движеніяхъ свободенъ и ловокъ; говоритъ какъ книга. Гдѣ онъ не былъ, чего не видалъ и чего не испыталъ въ своей жизни! Трудолюбіе—отличительное его качество. Говорятъ, что онъ не можетъ ни минуты оставаться празднымъ: не пишетъ, такъ читаетъ. П. И. Страховъ сказывалъ, что онъ подарилъ ему свой переводъ первой части «Анахарсиса» и склонилъ его переводить послѣднія. Непостижимо, какъ этотъ человѣкъ, при дѣятельности ума своего, живетъ безъ службы! Очень любитъ Москву. Онъ утверждалъ, что для людей, окончившихъ почему бы то ни было служебное поприще, нѣтъ лучшаго пріюта въ мірѣ, какъ Москва. При этихъ словахъ мнѣ пришли на память прекрасные стихи Карамзина:

Кто въ мірѣ и любви умѣетъ жить съ собою,
Тотъ радость и любовь во всѣхъ странахъ найдетъ;

а Булгаковъ, кажется, находилъ это счастіе повсюду, даже и въ Семибашенномъ Замкѣ, куда онъ заточенъ былъ Турецкимъ правительствомъ: оставаясь тамъ въ заключеніи болѣе двухъ лѣтъ, онъ умѣлъ не соскучиться и перевелъ «Всемірнаго Путешествователя», первую книгу гражданской печати, которую я читалъ въ моемъ дѣтствѣ. Я думаю, оттого-то я съ такимъ любопытствомъ смотрѣлъ на Булгакова и слушалъ его съ такою жадностью.

4 Апрѣля, Середа Святой недѣли. Христосъ Воскресе!

Праздничные визиты мои кончены: я обрыскалъ весь городъ. Мнѣ показалось, что нѣкоторые изъ самыхъ близкихъ моихъ знакомыхъ какъ-будто на меня дуются. Не знаю причины, что̀ я имъ сдѣлалъ. Не за то ли, что рѣдко у нихъ бываю? Да что̀ имъ во мнѣ? Чувствую, что съ каждымъ днемъ я становлюсь ничтожнѣе и скучнѣе. Они называютъ меня, какъ будто въ шутку, Нѣмцемъ; но это не шутка, а намёкъ, который я понимаю, хотя и безотчетно. Чтобъ отмстить имъ,

*) Муромцовой. П. Б.

я и въ самомъ дѣлѣ отправился къ Нѣмцамъ. Милая малютка Шредеръ въ первый разъ играла послѣ тяжкой своей болѣзни. Мать была такъ рада ея выздоровленію, что все представленіе проплакала отъ удовольствія. Эта чувствительность меня тронула; да и со времени пропѣтой ею мнѣ Русской пѣсни почти у самаго смертнаго одра бѣднаго Штейнсберга, я какъ-то очень полюбилъ эту хорошенькую женщину, несмотря на то, что она актриса, которыхъ я не великій поклонникъ. Въ управленіи Нѣмецкаго театра замѣтна большая перемѣна; по всему видно, что Штейнсберга нѣтъ, умнаго, добраго Штейнсберга, котораго обыкновенная поговорка была:

Ein jeder lerne seine Lection,
So wird es wohl im Hause flohn [1]).

Теперь всякій дѣлаетъ, что̀ хочетъ. Нехудо бы А. Муромцову заняться попристальнѣе своимъ дѣломъ; иначе, оно идти не можетъ, и ему предстоитъ худой конецъ: закрытіе театра, чего очень опасаются актёры. Куда имъ дѣваться? Не всѣ имѣютъ талантъ мамзель Штейнъ, вышедшей замужъ за Гебгардта и тотчасъ же опредѣленной на театръ Петербургскій. Впрочемъ, для меня теперь все равно: я и самъ скоро уѣду; но жаль старыхъ знакомцевъ: разбредутся Богъ вѣсть куда. Сказывали, что Арресто уѣхалъ въ Вѣну и что роль маркиза Позы въ «Донъ-Карлосѣ» играетъ теперь Кудичъ, который его не сто̀итъ.

7 Апрѣля, Субота. Пишутъ изъ Петербурга, что непремѣнно скоро опредѣленъ буду. Дай Богъ! Сколько молодыхъ людей, не старѣе меня лѣтами, давнымъ давно не только опредѣлены, но, по какому-то слѣпому счастію, имѣютъ уже и чины: кто переводчикъ, кто коллежскій ассессоръ; а есть нѣкто, Горяиновъ, который еще въ пансіонѣ у Ронка̀ былъ надворнымъ совѣтникомъ. Не знаю, какъ это дѣлается; только, признаюсь, хотѣлось бы того же и мнѣ; да, видно, не всякому на роду написано быть тѣмъ, чѣмъ кто хочетъ, а только тѣмъ, чѣмъ Богъ велитъ. Такъ будь же Его святая воля! Дарья Егоровна приписываетъ:

Weine nicht, es ist vergebens.
Jede Freude dieses Lebens
Ist ein Traum der Phantasie.
Mühe dich es zu vergessen,
Dass du einst ein Glück besessen;
Denke, du besasst es nie [2]).

---

[1]) Всякій учи свой урокъ, и въ домѣ будетъ хорошо.

[2]) Не плачь—это напрасно. Всякая радость здѣшней жизни есть греза нашей фантазіи. Постарайся забыть, что ты нѣкогда обладалъ счастіемъ; думай, что этого не было.

Это легко сказать, но трудно выполнить.

Года два назадъ, генералъ Чесменскій завелъ прекрасную фабрику разныхъ машинъ и орудій земледѣльческихъ. Теперь вошло въ моду ѣздить на обозрѣніе этой фабрики, и если бы дорога была лучше, то вся Москва поскакала бы любоваться заведеніемъ. Устройство на Англійскій манеръ и много рабочихъ людей изъ Англичанъ. Скептикъ Демидовъ утверждаетъ, что Москвичи ѣздятъ на фабрику не смотрѣть и не учиться, а сытно пообѣдать и попить хорошаго вина. Это легко можетъ быть; да зачѣмъ же придумывать все въ худую сторону?

Соученикъ мой, Николай Өедоровичъ Граматинъ, получившій золотую медаль и остающійся еще въ пансіонѣ для полученія степени кандидата, задумалъ состязаться съ профессоромъ своимъ, И. А. Геймомъ, въ изданіи Французско-русскаго лексикона. Нѣтъ сомнѣнія, что Граматинъ знаетъ по-русски лучше Гейма, но за то чрезвычайно смѣшонъ съ своими логическими выводами. Напр., слово accoucheur онъ переводитъ словомъ «повивальный дѣдъ».—«Да почему же accoucheur повивальный дѣдъ?» спрашивалъ его Проташинскій.—«А потому, что если есть повивальная бабка, такъ почему же не быть и повивальному дѣду? Вѣдь ремесло одно и тоже».—Ну какъ не вспомнить Эмина:

Коль есть въ планетахъ Раки,
Такъ почему жь не быть тамъ и моей собакѣ?

11 Апрѣля, Среда: Съ нынѣшняго дня Русскій театръ поступилъ въ казенное вѣдомство, и въ первый разъ актеры играли подъ названіемъ актеровъ императорскихъ. Давали драму: «Бѣдность и благородство души» и комедію: «Слуга двухъ господъ». Каждый изъ дѣйствующихъ лицъ выросъ на пол-аршина, кромѣ Плавильщикова и Сандуновыхъ, которые нѣкогда уже были придворными актерами. Впрочемъ, какъ эти господа ни скрываютъ свое удовольствіе, а оно написано на лицахъ ихъ. Бездѣлица! Имъ зачитаютъ все время бытности ихъ при частномъ театрѣ для полученія пенсіоновъ. Но для нѣкоторыхъ другихъ это событіе еще важнѣе: они пріобрѣтаютъ желанную букву г. къ своимъ фамиліямъ и, сколько я замѣтить могъ, Кураевъ, Волковъ, Лисицыны и tutti quanti съ театровъ Столыпина и князя Волконскаго ходятъ уже съ возвышенными главами, а нѣкоторые даже и съ отяжелѣвшими. Лисицынъ, на радости, безпрестанно пѣлъ изъ какой-то оперы, въ которой онъ играетъ роль слуги-дурака:

У насъ деревня близъ Китая,
Гдѣ очень, очень много чая!

«Слава Богу, что нѣтъ рому», сказалъ ему Зловъ, «а то бы ты съ чаемъ-то разомъ его выпилъ». Нашъ Петръ Васильевичъ очень смѣ-

шонъ: за словомъ въ карманъ не полѣзетъ. Графъ Растопчинъ очень любитъ Злова и приглашаетъ его иногда къ себѣ.

13 Апрѣля, Воскресенье. Обѣдалъ у Антонскаго съ Страховымъ, протоіереемъ Малиновскимъ, Мерзляковымъ, Буле, Двигубскимъ, Буринскимъ и Петромъ Ивановичемъ, которому онъ поручилъ непремѣнно привезти меня.—«Своего-та привезите», сказалъ онъ Петру Ивановичу, «мы съ нимъ жили-та не въ большомъ ладу, надобно помириться-та». Сверхъ чаянія моего, обѣдъ былъ очень веселый и очень сытный. Говорили большею частью о новыхъ университетахъ: Харьковскомъ и Казанскомъ, открытыхъ въ прошедшемъ году; хвалили очень выборъ кураторовъ: графа Потоцкаго и Румовскаго. Страховъ утверждалъ, что они отлично знаютъ свое дѣло. Превозносили Государя, который такъ печется о распространеніи просвѣщенія, и удивлялись, какъ въ такое безпокойное военное время онъ успѣваетъ всѣмъ заниматься. Страховъ спрашивалъ Буле и Двигубскаго, готовятъ ли они что-нибудь къ торжественному акту? Буле отвѣчалъ, что онъ намѣренъ написать диссертацію *о лучшемъ способѣ сочинить исторію народовъ, населявшихъ Россію прежде IX вѣка*; а Двигубскій объявилъ, что будетъ говорить *о нынѣшнемъ состояніи земной поверхности*. Слава Богу! Это ужъ не прежнія сухія разсужденія, никого неинтересующія; слѣдовательно, на актѣ будутъ говорить и слушать дѣльное. Отецъ Ѳеодоръ сказывалъ, что и онъ, на старости лѣтъ, хочетъ произнести, можетъ-быть въ послѣдній разъ, написанное уже имъ слово о томъ, что *милость есть главная обязанность, достойная человѣка, и вмѣстѣ собственное его благополучіе.* Пили за здоровье Государя, министра просвѣщенія, куратора и Страхова, какъ ректора университета; а при концѣ обѣда хозяинъ предложилъ выпить и заупокойную чашу въ воспоминаніе почтеннаго Харитона Андреевича, скончавшагося въ началѣ прошлаго года. Между прочимъ, Страховъ объявилъ, что мы, наконецъ, будемъ имѣть краткую исторію университета, которою занимается Павелъ Аѳанасьевичъ Сахацкій, по давнему желанію куратора М. Н. Муравьева.

18 Апрѣля, Среда. Наши опять будутъ жить лѣтомъ въ Липецкѣ и поручили мнѣ закупить запасъ вина. Я не очень радъ этой коммиссіи, потому что вина вздорожали. Я боюсь сдѣлать имъ пренепріятный сюрпризъ: они не ожидаютъ такихъ цѣнъ. Говорятъ, что еще будетъ дороже съ возвышеніемъ курса на серебро и золото. Серебряный рубль ходитъ уже 1 рубл. 31 коп., имперіалъ—13 рубл. 30 коп. и червонецъ 3 рубл. 98 коп. Цѣна вину лучшихъ сортовъ слѣдующая: Шампанское

3 рубл. 50 коп. бут., Венгерское 3 руб., рейнвейнъ 2 р. 50 к., малага 1 рубл. 25 коп., мадера 1 р. 50 коп., медокъ ведро 9 р., францвейнъ 8 рубл., водка Бордоская 3 р. 50 коп. штофъ. Но пусть уже это вина Французскія, и возвышеніе на нихъ цѣны можетъ имѣть причину въ возвышеніи курса на золото и серебро; да за что же вина и водки Русскія также въ цѣнахъ возвышаются? Напримѣръ, бутылка горскаго стоитъ 1 рубль 50 коп., Цимлянскаго 1 рубль, и Кизлярской водки штофъ 2 рубля. Очень непріятно, а между тѣмъ дѣлать нечего, и купить надобно.

Если опредѣленіе мое въ службу замедлится, то я и самъ уѣду въ Липецкъ, и тогда снабди меня однимъ изъ Дураковъ моихъ. Впрочемъ, все должно рѣшиться недѣли черезъ двѣ. Въ первыхъ числахъ Мая Альбини будутъ проѣздомъ въ Москвѣ, и я достовѣрно узнàю, чего мнѣ ожидать должно.

23 Апрѣля, Воскресенье. Сегодня на Нѣмецкомъ театрѣ «Das neue Sonntagskind», а на Русскомъ *Крестьянинъ маркизъ или колбасники*, Паэзіелло. Меня подмывало и туда и сюда, но я рѣшился измѣнить Нѣмцамъ для Сандуновой и Волкова—и раскаялся: въ Нѣмецкомъ театрѣ проболталъ бы, по крайней мѣрѣ, за кулисами съ Нѣмецкими чечотками и похохоталъ надъ уморительнымъ Коропомъ въ роли нашего брата, недоученаго студента; а то просидѣлъ три часа на партерной лавкѣ съ какимъ-то купцомъ, который не давалъ мнѣ слушать музыки своими вопросами, примѣчаніями и замѣчаніями. Выйдетъ ли па сцену Сандунова—вопросъ: «Вѣдь это, батюшка, Сандуниха?»—«Да-съ.»—«Вишь какая здоровенькая!»—«Да-съ.»—Появится ли Волковъ: «Вѣдь это, батюшка, тотъ, что̀ Тарабара-то представляетъ?»—«Да-съ.»—«Вишь какой красноносый! А зачѣмъ же, батюшка, онъ въ парикѣ?» —«Такъ надо-съ.»—«А отчего же, батюшка, онъ какъ будто по-собачьи лаетъ?» — «Такъ надобно-съ.»—«Этакой Маркобрунъ! А позвольте спросить, мой отецъ, вѣдь это комедія что ли?»—«Нѣтъ-съ, опера.»—«Такъ-съ!» Словомъ, душу вытянулъ, злодѣй, надоѣлъ до смерти! Сказывали, что цѣны на ложи и кресла будутъ прибавлены, но партеръ останется въ прежней цѣнѣ.

При выходѣ изъ театра встрѣтилъ генерала Петра Семеновича Муравьева, пріѣхавшаго изъ деревни нарочно для скачекъ, которыя начнутся съ 6-го Мая. Онъ привелъ трехъ скакуновъ для состязанія съ лошадьми графа Орлова, и говоритъ, что надѣется обскакать ихъ. Не мудрено: въ прошломъ году выигралъ жеребецъ его *Травлеръ*; правда, что онъ былъ выписной, а лошади графа Орлова и другихъ охотниковъ доморощенныя. Петръ Семеновичъ обѣщался свозить меня

на Донское Поле посмотрѣть на приготовленіе лошадей его къ скачкѣ. Не знаю, сдержитъ ли слово, но, признаюсь, поѣхалъ бы съ нимъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Онъ далъ мнѣ печатное объявленіе объ этихъ скачкахъ, съ котораго вотъ и списокъ.

«Назначаются на Донскомъ Полѣ скачки по 500 рублей каждая, съ подпискою за каждую лошадь по 100 рублей. Каждая скачка съ перескачкою.

	Для лошадей. Лѣта.	Дистанція. Версты.	Вѣсъ. Пуды.	Фунты.
6 Мая	5	6	3	15
14 »	4	4	3	6
21 »	5	6	3	15
27 »	3	2	3	6
3 Іюня	3	2	3	6
10 »	5	6	3	15
17 »	4	4	3	6
25 »	5	6	3	15
	6	—	3	19
	7	—	3	23

«Если трехлѣтки поскачутъ съ старшими лошадьми, то имъ имѣть 2 п. 20 ф.»

27 Апрѣля, Пятница. По случаю помолвки Луизы Эренталь съ майоромъ Безсоновымъ, пасторъ Гейдеке послалъ ей черный вуаль при прекрасныхъ стихахъ. Перевожу ихъ буквально прозою: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

«Къ грѣшницѣ».

„Какъ бываетъ сладостно сердцу, когда случается встрѣтить такое доброе и милое существо, какъ ты, Луиза, хотя доселѣ и была ты опутана страстями! Но если Богъ милосердствуетъ къ бѣднымъ грѣшникамъ. Если прощаетъ Богъ, то какъ смѣетъ не простить человѣкъ? Не отчаявайся ты, слабая дѣва: въ искренности покаянія твоего заключается твое искупленіе. Тому, кто прибѣгаетъ къ раскаянію, Всемогущій внезапно ниспосылаетъ лучшій изъ даровъ Своихъ—святую, многожеланную надежду. А я, твой вѣрный, почти отжившій уже другъ, посылаю тебѣ печальное покрывало покаянія: прикрой имъ все твое прошедшее, всѣ бѣдственныя случайности твоей жизни".

Разумѣется, что это слабая копія съ прекраснаго оригинала. Гейдеке изъ всякаго случая всегда выведетъ поэтическое и вмѣстѣ христіанское заключеніе. Былъ у Всеволожскихъ. Сказывали, что будто-бы въ Москву назначается другой губернаторъ и что самъ Александръ Андреевичъ просится въ отставку. Не думаютъ, однакожъ, чтобъ его отпустили, а развѣ дадутъ другое назначеніе.

Оберъ-прокуроръ Боборыкинъ разсказывалъ, что онъ опредѣлилъ къ себѣ въ канцелярію одного пріѣзжаго изъ Орла, бѣднаго гимназиста, вотъ по какому случаю. Этотъ гимназистъ, Корнильевъ, сынъ

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЕЙ КНИГИ

РУССКАГО АРХИВА 1890 ГОДА.

(Выпуски 9, 10, 11 и 12).

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1891 года.

(Годъ двадцать девятый).

Русскій Архивъ въ 1891 году будетъ издаваться на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прежнія XXVIII лѣтъ.

Двѣнадцать тетрадей „Русскаго Архива" 1891 **года** составить три отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1891 году съ пересылкою и доставкою — **девять рублей. Для** Германіи—**одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ**, Сергіевская улица, домъ 60-й, кв. 21 (докторъ Л. Ѳ. Змiевъ), Колокольная, въ книжномъ складѣ Березовскаго и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся непригодными къ печати, „Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно отъ 10 до 4 часовъ дня.

Для личнаго объясненія по дѣламъ „Русскаго Архива" издателя можно видѣть по **Четвергамъ** отъ 9 до 12 ч. утра.

Годовыя изданія „Русскаго Архива" 1881, 1884, 1886, 1887, 1888, 1889 и 1890 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива" вышли изъ обыкновенной продажи.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" П. Бартеневъ.